

MEDIAEVALIA

MAGISTRI ADAM BREMENSIS
GESTA HAMMABURGENSIS
ECCLESIAE PONTIFICUM

HELMOLDI PRESBYTERI BOZOVIENSIS
CHRONICA SLAVORUM

ARNOLDI ABBATIS LUBECENSIS
CHRONICA SLAVORUM

Серия «MEDLÆVALIA:
средневековые литературные памятники и источники»
основана в 2005 г.

АДАМ БРЕМЕНСКИЙ,
ГЕЛЬМОЛЬД ИЗ БОСАУ,
АРНОЛЬД ЛЮБЕКСКИЙ

СЛАВЯНСКИЕ ХРОНИКИ

Москва
«РУССКАЯ ПАНОРАМА»
2011

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

Перевод, комментарии и указатели к «Деяниям архиепископов
Гамбургской церкви» Адама Бременского и «Славянской хронике»
Арнольда Любекского выполнены И.В.Дьяконовым

Хроника Гельмольда печатается по изданию:
Гельмольд. Славянская хроника / Предисловие, перевод и
примечания Л.В.Разумовской. – М., 1963

Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский

А28 СЛАВЯНСКИЕ ХРОНИКИ / Перевод с лат. И.В.Дьяконова, Л.В.Разумовской, редактор-составитель И.А.Настенко. – М.: «СПСЛ», «Русская панорама», 2011. – 584 с., ил. – (MEDIÆVALIA: средневековые литературные памятники и источники).

ISBN 978-5-93165-201-6

В книге собраны три хроники: Адама Бременского «Деяния архиепископов Гамбургской церкви», Гельмольда из Босау «Славянская хроника» и Арнольда Любекского с тем же названием. Вместе они представляют непрерывную летопись событий на протяжении более чем трех столетий на одной и той же территории (на севере нынешней Германии) и являются важными источниками по истории, культуре, быту южнобалтийских славян и их борьбе против немецкой экспансии.

Хроника Адама Бременского («Деяния архиепископов...») впервые издается целиком в новом переводе, «Славянская хроника» Арнольда Любекского на русском языке публикуется впервые.

Для студентов гуманитарных специальностей вузов, научных работников, а также широкого круга любителей истории.

ББК 84(4Гем) 4

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	6
<i>Адам Бременский. ДЕЯНИЯ АРХИЕПИСКОПОВ ГАМБУРГСКОЙ ЦЕРКВИ</i>	7
Книга первая	8
Книга вторая	35
Книга третья	63
Книга четвертая	99
Схолии	118
Примечания и комментарии	131
<i>Гельмольд из Босау. СЛАВЯНСКАЯ ХРОНИКА</i>	151
Книга первая	132
Книга вторая	245
Примечания и комментарии	283
<i>Арнольд Любекский. СЛАВЯНСКАЯ ХРОНИКА</i>	305
Книга первая	307
Книга вторая	322
Книга третья	341
Книга четвертая	367
Книга пятая	387
Книга шестая	428
Книга седьмая	450
Примечания и комментарии	475
ПРИЛОЖЕНИЯ	489
<i>Вернер Трильмих. «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского. (Перевод с нем. и дополнения И. В. Дьяконова)</i>	490
<i>Л. В. Разумовская. Гельмольд и его «Славянская хроника». (Предисловие к изд. 1963 г.)</i>	508
<i>И. М. Лаппенберг. «Славянская хроника» аббата Арнольда Любекского. Из введения к изданию в МГ. (Пер. с нем. и дополн. И. В. Дьяконова)</i>	522
Списки епископов католических епархий на территориях, заселенных южнобалтийскими славянами в IX – начале XIII вв.	539
Карты	542
Указатель имен	550
Указатель географических названий	569

От издателей

В книге собраны три произведения: хрониста Адама Бременского (Adam von Bremen, ум. после 1081) «Деяния архиепископов Гамбургской церкви», священника и миссионера Гельмольда (Helmold, ок. 1125 – после 1177) «Славянская хроника» и аббата Арнольда Любекского (Arnold von Lubeck, ум. 1212), продолжившего труд Гельмольда под тем же названием. Вместе они представляют непрерывную летопись событий на протяжении почти трех столетий на одной и той же территории (на севере нынешней Германии).

Хроника Адама, каноника собора в Бремене, («Деяния архиепископов...») (ок. 1075, в 4 кн.) написана по древним рукописям и является единственным столь подробным источником по истории, быту, культуре, географии северных скандинавских и славянских народов, а также по истории славяно-германских отношений.

«Славянская хроника» Гельмольда является как бы продолжением труда Адама Бременского, описав в ней события за период, освещенный у Адама, Гельмольд продолжил свое изложение, закончив его 1171 годом. События XII века описаны им на основании собственных наблюдений и сведений, полученных от современников. Несмотря на ярко выраженную тенденциозную немецкую католическую точку зрения и фактические неточности, «Хроника» Гельмольда – один из главных (а для ряда случаев и единственный) источников по истории полабов, вагров, бодричей и некоторых других славянских племен. В «Славянской хронике» славяне занимают хотя и значительное, но не самое большое место. Большая часть «Хроники» отведена истории Германии, Дании, а также истории церкви и жизнеописанию отдельных ее представителей, поэтому «Хроника» представляет интерес не только для историков-славистов, но и для историков-специалистов в этих областях.

Арнольд, монах, а впоследствии аббат из Любека, поместил последнюю главу «Славянской хроники» Гельмольда в качестве первой главы своего труда и продолжил хронику, доведя ее до 1209 г. Он описывает историю главным образом полабских славян на последнем этапе их борьбы против германской феодальной агрессии.

Хроника Адама Бременского («Деяния архиепископов Гамбургской церкви») издается в новом переводе, «Славянская хроника» Арнольда Любекского на русском языке публикуется впервые. Все три хроники имеют общие указатели имен и географических названий, что потребовало внесения соответствующих изменений в сделанный значительно ранее перевод «Славянской хроники» Гельмольда.

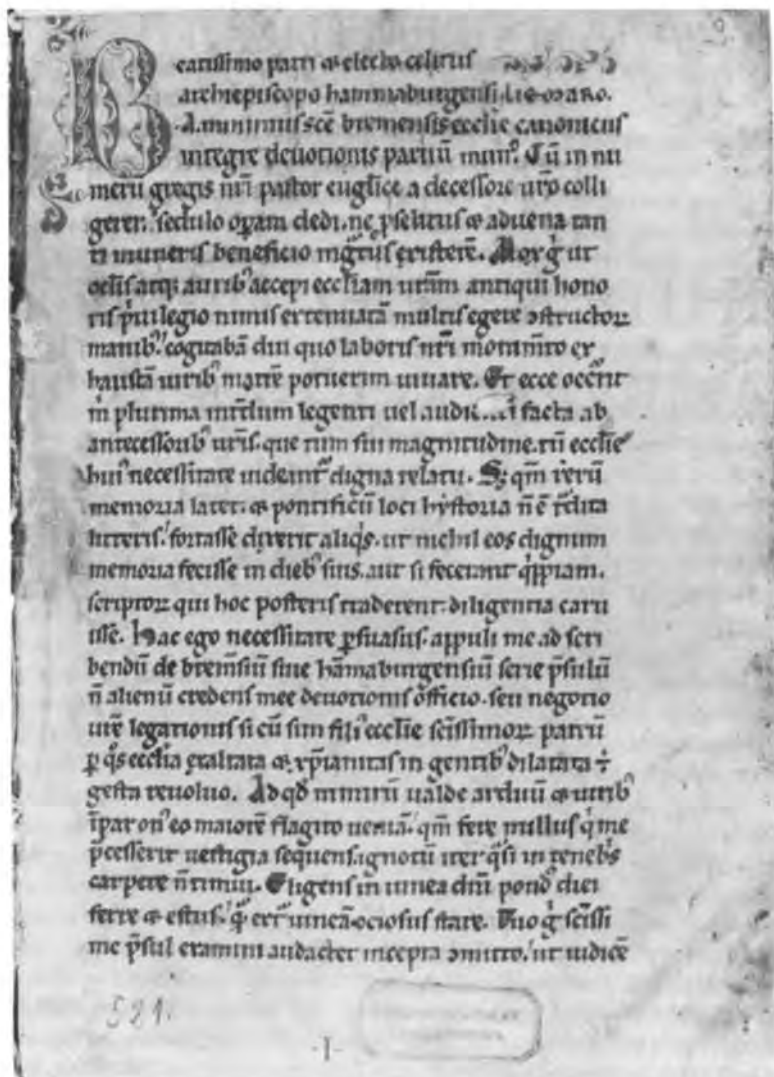
АДАМ БРЕМЕНСКИЙ

ДЕЯНИЯ АРХИЕПИСКОПОВ
ГАМБУРГСКОЙ ЦЕРКВИ

в 4 книгах

Первая страница манускрипта Адама Бременского с посвящением
 архиепископу Лиемару (1072–1101)
 («Beatissimo patri et electo celitus archiepiscopo Hammaburgensi Liemaro A.,
 minimus sanctae Bremensis ecclesiae canonicus...»)

КНИГА ПЕРВАЯ

Блаженнейшему отцу и избраннику небес, архиепископу Гамбургскому Лиамару¹, А[дам], нижайший каноник святой Бременской церкви, с глубочайшим благоговением посвящает сей малый дар.

О евангельский пастырь! С тех пор как я был принят вашим предшественником² в состав вашей паствы, я, «прозелит и пришелец»³, прилагал многочисленные усилия к тому, чтобы не оказаться неблагодарным за столь великое благодеяние. Итак, вскоре я «увидел и услышал»⁴, что церковь ваша чересчур умалена в привилегиях древней чести⁵ и сильно нуждается во многих руках строителей, а потому долго думал, каким памятником нашего труда я мог бы помочь обессиленной матери. Так вот, я много читал и много слышал о совершённых вашими предшественниками деяниях, которые кажутся достойными упоминания как благодаря своему величию, так и ввиду необходимости этого для церкви. Но, поскольку память об этих событиях угасает, а история местных епископов ещё никем не написана, то возможно кто-нибудь скажет, «что либо они не сделали в свои дни ничего достойного памяти, либо если что-то и сделали, то у писателей, которые должны были передать это потомкам, не было к тому особого рвения»⁶. Движимый этой необходимостью я и приступил к написанию труда о епископах Бременских или Гамбургских, считая прямым долгом моего благоговения и делом вашей миссии, если я, сын церкви, оживлю деяния святейших отцов, благодаря которым возвысилась наша церковь и христианство распространилось среди язычников.

Я прошу о снисхождении к этому чрезвычайно трудному и превосходящему мои возможности произведению с тем большим основанием, что я, почти не имея предшественников, по следам которых мог бы идти, не побоялся вступить на незнакомый путь и, «пробираясь на ощупь во мраке»⁷, предпочёл «переносить в винограднике Господнем тягость дня и зной, нежели праздно стоять вне виноградника»⁸. Так вот, о святейший епископ, я смело доверяю моё начинание твоему суждению и умоляю тебя быть мне судьёй и защитником, хотя знаю, что не могу предложить тебе ничего соответствующего твоей мудрости, ибо ты прошёл уже этап светской мудрости и с тем большей славой поднялся ныне к изучению божественной философии, «презрев земное и помышляя только о небесном»⁹. Своей учёностью и правдивостью, словом и пастырским примером ты легко превосходишь очень многих, но наибольшей из твоих добродетелей является смирение, которое делает тебя снисходительным ко всем и придаёт мне уверенности, так что я, косноязычный, дерзаю говорить с философом и казаться «Саулом во пророках»¹⁰. Тем не менее я знаю, что у меня, – как то обычно бывает при всяком новом

деле, – найдётся множество противников, которые скажут, что всё это выдумки и басни, как те сны Сципиона, что выдуманы Туллем, и, возможно, добавят, что всё это вышло через роговые ворота Марона¹¹. Однако наше намерение – угодить не всем, но только тебе, отец, и твоей церкви. Ибо чрезвычайно трудно угодить завистникам. Но, поскольку того требует злоба недоброжелателей, я признаюсь тебе, из каких лугов сплёл я этот венок, чтобы не сказали потом, будто я вместо истинного создал лживый образ. Итак, из того, что я написал, я кое-что собрал по различным источникам, многое взял из римских историй и грамот, но ещё больше узнал из устных преданий стариков, которым были ведомы эти события, беря в свидетели саму истину, что я ничего не «пророчил от собственного сердца»¹², ничего не утверждал безосновательно. Всё, что я намерен изложить, я подкреплю правдивыми свидетельствами, чтобы в том случае, если не поверят мне, то оказали доверие по крайней мере их авторитету. Пусть все знают, что и в этом труде, и в «прочих дерзаниях»¹³ я не стремлюсь стяжать себе славу как историк и не боюсь подвергнуться осуждению как лжец; однако, если я не смогу сделать это хорошо, то я оставил прочим материал для того, чтобы написать лучше.

Итак, начав со вступления на престол св. Виллехада, когда вся Саксония была подчинена оружием франков и в ней было введено почитание Бога, я завершаю свою книжицу твоим спасительным вступлением в должность, и одновременно прошу Всемогущего Бога о милосердии, чтобы Он, который поставил тебя пастырем над его долгое время заблудшим и несчастным народом, благословил твои труды, устранив в твои дни возникшие среди нас неправды и навсегда сохранив исправленное. И пусть Иисус Христос, Господь наш, «чьё царство не имеет конца»¹⁴ во веки вечные, позволит тебе побыстрее завершить то, что было энергично начато твоими предшественниками в деле обращения язычников, ибо к тебе по наследству перешла их миссия проповедовать во всём северном крае¹⁵. Аминь.

1. Поскольку Гамбург был некогда крупнейшим городом Саксонии, то мы считаем, что при написании истории Гамбургской церкви будет отнюдь не лишним и не напрасным рассказать прежде о народе саксов и о природе этой провинции то, что оставили в своих трудах учёнейший муж Эйнхард¹⁶ и другие не менее известные авторы. «Саксония, – говорят они, – является немалой частью Германии и, как полагают, вдвое шире той её части, что населена франками, хотя, возможно, и равна ей по длине»¹⁶. Она представляет собой равносторонний треугольник¹⁷, первый угол которого протянулся на юг до самого Рейна; второй, беря начало у прибрежной области Хадельн¹⁸, тянется вдоль Эльбы на восток до реки Заале, где находится третий угол. Итак, от одного угла до другого примерно восемь дней пути, кроме той части Саксонии, что расположена по ту сторону Эльбы и населена вверх сорбами¹⁹, а вниз – нордальбингами²⁰. Саксония славится своими мужами, оружием и плодами. Не считая редких холмов, она почти всюду представляет собой широкую равнину. В ней нет разве что сладкого вина, все остальные продукты она производит самостоятельно. Почва везде плодородна, богата лугами и лесами. На подходе к Тюрингии, а также к Заале и Рейну она прямо-таки тучная, хотя в других местах качество

Schol. 1

её резко ухудшается; так, в районе Фризии она болотистая, а возле Эльбы – песчаная. Но и там провинцию орошает множество прекрасных и весьма полезных рек.

2. Наиболее крупными реками Саксонии являются Эльба, Заале и Везер, который зовётся ныне Виссула или Верра²¹. Он берёт начало в тюрингенском лесу, также как и Заале. Затем, протекая в среднем течении по Саксонии, он впадает в океан по соседству с фризами. Однако самой крупной из них, – как то свидетельствуют уже римляне, – является Эльба, которая зовётся ныне Альбия. Её истоки, как говорят, лежат по ту сторону Чехии, а в последующем течении она отделяет славян от саксов²². Возле Магдебурга в неё впадает река Заале, а неподалёку от Гамбурга Эльба впадает в океан. [Четвёртой из крупных саксонских рек является Эмс, который отделяет вестфалов от прочих народов этой провинции. Он берёт начало в падерборнском лесу и, протекая через земли фризов, впадает в Британский океан].

3. На вопрос о том, кто изначально населял Саксонию или из каких земель впервые вышел этот народ, отвечу то, что нам стало известно из многих старинных сочинений, а именно, что этот народ, также как и почти все народы, живущие на земле, по тайному промыслу Божьему не единожды переходил «из царства к иному племени»²³, а провинции получали названия по имени победителей. Ведь, если верить римским писателям, то первыми в районе Эльбы проживали свевы²⁴, а соседями их были дриады, барды, сикамбры, гунны, вандалы, сарматы, лангобарды, герулы, даки, маркоманны, готы, норманны и славяне. Уйдя из своих мест из-за скудости родной земли и по причине внутренних раздоров, чтобы, как говорится, «уменьшить численность населения»²⁵, они заплотонили всю Европу и Африку. О древности саксов упоминают Григорий Турский и Орозий в таких словах: «Саксы, – говорят они, – это крайне дикий народ, страшный своей храбростью и неуловимостью и живущий на берегу океана, в непроходимых болотах; когда он вздумал совершить опаснейшее вторжение в земли римлян, то его сокрушил император Валентиниан»²⁶. Затем саксы заняли Галлию, но были побеждены Сиagriем, римским полководцем, а острова их захвачены²⁷. Итак, вначале саксы проживали в районе Рейна [и звались англами]²⁸; часть их перешла оттуда в Британию и изгнала с этого острова римлян; а другая часть, захватив Тюрингию, удержала за собой этот край²⁹. Об этом вкратце упомянул Эйнхард, начав тем самым свою историю.

4. «Народ саксов, – говорит он, – происходит, согласно старинным преданиям, от англов, жителей Британии; переплыв в поисках новых мест обитания через океан, они пристали к берегам Германии в месте, что зовётся Хадельн, в то время как Теодорих³⁰, король франков, сражался против своего зятя Ирминфрида, герцога тюрингов, и жестоко опустошал их землю огнём и мечом. Когда они сразились уже в двух битвах с неясным исходом и без решительной победы и обе стороны понесли большие потери, Теодорих, отчаявшись уже в победе, отправил послов к саксам, чьим герцогом был Хадугато. Узнав о причине прибытия саксов, он обещал им в случае победы места для поселения и тем самым привлёк их к себе на помощь.

Поскольку теперь они храбро сражались вместе с ним, ведя борьбу за свободу и отчизну, он одолел противников. Когда местные жители были разорены и чуть ли не полностью истреблены, он, согласно своему обещанию, передал победителям их землю. А те разделили её по жребию, но поскольку многие из них пали в бою и они из-за своей малочисленности не могли занять её целиком, то часть её, в особенности, ту, что обращена на восток, они передали для обработки отдельным колонам при условии уплаты дани за свои наделы. Остальные же места перешли в их непосредственное владение³¹.

5. К югу от них проживают франки и часть тюрингов, которых не коснулась предыдущая вражеская буря и которые отделены течением реки Унштрут. На севере живут норманны, чрезвычайно дикие племена, на востоке – ободриты³², а на западе – фризы³³. Саксы непрерывно защищают от них свою территорию либо посредством договоров, либо путём необходимых сражений. Ибо, хоть саксы и были чрезвычайно беспокойны и тягостны своим соседям, но дома они миролюбивы и с дружеским радушием заботятся о благе своих земляков.

6. Проявляя также величайшую заботу о крови и благородстве своего рода, они редко «вступают в брак с представителями иных, тем более подчинённых им народов, стараясь остаться самобытным и похожим только на самого себя народом. Поэтому и облик, и размер тел, и цвет волос у всех у них практически одинаковы, насколько это возможно среди такого числа людей»³⁴. Этот народ состоит из четырёх сословий, а именно: из знати, свободных граждан, вольноотпущенников и рабов³⁵. Законом установлено, что ни одна группа при вступлении в брак не может выходить за рамки своего сословия. Так, знатный должен жениться на знатной, свободный – на свободной; вольноотпущенник должен брать в жёны отпущенницу, а раб – рабыню. Если же кто-нибудь из них возьмёт в жёны девушку из иного, причём более высокого рода, тот заплатит за это своей жизнью. Они пользуются для наказания преступников прекрасными законами и стараются вести полезную и достойную жизнь согласно законам природы и в чистоте нравов. Всё это могло бы помочь им обрести истинное блаженство, если бы они знали своего творца и не были так далеки от истины его почитания.

7. ³⁶Ибо они почитают богов, которые «в сущности своей никакие не боги»³⁷; среди них саксы особо почитали Меркурия³⁸ и обычно приносили ему в определённые дни даже человеческие жертвы. Они полагали, что богов нельзя ни заключать внутри храмов, ни придавать им какие-либо черты сходства с человеческим обликом ввиду величия и достоинства небожителей. Посвящая им рощи и дубравы, они называли их именами богов, и взирали на то или иное святилище с исключительным благоговением. Они весьма почитали приметы и гадания с помощью жребия. Обычай тянуть жребий был весьма прост. Срубленную с плодового дерева ветку они разрезали на отдельные плашки и, нанеся на них особые знаки, высыпали затем без всякого порядка и наудачу на белую ткань. Вслед за тем, если гадание произ-

водилось в общественных целях, жрец племени, – если же частным образом, то отец семейства, – помолившись богам и устремив взор к небу, трижды вынимал по одной плашке и толковал предрекаемое в соответствии с вырезанными на них заранее знаками. Если плашки сулили неудачу, то повторный запрос об этом же деле в тот день более не производился. Если же ответ был положительным, то требовалась проверка полученных результатов.

(8.) Этому народу было свойственно узнавать будущее по голосам и полёту птиц, а также искать знамения в поведении лошадей, наблюдать за ихфырканием и ржанием. Никакому предзнаменованию не было большей веры, чем этому, и не только у простого народа, но и среди знати. Был также другой способ гадания, посредством которого они обычно выясняли исход тяжёлых войн. В этом случае они сталкивали в поединке захваченного ими в тех или иных обстоятельствах пленника из того народа, с которым предстояло воевать, с избранным мужем своего племени, причём каждый из них сражался отечественным оружием; победа того или другого предрекала соответственно их будущую победу или поражение³⁶. Однако о том, как³⁹они собирались в определённые дни, [либо когда луна только что появилась, либо в полнолуние], – ибо они считали это время наиболее благоприятным для совершения тех или иных действий³⁹, – а также о соблюдении ими многих других пустых суеверий, которыми они были опутаны, я умолчу. Всё это я упомянул для того, чтобы мудрый читатель понял, от какого мрака заблуждений они освободились благодаря милости Божьей, когда Он светом истинной веры соизволил привлечь их к признанию своего имени. ⁴⁰Ибо они, как и почти все живущие в Германии народы, были воинственны по природе, преданы почитанию демонов и, являясь противниками истинной религии, не считали нечестивым ни нарушать, ни преступать как божественные, так и человеческие законы⁴⁰. Они оказывали уважение покрытым листвою деревьям и источникам. Немалой величины деревянный столб, устремлённый в небо, они почитали как бога, называя его на родном языке «Ирминсул»⁴¹, что означает по-латински «колонна мира», ибо на ней держится всё сущее. Эти отрывки о появлении, нравах и суевериях саксов мы взяли из сочинений Эйнхарда; те же языческие обычаи до сих пор сохраняются у славян и шведов.

8 (9). Пришло время рассказать о том, ⁴²как суровый народ саксов пришёл к признанию имени Божьего⁴² и какие проповедники привлекли его ⁴³к нормам христианской религии⁴³. Однако прежде мы упомянем о войне, которую Карл долгое время вёл с саксами, и одновременно укажем причины этой войны⁴⁴. Так, мы читали, что тюринги, саксы и прочие народы, живущие в районе Рейна, издавна платили дань франкам. Но затем они отпали от их королевства, так что Пипин, отец Карла, начал против них войну, которую его сын вёл с гораздо большим успехом⁴⁵. Историк Эйнхард упоминает о ней в кратком эпилоге в таких словах: ⁴⁶«Итак, была начата война против саксов, которая велась в течение 33-х лет с большим мужеством и с той, и с другой стороны, однако с большим ущербом для саксов, чем для франков. Она могла закончиться и быстрее, если бы не вероломство саксов.

9 (10). Когда все, которые имели обыкновение сопротивляться, были сокрушены и подчинены власти короля, саксы приняли выдвинутое им условие: отвергнув почитание демонов и оставив отеческие обряды, они должны принять таинства христианской веры и, объединившись с франками, составить с ними единый народ; так завершилась война, которая велась столько лет»⁴⁶. А теперь мы готовы приступить к описанию духовных побед; начнём с проповедников, которые обратили к божественной вере наиболее дикие народы Германии.

10 (11). Первым из всех, кто привлёк к признанию Бога и христианской религии преданные идолопоклонству южные земли Германии, был Винифред, родом англ, истинный мудрец Христов, которому позднее по достоинству было дано имя Бонифаций⁴⁷. И хотя другие авторы уверяют, что Галл в Алемании или Эммерамм в Баварии, Кириан во Франкнии или Виллиброрд во Фризии⁴⁸ первыми возвестили слово Божье, он, как апостол Павел, «превозшёл всех прочих рвением и словом проповеди»⁴⁹. Ибо он, как сказано в его «Деяниях», ⁵⁰опираясь на авторитет апостольского престола, принял миссию к язычникам и просветил церквями, учением и добродетелями тевтонские народы, у которых ныне живёт и процветает «величие Римской империи»⁵¹ и почитание службы Божьей. Он разделил также их земли на епархии и в качестве первых плодов своего труда посвятил Христу и церкви франков по эту сторону Рейна, гессов и тюрингов, которые живут на границе с саксами. Наконец, у фризов, которых он ещё прежде обратил к вере, он был увенчан сиятельной короной мученичества. Его деяния были в полной мере описаны его учениками⁵⁰, которые говорят, что он принял смерть с более 50 своими соратниками в 37-й год своего пребывания в должности^{2*}, то есть в 755 году от воплощения Господня, в 14-й год Пипина Младшего⁵².

Schol. 2

11 (12). После мученической смерти св. Бонифация Виллехад⁵³, также англ, пылая страстью к мученичеству, поспешил во Фризию. Там, расположившись у могилы блаженного мученика⁵⁴, он принял раскаявшихся в содеянном язычников и крестил многие тысячи уверовавших. Затем, обойдя с учениками всю эту провинцию, он, как говорят, сокрушал идолы и привлекал племена к почитанию истинного Бога. Тогда же, как пишут, язычники в ярости бросались на него с палками и приговорили его к смерти, но милость Божья, как видно, готовила его к большему, хотя он и стремился изо всех сил к мученичеству. После этого он был отправлен королём Карлом в Саксонию⁵⁵, и первым из церковных наставников призвал приморские и северные земли Саксонии, а также племена трансальбианов к христианской вере. Семь лет проповедовал он в этом крае вплоть до двенадцатого года восстания саксов, когда Видукинд, начав гонения против христиан, опустошил франкские земли до самого Рейна⁵⁶. В ходе этих гонений некоторые из учеников св. Виллехада были замучены в Бремене, многие – во Фризии, а остальные – по ту сторону Эльбы⁵⁷. Поэтому исповедник Божий, ожидая ещё большей пользы от обращения очень многих, бежал, согласно евангельскому указанию, «из одного города в другой»⁵⁸, а когда его спутники рассеялись ради проповеди по разным местам, вместе с

Лиутгером прибыл в Рим. Там они были поддержаны святейшим папой Адрианом, после чего Лиутгер вернулся в Монтекассино к исповеданию св. Бенедикта, а Виллехад отправился в Галлию к могиле св. Виллиброрда⁵⁹. Итак, в течение двух лет и тот и другой предавались созерцательной жизни, усердно молясь за гонителей и народ саксов, дабы «враг людской не подмешал плевелы к семенам слова Божьего»⁶⁰ и исполнилось в них то, что сказано в Писании: «Много может усиленная молитва праведного»⁶¹. Все эти отрывки мы взяли из его «Жизни». И вот по прошествии двух лет, то есть в 18-й год правления Карла, Видукинд, главный виновник мятежа, пришёл к Карлу и крестился вместе с другими саксонскими вельможами⁶², после чего Саксония была подчинена и обращена в провинцию. Тогда же она была разделена на 8 епископств и подчинена Майнцскому и Кёльнскому архиепископам⁶³. Грамота относительно этого раздела, хранящаяся ныне по приказу короля в Бременской церкви, выглядит следующим образом:

12 (13). «Во имя Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа!

Поскольку мы, Карл, волей промысла Божьего король, одержали с помощью Господа Бога, повелителя войска⁶⁴, победу в войне и обрели благодаря Ему, а не нам славу, то надеемся заслужить мир и благоденствие в этом мире и обрести вечную награду в будущем. Поэтому пусть знают все верующие во Христа, что саксам, которые всегда были неподвластны нашим предкам и столь долго бунтовали против Бога и нас, пока мы благодаря Его, а не нашей силе не победили их в войне и не подвигли по милости Божьей к крещению, мы возвращаем прежнюю свободу, во имя любви к Тому, кто даровал нам победу, освобождаем их от всех причитающихся нам поборов и смиренно передаём Ему этих данников и подданных. Так что они, которые до сих пор отказывались нести иго нашей власти, побеждённые – хвала Богу! – оружием и верой, как богатые, так и бедные обязаны отныне по закону уплачивать Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу и Его священникам десятину от приплода всего своего скота и от продуктов земледелия. Затем, обратив по древнеримскому обыкновению всю их землю в провинцию и разделив её между епископами на отдельные округа, мы в качестве благодарности смиренно передали милостивому Христу и князю Его апостолов Петру северную её часть, которая славится изобилием рыбы и считается наиболее пригодной для разведения скота. В Вихмодии, в месте под названием Бремен, на реке Везер мы построили церковь и учредили епископский престол⁶⁵, подчинив ему 10 округов. Отменив древние названия и границы этих округов, мы объединили их в две провинции, которым дали названия – Вихмодия⁶⁶ и Ларгау⁶⁷. Сверх того, жалую на постройку церкви 70 мансов в вышеназванных округах вместе с их колоннами, мы властью нашего величества приказываем, дарим и утверждаем, чтобы жители всего этого прихода исправно платили свою десятину этой церкви и её предстоятелю. По велению верховного понтифика и вселенского папы Адриана, а также по совету Майнцкого епископа Лулла⁶⁸ и всех присутствующих владык мы перед Богом и Его святыми доверили названную Бременскую церковь со всеми её владениями Виллехаду, мужу достойной жизни. Мы также велели посвятить его 13 июля в

качестве первого епископа этой церкви, чтобы он канонически и в силу данных ему духовных полномочий с пользой строил эту новую церковь и, управляя народом, преданно и согласно дарованной ему мудрости «насаждал и поливал»⁶⁹ в нём семена слова Божьего, пока всемогущий Бог, вняв молитвам своих святых, не «взрастит»⁶⁹ их. Этот достопочтенный муж сообщил нашему величеству, что этот приход, о котором мы вели речь, из-за опасности несносных варваров и разных случайностей, которые обычно имеют там место, не может быть достаточен для поддержки или содержания рабов Божьих, служащих там Богу⁷⁰. Поэтому, ввиду того, что всемогущий Бог «раскрыл врата веры»⁷¹ не только в народе саксов, но и в народе фризов, мы передали в вечное владение Бременской церкви, её предстоятелю Виллехаду и его преемникам ту часть вышеназванного края, то есть Фризии^{3*}, которая, как известно, примыкает к этому приходу. Поскольку прошлые события заставили нас быть в будущем более осторожными, мы, не желая, чтобы кто-либо вопреки нашей воле захватил в этом диоцезе какую-либо власть, велели установить его чёткие границы. Вот те чёткие и нерушимые границы, которые мы велели описать: море, река Эльба, Люэ, Штейнбах, Харзела, Виemark, Шнейдбах⁷², Осте, Мюленбах, Меде, болото, что зовётся Зигфридсмоор, Твисте, Твистермоор, Ашбрух⁷³, Виссебрух, Бевер, Оттер и вновь Осте; от Осте к болоту, что зовётся Шальтенбах⁷⁴, затем по болоту до реки Вюмме; от Вюмме через Бицину⁷⁵ и Фаристину⁷⁶ до реки Везер; далее с восточной стороны этой реки – общественная дорога под названием Хессевег, что разделяет Штурмигау⁷⁷ и Ларгау, Шипсеграбен, Альпе, Ауэ и снова Везер; а с западной стороны – общественная дорога Фольквег, которая разделяет Энтеригау⁷⁸ и Ларгау, до реки Хунте; затем названная река и Амрин, лесистое место, которое местные жители называют «Вильденлох», Фене, Вальдмоор, Баркенбуш, болото Эндириад⁷⁹, что служит границей между Эмсгау⁸⁰ и Остергау⁸¹, Брустлахо⁸², Биберахо⁸³ и вновь море. А чтобы сила этого пожалования и описания сохранялась под покровительством Божиим в наши и будущие времена, мы подписали его собственной рукой и велели запечатать печатью нашего перстня.

Печать господина императора и непобедимейшего короля Карла.

Я, Хильдибальд⁸⁴, архиепископ Кёльнский и капеллан священного дворца, подтверждаю.

Дано 14 июля 788 года от воплощения Господня, 12-го индикта, в 21-й год правления господина Карла, во дворце Шпейера. Удаchi. Аминь.

13 (14). Итак, господин и отец наш Виллехад прожил после своего рукоположения 2 года, 3 месяца и 26 дней, а в целом проповедовал среди фризов и саксов после мученичества св. Бонифация в течение 35 лет⁸⁵. Он, «старец, исполненный дней»⁸⁶, умер во Фризии, в селении Блексен⁸⁷, что расположено в Рюстрингене. Тело его было доставлено в Бремен и погребено в базилике св. Петра, которую он сам и построил. Его усение торжественно отмечают 8 ноября, а рукоположение – 13 июля. О жизни его и деяниях повествует чудесная книга, которую преданным пером написал четвёртый из его преемников – Анскарий⁸⁸. Желающим ознакомиться с его жизнью мы рекомендуем прочесть её, ибо сами мы стремимся к иному.

14 (15). Ближайшим преемником св. Виллехада в Бременской церкви был, как мы читали, Виллерик⁸⁹, один из его учеников, которого некоторые называют Виллехаром. Он занимал эту должность в течение 50 лет до предпоследнего года Людовика Старшего⁹⁰. Но если мы заглянем в книгу дарений и пожалований Бременской церкви, где записано, что Виллерик возглавлял её с 37-го года Карла по 25-й год Людовика, то выяснится, что срок его пребывания в должности был на 12 лет меньше указанного нами количества лет. Надо полагать, что Бременская епархия, равно как и все остальные, оставалась в течение этого времени вакантной из-за недавнего обращения саксонского народа, который⁹¹ ещё не привык управляться епископской властью⁹¹. Ведь тогда почти не было года без войны и саксы наконец были настолько сокрушены, что 10 000 человек с жёнами и детьми из тех, что жили по обе стороны Эльбы, были переселены во Францию.⁹² Это был 33-й год длительной саксонской войны, особо отмеченный франкскими историками, то есть 37-й год императора Карла. В это же время, когда славянские племена также были подчинены империи франков^{92,93}, Карл, построив в Гамбурге, городе нордальбингов, церковь, передал этот город в управление Херидагу, некоему святому мужу, которого он назначил епископом этого места^{4*}. Ввиду угрозы со стороны варваров он пожаловал ему также монастырь Роднах⁹⁴ в Галлии, где тот мог иногда находиться, и решил сделать Гамбургскую церковь митрополией для всех народов славян и данов. Однако смерть священника Херидага и занятость государственными делами не дали императору Карлу довести это дело до конца и исполнить задуманное⁹³. Мы читали в книге дарений Бременской церкви, что Виллерик, епископ Бременский, ещё до Анскария проповедовал среди трансальбианов и часто посещал церковь в Мельдорфе⁹⁵ вплоть до того времени, когда Гамбург стал митрополией.

Schol. 4

(16.) Поскольку мы упомянули здесь данов, то кажется достойным внимания рассказать о последней войне, которую вёл с данами победоносный император Карл, подчинивший себе все царства Европы. Ибо данов и все остальные народы, которые обитают за Данией, франкские историки называют норманнами. Их король Готфрид, ещё ранее обложив данью фризов, а также нордальбингов, ободритов и прочие славянские племена, угрожал войной самому Карлу. Это несогласие помешало планам императора, особенно в том, что касалось Гамбурга⁹⁶. Наконец, когда Готфрид скончался по воле небес, ему наследовал Хемминг, его двоюродный брат, который вскоре заключил с императором мир, признав границей королевства реку Эйдер⁹⁷. Малое время спустя светлейший император Карл умер, оставив наследником империи сына Людовика. Его переход в вечность приходится на 25-й год Виллерика, 28 января⁹⁸.

15 (17). Людовик, забыв о желании отца, поручил трансальбианскую провинцию Бременскому и Верденскому епископам. С этого времени начинаются «Деяния» св. Анскария. И поскольку история северных народов отчасти касается нашей, то есть Бременской церкви, я думаю, будет не лишним то тут, то там рассказывать о событиях, имевших место в стране данов. В это же время, когда умер Хемминг,

король данов, Зигфрид и Ануло, племянники Готфрида, не сумев договориться между собой о первенстве в королевстве, разделили его войной. В сражении погибло 11 000 человек, в том числе пали оба короля. Тем не менее сторонники Ануло, дорогой ценой одержав победу, посадили на трон Регинфрида и Харальда. Вскоре Регинфрид был изгнан Харальдом и отправился пиратствовать со своим флотом. А Харальд заключил договор с императором. Впрочем «История франков» рассказывает об этом более подробно⁹⁹. Пишут, что в эти же дни¹⁰⁰ Эбо Реймский¹⁰¹, пылая религиозным рвением о спасении язычников, вместе с Халиттаром¹⁰² приняли от папы Пасхалия¹⁰³ миссию к язычникам, которую позднее с Божьей помощью и с большим успехом выполнял наш Анскарий.

В 33-й год Виллерика император Людовик основал в Саксонии Новую Корвею и собрал в этой обители самых благочестивых монахов Франции. Наиболее знаменитым среди них был, как пишут, наш святейший отец и мудрец Христов Анскарий, по праву известный и угодный всему саксонскому народу своей жизнью и мудростью. В это же время король данов Харальд был свергнут с трона сыновьями Готфрида и смиренно явился к Людовику. Вскоре он был наставлен в основах христианской веры и крещён в Майнце вместе с женой, братом и огромным множеством данов. Император воспринял Харальда из священной купели и, решив возстановить его на престоле, дал ему бенефиций по ту сторону Эльбы, а его брату Хорику пожаловал часть Фризии, чтобы он сдерживал там пиратов¹⁰⁴. [Даны до сих пор притязают на эту область, как на своё законное владение.]¹⁰⁵ И вот, когда из-за варварской жестокости, по причине которой все избегают этот народ, нельзя было найти ни одного проповедника, который пожелал бы отправиться вместе с ними к данам, святой Анскарий, охваченный, как мы полагаем, святым духом и желая воспользоваться любой возможностью к мученичеству, добровольно отправился туда вместе с товарищем Аутбертом,¹⁰⁶ готовый пойти ради Христа не только к варварам, но и в тюрьму, и на смерть¹⁰⁶. Итак, пробыв в королевстве данов два года, они обратили к христианской вере многих язычников. Возвратившись оттуда, они вновь получили от императора повеление отправиться с проповедью к дальним племенам Швеции; неустршимый воин Христов Анскарий, взяв с собой учёных братьев Гислемара и Витмара, с радостью отправился в Данию. Там он оставил Гислемара с Харальдом, а сам вместе с Витмаром переправился в Швецию. Здесь они были радушно приняты королём Бьорном и получили разрешение открыто проповедовать слово Божье. И вот, в течение года они приобрели для Господа Иисуса Христа многих людей, в том числе Херигария, префекта города Бирки, который, как передают, славился чудесами и добродетелями. Радуюсь этому успеху своей миссии, новые апостолы с триумфом над двумя народами вернулись в Корвею¹⁰⁵. О, удивительное провидение всемогущего Бога в деле обращения язычников, которое Творец осуществил как хотел, когда хотел и через кого хотел! Ибо то, что в прошлые времена хотел, но не смог совершить Виллиброрд, а также Эбо и другие, ныне захотел и сумел довести до конца наш Анскарий, говоря вместе с апостолом: «Всё зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего, который кого хочет, милует, а кого хочет ожесточает»¹⁰⁷.

16 (18). Император и вельможи, радуясь вместе со св. Анскарием спасению язычников, воздали щедрую благодарность Христу. Итак, проведя со священниками генеральный собор, благочестивый цезарь, желая исполнить волю родителя, сделал Гамбург, город трансальбианов, столицей всех варварских народов – данов, шведов, а также славян и прочих живущих окрест племён, и велел рукоположить первым архиепископом этой кафедры Анскария. Это было сделано в 832 году от воплощения Господня, то есть в 18-й год императора Людовика и 43-й Виллерика, архиепископа Бременского¹⁰⁸. Анскарий был посвящён Дрого¹⁰⁹, епископом Меца, родным братом цезаря, в присутствии и при содействии Отгара Майнцского¹¹⁰, Эбо Реймсского, Хетти Трирского¹¹¹ и прочих, а также с согласия епископов Виллерика Бременского и Хельмгауда Верденского, которым был прежде доверен этот диоцез; Папа Григорий IV¹¹² утвердил это своей апостольской властью и пожаловал Анскарию паллий. В Бременской церкви хранится грамота императора, а также данная св. Анскарию папская грамота, в которых говорится об одном и том же, а именно, о пожаловании ему цезарем монастыря в Галлии под названием Турхольц¹¹³ для поддержания его миссии. Обе грамоты были даны в 834 году Господнем, 12-го индикта, то есть в 21-й год Людовика.

17 (19). Анскарий, посещая то данов, то трансальбианов, привлёк к вере неисчислимое множество людей из того и другого народа. В тех случаях, когда гонения варваров делали невозможной его миссионерскую деятельность, он вместе с учениками возвращался в Турхольц¹¹⁴. Ему в помощь был придан Эбо Реймсский, о котором мы говорили ранее¹¹⁵. Однако тот, то ли из-за трудности пути, то ли по причине физической немощи, но скорее соблазнённый светской деятельностью, дал Анскарию вместо себя в помощники своего племянника Гаутберта. Оба они, посвятив Гаутберта в епископы и назвав Симеоном, поручили его Божьей милости и отправили в Швецию¹¹⁶. Подробное описание всего этого в «Жизни» св. Анскария позволило нам сократить этот эпизод. Однако в «Жизни» не указана датировка событий, так что большинство дат мы заимствовали из других источников. Но вернёмся к нашей теме.

18 (20). Между тем Виллерик, епископ Бременский, заботливо объезжая свой диоцез, крестил язычников и укреплял верующих во Христа, то есть выполнял обязанности деятельного проповедника. Повсюду в соответствующих местах своего епископства он строил церкви. Так, в Бремене он построил три церкви, из которых первую, а именно собор св. Петра, перестроил из деревянного здания в каменное, перенёс оттуда тело св. Виллехада и положил его в построенной им южной часовне. Автор его «Жизни» не преминул сообщить об этом деянии¹¹⁷. Его последователи рассказывают, что это было сделано из-за страха перед пиратами, которые ввиду явленных нашим исповедником чудес могли пожелать унести с собой его тело. Говорят, что в это же время блаженный Анскарий доставил на ту сторону Эльбы тела святых, которые он получил в дар от архиепископа Эбо. Так, тело св. Матерниана он положил в Хайлигенштедтене¹¹⁸, тела Сикста и Синнеция вместе с мощами других мучеников поместил в городе Гамбурге, [а останки блаженного Ремигия с подо-

бающей честью захоронил в Бремене]¹¹⁹. Итак, Виллерик собрал многочисленное духовенство и приобрёл для Бременской церкви значительное наследие в народе. В эти дни Карл¹²⁰ пожаловал Спасителю в виде пожертвования 100 мансов для Бременской церкви. Это записано в первой главе третьей книги дарений. Там же неоднократно встречается выражение: «Святейшей базилике, которая освящена в честь св. апостола Петра, в месте или общественном селении, что зовётся Бремен и во главе которого стоит епископ Виллерик, раб рабов Божьих». Этот «исполненный дней старец»¹²¹ умер в 837 году Господнем¹²², который является 26-м и предпоследним годом Людовика. Похоронили его в соборе св. Петра в северной части алтаря 4 мая.

19 (21). Леудерик¹²³, третий по счёту, занимал эту должность восемь лет. Хотя мы и не смогли узнать о его годах ничего определённого, всё же на основании указанной книги дарений выяснили, что при Виллерике он был дьяконом и занимал свою должность до шестого года Людовика Младшего¹²⁴, как то записано в 58-й главе. Передают также, будто он был весьма высокомерен, что можно заключить из того, что он величал себя то стражем, то пастырем Бременской церкви.

20 (22). ¹²⁵В эти же дни наш святой отец Анскарий, мужественно исполняя доверенную ему миссию, трудился в Гамбурге на недавно вспаханной ниве, совершая церковь мудростью своих уст и делами своих рук. Часто посещая Турхольц, галльский монастырь, которым он владел благодаря пожалованию цезаря, он словом и делом показывал служившим там Богу братьям стезю спасительного устава¹²⁵. ¹²⁶В их благородном сообществе уже тогда с самого детства славился св. Римберт¹²⁷. Святой отец Анскарий усыновил его и, исполненный пророческого духа, задолго до того предсказал, что тот сравнится с ним в добродетелях, наследует ему на епископском престоле и станет ввиду своих заслуг его товарищем в царстве небесном¹²⁶. В этом деле предвидение всемогущего Бога, которое некогда сделало Елисея преемником Илии¹²⁸, не обмануло Анскария в отношении Римберта.

21 (23). Между тем норманны, совершая повсюду пиратские набеги, обложили данью фризов¹²⁹. В это время одни из них, поднявшись по Рейну, осадили Кёльн, а другие поднялись по Эльбе и сожгли Гамбург. ¹³⁰Этот славный город целиком погиб в грабеже и пожаре. Погибли церкви, монастыри и библиотеки, собранные с таким трудом. Св. Анскарий, как пишут, едва спасся с одними мощами святых мучеников¹³⁰. «История франков» и римские грамоты не умалчивают о гибели Гамбурга. Они сообщают, что это произошло в последний год Людовика Старшего¹³¹.

Тогда же епископ Гаутберт был изгнан из Швеции злобой язычников, а его капеллан Нитхард был увенчан мученичеством вместе с другими. В течение последующих семи лет Швеция была лишена священника. В это время Анунд, захватив трон, совершал гонения против христиан. Херигарий, префект Бирки, остался единственным человеком, который поддерживал там христианство. Он заслужил также такую милость веры, что многие тысячи язычников спас силой чудес и проповедью [святого] учения. Всё это записано в «Деяниях» блаженного Анскария.

22 (24). В третий год Леудерика, епископа Бременского, умер император Людовик¹³², оставив королевство в раздоре. Ибо жестокая вражда царила между братьями, шла тяжёлая война, в которой, как свидетельствуют историки, погибла вся сила франков. Виновник несогласия Эбо, который сначала восстановил сыновей против отца, а затем побудил братьев к войне друг против друга, был обвинён в заговоре и низложен папой Григорием¹³³.¹³⁴ Но, поскольку одни обвиняют его во всех грехах, а другие уверяют, что он невиновен, мы оставим открытым этот вопрос¹³⁴, тем более что наш святой отец Анскарий до конца жизни относился к нему с тем же почтением, какое оказывал ему с самого начала. Об этом читай в его «Жизни», а также в главе Рабана¹³⁵ о сомнительной славе Эбо. Наконец, при посредничестве папы Сергия¹³⁶ между братьями был заключён мир, и королевство было разделено на четыре части: Лотарь¹³⁷, старший по рождению, получил Италию вместе с Римом и Лотарингию с Бургундией; Людовику достался Рейн и Германия; Карл получил Галлию, а Пипин¹³⁸ – Аквитанию. В результате произведённого между братьями раздела королевства монастырь Турхольц^{5*} оказался в уделе Карла и был тем самым отобран у св. Анскария¹³⁹. *Schol. 5*

23 (25). А тот, славя в своей бедности Бога, миссию которого исполнял, неустанно сеял слово Божье как среди своих, так и среди чужих. Потому и вышло, что он получил от одной почтенной дамы по имени Икиа поместье под названием Рамельсло¹⁴⁰. Это место находится в Верденском епископстве, в трёх милях от Гамбурга. Построив в нём святую обитель Божью, он поместил там останки святых исповедников Сикста и Синнеция, а также другие мощи, которые вынес, бежав из Гамбурга. Там он собрал разбежавшуюся паству и укрыл в этой гавани изгнанных язычниками товарищей. Навещая из этого места Гамбургскую церковь, он вернул к вере нордальбингов, которых поколебало недавнее гонение.¹⁴¹ Дабы его миссия к язычникам не охладела из-за каких-либо помех, он отправил проповедников в Данию, а в Швецию направил иеремита Хартгария¹⁴¹. Говорят также, что он приходил в Бремен, но был изгнан оттуда епископом этого места, ибо тот завидовал его учёности и добродетелям. После этого Леудерик, епископ Бременский, умер и был погребён в церкви св. Петра с южной стороны алтаря. Он скончался 24 августа¹⁴². Его церковь долго оставалась вакантной.

24 (26). Тогда же Людовик Благочестивый¹⁴³, славный цезарь, сочувствуя разорению Гамбургской церкви, передал достопочтенному Анскарию Бременское епископство. А тот, хоть и был знаком с решениями канонов, которые предостерегали епископа, изгнанного в результате гонений из своего города, от занятия другого вакантного престола, и долго отказывал цезарю в этом деле, дабы не быть обвинённым прочими из зависти, наконец согласился, но при условии, что это не вызовет нареканий со стороны братии. В «Жизни» нашего епископа всё это описано самым подробным образом, но без указания времени. Впрочем, в книге дарений говорится, что господин Анскарий был введён в это епископство клириком Альдриком и графом Регинбальдом, послом цезаря, в 9-й год Людовика II¹⁴⁴. Это записано в 20-й

главе третьей книги. А в его «Жизни» сказано: «Много времени прошло со времени принятия блаженным Анскарием Бременского епископства, прежде чем это было утверждено папой Николаем»¹⁴⁵.

25 (27). Итак, получив Бремен, св. Анскарий пребывал в должности ещё 18 лет. Ранее он в течение 16 лет возглавлял Гамбургскую епархию, а значит ¹⁴⁶ в целом занимал должность епископа в течение 34 лет. Исповедник Божий, сильно радуясь этому дару королевской милости, поспешил в Данию и обратил в христианство Хорика, который был тогда королём данов. А тот сразу же воздвигнул церковь в приморской гавани в Шлезвиге и одновременно дал разрешение становиться христианами всем желающим в его королевстве. И вот, уверовало неисчислимое множество язычников. О них рассказывают в книгах множество памятных событий. Так, говорится, будто они, омывшись в воде крещения, очистились от всех телесных недуг¹⁴⁶.

26 (28). ¹⁴⁷Исполнив всё это по своему желанию, этот Божий святой вновь стал беспокоиться о народе шведов и посоветовался с епископом Гаутбертом о том, кто из них возьмётся ради Христа за это похвальное, но опасное дело. А тот, сознательно уклоняясь от опасности, попросил, чтобы туда лучше отправился Анскарий. Испросив у короля Хорика посланца и печать, бесстрашный воин тут же покинул берега данов и прибыл в Швецию¹⁴⁸. В это самое время король Олаф проводил в Бирке общее собрание своего народа. Благодаря милосердию Божьему собрание прошло таким образом, что по велению короля и с согласия народа, по жребию и при благоприятном ответе идолов ему было разрешено основать там церковь и позволить креститься всем желающим. Окончив по своему желанию и это дело, наш проповедник поручил шведскую церковь священнику Эримберту и возвратился назад. Всё это описано в «Жизни» св. Анскария в очень подробном рассказе о его деяниях¹⁴⁷; мы же ограничимся кратким сообщением. Если не ошибаюсь, в этом деле самым очевидным образом исполнилось пророчество Иезекииля о Гоге и Магоге: «И пошлю, – говорит Господь, – огонь на Магога и на тех, которые обитают на островах»¹⁴⁹. Некоторые¹⁵⁰ считают, что это и тому подобное было сказано о готах, которые взяли Рим. Мы же полагаем, что раз готские племена правят в Швеции и весь этот край состоит из разбросанных там и сям островов, то пророчество относится именно к ним, тем более что многое предсказанное пророками ещё, по видимому, не исполнилось.

27 (29). Между тем в королевстве франков возникла жестокая тяжба по поводу Бременского епископства, вызванная завистью к Анскарию¹⁵¹. Эта ссора долгое время потрясала королевство жестокими и имевшими разный исход распрями, сталкивая между собой усилия разных сторон. Наконец православный цезарь Людовик, удовлетворяя желания противоборствующих сторон, в особенности, Гунтера¹⁵², архиепископа Кёльнского, от которого прежде зависел Бремен, отправил по этому поводу послов в Рим к святейшему папе Николаю. А тот охотно согла-

силсЯ с тем, чего требовала церковная необходимость и что собор отцов признал в качестве необходимой и разумной меры^{6*}. Итак, он апостольской властью утвердил соединение воедино Бременской и Гамбургской епархий. Его грамота в отношении этого дела до сих пор тщательно хранится в Бременской церкви. В ней также добавлено, что папа Николай назначил как самого Анскария, так и его преемников легатами и викариями апостольского престола во всех племенах шведов, данов и славян. То же самое ещё прежде было пожаловано папой Григорием. Итак, к концу жизни св. Анскария произошло объединение Бременской и Гамбургской епархий. В его «Жизни» не указана дата этого события; зато королевская грамота относит его к 21-му году правления короля, а папская привилегия – к 858 году Господню, то есть к 29-му году от посвящения архиепископа. Schol. 6

28 (30). После этого в «Жизни» блаженного епископа написано, как он, придя в Данию¹⁵³, застал на троне Хорика Младшего. Ему вторит «История франков», которая сообщает о данах следующее: «Норманны, поднявшись по Луаре, сожгли Тур, поднявшись по Сене, осадили Париж, и Карл¹⁵⁴, поражённый страхом, дал им землю для поселения. Затем, разорив Лотарингию и подчинив Фризию¹⁵⁵, они обратили оружие против своих же товарищей¹⁵⁶. Ибо в борьбу друг против друга вступили Гудурм, правитель норманнов, и его дядя Хорик, король данов. Произошла такая резня, что пал чуть ли не весь их народ, а из королевского рода в живых не осталось никого, кроме единственного мальчика по имени Хорик. Как только он вступил на престол данов, так сразу же, пылая лютой ненавистью к христианам, изгнал священников Божьих и велел закрыть церкви»¹⁵⁷.

29 (31). ¹⁵⁸Святой исповедник Божий Анскарий, не побоявшись прийти к нему, так умилиствовал жестокого тирана благодаря милости Божьей, что тот и сам принял христианство, и специальным указом велел сделаться христианами всем своим людям; помимо этого он построил в Дании вторую церковь в Рибе¹⁵⁹, второй гавани своего королевства. Уладив всё это согласно церковному чину, наш блаженный пастырь поручил эту церковь священнику Римберту, а сам вернулся в Гамбург. Там он наложил епитимью на нордальбингов за покупку ими христиан. Затем, придя к фризам, он отчитал их за работу в воскресные дни, а наиболее упорных покарал небесным огнём, а также прочими, не менее страшными, чем древние чудеса? карамИ, как мы читаем в его «Жизни»¹⁵⁸.

30 (32). ¹⁶⁰И поскольку все его старания были направлены на спасение душ¹⁶⁰, то ¹⁶¹всё свободное от проповеди среди язычников за рубежом время¹⁶¹ он проводил дома в заботах о своих общинах. Так, первую из них, которая была некогда изгнана из Гамбурга в результате варварского вторжения, он, как мы говорили¹⁶², перевёл в Рамельсло. Вторую общину святых мужей он имел в Бремене; эти мужи носили одеяние каноников, но чуть ли не до нашего времени жили согласно монашескому уставу. Третью общину святых дев он основал в Бассуме. Там преданная Христу дама Лиутгарда, пожертвовав небесному жениху всё своё имущество, воспитала

под своим руководством большое количество непорочных дев. Для заботы о бедных и странниках он во многих местах основал госпитали. Наиболее значительный из них находился в Бремене, куда он приходил ежедневно и не брезговал лично прислуживать больным; говорят, что очень многих из них он исцелил словом и прикосновением.

31 (33). Он возвратил тело св. Виллехада в материнскую церковь блаженного апостола Петра [из той южной часовни, куда его перенёс Виллерик]. Тогда же произошли те чудеса, которые благодаря заслугам св. Виллехада являются народу с 861 года Господня, который является 30-м годом от рукоположения архиепископа. Он, который перенёс [тело этого святого], лично рассказал о его жизни и чудесах в отдельной книге.

32 (34). Если мы правильно рассчитали порядок времён, то в это самое время состоялось перенесение в Саксонию мощей св. Александра¹⁶³. Весьма примечательным кажется спор между нашим исповедником и пришлым мучеником о том, ¹⁶⁴кто из них должен почитаться большим и кто более любим в народе за свой дар исцеления¹⁶⁴. Всё это искусным пером изображает Эйнхард в «Деяниях саксов».

33 (35). ¹⁶⁵Между тем блаженный Анскарий выкупал пленных, утешал страждущих, обучал своих слуг, проповедовал Евангелие варварам, был внешне апостол, а внутренне монах, и никогда, как мы читаем, не сидел без дела. Он заботился не только о своих, но и о чужих, о том, как они живут¹⁶⁵. Он также устно и письменно призывал епископов неустанно заботиться о стаде Божьем, «одних обличая, а других увещевая»¹⁶⁶. И даже римским королям он часто давал наставления в пределах своей миссии, а датским королям – в отношении христианской веры. До нас дошло очень много его такого рода писем. Одно из них, которое он пишет ко всем епископам по поводу своей миссии, начало которой по его словам было положено ещё Эбо, звучит следующим образом: «Я, – говорит, – умоляю вас молить Бога о том, чтобы эта миссия удостоилась процветания в Господе и принесли свои плоды. Ибо уже с Божьей помощью церковь Христова основана у данов и у шведов, и священники без помех исполняют там свои обязанности. Так пусть всемогущий Бог сделает вас всех соучастниками этого святого дела и сонаследниками Христа в небесной славе»¹⁶⁷.

34 (36). После полноценного объединения Гамбурга и Бремена он прожил ещё 7 лет. В целом же он пребывал в должности 34 года. Его кончина с величайшим почтением отмечается 3 февраля. Он умер в 865 году Господнем, 13-го индикта, который является 26-м годом Людовика II, и был погребён в базилике св. Петра, перед алтарём св. Матери Божьей Марии. ¹⁶⁸В тот день, когда Анскарий был предан земле, его дьякон Римберт был избран духовенством и народом. Он в правдивых словах описал жизнь святейшего отца и, по обыкновению блаженного Иоанна ведя речь от другого лица, указал, что он, вернейший из его учеников, свидетельствует о святости, которую он признал в муже Божьем¹⁶⁸. Эту книгу он отправил братьям

обители Новой Корвеи¹⁶⁹, благословляя их за то, что они прислали такого мужа, и поздравляя наших с тем, что мы удостоились права принять такого пастыря.

35 (37). Св. Римберт пребывал в этой должности в течение 23 лет. Количество его лет и дату смерти его предшественника мы нашли в неких анналах, доставленных нам из Корвеи. Впрочем его «Жизнь», переданная нам братьями этой обители, весьма кратко и сжато повествует о том, кем он был и какую вёл жизнь.¹⁷⁰ «Вскоре, – говорится в ней, – после своего избрания он по приказу цезаря был отведён Дитрихом¹⁷¹, епископом Миндена, и Адальгаром¹⁷², аббатом Корвеи, в Майнц. Приняв там посвящение от светлейшего владыки Лиутберта¹⁷³, он пришёл в Корвею, где принял монашеское одеяние и принёс монашеские обеты. Аббат Адальгар поручил ему своего брата и тезку Адальгара¹⁷⁴, который позднее удостоился чести стать его товарищем в проповеди и наследником его должности»¹⁷⁰. Епископский паллий он получил от папы Николая, а пастырский посох – от цезаря Людовика, как то можно узнать из грамот. Всё это мы взяли из книги его «Жизни», из 16-й главы.

36 (38).¹⁷⁵ Кроме того, он неустанно исполнял обязанности своей миссии проповедовать слово Божье язычникам, которая впервые была принята его предшественником, а затем перешла к нему по праву наследования. Он лично, насколько то позволяли другие занятия, упорствовал в этой миссии, всегда имея под рукой священников, от которых язычники могли бы услышать слово Божье, а пленные христиане получить утешение, поставленных во главе церквей, расположенных далеко среди язычников, к которым можно было добраться только преодолев опасности моря, – что было самым трудным. Неоднократно подвергаясь этим опасностям, он вместе с апостолом часто терпел кораблекрушения и прочие невзгоды¹⁷⁶, равнодушно перенося все неприятности этой жизни в надежде на будущее блаженство и повторяя вслед за апостолом: «Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас»¹⁷⁷¹⁷⁵.

37 (39). О том, какие короли были в это время у данов, ничего не говорится в его «Деяниях». Но в «Истории франков»¹⁷⁸ сказано, что тогда правили Зигфрид и его брат Хальфдан. Они отправили цезарю Людовику подарки, а именно: золотой по самую рукоятку меч и прочее, с просьбой о мире. После этого обе стороны направили к реке Эйдер посредников и заключили крепкий мир, принеся по обычаю язычников клятву на оружии. Были у данов и у норманнов также другие короли, которые в это же самое время совершали пиратские набеги и опустошали Галлию. Наиболее знаменитыми среди них были тираны Хорик¹⁷⁹, Орвиг, Готфрид¹⁸⁰, Рудольф¹⁸¹ и Ингвар¹⁸². Самым жестоким из всех был Ингвар, сын Лодпарха, который повсюду истреблял христиан, подвергая их самым жестоким пыткам¹⁸³. Так записано в «Деяниях франков».

38 (40). В 12-й год господина Римберта умер Людовик Благочестивый¹⁸⁴, великий цезарь. Он так сокрушил чехов, сорбов, сузов¹⁸⁵ и прочие славянские племена,

что заставил их платить дань; а норманнов до такой степени смирил в битвах и связал договорами, что те, хоть и разорили всю Францию, но его королевству не причинили никакого вреда. Однако после смерти императора «дикое варварство, не чувствуя более над собой узды, воцарилось повсюду». Поскольку даны вместе с норманнами подлежат пастырской заботе Гамбургской церкви, я не могу обойти молчанием, сколько зла они благодаря поущению Господню причинили в это время и как широко язычники простёрли свою власть над христианами. Всё это со слезами описано в «Истории франков» и в других книгах. Тогда же Саксония была разорена данами и норманнами, герцог Бруно пал вместе с 12 другими графами, а епископы Дитрих и Марквард были убиты¹⁸⁶. Фризия также была опустошена, а город Утрехт разрушен¹⁸⁷.¹⁸⁸ Св. Ратбод, епископ этого города, уступая гонениям, обосновался в Девентере и оттуда поражал язычников мечом анафемы¹⁸⁸. Тогда же пираты сожгли Кёльн и Трир, а дворец в Ахене превратили в стойло для своих коней^{7*}. Из страха перед варварами вновь принялись отстраивать Майнц. Что же далее? Города вместе с их жителями, епископы со всей своей паствой были перебиты, а знаменитые церкви сожжены вместе с верующими. Наш Людовик¹⁸⁹, сразившись с язычниками, вышел победителем из схватки, но вскоре после этого умер. Людовик Французский¹⁹⁰ также умер, то побеждая, то терпя поражения. Эти трагические события, записанные в «Имперских анналах», мы вкратце упомянули из-за того, чтобы в них упомянуты даны.

39 (41). А что в это время делал наш архиепископ? Загляни в его «Деяния», а именно в 20-ю главу¹⁹¹. Там сказано, что он истратил почти всё, что имел, на выкуп пленных; когда же ему довелось увидеть несчастья многих людей, всё ещё находившихся в плену у язычников, он, не раздумывая, пожертвовал на это дело даже сосуды с алтаря, говоря вслед за блаженным Амвросием: «Лучше сохранить для Господа души, нежели золото. Воистину драгоценен тот сосуд, который спасает души от смерти»¹⁹².

Поскольку мы завели речь о гонениях, которые тогда всю свирепствовали против церквей, то нам представляется целесообразным упомянуть о великом чуде, явленном фризам заслугами св. Римберта. Не знаю, почему о нём умалчивает автор его «Деяний», но Бово¹⁹³, аббат Корвеи, [описывая] события его времени, говорит об этом следующее: «В недавние времена, когда страшное нашествие варваров жестоко сотрясало почти всё королевство франков, случилось, что они по Божьей воле добрались до одного из округов Фризии, который был расположен в отдалённых и соседних с океаном местах и назывался Норденгау¹⁹⁴. Итак, варвары бросились его разорять. В это время там находился достопочтенный епископ Римберт; воодушевлённые и наученные его призывами и наставлениями христиане вступили в бой с врагами и перебили из них 10 377 человек. Кроме того, очень многие, ища спасения в бегстве, погибли при переправе через реку». Вот что сообщает Бово. Благодаря этому чудесному событию авторитет св. Римберта до сих пор чрезвычайно высок среди фризов, а имя его настолько почитается в народе, что даже холм, на котором молился святой во время битвы, отмечен вечнозелёными расте-

ниями. Норманны, желая излить за понесённое во Фризии поражение месть на всю империю, во главе с королями Зигфридом и Готфридом вторглись по рекам Рейну, Мозелю и Шельде в Галлию, учинили христианам жестокую резню и, напав на самого короля Карла¹⁹⁵, вовсю издевались над нашими. Они также отправили одного из товарищей Хальфдана¹⁹⁶ в Англию; когда же тот был убит англами, даны послали вместо него Гудреда¹⁹⁷, а тот завоевал Нортумбрию. С тех пор, как говорят, Фризия и Англия оказались под властью данов. Всё это записано в «Деяниях англов».

40 (42). Напрасно было бы искать у святых те знамения и чудеса, которые вполне могли бы совершить и дурные люди, ибо большим чудом, согласно свидетельству святых отцов, является освобождение от грехов души, которая будет торжествовать в вечности, а не спасение от смерти тела, которое всё равно когда-нибудь умрёт. Однако чтобы доказать нам, что св. Римберт не был чужд этого дара, предание говорит, что он по обыкновению древних святых сотворил ряд чудес, а именно: часто по пути в Швецию молитвой укрощал морской шторм и однажды вернул зрение слепому посредством конфирмации, которую совершил над ним по епископскому обычаю. Он также, как говорят, спас от демонов сына короля. В присутствии многих епископов нечистый дух часто кричал устами бесноватого, что среди них только Римберт якобы достойно исполняет вверенную ему должность, а потому только он может его изгнать. Загляни в книгу его «Жизни», в 20-ю главу. Мы полагаем, что речь идёт о сыне короля Людовика Карле. В конце жизни архиепископа он был свергнут с престола¹⁹⁸, а наследовал ему Арнульф¹⁹⁹, сын его брата. «История франков» сообщает, что это произошло во Франкфурте, в 34-й год цезаря Людовика.

41 (43). Итак, св. Римберт был человеком кротчайшим, как Моисей, и сострадал всем в их немощах, как апостол²⁰⁰. Однако особую заботу он проявлял в раздаче милостыни бедным и в выкупе пленных. Так, когда он однажды пришёл в землю данов, где у него в месте, что зовётся Шлезвиг, была построена церковь для новых христиан, то увидел, как на цепи ведут толпу пленных христиан. Что же далее? Там свершилось двойное чудо. Ибо посредством молитвы он разорвал цепь, а ценой своего коня выкупил пленных. Смотри об этом 18-ю главу его «Деяний»²⁰¹.

42 (44). Поскольку опустошения норманнов и данов превосходят всякую степень жестокости, тем более удивительным может показаться тот факт, что святые исповедники Божьи Анскарий и Римберт бесстрашно приходили к этим народам через столько опасностей моря и суши и проповедовали среди них, хотя ранее вооружённые короли и могущественные народы франков не в силах были сдерживать их натиск.²⁰² Поскольку ныне нет более святых и удалилась уже правда от сынов человеческих²⁰², мы, «ленивый народ, довольный покоем и тенью»²⁰³, с трудом верим в то, что кто-то дерзнул прийти как апостол к такому дикому народу, который едва ли живёт по-людски, в столь суровое время гонений и в столь отдалённый, говорю я, от нашего мира край, не зная, что слова, которые Спаситель

каждый день говорил апостолам: «Итак, идите по всему миру, и я буду с вами во все дни до скончания века»²⁰⁴, были сказаны и для нас тоже.

43 (45). В книге о нашем святом подробно рассказано также многое другое. Так, среди прочего достоин упоминания случай, когда он, постясь и сидя в течение 40 дней на хлебе и воде, освободил от мук душу умершего священника, которая умоляла его об этом, явившись ему в видении²⁰⁵. Его предшественник основал 4 обители. Он добавил к ним пятую – в пустоши Бюкен²⁰⁶. Проявляя разумное беспокойство обо всех прочих, он с особой заботой относился к Гамбургской кафедре, оказывая соответствующее утешение как братии, так и бедным.

44 (46). Он существенно расширил странноприимный дом в Бремене, основанный св. Анскарием для поддержания бедных, и со всей тщательностью раздавал бедным милостыню не только в епископстве, но и повсюду, где он был, оставив потомкам прекрасные слова увещевания: ²⁰⁷«Не следует колебаться в деле помощи всем бедным, ибо мы не знаем, нет ли среди них Христа и когда он придёт к нам». Он неустанно оказывал всем милость слова Божьего. Для этого дела он старался использовать слова св. Григория и подписывался под ними собственной рукой. Известны самые разные его письма к очень многим людям, особенно же письмо к неким девам, в котором он превозносит целомудренность тела и говорит о том, что многие предаются блуду в душе²⁰⁷. Наконец, ослабленный болезнью и старостью, он через своего помощника Адальгара укрепил в Господе всех, кого не смог укрепить лично, а самого Адальгара поручил заботам короля. Римберт умер в 888 году Господнем, 6-го индикта, а погребён был 11 июня к востоку от базилики св. Петра, как он и просил²⁰⁸.

45 (47). Архиепископ Адальгар пребывал в должности 20 лет. Количество его лет мы взяли из названных выше анналов²⁰⁹, а сведения о его жизни – из 12-й главы книги св. Римберта. Там, вслед за сообщением о том, что св. Римберт принял монашеское одеяние и принял соответствующие обеты, сказано: «Было решено дать ему в поддержку Адальгара, славного своим образом жизни мужа, бывшего в чине дьякона. Этот муж, – говорится далее, – достойный продолжатель его образа жизни и преемник Римберта в должности, и по сей день жив, утверждая наряду со многими другими, что пастырские заботы св. владыки Римберта ничуть не уменьшили его монашеского совершенства», и прочее. Кроме того, в 21-й главе сказано: «Когда св. Римберт был уже стар, его стали мучить постоянные боли в ногах. По этой причине он добился у славнейших королей Людовика и его сыновей, чтобы ему в помощники был придан славный муж Адальгар, монах из Корвеи; чтобы тот был ему опорой в старости при объезде епископства, при посещении народных собраний, и чтобы он, когда потребует, мог отправиться в его сопровождении и в поход, и во дворец. Он также добился, чтобы Адальгар был утверждён при избрании его преемником и введён в число советников короля; братья и аббат его монастыря дали на это своё согласие, а святой собор²¹⁰ подтвердил все эти решения».

46 (48). Пастырский посох он получил от короля Арнульфа, а паллий – от папы Стефана²¹¹. Адальгар был посвящён в сан Сундерольдом²¹², архиепископом Майнца, и занимал должность в суровое время варварских нашествий. Однако он, как видно из привилегий, не оставлял усилий в деле обращения язычников, но, как и его предшественники, заботился о том, чтобы иметь для этого дела специально поставленных священников.

47 (49). По истории данов в эту пору я не нашёл никакой информации ни из письменных источников, ни из сообщений очевидцев; очевидно, по той причине, что норманны и даны тогда были чуть ли не полностью истреблены королём Арнульфом в ряде жестоких сражений.²¹³ Войной этой несомненно руководили небеса²¹³. Ибо было перебито 100 000 язычников^{8*}, а из христиан, как передают, не пострадал почти ни один. Так, вторжениям норманнов был положен предел, и²¹⁴ Господь отомстил наконец за кровь своих рабов²¹⁴, которая лилась уже в течение 70 лет. Об этом рассказывает «История франков».

Schol. 8

48 (50). Я слышал из уст правдивейшего короля данов Свена²¹⁵, когда он в ответ на наши вопросы перечислял своих предков, следующее: «После поражения норманнов, – говорил он, – правил, насколько я знаю, Хелги, муж, любимый в народе за свою справедливость и святость. Ему наследовал Олаф²¹⁶, который прибыл из Швеции и силой оружия овладел датским королевством; у него было много сыновей, из которых после смерти отца трон получили Кнуба и Гурд».

49 (51). В 7-й год Адальгара Герман²¹⁷, архиепископ Кёльнский, причинил нашему Адальгару множество неприятностей, пытаясь подчинить Бремен Кёльну. И вот, когда в Трибуре был созван собор²¹⁸ под председательством Хатто²¹⁹ Майнцского, грамота апостольского престола была объявлена недействительной, а повеления славнейших князей аннулированы; папа Формоз²²⁰ и король Арнульф одобрили, как говорят, эти нечестивые решения^{9*}. Затем, когда ставились подписи, имя архиепископа Адальгара было подставлено в самом конце соборного акта. Примечателен также рассказ об Аделине и Витгере, которые, вступив в поединок друг с другом, превратили собор в посмешище. Впрочем, это дело обернулось трагедией, ибо Витгер, представлявший нашу сторону, был побеждён и на следующий день умер. Далее, при Адальгаре и Хогере²²¹ Бремен, как говорят, всё время оставался зависимым от Кёльна епископством. Всё это мы нашли в актах указанного собора; вопрос о том, правдивы они или ложны, мы оставляем открытым.

Schol. 9

50 (52). Два года спустя умер папа Формоз, а через четыре года скончался король Арнульф²²². Последовало нашествие венгров и гонение против церквей. Наш архиепископ, уже глубокий старик, не в состоянии был ни оказать врагам сопротивление, ни принять надлежащие меры. Поэтому он, как говорят, и взял себе из Корвейского монастыря в помощники Хогера и, опираясь на его службу и поддержку, спокойно доживал свою старость. Так всемогущий Бог, который позволил

Schol. 10

некогда причинить беспокойство праведным, чтобы те стали лучше, вместе с беспокойством дал нашему архиепископу и облегчение,²²³ чтобы он мог перенести²²³. Ибо папа Сергий²²⁴, который был седьмым от Формоза почти через столько же лет, сочувствуя Адальгару в его несчастье, восстановил привилегии Бременской церкви и подтвердил всё, что было пожаловано Григорием и Николаем, его предшественникам, Анскарию и Римберту^{10*}. Кроме того, поскольку отягощённый старостью владыка Адальгар не мог исполнять свои пастырские обязанности, разъезжать по епархии, вести проповедь и посвящать епископов, пятеро окрестных епископов, а именно: Сигизмунд Хальберштадтский²²⁵, Викберт Верденский²²⁶, Бизо Падерборнский²²⁷ и оба Бернгарда – Минденский²²⁸ и Оснабрюкский²²⁹, были даны ему папой в помощники и должны были служить ему опорой в старости. Об этом говорится в имеющихся у нас под рукой грамотах папы Сергия. Вызывает, правда, удивление и не совсем нам понятно, посвящал ли Адальгар каких-либо епископов для язычников, как то говорится в грамотах, или право посвящения епископов оставалось нереализованным вплоть до времени Адальдага, что более вероятно, ибо свирепые варвары едва ли согласились бы терпеть возле себя даже простых священников. «Ибо мера беззаконий аморреев доселе ещё не наполнилась, и не пришло ещё время их миловать»²³⁰. После этого, в 907 году²³¹ Господнем, 9 мая архиепископ скончался и был погребён в базилике св. Михаила, которую он построил из любви к своему учителю над его могилой.

51 (53). Архиепископ Хогер пребывал в должности в течение 7 лет. Сведения о его годах, а также тот факт, что архиепископ Кёльнский рукоположил его вопреки своей воле, мы также нашли в вышеназванной книге. Паллий он получил от папы Сергия, а посох – от короля Людовика. Откуда он был родом и какую жизнь вёл, известно одному Богу. Однако мы нашли в старинных церковных книгах такую заметку о нём: «Святым и избранным был Хогер, седьмой воин». Старинное предание свидетельствует о его святости и сообщает, что он был крайне суров в отношении церковной дисциплины и часто объезжал с проверкой монастыри своего диоцеза. Поэтому, даже находясь в Гамбурге, он посреди ночи спешил в Рамельсло к заутрене, чтобы выяснить, чем занимается братия. «Верный, – говорю я, – и благоразумный домоправитель»²³², который и сам бодрствовал в ночи, и людям своим не давал спать, он радостно выходил навстречу жениху²³³ со словами: «Вот я и дети, которых дал мне Господь»²³⁴.

52 (54). Во второй год господина Хогера скончался Людовик Дитя²³⁵ и королём был избран Конрад²³⁶, герцог франков. На этом Людовике окончился древний род Карла. Этим временем завершается и «История франков»²³⁷. Всё, что мы будем говорить в последующем, мы нашли в других, не менее правдивых книгах. Кое-что в ответ на наши расспросы нам рассказал также светлейший король данов²³⁸. «После Олафа, – говорил он, – шведского князя, который правил в Дании со своими сыновьями, его место занял Сигерих²³⁹. Он правил малое время и был свергнут с престола Хардегоном²⁴⁰, сыном Свена, прибывшим из страны норманнов». Такие

короли или, вернее, тираны правили тогда в Дании, то ли одновременно, то ли последовательно сменяя друг друга, – точнее неизвестно. Нам же достаточно знать и того, что все они по-прежнему были язычниками и что христианство в Дании, посеянное там св. Анскарием, даже при такой перемене царств и вторжениях варваров всё-таки уцелело и не погибло совсем. В те дни Саксонию поразило ужаснейшее гонение, ибо с одной стороны её церкви терзали даны и славяне, а с другой – чехи и венгры. Тогда же Гамбургский приход был разрушен славянами, а Бременский – в результате вторжения венгров²⁴¹. Между тем исповедник Божий Хогер умер и был погребён в церкви св. Михаила, рядом со своим предшественником, в 915 году Господнем; его усение отмечается 20 декабря. Когда 120 лет спустя, после обрушения старой часовни искали тело этого епископа, то не смогли найти ничего, кроме креста с паллия и епископской митры. Мы верим, что в нём исполнилось воскресение, которое, как передаёт истинное предание, исполнилось также в Давиде и евангелисте Иоанне.

53 (55). Регинвард²⁴² пребывал в должности всего один год. Кроме самого имени мы ничего больше не нашли о его жизни. Но поскольку мы знаем, что его преемник присутствовал на соборе в Альтхейме, который состоялся в 5-м году короля Конрада, а наш Хогер умер в том же году, то Регинвард, занимавший должность епископа между тем и другим, и года не пробыл в этой должности. Я также не смог найти ни одной его грамоты. В его дни, как передают позднейшие авторы, в Бремене случилось великое чудо. Так, венгры, сжигая церкви и убивая священников у самых алтарей, безнаказанно истребляли или уводили в плен духовенство вперемешку с простым людом. Язычники повредили также кресты и подвергли их поруганию. Следы их ярости сохранились до наших дней. Но «карающий Бог»²⁴³, над муками которого так потешались эти неверные, не дал им уйти безнаказанными. Ибо внезапно возникшая страшная буря, сорвав драпку с полусожжённых церковных крыш, бросала её язычникам в лицо и глаза и вынудила их, искавших спасения в бегстве, либо бросаться в реку, либо отдаваться в руки жителей. Вскоре после избиения паствы последовала смерть её доброго пастыря. Он был погребён 1 октября рядом со своими предшественниками в базилике св. Михаила.

54 (56). Архиепископ Унни²⁴⁴ пребывал в должности 18 лет. О годах его и смерти я узнал там же, где и всегда. Братья рассказывают, что после смерти Регинварда духовенством и народом был избран Лейдрад, приор Бременского капитула. В сопровождении Унни, своего капеллана, он прибыл ко двору. А король Конрад, как говорят, исполненный святого духа, презрел Лейдрада и передал пастырский посох ещё очень молодому Унни, которого он увидел стоявшим неподалёку. А папа Иоанн X²⁴⁵, как сказано в грамоте, вручил ему паллий. Унни был святейшим мужем, как то можно видеть в его избрании и смерти. За свою святость он всегда оставался любим и уважаем королями Конрадом и Генрихом²⁴⁶. Потому и сказано о нём в стихотворении: «Князьям угоден был Унни, девятый по счёту».

55 (57). В его время венгры опустошали не только нашу Саксонию и прочие провинции по эту сторону Рейна, но и расположенные за Рейном Лотарингию и Францию. Кроме того, даны, располагая поддержкой со сторону славян, напали сначала на заэльбских саксов, а затем, разорив земли по эту сторону Эльбы, поразили Саксонию сильным страхом. У данов в это время правил Хардекнут Вурм, свирепейший червь, люто ненавидевший христианский народ. Пытаясь совершенно уничтожить христианство, которое было в Дании, он изгнал из её пределов священников Божьих и очень многих из них замучил до смерти.

56 (58). Но вот, король Генрих, с детства богобоязненный и все свои надежды возлагавший на милосердие Божье, победил венгров в ходе многих жестоких сражений. Он разгромил также в одном крупном сражении чехов и сорбов, укрощённых уже другими королями, и прочие славянские народы, так что оставшиеся, которых оказалось весьма немного, обещали королю платить дань, а Богу – принять христианство.

57 (59). Затем, вступив с войском в Данию, он в первой же схватке настолько устрасил короля Вурма, что тот обещал выполнять все его распоряжения и смиренно просил о мире. Так Генрих, одержав победу, установил границу своего королевства в Шлезвиге, который тогда назывался Хедебю²⁴⁷, учредил там марку и распорядился основать колонию саксов²⁴⁸. Всё это мы узнали из правдивого сообщения одного датского епископа, весьма мудрого мужа, и также правдиво передаём нашей церкви.

58 (60). Тогда же наш блаженнейший епископ Унни, видя, что «врата веры открыты для язычников»²⁴⁹, воздал Богу благодарность за спасение язычников и, в особенности, за то, что он благодаря Божьему милосердию и доблести короля Генриха получил и место, и время для осуществления миссии Гамбургской церкви, так долго остававшейся в небрежении по причине неблагоприятного времени. Итак, полагая, что нет ничего трудного и тяжёлого в том, что делается во имя Христа, он решил лично объехать всю территорию своего диоцеза. За ним, как говорят, последовала вся паства Бременской церкви, горюя из-за отсутствия доброго пастыря и «готовая идти вместе с ним в тюрьму и на смерть»²⁵⁰.

59 (61). После того как исповедник Божий прибыл к данам²⁵¹, где тогда, как мы сказали, правил свирепейший Вурм, он не смог обратить его из-за присущей тому с рождения свирепости, но, как говорят, приобрёл своей проповедью сына короля Харальда. Он сделал его настолько верным Христу, что тот, хоть и не принял ещё таинства крещения, разрешил открыто исповедовать христианство, к которому его отец всегда питал лютую ненависть.

Итак, поставив в Датском королевстве священников по отдельным церквям, святой Божий, как говорят, поручил Харальду большое количество верующих. Опираясь на его поддержку, Унни в сопровождении его посла объехал все датские

острова, проповедуя язычникам слово Божье и укрепляя в Господе верующих, которых он находил там в качестве пленных.

60 (62). Затем, следуя по стопам великого проповедника Анскария, он, переплыв Балтийское море, не без труда добрался до Бирки. В течение 70 лет после смерти св. Анскария никто из учителей, кроме, как пишут, одного Римберта, не решался туда ездить; настолько нашим мешали гонения. Бирка – это город готов, расположенный в центре Швеции, неподалёку от того храма, что зовётся Упсалой и считается у шведов наиболее почитаемым в культе богов. В этом месте некий залив²⁵² того моря, что зовётся Балтийским, или Варварским, вдаваясь в северном направлении, образует гавань, удобную для варварских народов, обитающих по всему этому морю, но весьма опасную для людей неосторожных и не знающих такого рода мест. Ибо жители Бирки часто подвергаются нападениям пиратов, которых там великое множество. И поскольку они не могут противостоять им силой оружия, они обманывают врагов хитрым приёмом. Так, они перегородили залив беспокойного моря на протяжении ста и более стадиев каменными глыбами и тем самым сделали прохождение этого пути опасным как для своих, так и для разбойников. В это место, поскольку оно является наиболее безопасным в приморских районах Швеции, имеют обыкновение регулярно съезжаться по различным торговым надобностям все суда данов или норманнов, а также славян и сембов; бывают там и другие народы Скифии.

61 (63). Придя в эту гавань, исповедник Господень начал обращаться к людям с необычной для них проповедью. Ибо шведы и готы, или, лучше сказать, норманны, из-за эпохи варварских нашествий, когда у них в течение нескольких лет многие короли осуществляли кровавое господство, совершенно забыли христианскую религию, и их нелегко было обратить вновь. От Свена, часто называемого королём данов, мы узнали, что у шведов тогда правил некий Ринг с сыновьями Эриком и Эдмундом, а перед Рингом у власти были Анунд, Бьорн и Олаф, о которых мы читали в «Деяниях» св. Анскария²⁵³, а также другие, чьи имена нам не известны. Вполне вероятно, что воин Божий Унни посетил этих королей и, хоть те и не уверовали, получил у них разрешение проповедовать слово Божье в Швеции. По моему мнению, исследовать деяния тех, которые так и не уверовали, не имеет смысла, тогда как умалчивать о спасении тех, которые, напротив, уверовали, и о тех, благодаря которым они уверовали, было бы противно благочестию. Итак, шведы и готы, впервые обращённые к вере св. Анскарием, а затем вновь вернувшиеся к язычеству, были вторично обращены святым отцом Унни. Достаточно знать и это, чтобы в случае, если мы скажем слишком много, о нас не сказали, будто мы склонны к фантазиям. «Ибо, – как говорит блаженный Иероним, – лучше безыскусно говорить правду, чем красноречиво излагать ложь»²⁵⁴.

62 (64). Когда проповедник Божий, завершив свою миссию, решил наконец возвратиться назад, то заболел в Бирке и оставил там «шатёр своего истощённого

тела»²⁵⁵. А душа его в окружении многочисленных духовных триумфов поднялась к вершине небесной родины, чтобы вечно радоваться там. Ученики владыки с плачем позаботились о его погребении; тело его они похоронили в городе Бирке, а голову доставили в Бремен и с подобающими почестями поместили её в церкви св. Петра, перед алтарём. «Проведя жизнь в героической борьбе»²⁵⁶, он умер в Скифии, как пишут, в 936 году от воплощения Господня, 9-го индикта, около середины сентября²⁵⁷. Это был первый год Оттона I Великого и 148-й со дня смерти св. Виллехада, первого Бременского епископа.

63 (65). Эх вы, епископы, сидящие дома и предпочитающие кратковременные удовольствия, а именно: славу, прибыли, чревоугодие и сон, своим прямым епископским обязанностям! Посмотрите, говорю я вам, на этого бедного и скромного при жизни человека, или, вернее, достохвального и великого священника Христова! Увенчанный столь благородной кончиной он дал соответствующий пример потомкам; и никакие временные или местные трудности не могут служить оправданием вашей бездеятельности, после того как он, пройдя через такие опасности моря и суши, посетил народы севера и исполнил долг своей миссии с таким усердием, что, испустив дух в крайних пределах земли, «положил свою душу за Христа»²⁵⁸.

КНИГА ВТОРАЯ

Перед тобой, читатель, славные деяния второй книги

1. Архиепископ Адальдаг¹ пребывал в должности 53 года. Он тот, который, как говорится, «восстановил для нас государство»². Он был молодым человеком благородного рода, прекрасной наружности и ещё более прекрасных нравов. Взятый из Хильдесхаймского хора он был родственником и учеником блаженного Адальварда³, епископа Верденского, чья достойная жизнь, а также незапятнанная слава и вера были прекрасно известны при дворе. Говорят, что этот знаменитый своей учёностью и чудесами муж проповедовал среди славянских народов в то самое время, когда наш Унни находился с миссией у скифов⁴. Попав ко двору благодаря его трудам и речительству, Адальдаг получил от Оттона Великого папский посох⁵. А епископский паллий он принял от папы Льва VII⁶, из рук Майнцского епископа⁷, равно как и его предшественники. Но Гамбургская кафедра по-прежнему не располагала зависимыми от неё епархиями; они были возвращены ей только стараниями названного Адальдага.

2. Итак, как только Адальдаг вступил в должность епископа, он, согласно грамоте короля, велел освободить Бремен от королевских чиновников и королевской юрисдикции, которой он подлежал в течение долгого времени, и пожаловать ему свободу и иммунитет, подобно прочим городам. Кроме названной грамоты короля имеются и другие. Вскоре он со всем пылом своей души взялся за осуществление миссии, которая впервые была принята ради спасения язычников его предшественниками, а теперь, в свою очередь, перешла к нему, чтобы «в радости пожать то, что другие посеяли в слезах»⁸, и добиться успеха в том, что поставило перед ним его благочестие. И, поскольку «любящим Бога всё содействует ко благу»⁹, Господь предоставил ему во исполнение его планов и удобное время, и милость короля. Ибо он пользовался расположением Оттона в такой мере, что тот очень редко отпускал его от себя. Тем не менее епископ никогда не пренебрегал нуждами своего прихода, никогда не оставлял своей миссии. Более того, зная, что душа победоносного и справедливейшего короля готова «ко всему, что Божье»¹⁰, он не переставал склонять его к обращению язычников. В конце концов вышло так, как он и хотел; Бог помог ему и укрепил руку благочестивейшего короля во всех его делах.

3. Итак, опираясь на Божью помощь, король Оттон, как только избежал козней своих братьев¹¹, предоставил народу «суд и правду»¹². Затем, когда он подчинил своей власти почти все королевства, которые отпали после смерти Карла, он поднял

оружие против данов, которых ранее разбил в войне ещё его отец. Ибо они, ища ссоры, убили в Хедебю послов Оттона вместе с маркграфом и полностью вырезали всю колонию саксов¹³. Желая отомстить за это дело, король тут же вторгся в Данию со своим войском. Перейдя границу Дании, расположенную тогда у Шлезвига, он огнём и мечом разорил всю область до самого крайнего моря, которое отделяет норманнов от данов и по сей день зовётся в честь победы короля Оттинсанд¹⁴. На обратном пути в Шлезвиге против него выступил Харальд¹⁵ и вступил с ним в битву. Обе стороны мужественно сражались, однако победу одержали саксы, а даны были побеждены и отступили к кораблям. Наконец, приняв мирные условия, Харальд подчинился Оттону; получив королевство из его рук, он обещал ввести в Дании христианство. Немедля Харальд был крещён¹⁶ вместе с женой Гунхильдой и малолетним сыном, которого король, подняв из святой купели, назвал Свенот-Отто¹⁷. В это же время Дания по эту сторону моря, – местные жители называют её Ютландией, – была разделена на три епископства и подчинена Гамбургской епархии. В Бременской церкви сохранились грамоты короля, которые свидетельствуют о том, что король Оттон держал в своей власти Датское королевство в такой мере, что даже назначал [тамошних] епископов. А из грамот римского престола видно, что папа Агапит¹⁸, поздравляя Гамбургскую церковь со спасением язычников, пожаловал Адальдагу всё, что было пожаловано его предшественниками – Григорием, Николаем, Сергием и прочими – Бременскому архиепископству. Он также апостольской властью предоставил ему право назначать епископов как в Данию, так и среди прочих народов севера.

4. Итак, наш блаженнейший отец назначил в Данию первых епископов, а именно: Хорита, или Хореда, в Шлезвиг, Лиафдага в Риббе, а Регинбранда в Орхус¹⁹. Он также поручил им те церкви, которые расположены за морем: на Фюне, в Зеландии, Сконе²⁰ и в Швеции. Это было сделано в 12-й год названного архиепископа. За этим началом небесного милосердия последовал при содействии Божьем такой рост, что с того времени и по сей день церкви данов, по-видимому, изобилуют многочисленными плодами северных народов.

5. Передают также, что в это время Оттон, храбрейший король, подчинил своей власти все славянские народы²¹. Тех, кого отец его усмирил в одном крупном сражении, он сокрушил наконец с такой силой, что они ради [сохранения] жизни и отечества охотно предложили победителю дань и приняли христианство. Так был крещён весь народ язычников, а в земле славян впервые построены церкви. Впрочем, более подробно мы расскажем об этих делах под конец²², по ходу изложения.

6 (5). Мы до сих пор находим в архивах нашей церкви сведения о том, что Бруно²³, знаменитый тогда архиепископ Кёльнский, увидев, что наш Гамбург имеет зависимые от себя епархии, возобновил старинную тяжбу относительно Бремена, надеясь тем легче добиться желаемого, что королём был его родной брат – Оттон. Но все его усилия оказались напрасными, ибо он не смог добиться ни одобрения

папы, ни поддержки со стороны брата. В итоге, этот благородный и мудрый муж был легко побеждён авторитетом владыки Адальдага и, как пишут, с удовлетворением возобновил добрые отношения с нашей церковью, заявив, что Гамбургской церкви, которая в такой опасной близости к язычникам, никто не должен причинять вред; напротив, она достойна любви и уважения со стороны всех прочих церквей. До сих пор в памяти потомков живёт некий Эрп²⁴, дьякон владыки Адальдага, который оказал ему верную помощь во время этой тяжбы и в награду за это получил от короля Верденское епископство. Говорят также, что и другие братья, которые вместе с архиепископом усердно проповедовали среди данов и славян, получили в награду за свой труд важнейшие епархии.

7 (6). Действительно, вся энергия отца Адальдага была направлена на обращение язычников, торжество церквей и спасение душ; за своё усердие в названном деле этот «угодный Богу и людям муж»²⁵ заслужил уважение всех людей, в том числе и своих врагов.

8 (7). После того как победоносный король Оттон был призван в Италию ради освобождения апостольского престола, он, как говорят, провёл совещание по поводу того, кого следует оставить представителем его власти в тех землях, которые граничат с варварскими пределами, для осуществления правосудия. Ибо со времён Карла Саксония из-за известного с древности мятежного духа её народа не имела иного герцога, кроме самого цезаря. Вынужденный необходимостью король впервые поручил эту должность Герману²⁶. Об этом муже и его потомках я считаю необходимым рассказать более подробно, ибо они, очевидно, поднялись к великому ущербу для Бременской и прочих церквей.

9 (8). Этот муж происходил из бедного рода и поначалу, как говорят, довольствовался всего семью мансами и семью слугами из родительского наследства. Но затем, будучи талантлив и обладая красивой наружностью, а также ввиду заслуг веры и смирения, которое он выказывал господам и равным ему, он стал известен при дворе и добился расположения самого короля. Тот, заметив трудолюбие юноши, принял его в число слуг, затем доверил ему воспитание сыновей, а после быстро «следовавших друг за другом успехов»²⁷ поручил ему обязанности префекта. Энергично исполняя эту должность, он, как говорят, вынес приговор и осудил на смерть своих собственных слуг, приведённых в суд за воровство. Необычность этого деяния, хоть он и тогда уже был весьма любим в народе, доставила ему известность также и при дворе. Получив герцогство Саксонию, он честно и справедливо управлял этой провинцией и до самой смерти оставался ревностным защитником святых церквей. И по отношению к Бременской церкви, и к её матери Гамбургской был он верен и предан, сделав много добра братии и всем общинам Саксонии.

10 (9). Итак, поручив свои обязанности в этом крае столь славному мужу, благочестивейший король и наш архиепископ отбыли в Италию. Там король, проведя

собор епископов, велел низложить обвинённого в многочисленных преступлениях папу Иоанна²⁸, носившего прозвище Октавиан, – правда, в его отсутствие, ибо папа бежал, тем самым избежав суда, – и назначил на его место протоскриниария Льва²⁹. Последний тут же короновал Оттона императором, а римский народ провозгласил его августом. Всё это произошло в 28-й год его правления и 153-й после коронации в Риме Карла³⁰.

11. В это время император, в течение 5 лет находясь в Италии со своим сыном³¹, разбил сыновей Беренгара³² и возвратил Риму прежнюю свободу. В эти дни и годы наш архиепископ, как один из первых королевских советников, также находился в Италии, не по своей воле, – говорю я, – но потому что не мог покинуть своих королей. Его поездка оказалась весьма удачной для Бременской церкви. Ибо он, как передают, собрал тогда те мощи святых, с помощью которых наше епископство торжествует ныне и во веки веков. Говорят, что его народ, не снеся слишком долгого отсутствия доброго пастыря, через послов и путём настоячивых писем добился наконец, чтобы тот соизволил навестить свою паству. Когда он возвращался, то и свои, и чужие вышли ему навстречу на три дня пути и, плача от радости, кричали, словно второму Иоанну³³: «Благословен тот, который пришёл во имя Господа!».

12 (10). Итак, вернувшись на родину, архиепископ, – ³⁴как мы слышали и узнали от наших отцов по их рассказам³⁴, – привёл в своей свите Бенедикта³⁵, посвящённого, но низложенного Оттоном папу. Оттон велел держать его в Гамбурге под стражей, но архиепископ относился к нему с величайшим почтением до самой его смерти. Ибо он, как говорят, был святым и начитанным мужем и, по-видимому, вполне подходил для апостольского престола, если бы не был избран римским народом в ходе мятежа, в ходе которого был изгнан тот, кого велел поставить император. Итак, ³⁶ведя у нас святой образ жизни³⁶ и обучая святой жизни других, он почил в мире в Гамбурге в то самое время, когда цезарь собирался по требованию римлян восстановить его в должности. Он, как пишут, умер 4 июля³⁷. [В то время в Бремене весьма славился приор Эйльхард, муж, знаменитый добровольной бедностью, блюститель канонического устава. Тогда же школой нашей церкви с блестящим усердием управлял Тиадхельм, который был одним из учеников великого Отрика³⁸ Магдебургского.]

13 (11). А архиепископ с большой осмотрительностью распределил по своим приходам мощи святых мучеников, которые он вывез из города Рима. Его предшественники, как было сказано³⁹, основали для служащих Богу душ пять обителей, а он прибавил к ним ещё и шестую – в Хееслингене⁴⁰, где благороднейшая дева Христова Вендельгарда и её отец Хальдо, пожертвовав Богу и святому мученику Виту всё своё имущество, собрали большое количество святых дев. Седьмую обитель святых дев он основал во Фризии, в Реепсхольте⁴¹, за счёт поместий и пожертвований неких верующих дам – Рейнгерды и Вендилы; он поместил там мощи св. Маврикия, а прочие – в других местах⁴².

14 (12). Хотя святой владыка осуществлял отеческую заботу обо всех своих церквях, наибольшее внимание он всё же уделял странноприимному дому в Бремене. Он наделил его такими большими доходами, – гораздо большими, нежели его предшественники, – что помимо странников, которых там часто принимали, в этом госпитале ежедневно кормили 24-х бедняков. В этом деле ему особенно активно помогал Лиавицо⁴³, которого владыка привёз с собой из Италии.

15 (13). В это время Оттон Великий, подчинив и обратив в христианскую веру славянские племена, основал на берегу реки Эльбы славный город Магдебург; сделав его славянской митрополией, он велел посвятить там в архиепископы Адальберта⁴⁴, мужа исключительной святости. Этот первый святитель Магдебурга деятельно управлял своей епархией в течение 12 лет и обратил посредством проповеди многие славянские народы. Его посвящение состоялось в 35-й год императора⁴⁵ и нашего архиепископа, через 137 лет после рукоположения св. Ансария.

16 (14). Магдебургской епархии подчинены все земли славян вплоть до реки Пены; от неё зависят пять епархий, из которых Мерзебург и Цейц расположены на реке Заале, Мейсен – на Эльбе, а Бранденбург и Гавельберг – во внутренних районах страны. Шестой славянской епархией является Ольденбург. Однако, поскольку он расположен ближе к нам, император подчинил его Гамбургскому архиепископству. Наш архиепископ поставил там первым епископом Эврака, или Эгварда, которого мы именуем по-латыни Евагрием.

17 (15). Поскольку выпал удобный случай, мне кажется полезным рассказать о том, какие народы по ту сторону Эльбы относятся к Гамбургскому диоцезу. Последний ограничен с запада Британским океаном, с юга – рекой Эльбой, с востока – рекой Пенной, впадающей в Варварское море, а с севера – рекой Эйдер, которая отделяет данов от саксов. Есть три племени заэльбских саксов: первые [живут] у океана и [зовутся] дитмарсами; их главная церковь [находится] в Мельдорфе; вторые – гользаты – зовутся так по лесам, в которых живут; через их [землю] протекает река Стурия⁴⁶; церковь их [расположена] в Шонфельде⁴⁷. Третьи и самые благородные [среди них] зовутся штурмарами^{11*}, поскольку народ этот склонен к частым возмущениям. Между ними возвышает свою голову митрополия – Гамбург, некогда сильный воинами и оружием, счастливый землёй и плодами, а ныне открытый в наказание за грехи и обращённый в пустыню. Однако, хоть митрополия и лишилась городской красоты, она по-прежнему сильна и утешается в горе вдовства успехами своих сыновей, которых ежедневно видит выполняющими свою миссию по всему северному краю. О них, очевидно, можно воскликнуть с великой радостью: «Я называл и говорил о них, но они превышают число!»⁴⁸.

Schol. 11

18. Мы нашли также и границу Саксонии, лежащей по ту сторону Эльбы, как она была установлена Карлом и прочими императорами; она проходит следующим образом: От восточного берега Эльбы до небольшой речки, которую славяне назы-

вают Месценрейца⁴⁹. От неё граница идёт через Дельвундерский лес до реки Дельвунды⁵⁰. Оттуда она доходит до Горнбека⁵¹ и Билениспринга⁵², и далее к Лиудвинштейну⁵³, Вайзебиркену и Барницу. Затем она тянется до Хорбистенона⁵⁴ и Травенского леса^{12*} и вверх по нему вплоть до Булилункина⁵⁵. Оттуда граница идёт до Агримесхоу⁵⁶ и постепенно подымается до брода, который зовётся Агримесвидил⁵⁷, где Бурвидо вступил в поединок со славянским воином и убил его. В память об этом в названном месте поставлен камень. От этого болота граница идёт к озеру Кользе⁵⁸ и доходит на востоке до поля Цвентифельд вплоть до реки Цвентины^{13*}, по которой граница Саксонии идёт до самого Скифского моря и того моря, которое зовётся Восточным. (16). О природе этого моря коротко упоминает Эйнхард в «Деяниях» Карла, когда говорит о славянской войне.

19. ⁵⁹«От западного океана, – говорит он, – на Восток протянулся некий залив, длина которого неизвестна, а ширина не превышает 100 000 шагов, хотя во многих местах он и более узок. Вокруг него живёт множество народов. Так, даны и шведы, которых мы называем норманнами, владеют северным побережьем и всеми его островами. На восточном берегу живут славяне и различные другие народы, среди которых главными являются вильцы⁶⁰, с которыми король тогда вёл войну. В результате единственного похода, которым он руководил лично, [Карл] так разбил и укротил их, что в дальнейшем те считали для себя невозможным отказываться от исполнения его приказов»⁵⁹.

20 (17). Вот что говорит Эйнхард. Мы же, поскольку уже столько раз упоминали о славянах, считаем нелишним рассказать о природе земли славян и сделать исторический очерк населяющих её народов, тем более что почти все славяне⁶¹ в это время, как говорят, были обращены к христианской вере стараниями нашего владыки Адальдага.

21 (18). Итак, область славян, самая обширная провинция Германии, населена винулами, которых некогда называли вандалами; говорят, что она в 10 раз больше, чем наша Саксония; особенно, если считать частью славянской земли Чехию и живущих по ту сторону Одера^{14*} поляков, ибо ни по наружности, ни по языку они ничем от них не отличаются. Эта страна, изобилующая оружием, воинами и плодами, со всех сторон окружена лесистыми горами и реками, которые [служат] её надёжными границами. В ширину она [простирается] с юга на север, то есть от реки Эльбы до Скифского моря. В длину же она, начинаясь, по-видимому, в Гамбургском приходе, тянется на восток, включая неисчислимые земли, вплоть до Баварии, Венгрии и Греции. Славянские племена весьма многочисленны; первые среди них – вагры, граничащие на западе с трансальбианами; город их – приморский Ольденбург^{15*}. За ними следуют ободриты, которые ныне зовутся ререгами, и их город Магнополь⁶². Далее, также по направлению к нам – полабы, и их город Ратцебург⁶³. За ними [живут] глиняне и варны⁶⁴. Ещё дальше обитают хижане⁶⁵ и черзепняне⁶⁶, которых от доленчаней⁶⁷ и ратарей⁶⁸ отделяет река Пена, и их город Деммин^{16*}.

Здесь – граница Гамбургского прихода. Есть и другие славянские племена, которые проживают между Эльбой и Одером, как-то: гаволяне⁶⁹, живущие по реке Гавель, доксаны⁷⁰, любушане⁷¹, вилины, стодоряне и многие другие. Самые сильные среди них – это живущие посредине ратары; город их, знаменитая на весь мир Ретра⁷², является центром идолопоклонства. Большой храм построен там для демонов, главным из которых считается Редегост. Образ его приготовлен из золота, а ложе – из пурпура. Этот город имеет девять ворот и со всех сторон окружён глубоким озером; пройти туда можно лишь по деревянному мосту, но путь по нему дозволен только приносящим жертвы или желающим получить ответ [оракула]; это, по моему мнению, указывает на то, что «Стикс девять раз окружает и возбраняет»⁷³ погибшие души тех, которые служили идолам. Говорят, что от города Гамбурга до этого храма 14 дней пути.

22 (19). За лютичами, которых иначе зовут вильцами, протекает Одер, самая полноводная река в земле славян. В её устье, там, где она впадает в Скифское озеро, расположен знаменитый город Юмна⁷⁴, весьма оживлённое местопребывание варваров и греков, живущих вокруг. Поскольку о великой славе этого города рассказывают многое и не всегда правдиво, мне также хочется упомянуть о нём кое-что, заслуживающее внимания. Это, действительно, крупнейший из всех расположенных в пределах Европы городов, который населяют славяне вместе с другими народами, греками и варварами. Приезжие саксы также получают возможность там жить на равных с прочими правах, но при условии не исповедовать открыто христианство. Ибо все они до сих пор блуждают в потёмках язычества, хотя в отношении нравов и гостеприимства не найти более честного и радушного народа, чем они. Этот город богат товарами всех северных народов, нет ни одной диковинки, которой там не было бы. Там есть «Котёл Вулкана», который местные жители называют греческим огнём и о котором упоминает также Солин⁷⁵. Нептун известен там троякого вида. Ибо остров тот омывается тремя рукавами, из которых один, как говорят, на вид очень зелёный, второй – беловатый, а третий – свирепствует неистовым течением в постоянных бурях. От этого города коротким путём добираются до города Деммина, который расположен в устье реки Пены, где обитают руны. А оттуда – до провинции Земландии, которой владеют пруссы. Путь этот проходят следующим образом: от Гамбурга или от реки Эльбы до города Юмны по суше добираются 7 дней. Чтобы добраться до Юмны по морю, нужно сесть на корабль в Шлезвиге или Ольденбурге. От этого города 14 дней ходу под парусами до Острогарда Руси. Столица её – город Киев, соперник Константинопольской державы, прекраснейшее украшение Греции.

Река Одер, как было сказано, берёт своё начало в глубинах Моравского леса^{17*}, там же, где лежат истоки нашей Эльбы⁷⁶. Какое-то время они текут вместе, а затем пути их расходятся. Одна из рек, то есть Одер, поворачивая на север, протекает по центральным землям винулов, пока не доходит до Юмны, где отделяет поморян от вильцев. Вторая же, то есть Эльба, направляясь на запад, сначала протекает по землям чехов и сорбов^{18*}, в среднем течении отделяет язычников от саксов и, наконец, отрывая Гамбургский приход от Бременского, победно впадает в Британский океан^{19*}.

Schol. 17

Schol. 18

Schol. 19

23 (20). Всего сказанного о славянах и их родине вполне достаточно, ибо доблестью Оттона Великого все они в это время были обращены в христианство. А теперь обратим наше перо к тем событиям, которые произошли после смерти императора в последние годы нашего владыки.

24 (21). В 39-й год владыки Адальдага великий император Оттон, укротитель всех северных народов, счастливо отошёл к Господу⁷⁷ и был погребён в своём городе Магдебурге. Ему наследовал его сын – Оттон Средний⁷⁸, который деятельно управлял империей в течение 10 лет. Сразу же подчинив Лотаря и Карла⁷⁹, королей Франции, он перенёс войну в Калабрию и, то побеждая, то терпя поражения от сарацин и греков, умер в Риме⁸⁰. Вместо него на трон вступил Оттон III⁸¹, тогда ещё ребёнок, и в течение 18 лет украшал престол храбрым и справедливым правлением. Трое этих храбрейших и справедливейших императоров настолько любили и ценили святого Адальдага за его заслуженную доблесть и учёность, что тот лишь изредка покидал особу императора, как то видно из грамот императоров, составленных по настоянию архиепископа. Среди них следует также отметить ту грамоту, которую Оттон III составил, будучи в Вильдесхаузене⁸². В это же время умер Герман, герцог Саксонии, оставив наследником своего сына Бенно⁸³, который также был добрым и храбрым мужем, но не в пример отцу угнетал народ тяжкими поборами. В Магдебурге скончался владыка Адальберт; ему на престоле наследовал Гизилер⁸⁴, также святой муж, который учением и добродетелями просветил новообращённые племена винулов.

Schol. 20 25 (22). Харальд, король данов, знаменитый благочестием и храбростью, уже давно охотно принял в своём королевстве христианство^{20*} и твёрдо держался его до самого конца. Поэтому, укрепив своё королевство⁸⁵ святостью и справедливостью⁸⁵, он распространил свою власть по ту сторону моря на англов и норманнов^{85a}. В Швеции тогда правил Эдмунд⁸⁶, сын Эрика. Он был союзником Харальда и благоволил приходящим к нему христианам. В Норвегии же правил Хакон⁸⁷, которого норманны свергли с трона за высокомерие, но Харальд восстановил его своей властью и побудил быть терпимым к христианам. [Этот Хакон был чрезвычайно жесток; он происходил из рода Ингвара и от крови гигантов и первым среди норманнов захватил королевскую власть, тогда как прежде те управлялись ярлами. Итак, проведя на троне 35 лет, Хакон умер, оставив наследником престола Хартильда⁸⁸, который владел и Данией, и Норвегией.] Англия, как мы говорили выше и как записано в «Деяниях англов», после смерти Гудреда и со времени его сыновей Аналафа, Сигериха и Регинольда в течение почти 100 лет оставалась под властью данов⁸⁹. Тогда же Харальд послал в Англию с войском своего сына Хиринга^{89a}. Подчинив остров, он был наконец предан и убит жителями Нортумбрии.

Schol. 21 26 (23). Итак, архиепископ Адальдаг назначил в Данию много епископов, чьи имена мы нашли, но не смогли в точности выяснить, кого на какую кафедру он поставил^{21*}. Я думаю, причина кроется в том, что при неокрепшем ещё христиан-

стве епископам не были выделены определённые кафедры, но каждый в стремлении к насаждению христианства отправлялся как можно дальше, и все они соревновались друг с другом в проповеди слова Божьего своим и чужим. Так и сегодня, кажется, происходит за пределами Дании, в Норвегии и Швеции. Итак, в Данию были назначены следующие епископы: Хоред, Лиафдаг, Регинбранд⁹⁰, а после них: Хариг, Стеркольф, Фолькбрахт⁹¹, [Адальберт], Мерка⁹² и другие. Передают, что Одинкар Старший⁹³, поставленный Адальдагом в Швецию, деятельно завершил там свою миссию среди язычников. Ибо он, как говорит нам предание, был святейшим и сведущим во всём, что касается Бога, мужем и происходил из знатного датского рода. Поэтому он и смог легко убедить варваров в преимуществах нашей веры. Из прочих епископов древность не знает никого, кто мог был сравниться с ним по славе, кроме Лиафдага Рибенского, который, как говорят, был знаменит чудесами и проповедовал в заморских краях, [то есть в Швеции и Норвегии].

(24). В Ольденбург архиепископ, как мы уже говорили, поставил сначала Эгварда, или Эварга, затем – Ваго, а позднее – Эзико⁹⁴, во времена которых славяне оставались христианами. Гамбург также пребывал тогда в мире. В стране славян повсюду строились церкви, сооружались многочисленные монастыри служащих Богу мужчин и женщин⁹⁵. Свидетелем тому является датский король Свен, который и ныне жив; говоря о том, что страна славян была разделена на 18 округов, он уверяет нас в том, что, не считая трёх, во всех остальных округах славяне были обращены в христианскую веру, и называет князей того времени: Мстислав, Накко и Седерих⁹⁶. «При них, – говорит он, – постоянно был мир, и славяне платили дань».

27 (25). В последние годы архиепископа дела наши среди варваров пошатнулись, христианство в Дании было поколеблено, и «враг людской, завидуя прекрасным началам божественной религии, попытался посеять тернии»⁹⁷. Ибо тогда Свен-Отто, сын великого Харальда, короля данов, предпринял многочисленные интриги против своего отца, уже пожилого и слабого, и, намереваясь свергнуть его с трона, вступил в сговор с теми, кого отец заставил креститься против воли. Итак, внезапно возник заговор, в результате которого даны отреклись от христианства, поставили королём Свена, а Харальду объявили войну⁹⁸. Последний с самого начала правления все свои надежды возлагал на Бога, а теперь в особенности верил исход дела Христу и, хоть и ненавидел войну, решил защищаться с помощью оружия. И вот, идя на войну, как второй Давид, он печалился о своём сыне Абсалоне⁹⁹, скорбя более о его преступлении, нежели о собственных опасностях. В этой несчастной и «большей, чем гражданская война»¹⁰⁰, схватке партия Харальда потерпела поражение. Сам король был ранен и бежал с поля боя; сев на корабль, он отправился в славянский город под названием Юмна.

28 (26). Вопреки ожиданиям, – ибо тамошние жители были язычниками, – он был ими радушно принят, но через несколько дней умер от этой раны и отошёл в исповедании Христа¹⁰¹. Тело его было доставлено на родину и погребено войском

в городе Роскилле, в церкви, которую он первой соорудил в честь Святой Троицы. Когда я хотел расспросить о его кончине Свена, правнука этого Харальда, который ныне правит в Дании, он, как второй Тадей, ничего не сказал мне о преступлении деда; когда же я стал восхвалять отцеубийцу, он сказал: «Это то, о чём мы, потомки, весьма сожалеем; впрочем, названный отцеубийца заплатил за это своим изгнанием». А наш Харальд, который впервые ввёл христианство в народе данов и весь север наполнил проповедниками и церквями, тот, говорю я, кто пострадал невинно и был изгнан ради Христа, «не будет, как я надеюсь, лишён пальмы мученичества»¹⁰². Правил он 50 лет, а умер в праздник всех святых. Память о нём и его жене Гунхильде будет вечно жить в наших сердцах. Вот то, что по нашим сведениям произошло во времена Адальдага, хотя не обо всех достоинствах [этого короля] мы смогли узнать. Так, некоторые уверяют, что через него люди получали исцеление как при его жизни, так и после смерти, у его могилы, и прочее. [Часто прозревали слепые; случались и многие другие чудеса.] Известно также, что он как для нашего народа, так и для народа трансальбианов и фризов установил права и законы, которые те до сих пор стараются соблюдать ввиду высокого авторитета этого мужа. Между тем Адальдаг, верный старец, завершив, как хотел, свою миссию и добившись успеха во всех своих делах как дома, так и вне его, в доброй старости отошёл к Господу в 54-й год своего славного пребывания в должности. Его смерть наступила в 988 году Господнем; похоронили его в Бременской церкви, в изголовье епископа Леудерика, с южной стороны. Он умер 29 апреля, первого индикта.

29 (27). Лиавицо пребывал в должности 25 лет. Паллий он получил от папы Иоанна XV, а пастырский посох – от Оттона III. Первым из всех он был посвящён зависимыми от него владыками. Этот весьма начитанный и украшенный множеством добродетелей муж некогда прибыл из Италии, последовав за владыкой Адальдагом¹⁰³. Соревнуясь с ним в образе жизни и наставничестве, он единственный по решению этого великого отца был признан достойным того, чтобы доверить ему заботу о Гамбургском приходе. Говорят, что викарию Отто^{22*}, который гордился тем, что доводился Адальдагу племянником, пришлось уступить¹⁰⁴ Лиавицо ввиду указанного выбора, ибо даже врагам не в чем было его упрекнуть. [Говорят, что он был настолько целомудрен, что редко когда показывался в присутствии женщин, настолько воздержан, что «лик его был бледен от постоянных постов»¹⁰⁵, настолько смирен и полон христианской любви, что жил в монастыре как один из братьев.] Многочисленны были его достоинства. Так, довольствуясь уже приобретённым, он редко являлся ко двору, чтобы приобрести ещё что-нибудь. Сидя в покое дома, он проявлял деятельнейшую заботу о своём приходе, все усилия направляя на приобретение душ, и, как говорят, поддерживал самый строгий устав во всех своих духовных общинах. [Архиепископ проявлял также личную заботу о госпитале, ежедневно прислуживал там братьям и больным, но впоследствии передал свои обязанности в странноприимном доме племяннику – Лиавицо¹⁰⁶.] Пока в земле славян царил мир, он часто посещал заэльбские племена и с отеческой любовью заботился о матери-церкви в Гамбурге. Как и его предшественники, он, несмотря на

неблагоприятные времена, с большим усердием осуществлял свою миссию к язычникам. В то время, когда король Свен открыл в Дании жестокие гонения против христиан, архиепископ через смиренных послов и щедрые подарки пытался, как говорят, склонить душу жестокого короля к милосердию в отношении христиан. Но тот всё отверг и продолжал свирепствовать в своей жестокости и нечестии. Впрочем, мятежного короля вскоре постигла Божья кара. Ибо, когда он начал войну против славян, то дважды попадал в плен и уводился в землю славян, а затем столько же раз выкупался данами за огромные суммы золота. Однако он по-прежнему не желал возвратиться к Богу, которого сначала оскорбил смертью отца, а затем разгневал убийствами верующих, так что «воспылал гневом Господь, и предал его в руки врагов его»¹⁰⁷, чтобы «научился он не богохульствовать»¹⁰⁸.

30 (28). Тогда же могущественный король шведов Эрик¹⁰⁹, собрав «войско, бесчисленное, как песок морской»¹¹⁰, напал на Данию¹¹¹; против него выступил Свен, но, оставленный Богом, напрасно надеялся на своих идолов. После многочисленных морских сражений, – ибо так обычно сражается этот народ, – вся сила данов была уничтожена. Король Эрик вышел победителем и захватил Данию. А Свен был изгнан из королевства, получив от Бога ревнителя достойную награду за свои деяния. О том, что случилось с его дедом по справедливому Божьему приговору, – ибо он отрёкся от Того, кто был добрым защитником его отца, – нам рассказал Свен Младший.

31 (29). Говорят, что в это самое время¹¹² в Саксонию прибыл флот пиратов, которых наши зовут аскоманнами, и разорил всё побережье Фризии и Хадельна. Когда они, войдя в устье Эльбы и поднявшись вверх по реке, вторглись во внутренние районы страны, саксонские вельможи собрали против них войско и, несмотря на его малочисленность, расположились в ожидании покинувших суда варваров возле Штаде, который представляет собой крепость и в то же время удобную гавань на Эльбе. Великим, памятным и одновременно чрезвычайно несчастным было это сражение, в котором обе стороны сражались с одинаковым мужеством, но наши в конце концов потерпели поражение¹¹³. Шведы и даны, одержав победу, уничтожили всю силу саксов. В плен попали маркграф Зигфрид^{23*}, граф Дитрих¹¹⁴ и другие сиеятельные мужи; связав им руки за спиной, варвары увели пленных к кораблям, после чего сковали цепями их ноги и безнаказанно разграбили всю эту провинцию. Когда же один из пленных, а именно маркграф Зигфрид, тайно бежал однажды ночью с помощью какого-то рыбака, пираты пришли в страшную ярость; наиболее знатных из тех, кого они держали в оковах, они подвергли поруганию, отрубили им руки и ноги и, отрезав также носы, полуживых выбросили на берег. Среди них были некоторые благородные мужи, которые долгое время потом жили к позору империи, представляя собой жалостное зрелище для всего народа.

Schol. 23

32 (30). Вскоре после этого неожиданно пришли с войском герцог Бенно и маркграф Зигфрид и отомстили за это поражение. Те пираты, которые, как мы говорили, остались возле Штаде, были ими уничтожены.

А другая часть аскоманнов, которые поднялись по реке Везеру и разорили пределы Хадельна вплоть до Лезума¹¹⁵, с большой толпой пленных добрались до болота, что зовётся Глиндесмор¹¹⁶. Там на них напали наши, которые следовали за ними по пятам, и всех до единого перебили. Численность их равнялась 20 000 человек. [Один пленный сакс, которого они заставили быть у них проводником, завёл их в эти опасные и болотистые места; долго блуждая там, они страшно устали, а потому с тем большей лёгкостью были побеждены нашими. Звали его Херивард; слава о нём вечно живёт в сердцах саксов].

33 (31). С этого времени происходили частые и жестокие вторжения пиратов в этот край. Все города саксов охватил страх. Даже Бремен [начали] укреплять очень мощным рвом. Тогда же, как вспоминают старики, архиепископ Лиавицо велел перевезти богатства церкви и всё церковное имущество в Брюккенское приорство; такой страх был во всех концах этого прихода. А тех пиратов, которые разграбили епископство, Лиавицо поразил мечом анафемы. Один из них, как говорят, умер в Норвегии, но тело его в течение 70 лет, вплоть до времён архиепископа Адальберта, не находило себе покоя; только когда епископ Адальвард, придя туда, снял с мертвеца отлучение, оно тут же рассыпалось в прах.

34 (32). После наказания за преступления, которые он совершил против церкви Божьей и христиан, [король Свен, побеждённый] и брошенный своими людьми, ибо его покинул Господь, блуждая и не имея ни от кого помощи, пришёл к норманнам, которыми тогда правил Трукко¹¹⁷, сын Хакона. Однако тот, будучи язычником, не выказал ни капли милосердия к изгнаннику. В итоге этот несчастный и отвергнутый всем миром король отправился в Англию, напрасно ища милости у врагов. В Британии в то время правил Этельред¹¹⁸, сын Эдгара. Не забыв тех обид, которые даны издавна причиняли англам, он отказался принять изгнанника. Наконец, сжалившись над его несчастьем, его радушно принял король Шотландии, так что Свен провёл там четырнадцать лет, вплоть до смерти Эрика. Об этих приключениях своего преступного деда нам поведал король Свен. А теперь вернёмся к рассказу о победоносном Эрике.

Schol. 24 35 (33). «Эрик^{24*}, – говорил он, – правил сразу двумя королевствами – Данией и Швецией. Он был язычником и крайне враждебно относился к христианам». Говорят, что к нему был отправлен в качестве посла цезаря и епископа Гамбурга некий Поппо¹¹⁹, муж святой и мудрый, тогда же рукоположенный в Шлезвиг, чтобы от имени цезаря просить за датское королевство и о мире для христиан. Говорят также, что когда варвары по своему обыкновению потребовали у него доказательств истинности христианства, он, не колеблясь, тут же взял в руку раскалённое железо и остался невредимым. И, хоть этого казалось достаточно для устранения у язычников всяких сомнений, этот Божий святой показал им ещё одно великое чудо, чтобы полностью искоренить в этом народе язычество. Облачённый в вощёную тунику он, стоя посреди народа, велел поджечь её во имя Господа. Сам же,

устремив глаза и руки к небу, столь терпеливо выносил лизавшее его пламя, что хотя одежда его сторела и обратилась в пепел, он с весёлым и радостным лицом уверял, что не почувствовал даже дыма от огня. Благодаря необычности этого чуда многие тысячи уверовали тогда его стараниями, и до сих пор в датском народе и в его церквях почитают имя Поппо. (34). Однако, где именно это произошло – то ли в Риббе, то ли в Хедебю, то ли в Шлезвиге – в точности неизвестно.

36. В Дании тогда славился также блаженной памяти Одинкар Старший, о котором мы говорили выше¹²⁰ и который, проповедуя на Фюне, в Зеландии, Сконе и в Швеции, обратил в христианскую веру очень многих. Его учеником и племянником был другой Одинкар, Младший¹²¹, тоже знатный муж, происходивший из датского королевского рода, богатый землями, так что, как рассказывают, его владения легли в основу Рибенского епископства^{25*}. Говорят, что уже раньше, когда он был отдан учиться в Бременскую школу, владыка Адальдаг крестил его своими руками и назвал его собственным именем – Адальдаг. Теперь же архиепископ Лиавицо поставил его епископом для язычников с престолом в Риббе. Ибо он был «угоден Богу и людям»¹²² своим святым образом жизни и отважно защищал христианство в Дании. Эти мужи, как мы узнали, пользовались тогда наибольшим влиянием в этом крае; но и другие из тех, кто всё ещё оставался в живых со времён Адальдага, не сидели без дела. Продвинувшись в Норвегию и Швецию, они обратили к Иисусу Христу множество народа. Передают, что Олаф, сын Трукко, который тогда повелевал норманнами, был крещён ими и первым из своего народа стал христианином¹²³. [Олаф, сын Трукко, будучи изгнан из Норвегии, прибыл в Англию и там принял христианство, которое первым принёс на родину; он взял в жёны датчанку, высокомернейшую Тору¹²⁴, по наущению которой начал войну с данами].

Schol. 25

37 (35). Другие говорят, что тогда или ещё раньше некоторые епископы и священники, покинув Англию, отправились проповедовать слово Божье; они-то и крестили Олафа и прочих. Наиболее известным среди них был епископ Иоанн; другие же будут названы позже¹²⁵. Если это и правда, то я заявляю, что Гамбургская мать-церковь без всякой зависти относится к тому, если её сыновей благословляют чужаки, говоря вместе с апостолом: «Некоторые проповедуют по зависти и любопрению, а другие – с добрым намерением и ради любви. Но что с того? Как бы ни проповедовали Христа, притворно или искренне, я и тому радуюсь и буду радоваться»¹²⁶.

38 (36). Итак, король шведов Эрик был обращён в Дании в христианство и там же крещён. Пользуясь этим, из Дании в Швецию отправились проповедники, смело проповедуя во имя Господа. Я слышал от мудрейшего короля данов, что после принятия христианства Эрик вновь вернулся к язычеству. От других я узнал, что он воевал с Оттоном III и был им побеждён¹²⁷; но король об этом ничего не говорил.

39 (37). После долгожданной смерти Эрика Свен вернулся из изгнания и принял королевство своих отцов в 14-й год своего изгнания или странствия. Он взял в

жёны вдову¹²⁸ Эрика, мать Олафа, которая родила ему Кнута¹²⁹. Но не имеет выгод в браке тот, на кого гневается Господь¹³⁰. [Олаф, король шведов, был христианином; он женился на Эстрид, славянке из племени ободритов, а та родила ему сына Якова¹³¹ и дочь Инград¹³², которую взял в жёны святой король Герзлеф из Руси.] После смерти своего отца Эрика Олаф стал королём шведов. Внезапно явившись с войском, он прогнал несчастного Свена из его королевства и овладел Данией. И узнал Свен, что Господь есть Бог¹³³; придя в себя и имея перед глазами свои грехи, он покался и обратился с молитвой к Господу. А тот услышал его и даровал ему свою милость ввиду его врагов¹³⁴. В итоге Олаф восстановил Свена на престоле, поскольку тот был женат на его матери. Они заключили друг с другом договор сохранять в своём королевстве насаждённое там христианство и способствовать его насаждению среди прочих народов.

40 (38). Когда король норманнов Олаф, сын Трукко, услышал о союзе этих королей, то разгневался на Свена, полагая, что с помощью своего войска без труда сможет изгнать его, будто бы оставленного Богом и столько раз уже изгнанного. Итак, собрав бесчисленный флот, он объявил королю данов войну¹³⁵. Это случилось между Сконе и Зеландией, где короли обычно вступают в морские битвы¹³⁶. Пролив Балтийского моря у Хельсингборга, в том месте, где со Сконе видно Зеландию, весьма узок и служит излюбленным прибежищем для пиратов. Так вот, вступив там в сражение, норманны были разбиты и рассеяны данами. Король Олаф, который случайно остался один, бросился в море и нашёл там достойный конец своей жизни. [Его жена после смерти мужа нашла жалкую смерть от голода и нужды, как того и заслуживала.] Одни говорят, что Олаф был христианином, но другие уверяют, что он отрёкся от христианства; так или иначе, но все согласны в том, что он был сведущ в гадании, обращался к оракулам и все свои надежды возлагал на предсказания птиц. За это его и прозвали Олаф «Воронья нога»^{26*}. Он, как говорят, был также весьма предан магии, принимал у себя всех чародеев, – которыми тогда изобиловало его отечество, – и погиб, обманутый их лжеучением¹³⁷.

Schol. 26

41 (39). После смерти «Вороньей ноги» Свен стал править двумя королевствами. Вскоре после этого он уничтожил идолопоклонство и собственным указом ввёл в Норвегии христианство¹³⁸. Тогда же он поставил в Сконе наставником епископа Готебальда¹³⁹, некогда прибывшего из Англии. Последний, как говорят, иногда проповедовал также в Швеции, но чаще в Норвегии.

42 (40). Между тем счастливо миновал 1000-й год от воплощения Господня, который был 12-м годом архиепископа. В следующем году храбрейший император Оттон, который уже покорил данов, славян, а также франков и италийцев, в третий раз вступив победителем в Рим, умер, поражённый внезапной смертью¹⁴⁰. После его смерти в государстве вспыхнула смута. Тогда же и славяне, терпевшие несправедливости от христианских судей, сбросили наконец иго рабства и вынуждены были оружием защищать свою свободу^{27–28*}. Князьями у винулов были тогда Мис-

Schol. 27–28

ту и Миззидрог; под их руководством и вспыхнул мятеж. Восстав во главе с этими вождями, славяне сначала огнём и мечом разорили всю Нордальбингию, а затем, пройдя по прочим славянским землям, сожгли, разрушив до основания, все церкви; они мучили различными казнями священников и прочих церковнослужителей, и не оставили по ту сторону Эльбы и следов христианства.

43 (41). В Гамбурге в то время и позже многие из духовенства и горожан были уведены в плен, а ещё больше людей убито из ненависти к христианству. Король данов, которого мы ещё долго будем поминать и который сохранил в памяти все деяния варваров, так, словно они были записаны, рассказал нам о том, что произошло с христианами в Ольденбурге, весьма многолюдном городе^{29*}: «После того, — говорил он, — как прочие были зарезаны, словно скот¹⁴¹, 60 священников были оставлены ради забавы^{30–31*}. Старшим из них был Оддар, приор этого места и наш родственник. Его вместе с прочими подвергли такому мучению: кожу с головы им срезали ножом в виде креста так, что обнажился мозг. Затем, связав им руки за спиной, исповедников Божьих возили по славянским городам, [били и мучили разными способами] до тех пор, пока они не умерли»^{32*}. Так, «явив собой зрелище и ангелам, и людям»¹⁴², они с победой испустили дух в самый разгар битвы. Рассказывают о многих событиях такого рода, которые случились тогда в разных славянских областях и за недостатком сказителей почитаются ныне сказками. Когда же я продолжал спрашивать о них короля, он сказал: «Сын мой! Перестань! У нас в Дании, да и в земле славян так много мучеников, что едва ли можно вписать их имена в одну книгу».

Schol. 29

Schol. 30–31

Schol. 32

44 (42). Итак, все славяне, которые жили между Эльбой и Одером и в течение более 70 лет, во времена Оттонов исповедовали христианство, отпали таким образом от тела Христова и церкви, к которой прежде были привязаны. Воистину, неисповедимы пути Господни над людьми! Господь милует кого хочет и кого хочет карает!¹⁴³ Удивляясь Его всемогуществу, мы видим, что к язычеству вернулись те, которые уверовали первыми¹⁴⁴, а те, которые казались последними¹⁴⁵, напротив, обратились ко Христу. Он, «справедливый, храбрый и терпеливый судья, который некогда истребил перед Израилем семь народов Ханаана, оставив одних лишь чужаков»¹⁴⁶, чтобы через них карать преступников, ныне пожелал укрепить небольшую часть язычников, чтобы через них карать наше вероломство¹⁴⁷.

45 (43). Вот что происходило в последние годы Лиавицо Старшего, при герцоге Бернгарде, сыне Бенно¹⁴⁸, который жестоко угнетал славянский народ. В это же время в присутствии папы Сергия завершилась тяжба верденского епископа Бернхара¹⁴⁹ по поводу Рамельсло^{33*}.

Schol. 33

46 (44). В 22-й год [служения] архиепископа [Лиавицо] умерли Бенно, герцог Саксонии, и его брат Лиутгер, который вместе со своей женой, достопочтенной Эммой, сделали Бременской церкви очень много добра¹⁵⁰. А в Магдебурге архиепископу

Гизилеру наследовал Тагино¹⁵¹, после которого кафедру получил Вальтард¹⁵². Между тем наш архиепископ, заботясь о своей миссии к язычникам, рукоположил очень многих епископов, чьи имена и престолы нам неизвестны, ибо продолжалось время гонений. Как мы узнали из рассказов отцов, Поппо в Шлезвиге наследовал Эзико¹⁵³, а Одинкар, о котором мы говорили выше, был поставлен в Риббе. Как говорят, после смерти архиепископа Адальдага и вплоть до нашего времени вся территория Ютландии оставалась разделённой на две епархии, ибо третья в Орхусе была ликвидирована. В землю славян архиепископ рукоположил Фолькварда¹⁵⁴, а затем Регинберта¹⁵⁵. Первый из них был изгнан из земли славян и отправлен архиепископом в Швецию или Норвегию; там он привлёк к Господу очень многих и радостный возвратился назад. После этого, уладив все свои дела, блаженный архимандрит Лиавицо умер вместе с епископом Верденским¹⁵⁶ в 1013 году Господнем и был погребён посреди хора, перед ступенью санктуария; это было 4 января, 11-го индикта.

Schol. 34 47 (45). Архиепископ Унван¹⁵⁷ пребывал в должности 16 лет. Посох он получил от Генриха, а паллий – от папы Бенедикта Старшего^{34*}. Он был взят из Падерборнского хора и происходил из славнейшего рода Иммедингеров¹⁵⁸. Он, кроме того, был богат и щедр, угоден всем людям, но особенно благоволил к духовенству. Последнему он по указанию Лиавицо, тогдашнего приора, передал поместье Баден¹⁵⁹, повинности которого приходились на дни рождества апостолов.

48 (46). Унван первым из всех привлёк духовные общины к каноническому уставу, ибо прежде они жили по смешанному уставу – не то монахи, не то каноники. Решив полностью уничтожить все языческие обычаи, которые ещё оставались в этом крае, он велел пустить на восстановление церквей по всему диоцезу те рощи, которые из глупого почтения посещали жители наших болот. Так, он приказал построить из них базилику св. Вита вне городских стен и восстановить сгоревшую часовню св. Виллехада.

В это время, как говорят, вокруг Бременской крепости был воздвигнут очень укрепленный вал для защиты от козней и вторжений вражеских королей и, в особенности, из-за того, что герцог Бернгард, дерзнув восстать против императора Генриха, устрасил и обеспокоил все церкви в Саксонии¹⁶⁰. Ибо с того времени, как этот герцог был поставлен во главе названного края, между двумя домами, а именно между домом архиепископа и домом герцога, никогда не прекращались раздоры; последний нападал на короля и церковь, а первый, напротив, сражался за благо церкви и верность королям. Это соперничество сторон, прежде незаметное, с этого времени обрело силу и возросло неимоверно. Ибо герцог Бернгард, забыв о дедовском смирении и отцовском благочестии, сначала из жадности жестоко притеснял народ винулов, чем вынудил их вернуться к язычеству, а затем из гордыни, не помня благодеяний, вместе с собой подвигнул на восстание против цезаря всю Саксонию. Выступив в конце концов против Христа, он, не колеблясь, напал на церкви своей родины, в особенности же на нашу, которая была в то время богаче прочих и находилась вдалеке от императора. Однако наш архиепископ Унван со

свойственным ему великодушием дал, как говорят, такой отпор названному мужу, что тот, устыдившись мудрости и щедрости епископа, вынужден был примириться с церковью, с которой прежде враждовал, и уступить ей во всём. Итак, воспользовавшись советом нашего владыки, этот мятежный князь склонился наконец в Шальксбурге¹⁶¹ и смиренно подчинился цезарю Генриху. (47). Вскоре благодаря поддержке Унвана он подчинил славян и, обложив их данью, восстановил мир между нордальбингами и Гамбургской матерью-церковью.

49. Говорят, что после поражения достопочтенный митрополит построил в знак восстановления мира новый город и новую церковь; в то же время, избрав от каждого из своих мужских монастырей по три брата, – так что в целом их набралось 12, – он велел им жить в Гамбурге по каноническому уставу и отвращать народ от идолопоклонства. После смерти Регинберта он рукоположил в землю славян Бенно¹⁶², мудрого мужа, который был избран из братьев Гамбургской церкви и своей проповедью «принёс много плодов в славянском народе»¹⁶³. В Дании тогда всё ещё были живы богослов Поппо и тот благородный епископ Одинкар^{35*}, которого архиепископ весьма ценил за веру и святость его жизни. Насколько удалось выяснить, в Ютландии тогда, прежде чем на престол вступил Кнут, были только эти два епископа. Из наших только Одинкар навещал иногда заморские церкви; Эзико сидел дома¹⁶⁴, а прочих сдерживали гонения. Архиепископ рукоположил в Норвегию и Швецию также других весьма учёных мужей; тех же, которые были рукоположены в Англии, он, после того как они признали его права¹⁶⁵, из расположения к королям использовал для создания местной церкви. Многих из них он оставил у себя; когда же они уходили, Унван осыпал их всех подарками, чем добровольно привлёк к подчинению Гамбургской церкви.

Schol. 35

50 (48). Итак, будучи благороднейшим и в то же время знатным и щедрым мужем, Унван по праву получил это епископство, так что мог и проявлять величие души, и приносить церкви пользу в случае необходимости^{36*}. Поэтому церковные богатства, которые собирались долго и тщательно, но были не слишком полезны, если бы их держали внутри стен, он постарался использовать ко благу своей миссии, так что благодаря щедрости своих даров он всегда склонял к тому, чего хотел, самых суровых королей севера и усмирал их. Думаю, что он в этом деле не совершил ничего дурного, ибо «сеял телесное, чтобы пожать духовное»¹⁶⁶. Более того, его щедрость к недавно обращённым язычникам оказалась весьма полезной и уж никак не повредила церкви, которая благодаря осмотрительности предыдущих отцов была чрезвычайно богата. Я верю также, что он следовал примеру св. Анскария¹⁶⁷ и упомянутого в «Церковной истории»¹⁶⁸ Теотима, из которых первый, как пишут, смирял дарами безбожных королей, а второй славился тем, что пирами и подарками укрощал диких по природе варваров. Думаю, что в оправдание епископа сказано вполне достаточно. А теперь вернёмся по порядку к церковной миссии, которая, как известно, развивалась во времена Унвана весьма успешно.

Schol. 36

51 (49). Свен, король данов и норманнов, желая отомстить за старые обиды, а именно: за убитого брата и за своё изгнание¹⁶⁹, отправился в Англию с большим флотом, ведя с собой своего сына Кнута и Олафа¹⁷⁰, сына «Вороньей ноги», о котором было сказано выше. Итак, проведя в течение долгого времени множество сражений против англов, он изгнал старого короля Этельреда и установил над островом свою власть. Однако ненадолго, ибо через три месяца, после того как он одержал победу, Свен умер внезапной смертью¹⁷¹.

Schol. 37 52 (50). Кнут, сын короля, возвратившийся уже с войском на родину, вновь начал войну против англов^{37*}. А Олаф, которого норманны избрали себе в правители, отложился от Датского королевства¹⁷². Тогда Кнут, обеспокоенный этой опасностью, заключил договор со своим братом Олафом, сыном Эрика, который правил в Швеции¹⁷³, чтобы, опираясь на его поддержку, подчинить сначала Англию, а затем Норвегию. Итак, снарядив 1000 больших кораблей, Кнут переплыл Британский океан, по которому, судя по рассказам моряков, из Дании до Англии при попутном ветре можно добраться за три дня. Это большое и чрезвычайно опасное море по левую сторону имеет Оркадские острова, а справа примыкает к Фризии¹⁷⁴.

Schol. 38 53 (51). Три года Кнут воевал в Британии. Этельред, король англов^{38*}, умер¹⁷⁵, осаждённый в Лондоне, потеряв жизнь вместе с престолом¹⁷⁶, – по справедливому приговору Божьему, ибо он замучил своего брата¹⁷⁷ и 38 лет пятнал кровью престол. Поплатившись таким образом за братоубийство, он оставил малолетнего сына по имени Эдуард¹⁷⁸, которого ему родила его жена Эмма. Брат Этельреда Эдмунд¹⁷⁹, воинственный муж, был отравлен ядом в угоду победителю; его сыновья были осуждены на изгнание [и ушли] на Русь

Schol. 39 54 (52). Кнут овладел королевством Этельреда и его супругой по имени Эмма¹⁸⁰, которая была сестрой Ричарда, графа Нормандии. Во имя союза король данов отдал в жёны этому Ричарду свою сестру Маргариту¹⁸¹. Затем, когда граф прогнал её, Кнут отдал Маргариту^{39*} в жёны Вольфу, герцогу Англии, а сестру¹⁸² этого Вольфа выдал замуж за другого герцога – Годвина¹⁸³, хитроумно рассчитывая с помощью этих браков сделать англов и норманнов более верными данам; и не обманул в этом.

Schol. 40 А граф Ричард^{40*}, спасаясь от гнева Кнута, отправился в Иерусалим и там умер, оставив в Нормандии сына Роберта, чьим сыном является Вильгельм, которого франки называют «Бастардом»¹⁸⁴. Вольф имел от сестры короля Кнута сыновей – ярла Бьорна¹⁸⁵ и короля Свена¹⁸⁶, а Годвин от сестры герцога Вольфа – Свена¹⁸⁷, Тости¹⁸⁸ и Гарольда¹⁸⁹. Мы сочли целесообразным изложить здесь их родословную, поскольку она кажется необходимой для лучшего понимания последующего.

55 (53). Вернувшись с победой из Англии, Кнут в течение многих лет владел Датским и Английским королевствами¹⁹⁰. В это время он привлёк в Данию многих английских епископов. Так, в Сконе он поставил Бернгарда, в Зеландию – Гербранда¹⁹¹, а на Фюн – Регинберта. Наш архиепископ Унван был очень недоволен всем

этим и, как говорят, велел схватить вернувшегося из Англии Гербранда, который, как ему стало известно, был рукоположен английским архиепископом Эльнодом¹⁹². А тот, смирившись с необходимостью, принёс ему свои извинения и, обещав должную верность и подчинение Гамбургской кафедре, стал впоследствии самым близким к архиепископу человеком. Через него Унван отправил к королю Кнуту своих послов с подарками и, поздравив короля с достигнутыми в Англии успехами, высказал ему своё порицание за дерзкое поведение в отношении епископов, которых он привёл из Англии. Король, любезно приняв посольство, впоследствии вошёл в такой тесный контакт с архиепископом, что готов был сделать по его указанию всё, что угодно. Вот что нам сообщил о своём дяде король данов, не умолчав также о пленении Гербранда.

56 (54). В 12-й год владыки Унвана император Генрих, знаменитый своей «справедливостью и святостью»¹⁹³, после того как уже подчинил своей власти саксов, италийцев и бургундцев, отошёл в небесное царство¹⁹⁴. Ему на престоле наследовал храбрейший цезарь Конрад¹⁹⁵, который вскоре после этого с великой доблестью усмирил поляков и их короля Мешко, а их помощников – чехов и прочие славянские народы – заставил платить дань¹⁹⁶. С королём данов и англов он при посредничестве архиепископа заключил мир¹⁹⁷. Сосватав в жёны своему сыну его дочь¹⁹⁸, он в знак дружбы передал этому королю город Шлезвиг вместе с маркой по ту сторону реки Эйдер. С этого времени она принадлежит королям Дании.

57 (55). Между Кнудом и Олафом, королём норманнов, шла постоянная война, которая не прекращалась в течение всей их жизни¹⁹⁹: даны «сражались за власть, а норманны – за свободу»²⁰⁰. Более справедливым в этих обстоятельствах мне кажется дело Олафа, который вёл войну скорее по необходимости, нежели по собственной воле. Если же посреди битв выдавалось спокойное время, то Олаф управлял королевством в соответствии с правом и справедливостью. Говорят, что среди прочих достойных дел он имел такое рвение к Богу, что изгнал из страны всех чародеев, которых всегда было очень много среди варваров, а Норвегия прямо-таки кишела этими злодеями. Ибо там живут прорицатели, авгеры, маги, заклинатели и прочие слуги антихриста, прорицания и чудеса которых делают души несчастных игрушкой демонов²⁰¹. Блаженнейший король Олаф решил сурово преследовать их всех и подобных им, чтобы устранить внутренние конфликты и тем крепче укоренить в своём королевстве христианскую религию. Он имел при себе многих епископов и священников из Англии, по совету и наставлению которых он «расположил своё сердце к Богу»²⁰², поручив им управление подчинённым народом. Среди них учёностью и добродетелями отличались Зигфрид, Гримкиль, Рудольф и Бернгард. По приказу короля они посещали Швецию, Готию и все острова, расположенные за Норвегией, проповедуя варварам слово Божие и царствие Иисуса Христа. Олаф отправил также послов с дарами к нашему архиепископу, прося его с радушием принять этих епископов и прислать ему своих собственных ради укрепления в христианстве грубого народа норманнов.

58 (56). Такую любовь к вере проявлял, говорят, и другой Олаф²⁰³ – король Швеции. Желая обратить в христианство подвластные ему народы, он приложил много усилий к тому, чтобы разрушить Упсалу – святилище идолов, расположенное в самом центре Швеции. Опасаясь этого его намерения, язычники, как говорят, постановили на народном собрании, что если король хочет быть христианином, то пусть возьмёт по своему выбору лучшую область Швеции и управляет ей по своему закону. Пусть он заложит в ней церковь и введёт христианство, но не станет никого из народа силой заставлять отказываться от почитания языческих богов, если, конечно, кто-нибудь не пожелает обратиться ко Христу добровольно. Король, довольный этим решением, тут же основал в западной части Готии, на границе с данами или норманнами, церковь Божию и епископский престол. Престол находился в крупном городе Скаре²⁰⁴. По просьбе христианнейшего короля Олафа архиепископ Унван поставил туда первым епископом Тургота²⁰⁵. Этот муж исполнил свою миссию к язычникам весьма усердно; так, его трудами ко Христу обратились два главных готских племени. (57). Через этого епископа король Олаф послал митрополиту Унвану дорогие подарки.

59. Кроме того, говорят, что у этого короля было двое сыновей, которых он велел крестить вместе с женой и всем своим народом. Один из них, который был рождён от наложницы, звался Эдмунд²⁰⁶. Второй – Анунд, рождённый от законной супруги, был назван в знак веры и милости Яковом²⁰⁷. С юных лет он «мудростью и благочестием превосходил всех своих предшественников»²⁰⁸, и никто из королей не был столь любезен народу шведов, как Анунд.

60 (58). В то время, когда между славянами и трансальбианами был крепкий мир, архиепископ Унван вновь отстроил свою столицу – Гамбург и, собрав рассеявшееся духовенство, опять поселил там большое количество горожан и братьев. Итак, часто живя в этом месте вместе с герцогом Бернгардом, он неоднократно по полгода проводил в Гамбурге, приглашая туда для переговоров славнейшего короля Кнута и славянских князей Уто²⁰⁹ и Седериха. Таким образом владыка Унван блестяще исполнял свою миссию к язычникам и дома, и вне его. Теперь же осталось сказать ещё то, что мы благодаря крылатой молве узнали о мученичестве короля Олафа.

61 (59). Итак, Олаф, славнейший король норманнов, вёл постоянную борьбу против Кнута, короля данов, который напал на его королевство^{41*}. Наконец, в результате возмущения вельмож, чьих жён он удалил из-за их увлечения ворожбой, блаженнейший король Олаф был изгнан из Норвежского королевства. Так что теперь Кнут правил одновременно в Норвегии, Дании и, – чего никогда не случилось прежде ни с одним из королей, – в Англии. Олаф же, все свои надежды возложив на Бога, вновь возобновил борьбу ради сокрушения идолов. Собрав неисчислимое войско из подданных короля Швеции, на дочери которого он был женат²¹⁰, и исландцев²¹¹, он силой оружия вернул себе королевство отцов. Итак, христиан-

нейший король, знаменитый храбростью по отношению к врагам и справедливостью к своим людям, настолько поверил в то, что именно Бог восстановил его на троне, что не желал более терпеть никого, кто либо хотел остаться чародеем, либо не хотел становиться христианином. Он уже по большей части осуществил своё намерение, когда немногие из чародеев, которые ещё уцелели, мстя за тех, которых король осудил, не поколебались убить его самого²¹². Одни говорят, что он был убит в бою, а другие – что его замучили в самом народном собрании. Наконец, третьи утверждают, что он был тайно убит в угоду королю Кнуту, что, по нашему мнению, гораздо ближе к истине, ибо именно Кнут овладел его королевством. Итак, король и мученик Олаф принял, по-видимому, именно такую смерть. Тело его было с подобающими почестями погребено в крупном городе его королевства – Тронхейме²¹³. Там, благодаря чудесам и исцелениям, которые совершаются через него, Господь и ныне являет, насколько уважаем на небе тот, кто так славился на земле²¹⁴. Его достойное вечной памяти мученичество отмечается всеми народами северного океана, а именно: норманнами, шведами, готами, [сембами], данами и славянами, 29 июля.

62 (60). Рассказывают, что в это же время, движимый любовью к Богу, в Швецию из Англии прибыл некто по имени Вольфред и принялся весьма энергично проповедовать язычникам слово Божие. Когда он своей проповедью обратил в христианскую веру очень многих, то, стоя в собрании язычников, начал предавать анафеме идола тамошнего племени по имени Тор. Схватив секиру, он разбил идола на куски. Однако за такую дерзость на него тут же обрушилась тысяча ударов, и достойная венца мученичества душа отлетела на небо. А его растерзанное в результате долгих издевательств тело варвары сбросили в болото. Всё это, что мне удалось узнать, я правдиво передал памяти, хотя есть и другие, достойные описания события. Однако об Унване и о событиях, которые произошли в его время, сказано достаточно и, как я полагаю, вполне достоверно. В это время Вальтарду в Магдебурге наследовал Геро²¹⁵, а последнему – Хунфрид²¹⁶. Оба они были святыми мужами, достойными епископского звания. Вскоре после этого, а именно 27 января 1029 года Господнего, 12-го индикта, умер наш славный архиепископ и был погребён по левую сторону от своих предшественников.

63 (61). Лиавицо²¹⁷ пребывал в должности почти четыре года. Будучи племянником первого Лиавицо и приором кафедрального собора, он благодаря содействию императрицы Гизелы²¹⁸ получил от цезаря Конрада посох, а от папы Иоанна XIX²¹⁹ – паллий. Он был смиренным, правдивым и богобоязненным мужем^{42*}. *Schol. 42* Лиавицо был любезен со всеми, но особую любовь питал к духовенству и всем сердцем сочувствовал бедным в их нужде. Он купил у местных жителей селение²²⁰ по ту сторону реки и, пожертвовав его братьям, велел им давать с него по 30 обедов [в год.] К странноприимному дому он проявлял такую заботу, что казалось, будто он исправляет в этой части упущения со стороны всех своих предшественников. Он настолько обогатил епископство, приорства и странноприимный дом, что вряд

ли можно было найти там хоть одного бедняка. Возможно, это покажется невероятным тем, которые видят бедность нашего времени, но и тогда, пожалуй, вряд ли бы кто-нибудь поверил в то, что события, которые случились ныне, произойдут в будущем.

64. Итак, Лиавицо, бывший хорошим приором и ставший ещё лучшим епископом, со всем пылом души взялся за выполнение своей миссии среди язычников. (62). Прежде всего, расположив к себе Кнута, короля данов, он вместо Гербранда поставил в Зеландию Авоко²²¹, в Ольденбург рукоположил Мейнхера²²², а преемником епископа Тургота сделал Готшалка²²³ из Рамельсло. Ибо в эти дни блаженный^{Schol. 43} епископ Тургот^{43*}, который в интересах своей миссии долгое время пребывал в Бремене вместе с архиепископом, был поражен тяжелейшим недугом – проказой, и с величайшим терпением ждал дня, когда Господь призвет его к себе. Наконец, он почил доброй смертью и был погребен в базилике св. Петра, где почили^{Schol. 44–45} в мире Фольквард, Хариг, а также великий Одинкар и Поппо^{44–45*}. К архиепископу тогда съехались славные проповедники – епископы: Одинкар Младший из Дании, Зигфрид из Швеции и Рудольф из Норвегии, чтобы «рассказать ему, что сотворил Господь ко благу язычников»²²⁴, которых с каждым днем обращалось всё больше. Владыка принял их с великой честью, как то и следовало, и вновь отправил проповедовать.

65 (63). В это время император Конрад взял в жены своему сыну Генриху дочь короля Кнута²²⁵. Вместе с ними он с королевским величием тут же отправился в Италию, чтобы дать этому королевству правосудие²²⁶; король Кнут, который внушал варварским народам страх силой трёх королевств, сопровождал его в этом походе²²⁷. Имея трёх сыновей²²⁸, он каждому из них выделил по королевству; сам же, посещая периодически то данов, то норманнов, чаще всего находился в Англии.

66 (64). Итак, архиепископ часто посещал столицу – Гамбург. Ибо в то время благодаря доблести короля Кнута и герцога Бернгарда по ту сторону Эльбы был крепкий мир, особенно после того, как цезарь усмирил в войне винулов^{46*}. Их князья Гнев и Анатрог были язычниками, а третий – Уто, сын Мстивою, – плохим христианином. Он за свою жестокость был убит неким саксонским перебежчиком, оставив после себя сына – Готшалка²²⁹, который в это время получал образование в герцогством монастыре в Люнебурге; руководство этой обителью осуществлял тогда другой Готшалк – епископ готов. Узнав о смерти родителя, Готшалк воспы-
^{Schol. 46}л гневом и яростью; оставив учёбу и веру, он взял в руки оружие и, перейдя через реку, присоединился к врагам Божиим – винулам. Нападая с их помощью на христиан, он, как говорят, в отмщение за отца перебил многие тысячи саксов. Наконец, герцог Бернгард схватил этого предводителя разбойников и поместил его под стражу. Но, зная Готшалка, как храбрейшего мужа, он заключил с ним договор и отпустил на волю. А тот пришёл к королю Кнуту, отправился вместе с ним в Англию и оставался там долгое время.

67 (65). Между тем наш архиепископ, постоянно стремясь в благочестивых трудах к небу, как добрый пастырь украсил свою церковь и воспитал сынов церкви, угодный всем и даже, – что очень трудно, – князьям. В своё время герцог Бернгард и его брат Титмар²³⁰ сделали нашей церкви много добра, вняв уговорам блаженнейшей Эммы^{47*}, которая очень любила Бременскую церковь и почти все свои богатства передала Богу, Его Матери и св. исповеднику Виллехаду. Из любви к владыке она также заботилась обо всех сынах церкви так, словно те были её собственными. Однако «завистливая судьба не дала нам долго радоваться такому пастырю»²³¹, каким был Лиавицо, «угодный, говоря я, Богу и людям»²³². Будучи больным, он, как говорят, отслужил две мессы в день святого апостола Варфоломея и, окончив по обыкновению псалтырь, в тот же день, радуясь, отошёл ко Христу, к вечной печали для своих людей. Он умер 24 августа, в 1030 году Господнем, 13-го индикта²³³. Schol. 47

68 (66). Герман²³⁴ пребывал в должности всего три года^{48*}. Пастырский посох он получил от цезаря Конрада, а паллий – от папы Бенедикта Младшего²³⁵. Избранный Хальберштадтским капитулом он был приором этой церкви. Он, как говорят, «был прост, как голубь, но не обладал мудростью змеи»²³⁶, а потому подданным легко удавалось его обманывать. Он редко посещал свой приход. Так, только однажды он побывал в Гамбурге; придя туда с войском, он разграбил епископство, словно оно не было его собственностью, а при уходе надсмеялся над страной, как над пустыней. Зачинщиком этого грабежа и виновником прочих дурных советов был Макко, викарий этого архиепископа. Впрочем, капелланами у него были благородные мужи – Дитрих и Свитгер²³⁷, который в последствии, вступив на римский престол, принял имя Климента^{49*}. Иподьяконом у него был Адальберт²³⁸, ставший позднее архиепископом Бременским, уже тогда имевший грозный взор и манеры и своими речами вызывавший неудовольствие тех, кто его слушал. Итак, считая маловажным^{50–51*} всё, что он нашёл в епископстве, владыка первым делом привёл в Бремен некоего музыканта Гвидо и по его настоянию исправил церковную музыку и монастырскую дисциплину. Это было его единственным успешным деянием. Затем, разрушив древнейшую часовню св. Михаила, он перенёс из этого места тела трёх своих предшественников, а именно: Адальгара, Хогера и Регинварда, и захоронил их в соборной церкви, под самим трибуналом. После этого, намереваясь взяться за великое и весьма полезное дело – обвести город стеной, он, едва успев вырыть фундамент, умер, после чего и всё это дело заглохло. Поскольку он, как великий владыка Илия, не сумел удержать своих людей от грабежа²³⁹, то оказался не угоден карающему Богу также и в добрых делах. Он скончался в Хальберштадтском епископстве, в своём поместье Хюттенроде²⁴⁰. Тело его было доставлено в Бремен и предано земле посреди хора. Он умер 18 сентября. Schol. 49
Schol. 50–51

69 (67). Бецелин²⁴¹ по прозвищу Алебранд пребывал в должности 10 лет. Муж, украшенный всякого рода добродетелями, достойный звания епископа, он был «угоден Богу и людям»²⁴². Нам дала его Кёльнская церковь. Император Конрад вручил ему посох, а папа Бенедикт передал паллий. Он был с великой славой

посвящён в сан семью епископами Саксонии, как зависимыми от него, так и прочими, в столичном городе Гамбурге. Однако сказанного нами слишком мало для похвалы этому блаженному мужу; я вообще никогда не слышал, чтобы можно было в чём-то его упрекнуть. Чтобы сделать краткий очерк его добродетелей, скажем, что он был отцом отечества, украшением духовенства и благом народа, ужасом для могущих творить зло и примером для добрых людей; славный благочестием он всегда доводил до конца то, что задумал. Всё сказанное и сделанное им вечно живёт в памяти потомков. Он ко всем относился так, как они того хотели, но особую заботу и любовь Бецелин проявлял к клирикам^{52*} и «с трудом переносил, если о них говорили дурно»^{243. 53*} Он восстановил монастырь и первым учредил для каноников общественные трапезы. Ибо, когда прежняя пребенда, – те 30 обедов, которые раз в год распорядился давать епископ Лиавиц²⁴⁴, – стала казаться чуть ли не скудной, он, прибавив к ней от себя несколько десятин, уладил дело таким образом, что братьям сверх обычной анноны каждый день стали выдавать белый хлеб, а по воскресным дням каждый из них получал двойную порцию мёда. Он решил также выдавать братьям вино, которого не было в Саксонии, и практически выполнил в свои дни это намерение. Организовав общественную трапезу, он взялся за монастырь и построил на месте прежнего деревянного сруба каменное строение обычной четырёхугольной формы, украшенное резными решётками и приятное на вид. Затем, построив вокруг города начатую его предшественником Германом стену, он в некоторых местах довёл её до самых зубцов, а в других – оставил незавершённой на высоте 5 или 7 локтей. С запада, напротив рынка, в ней были большие ворота, а над воротами располагалась чрезвычайно прочная башня, укрепленная по итальянскому образцу и оснащённая семью складскими помещениями для различных городских надобностей.

70 (68). Оставив в Бремене эти памятники своей деятельности, он тут же со всей любовью своего сердца взялся за восстановление Гамбургской церкви. Ибо там после устроенного славянами погрома, о котором мы сообщали выше, архиепископ Унван вместе с герцогом Бернгардом возвели на руинах старого города внушительную крепость, а также построили церковь и бараки, всё – из дерева. Ввиду слабости этого места владыка Алебранд счёл необходимой более сильную его защиту против частых вторжений врагов и прежде всего соорудил из четырёхугольных камней церковь, которая была основана в честь Матери Божьей. А затем построил себе ещё и каменный дворец, сильно укрепленный башнями и бойницами. Герцог, видя для себя угрозу в этой постройке, также построил в названном городе замок для своих людей. Так, в восстановленном городе с одной стороны базилики вновь появился дворец епископа, а с другой – замок герцога. Благородный архиепископ хотел также обвести Гамбург, – свою столицу, – стеной и укрепить башнями, но преждевременная смерть помешала этому его намерению^{54*}.

71 (69). В его времена по ту сторону Эльбы, да и по всему королевству был крепкий мир. Славянские князья Анатрог, Гнев и Ратибор, мирно приходя в Гам-

бург, служили герцогу и епископу. Но и тогда и ныне герцог и епископ по разному проявляли свой интерес к народу винулов. Так, герцог заботился лишь о взимании с них дани, а епископ пёкся о распространении христианства; и мне кажется, что этот край давно бы уже был крещён усилиями священников, если бы обращению этого народа не мешала жадность князей.

72 (70). Итак, архиепископ, заботясь по примеру своих предшественников о вверенной ему миссии среди язычников^{55*}, поставил своих помощников в миссионерской деятельности епископами: капеллана Рудольфа²⁴⁵ – в Шлезвиг, Абелина – в землю славян, а Вала²⁴⁶ – члена Бременского капитула – он посвятил в Риббе; прочие епископы, о которых мы упоминали выше, также были ещё живы и не сидели без дела в винограднике Божьем. *Schol. 55*

73 (71). В шестой год владыки умер храбрый император Конрад²⁴⁷; ему наследовал его сын Генрих²⁴⁸, тот, который усмирил венгров. В это же время умерли достопамятные короли севера Кнут и Олаф, родные братья. Одному из них, а именно Олафу, королю Швеции, на престоле наследовал его сын Яков, о котором мы говорили выше. При нём в Швеции в течение 12 лет нёс военную службу Свен Младший²⁴⁹, сын Вольфа, который сообщил нам, что в правление Якова христианство широко распространилось по всей Швеции. Второй брат, то есть Кнут, умер в Англии; он в течение 22-х лет держал в своей власти королевства данов, англов и норманнов.

74 (72). Согласно его воле ему после смерти наследовали на троне его сыновья: Харальд – в Англии, Свен – в Норвегии, а Хардекнут – в Дании. Последний был сыном королевы Иммы и имел сестру, которую позднее взял в жёны цезарь Генрих. Впрочем, Свен и Харальд, которые были рождены от наложницы, получили, согласно варварскому обычаю, равную с законными сыновьями Кнута часть наследства. Харальд правил в Англии три года. Против него пришёл из Дании его брат и собрал во Фландрии флот. Однако король англов внезапно умер, и до войны дело не дошло. Так что Хардекнут теперь владел и Англией, и Данией.

75 (73). В это время Свен Младший пристал по пути в Англию к берегам Хадельна. Когда он по обыкновению пиратов разорял окрестности, рыцари архиепископа схватили его и привели к своему господину. А тот, с честью приняв пленника, отвёл его в Бремен, заключил с ним дружбу и, одарив по-царски, спустя несколько дней разрешил удалиться. Всё это нам рассказал о себе сам Свен, с величайшей похвалой отозвавшись об этом архиепископе, который пользовался всеобщей любовью за обхождение и щедрость своей души. Он также поведал окружающим о царском облачении этого владыки, о несметных церковных богатствах, которые он видел в Бремене, и о многом другом.

76 (74). Архиепископ Алебранд, любимый всеми, пользовался большим уважением со стороны герцога Бернгарда и брата герцога Титмара за щедрость своей

души. Он был ненавистен только злодеям, как, например, маркграфу Удо²⁵⁰, гордыню которого он обличал со свойственным ему великодушием.

77. Между тем Свен, второй из сыновей Кнута, который правил в Норвегии, умер. Тогда норманны избрали королём Магнуса²⁵¹, который был сыном мученика Олафа от наложницы. Магнус тут же напал на Данию и владел теперь двумя королевствами, а Хардекнут, король данов, вместе с войском находился в то время в Англии. Намереваясь начать войну против Магнуса, он поставил во главе флота своего родственника – Свена. Однако Свен был разбит Магнусом, а когда возвратился в Англию, то застал Хардекнута уже мёртвым. [В это же время аскоманны и пираты, войдя в устье Везера, внезапно добрались до Лезума и разорили его окрестности. Но, когда они возвращались оттуда к кораблям, им возле Аумунда²⁵² была дана битва, в которой большинство их было истреблено.]

78. На место Хардекнута англы избрали сначала его [сводного] брата Эдуарда²⁵³, которого Эмма родила от своего первого супруга, «святого и богобоязненного мужа»²⁵⁴. Питая недоверие к Свену и боясь, как бы тот не потребовал для себя английской короны, он заключил с этим тираном мир, признав его ближайшим наследником английского трона после своей смерти, даже в том случае, если у него родятся сыновья. Успокоенный этим договором Свен возвратился в Данию, где провёл с Магнусом множество битв. Но всякий раз он терпел поражения и наконец бежал к королю Швеции Анунду.

79 (75). Одержав победу, Магнус укрепил свою власть над Данией и Норвегией. Наш архиепископ прибыл к нему для переговоров в Шлезвиг²⁵⁵, имея в своей свите герцога Бернгарда, Титмара²⁵⁶, епископа Хильдесхайма, и Рудольфа, епископа этого города. Этот Титмар был родом из Дании и прибыл к нам вместе с королевой Гунхильдой, благодаря покровительству которой и получил Хильдесхаймское епископство. Среди варваров он звался Тиммо. В ходе этих переговоров сестра²⁵⁷ короля Магнуса была обручена с сыном герцога – Ордульфом²⁵⁸. Едва прошли свадебные торжества, как он в угоду своему родичу убил по ту сторону Эльбы некоего Харальда²⁵⁹, датского вельможу, который возвращался из города апостолов и был ни в чём неповинен. Причиной же, по которой его убили, было то, что он происходил из датского королевского рода и имел гораздо больше прав на трон, чем сам Магнус.²⁶⁰ Это событие стало началом великих бедствий в семействе герцога²⁶⁰.

Король Магнус был любим данами за свою справедливость и храбрость, но страшен для славян, которые после смерти Кнута беспокоили Данию. Ратибор, славянский князь, был убит данами. [Этот Ратибор был христианином и считался среди варваров мужем великой силы. У него было 8 сыновей, славянских князей, которые все до единого были убиты данами, когда пытались отомстить за отца.] Желая отомстить за его смерть, винулы уже тогда явились со всем своим войском и, разоряя окрестности, дошли до самого Рибе. А король Магнус, возвращаясь в это время из Норвегии, случайно высадился в Хедебю. Тут же собрав отовсюду датские силы,

он встретил покидавших Данию язычников на полях Хедебю^{56*}. Там, как говорят, *Schol. 56* было убито 15 000 человек²⁶¹, после чего мир и радость были обеспечены христианам на всё время правления Магнуса. В это же время Готшалк, возвратившись из Англии после смерти короля Кнута и его сыновей, как враг вступил в землю славян и, нападая на всех, внушил язычникам сильный страх. Впрочем, о его храбрости и силе, которые он проявил в отношении варваров, мы расскажем позднее.

80 (76). В то время как повсюду в мире происходили столь разнообразные события, в Бремене «положение дел стало весьма шатким»²⁶², ибо судьба, завидуя нашим успехам, «не позволила великому долго выстоять»²⁶³. В эти же дни скончалась благороднейшая княгиня Эмма, жена графа Лиутгера и сестра Мейнверка, епископа Падерборна, которая овдовела ещё 40 лет назад и почти все свои огромные богатства раздала бедным и церкви. Тело её покоится в Бременской церкви, а душа пусть наслаждается покоем на небе. Ещё при жизни она передала Бременской церкви поместье Штипель²⁶⁴ возле Рейна. А Лезум, – уж не знаю за какой проступок своей дочери, – отдала императору Конраду. По этому делу императрица Гизела посетила в то время названный Лезум²⁶⁵.

81 (77). В предпоследний год архиепископа в Бремене сгорел собор св. Петра; пламя пожара уничтожило также весь монастырь вместе с мастерскими и весь город с его строениями, так что от старых построек не осталось и следа. Там погибли богатства святой церкви, книги и одежды, а также всё священное убранство^{57*}. *Schol. 57* Но весь этот материальный ущерб легко можно было бы восстановить, если бы мы не потерпели ещё большего ущерба в нравах. «Ибо, – как говорит некто, – порча нравов гораздо хуже потери материальных богатств, так как последние являются чем-то внешним, а первые – нашей внутренней сутью». С этого времени братья, прежде жившие по каноническому уставу за стенами монастыря, сперва стали пренебрегать нормами устава святых отцов, которые свято соблюдались в течение многих веков, а затем вообще отказались от них и устав вышел из употребления. От рукоположения св. Виллехада, когда была основана Бременская церковь, до смерти Алебранда, когда эта церковь сгорела, прошло почти 270 лет. (78). А сгорела она в начале осени, 11 сентября.

82. Архиепископ в это время направлялся во Фризию^{58*}. Однако, услышав о пожаре храма, он тут же вернулся назад; вырыв следующим летом фундамент, он решил придать нашей церкви большее величие, построив её по образцу Кёльнского собора. Мы верим, что если бы судьбе было угодно отпустить ему ещё несколько лет жизни, то он, конечно, довёл бы до конца строительство этой церкви. Настолько велики были энергия и упорство епископа в этом деле и, особенно, в строительстве храма. В течение одного лета, когда он начал этот труд, был вырыт фундамент, возведены колонны, арки и боковые стены. *Schol. 58*

По окончании зимы, когда близился уже праздник Пасхи, блаженнейший владыка Алебранд, – очевидно, уже чувствуя свой близкий конец, – [накануне вечера

Господней]²⁶⁶ босиком отправился из церкви в Шармбеке²⁶⁷ в Бремен. Там, совершив со слезами молитву, он вверил Богу и его святым свою церковь. Поскольку его уже терзала лихорадка, он на лодке был доставлен в приорство Бюкен и прожил там ещё семь дней. Так, «поменяв земные куличи на небесные опресноки»²⁶⁸, его душа, радуясь, отошла к Господу. Тело епископа при величайшей скорби следующей за ним свиты и встречавшихся по дороге путников было доставлено по течению реки Везер в Бремен и погребено посредине недавно начатой им базилики, а именно, на месте прежнего главного алтаря, рядом с мавзолеем святого отца Виллехада. В это время в Магдебурге умер блаженной памяти архиепископ Хунфрид. Ему наследовал Энгельхард²⁶⁹, после того как был отвергнут Винтер²⁷⁰, отказавшийся от епископства. Погребение нашего возлюбленного отца Алебранда состоялось 15 апреля

Schol. 59 1043 года Господнего^{59*}, 11-го индикта. Прощай и здравствуй во Христе, любимый пастырь, которого никогда не забудет твоя паства! Иди к небесной Пасхе, где «вместе с пасхальным агнцем ты будешь вкушать опресноки чистоты и истины!»²⁷¹ «Пусть тебя достойно примут в вечной обители»²⁷², где ты вместе с ангелами будешь радоваться вечному блаженству. Ибо пока ты наслаждался вместе с нами земной жизнью, ты прекрасно справлялся со своими пастырскими обязанностями. Твоя жизнь и учёность были по нраву всем нам. Ныне же ты отнят у нас, чтобы злоба не успела изменить твой дух. Поэтому милосердный Господь и поспешил забрать тебя из недр враждебности, чтобы ты получил более полную награду за свои труды, даже если ты и не успел довести до конца все свои добрые намерения. Итак, правда твоя пребывает с нами, а память о тебе не умрёт во веки вечные!

КНИГА ТРЕТЬЯ

Третья часть нашего повествования посвящена деяниям Адальберта

1. Архиепископ Адальберт пребывал в должности 29 лет. Пастырский посох он получил от императора Генриха, сына Конрада, который был 90-м на престоле римских императоров от Цезаря Августа, не считая соправителей. А архиепископский паллий он, как и его предшественники, принял через послов от выше-названного папы Бенедикта¹, который, как мы выяснили, был 147-м в ряду римских понтификов, считая от апостолов. Рукоположение его состоялось в Ахене, в присутствии цезаря и князей и при содействии 12 епископов, возложивших на него свои руки. Впоследствии Адальберт неоднократно указывал на такой избыток благословения тем, которые его проклинали, и, смеясь, говорил, что никто не может отлучить от церкви того, кто изначально был посвящён в сан столь торжественно и принял благословение от стольких церковных патриархов.² О деяниях и нравах этого мужа трудно написать что-либо достойное²; тем не менее написать об этом нас вынуждает необходимость, ибо мы, о достопочтенный епископ Лиemar, обещали довести сей труд до дней твоего вступления в должность. Пустившись раз по своему безрассудству и дерзости в это море, я считаю благоразумным вновь поспешить к берегу; не вижу только подходящей гавани, где бы мне, неопытному, можно было спокойно пристать. До того всё преисполнено подводных камней зависти, до того всё мелководно, что если ты вздумаешь что-нибудь похвалить, тебя назовут лстецом,³ если же осудишь дурное, объявят злым человеком³.

Тем не менее этот замечательный человек может быть превознесён всякого рода похвалами, поскольку он был знатен, красив, мудр, красноречив, воздержан и целомудрен; всё это он соединял в себе, но имел ещё и другие достоинства, которые люди обычно приобретают извне, а именно богатство и счастье, посредством чего добывается слава и власть; всем этим Адальберт обладал в избытке. Кроме того, в осуществлении миссии среди язычников, – что является первым долгом Гамбургской церкви, – он был столь деятелен, как никто до него. Относительно торжественности богослужения, уважения к апостольскому престолу, верности государству, забот о своём приходе ему не было равных, и вряд ли кто-нибудь в звании духовного пастыря действовал с большим рвением, чем он, – о если бы он оставался таким до конца! Ибо, будучи таковым в начале, под конец жизни он производил гораздо менее благоприятное впечатление. Правда, подобное ухудшение нравов этого не слишком предусмотрительного мужа произошло не только из-за его собственной небрежности, но и под влиянием злобы других. Подробнее об этом будет сказано

позже на своём месте. Поскольку мне трудно изложить все деяния этого мужа с надлежащей полнотой, обстоятельно и по порядку, то я желаю, коснувшись лишь самых главных сторон его деяний, перейти с болезненным чувством к описанию тех бедствий, вследствие которых пала знатная и богатая Гамбургская и Бременская епархия, ибо Гамбург был опустошен язычниками, а Бремен разграблен лжехристианами⁴. Итак, я начну свой рассказ с описания нравов Адальберта, которые объяснят нам и всё остальное.

2. Он происходил из очень знатного рода⁵; его первой должностью было звание приора Хальберштадта; он был остроумен, находчив и обладал множеством разных талантов. В делах мирских и церковных Адальберт обладал большой мудростью, славился своей памятью, хранившей всё, что он раз слышал или серьёзно изучал, и необыкновенным даром красноречия в изложении однажды усвоенного. Отличаясь прекрасной наружностью, он был большим любителем целомудрия. Его щедрость была такова, что ⁶он с большой готовностью и радостью награждал даже таких, которые о том не просили, но сам считал недостойным просить о чем-либо других, с затруднением принимал подарки и чувствовал себя при этом униженным⁶. Смирение его вызывает сомнение, ибо он обнаруживал его только в отношении рабов Божиих, бедных и странников, причём в такой степени, что, отправляясь ко сну, он часто мыл, став на колени, ноги у тридцати и более нищих; зато перед светскими князьями и равными ему по званию людьми он отнюдь не желал смиряться. Более того, он обличал их с таким рвением, что одних укорял за расточительность, других – за жадность, третьих – за неверность, и не щадил никого, если знал за ним какой-либо грех⁷. При столь редком соединении в одном сосуде стольких добродетелей Адальберта ⁸можно было бы назвать счастливым⁸, если бы не один порок, ненавистность которого омрачала весь блеск славы, которой мог бы сиять архиепископ, а именно тщеславие – обычный спутник богатых людей. Оно породило такую ненависть к этому мудрому мужу, что многие говорили, будто даже добрые дела, которых он сделал очень много, были сделаны им ради мирской славы⁹. Однако пусть те, кто так говорит, не судят его столь безрассудно, зная, что в сомнительных случаях не следует выносить решительного приговора, ибо «тем же судом, каким судишь другого, ты осуждаешь самого себя»¹⁰.

Нам же, которые жили вместе с ним и каждый день наблюдали образ жизни этого мужа, известно, что как человек он делал кое-что для мирской славы, но как человек добрый многое совершил из страха Божьего¹¹. Хотя его щедрость и превышала всякую меру, но я всегда находил, что она имела хорошие побуждения. Так, чтобы обогатить свою церковь, он щедростью располагал к ней одних, как то королей и их ближайших советников; и преследовал лютой ненавистью других, сколько-нибудь опасных для церкви, как, например, наших герцогов и некоторых епископов. Мы часто слышали, как он говорил, что для блага церкви готов пожертвовать собой и своими родными. «Ибо, – заявлял он, – я никого не пощажу, ни себя, ни братьев, ни денег, ни саму церковь, только бы свергнуть иго с моего епископства и сделать его равным другим». Впрочем, лучше будет всё это изложить по порядку, чтобы люди умные увидели, насколько вынужденно и отнюдь не легкомысленно,

но скорее разумно действовал он в тех или иных делах, в которых, как кажется глупцам, он поступал глупо и неразумно.

3. В первый год своего вступления в должность, после того как владыка был торжественно посвящён в сан и обвенчан с Бременской церковью, он, видя, что масштабное строительство недавно начатой базилики требует значительных средств, и пользуясь довольно неразумным советом, велел разрушить начатую предшественниками городскую стену и использовать её камни для постройки храма. Тогда же до основания была разрушена та замечательная башня, которая, как мы говорили, была оснащена семью складскими помещениями. Стоит ли говорить о монастыре, который был сложен из отделанных камней и своей красотой радовал взоры окружающих? Его епископ также приказал без промедления разрушить, намереваясь вскоре построить нечто более прекрасное. Ибо, когда мы спросили его по этому поводу, он открыл нам, что намерен построить столовую, спальню, погреб и прочие помещения братии целиком из камня, если позволят время и обстоятельства¹². Он хвалился, что у него под рукой есть всё необходимое, причём в избытке, но, – если позволит сказать братия, – [часто] жаловался, что не хватает лишь клириков и камней. Между тем ¹³дело спорилось, а стены церкви росли¹³; правда, Алебранд начинал строить её по образцу Кёльнской, а Адальберт решил завершить церковь по примеру Беневентского собора.

4. Наконец, на седьмой год после начала строительства фасад строения был завершён, а главный алтарь святилища посвящён в честь св. Марии¹⁴. Ибо второй алтарь в западной апсиде епископ решил посвятить в честь св. Петра, под покровительством которого, как мы читаем, была выстроена прежняя базилика. Однако ввиду многочисленных трудностей, которые то тут, то там возникали перед архиепископом, строительство оставалось незавершённым вплоть до 24-го года его пребывания в должности, когда я, недостойнейший слуга церкви Божьей, прибыл в Бремен. Только тогда стены храма были побелены, а западная крипта посвящена св. Андрею¹⁵.

5. Поскольку великий владыка видел, что церковь и его епископство, которое стало свободным благодаря мудрости его предшественника Адальдага, вновь терпят притеснения от нечестивой власти герцогов, то изо всех сил попытался вернуть этой церкви прежнюю свободу, чтобы ни герцог, ни граф, ни какой-либо иной судебный чиновник не имели в его епископстве ни власти, ни каких-либо полномочий. Он не мог это сделать, не вызвав к себе ненависти, ибо обличаемые им в дурных намерениях князя воспылали против него сильным гневом. Рассказывают, что герцог Бернгард, питавший к епископу недоверие за его мудрость и благородство, часто говорил, что он – «соглядатай, направленный в эти края для того, чтобы высмотреть слабость земли и выдать её чужакам и цезарю»¹⁶. Поэтому, мол, пока он или кто-либо из его сыновей будут живы, епископ ни дня не будет знать покоя в своём епископстве. Эти слова запали епископу в сердце глубже, чем

можно было подумать. И с этого времени он, охваченный гневом и опасениями, замышлял и таил в душе лишь одно – мешать всем начинаниям герцога и его людей. Скрыв на время душевную боль, он, не находя иного выхода, прибегнул к помощи двора и не щадил ни себя, ни своих людей, ни самого епископства, чтобы добиться расположения цезаря и придворных и сделать с их помощью свободной свою церковь. Он выполнял при дворе самые трудные поручения и добровольно участвовал со своими людьми в стольких походах, что цезарь был удивлён неумолимостью и упорством этого мужа и предпочитал иметь его первым советником по всем государственным делам.

6. Велико было число походов, которые епископ совершил вместе с цезарем в Венгрию¹⁷, против славян¹⁸, в Италию¹⁹ и Фландрию²⁰. Каждый из них требовал от епископа больших расходов и многочисленных жертв среди его вассалов; однако мы вынуждены будем упомянуть только о двух из них, а именно: о первом – в Италию, и о последнем – в Венгрию, поскольку оба были значительнее прочих и окончились неудачно для нас. О венгерском походе мы скажем в конце²¹, а сейчас рассмотрим итальянский.

7. Укротив или подавив венгерский мятеж, король Генрих отправился в Рим, как говорят, по церковной необходимости. Наряду с прочими магнатами империи его сопровождал в походе и наш архиепископ. После того как были устранены раскольники – Бенедикт, Грациано и Сильвестр, который боролись друг с другом за апостольский престол, папой должны были избрать епископа Адальберта, но он *Schol. 60* предложил вместо себя своего коллегу – Климента^{60*}. Король Генрих был коронован им на Рождество Господне императором²² и провозглашён августом.

8. Вскоре после этого наш архиепископ пригласил возвратившегося из Италии императора к себе в Бремен под предлогом необходимости посетить Лезум или пригласить на переговоры короля данов, а на самом деле – для того, чтобы испытать верность герцогов. Император, как то и подобает, был принят в Бремене с королевским великолепием²³, пожаловал братьям поместье Балгу²⁴, а церкви передал Фризское графство, которым прежде владел Готфрид²⁵. Оттуда цезарь пришёл в Лезум и там, как говорят, едва не попал в устроенную графом Титмаром западню; но бдительность нашего архиепископа уберегла его. По этой причине граф был вызван цезарем в суд и, пожелав очиститься от обвинения поединком, был убит своим вассалом Арнольдом²⁶. Через несколько дней этот Арнольд был схвачен сыном²⁷ Титмара и, повешенный за ноги между двумя псами, окончил свою жизнь. Сын Титмара, в свою очередь, был схвачен императором и осуждён на пожизненное изгнание. Смерть Титмара наполнила герцога, родного брата убитого, и его сыновей лютой яростью против архиепископа, так что с того времени они преследовали его самого, его церковь и людей этой церкви смертельной ненавистью. Даже когда обе стороны, казалось, примирялись иногда друг с другом, то и тогда люди герцога, помня о старинной ненависти, которую питали к церкви их отцы²⁸, не

переставали нападать на наших, притесняя их всеми способами. «Восстань, Господи, и защити дело твоё! Вспомни поругание рабов твоих!»²⁹.

9. Митрополит же, напротив, сражаясь с добрым намерением и «дорожа временем, ибо дни лукавы»³⁰, заключил с герцогами мир. Затем, проявляя заботу о своём приходе, он задумал оставить в нём великий и достойный памятник своего величия. Отвергая поначалу «золотую умеренность предшественников»³¹, он презирал всё старое и старался заменить его новым. Итак, строя большие планы и не скупясь на расходы, он, желая сделать Бремен равным прочим городам, тут же учредил на приобретённых поместьях два приорства: первое – в честь св. Виллехада, чьё тело покоилось там или было туда перенесено; а второе – в честь св. Стефана, чьим слугой неоднократно называл себя этот архиепископ. Вначале он основал эти два приорства, а позднее учредил ещё и другие. Так, третье приорство – в честь св. Павла – он основал³² в Бремене на землях, которые принадлежали Госпиталю; четвёртое – в Лезуме – на землях названного поместья. Пятое он решил создать в Штаде, а шестое – по ту сторону Эльбы, в Зюльберге³³. Седьмое приорство он заложил в Эсбеке³⁴, лесистой и горной местности в Минденской епархии. Восьмым было аббатство Гозек³⁵ на реке Заале, основанное родителями архиепископа.

10. Он начал также в разных местах множество других построек, но ещё при его жизни, когда он был слишком занят государственными делами, большая часть их разрушилась, как тот каменный дом, который внезапно рухнул в Эсбеке в его же присутствии. Прочие постройки рухнули из-за хищений и небрежения со стороны приоров, которых, впрочем, архиепископ сурово карал, если узнавал об их хитрости. В этом деле можно видеть, как из-за нерасторопности тех, кому епископ доверял больше, чем следовало, его добрые намерения часто имели совершенно противоположный результат.

11. О делах своего прихода названный муж изначально заботился с достойным и заслуживающим похвалы рвением. А то, что было им сделано вне прихода в деле обращения язычников, будет кратко изложено в следующем отрывке. (11). Как только Адальберт стал архиепископом, он тут же отправил послов к королям севера для установления дружбы. Он также разослал по всей Дании, Норвегии и Швеции, «вплоть до краёв земли»³⁶, увещательные письма, в которых побуждал живущих в этих странах епископов и священников верно оберегать церкви Господа нашего Иисуса Христа и, отбросив страх, приступить к обращению язычников.

12. В это время Магнус правил двумя королевствами^{61*}, то есть Данией и Норвегией, а Яков по-прежнему занимал трон в Швеции. С его помощью и при поддержке ярла Туфа³⁷ Свен изгнал из Дании Магнуса. Последний вскоре возобновил войну, но умер на кораблях. Свен овладел двумя королевствами³⁸ и, как говорят, снарядил флот, чтобы подчинить своей власти ещё и Англию. Однако святейший король Эдуард, справедливо управлявший этим королевством, избрал мир и, Schol. 61

заплатив победителю дань, как было сказано выше, признал Свена своим наследником. И вот, поскольку юный Свен правил теперь по своему произволу тремя королевствами, он ³⁹по мере возрастания успехов стал забывать³⁹ царя небесного и вскоре взял в жёны свою родственницу из Швеции⁴⁰. Это очень разгневало господина архиепископа; отправив к сумасбродному королю послов, он сурово укорял его за этот проступок, а под конец пригрозил поразить его мечом отлучения, если тот не исправится. А Свен, выйдя из себя, в свою очередь, пригрозил разорить и сжечь всю Гамбургскую епархию. Однако наш архиепископ не испугался этих угроз; обличая и увещевая, он продолжал стоять на своём, пока наконец датский тиран не склонился перед письмами папы⁴¹ и не дал своей кузине разводное письмо. Тем не менее король так и не внял увещеваниям священников и вскоре после того как отослал от себя кузину, взял себе новых жён и наложниц. И поднял Господь против него со всех сторон множество врагов, как он поступил с Соломоном и его рабами⁴².

- Schol.* 62 13 (12). Харальд^{43, 62*} брат короля-мученика Олафа, ещё при жизни брата покинул родину и ушёл изгнанником в Константинополь. Поступив на службу к императору, он участвовал во многих битвах, с сарацинами – на море и со скифами – на суше, прославившись храбростью и приобретя огромное богатство. Когда умер его брат, он был призван на родину, но застал там на троне своего родственника –
- Schol.* 63 Свена^{63*}. Говорят, что он принёс победителю клятву верности и получил от него в лен отцовское королевство в качестве герцогства. Однако вскоре после того как он пришёл к своим и удостоверился в верности норманнов, он легко дал склонить себя к мятежу и огнём и мечом разорил всё побережье Дании. Тогда же сгорела церковь в Орхусе и был разграблен Шлезвиг. А король Свен обратился в бегство. Война между Харальдом и Свеном продолжалась на протяжении всей их жизни.

- 14 (13). В это же самое время от Датского королевства отделились англы. Зачинщиками мятежа были сыновья Годвина^{64*}, которые, как мы уже говорили, были детьми тётки короля данов и чью сестру взял в жёны король Эдуард. Составив заговор, они напали на братьев короля Свена, которые были ярлами в Англии, и одного – Бьорна – тут же убили, а второго – Осбьорна – изгнали из отечества вместе с его людьми⁴⁴. И подчинили Англию своей власти, а Эдуард «сохранил лишь жизнь и ничего не значащий королевский титул»⁴⁵.
- Schol.* 64

15 (14). Пока всё это происходило в Англии, христианнейший король Швеции Яков ушёл из этого мира, и ему наследовал его брат Эдмунд Негодный⁴⁶. Он был рождён Олафу наложницей, и хоть и принял крещение, но мало радел о нашей вере. При нём был некий епископ-схизматик по имени Осмунд⁴⁷, которому Зигфрид, епископ норманнов, в своё время доверил преподавание в бременской школе. Однако позднее, забыв об оказанных ему благодеяниях, Осмунд отправился за рукоположением в Рим, но, ничего не добившись, начал скитаться по разным местам и только тогда получил рукоположение от архиепископа Польши. Затем,

придя в Швецию, он провозгласил себя посвящённым папой в эти земли архиепископом. А когда наш архиепископ отправил своих послов к королю Гамулану⁴⁸, те застали там ходившего вокруг да около Осмунда, который носил перед собой крест по обыкновению архиепископа. Они также узнали, что он заразил ересью только недавно обращённых варваров. Испугавшись присутствия этих послов, Осмунд обычными неправдами убедил короля и народ изгнать их, как якобы не имеющих папского утверждения. ⁴⁹Они же пошли из собрания, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестье⁴⁹. Этими послами были братья Бременской церкви, а возглавлял их Адальвард Старший^{65*}, некогда декан нашего монастыря, а *Schol. 65* в то время назначенный епископом шведского народа⁵⁰. О добродетелях этого мужа можно было бы сказать очень многое, если бы мы не спешили к иному. Изгнанных шведами таким образом послов со слезами проводил не то племянник, не то пасынок короля, смиренно вверив себя их молитвам. Звали его Стенкиль⁵¹. Он был единственным, кто сжалился над братьями, одарил их и благополучно довёл через горы Швеции к святейшей королеве Гунхильде^{66*}, которая из-за близкого *Schol. 66* родства получила от датского короля развод⁵² и жила в своих имениях за пределами Дании, посвятив себя гостеприимству и благотворительности, а также прочим благочестивым занятиям. Приняв послов с большой честью, словно они были посланы самим Богом, она отправила через них архиепископу богатые подарки.

16 (15). Между тем шведов, изгнавших своего епископа, постигла Божья кара. Сначала сын короля Анунд, отправленный отцом для расширения границ империи, добравшись до «Края женщин», которых мы считаем амазонками⁵³, погиб вместе со всем своим войском от яда, подмешанного теми в водные источники. А затем, наряду с прочими бедствиями, шведов поразила такая засуха и неурожай⁵⁴, что они, отправив к архиепископу послов, просили его вернуть им их епископа и наряду с удовлетворением обещали верность своего народа. Радуюсь этому, владыка дал пастве просимого ею пастыря. Прибыв в Швецию, Адальвард был принят там с такой всеобщей радостью, что привлёк ко Христу всё племя вирмиланов⁵⁵, а также, как говорят, совершил в народе множество чудес^{67*}. В это время умер король *Schol. 67* Швеции Эдмунд; после него на трон был возведён его племянник Стенкиль, о котором мы говорили выше. Стенкиль был верен Господу Иисусу Христу, и все наши братья, которые бывали в тех землях, свидетельствовали о его благочестии. Архиепископ Адальберт, описывая, как обычно, в блестящей речи всё, что в то время происходило в Швеции, упомянул и о видении епископа Адальварда, в котором последний получил наставление не мешкать и продолжать проповедовать Евангелие.

17 (16). В Норвегии также происходили великие дела в то время, когда король Харальд превзошёл своей жестокостью все безумства тиранов. Много церквей было разрушено этим мужем, множество христиан предано мучительной казни⁵⁶. Это был могущественный и славный победами муж, который ранее выиграл много сражений против варваров в Греции и в землях Скифии. Вернувшись на родину, он, ⁵⁷молния севера и роковое зло⁵⁷ для всех датских островов, не знал покоя от

войн. Этот муж опустошил все приморские земли славян, подчинил своей власти Оркадские острова, распространил свою кровавую власть вплоть до самой Исландии. Итак, повелевая многими народами, он был всем ненавистен из-за своей алчности и жестокости. Этот несчастный был также ⁵⁸привержен чародейству⁵⁸ и совсем не думал о том, что его святейший брат искоренял в королевстве подобные мерзости⁵⁹, до смерти сражаясь за распространение христианского учения. О выдающихся заслугах [Олафа] свидетельствуют те чудеса, которые ежедневно случаются на могиле короля в городе Тронхейме. Видел их и этот ⁶⁰оставленный Богом человек⁶⁰, но они не произвели на него особого впечатления, так что Харальд кривой рукой сгрёб те жертвования и богатства, которые с величайшим благоговением были собраны верующими у могилы брата, и раздал их воинам. Движимый рвением Божиим архиепископ отправил к королю по этому поводу послов, укоряя его в письмах в тиранической дерзости и особенно упирая на жертвования, которые нельзя использовать в мирских целях, и на епископов, которых он вопреки праву велел посвятить в Галлии и Англии, проигнорировав тем самым того, кто

Schol. 68 только и должен рукополагать их властью апостольского престола^{68*}. Эти упрёки вызвали гнев тирана; Харальд велел с позором прогнать послов Адальберта и заявил, что не знает в Норвегии иного архиепископа и владыки, кроме самого себя. В последующем он сделал и сказал ещё много такого, что привело его гордыню к скорой гибели⁶¹. Ибо и папа Александр⁶² вскоре отправил к этому королю письма^{69*}, в которых велел ему и его епископам оказывать должное уважение и послушание викарию апостольского престола.

18 (17). Ввиду этих событий в Норвегии, архиепископ настойчиво старался примириться с королём Дании, которого прежде сильно обидел, потребовав его развода с кузиной. Ибо он знал, что если сумеет привлечь на свою сторону такого мужа, то ему гораздо легче будет решить и прочие свои замыслы. Итак, действуя посредством щедрости, которую он проявлял ко всем, он вскоре явился в Шлезвиг⁶³. Там, легко вступив в переговоры и примирившись с гордым королём, он с помощью подарков и пиров постарался затмить королевские богатства блеском своей архиепископской власти. Затем, согласно обычаю, принятому среди варваров, обе стороны для скрепления договора попеременно давали в течение восьми дней обильные пиршества. Там тогда были приняты решения относительно многих церковных дел; в частности, говорилось о мире для христиан и об обращении язычников. В итоге владыка с радостью возвратился домой и убедил цезаря пригласить датского короля в Саксонию и заключить с ним договор о вечной дружбе⁶⁴. Благодаря этому договору наша церковь приобрела множество выгод, а миссия среди северных народов благодаря содействию короля Свена получила дальнейшее распространение.

19 (18). По ту сторону Эльбы и в землях славян наши дела по-прежнему имели большой успех. Ибо Готшалк, о котором было сказано выше⁶⁵, муж, знаменитый мудростью и храбростью, взяв в жёны дочь короля данов⁶⁶, настолько усмирил славян, что они боялись его как короля, платили дань и, оказывая подчинение,

просили о мире. При таких обстоятельствах наш Гамбург наслаждался миром, а в земле славян было полно и священников, и церквей. Итак, Готшалк, благочестивый и богобоязненный муж, находился в дружеских отношениях с архиепископом и почитал Гамбург как свою мать. Он имел обыкновение часто приходить туда для исполнения обетов. В землях славян по эту сторону реки никогда не появлялось более сильного и пылкого распространителя христианской религии. Ибо он решил обратить в христианство всех язычников, – если ему будет дана более долгая жизнь, – и уже обратил почти третью часть тех, которые прежде отпали к язычеству при его деде [Мстивое].

20 (19). Итак, при этом князе христианскую веру смиренно почитали все славянские племена, которые относились к Гамбургскому диоцезу, а именно: вагры, ободриты, ререги и полабы; а также глиняне, варны, хижане и черзпеняне вплоть до реки Паны^{70*}, которая в грамотах нашей церкви именуется Пеней. Провинции были полны церквей, а церкви – священников. Священники же свободно действовали⁶⁷ во всём, что касается Бога⁶⁷. Их служитель, князь Готшалк, как говорят, настолько пылал религиозным рвением, что часто, позабыв о своём сане, обращался в церкви с увещательными речами к народу, желая на славянском языке растолковать людям то, что во время мессы говорилось епископами и священниками^{71*}. Количество тех, которые ежедневно обращались, было столь велико, что приходилось посылать за священниками во все страны. Тогда же во всех городах были основаны обители живущих согласно канонам святых мужей, а также монахов и святых дев, как то свидетельствуют те, которые видели их в Любеке, Ольденбурге, Ленцене, Ратцебурге и других городах. В Магнополе же, славном городе ободритов, как говорят, было три общины служивших Богу людей. Schol. 70

21 (20). Образование новых церквей весьма обрадовало архиепископа, и он послал к этому князю мудрых мужей из числа своих епископов и священников, чтобы они укрепили в христианстве новообращённые племена. В Ольденбург он вместо умершего Абелина посвятил монаха Эццо⁶⁸; Иоанна Скотта⁶⁹ поставил в Магнополь; в Ратцебург рукоположил некоего Аристо, который прибыл из Иерусалима, а прочих – в другие места. Кроме того, когда он пришёл в Гамбург, то пригласил на переговоры князя Готшалка, убеждая его последовательно довести до конца начатые ради Христа труды и обещая будущую победу во всём, а также блаженство в том случае, если он потерпит во имя Христа какой-либо ущерб. Великая награда уготована ему на небе за обращение язычников, многочисленные короны увенчают его за спасение отдельных душ. Теми же словами и к тому же самому побуждал архиепископ и короля данов, который неоднократно встречался с ним возле реки Эйдер, когда Адальберт был в тех местах. Всё, что тот говорил ему, опираясь на слова Писания, король старательно замечал и запоминал; только в том, что касалось чревоугодия и женщин^{72*}, грехов, которые лежат в самой природе этих народов, епископ не смог исправить. Во всём остальном король был послушен и покорен архиепископу. Schol. 71

22 (21). В это же время⁷⁰ в земле славян произошли крупные события, о которых ради славы Божьей не следует умалчивать перед потомками, ибо «Бог мести восстал и воздал возмездие гордым»⁷¹. Итак, хоть и многие племена винулов были знамениты своей храбростью, но только четыре из них, которые у них зовутся вильцами, а у нас лютичами, спорят между собой за первенство и власть. Это – хижане и черезпеняне, которые обитают по эту сторону Пены, а также доленчане и ратары, которые живут по ту сторону этой реки. Когда их соперничество дошло до открытой войны, доленчане и ратары, несмотря на поддержку со стороны хижан, были разбиты черезпенянами. Во втором сражении ратары вновь потерпели сокрушительное поражение. Наконец, из третьей битвы черезпеняне также вышли победителями. Тогда побеждённые, призвав к себе на помощь князя Готшалка, а также герцога Бернгарда и короля данов, напали на врагов и в течение семи недель содержали за свой счёт огромное войско трёх королев, ибо черезпеняне оказали мужественное сопротивление. Много тысяч язычников было тогда перебито с обеих сторон и ещё большее количество уведено в плен. Наконец, предложив королям 15 000 талантов, черезпеняне добились мира. Наши с триумфом вернулись домой; о христианстве не было и речи; победители «думали только о добыче»⁷². Такова доблесть черезпеней. Об этих и других тамошних событиях мне правдиво рассказал один благородный человек из трансальбианов.

23 (22). Я слышал также, когда правдивейший король данов коснулся в разговоре этой темы, что славянские племена вне всякого сомнения уже давно можно было бы легко обратить в христианство, если бы этому не мешала жадность саксов. «Их помыслы, – говорил он, – направлены более на взимание дани, нежели на обращение язычников». Эти несчастные не думали о той грозной опасности, которую повлекла за собой их жадность. Ибо сперва они своей жадностью поколебали христианство в славянских землях, затем жестокостью вынудили подданных к восстанию, а ныне, требуя исключительно денег, пренебрегли спасением тех, которые хотели уверовать. Поэтому мы и видим ныне, что они по справедливому приговору Божьему одержали над нами верх, ибо Господь укрепил их для того, чтобы с их помощью наказать наше нечестие^{73*}. Воистину, мы видим себя побеждёнными тогда, когда грешим, но, исправившись, конечно, одержим верх над врагами. Ведь если бы мы потребовали у них только веру, то они были бы уже спасены, а мы наслаждались бы миром.

Schol. 73

24 (23). Пока всё это происходило таким образом за рубежом в сфере миссии нашей церкви, господин архиепископ Адальберт, не сидя без дела, энергично и всеми силами старался ни в чём не умалить своим нерадением пастырского долга, ⁷³прежде всего в заботе обо всех церквях, в том, чем хвалится апостол⁷³. Итак, дома и вне его он действовал столь славно, что будучи равен богачам и выше магнатов, старался быть также ⁷⁴отцом сирот и судьёй вдов⁷⁴, проявляя обо всём такую заботу, что даже самым малым оказывал самую надёжную помощь в их бедах. Когда, погрязнув в мирских делах⁷⁵, он вынужден был меньше внимания уделять духовно-

му, то лишь в обращении он оставался по-прежнему неутомимым, безукоризненным и таким, какого требовали времена и нравы людей. Он был столь приветлив, щедр, гостеприимен и так жаждал божественной и человеческой славы, что наш маленький Бремен стал благодаря его доблести подобен Риму и смиренно почитался во всех концах света, особенно же у всех народов севера. Среди прочих сюда приходили также самые крайние народы – исландцы, гренландцы и послы от оркнейцев, прося, чтобы он послал туда проповедников; что он и сделал⁷⁶.

25 (24). В эти дни из мира ушёл Вал, датский епископ. Король Свен, получив согласие архиепископа, разделил его диоцез на четыре епархии, а Адальберт в каждую из них поставил по епископу⁷⁷. Тогда же наш владыка послал в Швецию, Норвегию и на острова моря «делателей на жатву Господню»⁷⁸. О поставлении каждого из них более подробно будет сказано под конец⁷⁹.

26 (25). Проявляя осмотрительнейшую заботу обо всём своём приходе, во главу угла архиепископ ставил всё-таки столицу – Гамбург, называя его плодороднейшей матерью язычников, которую следует почитать с величайшим благоговением, и заявляя, что ей следует оказывать тем большее уважение, чем тяжелее были наносимые ей удары, ближе угрозы и длительней враждебность язычников. Итак, когда наступило мирное время, он, неоднократно собираясь укрепить и украсить гамбургскую топархию, начал строительство весьма полезного сооружения против варварских набегов, которое должно было служить надёжной защитой народу и церкви нордальбингов. Вся провинция штурмаров, в которой расположен Гамбург, представляет собой равнину, а в той её части, что примыкает к землям славян, нет ни гор, ни рек, которые могли бы служить защитой для её жителей; только леса раскинулись повсюду, и под их покровом враги совершают внезапные набеги; застав наших врасплох, они либо убивают их, не ожидавших ничего подобного, либо уводят в плен, что для тех хуже самой смерти. В этой области над Эльбой возвышается только одна гора, хребет которой протянулся в западном направлении; местные жители называют её Зюльберг⁸⁰. ^{74*} Считая её вполне подходящей для того, чтобы построить там крепость для защиты народа, владыка велел вырубить лес, который покрывал склон горы и укрепить само это место. Итак, понеся большие расходы и пролив много людского пота, он добился поставленных целей и сделал обитаемой эту дикую гору. Учредив там приорство, он собирался сделать его общиной служащих Богу людей, но оно вскоре превратилось в разбойничий притон. Ибо наши начали грабить и преследовать из этого замка живущих в округе людей, которых они призваны были защищать. Поэтому позже, в результате возмущения местных жителей, это место было разрушено, а народ нордальбингов отлучён от церкви. Как нам стало известно, всё это было сделано в угоду герцогу, который по своему обыкновению завидовал успехам церкви.

Schol. 74

27 (26). В это самое время герцог, оставив старый замок в Гамбурге, основал для себя и своих людей новую крепость⁸¹ между рекой Эльбой и небольшой речкой под

названием Альстер. После того как окончательно разделились их сердца и земли, герцог стал жить в новом замке, а архиепископ предпочитал старый. Ибо владыка, как и все его предшественники, любил это место за то, что оно было митрополией для всех северных народов и столицей его епархии. До тех пор, пока за Эльбой был мир, он почти все праздники Пасхи, Троицы и Матери Божьей предпочитал праздновать именно там, собрав в Гамбурге большое количество духовенства из всех монастырей и особенно тех, которые могли радовать народ своим голосом. Радуюсь большому количеству служителей, он велел с величайшим почтением и исключительной славой исполнять все богослужебные обязанности. Он настолько был предан этой славе^{75*}, что желал исполнять церковные таинства уже не по латинскому обряду, но опираясь на какие-то, не знаю уж римские или греческие, обычаи, и во время трёх месс, на которых присутствовал, он велел исполнять по 12 литургий. Он стремился ко всему великому, удивительному и блестящему как в духовных, так и в светских делах; особенно его, как говорят, радовал дым благовоний, сияние свечей и колокольный звон. Всё это он почерпнул из чтения Ветхого Завета, где величие Господа явилось на Синайской горе⁸². Он имел обыкновение делать также и многое другое, что может показаться странным современникам и не знающим грамоты людям. Тем не менее он ничего не делал помимо Писания и уже тогда задумал богатствами и славой возвысить свою церковь над прочими, если только ему удастся склонить на свою сторону папу и короля. Их то расположение он и старался приобрести всеми способами.

Schol. 75

28 (27). В это же время цезарь Генрих, употребив несметные государственные сокровища, основал в Саксонии Гослар, счастливо и быстро превратив его, как говорят, из маленькой мельницы, или охотничьего шалаша, в тот великий город, каким мы теперь его видим. Построив в нём для себя дворец, он также учредил здесь во славу всемогущего Бога два монастыря⁸³; управление и высший надзор над одним из них он поручил нашему владыке, ибо тот был его неразлучным спутником и сотрудником во всех делах. Тогда же ему была дана надежда на приобретение или покупку графств, аббатств и поместий, которые впоследствии действительно были куплены им к великому несчастью для церкви, а именно: монастыри Лорш и Корвей, графства Бернгарда⁸⁴ и Экберта⁸⁵, поместья Зинциг⁸⁶, Плессе⁸⁷, Гронинген⁸⁸, Дуйсбург⁸⁹ и Лезум. Приобретая сомнительными путями эти владения, митрополит решил, как то прекрасно сказано о Ксерксе, «перейти море и переплыть землю», и думал, что он может сделать всё, что бы ни захотел.

29 (28). Особенно он рассчитывал при этом на то обстоятельство, что в Германию ради требующих исправления церковных дел прибыл могущественный папа Лев⁹⁰; Адальберт был уверен, что папа по старой дружбе не откажет ему ни в чём, чего можно добиться в законном порядке.

30 (29). Тогда же в Майнце под председательством господина папы и императора Генриха был проведён генеральный собор⁹¹, в котором приняли участие Бар-

до⁹² Майнцский, Эберхард⁹³ Трирский, Герман⁹⁴ Кёльнский, Адальберт Гамбургский, Энгельхард Магдебургский и прочие провинциальные епископы. На этом соборе епископ Шпейерский Сибиго⁹⁵, которого обвиняли в прелюбодеянии, очистился посредством испытания святым причастием. Кроме того, там было принято множество направленных ко благу церкви постановлений, в том числе собственноручной подписью всех членов собора навсегда осуждены нечестивые браки священнослужителей и ересь симонии. Придя домой, наш епископ, естественно, не стал молчать об этом. Относительно женщин он подтвердил то решение, которое было вынесено его предшественником, достопамятным Алебрандом, и ещё ранее Лиавицо, а именно удалить их из синагоги и города, дабы соседство обольстительниц с их вольными речами не оскорбляло целомудренных взглядов^{76*}. Этот собор состоялся в 1051 году Господнем; это был седьмой год архиепископа. Тогда же в честь Матери Божьей был посвящён главный алтарь. Schol. 76

31 (30). Об этом соборе я упомянул потому, что господин Адальберт в то время, когда в церкви были столь видные люди, по праву превзошёл своей мудростью и дарованиями почти всех. Он пользовался таким уважением у папы и у цезаря, что в государственных делах ничего не делалось без его совета. Поэтому даже в военных делах, в которых клирику едва ли пристало принимать участие, король не желал лишаться советов этого мужа, чья непревзойдённая мудрость не раз приводила к победе над врагами. Всё это на себе испытали весьма ловкий итальянский герцог Бонифаций⁹⁶, а также Готфрид⁹⁷, Отто⁹⁸, Балдуин⁹⁹ и прочие, которые, наводнив королевство мятежами, казалось, пытались утомить цезаря тяжёлой борьбой, но в конце концов усмирённые, хвалились тем, что потерпели поражение только благодаря мудрости Адальберта.

32 (31). Стоит ли говорить о варварских народах – венграх, данах, славянах или норманнах, которых император чаще побеждал не в войне, а благодаря его советам? Ибо благодаря увещаниям и делам нашего владыки он усвоил золотое правило: «Поверженных щадить, а горделивых – ниспровергать»¹⁰⁰. В довершение нашего счастья случилось, что храбрейший греческий император Мономах¹⁰¹ и Генрих Французский¹⁰², прислав подарки нашему цезарю, поздравили архиепископа за его мудрость и верность и за достигнутые благодаря его советам успехи. Тогда же он¹⁰³ в ответном послании константинопольскому императору указывал среди прочего на своё происхождение от греческих императоров, ибо его родоначальниками были Феофано и храбрейший Оттон. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он любит греков и старается подражать им в нравах и обычаях; что он и делал. Аналогичное письмо он послал королю Франции и другим.

33 (32). Итак, возгордясь этими успехами и видя, что папа и цезарь содействуют его планам, митрополит с величайшим усердием принялся трудиться над учреждением в Гамбурге патриархата. На этот план его навело то крайнее обстоятельство, что король данов, поскольку христианство распространилось уже до крайних

переделов его земли, пожелал учредить в своём королевстве архиепископство. Это дело с разрешения апостольского престола и в согласии с каноническими нормами почти уже состоялось; ожидали только решения нашего владыки. А тот, хоть и неохотно, но обещал дать своё согласие, если ему и его церкви из Рима будет прислана грамота на патриаршее достоинство. Наряду с теми епископами, которые подчинялись нашей церкви в Дании и среди прочих народов, он намеревался подчинить этому патриархату ещё двенадцать епархий, которые хотел образовать путём разделения своего прихода: первая епархия должна была находиться в Палене¹⁰⁴ на р. Эйдер, вторая в Хайлигенштедтене, третья в Ратцебурге, четвёртая в Ольденбурге, пятая в Мекленбурге, шестая в Штаде, седьмая в Лезуме, восьмая в Вильдесхаузене, девятая в Бремене, десятая в Вердене, одиннадцатая в Рамельсло, а двенадцатая во Фризии. Ибо Верденское епископство он смог подчинить себе без особого труда, чем неоднократно хвалился.

34 (33). Между тем, пока это дело тянулось с обеих сторон, умер святейший папа Лев; в том же году скончался и храбрейший император Генрих. Их смерть наступила в 12-й год архиепископа¹⁰⁵; она потрясла не только церковь, но и государство, казалось, привела на край гибели. Итак, ¹⁰⁶все беды поразили с этого времени нашу церковь¹⁰⁶, ибо наш пастырь был занят исключительно придворными делами. Управление королевством перешло по праву наследования к женщине с ребёнком¹⁰⁷, к великому ущербу для империи. Князья, недовольные правлением женщины и властью малолетнего короля, и не желая оставаться под игом такого рабства, сначала возвратили себе прежние свободы, затем начали между собой спор, «кто из них сильнее»¹⁰⁸, и наконец дерзнули поднять оружие против короля, своего государя, с намерением свергнуть его с престола. ¹⁰⁹Всё это легче было видеть глазами, чем теперь описывать пером¹⁰⁹.

Наконец, когда волнение уступило место спокойствию, архиепископы Адальберт и Анно¹¹⁰ были объявлены консулами¹¹¹, и с того времени все дела решались по их усмотрению. Однако несмотря на то что оба мужа были мудры и деятельны в заботах о государстве, оказалось, что один сильно уступал другому в счастье и трудолюбию. [Поэтому видимое согласие обоих епископов продолжалось недолго, и хотя на словах они были миролюбивы, но сердца их бились смертельной ненавистью друг к другу. Справедливость, однако, была на стороне Бременского епископа, ибо ¹¹²он был более склонен к милосердию¹¹² и учил, что нужно до смерти хранить верность своему королю и государю¹¹³. А Кёльнский владыка, муж сурового нрава, был даже обвинён в нарушении верности королю и участвовал во всех заговорах, составлявшихся в его время].

35 (34). Кёльнский владыка, известный своей жадностью, всё, что мог собрать дома и при дворе, использовал для украшения своей церкви. Он сделал её такой великой, – хоть она и прежде была довольно внушительной, – что она не имела себе равных во всём королевстве. Он покровительствовал своим родственникам, друзьям и капелланам, замещал ими высшие, почётные места, чтобы те, в свою очередь,

на низшие места ставили своих друзей. Наиболее известными из них были: брат архиепископа Вецило¹¹⁴ Магдебургский, их двоюродный брат Бурхард¹¹⁵, епископ Хальберштадтский, а также Куно¹¹⁶, избранный епископом Трирским, но из-за зависти духовенства увенчанный мученичеством ещё до того, как принял посвящение. Равным образом Эйльберт¹¹⁷ Минденский и Вильгельм¹¹⁸ Утрехтский. Кроме того, в Италии патриарх Аквилейский¹¹⁹, епископ Пармский¹²⁰ и другие, перечислять которых слишком долго; все они возвысились благодаря милости и стараниям Анно и наперебой старались заплатить своему благодетелю содействием в его предприятиях и расчётах. Впрочем, нам стало известно, что этот муж сделал также много хорошего как в светских, так и в духовных делах.

36 (35). А наш архиепископ, думая лишь о мирской славе и почестях, считал недостойным себя жаловать высокие должности кому-либо из своих, хотя и привлёк к себе на службу многих нуждающихся; ему казалось позорным, если король или кто-нибудь из вельмож оказывал благодеяние его людям, «которых, по его словам, он сам мог наградить так же хорошо или ещё лучше». Поэтому лишь очень немногие из его приближенных получали епископское достоинство с его одобрения; впрочем, многие, если только они обладали красноречием или были проворны в службе, были награждены им огромными богатствами^{77*}. Потому и вышло, что он ради мирской славы принимал людей разного рода и всяких талантов, особенно же приближал к себе льстецов. Всюду, куда бы он ни отправлялся, — ко двору или по епархии, — он постоянно таскал за собой огромную свиту, уверяя, что она не только не тяготит его, но даже увеселяет¹²¹. Деньги, которые он получал от своих людей, от друзей или от тех, которые часто посещали двор или были виновны в оскорблении королевского величества, эти деньги, которые были весьма значительны, он тут же тратил на негодаев, шарлатанов,¹²² лекарей, актёров и прочих подобного рода людей¹²², неблагоразумно рассчитывая на их расположение, чтобы понравиться при дворе, возвыситься над прочими и тем самым достигнуть целей, которые он преследовал для блага своей церкви. Кроме того, он делал своими вассалами всех мужей, которые прославились или отличились в Саксонии или в других областях;¹²³ многим из них он давал то, что имел, а прочим обещал то, чего не имел¹²³, и таким образом, к великому вреду для души и тела, покупал себе пустой звон суетной славы. Раз¹²⁴ заразившись этим недугом, нравы¹²⁴ архиепископа с течением времени и до самого конца делались всё хуже и хуже.

Schol. 77

37 (36). Итак, возгордившись от многочисленных придворных почестей и сделавшись едва выносимым для своей бедной епархии, Адалберт прибыл в Бремен, как обычно, с огромной толпой вооружённых людей, чтобы обременить народ и [землю] новыми поборами. Тогда же были возведены и те замки, которые возбудили в наших герцогах столь сильное негодование¹²⁵; но к строительству монастырей у него уже не было более прежнего рвения. Удивителен был нрав этого человека; он не терпел бездействия, и несмотря на то что был занят столькими делами дома и вне его, никогда не уставал. Поэтому его бедное епископство, и ра-

нее часто страдавшее из-за огромных расходов на походы и немалых усилий Адальберта угодить ненасытному двору, теперь в результате строительства приорств и крепостей было окончательно и без всякого милосердия разорено. [Он развёл на нашей скудной почве сады и виноградники и, несмотря на бесполезность и невыполнимость этой причуды, усердно выплачивал огромные суммы исполнителям своих планов.] Таким образом, высокий ум этого мужа боролся даже с природой своего отечества и желал владеть всем, что где-либо видел замечательного. После долгого и тщательного размышления о причинах такой слабости я нашёл, что иногда и столь мудрые люди от чрезмерной привязанности к мирской славе «могут ослабеть в своём характере»¹²⁶. Кичась во дни своего земного богатства и величия, он не знал меры в своём стремлении к высокомерию, а в несчастье, совершенно упав духом, ¹²⁷без меры предавался гневу и скорби¹²⁷. Таким образом, он преступал меру в обоих случаях – как в добре, когда сочувствовал другим, так и во зле, когда выходил из себя.

38 (37). Доказательством этому служит то, что в гневном бешенстве он своими собственными руками бил некоторых до крови, как, например, он поступил со своим приором¹²⁸ и с другими. А в милосердии, которое в этом случае лучше назвать щедростью, он был до того расточителен, что, считая фунт серебра за один денарий, незнатным людям иногда выдавал сотню фунтов, а знатым – и того больше. Поэтому, когда он был в гневе, все бежали от него, как от льва, когда же вновь успокаивался, его можно было гладить, словно ягнёнка. И свои, и чужие особенно легко смиряли его гнев лестными похвалами; тогда он становился другим человеком и начинал улыбаться тому, кто его хвалил. Мы часто видели, как пользовались этой слабостью лицемеры, которые со всех концов света ¹²⁹стекались в его покои, словно в какую-нибудь помойную яму¹²⁹, и которые, по его мнению, необходимы князьям для внешнего блеска. [Всякого, кто был чем-либо известен при дворе или лично королю, он удостаивал своей близости, а прочих придворных отпускал с подарками.] Таким образом он обольщал даже людей почтенных и занимавших высокие духовные должности; из честолюбивого стремления попасть в его круг, они делались постыднейшими льстецами. Тогда как людей, не умевших или просто не желавших льстить, на наших глазах выпроваживали за ворота, как простых и глупых, желая, вероятно, тем самым сказать: «Избегай дворцов, если желаешь себя сохранить»¹³⁰, а также: «Тот будет обвинителем, кто скажет правду»¹³¹. Лжецы же у нас получили такой перевес, что и говорившим правду нельзя было верить, хотя бы они клялись. Вот какими людьми наполнен был епископский дом.

39 (38). К ним каждый день приходили и другие льстецы, дармоеды, толкователи сновидений, разносчики новостей, и то, что они выдумывали и что, по их мнению, могло прийтись нам по нраву, выдавали за откровение, сообщённое им ангелами. Так, они всенародно предсказывали, что Гамбургский патриарх, – ибо так предпочитал называть себя Адальберт, – скоро будет папой, его соперники должны быть удалены от двора; что он один и долгое время будет управлять госу-

дарством и достигнет такой глубокой старости, что останется более пятидесяти лет архиепископом; что наконец благодаря этому мужу в мире настанет золотой век. И всё это, внушённое лицемерием и корыстью, Адальберт принимал за истину, за глас свыше, основываясь на том, что согласно Писанию человек, на основании некоторых знамений, как то сновидений, гаданий и ходивших в народе изречений или необыкновенных явлений природы, может предугадывать будущее. Поэтому у него, как говорят, был обычай, отходя ко сну, забавляться сказками, пробудившись – снами, а отправляясь в путь – гаданиями. Иногда он целый день спал, а всю ночь напролёт просиживал либо за игрой в кости, либо за столом. Во время пира он приказывал подавать гостям всего в избытке, а сам часто вставал из-за стола, ни к чему не притронувшись; людям, обязанностью которых было принимать и угощать гостей, он часто заранее наказывал не обращать на него никакого внимания. Гостеприимством он хвалился, как великой добродетелью, которая, не лишая нас Божьей награды¹³², доставляет великую славу уже среди людей. За обедом он находил удовольствие не столько в еде и питье, сколько в остроумных речах, рассказах о королях и в метких изречениях философов. Когда же он был один дома, а такие случаи, когда ему приходилось обедать без гостей и королевских посланцев, были редки, то всё время проводил в слушании сказок и толкований сновидений, но всегда с соблюдением приличий. Он редко допускал к себе музыкантов, разве что по необходимости, для облегчения печали и забот. А пантомимов, которые обычно тешат толпу неприличными телодвижениями, «никогда не принимал»¹³³. Постоянно при нём находились одни только врачи; для других же доступ к нему был затруднён, если только какая-нибудь важная причина не требовала впустить к нему светских лиц. Таким образом, двери его спальни, которые мы видели прежде открытыми для всякого незнакомца и чужестранца, впоследствии были окружены такой сильной стражей, что послы с важными поручениями и люди, занимавшие в свете довольно высокое положение, поневоле должны были иногда целую неделю стоять за дверями.

40 (39). Кроме того, Адальберт имел обыкновение подсмеиваться за обедом над лицами, занимавшими важные должности, издевался над их жадностью и глупостью, а многих из них попрекал низким происхождением. Всех вообще он поносил за неверность королю, «поднявшему их из праха»¹³⁴, и заявлял, что только он один защищает короля из любви к государству, а не ради выгоды. Доказательством этому служило то, что они, как люди низкие, грабили чужое, а он, как человек благородный, расточал своё; это, по его мнению, являлось важнейшим признаком благородства. Такие оскорбительные выходки он делал против всех и не щадил никого, лишь бы поставить себя выше других. Короче говоря, этот человек, не любя ничего, кроме мирской славы, так сильно испортился, что потерял даже те добродетели, которые имел поначалу. Эти и многие другие подобного рода поступки Адальберта относятся к тому времени, когда суеверие, хвастовство, или, лучше сказать, беспечность, покрыли его великим позором и возбудили против него ненависть всех смертных, особенно же магнатов.

41 (40). Из последних наиболее враждебны ему и нашей церкви были герцог Бернгард и его сыновья, чья зависть, вражда и ненависть, а также козни, оскорбления и коварство приводили архиепископа ко всем тем промахам, о которых мы говорили выше, делали его опрометчивым и чуть ли не безумным, когда он, казалось, смирялся перед ними и уступал. Иногда он добровольно уступал им во имя пастырского долга, желая победить зависть добрыми делами и «добром воздавать за зло»¹³⁵. Но, поскольку все труды его, направленные на то, чтобы наладить с герцогами добрососедские отношения, оказались напрасны, то он, наконец, ¹³⁶сдался и, упав от угнетения, бедствий и скорби¹³⁶, не раз восклицал вместе с Ильёй: «Господи Боже! Они разрушили твои алтари и убили твоих пророков; остался я один, но и моей души они ищут, желая меня убить»¹³⁷. Впрочем, чтобы показать, насколько несправедливо наш архиепископ терпел всё это, достаточно привести здесь один пример, по которому можно видеть, насколько бесполезно поддерживать дружбу с негодными людьми.

42 (41). Герцог, движимый жадностью, прибыл во Фризию¹³⁸, ибо фризы не уплатили ему положенную дань; архиепископ сопровождал его; он отправился туда только для того, чтобы примирить отпавший народ с герцогом. Но когда алчный к мамоне герцог, потребовав всю сумму дани, не захотел удовольствоваться 700 марками серебра, этот дикий народ пришёл в ярость, и «меч обнаживши, в битву вступил, защищая свободу»¹³⁹. Многие из наших были убиты тогда, а остальные спаслись бегством. Лагерь герцога и епископа был разграблен, и огромные суммы денег из церковных доходов расхищены. Тем не менее проявленная в опасности дружеская верность герцогу и его людям не принесла нам никакой пользы, ибо они не перестали преследовать церковь. Рассказывают, что герцог, словно предвидя будущее, часто со вздохом говорил, что его сыновья самой судьбой предназначены к разорению Бременской церкви. [Так, ему привиделось во сне¹⁴⁰, будто, выйдя из его дома, к церкви устремились сперва медведи и кабаны, затем олени и, наконец, зайцы. «Медведями и кабанами, – сказал он, – были наши родители, вооружённые храбростью, словно клыками; олени, украшенные только рогами, – это мы с братом; а зайцы – наши ¹⁴¹не слишком храбрые и боязливые¹⁴¹ дети. Боюсь, что они станут нападать на церковь и этим навлекут на себя небесную кару».] Поэтому он увещевал их и заклинал страхом Божиим не злоумышлять против церкви и её пастырей, ибо оскорбление, нанесённое им, наносится самому Христу и влечёт за собой неминуемую кару. Но они были глухи к этим увещаниям. Мы сейчас увидим, как они были наказаны за свои грехи.

43 (42). В 17-й год нашего владыки умер Бернгард¹⁴², герцог Саксонии, который уже в течение 40 лет со времени Лиавицо Старшего деятельно правил славянами, нордальбингами и нами. После смерти герцога его сыновья – Ордульф и Герман¹⁴³ – вступили в отцовское наследство к большому ущербу для Бременской церкви. Ибо они, помня о той старинной ненависти, которую тайно питали против этой церкви их отцы, решили уже открыто отомстить епископу и всей церковной

челяди. Сперва герцог Ордульф ещё при жизни отца вместе с вражеским войском разорил земли Бременской епархии во Фризии и ослепил служивших церкви людей. Прочих, а также послов, присланных к нему ради мира, он приказал публично высечь и обрить наголо. Наконец, он всеми способами старался тревожить, грабить, избивать и унижать церковь и её людей. И, хотя владыка, пылая, как должно, церковным рвением, поразил злодеев мечом анафемы, а также подал на них жалобу ко двору, тем не менее ничего, кроме насмешек, не добился. Ибо малолетний король поначалу, как говорят, сам терпел насмешки со стороны наших графов. Поэтому архиепископ, выгадывая время и, как говорят, стремясь посеять раздор между братьями, принял к себе в вассалы графа Германа. Опираясь на его службу, он в качестве наставника короля и его первого советника отправился тогда в венгерский поход, а управление государственными делами оставил архиепископу Кёльнскому. Восстановив на троне Соломона, который был изгнан Белой, наш владыка вместе с малолетним королём победителем вернулся из Венгрии¹⁴⁴.

44 (43). Вскоре после этого граф Герман, надеясь на получение крупного лена, обратился к епископу с соответствующей просьбой; когда же тот отказался удовлетворить его просьбу, граф пришёл в страшную ярость и с огромным войском выступил против Бремена. Разорив там всё, что попало ему под руку, он пощадил только саму церковь. Стада быков и все лошади стали его добычей. Так он вёл себя по всему епископству, оставив служащих церкви людей голыми и босыми. Тогда же все замки, которые владыка, словно предчувствуя будущее, построил по всему этому краю, были разрушены до основания¹⁴⁵.

45. (44). Архиепископ в это время играл при дворе первую роль. На основании его жалобы граф по приговору надворного суда был присуждён к изгнанию, но уже через год освобождён от наказания милостью короля. После этого граф Герман и его брат, герцог Ордульф, передали церкви во искупление своих грехов 50 мансов, и «успокоилась земля на несколько дней»¹⁴⁶.

Тогда же король, сочувствуя бедам Бременской церкви, передал ей в утешение почти 100 покровов вместе с золотыми сосудами, а также книгами, подсвечниками и изготовленными из золота кадильницами. [Вот те подарки, которые король отправил для восстановления Гамбурга: 3 золотых чаши, в которых было 10 фунтов золота, один серебряный сосуд для миро, отделанный золотом серебряный щит, Псалтырь, написанный золотыми буквами, серебряные кадильницы и подсвечники, 9 королевских дорсалей, 35 риз, 30 мантий, 14 далматиков и многое другое, в том числе часослов, в переплёте которого было, по-видимому, 9 фунтов золота.] Говорят, что даже Корвейская и Лоршская обители, по поводу приобретения которых архиепископ приложил столько трудов, были переданы тогда Гамбургской церкви. Тогда же под власть церкви перешёл и долгожданный Лезум, поместье, которое, как говорят, включало в себя 700 мансов и которому принадлежали приморские районы Хадельна. Рассказывают, что архиепископ уплатил за него королеве Агнесе 9 фунтов золота, ибо та упомянула его в качестве части своего

приданого. [У архиепископа было 50 господских дворов, самый большой из которых – Вальде¹⁴⁷ – исполнял службу в течение одного месяца, а самый маленький – Хамберген¹⁴⁸ – в течение 14 дней. Таково было богатство этого епископа].

46 (45). Наша церковь могла считаться богатой; нашему архиепископу нечего было завидовать архиепископам Кёльна и Майнца. Только епископ Вюрцбурга превышал его своим положением, ибо владел всеми графствами своего диоцеза и в качестве епископа управлял местным герцогством. Желая сравниться с ним, наш епископ решил приобрести для церкви все графства своей епархии, чьей бы юрисдикции они ни принадлежали. Поэтому он с самого начала получил от цезаря самое важное графство Фризии – Фивельго, которым прежде владел герцог Готфрид, а ныне владеет Экберт¹⁴⁹. Доходы с него составляют 1000 марок серебром; 200 из них вносит Экберт, который вместе с тем признал себя вассалом церкви. Архиепископ владел этим графством в течение десяти лет, до времени своего изгнания. Вторым было графство Удо¹⁵⁰, которое раскинулось по всей Бременской епархии, преимущественно же около Эльбы. За него архиепископ передал Удо в полную собственность столько церковных земель, что их стоимость равняется годовому доходу в 1000 фунтов серебром, между тем как эти церковные деньги можно было употребить с гораздо большей пользой; нам же всё было мало для мирской славы, так что мы предпочитали лучше быть бедными, но иметь много подданных. Третьим было графство во Фризии под названием Эмсгау, расположенное по соседству с нашей епархией. Готшалк, защищая право нашей церкви на это графство, был убит Бернгардом¹⁵¹. За это графство наш владыка обязался уплатить королю 1000 фунтов серебром. Не имея при себе такой суммы денег, он – о горе! – взял из церкви кресты, алтари, венцы и прочие церковные украшения, продал их и вырученными деньгами заплатил условленную сумму. Он хвастался в скором времени вдесятеро заплатить церкви за взятые вещи и из серебряной сделать её золотой, как и прежде обещал при разграблении монастыря¹⁵². [О, святотатство! Два золотых креста с драгоценными камнями, главный алтарь и чаша – оба из блестящего красного золота, осыпанные драгоценными камнями, были разломаны. Они стоили 20 марок золотом; их передала в дар Бременской церкви вместе с очень многими другими подарками госпожа Эмма¹⁵³. Мастер, который плавил эти вещи, рассказывал, что с великим прискорбием вынужден был ломать эти кресты, и некоторым тайно открывал, что при каждом ударе молотка ему слышался жалобный плач младенца.] Таким образом, богатства Бременской церкви, с величайшими усилиями собранные в результате благочестивых пожертвований верующих прошлого и нынешнего времени, в одну несчастную минуту пропали ни за что. Причём от продажи этих вещей едва набралась половина требуемой суммы. Мы слышали, что драгоценные камни, вынутые из священных крестов, были подарены некоторыми людьми своим любовницам.

47 (46). Признаюсь, мне страшно передавать всё, как было, «ибо это было лишь началом бедствий»¹⁵⁴, за которым последовало страшное возмездие. С того времени

счастье начало нас покидать; всё пошло против нас и церкви; на нашего епископа и его приверженцев стали смотреть, как на еретиков. Впрочем, он не обращал никакого внимания на общее мнение, и между тем, как его собственные дела оставались без внимания, он целиком предался интересам двора, упорно стремясь к славе; преимущественно он стремился к управлению государственными делами, потому что, как он рассказывал, ему невыносимо было видеть своего короля и государя связанным в руках его окружения. Он уже достиг консульства и, удалив соперников, один владел Капитолием, но зависть, всегда преследующая славу, не оставляла его в покое¹⁵⁵. Тогда же наш митрополит, решив восстановить в своё консульство золотой век, задумал ¹⁵⁶изгнать из града Божьего всех, творящих беззаконие¹⁵⁶, особенно же тех, которые либо подняли руку на короля, либо ограбили церковь. Но поскольку эти преступления сознавали за собой почти все епископы и вельможи, то они единодушно решили погубить его одного, а прочих избавить от опасности. Итак, собравшись в Трибуре, где был и сам король, они удалили нашего архиепископа от двора, как чародея и обольстителя¹⁵⁷. «Руки его были на всех, а руки всех на него»¹⁵⁸, так что противостояние завершилось кровопролитием.

48 (47). А наши герцоги, услышав о том, что владыка изгнан из числа сенаторов, преисполнились великой радости и, решив, что наконец настал час расплаты, когда они смогут совершенно изгнать его из его епархии, говорили: «Разрушим до основания и исторгнем его из земли живых!»¹⁵⁹. Итак, они предприняли ряд действий и каверз против архиепископа, который в то время нигде не чувствовал себя в безопасности и сидел в Бремене, словно в осаде, со всех сторон окружённый врагами. Однако, хотя все люди герцога издевались над пастырем и церковью, народом и святилищем, пуще всех всё-таки свирепствовал Магнус¹⁶⁰, хвалясь, что он наконец-то получил возможность усмирить мятежную церковь.

49 (48). Итак, Магнус, сын герцога, собрав толпу разбойников, попытался тревожить не саму церковь, как то делали его предки, а напасть на её пастыря и либо изувечить его, либо убить, тем самым положив конец долголетней вражде. ¹⁶¹У него не было недостатка ни в хитрости, ни в изворотливости¹⁶¹, но он не нашёл поддержки у вассалов. Тем временем архиепископ, осаждённый герцогом Магнусом, тайно бежал ночью в Гослар и полгода жил там в безопасности в своём поместье Лохтум¹⁶². Его замки и добро были расхищены врагами. Оказавшись в столь тяжёлых обстоятельствах, он заключил с тираном постыдный, но необходимый договор, по которому его враг становился его вассалом; он давал ему в лен 1000 мансов из церковных земель и даже больше при условии, что Магнус без всякой хитрости возвратит церкви и будет защищать фризские графства, из которых одним вопреки воле епископа владел Бернгард, а вторым – Экберт¹⁶³. Так Бременское епископство фактически распалось на три части, из которых одной частью владел Удо, второй – Магнус, а в распоряжении епископа осталась едва треть. Но и её он позднее разделил между Эберхардом и другими любимцами короля, не оставив себе почти ничего. Все епископские поместья и церковные десятины^{78*}, за счёт которых должны Schol. 78

были жить клирики, вдовы и бедняки, перешли в пользование мирян, так что блудницы вместе с разбойниками и поныне жиреют за счёт церковных имуществ, насмехаясь над епископом и всеми служителями алтаря. Однако столь щедрыми раздачами архиепископ добился от Удо и Магнуса только того, что они не стали изгонять его из его епархии. Остальные не оказывали ему более никакой службы и лишь величали его своим господином.

50 (49). Это было первое бедствие, которое обрушилось на нас в Бременской епархии. Но и по ту сторону Эльбы произошло ужасное несчастье, ибо князь Готшалк в это время был убит язычниками, которых он пытался обратить в христианство. Этот достойный вечной памяти муж уже обратил в Божью веру большую часть славянской земли, но поскольку «не наполнилась ещё мера беззаконий аморе-
 реев и не пришло ещё время их миловать, то надобно было прийти соблазнам, дабы открылись праведники»¹⁶⁴. Наш Маккавей был замучен в городе Ленцене¹⁶⁵ 7 июня¹⁶⁶ вместе со священником Иппо, который был принесён в жертву прямо на алтаре, и многими другими мирянами и клириками, которые повсюду претерпели различные мучения ради Христа. Монах Ансвер вместе со многими другими был
 Schol. 79 побит камнями в Ратцебурге; их мученичество произошло 15 июля^{79*}.

51 (50). Престарелый епископ Иоанн был схвачен вместе с прочими христианами в городе Магнополе и сохранён для триумфа^{80*}. И вот, его секли розгами за христианское исповедание, а затем ради поругания водили по отдельным городам славянской земли; наконец, когда он не смог тронуть их именем Христовым, они отрубили ему руки и ноги, а тело выбросили на улицу. Язычники, отрезав его голову, насадили её на кол и в знак победы принесли в жертву своему богу Редегосту. Это произошло в славянской столице Ретре 10 ноября. Дочь¹⁶⁷ короля Дании была найдена вместе со своими женщинами в Мекленбурге, городе ободритов, раздета донага и отпущена. Готшалк, как мы уже говорили, взял её в жёны и имел от неё сына Генриха¹⁶⁸. От другой жены у него был сын Бутуй¹⁶⁹; оба сына родились к большому ущербу для славян. Одержав победу, славяне огнём и мечом разорили
 Schol. 81 всю Гамбургскую провинцию^{81*}; почти все штурмары были ими убиты или взяты в плен, а крепость Гамбург разрушена до основания; даже кресты в поношение нашему Спасителю были разломаны язычниками. Так в нас исполнились слова пророка, который говорил: «Боже! Язычники пришли в наследие твоё; осквернили святой храм твой»¹⁷⁰, и прочее, о чём сокрушался пророк при разрушении города Иерусалима. Говорят, что виновником убийства Готшалка был Блуссо, женатый на
 Schol. 82 его сестре; однако, вернувшись домой, он и сам был убит^{82*}. Итак, все славяне, совершив этот переворот, вновь вернулись к язычеству и перебили тех, кто упорствовал в вере. Наш герцог Ордлуф в течение 12 лет, которые он прожил после смерти отца, предпринимал неоднократные походы против славян, но всё было напрасно; он ни разу не одержал над ними победы; постоянно терпя поражения от язычников, он подвергся насмешкам со стороны своих людей. Итак, изгнание архиепископа и смерть Готшалка произошли практически в один и тот же год, а

именно в 22-й год владыки. Если не ошибаюсь, то о наступлении этого зла нам дала знать та ужасная комета, которая появилась в этом году около дня Пасхи.

52 (51). В это же время незабываемое бедствие произошло в Англии; его масштабы и тот факт, что Англия издавна была подчинена данам, побуждает нас рассказать о нём. После смерти святейшего короля англвов Эдуарда¹⁷¹, когда вельможи вступили в борьбу за власть, трон захватил английский герцог Гарольд, нечестивый муж. Его брат Тости, желая отобрать у него власть, призвал к себе на помощь Харальда, короля Норвегии^{83*}, и короля Шотландии. Однако и сам Тости, и король Ирландии, и Харальд были убиты королём Англии вместе со всем их войском¹⁷². Но едва, говорят, прошло восемь дней, как из Галлии в Англию переправился Вильгельм, который из-за смешанной крови был прозван Бастардом, и вступил в битву с утомлённым победителем¹⁷³. Англы в этой битве сначала побеждали, но затем были разбиты норманнами и полностью истреблены. Гарольд был убит, а вслед за ним почти 100 000 англвов. Одержав победу, Бастард в отмищение за Бога, которого оскорбили англы, изгнал почти всех клириков и живших без устава монахов. Затем, устранив все недоразумения, он поставил во главе церкви философа Ланфранка¹⁷⁴, усилиями которого многие были побуждены следовать церковной дисциплине сначала в Галлии, а затем и в Англии. Schol. 83

53 (52). В это же время в Швеции умер христианнейший король Стенкиль. После его смерти в борьбу за власть вступили два Эрика^{84*}, да так, что в войне погибла вся шведская знать. Тогда же пали и оба короля. Таким образом, когда угас весь королевский род¹⁷⁵, положение королевства изменилось, и христианство было сильно подорвано. Епископы, которых туда назначил архиепископ, боясь гонений, сидели дома. Только епископ Сконе заботился о готских церквях, да ещё какой-то шведский наместник Гниф укреплял народ в христианстве. Schol. 84

54 (53). В это время наиболее знаменитым среди варваров был датский король Свен, который с великой доблестью усмирил норманнских королей Олафа^{85*} и Магнуса¹⁷⁶.^{86*} Между Свеном и Бастардом шла постоянная борьба за Англию, хотя наш владыка, приняв подарки от Вильгельма, старался добиться мира между королями¹⁷⁷. Благодаря названному королю Свену христианство широко распространилось среди иноземных народов. Он отличался множеством добродетелей, и только распутство было его слабым местом¹⁷⁸. В последние годы жизни архиепископа, когда я прибыл в Бремен, то, услышав о мудрости этого короля, решил тут же прийти к нему. Он принял меня весьма милостиво, как и всех прочих, а рассказы его стали незаменимым источником при написании этой книги. Ибо он был очень начитан и щедр к чужеземцам и лично рассылал своих клириков проповедовать по всей Швеции, Норвегии и на островах, которые были в тех землях. Из его правдивых и очень занимательных рассказов я узнал, что в его времена многие из варварских народов были обращены в христианскую веру, а некоторые проповедники как в Швеции, так и в Норвегии приняли мученическую смерть. «Из них, – говорил

Schol. 85
Schol. 86

Свен, – некий Эрик-чужеземец, проповедуя в самых отдалённых районах Швеции, заслужил венец мученичества: ему отрубили голову. Другой – Альфвард – долго и тайно вёл среди норманнов святой образ жизни, но не мог более скрываться. Когда он пытался вступить за врага, его убили его же друзья. У места их упокоения и ныне происходят многочисленные и чудесные исцеления людей». Итак, всё то, что мы уже сказали или что ещё скажем о варварах, мы узнали из рассказов этого мужа.

55 (54). Между тем наш архиепископ, удалённый от двора благодаря проискам Кёльнского епископа, жил в Бремене как частное лицо, в уединении и покое¹⁷⁹. О, если бы разум его наслаждался тем же покоем, что и его тело! Ведь он был бы вполне счастлив, если бы удовлетворялся церковным добром и богатствами своих предков, и никогда не видел нечестивый двор или по крайней мере редко его посещал. О других великих мужах мы читали, что они, презрев мирскую славу, избегали королевского двора, словно второго капища, предпочитая бежать от мирских бурь и придворных интриг к философскому созерцанию уединённой жизни, словно к надёжной гавани и покою блаженства. А наш владыка спешил по иному пути, считая прямым долгом мудрого мужа не только терпеть придворные труды ради блага своей церкви, но и, не колеблясь, встречать любую опасность и, если потребуется, принять саму смерть. Поэтому в первое время он, если я не ошибаюсь, посещал королевский двор ради торжества своей церкви, а под конец, потеряв или вернее рассеяв всё, что имел, трудился уже ради освобождения своей епархии. В этом деле им руководило, во-первых, честолюбие, а во-вторых, нужды его церкви, которая постоянно страдала от зависти герцогов нашей страны и ныне доведена до крайней нищеты^{87*}. Это несчастье своего времени он горько оплакивал каждый день, используя при этом специально составленные псалмы, посредством которых он рассчитывал отомстить врагам церкви.

Schol. 87

56 (55). Он был весьма суров к своим прихожанам, которых должен был скорее любить и заботиться о них как пастырь о своих овцах; о причине этого мы слышали из его собственных уст; прочее же я узнал от других.

[В том же году, когда умер цезарь], неким священником из его диоцеза был убит родной брат архиепископа, а именно пфальцграф Деди¹⁸⁰. Он был добрым и справедливым мужем, который и сам никому не причинял зла, и брату не позволял это делать. Всё это выяснилось при его кончине, когда Деди, умирая, просил собравшихся пощадить его убийцу и завещал это брату. Исполняя его последнюю волю, тот разрешил – таки этому священнику уйти безнаказанным, но с того времени питал ненависть ко всем служителям своей церкви. Была, говорят, и другая причина его ненависти. Так, владыка велел как-то схватить одного из своих людей, который вёл себя слишком дерзко; остальные, возмущённые до безумия, вооружённые ворвались в спальню епископа и угрожали применить силу и прочее, что подсказывал им гнев, если тот не освободит схваченного. Третьей причиной было то обстоятельство, что епископ, желая щадить своё добро, часто уходил из дома на год, а то и на два. ¹⁸¹После долгого времени он возвращался в епархию и начинал

требовать отчёт у своих рабов и крепостных¹⁸¹, но находил всё своё добро и доходы в ещё большем беспорядке, чем если бы он сам был дома. Этот «сорт людей», как справедливо замечает Саллюстий, «ненадёжен и вероломен, и его нельзя удержать ни милостью, ни страхом»¹⁸². Кроме того, прихожане так были преданы пьянству, пороку, широко распространённому среди этого народа, что архиепископ питал к ним прямо-таки отвращение и имел обыкновение часто говорить о них: «Их Бог – чрево»¹⁸³. Ибо ссоры и драки, строптивость и злословие, а также ещё худшие преступления они совершали именно в пьяном виде, а на следующий день видели в этом всего лишь забаву. Адальберт сокрушался также по поводу того, что многие из них до сих пор опутаны языческими заблуждениями, так что по пятницам едят мясо, кануны святых праздников, а также сами праздники и даже благословенный 40-дневный пост оскверняют обжорством и развратом, ни во что не ставят клятвoprеступления, а кровопролитие считают похвальным делом. Точно также прелюбодеяния, кровосмесительные браки и иные выходящие за рамки природы мерзости едва ли осуждаются кем-либо из них; большинство имеет двух, трёх, а то и большее количество жён. Они также употребляют в пищу падаль, кровь, удушенную и мясо вьючного скота¹⁸⁴. И, наконец, ещё более резко архиепископ отзывался по поводу ненависти, которую они питают к чужеземцам и по поводу того, что они до сих пор были более верны герцогу, нежели своей церкви. Когда митрополит в обличительных речах часто осуждал в церкви эти и другие пороки народа, они издевались над его отеческими наставлениями и ни священникам, ни церквям Божиим не желали оказывать никакого уважения. Подобное поведение паствы побудило архиепископа не жалеть этот «жестоковыйный народ»¹⁸⁵ и не доверять ему, говоря: «Их челюсти нужно обуздывать уздой и удилами»¹⁸⁶; а также: «Посещу жезлом беззаконие их»¹⁸⁷, и прочее. Итак, при всякой возможности, если кто-либо из них совершал тот или иной проступок, он тут же приказывал бросать его в оковы или отбирать всё его добро, со смехом заявляя, что телесные страдания полезны для души, а потеря имущества способствует очищению от грехов. Потому и вышло, что должностные чины, которым он доверил свои полномочия, погрязли в грабеже и насилиях. И исполнилось пророчество, которое говорит: «Когда я мало прогневался, они усилили зло, говорит Господь»¹⁸⁸.

57 (56). Итак, находясь в Бремене и ничем более не владея, владыка жил за счёт грабежа бедняков и имущества святых общин. Главным приорством в епархии управлял тогда его раб – Свитгер. Растратив имущество братии, он был разжалован за убийство в дьяконы, но затем опять восстановлен; не имея, что дать на содержание братии или господина, он, сознавая свою вину, бежал от гнева владыки. Так приорство вновь вернулось под власть епископа и было в это время полностью разорено его наместниками. То же самое происходило и в отдельных общинах: епископ гневался на приоров, те угнетали народ, а в итоге растраченным оказалось всё имущество церкви. Этих бедствий избежал только странноприимный дом, который был основан ещё св. Анскарием и стараниями последующих отцов вплоть до последних лет господина Адальберта оставался цел и невредим. Тогда же наш

викарий, словно «верный и мудрый управитель»¹⁸⁹, получил задание позаботиться о милостыне для бедных. Мне страшно и говорить, насколько грешно обирать бедных; одни каноны называют это святотатством, а другие приравнивают к убийству. Если мне будет позволено, то я с разрешения всей братии скажу, что в течение всех семи лет, которые архиепископ ещё прожил после этого, из знаменитого и богатого госпиталя Бременской церкви не выдавалось никакой милостыни. Это кажется тем более отвратительным и бесчеловечным, что как раз в это время был голод и многих бедняков повсюду находили мёртвыми на улицах. Так, пока наш пастырь был занят придворными делами, его святейшие наместники опустошали овчарню Господню и свирепствовали в епископстве подобно волкам, только там давая пощаду, где уже нечего было унести.

58 (57). В это время в Бремене произошла достойная сожаления трагедия: угнетению подвергались горожане, рыцари и торговцы, а также, что особенно тягостно, клирики и святые девы. Кары, которым их подвергали, кажутся справедливыми в отношении виновных, побуждая тех к исправлению, но несправедливыми в отношении других. Так, если кто-либо из богатых людей считался невиновным, то ему давали трудновыполнимое задание, чтобы сделать его виновным. Если он игнорировал это задание или заявлял, что оно невыполнимо, у него тут же конфисковали всё его имущество; если же он осмеливался роптать, то его немедленно бросали в оковы. Можно было видеть, как одних избивали плетью, других выгоняли из домов, многих заключили в тюрьму, а ещё большее число людей отправили в изгнание. И, как то бывало после победы Суллы¹⁹⁰ в гражданской войне, могущественные люди часто без ведома архиепископа, но якобы по его приказу осуждали тех, к кому они питали личную ненависть. В этих преступлениях оказались замешаны люди разного пола и звания. Так, мы видели, что даже слабых женщин зачастую лишали золота и одежд, а в числе зачинщиков гнусного грабежа были священники и епископы. Далее, от тех, у которых было конфисковано их добро или которые жестоко пострадали от сборщика налогов, нам стало известно, что одни из них сошли с ума от невыносимых страданий, а другие, ещё недавно богатые люди, побирались по чужим дворам. Поскольку грабежи обрушились на всех подданных епископа, то не миновали они и торговцев, которые со всех концов света стекались в Бремен по торговым делам. Неумеренные поборы со стороны чиновников епископа часто вынуждали их уходить голыми. Так город вплоть до сегодняшнего дня оказался лишён и жителей, и торговли, особенно после того, как слуги герцога подчистую забрали всё, что ещё оставалось у наших. Всё это часто случалось и прежде, в присутствии архиепископа, а в его отсутствие, и особенно после изгнания, стало просто невыносимым.

59 (58). Итак, потратив напрасно много труда и много подарков, архиепископ после трёх лет своего изгнания добился наконец желаемого и вновь занял прежнее место при дворе¹⁹¹; по мере роста успехов он добился высшего звания, а именно звания наместника королевства, и в седьмой раз стал консулом¹⁹². Получив этот высо-

кий пост, занимая который он мог показать всё величие своей души, он уже тогда решил вести себя осторожно в отношении князей и не нападать на них так, как прежде. Поэтому он первым делом помирился с Кёльнским епископом, а затем и с остальными, против которых он погрешил или, лучше сказать, которые сами погрешили против него. После этого, устранив все помехи на пути своей церкви, ради торжества которой он, не покладая рук, трудился при дворе и истратил столько денег, он приобрёл в это время Плессе, Дуйсбург, Гронинген и Зинциг. Вильдесхаузен, ближайшее к Бремену приорство, и Розенфельд близ Гамбурга также были уже практически у него в руках. Если бы он прожил дольше, то, очевидно, подчинил бы нашей митрополии и Верденское епископство. Наконец, он уже открыто готовился учредить в Гамбурге патриархию и лелеял другие грандиозные и невероятные планы, о которых было подробно сказано выше¹⁹³.

60 (59). К вящей славе епископа послужило и то обстоятельство, что в год его консульства в Люнебурге в пику герцогу состоялась знаменитая встреча цезаря с королём Дании. Там под предлогом союза было заключено военное соглашение против саксов¹⁹⁴. В том же году было подавлено и первое выступление против короля. Так, герцоги Отто и Магнус в течение года опустошали Саксонию, но, наконец вняв совету епископа, отдались во власть короля. Король передал герцогство Отто¹⁹⁵ Вельфу¹⁹⁶, а наш архиепископ вернул себе церковные земли, которыми прежде владел Магнус.

61 (60). Итак, вновь оказавшись на вершине славы, епископ, хоть и испытывал частые физические недомогания, но не хотел оставлять государственные дела и, лёжа на носилках, ездил вместе с королём от Рейна к Дунаю, а оттуда опять в Саксонию. Одни говорят, что король согласился-таки с тем, что в ближайший праздник Пасхи¹⁹⁷, когда князья соберутся в Утрехте на Рейне, должно быть утверждено всё, чего желала душа епископа по поводу Лорша, Корвея и прочего. Однако другие уверяют, что король хитрыми отговорками склонял епископа отказаться от Лорша, обещая за это предоставить его церкви два равнозначных аббатства в своём королевстве по его выбору. Однако епископ проявил упорство и ответил, что не желает себе ничего другого. Наконец, после того как все усилия его оказались напрасны, он умер и вместе с жизнью потерял Лорш и прочие церковные владения.

62 (61). ¹⁹⁸Приближение его кончины было отмечено многочисленными знамениями¹⁹⁸, которые были столь устрашающи и необычны, что перепугали не только нас, но и самого владыку, столь явны и очевидны, что каждый, кто мог внимательно взглянуть в беспорядочный образ своей жизни и обратить внимание на слабость своего здоровья, должен был убедиться в приходе своего конца. Нравы этого мужа, который сам всегда осуждал дурные нравы других, перед смертью стали просто отвратительны и невыносимы, так что епископ стал непохож на самого себя, особенно же после своего изгнания и разорения епархии, которая была доверена его попечению. После этого, мучаясь от стыда, он давал выход своему гневу и

скорби больше, чем то пристало мудрому человеку, – ибо не находил возможности вернуть церковное имущество, – и от чрезмерных тягот в своём весьма тяжёлом положении не то чтобы совсем сошёл с ума, но потерял всякую рассудительность. Всё, что делалось им впоследствии, представляется нелепым и безрассудным и, как мне кажется, совершалось «не в здравом уме, как то клялся безумный Орест»¹⁹⁹. Так, днём он, как мы говорили выше²⁰⁰, спал, а по ночам бодрствовал; «отвращал слух от истины и обращался к сказкам и басням»²⁰¹; забывая подавать милостыню беднякам, он всё, чем мог бы владеть, тратил на богачей и в особенности на льстецов; растратив церковное имущество и ничем более не владея, он жил за счёт грабежа несчастных и собственности святых общин²⁰²; превратив приорство в поместье, а госпиталь в приорство, он уподобился тому, кто, «разрушая, строит, заменяя квадратное круглым»²⁰³; он легче обычного впадал в гнев²⁰⁴ и одних собственноручно избивал до крови, а других – и очень многих – оскорблял бранными словами, чем бесчестил не только их, но и самого себя. Таким он стал под конец жизни, полностью изменившись и оставив прежние добродетели, так что ни он сам, ни его люди уже не знали в точности, чего он хочет, а чего нет. Впрочем, его красноречие до конца оставалось таким, что если бы ты услышал его речь, то легко поверил бы, будто всё, что он делает, исполнено глубокого смысла и величия.

63 (62). Когда весть о губительной перемене в этом славнейшем муже, о его упадке и явной деградации разошлась благодаря крылатой молве по всем частям света, его знаменитый брат, пфальцграф Фридрих²⁰⁵, прибыл, как помнится, в Лезум, чтобы образумить брата. Но, увещевая его в том, что касалось его чести и здоровья, он не добился успеха и в раздражении удалился, обвиняя в неудаче Нотен-бальда^{88*} и прочих подобных ему людей, которые опутали сиятельного мужа своими интригами и свели с ума своими советами. Так оно и было; мы сами видели, что этот епископ дошёл в то время до такого позора, что говорили даже, будто он предан воружбе²⁰⁶. Однако в этом преступлении названный муж был неповинен – тому свидетели Иисус, его ангелы и все святые! – ибо он часто говорил, что чародеев, предсказателей и подобных им людей следует карать смертью. Поскольку записано, что «со святым ты будешь поступать свято, а с лукавым – лукавить»²⁰⁷, то я полагаю, что он сначала сбился с обычного правильного пути, а затем окончательно пал то ли в результате дурного влияния тех, кого он считал достойными своего доверия, то ли в результате нападков врагов, которые тревожили его церковь. Сломленный резкой переменой нравов он был потрясён внешними ударами судьбы и наконец заболел и начал тонуть, словно попавший в бурю корабль. Он старался поправить здоровье с помощью лекарей, но из-за частого употребления лекарств болезнь его только усилилась, так что он лежал теперь полуживой и ожидал конца, не надеясь на выздоровление. [В то же время он, спеша ко двору, случайно упал с лошади]^{89*}. Раскаившись, он начал горько плакать вместе с Езекией²⁰⁸, обещая Богу исправление своей жизни и, – о обычная милость Христова! – вскоре выздоровел. Прожив после этого ещё три года, он исполнил многое, но не всё из того, что обещал.

64 (63). В те же дни объявилась некая женщина, одержимая духом прорицания, и открыто говорила всем, что архиепископ скоро, – а именно в течение двух лет, – умрёт, если только не исправится. То же самое утверждали врачи. Однако при епископе были и другие – лжепророки, которые утверждали обратное, и им оказывалось гораздо большее доверие. Они предсказывали, что Адальберт будет жить так долго, «пока не положит всех врагов своих в подножие ног своих»²⁰⁹, а вслед за этой болезнью придёт крепкое здоровье и благополучие во всех делах. Наиболее близким к нему из всех его людей был Нотебальд, который, хоть и предсказал епископу много правды, но обманул его в самом главном. Мы видели, как в Бремене в то время кресты обливались слезами; мы видели, как свиньи и собаки оскверняли церкви, и их едва удавалось прогнать от самого подножия алтаря. Мы видели, как стаи волков жутко завывали в самых окрестностях нашего города наперебой с совами. Однако епископ упорно предавался своим мечтам, и напрасно все говорили ему о том, что эти события касаются именно его. Никогда мёртвые не общались с живыми столь доверительно, ибо всё это предвещало смерть епископа. В том году, когда умер архиепископ, Гамбург сгорел и дважды был разорён²¹⁰; язычники, одержав победу, подчинили своей власти всю область нордальбингов; убив воинов или уведя их в плен, они обратили в пустыню всю эту провинцию, так что со смертью доброго пастыря в стране, можно сказать, не стало мира. За 14 дней до смерти Адальберт слёг в Госларе, но по-прежнему не хотел ограничивать себя напитками и не давал делать себе кровопускания. Его поразила жестокая дизентерия, так что он исхудал, как скелет. Однако – увы! – он до последнего смертного часа думал не о спасении своей души, но только о государственных делах. Когда Вецило, архиепископ Магдебурга, и другие братья пришли к нему и попросили впустить их, то он, – уж не знаю по какой причине, – велел закрыть перед ними ворота, заявив, что из-за мерзкого характера его болезни никому не следует его видеть. Только королю, которого Адальберт любил до самой смерти, был открыт доступ к больному. Напомнив королю о своей верности и долговременной службе, он со многими стонами поручил ему свою церковь и церковное имущество.

65 (64). Между тем, подобно египетской тьме²¹¹, наступил день, когда великий епископ Адальберт почувствовал близость своей смерти. Как по упадку сил, так и по прочим признакам он догадался об угасании своего тела. Но поскольку врачи боялись говорить правду^{90*}, а Нотебальд обещал ему жизнь, то мудрый муж лежал, колеблясь между страхом смерти и надеждой на жизнь. Увы! Он не знал, что «день Господень придёт, как тать в ночи. Ибо когда будут говорить: «мир и безопасность, тогда внезапно постигнет их пагуба»²¹², и прочие евангельские слова, призывающие нас бодрствовать, ибо «не знаете вы ни дня, ни часа»²¹³. Вспомнив по этому поводу слова одного святого, я не могу не привести их в этом месте без слёз: «Уже пора жён, – говорит он, – уже без покаяния вынужден покинуть нас грешник, и умирая, забыть о себе, ибо живя, он забывал о Боге»²¹⁴. Точно так же и этот славный архиепископ, всё ещё надеясь сохранить жизнь, но лёжа уже в агонии, в пятничный полдень, в то время как все его люди обедали, скончался в одиночестве²¹⁵, и его «него-

Schol. 90

дующий дух к теням помчался со стоном»²¹⁶. О как бы мне хотелось написать о столь славном муже больше хорошего, ибо он любил меня и был столь славен при жизни! Но я боюсь это делать, ибо сказано: «Горе тем, которые зло называют добром»²¹⁷, а также: «Да погибнут те, которые чёрное превращают в белое»^{218, 219}. Поэтому мне кажется опасным писать и говорить лести этому человеку после смерти, когда эта самая лесть погубила его при жизни. Некоторые, правда, уверяют, что когда он лежал в одиночестве, то при нём всё-таки находилось несколько человек; в их присутствии он и сделал свою последнюю горькую исповедь, покаявшись во всех своих грехах, плача и стеля, что погубил свои дни; только тогда наконец он осознал, сколь мала или, вернее, ничтожна слава нашего праха, «ибо всякая плоть – как трава, а всякая слава человеческая – как цвет на траве»²¹⁹.

66 (65). О обманчивое благополучие человеческой жизни! О честолюбие, которого следует избегать! Чем поможет тебе ныне, о достопочтенный отец Адальберт, то, что ты всегда так любил, а именно: мирская слава, толпы людей и знатность рода? Ты один лежишь в высоком дворце, оставленный всеми своими людьми. Где же лекари, льстецы и фокусники, которые «хвалили тебя в страсти твоей души»²²⁰ и клялись, что ты оправишься от этой болезни и доживёшь до преклонного возраста? Все они, как я вижу, были «твоими сотрапезниками, но оставили тебя в день испытания»²²¹. Остались лишь бедняки и странники, вдовы и сироты, а также все угнетённые, которые заявляют, что ввергнуты в отчаяние твоей смертью. Мы также можем наряду с ними утверждать, что никто не сравнится с тобой в милосердии и щедрости по отношению к странникам, в защите святых церквей и уважении ко всем клирикам; никто не будет преследовать грабежи сильных и дерзость высокомерных так, как ты; наконец, некому будет подать мудрый совет при решении духовных и светских дел. Если же что-то в твоих нравах и кажется предосудительным, то это произошло скорее по вине тех, которым ты верил больше, чем следовало, или тех, чью враждебность ты вызвал своим стремлением к правде. Ибо они своим лукавством исказили твои похвальные способности и обратили во зло твои добрые начинания. Поэтому нам следует умолять милосерднейшего Господа помиловать тебя «по множеству милости своей»²²² и даровать тебе вечное блаженство благодаря заслугам всех своих святых, покровительству которых ты всегда смиренно себя вверял.

Schol. 92 67 (66). Наш светлейший архиепископ Адальберт умер 16 марта, 10-го индикта^{92*}. Это был 1072 год Господа нашего Иисуса Христа, 11-й папы Александра и 14-й короля Генриха IV. Кроме книг, мощей святых и священных одежд среди богатств этого мужа почти ничего больше найдено не было. Всё это досталось королю; причём вместе с церковной грамотой он получил также руку святого апостола Иакова. Эту руку епископ, будучи в Италии, получил от некоего венецианского епископа Виталия²²³.

68 (67). Итак, тело архиепископа при величайшем изумлении всего королевства было перенесено из Гослара в Бремен только на десятый день, то есть в день Благо-

вещения²²⁴, и при огромном стечении народа погребено посреди хора новой базилики, которую он сам и построил. Говорят, правда, что он прежде неоднократно просил похоронить его в столичном граде Гамбурге, который он по примеру своих предшественников очень любил и почитал. Ибо при жизни он именно там проводил, как правило, всё лето и с большим блеском отмечал главнейшие праздники. Там же он часто с глубоким уважением и в положенное время совершал рукоположения в церковный чин. Там же он по обыкновению устанавливал место и время встречи с нашими герцогами, а также с соседними славянскими племенами и послами прочих северных народов. Он оказывал разрушенному городу такое уважение и питал такую любовь к истощённой матери, что говорил, будто в ней исполнилось пророчество Писания, которое гласит: «Возвеселись, бесплодная, нерождающая, потому что у оставленной гораздо больше детей, нежели у имеющей мужа»²²⁵.

69 (68). Говорят, что он слёг всего за три дня до своей смерти, когда не мог уже самостоятельно вставать с постели. Ибо в этом муже была такая сила духа, что он даже во время тяжелейшей болезни не желал ничьей поддержки и никогда не испускал криков боли. Уже лёжа в агонии, он ощутил приближение неминуемой смерти и, часто вздыхая, повторял: «Горе мне, бедному и несчастному, который впустую растратил такие богатства! Ведь я бы мог стать святым, если бы раздал их бедным, но, к сожалению, потратил их ради мирской славы. Но, – привожу в свидетели того, «чей глаз видит в глубине бездны»²²⁶, – все стремления моей души были направлены исключительно на торжество моей церкви. И, хоть она и кажется ныне чересчур урезанной по моей вине, а также из-за ненависти врагов, всё равно она насчитывает 2000 мансов, которые я, к счастью, приобрёл для неё из своего наследства и моим трудом». Из речи этого мудрого человека можно понять, что если он по-человечески в чём-то и погрешил, то как человек добрый часто каялся в своих ошибках.

[Приведу в подтверждение этого следующий пример: в начале своего вступления в должность он, как человек чрезвычайно спесивый, своим высокомерием восстановил против себя очень многих людей. Так, ²²⁷ради увеличения своей славы он говорил – о если бы он этого не говорил!²²⁷ – что все епископы, которые занимали престол до него, были тёмного и низкого происхождения, и только он блистает и благородством рода, и богатствами, а потому достоин более высокой кафедры и даже апостольского престола. После того как он повторил это не один раз, его, как говорят, напугало некое видение, о котором нам стало достоверно известно и которое я решил привести здесь ввиду его важности. Итак, однажды глубокой ночью он увидел себя приведённым в церковное собрание, где должны были слушать мессу. Вокруг по порядку стояли 14 его предшественников²²⁸, а ближайший из них, Алебранд, заканчивал таинства, которые обычно совершают во время мессы. Когда было прочитано Евангелие, священник Божий повернулся для принятия жертвенных даров и, подойдя к господину Адальберту, который стоял в хоре на последнем месте, быстро окинул его суровым взглядом и, отвергнув его дары, сказал:

«Ты человек благородный и знатный, и не можешь²²⁹ иметь части²²⁹ со смиренными»; и с этими словами удалился. С этого часа Адальберт раскаялся в тех словах, которые произнёс столь неосторожно; он стал оказывать глубокое уважение всем своим предшественникам и со многими стопами заявлял, что недостоин товарищества этих святых мужей. Поэтому вскоре он распорядился в годовщину каждого из предшественников устраивать братьям и беднякам щедрые трапезы за счёт поместья в Брамштедте²³⁰, чего прежде не делал ни один епископ.]

70 (69). Он оставил также множество других доказательств своего покаяния и исправления; из них наиболее памятным является то, что он после опустошения церкви и своего изгнания, — хоть и прожил ещё целых пять лет, — никогда не пользовался банями²³¹, никогда не выглядел весёлым, редко выходил к людям и принимал участие в пирах, разве что когда спешил ко двору или того требовала торжественность праздничного дня. [Сколько раз мы видели его искажённое горем лицо, когда он вспоминал о разорении церкви или видел тех, кто её разорил! Так, когда в праздник Рождества Господнего прибыл герцог Магнус и собралось огромное множество гостей, то подвыпившие гости по своему обыкновению начали в конце обеда шуметь и буяннить, что пришлось сильно не по нраву архиепископу. Итак, дав знак нашим братьям, которые также там были, он велел певцу запеть антифон: «Пропойте нам гимн»²³², а мирянам, по-прежнему буянившим, велел затянуть: «Ждём мира, а его всё нет»²³³. Когда же те продолжали пить и орать, он в сильном гневе велел своим встать из-за стола и в третий раз прокричал громким голосом: «Возврати, Господи, пленников наших», а хор подхватил: «как потоки на полдень»²³⁴.] Возвратившись в часовню, — а мы следовали за ним по пятам, — он стал горько плакать. «Не перестану рыдать, — говорил он, — пока²³⁵ справедливый судья, сильный и терпеливый²³⁵, не освободит мою, или вернее свою церковь, ибо он видит, как унижен её пастырь и как волки раздирают её достойным сожаления образом». Ибо исполнилось желание тех, которые говорили: «Возьмём себе во владение селения Божьи; сожжём все места собраний Божьих на земле; пойдём и истребим их из народов, чтобы не вспоминалось более имя Израиля. Восстань, что спишь, Господи, и не отринь навсегда, ибо гордыня тех, которые ненавидят тебя, непрестанно растёт. Помилуй нас, ибо довольно мы насыщены презрением. Ибо те, кого ты поразил, ещё преследуют и умножают боль моих ран»²³⁶. Эти и другие покаянные речи мы часто слышали от него. Так, он неоднократно собирался стать монахом. Иногда он высказывал намерение умереть, осуществляя миссионерскую деятельность либо в землях славян, либо в Швеции, а то и в далёкой Исландии²³⁷. Но ещё чаще его желанием было без колебаний отдать свою жизнь за правду в исповедании Христа. Впрочем, Богу,²³⁸ который знает все тайны²³⁸, известно, был ли он перед Его взором лучше, нежели являлся перед людьми. «Ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце»²³⁹.

71 (70). Извини меня, читатель, если я, непоследовательно соединив различные истории о столь противоречивом муже, не смог сделать это кратко и доходчиво,

как того требует искусство; но я изо всех сил старался писать правдиво, согласно тем знаниям и мнениям, которые имелись по данной теме. О многом я, правда, умолчал и уделил главное внимание тому, что в общем следует знать потомству, и в особенности тому, что касается пользы Гамбургской церкви. Наконец, если читателю что-то не понравится то ли ввиду порочности описанных нами событий, то ли потому что они были ещё хуже описаны, я настоятельно прошу и умоляю тебя: осуждая автора, исправь сказанное по ошибке! Сочтя виновным того, о ком здесь написано, ты и сам ведай себя осторожнее, ввиду судьбы этого мудрого мужа. «Смотри за собой, дабы и тебе не пришлось оступиться»²⁴⁰.

72. Признано, что в осуществлении миссии Гамбургской церкви среди язычников великий владыка Адальберт действовал активнее всех своих предшественников, но ещё великолепнее, чем остальные, он повсюду распространял власть архиепископа на чужеземные народы. Он вполне серьёзно намеревался лично взяться за выполнение этой миссии, чтобы принести спасение ещё не обращённым язычникам и усовершенствовать в вере уже обращённых. Отправляясь в этот опасный путь, он с обычным тщеславием заявлял: сначала был Анскарий, затем Римберт, после этого Унни, а четвёртым проповедником Евангелия будет он сам, ибо, как он видел, прочие его предшественники исполняли сей тяжкий труд не лично, а через подчинённых им епископов. Итак, решившись ехать, он вознамерился перед окончанием своей жизни объехать весь север, то есть Данию, Швецию и Норвегию, добраться до Оркад и расположенной на самом краю мира Исландии. Ибо они в его время и его трудами обратились в христианскую веру. От этого путешествия, о котором он уже открыто говорил повсюду, его отговорил мудрейший король данов, сказав, что обратить варварские народы легче людям одного с ними языка и нравов, нежели чужакам, питающим отвращение к обычаям этих народов. Так что единственное, что от него требуется, это своей щедростью и радушием снискать расположение и верность тех людей, которые будут готовы отправиться проповедовать язычникам слово Божье. Наш митрополит согласился с этими доводами православного короля и начал оказывать епископам-миссионерам и послам восточных королей ещё большую щедрость, нежели та, с какой он относился практически ко всем. Он принимал их, держал у себя и отпускал с таким радушием, что все они, ставя его выше папы, почитали словно отца многих народов и, принося названному мужу щедрые дары, в качестве ответного дара уносили с собой его благословение.

73. ²⁴¹Итак, в осуществлении своей миссии архиепископ был таким, какого требовали времена и нравы людей. Он был столь приветлив, щедр и гостеприимен ко всем людям, что наш маленький Бремен стал благодаря его доблести подобен Риму и наперебой почитался во всех частях света, особенно же у народов севера. Среди прочих сюда приходили также самые крайние народы – исландцы, гренландцы и послы от оркнейцев, прося, чтобы он послал туда проповедников; что он и сделал²⁴¹. Ибо он поставил много епископов в Данию, Швецию, Норвегию и на

острова. Он имел обыкновение радостно говорить о них: «Жатвы много, а работников мало. Молите Господина жатвы, чтобы выслал работников на жатву свою»²⁴².

74. Наконец, обрадованный их внушительным числом владыка первым из всех решил провести в Дании собор зависимых от него епископов²⁴³; время благоприятствовало этому, ибо епископов в названном королевстве было более чем достаточно, а пороков на этой новой ниве, требующих скорейшего исправления, также накопилось немало. Так, епископы торговали своим благословением, народ не хотел платить десятину, и все без меры предавались пьянству и разврату. Опираясь во всём этом на авторитет римского папы, а также возлагая надежды на всемерную поддержку со стороны датского короля, Адальберт и решил провести торжественный, – как всегда имел обыкновение делать, – собор всех северных епископов. Долго ждать пришлось только епископов с той стороны моря; из-за этого-то собор и был отложен, так и не состоявшись. В подтверждение этого дела имеются письма, которые папа отправил в Данию епископам, выступавшим против этого собора, а также письма названного архиепископа, отправленные другим лицам. Я счёл необходимым привести здесь в качестве примера содержание двух из них:

75. «Епископ Александр, раб рабов Божьих, всем поставленным в Датском королевстве епископам, послушным апостольскому престолу и нашему викариату, шлёт привет и апостольское благословение.

Адальберт, архиепископ Гамбурга и наш достопочтенный викарий, жаловался нам письменно и через своих послов на то, что некий Эйльберт²⁴⁴, епископ Фаррии, запятнанный многими преступлениями, отказался явиться на собор, куда его неоднократно призывали прийти в течение трёх лет. Поскольку это, как говорят, случилось по совету некоторых из вас, мы поручаем вам и апостольской властью повелеваем не давать более такого рода советы и убедить его явиться к нашему названному брату, чтобы тот после проведённого испытания вынес ему свой канонический приговор»²⁴⁵. Среди прочего им было велено также оказывать Адальберту послушание и повиновение. А вот текст следующего письма:

76. «Адальберт, легат святого римского и апостольского престола, а также архиепископ всех северных народов и недостойный настоятель Гамбургской церкви, шлёт В.²⁴⁶ епископу Роскилле, свой привет.

Я был бы вам очень признателен, если бы вы явились лично или прислали своего посла на собор, который я решил провести в Шлезвиге. Но об этом в другой раз. Нынче же я не хочу скрывать от вас, о брат, какую неприятность причинил мне епископ Адальвард²⁴⁷, которого я в вашем присутствии, – ибо вы присутствовали при его посвящении, – назначил епископом Сигтуны²⁴⁸. Поскольку варварский народ не захотел терпеть над собой его власть, он решил посягнуть на церковь в Скаре. Так вот, я прошу вас отправить моего посла, который прибудет туда, к епископу Дальби²⁴⁹. Вот, что я хотел сказать по поводу этого собора, хотя можно было сказать и о многом другом, что я из стремления к краткости опустил.

77. Тех, кого митрополит поставил к язычникам, было очень много. Их престолы и имена мы знаем с его собственных слов. Итак, в Данию он поставил 9 епископов: Ратольфа – в город Шлезвиг, Отто – в Риббе, Христиана – в город Орхус, Хериберта – в Виборг, монаха Магнуса и Альберика^{93*} – на остров Вендилу, монаха Эйлберта – на острова Фаррию и Фюн, Вильгельма – на остров Зеландию, а Эгино – в область Сконе. В Швецию он посвятил шестерых: Адальварда^{94*} и Ацилина²⁵⁰, затем ещё одного Адальварда²⁵¹ и Тадику²⁵² и, наконец, Симеона и монаха Иоанна²⁵³. В Норвегию же он поставил только двоих: Тольфа и Севарда. Впрочем, он милостиво принимал у себя также тех, которые были рукоположены в других местах, но признали его власть, и, когда они уходили, радостно отпускал их, как, например, Мейнхарда, Осмунда²⁵⁴, Бернгарда, Асгота и многих других. Кроме того, он поставил в Оркады некоего Турольфа²⁵⁵. Туда же он послал Иоанна, рукоположенного в Шотландии, и Адальберта, своего тезку. Ислейфа он отправил в Исландию. Всего он поставил 20 епископов^{95*}, из которых трое остались «не у дел и вне виноградника»²⁵⁶, «ища своего, а не того, что принадлежит Иисусу Христу»²⁵⁷. Обращаясь с ними с подобающей честью, славный архиепископ просьбами и наградами увещевал их проповедовать среди варваров слово Божье. Так, мы очень часто видели его в окружении пяти или семи епископов и лично слышали, как он говорил, что просто жить не может без многочисленной свиты. Когда же он отпускал их от себя, то из-за одиночества казался мрачнее обычного. Он не переносил одиночества, так что при нём всегда кто-нибудь, да был. Чаще всего его навещали трое: Тангвард Бранденбургский²⁵⁸, мудрый человек, бывший другом епископа ещё до его посвящения в сан; Иоанн, епископ из Шотландии, «муж смиренный и богобоязненный»²⁵⁹, который позднее был отправлен в землю славян и там погиб вместе с князем Готшалком²⁶⁰; и, наконец, Бово, о месте рождения и посвящения которого нам ничего неизвестно и который хвалился тем, что из любви к путешествиям трижды побывал в Иерусалиме; сарацины выслали его оттуда в Вавилон, но он вскоре освободился и посетил многие области круга земного. К этим троим, хоть они и не были зависимыми от него епископами, Адальберт, как мы узнали, относился с особой благосклонностью, ибо они были лишены собственных престолов.

78. С таким же радушием Адальберт относился и к легатам римского престола, покровительство и благосклонность которых почитал превыше всякой дружбы, и часто хвалился, что имеет над собой только двух господ – папу и короля, чьей власти по праву должны подчиняться все светские и церковные чины. Только к ним он испытывал страх и почтение. Это видно из самой верности этого мужа, которую он столь незыблемо соблюдал в отношении обоих, что, ни в чём не умаляя апостольской власти, во всём старался соблюдать старинные prerogативы апостольского престола и считал, что его легатов следует принимать с величайшей любовью. А о том, насколько он уважал императорское величество, свидетельствует его собственная епархия, которая была разорена дотла, ибо ни угрозы, ни посулы князей не смогли отвратить его от верности его королю²⁶¹. Ведь королевская власть всегда страшна для дурных людей²⁶¹. Поэтому, несмотря на заговоры, которые часто

случались в королевстве, он не желал принимать в них никакого участия. В награду за его верность король назначил Адальберта мажордомом дворца; благодаря королевской щедрости он приобрёл для Бременской церкви множество добра, о чём более подробно было сказано выше. От папы же Адальберт получил следующую привилегию: господин папа передал ему и его преемникам все свои права, а именно: право учреждать епархии по всему северу, там, где он сочтёт наиболее целесообразным и даже вопреки воле королей, и право посвящать епископов из своей капеллы, кого и где он сочтёт нужным. Поскольку мы до сих пор неоднократно говорили об их посвящении и престолах, нам кажется не будет лишним описать ныне положение Дании и прочих, расположенных за пределами Дании стран.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Если угодно, пусть будет здесь начало четвёртой книги

Описание островов Севера.

1. Почти вся провинция данов состоит из островов, как то пишется в «Деяниях святого Анскария»¹. От наших нордальбингов Данию отделяет река Эйдер, которая берёт начало в дремучих лесах Изарнхо^{96*} у язычников. Говорят, что эти леса тянутся вдоль варварского моря вплоть до озера Шлии. Эйдер впадает во Фризский океан, который римские писатели называют также Британским. Первая область Дании называется Ютландия и простирается к северу от Эйдера на три дня пути, если повернуть в сторону острова Фюн. Если же мерить её по прямой дороге от Шлезвига до Ольборга², то путь составит пять или семь дней. Это путь цезаря Оттона до самого последнего моря у Вендилы³, которое и по сей день в знак победы короля зовётся Оттинсанд. Возле Эйдера Ютландия более широка, а далее постепенно сужается наподобие языка до того угла, который именуется Вендилой и где [находится] предел Ютландии. Оттуда ближе всего до Норвегии⁴. Земля там бесплодна; кроме приречных мест, почти всё кажется пустыней, «землёй солёной и дикой»⁵. И хотя вся территория Германии покрыта непроходимыми чащами, Ютландия ещё ужаснее прочих, ибо сушу там избегают из-за недостатка плодов, а море — из-за нападений пиратов. Едва ли найдёшь в тех краях возделанные поля или местности, пригодные для обитания людей. Только там, где встречаются заливы, расположены большие города. В своё время цезарь Оттон, обложив эту область данью, разделил её на три епископства. Первое он установил в Шлезвиге^{97*}, который зовётся также Хедебю и омывается одним из рукавов варварского пролива; этот рукав местные жители называют Шлия; от него и город получил своё название. Из шлезвигской гавани обычно отправляются корабли в землю славян, Швецию, Земландию⁶ и до самой Греции. Второе епископство Оттон основал в городе Риббе^{98–99*}, который окружён другим океанским проливом, по которому можно направить паруса во Фризию, Англию^{100*} или в Саксонию. Третье епископство Оттон пожелал основать в Орхусе^{101–102*}, который отделяет от Фюна очень узкий пролив восточного моря; этот пролив с многочисленными изгибами тянется на север^{103*} между Фюном и Ютландией вплоть до этого самого города Орхуса, откуда плавают на Фюн, в Зеландию, в Сконе и Норвегию.

2. После ликвидации того епископства, которое мы описали третьим, в Ютландии осталось только две епархии, а именно: шлезвигская и рибенская, пока после недавней смерти рибенского епископа Вала его диоцез с согласия архиепископа не

был разделён на четыре епархии. Адальберт тут же посвятил в Риббе Отто, в Орхус – Христиана, в Виборг – Хериберта, а в Вендилу^{104*} – Магнуса^{105*}; затем, когда тот, возвращаясь после своего посвящения, потерпел кораблекрушение на Эльбе, он поставил вместо него Альберика. Вот те четыре епископа, которые тогда по милости короля Свена получили Рибенский диоцез.

3. Архиепископ же поставил из числа своих клириков: в Шлезвиг – Ратольфа, в Зеландию – Вильгельма, а на Фюн^{106*} – Эйльберта, который, как говорят, сбежав от пиратов, первым открыл остров Фаррию, прячущийся далеко в океане напротив устья реки Эльбы, и, основав монастырь, сделал его обитаемым. Этот остров расположен напротив Хадельна. Его длина не превышает восьми миль, а ширина – четырёх. Люди там используют для разведения огня солому и обломки кораблей. Говорят, что если пираты возьмут там хоть какую-нибудь, – пусть даже самую небольшую, – добычу, то они сразу же после этого либо погибнут в кораблекрушении, либо будут кем-либо истреблены, так что ни один из них не вернётся домой невредимым. Поэтому они обычно с большим почтением выплачивают живущим на острове отшельникам десятину с награбленного. Остров этот к тому же весьма плодороден, богат птицей и обилён скотом. На нём высится единственный холм, а деревьев вообще нет. Он окружён суровыми скалами, и лишь в одном месте открывается в них проход: там есть пресная вода. Место это излюблено всеми моряками, в особенности же – пиратами. От этого остров получил ещё одно название – Хейлигланд^{107*}. По всей видимости, он и есть тот Фосетисланд, о котором говорится в «Жизни святого Виллиброрда»⁷ и который расположен на границе данов и фризлов. Напротив Фризии и Дании есть и другие острова, но они не столь примечательны.

4. Фюн – это крупный остров, расположенный в устье варварского залива за Вендилой. Он примыкает к Ютландии, так что из любой её части путь к нему очень близок. На острове расположен большой город Оденсе, а окружают Фюн мелкие островки, которые все изобилуют плодами. Следует иметь в виду, что, если ты направляешься из Ютландии на Фюн, то тебе следует держать путь строго на север. Тому же, кто отправляется с Фюна в Зеландию, нужно двигаться лицом на восток. Существуют две переправы в Зеландию: одна с Фюна, а другая из Орхуса, обе – на одинаковом расстоянии от Зеландии. Море там по природе бурное и угрожает сразу двумя опасностями: если даже тебе повезёт с ветром, ты едва ли избежишь рук пиратов.

5. Зеландия^{108–109*} – это крупнейший по величине остров, расположенный в глубоко вдающемся заливе Балтийского моря. Он славится как силой своих мужей, так и изобилием плодов. В длину остров тянется на два дня пути, в ширину – почти на столько же. Самый большой его город – Роскилле, резиденция датских королей. Этот остров равноудалён от Фюна и Сконе, так что туда можно попасть за одну ночь. К западу от него расположена Ютландия, города Орхус, Ольборг и Вендила, к северу, – где ничего нет, – норманнский пролив⁸, а к югу – названный остров

Фюн⁹ и славянский залив. С востока же к нему примыкают скалистые берега Сконе, где расположен город Лунд.

6. Там много золота, собранного в результате пиратских набегов. Сами же пираты, которых там называют викингами, а у нас аскоманнами, платят дань датскому королю, за что тот позволяет им грабить варваров, в изобилии обитающих вокруг этого моря. Потому и вышло, что разрешение, которое им дали против врагов, они часто используют против своих. Они настолько не доверяют друг другу, что, если один пират схватит другого, то сразу же без всякой жалости продаёт его в рабство – то ли своим сотоварищам, то ли варварам. И многое ещё в законах и обычаях данов противно благу и справедливости. Мне кажется полезным ничего об этом не говорить, разве что упомянуть о том, что они сразу же продают тех женщин, которые оказываются обесчещенными. Мужчины же, виновные в оскорблении королевского величества или уличённые в каком-либо преступлении, предпочитают быть обезглавленными, нежели претерпеть побои^{110*}. У данов нет иных видов наказаний, кроме смертной казни и обращения в рабство. Они также считают, что осуждённому пристало оставаться весёлым до конца. Ибо даны столь презирают слёзы и рыдания, а также другого рода выражения скорби, которые у нас считаются нормальными, что плакать у них не принято ни о своих грехах, ни о смерти близких. Schol. 110

7. Существует много переправ с Зеландии на Сконе, кратчайшая же – в Хельсингборге, который можно видеть с берега. Сконе^{111*} – это самая красивая область Дании, отчего происходит и её название. Она славится мужами, изобилует плодами, богата товарами, а теперь к тому же [ещё] и полна церквями. По размеру Сконе^{112*} вдвое больше Зеландии, а церквей в ней 300, тогда как в Зеландии их, как говорят, лишь половина от этого числа, а на Фюне – всего треть. Сконе представляет собой окраинную область Дании, это почти остров¹⁰, так как она со всех сторон окружена морем и лишь в одном месте соединяется с землёй узкой полоской, которая идёт с востока и отделяет Данию от Швеции. В тех краях лежат густые леса и суровые горы, через которые нужно пройти на пути из Сконе в Готию, так что начинаешь даже сомневаться, на каком из двух путей легче избежать опасности: предпочесть ли морские трудности сухопутным или же сухопутные морским. Schol. 111
Schol. 112

8. До некоторых пор епископ в Сконе не назначался, лишь изредка заботились об этом диоцезе какие-то пришельцы из других стран^{113*}. Затем сразу двумя церквями управляли зеландский епископ Гербранд и его преемник Авоко. Недавно, после смерти Авоко, король Свен разделил область Сконе на два епископства, первое из них [то есть Лундское] пожаловав Генриху, а второе [Дальбийское] – Эгино. Последнего назначил архиепископ. Генрих был прежде епископом Оркад. Говорят, что в Англии он был сакелларием короля Кнута, а перевезя богатства последнего в Данию, проводил там жизнь в роскоши. О Генрихе также рассказывают, что он, имея пагубную привычку пьянствовать, однажды упился до смерти. То же самое Schol. 113

нам стало известно и об Авоко, и о других. Эгино же, напротив, будучи мужем, сведущим в науках и известным своей чистотой, все свои усилия направлял на обращение язычников. Поэтому этот муж и привлёк ко Христу множество народов, до тех пор преданных почитанию идолов, в том числе тех варваров, что зовутся плеяканами¹¹, и тех, что обитают на острове Хольм¹² по соседству с готами. Говорят, что, услышав его проповедь, все они стали лить слезы, выражая тем самым раскаяние в своих заблуждениях, тут же разбили идолов и приняли крещение. А потом повергли богатства и всё, что у них было, к ногам епископа, умоляя его соизволить принять этот дар. Но епископ отказался и вместо этого научил их построить на эти деньги церкви, кормить нуждающихся и выкупать пленных, которых в тех краях было много.

9. Рассказывают, что этот благородный муж, в то время как в Швеции началось преследование христианства, часто посещал скаранскую церковь и прочих верующих, – ибо они были лишены пастыря, – доставляя утешение тем, которые веровали во Христа, и твёрдо проповедавая слово Божье неверующим. Там он разбил на куски прославленное изображение Фрикко. За все эти добродетели муж Божий был в большой чести у короля Дании и вскоре после смерти Генриха Толстого получил в управление оба сконских епископства – в Лунде^{114*} и в Дальби. Свой престол он поставил в Лунде, а в Дальби велел быть приорству живущих по уставу братьев. Итак, честно проведя в священстве 12 лет, светлейший муж Эгино, возвратившись из города Рима, вскоре после того как он добрался до дома, счастливо отошёл ко Христу. Его смерть, а также смерть епископа Фюна^{115*} наступила в том же году, когда скончался и наш митрополит¹³.

10. А теперь, поскольку представился удобный случай, мне кажется уместным сказать кое-что о природе Балтийского моря^{116*}. Хотя я упоминал о нём выше, в деяниях епископа Адальдага¹⁴, по тексту Эйнхарда, но, поступая по обычаю комментаторов, то, о чём Эйнхард говорит очень коротко, я для сведения наших опишу более подробно. Так, он пишет: «От Западного океана на восток протянулся некий залив»¹⁵. Этот залив местные жители называют Балтийским, потому что он наподобие пояса тянется через области скифов на большое расстояние до самой Греции. Он также зовётся Варварским, или Скифским, морем от тех варварских народов, чьи земли он омывает. Западный океан – это, по-видимому, тот, что римские писатели называют Британским^{117*}. Он невероятно огромен, страшен и опасен и омывает с запада Британию, которая ныне зовётся Англией. С юга он примыкает к фризам^{118–119*} и той части Саксонии, которая относится к нашему Гамбургскому диоцезу. К востоку от него живут даны, а также норманны, которые обитают за пределами Дании, и расположено устье Балтийского моря. На севере же этот океан омывает Оркадские острова и окружает земной мир бескрайними просторами. В левой его части расположена Гиберния, родина скоттов, которую ныне называют Ирландией, справа лежат утёсы Норвегии, а ещё дальше – острова Исландия и Гренландия. Там начинается океан, что зовётся Сумрачным.

11. То, что [Эйнхард] говорит, будто «длина этого залива неизвестна», недавно подтвердилось, несмотря на предприимчивость храбрейших мужей – Гануза Вольфа, датского наместника, и короля норманнов Харальда¹⁶, которые с большими трудностями в пути и огромной опасностью для своих спутников исследовали размеры этого моря, но, в конце концов, вернулись, сломленные и побеждённые двойной опасностью – бурями и пиратами. Даны же утверждают, что протяжённость этого моря не раз проверена на опыте очень многими; некоторые при благоприятном ветре за месяц добирались из Дании до Острогарда¹⁷ Руси^{120*}. [Эйнхард] *Schol. 120* полагает, что «ширина этого моря нигде не превышает ста тысячи шагов, хотя во многих местах он, как выясняется, более узок». Это видно на примере устья названного залива, вход в который из океана между Ольборгом и Вендилой, датскими мысами, и утёсами Норвегии столь узок, что под парусами можно легко пересечь его всего за одну ночь. Выходя за пределы Дании, это море расширяется, а затем вновь сужается в районе страны готов, напротив которых живут вильцы. А затем, чем дальше, тем шире оно становится.

12. «Вокруг этого залива, – пишет [Эйнхард], – живёт множество народов. Даны, также как и шведы, которых мы называем норманнами, владеют северным побережьем и всеми его островами. На южном берегу живут славяне, эсты и различные другие народы, среди которых главными являются велеты»¹⁸, которых зовут также вильцами. Данов, шведов и все прочие племена, которые обитают за Данией, франкские историки называют норманнами, тогда как римские историки именуют так гипербореев¹⁹, которых Марциан Капелла превозносит многими похвалами.

13. Итак, первыми при устье названного залива, на южном берегу, напротив нас, живут даны, которых называют ютами, до самого озера Шли. Оттуда начинаются пределы Гамбургской епархии, которые тянутся через земли приморских славян на большое расстояние до реки Пены; там граница нашего диоцеза. Затем, вплоть до реки Одера обитают вильцы и лютичи. За Одером же, насколько нам известно, обитают поморяне. Далее простирается весьма обширная страна поляков, которая, как говорят, граничит с королевством Руси. Эта страна представляет собой последнюю и самую большую область винулов, которой и заканчивается названный залив.

14. Если же вернуться к устью Балтийского моря со стороны севера, то первыми встречаются норманны, потом выдаётся датская область Сконе, а за ней вплоть до Бирки на широких просторах обитают готы. Затем обширными пространствами земель²⁰ правят шведы, до самого «Края женщин»²¹. За ним, как говорят, обитают виссы, мирры, ламы, skutы и турки²², до самой Руси. Там опять-таки заканчивается названный залив. Итак, берегами этого моря на юге владеют славяне, а на севере – шведы.

15. Знающие [те] места люди уверяют, что некоторые добирались из Швеции в Грецию по суше. Но варварские народы, живущие между ними, мешают этому пути, поэтому [предпочитают] пытаться счастья на кораблях.

16. Много островов в этом заливе; всеми ими владеют даны и шведы, а некоторыми также и славяне. Первый из них – расположенная в начале моря Вендила, второй – Морс, третий – Туд²³, все – на небольшом расстоянии друг от друга. Четвёртый – Самсё, расположенный напротив города Орхус. Пятый – Фюн, шестой – Зеландия, а седьмой – тот, что примыкает к последнему²⁴; о них мы уже упоминали выше. Восьмым называют тот, который ближе всех к Сконе и Готии и зовётся Хольм²⁵; это – самая славная гавань Дании и надёжная стоянка для судов, которые обычно отправляются к варварам и в Грецию. Кроме того, с юго-востока к Фюну примыкают ещё семь островков, которые, как мы уже говорили, изобилуют плодами. Это Мойланд²⁶, Имбра²⁷, Фальстер, Лолланн, Лангеланн и все остальные близлежащие острова; причём Лолланн расположен ближе всего к славянским землям. Эти пятнадцать островов принадлежат к королевству данов; все они уже украшены светом христианства.

В глубине [моря] есть и другие [острова], которые подчиняются власти шведов. Самым большим из них, пожалуй, является Курланд²⁸, который имеет восемь дней пути. [Там обитает] очень жестокое племя, которого все избегают из-за его склонности к чрезмерному почитанию идолов. Там очень много золота, великолепные кони. Во всех домах – полно волхвов, авгуров и некромантов, [которые даже ходят в монашеских одеждах.] За оракулами туда обращаются со всего света, особенно, испанцы и греки. Мы полагаем, что это – остров Хоры, названный в «Жизни святого Анскария»²⁹, который шведы тогда обложили данью. Ныне – стараниями одного купца, которого датский король побудил к этому многими дарами, – там построена одна церковь. Эту историю, радуясь в Господе, рассказал мне сам король.

17. Кроме того, нам говорили, что в этом море есть ещё множество других островов, и среди них весьма крупный остров Эстланд³⁰, не меньше того, о котором мы только что говорили. [Его жители] совершенно не знают Бога христиан, поклоняются драконам и крылатым существам и даже приносят им в жертву живых людей, которых приобретают у купцов, весьма тщательно проверяя, чтобы на теле [у жертвы] не было пятен, ибо иначе, по их словам, драконы её отвергнут. Рассказывают, что названный остров расположен вблизи «Края женщин», тогда как указанный выше – неподалёку от шведской Бирки.

18. Недалеко от области славян находятся, насколько нам известно, три примечательных острова. Первый из них называется Фембре³¹. Он лежит напротив вагров, так что его, как и Лолланн, можно видеть из Ольденбурга. Другой остров³² расположен напротив вильцев. Им владеют раны[, или руны]^{121*}, могучее славянское племя. По закону без учёта их мнения не принимают ни одного решения по общественным делам. Их так боятся по причине их близости к богам, вернее к демонам, поклонению которым они преданы более прочих. Оба острова переполнены пиратами и безжалостными разбойниками, которые не щадят никого из приезжих. Ибо всех, кого другие пираты обычно продают, эти убивают. Третий остров зовётся Земландией, и расположен по соседству с русами и поляками^{122*}; населяют его

Schol. 121

Schol. 122

сембы или пруссы, люди весьма доброжелательные, которые спешат на помощь тем, кто терпит бедствие на море или подвергается нападению пиратов. Они очень низко ценят золото и серебро, а иноземных мехов, тлетворный дух которых породил в наших землях губительный яд гордыни, у них в избытке. Этих [мехов] у них – как грязи, к нашей, полагаю, гибели, ибо мы всеми правдами и неправдами стремимся к куньему кафтану, словно к высшему блаженству. Так вот, за шерстяные одежды, которые мы называем фальдонами, они дают столь драгоценных куниц. Можно было бы указать и много другого в нравах этих людей, достойного похвалы, если бы только они уверовали во Христа, проповедников которого они ныне жестоко преследуют. Именно у них был увенчан мученичеством сиятельный чешский епископ Адальберт³³. И, хотя всё прочее они делят с нами, у них вплоть до сегодняшнего дня запрещён доступ к священным рощам и источникам, которые, как они полагают, оскверняются приближением христиан. Они употребляют в пищу мясо вяжущих животных, используют в качестве питья их молоко и кровь, так что, говорят, даже пьянеют. Эти люди зеленоглазы, краснолицы и длинноволосы. К тому же они, затерянные в непроходимых болотах, не желают терпеть над собой никакого господина.

19. Есть в этом море ещё много других островов, которые полны дикими варварами, почему их и избегают мореплаватели. Говорят, что где-то около этих берегов Балтийского моря обитают амазонки^{123*}, страну которых называют ныне «Краем женщин»³⁴. Некоторые рассказывают, что они становятся беременны от глотка воды. Другие говорят, что они зачинают либо от проезжающих купцов, либо от живущих среди них пленников, либо от других чудовищ, которые там нередки; и это мы полагаем наиболее вероятным. Когда же дело доходит до родов, то дети мужского пола становятся киноскефалами³⁵, а женского – прекраснейшими женщинами³⁶. Живя все вместе, они презирают общество мужчин, и даже, если те приходят, мужественно прогоняют их от себя. Киноскефалы – это те, которые носят голову на груди. Их часто видят пленниками на Руси, и они громко лают вперемежку со словами. Там есть также те, которые зовутся аланами или альбанами, а на своём собственном языке – виссами³⁷; они – безжалостные амброны^{124*} и рождаются с седыми волосами. О них упоминает писатель Солин. Их родину охраняют собаки, и если доходит до битвы, то они выстраивают собак в боевом порядке. Там есть также бледные, зелёные и макробии, то есть длинные люди, которых называют гузами; и, наконец, те, которых именуют антропофагами, ибо они едят человеческое мясо. Есть там и множество других чудовищ, которых по их словам часто видят моряки, хотя нам это кажется едва ли заслуживающим доверия.

20. Вот то, что я хотел сказать о Балтийском [или Варварском] заливе, о котором, насколько я слышал, не упоминает никто из учёных мужей, кроме одного лишь Эйнхарда, о котором мы говорили выше. Полагаю, что древние [римляне], возможно, называли это море другими именами: Скифскими, или Меотийскими, болотами³⁸, либо «Гетской пустыней»³⁹, а также «Скифским берегом», который, как

говорит Марциан, «густо населён множеством разнообразных варваров»⁴⁰. «Там, – писал он, – обитают геты, даки, сарматы, аланы, [невтры], гелоны, антропофаги и троглодиты»^{125*}. Сострадая их заблуждению, наш архиепископ учредил митрополиз для этих племён Бирку^{126*}, которая расположена в центре Швеции, напротив славянского города Юмны, обращена к нему и равноудалена от всех берегов этого моря. Первым из наших он поставил в этом городе^{127*} аббата Хильтина, которого сам предпочитал называть Иоанном⁴¹. Итак, об островах данов сказано достаточно. Теперь же перейдём к народам шведов и норманнов, которые ближе всех к [данам].

21. Перед теми, кто минует датские острова, открывается совершенно новый мир, а именно: Швеция^{128*} и Норвегия – две обширнейшие северные страны, до сих пор ещё почти неизвестные в нашем мире. Мудрейший король данов^{129*} рассказывал мне о них, что Норвегию с трудом можно пересечь за один месяц, а Швецию, даже двигаясь быстро, нелегко обойти и за два. «Я сам проверял это, – говорил он, – когда недавно в течение 12 лет служил в тех краях при короле Якове. Обе страны окружены высокими горами, причём в большей мере Норвегия, которая охватывает Швецию своими хребтами». О Швеции не умалчивают и древние авторы Солин и Орозий^{42, 130*} которые пишут, что большую часть Германии занимают свевы, населяющие предгорья вплоть до Рифейских гор. Там же, очевидно, находится и река Эльба, о которой упоминает Лукан⁴³. Она берёт начало в названных горах и, протекая через срединные области готов, – отчего и происходит её название Готэльба^{131*}, – впадает в океан. Швеция – богатейший край, земля, изобилующая плодами и мёдом. Она также превосходит все прочие области по приплоду скота, отличается превосходными лесами и реками, вследствие чего весь этот край полон чужеземными товарами. Нет, кажется, ничего такого, чего не было бы у шведов, кроме разве что столь любимой и чтимой нами гордыни. Ибо все символы пустой славы, как то золото, серебро, царские кони, бобровые и куны шкурки, которые своей прелестью сводят нас с ума, они ни во что не ставят. И только в женщинах они не знают меры^{132*}. Каждый из них в соответствии со своими возможностями одновременно имеет двух, трёх или более жён; богачи и знать держат их без счёта. Все сыновья, рождённые от такого сожителства, считаются законными. Если же кто-нибудь познает чужую жену или силой возьмёт девушку, или разграбит чьё-либо добро, или совершит иное беззаконие, то его наказывают смертной казнью. Хотя все гиперборейцы отличаются гостеприимством, наши шведы в этом отношении выделяются особо. Позорнее всего считается у них отказать приезжему в гостеприимстве, так что они даже устраивают между собой состязание, каждый стремясь показать, что именно он достоин принимать гостя. [Хозяин] принимает гостя по всем правилам гостеприимства и в каждый из дней, сколько приезжий пожелает оставаться, водит его в гости ко всем своим друзьям. Подобная добродетель у них в обычае. Проповедников истины, – если только те чисты, умны и достойны, – шведы принимают с такой большой любовью, что даже не возражают против присутствия на общем совете племён, который они называют «варх», епископов. Они часто и охотно слу-

шают о Христе и христианской вере. Шведов можно склонить к нашей вере нехитрыми речами, если только дурные учителя, «ищущие своего, а не того, что угодно Иисусу Христу»⁴⁴, не собьют с толку тех, которые могут спастись.

22. Племена шведов весьма многочисленны; они славятся своей силой и умением обращаться с оружием и, независимо оттого, сражаются ли они на конях или на кораблях, показывают себя превосходными воинами. Поэтому, очевидно, они и обуздывают своей мощью остальные северные народы. Их короли происходят из древнего рода, однако их власть зависит от мнения народа^{133*}: то, что все одобряют на общем собрании, король должен утвердить, если только ему не покажется лучшим иное решение, которому и подчиняются шведы, – иногда против воли. Таким образом, дома они пользуются равноправием. Но отправляясь на войну, шведы во всём повинуются королю или тому, кого король сочтёт способнее прочих. Если во время битвы они попадают в затруднительное положение, то из множества богов, которых они почитают, шведы призывают на помощь лишь одного; ему же они дают обеты сразу после победы и предпочитают его всем остальным. Христианского Бога они по общему решению провозгласили сильнейшим из всех, ибо другие боги часто обманывали их, а этот всегда являлся вернейшим помощником в любом деле. Schol. 133

23. Из народов Швеции ближе всех к нам обитают готы, именуемые западными, а прочие называются восточными^{134*}. Вестраготия граничит с датской областью Сконе. Говорят, что из Сконе семь дней пути до большого готского города Скары. Далее же, вдоль того моря, что зовётся Балтийским, и вплоть до Бирки, тянется Остроготия. Первым епископом готов был Тургот^{135*}, а вторым Готшалк, как говорят, муж мудрый и добрый, если не считать того, что он, сидя дома, предпочитал труду отдых. Третьим наш архиепископ поставил Адальварда Старшего, воистину достохвального мужа. Придя к варварам, он как учил, так и жил. Ведя святой образ жизни, он доброй проповедью приобщил к христианской вере великое множество язычников. Он был также знаменит своими чудесами, так что в случае нужды по требованию варваров делал так, чтобы шёл дождь или чтобы снова наступала ясная погода, а также многое другое, чему до сих пор стремятся научиться мудрецы. Этот замечательный муж жил в Готии, усердно проповедуя всем имя Господа Иисуса, и там же после многих испытаний, которые он охотно претерпел ради Христа, оставил земле свою бrenную плоть; дух же его принял небесный венец^{136*}. После него архиепископ поставил в тех краях какого-то Ацилина, который ни за что другое, кроме как за огромный рост, не был достоин носить сан епископа. Напрасно готы отправляли к нему посольство: любя покой и уют, он оставался в Кёльне, предаваясь удовольствиям до самой смерти. Schol. 134
Schol. 135
Schol. 136

24. Между Норвегией и Швецией живут вермиланы⁴⁵, финнеды и другие народы. Все они уже христиане и относятся к скаранской церкви. На границе Швеции и Норвегии, на севере, обитают скритефинны, которые бегают быстрее диких зверей.

Schol. 137 Самым большим их городом является Хельсингланд⁴⁶.^{137*} Сюда архиепископ первым поставил епископа Стенфи и, сменив ему имя, назвал его Симеоном⁴⁷. Последний привлёк своей проповедью многих из названных племён. Кроме того, существует ещё неисчислимое множество других шведских племён, из которых, насколько нам известно, в христианство обращены только готы, вермилены, частично скритефинны и их соседи.

25. Итак, вот краткое описание Свеонии, или Швеции: на западе её населяют готы и находится город Скара; на севере живут вермилены и скритефинны, чьей столицей является Хельсингланд; на юге же её на всём протяжении омывает Балтийское море, о котором мы говорили выше. Там находится большой город Сигтуна. С востока к Швеции примыкают Рифейские горы с их пустынными пространствами и глубокими снегами; доступ туда преграждают стада звероподобных людей. Там живут амазонки, кинскефалы и циклопы, у которых во лбу один глаз. Там же обитают и те племена, которых Солин называет имантоподами и которые скачут на одной ноге⁴⁸; а также те, чьей любимой пищей является человеческое мясо, из-за чего их избегают и по праву ничего о них не говорят. Король данов, которого я часто вынужден поминать, рассказывал мне об одном племени, которое имеет обыкновение спускаться с предгорий на равнину; эти люди малы ростом, но силой и проворностью не уступают шведам. «Откуда они приходят – неизвестно, – говорил он, – но, внезапно появляясь, то ежегодно, то раз в три года, они, если им не оказать сопротивления всеми силами, опустошают весь край и опять уходят». Обычно рассказывают ещё и многое другое, что я ради краткости опускаю. Пусть об этом говорят те, кто уверяет, что сам видел подобное. (26). А теперь скажем несколько слов о суевериях шведов.

Schol. 138–139 26. У этого племени есть знаменитое святилище, которое называется Упсала^{138–139*}, и расположено недалеко от города Сигтуны [или от Бирки]. В этом храме, который целиком изготовлен из золота, находятся статуи трёх почитаемых народом богов. Самый могущественный из них – Тор – восседает на троне посреди парадного зала; с одной стороны от него – Водан, а с другой – Фрикко. Их полномочия распределяются следующим образом: «Тор, – говорят шведы, – царит в эфире, управляет громом и реками, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями. Второй – Водан, что означает «ярость», – ведёт войны, даёт людям мужество в битвах с врагами. Третий – Фрикко – дарует смертным мир и наслаждения. Последнего изображают с огромным фаллосом. Водана же шведы представляют вооружённым, как у нас обычно Марса. А Тор со своим скипетром напоминает Юпитера. Они также почитают обожествлённых людей, даря им бессмертие за славные подвиги, как говорится и в «Жизни святого Анскария»⁴⁹, где мы читаем, что они подобным образом поступили с королём Эриком.

27. Ко всем их богам приставлены жрецы, которые от имени народа приносят им жертвы. Если грозит голод или мор, они приносят жертву идолу Тора, если вой-

на – Водану, если грядут свадебные торжества – Фрикко. Они также имеют обычай каждые девять лет проводить в Упсале общее для всех шведских провинций торжество^{140*}. От участия в этом торжестве не освобождается никто. Короли и народы, все вместе и поодиночке, отсылают свои дары в Упсалу, и, что ужаснее всего, те, которые уже приняли христианство, вынуждены откупаться от участия в подобных церемониях. Жертвоприношение происходит следующим образом: из всей живности мужского пола в жертву приносят девять голов; считается, что их кровь должна умиловить богов^{141*}. А тела этих животных развешивают в ближайшей к храму роще. Эта роща столь священна для язычников, что даже деревья её, согласно поверью, становятся божественными благодаря смерти и разложению жертв. Один христианин рассказывал мне, что видел в этой роще висевшие вперемежку тела собак, лошадей и людей, общим числом 72. А о многочисленных нечестивых магических песнопениях, которые они обычно исполняют, совершая обряд жертвоприношения, лучше будет вообще умолчать. Schol. 140

28. Недавно в этой провинции произошло замечательное событие, ставшее широко известным благодаря своей значимости. Весть о нём дошла и до архиепископа. Один из жрецов, которые обычно прислуживают в Упсале демонам, в дни веселий без причины ослеп. Будучи мужем разумным, он решил, что такое несчастье послано ему за почитание идолов и что, служа ложным богам, он, по видимому, оскорбил могущественного Бога христиан. И вот ночью явилась ему прекрасная дева и сказала, что, если он уверует в её сына и отринет почитавшиеся им кумиры богов, она вернёт ему зрение. Тогда он – готовый на всё ради такого дара – во сне обещал деве, что так и поступит. Она же добавила: «Знай, что, истинно, это место, где ныне проливается столько невинной крови, вскоре будет освящено в мою честь. А чтобы в тебе не осталось и капли сомнения, прозри во имя Христа, сына моего!». Едва только свет вернулся его очам, он уверовал и, обойдя все соседние области, легко обратил язычников к вере в того, кто избавил его от слепоты. Schol. 141

29 (28). Движимый этими чудесными делами наш архиепископ внял гласу, говорившему: «Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве»⁵⁰, и поставил в тех краях Адальварда Младшего, взятого из бременского капитула, мужа начитанного и блиставшего добротой нравов. Через посланцев светлейшего короля Стенкиля он определил ему престол в городе Сигтуне, отстоящем от Упсалы на один день пути. Существует такой путь: от датского Сконе, плывя под парусами, через пять дней достигаешь Сигтуны или Бирки, ибо обе расположены рядом. Если же двигаться по суше, то из Сконе через области готов и города Скару, Телгас⁵¹ и Бирку доберёшься до Сигтуны ровно через месяц.

30 (29). Итак, движимый пылким желанием проповедовать Евангелие Адальвард прибыл в Швецию и за короткое время обратил в христианскую веру всех жителей Сигтуны и её окрестностей^{142*}. Он также условился со святейшим епис- Schol. 142

копом Сcone Эгино, чтобы они вместе явились к языческому храму, именуемому Упсалоу, где смогли бы, возможно, представить Христу плоды своего труда. Они были готовы с радостью принять любые муки, только бы уничтожить тот дом, который является оплотом варварских суеверий. Они хотели разрушить этот дом, а если удастся, то и сжечь, чтобы затем последовало обращение всего народа. Но благочестивый король Стенкиль, знавший о том, что говорят в народе об этом желании Божьих исповедников, отговорил их от подобного дела, упирая на то, что оно грозит им немедленной смертью, а ему, – приведшему на родину подобных злодеев, – изгнанием, и что после этого к язычеству вернутся все те, кто ныне верует, как можно видеть из того, что недавно случилось в землях славян⁵². Согласившись с этими доводами короля, епископы обошли все готские города, где разрушали идолов, а затем обращали многие тысячи язычников в христианство. После смерти Адальварда, постигшей его у нас, архиепископ поставил на его место некоего Тадику из Рамельсло⁵³, который из страсти к обжорству предпочёл пребывание дома жребию апостола. Итак, о Швеции и её церемониях сказано достаточно.

Schol. 143 31 (30). Поскольку Норманния является крайней провинцией круга земного, то и мы соответственно отводим ей место в самом конце книги^{143*}. Впрочем, ныне её называют Норвегией. Кое-что о расположении и размерах этой страны мы уже сказали выше, описывая её вместе со Швецией; теперь же следует упомянуть о ней особо: данная область в длину простирается до самых отдалённых пределов севера, отчего и происходит её название. Она берёт начало у скалистых мысов того моря, которые обычно называют Балтийским. Затем её хребты поворачивают на север и ведут свои изгибы вдоль берега ревущего океана, заканчиваясь в Рифейских горах, где и угасает измождённый мир. Кроме суровых гор и чрезмерного холода Норвегия отличается также совершенной бесплодностью и пригодна исключительно для скотоводства. Подобно арабам норманны пасут свой скот далеко в степях. Скотоводство проникло во все сферы их жизни: молоко они употребляют в пищу, а из шерсти делают одежду. Норвегия воспитывает храбрейших воинов, не смягчённых изобилием плодов, которые чаще сами нападают на других, чем подвергаются нападениям. С соседними шведами норманны сосуществуют без вражды, тогда как от данов, – столь же бедных, как и они сами, – иногда терпят нападения⁵⁴, впрочем не оставляя их безнаказанными. Движимые недостатком дел на родине, они обходят весь мир и посредством пиратских набегов на те или иные земли добывают богатства, которые привозят домой, восполняя таким образом неудобства своей страны. Однако после принятия христианства они, получив благотворные знания, научились «ценить мирную жизнь и истину»⁵⁵, довольствуясь своей бедностью. То, что собрали, они предпочли раздать и засеять, вместо того чтобы, как прежде, собирать рассеянное. И хотя поначалу все они поклонялись нечестивым изображениям злых сил, теперь норманны «вместе с апостолом бесхитростно приняли Христа и его распятие»⁵⁶. Они – самые умеренные из всех смертных, и как в пище, так и в нравах ценят скромность и умеренность. Кроме того, они настолько чтят

священников и клир, что едва ли найдётся среди них такой христианин, который бы не приходил ежедневно слушать мессу. Однако и у норманнов, и у данов принято хорошо платить за крещение и конфирмацию, освящение алтарей и посвящение в церковные должности. Я думаю, что это произошло из-за жадности священников; поскольку варвары до сих пор либо не слышали о десятине, либо не хотят её платить, их заставляют платить за то, что они должны получать бесплатно. Ведь даже посещение больных и погребение мёртвых^{144*} там стоит денег. Нравы же варваров столь замечательны, – мне это достоверно известно, – что их развращает только жадность священников. Schol. 144

32 (31). Во многих местах Швеции и Норвегии пастухами скота бывают даже знатнейшие люди, живущие по обычаю патриархов и трудом [своих] рук. Все жители Норвегии – христиане, не считая тех, которые обитают далеко на севере, возле океана. Среди последних, как говорят, колдовские чары и заклинания до сих пор имеют такую силу, что ⁵⁷они уверяют, будто знают, что происходит с каждым человеком во всём мире⁵⁷. Громким бормотанием они также вытаскивают на берег моря огромных китов и с лёгкостью делают многое другое из того, что мы читаем в Писании о чародеях. Я слышал, что в труднодоступных горах, которые там есть, живут бородатые женщины, а обитающие в лесах мужчины редко позволяют себя видеть. В качестве одежды они используют шкуры диких животных и, говоря между собой, скорее скрежещут зубами, чем произносят слова, так что соседние народы с трудом могут их понимать. Те горы, ужасающие вечными снегами, римские авторы называли Рифейским хребтом. Скритефинны не могут жить без холода и снега, а быстротой передвижения по глубоким снегам превосходят даже диких зверей^{145*}. В этих горах такое множество диких зверей, что большая часть края Schol. 145 живёт исключительно лесным зверем. Там охотятся на туров, буйволов и лосей, как в Швеции; впрочем, на зубров охотятся и в земле славян и на Руси; но только в Норвегии водятся чёрные лисицы и зайцы, белые куницы и такого же цвета медведи, которые, как и туры, живут под водой. И поскольку многое там кажется совершенно иным и необычным для нас, я оставляю говорить более подробно об этом и о других жителях этого края.

33 (32). Столичным городом норманнов является Тронхейм, который украшен ныне церквями и отличается большим количеством народа. В нём покоится тело блаженнейшего Олафа, короля и мученика^{146*}. У его могилы вплоть до настоящего дня Господь совершает чудеса исцеления, так что даже из дальних краёв сюда стекаются те, кто надеется облегчить свои страдания через посредничество святого. Путь в это место таков: от Ольборга или датской Вендилы за один день можно добраться по морю в норманнский город Вик⁵⁸, а оттуда, повернув паруса налево, вдоль берегов Норвегии за пять дней доберёшься до Тронхейма. Можно двигаться и другой дорогой, ведущей по суше из датского Сконе прямо до Тронхейма. Однако второй путь требует больше времени, поскольку идёт по горам и полон опасностей. Из-за этого путники его и избегают. Schol. 146

- Schol. 147* 34 (33). Первым в Норвегию из Англии прибыл некий епископ Иоанн^{147*}. Он окрестил короля и народ⁵⁹. После него епископом стал Гримкиль, бывший послом короля Олафа к архиепископу Унвану⁶⁰. Третьим был Зигфрид, [дядя по матери *Schol. 148* Осмунда]^{148*}, который проповедовал и в Швеции, и в Норвегии. Он вместе с другими небезызвестными норманнскими священниками исполнял свои обязанности среди этого народа вплоть до нашего времени. После его смерти наш архиепископ по просьбе норманнов поставил в городе Тронхейме епископа Тольфа и где-то в тех же краях Севарда. Он, хоть и был недоволен Асготом и Бернгардом, которых посвятил папа, но, получив удовлетворение, отпустил их от себя с подарками. Стара-
ниями их всех слово Божье и поныне привлекает множество душ, так что святая мать-церковь процветает и приумножается во всех провинциях Норвегии. У норманнов и шведов до сих пор, ввиду недавнего насаждения христианства, епархии не имеют чётких границ, но каждого из епископов принимает какой-нибудь король
Schol. 149 или народ, и они сообща строят церковь и, обходя край^{149*}, обращают в христианство, сколько могут жителей, управляя ими, – пока живы, – без всякой зависти.

- 35 (34). За Норвегией, которая является самой крайней северной страной, ты не найдёшь ни одного человеческого поселения, но лишь устрашающий взор беспредельный океан^{150*}, что обнимает весь мир⁶¹. На нём, против Норвегии, лежит множество небезызвестных островов. Почти все они подчиняются ныне власти норманнов и потому не должны выпадать из нашего повествования; ведь они тоже относятся к Гамбургскому диоцезу. Первые из них – Оркадские острова, которые
Schol. 151 варвары называют Органскими. Они рассеяны по океану, подобно Кикладам^{151*}. Римские авторы Марциан и Солин пишут о них следующее: «За Британией, там, где простирается бесконечный океан, лежат Оркадские острова, из которых 20 необитаемы, а 16 обитаемы»⁶². «Оркадские острова, числом почти 40, расположены по соседству с Электридами, на которых добывают янтарь»⁶³. Таким образом, Оркады расположены между Норвегией, Британией и Гибернией, смеясь над угрозами реву-
щего океана. Говорят, что из норманнского города Тронхейма можно доплыть до этих островов за один день. Кроме того, считается, что от Оркад, независимо от того, повернуть ли паруса в Англию или в Шотландию, оба пути имеют равную длину. Первым на Оркадские острова, – впрочем, до этого ими управляли епископы из англов и скоттов, – наш архиепископ по приказу папы поставил в город Бласкону⁶⁴ епископа Турольфа, который должен был заботиться там обо всём.

- 36 (35). «Остров Туле, – продолжают они⁶⁵, – отделён от прочих островов бескрайним океаном и расположен посреди него, так что его трудно заметить». Тем не
Schol. 152–3 менее как римские писатели^{152–153*}, так и варвары сообщают об этом острове много такого, что достойно упоминания. «Туле, – говорят они, – это самый отдалённый остров, на котором после летнего солнцестояния, когда солнце проходит созвездие рака, не бывает ночи, а после зимнего – подобным же образом отсутствует день. Считается, что эти периоды длятся по шесть месяцев»⁶⁶. О том же писал и Беда:
Schol. 154 «Нет сомнений, что летом в Британии^{154*} белые ночи, а после солнцестояния в тече-

ние шести месяцев сплошной день, ночи же возвращаются к зиме в результате обратного движения солнца. Пифей из Массилии сообщает, что то же явление наблюдается на острове Туле, который лежит к северу от Британии на расстоянии шести дней плавания»⁶⁷.^{155*} Этот Туле называется ныне Исландией по тому льду, что скрывает океан. У этого льда, как говорят, есть такая примечательная особенность: он настолько чёрный и сухой, – очевидно, из-за своей древности, – что раскалён и жжётся. Названный остров очень велик; его населяет множество народа. Все эти люди живут исключительно за счёт разведения скота и укрываются его шкурами. Там не растут плоды, и очень мало деревьев. Кроме того, местные жители обитают в подземных пещерах под одной крышей со своим скотом. Итак, проводя свою жизнь в святой простоте, жители не ищут ничего сверх того, что даёт им природа, и могут радостно сказать вслед за апостолом: «Имея пропитание и одежду, будем довольны и тем»⁶⁸. Ведь они даже используют горы в качестве укрепленных жилищ, а источники в качестве укрытий. Этот блаженный, говорю я, народ, бедности которого никто не завидует, тем более блажен, что ныне все они приняли христианство»^{156–157*}. В нравах здешних жителей много замечательного, и особенно их любовь, прямым следствием чего является то, что между ними всё общее, и это касается как местных жителей, так и приезжих. Своего епископа они чтят как короля. Весь народ уважает его волю и всё, что тот постановит, от Бога ли, из Писания или на основании обычаев других народов, считает законом»^{158*}. [Наш архиепископ воздал Богу огромную благодарность за то, что они обратились в его время. Впрочем, вера, бывшая у них ранее, благодаря присущему ей естественному праву не сильно расходилась с нашей верой.] Итак, по их просьбе архиепископ поставил туда одного святейшего мужа по имени Ислейф. Он был прислан к владыке из этой страны и, – окруженный почётом, – какое-то время гостил у него, в то же время обучаясь, как лучше просветить народ, недавно обратившийся ко Христу. Через него архиепископ передал исландскому и гренландскому народу свои письма, почтительно поприветствовав их церкви и обещая в скором времени самому навестить свою паству, дабы они вместе насладились полным счастьем»⁶⁹. В этих словах обнаруживается та великая важность, которую он придавал своей миссии; это желание владыки тем более достойно похвалы, что и апостол, как мы знаем, собирался отправиться в Испанию, чтобы проповедовать там слово Божье⁷⁰, но не смог это исполнить. Вот то, что я достоверно узнал об Исландии и далёком Туле, избегая рассказней.

Schol. 155

Schol. 156–7

Schol. 158

37 (36). В океане есть также много других островов, из которых не самым малым является Гренландия, лежащая ещё глубже в океане напротив шведских гор или Рифейских хребтов. Говорят, что от берегов Норвегии до него, как и до Исландии, идти под парусами пять–семь дней. Люди там светло-зелёные от моря, отчего и страна получила своё имя⁷¹. Они ведут такую же жизнь, как и исландцы, за исключением того, что отличаются большей жестокостью и угрожают проплывающим пиратским разбоем. К ним также, по слухам, пришло христианство⁷².

38 (37). Третий остров – это Халагланд⁷³. Он расположен ближе к Норвегии и по размеру равен предыдущим»^{159*}. Летом, около времени солнцестояния, там в Schol. 159

течение четырнадцати дней непрерывно светит солнце, и равно столько же времени оно не появляется зимой. Это явление удивляет варваров, поскольку они не знают, что различия в продолжительности дня происходят из-за прихода и ухода солнца. Ведь земной мир – круглый, а потому солнце, совершая оборот, несёт свет, приходя в то или иное место, и оставляет тьму, уходя из него. Когда оно движется вверх к летнему равноденствию, дни в северных странах удлиняются, а ночи укорачиваются; когда же солнце движется вниз к зимнему равноденствию, то же самое наблюдается в южных странах. Не зная этого, язычники почитают землю, где смертные могут лицезреть подобные чудеса, святой и блаженной. Король данов, а также многие другие свидетельствуют, что описанное явление действительно происходит в тех краях, так же как и на других островах, в Швеции и Норвегии.

39 (38). Кроме того, он упоминал и ещё об одном острове, открытом многими в этом океане; он называется Винланд⁷⁴, потому что там сам по себе растёт виноград, давая отличное вино. Там же растут плоды, хотя никто их не сеял, что известно нам не из выдуманных басен, а из достоверных сообщений данов. [За этим островом, – говорил король, – в океане нет больше обитаемой земли, ибо те места покрывают несносные льды и заполняющий всё туман. Марциан пишет об этом следующее: «В одном дне плавания от Туле море затвердевает»⁷⁵. Многоопытный норманнский правитель Харальд⁷⁶ недавно исследовал этот вопрос. Плывая на кораблях, он хотел выяснить величину северного океана, однако, увидев туманные пределы угасающего мира и исполинскую бездну, едва уцелев, повернул назад].^a

40 (39). Также светлой памяти архиепископ Адальберт говорил нам, что в дни его предшественника какие-то знатные мужи из Фризии поплыли на север, намереваясь пересечь море. ^bОни предприняли это, потому что их собратья говорили, что если плыть прямым курсом на север из устья реки Везера, то не встретишь никакой земли, кроме бескрайнего океана^b. Эти люди сговорились исследовать столь необычную вещь и в хорошую погоду начали свой путь от берега Фризии. Миновав Данию и Британию, они прибыли к Оркадам и, оставив их слева, – справа от них была Норвегия, – после долгого плавания увидели ледяные берега Исландии. Затем, направив свой путь в сторону северного полюса, они увидели за собой те самые острова, о которых мы писали выше. Они решились на столь дерзостное путешествие, предварительно вверив себя всемогущему Богу и святому исповеднику Виллехаду, на тот случай, если вдруг погибнут в беспросветном тумане ледовитого океана. И вот бушующий океанский пролив, возвращаясь назад к тайным своим истокам, стремительным потоком потащил в хаос несчастных моряков, уже отчаявшихся и помышлявших лишь о смерти. [Говорят, что там – самое жерло пучины.] Это та бездна, в которую всегда возвращается море; она поглощает его воды, и тогда море убывает, а когда она снова извергает их, оно прибывает. Тогда путешественники стали призывать на помощь только лишь милосердие Божье, моля, чтобы Господь принял их души. И вот могучее морское течение суда некоторых из них унесло, а остальных выбросило далеко позади первых. Так, из всех сил

налегая на вёсла и тем самым помогая течению, они с Божьей помощью избежали величайшей опасности, которую уже видели перед своими глазами.

41 (40). Избежав опасностей, связанных с туманом и стужей, путешественники неожиданно пристали к какому-то острову, который был окружён скалами, наподобие укрепленного города⁷⁷. Они высадились, чтобы осмотреть место, и обнаружили там людей, которые в дневное время прятались в подземных пещерах. Возле ворот их жилищ лежало бесчисленное множество сосудов из золота и других металлов, которые среди смертных считаются редкими и драгоценными. Обрадовавшись, гребцы взяли из этих сокровищ столько, сколько смогли унести, и спешно возвратились на корабль. Возвращаясь назад, они вдруг заметили людей огромного роста, которых у нас называют циклопами. Циклопов сопровождали псы, по размеру сильно превосходящие обычных четвероногих⁷⁸. Напав, они схватили одного из путешественников и растерзали его прямо на глазах у остальных. Оставшиеся бросились на суда и сумели избежать опасности. Гиганты, говорят, с воплями преследовали их почти до открытого моря. Сопутствуемые такой удачей фризы прибыли в Бремен, где всё по порядку рассказали архиепископу Алебранду и принесли жертвы за благополучное возвращение благому Христу и его исповеднику Виллехаду.

42. [Достоин упоминания и то, что в этом месте прилив моря происходит дважды в день, что кажется всем великим чудом, так что те, кто тщательно исследует тайны бытия, впадают в сомнение относительно этого явления, причина которого им неизвестна. Макробий⁷⁹ и Беда⁸⁰, как кажется, пишут что-то об этих вещах. Лукан⁸¹ же признает, что ничего о них не знает, а различные авторы высказывают различные мнения. Все избегают неустойчивых доводов, нам же достаточно воскликнуть вместе с пророком: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Всё соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих»⁸². А также: «Твои небеса и Твоя земля»⁸³; «Ты владычествуешь над яростью моря»⁸⁴; «Правда твоя – бездна великая»⁸⁵, и потому справедливо зовётся непостижимой⁸⁶.]

43 (41). Вот то, что мы узнали о природе северных стран⁸⁷ и привели здесь во славу Гамбургской церкви; мы видим её украшенной подобным даром божественной любви и желаем, чтобы она силой своей проповеди вслед за большей уже их частью обратила в христианство всё неисчислимое множество относящихся к её ведению народов, и только там, полагаю я, может замолчать Евангелие, где лежит предел мира. Эта спасительная для народов миссия, начало которой было положено святым Анскарием, вплоть до сегодняшнего дня обогащается всё новыми приращениями – если заканчивать смертью Адальберта Великого – вот уже около 240 лет⁸⁸.

44 (42). И вот этот крайне дикий народ данов, или норманнов, или же шведов, который, по словам блаженного Григория, «раньше не умел ничего, кроме как

варварски скрежетать зубами, теперь научился петь «аллилуйя» во славу Божию». И вот этот народ пиратов, некогда, как мы знаем, опустошавший все области Галлии и Германии, ныне довольствуется тем, что сидит в своих пределах, говоря вместе с апостолом: «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего», а также: «веруем, что увидим благодать Господа на земле живых»⁸⁹. И вот ужасная страна их, в прошлом недоступная из-за существовавшего там почитания идолов, – «чей лик не добрей, чем у скифской Дианы»⁹⁰, – теперь, отбросив присущую ей от природы ярость, допускает везде проповедников истины, а жители этой страны, разрушив жертвенники ложных богов, воздвигают церкви и вместе с другими народами превозносят хвалами имя Христово. Это, разумеется, «изменение десницы Всевышнего»⁹¹, и тем быстрее распространяется слово всемогущего Бога, что от восхода солнца и до заката, на юге и на севере прославляется имя Господа и всякий язык повторяет, что Господь наш Иисус Христос пребывает во славе Бога-Отца, живя и царствуя с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

ЭПИЛОГ МАГИСТРА АДАМА К ЕПИСКОПУ ЛИЕМАРУ

Прими, великий епископ, сей малый дар твоего раба,
Который он преподносит тебе и церкви в сердечной любви!
Он, правда, слишком мал и по моему разумению едва ли достоин того¹,
Чтобы глазу Катона² было угодно ещё раз его просмотреть.
Ибо, когда ты украшаешь свою речь цветистыми оборотами,
Когда язык твой – ключ к священной библиотеке,
Когда ты внимательно исследуешь благочестивые творения отцов,
Что могут значить для тебя сии бессвязные речи?
Но, хоть Богу и угодны многочисленные дары сильных,
Помни, что две лепты вдовы часто более ценны³.
Я верю, что этот, посвящённый тебе труд также покажется тебе
Более ценным, ибо ты не найдёшь в нём ни лжи, ни чего-либо лишнего;
Но каждая страница поёт истинную хвалу церкви и излагает историю Бремена.
Тем большая честь жениху, когда говорят о славе его невесты.
Раз ты просмотрел бесчисленные кипы книг,
То, конечно, знаешь, что все они повествуют о чужих землях.
Эта же книга – твоя, обращена только к тебе
И повествует о деяниях твоих предшественников вплоть до твоего времени.
Так что благосклонно отнесись к дерзаниям юноши.
Прошу, не лишай надежды твоего раба,
Который из уважения к тебе не постыдился стать поэтом.
Признаюсь, достопочтенный и добрый пастырь,
Что если у меня и не вышло ничего путного, то я всё же писал чистую правду,
Используя только тех свидетелей, которые действительно заслуживали доверия.
Я не ищу этой работой ни славы, ни почестей,

Ибо считаю, что угодить тебе – уже достаточная награда за труд.
Подумай, насколько славен для твоего монастыря тот факт,
Что младший из братьев осилил такой труд,
В котором освещены первые шаги нашей церкви,
Содержится описание спасения северных народов
И раскрыты деяния твоих предшественников.
Придёт время, когда знаменитые деяния твоей славы
Или мы, или кто-то ещё из числа твоих слуг
Опишем высоким стилем, если будем живы.
Хотя твои деяния и так хорошо известны по всему миру
И молва неустанно говорит о них без всякого автора.
Ибо кто же пропустил тот счастливый выбор,
Когда по древнему обычаю отцов Святой Дух признал тебя
Достойным звания пастыря и избранником Божиим?
Ведь этот праздник тогда отмечали чуть ли не все верующие⁴.
Сколько слёз пролили за тебя люди,
Когда все они, прежде удручённые⁵, в едином порыве
Возжелали тебя таким, каков ты есть, а ты оказался ещё лучше,
Чем мы надеялись или того заслуживала наша вера!
Ты снял с шеи народа тяжёлую цепь,
Изгнал из людских сердец тяжкие думы,
Печаль угнетённого люда обратил в радость.
Ты возвратил духовенству, незаконно страдавшему от коварства лиходеёв,
Его собственность, избавил нас от древних заблуждений
И вернул священному храму его великолепие.
Мир, покинувший землю из-за старинной вражды,
Ты вновь вернул церкви; и вот они в третий раз вступили в сраженье⁶,
Но ты привёл к поцелую враждующие умы⁷.
Если что-то осталось ещё, что мешает общей радости,
Пусть Бог позволит тебе это устранить; пусть он даст тебе также возможность
Избавить от бед и страданий и Бремен, и Гамбург,
Которые долгое время уже плачут, словно в темнице,
Один – разорённый язычниками, другой – в окружении тиранов.
О, отец Лиemar, пусть поможет тебе милость Христова,
А мы, твоя паства, также поддержим тебя устами и сердцем!

СХОЛИИ

Схолия 1. Эйхард, капеллан императора Карла, описал его жизнь и саксонские войны.

Схолия 2. Папой тогда был Павел I¹.

Схолия 3. Фризия – это приморский край, труднодоступный из-за непроходимых болот. Он включает в себя 17 округов, треть которых относится к Бременскому епископству. Вот их названия: Остергау, Рюстринген², Вангеланд³, Дисмери⁴, Харлингерланд⁵, Норден и Морсети⁶. Эти семь округов владеют примерно 50 церквями. Эту часть Фризии отделяют от Саксонии болотистое Вапельгау⁷ и устье реки Везер. А от остальной Фризии её отделяют болота Эмсау и океан.

*Схолия 4 (5)*⁸. Записано в «Деяниях св. Анскария»⁹ и грамотах римских понтификов.

Схолия 5 (6). Турхольц – крупнейший монастырь во Фландрии, знаменитый своими монахами, за возвращение которого епископы нашей церкви ведут давнюю тяжбу. Однако архиепископ Адальберт довёл это дело до конца, а именно уладил спор посредством достойной замены; цезарь и герцог Фландрии одобрили это решение¹⁰.

Схолия 6 (7). Собор по поводу объединения состоялся в Вормсе в присутствии цезаря и епископов, как то свидетельствует грамота.

Схолия 7 (8). Дворец в Ахене в течение 80 лет, вплоть до времён Оттона, лежал в запустении, разрушенный ярлом Орвигом.

Схолия 8 (9). Там были убиты короли Готфрид и Зигфрид¹¹.

Схолия 9 (10). Оба – и король, и папа – нашли постыдный конец своей жизни; ибо папа Формоз уже после смерти был низложен своим преемником¹², и кости его выброшены из могилы. А короля Арнульфа ещё при жизни заели черви¹³; наконец, он умер от яда, получив от Бога суровую кару.

Схолия 10 (11). Папа Стефан¹⁴, который занимал должность в течение 7 лет, велел Герману, архиепископу Кёльнскому, и Адалгару, архиепископу Гамбургскому, спорившим по поводу Бременской церкви, явиться на собор в Вормс и поручил Фульку¹⁵, архиепископу Реймскому, от своего имени расследовать их дело.

Схолия 11 (12). С востока штурмаров омывает река Билена, которая так же, как и выше-названная река¹⁶, впадает в Эльбу.

Схолия 12 (13). Травена – это река, которая протекает через земли вагров и впадает в Варварское море; на этой реке расположены – единственная гора Альберг¹⁷ и город Любек.

Схолия 13 (14). Река Цвентина вытекает из озера, на котором расположен город Плён. Затем она протекает через леса Изарнхо¹⁸ и впадает в Скифское море.

Схолия 14 (15). По ту сторону Одера первыми обитают поморяне, а затем поляки, которые с одной стороны граничат с пруссами, с другой – с чехами, а на востоке – с русами.

Схолия 15 (16). Ольденбург – это крупный город славян, которые зовутся ваграми; он расположен возле моря, которое называют Балтийским или Варварским, в одном дне пути от Гамбурга.

Схотия 16 (17). Хижане и черепяные живут по эту сторону реки Пены, а доленчане и ратары – по ту сторону этой реки. Эти четыре народа называют вильцами или лютичами за их храбрость.

Схотия 17 (18). Моравы – это славянские племена к востоку от чехов; с одной стороны они граничат с поморянами и поляками, а с другой – с венграми и печенегами¹⁹, кровожадным народом, который питается человеческим мясом.

Схотия 18 (19). Сорбы – это славяне, которые населяют расположенные между Эльбой и Заале районы; их соседями являются тюринги и саксы. По ту сторону реки Оры²⁰ проживают другие сорбы.

Схотия 19 (20). Беда²¹: «Британия – это остров в океане, который прежде назывался Альбионом; он расположен к северо-западу, на значительном расстоянии от Германии, Галлии и Испании – крупнейших частей Европы. К югу лежит Бельгийская Галлия, ближайший путь к которой для путников проходит через город, называемый Порт рутубиев²². Гиберния²³ – это крупнейший после Британии остров, расположенный к западу от неё; он не так протяжён к северу, как Британия, но гораздо далее простирается на юг, к северным берегам Испании».

Схотия 20 (21). В 966 году Господнем даны были обращения к вере неким Поппо²⁴, который пронёс перед всем народом кусок раскалённого железа; видя это, король Харальд оставил идолопоклонство и вместе со всем народом обратился к почитанию истинного Бога, а Поппо возвёл в епископы.

Схотия 21 (22). В 973 году Господнем Венцеслав²⁵, князь Чехии, был замучен своим братом Болеславом, который лишил его княжеской власти. Ради него Бог почтил город Прагу, где тот покоится, многими чудесами.

Схотия 22 (23). Этот Отто, благороднейший муж, был викарием и каноником в Магдебурге.

Схотия 23 (24). Об этом Зигфриде рассказывают удивительную историю; так, когда он ограбил обитель в Рамельсло, в него тут же вселился злой дух, и Зигфрид смог избавиться от него только тогда, когда вернул церкви её владения и передал братьям богатое поместье из собственных земель.

Схотия 24 (25). Эрик, король шведов, заключил союз с могущественным королём Польши Болеславом²⁶. Болеслав отдал за Эрика свою дочь или сестру²⁷. Вследствие этого союза славяне и шведы вместе напали на данов. Христианнейший король Болеслав в союзе с Оттоном III подчинил себе всю землю славян, а также Русь и пруссов, от которых пострадал св. Адальберт²⁸; мощи последнего Болеслав тогда же перенёс в Польшу.

Схотия 25 (26). Этот Одинкар был направлен королём Кнудом в Англию и получил там образование. Затем он обошёл ради дальнейшего обучения Галлию и получил прозвище мудреца и философа. Поэтому он и был по праву назван «угодным Богу»²⁹.

Схотия 26 (27). После смерти Олафа, сына Трукко, «Воронья нога» правил двумя королевствами³⁰. Вскоре после этого он сокрушил идолопоклонство и своим указом ввёл в Норвегии христианство. Тогда же он поставил в Сконе наставником прибывшего из Англии епископа Готебальда. Последний, как говорят, временами проповедовал также в Швеции и Норвегии.

- Схотия 27 (30).* Рассказывают, что славянский князь просил за своего сына племянницу герцога Бернгарда и тот обещал ему это. Тогда князь винулов послал своего сына в Италию вместе с герцогом и 1000 всадников, которые почти все там и погибли³¹. Когда же сын славянского князя потребовал обещанную ему девушку, то маркграф Дитрих³², изменив слову, заявил, что не отдаст родственницу герцога за пса.
- Схотия 28 (31).* Дитрих был маркграфом славянской марки; его наглость побудила славян к восстанию.
- Схотия 29 (29).* Ольденбург – это крупный город славян, которые зовутся ваграми; он расположен возле моря, которое называют Балтийским или Варварским, в одном дне пути от Гамбурга³³.
- Схотия 30 (28).* Поскольку Мистуй не хотел порывать с христианством, его изгнали из отечества; он бежал в Барденгау и там состарился, сохранив свою веру³⁴.
- Схотия 31 (32).* Маркграф Дитрих был лишён должности и всех наследственных владений и окончил жизнь в Магдебурге в качестве пребендария, умерев дурной смертью, какую и заслужил³⁵.
- Схотия 32 (33).* В 1010 году Господнем народ Венгрии был обращён к вере благодаря Гизеле³⁶, сестре императора, которая была выдана замуж за венгерского короля и побудила последнего креститься самому и крестить свой народ; он был назван в крещении Стефаном и позднее признан святым.
- Схотия 33 (34).* Рамельсло находится в Верденском епископстве, неподалёку от Бардовика. Епископ Вердена притязал на право осуществления там духовной власти и управления, но отказался от этих притязаний по решению апостольского престола. Послом к папе был Отто³⁷, как говорится в грамоте.
- Схотия 34 (35).* Говорят, что он добился этой должности благодаря яду симонии³⁸, поскольку имел большое наследство. Одну его часть он поневоле уступил императору, вторую – передал своей церкви, которой весьма благочестиво управлял, а третью – оставил родственникам. Он был почтенным старцем, очень любившим бедных и в особенности детей. Пользуясь случаем, братья стали свободнее покидать монастырь и, – поначалу втайне, – искать общества женщин.
- Схотия 35 (37).* Одинок был сыном Токи, ярла Вендилы³⁹, и имел престол в Риббе. Ибо третья часть Вендилы была, как говорят, его собственностью. Тем не менее, обладая столькими богатствами, этот муж отличался удивительной умеренностью. В качестве примера его добродетели я нашёл, что во время 40-дневного поста он в каждый второй день приказывал бить себя палками одному из священников.
- Схотия 36 (36).* Унван во время празднования Пасхи, как правило, имел при себе 7 епископов, а также аббатов, герцога и какое-то число графов этой провинции; причём каждый из них оказывал ему высокую честь.
- Схотия 37 (38).* Кнут, сын короля Свена, оставив языческое имя, принял в крещении имя Ламберт. Поэтому в «Книге нашего братства» записано: «Ламберт, король Дании, королева Эмма и их сын Кнут⁴⁰ смиренно вверили себя молитвам Бременской братии».
- Схотия 38 (39).* У Эдгара, могущественного короля англов, был от законной супруги сын Эдуард⁴¹, святейший муж. Его мачехой была Афильтруда, которая убила своего пасынка, короля, и поставила королём своего сына – Анунда⁴².

Схолия 39 (40). Кнут отдал свою сестру Эстрид⁴³ замуж за сына короля Руси.

Схолия 40 (41). Ибо Ричард, бросив сестру короля Кнута, из страха перед данами бежал из отечества, отправился в Иерусалим и там умер. Рассказывают, что 40 его спутников на обратном пути осели в Апулии; с того времени норманны овладели Апулией.

Схолия 41 (42). Олаф ревностно соблюдал все праздники. Когда он был изгнан из королевства из-за святой религии и пытался вновь отвоевать трон, то, как говорят, заснул во время похода в своей палатке и видел сон. Пока он спал, внезапно появились враги, и командир его войска, придя к королю, разбудил его. А тот возмущённо сказал: «Что ты наделал! Я видел, будто поднимаюсь по лестнице, верхушка которой достигает звёзд. Увы! Я добрался уже до самого верха этой лестницы и вступил бы на небо, если бы ты мне не помешал, разбудив меня». После этого видения король увидел, что окружён своими людьми, и был убит, не оказав сопротивления и заслужив венец мученичества.

Схолия 42 (43). Этот пастырь распорядился относительно женщин, которые уже открыто грешили вместе с канониками, чтобы ни одна из них не осталась в городе. Они были размещены по соседним селениям и отданы под стражу. Так вплоть до пожара храма и разрушения монастыря⁴⁴ с этой напастью было покончено.

Схолия 43 (45). Говорят, что епископы Тургот и Одинкар задолго до этого предсказывали, что Гамбургская и Бременская церкви когда-нибудь будут разорены за их грехи. Нынче это пророчество, как видим, исполнилось⁴⁵.

Схолия 44 (44). Ибо в это время к Господу отошёл знаменитый датский епископ Поппо. Вскоре вместо него был поставлен Эзико; но когда он добрался до реки Эйдер, то заболел и умер⁴⁶.

Схолия 45 (46). Сестрой епископа Одинкара была Аза, святейшая женщина, имевшая пребенду в Бремене. Она постоянно ходила босой и в течение 20 лет предавалась постам, молитвам и раздаче милостыни; она редко покидала церковь и, приняв добрый конец, оставила церкви свои книги, ибо больше у неё ничего не было.

Схолия 46 (47). Император Конрад ежегодно водил войско против славян; поэтому по ту сторону Эльбы и царил прочный мир.

Схолия 47 (48). Когда проповедовал архиепископ Лиавицо, славная княгиня Эмма подарила святой Бременской церкви два креста, доску для алтаря и чашу, – всё из золота и драгоценных камней, стоимостью 20 золотых марок, – а также священные одежды, множество тканей, золотые столы, дорсалии и книги.

Схолия 48 (49). Герман купил у жителей этой земли болото Этеринброх⁴⁷, а император Конрад утвердил его за церковью своей грамотой. Оригинал грамоты можно увидеть в архиве.

Схолия 49 (50). Этот Свитгер был взят на апостольский престол из Бамбергского епископства, после того как были низложены три папы-раскольника⁴⁸.

Схолия 50 (51). Говорят, что если бы он прожил подольше, то, конечно, восстановил бы всё это. Поэтому он принялся обводить город стеной, разрушил часовню и начал многое другое, что свидетельствует о его добрых намерениях.

Схолия 51 (52). Он поставил в Хедебю Эзико, который вскоре умер, так и не вступив в своё епископство.

- Схолия 52 (53).* Клирикам своей церкви, которые, как он видел, нуждались в помощи, он втайне жаловал по четыре, а то и по десять серебряных солидов, многим давал пребенды, а некоторым – свои одежды; сочувствуя тем, с кем миряне обходились без всякого уважения, он велел приводить к себе их обидчиков и бить их батогами в своём присутствии.
- Схолия 53 (54).* Видя, что эта напасть, – браки клириков, – растёт с каждым днём, он решил вернуться к решениям своего предшественника Лиавицо⁴⁹, но только в том случае, если вернёт церкви и монастырю их прежний статус.
- Схолия 54 (55).* Он решил обвести город стеной и укрепить тремя воротами и 12 башнями, так чтобы первую сторожил епископ, вторую – фогт, третью – приор, четвертую – декан, пятую – начальник школы, шестую – братья и каноники, а остальные шесть – горожане.
- Схолия 55 (56).* Говорят, что архиепископ Кёльнский, благороднейший Герман⁵⁰, возобновил древнюю тяжбу по поводу Бремена. Но и он получил отпор как благодаря авторитету Бецелина, так и в результате трёхлетнего молчания, и дал удовлетворение нашему архиепископу; а затем целый месяц пировал с ним у себя в Кёльне.
- Схолия 56 (57).* Король Магнус с сильным флотом осадил богатейший славянский город Юмну. Обе стороны понесли равные потери. Магнус устранил всех славян. Он был благочестивым юношей невинной жизни; поэтому Бог и даровал ему победу во всём.
- Схолия 57 (58).* Архиепископ передал это приорство Эдо. Но его племянник, Эдо Младший, недовольный этим решением, в гневе поджёг монастырь. Во искупление этого святотатства отец Эдо передал церкви всё своё имущество. А приор Эдо, отправившись в паломничество в Иерусалим, ушёл около праздника св. Иакова и вернулся на следующую Пасху.
- Схолия 58 (59).* Некоторые из завистников говорят, что у епископа был только один недостаток – гордыня. Поэтому между ним и Бруно⁵¹, епископом Вердена, и возникла недостойная епископов вражда, главным образом из-за высокомерия фогта Вольфреда. Он, как и архиепископ, умер внезапной и жалкой смертью.
- Схолия 59 (60).* В том году, когда умер архиепископ, к Господу отошёл также Одинок⁵², епископ Риббе. На Пасху, почувствовав приближение конца, он, отслужив мессу, привёл в порядок свои дела.
- Схолия 60 (61).* Папа Климент возобновил все привилегии нашей Гамбургской церкви, ранее полученные ею от римского престола.
- Схолия 61 (62).* Свен, побеждённый Магнусом, покорился судьбе и, став вассалом победителя, принёс ему клятву верности. Когда же он вновь восстал по совету данов, то был вторично побеждён Магнусом. Вынужденный бежать Свен пришёл к Якову, сильно жалея о том, что нарушил обещанную верность.
- Схолия 62 (63).* Харальд, вернувшись из Греции, взял в жёны дочь короля Руси Герзелефа⁵³; вторую⁵⁴ взял в жёны Андрей⁵⁵, король венгров, – от неё родился Соломон; а на третьей⁵⁶ женился король франков Генрих; она родила ему Филиппа⁵⁷.
- Схолия 63 (64).* Харальд вместе с Магнусом сражался против Свена; после его смерти он стал вассалом последнего⁵⁸.

Схотия 64 (65). Ибо, как мы уже говорили ранее, Кнут, король данов, отдал свою сестру – после того как с ней развёлся граф Ричард – в жёны своему ярлу Вольфу; от этого брака родились ярл Бьорн и король Свен. Ярл Вольф отдал свою сестру замуж за Годвина, герцога англов; от этого брака родились Свен, Тости и Гарольд, а также Гута, на которой был женат король Эдуард. Позднее Свен, сын Годвина, убил Бьорна, сына своего дяди. А Гарольд, будучи очень храбрым мужем, обезглавил Грифа⁵⁹, короля Гибернии, изгнал из Англии Свена, короля данов, а к Эдуарду, своему родственнику и господину, не испытывал ни капли уважения. За этим последовала Божья кара, вторжение норманнов и гибель Англии⁶⁰.

Схотия 65 (66). После его ухода устав, а также дисциплина и согласие братьев Бременского монастыря пришли в упадок, и дурные люди всё привело в расстройство.

Схотия 66 (67). Одной была Гунхильда, вдова Анунда, а второй – Гута, которую убила Тора⁶¹.

Схотия 67 (68). Адальвард прибыл по приглашения короля Харальда в Норвегию. После данного им отпущения грехов тело того мужа, который умер 60 лет назад, но так и не разложился, наконец рассыпалось в прах. Ибо этот человек был некогда отлучён за пиратство архиепископом Лиавицо, как это было открыто Адальварду в видении⁶².

Схотия 68 (69). С этого дня король Харальд направлял своих епископов в Галлию; он принял также многих, прибывших к нему из Англии. Одним из таких был Асгот. Когда он возвращался из апостольского града, архиепископ велел его схватить, но, получив от него клятву верности, разрешил уйти и даже одарил подарками.

Схотия 69 (70). Епископ Александр, раб рабов Божьих, Харальду, королю норманнов, шлёт привет и апостольское благословение. Поскольку вы до сих пор ещё неопытны в вере и не всегда тверды в церковной дисциплине, нам, кому доверено управление всею церковью, следовало бы как можно чаще навещать вас со спасительными увещеваниями. Но, поскольку из-за трудностей долгого пути мы не в состоянии делать это лично, знайте, что всё это мы поручили нашему викарию Адальберту, архиепископу Гамбургскому. Так вот, названный достопочтенный архиепископ, наш легат, пожаловался нам в своих письмах, что епископы вашей провинции либо вообще не приняли посвящения, либо вопреки римским привилегиям, которые были даны ему и его церкви, были весьма дурно за деньги рукоположены в сан в Англии или Галлии. Поэтому мы увещеваем вас властью апостолов Петра и Павла, чтобы вы и ваши епископы, будучи обязаны оказывать уважение и повиновение апостольскому престолу, оказывали его и названному достопочтенному архиепископу, нашему викарию и исполняющему наши обязанности. И прочее.

Схотия 70 (71). В устье реки Пены расположен крупный город, который называется Деммин. Там – граница Гамбургской епархии.

Схотия 71 (72). Говорят, что в это время в город Ретру пришли из чешских лесов два монаха. Когда они стали открыто проповедовать там слово Божье, то их по решению язычников сначала подвергли различным пыткам, а затем, как они того и хотели, обезглавили во имя Христа. Их имена неизвестны людям, но мы твердо верим, что они непременно записаны на небесах.

- Схолия 72 (73).* Светлейший король данов страдал одним недостатком – чрезмерной страстью к женщинам, но, как я думаю, не по своей вине, а из-за присущего всему его народу порока. Однако и его не миновала кара за этот грех; ибо одна из его наложниц – Тора – отравила его законную супругу – Гуту⁶³. Когда же король Свен отправил сына Торы – Магнуса – в Рим, чтобы его помазали там на престол, несчастный мальчик умер в пути, а его нечестивая мать более не имела детей.
- Схолия 73 (74).* Ибо Писание говорит Фараону: «Для того самого я и поставил тебя, чтобы показать на тебе силу мою и чтобы возведено было имя моё по всей земле». Итак, кого хочет милует, а кого хочет – ожесточает⁶⁴.
- Схолия 74 (75).* Он поместил там голову св. Секунда, который, как мы читали, был одним из командиров Фиванского легиона. Его мощи митрополит приобрёл в Италии благодаря щедрости епископа Турина⁶⁵.
- Схолия 75 (76).* «Человеку, который ведёт похвальный образ жизни, трудно устоять перед людской похвалой». Папа Лев⁶⁶.
- Схолия 76 (77).* Мы часто слышали, как наш благочестивый архиепископ Адальберт убеждал своих клириков соблюдать воздержание. «Я заклинаю вас, требую и приказываю, – говорил он, – отречься от пагубных связей с женщинами или, по крайней мере, – если вы не в состоянии обуздать свою плоть, – почтительно соблюдать брачные узы, согласно тому, что сказано: Пусть не целомудренно, зато осторожно».
- Схолия 77 (78).* Среди них был иноземец Павел⁶⁷, обращённый в христианскую веру еврей; посетив Грецию, – уж не знаю, то ли из жадности, то ли ради науки, – он, вернувшись назад, явился к нашему владыке, похваляясь, что якобы постиг множество искусств, так что из неучей за три года может сделать учёных, а из меди выплавить чистое золото. Он легко убедил архиепископа поверить всему, что он говорил, и прибавил ко всей этой лжи ещё обещание вскоре наладить в Гамбурге чеканку общественной золотой монеты и вместо денариев чеканить византии.
- Схолия 78 (79).* Со всех повинностей и епископских доходов капеллан по закону ежедневно получал десятую часть на содержание больных, убогих и странников. Однако капеллан коварно удерживал многое для собственных нужд и ничего не давал бедным.
- Схолия 79 (80).* Говорят, что этот Ансвер, прежде чем принять мученичество, упрямил язычников сначала побить камнями его спутников, ибо боялся, что они могут дрогнуть. Когда же они обрели венец мученичества, он, следуя примеру Стефана⁶⁸, радостно преклонил колени.
- Схолия 80 (81).* Этот Иоанн, покинув Шотландию из любви к странствиям, пришёл в Саксонию, где наш архиепископ принял его милостиво, как и всех прочих. Спустя малое время он отправил его в землю славян к князю Готшалку. Пребывая у него, Иоанн, как рассказывают, крестил в эти дни многие тысячи язычников.
- Схолия 81 (82).* В это самое время Шлезвиг, очень богатый и многолюдный город саксов-трансальбианов, расположенный на самой границе Датского королевства, был до основания разрушен в результате внезапного нападения язычников.
- Схолия 82 (83).* Это было третье отпадение славян, которых впервые крестил Карл⁶⁹, вторично Оттон, а в третий раз – ныне – князь Готшалк.

Схолия 83 (84). У этого Харальда, короля норманнов, было 300 больших судов, которые все там и остались. Сверх того, благодаря такому везению Бастарду досталось также большое количество золота, которое Харальд привёз из Греции. Вес этого золота был таков, что его едва могли перенести на своих плечах 12 крепких парней.

Схолия 84 (85). Когда оба Эрика погибли в бою, на трон взошёл Хальцштейн, сын короля Стенкиля. Впрочем, вскоре он был изгнан, а из Руси призван Анунд. Когда же и он был изгнан, шведы избрали некоего Хакона, который взял в жёны мать юного Олафа⁷⁰.

Схолия 85 (86). Король норманнов взял в жёны дочь короля данов⁷¹, и между ними был заключён мир.

Схолия 86 (87). Они были сыновьями Харальда.

Схолия 87 (88). Он неоднократно со слезами заявлял, что все его предшественники горели и жарились словно в огне в гонениях герцогов и злобе прихожан. «Поэтому, – говорил он, – я не сомневаюсь, что и мне уготован от них мученический венец за правду».

Схолия 88 (89). Нотебальд был чародеем, льстецом и отъявленным лжецом.

Схолия 89 (90). С этого времени он отказался от бань, которыми обычно пользовался почти каждый день, и от многих других вещей, которые счёл весьма обременительными для народа.

Схолия 90 (91). Адамат, некий врач, родом из Салерно, как говорят, за три дня до смерти предсказал архиепископу её скорый приход. Но тот, не поверив, обращал свой взор только на Нотебальда, который обещал, что скоро якобы наступит час его выздоровления.

Схолия 91 (92). Как мы читали в книге Эстер⁷²: «Они с хитрым коварством обманывают уши правителей, которые просты и обо всех судят по себе. О том, как все усилия царей сходят на нет из-за нащёптываний злых людей нам хорошо известно на основании как древних историй, так и тех событий, которые происходят каждый день».

Схолия 92 (93). Ибо в том году, когда он ушёл из жизни, перед тем как отправится в последний путь, из которого нет возврата, он вместе с братьями провёл в Бремене капитул и низложил на нём декана Лиутгера, которого обвиняли в убийстве. Пользуясь случаем, он произнёс речь о целомудрии и угрожал страшными карами послушникам.

Схолия 93. Альберик наследовал Магнусу.

Схолия 94 (94). Адальвард Старший отправился в ту и другую Готию, Младший был направлен в Сигтуну и Упсалу, Симеон – к стритефиннам⁷³, а Иоанн – на острова Балтийского моря.

Схолия 95 (94). Двадцатым был Эццо, которого он посвятил в землю славян⁷⁴.

Схолия 96 (95). Чащи Изарнхо начинаются у озера данов, которое зовётся Шлия, и тянутся до славянского города под названием Любек и реки Травены.

Схолия 97 (98). Первым епископом в Шлезвиге был Харальд, вторым – Поппо, третьим – Рудольф⁷⁵.

Схолия 98 (102). Первым епископом в Риббе был Лиафдаг, вторым – Одинкар, третьим – Вал, четвёртым – Отто⁷⁶.

*Схолия 99 (96)*⁷⁷. Из Риббе во Фландрию, в Синкфал⁷⁸, можно доплыть за два дня и две ночи. Из Синкфала в Прол⁷⁹, в Англии, – за два дня и одну ночь. Это – самая южная точка Англии, а плыть туда из Риббе на юго-запад. От Прола в Британии до св. Матфея⁸⁰ – один день. Оттуда до Фара, возле св. Иакова⁸¹, – три дня и три ночи. Оттуда – два дня и две ночи до Лиссабона, причём плыть нужно всё время на юго-запад. Из Лиссабона в Нарвес⁸² – три дня и три ночи на юго-запад. От Нарвеса до Таррагоны – четыре дня и четыре ночи, а плыть на северо-восток. От Таррагоны до Барселоны – один день также на северо-восток. От Барселоны до Марселя – один день и одна ночь почти на восток, немного отклоняясь к югу. От Марселя до Мессины в Сицилии – четыре дня и четыре ночи на юго-восток. От Мессины до Акко – 14 дней и столько же ночей на юго-восток, больше отклоняясь к востоку.

Схолия 100 (97). Плывающим в Англию следует подставлять паруса юго-восточному ветру.

Схолия 101. Первым епископом в Орхусе был Регинбранд, вторым – Христиан⁸³.

Схолия 102 (99). Между Орхусом и Вендилой расположен город Выборг...

Схолия 103 (100). Между океаном и Вендилой находится обращённый в сторону северных островов мыс Скаген. (?)

Схолия 104 (101). Расположенный при переходе из океана в Балтийское море остров Вендила состоит из трёх частей. (?)

Схолия 105 (103). Первым епископом в Вендилье был монах Магнус, вторым – Альберик.

Схолия 106 (106). Первым епископом на Фюне был Регинберт, вторым – монах Эйльберт⁸⁴.

Схолия 107 (105). В «Жизни Лиутгера» рассказывается, что во времена Карла некий Ландрик был крещён ... и в епископы⁸⁵.

Схолия 108 (107). Между Зеландией и Фюном лежит небольшой остров под названием Спрога⁸⁶. Это пристанище разбойников, которые представляют большую опасность для всех проезжающих.

Схолия 109 (108). Первым епископом в Зеландии был Гербранд, вторым – Авоко, третьим – Вильгельм⁸⁷.

Схолия 110 (109). На площади висит общественная секира, угрожая виновным смертным приговором; если же случится, что его выносят, то приговорённый идёт на казнь, ликуя, словно на пир.

Схолия 111 (111). Вначале с этого острова, – у римских историков он зовётся Скандия, Гангавия или Скандинавия⁸⁸, – вышли лангобарды или готы⁸⁹. Тамошней столицей является Лунд, который по воле победителя Англии Кнута стал соперником Британского Лондона.

Схолия 112 (110). Первым епископом в Сконе был Бернгард, вторым – Генрих, третьим – Эгино⁹⁰.

Схолия 113 (112). А именно: Лиафдаг, Поппо, Одинкар Старший, Готебальд, Бернгард и...

Схолия 114 (113). Лунд, первый город Сконе, [от моря] удалён на такое же расстояние, как и от Дальби.

Схолия 115 (114). Этого епископа Фюна архиепископ отстранил от должности за уголовное преступление. Он умер... когда ... в Рим.

Схолия 116 (115). Восточное море, море Варварское, море Скифское или Балтийское – это одно и то же море, которое Марциан и другие древние римляне называют

Скифскими или Меотийскими болотами, Гетской пустыней или Скифским берегом⁹¹. Это море, вклиниваясь от Западного океана между Данией и Норвегией, простирается на восток на неизвестное расстояние.

Схолия 117 (104). В том океане, о котором только что упоминалось, есть небольшой остров, который ныне носит название Фаррия или Хейлигланд. Он отстоит от Англии на три дня гребного плавания. Впрочем, этот остров расположен так близко к земле фризов и нашему Везеру, что его можно увидеть оттуда. ... С острова Хольма, который расположен в устье Эйдера, плавание до острова Фаррии, о котором мы говорили выше, также продолжается три дня. (?)

Схолия 118 (3)⁹². Фризия – это приморский край, труднодоступный из-за непроходимых болот. Он включает в себя 17 округов, треть которых относится к Бременскому епископству. Вот их названия: Остергау, Рюстринген, Дисмери, Вангеланд, Харлингерланд, Норден и Морсети. Эти семь округов владеют примерно 50 церквями. Эту часть Фризии отделяют от Саксонии болотистое Вапельгау и устье реки Везер. А от остальной Фризии её отделяют болота Эмсгау и океан.

Схолия 119 (4). Из этих 17 округов пять относятся к Мюнстерскому епископству. Св. Лиутгер, первый епископ этого места, получил их в дар от императора Карла. Вот их названия: Хугмерки⁹³, Хунесго, Фивельго, Эмсгау, Федеритгау⁹⁴, а также остров Бант⁹⁵...

Схолия 120 (116). Даны-варвары называют Русь Острогардом, потому что она расположена на востоке и, словно орошаемый сад, изобилует всеми благами. Её называют также Хунигардом, потому что там первоначально жили гунны.

Схолия 121 (117). Рюген – остров рунов по соседству с городом Юмной, так что у них общий король.

Схолия 122 (118). В похвале этим народам Гораций так говорит в своих стихах: «Лучше живут равнинные скифы и суровые геты, чьи повозки по обычаю тащат передвижные дома; и пашней они заняты не более года. [Их] достояние – великая доблесть отцов; грешить – нельзя, или в наказание – смерть»⁹⁶. И до сего дня так живут турки, что соседствуют с русами, и прочие народы Скифии.

Схолия 123 (119). Когда король шведов Эдмунд отправил своего сына Анунда в Скифию для расширения пределов своего государства, тот морем добрался до «Края женщин». Однако женщины сразу же подмешали яд в источники воды, погубив тем самым и самого короля, и его войско. Об этом мы уже писали выше, и сам епископ Адальвард лично повторил нам всё это, заявив, что и это, и прочее – чистая правда⁹⁷.

Схолия 124 (120). Они на своём языке зовутся вильцами; это чрезвычайно жестокие амброны, которых поэт называет гелонами⁹⁸.

Схолия 125. Амаксобии, аримаспы, агафирсы⁹⁹.

Схолия 126 (121). Тем, кто плывёт из датского Сконе в Бирку, потребуется пять дней пути; от Бирки до Руси путь по морю также составляет пять дней.

Схолия 127 (122). Там находятся гавань святого Анскария и могила святого архиепископа Унни, надёжное, говорю я, пристанище святых исповедников нашего престола.

Схолия 128 (124). Тацит называет свефов именем шведов¹⁰⁰.

- Схолия 129 (123).* Павел в «Деяниях лангобардов» [пишет] о многочисленности северных народов и о семи мужах, которые лежат на берегу океана в области скритефиннов¹⁰¹.
- Схолия 130 (125).* Данов, шведов, норманнов и прочие народы Скифии римляне называют гипербореями. Марциан превозносит их многими похвалами¹⁰².
- Схолия 131 (126).* Река Готэल्ба отделяет Готию от норманнов, а по размеру равна саксонской Эльбе, от которой и происходит её название.
- Схолия 132 (127).* Тем же недугом страдают славяне, парфяне и мавры; о парфянах свидетельствует Лукан¹⁰³, а о маврах – Саллюстий¹⁰⁴.
- Схолия 133 (128).* Среди варваров все спорные вопросы, относящиеся к частным делам, принято решать жребием, а в делах общественных они обычно вопрошают демонов, как то можно узнать из «Деяний святого Анскария»¹⁰⁵.
- Схолия 134 (129).* Римляне называют готов гетами. Это о них, по-видимому, писал Вергилий:

«...и быстрые также гелоны,
В бегстве к Родопе несясь, в пустыни ли гетские,
– Кислое пьют молоко, смешав его с конскою кровью»¹⁰⁶.

Говорят, что готы и сембы до сих пор поступают таким образом. Известно, что они используют для опьянения молоко выючных животных¹⁰⁷.

- Схолия 135 (130).* Хотя ещё до них в Швеции проповедовали епископы данов и англов, Тургот был поставлен специально для Готии на кафедру в Скаре. Адальвард прибыл в Норвегию по приглашению короля Харальда, и его там с почётом приняли ввиду святости этого мужа и славы о его добродетелях. А когда он собирался уезжать, король подарил ему столько денег, что епископ сразу же после этого выкупил 300 пленников.
- Схолия 136 (131).* Адальвард Младший, прибыв в это время в Готию, застал своего тезку при смерти; со скорбью позаботившись о его похоронах, Адальвард Младший поспешил оттуда в Сигтуну. Однако, после того как язычники изгнали его оттуда, он по приглашению прибыл в город Скару. Это пришлось не по нраву нашему архиепископу, почему он и вызвал его, как нарушителя канонов, в Бремен¹⁰⁸.
- Схолия 137 (132).* Хельсингланд – это область скритефиннов, расположенная высоко в горах, которые зовутся Рифейскими и на которых вечно лежит снег. Люди там стынют от стужи, ибо не заботятся о том, чтобы у их домов были крыши; они используют мясо диких зверей в качестве пищи, а их шкуры в качестве одежды. Пишут, что в горах гипербореев, кроме прочих чудовищ, которые там есть, рождаются также грифы...
- Схолия 138 (134).* Около этого храма растёт большое дерево с раскидистыми ветвями, вечно зелёное и зимой, и летом, и никто не знает, какова природа этого дерева. Там также находится источник, где язычники совершают жертвоприношения, бросая туда живого человека; если тот не всплывает, то это значит, что желание народа осуществится.
- Схолия 139 (135).* Этот храм опоясан золотой цепью, которая висит на склонах здания и ярко освещает всех входящих. Храм расположен на равнине, которая со всех сторон окружена горами наподобие театра.

- Схолия 140 (136).* Когда совсем недавно христианнейший король Швеции Анунд¹⁰⁹ отказался приносить демонам установленную народом жертву, его изгнали из королевства, и он, как говорят, ушёл оттуда, радуясь, ибо удостоился принять бесчестье за имя Иисуса¹¹⁰.
- Схолия 141 (137).* Пиршества и подобного рода жертвоприношения справляются в течение девяти дней. Каждый день вместе с животными в жертву приносят одного человека, так что всего за девять дней в жертву приносятся 72 живых существа. Это жертвоприношение происходит около дня весеннего равноденствия.
- Схолия 142 (138).* От людей из свиты епископа Адальварда нам стало известно, что когда он впервые прибыл в Сигтуну, чтобы отслужить мессу, ему преподнесли 70 марок серебра. Подобным благочестием отличаются все жители северных стран. Тогда же Адальвард попутно завернул в Бирку, которая ныне обращена в пустыню, так что едва различимы следы города. Поэтому он так и не смог разыскать могилу святого архиепископа Унни.
- Схолия 143 (139).* От тех норманнов, что обитают по ту сторону Дании, пришли те норманны, которые живут во Франции, а от последних – те третьи, что недавно пришли в Апулию¹¹¹.
- Схолия 144 (140).* Относительно погребения язычников, хоть они и не веруют в воскресение плоти, примечательно следующее: по обычаю древних римлян они с величайшим уважением почитают и могилы, и сами похороны. Вместе с умершим они хоронят его имущество, оружие и всё то, что он ценил при жизни. То же самое пишут и об индийцах. Передают, что это делается согласно древнему обычаю язычников, в чьих гробницах до сих пор находят подобные вещи, ибо они велели закапывать вместе с собой в амфорах или в других сосудах все свои богатства.
- Схолия 145 (141).* Павел в «Истории лангобардов» утверждает, что в крайних пределах севера, у скритефиннов в некоей пещере у океана лежат семеро спящих мужей¹¹², относительно которых существует разные мнения, в том числе предположение, что они будут проповедовать этим племенам около конца света. Говорят, что некоторые из 11 000 дев прибыли туда, и их свита, а также суда были уничтожены обрушившейся скалой; с тех пор там происходят чудеса. Именно там Олаф и основал церковь.
- Схолия 146 (141).* Справедливейший король Олаф первым привлёк норманнов к христианству. Его сын Магнус подчинил данов. Нечестивейший брат Олафа Харальд привёл под свою власть Оркады и расширил своё королевство вплоть до Рифейских гор и Исландии.
- Схолия 147 (142).* Хотя ещё до него¹¹³ в этом племени проповедовали из наших Лиафдаг, Одинкар и Поппо. Наши, можно сказать, трудились, а англы вмешались в их труды.
- Схолия 148 (142).* Когда он, а также Мейнхард, Альберик и другие посвящённые в сан явились к архиепископу, он одарил их и передал им свои права как в Норвегии, так и на островах океана¹¹⁴.
- Схолия 149 (143).* Плиний сообщает о гипербореях и Сумрачном океане...¹¹⁵ (?)
- Схолия 150 (144).* О Британском океане, который омывает Данию и Норвегию, моряки рассказывают много чудесного. Говорят, что около Оркад море твердеет и стано-

вится таким густым от соли, что корабли с трудом могут двигаться дальше, разве что им помогает буря¹¹⁶. Поэтому тамошнее море зовётся у нас в народе Либерзее.

Схолия 151 (145). Из этого следует, что автор этой книги происходил из Верхней Германии; поэтому он и искажил многие названия или имена собственные, стараясь приспособить их к своему языку.

Схолия 152 (146). Туле расположен в море-океане и является самым дальним из всех островов. Солин сообщает¹¹⁷, что его жители в весеннее время живут за счёт мяса скота, летом питаются молоком, а на зиму заготавливают древесные плоды. (?)

Схолия 153. Марциан, Солин и...

Схолия 154 (147). Британия – самый большой из всех островов. Оттуда можно доплыть до Туле за девять дней. От Туле – один день плавания до Ледяного моря. Оно является ледяным потому, что его никогда не нагревает солнце¹¹⁸.

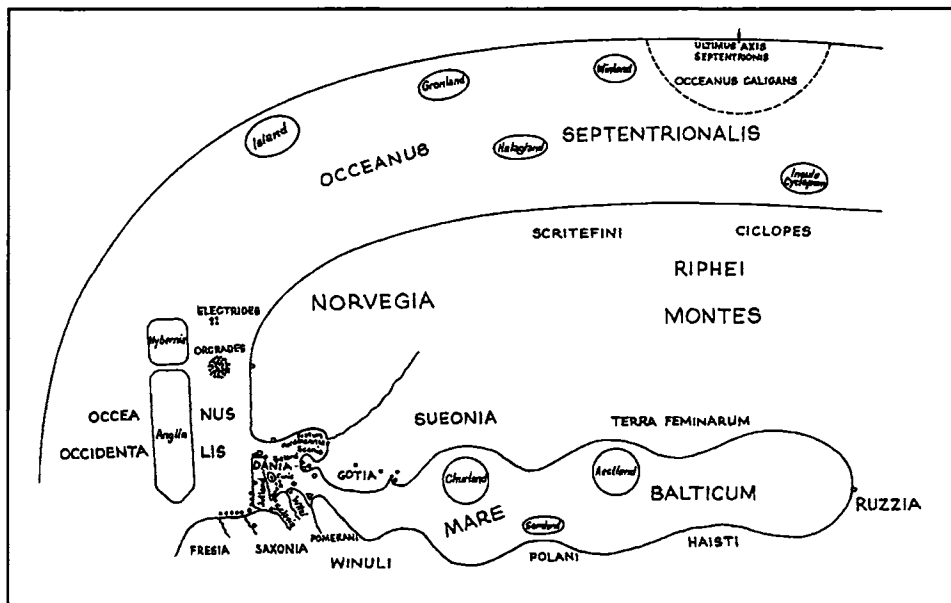
Схолия 155 (148). Говорят, что тем, кто отправляется от датского мыса Ольборг, чтобы доплыть до Исландии, потребуется 30 дней, а при попутном ветре ещё меньше.

Схолия 156 (150). У них нет короля, а лишь такой закон: «И грешить там нельзя, ибо смерть за неверность ждёт»¹¹⁹.

Схолия 157 (151). Там находится крупный город Скалахольт.

Схолия 158 (149). Возле Исландии океан ледовитый, бурный и туманный.

Схолия 159 (152). Некоторые говорят, что Халагланд – это крайняя часть Норвегии, которая граничит со страной скритефиннов и недоступна из-за суровых гор и морозов.

Острова, страны и народы Севера по представлениям Адама Бременского
(из кн.: Гвин Джонс. Викинги. Потомки Одина и Тора. – М., 2004)

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Книга первая

- ¹ *Лиemar* – архиеп. Бременский и Гамбургский с 27 мая 1072 г. по 16 мая 1101 г. Сторонник императора Генриха IV.
- ² *Адальберт* – архиеп. Бремена в 1043–72 гг.
- ³ *Иезекииль*, 14, 7.
- ⁴ Речь идёт о падении Адальберта в 1066 г. и его последствиях.
- ⁵ Ювенал, Сатиры, XI, 170; Гораций, Сатиры, II, 3, 285.
- ⁶ Регино Прюмский, Введение.
- ⁷ Иов, 12, 25.
- ⁸ Матфей, 20, 1–12; 21, 39.
- ⁹ Григорий, Диал., I, 5.
- ¹⁰ 1 Цар., 10, 12; 19, 24.
- ¹¹ Вергилий, Энеида, VI, 894. Имеется в виду источник лживых снов.
- ¹² *Иезекииль*, 13, 2.
- ¹³ Вергилий, Энеида, II, 535.
- ¹⁴ Лука, 1, 33.
- ¹⁵ Ссылка на старые права архиепископства.
- ¹⁶ Эйнхард, Жизнь Карла, 15.
- ¹⁷ В похожих словах Орозий говорит об Испании («История против язычников», I, 2, 69 и сл.). Граница между саксами и франками проходила в районе Рейна по линии Бохольт–Эссен–Аттендорф.
- ¹⁸ *Хадельн* – округ между устьем Везера и устьем Эльбы.
- ¹⁹ *Сорбы* – славяне, жившие на правом берегу Заале и Эльбы к югу от Цербста–Ютербога.
- ²⁰ *Нордальбинги* – саксы, жившие к северу от Эльбы. Областью их расселения были: Штормарн (возле Гамбурга), Гольштейн и Дитмаршен (в районе Мельдорфа).
- ²¹ У Эйнхарда («Жизнь Карла», 15) – Вейксель. Везер по латыни = *Visurgis*. Ошибка Адама.
- ²² Истоки Эльбы находятся в чешском Ризенгебирге. О границах Саксонии от устья Заале до Артленбурга см. II, 18.
- ²³ Псал., 104, 13; 1 Парал., 16, 20.
- ²⁴ Лукан, Фарсалия, II, 51 и сл.; Орозий, I, 2, 53.
- ²⁵ Саллюстий, Югурт. война, 19, 1.
- ²⁶ Орозий, VII, 32, 10. – *Валентиниан III* – римский император в 424–455. Очевидно, имеется в виду победа римлян при Веруле (Сент-Олбанс) в 429 г.
- ²⁷ Григорий Турский, II, 19. Саксы укрепились на островах посреди Луары. Сиагрий (римский полководец, владевший в 464–486 гг. остатками римских владений в Северной Галлии) разбил их в 469 г.
- ²⁸ Англы и саксы были разными народами. До своего переселения на территорию Британии англы обитали в Ютландии (между Шлезвигом и Гольштейном).
- ²⁹ В 531 г.
- ³⁰ *Теодорих I* – король франков в 511–534 гг.
- ³¹ *Нордтюринггау* – округ между верхним течением Аллера и Унштрутом.
- ³² Славянский племенной союз на территории Мекленбурга и восточного Гольштейна.
- ³³ От устья Везера и до Фландрии.
- ³⁴ Тацит, Германия, 4.
- ³⁵ Верхушку общества составляли эделинги или благородные – родовая знать; затем шла основная масса свободного населения – фрилинги; ниже всех стояли зависимые производители – литы или рабы.
- ³⁶ Тацит, Германия, 9–10.
- ³⁷ Галат., 4, 8.
- ³⁸ Водана.
- ³⁹ Тацит, Германия, 11.
- ⁴⁰ Эйнхард, Жизнь Карла, 7.
- ⁴¹ *Ирминсул* – одна из главнейших святынь саксов-язычников. Находился в районе

- Эресбурга. Представлял собой огромную деревянную колоду, устремлённую в небо, на которой, по мнению саксов, держался небесный свод.
- 42 Перенесение св. Вита, гл. 1. – О «суровом народе» см. Исидор, Начала, IX, 1, 100 и сл.
- 43 Жизнь Виллехада, 3; Жизнь Анскария, 27.
- 44 Григорий Турский, II, 27; IV, 14; Фульденские анналы, 737–758 гг.
- 45 Пипин Короткий (мажордом в 741–751; король франков в 751–768) воевал с саксами в 753 и 758 гг., а его сын – Карл Великий (король с 768; император в 800–814) – в 772–804 гг.
- 46 Эйнхард, Жизнь Карла, 7.
- 47 Бонифаций (р. ок. 675; † 754, 5 июня) – архиеп. Майнцский в 745–754 гг. «Апостол Германии». Основал епископства в Зальцбурге, Регенсбурге, Фрейзинге, Пассау, Эйхштетте, Вюрцбурге, Бюрабурге и Эрфурте (последние два вскоре были ликвидированы). Канонизирован католич. церковью. Его останки покоятся в Фульде.
- 48 Адам ошибается: Галл был замучен ок. 627 г. близ совр. Санкт-Галлена, Эммерам – ок. 715 г. в Регенсбурге, а Килиан – в 689 г. в Вюрцбурге; то есть все пострадали раньше св. Бонифация. А Виллиброрд был епископом-миссионером во Фризии (в Утрехте) в 695–739 гг.
- 49 I Кор., 15, 10.
- 50 См. гл. 1 и 3 «Жизни св. Бонифация», а также Фульденские анналы.
- 51 Жизнь Виллехада, 5.
- 52 Бонифаций погиб 5 июня 754 г.
- 53 Виллехад род. в 720/30 г. в Нортумбрии, а воспитан был в Йорке. Свою миссионерскую деятельность начал в 765/774 г.
- 54 В «Жизни Виллехада» (гл. 2) говорится о Доккуме, месте мученичества, а не о месте погребения (в Фульде).
- 55 Жизнь Виллехада, 5–6. – Поручение вести миссионерскую деятельность в Вихмодии Виллехад получил в 780 г. Его деятельность здесь, а также во Фризии и Дитмаршене продолжалась до 782 г.
- 56 В 778 г.
- 57 «Жизнь Виллехада» (гл. 6) называет трёх мучеников во Фризии и Атребана в Дитмаршене.
- 58 Матфей, 10, 23. – Виллехад и Лиутгер (миссионер в Эмсланде) прибыли к папе Адриану I (772–795 гг.) в Рим примерно в 783/4 г.
- 59 В монастырь Эхтернах.
- 60 Матфей, 13, 25.
- 61 Иаков, 5, 16.
- 62 В 785 г. Крещение состоялось в Аттиньи.
- 63 В 787 г. Виллехад стал епископом-миссионером для Вихмодии и Фрисландии до устьев Эмса. Епископства Мюнстер, Оснабрюкк, Бремен (в зависимости от Кёльна) и Падерборн (от Майнца) были основаны в 804/805 г. А Хильдесхайм, Верден, Хальберштадт (в зависимости от Майнца) и Гамбург (от Кёльна) возникли только при Людовике I Благочестивом.
- 64 2 Цар., 5, 10.
- 65 Виллехад был посвящён в сан епископа 13 июля 787 или 788 г.
- 66 Вихмодия – округ между Везером и Эльбой.
- 67 Ларгау – округ на левом берегу Везера, от Бюкена до Хунте (возле Ольденбурга).
- 68 Лулл – архиеп. Майнца в 752–786 гг. Однако, в 788 г. его уже не было в живых.
- 69 I Кор., 3, 6.
- 70 Здесь видны притязания Адальберта и других епископов XI в. на обладание более солидной территориальной базой для ведения миссионерской деятельности на севере.
- 71 Деяния, 14, 26.
- 72 Мюленбах.
- 73 Эрсдорфер Моор.
- 74 Кольбекмоор.
- 75 Висте.
- 76 Лангведелер Мюленбах.
- 77 Округ в районе Вердена.
- 78 Округ к югу от Ларгау.
- 79 Визедер Моор.
- 80 Округ в районе Леера.
- 81 Округ в районе Реепсхольта и Вильгельмсхафена.

- ⁸² Доббемеер.
⁸³ Зандватер.
⁸⁴ *Хильдибальд* – архиеп. Кёльна в 788–818 гг.
⁸⁵ Виллехад умер 8 ноября 789 г.
⁸⁶ 1 Парал., 23, 1; Иов, 42, 16.
⁸⁷ К северу от Норденхама, на левом берегу Везера.
⁸⁸ Автор «Жизни Виллехада» неизвестен. Анскарий написал только «Добродетели и чудеса Виллехада».
⁸⁹ *Виллерик* – еп. Бремена в 789–792 и 804–838 гг.
⁹⁰ Т. е. Людовика I Благочестивого (императора в 814–840).
⁹¹ *Жизнь Виллехада*, 8.
⁹² *Эйнхард*, *Жизнь Карла*, 7–8; *Фульд. анналы*, 804 г.
⁹³ См. грамоту Людовика I Благочестивого от 834 г. и «*Жизнь Анскария*» (гл. 12).
⁹⁴ К югу от Ауденарде во Фландрии.
⁹⁵ *Мельдорф* – город в западной части Гольштейна, северо-западу от Итцехо.
⁹⁶ *Эйнхард*, *Жизнь Карла*, 14; *Фульденские анналы*, 808–810 гг.
⁹⁷ Готфрид был убит в 810 г. Мир с франками заключён в 811 г.
⁹⁸ 814 г.
⁹⁹ *Фульденские анналы*, 812 г. – Уже в 813 г. Харальд был изгнан в Саксонию сыновьями Готфрида. Регинфрид пал в 814 г.
¹⁰⁰ В 822 г. См. «*Жизнь Анскария*», гл. 13.
¹⁰¹ *Эбо* († 851, 20 марта) – архиеп. Реймский в 816–835 и 840–841 гг.; еп. Хильдесхайма в 835–847 гг.
¹⁰² *Халитгар* – еп. Камбре в 817–831 гг.
¹⁰³ *Пасхалий I* († 824, 11 февр.) – римский папа с 25 янв. 817 г. по 11 февр. 824 г.
¹⁰⁴ В 826 г. См. «*Жизнь Анскария*», гл. 7 и *Фульденские анналы*.
¹⁰⁵ *Жизнь Анскария*, 7–12. Данию Анскарий посетил в 826–828 гг., а Швецию – в 830–831 гг.
¹⁰⁶ Лука, 21, 33.
¹⁰⁷ Рим., 9, 16; 18.
¹⁰⁸ Вернее в 831 г., который был 42-м годом Виллерики. См. «*Жизнь Анскария*», 12–13.
¹⁰⁹ *Дрого* (р. 801, 17 июня; † 855, 8 дек.) – незаконный сын Карла Великого; еп. Меца в 823–855 гг.
¹¹⁰ *Отгар* – архиеп. Майнца в 826–847 гг.
¹¹¹ *Хетти* – архиеп. Трира в 814–847 гг.
¹¹² *Григорий IV* († 844) – римский папа с октября 827 г. по январь 844 г.
¹¹³ Позднее аббатство в Западной Фландрии.
¹¹⁴ *Жизнь Римберта*, 3; 5.
¹¹⁵ Неверно. Эбо сохранил за собой руководство миссионерской деятельностью в Швеции.
¹¹⁶ Ок. 832 г. См. «*Жизнь Анскария*», 13–14.
¹¹⁷ *Жизнь Виллехада*, 11.
¹¹⁸ Близ Итцехо.
¹¹⁹ *Жизнь Анскария*, 16.
¹²⁰ *Карл II Лысый* (р. 823, 13 июня; † 877, 6 окт.) – младший сын Людовика I Благочестивого. Король западных франков (совр. Франции) в 840–877 гг.; король Италии и император в 875–877 гг.
¹²¹ 1 Парал., 23, 1; Иов, 42, 16.
¹²² Вернее в 838 г.
¹²³ *Леудерик* († 845 г. 24 авг.) – еп. Бремена в 838–845 гг.
¹²⁴ То есть Людовика II Немецкого (р. 804 г. † 876 г. 28 авг.) – короля восточных франков в 840–876 гг.
¹²⁵ *Жизнь Анскария*, 15.
¹²⁶ *Жизнь Римберта*, 3; 5; 6.
¹²⁷ *Римберт* († 888 г. 11 июня) – еп. Бремена в 865–888 гг.
¹²⁸ 4 Цар., 2.
¹²⁹ *Фульд. анналы*, 836; 837 гг.; *Бертин. анналы*, 837 г.
¹³⁰ *Жизнь Анскария*, 16.
¹³¹ Неверно. Это произошло в 845 г.
¹³² Людовик Благочестивый ум. 20 июня 840.
¹³³ В 834 г.
¹³⁴ *Саллюстий*, *Катилина*, 19, 4; 5.
¹³⁵ *Рабан Мавр* – архиеп. Майнца в 847–856 гг.
¹³⁶ *Сергий II* – римский папа с янв. 844 г. по 27 янв. 847 г. – не мог быть посредником между братьями, поскольку ко времени заключения Верденского договора о разделе империи (843) ещё не был папой.
¹³⁷ *Лотарь I* (р. 795; † 855, 29 сент.) – король Италии в 823–855 гг.; император с 823 г.

- ¹³⁸ *Пипин II* (р. 823; † 865 г.) – сын Пипина I; король Аквитании в 838–864 гг. (с перерывами). Он не был включён в Верденский договор.
- ¹³⁹ *Жизнь Анскария*, 21.
- ¹⁴⁰ На левом берегу р. Эльбы, к югу от Гамбурга.
- ¹⁴¹ *Жизнь Анскария*, 19.
- ¹⁴² В 845 г.
- ¹⁴³ Людовик Немецкий.
- ¹⁴⁴ Между 20 июня 848 г. и 20 июня 849 г.
- ¹⁴⁵ *Жизнь Анскария*, 24. Николай I – римский папа в 858–867 гг.
- ¹⁴⁶ *Жизнь Анскария*, 24.
- ¹⁴⁷ *Жизнь Анскария*, 25–28.
- ¹⁴⁸ Анскарий вторично посетил Швецию в 852–854 гг.
- ¹⁴⁹ Исайя, 49, 1; 55, 5.
- ¹⁵⁰ Иордан, Гетика, IV, 29; Исидор, История готов, I.
- ¹⁵¹ Тяжба с Кёльнским архиепископом (в 850–862).
- ¹⁵² *Гунтер* († 871) – архиеп. Кёльнский в 850–863 гг.
- ¹⁵³ После 854 г. См. *Жизнь Анскария*, гл. 32.
- ¹⁵⁴ Не Карл Лысый, а император Лотарь I.
- ¹⁵⁵ Фульд. анналы, 843 г. и сл.
- ¹⁵⁶ Лукан, Фарсалия, I, 3.
- ¹⁵⁷ В 854 г. – Фульд. анналы; *Жизнь Анскария*, 31.
- ¹⁵⁸ *Жизнь Анскария*, 32–33; 37–38. Адам ошибается, говоря об обращении Хорика.
- ¹⁵⁹ *Риббе* – город в Южной Ютландии (Сев. Шлезвиг).
- ¹⁶⁰ *Жизнь Анскария*, 36.
- ¹⁶¹ *Жизнь Анскария*, 35.
- ¹⁶² См. I, 23.
- ¹⁶³ Вернее в 851 г. См. Ксантен. анналы.
- ¹⁶⁴ Лука, 22, 24; 1 Кор., 12, 9.
- ¹⁶⁵ *Жизнь Анскария*, 35.
- ¹⁶⁶ 2 Тим., 4, 2.
- ¹⁶⁷ *Жизнь Анскария*, 41.
- ¹⁶⁸ *Жизнь Римберта*, 9; 11. См. также введение к «*Жизни Анскария*».
- ¹⁶⁹ Вернее Корвеи Старой (в Галлии).
- ¹⁷⁰ *Жизнь Римберта*, 11–12.
- ¹⁷¹ *Дитрих* – еп. Миндена в 853–880 гг.
- ¹⁷² *Адальгар* – аббат Корвеи в 856–876 гг.
- ¹⁷³ *Лиутберт* – архиеп. Майнца в 863–889 гг.
- ¹⁷⁴ *Адальгар* – архиеп. Гамбурга и Бремена в 888–895 гг.; епископ в 895–909 гг.
- ¹⁷⁵ *Жизнь Римберта*, 16.
- ¹⁷⁶ 2 Кор., 11, 25.
- ¹⁷⁷ Рим., 8, 18.
- ¹⁷⁸ Фульд. анналы, 873 г.
- ¹⁷⁹ Возможно, Рорик Фрисландский († 876).
- ¹⁸⁰ Он получил в качестве лена Фризию (882) и стал христианином. В 885 г. был убит по приказу Карла III Толстого.
- ¹⁸¹ Сын наделённого (в 826) Рюстрингеном Харальда, племянник Рорика Фрисландского. Воевал во Фрисландии и Англии. Убит в 873 г.
- ¹⁸² Возможно, норвежский король Ивар Дублинский (871–874; из династии Инглингов).
- ¹⁸³ В «В1в» добавлено: «Ингвар, сын Лодброга, взял в плен и замучил св. Эдмунда; сначала он бил его палками, а затем обезглавил и оставшееся без погребения тело отдал собакам. Его голову он отнёс в соседний лес, где она по Божьей воле оставалась нетронутой, – ибо её сторожил волк; наконец, голову нашли христиане и, принеся к телу, похоронили с подобающими почестями». Упомянутый *Эдмунд* – король Восточной Англии в 855–870 гг.
- ¹⁸⁴ Людовик Немецкий. Он умер 28 авг. 876 г.
- ¹⁸⁵ На р. Мульде, в районе Дюбена (округ Сиусули).
- ¹⁸⁶ 2 февр. 880 г.
- Бруно* – герцог Саксонии в 866–880 гг.; *Дитрих* – еп. Миндена (см. прим. 171); *Марквард* – еп. Хильдесхайма в 875–880 гг.
- ¹⁸⁷ В 880/881 г. Разрушение Биртена и Маастрихта (а не Утрехта).
- ¹⁸⁹ «*Жизнь Ратбода*» (SS, XV, 1, 571 и сл.), еп. Утрехта в 899–917 гг.
- ¹⁸⁹ *Людвиг III* († 882, 20 янв.) – король восточных франков в 876–882 гг.
- ¹⁹⁰ *Людвиг III* († 882, 5 авг.) – король западных франков в 879–882 гг. В 881 г. одержал победу над норманнами при Сокуре.

- ¹⁹¹ Жизнь Римберта, 17.
- ¹⁹² О служебных обязанностях, II, 28, 137 и сл.
- ¹⁹³ Бово I (879–890) или Бово II (890–916). Работа его утеряна.
- ¹⁹⁴ *Норденгау* – округ в районе г. Норден (Вост. Фрисландия).
- ¹⁹⁵ *Карл III Толстый* (р. 839; † 888, 13 янв.) – третий сын Людовика II Немецкого; король Германии (876–887), Италии (879–887) и Франции (884–887); император с 12 февр. 881 г.
- ¹⁹⁶ *Хальфдан* – король данов; в 871/2 г. высадился в Южной Англии, в 876 г. взял Йорк, в 877 г. пал в бою.
- ¹⁹⁷ *Гудред* – король Нортумбрии в 883–894 гг.
- ¹⁹⁸ В ноябре 887 г.
- ¹⁹⁹ *Арульф* (р. 850; † 899, 8 дек.) – незаконный сын Карломана. Герцог Каринтии; король Германии в 887–899 гг. С 896 г. – император.
- ²⁰⁰ Числа, 12, 3; Евр., 4, 15.
- ²⁰¹ Жизнь Римберта, 14; 17–19.
- ²⁰² Жизнь Римберта, 20 (цитир.: Псал., 11, 1).
- ²⁰³ Ювенал, Сатиры, VII, 105.
- ²⁰⁴ Матфей, 28, 19.
- ²⁰⁵ Жизнь Римберта, 8.
- ²⁰⁶ В 3 км к югу от Хойи на р. Везер.
- ²⁰⁷ Жизнь Римберта, 14; 15.
- ²⁰⁸ Жизнь Римберта, 21; 24; Корв. анналы, 888 г.
- ²⁰⁹ То есть из Корвейских.
- ²¹⁰ Собор в Майнце в конце июня 888 г.
- ²¹¹ *Стефан V* – римский папа с сент. 885 г. по 14 сент. 891 г.
- ²¹² *Сундерольд* (Сунцо) – архиеп. Майнца в 889–891 гг. 26 июня 891 г. пал при Мерсене в битве с норманнами.
- ²¹³ Орозий, VII, 15, 7.
- ²¹⁴ Псал., 78, 10; Апокал., 19, 2.
- ²¹⁵ Имеется в виду *Свен II Эстридсен* – король Дании в 1047–1074 гг.
- ²¹⁶ *Олаф I Трюгвасон* («Воронья нога») – сын Трюгве (Трукко) Олафсона; король Норвегии в 995–1000 гг.
- ²¹⁷ *Герман* – архиеп. Кёльна в 890–923 гг.
- ²¹⁸ В мае 895 г.
- ²¹⁹ *Хатто* – архиеп. Майнца в 891–913 гг.
- ²²⁰ *Формоз* – римский папа с 6 окт. 891 г. по 4 апр. 896 г.
- ²²¹ *Хогер* – еп. Бремена в 909–916 гг.
- ²²² *Формоз* умер 4 апр. 896 г., а *Арульф* – 8 дек. 899 г.
- ²²³ 1 Кор., 10, 13.
- ²²⁴ *Сергий III* – римский папа с 29 янв. 904 г. по 14 апр. 911 г. Был девятым после *Формоза* (а не седьмым) и через 8 лет после смерти последнего (а не через 7).
- ²²⁵ *Сигизмунд* – еп. Хальберштадта в 894–924.
- ²²⁶ *Викберт* († 908, 8 сент.) – еп. Вердена в 874–908 гг.
- ²²⁷ *Бизо* († 908, 9 сент.) – еп. Падерборна в 887–908 гг.
- ²²⁸ *Бернгард I* († 914, 6 сент.) – еп. Миндена в 905–914 гг.
- ²²⁹ *Бернгард I* – еп. Оснабрюкка в 906–918 гг.
- ²³⁰ Бытие, 15, 16; Псал., 101, 14.
- ²³¹ Вернее в 909 г.
- ²³² Лука, 12, 42.
- ²³³ Матфей, 25, 1 и сл.
- ²³⁴ Исайя, 8, 18.
- ²³⁵ *Людовик IV Дитя* (р. 893 г. † 911 г. 20/24 сент.) – сын *Арульфа*; король восточных франков в 900–911 гг.
- ²³⁶ *Конрад I* (р. 881; † 918, 19 дек.) – король Германии в 911–918 гг.
- ²³⁷ Фульденские анналы вместе с Регнсбургским продолжателем доходят до 897 г.
- ²³⁸ *Свен II Эстридсен*.
- ²³⁹ *Сын Кнубы*. В 934 г. разбит *Генрихом I Птицеловом*.
- ²⁴⁰ Очевидно, имеется в виду *Хардекнут Вурм*, он же *Горм Старый* († 936).
- ²⁴¹ Корв. анналы, 915 г.
- ²⁴² *Регинвард* († 918, 1 окт.) – еп. Бремена в 917–918 гг.
- ²⁴³ Исход, 20, 5.
- ²⁴⁴ *Унни* († 936, 17 сент.) – еп. Бремена в 918–936 гг.
- ²⁴⁵ *Иоанн X* – римский папа с марта 914 г. по май 928 г.
- ²⁴⁶ *Генрих I Птицелов* – король Германии с 12 мая 919 г. по 2 июля 936 г.
- ²⁴⁷ *Хедебю*, *Хайтабу* (Hedeby, Haithabu) – поселение в Дании, в юго-вост. части Ют-

- ландии, к югу от современного г. Шлезвиг.
²⁴⁸ В 934 г.
²⁴⁹ Деяния, 14, 26.
²⁵⁰ Лука, 22, 33.
²⁵¹ Около 935/936 г.
²⁵² Озеро Меларен.

- ²⁵³ См. Жизнь Анскария, 9; 11; 19; 26; 30.
²⁵⁴ Иероним, Письма, 18, 4.
²⁵⁵ 1 Петр., 1, 13.
²⁵⁶ 2 Тим., 4, 7; 1 Тим., 6, 12.
²⁵⁷ 17 сент. 936 г.
²⁵⁸ Иоанн, 10, 15; 13, 17.

Книга вторая

- ¹ *Адальдаг* († 988 г. 29 авг.) – архиеп. Бре-
 мена в 937–988 гг.
² Вергилий, Энеида, VI, 846.
³ *Адальвард* – еп. Вердена в 908/915–933 гг.
⁴ То есть у шведов.
⁵ Между 4 февр. и 30 июня 937 г.
⁶ *Лев VII* – римский папа с 3 янв. 936 г. по
 13 июля 939 г.
⁷ То ли Хильдеберта (архиеп. С 927 г.; † 31
 мая 937), то ли Фридриха (архиеп. с
 9 июня 937 г.; † 954).
⁸ Псал., 125, 5.
⁹ Рим., 8, 28.
¹⁰ Матфей, 16, 23.
¹¹ Подавил мятежи Танкмара (в 938) и Ген-
 риха I Баварского (в 939–941).
¹² Псал., 88, 15; 98, 4.
¹³ Адам ошибочно говорит здесь о событиях
 974 г. См. Титмар, III, 6.
¹⁴ «Одде-Зунд» («Одде» = мыс) – располо-
 жен в Лимфьорде между Тухольмом и
 Фестландом.
¹⁵ *Харальд Синезубый* – король Дании в 936–
 988 гг. Ок. 960 г завоевал Норвегию.
¹⁶ Ок. 965 г.
¹⁷ *Свен I Вилобородый* († 1014, 3 февр.) – ко-
 роль Дании в 988–1014 гг.
¹⁸ *Агапит II* – римский папа в 946–955 гг.
¹⁹ Орхус – портовый город, расположенный
 на восточном побережье Ютландии.
 Один из старейших городов Дании. – Все
 три епископа принимали участие в собо-
 ре в Ингельхайме 8 июня 948 г.
²⁰ *Сконе* – область на юге Швеции (главный
 город – Мальмё). До XVII в. входила в сос-
 тав Дании.
²¹ В 936–937 гг. была создана Восточная мар-
 ка во главе с маркграфом Геро на средней

- Эльбе, а также марка Биллунгов во главе с
 маркграфом Германом (впоследствии
 герцог Саксонии) в нижнем течении Эль-
 бы. Миссионерскую деятельность среди
 славян осуществлял монастырь св. Мав-
 рикия в Магдебурге.
²² См. II, 20 и 26.
²³ *Бруно* – архиеп. Кёльна в 953–965 гг.
²⁴ *Эри* – еп. Вердена в 976–994 гг. См. Тит-
 мар, III, 6.
²⁵ Эккл., 45, 1.
²⁶ *Герман I Биллунг* († 973) – герцог Саксо-
 нии в 961–973 гг., маркграф Вендской
 марки (в нижнем течении р. Эльбы).
²⁷ Бытие, 40, 23.
²⁸ *Иоанн XII* (был римским папой с 16 дек.
 955 по 4 дек. 963; † 14 мая 964). Вступление
 Оттона I в Рим состоялось 3 нояб. 963 г.
²⁹ *Лев VIII* – римский папа с 6 дек. 963 г. по
 1 марта 965 г.
³⁰ Неверно. Оттона I короновал 2 февр. 962 г.
 Иоанн XII. Это произошло в 26-й год
 правления Оттона I, через 162 года после
 коронации Карла Великого.
³¹ Оттон I пробыл в Италии с авг. 961 г. по
 янв. 965 г. Оттон II прибыл в Италию
 только в окт. 967 г.
³² *Беренгар II* – кор. Италии в 950–963 гг. –
 сдался Оттону I в дек. 963 г. Его сыновья –
 Адальберт (король Италии в 950–966 гг.),
 маркграф Видо (пал в 965 г.) и Конрад –
 были разбиты только 25 июня 965 г.
³³ Вернее Иисусу. См. Матфей, 21, 9; Марк,
 11, 10.
³⁴ Псал., 77, 3.
³⁵ Бенедикт V. Римляне избрали его в мае-
 июне 964 г. после бегства Льва VIII и смер-
 ти Иоанна XII.

- ³⁶ Товит, 14, 17.
³⁷ 966 г.
³⁸ *Отрик* († 981) – наставник в Магдебургской школе; капеллан Оттона II. Кандидат в архиепископы Магдебурга. См. Титмар, III, 12–15.
³⁹ См. I, 30 и 43.
⁴⁰ *Хееслинген* – город на р. Осте, близ Цевена в обл. Вихмодия. См. Титмар, II, 42; Альберт Штаденский, 1136 г.
⁴¹ В Остергау, в 12 км к югу от Витмунда и в 25 км к западу от Вильгельмсхафена.
⁴² В «В» и «С» добавлено: «Вот те мощи святых, которые господин Адальдаг привёз из Италии: тела Кириака и Кесария, а также Виктора и Короны, Феликса и Фелициана, Козьмы и Дамиана».
⁴³ У Адама – Либенций. Лиавицо I († 1013, 4 янв.) был архиеп. Бремена и Гамбурга в 988–1013 гг.
⁴⁴ *Адальберт* († 981, 20 июня) – первый архиеп. Магдебурга в 968–981 гг.
⁴⁵ Вернее в 32-й год Оттона I.
⁴⁶ Штёр.
⁴⁷ *Шонфельд* – город в 15 км к северу от Итцехо.
⁴⁸ Псал., 39, 6.
⁴⁹ «Межиречь», то есть «пограничная река».
⁵⁰ Дельвенау. Впадает в Эльбу к востоку от Лауэнбурга.
⁵¹ *Горнбекер Мюленбах* – правый приток Дельвенау.
⁵² Биллеквелле.
⁵³ Вероятно, Шопсберг у Зандеснебена.
⁵⁴ Зумпфбесте; впадает в Траве при Ольдеслоэ.
⁵⁵ Блункербах-Нидерунг.
⁵⁶ Аккерандвальд.
⁵⁷ Аккерандбах.
⁵⁸ Штокзее.
⁵⁹ Эйнхард, Жизнь Карла, 12.
⁶⁰ Лютичи.
⁶¹ То есть славяне в Ольденбургской епархии (до р. Пены).
⁶² *Мекленбург* (Магнополь) – город к югу от Висмара. Древняя столица ободритов.
⁶³ *Ратцебург* – город к югу от Любека.
⁶⁴ *Глиняне* – в районе Путлица, *варны* – в районе Варнова.
⁶⁵ В районе Кессина, близ Ростока.
⁶⁶ Между Рекницем, Небелем, Требелем и восточным течением Пены.
⁶⁷ Между Куммеровер-Зее и Толлензее с Деммином.
⁶⁸ В Мекленбург-Стрелице.
⁶⁹ В районе Бранденбурга; иначе – гевеллеры.
⁷⁰ В районе Витштока на Доссе.
⁷¹ В области Шлибен у Флемминга, близ Лебусы.
⁷² Ретра располагалась на оз. Липс между Нейстрелицем и Нейбранденбургом (Мекленбург).
⁷³ Вергилий, Энеида, VI, 439.
⁷⁴ *Волин* – располагался в устье р. Одер.
⁷⁵ У Солина речь идёт о медицинском масле.
⁷⁶ В Судетах.
⁷⁷ 7 мая 973 г., то есть в 37-й год Адальдага.
⁷⁸ *Оттон II* – король и император Германии в 973–983 гг.
⁷⁹ *Лотарь* (король фр. в 954–986 гг.) и его брат Карл вторглись в 976 г. в Лотарингию. В 977 г. Карл перешёл на сторону немцев и стал герцогом Нижней Лотарингии (977–992 гг.). В 978 г. Оттон II предпринял поход против Франции и дошёл до Парижа. В мае 980 г. заключён мир.
⁸⁰ В ноябре 980 г. Оттон II вступил в Италию; в июле 982 г. потерпел поражение при Котроне; умер 7 дек. 983 г. См. Титмар, III, 20.
⁸¹ *Оттон III* – император с 25 дек. 983 г. по 24 янв. 1002 г.
⁸² *Вильдесхаузен* – селение на р. Хунте, в 30 км к югу от Ольденбурга и в 25 км к юго-западу от Бремена.
⁸³ Герман I умер 27 марта 973 г. Бенно (Бернгард I) – герцог Саксонии в 973–1011 гг.
⁸⁴ Адальберт умер 20 июня 981 г. Гизилер – архиеп. Магдебурга в 981–1004 гг.
⁸⁵ Эфес., 4, 24.
^{85а} В 960 г. – вторжение в Норвегию; в 970 г. – устранение Харальда Серый Плащ (сына его сестры). В 970–974 гг. – верховную власть данов признаёт Хакон фон Ладе

- (языческий ярл Тронхейма в 970–995 гг.). Южная Норвегия (Вик) в 970–995 гг. также принадлежит данам.
- ⁸⁶ Эдмунд II Эриксон – король Швеции ок. 950–980 гг. Вероятно, был сыном Эрика, упомянутого в I, 61.
- ⁸⁷ Хакон фон Ладе. Ок. 963 г. Харальд Серый Плащ распорядился убить отца Хакона – ярла Сигурда, после чего Хакон перешёл на сторону данов.
- ⁸⁸ Здесь Адам смешивает двух Хаконев – Хакона фон Ладе («злого ярла»; см. выше) и Хакона Доброго, короля Норвегии из династии Инглингов в 945–960 гг., которому и наследовал Хартильд (Харальд) Серый Плащ (960–970 гг.).
- ⁸⁹ Гудред († 894), король Нортумбрии, спутан здесь с Гудредом, королём Дублина (в 919–934). Последний вместе с братьями – Рагнвальдом (Регинольдом) и Зигтригом (Сигерихом) в 913 г. вновь завоевал Ирландию (откуда викингов изгнали в 901). Рагнвальд (кор. Йорка в 918–921) присягнул королю Англии, а Зигриг (кор. Йорка в 921–926) принял крещение. – В 913–917 гг. англосаксы завоевали Восточную Англию и Пятиградье, а в 926 г. – Нортумбрию. В 937, 941–944 и 949–952 гг. в Йорке правил сын Зигтрига Олаф Куаран (кор. Дублина в 950–980).
- ^{89a} Харальд Синезубый послал в Англию с датским войском Эрика Кровавого, ярла из династии Инглингов, женатого на его сестре Гунхильде, который был изгнан из Норвегии Хаконем Добрым. В 948–949 и 952–954 Эрик был королём Нортумбрии.
- ⁹⁰ Епископы Шлезвига, Рибе и Орхуса соответственно.
- ⁹¹ Еп. Рибе.
- ⁹² Еп. Шлезвига.
- ⁹³ Из ютландского княжеского рода. Сестра Одинкара – Асфрид – была женой Кнубы и матерью Седериха Шлезвигского.
- ⁹⁴ В 983/988 г. изгнан в результате славянского восстания. См. Гельмольд, I, 14.
- ⁹⁵ В том числе соборный монастырь в Ольденбурге и женский монастырь в Мекленбурге. См. Гельмольд, I, 12.
- ⁹⁶ Князья ободритов: Накко – † до 967 г. (см. Видукинд, III, 50). – Мстислав спутан с его отцом Мистуи, который был тестем Харальда Синезубого (отцом его жены Тофы; см. II, 42; см. 27, 28, 30; Видукинд, III, 68; Титмар, II, 14; III, 18; IV, 2; Гельмольд, I, 13). – Седерих (Зигтриг) был, вероятно, вождем вагров.
- ⁹⁷ Матфей, 13, 25.
- ⁹⁸ В 985/986 г.
- ⁹⁹ 2 Цар., 19, 1.
- ¹⁰⁰ Лукан, Фарсалия, I, 1.
- ¹⁰¹ Он умер 1 нояб. 986 г.
- ¹⁰² Сульпиций Север, Письма, 2.
- ¹⁰³ См. II, 14. – Титмар, VII, 28.
- ¹⁰⁴ После смерти Лиавицо в 1013 г. Отто был избран бременским духовенством, но Генрих II отклонил его кандидатуру. После этого Отто отправился в Магдебург и умер там в 1018 г.
- ¹⁰⁵ Иероним, Письма, 60, 9.
- ¹⁰⁶ Лиавицо II – архиеп. Бремена в 1029–32 гг.
- ¹⁰⁷ Псал., 105, 40.
- ¹⁰⁸ 1 Тим., 1, 20.
- ¹⁰⁹ Эрик VIII Победоносный – сын Эдмунда II; король Швеции ок. 980–995 гг.
- ¹¹⁰ Бытие, 22, 17.
- ¹¹¹ В 990 г.
- ¹¹² Летом 994 г.
- ¹¹³ 23 июня 994 г. См. Титмар, IV, 23–25.
- ¹¹⁴ Зигфрид фон Штаде († 1037); Дитрих был дядей графа Адальгара.
- ¹¹⁵ В 15 км к северо-западу от Бремена.
- ¹¹⁶ В 15 км к западу от Цевена.
- ¹¹⁷ Трюгве Олафсон – внук Харальда Прекрасноволосого; король в Южной Норвегии (Вике). Ок. 960 г. убит Эриком Кровавой Секирой. О его сыне – Олафе см. выше, прим. 216 к кн. I.
- ¹¹⁸ Этельред II – король Англии в 978–1016.
- ¹¹⁹ О нём см. также Титмар, II, 14; Видукинд, III, 64.
- ¹²⁰ См. II, 26.
- ¹²¹ Еп. Рибе в 1000 (992?)–1043 гг. Во времена Свена Вилобородого управлял также Орхусской и Шлезвигской епархиями.

- ¹²² Товит, 14, 17.
- ¹²³ Олаф был крещён в Англии (где он воевал вместе с данами в 991–995) и в 995 г. привёз с собой в Норвегию английское духовенство. Предшественник Олафа – Хакон Добрый также был крещён в Англии и пытался проводить миссионерскую деятельность. А ярл Хакон, напротив, был покровителем язычества.
- ¹²⁴ Очевидно, сестру Свена I Вилобородого.
- ¹²⁵ См. II, 57; IV, 33.
- ¹²⁶ Фил., 1, 15; 16, 18.
- ¹²⁷ Ошибка Адама.
- ¹²⁸ Сигрид.
- ¹²⁹ *Кнут I Великий* (р. ок. 995; † 1035, 21 нояб.) – сын Свена I Вилобородого; король Дании (1018–1035), Англии (с 1016), Норвегии (с 1028) и Шотландии (с 1031).
- ¹³⁰ Притчи, 22, 14; Малахия, 1, 4.
- ¹³¹ *Яков-Анунд* – король Швеции в 1020/22–1050 гг.
- ¹³² *Ингигерда* стала женой Ярослава Мудрого.
- ¹³³ 2 Парал., 33, 13; Лука, 15, 17.
- ¹³⁴ Деяния, 7, 10.
- ¹³⁵ Противниками Олафа наряду со Свенон Вилобородым (притязавшим на Норвегию) и Олафом Шведским (притязавшим на Бохуслен) были также изгнанные ярлы Тронхейма – Эрик и Свен Хаконсон.
- ¹³⁶ Морская битва при Свольдере летом 1000.
- ¹³⁷ Норвежские предания, напротив, говорят о суровом преследовании Олафом чародеев.
- ¹³⁸ Как раз прямая заслуга Олафа! – После 1000 г. датчане захватили Вик и Оппланд (Южная Норвегия), а в Западной и Северной Норвегии правили фактически независимые ярлы Эрик и Свен Хаконсон.
- ¹³⁹ Умер 24 авг. 1004 г.
- ¹⁴⁰ 24 янв. 1002 г.
- ¹⁴¹ В «В1» добавлено: «Их мученичество произошло 2 июня».
- ¹⁴² 1 Кор., 4, 9.
- ¹⁴³ Рим., 9, 18.
- ¹⁴⁴ То есть славяне.
- ¹⁴⁵ То есть шведы и норвежцы.
- ¹⁴⁶ Псал., 7, 62; Второзак., 7, 1; Деяния, 13, 19; Судьи, 3, 1.
- ¹⁴⁷ В «С» здесь следует текст схолий 27, 28 и 31, а на месте отсутствующей гл. 45 стоят следующие слова: «В это время достопочтенный граф Генрих учредил приорство в Розенфельде, а архиепископ Лиавицо дал на это своё согласие и освятил церковь».
- ¹⁴⁸ Вернее, в 983 г. при герцоге Бенно (Бернгарде I), сыне Германа I. Адам смешивает воедино события 983 и 1018 гг. и относит их к 1011 г. Бернгард II – герцог Саксонии в 1011–1059 гг.
- ¹⁴⁹ *Бернхард II* († 1014, 25 июля) – еп. Вердена в 994–1014 гг.
- ¹⁵⁰ Бернгард I умер 9 февр. 1011 г., Лиутгер – 26 февр. 1011 г. Жена Лиутгера – Эмма († 1038, 3 дек.) – была сестрой Мейнверка, еп. Падерборна в 1009–1036 гг.
- ¹⁵¹ *Тагино* – архиеп. Магдебурга в 1004–12 гг.
- ¹⁵² *Вальтард* – архиеп. Магдебурга в 1012 г.
- ¹⁵³ Еп. Шлезвига в 995/1000–1026 гг.
- ¹⁵⁴ *Фольквард* – еп. Ольденбурга в 988–990 гг. Позднее был изгнан.
- ¹⁵⁵ *Регинберт* – приор Вальбека (см. Титмар, VI, 43), затем – еп. Ольденбурга в 992–1014.
- ¹⁵⁶ Бернхаром II. См. выше, прим. 149.
- ¹⁵⁷ *Унван* – архиеп. Бремена и Гамбурга со 2 февр. 1013 г. по 27 янв. 1029 г. Сын Дитриха фон Гозек, пфальцграфа Саксонии; двоюродный брат Мейнверка, еп. Падерборна, и Эммы, жена графа Лиутгера.
- ¹⁵⁸ По матери.
- ¹⁵⁹ На р. Везер, в 20 км к юго-востоку от Бремена.
- ¹⁶⁰ В 1019–1020 гг.
- ¹⁶¹ *Шальксбург* – предполож. совр. Хаусберге на р. Везер к востоку от Миндена.
- ¹⁶² *Бенно* – еп. Ольденбурга в 1014–1023 гг.
- ¹⁶³ Иоанн, 12, 25.
- ¹⁶⁴ Эзико проживал в Хильдесхайме.
- ¹⁶⁵ См. II, 55.
- ¹⁶⁶ 1 Кор., 9, 11.
- ¹⁶⁷ Жизнь Анскария, 24; 26; 32.
- ¹⁶⁸ Кассиодор, Церковная история в 3-х частях, IX, 47.
- ¹⁶⁹ Свен мстил не за своего дядю – Эрика Кровавую Секиру (см. II, 25), а за свою сестру – Гунхильду, которую Этельред II

- велел убить (вместе со всеми бывшими на острове данами) 13 ноября 1002 г.
- ¹⁷⁰ Олаф II Святой (р. 995; † 1030, 29 июля), король Норвегии в 1016–1028 гг.
- ¹⁷¹ 2 февр. 1014 г.
- ¹⁷² В 1014–1016 гг., в то время как Кнут вместе с ярлом Эриком Хаконсоном вновь завоевывали Англию.
- ¹⁷³ См. II, 39.
- ¹⁷⁴ См. IV, 10.
- ¹⁷⁵ 23 апр. 1016 г.
- ¹⁷⁶ Саллюстий, Катилина, 33, 4; Югурт. война, 14, 23.
- ¹⁷⁷ *Эдуард II Мученик* (975–978) – сын Эдгара, убитого 8 марта 978 г.
- ¹⁷⁸ *Эдуард III Исповедник* – король Англии в 1043–1066 гг.
- ¹⁷⁹ Вернее, сын Этельреда II от первого брака. Умер 30 нояб. 1016 г.
- ¹⁸⁰ Эмма († 1052) – была дочерью Ричарда I, графа Нормандии (942–996), и сестрой Ричарда II (996–1026). Её брак с Кнутом был заключён 2 июля 1017 г.
- ¹⁸¹ *Маргарита* (Эстрид) – была обручена (в 1017) с Робертом I, сыном Ричарда II, герцогом Нормандии в 1028–1035 гг.; вторично вышла замуж за ярла Ульфа (Вольфа) Спраклингсона († 1026). О её третьем браке (или первом?) с сыном короля Руси см. сх. 39.
- ¹⁸² Гиту.
- ¹⁸³ *Годвин* († 1053, 14 апр.) – герцог Уэссекса в 1020–1053 гг. После смерти Кнута возглавил национальную партию в Англии. Тесть короля Эдуарда III Исповедника.
- ¹⁸⁴ Ошибка Адама. В Иерусалим отправился и умер на обратном пути в Никее (22 июля 1135) Роберт I. Ричард III был его старшим братом и правил Нормандией в 1026–1027. Вильгельм I Завоеватель – герцог Нормандии (1035–1087), король Англии (1066–1087) – был сыном Роберта I.
- ¹⁸⁵ Бьорн – ярл Восточной Мерсии – в 1049 г. был убит Свененом, сыном Годвина.
- ¹⁸⁶ Свен II Эстридсен. См. прим. 215 к кн. I.
- ¹⁸⁷ Свен, противник сыновей Ульфа (Вольфа), умер в 1052 г.
- ¹⁸⁸ Тости пал 25 сент. 1066 г. в битве при Стамфордбридже, сражаясь против своего брата Гарольда.
- ¹⁸⁹ *Гарольд* († 1066, 14 окт.) – ярл Восточной Англии (1045) и Эссекса (1053); король Англии в 1066. Пал в битве при Гастингсе.
- ¹⁹⁰ В 1018 г. после смерти своего брата Харальда Кнут стал королём Дании.
- ¹⁹¹ Умер в 1030 г.
- ¹⁹² Архиеп. Кентерберри в 1020–1038 гг.
- ¹⁹³ Эфес., 4, 24.
- ¹⁹⁴ Генрих II умер 13 июля 1024 г.
- ¹⁹⁵ *Конрад II* (р. 990; † 1039, 4 июня) – сын Генриха, графа Шпейерского, правнук Конрада Рыжего и Лиутгарды, дочери Оттона I. Король Германии и император в 1024–1039 гг. Основатель Франконской (Салической) династии.
- ¹⁹⁶ В 1031 и 1033 гг. разгромил поляков и вернул империи Лаузиц (Мешко II – князь Польши в 1025–1034). В 1033–1036 гг. покорил лютичей.
- ¹⁹⁷ В конце 1025 г.
- ¹⁹⁸ Гунхильду (в 1035 – помолвка; в 1036 – свадьба).
- ¹⁹⁹ В 1025 г. Кнут начал войну с Олафом, а в 1028 г. изгнал его. При попытке отвоевать королевство Олаф пал в 1030 г.
- ²⁰⁰ Саллюстий, Югурт. война, 94, 5.
- ²⁰¹ См. II, 40.
- ²⁰² 2 Парал., 12, 14; 1 Цар., 7, 3.
- ²⁰³ *Олаф II Шётконунг* – сын Эрика VIII Победоносного; король Швеции в 995–1022 гг. См. II, 39; 52.
- ²⁰⁴ *Скара* – в 20 км к югу от оз. Венерн.
- ²⁰⁵ Торгут уже в 1013 г. был епископом-миссионером (см. Титмар, VII, 29). Он умер 21 февр. 1030 г. См. II, 64; сх. 135.
- ²⁰⁶ См. прим. 86 к кн. II.
- ²⁰⁷ *Анунд Яков* – король Швеции в 1020/22–1050 гг.
- ²⁰⁸ Экл., 1, 16.
- ²⁰⁹ *Уто Прибигнев* – очевидно, сын Мстислава. Был князем примерно в 1020–1029 гг.
- ²¹⁰ На Эстрид, дочери Олафа Шётконунга.
- ²¹¹ Олаф располагал верховной властью над Исландией, так что исландцы были обя-

- заны служить в норвежском ополчении.
- ²¹² Олаф погиб на пути из Швеции в Трёнделаг 29 июня 1030 г. при Стиклестаде.
- ²¹³ *Тронхейм* – город в северо-западной части Норвегии, у берегов Тронхеймс-фьорда. Древняя столица этой страны.
- ²¹⁴ В «В1», «ВЗ» и «С» добавлено: «Он правил 12 лет».
- ²¹⁵ *Геро* († 1023) – архиеп. Магдебурга в 1012–1023 гг.
- ²¹⁶ *Хунфрид* († 1051) – архиеп. Магдебурга в 1023–1051 гг.
- ²¹⁷ *Лиавицо II* († 1032, 24 авг.) – архиеп. Бремена и Гамбурга в 1029–1032 гг.
- ²¹⁸ *Гизела* (р. 989, 13 нояб.; † 1043, 15 февр.), дочь Германа II, герцога Швабии, и Герберги Бургундской. Была замужем за: 1) Эрнстом I фон Бабенбергом; 2) Бруно фон Брауншвейгом; 3) имп. Конрадом II.
- ²¹⁹ *Иоанн XIX* – римский папа с апр. 1024 г. по 6 нояб. 1032 г.
- ²²⁰ Возможно, Леденце в районе Бремен-Нейштадта.
- ²²¹ Ок. 1030 г. Авоко умер ок. 1057 г. См. IV, 8.
- ²²² Ок. 1030 г. Мейнхер умер ок. 1035/40 г.
- ²²³ Ок. 1030 г. См. II, 66; IV, 23.
- ²²⁴ Деяния, 14, 12; 15, 12.
- ²²⁵ См. II, 56.
- ²²⁶ В 1037–1038 гг.
- ²²⁷ Кнут не участвовал в этом походе, но принимал участие в коронации Конрада II в Риме 26 марта 1027 г.
- ²²⁸ *Свен* († 1036) – король Норвегии; *Харальд Заячья нога* († 1040) – король Англии; *Хардекнут* († 1042) – король Дании и Англии.
- ²²⁹ *Готтиалк* – князь ободритов в 1043–1066. Убит во время языческого восстания. См. II, 79; III, 19–22; 50–51; Гельмольд, I, 19.
- ²³⁰ Граф Титмар, брат Бернгарда II, был убит в судебном поединке 3 окт. 1048 г.
- ²³¹ Лукан, Фарсалия, I, 70.
- ²³² Товит, 14, 17.
- ²³³ Вернее 25 авг. 1032 г.
- ²³⁴ *Герман* († 1035, 18 сент.) – архиеп. Бремена и Гамбурга в 1032–1035.
- ²³⁵ *Бенедикт IX* – римский папа в 1032–1044 и 1045–1046 гг.
- ²³⁶ Матфей, 10, 16.
- ²³⁷ Еп. Бамберга в 1043–1046 гг. Римский папа (Климент II) с 25 дек. 1046 по 9 окт. 1047 г.
- ²³⁸ *Адальберт I фон Гозек* († 1072, 16 марта), архиеп. Бременский в 1043–1072 гг. 3-й сын Фридриха I фон Гозека и Агнесы Веймарской.
- ²³⁹ См. 1 Цар., 2, 22 и сл.; 3, 11 и сл.
- ²⁴⁰ В 5 км к юго-западу от Бланкенбурга в Гарце.
- ²⁴¹ *Бецелин (Алебранд)* († 1043, 15 апр.) – архиеп. Бремена и Гамбурга в 1035–1043 гг.
- ²⁴² Товит, 14, 17.
- ²⁴³ Юдифь, 8, 8.
- ²⁴⁴ См. II, 63.
- ²⁴⁵ Еп. Шлезвиг в 1026–1046 гг.
- ²⁴⁶ Еп. Риббе в 1043–1057/60 гг. См. III, 25; IV, 2.
- ²⁴⁷ Он умер 4 июня 1039 г.
- ²⁴⁸ *Генрих III* (р. 1017, 28 окт.; † 1056, 5 окт.) – ст. сын Конрада II и Гизелы. Король и император Германии в 1039–1056 гг.
- ²⁴⁹ Свен II Эстридсен. См. прим. 215 к кн. I. В Швеции он находился в 1028–1040 гг.
- ²⁵⁰ Граф Штаде в 1037–1057 гг. Маркграф Нордмарка с 1056 г.
- ²⁵¹ *Магнус I Добрый* – сын Олафа II Святого и Альфхильды. Король Норвегии в 1034–1047 гг. В 1040–1042 гг. завоевал Данию.
- ²⁵² На правом берегу Везера, ниже Бремена (в округе Блюменталь).
- ²⁵³ См. прим. 178 к кн. II.
- ²⁵⁴ Юдифь, 8, 29.
- ²⁵⁵ Осенью 1042 г.
- ²⁵⁶ *Титмар* – еп. Хильдесхайма в 1038–1044.
- ²⁵⁷ Вульфхильда.
- ²⁵⁸ *Ордульф* (р. 1022; † 1072, 28 марта) – герцог Саксонии в 1059–1072 гг.
- ²⁵⁹ Имеется в виду Харальд Торкильсон († 1042, 13 нояб.) – сын ярла Торкиля и Гунхильды, дочери одной из сестёр Кнута Великого и славянского князя Виртеорна.
- ²⁶⁰ Саллюстий, Катилина, 51, 33.
- ²⁶¹ Битва при Люршаухейде 28 сент. 1043 г., в которой приняли участие саксы во главе с Ордульфом. В 1043 г. датчане, разрушив Юмну, укрепились также в устье Одера.

- ²⁶² Цицерон, Против Катилины, I, 1.
²⁶³ Лукан, Фарсалия, I, 70.
²⁶⁴ В округе Арнсберг (Рур. обл.).
²⁶⁵ Зимой 1038/39 г. В «С» добавлено: «Придя в Бремен, она сделала много добра как братьям этой церкви, так и всем местным жителям, а затем вместе с архиепископом посетила Лезум».
²⁶⁶ В среду 30 марта 1043 г.
²⁶⁷ В 20 км к северу от Бремена (в округе Остерхолц). В «В» добавлено: «Шармбек или Штаде, как утверждают другие».
²⁶⁸ Левит, 23, 5; Числа, 28, 16.
²⁶⁹ *Энгельхард* († 1063, 31 авг.) – архиеп. Магдебурга в 1051–1063 гг.
²⁷⁰ Канцлер Генриха III.
²⁷¹ 1 Кор., 5, 8.
²⁷² Лука, 16, 9.

Книга третья

- ¹ Бенедикта IX. См. прим. 235 к кн. II.
² Саллюстий, Катилина, 4, 5.
³ Саллюстий, Катилина, вступ.
⁴ В начале 1066 г.
⁵ Он был младшим сыном Фридриха фон Гозека, пфальцграфа Саксонии, и Агнесы Веймарской, а также состоял в родстве с архиепископом Унваном.
⁶ Саллюстий, Югурт., 96, 2.
⁷ См. III, 40.
⁸ Овидий, Метаморфозы, III, 136 и сл.
⁹ См. Ламберт, 1072 г.; Бруно, О саксонской войне, 2–4.
¹⁰ Рим., 2, 1.
¹¹ См. III, 69.
¹² См. II, 69; 82.
¹³ Вергилий, Энеида, I, 936.
¹⁴ В 1049 г. См. III, 30.
¹⁵ В 1066/67 г.
¹⁶ Бытие, 42, 9.
¹⁷ В 1059/60 г. – неудачный поход в поддержку короля Андрея I. В 1063 г. – новый поход, завершившийся возведением на венгерский престол Соломона (правил 1063–1074; † 1087), зятя Генриха IV.
¹⁸ В 1045 г. поход против лютичей.
¹⁹ В сент. 1046 – мае 1047 гг.
²⁰ Весной 1049 г.
²¹ См. III, 32; 43.
²² 25 дек. 1046 г.
²³ Летом 1047 г.
²⁴ В 10 км ниже Ниенбурга, на левом берегу Везера.
²⁵ *Готфрид II Бородатый* – герцог Верхней Лотарингии в 1044–1048 гг.
²⁶ 30 сент. 1048 г. (Ламберт Херсф.). Согласно Люнебургскому некрологу Титмар умер 3 окт.
²⁷ Его тоже звали Титмар.
²⁸ См. II, 48.
²⁹ Псал., 73, 22; 88, 51.
³⁰ Эфес., 5, 16.
³¹ Гораций, Песни, II, 10, 5.
³² В 1051 г. См. Анналы Бремена; Анналы Гамбурга.
³³ В 1060/61 г. Зюльберг – селение в Бланкенезе, на правом берегу Эльбы, ниже Гамбурга.
³⁴ *Эсбек* – селение в районе г. Реебург (к северо-востоку от Миндена).
³⁵ *Гозек* – селение на р. Заале, между Наумбургом и Вейсенфельсом. Наследственное владение Адальберта и его братьев.
³⁶ 1 Макк., 1, 3; Захария, 9, 10. – Имеется в виду Исландия.
³⁷ Ярла Готланда.
³⁸ Неверно. Свен II Эстрисен утвердился (в 1045–1046) только в Дании. В Норвегии стал править Харальд III Гардрад (1047–1066 гг.).
³⁹ Бытие, 40, 23.
⁴⁰ Очевидно, Гунхильду, дочь Свена Хаконсона, ярла Тронхейма, и Холмфриды, дочери шведск. короля Олафа Шётконунга.
⁴¹ Очевидно, Льва IX (1048–1054).
⁴² 3 Цар., 11, 14; 23.
⁴³ Харальд III Гардрад. См. прим. 38.
⁴⁴ В 1049 г. См. II, 54.
⁴⁵ Дословно взято из Эйнхарда «Жизнь Карла», 1.

- ⁴⁶ Эдмунд III Негодный – король Швеции в 1050–1060 гг.
- ⁴⁷ Осмунд – племянник норвежского еп. Зигфрида (см. II, 57). Был посвящён Стефаном I, архиеп. Гнезно, в 1038–1058. Умер ок. 1070 г. в английском монастыре Эли.
- ⁴⁸ То есть Эдмунду Негодному.
- ⁴⁹ Деяния, 5, 41.
- ⁵⁰ Епископ готов в Скаре примерно в 1051–1064 гг. См. II, 33; IV, 23; сх. 67, 94, 135.
- ⁵¹ Стенкиль I – король Швеции в 1060–1066. Зять Эдмунда Негодного.
- ⁵² См. II, 12.
- ⁵³ См. IV, 19 и сх. 123.
- ⁵⁴ В 1056 г.
- ⁵⁵ Между оз. Венерн и Норвегией. См. сх. 67; IV, 23.
- ⁵⁶ Адам преувеличивает. Харальд III выступал против юрисдикции Гамбургской церкви, но не против христианской веры.
- ⁵⁷ Лукан, Фарсалия, X, 34.
- ⁵⁸ 2 Парал., 33, 6.
- ⁵⁹ См. II, 40; 57.
- ⁶⁰ 2 Макк., 7, 16.
- ⁶¹ В 1066 г. См. III, 52.
- ⁶² Александр II (Ансельм из Лукки) – римский папа с 1 окт. 1061 г. по 21 апр. 1073 г.
- ⁶³ В конце 1052 г. или в начале 1053 г.
- ⁶⁴ 11 апреля 1053 г. (на Пасху) в Мерзебурге.
- ⁶⁵ См. II, 66; 79.
- ⁶⁶ Сигрид.
- ⁶⁷ Исход, 4, 16; 18, 19.
- ⁶⁸ Эццо († 1082) – посвящён где-то в 1055–1060 гг. В 1066 г. изгнан.
- ⁶⁹ Убит в 1066 г. во время языческого восстания. См. III, 51; 76.
- ⁷⁰ Примерно в 1056–1057 гг. (перед смертью герцога Бернгарда II).
- ⁷¹ Псал., 93, 1.
- ⁷² Орозий, Против язычников, II, 6, 9.
- ⁷³ 2 Кор., 11, 21.
- ⁷⁴ Псал., 67, 6.
- ⁷⁵ Во время регентства в 1062 – нач. 1066 гг.
- ⁷⁶ Окончание главы почти дословно повторено ниже: III, 73.
- ⁷⁷ Ок. 1057–1060 гг. Диоцез Вала был разделён на следующие 4 епархии: 1) Орхус (сюда был поставлен еп. Христиан); 2) Риббе (еп. Отто); 3) Виборг (еп. Хериберт); 4) Вендила (позднее Йоринг; еп. Магнус). Кроме этих в Дании были также епархии в Шлезвиге, Оденсе, Роскилле, Лунде и Дальби.
- ⁷⁸ Матфей, 9, 38.
- ⁷⁹ См. III, 77 и IV.
- ⁸⁰ См. III, 9.
- ⁸¹ «Нойебург» на острове возле позднейшей церкви св. Николая.
- ⁸² Исход, 19, 16 и сл.
- ⁸³ Монастырь Симеона и Иуды (1050) и обитель св. Петра (1062).
- ⁸⁴ Имеется в виду Бернгард II фон Верл († ок. 1079/89), который владел Эмсгау (в районе Эмдена и Леера). Его графство перешло к Бремену в окт. 1063 г.
- ⁸⁵ Имеется в виду Экберт фон Брауншвейг, маркграф Мейсена в 1038–1068 гг. Он, очевидно, владел Хунесго и Фивельго. Эти графства достались Адальберту в апреле 1057 г. В 1066 г. утеряны.
- ⁸⁶ Зинциг – город у впадения в Рейн р. Ар, к востоку от г. Бад-Нойенар-Арвайлер.
- ⁸⁷ В 10 км к северу от Гёттингена.
- ⁸⁸ В саксонском графстве Дренте.
- ⁸⁹ Дуйсбург – город на р. Рейн к северу от Дюссельдорфа.
- ⁹⁰ Лев IX – римский папа с 12 февр. 1049 г. по 19 апр. 1054 г.
- ⁹¹ 19 окт. 1049 г.
- ⁹² Бардо († 1051) – архиеп. Майнца в 1031–51.
- ⁹³ Эберхард († 1066 г. 15 апр.) – архиеп. Трира в 1047–1066 гг.
- ⁹⁴ См. прим. 50 к сколиям.
- ⁹⁵ Сибико († 1051, 16 февр.) – еп. Шпейера в 1039–1051 гг.
- ⁹⁶ Бонифаций II – маркграф Тосканы. Умер 6 мая 1052 г.
- ⁹⁷ Герцог Верхней Лотарингии. См. прим. 25 к кн. III.
- ⁹⁸ Отто II фон Нортхейм (р. ок. 1020; † 1083, 11 янв.) – герцог Баварии в 1061–1070 гг. Сын графа Бенно фон Нортхейма. Злейший враг имп. Генриха IV.
- ⁹⁹ Балдуин V – граф Фландрии в 1035–67 гг.

- ¹⁰⁰ Вергилий, Энеида, VI, 854.
- ¹⁰¹ *Константин IX Мономах* – император Византии в 1042–1054 гг.
- ¹⁰² *Генрих I* – король Франции в 1031–1060 гг.
- ¹⁰³ Видимо, Генрих III.
- ¹⁰⁴ В 12 км к северо-востоку от Хейде, близ Холлингштета (Дитмаршен).
- ¹⁰⁵ Лев IX умер 19 апр. 1054 г. (в 11-й год Адальберта), а Генрих III – 5 окт. 1056 г. (в 14-й год архиепископа).
- ¹⁰⁶ Саллюстий, Катилина, 39.
- ¹⁰⁷ То есть к Генриху IV и его матери Агнесе де Пуату (регентше в 1056–1062 гг.).
- ¹⁰⁸ Лука, 22, 24.
- ¹⁰⁹ Жизнь Виллеброрда, 23.
- ¹¹⁰ *Анно II* († 1075, 4 дек.) – архиеп. Кёльнский в 1056–1075 гг. В 1062–1065 гг. – фактический правитель королевства (при малолетнем имп. Генрихе IV).
- ¹¹¹ Опека над малолетним Генрихом IV перешла в 1062 г. к архиепископу Анно. В июне 1063 г. участие в управлении королевством принял Адальберт Бременский. Вскоре ему удалось оттеснить Анно, который отбыл в 1064 г. в Италию, чтобы решить вопрос выборов папы.
- ¹¹² Притчи, 22, 9.
- ¹¹³ См. III, 78.
- ¹¹⁴ *Вецило* (Вернер) – архиеп. Магдебурга в 1063–1077 гг.
- ¹¹⁵ *Бурхард II* – приор Гослара; еп. Хальберштадта в 1059–1088 гг.
- ¹¹⁶ *Конрад* (Куно) († 1066, 1 июля) – архиеп. Трира в 1066 г.
- ¹¹⁷ *Эйльберт* – еп. Миндена в 1055–1080 гг.
- ¹¹⁸ *Вильгельм* – еп. Утрехта в 1054–1076 гг.
- ¹¹⁹ *Равенгер* – патриарх Аквилеи с 1063 г.
- ¹²⁰ *Эберхард* – еп. Пармы с 1072 г.
- ¹²¹ См. III, 77. Дословно: Эйнхард, Жизнь Карла, 21.
- ¹²² Гораций, Сат., I, 2, 2.
- ¹²³ Саллюстий, Югурт. война, 16, 3.
- ¹²⁴ Саллюстий, Катилина, 5, 8.
- ¹²⁵ Очевидно, в конце 1063 г. – после похода в Венгрию и рейхстага в Регенсбурге (окт. 1063). Впрочем, вскоре (в нач. 1066) все эти крепости были разрушены (см. III, 44).
- ¹²⁶ Саллюстий, Катилина, 52, 28; Теренций, Евнух, 222.
- ¹²⁷ Лукан, Фарсалия, VII, 124.
- ¹²⁸ Свитгером. См. III, 57.
- ¹²⁹ Саллюстий, Катилина, 37, 5.
- ¹³⁰ Лукан, Фарсалия, VIII, 493.
- ¹³¹ Ювенал, Сатиры, I, 161.
- ¹³² Бытие, 18, 19; Евр., 13, 2.
- ¹³³ Исход, 10, 11.
- ¹³⁴ Псал., 112, 7.
- ¹³⁵ Бытие, 44, 4.
- ¹³⁶ Псал., 106, 39.
- ¹³⁷ 3 Цар., 19, 10.
- ¹³⁸ Очевидно, в 1058 г.
- ¹³⁹ Вергилий, Энеида, VIII, 648.
- ¹⁴⁰ См. аналогичный рассказ у Фредегара, III, 12.
- ¹⁴¹ Матфей, 8, 26.
- ¹⁴² 29 июня 1059 г.
- ¹⁴³ *Герман* (р. ок. 1025; † 1086, 25 мая) – граф в Саксонии.
- ¹⁴⁴ В авг. – сент. 1063 г. См. III, 6; 7; 32.
- ¹⁴⁵ Весной – летом 1064 г.
- ¹⁴⁶ Судьи, 3, 30. – В конце 1065 г.
- ¹⁴⁷ В 6 км к югу от Куксхафена.
- ¹⁴⁸ В 10 км к северо-востоку от Остерхольца.
- ¹⁴⁹ См. III, 8; 28; 49.
- ¹⁵⁰ Графство Штаде. – Удо II – маркграф Нордмарка в 1057–1082 гг.
- ¹⁵¹ В 1063 г. – Имеется в виду Бернгард II фон Верл. См. III, 28, и прим. 84 к кн. III.
- ¹⁵² См. III, 3.
- ¹⁵³ См. II, 67 и сх. 47.
- ¹⁵⁴ Марк, 13, 8.
- ¹⁵⁵ Саллюстий, Югурт. война, 55, 3.
- ¹⁵⁶ Псал., 160, 8; 5, 7; 13, 4.
- ¹⁵⁷ В январе 1066 г.
- ¹⁵⁸ Бытие, 16, 12.
- ¹⁵⁹ Псал., 136, 7; Исайя, 53, 8; Иеремия, 11, 19.
- ¹⁶⁰ *Магнус* († 1106, 23 авг.) – сын Ордульфа; герцог Саксонии в 1072–1106 гг.
- ¹⁶¹ Саллюстий, Катилина, 26, 2.
- ¹⁶² В 12 км к востоку от Гослара.
- ¹⁶³ В нач. 1066 г. они сразу же заняли Фивельго, Хунесго и Эмсгау, а Удо занял графство Штаденское.
- ¹⁶⁴ Бытие, 15, 16; Псал., 101, 14; Матфей, 18, 7;

- 1 Кор., 11, 19.
- ¹⁶⁵ Ленцен – город на р. Локниц, недалеко от Эльбы.
- ¹⁶⁶ 1066 г.
- ¹⁶⁷ Сигрид. См. III, 19.
- ¹⁶⁸ Генрих бежал в 1066 г. в Данию. В 1093–1127 – князь ободритов в Старом Любеке.
- ¹⁶⁹ Бутуй пал 8 авг. 1075 г. при Плёне. См. Гельмольд, I, 25.
- ¹⁷⁰ Псал., 78, 1.
- ¹⁷¹ 5 янв. 1066 г.
- ¹⁷² 25 сент. 1066 г. в битве при Стамфорд-бридже.
- ¹⁷³ Вильгельм Завоеватель высадился в Англии 1 окт. 1066 г. Битва при Гастингсе произошла 12 окт. 1066 г.
- ¹⁷⁴ Ланфранк – аббат Бека (Норм.), архиеп. Кентербери в 1070–1089 гг.
- ¹⁷⁵ Адам ошибается. Оба сына Стенкиля I († 1066) остались живы. Так, письма Григория VII от 1080 и 1081 гг. обращены к И., королю шведов, и А., королю вестготов, то есть, согласно сагам, к Инги и Адальстену, сыновьям Стенкиля I. Видимо, Инги следует отождествить с упомянутым Адамом Анундом. Ок. 1080 Инги был низложен, возможно, из-за того, что не хотел приносить жертвы языческим богам.
- ¹⁷⁶ Сыновей Харальда III Гардрада – Магнуса II (1066–1069 гг.) и Олафа III Тихого (1067–1093 гг.).
- ¹⁷⁷ В 1069 г. в период новой политической активности Адальберта.
- ¹⁷⁸ См. III, 21, сх. 72.
- ¹⁷⁹ Он вернулся в Бремен из Лохтума в 1067 г.
- ¹⁸⁰ Деди фон Гозек († 1056 г. 5 мая) – пфальцграф Саксонии. Сын пфальцграфа Фридриха I.
- ¹⁸¹ Матфей, 25, 19; 18, 23.
- ¹⁸² Саллюстий, Югурт. война, 91, 7.
- ¹⁸³ Филипп., 3, 19.
- ¹⁸⁴ Деяния, 15, 20; 29; Исая, 5, 25; Левит, 11, 11.
- ¹⁸⁵ Исход, 32, 9.
- ¹⁸⁶ Псал., 31, 9.
- ¹⁸⁷ Псал., 88, 33.
- ¹⁸⁸ Захария, 1, 15.
- ¹⁸⁹ Лука, 12, 42.
- ¹⁹⁰ Сулла – древнеримский диктатор в 82–79 гг. до н. э.
- ¹⁹¹ Уже в 1069 г. Но только в 1071 г. окончательно вернул себе прежнее влияние.
- ¹⁹² См. Лукан, Фарсалия, II, 130; Орозий, Против язычников, V, 19, 3.
- ¹⁹³ См. III, 33.
- ¹⁹⁴ В июле 1071 г. См. Ламберт, 1073 г.; Бруно, О саксонской войне, 20.
- ¹⁹⁵ То есть Баварию.
- ¹⁹⁶ Вельф I – герцог Баварии в 1070–1101 гг.
- ¹⁹⁷ То есть на Пасху 1072 г.
- ¹⁹⁸ См. Эйххард, Жизнь Карла, 32.
- ¹⁹⁹ Персий, Сат., III, 118.
- ²⁰⁰ См. III, 39.
- ²⁰¹ 2 Тим., 4, 4.
- ²⁰² См. III, 57.
- ²⁰³ Гораций, Письма, I, 1, 100.
- ²⁰⁴ См. III, 38.
- ²⁰⁵ Фридрих II фон Гозек († 1088, 27 мая) – пфальцграф Саксонии в 1056–1088 гг.
- ²⁰⁶ 2 Парал., 33, 6. – См. III, 47.
- ²⁰⁷ Псал., 17, 26; 2 Цар., 22, 26.
- ²⁰⁸ 4 Цар., 20, 3; Исая, 38, 3.
- ²⁰⁹ Псал., 109, 1; Матфей, 22, 44.
- ²¹⁰ В 1072 г., уже после смерти Адальберта.
- ²¹¹ Исход, 10, 21.
- ²¹² 1 Фессал., 5, 2.
- ²¹³ Матфей, 25, 13.
- ²¹⁴ Псевдо-Августин, Речи, 220, 2.
- ²¹⁵ В пятницу, 16 марта 1072 г.
- ²¹⁶ Вергилий, Энеида, XI, 831; XII, 952.
- ²¹⁷ Исая, 5, 20.
- ²¹⁸ Ювенал, Сатиры, III, 30.
- ²¹⁹ 1 Петр., 1, 24.
- ²²⁰ Иеремия, 2, 24.
- ²²¹ Экклез., 6, 10; Лука, 8, 13.
- ²²² Псал., 105, 45.
- ²²³ В 1046–1047 гг. от Виталия Орсеоло, еп. Торчелли (в 1013–1048 гг.).
- ²²⁴ 25 марта 1072 г.
- ²²⁵ Галат., 4, 27.
- ²²⁶ Экклез., 23, 28.
- ²²⁷ Иов, 39, 35.
- ²²⁸ Вернее, 15: 12 – в Гамбурге и 3 – в Бремене.
- ²²⁹ Иоанн, 13, 8.
- ²³⁰ Между Бассумом и Сике, к югу от Бремена.

- ²³¹ См. сх. 89.
²³² Псал., 136, 3.
²³³ Иеремия, 14, 19.
²³⁴ Псал., 125, 4.
²³⁵ Псал., 7, 12.
²³⁶ Псал., 82, 13; 73, 8; 82, 5; 43, 24; 73, 23; 122, 3; 68, 27.
²³⁷ См. III, 72; IV, 36.
²³⁸ Даниил, 13, 42.
²³⁹ I Цар., 16, 7.
²⁴⁰ Здесь заканчивается первая и основная часть третьей книги. Далее следуют позднейшие добавления Адама (гл. 72–78).
²⁴¹ Почти дословно из III, 24.
²⁴² Матфей, 9, 37.
²⁴³ Собор планировалось провести (в Шлезвиге, ок. 1065 г.) в контексте планов Адальберта по учреждению северной патриархии.
²⁴⁴ *Эйльберт* – еп. Фюне и Фаррии (Гельго-ланда) в 1046–1072 гг.
²⁴⁵ Письмо папы Александра II было написано, очевидно, либо в 1062 г., либо в 1071 г.
²⁴⁶ Вильгельму.
²⁴⁷ *Адальвард Младший* – декан в Бремене, епископ Сигтуны в 1064–1070 гг.
²⁴⁸ *Сигтуна* – город на оз. Меларен, между Стокгольмом и Упсалой.
²⁴⁹ В Сконе, к востоку от Лунда.
²⁵⁰ *Адальвард Старший* – еп. Скары в 1051–1064 гг. См. II, 33; III, 15; IV, 23. – Ацилин – приор в Бремене (1061), еп. Скары (1064). В Швецию так и не прибыл. См. IV, 23.
²⁵¹ Адальвард Младший. См. выше прим. 247.
²⁵² *Тадиго из Рамельсло* – еп. Сигтуны ок. 1070/71 г. В Швецию так и не прибыл. См. IV, 30.
²⁵³ *Симеон-Стенфи* – епископ-миссионер для Лапландии. См. IV, 24. – *Хильтин-Иоанн* († 1071 г.) – аббат Гозека, епископ-миссионер в Бирке (ок. 1062 г.).
²⁵⁴ См. III, 15.
²⁵⁵ См. IV, 35; III, 24.
²⁵⁶ Матфей, 20, 3; 21, 39. – Имеются в виду Ацилин, Тадиго и Хильтин-Иоанн.
²⁵⁷ Фил., 2, 21.
²⁵⁸ Еп. Бранденбурга в 1049–1063 (?) гг.
²⁵⁹ Иов, 1, 1.
²⁶⁰ См. III, 21; 51.
²⁶¹ Саллюстий, Катилина, 7, 2.

Книга четвертая

- ¹ Жизнь Ансария, 25.
² *Вендила* – остров к северу от Лимфьорда (датские амты Вендзиссел и Тиланд).
³ *Ольборг* – город на севере Ютландии, к югу от Лимфьорда.
⁴ См. IV, 5; 11; 33.
⁵ См. II, 68. – Иеремия, 17, 6; Втор., 32, 10.
⁶ Сембия – земля сембов, прусского племени.
⁷ Жизнь св. Виллиброрда, 10.
⁸ Пролив Каттегат.
⁹ Фюн расположен к западу, а не к югу от Зеландии.
¹⁰ Неверно. Сконе прочно связан с остальной частью Швеции.
¹¹ *Блекинги* – племя на побережье Швеции между Сконе и о. Эланд.
¹² О. Борнхольм.
¹³ То есть в 1072 г.
¹⁴ См. II, 19.
¹⁵ Эйнхард, Жизнь Карла, 12.
¹⁶ Гардрада.
¹⁷ См. II, 22. – Вероятно, имеется в виду Ладога.
¹⁸ Эйнхард, Жизнь Карла, 12.
¹⁹ См. Марциан Капелла, VI, 664; 693; Солин, XVI.
²⁰ Свearике в районе оз. Меларен с городами Бирка, Сигтуна и Упсала.
²¹ См. IV, 19.
²² Финно-угорские племена: виссы = весь – между верхней Волгой и Двиной; мирры = меря – на верхней Волге; ламы = емь – в Финляндии; скуты = чудь – в Эстонии и на Двине; турки – племена в районе г. Турку в Финляндии.
²³ Тихольм в Лимфьорде.
²⁴ Седьмой остров так и не назван Адамом.

- ²⁵ Ныне Борнхольм. Хотя здесь, очевидно, речь идёт об о. Готланд, который был крупным торговым центром в эпоху викингов и о котором Адам ни разу не упомянул.
- ²⁶ Мён.
- ²⁷ Фемарн. Далее (IV, 18) этот же остров Адам называет Фембре, очевидно, полагая, что это два разных острова.
- ²⁸ Курляндия. Адам ошибочно считает её островом.
- ²⁹ Жизнь Анскария, 30.
- ³⁰ Очередная ошибка Адама.
- ³¹ Фемарн. См. выше, прим. 27.
- ³² Рюген. Принадлежал ранам, которые входили в состав племенного союза лютичей.
- ³³ Еп. Праги в 982/3–997 гг. Пытался обратиться в христианство пруссов, но был ими убит. Святой католической церкви.
- ³⁴ Имеется в виду Финляндия. Финское «*Kainulaiset*» («Финляндия») шведы переводили как «*Quanland*» (т. е. «страна женщин»). Отсюда подобные измышления Адама.
- ³⁵ Аналогичные сказки об африканских блеммийцах см. у Солина (31, 5; 52, 27).
- ³⁶ В «А3» добавлено: «Так полагают. По сути же каждая женщина имеет одного мужа, как то содержится в их письме к Александру Великому. Там среди прочего сказано: «Если вы хотите узнать о нашем образе жизни, то он таков: Мы живём по ту сторону реки и насчитываем 214 000 женщин, живущих отдельно от мужчин. Наши мужчины не живут среди нас, но обитают на другом берегу реки. Каждый год мы в течение 30 дней справляем праздник Юпитера. Тот, кто хочет жить со своей женщиной в радости, владеет ею в течение года. Если женщина во время родов рождает мальчика, то отец удерживает его при себе, а если девочку, то отец также забирает её с собой, но через семь лет возвращает матери. Когда мы идём сражаться с кем-либо, мы выступаем в числе 100 000 всадниц; остальные охраняют наш остров». Но вернёмся к теме. На указанном острове живут киноскефалы, которые...».
- ³⁷ Весь. См. выше.
- ³⁸ У Иордана и Орозия.
- ³⁹ У Вергилия (Георгики, III, 462).
- ⁴⁰ Марциан Капелла, VI, 663.
- ⁴¹ См. III, 77 и сх. 94.
- ⁴² Солин, 20, 1; Орозий, I, 2, 53.
- ⁴³ Лукан, Фарсалия, II, 51.
- ⁴⁴ Фил., 2, 21.
- ⁴⁵ Шведское племя к северу от оз. Венерн.
- ⁴⁶ Область (а не город) к северу от Свеаланда в районе Худиксвалы.
- ⁴⁷ См. III, 77.
- ⁴⁸ Солин, 31, 6, помещает имантоподов в Африке.
- ⁴⁹ Жизнь Анскария, 26.
- ⁵⁰ Лука, 21, 28; Иоанн, 4, 35.
- ⁵¹ *Сёдертелье* – город к югу от оз. Меларен, в 20 км к юго-западу от Стокгольма.
- ⁵² В 1066 г.
- ⁵³ См. III, 77.
- ⁵⁴ Со времён Харальда I Синезубого даны притязали на верховную власть над Норвегией. Впрочем, фактически их влияние ограничивалось лишь южными районами страны (Вик).
- ⁵⁵ Захария, 8, 19.
- ⁵⁶ 1 Кор., 2, 2.
- ⁵⁷ Вергилий, Энеида, XI, 344; Ювенал, Сатиры, VI, 402.
- ⁵⁸ Область в Южной Норвегии с городами Сарпсборг, Тёнсберг и Скирингсаль.
- ⁵⁹ См. II, 37.
- ⁶⁰ См. II, 57.
- ⁶¹ См. Марциан Капелла, VI, 603; 617; 664; Солин, 23, 17.
- ⁶² Орозий, I, 2, 78. – Он называет 13 обитаемых островов.
- ⁶³ Марциан Капелла, VI, 666.
- ⁶⁴ Биргисхерад. Ныне Бирсей на о. Помона.
- ⁶⁵ Орозий, I, 2.
- ⁶⁶ Солин, 22, 9.
- ⁶⁷ Беда Достопочтенный, «О смысле времён», 31. – Пифей из Массилии известен также благодаря Плинию Старшему («Естественная история», II, 75).

- ⁶⁸ 1 Тим., 6, 8.
- ⁶⁹ Эти письма утеряны. О миссионерских планах Адальберта см. III, 70; 72.
- ⁷⁰ Рим., 15, 24.
- ⁷¹ Неверное объяснение.
- ⁷² См. III, 24; 73.
- ⁷³ Гельголанд (Фаррия).
- ⁷⁴ Речь идёт о побережье Северной Америки, колонизованном викингами. Винландом («страной винограда») эти края называли потому, что там в силу существовавших в X–XI вв. климатических условий вызревал виноград.
- ⁷⁵ Марциан Капелла, VI, 666.
- ⁷⁶ Харальд III Гардрад.
- ^a В «3а» добавлено: «То же самое автору этих строк рассказал некий известный картограф, и это правда. Это место зовётся на их языке Гиммендегоп. Королевского капитана звали Олиден Хельгессен, а шкипера – Гуннар Расвен».
- ^b Так только в «А» и «С2». Но в «С2» вместо «кроме бескрайнего океана» стоит: «кроме того моря, что зовётся Либерзее».
- ⁷⁷ Этот фантастический город упоминается и у Саксона Грамматика (VIII, 160).
- ⁷⁸ См. Марциан Капелла, VI, 72, и Солин, 56, 17, об острове Канарии.
- ⁷⁹ Комментарий на сон Сципиона, II, 9, 3.
- ⁸⁰ О природе вещей, 39.
- ⁸¹ Фарсалия, I, 409–419; X, 219–267.
- ⁸² Псал., 103, 24.
- ⁸³ Псал., 88, 12.
- ⁸⁴ Псал., 88, 10.
- ⁸⁵ Псал., 35, 7.
- ⁸⁶ Рим., 11, 33.
- ⁸⁷ В «А3» вместо этого: «Вот то, что мы узнали о природе северных стран от правдивых и древних авторов. Прочее рассказывают те, которые «отправляются на кораблях в море и производят дела на больших водах. Ибо они видели дела Господа и чудеса Его в пучине» (Псал., 106, 23–24). С 832 по 1072 гг.
- ⁸⁸ С 832 по 1072 гг.
- ⁸⁹ Евр., 13, 14; Псал., 26, 13.
- ⁹⁰ Лукан, Фарсалия, I, 446.
- ⁹¹ Псал., 76, 11.

Эпилог

- ¹ Ювенал, Сатиры, VI, 184; VIII, 188.
- ² Катон Старший, цензор 184 г. до н. э.
- ³ Марк, 12, 42; Лука, 21, 2.
- ⁴ Лиemar вступил в должность архиепископа на Троицу (27 мая) 1072 г.
- ⁵ Смертью Адальберта.
- ⁶ Вергилий, Энеида, XI, 631.
- ⁷ Лиemar был посредником на переговорах между Генрихом IV и восставшими саксами летом и осенью 1075 г.

Схолии

- * В скобках – нумерация схолий по Лаппенбергу.
- ¹ Вернее, Стефан II (752–757), предшественник Павла I (757–767).
- ² *Рюстринген* – округ к западу от нижнего течения Везера и в бассейне р. Яде.
- ³ *Вангеланд* – округ на берегу Северного моря, в районе Евера.
- ⁴ *Дисмери* – округ в районе Витмунда.
- ⁵ *Харлингерланд* – приморский округ в районе Эзенса.
- ⁶ *Морсети* – округ в районе Аураха.
- ⁷ Ныне – Гееестрандмоор между Рюстрингеном и Аммеригау.
- ⁸ У Лаппенберга схолия 4 = схолия 119.
- ⁹ Жизнь Ансария, 12.
- ¹⁰ Весной 1049 г. после похода имп. Генриха III против Балдуина V, графа Фландрии, в котором принял участие архиепископ Адальберт. См. III, 6.
- ¹¹ См. Фульд. анналы; Адам, I, 37.
- ¹² Стефаном VI (896–897). – См. Фульд. анналы; Регенсб. прод. 896 г.
- ¹³ Литупранд, Антаподосис, I, 36; Корв. анналы, 899 г.
- ¹⁴ Стефан V.
- ¹⁵ Фульк – архиеп. Реймса в 883–900 гг.
- ¹⁶ Штёр.

- 17 Калькберг близ Зегеберга.
- 18 *Изарнхо* – лесной массив в Гольштейне.
- 19 Тюрко-язычные племена в южнорусских степях, враждебные Руси.
- 20 Левый приток Эльбы к северу от Магдебурга.
- 21 Беда Достопочтенный, Церковная история, I, 1.
- 22 Ныне Ричборо в Кенте. Рутубии – одно из племён бриттов.
- 23 Ирландия.
- 24 См. Титмар, II, 14; Видукинд, III, 64; Адам, II, 35.
- 25 *Вацлав I Святой* – князь Чехии в 921–929/35 гг. 25 сент. 935 г. (929?) был убит своим братом Болеславом I (935–972 гг.).
- 26 Болеслав I Храбрый († 1025) – сын Мешко I; князь Польши в 992–1025 гг.; король (1025).
- 27 Сигрид Гордую. Она была сестрой Болеслава I, дочерью Мешко I.
- 28 Еп. Праги в 982–997 гг. Был замучен пруссами. Его мощи Болеслав I перенёс в Гнезно. См. Титмар, IV, 28; 45.
- 29 То есть Оди́нкар (от «*Odin*» – «Бог», «*saigus*» – угодный).
- 30 Неверно. Олаф Трюгвасон как раз и носил прозвище «Воронья нога».
- 31 В 981 г. Мстислав, сын князя ободритов Мистуи, принял участие в итальянском походе имп. Оттона II. См. Гельмольд, I, 16.
- 32 *Дитрих* († 985, 25 авг.) – маркграф Нордмарка в 965–985 гг. из рода графов Хальденслебен.
- 33 См. сх. 15.
- 34 Вернее, Мстислав. Он бежал в 1018 г. в Бардовик. См. Титмар, VIII, 5.
- 35 Неверно.
- 36 *Гизела* (р. ок. 984; † 1045) – дочь Генриха II Сварливого, герцога Баварии. Жена (996) Стефана I Святого, короля Венгрии в 997–1038 гг. (в 1000 г. принял от папы королевскую корону).
- 37 См. II, 29.
- 38 Устранив кандидата Отто. См. II, 29.
- 39 В оригинале – Винландия.
- 40 Хардекнут.
- 41 Эдуард II Мученик.
- 42 Вернее, Этельреда II.
- 43 См. прим. 181 к кн. II. А. В. Назаренко считает, что Эстрид вышла замуж за Илью Ярославича, старшего сына Ярослава Мудрого (от первого брака). Этот (первый для Эстрид) брак он относит к концу 1018 – началу 1019 гг. (*Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях.* – М., 2001).
- 44 См. II, 81.
- 45 См. III, 51.
- 46 См. II, 46; 49.
- 47 На р. Эйтер, в округе Хойя.
- 48 То есть Бенедикт IX (см. прим. 235 к кн. II), Сильвестр III (антипапа с 10 янв. 1045 г. по 20 дек. 1046 г.) и Григорий VI (антипапа с 1 мая 1045 г. по 20 дек. 1046 г.). Последних двух Генрих III низложил на соборе в Сутри 20 дек. 1046 г., а Бенедикта IX – на соборе в Риме.
- 49 См. сх. 42; II, 81; III, 30; сх. 76.
- 50 *Герман II* – архиеп. Кёльна в 1036–1065 гг. Тяжба была улажена в мае 1040 г.
- 51 *Бруно II* – еп. Вердена в 1034–1049 гг. Брат Титмара, еп. Мерзебурга.
- 52 3 апр. 1043 г.
- 53 Елизавету, дочь Ярослава Мудрого, великого князя Киевского в 1019–1054 гг.
- 54 Анастасию.
- 55 *Андрей I* – король Венгрии в 1046–1060 гг.
- 56 Анне.
- 57 Филиппа I Толстого – короля Франции в 1060–1108 гг.
- 58 Неверно.
- 59 *Гриффит*, король Уэльса. Он неоднократно терпел поражения в войнах с Харальдом. Наконец в 1064 г. он был убит собственными людьми, а голова его отослана к Харальду.
- 60 То есть завоевание Англии норманнами в 1066 г.
- 61 *Гута* была второй женой Свена II Эстридсена, а *Тора* – наложницей последнего. См. сх. 72.
- 62 То же см. II, 33 и сх. 135.

- ⁶³ См. сх. 66.
- ⁶⁴ Исход, 9, 16; Рим., 9, 17.
- ⁶⁵ В 1046–1047 гг. – Имеется в виду Куниберт – еп. Турина в 1046–1082 гг.
- ⁶⁶ Лев IX.
- ⁶⁷ См. Лоршскую хронику, SS. XXI, стр. 41.
- ⁶⁸ Стефана Первомученика. См. Деяния, 7, 60.
- ⁶⁹ Славяне признавали верховную власть Карла Великого, но оставались язычниками.
- ⁷⁰ Елизавету Русскую, вдову Харальда III Гардрада, мать Олафа III Тихого, короля Норвегии в 1067–1093 гг.
- ⁷¹ Олаф III Тихий женился на Ингигерде, дочери Свена II Эстридсена.
- ⁷² Есфирь, 16, 6.
- ⁷³ К лопарям.
- ⁷⁴ См. III, 21.
- ⁷⁵ Отсутствует Эзико. См. II, 4; 46; 72; III, 77.
- ⁷⁶ См. II, 4; 26; 72; III, 77.
- ⁷⁷ Добавлена ок. 1200/1230 г.
- ⁷⁸ Ворота в Брюгге.
- ⁷⁹ Южный мыс в Девоншире, в 25 км к юго-востоку от Плимута. Однако мысы Лэндсенд и Лизард-Пойнт расположены ещё южнее.
- ⁸⁰ Самая западная точка Бретани (к западу от Бреста).
- ⁸¹ Северная точка Испании. Св. Иаков = Сантьяго.
- ⁸² Гибралтар.
- ⁸³ См. II, 4; III, 77.
- ⁸⁴ См. II, 55; III, 77.
- ⁸⁵ Жизнь Лиутгера, I, 22. Лиутгер посвятил в священники для фризов эделинга Ландрика.
- ⁸⁶ В проливе Большой Бельт к западу от Корсёра.
- ⁸⁷ См. II, 55; 64; III, 76.
- ⁸⁸ Иордан, Гетика: Скандза, Скандия; Солин, 20, 7: Гангавия.
- ⁸⁹ См. Павел Дьякон, История лангобардов, I, 1. – Готия и о. Готланд (ни разу не упомянутый Адамом) свидетельствуют о первоначальном пребывании там готов.
- ⁹⁰ См. II, 55; III, 53; IV, 8.
- ⁹¹ См. IV, 20.
- ⁹² Повторение сх. 3.
- ⁹³ К северо-западу от Гронингена.
- ⁹⁴ К северу от Эмсау.
- ⁹⁵ Ныне исчезнувший остров у самого устья Эмса.
- ⁹⁶ Гораций, Оды, III, 24, 9–11; 14; 21–22; 24.
- ⁹⁷ См. III, 16.
- ⁹⁸ См. сх. 134. – Вергилий, Георгики, III, 461; Лукан, Фарсалия, III, 283.
- ⁹⁹ См. Марциан Капелла, VI, 663.
- ¹⁰⁰ Тацит, Германия, 44.
- ¹⁰¹ Павел Дьякон, I, 1, 4.
- ¹⁰² См. IV, 12.
- ¹⁰³ Лукан, Фарсалия, VIII, 399.
- ¹⁰⁴ Саллюстий, Югурт., 80, 6.
- ¹⁰⁵ Жизнь Анскария, 18; 27; 30.
- ¹⁰⁶ Вергилий, Георгики, III, 461. – Вергилий, конечно, имел в виду скифов.
- ¹⁰⁷ См. IV, 18.
- ¹⁰⁸ См. III, 76.
- ¹⁰⁹ Инги-Анунд, сын короля Стенкиля. См. сх. 84.
- ¹¹⁰ Деяния, 5, 41.
- ¹¹¹ См. сх. 40.
- ¹¹² О семи спящих мужах см. сх. 129.
- ¹¹³ То есть до Иоанна.
- ¹¹⁴ См. III, 77.
- ¹¹⁵ Плиний Ст., Естественная история, IV, 26.
- ¹¹⁶ См. сх. 154; IV, 39 и Марциан Капелла, VI, 666.
- ¹¹⁷ Солин, 22.
- ¹¹⁸ См. Беда, О природе вещей, 9; Марциан Капелла, VI, 666; Плиний Ст., Естественная история, IV, 30, а также: Адам, IV, 39 и сх. 150.
- ¹¹⁹ См. сх. 122. – Гораций, Оды, III, 24; 24.

ГЕЛЬМОЛЬД из БОСАУ

СЛАВЯНСКАЯ ХРОНИКА

КНИГА ПЕРВАЯ

*«Славянской хроники» Гельмольда,
пресвитера из Босау*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Достопочтенным господам и отцам, каноникам святой Любекской церкви, Гельмольд, недостойный слуга церкви, что находится в Босау¹, [приносит сей] добровольный дар в знак должного повиновения.

Долго я рассуждал и размышлял, какой бы мне предпринять труд, чтобы преподнести его матери моей, святой церкви в Любеке, в благодарность за предоставленную мне должность. И ничего не пришло мне на ум иного более пригодного, как описать во славу ее обращение славянского народа [в христианство], а именно усердием каких государей и пастырей была сначала насаждена, а позднее восстановлена в этих странах христианская религия. К этому труду побуждает меня достойная подражания приверженность живших до нас летописцев, многие из которых по причине великого влечения к писательскому труду отреклись от всякой суеты земных дел, чтобы в уединении в свободное для созерцания время могли обрести путь мудрости, предпочитая ее чистому золоту и всем драгоценным вещам; они изощряли остроту ума своего над невидимыми деяниями Господа, стремясь приблизиться к самым [глубоким] тайнам, и часто принуждены были трудиться сверх меры. Другие же, силы которых не были такими, хотя и ограниченные пределами своих способностей, тоже [однако] при всей своей простоте сумели раскрыть тайны, изложенные в писании, и, многое от самого сотворения мира рассказывая о государях, пророках и различных исходах войн, воздали в своих трудах доблестям хвалу, порокам презрение. Ибо в черном мраке этого времени если отсутствует светильник при писании, то все покрыто тьмой. Порицания достойна небрежность современных нам людей, которые, хотя и видят, что как раньше, так и сейчас многое проистекает из беспредельной пучины Суда Господня, закрыли, однако, пути своего красноречия и предались полной соблазна суете этой жизни. Я полагаю, что страницы этого труда следует посвятить прославлению тех, кто в разные времена делом, словом, а многие и пролитием своей собственной крови просвещали славянскую страну. Слава их не должна быть покрыта молчанием, так как это они после разрушения Ольденбургской церкви² подняли славный город Любек с помощью Божьей на такую вершину великолепия, что он возвысился среди всех самых знаменитых городов славянских как своим богатством, так и благочестием. Поэтому я решил, опуская другое, что происходило в наше время, с по-

мощью Божьей и верой описать все, о чем узнал из рассказов старых людей или в чем убедился собственными глазами, и [описать] тем подробнее, чем больше заслуживает этого величие дел, совершавшихся в наше время. Не безрассудная дерзость толкает меня на этот труд, побуждают меня к нему увещания достопочтенного моего наставника, епископа Герольда³, первого, кто благодаря как епископской кафедре, так и духовенству прославил Любекскую церковь.

*Начинается хроника славян, составленная достопочтенным
пресвитером Гельмольдом*

1. О РАЗДЕЛЕНИИ СЛАВЯН

Во введении к этому сочинению почитаю полезным предпослать в кратком историческом обозрении кое-что о странах славян, об их характере и нравах, а именно показать, сетями сколь многих заблуждений были опутаны они до принятия благодати обращения, чтобы по тяжести болезни легче можно было познать действенность Божественного лекарства.

Много славянских племен живет на берегу Балтийского моря. «Море это простирается от Западного океана⁴ к востоку, и Балтийским называется потому, что тянется длинной полосой, подобно поясу⁵, через земли скифов⁶ до самой Греции. Это же море называется Варварским, или Скифским, морем по варварским народам, страны которых омывает»⁷. «Вокруг этого моря сидят многие народы. Ибо северное его побережье и все острова возле него держат даны⁸ и свеоны⁹, которых мы зовем нортманнами¹⁰, южный берег населяют племена славян»¹¹, из которых первыми от востока идут русы, затем полоны¹², имеющие соседями с севера прусов¹³, с юга – богемцев¹⁴, и тех, которые зовутся моравами, каринтийцами и сорбами¹⁵. А «если прибавить к Славянии¹⁶, как того хотят некоторые, угров, так как они не отличаются от них ни по внешнему виду, ни по языку»¹⁷, то пределы земли, занимаемой славянским народом, так расширятся, что почти невозможно будет ее описать.

Все эти народы, кроме прусов, украшены именем христиан. Давно уже обратилась в веру Русь. «Даны называют Русь также Острогардом¹⁸ по той причине, что, будучи расположена на востоке, она изобилует всеми благами. Ее называют также Хунигардом, потому что на этих местах сначала жили гунны»¹⁹. «Главный город ее Хуэ»²⁰. С помощью каких учителей пришли они [русы] к вере, об этом у меня мало сведений, кроме того, что во всех обрядах своих они, кажется, предпочитают больше подражать грекам, чем латинянам. Ибо Русское море²¹ самым кратким путем приводит в Грецию.

Прусы еще не познали света веры; люди, обладающие многими естественными добрыми качествами, «весьма человеколюбивые» по отношению к терпящим нужду; «они спешат навстречу тем, кто подвергается опасности в море или преследованиям со стороны морских разбойников, и приходят им на помощь. Золото и серебро они почти ни во что не ставят. У них изобилие неизвестных мехов, из-за

которых в нашей стране разлился смертельный яд гордости. А они почитают их вроде как за навоз в укор, думаю, нам, которые вздыхают по меховой одежде, как по величайшему счастью. Поэтому за льняные одежды, которые у нас называются *faldones*, они отдают нам столь драгоценные шкурки.

Многое можно было бы еще сказать об этом народе, достойном похвалы за свои нравы, если бы ко всему он признавал еще единую Христову веру, проповедников которой они преследуют бесчеловечно. Это у них увенчан мученическим венцом знаменитый богемский епископ Адальберт²². Хотя в остальном у них все одинаково с нами, но, наверно, и сегодня еще они запрещают нам подходить к их священным рощам и источникам, ибо считают, что те становятся нечистыми от [одного] приближения христиан. В пищу они употребляют мясо лошадей, молоко же и кровь их используют для питья и, говорят, напиваются ими даже допьяна. Люди эти голубоглазые, кожа у них красная, волосы длинные. Кроме того, недоступные из-за болот, они никакого господина над собой терпеть не желают»²³.

Угорский народ был некогда весьма могущественным и храбрым в бою и навел страх даже на Римскую империю. Ибо после поражения гуннов и данов произошло третье вторжение угров, опустошившее и разрушившее все соседние государства²⁴. Собрав бесчисленное войско, они захватили вооруженной рукой Баварию или Свевию²⁵, кроме того, они разорили области, примыкающие к Рейну, и залили огнем и кровью всю Саксонию вплоть до Британского океана²⁶. Сколь великие труды потребовались от императоров и какие тяжкие потери понесло христианское войско, чтобы покорить их и подчинить Божественным законам, об этом многие знают и всенародно повествует история.

Каринтийцы – соседи баварцев; это люди, преданные служению Богу, и нет народа более, чем они, достойного уважения и более приверженного в служении Господу и в почитании духовенства.

Богемия имеет короля и воинственных мужей, она полна церквей, привержена Божественной религии и делится на два епископства – Пражское и Оломоуцкое²⁷.

Полония – большая славянская страна, «границы ее, как говорят, соприкасаются с государством Русью»²⁸. Она делится на восемь епископств²⁹. Некогда имела она короля, теперь уже управляется князьями³⁰. Как и Богемия, она подчинена власти императора. Полоны имеют такое же оружие и пользуются теми же приемами в сражении, как и богемцы. Сколь бы часто ни призывались они к войнам с чужеземцами, они [всегда] мужественны в бою и чрезвычайно жестоки при грабежах и убийствах: они не щадят ни монастырей, ни храмов, ни кладбищ. А в войны с чужеземцами они не вступают ни на каком другом условии, как только добившись согласия на то, что им будут отданы на разграбление сокровища, защитой которым должно бы служить самое нахождение их в святых местах. Отчего и происходит, что из-за [своей] жадности к добыче они часто наилучшим друзьям причиняют зло, как будто врагам, почему их очень редко привлекают [на помощь] в случае военной необходимости.

Всего, что здесь сказано о богемцах, полонах и других восточных славянах, пусть будет довольно.

2. О ГОРОДЕ ЮМНЕТА

Там, где кончается Полония, мы приходим к обширнейшей стране тех славян, которые в древности вандалами, теперь же винитами, или винулами³¹, называются³². Из них первыми являются поморяне³³, поселения которых простираются вплоть до Одры³⁴. Одра же – это «самая богатая река в славянской стране», «она начинается в дикой чаще в земле моравов»³⁵, расположенной на востоке от Богемии, «где берет начало и Эльба»³⁶. Они отстоят одна от другой не на очень большом расстоянии, но текут в разных направлениях. Ибо Эльба стремится на запад и в верхнем своем течении оmyвает земли богемцев и сорбов, средним разделяет славян и саксов, нижним течением отделяет Гамбургскую епархию от Бременской и победительницей вступает в Британский океан. Другая река, т. е. Одра, направляется к северу, пересекает землю винулов, отделяя поморян от вильцев»³⁷. «В устье Одры», где она впадает в Балтийское море, «некогда «находился знаменитейший город Юмнета»³⁸, место, весьма часто посещаемое варварами и греками, живущими в его окрестностях. О величии этого города, про который ходит много и при этом едва ли заслуживающих доверия рассказов, следует сообщить кое-что, достойное того, чтобы оно было снова повторено. Это действительно был самый большой город из всех имевшихся в Европе городов, населенный славянами вперемешку с другими народами, греками и варварами. И саксы, приходя сюда, [тоже] получали право жить [в нем], на том только условии, что, живя здесь, не будут слишком явно проявлять своей христианской религии. Потому что все [жители этого города] до самого его разрушения пребывали в языческом заблуждении. Впрочем, по нравам и гостеприимству нельзя было найти ни одного народа, более достойного уважения и более радушного [чем они]. Этот город, богатый товарами различных народов, обладал всеми без исключения развлечениями и редкостями»³⁹. Рассказывают, что один данский король, сопровождаемый огромным морским войском, разрушил этот богатейший город до основания⁴⁰. Памятники этого древнего города сохранились до сих пор.

«Мы наблюдаем здесь море тройкой натуры. Ибо этот остров оmyвается тремя разными течениями. В одном из них вода, говорят, – ярко-зеленого цвета, во втором – беловатого, третье течение, бешено крутясь, постоянно бушует»⁴¹.

«Есть и другие славянские народы, которые живут между Одрой и Эльбой», длинной полосой простираясь к югу, – а именно герулы, или «гаволяне»⁴², обитающие по реке Гаволе, и дошане, любушане и вилины, стодоряне⁴³ и многие другие»⁴⁴. За медленно текущей Одрой и разными племенами поморян, на западе мы встречаем страну тех винулов, которые называются доленчанами⁴⁵ и ратарями⁴⁶. «Их город повсюду известен, Ретра, центр идолопоклонства. Здесь выстроен большой храм для богов. Главный из них – Редегаст. Идол его сделан из золота, ложе из пурпура. В этом городе девять ворот, и со всех сторон он окружен глубоким озером. Для перехода служит деревянный мост, но путь по нему открыт только для приносящих жертвы и испрашивающих ответы»⁴⁷. Дальше мы попадаем к «черезпенянам

и хижанам⁴⁸, которых от доленчан и ратарей отделяют река Пена и город Димин⁴⁹. Хижане и черзпеняне живут по эту, доленчане и ратарии по ту сторону Пены. Эти четыре племени за свою храбрость называются вильцами, или лютичами⁵⁰. Ниже них находятся глиняне⁵¹ и варны⁵². За ними следуют бодричи⁵³, город их – Микилинбург⁵⁴. Оттуда по направлению к нам живут полабы⁵⁵, их город – Ратцебург⁵⁶. Оттуда, перейдя реку Травну⁵⁷, мы попадаем в нашу землю вагров⁵⁸. «Городом этой земли был некогда приморский город Ольденбург»⁵⁹. Есть и острова в Балтийском море, населенные славянами. «Один из них называется Вемере⁶⁰. Он расположен напротив Вагрии, так что с него можно видеть Ольденбург. Второй остров», больший, «лежит против земли вильцев, его населяют раны, называемые также руянами», – «самое сильное среди славян племя»⁶¹, единственное, которое имеет короля⁶². «Без их решения не может быть совершено ни одно общественное дело. Их боятся так по причине особого расположения к ним богов или, скорее, идолов, которых они окружают гораздо большим почетом, чем другие» славяне⁶³.

Таковы эти племена винулов, рассеянные по землям, областям и островам на море. Весь этот народ, преданный идолопоклонству, всегда странствующий и подвижной, промышляющий разбоем, постоянно беспокоит, с одной стороны, данов, с другой – саксов. Не раз великие императоры различными способами, а пастыри своим искусством пытались, не смогут ли они в какой-нибудь степени приобщить эти строптивые и неверные племена к познанию имени Божьего и благодати Веры.

3. КАКИМ ОБРАЗОМ КАРЛ [ВЕЛИКИЙ] ОБРАТИЛ САКСОВ В ВЕРУ

Среди всех усердных распространителей христианской веры, своими заслугами перед религией достойно занявших первое место, самым славным будет всегда Карл⁶⁴, муж, которого должны восхвалять все летописцы и которого надлежит поставить во главе тех, кто трудился во имя Божье в северных странах. Это он усмирив оружием и подчинил христианским законам жесточайшее и мятежное племя саксов. «Саксы и тюринги, так же как и остальные народы, живущие по Рейну, издревле, как пишут, платили дань франкам⁶⁵. Когда затем они отпали от королевства франков, Пипин⁶⁶, отец Карла, начал [против них] войну, которую сын его с великим успехом закончил»⁶⁷. Таким образом, война против саксов велась в течение долгого времени, «потому что с большой с обеих сторон отвагой, но с большим для саксов, чем для франков, ущербом она тянулась 33 года. Она могла бы окончиться скорее, если бы не упорство саксов»⁶⁸, которые, стараясь оружием отстоять свою свободу, опустошали земли франков вплоть до Рейна. «Поскольку ни одного года без войны не обходилось, то саксы, как пишут, пришли, наконец, в такое истощение, что 10 тысяч человек из тех, кто живет по обоим берегам Эльбы, было переселено с женами и детьми во Францию⁶⁹. Это произошло на 33-м году длительной войны с саксами, в год, который франкские историки считают памятным, 37-й год правления императора Карла»⁷⁰, когда «Видекинд, вожь восстания», отказавшись от верховной власти, подчинился империи, и «был сам вместе с другими саксон-

скими вельможами окрещен. И только тогда Саксония превратилась в провинцию [империи]»⁷¹.

Одерживая эту победу в войне, храбрейший Карл полагался не на себя, а на поддержку Господа Бога, и [все] отважные свои дела приписывал милостивой его помощи. Побуждаемый великой ревностью и имея в виду высшую награду, поставил он освободить племена саксов, хотя они мало этого заслуживали, от «полагающихся [с них] платежей» и подарить им «былую свободу»⁷², чтобы случайно обременение службами и даяниями не толкнуло их вновь на восстание и возвращение к языческим заблуждениям. А затем «король предложил, а они [саксы] приняли такое условие, что, отказавшись от поклонения идолам, они приобщатся к таинствам христианской религии»⁷³, станут данниками и подданными Господа Бога, будут, согласно закону, платить священникам десятину от всего своего скота и продуктов земледелия или питания⁷⁴ и, «объединившись с франками, образуют с ними вместе один народ»⁷⁵. Таким образом, Саксония «разделилась на восемь епископств»⁷⁶ и была подчинена достойнейшим пастырям, чтобы те словом и примером могли бы наставлять эти грубые души в вере. Памятуя об их содержании, император обеспечил их многочисленными привилегиями и великими щедротами. Так был заложен в Саксонии новый рассадник веры и со всей силой укреплен.

В то время и дикие фризы⁷⁷ приняли благодать христианской веры. С этого времени был для проповедников слова Божьего подготовлен путь за Эльбу, и апостолы поспешно разошлись по всему пространству севера, чтобы возвещать евангелие мира.

«В это время, когда власти франков подчинились уже и славянские народы⁷⁸, Карл, как рассказывают, основав церковь в Гамбурге, городе нордальбингов⁷⁹, поручил управление ею некоему святому мужу, Геридагу, и поставил его в этом месте епископом, предполагая сделать эту Гамбургскую церковь архиепископством для всех славян и данов⁸⁰. Приведению этого замысла в исполнение помешала смерть епископа Геридага, а также и войны, которыми был занят император Карл. И он не осуществил своего намерения»⁸¹. Этот «победоноснейший государь, покорявший себе все государства Европы, начал, как рассказывают, новую войну с данами. Даны и другие народы, обитающие за Данией, именуются у франкских историков нортманнами. Король их Готфрид⁸², сделав своими данниками сначала фризов, затем нордальбингов, бодричей и других славян, стал угрожать войной самому Карлу. Эта-то война и задержала сильнее всего осуществление намерения императора относительно Гамбурга. В конце концов, когда по воле Божьей Готфрид скончался и ему наследовал его двоюродный брат Гемминг, тот заключил вскоре мир с императором и установил реку Эгдору границей [своего] государства»⁸³.

Немного времени спустя покинул этот мир и Карл, муж самый достойный как в небесных, так и в земных делах», первый, кто своими заслугами возвысил Франкское королевство до империи. Ибо императорская власть, которая, начиная с Константина⁸⁴, на протяжении многих поколений с успехом процветала в Греции⁸⁵, а именно в городе Константинополе, [потом] за отсутствием мужа царского рода пришла там в такой упадок, что республика, которой во времена первоначального

ее могущества едва хватало трех консулов или диктаторов или по крайней мере цезарей, в конце концов управлялась женщиной⁸⁶.

И вот, когда со всех сторон поднялись восстания против империи, когда почти все государства Европы от нее отпали, и когда Рим, сама мать мира, пришел в истощение от войн с соседями, и нигде не находилось защитника, угодно стало папскому престолу принять решение о созыве торжественного святого собора, чтобы посоветоваться по общему для всех делу. И тогда единогласно, при всеобщем доброжелательстве, короной Римской империи был увенчан знаменитый король франков Карл⁸⁷, потому что, как [всем] казалось, он не имел никого равного себе во всем мире ни по заслугам на поприще религии, ни по славе своего могущества, ни по победам в войнах. И вот, таким образом, был перенесен императорский титул из Греции во Францию.

4. О РАЗДЕЛЕ ИМПЕРИИ

Когда Карл, король франков и августейший император римский, достигнув больших успехов в своих делах, переселился в лучший мир, ему наследовал сын его, Людовик⁸⁸. Согласный во всех поступках с отцом, он проявил такую же, как отец, щедрость по отношению к церкви и ко всему духовенству, жертвуя громадные государственные ценности на украшение и во славу церкви в такой степени, что епископов, которые, управляя душами, и без того являются князьями неба, возвел в князей государства. Узнав о намерениях своего отца относительно Гамбурга, он тотчас же посоветовался с мудрыми [людьми] и поставил святейшего Анскария, которого некогда направлял проповедником к данам и шведам, архиепископом Гамбургской церкви⁸⁹ для приведения ее в порядок, город же этот сделал митрополией для всех народов севера⁹⁰, чтобы отсюда благодать слова Божьего еще шире распространилась среди всех языческих племен. Что и произошло. Ибо рвением пастырей Гамбургской церкви было посеяно слово Божье среди всех славян, данов и нортманнов, и огнем его были растоплены холод и стужа севера. И так великими трудами наставников прививалось оно у этих народов на протяжении многих дней и годов. Ибо столь глубок был мрак заблуждений, столь велико упорство заросшего лесом идолопоклонства, что не так скоро и не так легко можно было их преодолеть. Да и не мало задержали обращение народов [этих] разные военные волнения, все шире распространявшиеся после смерти благочестивого Людовика. Потому что с его уходом из этого мира разразилась внутренняя война, а именно, четыре его сына начали борьбу за верховную власть. «Великие раздоры и войны настигли между братьями. Во время этих войн все племена франков, по свидетельству историков, пришли в полное разорение». «Наконец, благодаря посредничеству папы Сергия⁹¹ раздоры прекратились, и государство было разделено на четыре части, так что старший по рождению, Лотарь, получил во владение Италию с Римом, Лотарингию и Бургундию, Людовик – Рейн с Германией, Карл – Галлию, Пипин – Аквитанию»⁹².

5. О ПУТЕШЕСТВИИ СВ. АНСКАРИЯ В ШВЕЦИЮ

Во время этой смуты, когда раздоры между братьями породили сильнейшие движения и ослабление империи вследствие ее разделения, удобные условия времени побудили многих к войнам. Первыми и особо выдающимися среди них были сильные людьми и вооружением народы данов. «Они подчинили себе» сначала славян и «фризов, а потом, пройдя» на разбойничьих кораблях «по Рейну, осадили Кёльн, и, дальше [пройдя] по Эльбе», до основания «разрушили Гамбург. Замечательный этот город» и недавно построенная там церковь все «погибло в огне»⁹³. Мало того, разграблению со стороны варваров подверглась и Нордальбингская провинция и все, что лежало по соседству с рекой [Эльбой]. Великим ужасом была потрясена Саксония. Святой же Анскарий, архиепископ гамбургский, и остальные проповедники, направленные в Славию и в Данию, с великой яростью преследуемые, были изгнаны из своих местожительств и повсюду рассеялись.

Тогда Людовик⁹⁴, которому, как выше сказано, досталась Германия, подобный во всем своему славному отцу как по имени, так и по благочестию, ревностно стараясь возместить ущерб, причиненный Гамбургской церкви, присоединил к ней в то время пустовавшее вследствие смерти [своего] епископа Бременское епископство⁹⁵. И стало с этих пор не две епархии, а одна. Так как каждый из этих городов из-за набегов морских разбойников подвергался опасностям, то было [признано] полезным, чтобы [оба] города взаимно укрепляли и поддерживали друг друга. Когда со стороны апостольской столицы было получено разрешение на это, все задуманное благочестивым государем приведено было в исполнение, Бременская церковь была присоединена к Гамбургской⁹⁶, и св. Анскарий получил обе в управление, и стало «едино стадо и один пастырь»⁹⁷.

Немного времени спустя, когда ярость данов несколько утихла, разрушенный Гамбург начал снова отстраиваться и племена нордальбингов опять вернулись на свои места. Архиепископ же Анскарий, выполняя поручение императора, стал часто навещать короля датского⁹⁸ и, усердно выступая в пользу обоих государств за установление мира, благодаря уважению короля, хотя и язычника, добился большого с его стороны расположения к своей вере. И в конце концов король разрешил ему основать церкви в Шлезвиге и Рипе⁹⁹, дав сначала обещание, что не будет препятствовать тем, кто пожелает креститься и следовать христианским законам. И тотчас же без промедления были направлены священники на осуществление этого дела.

Когда, таким образом, благодать Божья стала понемногу распространяться среди данского народа, упомянутый епископ начал с большим рвением готовиться к обращению свеонов. Взяв это тяжелое бремя на себя, он испросил у короля данского письмо и посла и, отправившись с многими [лицами] морским путем, прибыл в Бирку, главный город Швеции¹⁰⁰. Здесь с великим расположением и радостью был он принят верующими, которых сам же некогда, еще до своего посвящения в архиепископы направленный сюда проповедником, привел ко Христу. Ему удалось добиться у короля шведского¹⁰¹ [разрешения] на то, чтобы всем же-

ляющим была предоставлена полная свобода принимать христианство. Поставив в Швеции епископа и священников, чтобы они вместо него пеклись о делах Божьих, поощряя некоторых [людей] к [большей] твердости в вере, он вернулся в свою столицу. С этого времени семя слова Божьего, посеянное среди данов и свеонов, стало давать более обильные плоды. И хотя потом у этих народов появлялось много тиранов, проявлявших жестокость по отношению не только к христианам своего народа, но также и к чужим народам, можно заметить, однако, что христианство со времени первого насаждения его в Дании и Швеции настолько окрепло, что если иногда и колебалось, когда разражались бури преследований, то никогда до конца не искоренялось.

6. ОБ ОБРАЩЕНИИ РУЯН

Среди всех северных народов одни лишь славяне были упорнее других и позже других обратились к вере. А как выше сказано, славянских народов много, и те из них, которые называются винулами, или винитами, в большей [своей] части относятся к Гамбургской епархии. Ибо Гамбургская церковь, помимо того что она, будучи столицей митрополита, охватывает все народы или государства севера, имеет также определенные границы своей епархии. В нее входит самая отдаленная часть Саксонии, которая расположена по ту сторону Эльбы, называется Нордальбингией и населена тремя народами – дитмаршами, гользатами, штурмарами. Оттуда граница тянется до земли винитов, тех именно, которые называются ваграми, бодричами, хижанами, черезпенянами, и [далее] до самой реки Пены и города Димины¹⁰². «Здесь лежит граница Гамбургской епархии»¹⁰³. Поэтому не следует удивляться, что достойнейшие пастыри и проповедники евангелия, Анскарий, Реймберт¹⁰⁴ и, шестой по порядку, Унни¹⁰⁵, усердие которых в обращении народов стяжало им такую великую славу, столько труда вложили в попечение об обращении славян, но ни они сами, ни их помощники никаких плодов, как мы читаем, у них не достигли. Причиной этого было, как я считаю, непреодолимое упорство этого народа, а не равнодушие проповедников, которые до такой степени были преданы делу обращения народов, что не жалели ни сил, ни жизни.

Дошедшее от предков древнее предание рассказывает, что во времена Людовика II из Корвейи вышли известные своей святостью монахи, которые, стремясь спасти славян, обрекли сами себя ради проповеди слова Божьего на грозившие им опасности и смерть. Пройдя много славянских земель, они пришли к тем, которые называются ранами, или руянами, и живут в сердце моря. Там находился очаг заблуждений и гнездо идолопоклонства. Проповедуя тут со всей смелостью слово Божье, они приобрели [для христианства] весь этот остров и даже zaloжили здесь храм в честь Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа и в память св. Вита, покровителя Корвейи¹⁰⁶. Потом же, когда по попущению Божьему дела изменились, то раны отпали от веры и тотчас же, изгнав священников и христиан, сменили веру на суеверие. Ибо св. Вита, которого мы признаем мучеником и слугой Христовым,

они за бога почитают, творение ставя выше Творца. И не найти под небесами другого такого варварства, которое ужасало бы священников и христиан больше, [нежели это]. Они гордятся одним только именем св. Вита, которому посвятили величайшей пышности храм и идола, ему именно приписывая первенство между богами¹⁰⁷. Сюда обращаются из всех славянских земель за ответами и ежегодно доставляют средства для жертвоприношений. Купцам же, которые случайно пристанут к их местам, всякая возможность продавать или поспать предоставляется не раньше, чем они пожертвуют богу их что-либо ценное из своих товаров, и тогда только товары выставляются на рынок. Жреца своего они почитают не меньше, чем короля. Все это суеверие ран сохранилось со времени, когда они впервые отрехались от веры, до наших дней.

7. НАПАДЕНИЕ НОРТМАННОВ

Правда, обращению славян и других народов в веру с самого начала сильно мешали военные бури, поднятые нортманнами и свирепствовавшие почти во всем мире. Войско нортманнов состояло из храбрейших данов, свеонов и норвегов, которые, объединившись теперь под одной властью, обложили данью прежде всего находившихся под рукой славян, а затем стали притеснять и на суше и на море остальные соседние государства. Вероятно, немало мужества придало им ослабление Римской империи¹⁰⁸, которая, как выше сказано, после Людовика Старшего¹⁰⁹ была сначала истощена внутренними войнами, а потом разделена на четыре части и управлялась столькими же королями¹¹⁰. Известно, что в это самое время «нортманы, пройдя по Лигеру, сожгли Тур, а пройдя по Секване¹¹¹, осадили Париж. И тогда король Карл, охваченный страхом, отвел им для житья землю»¹¹², которая, поскольку ею завладели нортманны, получила название Нортмандии. «Затем они опустошили Лотарингию и подчинили себе Фризию»¹¹³. Наш же Людовик, то есть король Германии, «так [долго] удерживал нортманнов договорами и сражениями, что в то время, как они Францию всю опустошили, его стране нанесли лишь незначительный ущерб. После же его смерти, лишь ослабели бразды, воцарились варварство, дикость». «Ибо богемцы, сорбы, сусы и остальные славяне»¹¹⁴, которых он облагал данью, сбросили теперь иго [рабства]. «Тогда опустошена была нортманнами и данами и Саксония. Герцог Бруно¹¹⁵ с 12 вельможами был убит, епископы Теодорик и Марквард¹¹⁶ изрублены. Тогда и Фризия была опустошена, разрушен город Траектум¹¹⁷. Затем морские разбойники сожгли Кёльн и Тревер¹¹⁸, а дворец в Аквисгрane¹¹⁹ превратили в конюшню для своих лошадей. Могонтия¹²⁰ в ужасе перед варварами начала укрепляться»¹²¹. Юный Карл, сын Людовика, возвращавшийся в это время из Рима, вступил с большим войском у реки Мозы¹²² в бой с нортманнами. Сжав их в осаде, на 15-й день он принудил их, наконец, сдаться. Захватив в плен датских тиранов, Карл не отомстил этим врагам Господним с такой, как подобало, суровостью, но, на долгую беду и тяжкое разрушение церкви пощадив безбожников, он принял от них присягу и заключил с ними договор, а затем,

щедро их одарив, разрешил им вернуться к себе. И они, насмехаясь над слабостью молодого короля, как только обрели губительную свободу, собрались опять воедино и такую учинили резню, что жестокость их перешла все границы. «Что же [сказать] больше? Города со своими жителями, епископы со всей [своей] паствой были умерщвлены, знаменитые церкви вместе с множеством верующих сожжены»¹²³. Поэтому Карл был обвинен на сейме и за свое легкомыслие «лишен королевства, получив себе в преемники Арнульфа, сына своего брата»¹²⁴. Тот, собрав войско, перешел границу страны данов и «в многочисленных тяжких сражениях до конца их уничтожил. Само небо руководило этой войной, ибо если язычников пало на войне 100 тысяч, то едва ли один из христиан оказался убитым. Так закончилось нападение нортманнов, Господь отомстил за кровь своих слуг, проливавшуюся уже в течение 70 лет»¹²⁵.

Все эти события происходили во времена архиепископа Адальгара¹²⁶, который был преемником св. Реймберта и третьим после св. Анскария. Когда Адальгар умер, архиепископом после него стал Хогер, потом Рейнвард¹²⁷. Что же касается наследования королевского престола, то после Арнульфа правил Людовик Дитя. «На этом Людовике заканчивается род Карла Великого»¹²⁸. Низложенный потом с престола, он имел своим преемником Конрада, герцога франков¹²⁹.

8. НАШЕСТВИЕ УГРОВ

В правление Конрада произошло страшное нашествие угров¹³⁰, которые «разрушили не только нашу Саксонию и другие расположенные по эту сторону Рейна провинции, но также и лежащие за Рейном Лотарингию и Францию»¹³¹. Тогда церкви были сожжены, кресты изломаны варварами и преданы надругательству, священники умерщвлены перед [своими] алтарями, духовенство вместе с народом или перебито, или уведено в плен. Следы этого неистовства сохранились до наших дней¹³².

[Тогда и] даны, опустошив с помощью славян сначала земли нордальбингских, затем трансальбингских саксов¹³³, навели великий ужас на Саксонию. У данов в то время правил Ворм, самый жестокий, говорю я, из червей¹³⁴, рьяный преследователь христиан. Намереваясь совершенно уничтожить христианство, насажденное в Дании, он изгнал священников из своей страны, многих же истязаниями умертвил. Тогда король Генрих, преемник Конрада, с детских лет выращенный в страхе Божьем, все свои упования возлагавший на милосердие Божье, угров в жестоких сражениях победил¹³⁵, богемцам же и сорбам, укрошенным уже другими королями, и прочим славянским племенам одной страшной битвой нанес такой удар, что другие, которых осталось очень мало, королю платить дань, а Богу [принять] христианство добровольно обещались¹³⁶. Потом он вступил с войском в Данию и первым нападением до того устранил короля Ворма, что тот признал власть его над собой и смиренно умолял о мире.

Король Генрих, победитель, установил границу [своего] государства у Шлезвига, который теперь называется Хедебю¹³⁷, поставил здесь маркграфа¹³⁸ и предпри-

сал заселить колонию саксами¹³⁹. Тогда святейший архиепископ Унни, который наследовал кафедру после Рейнварда, видя, что благодаря милосердию Господа нашего и доблести короля Генриха упорство данов и славян преодолено и врата к принятию веры у [этих] народов открылись, решил сам лично объехать свою епархию на всем ее протяжении. Сопровождаемый многочисленными священниками, прибыл он к данам, где тогда правил жесточайший Ворм. Его самого из-за врожденной его свирепости склонить [к вере] он не смог, но сына его, Харальда¹⁴⁰, обратил и сделал его верным Христу, так что тот, хотя сам таинства крещения еще и не принял, разрешил публично признавать христианство, к которому отец его всегда питал ненависть¹⁴¹. «Поставив, таким образом, священников по всем церквям королевства Датского, этот Божий святой поручил, как рассказывают, все множество верующих опеке Харальда, а сам, обеспеченный его поддержкой и сопровождаемый его послом, проник на все острова данов, возвещая здесь слово Божье и укрепляя в вере найденных им в плену христиан»¹⁴². «Отсюда, идя по следам великого проповедника Анскария, он без труда добрался по Балтийскому морю до Бирки», главного города Швеции, «куда после смерти св. Анскария никто из учителей 70 лет приходивший не отваживался, кроме только, как мы читаем, Реймберта»¹⁴³. Бирка – знаменитый город готов, расположенный в середине Швеции»¹⁴⁴. Его омывает залив Балтийского моря, образуя удобную гавань, куда имеют обыкновение заходить по разным торговым делам все корабли данов, норвегов, а также славян и сембов¹⁴⁵ и других скифских народов. Высадившись со своим необычным посланничеством именно в этой гавани, исповедник Господень начал призывать народы. Ибо свеоны и готы по причине различных опасностей времени и свирепой жестокости [своих] королей совершенно забыли христианскую религию. Но, по милости Божьей, были они святым отцом Унни снова в веру обращены. Когда евангелист Божий, выполнив дело своего посланничества, собиравшийся уже возвращаться, он был неожиданно застигнут недугом и сложил в Бирке бремя измученного тела. Он скончался, завершив свой благородный путь в 936 г. от рождения Христова¹⁴⁶. После него архиепископство наследовал достопочтенный Адельдаг¹⁴⁷.

9. ОБРАЩЕНИЕ ХАРАЛЬДА

В этом же году случилось, что переселился из этого мира и славный король Генрих, а на престол вступил сын его Оттон, прозванный Великим¹⁴⁸. Когда он начал править, много обид пришлось ему претерпеть от своих братьев¹⁴⁹. Король же данов¹⁵⁰, который платил дань отцу его, теперь сбросил иго рабства и поспешно поднял оружие на защиту своей свободы. И прежде всего он убил маркграфа, который сидел в Шлезвиге, что иначе называется Хедебю, вместе с послами короля Оттона и до основания истребил всю колонию саксов, которая там находилась¹⁵¹. Старающаяся добиться нового положения дел, славяне тоже начали волноваться, наводя великий страх на соседние земли саксов.

Король Оттон, опираясь на поддержку Господа Бога, едва лишь освободился от козней своих братьев, как учинил суд и справедливость над своим народом. Потом, после того как все почти государства, отпавшие после смерти Карла, подчинились его власти, он поспешил поднять оружие против данов. Перейдя с войском границу Дании, проходившую тогда у Шлезвига¹⁵², «он мечом и огнем опустошил всю страну, вплоть до самого отдаленного моря, которое отделяет нортманнов от данов и по сей день в честь [этой] победы короля называется Оттензунд¹⁵³. Когда он вступал [в страну], король Харальд завязал с ним под Шлезвигом бой, в котором, хотя обе стороны бились одинаково храбро, победу одержали, однако, саксы, а даны обратились в бегство и отступили на кораблях. В таких, располагавших к миру, условиях Харальд подчинился Оттону и, принимая от него престол, обязался ввести в Дании христианство¹⁵⁴. И без промедления крестился с женой своей Гунхильдой и маленьким сыном, которого наш король, будучи его восприемником при святом крещении, назвал Свен Оттоном»¹⁵⁵. В то время вся Дания приняла христианскую веру и, «разделенная на три епископства, была подчинена Гамбургской митрополии»¹⁵⁶. «Таким образом, святейший Адельдаг был первым, кто поставил епископов в Дании»¹⁵⁷, и с тех пор Гамбургская церковь получила своих викариев. «Вслед за таким началом Божественного милосердия [христианство] достигло здесь такого роста, что с этого времени и вплоть до сегодняшнего дня церкви данов, как кажется, изобилуют многочисленными плодами, собранными среди северных народов»¹⁵⁸.

Завершив надлежащим образом [эти] дела в Дании, доблестный король Оттон обратил [свое] войско на усмирение восставших славян¹⁵⁹, и их, которых «отец его некогда покорил в одной [только] битве, он теперь со столь великой суровостью обуздал, что они ради сохранения жизни и отечества охотно обещали победителю и дань платить, и обратиться в христианство¹⁶⁰. И весь [этот] языческий народ был окрещен. Тогда впервые были основаны церкви в Славяннии. Об этих делах и [о том], как они совершались, удобнее будет написать что-либо в другом месте»¹⁶¹.

10. О ГЕРЦОГЕ ГЕРМАНЕ

«Когда величайший из победителей, Оттон, был призван в Италию для освобождения апостольской столицы, он, как говорят, принял решение оставить кого-нибудь вместо себя для совершения правосудия в тех областях, которые граничат с язычниками.

Со времен Карла Саксония из-за давнишних волнений среди этого народа никогда не знала над собой никакого другого государя, кроме императора»¹⁶². [Но теперь], чтобы в его отсутствие даны или славяне не предприняли чего-нибудь нового, король, побуждаемый необходимостью, «поручил впервые попечение над Саксонией Герману. Полагаю нужным кое-что рассказать об этом муже и роде его»¹⁶³, так как в наше время он приобрел большую силу.

«Муж этот, происходивший из бедной семьи, сперва довольствовался, как говорят, семью мансами¹⁶⁴ и столькими же крестьянами, доставшимися ему по

наследству от родителей. Потом, обладая острым умом и красивой наружностью, а кроме того, отличаясь честностью и смирением, которые проявил в отношении господ и равных себе, он скоро стал известен при дворе и вошел в доверие к самому королю, который, узнав трудолюбие юноши, принял его в число своих слуг. Затем король определил его наставником к своим сыновьям, а вскоре, когда его благополучие упрочилось, поручил ему должность префекта. Строго выполняя свои обязанности, он, как рассказывают, [даже своим] собственным крестьянам, доставленным в суд по обвинению в краже, вынес приговор, осуждавший их всех на смерть. Необычайность поступка сделала его любезным народу и знаменитейшим во дворце. Когда же он получил Саксонское герцогство, то управлял этой провинцией по закону и справедливости, а в защите святых церковью оставался ревностным до конца.

Поручив такому мужу свою власть в этой провинции, благочестивейший король удалился в Италию. Созвав здесь собор епископов, он приказал им низложить обвиненного во многих преступлениях папу Иоанна, по прозвищу Октавиан, хотя тот был в отсутствии, желая бегством избежать суда, а вместо него поставить протуса Льва, которым вскоре был коронован, когда на 28-м году его правления народ римский провозгласил его императором и августом. От коронации же Карла [Великого] в Риме прошло к этому времени 153 года¹⁶⁵.

Пробыв с сыном¹⁶⁶ в то время в Италии 5 лет, император победил сыновей Берингария¹⁶⁷ и вернул Риму прежнюю его свободу¹⁶⁸. Возвратившись на родину, он отдал все свои силы обращению народов [в христианство], особенно же славян, что, согласно его намерениям, и сбылось с помощью Господа, который укреплял десницу императора во всех делах.

11. ОБ АРХИЕПИСКОПЕ АДАЛЬБЕРТЕ

«После того как народы славянские были покорены и обращены в христианскую веру, Оттон Великий основал на берегах реки Эльбы знаменитый город Магдебург и, утвердив его в качестве митрополии для славян¹⁶⁹, велел посвятить там в архиепископы Адальберта¹⁷⁰, мужа высокой святости. Первый поставленный в Магдебурге, он в течение 12 лет ревностно управлял архиепископством и, проповедуя там, обратил многие славянские народы в христианство. Посвящение его совершилось на 35-м году правления императора, а со дня посвящения св. Ансгария [прошло] 137 лет¹⁷¹. «Магдебургскому же епископству подчинена вся Славянщина вплоть до реки Пены. Викарных же епископств – пять, из которых Мерзебург и Цицен учреждены на реке Сале, Мисна – на Эльбе, Бранденбург и Гавельбург – внутри [страны]¹⁷². Шестым епископством славянской земли является Ольденбургское¹⁷³». Вначале император Оттон намеревался подчинить это епископство, так же как и все остальные, Магдебургу, однако впоследствии архиепископ гамбургский Адельдаг потребовал его себе в силу старых императорских привилегий, в которых описаны границы его церкви.

12. О ЕПИСКОПЕ МАРКЕ

Ольденбург – это то же, что на славянском языке Старгард, то есть старый город. Расположенный, как говорят, в земле вагров, в западной части [побережья] Балтийского моря, он является пределом Славии. Этот город, или провинция, был некогда населен храбрейшими мужами, так как, находясь во главе Славии, имел соседями народы данов и саксов, и [всегда] все воины или сам первым начинал или принимал их на себя со стороны других, их начинавших. Говорят, в нем иногда бывали такие князья, которые простирали свое господство на [земли] бодричей, хижан и тех, которые живут еще дальше.

Когда вся славянская земля, как выше сказано, была покорена и разорена, тогда и город Ольденбург обратился в [христианскую] веру и стал самым большим по числу верующих. Епископом в этом городе преславный император поставил достопочтенного мужа Марка¹⁷⁴, подчинив ему всю землю бодричей до реки Пены и города Димина; кроме того, он поручил его попечению славный город Шлезвиг, по другому называемый Хедебю.

В то время Шлезвиг с прилегающей землей, а именно той, которая простирается от озера Шлия¹⁷⁵ до реки Эгдоры, был подчинен Римской империи¹⁷⁶. Это была обширная и богатая плодами, но в высшей степени пустынная земля, так как, расположенная между океаном и Балтийским морем, она истощалась от частых, обрушивавшихся на нее нападений. После того же как, благодаря милосердию Божьему и доблестям Оттона Великого, повсюду воцарился прочный мир, пустынные вагские и шлезвигские земли стали заселяться, так что [вскоре] уже не оставалось ни одного уголка, который не был бы достопримечателен [своими] городами и деревнями, а также многочисленными монастырями. До сих пор еще сохраняется множество следов этой древней жизни, главным образом в лесу, который длинной полосой тянется от города Лютилинбурга¹⁷⁷ до самого Шлезвига. Обширная и безлюдная, с трудом проходимая, эта пуща скрывает среди густой своей растительности борозды, которыми некогда были разделены нивы; расположение валов говорит о [внешнем] виде находившихся здесь крепостей и городов, плотины же, насыпанные в многочисленных ручьях, чтобы накапливать воду для мельниц, свидетельствуют, что вся эта лесистая полоса была некогда заселена саксами.

Итак, первым епископом в этом новом рассаднике веры был, как я уже сказал, Марк, который омыл народы вагров и бодричей в святом источнике крещения. После его смерти Шлезвиг был удостоен чести иметь своего отдельного епископа. Ольденбургскую же кафедру получил в управление достопочтенный муж Эквард¹⁷⁸, который многих славян обратил к Господу. Он был посвящен св. Адельдагом, архиепископом гамбургским. И выросло тогда число верующих, и не осталось ничего, что мешало бы молодой церкви в продолжение всего правления Оттонов. Как известно, их было три, и все они были охвачены одинаковым рвением в обращении славян. И вся земля вагров, бодричей, хижан наполнилась церквями и священниками, монахами и посвятившими себя Богу девами. Впоследствии Ольден-

бургская церковь была освящена в память св. Иоанна Крестителя, удостоенная чести быть матерью церквей. Микилинбургская же церковь была основана в честь главного из апостолов, Петра, и имела при себе женский монастырь. Ольденбургские епископы были весьма почитаемы среди славянских князей¹⁷⁹, так как, щедро-тами великого императора Оттона обильно одаренные, они могли широко жертвовать и снискать себе любовь народа.

Ежегодно со всей земли вагров и бодричей вносилась епископу считавшаяся десятиной дань: с каждого плуга по мере зерна и по 40 пучков льна и по 12 монет чистого серебра; сверх того, одна монета как вознаграждение для сборщиков. Славянский же плуг составляет пару волов или одну лошадь¹⁸⁰. О поселениях же, или о поместьях, или о количестве дворов, которые относились к владениям епископа, не стоит говорить в этом труде, так как «старое предано забвению и наступило новое»¹⁸¹.

13. О ЕПИСКОПЕ ВАГЕ

На 38-м году своего правления, на 11-м году императорства* «великий государь 973 Оттон, покоритель всех северных народов, счастливо отошел к Господу и был погребен в своем городе Магдебурге. Ему наследовал сын его Оттон II – и в течение 10 лет* деятельно правил империей¹⁸². Тотчас после того как им были побеждены 983 франкские короли, Лотарь и Карл¹⁸³, он перенес войну в Калабрию и здесь, в войне с сарацинами и греками, сначала победитель, потом побежденный, скончался в Риме¹⁸⁴. Наследовавший после него престол Оттон III, по возрасту еще мальчик, украшал трон в течение 18 лет крепким и справедливым правлением¹⁸⁵.

В это время умер Герман, герцог саксонский, и правителем оставил после себя сына своего, Бенно, который известен тоже как муж добрый и храбрый, кроме того лишь, что, не походя в этом на своего отца, он мучил народ [свой] грабежами»¹⁸⁶.

В Ольденбурге скончавшемуся Экварду наследовал Ваго¹⁸⁷. Этот епископ, живший среди славян в величайшем благополучии, имел, как рассказывают, прекрасную сестру, [руки] которой домогался князь бодричей, по имени Биллуг¹⁸⁸. И когда он часто направлял посольства к епископу по этому делу, то некоторые из друзей епископа отвергали его просьбу неосторожными и обидными словами, говоря, что несправедливо такую красивую девицу соединять с этим неотесанным и диким человеком. Он притворно подавил это оскорбление и, преследуемый муками любви, не прекратил повторять свои мольбы. Тогда епископ, боясь, как бы из-за этого не вышло чего-нибудь плохого для молодой церкви, благосклонно пошел навстречу его требованию и отдал свою сестру ему в супруги. От нее была у него дочь, по имени Годика, которую дядя ее, епископ, поместил в женский монастырь, а когда она обучилась священному писанию, поставил ее аббатисой над монахинями, которые находились в Микилинбурге, хотя она годами еще не вышла.

Брат ее Мечислав¹⁸⁹ с трудом переносил все это, питая ненависть, хотя и тайную, к христианской религии и опасаясь, как бы, следуя такому примеру, чужеземные обычаи не распространились бы в стране. Отца же своего он часто порицал за

то, что тот, как будто лишившись ума, пристрастился к ненужным и пустым новшествам и не боится отступать от закона своих отцов, ибо сначала взял в жены тевтонку, потом дочь свою поместил в монастырскую келью. Когда он такими словами часто отца подстрекал, тот понемногу начал колебаться духом и размышлять, как бы ему устранить жену и изменить положение дел. Но страх удерживал его от [каких-либо] действий, ибо начало серьезных дел бывает всегда трудно, да и храбрость саксов очень его страшила. Ведь если бы он прогнал сестру епископа и уничтожил бы Божественное дело, то ему пришлось бы немедленно вступить в войну.

14. О ХИТРОСТИ БИЛЛУГА

Случилось как-то епископу прибыть в город бодричей Микилинбург, и Биллуг со знатнейшими людьми вышел ему навстречу, принимая его с притворным уважением. И вот в то время, когда епископ однажды занимался общественными делами, упомянутый князь бодричей обратился при всех к нему с [такой] речью: «Великую благодарность должен я принести тебе, достопочтенный отец, за милость твою, хотя и понимаю, что никаких сил у меня не хватит, чтобы достойно ее выразить. О личных благодеяниях, которые ты мне оказал, которые многочисленны и требуют длинных речей, в настоящую минуту я не буду говорить. Но я вынужден вспомнить об общем для всей страны благе. Твои старания о восстановлении церквей и спасении душ для всех очевидны, однако известно [также], сколько оскорблений со стороны государей благодаря своей предусмотрительности ты от нас отвел, так что мы можем существовать в мире и спокойствии, сохраняя их милость. Поэтому мы тотчас же вручили бы чести твоей и себя, и все наше, если бы от нас этого потребовали. Я осмеливаюсь обратиться к тебе с маленькой просьбой, и не смущай меня отказом. Существует у бодричей считающаяся десятиной дань в пользу епископа, а именно с каждого плуга, который соответствует двум волам или одной лошади, вносится одна мера зерна, 40 пучков льна и 12 монет, ценимых в торговле; кроме того, одна монета, которая полагается сборщику. Прошу тебя, позволь собирать это мне на содержание племянницы твоей, т. е. моей дочери. Чтобы тебе не показалось, что я прошу [этого] в обиду тебе и в ущерб твоему содержанию, я прибавляю к твоим владениям во всех городах, имеющихся в земле бодричей, деревни¹⁹⁰, которые ты сам выберешь, сверх тех, которые давно уже перешли под власть епископа по императорским пожалованиям».

Епископ, не замечая хитрости [этого] ловкого человека, скрытой за красивыми словами, и думая, что ничем не повредит себе при этом обмене, без промедления согласился [выполнить] его просьбу. Он сам выбрал себе во владение самые большие деревни, а дань, о которой я упоминал выше, уступил своему шурина, чтобы тот собирал ее на нужды своей дочери. Пробыв довольно долго у бодричей, он разделил землю между колонами¹⁹¹, чтобы они ее обрабатывали, и, устроив все, вернулся к ваграм. Находиться здесь было ему удобнее и безопаснее, ибо славяне по природе своей ненадежны и ко злу склонны, а поэтому их следует остерегаться.

Кроме других подворий, было у епископа два [особенно] богатых, где он чаще всего останавливался, — одно в местечке¹⁹², которое называется Босау, другое на реке Травне, в месте, именуемом Незенна¹⁹³, где находился храм и каменный дом, развалины которого я видел в юности, неподалеку от подошвы горы, которую древние называли Ойльберг, современники же по крепости, на ней возведенной, — Зигеберг¹⁹⁴.

Через много дней, в течение которых епископ Ваго, очень занятый другими [делами], редко посещал землю бодричей, вышеупомянутый Биллуг вместе с сыном своим Мечиславом, используя благоприятные условия, понемногу сплел хитрость, задуманную им против своего господина и пастыря. Тайком он начал опустошать грабежами владения епископа, которые тот ему, как верному человеку и своему шуруину, отдал под надзор, и стал посылать в них своих слуг, которые украдкой похищали у колонов лошадей и различное имущество. Он стремился довести дело до того, чтобы епископ лишился прав как на десятину, так и на владения, [считая, что] если приведет в расстройство главу [церкви], то легче будет уничтожить служение.

Между тем епископ, прибыв в землю бодричей и учинив здесь со своими колонами розыск, с полной ясностью раскрыл, благодаря чьим козням причинено такое разграбление его владениям. Охваченный возмущением и ужасом, что неудивительно, так как в тех, кого он считал самыми близкими друзьями себе, он открыл злейших врагов, и опасаясь, как бы уже существующий новый рассадник веры не отпал, он начал сильно колебаться духом. Прибегнув [наконец] к средству, которое представлялось ему для этого времени наиболее безопасным, он стал испытывать, не удастся ли ему исцелить медленно подкрадывающуюся болезнь словами убеждения, и начал лстивыми речами уговаривать своего шурина, чтобы тот отказался от принятого намерения и не отдавал церковных владений на разграбление разбойникам, пугая его, что если он не образумится, то впадет в немилость не только у Господа, но и у императора. Тот, готовя в ответ на упреки новую хитрость, сказал, что никогда он против господина своего и пастыря, к которому всей душой всегда в высшей степени расположен, не предпринимал таких бесчинств; если что было, то все это произошло вследствие козней разбойников, которые, иногда приходя сюда от ран или вильцев, не щадят и его владений; он охотно примет участие и советом, и помощью, чтобы их задержать.

Легко убедить простодушного человека отказаться от имеющегося у него мнения. Когда удовлетворенный епископ удалился, они тотчас же, нарушив свои обещания, опять вернулись к начатым гнусным делам и к грабежу деревень присоединили еще поджоги. Кроме того, они пригрозили смертью всем колонам, на которых распространялось право епископа, если они как можно скорее не покинут поместье. Таким образом, в короткое время владения епископа были опустошены.

К этим злодеяниям прибавилось еще то, что этот самый Биллуг нарушил права супружества, а именно, прогнал от себя сестру епископа. Это [обстоятельство] послужило главным поводом к вражде, и дела церкви начали понемногу колебаться. Положение молодой церкви не могло поправиться, ибо Оттон Великий к тому времени уже давно покинул этот мир, а Оттон II и III были заняты войнами в Италии, и по этой причине славяне, используя удобное время, начали мало-помалу подни-

маться не только против законов Божеских, но и против императорских постановлений. Один только герцог саксонский, Бенно, сохранял, казалось, какую-то тень власти над ними, хотя и очень бледную. Уважение к нему славян сдерживало их движение, и они [пока] и от христианской религии не отпадали и не поднимали оружия.

Когда Ваго скончался, ему наследовал на кафедре Эзико¹⁹⁵. Посвящение он получил от св. Адельдага, архиепископа гамбургского. Как мы узнали, до разрушения Ольденбургской церкви в ней перебивало четыре епископа, а именно: Марк, Эквард, Ваго и Эзико, во времена которых славяне твердо придерживались [христианской] веры¹⁹⁶, «повсюду в славянских землях воздвигались храмы, было выстроено много монастырей для мужчин и женщин, [посвятивших себя] служению Богу»¹⁹⁷. Свидетелем этому является магистр Адам, красноречивым языком описавший деяния епископов Гамбургской церкви¹⁹⁸. Указывая, что «Славянния была разделена на 18 округов, — он утверждает, — все они, кроме трех, были обращены в веру Христову»¹⁹⁹.

15. О СВЕНЕ, КОРОЛЕ ДАНСКОМ

В то время «Болеслав, благочестивейший король польский, в союзе с Оттоном III обложил данью всю Слaviю», что лежит за Одрой, а также «Русь и земли прусов, где претерпел муки епископ Адальберт, останки которого Болеслав тогда перенес в Полонию»²⁰⁰. Князьями у славян, называемых винулами, или винитами, «были в то время Мечислав, Након и Зедерих. При них сохранялся непрерывный мир и славяне платили дань»²⁰¹.

Не следует, кажется, пройти мимо того, что этот самый Мечислав, князь бодрей, публично признавая веру Христову, а втайне ее преследуя, выкрал сестру свою, Богу предназначенную девицу Годику, из женского монастыря в Микилинбурге, соединив ее бесстыдным браком с неким Болеславом; остальных [же] девиц, которые там находились, [одних] своим рыцарям в жены отдал, [других] отправил в землю лютичей и ран, так что монастырь этот совсем опустел.

В эти же дни, попущением Божьим за грехи человеческие, нарушилось спокойствие среди данов и славян, и враг покусился посеять плевелы поверх прекрасных ростков Божественной религии. Ибо у данов Свен Оттон²⁰², сын благочестивейшего короля Харальда, возбуждаемый дьяволом, начал ковать многочисленные козни против своего отца, желая лишить его престола, как человека якобы престарелого и слабого силами²⁰³, а дело насаждения [христианства] из пределов Дании совсем устранить. Харальд же, как выше сказано, сначала язычник, потом благодаря представлению великого отца Унни обратившийся в христианскую веру, проявил такое рвение в почитании Бога, что не было ему подобного среди всех королей Дании, который бы такую [большую] северную страну привел к познанию Божественной веры и украсил всю ее церквями и пастырями. Усердие этого мужа в делах Божественных было исключительным, но с не меньшим усердием постигал он и дела земные. В тех именно, которые, как считается, относятся к управлению государством, он столь отличался, что установил законы и права, которыми вследствие [боль-

шого] влияния этого мужа не только даны, но и саксы до наших дней пользуются²⁰⁴. Подстрекаемые теми, которые отказывались служить Богу и мирно [повиноваться] королю, даны единодушно отреклись от христианства и, возведя нечестивого Свена на престол, объявили отцу его, Харальду, войну. Он, с самого начала своего правления всегда возлагавший надежду [только] на Бога, теперь тем более верил Господу исход дела, скорбя не столько об опасности, ему угрожавшей, сколько о проступке сына²⁰⁵ и о стеснении церкви. Понимая, что волнений не удастся подавить без войны, он против воли взялся за оружие, поощряемый теми, которые старались проявлять непоколебимую верность Господу и королю своему.

Таким образом, дело дошло до войны. В этом столкновении были побеждены сторонники Харальда, многие были ранены или убиты. Сам же Харальд, тяжело раненный, покинул поле битвы и, сев на корабль, бежал в знаменитый город славян, по названию Юмнета²⁰⁶. «Хотя жители его и были язычниками, однако, вопреки ожиданиям, он был [ими] дружелюбно принят, но спустя несколько дней, изнемогший от раны, умер, исповедуя веру Христову»²⁰⁷. Его следует причислить не только к королям, ставшими достойными пред лицом Господа, но и к славным мученикам. «Всего правил он 50 лет»²⁰⁸. После его смерти престолом завладел Свен и начал свирепствовать в жестокости своей, изощряясь в страшных преследованиях христиан. Тогда поднялись все недруги в северных странах, радуясь, что настало время для злобы их, то есть для войн и мятежей, и начали тревожить соседние государства и с суши, и с моря.

Собрав сначала морские войска, они проплыли кратчайшим путем через Британское море²⁰⁹ и пристали к берегам реки Эльбы, где, неожиданно напад на мирных и бесстрашных жителей, опустошили всю приморскую страну Гателен²¹⁰ и всю ту землю саксов, которая расположена по берегам реки, и дошли до Стадии²¹¹, удобной гавани для кораблей, опускающихся по Эльбе. Опечаленные быстро распространившейся вестью об этом, графы Зигфрид и Теодорик и другие знатные лица, на которых лежала оборона страны, поспешили навстречу язычникам и, хотя их было очень мало, связанные условиями времени, напали на неприятеля в упомянутом порту Стадии. Произошла жаркая битва, в которой даны, победив, полностью уничтожили доблестных саксов. Оба графа и другие знатные мужи и воины, которые избежали смерти, связанные и скованные, были отведены на корабли. Граф Зигфрид бежал ночью с помощью какого-то рыбака и [таким образом] избежал плена. Поэтому, охваченные яростью, варвары отрубили руки и ноги у всех знатных, кто был у них в заключении, и, вырвав у них ноздри, полумертвых выбросили на сушу. А потом все, что оставалось в этой стране, безнаказанно разграбили²¹². Другая часть пиратов, проплыв по реке Вирраге, опустошила весь берег этой реки, вплоть до Лестмоны, и прибыла с большим числом пленных на болото Глиндесмор²¹³. Здесь, когда они заставили одного пленного саксонского рыцаря показать им дорогу, он завел их в самые непроходимые места болота, где они, утомленные преследовавшими их саксами, были легко в тот день разбиты, и 20 тысяч из них погибло. Имя [этого] рыцаря, который завел их в непроходимые места, было Геривард. Саксы воздают ему вечную славу²¹⁴.

16. КАКИМ ОБРАЗОМ СЛАВЯНЕ ОТПАЛИ ОТ ВЕРЫ

1001 Около этого времени «закончился год от воплощения Господня 1001-й, и в этом году храбрейший император Оттон III, уже в третий раз вступив победителем в Рим, был застигнут преждевременной смертью и скончался»²¹⁵. Ему наследовал на престоле благочестивый Генрих, славившийся своей справедливостью и святостью, тот самый, говорю я, который основал Бамбергское епископство²¹⁶ и проявлял величайшую щедрость в почитании церкви.

На десятом году его правления умер герцог саксонский, Бенно, муж, известный [своей] честностью и ревностный защитник церквей. Герцогство унаследовал сын его, Бернард²¹⁷. Он не был столь счастлив [в своих делах], как его отец, ибо с того самого времени, как стал он герцогом, в этой стране никогда не прекращались раздоры и волнения, потому что, осмелившись восстать против императора Генриха, герцог увлек за собой против него всю Саксонию²¹⁸. Потом, поднявшись против Христа, начал он преследовать и тревожить все церкви в Саксонии, а особенно те, которые не хотели присоединиться к злобе его в означенном восстании. Ко всем этим бедам прибавилась та, что этот же герцог предал полному забвению то расположение, которое его отец и дед питали к славянам, и столь жестоко угнетал народ винулов своей жадностью, что поставил их в необходимость вернуться к язычеству²¹⁹.

В это время маркграф Теодорик и герцог Бернард захватили славянские земли, овладев один восточной их частью, другой – западной. Их «безрассудство заставило славян стать вероотступниками»²²⁰. Потому что эти, до сих пор еще неискушенные в вере, языческие народы, с которыми некогда лучшие государи с великой лаской обращались, умеряя свою суровость в отношении тех, к спасению коих усердно стремились, оба они с такой жестокостью преследовали, что те, сбросив иго, пытались защищать свою свободу оружием.

«Князьями у винулов были Мстивой и Мечидраг, под руководством которых вспыхнул мятеж»²²¹. Как говорят и как известно по рассказам древних народов, Мстивой просил себе в жены племянницу герцога Бернарда, и тот [ему ее] обещал. Теперь этот князь винулов, желая стать достойным обещания, [отправился] с герцогом в Италию, имея [при себе] тысячу всадников, которые были там почти все убиты. Когда, вернувшись из похода, он попросил обещанную ему девицу, маркграф Теодорик отменил это решение, громко крича, что не следует отдавать родственницу герцога собаке²²². Услышав это, Мстивой с негодованием удалился. Когда же герцог, переменив свое мнение, отправил за ним послов, чтобы заключить желаемый брак, он, как говорят, дал такой ответ: «Благородную племянницу великого государя следует с самым достойным мужем соединить, а не отдавать ее собаке. Великая милость оказана нам за нашу службу, так что нас уже собаками, а не людьми считают. Но если собака станет сильной, то сильными будут и укусы, которые она нанесет». Сказав так, он вернулся в Славию. Прежде всего он направился в город Ретру, что в земле лютичей. Созвав всех славян, живущих на востоке, он рассказал им о нанесенном ему оскорблении и о том, что на языке саксов славяне со-

баками называются. И они сказали: «Ты страдаешь по заслугам, ибо, отвергая своих, ты стал почитать саксов, народ вероломный и жадный. Поклянись же нам, что ты бросишь их, и мы станем с тобой». И он поклялся.

Когда герцог Бернард поднял при таких обстоятельствах оружие против императора, славяне, используя удобное время, собрали войско и «сначала опустошили мечом и огнем всю Нордальбингию, затем, пройдя остальную Славию, сожгли и разрушили все до одной церкви, священников же и других служителей церкви разными истязаниями замучили, не оставив по ту сторону Эльбы и следа от христианства», «в Гамбурге же в это время и позднее многих из священников и городских жителей в плен увели, многих из ненависти к христианству поубивали»²²³. Старцы славянские, которые хранят в памяти все деяния язычников, рассказывают, «что больше всего христиан оказалось в Ольденбурге. Перерезав всех их, как скот, 60 священников они оставили на поругание. Главный из них в этом городе носил имя Оддар. Вместе с остальными он был предан такой мученической смерти: разрезав железом кожу на голове в форме креста, вскрыли, таким образом, у каждого мозг, потом связали им руки за спиной и так водили исповедников Божьих по всем славянским городам, пока они не умерли. Так, превращенные в зрелище для ангелов и людей, они испустили дух посреди своего [мученического] пути как победители. О многом, подобном этому, совершавшемся в то время в разных славянских и нордальбингских землях, вспоминают старые [люди], но из-за отсутствия тогда хронистов [все это] принимается теперь за басни. Столько мучеников было тогда в славянских землях, что о всех едва ли можно написать в [одной] книге»²²⁴.

«Так, все славяне, которые живут между Эльбой и Одрой, в течение 70, а то и больше лет, а именно во все время [правления] Оттонов исповедовали христианскую веру, и вот таким образом они отделились теперь от тела Христова и церкви, с которой раньше были связаны. О, сколь скрыты пути проявления над людьми правосудия Господня, он «кого хочет милует, а кого хочет ожесточает». Исполненные изумления перед его всемогуществом, мы видим, что те, которые первыми уверовали, потом к язычеству вернулись, а те, которые казались последними, к Христу обратились. Он, этот судья праведный, сильный и терпеливый, который некогда, уничтожая в присутствии Израиля семь колен ханаанских, сохранил лишь чужеземцев, чтобы этим [способом] испытать Израиль, он, говорю, хотел теперь укрепить только небольшое число язычников, чтобы при посредстве их смутить наше неверие»²²⁵.

«Это происходило в последние годы жизни архиепископа Либенция Старого²²⁶ при герцоге Бернардe, сыне Бенно, который тяжко угнетал славянский народ»²²⁷. «Теодорик, маркграф славян», которому, так же как и упомянутому [Бернарду], «были свойственны жадность, а также жестокость, был лишен должности и всего наследственного владения и, став приходским священником в Магдебурге, он окончил там жизнь худой смертью, как того заслужил»²²⁸. Мстивой, князь славянский, мучимый в последние годы своей жизни раскаянием, обратился к Господу, и «так как не хотел отречься от христианства, то был изгнан из отечества, бежал к бардам и там дожил до глубокой старости, сохранив верность христианской религии»²²⁹.

17. О ЕПИСКОПЕ УНВАНЕ

Когда в Ольденбурге умер Эзико, преемником его стал Фольквард, после него – Регинберт²³⁰. Из них первый, Фольквард, изгнанный во время преследований [христиан] из Славии, ушел в Норвегию, тут многих к Господу приобщил и с радостью вернулся в Бремен²³¹. В Гамбургской же митрополии за Адальдагом, который первый посвящал епископов в Ольденбурге, последовал Либенций²³², муж, славившийся своей святостью. В его время славяне отпали от веры. После него был Унван²³³, «происходивший из знаменитого рода, кроме того, богатый и щедрый, любезный всем людям, весьма расположенный к духовенству»²³⁴. В то время, когда герцог Бернард поднял со своими сторонниками восстание против императора Генриха и относился сурово и враждебно ко всем церквам в Саксонии, особенно к тем, которые не желали нарушать верность императору, «архиепископ Унван, как говорят, великодушным своим охладил горячность этого мужа, так что, побужденный мудростью и благородством епископа, герцог, ранее отвратившийся от церкви, потом стал во всем к ней благосклонным. И, внимая совету архиепископа, смягчился наконец мятежный государь и под Скальцисбургом со смирением протянул руку императору Генриху»²³⁵. Затем, также при поддержке епископа, он обложил славян данью и вернул мир Нордальбингии и Гамбургской митрополии.

До восстановления разрушенной славянами митрополии достопочтенный архиепископ выстроил, как говорят, новые город и церковь и выделил [для последней] по три брата от каждого из своих мужских монастырей, так что [всех] было 12, чтобы они жили в Гамбурге, согласно законам церкви, и отвращали народ от заблуждений идолопоклонства. После смерти Регинберта он посвятил в епископы Славянии Бенно, мужа ревностного, который, будучи избран из [числа] братьев Гамбургской церкви, принес обильные плоды, проповедуя среди славянского народа»²³⁶.

18. О ЕПИСКОПЕ БЕННО

Бенно, муж большого благочестия, желая восстановить разрушенную в Ольденбурге кафедру, начал разузнавать о владениях и доходах, которые были пожалованы епископству Оттоном Великим. По так как после разрушения Ольденбургской церкви древние учреждения и дарения великих государей пришли в забвение и находились в руках славян, то поэтому упомянутый епископ стал жаловаться в присутствии герцога Бернарда на то, что вагры и бодричи и другие славянские племена отказываются [платить] полагающиеся ему подати. Тогда были созваны на собеседование князья винулов, которые, будучи опрошены, почему они уклоняются [от выплаты] епископу законного содержания, начали перечислять разные тягости поборов и говорить, что лучше уйдут из земли, чем возмут на себя еще более высокие дани. Понимая, что он не сможет восстановить права церкви в том виде, который они имели при Оттоне Великом, герцог, пустив в ход просьбы, едва

добился того, чтобы по всей бодричкой земле, с каждого дома – бедного или богатого – вносилось по две монеты епископам в доход. Кроме того, епископу были возвращены для заселения известные поместья – Босау и Незенна – и остальные владения в земле вагров. Те же, которые были расположены в отдаленной части Славии и, как упоминает древнее предание, когда-то относились к Ольденбургскому епископству, каковы Деричево, Морице, Куцин²³⁷ со всеми угодьями, епископ Бенно никогда от герцога так и не смог получить, хотя возвращения их часто добивался. Когда же благочестивому императору Генриху стало угодно созвать сейм в замке Вербене²³⁸, что по эту сторону Эльбы, чтобы испытать образ мыслей славян, то все князья винулов пришли к императору и в его присутствии заявили, что будут повиноваться империи на благо миру и покорности. Когда епископ ольденбургский повторил здесь императору старую жалобу относительно земельных владений своей церкви, славянские князья, спрошенные о владениях, принадлежащих епископу, признали, что упомянутые города со своими предметами должны принадлежать церкви и епископу. Кроме того, все бодричи, хижане, полабы, вагры и остальные племена славянские, входившие в пределы Ольденбургской церкви, дали обещание платить весь тот оброк, который был установлен Оттоном Великим в качестве десятины на содержание церквей. Однако [это] обещание их оказалось сплошным притворством и обманом. Ибо как только император, распустив сейм, обратился к другим [делам], они об обещанном и думать перестали. Ибо герцог саксонский Бернард, в военных делах усердный, но весь преисполненный жадности, живущих по соседству славян, которых подчинил себе войнами или договорами, столь большими поборами обложил, что они ни о Боге больше не помнили, ни священникам ни в чем не оказывали благожелательности. Поэтому исповедник Христов, Бенно, видя, что дело его посланничества государи этого мира не только не поддерживают, а, напротив, чинят ему всяческие препятствия, измученный напрасным трудом и не находя места, где бы отдохнула стопа его, отправился к святейшему мужу Бернварду, епископу хильдесхаймскому²³⁹, рассказал ему о своем затруднительном положении и просил утешения в [своей] беде. Тот, будучи мужем кротким, принял гостя радушно, оказал утомленному услуги человеколюбия и из средств своей церкви обеспечил его содержание, пока тот, отправившись выполнять дело своего посланничества, не найдет, вернувшись, безопасного места, в котором мог бы оставаться.

В это время упомянутый епископ Бернвард основал в отошедшем ему по наследству владении, [потратив на это], как можно видеть, громадные средства, большой храм св. Михаила Архангела и привлек [сюда] великое множество монахов для служения Господу. Когда церковь, согласно обету, была выстроена, на объявленное торжество ее освящения сошлось бесчисленное множество [народа]. И наш епископ Бенно здесь в то время, когда он освящал левую половину церкви, был так сдавлен и помят народом, что после нескольких дней все усиливавшегося недуга расстался с жизнью и был с почетом похоронен в северном приделе [церкви]. Преемником его стал Мейнхер²⁴⁰, принявший благословение от Либенция II. После него был Абелин²⁴¹, посвященный архиепископом Алебрандом.

19. О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ГОТШАЛКОМ [ХРИСТИАН]

1024 «В те дни прочный мир господствовал»²⁴² в Славии, потому что Конрад²⁴³, который наследовал императору Генриху Благочестивому, усмирил вендов частыми войнами. Однако христианская религия и служение Господу не получили от этого большой выгоды, чему виной явилась жадность герцога и саксов, которые, все захватывая, не давали, чтобы церквям и священникам что-нибудь осталось.

Князьями у славян были Анадраг, Гнеус и третий Уто²⁴⁴, плохой христианин, за что, а также за свою жестокость, был неожиданно убит каким-то саксом-перебежчиком. Сын его, по имени Готшалк, обучался наукам в школе в Люнебурге²⁴⁵. Когда он узнал о смерти отца, то оставил веру и ученье и, перейдя реку, пришел к народу винитов²⁴⁶. Собрав много разбойников, в знак мести за отца, он обрушился на всю нордальбинскую землю и учинил такое избиение христианского народа, что жестокость его перешла все границы. В стране гользатов и штурмаров и тех, которых называют дитмаршами, ничего не осталось, что бы избежало его руки, кроме известных крепостей Эзего и Бокельдебург; здесь нашло приют некоторое число вооруженных [людей] с женщинами, детьми и имуществом, сохранившимся от разграбления²⁴⁷.

Когда упомянутый князь, по обычаю разбойников, однажды проезжал по полям и лесам, он увидел, что страна, некогда полная людей и церквей, превратилась теперь в пустыню, и содрогнулся от ужаса, [видя] плоды своей жестокости, и, движимый сердечной печалью, он решил наконец удержать руку свою от нечестивых поступков. Отдалившись на короткое время от своих сторонников, уходя якобы в засаду, он неожиданно наткнулся на какого-то сакса-христианина. Когда тот, издали заметив идущего вооруженного человека, бросился бежать, он громким окриком велел ему остановиться и поклялся, что не причинит ему никакого зла. И когда испуганный человек, поверив, остановился, он начал расспрашивать у него, кто он такой и что слышно нового. И тот сказал: «Я – бедный человек, родом из Гользатии. Плохие слухи доходят ежедневно до нас, а именно, что этот князь славянский, Готшалк, великое зло причиняет народу нашему и земле нашей и кровью нашей хочет насытить жажду жестокости своей. Поистине, пришло время, чтобы Господь, Спаситель наш, отомстил за наши обиды». Готшалк ему ответил: «Во многом обвиняешь ты этого человека, князя славянского. Действительно, большие обиды причинил он народу и земле вашей, воздавая великую месть за смерть своего отца. Я и есть этот самый человек, о котором идет речь, и я пришел, чтобы поговорить с тобой. Прискорбно мне, что столько беззаконий совершил я против Господа и христиан, и я горячо желаю вернуть себе милость тех, с которыми, знаю, так несправедливо я поступил. Прими слова мои и, вернувшись к своему народу, объяви ему, чтобы он прислал в указанное мною место верных мужей, которые бы со мной тайно повели переговоры о союзе и условиях мира. Совершив это, я передам в их руки всю эту толпу разбойников, при которых меня удерживает больше необходимость, чем желание». И, так промолвив, указал ему

место и время. И тот, придя в крепость, в которой с великим страхом прятались оставшиеся в живых саксы, объявил старейшинам это слово сокровенное, побуждая их всеми способами, чтобы послали мужей в указанное для переговоров место. Но они не направили их, считая, что это – коварный прием, удобный для устройства засады.

Через несколько дней этот князь был захвачен в плен герцогом и как предводитель разбойников, брошен в темницу. Однако герцог, считая, что этот храбрый и усердный в военном деле муж будет ему полезен, заключил с ним договор и, с честью его одарив, разрешил ему уйти. И он, будучи отпущен, ушел к королю данов Кнуту²⁴⁸ и жил у него²⁴⁹ много дней и лет, ища себе славы и доблестей в разных военных походах в Норманнии и Англии. И за это был удостоен руки королевской дочери²⁵⁰.

20. О ВЕРЕ ГОТШАЛКА

После же смерти короля Кнута Готшалк вернулся в землю отцов своих²⁵¹. И, найдя свои [наследственные владения захваченными какими-то знатными людьми, решил бороться и, сопровождаемый победой, полностью вернул себе свои владения и власть. И тотчас же, стремясь приобрести себе славу и честь у Господа, стал прилагать все старания к тому, чтобы пробудить к принятию благодати веры и к заботе о церкви славянские народы, которые принятое некогда христианство предали забвению. И дело Господне в руках его так преуспело, что бесчисленное множество язычников стекалось для восприятия благодати крещения. И по всей стране вагров, полабов и бодричей были восстановлены некогда разрушенные церкви. И во все края было послано за пастырями и служителями слова [Божьего], чтобы они насытили грубые души язычников учением веры. И радовались верующие прибавлению нового рассадника [христианства]²⁵². И свершилось, что «земли наполнились церквами, церкви же пастырями»²⁵³. Даже хижане и черепяне и другие племена, обитающие за Пеной, приняли благодать веры. А Пена – это река, в устье которой расположен город Димин. Сюда некогда доходила граница Ольденбургской епархии. «Таким образом, все славянские племена, находившиеся на попечении» Ольденбургской церкви, «набожно сохраняли христианскую веру» в течение всего времени, пока жив был Готшалк. «Рассказывают, что этот действительно великой набожности муж воспытал такой любовью к Божественной религии, что часто сам в церкви обращался с проповедью к народу, причем то, о чем епископы и священники говорили непонятно, он старался передать на понятном [для народа] славянском языке»²⁵⁴. Никогда, без сомнения, не выдвигался во всей славянской земле «никто более сильный и столь же усердный в христианской религии. И поистине, если бы ему была дарована более долгая жизнь, он, [вероятно], сумел бы склонить всех язычников к христианству, если сейчас обратил почти третью часть тех, которые раньше, при деде его Мстивое, отпали в язычество»²⁵⁵. «Тогда в каждом поселении были устроены монастыри, в которых пребывали святые

мужи, жившие по законам церкви, а также монахи и монахини, как свидетельствуют те, кто в Любеке, Ольденбурге, Ратцебурге, Леонтии²⁵⁶ и других городах видел некоторых из них. В Магнополе²⁵⁷ же, знаменитом городе бодричей, было, как говорят, три конгрегации служителей Господних»²⁵⁸.

21. ВОЙНА ДОЛЕНЧАН

В те дни произошло великое движение в восточной части славянской земли, где славяне вели между собой внутреннюю войну. Их же – четыре племени, и они называются лютичами, или вильцами; из них хижане и черзепняне, как известно, обитают по ту сторону Пены, ратары же и доленчане – по эту. Между ними начался великий спор о первенстве в храбрости и могуществе. Ибо ратары и доленчане желали господствовать вследствие того, что у них имеется древнейший город и знаменитый храм, в котором выставлен идол Редегаста, и они только себе приписывали единственное право на первенство потому, что все славянские народы часто их посещают ради [получения] ответов и ежегодных жертвоприношений. Но черзепняне и хижане отказывались им подчиняться и, напротив, решили защищать свою свободу оружием. Когда волнение так понемногу разрослось, дело дошло наконец до войны, и тут в жарких битвах ратары и доленчане были побеждены. Поэтому война возобновлялась второй и третий раз, и те же теми же по-прежнему были одолены. Много тысяч людей пало с той и с другой стороны. Победителями оказались черзепняне и хижане, войну со стороны которых вызвала только необходимость. Тогда ратары и доленчане, воевавшие ради славы, сильно терзаемые позором своего поражения, призвали на помощь храбрейшего короля данов²⁵⁹ и саксонского герцога Бернарда, а также Готшалка, князя бодричей, каждого со своим войском, и содержали все это множество [людей] на собственные средства в течение шести недель. И началась война против черзепнян и хижан. У них не было сил противостоять такому громадному, осадившему их войску, и великое множество их было убито, много уведено в плен. Наконец, они купили себе мир за 15 тысяч марок²⁶⁰. Эти деньги князь разделили между собой. О христианстве они и не вспомнили²⁶¹, и никаких почестей не воздали Богу, ниспославшему им [эту] победу в войне. Отсюда можно узнать ненасытную жадность саксов, которые хотя и превосходят воинственностью и военным опытом остальные народы, соседящие с язычниками, однако предпочитают лучше дани увеличивать, чем обретать Господу [новые] души. Давно бы уже при поддержке священников окрепла краса христианства в Славии, если бы этому не мешала жадность саксов. Да будет прославлен и всякой хвалой возвышен достойнейший Готшалк, который хотя и происходил из языческого народа, однако со всей пылкостью любви снова возвратил своему народу дар веры, благодать религии! И да будут порицаемы знатнейшие из саксов, которые, будучи рождены от христианских предков и взлелеяны в лоне святой матери церкви, в деле Господнем всегда оказывались бесплодными и бесполезными.

22. О ВОССТАНИИ СЛАВЯН

В это время, когда вследствие милосердия Божьего и доблести благочестивейшего мужа Готшалка положение церкви и почитание священников достигло в Славии надлежащего расцвета, Ольденбургская церковь, после смерти епископа Абелина, была разделена на три епископства²⁶². Это было сделано, как известно, не столько по распоряжению императора, сколько устроено по замыслу великого Адальберта, архиепископа гамбургского²⁶³, ибо этот муж, знаменитый и всесильный в государстве, так как могущественный император Генрих, сын Конрада²⁶⁴, а также папа Лев²⁶⁵ были к нему благосклонны и с волей его во всем согласны, обладал во всех северных государствах (а именно в Дании, Швеции, Норвегии) властью архиепископа и полномочиями легата апостольской столицы. Не удовлетворенный этим, он желал достичь достоинства патриарха таким способом, чтобы учредить в пределах своей епархии 12 епископств, о чем рассказывать излишне, ибо для мудрых глупость и безумие этого намерения были очевидны. При дворе его собирались многочисленные священники и монахи, а также многие епископы, которые, будучи изгнаны из своих мест, кормились от его стола. Желая облегчить [для себя] тяжкое бремя, он отправил их в гущу язычников, поставив одних на уже устроенные кафедры, других – на еще неустроенные. Из них Эзо предложил избрать его в преемники Абелину в Ольденбурге; некоему Аристу, прибывшему из Иерусалима, велел быть в Ратцебурге; Иоанна назначил в Микилинбург²⁶⁶. «Этот Иоанн, из любви к странствованиям по чужим краям покинувший Шотландию, прибыл в Саксонию и милостиво, как и все, принятый архиепископом, спустя некоторое время был направлен им в славянские земли к Готшалку, пребывая у которого окрестил в это время, как пишут, многие тысячи язычников»²⁶⁷.

Прочный мир господствовал тогда во всем государстве, так как могущественнейший император Генрих сильной рукой усмирил угров, богемцев, славян и другие соседние государства²⁶⁸. Когда он перенесся к всевышнему, скипетр его наследовал сын его Генрих²⁶⁹, мальчик восьми лет. И тотчас же начались в империи 1056, 5 окт. разные беспорядки, так как князья, склонные к распрям, пренебрегали императором из-за его юного возраста. И каждый поднялся против ближнего своего, и умножились многочисленные бедствия на земле, [а именно] грабежи, пожары и убийства людей²⁷⁰.

Немного времени спустя умер Бернард, герцог саксонский, ревностно управлявший делами славян и саксов в течение 40 лет. Его наследие поделили между собой сыновья его, Ордульф и Гереман²⁷¹. Управление герцогством взял на себя Ордульф, хотя по храбрости и боевому опыту он сильно отличался от отца. И вот, едва после смерти отца его прошло 5 лет, как славяне тотчас же начали восставать и прежде всего убили Готшалка²⁷².

И вот муж, на вечные времена заслуживающий памяти за проявленную им верность Богу и государям, был убит язычниками, которых он старался обратить в веру. Но на этом «еще не наполнилась мера беззаконий аммореев»²⁷³, не «пришло

время помиловать» их²⁷⁴. Еще надлежало, чтобы пришли разномыслия и искусные были открыты²⁷⁵. Погиб же этот второй Маккавей²⁷⁶ в городе Леонтии, что иначе называется Ленчин, в седьмые иды июня²⁷⁷, вместе с пастырем Эпо, заколотым у алтаря, и многими другими как светскими, так и духовными лицами, которые претерпели различные мучения во имя Христа. Монах Ансвер и с ним другие были в Ратцебурге побиты камнями. Мученическая смерть их наступила в иды июля²⁷⁸. «Говорят, что Ансвер, когда пришел на мученическую казнь, требовал от язычников, чтобы сначала были побиты камнями его товарищи, так как боялся, чтобы они не отпали от веры. Когда же они были увенчаны [мученическим венцом], он сам с радостью преклонил со Стефаном колени»²⁷⁹.

23. МУЧЕНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ СВ. ИОАННА ЕПИСКОПА

«Епископу Иоанну, старцу, схваченному с другими христианами в Магнополе, то есть в Микилинбурге, жизнь, была сохранена для торжества [язычников]. За свою приверженность Христу он был [сначала] избит палками, потом его водили на поругание по всем славянским городам, а когда невозможно было заставить его отречься от имени Христова, варвары отрубили ему руки и ноги, тело выбросили на дорогу, голову же отсекли и, воткнув на копье, принесли ее в жертву богу своему Редегасту в знак победы. Все это происходило в столице славян, Ретре, в четвертые иды ноября»²⁸⁰.

24. ПЕРВОЕ ОТПАДЕНИЕ СЛАВЯН ОТ ВЕРЫ ХРИСТОВОЙ

«Дочь датского короля была выгнана нагой с другими женщинами из Микилинбурга, города бодричей. Она, как мы сказали выше, была женой князя Готшалка. От нее он имел сына Генриха²⁸¹, от другой [жены] родился Бутуй²⁸², и каждый из них был рожден на великое истребление славян.

Славяне, одержав победу, разрушили мечом и огнем всю гамбургскую землю. Почти все штурмары и гользаты были или убиты, или уведены в плен. Крепость Гамбург была разрушена до основания, и в насмешку над Спасителем нашим даже кресты были изломаны язычниками»²⁸³. «В это же время неожиданным набегом славян до основания был разрушен Шлезвиг», который иначе называется Хедебю, «город за Эльбой», расположенный на границе Данского королевства, богатейший и многолюдный»²⁸⁴. «Исполнилось над нами пророчество, гласящее: «Господи, пришли язычники в наследие твое, осквернили святой храм твой», и иные, в которых пророчески горько оплакивалось разрушение города Иерусалима. Виновником этого бедствия был, говорят, Блюссо, имевший женой сестру Готшалка, но и он, вернувшись домой, был умерщвлен. Таким образом, все славяне, объединенные общим движением, снова отпали в язычество, умертвив тех, которые твердо стояли в вере.

Герцог Ордульф в течение тех 12 лет, на которые он пережил отца, нередко и тщетно сражался против славян, но не смог одержать победы и столь часто был побеждаем язычниками, что был осмеян даже своими»²⁸⁵.

Происходило это движение в славянской стране в 1066 г. от рождества Христова, на 8-м году правления Генриха IV²⁸⁶. И опустела Ольденбургская кафедра на 84 года.

25. О КРУТЕ

После смерти Готшалка, мужа доброго и почитателя Бога, княжество его перешло по праву наследования к сыну его Бутую. Те, которые убили его отца, боясь, чтобы сын не стал когда-нибудь мстителем за смерть его, подстрекали народ к восстанию, говоря: «Не он должен господствовать над нами, но Крут, сын Грина»²⁸⁷. Ибо чем поможет нам то, что, стремясь к свободе, мы убили Готшалка, если он унаследует княжескую власть. Он еще больше будет нас притеснять, чем отец, и, пристав к народу саксонскому, навлечет на страну новые беды». И тотчас же, сговорившись между собой, они возвели Крута на княжество, обойдя сыновей Готшалка, которым власть принадлежала по праву. Младший из них, по имени Генрих, бежал в Данию, так как происходил из королевского рода данов. А старший, Бутуй, удалился к бардам²⁸⁸, прося помощи у саксонских князей, которым отец его был всегда предан и верен. Они, отплачивая благодарностью за дружественное отношение, начали ради него войну, и после многих утомительных походов восстановили его положение. Однако оно оставалось все время непрочным и не могло полностью укрепиться, так как, рожденный от христианина-отца и друг князей, он считался у своего народа предателем свободы. Ибо после той победы, когда, убив прежде всего Готшалка, они разрушили нордальбингскую землю, славяне сбросили вооруженной рукой иго и с таким упорством старались отстоять свою свободу, что предпочитали лучше умирать, чем снова принимать христианство, и платить дани саксонским князьям. Такое злополучие навлекла на саксов, конечно, их несчастная жадность. Будучи до сих пор в расцвете сил, славясь частыми победами, они не признавали, что война – от Господа и от Него же победа, и обложили славянские народы, которые они войнами и соглашениями себе подчинили, столькими данями, что горькая необходимость побудила тех противиться Божеским законам и игу князей. За эту вину поплатился Ордульф, герцог саксонский, который в течение всего времени, на какое пережил отца, не смог, покинутый Богом, ни одной победы одержать над славянами. И так случилось, что сыновья Готшалка, возлагая надежды свои на герцога, опирались, оказалось, на тростниковую, и притом, сломанную палку.

После смерти Ордульфа власть унаследовал сын его Магнус, рожденный от дочери данского короля²⁸⁹. И тотчас же, с самого начала своего правления, он направил [все свои] помыслы и силы на усмирение восстаний славян, к чему подстрекал его сын Готшалка, Бутуй. Но они единодушно начали ему сопротивляться, руководимые Крутом, сыном Грина, который был враждебно настроен по отношению к

христианству и герцогской власти. И прежде всего они изгнали Бутуя из его страны и разрушили крепости, в которых он находил убежище. Видя, что его лишили княжеской власти, он бежал к герцогу Магнусу, который пребывал тогда в Люнебурге, и обратился к нему со следующими словами: «Известно твоему сиятельству, величайший из мужей, как верно управлял всегда отец мой, Готшалк, к чести Господа и деда твоего славянскими землями, не спуская им ничего, что по праву касалось служения Богу и верности князьям. Я же, стараясь сравниться с отцом в покорности, верно и преданно содействовал всем распоряжениям князей, подвергая себя бесконечным опасностям, чтобы мне хоть одно пустое честное звание досталось, вам же плоды. Ни для кого не составляет тайны, какая награда постигла меня и отца моего, ибо у него жизнь, а у меня отечество отняли враги наши, враги, говорю, не только наши, но и твои. Итак, если ты хочешь позаботиться о своей чести и о спасении твоих, тебе следует применить силу и оружие. Жребий наш достиг последнего предела, и надо спешить [действовать] раньше, чем двигающиеся вперед враги используют нордальбингскую землю». Выслушав это, герцог ответил: «Я не могу в этот раз сам выступить, так как меня задерживают важные помехи, но я дам тебе бардов, штурмаров, гользатов и дитмаршей, с помощью которых ты сможешь задержать на время продвижение врагов. Я же, если в этом будет необходимость, спешно за вами последую». Выступить в настоящее время мешал герцогу день его свадьбы.

Взяв храбрейших бардов, Бутуй перешел Эльбу и поспешил в землю вагров. Послы же герцога пробежали всю нордальбингскую землю, побуждая народ выйти для оказания помощи Бутую, которого одолевают враги. А он, стоя во главе 600 и более вооруженных мужей, пришел к крепости Плуне²⁹⁰ и нашел город сверх всякого ожидания открытым и пустым от людей. Когда он вошел туда, одна тевтонская женщина, которая там оказалась, сказала ему: «Бери все, что найдет рука твоя, и как можно скорее уходи, так как это из хитрости сделано, что город оставлен открытым и без стражи. Услышав о твоём приходе, славяне завтра вернутся с большим войском и обложат город осадой». Ничего не ответив на сказанное, он остался в этой крепости всю ночь. А город этот, как это можно и теперь видеть, окружен со всех сторон весьма глубоким озером, и [только] очень длинный мост обеспечивает приходящим доступ к нему. На следующий день, когда рассвело, бесчисленные полчища славян, как и было предсказано [накануне] вечером, обложили город осадой, позаботившись о том, чтобы на всем острове нельзя было найти ни одной лодки, при помощи которой осажденные получили бы возможность уйти из города.

Из-за голода Бутуй и его товарищи с большим трудом выдерживали осаду. Получив это несчастное известие, храбрейшие из гользатов, штурмаров и дитмаршей поспешили, чтобы освободить город от осады. Придя к реке по названию Свала²⁹¹, которая отделяет саксов от славян, они выслали вперед [одного] человека, знавшего славянский язык, чтобы он высмотрел, что делают славяне и как они готовятся к приступу на город. Посланный своими товарищами, этот человек пришел в славянское войско, которое, заняв все пространство поля, готовило разные машины, нужные для приступа. И он обратился к ним с такими словами: «Что делаете, о му-

жи, осаждая город и людей, дружественных князьям и саксам? Во всяком случае эта попытка не пойдет вам на пользу. Герцог и другие государи приказывают вам как можно скорее снять осаду. Если вы этого не сделаете, то через короткое время почувствуете их месть». Когда они со страхом спрашивали, где находится герцог, он ответил, что он находится очень близко и с бесчисленным множеством войска. Тогда князь славян, Крут, отведя посланца в сторону, расспрашивал его об истинном положении дел. На что тот сказал: «Что дашь мне в награду, если открою тебе то, о чем ты спрашиваешь, и сделаю так, что ты овладеешь, согласно своему желанию, этим городом и теми, которые в нем находятся?». И он договорился [дать] ему 20 марок. Тотчас же после того, как обещанное было подтверждено, этот предатель сказал Круту и товарищам его: «Герцог, которого ты боишься, еще не перешел берегов Эльбы, задержанный серьезными препятствиями, одни только штурмары, голзаты и дитмарши выступили в небольшом числе. Их я легко, одним лишь словом, отведу и заставлю вернуться на места свои». Промолвив это, он перешел мост и сказал Бутую и товарищам его: «Позаботься о спасении своим и мужей, которые с тобой, так как саксы, на которых ты возлагаешь надежду, не придут на этот раз помочь тебе». Тогда, упав духом, тот воскликнул: «О, горе мне, несчастному, за что оставлен я друзьями? Как благороднейшие саксы покинут в беде просящего у них и нуждающегося в их поддержке? Как же зло я обманут! Всегда питая к саксам большое доверие, теперь в этой крайней нужде я ими погублен». На что тот сказал: «Раздоры наступили среди этих народов, и, возмущившись друг против друга, они вернулись каждый в дом свой. Таким образом, тебе следует принять другое решение».

Запутав так положение вещей, вернулся этот посланец к своим. Когда его расспрашивали прибывавшие саксы, как обстоят дела, он отвечал им: «Пошел я в крепость, в которую вы посылали меня, но никакой, по милости Божьей, опасности там нет, никакого страха перед осадой. Напротив, я видел, что Бутуй и те, которые с ним, веселы и ни о чем не беспокоятся». И таким образом он удержал войско, чтобы оно не пошло к осажденным на подкрепление. Этот человек стал виновником гибели Бутуя и его товарищей. Ибо сразу, после того как осажденные, обманутые хитростью предателя, потеряли надежду на выход [из крепости], они начали тщательно выведывать у врагов, не хотели ли бы те получить какого-нибудь выкупа за спасение их жизни. Те им отвечали: «Золота и серебра мы от вас не возьмем, жизнь же и невредимость членов ваших сохраним, если, выйдя, вы сдадите нам оружие». Услышав это, Бутуй сказал своим товарищам: «Жестокое условие, о мужи, предлагаются нам, – чтобы, выйдя, мы сдали оружие. Знаю, что голод принуждает нас к сдаче. Но если, согласно предложенным нам условиям, мы выйдем безоружными, то все равно подвергнем себя опасности. Сколь изменчива, сколь ненадежна искренность славян, мне пришлось не раз убедиться. Мне кажется, осторожнее для общего спасения будет отсрочкой этого [выхода], хотя и тяжелой [для нас], жизнь купить и подождать, быть может, Господь пошлет нам откуда-нибудь помощников». Но товарищи его воспротивились этому, говоря: «Мы признаем, что предлагаемое нам неприятелем условие двусмысленно и внушает тревогу, однако им надо воспользоваться, так как избежать этой опасности другим

путем невозможно. Чему поможет отсрочка, когда нет никого, кто избавил бы [нас] от осады? Голод приносит более жестокую смерть, чем меч, и лучше скорее жизнь окончить, чем долго мучиться».

26. О СМЕРТИ БУТУЯ

Бутуй, видя, что товарищи его укрепились в решении выйти [из крепости], приказал принести ему нарядные одежды и, одевшись в них, вышел с друзьями. Пара за парой перешли они мост, сдавая оружие, и, таким образом, были приведены к Круту. Когда все пред ним предстали, одна знатная женщина обратилась из крепости к Круту и к остальным славянам с повелением, говоря: «Погубите этих людей, которые сдались вам, и не вздумайте пощадить их, потому что они учинили великое насилие над женами вашими, которые были оставлены с ними в городе, смойте позор, нанесенный нам». Услыхав это, Крут и сподвижники его тотчас же накинулись на них и острием меча истребили все это множество [людей]. Так были Бутуй и с ним все отборное войско бардов под крепостью Плуней в тот день убиты²⁹².

И стал могущественным Крут, и благополучно было дело в руках его, и получил он власть над всей славянской землей, и уничтожены были силы саксов, и служили они Круту данью, а именно вся земля нордальбингская, которая делилась между тремя народами – гользатами, штурмарами и дитмаршами. Все они во все время [правления] Крута несли тягчайшее иго.

И наполнялась земля разбойниками, которые убивали и уводили в плен [многих] из народа Божьего и пожирали народы саксов «полным ртом»²⁹³. В эти дни поднялось более чем 600 семейств из племени гользатов и, перейдя реку, отправилось в далекий путь, ища удобных мест, где можно было бы избежать пыла [жестокого] преследования. И пришли они в горы Гарц²⁹⁴ и остались там сами и дети, и внуки их до нынешнего дня.

27. О ПОСТРОЙКЕ ГАРЦБЕРГА

Нет ничего удивительного, что «среди строптивого и развращенного рода»²⁹⁵, «в великой и страшной пустыне»²⁹⁶, происходили печальные события, если и по всей империи возникали в эти дни военные бури.

Управление государством, которое пришло в немалый упадок во время малолетства короля Генриха²⁹⁷, оказалось в не меньшей опасности и в годы его юности. Ибо тотчас же после того, как он достиг совершеннолетия и, удалив наставника [своего]²⁹⁸, стал сам себе господином, он начал жестоко преследовать весь саксонский народ. И в конце концов он отобрал у Оттона²⁹⁹, так как тот был саксом, герцогство Баварию и отдал ее Вельфу³⁰⁰. После этого для угнетения всей Саксонии он поставил на горе Гарце сильно укрепленную крепость, под названием Гарцберг³⁰¹. Собравшись воедино, разгневанные князья саксов разрушили до основания эту

крепость, которая была поставлена, чтобы их подчинить. И ожесточились саксы против короля. А государями были у них Вицело, епископ магдебургский³⁰², Букко, епископ хальберштадтский³⁰³, герцог Оттон, герцог Магнус³⁰⁴, маркграф Удо³⁰⁵ и множество других знатных. Чтобы обуздать дерзость их, король поспешно прибыл с войском, соединившись с герцогом свевским, Родульфом³⁰⁶, и многими другими имперскими князьями. Но и саксы не мешкали и мужественно бросились в бой, и войска сошлись на реке Унстрот³⁰⁷. И когда уже оставалось немного времени до битвы, решили обе стороны на совете заключить на два дня перемирие, надеясь потушить войну миром. Довольные перемирием саксы тотчас же побросали оружие и разошлись по всему полю, разбили лагерь и предалися заботам о теле. Около 9 часов дня разведчики императора заметили, что саксы спокойно разбрелись по всему полю, не подозревая ничего плохого, и поспешно сообщили императору, якобы саксы готовятся к бою. Тогда побужденное [этой вестью] войско императора, перейдя вброд [реку], напало на спокойных и безоружных саксов и уничтожило в тот день много тысяч их.

Когда саксы, чтобы защитить свою свободу, пытались опять угрожать войной, герцог свевский, муж добрый и миролюбивый, заботясь, во-первых, о чести короля, во-вторых, о спасении саксов, добился от них, чтобы государи их, Вицело магдебургский, Букко хальберштадтский, герцог Оттон, герцог Магнус, маркграф Удо, передались во власть короля на тех условиях, что не будут подвергнуты заключению и не получат никаких телесных повреждений. Но тотчас после того как соблазненные условиями саксы передались под власть короля, он приказал взять их под усиленную стражу, не заботясь о сохранении веры данному слову. И омрачился герцог Родульф, так как не смог выполнить обещанного.

28. О ПУБЛИЧНОМ ПОКАЯНИИ КОРОЛЯ ГЕНРИХА

Несколько дней спустя саксонские государи, освобожденные против воли короля из плена, вернулись по домам, но с тех пор они никогда уже обещаниям короля не верили. И отправили саксонские государи донесение в апостольскую столицу, жалуясь [в нем] достопочтенному папе Григорию³⁰⁸ на то, что король, пренебрегая Божественными законами, отнял у церкви Господних свободу канонического избрания при установлении епископов, сам ставя насильственным образом в епископы тех, кого захочет. Они жаловались еще, кроме того, на то, что он по обычаю николаитов³⁰⁹ из жены своей сделал публичную женщину, силой отдавая ее в жертву распутства другим, и чрезвычайно много иных еще вещей [совершил], которые видеть непристойно и о которых слушать трудно. Поэтому владыка апостольский, ревностью к справедливости побужденный, отправил послов к королю, призывая его на свидание в апостольскую столицу. Тот не внял ни второму, ни третьему приглашению, но в конце концов, побуждаемый советами друзей, опасавшихся, чтобы он, как того требовала справедливость, не был бы низложен с престола, отправился в Рим, где отдал себя на суд верховного пастыря по всем

делам, за которые законно был привлечен. И повелели ему, чтобы в течение целого года он Рима не покидал, на коня не садился, но в скромной одежде обходил пороги церквей, принося в молитвах и постах достойный плод покаяния, что король и старался смиренно выполнять³¹⁰.

Тогда, видя, что в страхе пред апостольской столицей трепещут могущественные государи и склоняются те, кто мир носит³¹¹, кардиналы и те, которые состоят в курии, внушили папе, чтобы он передал государство другому мужу, говоря, что недостойно тому править, кто изболжен в публичных проступках.

И когда папа начал разведывать, кто бы в Германии был достоин такой чести, ему указали на герцога свевского Родульфа, так как был он мужем добрым, миролюбивым и был весьма предан духовенству и церкви. И папа послал ему золотую корону, надписанную таким стихом:

*Скала Рим Петру дала, папа же тебе корону*³¹².

И предписал папа могонтскому и кельнскому и другим епископам и государям, чтобы они держали сторону Родульфа и поставили его королем. И принявшие это повеление папы избрали в короли Родульфа, и примкнули к нему также саксы и свевы. Другие же из государей и города, расположенные по Рейну, не приняли его, так же как и все племена франков, ибо они присягали Генриху и не хотели нарушать присяги³¹³.

Генрих же, повинувшись приказу папы, оставался в Риме и дальше, не подозревая о кознях, которые против него чинились.

29.³¹⁴

1077 И выступил тогда некий епископ страсбургский, близкий друг короля Генриха³¹⁵, и, поспешно в Рим отправившись, после долгих поисков нашел короля, пребывающим среди памятников святых [мучеников]. Обрадованный прибытием епископа, король начал расспрашивать о положении государства и о том, сохраняется ли там все в мире. Тот сказал ему, что избран новый король и что ему необходимо скорее вернуться в тевтонскую землю, чтобы направить помыслы друзей и обуздать намерения врагов. Когда король стал отговариваться, что никоим образом без разрешения апостольской столицы уйти не может, тот ответил: «Так знай же, что все зло этого заговора вышло из источника римского вероломства. Нет напротив, если ты хочешь избегнуть плена, то тебе следует тайком уйти из столицы». И тогда, уйдя ночью, король направился в Италию и, укрепив сообразно с обстоятельствами положение в Лангобардии³¹⁶, прибыл в тевтонскую землю. Прирейнские города и все, кто держал его сторону, были обрадованы неожиданным прибытием государя.

1080 И собрал он большое войско, чтобы одолеть Родульфа. Были с ним и славнейший герцог Готфрид, тот, который потом освободил Иерусалим³¹⁷, и много [других] могущественных мужей. Войска же саксов и свевов были с Родульфом. И началась между королями война, и сторона Родульфа потерпела поражение, саксы и

свевы были разбиты. Раненный в правую руку Родульф бежал в Марциполис³¹⁸ и [там], будучи уже близок к смерти, сказал своим приверженцам: «Видите мою правую руку, пораженную раной? Это ею я присягнул королю Генриху в том, что не буду вредить ему и злоумышлять против славы его. Но повеление папы и просьбы епископов привели меня к тому, что, нарушив присягу, я присвоил «себе звание, мне не надлежащее. Какой конец постиг меня, вы видите: смертельная рана нанесена мне в руку, которой я нарушил присягу. Так пусть же те, кто нас к этому подстрекнул, увидят, как они привели нас к тому, что мы будем ввергнуты, может быть, в пропасть вечного осуждения». И, сказав это, он с великой скорбью завершил последний день [своей жизни]³¹⁹.

30.

Тогда, гордый достигнутыми успехами, король Генрих созвал великий собор епископов и велел осудить на нем папу Григория как государственного изменника и нарушителя мира в церкви. Затем, собрав огромное войско, он перешел в Италию и, заняв столицу империи, Рим, и перебив в нем много жителей, изгнал оттуда Григория. И, овладев, согласно своему желанию, городом и сенатом, велел поставить в папы Виберта, епископа Равенны³²⁰. И когда он получил от него благословение, тогда римский народ торжественно провозгласил его императором и августом³²¹.

И стало слово это великой петлей для Израиля³²², ибо с этого дня начался такой раскол церкви Господней, какого от древних времен не было. Те, которые считались самыми совершенными, столпами храма Божьего, присоединились к Григорию. Остальные, которых побуждал страх перед императором или милость его, последовали за Вибертом, иначе Клеменсом. И такой раскол продолжался 25 лет. Когда Григорий умер, преемником его стал Дезидерий, после него Урбан, затем Пасхалий³²³. И все они, пребывая у королей Франции, Сицилии и Испании, защищавших католическую сторону, присуждали императора с его папой к отлучению от церкви.

Восстановив после поражения опять свои силы, саксы поставили у себя королем некоего Германа, по прозвищу Ключфлех³²⁴, и возобновили войну против императора Генриха. Когда новый государь саксов, дважды одержав победу, вступал победителем в одну крепость, по чудесному соизволению Божьему случилось, что ворота сорвались с петель и раздавили короля со многими людьми.

Так попытка саксов оказалась бесплодной. Больше они не отваживались ни себе нового короля ставить, ни оружия поднимать против императора Генриха, видя, что с благословения и разрешения Божественной воли королевство сохраняется за ним.

31. О ПОСЛАНИИ МОНАХА ПЕТРА

В последние дни [правления] Генриха Старого³²⁵ произошло событие, достойное упоминания и сохранения в памяти потомков. А именно: некий Петр, испанец

1196 по происхождению, монах по призванию³²⁶, вступив в пределы Римской империи, начал проповедовать по всему государству, увещевая народы идти в Иерусалим, чтобы освободить святой город, находившийся в руках язычников. При этом он показывал спустившееся, как он утверждал, с неба послание, в котором [было написано], что времена народов исполнились и город, угнетаемый язычниками, должен быть освобожден. И тогда властители всех стран, епископы, герцоги, префекты, рыцари и плебеи, аббаты и монахи под предводительством храбрейшего Готфрида³²⁷ предприняли поход в Иерусалим и, полагаясь на помощь Божью, захватили Никею, Антиохию³²⁸ и многие [другие] города, находившиеся во власти язычников. И, двигаясь оттуда дальше, они освободили из рук язычников [и] святой город³²⁹. И с тех пор начала здесь шириться слава Господня, и народы земные поклоняются Господу в месте, где ступали ноги Его.

32. НИЗЛОЖЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ГЕНРИХА

По истечении этих дней умер Виберт, иначе Клеменс, и прекратился раскол, и вернулась вся церковь к Пасхалию, и стало «едино стадо и один пастырь»³³⁰. И когда Пасхалий утвердился на престоле, он приказал всем епископам и служителям католической веры отлучить императора от церкви. Этот приговор оказал такое действие, что государи, собравшись на сейм, постановили отобрать корону у Генриха и передать ее сыну его, носящему то же имя. Он же уже давно был по просьбе отца выдвинут ему в преемники³³¹.

Итак, посланные государями [епископы] могонтский, кельнский, вормский³³² 1105 пришли к королю³³³, который находился тогда в небольшом дворце Ингельстейме³³⁴, и передали ему от их имени повеление, говоря: «Вели отдать нам корону, перстень, порфиру и [все] остальное, что относится к [знакам] императорского достоинства 1196³³⁵ и должно быть передано твоему сыну». Когда он спросил о причине своего низложения, они ответили: «Зачем ты спрашиваешь о том, что ты сам лучше знаешь? Ты помнишь, как в течение многих лет страдала по твоей вине вся церковь в заблуждениях великого раскола? Как ты выставял на продажу епископства, аббатства и все церковные должности, так что при установлении епископа отсутствовала всякая возможность свободного избрания, а [соблюдался] один лишь денежный расчет? За эти и другие дела постановила апостольская власть при единодушном согласии государей не только лишить тебя престола, но и отлучить от церкви». На что король сказал: «Вы говорите, что мы продавали церковные должности за деньги. В вашей власти приписывать нам такое преступление. Но скажи, о могонтский епископ, скажи, заклиная тебя именем вечного Бога, что мы взыскали или получили [от тебя], когда поставили тебя в Могонтии? Или ты, епископ кельнский, призываем в свидетели совесть твою, что дал ты нам за престол, который по нашей милости ты занимаешь?». Когда они признали, что никаких денег за это дело не было ни дано, ни получено, король сказал: «Хвала Богу, что хоть в этой части обнаружена наша честность. А ведь эти две должности – самые выдающиеся и могли принести большие доходы нашей

казне. Наконец, епископ вормский. Как он был принят нами, до чего вознесен! Чем мы при этом руководствовались, расположением ли к нему или расчетом, – это ни для вас, ни для него самого не тайна. Достойную же благодарность воздаете вы за наши милости. Не будьте, прошу вас, соучастниками тех, кто поднял руку против господина и короля своего, нарушил веру и присягу. Вот мы уже слабеем, и недолго осталось жить нам, изнуренным старостью и трудами. Держитесь же спокойно и не дайте славе нашей завершиться позором. Если, как вы говорите, нам надлежит совсем уйти, и это решение твердо, то пусть будет назначен суд, пусть установят 1105 любой день для него; и если сейм постановит, мы собственными руками передадим корону нашему сыну. Мы настоятельно требуем созыва генерального сейма.

Когда они начали против этого возражать и говорить, что поручение, ради которого посланы, выполняют непременно, король, удалившись от них на короткое время, обратился за советом к верным [приверженцам]. И, видя, что послы прибывли в сопровождении войска и что сопротивляться невозможно, он велел принести себе королевские одежды, облачился в них и, воссев на троне, обратился к послам, говоря: «Эти знаки императорского достоинства вручены мне по милости царя вечного и по единодушному выбору князей империи. Господь, который возвел меня по соизволению своему на такую вершину, может сохранить мне то, что дал, и удержать руки ваши от предпринятого намерения. Поэтому нам, лишившимся войска и оружия, следует крепче положиться на помощь Божью. Занятые до сих пор внешними войнами мы всегда твердо и ревностно стояли на страже нашей [страны], избегая при поддержке Божьей военных потерь то благоразумием, то доблестью в сражениях. Об этой же внутренней беде мы не подозревали, а поэтому не принимали мер предосторожности против нее. Ибо кто бы мог поверить, чтобы такое беззаконие появилось в христианском мире, чтобы принесенную государю присягу верности нарушали, сына возбуждали против отца, чтобы, наконец, никакой благодарности за [оказанные] милости и никакого почтения за доброе отношение не проявляли. Императорская власть даже по отношению к врагам имеет обыкновение соблюдать правила благопристойности и тем, которые должны быть обречены на изгнание или осуждены, не отказывает в лекарстве вызова или суда, и раньше, чем поразить, предостерегает, сначала поощряет к раскаянию, потом выносит приговор. А нас наперекор всем Божеским законам отказываются вызвать и выслушать, поэтому нас душат и не слушают. Кто бы мог поверить, что столь отвратятся [от нас] сердца вернейших друзей, а особенно сердца епископов. О Господе миротворце вам напоминаем, пусть страх пред Ним удержит вас, вас, которых не может удержать справедливость. Если же вы не уважаете ни Бога, ни своего достоинства, тогда вот мы здесь пред вами, мы не можем противостоять насилию и вынуждены подчиниться силе, противиться которой не в состоянии».

Епископы начали колебаться, [не зная], что им делать, ибо начало великих дел всегда трудно. Тогда епископ могонтский обратился к своим товарищам, говоря: «Доколе мы будем бояться, о друзья! Разве не наша обязанность посвящать в короли и посвященного облачать? И если это можно по приказу государей делать, то разве нельзя и отменить по их же повелению? Мы облачаем заслужившего, почему

нам не снять облачения с незаслужившего?». И тотчас же, приступив к делу, они набросились на короля и сорвали с его головы корону. Затем, низведя [его] с трона, сняли они с него багряницу и все остальное, что принадлежало к священным одеждам. Тогда король, объятый стыдом, сказал им: «Пусть видит Господь и пусть судит, как несправедливо вы поступаете со мной. Конечно, я страдаю за прегрешения моей юности, получая от Господа мерой того же веса бесчестия и позор, каких никто из королей, до меня бывших, как известно, не испытал. Однако и вы не свободны от греха, вы, которые подняли руку на своего господина и нарушили принесенную вами присягу; пусть видит Бог и пусть отомстит вам Бог, говорю я, Господь мститель. Да не возвеличится честь ваша и да разделите вы судьбу того, кто предал Господа нашего Христа».

Но они не слушали его и, направившись к его сыну, вручили ему знаки императорского достоинства и утвердили его на престоле³³⁶.

33.

И тогда поднялся сын против отца и изгнал его из государства. Уходя от сына своего, тот пришел в княжество, которое называется Линтбург³³⁷, стремясь вперед и торопясь, чтобы уйти от рук, ищущих жизни его. А был в этой стране благородный князь³³⁸, у которого император, будучи еще у власти, отнял княжество Линтбург и передал другому. И случилось, что этот князь, предававшийся как раз охоте, находился близ дороги, по которой следовал император в сопровождении девяти мужей, и заметил, как тот убегает от сына своего. Какие-то слухи об этом до него доходили. Сев на коня и захватив с собой своих рыцарей, князь спешно последовал за королем. Император, увидев его и приняв за врага, начал опасаться за [свою] жизнь и, воскликнув громким голосом, стал просить о снисхождении. Тогда князь сказал: «Плохое вы, государь, снисхождение мне оказали, вы, который некогда отказали просящему в милости и отняли у меня герцогство». «За это, – сказал император, – я теперь страдаю, ибо сын мой поднялся против меня, и я лишился своего достоинства». Видя императора оставленного [всеми], князь этот, движимый состраданием, сказал ему: «Хотя, конечно, вы употребили вашу власть мне во зло, но Бог видит, каким состраданием к вам я охвачен. Ибо величайшее беззаконие совершено против вас и как раз теми, к которым вы были всегда благосклонны и благодетельны. Как вам кажется, нет ли среди князей кого-нибудь, кто остался бы вам верен?». И когда император сказал, что не знает, так как не пытался [выяснить], тот промолвил: «Господь может восстановить ваше достоинство, потому что несправедливо поступили с вами. Сделайте то, что я [вам] посоветую, остановитесь в этом городе и займитесь заботой о своем измученном теле, а мы пошлем во [все] страны и города и попытаемся, не сможем ли найти где-нибудь поддержки. Ибо, быть может, справедливость еще не совсем покинула сыновей человеческих».

И незамедлительно послал он в окрестности за рыцарями и, собрав около 800 панцирников, присоединился к императору и перевел его в большой город

Кёльн. Жители же Кёльна его приняли. Когда об этом услышал сын [императора], он пришел с большим войском и осадил Кёльн. И поскольку осада становилась все тяжелее, то император, боясь за город, ушел тайком ночью и бежал в Леодиум³³⁹. И пришли туда к нему все верные мужи, сердцами которых владело сострадание. Увидев число приверженцев своих, император решил бороться. И так как сын с большим войском преследовал его, то он вышел навстречу ему у реки Маз³⁴⁰. И [здесь] он обратился с просьбой к князьям и ко всему своему мужественному войску, говоря: «Если всемогущий Бог поможет нам сегодня в битве и мы выйдем победителями, сберегите мне сына моего и не вздумайте его убивать». И произошла битва, и отец, одержав победу, отогнал сына за мост, и многие там были убиты мечом, а многие утонули в реке. И опять возобновилась битва, и старший император был побежден, схвачен и заключен.

Сколько обид, сколько оскорблений этот знаменитый муж в те дни претерпел, и рассказать трудно и для слуха печально. Издевались над ним друзья, насмехались также и враги. И, наконец, еще, как рассказывают, внезапно среди всех появился некий бедный, но ученый человек и сказал ему: «Состарился ты в злых днях! ныне обнаружились грехи твои, которые ты делал прежде, производя суды несправедливые, осуждая невинных и оправдывая виновных»³⁴¹. Когда присутствующие, то есть мужи, приверженные императору, разгневались, он удержал их, сказав: «Не гневайтесь на него, прошу вас. Вот если мой сын, который вышел из чресел моих, ищет души моей, чего же требовать от чужого? Предоставьте ему злословить, ибо такова воля Господня»³⁴².

Был там тогда епископ спирский³⁴³, некогда императору весьма любезный, ибо он [для него] и громадный храм в честь Богоматери в Спире построил и достойно расширил город и епископство. И сказал император другу своему, епископу спирскому: «Вот, лишившись престола, я потерял [всякую] надежду, и ничто для меня не будет полезнее, как отказаться от военной службы. Дай мне какое-нибудь место у себя в Спире, чтобы я стал служить Госпоже моей, Матери Господа моего, Которой я всегда был предан. Я умудрен в науке и могу пока еще прислуживать в хоре». На что тот ответил: «О Матерь Божья, я не сделаю для тебя того, о чем ты просишь». И тогда император, глубоко вздыхая и проливая слезы, сказал присутствующим: «Помилуйте меня, помилуйте меня вы, друзья мои, ибо рука Господня коснулась меня»³⁴⁴.

И умер император в то время в Леодиуме, и тело его оставалось в какой-то заброшенной часовне в течение пяти лет непогребенным. Так сурово отомстили ему папа и другие противники его, что и мертвого хоронить не разрешали. О сколь велик Суд Господень, который исполнился над столь могущественным мужем. Будем же питать надежду на то, что огонь этого несчастья выжжет из него скверну и уничижил ржавчину. Ведь сколь часто, «будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром»³⁴⁵. А был император к церквам очень добр, к тем именно, преданность которых чувствовал. Римского же первосвященника Григория и других, злоумышлявших против достоинств его, считал он врагами и старался бороться с ними. К этому принуждала его, как многие говорят, необходимость. А кто же равнодушно стерпит хотя бы самый небольшой ущерб,

нанесенный достоинству его? Мы ведь читаем, что многие грешили, однако им приходило на помощь лекарство раскаяния. Давид, совершив грех и раскаявшись в нем, остался царем и пророком³⁴⁶. Император же Генрих, припав к стопам апостольским, молил[ся], каялся, напрасно пресмыкался, но не нашел во времена милости к себе того, что получил во времена сурового возмездия. Но пусть толкуют об этих делах те, которые о них знают или дерзают толковать. Одно только знать следует, – это то, что римская столица до сегодняшнего дня страдает за тогда совершенное. Сколько государей с того самого времени из этого рода ни правило, все всеми способами старались унижить церковь, чтобы она не вздумала восставать опять против императоров и не причиняла им того, что причинила отцам их.

Генрих Младший³⁴⁷ правил вместо отца, и было согласие между престолом и духовенством, но недолгое время. Потому что и он не был счастлив в жизни своей, будучи опутан, подобно отцу своему, апостольским престолом. Об этом будет сказано в свое время.

Рассказав по необходимости об этих смутах в империи и о разных войнах с саксами, потому что они именно и явились главной причиной отпадения славян, я должен опять вернуться к истории последних, от которой давно уже отошел.

34. О СМЕРТИ КРУТА

Случилось, что когда Крут, князь славян и гонитель христианства, обессилел от старости, Генрих, сын Готшалка, покинул Данию и вернулся в землю отцов своих³⁴⁸. Когда же Крут закрыл ему всякий доступ [в страну], он, собрав некоторое количество кораблей у данов, а также у славян, напал на Ольденбург и на всю приморскую область славянскую и вывез оттуда безмерную добычу. И когда он совершил это во второй и в третий раз, великий ужас охватил все славянские племена, обитающие на островах и на берегу моря, и до такой степени, что Крут сам сверх всякого ожидания предложил Генриху мирные условия и, согласившись на его возвращение [в страну], предоставил ему селения, удобные для жилья. Однако он сделал это не с честным намерением: Крут хотел подавить [этого] молодого, храброго и воинственного человека хитростью, не будучи в состоянии уничтожить его силой. И поэтому на устраивавшихся от времени до времени пиршествах он испытывал его дух, подбирая удобное для выполнения своих коварных замыслов время.

А тому не хватало ни ума, ни хитрости, чтобы уберечь себя [от опасности]. Славина, жена Крута, часто его спасала, сообщая о [готовящихся] кознях. И в конце концов, возненавидев своего уже старого мужа, она решила выйти замуж за Генриха, если это будет возможно.

Побуждаемый этой женщиной, Генрих пригласил Крута на пир. [И здесь] на него, опьяневшего от обильного питья, когда он выходил, нагнувшись, из покоя, где они пировали, напал с топором некий дан и одним ударом отсек ему голову.

Так Генрих получил Славину в жены, захватил власть и страну. И занял крепости, которые принадлежали до того Круту, и воздал врагам своим месть³⁴⁹.

Затем он отправился к герцогу Магнусу, ибо был его родственником³⁵⁰, и, возвеличенный последним, принес ему присягу в верности и покорности. Он созвал все до единого народы нордальбингов, которые Крут сильно притеснял, и заключил с ними крепкий союз, которого никакая военная непогода не могла бы нарушить. И радовались гользаты и штурмары и остальные саксы, соседящие со славянами, тому, что погиб их величайший враг, который обрекал их на смерть и на плен, и на изгнание, а вместо него поднялся новый князь, который возлюбил спасение Израиля. И они охотно служили ему, спешили с ним вместе на разные военные опасности, готовые с ним как жить, так и храбро умереть. Когда все славянские народы, именно те, которые обитают к востоку и югу, услышали, что появился среди них князь, который говорит, что они должны подчиниться христианским законам и уплатить дани князьям, они сильно вознегодовали и согласились все единой волей и единым решением вступить в войну с Генрихом и поставить вместо него того, кто бы был во все времена настроен против христиан.

Генриха известили, что славянское войско вышло против него, чтобы его свергнуть. Он тотчас же отправил послов, призывая герцога Магнуса и храбрейших из бардов, гользатов, штурмаров и дитмаршей. И они все поспешили с готовностью и доброй волей и, вступив в землю полабов, [пришли] к полю, называемому Смилово³⁵¹, где по всему его пространству было рассеяно неприятельское войско.

Магнус, видя, что войско славян велико и снабжено оружием, побоялся вступать в сражение с ним. И так битва была отложена с утра на вечер потому, что посредники старались прекратить войну соглашением. Герцог же с нетерпением ожидал помощи от войска, которое, он надеялся, [скоро] придет. И незадолго до захода солнца это произошло. И вот лазутчик герцога возвещает ему, что издали приближается снабженное оружием войско. Увидев его, герцог обрадовался. Саксы воспрянули духом и, испуская клики, начали битву. И были сломлены боевые ряды славян, и, рассеявшись в бегстве, они были все перебиты острием меча. И стала знаменитой и достойной упоминания эта победа саксов. Ибо Господь был с верующими в Него и отдал множество в руки немногих. Рассказывают те, отцы которых принимали участие в этой битве, что блеск уже заходящего солнца до того ослепил обращенные к нему во время боя глаза славян, что из-за света они ничего не могли видеть. Так, при помощи малой помехи, всемогущий Бог нанес врагам своим великий удар. И с этого дня все племена этих восточных славян служили Генриху, платя ему дань. И стал он знаменитым среди славянских народов, снискав заслуженную известность своей честностью и стремлением к миру. И велел он народу славянскому, чтобы [каждый] муж обрабатывал поле свое и занимался трудом полезным и подходящим. И истребил он разбойников и отступников в стране. И вышли народы нордальбингов из крепостей, в которых сидели, запершись, опасаясь войны, и вернулся каждый в селение и владение свое, и были восстановлены дома и церкви, разрушенные во время военных невзгод. Однако во всей Славии не было еще ни церквей, ни священников, кроме [одного] только города, который теперь называется старым Любеком³⁵², потому что Генрих со своей семьей часто там пребывал.

35. О СМЕРТИ ГРАФА ГОТФРИДА

- 1106 После этого умер герцог саксонский Магнус, и император отдал герцогство графу Людеру³⁵³, так как у Магнуса не было сыновей, а только дочери. Из них одна, по имени Эйлике, вышла замуж за графа Оттона³⁵⁴ и родила ему [сына], маркграфа Альберта, по прозвищу Медведь³⁵⁵. Вторая из дочерей, по имени Вульфилда, отдана была в жены герцогу баварскому Катуллу³⁵⁶ и произвела на свет Генриха Льва³⁵⁷. Людер же получил герцогство Саксонское и правил разумно как славянами, так и саксами.
- 1110 Случилось же в эти дни, что разбойники славянские пришли в землю штурмаров и увели много скота и людей в плен из-под города Гамбурга. Под крики и вопли граф этой области Готфрид³⁵⁸ поднялся с изрядным числом жителей Гамбурга и отправился в погоню за разбойниками. Но, чувствуя, что их много, он несколько задержался, [выжидая], пока придет к нему помощь. Проходивший мимо какой-то крестьянин, жена и дети которого были уведены в плен, стал громко упрекать графа, крича: «Чего ты боишься, о ничтожнейший из мужей? У тебя сердце женщины, а не мужа. Если бы ты увидел, что твою жену и детей уводят в плен, как увели моих, ты бы не ждал. Спеши, торопись, освободи находящихся в плену, если хочешь, чтобы тебя и дальше почитали в стране!». Побуждаемый этими словами граф поспешил в погоню за врагами. А те оставили позади себя засаду и, когда граф с небольшим числом людей проходил мимо, поднялись сидевшие в засаде с мест своих и убили графа и с ним около 20 мужей и удалились своей дорогой с добычей, которую отняли. Жители области, также преследовавшие [разбойников], нашли [тело] убитого графа; голову же его не обнаружили, потому что, отрубив, славяне унесли ее с собой. Потом она была выкуплена за большую цену и положена на место свое в могилах отцов.

36. О ПОРАЖЕНИИ РАН

Герцог Людер отдал освободившееся графство благородному мужу Адольфу из Шауэнбурга³⁵⁹. И был мир между графом Адольфом и князем славян Генрихом.

Но в то время, когда Генрих находился в городе Любеке, неожиданно пришло войско руян, или ран, и, подойдя руслом Травны, окружило на кораблях [этот] город.

Раны же, у других называемые рунами, – это кровожадное племя, обитающее в сердце моря, преданное сверх всякой меры идолопоклонству. Они занимают первое место среди всех славянских народов, имеют короля и знаменитый храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани их храму. Жреца они почитают больше, чем короля. Войско свое они направляют, куда

гадание покажет, а, одерживая победу, золото и серебро относят в казну бога своего, остальное же делят между собой.

И вот, побуждаемые стремлением к господству, они пришли в Любек, чтобы завладеть всей вагрской и нордальбингской землей. Генрих, увидев бедствие этой неожиданной осады, сказал начальнику своего войска: «Нам следует позаботиться о спасении своем и мужей, которые с нами. Я считаю, что мне надо пойти и привлечь сюда помощь, тогда, может быть, мне удастся освободить город от осады. А ты будь храбрым мужем и укрепляй [дух] воинов, которые находятся в городе. Сберегите мне город до четвертого дня. Тогда я, если мне удастся сохранить жизнь, появлюсь [вон] на той горе». И уйдя тайком ночью с двумя мужами, он пришел в землю гользатов и известил их об угрожающей опасности. И они, собравшись вместе, поспешили с ним в путь и приблизились к крепости, которая была осаждена неприятелем. Генрих разместил союзников в тайных убежищах и велел им соблюдать тишину, чтобы случайно враги не услышали голосов множества людей или ржания коней. И, покинув их, довольствуясь только одним слугой, пришел он на место, которое указал и откуда мог быть замечен из города. Начальник крепости, искусно высмотрев Генриха, показал его [своим] друзьям, которые впали уже в смятение, ибо до них дошел слух, что он был якобы захвачен врагами в ту ночь, когда ушел.

Взвесив опасность, [в которой находились] его люди, и силу осады, Генрих вернулся к своим союзникам, провел войско тайным путем по берегу моря до устья Травны и сошел по дороге, по которой должна была спускаться славянская конница. Когда раны увидели множество спускающихся по дороге от моря [людей], они подумали, что это их конница, и сошли с кораблей навстречу им, радостно рукоплеща. А те, громко распевая молитвы и песнопения, напали внезапно на врагов и гнали их, уstraшенных неожиданностью, до самых [их] кораблей. И великое поражение понесло ранское войско в этот день, [много их] пало убитыми около крепости Любек, и число тех, которые утонули в волнах, было не меньше, чем павших от меча. И насыпали огромный курган, в котором сложили тела погибших, и в память победы зовется этот курган Ранибергом до сегодняшнего дня. И был возвеличен Господь Бог в тот день делами христиан, и постановили они праздновать этот день августовских календ³⁶⁰ во все времена в знак и в память того, что Господь поразил ран на глазах народа своего³⁶¹.

И стали служить племена ран Генриху, платя [ему] дань, так же как вагры, полабы, бодричи, хижане, черезпеняне, лютичи, поморяне и все [другие] славянские племена, обитающие между Эльбой и Балтийским морем и простирающиеся длинной полосой до самой земли полонов. Над всеми ними властвовал Генрих и во всей земле славянской и нордальбингской его называли королем³⁶².

37. О ПОБЕДЕ МСТИВОЯ

Когда однажды среди племен брежан³⁶³ и стодорян, а именно тех, которые населяют Гавельбург и Бранденбург, начались волнения, Генрих счел необходимым

обратить против них оружие, чтобы дерзость двух племен случайно не дала повода к восстанию всего востока. И он отправился со своими, любезными ему, воинами нордальбингскими и, пройдя через славянскую землю, с великими трудностями достиг города Гавельбурга и осадил его. И повелел он племени бодричей, чтобы они тоже вышли и приняли участие в осаде города. И затянулась осада на дни и месяцы.

Между тем дошло до Мстивою³⁶⁴, сына Генриха, что по соседству обитает какой-то народ, богатый всеми благами, что жители [эти] спокойны и не вызывают подозрения ни в каких смутах. А называются эти славяне лины, или линоги³⁶⁵. И, не посоветовавшись с отцом, он взял с собой 200 саксов и 300 славян, всех как на подбор, и отправился в двухдневный путь через лесные дебри, труднопроходимые реки и обширные болота. И напали они на беззаботных и бесстрашных славян и, забрав у них громадную добычу и пленных, ушли нагруженные. И когда, торопясь вернуться, они пробирались по опасным болотам, жители окрестных мест, собравшись вместе, кинулись в бой [с ними], желая освободить пленных. Те, которые были с Мстивоем, увидев, что их окружает бесчисленное множество врагов и что придется путь прокладывать оружием, стали ободрять друг друга и, напрягши все силы, все множество противников перебили острием меча, а кроме того, увели с собой в плен их князя и с победой, принеся огромную добычу, вернулись благополучно к Генриху и войску, которое держало осаду. По прошествии немногих дней брежане и остальные мятежники запросили мира, а также дали заложников, как того захотел Генрих³⁶⁶. И, таким образом, усмирив мятежников, Генрих вернулся к себе. Племена нордальбингов также вернулись по домам своим.

38. ПОХОД СЛАВЯН В ЗЕМЛЮ РАН

Случилось после этого, что один из сыновей Генриха, по имени Вальдемар, был убит ранами. Тогда, движимый и печалью, и гневом, отец направил все свои помыслы на то, чтобы отомстить за него. И разослал он послов в разные славянские земли, чтобы договориться о помощи. И пришли все с единым желанием и с единодушным решением повиноваться приказам короля и покорить ран. И были они «во множестве, как песок при море»³⁶⁷. Не довольствуясь ими, Генрих послал [еще] призвать на помощь саксов, а именно тех, которые происходят из Гользатии и Штурмариин, напоминая им о [своем с ними] личном союзе. И они последовали за ним с открытым сердцем в числе около 1600 [человек]. И, переправившись все вместе через реку Травну, они шли по обширным землям полабов и тех, которые зовутся бодричами, пока не достигли реки Пены, а перейдя ее, направили путь свой к городу, который называется Волигост, а у ученых зовется Юлией Августой в честь основателя города Юлия Цезаря³⁶⁸. Здесь они нашли ожидающего их Генриха и тут переночевали, раскинув лагерь неподалеку от моря. С наступлением утра Генрих созвал народ на собрание и обратился к нему, говоря: «Великую вам, о мужи, благодарность следует принести за то, что в доказательство своего расположения и непоколебимой веры вы столь издалека пришли, принося нам помощь против

свирепых врагов. Часто случалось мне испытывать храбрость вашу и проверять вашу верность, которые, как известно, в различных опасностях мне большую помощь, а вам славу принесли, но ничто не отличает [вас] так, как вот это проявление вашей преданности. Нам следует навсегда сохранить ее в нашей памяти и всегда всеми силами стараться ее заслужить. Хочу я поставить вас в известность, что раны, к которым мы сейчас идем, прислали ко мне ночью послов [сказать], что предлагают 200 марок за мир. По этому делу без вашего совета я ничего решать не стану: если вы постановите, что следует [их условие] принять, я приму, если постановите отказать, я откажу». На что саксы ответили: «Хотя нас и мало числом, однако, жаждущие чести и заслуг, самой большой добычей мы считаем славу. Ты говоришь, что ранам, которые сына твоего убили, можно, если мы посоветуем, за 200 марок вернуть милость? Действительно, достойное твоего великого имени удовлетворение! Да минут нас такой позор, чтобы мы дали когда-нибудь согласие на это дело. Ибо не для того мы оставили жен и детей, наконец, родные места, чтобы стать для врагов посмешищем, а сыновьям оставить в наследство вечный позор. Продолжай лучше [делать] то, что начал, перейди море, воспользуйся мостом, который настлал тебе добрый творец, прости руку твою на врагов твоих. И ты увидишь, что для нас славная смерть – самая высокая награда».

Воодушевленный этими увещаниями князь снял лагерь с этого места и направился к морю. Узкий же пролив этого моря, который легко можно было охватить глазом, был в это время вследствие суровой зимы покрыт весьма крепким льдом. И когда они, пройдя леса и кустарники, вышли к морю, здесь [оказалось] множество славян, собравшихся из всех земель. Рассеянные по всему пространству моря, разделенные на знамена и ряды, они ожидали повелений короля. И было это войско очень велико. И когда все [славяне] так стояли спокойно и в порядке отдельными рядами, одни только вожди вышли [из рядов], чтобы приветствовать короля и чужеземное войско, и, склонив головы, почтили их. Ответив им на приветствие и ободрив их, Генрих начал расспрашивать их о дороге и о том, кто при выступлении [в поход] пойдет впереди. Когда все вожди наперерыв стали предлагать свои услуги, саксы ответили: «Как известно, у нас существует такой закон, что при выступлении на войну мы идем первыми, при возвращении с нее последними. Мы полагаем, что и в этом деле нам не следует пренебрегать законом, который завещан [нам] отцами и до сих пор соблюдается нами».

И кивком головы король изъявил свое согласие на это. Ибо хотя число славян было и велико, Генрих, однако, не доверял им, потому что знал их всех хорошо.

Подняв знамена, саксы пошли вперед, а остальное войско, [состоявшее из] славян, последовало рядами за ними.

В течение всего дня шли они по льду и глубокому снегу и наконец около 9 часов очутились в земле ран. И тотчас же подожгли ближайшие к берегу селения. Генрих же сказал союзникам [своим]: «Кто из вас пойдет разведать, где находится ранское войско? Мне кажется, что вдали видно множество [людей], приближающихся к нам». Лазутчик сакс, посланный с несколькими славянами, тотчас же вернулся и объявил, что подходит неприятель.

И сказал [Генрих] союзникам [своим]: «Помните, о мужи, откуда вы пришли и где вы находитесь. Вот стол накрыт, и нам следует спокойно к нему приступить, уклоняться неуместно; значит, нам надлежит принять участие в его утехах. Со всех сторон мы окружены морем, враги перед нами, враги за нами, и нет для нас спасения в бегстве. Укрепитесь поэтому в Господе Боге Всевышнем и будьте мужами храбрыми, ибо одно из двух [нам] остается – или победить, или мужественно умереть». И Генрих выстроил войско и сам стал впереди его с сильнейшими из саксов.

Увидав [такой] пыл [этого] мужа, раны пришли в великий ужас и послали своего жреца, чтобы тот договорился [с ним] о мире. Жрец предложил сначала 400, потом 800 марок. Но когда войско в негодовании зашумело и стало побуждать [передовой] отряд, чтобы начинал битву, он пал к ногам князя, говоря: «Не гневайся, о господин, на рабов своих. Вот [вся] земля [наша] перед твоими глазами, пользуйся ею, как [тебе] угодно, все мы в руках твоих, что ни назначишь нам, все мы тебе дадим». И за 4400 марок они достигли мира. Взяв заложников, Генрих возвратился в землю свою и распустил войско, каждое по домам своим.

А [затем] он послал послов в землю ран получить деньги, которые были ими обещаны. Но раны денег не знают и не привыкли пользоваться ими при покупке товаров. А если бы ты хотел купить что-нибудь на рынке, то приобретаешь это на лоскут полотна. Если они случайно, путем грабежа или захватив в плен людей, или как-нибудь иначе получают золото и серебро, то они употребляют их на украшения для своих жен или отдают в казну своего бога. Тогда Генрих поставил весы для взвешивания самых тяжелых вещей. И когда они исчерпали свою общественную казну и все то золото и серебро, которое имелось [у них] дома, то и тогда едва половину уплатили, обманутые, я думаю, при взвешивании. Генрих, разгневанный тем, что раны обещанного полностью не уплатили, начал готовить второй поход в их землю. На следующую зиму, когда море стало удобопроходимым, он, пригласив на помощь герцога³⁶⁹ Людера, вступил в ранскую землю с большим войском из саксов и славян. И едва они здесь пробыли три ночи, как холода начали уменьшаться и лед таять. И случилось, что, не завершив [своего] дела, они должны были вернуться, едва избежав опасности [погибнуть] в море³⁷⁰. Саксы больше не пытались вступать в землю ран, так как Генрих, прожив после этого еще не очень долгое время, смертью своей положил конец войне.

39. УМЕРЩВЛЕНИЕ РИМЛЯН

Около этого времени император Генрих³⁷¹ вел большую войну против герцога Людера и саксов. Генрих же младший³⁷², получив в свои руки после изгнания, или, лучше, после умерщвления отца, управление монархией и увидев, что вся земля перед глазами его отдыхает, под присягой обязал всех князей [совершить] поход в Италию, желая по обычаю получить всю полноту императорского достоинства из рук высшего первосвященника. Перейдя Альпы, он направился с громадным войском в Рим³⁷³. Папа Пасхалий, услышав о приходе его, немало обрадовался и послал

в окрестные страны пригласить многочисленное духовенство, чтобы устроить торжественно прибывшему королю еще более торжественный прием. И [Генрих] с великим ликованием был встречен духовенством и жителями города. Когда дело дошло до посвящения, папа потребовал от него принести присягу в том, что он всегда будет стойко соблюдать католическую веру, с уважением относиться к апостольской столице, ревностно защищать церкви. Но гордый король не захотел присягнуть, говоря, что император, которому должны будут все приносить присягу, сам присягать не должен.

Так начался спор между папой и королем, и обряд посвящения был прерван. И тотчас гнев охватил вооруженное войско королевское, и оно накинулось на духовенство и содрало с него священные одежды, бесчинствуя, как волки в овчарне. Услышав об этом, жители Рима устремились на защиту духовенства, так как видели оскорбления, которым оно подвергалось. И началась такая битва в доме св. Петра, о какой не было слышно с древнейших времен. Верх одержало королевское войско и жестокой смертью истребило римлян, не делая разницы между духовенством и народом, всех одинаково поражая мечом. Все сильнейшие мужи сражались здесь до тех пор, пока мечи не цепенели в руках их. И наполнился дом святости трупами, и от множества мертвецов такие потоки крови потекли, что воды Тибра окрасились в цвет крови.

Но зачем мне еще задерживаться на этом? Папа и другие, кто избежал смерти, были уведены в плен. И тогда можно было видеть, как тянули за веревки, накинутые на шеи, обнаженных, со связанными за спиной руками, кардиналов, как вели бесчисленные толпы скованных горожан. Когда, выйдя из Рима, они достигли места своей первой остановки, пришло несколько епископов и монахов к папе и сказали ему: «Великая печаль в сердцах наших, о святейший отец, из-за стольких злодеяний, которые обрушились на тебя, твое духовенство и на жителей города твоего. Но эти беды, ниспосланные [нам] за грехи наши, оказались скорее неожиданными, чем предвиденными. Согласись с нами и умилившись господина нашего, чтобы и он стал милостив к тебе, и соверши над ним обряд благословения своего». [На что] папа ответил им: «Что говорите вы, о любезные братья? Вы говорите, что нам следует посвятить мужа этого несправедливого, кровожадного и лукавого? Хорошо же очистил он руки свои для принятия посвящения, он, который кровью пастырей залил алтари Божьи, а дом святости наполнил телами убитых. Да минует меня слово такое, чтобы я согласился на посвящение того, кто сам сделал себя достойным проклятья». И когда они объяснили, что для обеспечения спасения своего и тех, кто находится в плену, нужно, чтобы он умилился королем, папа с великим бесстрашием отвечал: «Я не боюсь господина вашего, короля. Пусть он умертвит тело мое, если хочет, но больше нет ничего, что он мог бы сделать. Больших успехов достиг он в умерщвлении жителей [города] и духовенства, но истинно говорю я вам, в остальном он не достигнет победы, не увидит мира во все дни свои, и породит сына, который воссядет на трон его».

Когда обо всем этом было доложено королю, он вспылал гневом и приказал обезглавить всех пленников на глазах папы, чтобы утратить его. Тот же настойчи-

во увещевал их мужественно принять смерть за правду, обещая им немеркнущий венец жизни вечной. А они, единодушно повергшись к ногам его, умоляли его спасти им жизнь. Тогда святейший отец, обливаясь слезами, призвал [Господа], видящего в сердцах, в свидетели [того], что он предпочел бы лучше умереть, чем уступить, если бы ему не мешало свойственное всем, согласно христианскому закону, сострадание.

И он поступил так, как повелевала ему необходимость, и обещал посвятить короля, чтобы тот освободил пленных. И вернулись папа и кардиналы в город [Рим] и, подчинившись насилию, вторично поступили согласно желанию короля и дали ему привилегию на все, чего бы душа его ни пожелала³⁷⁴.

40. О БИТВЕ ПРИ ВЕЛЬФЕСХОЛЬТ

После того как, вырвав посвящение, император снова отправился в тевтонские земли, в городе Риме собрался собор³⁷⁵ из 120 отцов [церкви]. На этом соборе папа был сурово обвинен в том, что он возвел в императорское достоинство святотатственного короля, который верховного первосвященника в плен взял, кардиналов увел, пролил кровь священнослужителей и жителей города, и, кроме того, в том, что он закрепил привилегией за этим самым недостойным из всех человеком право ставить епископов, которое предшественники его старались всегда сохранить за церковь, не страшась ни смерти, ни изгнания. Папа начал оправдываться необходимостью и тем, что, таким образом, ценой небольшого ущерба большая опасность была отведена, что иначе нельзя было предотвратить истребление народа и пожар в городе, что он, действительно, согрешил, но сделал это под давлением [других] и готов искупить свою вину согласно тому, как решит святейший собор. После того как его оправдания были выслушаны, пыл обвинителей остыл, и, вынеся решение считать исторгнутую привилегию не законом, а, напротив, беззаконием³⁷⁶, они постановили поэтому предать ее проклятью и признать недействительной, самого же императора, кроме того, отлучить от святой церкви.

Весть об этом распространилась по всему миру, и все, кто, используя любой случай, страстно стремился к переворотам, обратили все свои усилия на подготовку восстания. Главным среди них был известный епископ могонтский, Альберт³⁷⁷; к нему же примкнули весьма многие, особенно князья саксонские, которых побуждала к отложению частью необходимость, частью же старая привычка к восстаниям. Ибо, кроме этой последней войны, что теперь готовилась, они некогда девять раз вступали в войну с храбрейшим мужем, Генрихом Старшим³⁷⁸. Однако к чему мне на этом останавливаться?

Император, чувствуя, что уже вся Саксония отошла от него и яд заговора разливается все шире, прежде всего заключил в темницу [главного] виновника восстания, епископа могонтского, а затем, вторгшись в Саксонию, подверг всю эту область сильнейшему опустошению, а ее князей перебил или, самое меньшее, увел в плен. Тогда те, кто из саксонских государей остался [в живых], а именно герцог

Людер, епископ хальберштадтский Рейнгер³⁷⁹, граф арнесбергский, Фредерик, объединились с многими знатными и, встретив короля, снова вернувшегося с войском в Саксонию, в месте, которое называется Вельфесхольт³⁸⁰, двинули свое войско против войска королевского, хотя они и не были равны по численности, ибо трое сражались против пяти. Эта знаменитая в нашем столетии битва произошла в февральские календы. Верх в ней одержали саксы, разбив войско императора. 1115, 1 февр.

В битве этой пал начальник императорского войска Хогер³⁸¹, сам уроженец Саксонии, предназначавшийся на герцогство Саксонское, если бы дела сложились благоприятно. Тогда саксы, воспринявшие духом по причине своей победы, понимая, что разгневанный император не легко оставит безнаказанным такое поражение, многочисленными переговорами дело свое укрепили, перемириями прекратили волнения внутри своей страны, заручились поддержкой чужеземцев и, наконец, чтобы союзики договора не нарушили, все присягнули с оружием в руках защищать отечество.

Что сказать о епископе могонтском, который больше всех против императора свирепствовал? Стараниями своих сограждан, которые осаждали императора в Могонтии, вырванный из темницы и восстановленный на кафедре, он не столько видом своего исхудавшего тела, сколько суровостью своего мщенья показал, сколько мучений перенес в темнице. Выполняя обязанности легата папской столицы, он созывал многочисленные собрания епископов и других лиц, придавая им характер суда, и на каждом выносил приговор об отлучении императора от церкви. Раздраженный всеми этими событиями, император вместе с супругой своей Матильдой, дочерью короля Англии³⁸², переехал в Лангобардию. И отсюда он отправил послов к папе Пасхалию, прося о снисхождении в деле его отлучения [от церкви]. И тот отложил дело до собрания святейшего собора, обеспечивая этим королю законный покой, и на это время освободил его от отлучения.

Между тем Пасхалий умер, и император назначил на его место некоего Бурдина³⁸³, отвергнув Гелазия, поставленного церковным избранием. И так снова настала схизма в церкви Господней. Гелазий же, спасшись бегством, жил до самой своей смерти в королевстве франков³⁸⁴.

Слишком долго было бы рассказывать о всех смутах того времени и разъяснять последовавшие за ними в наше время возмездия. Да и история славян, от которой я очень далеко отклонился, требует возвращения к себе. Все императоры Генрихи, всегда чересчур отягощенные своими внутренними делами, неумеренно задержали их [славян] обращение. Кто хочет узнать подробнее об их деятельности и об окончании схизмы, пусть читает пятую книгу истории Эккехарда³⁸⁵. Предназначая ее Генриху Младшему, он с величайшей похвалой описал добрые дела его, а о дурных или совсем умолчал, или изобразил их в лучшем свете.

Не следует, думается мне, проходить мимо того, что в эти дни объявился муж высокой святости, Оттон, епископ бавембергский³⁸⁶. По приглашению Болеслава, князя полонов³⁸⁷, и при его поддержке он отправился в приятное Господу паломничество к племени славян, которые называются поморянами и живут между Одрой и Полонией. И здесь он, поддерживаемый Господом, проповедовал языч-

никам Слово Божье и подкреплял затем свою проповедь чудесами и обратил весь этот народ вместе с его князем Вартиславом³⁸⁸ к Господу, и плоды Божественной славы сохраняются там и поныне.

41. ИЗБРАНИЕ ЛЮДЕРА

После этого в год от рождества Христова 1126-й скончался в Траектуме император Генрих, и престол наследовал после него Людер, герцог саксонский³⁸⁹. Франки, недовольные тем, что на престол выдвинут сакс, сделали попытку поставить другого короля, а именно Конрада³⁹⁰, двоюродного брата императора Генриха. Верх одержала сторона Людера, и он, отправившись в Рим, был возведен папой Иннокентием на вершину власти³⁹¹. При его же [папы] содействии Конрад был доведен до того, что отдался во власть Людера, он же, Лотарь, и из врага стал самым большим его другом. И начала восходить новая заря в дни императора Лотаря не только в пределах Саксонии, но и во всем государстве, – время мира, изобилия всех благ, согласия между престолом и церковью.

Славянские народы также соблюдали мир потому, что Генрих, князь³⁹² славян, питал большое расположение к графу Адольфу и к соседним народам Нордальбингии. В те дни во всей стране лютичей, бодричей и вагров не было ни церквей, ни священников, кроме как в городе Любеке, так как здесь пребывал Генрих с семьей. В это время появился [здесь] некий священник, по имени Вицелин³⁹³, и пришел он в Любек к королю славян и просил предоставить ему возможность проповедовать слово Божье в пределах его государства. Кто был этот муж и какой он пользовался славой, об этом многие, кто дожил до наших дней, знают. Но чтобы это не было скрыто от потомков, я считаю нужным ввести рассказ о нем в это повествование, ибо он был ниспослан для спасения людей этих, для того чтобы проложить прямые пути к Господу нашему «среди строптивного и развращенного рода»³⁹⁴.

42. О ЕПИСКОПЕ ВИЦЕЛИНЕ

Вицелин родился в приходе Минден³⁹⁵, в местечке, называвшемся Квернгамеле, расположенном на берегу Везера³⁹⁶, и происходил от родителей, которые отличались скорее достойным нравом, чем благородством рода и крови. Начальное образование он получил у местных священников, но потом, потеряв родителей, пренебрегал учением почти до вступления в зрелый возраст и в юности вел, как это обычно бывает в эти годы, легкомысленный образ жизни. Наконец, лишенный родительского дома он удалился в расположенный неподалеку замок, называвшийся Эверштейн³⁹⁷, благородная госпожа которого, мать графа Конрада, сжалившись над всеми покинутым юношей, задержала его на некоторое время у себя, проявляя к нему большое сострадание. Священник замка, видя это и завидуя, стал искать способа, при помощи которого он смог бы удалить Вицелина из замка. Однажды,

в присутствии многих свидетелей, он спросил его, что он читал, будучи в школе. Когда тот ответил, что читал сочинение Стация «Ахиллеиду»³⁹⁸, он задал еще один вопрос: в чем содержание сочинения Стация? Когда Вицелин ответил, что не знает, священник с большой язвительностью сказал, обращаясь к присутствующим: «Увы, я считал, что этот юноша, только что прибывший из школы, чего-то сто́ит. Но я ошибся в мнении своем, он ровно ничего не сто́ит». Но так как написано: «Слова мудрых – как иглы и как гвозди, вбитые»³⁹⁹ в гору, то эти насмешливые слова испугали скромного юношу. И, вырвавшись тотчас же из замка, он ушел, даже не простившись, обливаясь такими горькими слезами и испытывая такие муки от стыда, что трудно себе и представить. Я слышал, как он много раз говорил, что после слов этого священника милосердие Божье коснулось его. Он направился в Патербурн⁴⁰⁰, где тогда, по счастливой случайности, процветали науки под руководством благородного учителя Гартманна. В течение многих лет, деля с ним стол и жилище, Вицелин учился с таким пылом, с такой настойчивостью, что трудно рассказать. Ибо часто,

Напрягая чрезмерно свой ум, как в состязаниях каких-то,
Дух непокорный ученьем он, укрощая, смирял.

И ни забавы, ни пиршества не могли отвлечь его от принятого намерения, ибо он всегда то читал, то диктовал, то писал. Кроме того, он с величайшей добросовестностью вел руководство хором.

Юноша боголюбивый считал долгом высоким
Богу с усердьем служить.

Знаменитый его наставник, видя, как ученик его и сотоварищ трудится сверх сил, часто говорил ему:

«О Вицелин, ты слишком спешишь, – занятиям предел положи,
Время есть еще, научиться ты многому сможешь».

Он же, не обращая внимания на эти слова, отвечал:

«Думаю,
Поздно я слишком к ученью руки свои приложил,
Нужно спешить, время и возраст пока позволяют».

Но Господь одарил этого мужа восприимчивым разумом и сердцем, и, опередив своих товарищей, через короткое время он сделался помощником своего учителя в управлении школой. Своей старательностью он выдвинулся из среды товарищей и наставлял их как своими познаниями, так и примером. Бывая иногда свободным, он возносил молитвы ко всем святым, моля их о покровительстве, особенно же св. Николая, почитанию которого он более всего был предан. И случилось, что однажды, когда в день рождества этого святого Вицелин должен был совершать богослужение в храме св. Бригиты, собрались все его товарищи. И здесь, когда торжественные службы, утренняя и вечерняя, были уже отслужены, некоторые услыхали вдруг голоса ангелов, поющих по обычаю священников респонзорий⁴⁰¹: «Святой Николай, ты уже победил». И тогда радостью преисполнило это чудо Вицелина, а от радости усилилась его преданность Богу.

43. О КОНЧИНЕ СВЯЩЕННИКА ЛЮДОЛЬФА

Между прочим, посвятить себя служению Богу побудила этого святого мужа слава о добродетели знаменитого его дяди, Лиудольфа, священника в Феуле⁴⁰². Все люди этой страны, сокрушавшиеся о своих грехах и жаждавшие раскаянием отвести от себя грядущий гнев Господень, шли к этому мужу высокой святости и великому исповеднику. Ходил к нему часто по его приглашению и Вицелин, чтобы исповедью омыть свои собственные прегрешения. И каждый раз он удивлялся простоте души этого священнослужителя, целомудрию его жизни, а главное, щедрости его милостыни и образу жизни, никакими слабостями не нарушаемой.

Когда этот достопочтенный священник, уже дряхлый годами, но сохранивший живость ума, слег, пораженный смертельной болезнью, он призвал к себе священников и монахов. После того как над ним был выполнен обряд миропомазания, он стал громко жаловаться на то, что лишен присутствия своих любимых учеников – Родольфа, каноника хильдесхаймского, и Вицелина. И вот, по желанию просящего, и тот и другой без промедления прибыли и нашли этого любезного Богу мужа ожидающим с великим благоговением часа своей кончины. Лиудольф узнал их и встретил с большой признательностью. В свою последнюю ночь, беседуя с Богом в молитвах, велел он дьякону, когда время уже близилось к рассвету, почитать ему страсти Господни и, выслушав их со вниманием, поспешно сказал: «Скорее принеси мне святое напутствие, ибо приближается час смерти моей». И, причастившись животворных святых тайн, он молвил присутствующим: «Вот идут те, кто проводит меня, вот идут посланцы Господа моего, поднимите меня с ложа». Они изумились, а он сказал им: «Что вы трепещете, о мужи? Разве вы не видите, что посланцы Господа моего присутствуют здесь?». И тотчас душа его покинула тело.

Когда наступило утро и много народа пришло на погребение такого мужа, то между ними начался спор о месте погребения, ибо народ желал похоронить его в храме, а близкие, как он сам велел, – во дворе церкви. Между тем в то время, когда за душу его была уже принесена спасительная жертва, некий Теодорик, который и до сих пор еще жив, устав от вечерней службы накануне, уснул на жестком ложе крепким сном и увидел рядом с собой мужа почтенной наружности, и тот сказал ему: «Что же ты спишь? Встань и вели похоронить этого священнослужителя там, где народ хочет». Таким образом, при поддержке Божьей верх одержало желание народа, и его [Лиудольфа] похоронили в стенах церкви, которой он в течение многих лет верно служил.

44. О НАСТОЯТЕЛЕ ТЕТМАРЕ

После смерти дяди Вицелин оставался в Патербурнской церкви до тех пор, пока его не вызвали в Бремен, где он был поставлен заведовать школой. Он оказался человеком для управления школой весьма способным, заботливым руководителем хора и хорошим наставником юношества в благонравии. В конце концов ему уда-

лось привить своим ученикам, которым раньше мешал их губительный нрав, любовь к наукам и сделать их усердными в служении Богу и посещении хора. За это его любили епископ Фредерик⁴⁰³ и другие, особо выделявшиеся в церкви по своему положению и уважению, которым они пользовались. И только те с трудом его переносили, у которых в обычае было, пренебрегши Божественной службой и церковной наукой, пьянствовать по корчмам, бродить по домам и улицам, предаваться суетной праздности, те, кто боялся осуждения с его стороны за свои бесчинства. Поэтому они часто имели обыкновение нападать на него, понося его и укоряя за его придирки.

Но, однако, не было ничего в его образе жизни, что бы отклонялось от совершенства или давало повод его завистникам для наветов. Разве одно только то, что при обуздании юношества он не признавал никакой меры в телесных наказаниях. Поэтому, после того как многие из учеников обратились в бегство, он прослыл человеком жестоким. Более сильные духом выдержали суровость его обращения и большую пользу получили, ибо они преуспели как в высоком усвоении знаний, так и в должностях, и званиях.

В то время находился у него в ученье один весьма способный юноша, по имени Тетмар, достопочтенная мать которого в ту ночь, когда это дитя зачала, увидела во сне, якобы она приняла в свое лоно золотой, обвитый драгоценными камнями крест. На самом же деле это было чудесным предзнаменованием того, что будущее дитя засверкает блеском святости. После того как родился сын, мать, не забывшая о предсказании, предназначила его на служение Господу и обучение священному писанию. Но если вначале он был доставлен без внимания, так как школа в Бремене находилась в упадке, то когда случилось, что прибыл учитель Вицелин и получил школу в свое ведение, вверенный его попечению Тетмар стал его учеником и сотоварищем.

45.

По прошествии многих лет учитель Вицелин, принимая во внимание и число [своих] учебников, и их успехи, решил отправиться во Францию, чтобы приобрести высшие знания, и стал молить Господа, чтобы он направил его мысли.

Однажды, когда он размышлял об этом, пришел к нему настоятель главной церкви Адальберт⁴⁰⁴ и сказал: «Почему ты скрыл от своего друга и родственника то, что у тебя лежит на сердце?». Когда он, обеспокоенный, стал расспрашивать о причине такого вопроса, тот ответил: «Я знаю, что ты готовишься к отъезду во Францию и хочешь, чтобы никто об этом не знал. Так, да будет тебе известно, что путь твой предначертан тебе самим Господом. Этой ночью видел я во сне, что стою как будто перед алтарем Господним и горячо молюсь. И вдруг образ Святой Богородицы, что помещается на алтаре, обратился ко мне со словами: «Ступай и возвести мужу, который находится там за дверьми, что ему разрешается отправиться туда, куда он хочет». Я повиновался власти приказавшего и, подойдя к дверям, увидел тебя, распростертого в молитве. Я объявил тебе то, что мне было велено, ты выслушал и возрадовался. Теперь, получив разрешение, отправляйся, куда желаешь».

Воодушевленный Божественным покровительством Вицелин отказался от школы к немалому, однако, огорчению священников и старших церкви, неохотно лишавшихся присутствия такого мужа. Взяв с собой достойнейшего юношу Тетмара, он отправился во Францию и прибыл в школу достопочтенных учителей Радольфа и Ансельма⁴⁰⁵, славившихся в то время своим умением разъяснять священное писание. Они отнеслись к нему с большим почтением ввиду его горячего стремления к знаниям и достойной одобрения жизни.

Избегая лишних вопросов и пустых словопрений, которые не столь созидают, сколь разрушают, он [Вицелин] стремился только к тому, что служило воспитанию трезвого ума и нравственному совершенствованию. Наконец, насытившись полученным семенем слава Божьего, он настолько укрепился духом, что решил во имя Господне вступить на путь суровой жизни, а именно, отказаться от мясной пищи, покрыть тело власяницей и еще ревностней отдаться Божественному служению. До сих пор он был *ascolitus*⁴⁰⁶ и не добивался высших степеней, боясь соблазнов своего возраста. Когда же зрелый возраст и опыт длительного воздержания сообщили этому мужу твердость, то по истечении трех лет, проведенных в ученье, он решил посетить снова родные места и выступить на соискание сана священника.

И так случилось в эти дни, что любимый его ученик Тетмар захворал. Опасаясь смертельного исхода, он плакал с Езекией плачем великим⁴⁰⁷, молясь о продлении своей жизни ради заслуг учителя своего пред Богом. И когда кончил, то, слава Господу, с ложа болезни восстал. После этого оба вернулись на родину и здесь друг с другом расстались, ибо достопочтенный Тетмар получил в приход Бременскую церковь⁴⁰⁸, а магистр Вицелин отказался от такой должности, предназначенный, по предопределению Божьему, для другого дела.

46. ПРИБЫТИЕ ВИЦЕЛИНА В СЛАВИЮ

В том же году, когда Вицелин вернулся из Франции, он отправился к достопочтеннейшему Нотбарту, епископу магдебургскому⁴⁰⁹, чтобы насладиться общением с ним, и там удостоился посвящения в сан священника. И тут, когда он с горячим усердием размышлял, в каких местах следовало бы ему поселиться или какому делу себя посвятить, чтобы церкви наибольшую пользу принести, дошли до него слухи о Генрихе, князе славян, и о том, что тот, покорив языческие народы, имеет намерение распространить среди них христианство. Считая себя призванным свыше предопределением Божиим к делу возвещения евангелия, он направился к достопочтенному Адельберо, архиепископу гамбургскому, случайно находившемуся в Бремене, собираясь открыть ему намерение своего сердца. Тот, немало обрадованный, одобрил его решение и возложил на него поручение распространять вместо него [архиепископа] среди славянского народа Слово Божье и выкорчевывать идолопоклонство.

И тотчас же он предпринял путь в землю славян в сопровождении достопочтенных пресвитеров Родольфа, хильдесхаймского, и Лиудольфа, священника вер-

денского⁴¹⁰, посвятивших себя делу его посланничества. И пришли они к князю Генриху, который находился тогда в городе Любеке, и просили его разрешить им проповедовать Имя Божье. Тот, нисколько не колеблясь, принял этих достойнейших мужей при всем своем народе с большим почетом и дал им церковь в Любеке, чтобы они могли там расположиться со всем своим достоянием и трудиться во славу Божью. Устроив все надлежащим образом, они возвратились в Саксонию, чтобы привести в порядок свои внутренние дела и подготовиться к путешествию в Славию. Но тут неожиданное и великое горе пронзило сердца их. Вдруг разошлась весть, что Генрих, король славянский, покинул этот мир⁴¹¹. Таким образом, исполнение их благочестивых намерений в настоящее время было отложено. Ибо сыновья Генриха, Святополк и Кнут⁴¹², наследовавшие государство, привели страну своими внутренними войнами в такое расстройство, что утратили и мир, и дани с земель, которые отец их доблестью оружия приобрел.

47. О РАСКАЯНИИ НОРДАЛЬБИНГОВ

Около этого времени архиепископ Адельберо переправился через Эльбу, желая посетить Гамбург и землю нордальбингов, и, имея своим спутником достопочтенного священника Вицелина, прибыл в город Милеторп⁴¹³.

Нордальбингов же три племени – штурмары, гользаты и дитмарши. Они не сильно различаются между собой ни по внешнему виду, ни по языку, все соблюдают саксонское право и христианскую веру, хотя при этом, из-за соседства с язычниками, имеют обыкновение предаваться грабегам и разбоям. Они чтут обычай гостеприимства. Красть и щедро раздавать считается у гользатов похвальным, а человек, не умеющий разжиться добычей, считается нерасторопным и бесславным.

Когда архиепископ находился в Милеторпе, явились к нему горожане из Фальдеры⁴¹⁴ и просили, чтобы он дал им священника. Фальдерский же округ расположен в той части земли гользатов, которая соприкасается с землями славян. И тотчас же архиепископ обратился к священнику Вицелину и сказал: «Если тебе предуказано работать в Славии, так ступай с этими людьми и владей церковью их, ибо она расположена на границе обеих земель и будет служить тебе местом твоего пребывания при твоих приходах в Славию и возвращениях из нее». Когда тот отвечал, что повинуется этому совету, архиепископ сказал мужам из Фальдеры: «Хотите, я дам вам священника рассудительного и достойного?». Когда они сказали, что хотят и всеми способами ищут такого, он, взяв священника Вицелина за руку, поручил его попечению некоего Маркрада⁴¹⁵, человека весьма могущественного, и остальных мужей из Фальдеры, повелев им, чтобы они оказали достойное его особе внимание.

И когда он прибыл в назначенную местность и окинул ее взором, то увидел необработанные пустынные равнины, покрытые бесплодным лесом, жителей диких и непросвещенных, не связанных с религией ничем, кроме того, что они носили имя христиан, ибо у них распространены были многочисленные заблуждения – почитание священных рощ, источников и прочие суеверия.

Начав жить, таким образом, «среди строптивного и развращенного рода», «в великой и страшной пустыне»⁴¹⁶, он тем ревностнее вверил себя Божественному покровительству, чем больше был лишен человеческого участия. И дал ему Господь снискать расположение этого народа. Ибо, тотчас же как только он начал проповедовать о славе Божьей, о благах грядущей жизни и воскрешении тела, дикий этот народ, как великим чудом, был потрясен новизной неизвестной ему до сих пор веры, и мрак грехов рассеялся от сияния блистающей милости Господней. Одним словом, трудно поверить, какое множество народа прибегло в те дни к лекарству покаяния, и голос проповеди его расходился по всей нордальбингской земле. И с благочестивой заботой стал он посещать окрестные церкви, предвещая народам спасение, исправляя заблуждающихся, примиряя несогласных, а кроме того, уничтожая священные рощи и все нечестивые обычаи. И распространилась повсюду слава о святости его, и многие, как из духовенства, так и из светских людей, приходили к нему, и среди них первыми и самыми знаменитыми были достопочтенные священники Лиудольф, Эппо, Лютмунд, Фольквард и многие другие; некоторые из них уже уснули вечным сном, другие же живут и теперь. Заключив священный договор, они постановили вести холостой образ жизни, подолгу пребывать в молитве и посте, совершать благочестивые поступки, посещать страждущих, поддерживать неимущих, заботиться о спасении своем и своих ближних. Более же всего озабоченные обращением славян они молили Бога, чтобы он как можно скорее открыл им врата веры. Но Господь надолго отложил исполнение их просьбы, «ибо еще не наполнилась мера беззаконий аммореев» и не «пришло время помиловать» их⁴¹⁷.

48. О СВЯТОПОЛКЕ

Между тем сыновья Генриха, раздув внутреннюю войну, создали новые бедствия для народов Нордальбингии. Ибо старший, Святополк, желая властвовать один, причинил Кнуту, своему брату, много обид и, наконец, с помощью гользатов осадил его в крепости Плуне. Кнут же, удерживая своих приверженцев, чтобы они не бросали копья в осаждающих, поднялся на стены и обратился ко всему войску, говоря: «Выслушайте, прошу вас, слово мое, о лучшие мужи, пришедшие из Гользатии. Какая причина тому, спрашиваю я, что вы поднялись против своего друга? Разве я, от того же отца, Генриха, рожденный, не прихожусь братом Святополку и разве по праву я не сонаследник его на государство отца? Почему же тогда брат мой стремится лишить меня отцовского наследия? Не дайте же поднять себя напрасно против меня, но вернитесь к справедливости и добейтесь от брата моего, чтобы он дал мне часть, которая мне по праву принадлежит». Услышав это, осаждающие успокоились и решили удовлетворить справедливые его требования. Приложив все усилия, они примирили братьев, поделив между ними земли.

Однако некоторое время спустя Кнут был убит в городе Лютилинбурге, и Святополк один завладел государством⁴¹⁸. Призвав графа Адольфа с гользатами и штурмами, он предпринял поход в землю бодричей и осадил город, который назы-

вается Вурле⁴¹⁹. Когда город перешел в его власть, Святополк отправился дальше, в город хижан⁴²⁰, и осаждал его в течение пяти недель. Подчинив себе и его и взяв заложников, Святополк вернулся в Любек. Нордальбинги же разошлись по домам своим.

Священник Вицелин, видя, что князь славянский обращается с христианами человеколюбиво, пришел к нему и снова повторил ему намерение, на выполнение которого было получено некогда согласие его отца. Добившись у князя благосклонности, он послал в Любек достопочтенных пастырей, Лиудольфа и Фолькварда, чтобы они заботились о спасении народа. Они были милостиво приняты купцами, немалое число которых привлекли сюда вера и благочестие князя Генриха, и поселились в церкви, расположенной на холме, что напротив города, за рекой. Прошло немного времени, и вдруг на незащищенный кораблями город напали раны и разрушили его вместе с крепостью. Достойные пастыри, когда язычники ворвались в церковь через одну дверь, ускользнули через другую и, спасшись благодаря близости леса, бежали в порт Фальдеру. Вскоре после этого по коварству какого-то Дазо⁴²¹, богача из Гользатии, Святополк был убит. Остался сын Святополка, по имени Звинике, но и он был убит в Эртенебурге, городе трансальбингов⁴²². И прекратился род Генриха в княжестве славянском, ибо умерли его сыновья и сыновья его сыновей. Что род его скоро исчезнет, предсказал сам этот князь, не знаю какими прорицаниями наученный.

49. О КНУТЕ

После этого власть над славянами перешла к благородному князю Кнуту, сыну Эрика, короля данов⁴²³. Эрик же, могущественный король, когда решил совершить поход в Иерусалим, поручил свое государство вместе с сыном Кнутом брату своему Николаю, взяв с того клятву, что если он не вернется, то брат передаст государство его сыну, когда тот достигнет совершеннолетия. Поэтому, когда короля при возвращении его из Иерусалима настигла смерть, Николай, хотя и от наложницы рожденный, получил королевство данов⁴²⁴, потому что Кнут все еще был ребенком. Но и у Николая был сын, по имени Магнус⁴²⁵. Оба эти мальчика воспитывались по-королевски, превосходно, для грядущих войн, на беду многим данам. Когда Кнут стал подрастать, то, опасаясь, как бы дядя не погубил его своими кознями, он перебрался к императору Лотарю⁴²⁶ и прожил у него много дней и лет. И там к нему относились со всем почтением, приличествующим королю. Возвратившись же на родину, он был милостиво принят своим дядей и получил от него в управление всю Данию. И начал этот миролюбивый муж насаждать мир в своей стране, изгоняя из нее отступников. Особенно благосклонно относился Кнут к жителям Шлезвига.

Случилось, что как-то в лесу, лежащем между Шлией и Эгдорой, были захвачены разбойники и приведены к Кнуту. Когда он приговорил их к повешению, один из них, желая сберечь себе жизнь, объявил, что приходится ему [Кнуту] родственником и происходит из королевского рода данов. На это Кнут ему сказал: «Позорно обращаться низким образом с нашим родственником. Надо воздать ему почести». И приказал повесить его торжественно на корабельной мачте.

Между тем Кнуту пришло на ум, что по причине смерти Генриха и гибели его сыновей опустел престол в славянском княжестве. И тогда отправился он к императору Лотарю и за большие деньги приобрел у него Бодрицкое государство, то есть всю ту власть над ним, которой обладал Генрих⁴²⁷. И возложил император корону на голову его, чтобы был он королем у бодричей, и принял его в число своих вассалов. После этого Кнут пошел в землю вагров и занял гору, которая в древности называлась Альберг, и поставил здесь дома, намереваясь построить крепость. И, объединившись со всеми храбрыми мужами земли гользатской, он совершил набег на землю славян, убивая и поражая всех, кто оказывал ему сопротивление. А племянника Генриха, Прибислава⁴²⁸, и старшего в бодрицкой земле, Никлота, он увел в плен и посадил их в Шлезвиге в темницу, одев им на руки железные оковы, пока они деньгами и поручительствами не откупились и его власти над собой не признали.

Кнут часто навещался в землю вагров и пользовался гостеприимством в Фальдере. Он сблизился с Вицелином и другими тамошними обитателями и обещал им всякие блага, если Господь поправит дела его в Славии. Прибыв же в Любек, он велел освятить здесь в присутствии достопочтенного Лиудольфа и других, которые были переведены сюда из Фальдеры, церковь, построенную еще при Генрихе.

1131 В эти дни скончался граф Адольф⁴²⁹. У него было двое сыновей. Старший из них, Гартунг, муж воинственный, должен был наследовать графство, младший же, Адольф, посвятил себя наукам. Случилось тогда, что император Лотарь предпринял большой поход в Богемию⁴³⁰. Когда Гартунг и многие благородные были здесь убиты, графство в нордальбингской земле досталось Адольфу⁴³¹, мужу рассудительному, опытному в делах Божественных и человеческих. Ибо, кроме того, что он свободно изъяснялся по-латыни и по-немецки, он был сведущ и в языке славянском.

50. О НИКОЛАЕ

Случилось около этого времени, что Кнут, король бодричей, прибыл в Шлезвиг на торжественное собеседование с дядей своим Николаем. Когда народ собрался и старший король, облаченный в королевские одежды, сидел уже на троне, Кнут, охраняемый толпой своих сподвижников, с короной Бодрицкого королевства на голове, сел напротив него. Король-дядя, видя, что племянник его в королевском уборе перед ним не встает и не дает ему, согласно обычаю, лобзания, затаил обиду и подошел к нему, намереваясь приветствовать его лобзанием. Но тот вышел ему навстречу на середину [покая], приравняв себя, таким образом, к дяде и по месту, и по достоинству. Такой поступок Кнута навлек на него смертельную ненависть. Ибо трудно описать, в какую ярость впал Магнус, сын, Николай, присутствовавший с матерью⁴³² на этом зрелище. Мать сказала ему: «Разве ты не видишь, что двоюродный брат твой, взяв скипетр, уже правит государством? Считай же, что он – враг, который не боится еще при жизни отца твоего присвоить себе королевский титул. Если ты еще долго не будешь обращать на это внимания и не убьешь его, то знай, что он лишит тебя и жизни, и государства». Возбужденный этими словами Магнус

начал строить козни, чтобы убить Кнута. Почувствовав это, король Николай созвал всех князей королевства и старался примирить несогласных юношей. Когда их удалось склонить к примирению, они заключили между собой договор. Но если со стороны Кнута этот договор выполнялся твердо, то Магнус коварно предал его забвенью. Ибо тотчас же после того, как, прикрываясь дружбой, стал он испытывать мысли Кнута и увидел, что тому чужды какие-либо подозрения, Магнус пригласил Кнута приехать к нему на чрезвычайное собеседование. Жена Кнута⁴³³, опасаясь засады, а кроме того, напуганная сном, который видела прошлой ночью, советовала ему не ездить. Однако, верный договору, этот муж не дал себя удержать и явился в назначенное место, как было условлено, в сопровождении только четырех мужей. В сопровождении стольких же человек пришел и Магнус. После того как двоюродные братья обнялись и крепко поцеловались, они уселись вместе, чтобы обсудить дела. И тут выскочили из своих тайных убежищ сидевшие в засаде люди, напали на Кнута и убили его и, разделив тело его на части, с ликованием изливали на покойника свою жестокость. И с этого дня много волнений и внутренних войн происходило в Дании, о которых придется нам дальше достаточно рассказывать, потому что они сильно затронули нордальбингскую землю.

1131,
6 янв.

Услышав эту печальную весть, император Лотарь с супругой своей Рикенцей были сильно опечалены, потому что погиб муж, связанный с империей самой тесной дружбой. И пришел он [Лотарь] с большим войском к городу Шлезвигу, к известному замку Диневерку, чтобы отомстить за злостную гибель лучшего мужа, Кнута. Напротив него с громадным войском данов расположился Магнус, чтобы защищать землю свою. Но, испугавшись доблестного немецкого рыцарства, он отдал императору безмерное количество золота в выкуп за прощение и признал себя его вассалом.

51. ОБ ЭРИКЕ

Эрик, брат Кнута, рожденный от наложницы, видя, что гнев императора остыл, начал вооружаться, чтобы отомстить за пролитую кровь брата, и, пройдя сушей и морем, собрал вокруг себя множество данов, изрекавших проклятья по поводу безбожного убийства Кнута. И, приняв королевский титул⁴³⁴, он стал совершать частые набеги на Магнуса, но всякий раз терпел поражения и вынужден был обращаться в бегство. С этих пор из-за того, что он постоянно убегал, его стали называть Эрик Газенвот, то есть Заячья нога⁴³⁵. Наконец, изгнанный из Дании, он бежал в город Шлезвиг. Они [жители Шлезвига], помня добро, которое оказывал им Кнут, приняли этого мужа, готовые понести за него смерть и изгнание. Поэтому Николай и сын его Магнус повели всему народу данскому подняться на войну со Шлезвигом, и осада затянулась на бесконечное время. После того как прилежавшее к городу озеро покрылось льдом и по нему стало возможно проходить, они начали совершать нападения на город и с суши и с моря. Тогда жители Шлезвига отправили послов к графу Адольфу, предлагая ему 100 марок за то, что он с народом нордальбингов

придет на помощь городу. Но и Магнус предложил дать ему столько же, если он от войны воздержится. Между тем граф, не зная, что делать, созвал совет из высших людей в области. Они посоветовали ему пойти на помощь городу потому, что часто пользовались его товарами. Тогда граф Адольф, собрав войско, переправился через реку Эгдору. И показалось ему, что здесь следует ненадолго задержаться, пока не подойдет все войско, а тогда уже с чрезвычайной осторожностью вступить во вражескую землю. Но народ, жаждавший добычи, не позволил задерживаться. И они с такой поспешностью прошли, что, когда первые достигли леса Тиевеля, последние едва подходили только к реке Эгдоре. Услышав о прибытии графа, Магнус отобрал из своего войска тысячу панцирников, отправился навстречу войску, вышедшему из Гользатии, и начал с ним сражение. И граф обратился в бегство, а народы нордальбингов были разбиты в жестоком бою. Граф же и те, кто бежал с поля битвы, вернулись за Эгдору и тем спаслись. Таким образом, Магнус одержал победу и вернулся к осаде города, однако труды его были напрасны, ибо он ни городом не овладел, ни неприятеля не победил. Потому что, когда ослабела зима, а с ней и осада, Эрик, бежав, прибыл в приморскую область Сконию⁴³⁶, жалуюсь всюду на безвинную гибель брата и свои собственные несчастья. Магнус, услышав, что Эрик опять появился, когда приблизилось лето, направился с бесчисленным войском походом в Сконию. Тот расположился напротив него, охраняемый жителями, хотя и в небольшом числе. Так жители Скониин выступили против всех данов. Когда же 1134, 4 июня Магнус в день святой пятидесятницы принуждал войско к сражению, distinguished епископы сказали ему: «Воздай славу Богу на небесах, проникнись почтением к дню сему и да будет сегодня мир, а сражаться будешь завтра». Он, презрев эти увещания, начал сражение. Вывел и Эрик свое войско и встретился с ним в горячей схватке. И погиб Магнус в тот день, и все войско данов было разбито мужами Скониин и уничтожено до полного истребления. Эта победа прославила Эрика, и было сотворено новое прозвище для него, чтобы он впредь Эриком Эмуном, то есть достойным памяти, назывался. После этого Николай, старший король, уйдя на корабле, прибыл в Шлезвиг и здесь был в угоду победителю убит мужами города.

Так отомстил Господь за кровь Кнута, которого убил Магнус, нарушив клятву, которой поклялся.

И правил Эрик в Дании, и породил от наложницы Тунны сына по имени Свен⁴³⁷. У Кнута тоже был сын, благородный Вальдемар⁴³⁸. Магнус же имел сына Кнута⁴³⁹. Эти королевские дети оставались среди народов Дании и постоянно упражнялись в военном деле, чтобы, случайно прекратив войну, не возгордиться. Ибо даны только во внутренних войнах и были сильны.

52. ОБ ОБЫЧАЯХ СЛАВЯН

После того как умер Кнут, по прозвищу Лавард, король бодричей, ему наследовали Прибислав⁴⁴⁰ и Никлот⁴⁴¹, разделив государство на две части и управляя: один землей вагров и полабов, другой землей бодричей. Это были два мрачных чудови-

ща, очень враждебно относившихся к христианам. И в эти дни во всей славянской земле господствовало усердное поклонение идолам и заблуждения разных суеверий. Ибо помимо рощ и божков, которыми изобиловали поля и селения, первыми и главными были Прове, бог ольденбургской земли, Жива, богиня полабон, и Редегаст, бог земли бодричей. Им предназначены были жрецы и приносились жертвы, и для них совершались многочисленные религиозные обряды. Когда жрец, по указанию гаданий, объявляет празднества в честь богов, собираются мужи и женщины с детьми и приносят богам своим жертвы волами и овцами, а многие и людьми – христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особенное наслаждение их богам. После умерщвления жертвенного животного жрец отведывает его крови, чтобы стать более ревностным в получении божественных прорицаний. Ибо боги, как многие полагают, легче вызываются посредством крови. Совершив, согласно обычаю, жертвоприношения, народ предается пириштвам и веселью.

Есть у славян удивительное заблуждение. А именно: во время пиров и возлияний они пускают круговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов, а именно, доброго бога и злого, считая, что все преуспевания добрым, а все несчастья злым богом направляются. Поэтому злого бога они на своем языке называют дьяволом, или Чернобогом, то есть черным богом.

Среди множества славянских божеств главным является Святovit, бог земли райской, так как он – самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека – христианина, какого укажет жребий. Из всех славянских земель присылаются установленные пожертвования на жертвоприношения Святovиту⁴⁴².

С удивительным почтением относятся славяне к своему божеству, ибо они не легко приносят клятвы и не терпят, чтобы достоинство его храма нарушалось даже во время неприятельских нашествий.

Кроме того, славянскому народу свойственна ненасытная жестокость, почему они не переносят мира и тревожат и с суши и с моря примыкающие к ним страны. Трудно описать, какие мучения они христианам причиняли, когда вырывали у них внутренности и наворачивали на кол, распинали их на крестах, издеваясь над этим символом нашего искупления. Самых великих [по их мнению] преступников они присуждают к распятию на кресте; тех же, которых оставляют себе, чтобы их потом за деньги выкупили, такими истязаниями мучают и в таких цепях и оковах держат, что незнающий едва и представить себе может.

53. О ПОСТРОЙКЕ ЗИГЕБЕРГА

Так как преславный император Лотарь с достопочтенной своей супругой Рикенцей уделяли много забот служению Богу, то [однажды], когда Лотарь находился в Бардевике⁴⁴³, пришел к нему туда священник Христов Вицелин и стал его убеж-

дать, чтобы, пользуясь властью, данной ему небесами, он изыскал бы какой-нибудь способ для спасения славянского народа. Кроме того, Вицелин поведал императору, что в вагской земле есть удобная гора, на которой можно возвести королевский замок для защиты страны. Некогда эту гору занимал Кнут, король бодричей, но поставленные там воины были захвачены в плен подосланными ночью разбойниками, [что случилось] вследствие хитрости Адольфа Старшего⁴⁴⁴, опасавшегося, что Кнут, усилившись, легко его одолеет. Выслушав мудрый совет пастыря, император послал способных мужей, чтобы они разведали степень пригодности этой горы. Убежденный словами посланных он переправился через Эльбу и пришел в землю славянскую, на указанное место. И приказал всему народу нордальбингов, чтобы они поспешили на постройку крепости. Повинуясь императору, пришли также и славянские князья и тоже приняли участие в работе, хотя и с великой печалью, потому что чувствовали, что все это делается тайне для их угнетения. И сказал тогда один из князей славянских другому: «Видишь ты это прочное и превосходное здание? Предсказываю тебе, что замок этот станет ярмом для всей нашей страны. Выйдя отсюда, они разрушат сначала Плуню, потом Ольденбург и Любек, затем, перейдя Травну, Ратцебург, причинят зло всей полабской земле. И земля бодричей тоже не избегнет руки их». Тот ответил ему: «А кто же нам это несчастье приготовил, кто королю гору эту отдал?». На это князь сказал: «Видишь вон того плешивого человека, который стоит рядом с королем? Это он навел на нас это несчастье».

Итак, крепость была выстроена и обеспечена многочисленной стражей и названа Зигебергом⁴⁴⁵. И поставил [император] в ней некоего своего вассала Геримана, который и стал ее начальником. Не удовлетвовавшись этим, император повелел заложить новую церковь у подошвы этой горы и отвел на обеспечение службы Божьей и на содержание братьев, которые должны были там во множестве собраться, шесть или более селений, снабженных, согласно обычаю, привилегиями. Управление же этой церковью император поручил Вицелину, чтобы тот тем охотнее взялся за постройку зданий и приглашение людей. Так же он поступил и с церковью в Любеке, повелев Прибиславу, под угрозой потери милости его, оказывать полное расположение упомянутому священнику или тому, кто вместо него будет. И возымел [император] намерение, как он сам это признает, подчинить весь народ славянский Божественной религии и поставить слугу Божьего великим епископом.

54. СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ЛОТАРЯ

Совершив это и приведя в порядок дела, как у славян, так и у саксов, император передал герцогство Саксонское зятю своему Генриху, герцогу баварскому⁴⁴⁶, и, взяв его с собой, предпринял второй поход в Италию. Между тем Вицелин, разумный попечитель вверенного ему дела, подобрал подходящих для проповеди Евангелия и для службы Божьей людей. Из них достопочтенных священников Лиудольфа,

Германа и Бруно он поставил в Любек, Лютмунда же с другими назначил быть в Зигеберге. Итак, свершилось милосердие Божье, и заслугами императора Лотаря в земле славянской был создан новый рассадник веры. Но приступающие к службе Господней всегда подвергаются испытаниям. Так, и отцам новой церкви пришлось пройти через великие жертвы. Ибо милостивый император, заслуги которого по обращению язычников признаны всеми, когда, овладев Римом и Италией и изгнав из Апулии Рожера Сицилийского⁴⁴⁷, готовился уже к возвращению, был внезапно застигнут преждевременной смертью. Весть эта повергла в замешательство всех могущественных мужей империи; доблесть же саксов, столь прославленная при этом государе, пришла, как казалось, в полный упадок. И тогда пошатнулись дела церковные в славянской земле. Ибо тотчас же после того, как тело покойного императора было препровождено в Саксонию и здесь предано погребению в Люттуре⁴⁴⁸, начались междоусобицы между Генрихом, зятем короля, и маркграфом Адальбертом⁴⁴⁹, спорившими из-за герцогства Саксонского. Ибо король Конрад, возведенный на императорский престол⁴⁵⁰, прилагал все усилия, чтобы утвердить на герцогстве Адальберта, полагая несправедливым, если какой-нибудь государь держит два государства. А Генрих предъявлял притязания на два герцогства – Баварию и Саксонию. Итак, оба эти государя, сыновья двух сестер⁴⁵¹, вели внутреннюю войну, и вся Саксония волновалась. И, захватив крепость Люнебург с городами Бардевик и Бремен, Адальберт овладел Западной Саксонией. К нему примкнула и земля нордальбингов. Тогда граф Адольф, не захотевший нарушить присягу верности, принесенную императрице Рикенце и ее зятю, был изгнан из страны. Графство же его, селения и службы получил от Адальберта в знак милости Генрих из Бадвида. Получил он также и крепость Зигеберг под свою охрану, так как Гериман умер, а остальные, которых император в нее поставил, подверглись изгнанию.

1137,
3 дек.

55. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРИБИСЛАВА

Когда такие волнения сотрясали всю Саксонию, Прибислав из Любека, воспользовавшись удобным случаем, собрал отряд разбойников и полностью разрушил предместье Зигеберга, а также все его окрестности, где жили саксы. Новый храм и недавно возведенное здание монастыря были истреблены огнем. Фолькер, брат высокой скромности, был убит ударом меча. Остальные братья, которым удалось уйти, бежали в порт Фальдеру. Священник же Лиудольф и те, которые находились с ним в Любеке, не были разогнаны этим опустошением, потому что жили в замке, под покровительством Прибислава, оставаясь в этом месте и в такое трудное и полное ужасов смерти время. Ибо кроме того, что им приходилось испытывать нужду и ежедневную опасность для жизни, они были вынуждены видеть оковы и различные мучения, причинявшиеся христианам, которых разбойничье войско обычно в разных местах захватывало. Некоторое время спустя пришел некий Раце⁴⁵², из рода Крута с войском, рассчитывая захватить в Любеке врага своего,

Прибислава. Ибо два эти рода, Крута и Генриха, вели между собой борьбу за первенство. Но поскольку Прибислав все время находился вне Любека, то Раце со своими разрушил крепость и окрестности. Священники же, укрывшись в тростнике, нашли убежище в Фальдере⁴⁵³. Достопочтенный пастырь Вицелин и другие проповедники слова Божьего были охвачены глубокой скорбью по поводу того, что новый рассадник веры в самом своем зародыше завял. Они продолжали оставаться в церкви в Фальдере, усердно предаваясь посту и молитве. Какой суровостью, каким воздержанием в пище и совершенством обхождения отличался этот молодой монастырь в Фальдере, невозможно и рассказать. И дал им Господь, согласно своему обещанию, дар исцелять больных и изгонять бесов. Что же сказать об одержимых бесами? Весь монастырь был полон этими людьми, их привозили сюда отовсюду. Так что братья [совсем] не могли отдохнуть и молили Бога, чтобы он присутствием святых мужей поддерживал в них силы. Но разве не бывал милостью Божьей освобождаем [от беса] каждый, кто приходил туда?

И случилось в дни те, что привели к священнику Вицелину одну девицу, Имму по имени, которую чрезвычайно мучил бес. И когда Вицелин стал спрашивать беса, почему он, сам творец порчи, избрал этот неиспорченный сосуд для осквернения, тот громким голосом ответил ему: «Потому что уже в третий раз она меня обидела». «Чем же, – спросил Вицелин, – она тебя обидела?». «Тем, – ответил бес, – что помешала моему делу. Дважды я посылал злодеев, чтобы они проникли в дом, но она, сидя у очага, криками своими отпугивала их. Теперь, собираясь в Данию выполнить поручение своего князя, по дороге я наткнулся на нее и, желая отомстить ей за то, что в третий раз она мне мешает, я вошел в нее». Но когда муж Господень стал творить заклинания против него, бес сказал: «Зачем ты изгоняешь того, кто готов [и сам] вон выйти? Я ухожу в близкую отсюда деревню навестить своих товарищей, которые там скрываются. Мне приказано сделать это раньше, чем я отправлюсь в Данию». «Как имя твое? – спросил Вицелин, – кто товарищи твои, и в ком они обитают?». «Я, – сказал бес, – зовусь Руфин, товарищей же моих, о которых ты спрашиваешь, двое здесь, один находится в Ротесте, другой в женщине некой в этом же городе. Сегодня я навещу их, завтра же, раньше, чем зазвонит в первый раз колокол в церкви, я возвращусь сюда проститься и тогда только отправлюсь в Данию». И, сказав это, он вышел, и девица освободилась от страданий и мучений. И тогда священник приказал подкрепить ее [пищей], а завтра привести в церковь за час до первого звона. И на следующее утро родители привели ее в церковь, но раньше, чем переступили они порог, прозвучал первый звон, и девица снова начала мучиться. Однако добрый пастырь не оставлял ее попечением своим до тех пор, пока дух, принужденный могуществом Бога хранителя, не отступил. Вскоре то, что он рассказывал о Ротесте, подтвердил конец этого дела: ибо спустя короткое время, жестоко терзаемый бесом, тот сам себя петлей удавил.

После убийства Эрика⁴⁵⁴ в Дании разгорелась жестокая междоусобица, так что своими глазами можно было убедиться, какой сильный бес прибыл туда, чтобы терзать народ этот. Ибо кто же не знает, что война и смуты, немощи и все другое, что для человеческого рода вредно, происходит по вине бесов.

56. СМЕРТЬ ГЕРЦОГА ГЕНРИХА

Подобно тому как в Дании, так и в Саксонии свирепствовали в это время военные бури, а именно междоусобные войны между великими государями, Генрихом Львом⁴⁵⁵ и Адальбертом, которые вели борьбу из-за Саксонского герцогства. Кроме того, земли гользатов сильно беспокоила ярость славян, вспыхнувшая из-за саксонских дел. Они как будто с цепи сорвались, так что Фальдерская область обратилась почти в пустыню по причине ежедневных убийств людей и разграблении селений. Среди этих огорчений и затруднений священник Вицелин увещевал народ, чтобы он надежды свои на Бога полагал и в посте и в стеснении сердца совершал литании, ибо настают дни бедствий. Правитель графства, Генрих⁴⁵⁶, муж, не терпящий трудностей и опытный в военном деле, собрав тайне войско из гользатов и штурмаров, зимой вторгся в Славию, напал на тех, которые, подобно колям, вбитым в глаза саксов, под рукой были, и нанес им страшное поражение, а именно, всей земле плуньской, лютилинбургской, ольденбургской и всей стране, которая начинается от реки Свалы и замыкается Балтийским морем и рекой Травной. Всю эту землю гользаты в один набег опустошили грабежами и пожарами, кроме городов, которые, будучи укреплены валами и запорами, требовали большего искусства в осаде. На следующее лето гользаты, сговорившись между собой, в отсутствие графа напали на замок Плуню и с Божьей помощью, вопреки всяким ожиданиям, эту самую крепкую из всех крепостей заняли, предав смерти славян, которые внутри находились. И весь этот год вели они войну с успехом и частыми набегами опустошили земли славян, причинив им то, что те собирались им причинять, обратив всю страну их в пустыню. Так война, происходившая у трансальбингских саксов, оказалась счастливой для гользатов, потому что, благодаря ей, они обрели возможность, никем не удерживаемые, отомстить славянам. Ибо обычно государи охраняют славян, чтобы увеличить свои доходы.

После того как Генрих, зять короля Лотаря, при поддержке своей тещи, императрицы Рикенцы, получил герцогство и изгнал родственника своего, Адальберта, из Саксонии, граф Адольф вернулся в свое графство. Генрих из Бадевида, видя, что устоять не сможет, поджег замок Зигеберг и сильную крепость Гамбург; крепость окружила стенами мать графа Адольфа, чтобы она служила опорой городу от нападения язычников. Церковь же и все, что построил Адольф Старший⁴⁵⁷, Генрих, готовясь к бегству, разрушил. После этого Генрих Лев⁴⁵⁸ начал вооружаться против короля Конрада и повел против него войско в Тюрингию, в место, которое называется Круцебург⁴⁵⁹. Когда война благодаря перемирию была отложена, герцог вернулся в Саксонию и через несколько дней умер. И герцогство Саксонское получил во владение сын его, Генрих Лев⁴⁶⁰, еще мальчик по возрасту. Тогда Гертруда, мать мальчика, отдала Генриху из Бадевида, получив от него [за это] деньги, вагскую землю, желая этим причинить огорчение графу Адольфу, потому что не была к нему расположена. После того же как эта госпожа вышла замуж за князя Генриха, брата короля Конрада⁴⁶¹, и отстранилась от дел герцогства, граф Адольф

1139,
20 окт.

обратился к герцогу-мальчику и его советникам, отстаивая свое право на вагрскую землю, и одержал верх, потому что справедливы были его требования и велика была внесенная сумма денег. Разногласия, которые имелись между Адольфом и Генрихом, только тем были улажены, что Адольф получил во владение Зигеберг и всю вагрскую землю, Генриху же взамен отдал Ратцебург и землю полабскую.

57. ПОСТРОЙКА ГОРОДА ЛЮБЕКА

Приведя так все в порядок, Адольф начал отстраивать замок Зигеберг и окружил его каменной стеной. Поскольку земля была пустынна, он отправил послов во все страны, а именно, во Фландрию и Голландию, Траектум, Вестфалию и Фризию, возвещая, чтобы все те, кто испытывает недостаток в полях, шли с семьями своими и получили землю наилучшую, землю обширную, богатую плодами, изобилующую рыбой и мясом и удобными пастбищами. И сказал он голъзатам и штурмам: «Разве это не вы завоевали землю славянскую и не вы купили ее ценой смерти ваших братьев и родителей? Почему же вы последними придете, чтобы владеть ею? Будьте же первыми, переходите в землю обетованную, населяйте ее, станьте участниками благ ее, ибо вам должно принадлежать все лучшее, что имеется в ней, вам, которые отняли ее у неприятеля». На этот призыв поднялось бесчисленное множество разных народов, которые, взяв с собой семьи и имущество, пришли в вагрскую землю к графу Адольфу, чтобы владеть землей, которую он им обещал. И первыми заняли места голъзаты в самых безопасных областях к западу от Зигеберга, по реке Травне, также на полях Свентинфельд⁴⁶², на всей земле, которая тянется от реки Свалы до [реки] Агримесов⁴⁶³ и озера Плуньского. Даргунский округ⁴⁶⁴ населили вестфальцы, Утинский⁴⁶⁵ – голландцы, Сусле⁴⁶⁶ – фризы. Плуньская земля осталась пока незаселенной. Ольденбург же и Лютилинбург и остальные земли, примыкающие к морю, Адольф отдал для заселения славянам, и они стали его данниками.

После этого граф Адольф пришел в место, которое называется Буку⁴⁶⁷, и обнаружил здесь вал разрушенного города, который был выстроен злодеем Крутом, и остров, окруженный двумя реками. Ибо с одной стороны его обтекает Травна, с другой – Вокница⁴⁶⁸, у обеих болотистые и недоступные берега. С той же стороны, где путь пролегает по суше, находится небольшой холм, спереди загороженный валом крепости. Увидев столь удобное место и превосходную гавань, сей ревностный муж начал строить здесь город и назвал его Любек⁴⁶⁹, потому что от находился неподалеку от старого порта и города, которые некогда выстроил князь Генрих. И он [Адольф] отправил послов к Никлоту, князю бодричей, чтобы заключить с ним дружбу, и своими дарами до того привязал к себе всех знатных страны, что те все наперебой старались угодить ему и обеспечить мир в земле его. И начала заселяться пустынная вагрская земля и увеличилось число жителей ее. Приглашен был также и священник Вицелин и при поддержке графа получил обратно владения, которые император Лотарь некогда ему возле крепости Зигеберг пожаловал на постройку монастыря и на содержание слуг Божьих.

58.

Но им казалось, что при неудобствах, порождаемых близостью рынка и шума в крепости, гораздо лучше было бы основать монастырь в близком оттуда селении, которое по-славянски называется Кузулина, а по-немецки – Гагересторп⁴⁷⁰. И он [Вицелин] послал туда достопочтенного священника Фолькварда с искусными мужами, которые приложили бы свой труд к возведению храма и монастырских зданий. Затем, заботясь о своем приходе, он выстроил у подошвы горы и приходскую церковь.

В те дни благородный муж Тетмар, некогда ученик Вицелина и товарищ его по учению во Франции, покинув свой приход и деканию в Бремене, посвятил себя целиком монастырю в Фальдере. Это был муж, презирующий этот мир, приверженец добровольного нищенства, муж, достигший высокого совершенства в духовном общении. Его возвышенная святость зиждилась на таком глубоком смирении и на такой кротости, что, казалось, видишь среди людей ангела, который, умея снисходительно относиться к слабостям других, сам испытан во всех отношениях. Направленный с другими братьями в Гагересторп, иначе Кузулину, он стал великим утешением для всех, кто только что в эти края переселился.

Вицелин же, мудрый попечитель вверенной ему церкви, прилагал все силы к тому, чтобы храмы воздвигались в местах самых выгодных, и доставал для них из Фальдеры как священников, так и все необходимое для церкви.

59. О СВЯТОМ БЕРНАРДЕ, АББАТЕ ИЗ КЛЕРВО

Приблизительно в это же время произошли новые, поразившие весь мир события. В правление святейшего папы Евгения⁴⁷¹, когда у кормила правления империей стоял Конрад III, прославился некий Бернард, аббат из Клерво⁴⁷². Слухи о его чудесах были столь замечательны, что со всего света стекалось к нему множество народов, жаждавших увидеть чудеса, творимые им. Отправившись в тевтонскую землю, по пути он пришел к знаменитому двору Франксворд⁴⁷³. Сюда навстречу ему поспешил с множеством князей любезный король Конрад. И когда святой муж, находясь в храме, в присутствии короля и высших сановников продолжал усердно исцелять немощных во имя Божье, среди такого множества народа трудно было понять, чем кто страдает и кому оказана помощь. Пришел сюда и наш граф Адольф, желая по чудесным делам этого мужа испытать его заслуги. Между тем [к Бернарду] привели слепого и хромого мальчика, увечье которого не вызывало никаких сомнений. Тогда Адольф, человек весьма проникательный, начал испытывать, не сможет ли он на слухах с этим мальчиком получить свидетельство святости его [Бернарда]. Догадавшись – как будто по откровению свыше – о неверии его, муж Господень применил средство против этого и, наперекор обычаю, велел подвести мальчика к себе, в то время как над другими творил чудеса только словом. Когда мальчика подвели, он поднял его руки и, осторожно прикасаясь к его глазам, вернул ему зрение, а потом,

расправив его скрюченные колени, приказал ему бежать по ступенькам, являя тем самым свидетельство того, что возвратил ему как зрение, так и способность ходить.

И вот начал этот святой муж, не знаю какими пророчествами вдохновленный, увещавать государей и других верных людей, чтобы они отправились в Иерусалим, обуздали языческие народы востока и подчиняли их христианским законам, говоря, что приблизились времена, когда все народы должны обратиться и весь Израиль, таким образом, будет спасен. И трудно поверить, какое множество народов сразу после таких слов увещания посвятило себя этому походу⁴⁷⁴. Первыми и главными среди них были король Конрад, герцог свевский Фредерик, ставший потом королем⁴⁷⁵, герцог Вельф⁴⁷⁶, епископы и князья. Войско же, состоявшее из благородных и неблагородных и из простого народа численностью своей превзошло все ожидания. Что сказать о тевтонском войске, если и король парижский, Людовик⁴⁷⁷ и все самые доблестные из франков к этому же стремились? И в наше время неизвестно, и от сотворения мира не слышано, чтобы собралось такое войско, войско, говорю я, чрезвычайно большое. И у всех на одежде и на оружии был знак креста.

И сочли вожди похода за лучшее одну часть войска отправить в страны Востока, другую – в Испанию, третью же – к славянам, возле нас обитающим.

60. О КОРОЛЯХ КОНРАДЕ И ЛЮДОВИКЕ

Итак, первое, и притом самое большое, войско, с королями – германским, Конрадом, и французским, Людовиком, и важнейшими князьями обоих государств, выступило в поход сухопутным путем. Пройдя Угрию, они достигли границ Греции. И тогда отправили посольство к греческому королю⁴⁷⁸, прося его предоставить им право свободного прохода и право приобретения товаров, ибо они хотят пройти через его землю. Тот, хотя и был весьма испуган, решил, однако, согласиться, если только они пришли с миром. Они же велели ему сказать, что не замышляют причинять никакого беспокойства, что этот добровольный поход они предприняли лишь ради расширения пределов мира. И тогда предоставил им король Греции, как это было им угодно, право свободного прохода и право покупать в изобилии товары всюду, где бы ни расположился их лагерь.

В те дни войску являлись многочисленные знамения, предвещавшие грядущие поражения. Самым необыкновенным из них было такое. Однажды вечером густой туман окутал весь лагерь. Когда он рассеялся, тучи мотыльков опустились на лагерь или порхали в поднебесье. Все они до такой степени были окроплены кровью, что казалось – это туман пролился кровавым дождем. Видя это, король и остальные государи поняли, на какие великие трудности и смертельные опасности они обречены. Догадка не обманула их. Спустя некоторое время пришли они в одну гористую местность, где, найдя весьма удобную благодаря ее лугам и текущей сверху реке долину, раскинули в ней лагерь у широкого склона горы. Вьючные животные и повозки, запряженные парами и четверками лошадей, везшие припасы и вещи рыцарей, а также громадное количество рабочего скота, предназначенного на мясо, были размещены

среди валов, поблизости от воды и от удобных пастбищ. С приближением ночи на вершине горы послышались раскаты грома и шум бури, а затем среди ночи, не знаю, то ли потому, что тучи разверзлись, то ли по другой какой-нибудь причине, река эта сильно разлилась и всех людей и животных, которые находились ниже валов, 1147, мгновенно смыла и сбросила в море. Так войско понесло первую потерю в этом походе. 7 сент. Остальные, которые сохранились, продолжали предпринятый путь и, пройдя Грецию, приблизились к королевской столице Константинополю. После того как в течение нескольких дней войско подкрепило здесь свои силы, они пришли к заливу моря, в просторечии называемому Рукой св. Георгия. Здесь король Греции приготовил им корабли для перевозки войска, призвав нотариев, чтобы они представили ему количество воинов. Прочитав [список], он испустил тяжкий вздох и сказал: «Зачем, Господи Боже, вывел ты столь много народов с мест их? Поистине они нуждаются в поддержке руки твоей, чтобы опять увидеть землю обетованную, землю, говорю я, свою родную». И вот, пройдя море, Людовик, король Франции, направил путь свой в Иерусалим и там в сражениях с язычниками потерял все свое войско. Что сказать мне о короле германском и тех, кто с ним был? Все они погибли от голода и жажды. Коварный посол короля греческого, которому было поручено провести их к границам Персии, завел их вместо этого в пустыню. Здесь они до того ослабели от голода и жажды, что добровольно склонили шеи пред напавшими на них язычниками.

Король и вельможи, которым удалось спастись от гибели, бежали обратно в Грецию. О справедливость всевышнего! Так велико было поражение этого войска и неописуемы; бедствия его, что и до сегодняшнего дня оплакивают горькими слезами всех, кто в нем [в войске] был.

61. ЗАВОЕВАНИЕ ЛАЦЕБОНЫ

Второе же морское войско, собранное в Кёльне и других прирейнских городах и, кроме того, на берегах реки Везер, начало плавание по широкому пространству океана, пока не прибыло в Британию. Починив здесь в течение нескольких дней свои корабли и присоединив к себе немалый отряд англов и бриттов, они распустили паруса в направлении Испании и пристали к знаменитому португальскому городу в Галатии⁴⁷⁹, чтобы поклониться св. Якову⁴⁸⁰. Король же Галатии⁴⁸¹, приятно обрадованный прибытием паломников, просил, если они уж вышли сражаться во имя Господа, оказать ему помощь против Лацебоны⁴⁸², жители которой сильно беспокоили христианские страны. Склонившись к его просьбе, они выступили в Лацебону с большим количеством кораблей. Король же отправился сухопутным путем и тоже повел сильное войско. И так город был осажден и с суши и с моря. Много времени ушло на осаду этого города. И когда, наконец, он был взят и язычники разбиты, король Галатии обратился к крестоносцам с просьбой, чтобы, предварительно разделив между собой по-товарищески добычу, они отдали ему пустой город. И здесь была создана христианская колония, существующая и сейчас. Это было единственное из всего осуществленного войском крестоносцев предприятие, которое так счастливо закончилось.

62. О НИКЛОТЕ

Третье войско крестоносцев предприняло поход против славянских народов, а именно, против соседящих с нами бодричей и лютичей, чтобы отомстить за уничтожение и смерть, причиняемые ими христианам, главным образом данам. Начальниками этого похода были Адельберо, [архиепископ] гамбургский⁴⁸³, и все саксонские епископы, кроме того, молодой герцог Генрих⁴⁸⁴, герцог из Церинге Конрад⁴⁸⁵, маркграф из Сальтведеле⁴⁸⁶, Адальберт, Конрад из Витина⁴⁸⁷. Никлот, услышав, что в скором времени будет собрано войско, чтобы уничтожить его, созвал весь народ свой и начал строить замок Дубин⁴⁸⁸, который мог бы послужить для народа убежищем в случае необходимости. И отправил он посольство к графу Адольфу, напоминая ему о союзе, который они заключили, и вместе с тем прося его предоставить ему возможность побеседовать с ним и посоветоваться. И когда граф не согласился, говоря, что это было бы неосторожно с его стороны, ибо могло бы нанести обиду другим государям, он велел передать ему через послов: «Я решил быть глазами и ушами твоими в земле славянской, которую ты начал заселять, чтобы славяне, которые некогда владели вагрской землей, не причиняли тебе обид, оправдываясь тем, что они несправедливо лишены наследия своих отцов. Почему же ты оставляешь друга своего в пору нужды? Разве дружба не проверяется в несчастье? До сих пор я удерживал руку славян, и они не причиняли тебе вреда, теперь же я могу отнять свою руку и предоставить тебя себе самому, потому что ты с презрением отверг друга своего, забыл о договоре и отказал мне во встрече с тобой в минуту нужды».

И поведали послы графа Никлоту: «Наш господин в этот раз не может беседовать с тобой, потому что этому препятствуют известные тебе обстоятельства. Так сохрани же доверие к нашему господину и свои обязательства по отношению к нему и, если увидишь, что славяне втайне готовят войны против него, окажи ему поддержку». И Никлот обещал. И тогда сказал граф жителям своей земли: «Имейте надзор за скотом и имуществом вашими, чтобы они случайно не подверглись разграблению со стороны воров или разбойников; об общей безопасности будет моим делом заботиться, чтобы вы не подверглись какому-нибудь непредвиденному нападению войска». Ибо этот мудрый муж полагал, что своей хитростью он предотвратил неожиданные удары войны. Но дела сложились иначе.

63. СОЖЖЕНИЕ КОРАБЛЕЙ

Никлот, чувствуя, что выступление в задуманный поход неизбежно, тайно подготовил морское войско и повел корабли к устью Травны с намерением разорить всю вагрскую землю прежде, чем саксонское войско вольется в ее пределы. Вечером же он отправил посла в Зигеберг потому, что обещал графу оказать ему поддержку. Но посольство это оказалось ненужным, ибо граф отсутствовал и не было времени,

чтобы собрать войско. На рассвете дня, в который с благоговением поминаются страсти святых Иоанна и Павла, морское войско славянское спустилось в устье Травны. Жители города Любека, услышав шум, производившийся войском, позвали мужей города, говоря: «Мы слышим сильный шум, как будто рокот приближающейся толпы, и не знаем, что это такое». И они послали в город⁴⁸⁹ и на рынок предупредить о грозящей опасности. Но опьяневшие от обильных возлияний люди не могли двинуться ни по дороге, ни на кораблях, пока, окруженные врагами, не потеряли из-за подброшенного огня своих кораблей, нагруженных товарами. В тот день было убито около 300 и больше мужей⁴⁹⁰. Священник, монах Родольф, бежал в замок, но был настигнут язычниками, которые нанесли ему тысячу ран и убили его. Находившимся в замке в течение двух дней пришлось выдерживать самую жестокую осаду. Два отряда конницы промчались через вагрскую землю и все, что нашли в предместьях Зигеберге, истребили. Округ, называемый Даргунским, и все земли, расположенные вниз от Травны и заселенные вестфальцами, голландцами и другими чужеземными народами, были поглощены ненасытным огнем. Они [славяне] убили храбрых мужей, которые пытались с оружием в руках оказывать им сопротивление, и увели их жен и детей в плен. Но мужей гользатских, которые обитают за Травной, к западу от Зигеберга, они пощадили и, остановившись на полях селения Кузалины, не стали продвигаться дальше. Кроме того, славяне не опустошили деревень, которые были расположены в полях Свентинфельд и тянулись от реки Свалы вплоть до реки Агримесов и Плуньского озера, а также не тронули имущества людей, там живущих. И повторяли в то время все уста, что эту беду навлекли якобы гользаты из ненависти к пришельцам, которых граф отовсюду привлекал к заселению страны. Вот поэтому одни только гользаты и не испытали общего несчастья. Но и город Утин⁴⁹¹, благодаря своему месторасположению – естественной укреплённости – уцелел тоже.

64. О ПРЕСВИТЕРЕ ГЕРЛАВЕ

Я хочу рассказать об одном деле, заслуживающем право сохраниться в памяти потомков. Разорив вагрскую землю, как им хотелось, славяне пришли в конце концов в округ Сусле, имея намерение разорить бывшую там колонию фризов, население которой исчислялось в 400 и более мужей. Когда славяне прибыли сюда, едва ли сотня фризов находилась в маленькой крепости, остальные возвратились на родину, чтобы привести в порядок оставшиеся там хозяйства. Когда все то, что было вне крепости, славяне сожгли, тогда те, кто в крепости оставался, поняли, какое жестокое нападение им угрожает. И правда, в течение целого дня их храбро осаждали 3 тысячи славян и уже предвкушали свою несомненную победу, в то время как фризы оттягиванием боя старались отдалить свою гибель. Но когда славяне увидели, что без кровопролития победа им не достанется, они пообещали фризам жизнь и целостность членов, если, выйдя из крепости, они сдадут оружие. И тогда некоторые из осажденных в надежде сохранить жизнь начали добиваться

того, чтобы сдать крепость. Обличая их, мужественный священник сказал: «Что это вы, о мужи, хотите делать? Вы думаете, что, сдавшись, вы сможете сохранить себе жизнь, что язычникам можно доверять? Вы заблуждаетесь, о мужи соотечественники, неразумно такое мнение. Разве вы не знаете, что среди всех пришельцев нет ни одного народа, более гнусного для славян, чем фризцы? Поистине, наш запах кажется им зловонием. Зачем же жертвуете вы жизнью вашей, зачем добровольно спешите к гибели своей? Именем Господа, Создателя мира, которому нетрудно в скором времени спасти нас, призываю вас, чтобы вы еще немного испытали силы свои и вступили в бой с неприятелем. Пока мы окружены этим валом, пока мы владеем своими руками и оружием, мы еще можем надеяться сохранить жизнь. Если же мы лишимся оружия, то, кроме позорной смерти, нам ничего не останется. Поэтому погрузите сначала мечи свои, добровольной выдачи которых они требуют, во внутренности их и отомстите за кровь вашу. Пусть узнают они вкус храбрости вашей и пусть не возвращаются с победой без кровопролития». И, говоря так, он явил им отврату своего духа и, бросившись к воротам с одним лишь мужем, разогнал вражеские отряды и собственной рукой умертвил громадное число славян. Лишившись в конце концов одного глаза и раненный в живот, он сражался без передышки, являя как бы Божественную силу и духа и плоти. Славные сыновья Сарвии⁴⁹² или Маккавей⁴⁹³ сражались некогда ничуть не лучше, чем этот священник Герлав и небольшое число мужей в замке Сусле. И отстояли они крепость от рук разорителей.

Услышав об этом, граф собрал войско, чтобы вступить в бой со славянами и изгнать их из своей страны. Когда слух об этом дошел до славян, они вернулись на свои корабли и отплыли, увозя пленников и разную добычу, захваченную в земле вагров.

65. ОБ ОСАДЕ ДИМИНА

Между тем всю Саксонию и Вестфалию облетел слух о том, что славяне совершили вылазку и, таким образом, первыми начали войну. Тогда все это войско, носящее знак креста, поторопилось спуститься в землю славян, чтобы покарать их за недоброжелательность. Разделившись, они осадили две крепости – Дубин и Димин – и изготовили много машин против них. Пришло также и войско данов и присоединилось к тем, которые осаждали Дубин, и от этого осада усилилась. В один из этих дней находившиеся в осаде заметили, что войско данов действует вяло, ибо те, которые дома настроены воинственно, вне его обычно трусят; и, совершив внезапную вылазку, они убили многих данов и удобрили землю их трупами. Оказать им помощь было невозможно, так как между ними лежало море. Поэтому исполненное гнева войско тем упорнее продолжало осаду. И говорили между собой вассалы герцога нашего и маркграфа Адальберта: «Разве земля, которую мы разоряем, не наша земля, и народ, с которым мы воюем, не наш народ? Почему же мы оказываемся врагами самим себе и сами уничтожаем доходы свои? Разве этот удар

не падает и на головы повелителей наших?». И начали они с этого дня чинить всякие волнения в войске и облегчать осаду частыми перемириями. И каждый раз, когда славяне в стычке бывали разбиты, они удерживали войско от преследования бегущих и не давали ему овладеть крепостью. В конце концов нашим это надоело, и был заключен такой договор, что славяне принимают христианскую веру и отпускают данов, которые находились у них в плену. И тогда многие притворно приняли крещение, а из плена отпустили всех стариков и непригодных [людей], остальных же, которые здоровьем были крепче и более приспособлены для работы, задержали. Таким образом, этот великий поход закончился умеренным успехом⁴⁹⁴. А тотчас же после этого еще худшее время настало, потому что славяне не выполнили своего обещания креститься и не удержали рук своих от опустошения Дании.

66. О ГОЛОДЕ

Граф наш, стараясь наладить поколебленную дружбу, заключил мир с Никлотом и остальными восточными славянами. Однако он не вполне им доверял потому, что они первые нарушили договор и предали землю его великому опустошению. И он начал ободрять народ свой, подавленный вражеским разорением, и просил его, чтобы он не поддавался несчастьям, памятуя, что маркоманы⁴⁹⁵ должны обладать большим терпением и не щадить крови своей. И прилагал большое усердие в выкупе захваченных в плен.

Но что сказать мне о пастыре Христовом Вицелине? Среди этого бедствия, когда ярость язычников многих так сильно разорила, а недостаток в припасах породил голод, он убедительно просил всех, кто был в Фальдере и Кузалине, не забывать о бедняках. Необыкновенное усердие проявлял в этом деле муж Господень Тетмар, распределяя и подавая милостыню беднякам, — он, помощник верный и благоразумный, везде столь милосердный, везде столь щедрый, так что всего того, что я о нем говорю, чрезвычайно мало для его восхваления. Очевидно, исполненное сострадания сердце этого пастыря издавало сладчайшее благоухание, и у врат монастыря всегда лежали такие толпы нуждающихся, ожидавших милостыни из рук мужа Господня, что, казалось, благодаря щедрости этого мужа, место это может впасть в бедность. Тогда управляющие хозяйством стали запираť двери закровов, чтобы монастырь не понес случайно ущерба. Что же сделал муж Господень? Не будучи в состоянии переносить вопли бедняков и сам не имея под рукой ничего, что можно было бы им дать, начал этот муж проявлять еще большую заботу и стал обходить закрома, искусно разыскивая входы в них, и, тайно их обнаружив, поступал подобно грабителю, подавая беднякам ежедневно по возможности. Заслуживающие доверия лица рассказывали нам, что опустошенные в те дни амбары чудесным образом вновь наполнялись провизией. Не подлежит сомнению, что дело это находит подтверждение в деяниях Илии и Елисея⁴⁹⁶, подражатели которым как в области добродетели, так и в области чудес до наших дней имеются.

67. О СМЕРТИ ЭТЕЛЕРИЯ

Прошло немало времени, пока вагрской земле удалось оправиться от пережитого бедствия, и вот уже с севера новые войны надвинулись и добавили горести к горестям, раны к ранам. После убийства Эрика, по прозвищу Эмуна, осталось трое потомков королевского рода, а именно: Свен, сын этого Эрика, Вальдемар, сын Кнута, и Кнут, сын Магнуса⁴⁹⁷. Поскольку все они были пока еще в детском возрасте, то, по решению данов, над ними был поставлен опекун, некий Эрик, по прозвищу Спак⁴⁹⁸, который и принял под свое покровительство государство и подрастающих государей. Был это муж миролюбивый. Он спокойно управлял вверенным ему государством, оказывая ярости славян недостаточное противодействие. Ибо разбои славян в то время более обычного усилились. Чувствуя приближение дня своей смерти, Эрик созвал трех юных королей и, обратившись за советом к вельможам, Свена поставил на королевство; Вальдемару же и Кнуту велел удовольствоваться отцовским наследством. И приведя таким образом в порядок дела, он скончался. Вскоре сын Магнуса, Кнут, нарушив распоряжение своего опекуна, сделал попытку насильно захватить трон и начал большую войну против Свена. Вальдемар стал на сторону Свена, и вся Дания взволновалась. В северной части неба великие знамения показались в виде как бы огненных факелов, алых, как человеческая кровь. Знамения эти не обманули. Кто же не знает о поражениях, нанесенных, говорю я, во время этой войны?

Каждый из обоих королей старался привлечь нашего графа⁴⁹⁹ на свою сторону, и они отправляли послов с дарами, предлагая много и обещая еще больше. Графу понравился Кнут, и после беседы с ним он признал себя его вассалом. Жестоко отплатил за это Свен. Взяв с собой вооруженный отряд, он перешел в вагрскую землю, поджег Ольденбург и разрушил всю приморскую область. Уйдя потом оттуда, он поджег предместье Зигеберг, и прожорливое пламя поглотило все, что было в его окрестностях. Виновником этого бедствия был некий Этелерий, дитмарш по рождению. Он получил поддержку у богатых данов, привлек на свою сторону всех храбрых гользатов и, став королевским военачальником, вознамерился изгнать графа из его земли, а владения его присоединить к Данскому королевству. Когда это стало известно графу, он отправился к герцогу⁵⁰⁰, прося, чтобы тот его защитил. Ибо оставаться в Гользатии ему было небезопасно, потому что вассалы Этелерия поднялись и угрожали его жизни. Если кто-нибудь хотел стать вассалом Этелерия, он шел к нему и получал от него в дар плащ, щит и коня, и подкупленные такого рода дарами мятежники заполнили всю землю. Тогда повелел герцог всему народу гользатов и штурмаров, чтобы если где-нибудь будут обнаружены вассалы Этелерия, пусть они или отрекаются от своего вассальства, или уходят из страны. И было так сделано, и весь народ покаялся, что будет подчиняться приказу герцога и повиноваться своему графу. И тогда этот муж вновь заключил дружбу с гользатами после того, как мятежники или вернули себе его милость, или были изгнаны из страны.

И отправил граф послов к Кнуту, требуя, чтобы тот скорее с войском пришел, чтобы им вместе подавить Свена. Сам же с 4-тысячным войском поспешил к Шлез-

вигу ему навстречу. И раскинули они лагеря на большом расстоянии один от другого. Свен же с немалым войском находился в городе Шлезвиге. Тогда Этелерий, военачальник Свена, видя, что беда удвоилась и большое войско пришло, чтобы их осадить, с коварным умыслом отправился к Кнуту и, дав денег начальникам войска, уговорил юного Кнута, чтобы тот без ведома графа Адольфа возвратился в землю свою и распустил войско, всех по домам своим. Заключив с ним перемирие, он дал обещание, что без войны восстановит мир в Дании. Совершив все так, как ему было угодно, Этелерий вернулся в Шлезвиг, намереваясь утром вступить в бой с графом и внезапно убить его. Но в тот вечер был в Шлезвиге один из домочадцев графа, и, чувствуя, что что-то готовится втайне, он поспешно переправился через озеро и, придя в лагерь, сказал графу: «Обманут ты, о граф, обманут и обречен на гибель. Кнут и войско его, на помощь которым ты сюда прибыл, вернулись в землю свою, ты же один здесь оставлен. А Этелерий намеревается прийти сюда и на рассвете сразиться с тобой». Тогда граф, весьма удивленный таким обманом, сказал своим: «Поскольку мы находимся среди леса и лошади наши изнурены от голода, то хорошо было бы нам уйти отсюда и поискать удобное место для лагеря». Тогда войско почувствовало, что граф расстроен неблагоприятным известием, и сняло лагерь с места, которое называется Кунингисхо, и повернуло путь к Эгдоре. И воины двигались с такой поспешностью, что, когда граф достиг Эгдоры, из 4 тысяч войска с ним оказалось едва 400 [человек]. Ободряя их, граф сказал: «Хотя напрасный страх и обратил в бегство наших братьев и друзей, несведущих в этом деле, однако мне кажется полезным, чтобы мы остались здесь охранять нашу страну, пока не узнаем точнее от направленных [нами] послов, что делают наши враги». И он тотчас же отправил послов, чтобы те донесли об истинном положении вещей. После того как те были схвачены под Шлезвигом и закованы в цепи, Этелерий сказал господину своему королю: «Теперь следует поторопиться и выступить с войском, ибо покинутый своими граф несомненно отдастся в руки наши. Убив его, мы пойдем в его страну и поступим с нею, как нам заблагорассудится». И они отправились с сильным войском. Граф же, разгневанный тем, что послы, как было условлено, не вернулись, отправил других послов, которые, увидав неприятеля, поспешно донесли об этом графу. Тот, хотя и был в душе огорчен малочисленностью своих сил, решил, однако, принимая во внимание их доблесть, сразаться и сказал своим: «Вот настало время, о друзья, когда можно будет узнать, кто тот смелый и доблестный муж, который готов был бы добровольно принять гибель. Мои соотечественники часто с насмешкой упрекали меня, что у меня якобы женское и трусливое сердце и что удары войн я отражаю скорее словом, чем рукой. Разумеется, я не действовал безрассудно. И зато сколько раз мы смогли без кровопролития уберечь себя от войны. Но теперь, когда ужасная опасность требует приложения рук, можно будет увидеть, женская ли у меня, как вы говорите, душа. Теперь, даст Бог, вы сможете лучше рассмотреть, что у меня сердце мужа. Я успокоюсь, если ваше желание совпадет с моим и если вы, принеся присягу, станете со мной на защиту отечества. Ибо в настоящее время только сражение может спасти и от постыдного бегства, и от несомненного разорения нашего отечества».

Когда граф закончил свою речь, приверженцы приветствовали его и под великой присягой обязались, что будут твердо стоять во имя спасения своего и своего отечества. И тогда граф велел разрушить мост и поставил стражу в тех местах, где река была проходима. Тут пришел посол и сказал, что неприятель переправился у деревни, которая называется Скуллеби.

Итак, вознеся молитву Господу, граф поспешил, пока не переправилось все войско, вступить в бой с теми, которые уже переправились. И тотчас же, как только они столкнулись, граф был сброшен с коня. На помощь ему пришли двое рыцарей; они подняли его и опять посадили на коня. Битва была жаркая, и было неясно для той и другой стороны, которая из них победит, пока один из сторонников графа не закричал громко, требуя, чтобы подрубили колени лошадям, на которых сидели враги. И случилось, что когда лошади упали, то с ними упали и закованные в панцири седоки и были поражены нашими мечами. Погиб Этелерий, а остальные знатные были или убиты, или взяты в плен. Увидев это с другого берега реки, король и [люди], бывшие с ним, обратились в бегство и вернулись в Шлезвиг. И граф тоже вернулся, покрытый славой своей победы, ведя замечательных пленников, деньгами [от выкупа] которых изрядная часть его долгов была покрыта⁵⁰¹.

С этих пор он стал проявлять особую заботу о своей земле. Ибо каждый раз, когда доходила до него весть о каком-нибудь движении со стороны Дании или славян, он тотчас же собирал войско в удобном месте, а именно в Травенемюнде⁵⁰² или над Эгдорой, и всегда были послушны приказам его народы гользатов, штурмаров и маркоманов. Согласно существующему обычаю, маркоманами называются собравшиеся с разных сторон народы, населяющие марку. Очень много марок имеется и в славянской земле. Из них не самой худшей является наша вагрская земля, где имеются мужи храбрые и опытные в битвах как с данами, так и со славянами. Обязанности графа выполнял над всеми ними наш граф⁵⁰³. Он вершил суд над народом своим, примиряя несогласия и освобождая угнетенных из рук могущественных. К духовенству он был чрезвычайно благосклонен и не допускал, чтобы кто-либо делом или словом его обидел. Много труда приложил граф к укрощению мятежей среди гользатов. Ибо этот свободолюбивый и упрямый народ, народ дикий и необузданный, отказался нести иго мира. Но высокий разум этого мужа победил их, и восторжествовала мудрость его в них. Он старался привлечь их к себе многочисленными дарами, пока не надел узды на этих, говорю я, диких ослов. Если бы кто захотел, тот может убедиться, что хотя внешне этот народ не изменился, однако

Те, что личиной главу прикрывали обычно

И расставляли коварно сеть для хищений своих

и крали то, что не могли отнять силой, —

тот может убедиться, говорю я, что они изменили свои нравы и снова обратили шаги свои на путь мира. А разве это не «изменение десницы Всевышнего»⁵⁰⁴?

После этого граф помирился с королем данов, Свеном. Ибо тот, счастливый многочисленными победами, изгнал Кнута из страны и принудил его, прогнанного в Саксонию, жить вне отечества, у преславного архиепископа Гартвига, который, происходя из знаменитого рода⁵⁰⁵, имел громадные владения.

68. О ГЕРЦОГЕ ГЕНРИХЕ

В то время юный наш герцог взял себе в жены Клементию, дочь Конрада, герцога из Церинге⁵⁰⁶, и начал править во всей земле славянской, постепенно мужая и набираясь сил.

Каждый раз, как славяне наносили ему обиды, он всегда простирали на них длань Марса, и они отдавали ему все, что он пожелал потребовать, лишь бы сохранить себе жизнь и отечество. Но ни в одном из походов, которые он успешно, будучи еще юношей, на Слaviю совершал, о христианстве и не вспоминалось, [но] только о деньгах. Ибо они [славяне] все еще поклонялись идолам, а не Богу, и предпринимали разбойничьи набеги на земли данов.

69. ОБ АРХИЕПИСКОПЕ ГАРТВИГЕ

Гартвиг, архиепископ гамбургский, видя, что в Славии царит мир, решил восстановить у славян епископства, разрушенные некогда яростью язычников, а именно, епископства Ольденбургское, Ратцебургское и Микилинбургское. Из них Ольденбургское основал Оттон I Великий, подчинив ему полабов и бодричей от границ страны гользатов до реки Пены и города Димина. И первым епископом в Ольденбурге поставил он Марка. После него вторым был Эквард, третьим – Ваго, четвертым – Эзико, пятым – Фольхард, шестым – Рейнберт, седьмым – Бенно, восьмым – Мейнер, девятым – Абелин, десятым – Эзо. Во времена его [Оттона] в Гамбургской церкви возвышался великий Адальберт. Из тех чужеземных епископов, которых он держал на своем столе, Иоанна он поставил епископом в Микилинбурге, а Ариста – в Ратцебурге, и, таким образом, Ольденбургская кафедра распалась на три епископства⁵⁰⁷. После того как по соизволению Божьему и за грехи человеческие христианская религия в Славии прекратилась, эти епископства пустовали в течение 84 лет, вплоть до времен архиепископа Гартвига. Благодаря благородству своего происхождения известный обоим верховным властям⁵⁰⁸, последний приложил много трудов, чтобы восстановить суфраганные епископства во всей Дании, Норвегии и Швеции, которые, как вспоминают древние, некогда принадлежали к Гамбургской церкви. Но когда ни повиновением, ни разными подкупам он ничего ни у папы, ни у императора не добился, то, чтобы совсем не лишиться суфраганов, он вознамерился восстановить давно уже уничтоженные епископства в Славии. И, пригласив достопочтенного пастыря Вицелина, он посвятил его в епископы ольденбургские⁵⁰⁹, ибо тот был уже в преклонном возрасте и уже 30 лет прожил в земле гользатов. Затем в Микилинбург он поставил Эммегарда⁵¹⁰. Оба были посвящены в Россевельде и отправились в страну нужды и голода, где было обиталище сатаны и всякого духа нечистого.

Все это было сделано без ведома герцога и графа нашего. И поэтому случилось, что дружба, которая существовала до сих пор между Вицелином и нашим графом, теперь нарушилась, хотя раньше граф почитал его, как отца. И он взял себе все де-

сятины за этот год, которые полагались новому епископу, и не оставил от них никаких следов. Тогда епископ пришел к герцогу, чтобы попросить у него прощения, и был им принят с почестями и уважением. И сказал ему герцог: «Достойно было бы, о епископ, чтобы я не приветствовал и не принимал вас, так как вы это звание приняли без ведома моего. Это я должен был этим делом распорядиться, особенно в стране, которую отцы мои, при покровительстве Божьем, щитом и мечом завоевали и передали мне в наследство, чтобы я владел ею. Но так как мне давно известна ваша святость и отцы наши искони тоже испытывали вашу верность, решил я ваш поступок предать забвению и со всей милостью согласиться на пожалование вам этого почетного места при том условии, что вы согласитесь принять епископскую инвеституру из моих рук. Благодаря такому договору дела ваши могли бы успешно продвинуться вперед». Но эта речь показалась епископу опасной потому, что она шла против обычая. Ибо право облекать властью епископа принадлежало только императору⁵¹¹.

Тогда один из приближенных герцога, Генрих из Вита⁵¹², муж могущественный, воинственный и друг епископа, сказал ему: «Поступайте так, как вам выгодно, приблизьтесь к господину нашему и выполните его волю, чтобы опять были воздвигнуты церкви в Славии и вашими руками направилось служение Господу. В противном случае ваш труд будет бесполезен, ибо ни император, ни архиепископ не смогут поддержать ваше дело, если мой господин будет противиться. Потому что Господь ему дал всю эту землю. Разве что-нибудь такое важное требует от вас господин мой, что являлось бы для вас недозволенным или постыдным? Сколь лучше и легче пойдет дело и сколь великие плоды оно принесет, если господин мой примет посох и отдаст его в руки ваши в знак инвеституры и, кроме всего прочего, вы станете другом герцога и будете пользоваться почетом среди народов, к которым пойдете, чтобы обратить их».

Епископ попросил предоставить ему время, чтобы он мог поразмыслить над этими словами. Отпущенный с миром он прибыл в Бардевик, где находился несколько дней, пораженный смертельным недугом, ибо там постиг его паралич, которым он, видимо, страдал до самого конца своей жизни. Когда болезнь несколько затихла, его перевезли в повозке в Фальдеру, но долгое время недуг не давал ему возможности заниматься делами церкви. Ибо к бремени возраста еще прибавилась болезнь. И когда Господь дал ему силы, он отправился в Бремен посоветоваться с архиепископом и духовенством относительно того предложения, которое сделал ему герцог. И они все вместе единодушно стали выражать свое недовольство, говоря: «Мы знаем, о достопочтенный епископ, что вашей святости лучше известно, как следует вам поступить в отношении такого предложения. Но если вы пришли к нам, чтобы услышать наш совет, то мы вам кратко ответим, как мы это понимаем. Первое, что надо принять во внимание, — это, что инвеститура епископов предоставлена только императору, который единственно всех превосходит и после Бога среди сынов человеческих самый выдающийся. Чести этой они [императоры] не без великих жертв добились. И самые достойные из императоров не так легко достигли того, чтобы их называли господами над епископами, но заплатили за этот

проступок громаднейшими государственными богатствами, которыми церковь самым щедрым образом одарили, самым приличествующим образом украсили, так что она не считает презренным подчиняться в малом и не считает постыдным склоняться перед одним, благодаря чему может господствовать над многими. Ибо где есть такой герцог или маркграф, или правитель государства сколь угодно великий, который не предложил бы епископам руки своей и, отвергнутый, не навязывал бы себя снова, кстати это или некстати? Они наперерыв стараются стать вассалами церкви, стать участниками ее владений. И вы погубите эту честь и нарушите эти права, созданные великими авторитетами? И вы протянете руку вашу этому герцогу, чтобы, следуя вашему примеру, те, кто были господами над государями, стали слугами государей? Не приличествует вашему возрасту, достаточно зрелому для украшения такой почестью, чтобы из-за вас начали происходить злоупотребления в доме Господнем. Да минует вас такое решение. Ибо если необузданный гнев государя обрушится на вас, то разве не лучше будет пожертвовать состоянием, чем честью? Пусть отнимут, если захотят, десятины, пусть, если угодно, закроют вам доступ в ваш диоцез, такую неприятность еще можно перенести. У вас есть во всяком случае церковь в Фальдере, вы можете оставаться в этом безопасном месте и спокойно ожидать спасения от Господа».

Таковыми и подобными речами они удержали его от того, чтобы он выполнил желание герцога. И, конечно, такое решение породило многочисленные помехи для нового рассадника веры, ибо когда бы ни пошел наш епископ к герцогу, желая спросить что-либо по делам церкви, тот отвечал, что готов на все, чего требует польза, если прежде ему будет оказана надлежащая честь, в противном же случае напрасно идти против течения реки. И смиренный епископ легко бы склонился к тому, чтобы ради блага церкви выполнить желание герцога, жаждущего светских почестей, если бы архиепископ и остальное бременское духовенство не противились этому. Ибо они сами, будучи тщеславны, пресыщенные богатствами своей достаточно окрепшей церкви, считали, что этим поступком было бы задето их достоинство, и заботились не столько о доходах, сколько о количестве суфраганных кафедр. Это особенно заметно было и в том, что архиепископ чинил нашему епископу большие обиды во владениях Фальдерской церкви, отнимая некоторые из них, не давая ему спокойно оставаться в том месте, которое сам ему выделил. И вот ты видишь мужа, некогда обладавшего великим именем и свободой и вполне владевшего собой, а после того, как он принял звание епископа, как будто связанного какими-то узами, смиренно просящего у всех. Ибо человек, от которого зависело спокойствие его и на которого он возлагал все надежды, [архиепископ] совратил его с пути разума и мира, чтобы он не приблизился к тем, благодаря которым доходы церкви могли разрастись. И он делал то, что позволяло ему положение того времени, посещал церкви своего диоцеза, возвещая народам спасение и доставляя им по обязанности своей службы дары духовные, хотя сам, однако, не пожинал у них даров временных, так как граф отнял у него право на десятины.

В то время был им освящен храм в Кузалине, по-другому Гагересторп называемой. И церковь в Борнговеде была тогда же освящена. И пришел он в новый город,

что Любеком называется, чтобы укрепить живущих там, и освятил здесь алтарь во имя Господа. Возвращаясь оттуда, он посетил Ольденбург, где некогда находилась кафедра епископа, и был принят язычниками, жителями этой земли. Богом их был Прове. Имя же жреца, который возглавлял их суеверия, было Мике. Князя же этой земли звали Рохель и был он из рода Крута, великий идолопоклонник и злодей. И начал епископ Господень наставлять язычников на путь истины, каким является христианство, убеждая их, чтобы, оставив своих идолов, они поспешили к купели возрождения. Но лишь немногие из славян обратились к вере, ибо еще велика была их слабость и сердца государей не были еще расположены к тому, чтобы обуздать сердца разбойников. И дал епископ деньги дровосекам на расходы по храму, и начали строить церковь у вала древнего города, куда по воскресеньям жители всей земли имели обыкновение собираться на рынок.

70. О ГРАФЕ АДЛЬФЕ

В те дни герцог собрал войско, намереваясь отправиться в Баварию и потребовать герцогство, которое занимал отчим его, Генрих, брат короля Конрада⁵¹³. И тогда пришел к нему в Люнебург наш епископ и стал просить, как всегда имел обыкновение, об обеспечении для своего епископства. Герцог же сказал ему: «Я сделаю, как вы просите, если вы согласитесь оказать мне честь». На что епископ ответил: «Ради того, кто для нас унизился, я готов самого себя отдать в собственность любому из ваших вассалов, а тем более вам самим, кому Господь даровал самую высокую власть среди государей по причине как вашего происхождения, так и вашего могущества». И после этих слов он поступил так, как того потребовала необходимость, и через посредство посоха принял епископство из рук герцога. Успокоенный герцог сказал: «Поскольку мы видим, что вы повиновались воле нашей, то и нам надлежит оказать вам честь, достойную вашей святости, и отнестись к вашей просьбе более благосклонно. Но так как теперь мы готовимся в путь, а устройство вашего дела требует длительного времени, то пока мы жалуем вам деревню Босау, которую вы просили, с принадлежащей к ней Дулзаницей, чтобы вы выстроили себе дом посреди земли вашей и могли там ожидать нашего возвращения. И тогда, если Господь будет милостив, мы охотно займемся устройством ваших дел».

И герцог попросил графа Адольфа дать согласие на это пожалование. Граф ответил ему: «После того как мой господин склонился к милосердию, нам надлежит спешно присоединиться к воле его и по мере нашей возможности содействовать ей. То владение, которое господин герцог жалует епископу, и я согласен пожаловать. Сверх того, не по обязанности, а из расположения я уступаю еще половину десятин, пусть они идут в распоряжение епископа потому, что дела его епископства еще не устроены».

Итак, герцог передал охрану славянской земли и земли нордальбингской нашему графу и, приведя в порядок дела в Саксонии, выступил с войском в поход, чтобы получить герцогство Баварское.

А герцогиня Клементия продолжала пребывать в Лüneбурге. И граф был самым блистательным человеком в доме герцога и самым услужливым в повиновении герцогине, и самым главным ее советчиком. Поэтому почитали его князья славянские, а еще более короли данские, которые, будучи заняты своими внутренними войнами, старались превзойти друг друга в подарках ему. Кнут, который, бежав, жил в изгнании у архиепископа⁵¹⁴, собрав в Саксонии наемное войско, возвратился в Данию. И присоединились к нему почти все жители Ютландии. Услышав об этом, Свен собрал морские силы и, переправившись через море, пришел в город Виберг⁵¹⁵, и короли начали битву, и были разбиты войска саксов и полностью истреблены. Обратившись в бегство, Кнут прибыл в Саксонию. Через некоторое время он опять вернулся в Данию и был принят фризами, обитавшими в Ютландии. И пришел Свен и вступил с ним в бой, а разбив, принудил бежать в Саксонию. И когда Кнуту в его странствиях часто приходилось проходить через Гользатию, наш благочестивый граф всегда ободрял его, предоставляя ему право свободного прохода и оказывая другие услуги человеколюбия. А Свен с великой жестокостью правил в Дании, всегда счастливый многими победами. Ярости славян он препятствовал теперь меньше, опутанный внутренними войнами. Рассказывают, однако, что как-то он нанес им великое поражение в Зеландии⁵¹⁶.

71. О НИКЛОТЕ

В те дни, когда герцог находился в отсутствии, пришел Никлот, князь земли бодричей, к герцогине Клементии в Лüneбург и стал громко жаловаться перед ней и друзьями герцога, что хижане и черезпеняне начали понемногу бунтовать и противиться данам, которые платят по обычаю. И тогда были назначены граф Адольф с народом гользатов и штурмаров оказать поддержку Никлоту и подавить восстание непокорных. И граф выступил более чем с 2 тысячами избранных воинов. Никлот же тоже собрал войско из бодричей. И они отправились вместе в землю хижан и черезпенян и шли по неприятельской земле, уничтожая все огнем и мечом. И разрушили знаменитое языческое святилище с идолами и другими заблуждениями⁵¹⁷. Жители, видя, что у них нет сил сопротивляться, откупились громадными деньгами и недостававшее в даяниях покрыли с избытком. Тогда Никлот, обрадованный победой, выразил графу горячую признательность и, когда тот возвращался домой, проводил его до границы своей страны, проявляя самую тщательную заботу о его войске. И с того дня окрепла дружба между графом и Никлотом, и часто они сходились в Любеке или Травенемунде для беседы о благе обеих земель.

И мир царил в земле вагров и постепенно милостью Божьей начал произрастать новый рассадник веры. Торговля же в Любеке тоже росла с каждым днем и увеличивалось количество кораблей у его купцов. Епископ Вицелин начал заселять остров, что назывался Босау, и жил там под буком, пока не выстроили хижин, в которых они могли бы все поселиться. И начал он строить там церковь во имя Госпо-

да и в память св. Петра, князя апостолов. Все необходимое для жилищ и для подлежащих обработке полей епископ достал из Кузалины и из Фальдеры.

В начале своего существования епископство было весьма скромным потому, что граф, во всем другом человек прекрасный, по отношению к одному лишь епископу оказался менее хорошим.

72. О КОРОЛЕ КОНРАДЕ

1151, 25 дек. Когда все это происходило в земле славянской, наш герцог, будучи не совсем здоров, задерживался в Свевии и угрожал войной своему отчиму. Поддержку тому оказывал брат его, король, считавший несправедливым, чтобы кто-нибудь из государей владел двумя герцогствами. Маркграф Адальберт и многие другие из государей, услышав, что нашему герцогу приходится плохо и что он как бы заперт среди врагов, обратились к королю с просьбой, чтобы тот пришел с войском как можно скорее в Саксонию, осадил Брунsvик⁵¹⁸ и одолел друзей герцога. Король поставил стражу по всей Свевии, чтобы герцог случайно не ускользнул, а сам отправился в Гослярию⁵¹⁹, чтобы захватить Брунsvик и все замки герцога. Между тем наступало святое рождество Христово. Понимая, что замыслы короля во зло ему направлены и что уход из Свевии ему отрезан, герцог велел объявить всем своим друзьям, как свободным, так и служившим ему, чтобы в этот торжественный день они собрались в каком-нибудь городе на сейм. Он велел огласить этот приказ и довести его до слуха народа. Взяв с собой трех самых верных мужей, однажды вечером герцог переделся и, уйдя из замка, отправился в ночное странствование и, пройдя посреди неприятельских засад, лишь на пятый день появился в Брунsvике. И, таким образом, друзья его, до этого исполненные печали, неожиданно вновь обрели мужество. Лагерь же короля находился на близком расстоянии от Брунsvика, расположенный в месте, которое называется Генинге⁵²⁰. И вот пришел посол к королю и сказал, что герцог появился в Брунsvике. Твердо убедившись в этом, король перестал двигаться вперед и возвратился в Гослярию, и так все, что было его усилиями предпринято, теперь в ничто обратилось.

1152 Герцог же сумел защитить себя от окружавших его и злоумышлявших на его жизнь государей и сохранил за собой герцогство Саксонское, усиливаясь и укрепляясь с каждым днем. Но получить герцогство Баварское он не смог в течение всего времени, пока был жив король Конрад. Когда тот спустя недолгое время скончался⁵²¹, королевство после него наследовал Фредерик, его племянник, ибо у короля Конрада было много братьев, среди которых первыми были Генрих, герцог баварский⁵²², и Фредерик, герцог свевский. Сын последнего, носивший то же имя, и был поставлен на королевство. Так, в лето от рождества Христового 1151-е на престол вступил Фредерик⁵²³, первый король с таким именем, и возвысился трон его над тронами королей, которые в течение долгого времени до него были. Мудростью же и могуществом превосходил он всех обитателей земли. Мать его приходилась теткой нашему герцогу⁵²⁴.

73. СМЕРТЬ СВЯЩЕННИКА ТЕТМАРА

Около этого времени в замке Винцебург был убит граф Гереман, муж могущественный, обладавший большими богатствами. И тотчас же между нашим герцогом и маркграфом Адальбертом начались споры из-за его замков и богатств. Чтобы их примирить, король созвал сейм в Марциполисе⁵²⁵, городе в Саксонии, и повелел государям торжественно туда явиться. И, отправив посольство, призвал он к себе мятежных королей Дании, чтобы установить между ними при своем посредничестве справедливость.

Тогда Кнут, в третий раз, как сказано выше, изгнанный из Дании, пришел к нашему герцогу, прося его, чтобы он согласился сопровождать его на сейм и оказать ему там поддержку. Короля же Свена сопровождал архиепископ⁵²⁶, имея в своей свите среди многочисленных священников и почтенных мужей также епископа Вицелина.

Этот знаменитый сейм состоялся в Мерзегурге, и здесь государи Дании помирились. Свен был увенчан королевской короной, остальные признали себя его 1152, вассалами. Несогласия же, происходившие между герцогом и маркграфом, он не 18 мая смог удалить, потому что гордые эти государи мало считались с увещаниями только что избранного короля. Архиепископ убеждал епископа Вицелина принять инвеституру из рук короля, что повлекло бы не выгоды для церкви, а ненависть герцога. Но тот не согласился, полагая, что разожжет этим непримиримый гнев герцога, ибо в этой земле только власть герцога признавалась.

Сейм был распущен. Епископ Вицелин возвратился в свой диоцез и здесь нашел святейшего мужа Тетмара ушедшим из жизни. Конечно, это причинило епископу громадное горе. Ибо этот сладчайший муж, всегда окруженный общим уважением, казалось, не имел никого себе равного в свое время.

Я расскажу вкратце и в общих чертах о его жизни. Еще до зачатия он был явлен своей святой матери, еще в колыбели был посвящен в служители алтаря и, порученный доброму пастырю, как лучший ученик, всегда упорно учился, вплоть до наступления зрелого возраста. Будучи учеником [Вицелина] в Бремене, товарищем его во Франции, он терпеливо нес иго своего наставника, согласно тому, как сказано у Иеремии: «Благо человеку, когда он несет иго в юности своей»⁵²⁷. По возвращении домой и с уходом Вицелина, наилучшего наставника, в славянскую землю, он был предоставлен самому себе. Бременцы рассказывали, как он управлял школой в Бремене, как выполнял обязанности декана. Достаточно упомянуть о том, что после его отъезда, как жаловался Бремен, свет этой церкви угас. В стремлении к лучшей жизни перебравшись в Фальдеру, он доставил своим присутствием большую радость Вицелину. Но и у всех других, которые находились в этом уголке ужаса и пустынного безлюдья, с прибытием такого гостя появились как бы новые лица. Спустя несколько лет, когда Господь расширил пределы церкви, он был послан в Кузалину, что то же, что и Гагересторп, и это было для жителей нового поселения большим утешением. Ибо к пленным и разоренным он с таким милосердием на помощь при-

ходил, что жертвования, казалось, превышали возможности этого еще молодого храма. Во время молитв и чтения слух его всегда был насторожен, обращен к входу; он слушал, не придет ли нуждающийся, не постучит и не попросит ли. Граф Адольф боялся его, потому что он обличал его проступки и при этом не щадил провинившегося. Жестокость сердца его, которую тот проявлял к епископу, этот достопочтенный пастырь старался смягчить, прикладывая пластыри, но болезнь побеждала все лекарства. Однако, слушая его, граф много [добра] сделал, зная его как мужа справедливого и святого. Когда исполнилось 10 лет жизни его [Тетмара] в этой земле, как раз в то время, когда епископ отсутствовал и находился в Мерзебурге, его постигла болезнь. Когда же братья, собравшись у ложа болящего, старались поддержать в нем надежду на возвращение здоровья, он горячо им возразил: «Не сулите мне, любезные братья, продолжения этой жизни, не угнетайте такими словами дух мой, уставший от странствований и стремящийся в отечество. Вот уже 10 лет прошло с тех пор, как я просил продлить жизнь мою ради этого моего дела, и был услышан. Теперь же, наконец, мне следует молить об отдыхе от трудов моих. И я уверен в постоянном милосердии Божьем и надеюсь, что и эта моя просьба не окажется тщетной».

Все увеличивались телесные страдания его, но с ослаблением тела не исчезала душевная бодрость. И исполнилось на нем сказанное у Соломона: «Крепка, как смерть, любовь... реки и ветры не могли ее потушить»⁵²⁸. Ибо в умирающем продолжала жить любовь, и она-то и поддерживала в слабеющем теле то душевное расположение, которое давало братьям в их скорби утешение, в спорных делах наставление, в нравах назидание, а в сердцах друзей как бы запечатлеvalo последние и незабываемые следы прощания.

Он не забыл и о любезнейшем своем отце Вицелине и сердечно молился, чтобы Господь направил его пути, и многократно изъявлял признательность ему за то, что через него открылись ему путь к спасению и надежда на Царство Божье. Тогда с братской заботой пришли к болящему настоятель фальдерской церкви Эппо и священник Бруно и, исповедав его, выполнили над ним таинство миропомазания. С благоговением приняв его, укрепленный принятием частицы животворного тела

17 мая Господня, он продолжал возносить благодарственные молитвы. Ночью, когда наступил канун пятидесятницы, то есть в шестнадцатые календы июня, как всегда бодрствуя в молитве, он призывал ангелов, просил всех святых о покровительстве и, когда уже душа покидала тело, уста его все еще шевелились в молитве и исповедании славы Божьей. О достойнейший священнослужитель, о славнейшая пред Богом душа! Я сказал бы, что он был счастлив в течение жизни, но еще стал счастливее, достигнув ее конца, он, который после столь непродолжительного труда заслужил себе вечную славу у Господа, а у людей расположение к святому поминовению.

74. О ПОХОРОНАХ ТЕТМАРА

Кончину этого достопочтенного пастыря задолго до нее предсказывал брат Лютберт, который, променяв службу мира сего на служение Богу, вместе со слугой

Божьим Тетмаром ухаживал за бедняками, находившимися в больнице. Когда он посетил как-то однажды Фальдеру, лицо его выглядело более печальным, чем обычно, и было орошено слезами. Спрошенный о причине скорби, он ответил, что скорбит справедливо, ибо в скором времени будет лишен присутствия любящего отца. Он признался, что был оповещен об этом не во сне, а когда бодрствовал, по откровению свыше. Недолгое время спустя после этого пророчества и последовала внезапная смерть пастыря. Братья же, которых искренняя любовь к этому мужу заставляла проливать слезы, вспомнив об этом предсказании, укрепились в сердце своем, почерпнули надежду и утешение.

Когда известие о кончине Тетмара пришло в Фальдеру, тотчас же были отправлены послы для перенесения туда тела его, так как, умирая, он усиленно об этом просил. Однако достопочтенные мужи, Теодор, Лиудольф, Лиутберт и другие, которые там жили, ни за что не соглашались на это, говоря, что они все предпочитают лучше умереть, чем лишиться такого заложника [пред Господом], который для недавно основанной Вагрской церкви будет и честью, и утешением.

И вот, когда собрались толпы верующих из Зигеберга и соседних городов, святое тело было предано земле под причитания многочисленных бедняков, громко сетовавших на то, что он их покинул.

Да будет возвеличен в святых своих господь, который из этого мужа сотворил себе достойного священнослужителя, ставшего таковым в силу счастливого призвания. Вы же, о отцы Любекской республики⁵²⁹, достигнете еще большего спасения у господа, если такому мужу воздадите достойное почтение и поставите его в ряду тех, кто церковь вашу из развалин на новые вершины вознес.

75. О БОЛЕЗНИ ЕПИСКОПА ВИЦЕЛИНА

После смерти пресвятого пастыря Тетмара епископ Вицелин вернулся с Мерзбургского сейма, труды которого оказались напрасными ввиду бесплодности переговоров между государями. Ибо архиепископ и герцог, от которых зависели все дела в этой стране, связанные взаимной ненавистью и завистью, никак не могли добиться угодных Господу плодов. Оба спорили о том, кому принадлежит страна, кому – право ставить епископов, и оба неусыпно следили за тем, чтобы ни один из них не уступал ни в чем другому. И граф Адольф, хотя во многом человек и хороший, тоже не вполне сочувствовал делам епископа.

При таких неблагоприятных обстоятельствах скорбь епископа нашего по поводу кончины Тетмара еще более усилилась. Пока тот был жив, все, что угнетало, казалось епископу более сносным. Ежедневно угнетаемая тоской душа его искала утешения и не находила. Когда прошло несколько дней после его возвращения с сейма, Вицелин отправился в Босау, где начал строить монастырь и церковь и проповедовал собиравшемуся там народу слово спасения. Ибо окрестные селения уже постепенно заселялись христианами, хотя и с большим страхом из-за нападений разбойничьих шаек. Замок же Плуния не был еще отстроен. Совершая таинства и

принося Господу последнюю жертву, епископ молился, преклонив колени на земле пред алтарем Господним, прося всемогущего Бога, чтобы почитание его распространилось как в этом месте, так и по всему пространству Славии. Часто среди слов ободрения он предсказывал переселенцам, что в скором будущем вознесется почитание дома Господня в Славии и пусть они не падают духом и хранят упорное терпение в надежде на лучшее.

Простившись с достопочтенным пастырем Бруно и другими, которых поставил во главе этого места, и укрепляя руки их⁵³⁰ в Господе, Вицелин вернулся в Фальдере. Здесь через семь дней настиг его бич Божий. Он был в такой степени поражен параличом, что у него отнялись рука и нога, а затем и вся правая сторона. И что особенно было достойно жалости, это то, что он лишился также и дара речи.

Таким зрелищем были расстроены все, кто видел, как этот муж, не сравнимый ни с кем по красноречью, великий наставник, щедро одаряющий словами святого ободрения и ревностный в защите истины, столь внезапно лишился речи и членов, поэтому стал бесполезным. Сколь разноречивы были суждения об этом среди народов, сколь не менее безрассудны мнения многих священнослужителей, об этом стыдно даже вспоминать, а тем более говорить. Рассказывали, что Господь оставил его, и не внимали словам священного писания, гласящим: «Блажен человек, которого вразумляет Бог»⁵³¹. В безысходном горе скорбели все, кто находился в Фальдере и Кузалине, особенно же те, кто первыми вместе с ним пришли в эти земли и здесь состарились с ним под тягостью дня и зноя⁵³².

Болящему оказывали услуги лекари, однако безуспешно, ибо Божественное провидение уготовило ему лучшее и более близкое к его опасению лекарство. Ибо несравненно лучше «разрешиться и быть со Христом»⁵³³.

Два с половиной года пребывал Вицелин на одре болезни, не будучи в силах ни сидеть, ни стоять. С любовью и со вниманием ухаживали за ним братья, обеспечивая его всем необходимым для тела и нося его в церковь. Ибо он никогда не желал пропустить ни торжественных богослужений, ни причащения святых тайн, разве только недуг уж слишком ему досаждал. С такими стенаниями, с такими глубокими сердечными воздыханиями взывал он ко Господу, что видевшие его едва удерживались от слез.

В то время монастырем ведал приор этого места, достопочтенный Эппо, муж, имевший великие заслуги пред Христом. Кузалиной же и церквами вагрской земли ведал Лиудольф, тот, говорю, который некогда в Любеке положил много труда, проповедуя христианскую веру. Заведование Кузалиной поручил ему епископ [Вицелин] до тех пор, пока сам не выздоровеет.

В один из дней герцог обратился к графу Адольфу, говоря: «Давно уже дошла до нас весть о том, что наш город Бардевик страдает от сильного уменьшения числа своих жителей из-за торгового дела в Любеке, потому что все купцы туда переселяются. Так-

же те, кто находится в Люнебурге, жалуются, что солеварня наша погублена из-за той, которую вы устроили в Тодесло. Поэтому мы просим нас, отдайте нам половину города вашего Любека и половину солеварни, и тогда нам будет легче перенести опустение нашего города. В противном случае мы прикажем, чтобы с этих пор не было больше торго в Любеке. Ибо мы не можем перенести, чтобы ради чужой выгоды мы должны были бы страдать от опустения наследия отцов наших».

Когда граф, считая такого рода соглашение для себя неосмотрительным, не согласился, герцог повелел, чтобы с этих пор не было больше торго в Любеке, чтобы нельзя было покупать и продавать ничего, кроме того, что относится к пище. И приказал перенести все товары в Бардевик, желая поднять свой город. И еще в это время он велел засыпать соляные источники в Тодесло. И было это повелено, чтобы причинить обиду нашему графу и воспрепятствовать процветанию вагрской земли.

77. О ЕПИСКОПЕ ЭВЕРМОДЕ

Не следует, мне кажется, оставлять без внимания то, что когда Господь расширил пределы церкви, епископом в Ратцебург был назначен Эвермод⁵³⁴, священник из Магдебурга, и граф полабов, Генрих⁵³⁵, отвел ему для поселения остров, расположенный возле замка. Кроме того, он передал герцогу 300 мансов для пожалования их в обеспечение епископства. Затем он признал за епископом право на десятины с владений, однако половину их взял себе в качестве бенефиция и стал, таким образом, вассалом епископа, исключая те 300 мансов, которые со всеми доходами и десятинами отошли к епископу. При совершении всех этих дел присутствовал Лиудольф, настоятель Кузалины. И сказал он графу [Генриху] в присутствии нашего графа Адольфа: «Если граф полабской земли начал оказывать милости своему епископу, то и нашему графу следует сделать не меньшей свою часть. Ибо с его стороны надо ожидать большего, как от человека образованного, понимающего в делах, угодных Богу». Тогда наш граф, следуя примеру графа полабов, отдал из своего бенефиция 300 мансов, которые через герцога были переданы Ольденбургскому епископству в обеспечение.

78. СМЕРТЬ ВИЦЕЛИНА

После этого наш герцог отправился вместе с королем⁵³⁶ в Италию за императорской короной. В его отсутствие болезнь епископа Вицелина усилилась, и он закончил дни своей жизни. Скончался он во вторые иды декабря в лето от рождества Христова 1154-е, пробыв епископом 5 лет и 9 недель. Тело его было погребено в Фальдерской церкви» в присутствии епископа ратцебургского, совершившего богослужение. Память о добром отце хранилась как в Фальдере, так и в Кузалине. И попечителями было установлено, какую милостыню следует ежедневно подавать во спасение души его.

Был же в Кузалине один священник по имени Фольхард, ведавший столом. Он прибыл в Фальдери в числе первых, вместе с Вицелином, и был весьма усердным в делах внешних. И вот он, будучи скупым сверх всякой необходимости, не стал подавать милостыню, установленную во спасение души доброго пастыря. Тогда достопочтенный епископ явился к одной женщине, жившей в округе Зигеберг, облаченный в священные одежды, и сказал ей: «Ступай к священнику Фольхарду и скажи, что он нечестно по отношению ко мне поступает, похищая у меня то, что во спасение души моей мне по благочестию братьев выделено». На что женщина спросила его: «Кто дал вам, о господин, жизнь и речь? Разве не разошлась повсюду весть, что вы в течение многих дней или лет были лишены языка, а потом умерли? Откуда же все это?». Успокаивая ее ласковым взглядом, он сказал ей на это: «Действительно так было, как ты говоришь, но теперь я получил все новое и лучшее. Объяви же упомянутому священнику, чтобы он скорее восполнил похищенное, и еще прибавишь к этому, чтобы он девять служб по мне отслужил». Сказав это, он [Вицелин] исчез. Когда все это было объявлено священнику, он отправился в Фальдери посоветоваться о сказанном. Будучи спрошен, он признался в своей вине, как подобает мужу Господню, и обещал исправиться. Что касается девяти служб, которые должны были быть отслужены по епископе, то нам и после того, как мы по-разному размышляли над ними, истина все-таки оставалась неизвестной, но конец дела легко раскрыл то, что скрыто было в словах [епископа]. Ибо этот священник прожил лишь девять недель после [смерти] епископа, и, таким образом, оказалось, что службами были предугазаны недели [его жизни].

Но долг заставляет меня вспомнить еще и о том, что святейший муж Эппо, пользовавшийся при жизни епископа за свое почтение к нему большим его расположением, неутешно оплакивал отсутствие усопшего отца. И когда уже много дней он так поступал, часто упоминаемый нами епископ явился во сне некой непорочной и простодушной девице, говоря: «Скажи брату нашему Эппо, доколе будет он плакать? Ибо мне хорошо, и я страдаю от его слез. Слезы его я ношу в одеждах моих». Сказал так и показал ей одежды ослепительной белизны, все залитые слезами.

Что мне сказать о том, весьма хорошо знакомом нам муже, чье имя скрою, ибо так было решено, поскольку он еще жив, пребывает в Фальдере и хочет остаться нераскрытым. Со смерти епископа не прошло еще и 30 дней, когда услышал однажды он во сне, как тот говорит, что ему уготован вечный покой вместе с преславным Бернардом из Клерво. И когда он ему сказал: «О, если бы вы были на покое», тот [епископ] ответил: «А я и нахожусь, благодарение Богу, на покое, а вы поверили, что я умер. Я же жив, и всегда после этого жил».

Очевидно, приятным и необременительным будет для благочестивого читателя описание одного дела, которое свершилось во славу Господа и в заслугу епископу нашему и подтверждается сведениями многих людей.

В Фальдерском приходе, в деревне, называемой Горгене, жила одна почтенная женщина по имени Адельбургис, к которой епископ по причине праведного образа ее жизни был весьма расположен. Потом она лишилась зрения, и достопочтенный отец часто утешал ее, увещевая терпеливо переносить бич отеческой кары и не

падать духом от тревоги, внушая ей со своей стороны, что глаза ее хранятся на небесах. Едва минул год после смерти епископа, как эта женщина увидела ночью во сне, что он сидит возле нее и с тревогой расспрашивает о состоянии ее здоровья. «Что мне в здоровье, – сказала она ему, – если я, пребывая во мраке, и света не вижу? Где же, отче, твои утешения, когда ты говорил мне, что глаза мои хранятся на небесах? Я все влачу свою жизнь в этой беде, и старая моя слепота продолжается». «Не сомневайся в милости Господа нашего», – сказал он. И тотчас, протянув правую руку, он начертал на глазах ее святое знамение креста и благословил ее. Пробудившись утром, женщина почувствовала, что с мраком ночи с помощью Божьей исчез и мрак слепоты. Тогда, вскочив с ложа, она упала на землю, издавая восклицания в порыве благодарности, и, отказавшись от услуг поводыря, направила шаги свои в церковь, являя всем знакомым и друзьям чудесное зрелище своего прозрения, а потом она собственными руками сделала покров на гробницу епископа в знак и в память о своем исцелении.

Много другого творил Господь через посредство мужа этого, что заслуживает восхваления и достойно описания, но, однако, не записано в книге этой.

Да возгордится Фальдера великой епископа славой,
Доблесть в душе сохранит, прах же пусть скроет земля.

Вы же, которые восседаете на престоле церкви Любекской, чтите мужа этого, мужа, говорю я, которого в этом честном повествовании я вам представляю, в честном потому, что правдивом. Вы не в силах будете совсем умолчать о нем, ибо он первый в вашем новом городе «поставил камень памятником и возлил елей на верх его»⁵³⁷.

79. О ГЕРОЛЬДЕ, ЕПИСКОПЕ ОЛЬДЕНБУРГСКОМ

После смерти епископа Вицелина братья из Фальдеры отказались, пренебрегая трудом, от подчинения Ольденбургскому епископству и избрали себе в настоятели святого мужа Эппо. Выбор же епископа предоставили герцогу.

Был в это время один священник по имени Герольд⁵³⁸, происхождением из Свевии, не низкого рода, капеллан герцога, в знании священного писания настолько преуспевший, что, кажется, никого не имел себе равного во всей Саксонии, обладавший великим духом в тщедушном теле, наставник школы в Брунsvике и священник этого же города, почитаемый государем за свою воздержанную жизнь. Ибо, отличаясь известной Господу чистотой душевной, он был, помимо того, целомудрен и телом, намереваясь принять монашеский чин в месте, что называется Ридегесгузен⁵³⁹, находившемся под началом аббата Конрада, с которым он был связан кровным родством⁵⁴⁰ и взаимной привязанностью. Таким образом, при дворе герцога он пребывал больше телом, чем духом. Когда дошел туда слух о кончине епископа Вицелина, герцогиня⁵⁴¹ обратилась к священнику Герольду со следующими словами: «Если ты намереваешься служить Господу суровостью своей жизни, возьми на себя труд полезный и выгодный, отправляйся в Славию и берись за дело, ко-

тому служил епископ Вицелин. Выполняя его, ты выдвинешь и себя и других. Доброе дело, совершенное для общей пользы, лучше других добрых дел». И герцогиня пригласила письмом Лиудольфа, настоятеля Кузалины, и отправила выбранного ею священника с ним в вагрскую землю для избрания в епископы. Выбор, сделанный герцогиней, встретил единодушное одобрение со стороны и духовенства, и народа. Однако епископ⁵⁴², который должен был посвятить избранника, находился тогда в отъезде. С самого начала недоброжелательный к герцогу, теперь он еще более «жалил его в пятах»⁵⁴³. Ибо в то время, пока герцог был занят походом в Италию, против него обратились епископские замки Штаде, Ворден, Гореборг и Фрибург.

В эти дни князья Восточной Саксонии и некоторые государи Баварии, готовясь образовать, как говорили, заговор, условились собраться для переговоров, и вызванный ими архиепископ встретился с ними в Богемском лесу⁵⁴⁴. Когда он после этого спешно возвращался к себе, люди герцога не позволили ему вернуться в его диоцез, и таким образом устранный, он почти целый год прожил в Восточной Саксонии. И тогда, поднявшись, наш избранник отправился к нему в Саксонию и нашел того, кого искал, в Марциполисе, где тот уже готовился передать Ольденбургское епископство другому лицу. Действительно, он решил наградить такой почестью одного священника, оказавшего ему услугу в этих краях, рассказывая ему много, хотя и попусту, о богатствах этого епископства. Когда архиепископ услышал о прибытии Герольда, он смутился духом и хотел было признать выборы недействительными, оправдываясь тем, что якобы эта церковь, еще молодая и лишенная до сих пор лиц, [имеющих право выбирать], не имела права без его согласия ни выбирать кого-либо, ни отрешать от сана. Но наши начали доказывать, что выборы действительны, так как произведены по требованию государя и с согласия духовенства, учитывая пригодность избираемого лица. Тогда архиепископ сказал: «Не время и не место разбирать здесь это дело, пусть его разберет Бременский капитул, когда я вернусь». Избранный [епископ], видя, что архиепископ настроен против него, отослал настоятеля Лиудольфа и всех, кто прибыл с ним, в Вагрию, сам же, подготовившись, отправился в Свевию, чтобы через посла известить герцога о своем положении. Герцог же приказал ему прибыть как можно скорее в Лангобардию, чтобы отправиться вместе в Рим. Когда, повинувшись приказу, он покидал пределы Свевии, на него напали разбойники, отобрали у него деньги и нанесли тяжелую рану в лоб. Этим, однако, не остановленный этот муж горячего нрава отправился все же в предпринятый путь и, прибыв в Тердону⁵⁴⁵, где находился королевский лагерь, был благосклонно принят герцогом и его друзьями. Затем король и все государи пошли на приступ Тердоны, и в течение многих дней она была ими осаждена. Взяв наконец город, король велел разрушить стены и сравнять его с землей. Когда войско ушло оттуда, герцог велел нашему епископу сопутствовать ему в Италию, чтобы он мог представить его папе.

1155,
13 апр.

Римляне послали послов в лагерь к королю, и те передали, что сенат и все жители города готовы принять его с триумфом, как только он выполнит все, что полагается императору по обычаю. Когда он спросил, что он должен выполнить, они сказали: «Королю, пришедшему в Рим, чтобы получить титул императора, надле-

жит прибыть по императорскому обычаю, т. е. в золотой колеснице, одетому в пурпур, ведя перед своей колесницей покоренных на войне королей и неся захваченную у народов добычу. Затем ему следует почтить город [Рим], который является столицей мира и матерью империи, и преподнести сенату то, что предписано эдиктами, а именно 15 тысяч фунтов серебра, чтобы вызвать таким способом в душах сенаторов расположение к себе, и тогда они воздадут ему триумфальные почести, и того, кто по выбору государей империи поставлен в короли, сенат возведет властью своей в императоры».

Тогда король, усмехаясь, сказал: «Обещание отрадное, но плата высокая. Слишком многого требуете, о мужи римские, от нашей опустошенной казны. Я же думаю, что вы просто ищете удобного случая против нас, назначая то, что назначать не следует. Вы поступите осторожнее, если, оставив это, примете от нас свидетельства лучше нашей дружбы, чем нашего оружия».

Но они упрямо стояли на своем, говоря, что законы города ни в коем случае не должны быть нарушены, но что следует поступить по обычаю сената. В противном случае, когда он придет, запоры города будут для него закрыты.

80. ПОСВЯЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ФРЕДЕРИКА

Услыхав это, король отправил посольство из высших и почтеннейших мужей, чтобы пригласить папу Адриана⁵⁴⁶ в свой лагерь для участия в собеседовании, так как римляне во многих делах обижали папу. Когда папа прибыл в лагерь, король поспешил ему навстречу, придержал стремя, когда тот сходил с коня, и повел его под руку в палатку. Когда установилась тишина, слово от имени короля и государей произнес епископ бавембергский⁵⁴⁷: «Почтенного присутствия святейшества твоего, о епископ апостольский, мы уже давно жаждали и теперь с радостью его воспринимаем и возносим благодарность подателю всех благ, Господу, который вывел нас [из наших мест] и привел сюда и удостоил святейшего твоего посещения. Мы хотим, чтобы тебе стало известно, высокочтимый отец, что вся эта церковь, ради чести государства собравшись со всех концов света, привела своего государя к твоему святейшеству, чтобы ты возвел его на вершину императорского достоинства, его, этого мужа, выдающегося по знатности своего рода, наделенного рассудительным умом, славного победами, кроме этого, имеющего власть во всем, что принадлежит Господу, защитника истинной веры, приверженца мира и правды, почитателя святой церкви, и превыше всего святой Римской церкви, которую любит, как родную мать, не пренебрегающего ничем из того, что в честь Господа и князя апостолов следует выполнять, как велят предания предков. Свидетельством этому служит проявленное им только что смирение. Ибо он спокойно встретил тебя, когда ты прибыл, и, приблизившись к твоим святейшим стопам, совершил то, что полагалось. Таким образом, тебе, святой отец, остается совершить по отношению к нему то, что надлежит, чтобы по милости Божьей твоим трудом было восполнено то, чего ему недостает для полноты императорского достоинства».

На что папа ответил: «Все, что ты говоришь, брат мой, – одни слова. Ты говоришь, что твой государь оказал святому Петру достойное уважение. Но святой Петр, кажется, скорее не удостоен [надлежащего] уважения, ибо, в то время как твой государь должен был придержать правое стремя, он придержал левое».

Когда все это было через толмача передано королю, тот смиренно промолвил: «Скажите ему, что это произошло не от недостатка почтительности, а от недостатка знаний. Ибо мне не очень много труда пришлось приложить на изучение того, как следует придерживать стремя. И, действительно, как я припоминаю, он первый, по отношению к которому я выказал такое смирение». Папа ответил: «Если он по незнанию не смог выполнить самого легкого, то как, полагаете вы, справится он с делом более важным?». Тогда король, немного уже раздраженный, сказал: «Я хотел бы узнать, откуда взял начало этот обычай, из расположения или по обязанности? Если из расположения, то папе нечего жаловаться, если нарушилась услужливость, ибо она не по обязанности возникает, а добровольно. Если же вы скажете, что такое уважение должно воздаваться князю апостолов по обязанности первоначального установления, то в чем тогда разница между правым и левым стремением? Только бы было соблюдено смирение, и государь склонился бы к стопам верховного первосвященника». И долго так и страстно они спорили и наконец расстались, не обменявшись даже лобзанием мира. Тогда те, которые, казалось, были столпами государства, боясь, что если дело не подвинется, то их труды пропадут даром, многими увещаниями склонили сердце короля к тому, чтобы он вторично пригласил папу в свой лагерь. И когда тот опять прибыл, король принял его, выполнив правильно все обряды. Когда все веселились и радовались по поводу их примирения, папа сказал: «Остается еще кое-что, что следует выполнить вашему государю. Пусть он добудет для св. Петра Апулию, которой Вильгельм Сицилийский⁵⁴⁸ владеет силой. Когда он это сделает, пусть тогда приходит к нам для коронования». Государь ответили: «Уже много времени прошло с тех пор, как мы находимся в лагерьях, и нам недостает жалованья, а ты говоришь, чтобы мы тебе добыли Апулию и только после этого пришли бы на коронацию. Это – тяжело и превышает наши силы. Пусть лучше совершится коронация, чтобы нам можно было возвратиться домой, и мы тогда отдохнем немного от трудов. Когда же мы вернемся, готовые к бою, мы выполним то, что осталось сделать».

Направляемый Господом, пред которым склоняются те, кто носит мир⁵⁴⁹, папа уступил и согласился на решение государей. И, придя к соглашению, они все сели совещаться, чтобы договориться о вступлении короля в город [Рим] и о принятии мер против нападения римлян.

В то время к папе прибыл наш герцог и просил его посвятить избранного в ольденбургские епископы; папа со смирением отказался, говоря, что он охотно исполнил бы просимое, если бы мог это сделать, не причиняя обиды митрополиту⁵⁵⁰. Ибо епископ гамбургский предупредил папу письмом, прося его воздержаться от этого посвящения, которое было бы нарушением его [папы] достоинства.

Когда же они приблизились к Риму, король тайком послал ночью к дому святого Петра 900 панцирников вместе с легатами папы, которые принесли приказ

страже и впустили солдат через заднюю дверь внутрь дома и замка. Когда наступило утро, король пришел со всем войском, и папа с многими кардиналами, выйдя вперед, принял его у подножья лестницы, и, войдя в дом св. Петра, они приступили к обряду коронации. Вооруженная стража стояла около храма и дома, охраняя короля все время, пока совершался обряд. Потом же, когда коронация была уже совершена, король вышел за стены города, а отягченная усталостью стража стала подкрепляться пищей. Пока она завтракала, латеранцы⁵⁵¹, совершив вылазку, переправились через Тибр и прежде всего вызвали суматоху в лагере герцога, расположенном под стенами. Войско с громкими криками выбежало из лагеря, чтобы помешать им. И произошла в тот день жаркая битва. Наш герцог сражался храбро во главе [своего войска]. Побежденные римляне понесли большое поражение. 1155, 18 июня

После этой победы возвеличилось имя герцога превыше имен всех, кто был в войске. Тогда папа, желая его почитать, послал ему дары и велел послу сказать: «Скажи ему, что завтра, если на то будет Господня воля, я посвящу его избранника». И обрадовался герцог этому обещанию. Утром папа совершил торжественное богослужение и с великой славой посвятил нашего епископа.

81. О ПОВЕШЕНИИ ВЕРОНЦЕВ

Когда римляне снова вернули себе милость папы, войско императора направило свой путь домой и, покинув Италию, пришло в Лангобардию. Пройдя ее, оно направилось в Верону, где император с войском подвергся большой опасности.

Есть у веронцев такой закон, согласно которому они должны, когда император выходит из Лангобардии, наводить ему мост на кораблях на реке, которая называется Эдеса⁵⁵². Течение ее, весьма бурное, подобно течению горного потока, и никто не может перейти ее вброд.

И вот, как только войско [императора] перешло реку, мост был течением сорван. Торопясь дальше, войско приблизилось к ущелью, которое называется Ключа⁵⁵³, где среди скал, подымающихся к самому небу, тянется дорога, до того узкая, что для двух одновременно идущих людей проход по ней едва доступен. Веронцы заняли вершину горы и, пуская оттуда стрелы, не давали никому пройти. И они потребовали у императора, чтобы он им что-нибудь дал за спасение свое и своих людей. Трудно поверить, в какое замешательство был приведен император, сжатый со всех сторон рекой и горами. Войдя в свою палатку и сняв обувь, он стал молиться перед животворящим древом креста Господня и, вдохновленный свыше, тотчас же обрел решение. Он велел позвать тех из Вероны, которые были при нем, и сказал им: «Укажите мне тайную дорогу, которая ведет на вершину горы, в противном случае я велю выколоть вам глаза». И они, испугавшись, указали ему тайный подъем на гору. И тотчас самые храбрые из войска поднялись на гору и, неожиданно напав на врагов с тыла, разбили их в битве и, захватив бывших среди них благородных, привели их к императору, который велел их повесить.

Устранив таким образом препятствие, войско продолжало свой путь.

82. СОГЛАШЕНИЕ ЕПИСКОПОВ ГАРТВИГА И ГЕРОЛЬДА

После этого наш епископ, получив разрешение от герцога, удалился в Свевию, где, с почетом принятый друзьями, пробыл несколько дней и возвратился в Саксонию. Затем, переправившись через Эльбу, он прибыл в Вагрию и приступил к работе, на которую был назначен. Получив наконец епископство, он не нашел здесь никаких средств, которыми мог бы обеспечить себя хотя бы в течение месяца, так как церковь в Фальдере после смерти блаженной памяти епископа Вицелина, заботясь лишь о своих выгодах и покое, перешла в ведение Гамбургской церкви. А настоятель Лиудольф и братья монастыря в Гагересторпе считали, что вполне достаточно, если они будут оказывать гостеприимство епископу при его приездах и отъездах. И только одна церковь в Босау усердно выплачивала средства на содержание епископа, хотя была еще бедна и не устроена. Посетив детей церкви своей и побеседовав с ними, епископ вернулся на Эльбу, чтобы поговорить в Штаде с архиепископом. Когда архиепископ, обиженный его возвышением, долго его не принимал, а доступ к нему был труден, наш епископ сказал аббату из Ридегесгузен и другим, пришедшим с ним: «Зачем находимся мы здесь, братья? Пойдем, посмотрим на лицо этого человека». И, ничего не боясь, он вошел к государю архиепископу и получил от него лобзание без единого слова приветствия. На что наш епископ сказал: «Почему вы не говорите со мной? В чем я согрешил, что недостойн стал приветствия? Если нужно, обратимся к посредникам, пусть они рассудят нас. Как вы знаете, я ходил в Марциполис, просил посвящения, но вы мне отказали. Тогда необходимость побудила меня отправиться в Рим, чтобы добиться в апостольской столице того, в чем мне было отказано вами. Справедливее было бы, если бы я гневался на вас, который принудил меня предпринять этот обременительный путь». Тогда архиепископ спросил: «Что за неотложное дело побудило вас идти в Рим, подвергать себя трудностям этого пути, вводить себя в расходы? Не то ли, что, находясь в отдаленном краю, я отложил выполнение вашей просьбы до того времени, когда вы предстанете пред лицом нашей церкви?». «Вы отложили его, — сказал наш епископ, — чтобы ослабить наше дело, и это, следует признать, вы весьма откровенно выразили в своих словах. Но слава Господу, который, чтобы мы служили ему, довел нас до цели хотя и трудной, но приятной по последствиям».

Тогда архиепископ сказал: «Апостольская столица, посвящая вас, воспользовалась своей властью, против которой мы, конечно, бороться не можем, однако по праву посвящение принадлежало нам. Но она [церковь] придумала лекарство против этой обиды, уведомив нас письмом, что совершившееся ни в чем не ущемляет нашей власти в отношении вашего нам подчинения».

Епископ ответил: «Я знаю и не отрицаю, что все именно так, как вы говорите, и я ради того только и пришел, чтобы оказать вам то, что вам причитается, и чтобы разногласия между нами были устранены и мир восстановлен. Я полагаю также справедливым, чтобы вы предусмотрели средства существования для нас, которые чувствуют себя вашими подчиненными. Ибо воителям полагается жалованье».

И, высказав все это, они установили между собой дружбу, обещая друг другу взаимную поддержку в случае необходимости.

Уйдя оттуда, епископ наш Герольд отправился в Бремен, чтобы встретить герцога. Тот, обиженный фризами, которые называются рустры⁵⁵⁴, прибыл в Бремен в ноябрьские календы и велел схватить всех, кто пришел на рынок, и отнять у них 1155, товары. Когда герцог спросил нашего епископа, как принял его архиепископ, тот 1 нояб. отозвался о нем хорошо и старался смирить дух герцога в отношении архиепископа. Ибо старая вражда, которая уже давно существовала между ними, в это время обрела новый повод, чтобы усилиться, так как архиепископ оставил без внимания итальянский поход и, нарушив тем самым присягу, навлек на себя обвинение в оскорблении величества. Поэтому посол императора, придя в Бремен, занял все подворья архиепископа и все, что в них нашел, отдал в казну. Так же поступили и с Отельриком, епископом хальберштадтским. При возвращении герцога в Брунsvик наш епископ сопутствовал ему и провел с ним праздник рождения Христова.

Совершив это, епископ в сопровождении брата своего, аббата из Ридегесгузен, вернулся в Вагрию и прибыл в Ольденбург, чтобы отпраздновать день святого крещения в епископской столице. В то время город этот был совершенно пуст, не имел ни стен, ни жителей, [имел] только маленькую церковь, которую воздвиг блаженной памяти Вицелин. Здесь в суровый холод, среди снежных сугробов мы совершали богослужение. Среди прихожан, кроме Прибислава⁵⁵⁵ и еще нескольких человек, никого из славян не было. Когда святое богослужение окончилось, Прибислав пригласил нас зайти в его дом, который находился в далеком селении. И он принял нас с большим радушием и устроил для нас роскошный пир. Стол перед нами был заставлен 20 блюдами. Здесь я на собственном опыте убедился в том, что до тех пор знал лишь понаслышке, а именно, что в отношении гостеприимства нет другого народа, более достойного [уважения], чем славяне; принимать гостей они, как по уговору, готовы, так что нет необходимости просить у кого-нибудь гостеприимства. Ибо все, что они получают от земледелия, рыбной ловли или охоты, все это они предлагают в изобилии, и того они считают самым достойным, кто наиболее расточителен. Это стремление показать себя толкает многих из них на кражу и грабеж. Такого рода пороки считаются у них простительными и оправдываются гостеприимством. Следуя законам славянским, то, что ты ночью украдешь, завтра ты должен предложить гостям. Если же кто-нибудь, что случается весьма редко, будет замечен в том, что отказал чужеземцу в гостеприимстве, то дом его и достатки разрешается предать огню, и на это все единодушно соглашаются, считая, что кто не боится отказать гостю в хлебе, тот – бесчестный, презренный и заслуживающий общего посмешища человек.

83. ОБРАЩЕНИЕ ПРИБИСЛАВА

Пробыв у князя эту ночь и еще следующие день и ночь, мы отправились дальше по Славии в гости к одному могущественному человеку, имя которого было

Тешемир, ибо он приглашал нас к себе. И случилось, что по дороге пришли мы в рощу, единственную в этом краю, которая целиком расположена на равнине. Здесь среди очень старых деревьев мы увидали священные дубы, посвященные богу этой земли, Прове. Их окружал дворик, обнесенный деревянной, искусно сделанной оградой, имевшей двое ворот. Все города изобиловали пенатами и идолами, но это место было святыней всей земли. Здесь был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношений. Сюда каждый второй день недели имел обыкновение собираться весь народ с князем и с жрецом на суд. Вход во дворик разрешался только жрецу и желающим принести жертву или тем, кому угрожала смертельная опасность, ибо таким здесь никогда не отказывалось в приюте.

Славяне питают к своим святыням такое уважение, что место, где расположен храм, не позволяют осквернять кровью даже во время войны.

Клятву они с большой неохотой приносят, боясь навлечь на себя гнев богов, ибо клятва у славян равносильна ее нарушению.

У славян имеется много разных видов идолопоклонства. Ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами, как, например, идол в Плуне, имя которому Подага; у других божества населяют леса и рощи, как Прове, бог ольденбургской земли, – они не имеют никаких идолов. Многих богов они вырезают с двумя, тремя и больше головами. Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого Бога, господствующего над другими в небесах, признают, что он, всемогущий, заботится лишь о делах небесных, они [другие боги], повинувшись ему, выполняют возложенные на них обязанности, и что они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому богу богов.

Когда мы пришли в эту рощу и в это место безбожия, епископ стал увещевать нас, чтобы мы смело приступали к уничтожению рощи. Сам же, сойдя с коня, сбил шестом лицевые украшения с ворот. И, войдя во дворик, мы разрушили всю его ограду и свалили ее в одну кучу вокруг священных деревьев, и, подкинув огонь, устроили костер из множества бревен, однако не без страха, как бы на нас не обрушилось возмущение жителей. Но Господь покровительствовал нам. После этого мы направили путь к пригласившему нас в гости. Тешемир принял нас с большой роскошью. Однако напитки славян не доставляли нам ни услаждения, ни отрады, потому что мы видели цепи и разные виды мучений, которые они [славяне] причиняли христианам, выведенным из Дании. Мы увидели там также изнуренных длительным пребыванием в плену пастырей Господних, которым епископ не мог помочь, ни силой, ни просьбой.

В ближайшее воскресенье весь народ этой земли собрался на рынок в Любеке, и епископ, придя сюда, обратился к народу со словами поощрения, чтобы, оставив идолов, он начал почитать единого Бога, который на небесах, и, приняв благодать крещения, отказался от злых дел, а именно от грабежей и убийства христиан. И когда он [епископ] закончил свою речь к народу, Прибислав сказал с согласия остальных: «Твои слова, достопочтенный епископ, – Божьи слова и ведут нас к спасению

нашему, но как вступим мы на этот путь, когда мы опутаны столь великим злом? Чтобы ты мог понять мучение наше, выслушай терпеливо слова мои, ибо народ, который ты здесь видишь, это – твой народ, и справедливо будет нам раскрыть пред тобой нужду нашу. И тогда ты сам посочувствуешь нам. Ибо государи наши так жестоко поступают с нами, что из-за платежей и тягчайшей неволи смерть кажется нам лучше, чем жизнь. Вот в этом году мы, жители этого маленького уголка, уплатили тысячу марок герцогу, потом столько-то сотен марок графу, и этого еще мало, ежедневно нас надувают и обременяют вплоть до полного разграбления. Как приобщимся мы к новой вере, как будем строить церкви и примем крещение, – мы, перед которыми ежедневно возникает необходимость обращаться в бегство? Но если бы было такое место, куда мы могли бы убежать! Если мы перейдем Травну, там такое же несчастье, если пойдем на реку Пену, и там все так же. Что же остается другое, нежели, покинув землю, не уйти на море и жить там в пучинах. И разве наша вина, если мы, изгнанные с родины, возмутим море и отберем дорожные деньги у данов или купцов, которые плавают по морю? Разве это не будет вина государей, которые нас на это толкают?». На что епископ сказал: «Если князья наши до сих пор плохо обходились с вашим народом, то это неудивительно, ибо они полагают, что совершают не такой уж большой грех по отношению к язычникам и тем, кто живет без бога. Почему вы не прибегнете скорее к христианской религии и не подчинитесь творцу вашему, пред которым склоняются те, кто носит мир⁵⁵⁶. Разве саксы и другие народы, которые носят имя христиан, не живут в покое, довольные своими узаконенными порядками? Только одни вы от всех терпите ограбление, так как от всех отличаетесь по религии». И сказал тогда Прибислав: «Если герцогу и тебе угодно, чтобы у нас с графом была одна и та же вера, пусть будут нам даны права саксов на владения и доходы, и мы с охотой станем христианами, построим церкви и будем платить свои десятины».

После этого наш епископ Герольд отправился к герцогу на местный сейм, который был назначен в Эртенебурге, и, будучи призваны, туда пришли также к указанному времени и славянские князья⁵⁵⁷. Тогда, побуждаемый епископом, герцог обратился к славянам с речью о христианской вере. На что Никлот, князь⁵⁵⁸ бодричей, сказал: «Бог, который на небесах, пусть будет твой бог, а ты будь нашим богом, и нам этого достаточно. Ты его почитай, а мы тебя будем почитать». Герцог прервал его бранным словом.

Для обеспечения же епископства и церкви ничего больше в это время сделано не было, потому что наш герцог только что вернулся из Италии и был занят изысканием доходов. Ибо казна была истощена и пуста. Когда герцог вернулся в Брун-свик, епископ последовал за ним и прожил у него много дней. И сказал он герцогу: «Вот уже целый год я нахожусь при вашем дворе и обременяю вас, но если я отправлюсь в Вагрию, мне нечего там есть. Зачем же возложили вы на меня бремя этого звания и должности? Раньше мне было гораздо лучше, чем теперь». Побуждаемый этими словами герцог призвал графа Адольфа и беседовал с ним насчет тех 300 мансов, которые были предназначены на обеспечение епископа. Тогда граф определил во владение епископа селения Утин и Гамалья с угодиями их и, кроме то-

го, прибавил к владению, которое называется Босау, еще две деревни – Готтесвельде и Вобицы. Довольно удобное владение, прилегающее к рынку, дал он ему также в Ольденбурге. И сказал граф: «Пусть епископ идет в Вагрию и, призвав на помощь ревностных мужей, пусть велит вымерить все эти земли. Если не будет до 300 мансов хватать, я пополню, если же что сверх них останется, то это моим будет». И, прибыв на место, увидел епископ свои владения и, обследовав их с колонами⁵⁵⁹, нашел, что земли эти едва 100 мансов содержат. Так произошло потому, что граф велел измерить землю короткой веревкой, у нас неизвестной; а кроме того, веревкой были измерены также болота и леса. И, таким образом, у него вышло большее количество земли. Когда герцога известили об этом, он присудил дать епископу владения, отмерив их мерой, согласно с обычаем этой земли, причем болота и густой лес не должны были подлежать измерению. Много труда было положено на то, чтобы получить эти владения. Но до сегодняшнего дня ни через герцога, ни через епископа не удалось их добиться.

Те же владения, о которых я раньше упомянул⁵⁶⁰, епископ Герольд получил, ежедневно, – удобно это было или неудобно, – настаивая пред государями на том, что следует вновь раздуть в Вагрии искру епископского служения.

И выстроил он в Утине город и рынок и дом себе. И так как в Ольденбургском епископстве не имелось никакой конгрегации духовных лиц, кроме той, которая была в Кузалине, иначе называемой Гагересторп, то с соизволения герцога он велел им переселиться в место первоначального их основания, Зигеберг, для того чтобы во время торжественных богослужений, когда епископу полагается выступать пред народом, он имел бы помощь со стороны духовенства. Настоятелю Лиудольфу и братьям это переселение казалось неудобным из-за шума на рынке, однако они подчинились решению старших, противиться которому было неуместно. И епископ построил там дом для них.

Уйдя отсюда, он отправился к архиепископу, которому оказывал большое повиновение, надеясь, что ему вернут монастырь в Фальдере, который, как известно, был основан его предшественником, и тот владел им. Но архиепископ, более расположенный к своей церкви, отвлек мужа нашего хитрыми уловками, обещая это сделать и вместе с тем придумывая задержки и оттягивая время.

И повелел он достопочтенному мужу, настоятелю Эппо, чтобы тот не отводил совсем руку свою от поддержки этой новой церкви, но пришел бы на помощь епископу как людьми, так и другими средствами.

Поэтому наш епископ пригласил к себе из Фальдеры священника Бруно, ибо тот после смерти Вицелина ушел из Славии, и переправил его в Ольденбург, чтобы он заботился о спасении этого народа, на каковое дело тот без сомнения был поставлен побуждением свыше. А именно, он увидел во сне, что держит в руках сосуд со священным маслом, из крышки которого растет цветущая виноградная лоза, и она, укрепившись, выросла в сильное дерево. Это, без сомнения, привело его к решению.

И тотчас же после того, как [Герольд] прибыл в Ольденбург, он приступил с великим рвением к делу Господню и призвал народ славянский к благодати воз-

рождения, вырубая рощи и уничтожая нечестивые обряды. И так как замок и город, где некогда находились церковь и епископская кафедра, были пусты, то он настоял перед графом, чтобы здесь была создана саксонская колония, и, таким образом, священник мог бы иметь утешение в народе, язык и обычаи которого он знает. И эта большая помощь была новой церкви оказана, ибо была выстроена весьма красивая церковь в Ольденбурге и щедро снабжена книгами и статуями и другими необходимыми вещами.

И так на 90-м году после разрушения первой церкви, что произошло после убийства благочестивого князя Готшалка, вновь было восстановлено служение 1156
господу среди народа строптивного и развращенного. И епископ Герольд освятил церковь в честь св. Иоанна Крестителя, при чем присутствовали, проявляя свою преданность господу, благородный граф Адольф и его благочестивейшая супруга Мехтильда. И повелел граф народу славянскому, чтобы он приносил своих покойников для погребения во двор церкви и по праздникам сходил бы в церковь слушать слово Божье.

А слово Божье, согласно порученному ему посланничеству, излагал им пастырь Божий Бруно, имея проповеди, составленные на славянском языке, которые производил понятно для народа. И с этого времени славяне воздерживались приносить клятвы у деревьев, источников и камней, а застигнутых на каких-либо преступлениях приводили к своему священнику, чтобы тот испытывал их железом или лемехами⁵⁶¹.

В эти дни славяне распяли на кресте одного дана. Когда Бруно известил об этом графа, тот призвал их к суду и наложил на них денежную пеню. И отменил этот вид смертной казни в своей земле.

И епископ Герольд, видя, что в Ольденбурге заложена хорошая основа, уговорил графа, чтобы тот воздвиг церковь в области, которая называется Сусле. И послали сюда из дома фальдерского священника Деилава, душа которого жаждала трудов и опасностей в проповедовании евангелия. И, посланный сюда, пришел он в пещеру разбойников, к славянам, обитающим на реке Кремпина. А было здесь обычное логовище морских разбойников. И поселился этот священник среди них, служа господу «в голоде, жажде и наготы»⁵⁶².

Когда все это было так совершено, было признано удобным построить церковь и в Лютилинбурге, и в Ратеково⁵⁶³, и епископ с графом отправились туда и отметили знаками места для постройки церквей.

Таким образом, ширилось дело Господне в земле вагрской, и в этом граф и епископ оказывали друг другу взаимную помощь. Около этого времени граф возвел снова замок Плуно и построил там город и рынок. И ушли славяне, жившие в окрестных селениях, и пришли саксы и поселились здесь. Славяне же постепенно убывали в этой земле.

Но и в земле полабской благодаря настояниям епископа Эвермоды и графа Генриха из Ратцебурга⁵⁶⁴ было воздвигнуто много церквей. Однако еще невозможно было удержать славян от грабежей, ибо они все время переплывали море и опустошали землю данов и не отступали еще от грехов отцов своих.

84. О СМЕРТИ КНУТА

Даны, всегда занятые своими внутренними войнами, не проявляли никакой способности к войнам внешним. Дело в том, что Свен, король данов⁵⁶⁵, благодаря своим успехам в победах и волей императора утвержденный на престоле, обращался со своим народом весьма жестоко. Воздавая ему за это, Господь покарал его, и последние дни его завершились несчастьем. Соперник же его, Кнут⁵⁶⁶, слыша ропот народа против Свена, послал за Вальдемаром⁵⁶⁷, своим родственником и сподвижником Свена, и, призвав его, заключил с ним союз, отдав ему в жены свою сестру⁵⁶⁸. Заручившись его поддержкой, он возобновил свои дурные замыслы против Свена.

Итак, когда король Свен находился в Зеландии, туда неожиданно пришли с войском Кнут и Вальдемар, чтобы окончательно покорить его. Он же, покинутый всеми из-за своей жестокости и не имея сил для того, чтобы сражаться, бежал со своей женой и челядью к морю и переправился в Ольденбург. Узнав об этом, а именно о том, что такой весьма могущественный муж, уздой которого управлялись все северные народы, так внезапно свергнут, граф Адольф испугался за последствия этого. И когда тот пожелал пройти через его землю, граф проявил к нему большую снисходительность, и он [Свен] отправился в Саксонию к своему тестю Конраду, маркграфу из Витин⁵⁶⁹, и жил там в течение почти двух лет.

1156, В то время наш герцог Генрих прибыл на сейм в Ратисбону⁵⁷⁰ для принятия
15 сент. вновь Баварского герцогства. Ибо император Фредерик отнял это герцогство у своего дяди и вернул нашему герцогу, так как и во время итальянского похода, и в государственных делах его верность заметил. И было для него новое имя создано, а именно – Генрих Лев, герцог Баварии и Саксонии. Когда дела так по его желанию совершились и герцог возвращался с сейма, приступили к нему князья саксонские, осаждая его просьбами, чтобы он оказал помощь Свену и вернул ему его государство. И за это Свен обещал герцогу громадные деньги. Тогда, собрав большое войско, Зимой привел наш герцог Свена обратно в Данию, и тотчас же города Шлезвиг и Рипа открылись пред ним.

Однако дальше они не смогли уж преуспеть в своем намерении. Дело в том, что Свен весьма часто похвалялся перед герцогом, что когда он придет с войском, то даны примут его добровольно. Но эти слова его не сбылись. Ибо во всей данской земле не оказалось никого, кто бы принял его или поспешил ему навстречу. Чувствуя, что судьба повернулась против него и все его избегают, он сказал герцогу: «Напрасен наш труд, лучше будет нам вернуться. Ибо какая польза от того, что мы опустошим землю и ограбим невинных? Если бы мы хотели вступить в бой с неприятелем, то негде это сделать, ибо они бегут от нас и уходят в открытое море». И, взяв заложников от двух городов, они ушли из Дании. Тогда Свен, воспользовавшись другой дорогой и другим советом, решил переправиться к славянам и, найдя пристанище у графа в Любеке, затем отправился к Никлоту, князю бодричей. Герцог же повелел славянам в Ольденбурге и во всей земле бодричей помогать Свену. И, взяв небольшое количество кораблей, он мирно пришел в Лаланд⁵⁷¹ и нашел здесь [жи-

телей], обрадованных его приездом, так как они издавна были ему преданы. Отсюда он перебрался в Феонию⁵⁷² и присоединил ее к себе. Двигаясь отсюда вперед по остальным маленьким островам, подарками и обещаниями он весьма многие из них подчинил себе, остерегаясь засад и укрываясь в укрепленных местах. Узнав об этом, Кнут и Вальдемар пришли с войском, чтобы одолеть Свена и изгнать его из страны. Он же расположился в Лаланде, готовый к сопротивлению, поддерживаемый, кроме того, еще укрепленностью этого места. При посредничестве Гелия, епископа Рипы⁵⁷³, и государей обеих сторон раздоры стихли, и государство было разделено на три части. Вальдемару досталась Ютландия, Кнуту – Зеландия, Свену – Скония, которая, как считалось, превосходила другие, [части] своими мужами и оружием. Остальные, меньшие, острова были разделены между всеми, как кому было удобно. И, чтобы соглашение не нарушалось, они все принесли присягу.

После этого Кнут и Вальдемар устроили великолепный пир в Зеландии, в городе, который называется Роскильд⁵⁷⁴, и пригласили своего родственника, Свена, чтобы оказать ему честь, а также, чтобы подкрепить и успокоить его после всего того зла, которое причинили ему в дни вражды и войны. Он же, сидя на пиру и видя, что короли беспечно пируют и далеки от всякого подозрения, начал по причине врожденной коварности своей раздумывать, какое место было бы удобно для засады. На третий день пиршества, когда уж спустился ночной мрак, по знаку Свена, были принесены мечи, и [люди его] набросились на беспечных королей и неожиданно закололи Кнута. Когда убийца направил удар в голову Вальдемара, 1157, тот, быстро вскочив, сбросил светильник и, благодарение Богу, ускользнул в темноте, получив одну только рану. Бежав в Ютландию, он привел в движение всю Данию. Тогда Свен объединил войска Зеландии и морских островов и переправился в Ютландию, чтобы покорить Вальдемара. А тот, выведя войско, вышел навстречу ему с большими силами, и недалеко от Виберга началась битва. И был убит в тот день Свен, и все мужи его тоже, а Вальдемар получил королевство Данское и стал правителем мира и сыном мира. И прекратились внутренние войны, от которых много лет страдала Дания. И заключил Вальдемар союз с графом Адольфом и почитал его, согласно тому, как делали это бывшие до него короли. 9 авг. 23 окт.

85. О ПОСТРОЙКЕ ЛЕВЕНШТАДА

В те дни город Любек был уничтожен пожаром. И послали купцы и другие жители этого города к герцогу⁵⁷⁵, говоря: «Уже много времени прошло с тех пор, как в силу вашего распоряжения рынок в Любеке закрылся. Мы же до сих пор оставались в городе этом, надеясь на то, что рынок будет вновь открыт по благосклонности милости вашей, да и наши дома, с большими затратами выстроенные, не давали нам уйти. Теперь же, когда дома погибли, напрасно вновь строиться в месте, где не разрешено быть рынку. Укажи же нам место, чтобы мы могли построить город там, где тебе будет угодно». Тогда герцог попросил графа Адольфа, чтобы он уступил ему гавань и остров Любек. Но тот не захотел этого сделать. Тог-

да герцог заложил новый город на реке Вокнице в земле Ратцебург, недалеко от Любека, и начал строить его и укреплять. И назвал он этот город по своему имени Левенштад, что означает город Льва. Но так как это место было мало удобно для гавани и для крепости и заходить в него могли только небольшие корабли, герцог вторично начал уговаривать графа Адольфа согласиться на отдачу Любекского острова и гавани, обещая ему многое, если он повинется его воле. Тогда, изменив свое решение, граф исполнил то, чего требовала необходимость, и отдал ему замок и остров. И тотчас по приказу герцога вернулись сюда с радостью купцы, покинув неудобный новый город, и начали отстраивать церкви и стены города. И отправил герцог послов в города и северные государства – Данию, Швецию, Норвегию и Русь, – предлагая им мир, чтобы они имели свободный проезд к его городу Любеку. И установил здесь монету и пошлину и самые почетные городские права. И преуспевал с этого времени город во всех делах своих и умножалось число его жителей.

86. ОСАДА МЕДИОЛАНА

1159 Приблизительно в эти же дни созвал могущественный император Фредерик всех саксонских князей на осаду города Медиолана⁵⁷⁶. Надо было и нашему герцогу торжественно принять участие в этом общественном деле. Поэтому он начал улаживать раздоры внутри герцогства, разумно принимая меры предосторожности к тому, чтобы в отсутствие князей и других знатных никаких мятежей не возникло. И, разослав послов, призвал короля данского, Вальдемара, к себе на переговоры и заключил с ним союз.

Король же просил герцога помочь ему установить мир со славянами, которые беспрерывно опустошали его государство, и договорился с ним об этом более чем за тысячу марок серебра. Поэтому герцог велел славянам, а именно Никлоту и другим, явиться к нему и обязал их приказом и присягой соблюдать мир как с данами, так и с саксами вплоть до его возвращения. И чтобы это соглашение осуществлялось, он повелел привести в Любек все разбойничьи корабли славянские и представить его послу. Они же по причине обычной своей безрассудной отваги, а также из-за близости итальянского похода, представили лишь небольшое количество кораблей, и притом самых старых, ловко утаив все остальные, годные для войны. Тогда граф при посредничестве старейших земли вагрской, а именно Маркрада и Горна, встретился с Никлотом и благосклонно потребовал от него, чтобы он доказал на деле свою нерушимую верность земле, что тот добросовестно и выполнил.

1159 Устроив, таким образом, дела, герцог отправился, как говорят, с тысячью панцирников в Лангобардию, имея в своей свите графа Адольфа и много знатных из Баварии и Саксонии. И пришли они в королевское войско, которое осаждало крепость, что называется Крумне, принадлежащую Медиолану и сильно укрепленную. И почти целый год занимались они осадой этой крепости и изготовили много машин и огнеметателей. Взяв наконец крепость⁵⁷⁷, император повернул войско на Медиолан, а герцог, получив на это разрешение, возвратился в Саксонию.

Граф же Адольф, будучи приглашен в Англию, отправился туда вместе со своим родственником Рейнольдом, епископом кельнским⁵⁷⁸, исполнявшим обязанности посла при короле Англии. И как все духовенство, так и весь народ земли нашей были огорчены таким долгим отсутствием доброго покровителя. Ибо славяне из Ольденбурга и Микилинбурга, предоставленные самим себе в отсутствие государей, преступили мир в стране данской, и наша земля была охвачена трепетом пред лицом короля Дании. Наш епископ Герольд, то сам лично, то через послов, старался смягчить гнев короля и сохранить перемирие до прибытия герцога и князей. По возвращении же герцога и графа в месте, называемом Беренфорде, был созван провинциальный сейм всех маркоманов – как тевтонцев, так и славян⁵⁷⁹. Король же датский, Вальдемар, пришел прямо в Эртенебург и принес жалобу герцогу на все то зло, которое причинили ему славяне, нарушив общественный договор [между ним и герцогом]. Славяне, сознавая свою вину, побоялись явиться к герцогу. Герцог присудил их к изгнанию и велел всем своим быть готовыми к походу во время жатвы. Тогда Никлот, видя, что герцог на него разгневался, задумал первым вторгнуться в Любек и послал туда своих сыновей⁵⁸⁰ в засаду.

А в то время жил в Любеке некий достопочтенный священник по имени Атело. Дом его стоял по соседству с мостом, который вел через реку Вокницу на юг. И велел он выкопать широкий ров, чтобы отвести в него реку, которая была весьма полноводной. Войско славянское, торопясь захватить мост, было задержано рвом и допустило ошибку, начав искать переход. Увидев это, те, кто был в доме священника, закричали громким голосом, и испуганный священник быстро выбежал навстречу. Войско уже находилось на середине моста и почти захватило ворота, но спешно ниспосланный Господом священник освободил мост от цепей, и таким способом тайком подготовленная опасность была устранена. Услыхав об этом, герцог поставил туда стражу из воинов.

87. УБИЙСТВО НИКЛОТА

После этого герцог Генрих вторгся в землю славян с большим войском и опустошил ее огнем и мечом. Никлот, видя храбрость герцога, сжег все свои крепости, а именно Илово⁵⁸¹, Микилинбург, Зверин⁵⁸² и Добин, принимая меры предосторожности против грозящей осады. Одну только крепость оставил он себе, а именно Вурле, расположенную на реке Варне, возле земли хижан. Отсюда они [славяне] ежедневно выходили и устраивали слежку за войском герцога и из своих засад убивали неосторожных.

В один из дней, когда войско [герцога] стояло под Микилинбургом, отправились сыновья Никлота, Прибислав и Вартислав, чтобы причинить вред, и убили несколько человек из лагеря, вышедших за кормом [для коней]. Храбрейшие из войска преследовали их и многих из них схватили, и герцог велел их повесить. Сыновья же Никлота, оставив коней и знатнейших мужей, пришли к отцу. Он сказал им: «Я полагал, что воспитал мужей, а они трусливее, чем женщины. Так лучше

я пойду сам и попробую, не смогу ли я случайно больше преуспеть». И он отправился с некоторым числом избранных людей и устроил засады в потаенных местах, неподалеку от войска. И вот вышли отроки из лагеря на поиски корма для коней и подошли близко к засадам. Затем пришли солдаты вперемешку со слугами числом около 60, все в панцирях, спрятанных под одеждой. Не заметив этого, Никлот на самом быстром коне появился между ними, пытаясь кого-нибудь из них пронзить копьем, но копье прошло до панциря и, нанеся безопасный удар, отскочило. Он хотел вернуться к своим, но, внезапно окруженный, был убит⁵⁸³, и никто из его сподвижников не оказал ему помощи. Голова его была опознана и доставлена в лагерь, к немалому удивлению многих, как это такой муж, по попущенью Божьему, единственный из всех своих погиб. Тогда сыновья его, услышав о смерти отца, сожгли Вурле и скрылись в лесах, посадив семьи свои на корабли.

Опустошив всю страну, герцог начал отстраивать Зверин и укреплять замок. И поставил он туда некоего благородного и воинственного мужа Гунцелина⁵⁸⁴ с войском. После этого он вернул милость свою сыновьям Никлота и отдал им Вурле и всю землю. А потом разделил землю бодричей и роздал во владение своим рыцарям. А в замке Куцине герцог поставил некоего Лиудольфа, фогта⁵⁸⁵ из Брунсвика. В Миликове⁵⁸⁶ повелел он быть Лиудольфу из Пайна⁵⁸⁷; Зверин и Илинбург поручил Гунцелину; Микилинбург отдал он Генриху, некоему благородному мужу из Скатен⁵⁸⁸, который привел из Фландрии множество народа и поселил их в Микилинбурге и во всех окрестностях его. Епископом в земле бодричей герцог поставил Берно⁵⁸⁹, который после смерти Эммегарда возглавлял Магнополитанскую церковь. Магнополис же – это то же самое, что Микилинбург. И пожаловал герцог в дар Микилинбургской церкви 300 мансов, как раньше сделал это для церкви Ратцебургской и Ольденбургской.

Обратившись с просьбой к императору, он получил от него власть основывать, одарять пожалованиями и утверждать епископства во всей славянской земле, которую сам или его предки подчинили себе щитом своим по праву войны. Вследствие этого он призвал к себе Герольда, епископа ольденбургского, Эвермод, епископа ратцебургского, и Берно, епископа микилинбургского, чтобы они приняли от него свои должности и присоединились к нему, принося присягу в васальстве, как обычай требует поступать по отношению к императору. Хотя они считали это распоряжение весьма тяжелым для себя, однако уступили ради того, кто потерпел унижение ради нас, и чтобы молодая церковь не понесла ущерба. И пожаловал им герцог привилегии на владения и на поборы, и на суд. А славянам, которые продолжали оставаться в земле вагров, полабов, бодричей и хижан, герцог повелел, чтобы они платили поборы епископу, как их платят у полонов и поморян, то есть с плуга по три модия ржи и по двенадцать денаров местной монеты. Модий же у славян называется на их языке корец⁵⁹⁰. Славянский же плуг означает двух волов и столько же лошадей⁵⁹¹. И увеличились десятины в земле славянской, потому что стеклись сюда из своих земель тевтонцы, чтобы населить землю эту, просторную, богатую хлебом, удобную по обилию пастбищ, изобилующую рыбой и мясом и всеми благами.

88. ОБ АЛЬБЕРТЕ МЕДВЕДЕ

В то время восточную часть Славии держал маркграф Адальберт, по прозвищу Медведь, который по милости к нему Божьей сильно преуспевал в увеличении владений своих. Ибо он поработил всю землю брежан, стодорян и многих других народов, обитающих на Гаволе и Эльбе, и усмирил имевшихся среди них мятежников. Наконец, когда славяне мало-помалу стали убывать, он послал в Траектум и в края по Рейну, а потом к тем, кто живет у океана и страдает от суровости моря, а именно, к голландцам, зеландцам и фландрийцам, и вывел из всех этих стран весьма много народа и поселил их в славянских городах и селениях. И весьма окрепли от прихода этих поселенцев епископства Бранденбургское и Гавельбургское, так как увеличилось количество церквей и выросли сильно десятины.

Но и южный берег Эльбы в это время стали населять переселенцы из Голландии, а именно, всю эту, начиная от города Сальтведеле, болотистую и равнинную страну, что называется Бальземерланд и Марсцинерланд⁵⁹². Многими городами и селениями вплоть до Богемских гор⁵⁹³ завладели голландцы. Некогда, а именно во времена Оттонов, эти земли, как говорят, были заселены саксами, что можно видеть по древним валам, насыпанным на берегах Эльбы в болотистой земле бальзамов, но впоследствии, когда славяне одержали верх над ними, саксы были перебиты, а землей их вплоть до наших дней владели славяне. Теперь же, когда Бог одарил герцога нашего и других государей счастьем и победой, славяне частью перебиты, частью изгнаны, а сюда пришли выведенные от пределов океана народы сильные и бесчисленные и получили славянские земли, и построили города и церкви, и разбогатели сверх всякой меры.

89. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ОЛЬДЕНБУРГСКОГО ЕПИСКОПСТВА

Около этого времени епископ Герольд попросил герцога перенести епископскую столицу, издревле находившуюся в Ольденбурге, в Любек, ибо город этот был более населен, место было лучше укреплено и вообще во всех отношениях было удобнее. Это пришлось по душе герцогу, и они назначили день, когда должны были встретиться в Любеке, чтобы устроить дела церкви и епископства. И герцог указал место, где должен был быть заложен храм митрополита и монастырские подворья. И были установлены приходы для 12 священников, живущих по каноническому праву, и 13-й для настоятеля. И отдал епископ на содержание братьев некоторые десятины и столько от поборов, которые платила ему Славия, сколько было достаточно для устройства приходов. Граф же Адольф уступил удобные деревни под Любеком, которые герцог тотчас же отдал в пользование братьям, и еще дал каждому из братьев по 2 марки любекской монеты от пошлин, сверх всего другого, что записано в привилегиях и хранится в Любекской церкви. И поставили сюда настоятелем Этело, о котором с похвалой упомянуто выше⁵⁹⁴.

90. РАСКОЛ МЕЖДУ [ПАПАМИ] АЛЕКСАНДРОМ И ВИКТОРОМ

- 1159, 1 сент. В течение тех дней умер папа Адриан, и начался раскол в церкви Господней между Александром, он же Роланд⁵⁹⁵, и Виктором, он же Октавиан⁵⁹⁶. И когда император осаждал Медиолан, Виктор прибыл к нему в лагерь, находившийся в Папии⁵⁹⁷, и был им принят. И, собравшись на сейм, приняли его и Рейнольд, епископ кельнский, и Конрад, епископ могонтский⁵⁹⁸, и все, которых побуждали или страх перед императором, или его расположение. Александра же приняли Иерусалимская и Антиохийская церкви; кроме того, вся Франция, Англия, Испания, Дания и все государства, которые существуют повсюду на земле. Сверх того, примкнул к нему весь цистерцианский орден, в котором состоят архиепископы, весьма много епископов, свыше 700 аббатов и не поддающееся подсчету число монахов. Они ежегодно устраивают свои соборы в Цистерциуме⁵⁹⁹ и выносят полезные постановления. Их непоколебимое решение бесспорно придало силы Александру. Разгневанный этим император обнародовал указ, гласивший, что все монахи цистерцианского ордена, которые имеются в его империи, или должны признать Виктора, или будут изгнаны из государства. Трудно описать, сколько [святых] отцов, какие толпы монахов, оставив места своих поселений, перешли во Францию. Многие епископы, известные своей святостью, насилием государя были согнаны со своих кафедр в Лангобардии и во всем государстве, а на их места были поставлены другие.
- 1162, 26 марта По прошествии пяти или больше лет осады, император занял Медиолан, выселил из него его жителей, разрушил все его высокие башни, сравнял стены города с землей и обратил его в пустыню. Тогда возвысилось сердце его, и все государства на земле устрашились славы имени его. И послал он к королю Франции, Людовику⁶⁰⁰, чтобы тот поспешил в Лаону⁶⁰¹, которая находится в земле бургундцев на реке Араре⁶⁰², на собеседование с ним по поводу восстановления единства церкви. И король Франции согласился. Кроме этого, он отправил послов к королю Дании⁶⁰³ и к королю Богемии⁶⁰⁴, и к королю Венгрии⁶⁰⁵, чтобы они прибыли в назначенный день, а также повелел торжественно явиться всем архиепископам, епископам и всем могущественным мужам государства своего и всем монахам. Как все ожидали этого блестящего сейма, на котором, как рассказывалось, должны были собраться оба папы и столько королей со всей земли. Тогда и Вальдемар с епископами Дании, архиепископ Гартвиг, епископ Герольд и граф Адольф со многими благородными мужами Саксонии отправились в назначенное для собеседования место. Герцог же, находившийся в Баварии, прибыл по другой дороге. А Людовик, король Франции, прибытия которого особенно ожидали, узнав, что император приближается с войском и с большими военными силами, поколебался выйти ему навстречу. Но 1162, 29 авг. верный присяге он все-таки прибыл в назначенное место и время, то есть в день усекновения главы Иоанна Крестителя, и находился на середине моста с 3 часов до 9, а император все еще не приходил. Приняв это за счастливое предзнаменование, король Франции омыл руки свои в реке в знак того, что он обещание выполнил, и, уйдя отсюда, прибыл еще в тот же вечер в Дивию⁶⁰⁶. Ночью пришел император

и, узнав, что король Франции удалился, послал самых благородных мужей к нему вновь пригласить его. Но тот никоим образом не мог этого сделать, радуясь тому, что и верность сумел соблюсти и от подозрительной руки императора уйти. Ибо многие говорили, что император хотел его обойти и для этого наперекор соглашению пришел вооруженный. Но хитрость была обманута хитростью же. Ибо французы, будучи разумом выше, то, что считали невозможным добыть при помощи оружия или силы, добывали умом. Тогда, сильно разгневанный, император удалился с сейма, угрожая французам войной. Папа Александр с этого времени еще более укрепился. Герцог Генрих ушел в Баварию и, устроив там дела, возвратился в Саксонию.

91. О ДЕСЯТИНЕ ГОЛЬЗАТОВ

И был тогда мир по всей Славии, и крепости, которыми по праву войны герцог владел в земле бодричей, начали заселяться пришельцами, вступившими в эту страну, чтобы владеть ею. Правителем этой земли был Гунцелин, муж храбрый и друг герцога. Генрих, граф из Ратцебурга, что находится в земле полабов, вывел множество народа из Вестфалии, чтобы они заселили землю полабов, и разделил ее между ними, вымерив веревкой. И они построили церкви и заплатили десятины от плодов своих во славу дома Господня. И насаждено было дело Божье в земле полабов во времена Генриха⁶⁰⁷, а во времена сына его, Бернгарда, оно весьма широко разрослось.

Мужи же гользатские, которые после изгнания славян заселили вагрскую землю, усердные в постройке церквей и ревностные в гостеприимстве, проявляли непокорность при законной, производившейся по Божественному предписанию выплате десятин. Они платили по шесть маленьких мер с плуга, что, как они говорили, было им разрешено с целью облегчения, когда они еще находились в своей родной земле, ввиду военного времени и соседства язычников.

Земля же, откуда вышли гользаты, принадлежит Гамбургскому диоцезу и расположена близко от вагрской земли. Епископ Герольд, видя, что полабы и бодричи, находившиеся в середине пылающей печи, выплачивали, однако, свои установленные законом десятины, решил взыскать такие же и со своих [прихожан]. Известив о своем решении графа Адольфа, он попытался склонить на свою сторону непокорные души гользатов при помощи письма со словами увещания. И отправил церкви в Борнговеде, иначе называемой Свентинсфельд, где жили старейшина земли, второе лицо после графа, Маркрад, и остальная знать гользатская, послание такого рода: «Герольд, Божьей милостью епископ Любекской церкви, шлет приветствие всем прихожанам, принадлежащим к церкви в Борнговеде, и выражает им должное расположение. Так как волей божьей мне доверено управление церковью и по божественному определению я эту обязанность выполняю у вас, то мне необходимо попытаться привести вас от хорошего к самому лучшему и постараться отворотить вас всеми силами от того, что противоречит спасению душ ваших. Поэтому

му я приношу благодарность Господу за то, что у вас заметны признаки многих добродетелей, а именно, что вы соблюдаете гостеприимство и совершаете и другие дела милосердия ради Господа нашего, что слову Божьему вы более всех преданы и в постройке церквей более всех усердны, а что до нравов, то, как это угодно Господу, вы ведете целомудренную жизнь. Однако все это, вами соблюдаемое, ничего не стоит, если вы остальными предписаниями будете пренебрегать, ибо, как сказано: «Кто... согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем»⁶⁰⁸. Ибо заповедано Господом: десятины со всего дашь мне, и благо тебе да будет, и долготелен да будешь. И этому повиновались патриархи, а именно Авраам, Исаак и Иаков, и все, кто по вере стали сыновьями Авраама, за что славу и вечную награду обрели. Апостолы же и мужи апостольские то же самое со слов Божьих поручили и под страхом проклятия передали потомству для исполнения. И так как, без сомнения, это является заповедью всемогущего Бога и властью святых отцов утверждено, то на нас ложится обязанность, чтобы то, чего для вашего спасения недостает, нашими трудами по милости Божьей было у вас восполнено. Увещеваем вас и убедительно просим во имя Господа, чтобы вы добровольно, как сыновья, утешили бы меня, которому поручена отеческая забота о вас, своим повиновением и дали бы церкви десятины, – как установил Господь и под страхом проклятия апостольская власть утвердила, – на распространение служения Господу и на попечение о бедняках, чтобы вы не отнимали у Господа причитающееся ему и не обрекали таким образом свое достояние и души на вечную погибель. Прощайте».

Услышав это, мятежный народ возроптал и стал говорить, что никогда не подставит своей шеи таким унижительным требованиям, в силу которых почти весь христианский народ подвергается угнетению со стороны епископов. К этому они еще добавляли, не очень сильно отступая от истины, что почти все десятины уходят на излишества светских людей. Поэтому епископ довел все эти речи до сведения герцога. И тот повелел всем гользатам земли вагрской, что если они хотят сохранить его милость, то пусть платят епископу десятины, как это делается в землях полабской и бодрицкой, которые еще недавно только заселены и большим страхом перед войной побуждаются.

В ответ на это повеление упрямые духом гользаты сказали, что никогда не будут платить десятин, которых отцы их не платили, что предпочитают лучше поджечь собственные дома и уйти из этой земли, чем подчиниться игу такого рабства. И задумали они убить епископа с графом и со всеми пришельцами, которые платили десятины по закону, и, предав все в земле своей огню, бежать в землю данов. Но выполнению этих превратных вещей помешало возобновление договора между нашим герцогом и королем данским. Ибо было постановлено, чтобы никто из них перебежчика от другого к себе не принимал. Поэтому гользаты, вынуждаемые необходимостью, в присутствии герцога заключили такое соглашение с епископом, что они увеличат десятины и будут платить по 6 модиев ржи и по 8 модиев овса с манса, тех, говоря, модиев, которые в просторечье называются *hemmete*⁶⁰⁹. И чтобы им не пришлось страдать из-за новых поборов при последующих епископах, они просили скрепить их договор печатями герцога и епископа. Но когда, по обы-

чаю двора, писцы потребовали за это марку золота, неотесанный этот народ разошелся, и дело осталось в прежнем положении. Большой помехой в этом деле, которое должно было принести великие выгоды церкви, послужили как скорая кончина епископа, так и угроза ужасной военной бури.

92. ПЛЕНЕНИЕ ВАРТИСЛАВА

Сыновья Никлота, Прибислав и Вартислав, не удовольствовавшись землей хижан и черзепнян, стремились снискать себе землю бодричей, которую герцог отнял у них по праву войны. Узнав об их кознях, Гунцелин из Зверина, правитель бодрицкой земли, объявил об этом герцогу. И тот опять вознегодовал на них и разгневался и в зимнюю пору пришел с большим войском в славянскую землю. 1163 Они же засели в городе Вурле и укрепили замок против осады. И герцог послал вперед Гунцелина с храбрейшими мужами, чтобы они скорее начали осаду, опасаясь, как бы славяне не ускользнули случайно. Сам же он как можно скорее последовал за ними с остальным войском. И они осадили крепость, где были Вартислав, сын Никлота, и много благородных мужей и, кроме того, великое множество простого народа. Старший же по рождению, Прибислав, с некоторым числом конников скрылся в лесах, чтобы из засады убивать неосторожных.

И радовался герцог, потому что славяне, укрепившись духом, выжидали его в крепости и ему представлялась возможность их покорить. И сказал он младшим в своем войске, которые, побуждаемые неразумной жадной сражений, подзадоривали врага и вступали с ним в бои: «Зачем, когда это совершенно излишне, вы приближаетесь к воротам города и сами создаете опасность для себя? Такого рода стычки не приносят пользы и грозят гибелью. Лучше оставайтесь в шатрах своих, где вас не могут достать стрелы неприятеля, и имейте надзор за осажденными, чтобы кто-нибудь из них не ускользнул. Нашим же делом будет без шума и жертв овладеть по милости Божьей этим городом».

И тотчас же он велел доставить из лесной чащи деревья и готовить военные машины, такие, какие он видел в Кримме⁶¹⁰ и Медиолане. И он изготовил весьма сильно действующие машины, одну, сколоченную из досок, для того, чтобы разбивать стены, другую, более высокую, воздвигнутую наподобие башни и возвышавшуюся над замком, для того, чтобы направлять стрелы и прогонять тех, кто стоял на валах. И с того дня, когда была выстроена эта машина, никто из славян не осмеливался высунуть голову или показаться на валах.

В это время стрелой был тяжело ранен Вартислав. В один из дней герцогу донесли, что Прибислав с множеством конников показался неподалеку от лагеря. Тот отправил на поиски его графа Адольфа с отрядом избранных юношей, но они, весь день скитаясь по болотам и лесам, никого не обнаружили, обманутые проводником, который проявлял большее расположение к неприятелю, нежели к нашим. И тогда герцог приказал отрокам, добывающим корм⁶¹¹ для лошадей, никуда в этот день не выходить, чтобы не попасть в засаду к неприятелю. Однако несколько

гользатов, будучи народом упрямым, не обратили внимания на приказ и вышли за кормом. И Прибислав неожиданно приблизился и, напав на неосторожных, около сотни их уничтожил; остальные же убежали в лагерь. Тогда герцог, сильно этим разгневанный, усилил осаду, и уже укрепления замка заколебались, угрожая упасть и разрушиться вследствие подкопов.

Тогда Вартислав, потеряв надежду на лучшее и получив право свободного прохода, пришел в лагерь к графу Адольфу, чтобы получить у него совет. Граф ответил ему: «Поздно обращаться за лекарством, когда больной безнадежен. Опасности, сейчас угрожающие, раньше должны были быть предвидены. Кто, спрашиваю, дал тебе совет, чтобы ты подвергнулся опасности осады? Большим безумием было вкладывать ногу в оковы, когда не было еще убежища и никак не был подготовлен побег. Теперь тебе ничего другого не остается, как сдаться. Если что и может послужить путем к спасению, так это, я вижу, только сдача». И сказал Вартислав: «Замолви за нас слово у герцога, чтобы мы были допущены к сдаче без опасности для жизни и без вредительства членов». Тогда граф отправился к герцогу и, обратившись к тем, от кого зависело решение, объяснил им все дело. И те, узнав волю государя, дали обещание, что если бы кто-нибудь из славян отдался во власть герцога, ему будут сохранены жизнь и целостность членов под тем, однако, условием, что и Прибислав сдаст оружие. Тогда, сопровождаемые светлейшим графом, вышли из крепости Вартислав и все благородные мужи славянские и пали к ногам герцога, держа каждый меч свой на голове своей. И принял их герцог и заключил в темницу. И велел тогда герцог, чтобы если кто из данов в плену в замке находился, то отпустить их на свободу. И ушло их великое множество, воздавая благодарность храбрейшему герцогу за свое освобождение. Затем он приказал охранять замок и простой народ в нем и поставил над ними некоего Любомира, старого воина, брата Никлота, чтобы он возглавил их землю и знал, что они все находятся в его подчинении.

Вартислава же, князя⁶¹² славянского, увел с собой в Брунsvик и одел на руки его оковы; остальных же рассадил по темницам, пока не выплатят последнего квадранта. Славяне были так унижены для того, чтобы узнать, что «лев, силач между зверями, не посторонится ни пред кем»⁶¹³.

Тогда Прибислав, который был старше возрастом и обладал более острым умом, желая прийти на помощь плененному брату, начал через послов испытывать мысли герцога и просить о мире. И когда герцог потребовал заложников, чтобы закрепить верность обещания, Прибислав сказал: «Какая надобность господину моему требовать у слуги своего заложников? Разве он не держит в темнице брата моего и всех благородных мужей славянской земли? Пусть же он и держит их вместо заложников и поступает с ними, как ему угодно, если мы нарушим верность своим обещаниям». Пока через посредников шли об этом переговоры и Прибиславу давалась надежда на лучшее, некоторое время обошлось без воин и был мир в славянской земле с марта месяца до февральских календ⁶¹⁴ следующего года, и все крепости герцога, а именно Миликово, Куцин, Зверин, Илово, Микилинбург, были невредимы.

93. ОСВЯЩЕНИЕ НОВОГО МОНАСТЫРЯ

В том же году после праздника пасхи Герольд, епископ Любекской церкви, 1163, начал прихварывать и лежал на одре болезни до самых календ июля⁶¹⁵. И молил он 24 марта Господа, чтобы тот продлил ему жизнь до тех пор, пока не будет освящен храм в Любеке и пока положение недавно собравшегося здесь духовенства не окрепнет. Незамедлительно жизнь его была с помощью Божьей на некоторое время продлена.

И тогда он отправился к герцогу, который в это время как раз прибыл в Штаде навстречу архиепископу⁶¹⁶, и стал беседовать с ним о благе Любекской церкви. Тот, обрадованный его словами, стал увещевать его, чтобы он как можно скорее возвращался в Любек и подготовил все, что необходимо для освящения. И герцог просил, архиепископа отправиться с ним для совершения этого обряда. Удовлетворяя его просьбу, тот отправился в путь в вагскую землю и по дороге освятил церковь в Фальдере, которая, как известно, была основана блаженной памяти Вицелином, епископом ольденбургским, и ему принадлежала. И много добра оказал архиепископ настоятелю и братьям, жившим там, и повелел, чтобы место это с этих пор называлось Новым монастырем. Ибо раньше оно называлось Фальдера, или Виппенторп. Настоятелем этого места был Гереман, который некогда в Любеке, во время натиска язычников, много трудов положил, проповедуя евангелие вместе с Лиудольфом, настоятелем Зигеберга, и ольденбургским пресвитером Бруно. В управлении Новым монастырем этот Гереман стал преемником достопочтенного мужа Эппо, выдающаяся святость которого, достойная того, чтобы все всегда с благочестием о ней вспоминали, уже давно, еще в майские календы⁶¹⁷, достигла счастливого конца.

Совершив, как я раньше сказал, освящение Нового монастыря, архиепископ отправился в Зигеберг и там пользовался гостеприимством графа Адольфа. Когда же он прибыл в Любек, герцог и епископ приняли его с великой славой и приступили к освящению. И каждый, а именно герцог Генрих, епископ Герольд и граф Адольф, пожаловал что-либо по добровольному побуждению своего сердца и предоставил владения и поборы и десятины на содержание духовенства. Архиепископа увещевали, чтобы он отдал Новый монастырь любекскому епископу, однако он не согласился. Выполнив все надлежащим образом, архиепископ возвратился к себе. Герцог же, приведя в порядок дела в Саксонии, отправился в Баварию, чтобы укротить мятежников и совершить правосудие над потерпевшими обиду.

94. СМЕРТЬ ЕПИСКОПА ГЕРОЛЬДА

Между тем достопочтенный епископ Герольд, чувствуя, что болезнь, отпустившая его на время, вновь усилилась, решил посетить все церкви своего диоцеза, не требуя ни у кого поддержки, чтобы никому не быть в тягость. Питая отеческую заботу о своих детях, он ревностно наставлял их к их спасению, исправляя заблуж-

дающих и улаживая несогласия, оказывая милость утешения, если где-нибудь это было необходимо. И именем Божиим запретил он рынок в Плуне, который каждое воскресенье посещался славянами и саксами, потому что христианский народ, оставив почитание церкви и торжественную обедню, все свое усердие отдавал торговле. Вопреки утверждению многих, своей стойкостью он разрушил этот приют язычества, предписав под страхом проклятья, чтобы никто с этих пор не поднимал его из развалин. И с этих пор народы собирались в церквах, чтобы слушать слово Божье и присутствовать при совершении святых таинств. Объехав весь свой диоцез, епископ прибыл наконец в Лютилинбург, чтобы утешить живущих там, и, совершив богослуженье и как будто закончив свое дело, начал внезапно терять силы телесные и, перенесенный в Босау, много дней пролежал на ложе. Однако до самой своей кончины он никогда не пропускал торжественных служб. Признаюсь, я не помню, чтобы мне приходилось видеть мужа, более искушенного в Божественной службе, более усердного в пении псалмов и утреннем бдении, более ласкового к духовенству, которого никому ни одним словом не позволял он обидеть. Это он некогда заставил сурово наказать ударами одного светского человека, оклеветавшего священника, давая другим пример, чтобы не учились сквернословить.

Услышав о болезни доброго пастыря, пришли к нему достопочтенные мужи, Одо, декан Любекской церкви, и Лиудольф, настоятель Зигебергской, с братией обоих монастырей. Когда они, приблизившись к постели больного, пожелали ему продления жизни, он ответил: «Зачем желаете мне, братья, того, что бесполезно? Сколько бы я ни прожил, смерть все равно придет. Пусть уж сейчас произойдет все, что когда-нибудь должно все равно случиться. Лучше смириться с тем, чего избежать никому нельзя». О, что за свобода духа, не страшящаяся смерти!

Среди беседы он прочел нам псалом: «Возрадовался я, когда сказали мне: пойдем в дом Господень»⁶¹⁸. Спрошенный нами, какие он испытывает боли, он громко сказал, что никаких мучений и болей он не чувствует, но его тяготит только упадок сил. Когда друзья увидели, что приближается конец, они выполнили над ним обряд святого миропомазания, и, приобщенный святых тайн, на рассвете, вместе с ночным мраком, он сбросил с себя непрочное бремя телесной оболочки.

Тело его было перенесено духовенством и горожанами в Любек и предано погребению посреди храма, который он сам заложил. И пустовала кафедра Любекская вплоть до февральских календ⁶¹⁹, потому что герцог отсутствовал и ждали его решения.

КНИГА ВТОРАЯ

*«Славянской хроники» Гельмольда,
пресвитера из Босау*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПРОДОЛЖЕНИЮ ТРУДА МОЕГО

Среди хронистов, излагающих историю, редко находятся такие, которые при описании деяний человеческих соблюдают полную их достоверность. Разумеется, неодинаковые знания, присущие людям и большей частью берущие начало из неточного источника, тотчас же могут быть распознаны по самому построению повествования. Между тем как вырастающая, подобие избытку влаги, в сердце человеческого необоснованная любовь или ненависть, покинув стезю истины, отклоняют движение повествования направо или налево. Ибо многие, стараясь снискать расположение к себе каких-либо людей, прикрываются притворным покровом дружбы и ради честолюбия или какой-нибудь выгоды говорят приятное людям, приписывая достоинства недостойным, воздавая хвалу тем, кому не должно ее воздавать, благословляя тех, кого благословлять не следует. В противоположность этому другие, подстрекаемые ненавистью, не жалеют порицаний, ищут удобного случая, чтобы оклеветать, а тех, кого не в состоянии [поразить] рукой, еще суровее языком преследуют. Поистине, существуют такие люди, которые почитают свет тьмой и ночь называют днем¹. Но никогда не было недостатка в таких писателях, которые из страха перед потерей состояния и телесными мучениями боялись предавать гласности нечестивые поступки государей.

Более простительно замалчивать истину по причине малодушия и требований времени, чем выдумывать ложь в надежде на суетные выгоды. При изображении деяний человеческих, так же как при вырезывании тончайших фигур, всегда необходимо, чтобы отношение смотрящего было беспристрастно и ни расположением, ни ненавистью, ни страхом не могло быть отклонено с пути истины.

И так как большая опытность и большая хитрость требуются, чтобы среди препятствий, создаваемых такими подводными камнями, можно было бы рулем речи без потрясений управлять, то тем более [теперь], когда я скорее с неожиданной смелостью, чем с безрассудством, уже вывел корабль описания в открытое море, следует мне молить о Божественном милосердии, чтобы оно помогало мне и направляло попутные ветры и чтобы я удостоился довести корабль мой до берега надлежащего конца. В противном случае по причине становящихся все более трудными обстоятельств и развращения нравов у государей мне легко сбиться с толку из страха пред людьми. Большой поддержкой и утешением для опирающих-

ся на истину является то, что истина, хотя иногда и вызывает ненависть у людей бессовестных, сама по себе, однако, остается неизменной и не может быть опровергнута. Так же, как если свет бывает ненавистен для больных глаз, то, как известно, в этом виноват не свет, а болезнь глаз. Так и каждый человек, рассматривая в зеркале лицо свое, которое дано ему от рождения, если увидит в нем что-нибудь безобразное или искаженное, то не зеркалу, а самому себе это припишет.

Последующее небольшое сочинение, подобно предыдущему, я посвящаю милости вашей, о достопочтенные отцы и братья, желая, чтобы живущие почт, будущие же пользу для себя из знакомства с историей извлекли, и я надеюсь, что и для меня какая-нибудь выгода произойдет от молитв великих мужей, которые случайно прочтут это сочинение и не откажут мне в просьбе поддержать меня своими молитвами.

1.

Устроив свои дела в Баварии, Генрих Лев, славный своим двойным герцогством², возвратился в Саксонию и, созвав духовенство Любека, поставил над ним в епископы Конрада, аббата из Ридегесгузен³, родного брата епископа Герольда. Это не понравилось архиепископу Гартвигу и шло наперекор желаниям всех в Любеке, однако воля герцога, противоречить которой было страшно, восторжествовала. И Конрад получил посвящение из рук архиепископа Гартвига в городе Штаде. Он был человеком сведущим в науках, в красноречии, отличался учтивым обращением, щедростью и обладал, кроме того, многими внешними данными, какими достойной особе приличествует быть украшенной. Но красивую наружность этого мужа портил некий неизлечимый, как сказал бы я, лишай, — непостоянство духа и уступчивость в речах, неспособность стоять твердо на одном и том же. Противоречивый, не слушающий ничьих советов, ненадежный в обещаниях, уважающий чужеземцев и презиравший своих, он вначале с большой суровостью обращался с духовенством, которое застал в молодой церкви, начиная от самых главных лиц, которые пребывали в церкви в Любеке, и кончая последними, которые жили в деревне. Он объявил своими все владения священников, рассматривая их не как братьев своих, но как слуг. Если он собирался кого-нибудь из братьев наказать, то не прибегал к установленному законом вызову, не считался ни с тем, подходят ли для этого место и время, ни с решением капитула, а действовал, как ему было угодно, и тех, кого ему хотелось притеснить, он или отстранял от службы, или отлучал от церкви. Увещаваемый герцогом он не отступил ни в чем, но отдалился от него и вступил в соглашение с архиепископом, чтобы соединенными усилиями можно было легче преодолевать всякое сопротивление.

Около этих дней, когда Конрад только что был выдвинут на высшую ступень священнослужения и пока еще находился у архиепископа в городе Гореборге, что 1164, на берегах Эльбы, в феврале месяце, то есть в 14-е календы марта, разразилась 16 февр. страшная буря с ветром, сверканием молний, раскатами грома, от чего много домов

в разных местах загорелось или было разрушено. Кроме того, началось такое наводнение, о каком не слышали с древних времен и которое залило всю приморскую землю Фризии, Гателен, и все болотистые земли по Эльбе, Вирре⁴ и всем рекам, которые впадают в океан, и утонуло много тысяч людей, а животных столько, что их и не счесть. Сколько богачей, сколько знатных сидело еще в тот вечер, утопая в наслаждениях, не испытывая страха перед несчастьем, но вот пришла неожиданная беда и унесла их в морскую пучину.

2.

В тот же день, когда такие бедствия обрушились на приморские страны по берегу океана, в славянском городе Микилинбурге произошло великое кровопролитие. Ибо Вартислав, младший сын Никлота, содержавшийся в оковах в Брунsvике, приказал, как рассказывают, через послов своему брату Прибиславу, говоря: «Вот меня держат заключенным в оковы вечные, а ты поступаешь так нерадиво! Старайся же неусыпно, приложи все силы, поступай, как подобает мужчине, и если не можешь миром, то посредством оружия вырви меня. Разве ты не помнишь, как отец наш, Никлот, когда его держали в темнице в Лüneбурге, не мог выкупить себя ни просьбами, ни деньгами? После того же, как побуждаемые доблестью, мы взяли за оружие, подожгли и разрушили города, разве он не был освобожден?». Выслушав это, Прибислав собрал тайком войско и неожиданно пришел в Микилинбург. Генрих же из Скатен, правитель замка, тогда случайно отсутствовал, и народ, находившийся в замке, не имел начальника. Приблизившись, Прибислав сказал мужам, бывшим в крепости: «Великое насилие, о мужи, причинено как мне, так и моему народу, ибо мы изгнаны из земли, где родились, и лишены наследства отцов наших. Вы увеличили эту обиду, ибо вторглись в пределы нашей страны и овладели городами и деревнями, которые должны принадлежать нам по праву наследования. И вот, мы предлагаем вам на выбор жизнь или смерть. Если вы откроете нам крепость и вернете принадлежащую нам землю, мы выведем вас мирно с женами и детьми вашими и всем имуществом. Если кто-нибудь из славян что-либо отберет у вас из того, что вам принадлежит, я возвращу вдвойне. Если вы не захотите уйти и, напротив, будете этот город упорно защищать, клянусь вам, что если будет к нам милостив Господь и победа будет [нам] благоприятствовать, я всех вас перебью острием меча. В ответ на эти слова фламИнги⁵ начали посылать стрелы и наносить раны. Войско же славянское, более сильное и людьми, и оружием, в жаркой битве вторглось в крепость и перебило всех мужчин, в ней находившихся. Ни одного человека не оставили славяне из этих прищельцев; жен же их и детей увели в плен, а замок сожгли. После этого они вернулись в замок Илово, чтобы разрушить и его.

Тогда Гунцелин, вассал герцога и правитель земли бодрицкой, узнав от лазутчиков, что славяне выступили, пришел с небольшим отрядом в Илово, чтобы оказать городу помощь. Опустошив Микилинбург, Прибислав с самыми храбрыми мужами пошел впереди войска своего, желая скорее начать осаду, чтобы кто-ни-

будь случайно не ускользнул. Услышав об этом, Гунцелин сказал своим: «Выйдем скорее и сразимся с ним раньше, чем придет остальное войско. Ибо они утомлены битвой и кровопролитием, которое сегодня совершили». И ответили ему верные его: «Неосторожно было бы нам выйти, ибо тотчас же, как мы выйдем, славяне, которые находятся внутри города этого и, кажется, стоят на нашей стороне, закроют за нами городские ворота и нас не впустят. А город окажется в руках славян». И не понравились слова такие Гунцелину и мужам его. И, созвав всех тевтонцев, какие были в городе, он сказал им в присутствии находящихся в городе славян, перехода которых на сторону неприятеля опасались: «Дошло до меня, что славяне, которые вместе с нами находятся внутри города, присягнули Прибиславу, что выдадут нас и город. Так слушайте же, о мужи-соотечественники, обреченные на смерть и уничтожение. Как только вы увидите вероломство, бросайтесь к воротам, подкиньте огонь под стены города и сожгите этих изменников с женами и детьми. Пусть умирают вместе с нами, пусть никто из них не останется в живых, чтобы не похвалялись нашей гибелью». Услышав это, ужаснулись славяне в душах своих и не осмеливались приступить к тому, что в душе замыслили. С наступлением вечера все славянское войско подошло к замку Илово, и сказал Прибислав славянам, которые там находились: «Всем вам известно, какие бедствия и гнет лежат на нашем народе из-за насильственной власти герцога, злоупотребляя которой он причинил нам много мучений и отобрал у нас наследственное владение отцов наших и поселил во всех землях пришельцев, то есть фламингов и голландцев, саксов и вестфальцев и другие разные народы. От этой обиды страдал мой отец до самой смерти, а брат мой из-за этого содержится в заключении в вечных оковах, и никого, кроме меня одного, не осталось, кто бы думал о благе нашего народа или хотел бы поднять его из развалин. Вернитесь же к благоразумию, о мужи, оставшиеся от славянского народа, обретите вновь смелость и передайте мне этот город и мужей, которые несправедливо заняли его, чтобы я им отомстил, как отомстил тем, которые вторглись в Микилинбург».

И он начал увещавать их выполнить обещание. Но те, охваченные страхом, отказались. Тогда славяне отошли далеко от замка, потому что наступила ночь и надо было раскинуть лагерь. Они заметили, что Гунцелин и бывшие с ним – мужи храбрые и воинственные и что без большого кровопролития овладеть замком было бы нельзя, и поэтому на рассвете они сняли осаду и вернулись на свои места. Гунцелин же, как «исторгнутая из огня головня»⁶, покинул Илово, поставив в нем стражу от славян, и отправился в Зверин. И обрадовались жители города неожиданному его прибытию, ибо накануне распространился слух, что он сам, а равно и мужи его убиты.

3. О ЕПИСКОПЕ БЕРНО

На пятый день после того как был разрушен Микилинбург, достопочтенный епископ Берно вышел с несколькими священниками из Зверина, чтобы предать

земле убитых, имея на себе священническое облачение, в котором обычно совершаются таинства. И, воздвигнув алтарь среди убитых, он с печалью и трепетом принес за них спасительную жертву Господу Богу. Когда он уже совершал таинство, славяне выскочили из засады, чтобы убить епископа и бывших с ним. Но спешно ниспосланный господом, подошел с войском некий Рейхард из Сальтведеле. Услышав, что Гунцелин осажден в Илово, он вышел на помощь ему и, совершая свой путь, случайно зашел в Микилинбург как раз тогда, когда для епископа и его людей настал смертный час. Устрашенные его прибытием, славяне бежали, и спасенный епископ закончил дело благочестия и, похоронив около 70 убитых, после этого возвратился в Зверин.

В скором времени Прибислав, собрав опять войско из славян, пришел к Миликову и Куцину и сказал жителям города: «Я знаю, что вы храбрые и благородные мужи и угождаете власти великого герцога, господина вашего. Я хочу склонить вас к полезному делу. Сдайте мне этот замок, который некогда принадлежал моему отцу и по праву наследства моим должен быть, и я велю, чтобы вас провели до берегов Эльбы. Если кто-нибудь из них что-нибудь из того, что вам принадлежит, насильственным образом себе присвоит, я велю вдвойне вам возместить. Если вы сочтете это наилучшее условие для себя непригодным, мне придется опять испытывать свое счастье и вступить в борьбу с вами. Помните о том, что случилось с жителями Микилинбурга, которые презрели условия мира и побудили меня к бою себе же самым во вред». Тогда воины, сторожившие крепость, видя, что не место здесь для битвы, ибо неприятель был числом больше, а помощников в защите немного, добились свободного прохода за пределы Славии, а Прибислав получил замок.

4. ПОВЕШЕНИЕ ВАРТИСЛАВА

Когда герцог Генрих Лев услышал о том, как поколебались дела в Славии, он омрачился духом и отправил сильное войско в Зверин для охраны его. И велел он графу Адольфу и лучшим мужам Гользатии отправиться в Илово и оборонять замок. После этого он собрал большое войско и призвал родственника своего, маркграфа восточных славянских земель Адальберта⁷, и всех храбрейших мужей Саксонии на помощь, отплатить славянам за все то зло, которое они причинили. Он привлек и Вальдемара, короля данского, с его морским войском, чтобы он тревожил их и с суши и с моря. Граф Адольф поспешил со всем народом нордальбингов, чтобы встретиться с герцогом у Миликово. Герцог перешел здесь Эльбу, напал на славянские земли и приказал Вартислава, князя славянского, казнить через повешение возле города Миликово потому, что погубил его брат его, Прибислав, нарушив обещание мира, установленного договором⁸. И повелел герцог графу Адольфу через посла, говоря: «Подымись с гользатами и штурмарами и со всем народом, который с тобой пришел, и ступайте впереди герцога к месту, что называется Вирухне⁹. То же сделает Гунцелин, правитель земли бодрицкой, и Рейнольд, граф дитмаршей, и Христиан, граф Ольденбурга, что находится в Амерланде, зем-

ле фризов¹⁰. Все они пойдут впереди вместе с тобой с тем числом вооруженных людей, которое у них имеется». И тогда выступил граф Адольф и другие благородные мужи, которые были с ним вместе выделены по Приказу герцога, и пришли они в место, что называется Вирухне и отстоит от города Димина на расстоянии около 2 миль, и здесь раскинули лагерь. Герцог и другие государи задержались в месте, которое называется Миликово, чтобы через несколько дней последовать за ними с остальным войском, с лошадьми, несущими запасы пищи, которой хватило бы вполне войску. Все же войско славян засело в городе Димин. Были там и князья их, Казимир и Богуслав¹¹, князья поморян, а с ними и Прибислав, виновник восстания. И отправили они посла к графу, желая быть допущенными через него к условиям мира, и обещали 3 тысячи марок, а послав вторично послов, обещали уже 2 тысячи. И не понравилось такое заявление графу Адольфу и сказал он своим: «Как это вам кажется, о мудрые мужи? Вчера они обещали 3 тысячи марок, теперь предлагают 2. Такое заявление не мира ищет, а навлекает войну». И послали славяне ночью лазутчиков в лагерь разведать состояние войска. Ольденбургские же славяне были с графом Адольфом, но вели себя коварно, потому что все, что происходило в войске, передавали через лазутчиков неприятелю. И сказали графу Адольфу Маркрад, старейшина земли гользатской, и остальные, которые поняли эти тайные дела: «Из самых достоверных слухов мы узнали, что враги наши готовятся к войне. Наши же весьма вяло действуют и ни в ночных стражах, ни в дневной охране не проявляют должного внимания. Внуши осторожность народу, потому что герцог возлагает на тебя надежды». Но граф и другие благородные мужи не придали этому значения и сказали: «Да будут мир и спокойствие, померкла уже доблесть славян». И ослабела охрана в войске. Между тем из-за того, что герцог задержался, у войска истощились запасы пищи. И были назначены отроки, которые должны были пойти в войско герцога и принести припасы. Когда на рассвете они вышли, вдруг показались поднимающиеся на холм клинья славян, состоявшие из бесчисленного количества как конных, так и пеших. Увидав их, отроки повернули назад и своими громкими криками подняли спавшее войско. Иначе бы все во сне смерть приняли. Тогда славные и доблестные мужи, Адольф и Рейнольд, выйдя с небольшим числом гользатов и дитмаршей, которые, проснувшись от сна, раньше прибежали, застигли неприятеля при спуске с холма и, опрокинув первый отряд славян, они гнали их до самой глубины болота. Но поспешивший вслед за ними второй отряд славян обрушился на них, как гора. И тогда были убиты граф Адольф и граф Рейнольд и все храбрейшие мужи.

1164, 6 июля И захватили славяне лагерь саксов и расхитили добычу в нем. Гунцелин и Христиан и с ними более 300 воинов, соединившись воедино, стояли в стороне от битвы, не зная, что делать. Ибо им страшно было вступить в бой с таким огромным неприятельским войском, когда все их соратники были или перебиты, или обращены в бегство.

И случилось, что отряд славян подошел к одному шатру, где находилось много оруженосцев и лошадей. Когда славяне сильно насели на них, стараясь их одолеть, оруженосцы стали звать своих господ, которые толпой стояли неподалеку: «Что вы

стоите, о храбрейшие воины, почему не придете на помощь слугам своим? Ведь вы поступаете постыдно». Те, побужденные криками их, напали на неприятеля и, сражаясь как бы в слепой ярости, освободили своих слуг. Потом, быстро влетев в лагерь, трудно сказать, сколько ударов нанесли и какое избиение людей устроили, пока не рассеяли эти победоносные отряды славян и не получили обратно лагерь, который раньше потеряли. И в довершение головокружением Господь смешал умы славян, и они пали от руки лучших воинов. И, услышав об этом, саксы, представшиеся в убежищах, вышли из них и, вновь обретя смелость, кинулись храбро на врагов и перебили их в жарком бою. И покрылось поле это горами мертвецов.

И пришел поспешно герцог, желая оказать поддержку своим, и увидел поражение, нанесенное народу его, и [узнал], что мертв граф Адольф и все храбрейшие мужи, и залился обильными слезами. Но горе его облегчила полная победа и громадные жертвы среди славян, счетом до 2,500 человек. И велел тогда герцог тело убитого графа Адольфа, порезав на куски и высушив, набальзамировать, чтобы его можно было повсюду провезти и предать погребению в родовом склепе. И исполнилось пророчество, которое он высказал накануне своей гибели, особенно часто повторяя стих: ты огнем «искусил меня, и ничего не нашел»¹².

Избежавшие меча славяне пришли в Димин и, предав огню этот сильнейший замок, отправились в глубь области поморян, уходя от герцога. На следующий день пришел в Димин герцог со всем войском и нашел замок сожженным и поставил здесь часть войска, чтобы оно разрушило вал и сравняло с землей и оказывало помощь раненым, о которых надо было проявить заботу. Сам же он с остальным войском отправился навстречу королю Вальдемару. И, объединив свои силы, они оба пошли, чтобы опустошить все пространство земли поморян, и пришли в место, что называется Столпе¹³. Здесь некогда Казимир и Богуслав zaloжили аббатство в память отца своего Вартислава, который тут был убит и погребен¹⁴. Он первый из поморских князей обратился в веру под руководством святейшего Отгона, епископа бавембергского, и сам основал епископство в Узнаме¹⁵ и распространил христианскую веру в земле поморян. И вот сюда-то пришло войско герцога, и никого здесь не нашлось, кто оказал бы ему сопротивление. Ибо славяне, все время идя вперед, убегали от лица герцога, не имея смелости где-нибудь остановиться из страха перед ним.

5. О ПОГРЕБЕНИИ ГРАФА АДОЛЬФА

И пришел в дни те посол в землю славянскую и сказал герцогу: «В Брунsvик прибыл с большой свитой посол от короля греческого¹⁶ для беседы с тобой». Чтобы выслушать его, герцогу пришлось уйти из славянской земли, оставив войско и успешный поход. В противном случае, благодаря одержанной победе и благоприятному движению фортуны, он уничтожил бы всю силу славян до предела и поступил бы с землей поморян так же, как поступил с землей бодричей. Ибо вся земля бодричей и соседние области, принадлежавшие Бодрицкому государству, из-

за непрерывных войн, особенно же войны последней, по милости Господа, всегда укрепляющего десницу благочестивого герцога, были целиком обращены в пустыню. И если еще оставались какие-нибудь последние обломки от народа славянского, то вследствие недостатка в хлебе и запустения полей они были настолько изнурены от голода, что вынуждены были толпами уходить к поморянам или в Данию, а те безжалостно продавали их полонам, сорбам и богемцам.

После того как герцог, уйдя из славянской земли, распустил войско по домам, каждое восвояси, тело графа Адольфа было перенесено в Минден и здесь с благочестием погребено.

Графством же управляла вдова его, Мехтильда, с юным сыном. И изменялся вид земли этой, потому что справедливость и мир в церквах после смерти доброго покровителя, казалось, стали совсем непрочными. Ибо при жизни его духовенство не страдало ни от какой грубости, ни от каких оскорблений. Ему присущи были такие вера, доброта, рассудительность и такой разум, что, казалось, он был преисполнен всех добродетелей. Он был единственным из воинов Господних, но при этом не последним, который оказался весьма полезным, по мере сил своих искореняя заблуждения идолопоклонства и насаждая новый рассадник веры, который должен был принести плоды, служащие спасению. Наконец, завершив благой путь жизни своей, он достиг пальмовой ветви, — нося хоругви в замке Господнем¹⁷, твердо стоял за свое отечество и соблюдал верность государям до самой смерти. Когда его уговаривали, чтобы он для сохранения жизни подумал о бегстве, он с гневом отказывался, руками сражался, а голосом молился Богу и, любя мужество, смерть принял радостно. Побужденные его рвением знаменитые мужи и лучшие вассалы доброго герцога, Гунцелин и Бернгард, из которых один правил Зверином, другой Ратцебургом, сами тоже творили добрые дела, по мере сил своих сражаясь во имя Господне, чтобы вознести честь дома Господня среди народа неверного и языческого.

6. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИМИНА

Виновник мятежа Прибислав, изгнанный из отцовских владений, находился у князей поморских, Казимира и Богуслава, и все они начали вновь отстраивать Димин. Выходя часто оттуда, Прибислав из засады тревожил Зверин и Ратцебург, уводя в плен множество людей и скота. Заметив его вылазки, Гунцелин и Бернгард стали и сами нападать из засад и, часто сталкиваясь с ним в битвах, всегда оказывались более сильными. Это продолжалось до тех пор, пока Прибислав, потеряв много храбрых мужей и коней, не смог уже ничего больше предпринимать. И сказали ему Казимир и Богуслав: «Если тебе нравится жить с нами и пользоваться убежищем у нас, то берегись оскорблять очи мужей герцога, иначе мы изгоним тебя из нашей страны. Ибо раньше ты и так уже подвел нас, и мы потерпели сильное поражение и потеряли лучших мужей и лучшие свои крепости. Ты еще недоумен и хочешь снова навлечь на нас гнев государя?». И так удержан был Приби-

слав от своих безрассудных намерений. И смирились мужи славянские и из страха пред герцогом не смели и языком пошевелить.

И заключил герцог мир с Вальдемаром, королем датским, и они собрались на Эгдоре или в Любеке, чтобы побеседовать о благе обеих земель. И дал король герцогу много денег, потому что тот избавил страну его от опустошения славянами. И начали заселяться все морские острова, принадлежавшие Данскому королевству, потому что морские разбойники исчезли, а корабли их были уничтожены. И заключили король с герцогом договор, что если они подчинят себе какие-либо народы на суше или на море, то дани с них будут по-братски делить между собой.

И превзошел герцог своим могуществом всех, кто до него был, и стал он государем над государями земли. И попрал он выи мятежников и разрушил их крепости. И истребил отступников, и водворил мир во всей стране, и построил сильные крепости, и стал господином огромных владений, ибо к владениям, перешедшим к нему по наследству после великих предков его, императора Лотаря и супруги его Рикенцы, и многих герцогов Баварии и Саксонии прибавились еще владения многих иных государей, как Геремана из Винцебурга¹⁸, Зигфрида из Гамбурга¹⁹, Оттона из Асле²⁰ и других, имена которых исчезли из памяти. Что мне сказать о великом могуществе архиепископа Гартвига, который происходил из древнего рода Удонов²¹? Он [Генрих Лев] получил и этот знаменитый замок Штаде со всеми угодьями и с графствами по обоим берегам [Эльбы], и графство Дитмаршское еще при жизни епископа, одно по праву наследства, другое в бенефиций; он распространил свою власть и на Фризию и отправил против нее войско, и они дали ему в выкуп за себя все, что он от них требовал.

7. ЗАВИСТЬ ГОСУДАРЕЙ К СЛАВЕ ГЕРЦОГА

Но так как слава порождает зависть и так как ничего прочного нет в делах человеческих, то такая слава этого мужа вызвала зависть со стороны всех государей Саксонии. Ибо он, обладающий бесчисленными богатствами, славный своими победами и высоко вознесенный в славе своей по причине двойной власти и над Баварией и над Саксонией, всем в Саксонии, как государям, так и благородным мужам, казался несносным. Но страх перед императором удержал руку государей, и они не привели в исполнение принятых ими намерений. Когда же император подготовил четвертый поход в Италию²², и благодаря этому настало удобное время, тотчас же прежнее тайное соглашение превратилось в явное и образовался сильный союз всех против одного. Главными среди них были Вихман, архиепископ магдебургский²³, и Гереман, епископ хильдесхаймский. Кроме них, были следующие государи: Людовик, ландграф Тюрингии, Адальберт, маркграф из Сальтведеле с сыном, Оттон, маркграф из Камбурга²⁴, с братьями, Адальберт, пфальцграф из Зомересбурга. Им оказывали поддержку следующие благородные мужи: Оттон из Асле, Ведекинд из Дазенберга, Христиан из Ольденбурга, что в Амерланде. Кроме них, козни против герцога строил могущественный Рейнольд, архиепископ кельн-

ский и канцлер империи. И хотя лично он и отсутствовал, находясь в Италии, но весь был поглощен мыслями о победе над герцогом. Тогда государи, находившиеся в Восточной Саксонии с князем тюрингским Людовиком, осадили замок герцога, что назывался Альдеслеф, и заготовили против него много машин. Потом Христиан, граф амерландский, собрав отряд фризоз, занял Бремен и все его окрестности и вызвал большое движение в западной области. И герцог, видя, что со всех сторон поднимаются войны, начал укреплять города и замки и ставить военную стражу в удобных местах.

В то время графством Гользатским, Штурмарским и Вагрским управляла вдова графа Адольфа со своим еще очень юным сыном. И так как начинались военные движения, то герцог поставил над мальчиком опекуна, который начальствовал бы над войском. Это был граф Генрих, родом из Тюрингии, дядя мальчика по матери, не терпевший мирного времени и весь преданный войне. Посоветовавшись с верными себе людьми, герцог вернул свою милость Прибиславу, князю славянскому, который, как выше сказано, после многих сражений был изгнан из страны, и возвратил, ему владения его отца, то есть землю бодрицкую, кроме Зверина и его окрестностей²⁵. И принес Прибислав герцогу и друзьям его присягу в верности и обязался, что не будет с этих пор никакими военными бурями ее нарушать, что будет повиноваться ему и соблюдать приказы друзей его без всякой обиды²⁶.

8. РАЗОРЕНИЕ БРЕМЕНЦЕВ

Тогда герцог собрал огромное войско и вступил в Восточную Саксонию, чтобы сражаться с врагами своими на их земле. И увидели они, что он пришел с большими силами, и побоялись выйти навстречу ему. И он нанес большое поражение вражеской стране и опустошил ее пожарами и грабежами, и прошел всю эту землю вплоть до самых стен Магдебурга. Оттуда он повернул войско в западные области, чтобы подавить мятеж графа Христиана, и, неожиданно подойдя к Бремену, взял его. Тогда граф Христиан бежал в далекие болота Фризии. И вторгся герцог в Бремен и разграбил его. Жители его бежали в болота, потому что согрешили они перед герцогом, присягнув Христиану. И герцог осудил их на изгнание, пока они не приобрели себе при вмешательстве архиепископа мир за тысячу и больше марок серебра. Граф же Христиан через несколько дней умер, и тогда прекратились несчастья, вызванные его мятежом.

И вот когда повсюду шли внутренние войны, архиепископ Гартвиг решил, что у себя он избегнет шума начинающейся войны, и сидел в Гамбурге уединенно и спокойно, усиленно занимаясь постройкой монастырей и другими делами своей церкви. Тогда архиепископ кельнский и другие государи обратились к нему с письмом, где просили его, чтобы он вновь [вспомнил и] принял близко к сердцу все притеснения, которыми угнетал его герцог, ибо сейчас настало время, когда при помощи князей он мог бы восстановить положение, достойное его звания, вернуть город Штаде и отнятое графство, если князья помогут. Архиепископ Гартвиг, на-

ученный долгим опытом, что герцог всегда счастлив в сражениях, что верность князей ненадежна, что он не раз был обманут подобными обещаниями, начал колебаться духом. Горячее желание восстановить свое положение побуждало его [к действиям], но хорошо известное ему непостоянство князей отвращало его. Пока между ними наружно царила дружба, мир звучал в их словах. Однако архиепископ начал укреплять свои замки Фриборг и Гореборг и собрал там запасы оружия и пищи, которых могло бы хватить на месяцы и годы.

9. ИЗГНАНИЕ ЕПИСКОПА КОНРАДА

В эти дни у архиепископа находился Конрад, епископ Любекской церкви, и множеством своих советов старался повлиять на него. И донесено было герцогу, что он [епископ] думает не о мире, а о свержении герцога, и что он внушает архиепископу, чтобы тот перешел на сторону князей и расторг дружбу, которую заключил с герцогом. Герцог, желая узнать об этом деле точнее, позвал епископа на собеседование в Эртенебург. Но тот, стараясь отклонить гнев владыки, удалился во Фризию, якобы выполняя посольство архиепископа. Как только он вернулся, герцог вызвал его во второй раз. В сопровождении архиепископа и Берно [епископа] микилинбургского он явился к герцогу в Штаде, чтобы выслушать слово его. И спросил его герцог о том, что донесено было ему, а именно, как это он худыми словами умалял честь его и давал советы против него ему во зло. Епископ утверждал, что ничего об этом не знает. Когда много слов сказано было и с одной и с другой стороны, герцог, желая пошатнувшуюся дружбу поправить и больше расположить к себе епископа, уже давно ему любезного, начал дружески требовать с него дань, как со своего вассала, что ему, как выше показано, было предоставлено императорским пожалованием в тех именно славянских областях, которыми он завладел по праву войны, щитом и мечом. На это требование отважный муж отвечал, что доходы его церкви весьма скромны и что, принимая это во внимание, он никогда не позволит связать свою свободу или подчинить ее чьей-либо власти. В ответ герцог заявил, разумеется, что епископ должен или оставить свой пост, или повиноваться его требованию. И когда епископ оставался твердым в своем решении, герцог повелел закрыть ему доступ в его диоцез и отнять у него все епископские доходы.

После того как герцог удалился, архиепископ сказал епископу Конраду: «Я полагаю, что из-за вассалов герцога, среди которых мы находимся, вам оставаться у нас небезопасно. Отчего бы вам не помочь нашей чести и своему спасению, и не перебраться к магдебургскому архиепископу²⁷ и князьям, чтобы таким образом отвести руку врагов ваших. Я же через несколько дней последую за вами и тоже буду жить на чужбине среди чужеземцев». И он поступил по совету архиепископа и переехал к магдебургскому архиепископу и прожил у него почти два года. Выехав оттуда во Францию, он побывал на Цистерцианском соборе и вновь сблизился с папой Александром при посредничестве епископа папийского, который держал

сторону Александра, и, лишенный за это своей кафедры, жил в Клерво²⁸. И тот велел епископу, когда ему представится возможность, чтобы он или сам пошел к папе Александру, или направил посла. Совершив это, он вернулся в Магдебург и нашел здесь Гартвига, архиепископа гамбургского, ибо и тот со своего места удалился, и они оба оставались у архиепископа магдебургского в течение многих дней.

Однако воины архиепископа Гартвига, стоявшие в замках Горевбург и Фрибург, стали совершать частые вылазки и производить пожары и грабежи во владениях герцога. Поэтому герцог, переправив туда войско, занял Фрибург, разрушил его укрепления, сравнял его с землей и велел отнять у епископа все его доходы, не оставив из них даже самых незначительных. Только те, кто находился в замке Горевбург, продолжали держаться до самого возвращения архиепископа, потому что место было хорошо защищено болотистыми топями. Во всей же Саксонии бушевали свирепые мятежи, ибо все князья начали борьбу против герцога. И захватывали в плен воинов и калечили их, разоряли крепости и дома, сжигали города. И примкнула к князьям Гослярия. И тогда герцог повелел охранять дороги, чтобы никто не мог ввозить в Гослярию продукты, и скоро они начали испытывать голод.

10. ИНТРОНИЗАЦИЯ ПАПЫ КАЛИКСТА

В те дни император Фредерик находился в Италии. И успокоились мятежи лангобардов из страха пред доблестью его, и он разбил многие населенные города и крепости и разграбил Лангобардию больше, чем короли, которые были до него в течение многих дней, и повернул, чтобы идти на Рим, прогнать Александра и поставить Каликста, ибо Пасхалий, прожив короткое время, умер²⁹.

1167 Император осаждал Геную³⁰, которая была на стороне Александра, и послал Рейнольда кельнского, Христиана могонтского³¹ и часть войска вперед в Рим. И пришли они в Тускуланум³², который находится неподалеку от Рима. Узнав об их приходе, римляне вышли с бесчисленным войском, чтобы сражаться за Александра. Вышел и Рейнольд с тевтонским войском, и стали биться немногие против бесчисленных, и победили римлян, и перебили около 12 тысяч, и преследовали бегущих до самых ворот города. И «земля растлилась»³³ из-за [обилия] трупов, и остались женщины римские вдовами на многие годы, потому что не хватало мужчин среди жителей города.

В тот же день, когда это происходило в Риме, император, сражаясь с генуэзцами
1167 и одержав победу, овладел городом. И, взяв войско с собой, он отправился в Рим и нашел там посланных им вперед Рейнольда и войско, ликующих по причине своего спасения и поражения римлян. И он двинул войско, чтобы овладеть Римом, и взял приступом дом св. Петра, так как там тогда стояла стража у римлян, и велел подложить огонь под ворота и дымом отогнал римлян. И занял храм и наполнил его убитыми. И возвел Каликста на престол и отпраздновал там день св. Петра в оковах³⁴.
1 авг. И наложил руку свою на латеранцев, чтобы уничтожить их, и дали они ему все, что он от них потребовал, лишь бы сохранить жизнь и город. Император требовал, что-

бы они захватили Александра, но они не смогли этого сделать, потому что ночью он спасся бегством. И взял император сыновей у благородных мужей в качестве заложников, чтобы с этих пор все повиновались Каликсту с нерушимой верностью.

За этими счастливыми успехами императора последовало неожиданное бедствие. Ибо вдруг такой мор напал на Рим, что через несколько дней почти все умерли. Ибо, как рассказывают, в месяце августе в этих краях поднялись несущие болезнь облака. От этой болезни умерли Рейнольд, епископ кёльнский, Гереман, [епископ] верденский³⁵, которые были первыми в совете; кроме того, благородный юноша, сын короля Конрада, который женился на единственной дочери герцога нашего Генриха³⁶. Сверх этого, в то время погибло много епископов, князей и благородных мужей. Император с оставшимся войском вернулся в Лангобардию. Придя сюда, он услышал о волнениях, происходивших в Саксонии, и отправил посольство, поручив ему перемириями приостановить поднимающийся мятеж, пока пройдет какое-то время и он освободится от итальянского похода.

В то время Генрих, герцог Баварии и Саксонии, послал послов в Англию, и они привезли дочь короля английского с серебром и золотом и большими богатствами, и герцог взял ее в жены³⁷. Ибо он под предлогом родства разошелся со своей первой женой, Клементией. У него была от нее дочь, которую он отдал в жены сыну короля Конрада. Тот тоже прожил недолго, как сказано выше, застигнутый преждевременной смертью в итальянском походе.

11. ПРИМИРЕНИЕ КНЯЗЕЙ И ГЕРЦОГА

По прошествии недолгого времени лангобарды, видя, что рушились столпы государства и исчезла мощь войска, единодушно вступили в заговор против императора и задумали его убить³⁸. Он же, предчувствуя их коварство, тайком ушел из Лангобардии и, вернувшись в тевтонскую землю, созвал сейм в Бавемберге³⁹ и, собрав всех государей саксонских, обвинил их в нарушении мира, говоря, что мятеж в Саксонии дал лангобардам основание отложиться. Таким образом, после многочисленных оттяжек те разногласия, которые существовали между герцогом и государями, благодаря большому благоразумию и рассудительности его, были обращены им к заключению мира и прекратились, согласно желанию герцога, и он избавился от нападков со стороны князей без всякого для себя ущерба.

И опять был призван архиепископ гамбургский в столицу свою, но, пораженный болезнью, через несколько дней скончался, и с его смертью угас старый спор по поводу графства Штаденского, и герцог владел им дальше без всякой помехи. Конрад, епископ любекский, при вмешательстве императора, получил право вернуться в свой диоцез на том именно условии, что, предав забвению прежнее упорство, предоставит герцогу то, что ему следует по праву. Возвратившись по милости герцога опять к себе, он стал совсем другим человеком. Ибо то, что ему пришлось самому перенести, научило его сочувствовать своим братьям и в дальнейшем быть более благосклонным при выполнении долга человеколюбия. Он защищал духо-

1168,
11 окт.

венство от притеснений князей и знатных, особенно же от насилий Генриха, графа Тюрингии, который, не боясь ни Бога, ни людей, старался добиться владений, принадлежавших духовенству.

Когда все военные волнения превратились, по милости Божьей, в ясное спокойствие мира, Ведекинд из Дазенберга отклонил мир, о котором договорились князья. С юности своей в злых делах проворный, он постоянно обращал свой военный опыт на грабежи. Но он не имел возможности причинить столько зла, сколько бы ему хотелось, сурово сдерживаемый уздой герцога. Если иногда его схватывали и заключали в темницу, он клялся, что с этих пор будет воздерживаться от грабежей и, послушный герцогу, будет честно ему повиноваться. Но когда разразилась война, он, забыв о своих обещаниях, свирепствовал против герцога больше всех.

Итак, когда все остальные были склонны к миру, этого беспримерно дикого зверя герцог обложил осадой в замке Дазенберг. Но так как высота этой горы всю мощь осады и машин делала тщетной, то герцог послал позвать искусных мужей из-под Раммельсберга⁴⁰, которые приступили к трудному и неслыханному делу. Они прокопали подошву горы Дазенберг и, осмотрев внутренность горы, нашли там источник, откуда жители крепости черпали воду. Когда они его засыпали, жителям крепости стало не хватать воды, и побужденный необходимостью Ведекинд сдался и отдал свой замок во власть герцога; остальные же, будучи отпущены, разошлись каждый в землю свою.

12. О СВЯТОВИТЕ, ИДОЛЕ РУЯН

В то время Вальдемар, король Дании, собрал большое войско и много кораблей, чтобы идти в землю руян и подчинить ее себе. Ему помогали Казимир и Богуслав, князья поморян, и Прибислав, князь бодричей, потому что герцог приказал славянам оказывать королю Дании поддержку, когда бы он ни простер руку свою для покорения чужеземных народов. И преуспело дело короля Дании, и могучей рукой занял он землю руян, и они дали ему в выкуп за себя столько, сколько король назначил.

И велел король вытащить этот древний идол Святовита, который почитается всем народом славянским, и приказал накинуть ему на шею веревку и тащить его посреди войска на глазах славян и, разломав на куски, бросить в огонь. И разрушил король святилище его со всеми предметами почитания и разграбил его богатую казну. И повелел, чтобы они отступили от заблуждений своих, в которых рождены были, и приобщились к почитанию истинного Бога. И отпустил средства на постройку церквей⁴¹.

И было воздвигнуто 12 церквей в земле руянской и поставлены священники, которые имели бы попечение над народом во всех делах, принадлежащих Богу. И были там епископы Абсалон из Роскильда⁴² и Берно из Микилинбурга. Они со всем расположением помогали королю закладывать почитание дома Господа нашего «среди строптивного и развращенного рода»⁴³.

Князем же у руян был в это время благородный муж Яромир, который, услышав о почитании истинного Бога и о католической религии, с охотой принял крещение, приказывая всем своим также обновиться с ним через святое крещение⁴⁴. Став христианином, он был столь же стойким в вере, сколь твердым в проповеди, так что [в нем] можно было видеть второго, призванного Христом, Павла. Выполняя дело апостола, он привлек этот дикий и со звериной яростью свирепствующий народ к обращению в новую религию отчасти ревностной проповедью, отчасти же угрозами, будучи от природы жестоким.

Ибо из всех народов славянских, которые делятся на области и княжества, один только народ руян упорнее других в мраке неверия вплоть до наших дней остался, будучи для всех недоступным по той причине, что окружен морем. Старое предание вспоминает, что Людовик, сын Карла, пожаловал некогда землю руян св. Виту в Корвей, потому что сам был основателем этого монастыря. Вышедшие оттуда проповедники, как рассказывают, обратили народ руян, или ран, в веру и zaloжили там храм в честь мученика св. Вита, которого почитает эта земля. После того же как раны, они же руяны, с изменением обстоятельств отклонились от света истины, среди них возникло заблуждение, худшее, чем раньше, ибо св. Вита, которого мы признаем слугой Божиим, раны начали почитать, как бога, поставили в честь его громадного идола и служили творению больше, чем творцу. И с тех пор это заблуждение у ран настолько утвердилось, что Святovit, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому и в наше время не только вагрская земля, но и все другие славянские земли посылали сюда ежегодно приношения, почитая его богом богов. Король же находится у них в меньшем по сравнению с жрецом почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы [божества] и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят.

Среди различных жертв жрец имеет обыкновение приносить иногда в жертву и людей-христиан, уверяя, что такого рода кровь доставляет особенное наслаждение богам⁴⁵.

Случилось несколько лет тому назад, что великое множество торговцев собралось сюда на рыбную ловлю. Ибо в ноябре, когда ветры дуют сильнее, здесь добывается большое количество сельди, и тогда купцам разрешается свободный доступ, если раньше они уплатят богу этой земли полагающееся ему.

И был там тогда случайно некий Готшалк, священник Господень, приглашенный из Бардевика, чтобы при таком множестве народа совершить богослужение. Но это недолго составляло тайну для жреца язычников. И, призвав короля и народ, он объявил, что боги сильно разгневаны и их нельзя ничем иным успокоить, как только кровью того священника, который решился совершать среди них жертвоприношения по чужеземному обряду. Тогда охваченный ужасом языческий народ созвал множество торговцев и потребовал выдать священника, чтобы принести его своему Богу в качестве умиловительной жертвы. Когда христиане воспротивились, им предложено было в дар 100 марок. Но когда ничего не удалось добиться, то они начали угрожать силой и объявлением войны на следующий день. Тогда

торговцы, нагрузив корабли уловом, этой же ночью вышли в путь и, доверив паруса попутному ветру, избавили как себя, так и своего священника от опасности.

Хотя ненависть к христианству и жар заблуждений были у ран сильнее, чем у других славян, однако они обладали и многими природными добрыми качествами. Ибо им свойственно в полной мере гостеприимство, и родителям они оказывают должное почтение. Среди них нигде не найти ни одного нуждающегося или нищего потому, что тотчас же, как только кто-нибудь из них ослабнет из-за болезни или одряхлеет от возраста, его вверяют заботам кого-либо из наследников, чтобы тот со всей человечностью его поддерживал. Ибо гостеприимство и попечение о родителях занимают у славян первое место среди добродетелей. Что касается прочего, то земля руянская богата плодами, рыбой и дикими зверями. Главный город этой земли называется Аркона⁴⁶.

13. ПРЕВРАЩЕНИЕ ТЕЛА И КРОВИ

В лето от рожества Христова 1168-е был заложен новый рассадник веры в земле руянской, выстроены церкви и украшены присутствием священников. Раны платили дань королю данскому. И взял он у благородных мужей сыновей в заложники и увел их с собой в землю свою. Происходило же это в то время, когда саксы вели свои внутренние войны. После того как Господь возвратил им мир, герцог тотчас же отправил послов к королю данскому, требуя вернуть заложников и половину даней, которые раны платили, потому что было постановлено и присягой скреплено, что если бы король Дании какие-нибудь народы захотел покорить, то герцог оказывает ему помощь и, деля с ним труды, делит также и добычу. И когда король отказал и послы вернулись, не выполнив дела, герцог, побуждаемый гневом, призвал князей славянских и повелел, чтобы они отомстили данам. Будучи призваны, они сказали: «Мы готовы», – и с радостью повиновались ему, который послал их. И открылись запоры и ворота, которыми раньше было закрыто море, и оно прорвалось, стремясь, затопляя и угрожая разорением многим данским островам и приморским областям. И разбойники опять отстроили свои корабли и заняли богатые острова в земле данской. И после длительного голода славяне [опять] насытились богатствами данов, растолстели, говорю я, разжирели, вширь раздались! От вернувшихся я слышал, что в Микилинбурге в рыночные дни насчитывалось пленных данов до 700 душ и все были выставлены на продажу, лишь бы только хватило покупателей⁴⁷.

Несчастье столь большого разорения было открыто некими предсказаниями. Ибо когда один священник в земле данской, называемой Альфзе⁴⁸, стоя перед святым алтарем, поднял чашу, собираясь вынуть частицу, вдруг ему явилось в чаше видение тела и крови. Когда он наконец пришел в себя от страха, то, не смея принять столь необычайное видение, он отправился к епископу и здесь представил чашу на обозрение собравшемуся духовенству. И когда многие стали говорить, что это сделано Господом для укрепления веры в народе, епископ, обладая более высоким разумом, возразил на это, что страшные бедствия угрожают церкви и что про-

лется много крови христианской. Ибо, когда проливается кровь мучеников, каждый раз Христа снова распинают на кресте. Его пророческие предсказания сбылись. Ибо едва прошло 14 дней, как славянское войско, неожиданно напав, заняло всю эту землю, разрушило церкви и забрало в плен много народа, а всех сопротивлявшихся перебило острием меча.

Долго бездействовал король данов, не обращая внимания на разорение своего народа. Ибо короли данские, ленивые и распущенные, всегда нетрезвые среди постоянных пиршеств, едва ли когда-нибудь ощущают удары поражений, обрушивающихся на страну. Наконец, как будто разбуженный от сна, король данский собрал войско и опустошил небольшую часть земли черезпенян. Сын же короля, от наложницы рожденный, по имени Христофор⁴⁹, с тысячью, как говорят, панцирников пришел в Ольденбург, который по-дански называется Бранденхуз, и они поразили его приморскую часть. Церковь же, в которой ревностно служил священник Бруно, не повредили, и также совсем не тронули владений пастыря⁵⁰. Когда же даны возвращались, славяне пошли за ними следом и свой ущерб возместили мстью, в девять раз большей.

Ибо Дания в большей части своей состоит из островов, которые окружены со всех сторон омывающим их морем, так что данам нелегко обезопасить себя от нападений морских разбойников, потому что здесь имеется много мысов, весьма удобных для устройства славянами себе убежищ. Выходя отсюда тайком, они нападают из своих засад на неосторожных, ибо славяне весьма искусны в устройстве тайных нападений. Поэтому вплоть до недавнего времени этот разбойничий обычай был так у них распространен, что, совершенно пренебрегая выгодами земледелия, они свои всегда готовые к бою руки направляли на морские вылазки, единственную свою надежду, и все свои богатства полагая в кораблях. Но они не затрудняют себя постройкой домов, предпочитая сплетать себе хижины из прутьев, побуждаемые к этому только необходимостью защитить себя от бурь и дождей. И когда бы ни раздался клич военной тревоги, они прячут в ямы все свое, уже раньше очищенное от мякины, зерно и золото, и серебро, и всякие драгоценности. Женщин же и детей укрывают в крепостях или по крайней мере в лесах, так что неприятелю ничего не остается на разграбление, — одни только шалаши, потерю которых они самым легким для себя полагают. Нападения данов они ни во что не ставят, напротив, даже считают удовольствием для себя вступать с ними в рукопашный бой. Они питают страх лишь перед герцогом, который подавил силу славянскую с большим успехом, чем все герцоги, до него бывшие, большим даже, чем упомянутый Оттон⁵¹, и надел узду на челюсти их и куда захочет, туда их и поворачивает. Прикажет он быть миру, и они повинуются; объявит войну, и они говорят: «Мы готовы».

14. ПРИМИРЕНИЕ КОРОЛЯ ДАНСКОГО С ГЕРЦОГОМ

Король данский, увидев бедствия своего народа, понял наконец, как хорошо жить в мире, и отправил послов к могущественному герцогу, прося его назначить

ему место на реке Эгдоре для дружественного собеседования. И герцог прибыл на 1171, условленное место в день рождения св. Иоанна Крестителя. И король данский 24 июня вышел ему навстречу и выразил свою готовность выполнить любое желание герцога. И признал за герцогом половину даней и заложников, которых дали ему раны, и равную долю казны из их святилища. И всему другому, что герцог счел нужным потребовать, король со смирением повиновался.

И опять возобновилась между ними дружба, и славянам было запрещено нападать в дальнейшем на данов. И опечалились лица славян из-за этого соглашения государей. И отправил герцог послов своих с послами короля в землю ран, и стали ему раны платить дань. И обратился король Дании к герцогу с просьбой, чтобы он дочь свою, вдову Фредерика, благородного князя роденбургского, отдал в жены сыну его, который был уже предназначен в короли. При вмешательстве великих государей герцог согласился и отправил дочь свою в Датское королевство⁵², и настала великая радость у всех северных народов, ибо в одно и то же время и веселье, и мир настали. И леденящее дыхание северного ветра превратилось в нежное дуновение южного, и прекратилось беспокойство со стороны моря, и затихли бури и непогоды. И воцарилось спокойствие на дороге, по которой переходят из Дании в славянскую землю, и ходили по ней женщины и дети, потому что все препятствия были устранены и не стало на дороге разбойников. Вся же земля славянская, начиная от Эгдоры, которая служит границей Дании и тянется на большом протяжении между Балтийским морем и Эльбой до Зверина, некогда страшная засадами и почти пустынная, теперь, благодаря Господу, вся обращена как бы в единую саксонскую колонию. И воздвигаются здесь города и селения, и увеличивается количество церквей, и [растет] число служителей Божьих. Прибислав же, оставив долголетние упорные восстания, понимая, что ему «трудно... идти против рожна»⁵³, успокоился, довольный размерами выделенной ему части⁵⁴, отстраивал города Микилинбург, Илово и Росток⁵⁵ и селил в их пределах славянские народы. И так как разбои славян беспокоили тевтонцев, которые жили в Зверине и его пределах, то правитель замка, Гунцелин, муж сильный и вассал герцога, приказал своим, чтобы если они обнаружат каких-нибудь славян, пробирающихся по глухим местам, и намерения тех не будут ясны, то чтобы, взяв их в плен, немедленно предавали их казни через повешение. И таким путем славяне были удержаны от грабежей и разбоев.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Книга первая

- ¹ Босау (Bosau, Buzu, Bozoe, Buzoe, Bozove). Основываясь на трех последних написаниях, некоторые историки считали, что славянское название этого поселка, лежавшего на Плуньском озере, было Божово (см. *Первоульф И. Германизация балтийских славян*. СПб., 1876. С. 122; *Boguslawski W. Dzieje Słowiańszczyzny północno-zachodniej do połowy XIII w.* Т. III. – Poznań, 1892. S. 324). В первоначальной редакции перевода – Бузу.
- ² Имеется в виду разрушение Ольденбургского епископства в результате восстания славян в 1066 г. Ольденбург – немецкое название древнего города племени вагров Старгарда. В первоначальной редакции перевода – Альденбург.
- ³ *Герольд* – священник, затем еп. ольденбургский (1154–1163). По его инициативе епископская кафедра была в 1163 г. перенесена из Ольденбурга в Любек (см. I, 89).
- ⁴ *Западный океан* – одно из названий, применявшихся в раннесредневековых хрониках для обозначения Северного моря.
- ⁵ Пояс по-латыни – *balteus*.
- ⁶ Под скифами Гельмольд, как и Адам Бременский, подразумевает восточных славян и народы Скандинавии.
- ⁷ В этом случае и далее при цитировании или пересказе Гельмольдом текста хроники Адама Бременского дается ссылка на изд. «*Magistri Adami Bremensis Gesta Hamtæburgensis ecclesiæ pontificum*». Ed. 3. Hannoveræ et Lipsiæ, 1917 (далее: Адам). Здесь – Адам, IV, 10.
- ⁸ *Даны* (dani) – датчане.
- ⁹ *Свеоны* (sueones, suedî) – шведы.
- ¹⁰ Этим термином Гельмольд, подобно Адаму, обычно называет норвежцев, изредка, как здесь, употребляя его по отношению ко всем скандинавским народам в целом (I, 3, 7).
- ¹¹ Адам, II, 19.
- ¹² *Полоны* (polani, poloni) – поляки.
- ¹³ *Прусы* (pruzi) – одно из литовских племен, истребленное в результате немецкой агрессии. Название его сохранилось в наименовании страны (Пруссия), некогда им заселенной.
- ¹⁴ «Из которых... богемцев» – перефразировка из Адама, II, 21, прим. 14. *Богемцы* (boemti) – чехи.
- ¹⁵ *Моравы* (moravi) – одно из чешских племен. *Каринтийцы* (karinthe) – Гельмольд имеет в виду словинцев-хорутан, которые в VIII в. подпали под власть франков. *Сорбы* (sorabi, surabi) – сербы-лужичане, обитавшие между р. Салой (приток р. Лабы) и Бобром (приток Одера).
- ¹⁶ *Славния / Славия* (Sclavania, Sclavia) – так Гельмольд вслед за Адамом называет всю страну, населенную прибалтийскими славянами, реже – какую-нибудь часть ее.
- ¹⁷ Адам, II, 21. Но у него речь идет о поляках, а не об уграх (венграх).
- ¹⁸ Датское «Острогард» означает: «Восточная страна».
- ¹⁹ Адам, IV, с. 120.
- ²⁰ Адам, II, 22. Хуэ (Chue), у Адама Chive – Киев.
- ²¹ *Русское море* (Rucenum mare) – трудно сказать, что подразумевал Гельмольд под этим названием. Учитывая его замечание, что оно представляет собой самый короткий путь в Грецию, можно допустить, что имеется в виду Ладожское озеро, по которому шел путь «из варяг в греки», но более вероятно, что Гельмольд называл так Балтийское море, подобно арабам, ко-

- торые именовали его «морем русов и славян» (Бируни, XI в.).
- ²² *Адальберт-Войцех* (ок. 957–997) – с 982 г. пражский епископ. Вынужденный покинуть родину, в 996 г. появился в Польше. Погиб в земле прусов, к которым был направлен польским королем Болеславом I Храбрым с целью христианизации их.
- ²³ Адам, IV, 18.
- ²⁴ Об этом вторжении венгров, имевшем место в 912–915 гг., Гельмольд, со слов Адама, рассказывает и далее (I, 8 и сл.).
- ²⁵ *Свебия* – Швебия, одна из областей современной Гельмольду Германской империи.
- ²⁶ *Британский океан* – Северное море.
- ²⁷ Пражское епископство было основано в 975 г.; Оломоуцкое – в 1063 г.
- ²⁸ Адам, IV, 13.
- ²⁹ В Польше были в это время Гнезненское архиепископство и семь епископств: Познанское, Краковское, Вроцлавское, Колобжежское, Плоцкое, Крушвицкое (Куявское) и Любушское.
- ³⁰ У Гельмольда – *duces*, что означает «герцоги». Гельмольд употребляет именно этот титул, применявшийся у него на родине по отношению к правителям отдельных частей Германии, как наиболее подходящий, очевидно, в его представлении для князей современной ему Польши.
- ³¹ *Виниты*, *винулы* (*winithi*, *winuli*) – разновидности термина «венды», употреблявшегося в раннесредневековых германских источниках для обозначения прибалтийских и полабских славян, на земли которых вели наступление немецкие феодалы; восходит к термину «венеды», под которым выступают раннеславянские племена у древних авторов.
- ³² «К обширнейшей... называются» – перефразировка из Адама, II, 21).
- ³³ *Поморяне* (*romerani*) жили по берегу Балтийского моря между низовьями Одры и Вислы. О расселении прибалтийско-славянских племен см. *Sułowski Z. Najstarsza granica zachodnia Polski // «Przegląd Zachodni», Poznań, 1952, № 3–4. S. 343–383.*
- ³⁴ «Первыми... до Одры» – перефразировка из Адама, II, сл. 14.
- ³⁵ Адам, II, 22. «в земле моравов» (*in saltu Marahogum*) – в ранних средневековых источниках моравы, мораване выступают под названием *marahi*, *maraha*, *merhani* (см. *Державин Н.С. Славяне в древности.* – [М., 1946]. С. 43).
- ³⁶ В первоначальной редакции – Альбия.
- ³⁷ Адам, II, 22. У него сначала речь идет об Одре, потом об Эльбе. *Вильцы* (*wilzi*) – см. о них I, 2, прим. 50.
- ³⁸ *Юмнета* (*Jumnet*) – искаженная форма датского названия *Jumpe*, приводимого Адамом для обозначения славянского города Волина, находившегося в юго-восточной части одноименного острова в устье Одры.
- ³⁹ Адам, II, 22.
- ⁴⁰ «Рассказывают... до основания» – перефразировка из Адама, II, сл. 56. Адам указывает имя короля: Магнус. Речь идет о разрушении им Волина в 1093 г. (см. *Dahlmann F. Geschichte von Dänemark.* – Hamburg, 1840. B. I. S. 86–88, 121–122).
- ⁴¹ Адам, II, 22.
- ⁴² *Герулы*, или *гаволяне* (*heruli*, *heveldi*) – название германского племени, встречающегося в источниках VI в. Цитируя Адама, Гельмольд добавляет это название от себя. Термин «гаволяне» как соответствие латинскому *heveldi* введен впервые в литературу П. Шафариком (из *Šafařík P. Slovanské starozitnosti.* – Praha, 1837. S. 833). Вторым названием этого племени было «стодоряне». Термин «стодоряне», как принято считать в литературе, являлся не только названием отдельного племени, но и общим названием для всей группы племен, живших на Гаволе (Гавель) и ее притоках Доше, Шпреве, Орде и др.
- ⁴³ *Дошане*, *любушане*, *стодоряне* (*doxani*, *leubuzi*, *stoderani*) – славянские племена, их названия введены Шафариком (*Šafařík. Op. cit. S. 833*). Как по-славянски называлось племя *вилинов* (*wilini*), определить трудно. Гильфердинг не решился предло-

жить славянское соответствие (см. Гильфердинг А. История балтийских славян. – СПб., 1874. С. 4, прим. 9); польский историк Богуславский считал, что под термином вилины следует иметь в виду волынян, жителей о-ва Волина (см. *Bogustawski W. Dziej. T. II. – Poznań, 1889. S. 43*).

⁴⁴ Адам, II, 21.

⁴⁵ Доленчане (*tholenzi*) – Шафарик (*Šafařík. Op. cit. S. 833*) передал этот термин славянским «доленцы», названием, которое утвердилось и в польской литературе (см. *Boguslawski. Op. cit. T. II. S. 43; Wachowski K. Słowiańszczyzna zachodnia. T. I. – Warszawa, 1903. S. 95*). Принятый в нашей литературе в соответствии латинскому термину «доленчане» введен Гильфердингом (указ. соч. С. 3). Жили они к югу от р. Пены, впадающей в Одру у самого ее устья, между ней и Доленским озером.

⁴⁶ Ратары (*redarii*) – название славянского племени, введено в литературу Шафариком (*Šafařík. Op. cit. S. 833*). Жили они к югу от р. Пены, южнее доленчан, между Доленским оз. и верховьями Гавелы и Доши.

⁴⁷ Адам, II, 21. Описание Петры и святилища Редегаста дает Титмар («*Thietmari Chronicon*», кн. VI, гл. 17).

⁴⁸ Черзепняне, хижане (*circipani, kycini*) – эти термины введены Шафариком (*Šafařík. Op. cit. S. 833*); один только Гильфердинг принял второй, предложенный Шафариком, вариант для хижан – «кышане», изменив его на «кичане» (см. Гильфердинг А. Указ. соч. С. 2). Черзепняне жили за р. Пенной, к северу от нее до Балтийского моря, хижане – к западу от них.

⁴⁹ Димин находится на р. Пене у впадения в нее Доленницы. Теперь – Деммин.

⁵⁰ Вильцы, лютичи (*wilzi, liutici*) – еще до Адама Бременского и Гельмольда оба эти термина употреблялись в источниках как общее название группы четырех племен: ратарей, доленчан, черзепнян и хижан. Кроме этих двух, в средневековых источниках встречается и третье название – «велеты». Обо всех этих терминах см. у Ша-

фарика (*Šafařík. Op. cit. S. 871–890*). Все три термина одинаково вошли в научный обиход. В нашей литературе отдается предпочтение названию «лютичи» (ср., например, Грацианский Н.П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. – М., 1943).

⁵¹ Глиняне – следуя Адаму, Гельмольд употребляет здесь термин *linguones*. Дальше, в главе 37, он называет это племя лины, или линоги (*lini, linoges*). Славянское название «глиняне» было введено П. Шафариком (*Op. cit. S. 833, 904* и др.). Жили они близ Лабы, имея соседями на севере варнов, на западе – полабов, на востоке – лютичей. Польский историк Богуславский считал *lini* и *linguones, linoges* двумя разными племенами, из которых одно проживало по левому, другое – по правому берегу Лабы (*Boguslawski. Op. cit. T. II. S. 38*).

⁵² Варны (*warnawi*) – жили на р. Варне, впадающей в Балтийское море. Толкование этого латинского термина как «варны» было введено А. Павинским («Полабские славяне», СПб., 1871. С. 20) и А. Гильфердингом (указ. соч. С. 2).

⁵³ Бодричи (*obotriti*) – племя, жившее по побережью Балтийского моря от р. Травны до р. Варны. Термин введен Шафариком (*Op. cit. S. 833*). У Адама – *obodriti*. В литературе привились оба термина. Бодричами называют этих славян Павинский, Гильфердинг, Первольф; термин «ободриты» утвердился в польской литературе; у нас предпочитал его Н.П. Грацианский. Гильфердинг употреблял для них еще название «рароги», основываясь на хронике Адама, приводящего термин *teregi* (II, 21; III, 20). Одновременно этот термин служил общим названием для группы племен, куда входили собственно ободриты-бодричи, вагры, глиняне, варны, полабы и др.

⁵⁴ Микилинбург (*Mikilinburg, Mikelenburg*) – существует предположение, что славянское название этого города было Мехлин (см. *Nalepa J. Pierwotne brzmienie nazw Meklemburga i Ratzeburga // «Przegląd Za-*

- chodni», 1953, № 9–10). До недавнего времени возле деревни Мекленбург (ФРГ) сохранились развалины крепостного вала.
- ⁵⁵ *Полабы* (polabi) – Шафарик называет их полабцами (*Safařík*. Op. cit. S. 833).
- ⁵⁶ Адам, II, 21. Ратцебург (Racisburg, Rasesburg) – возможно, что славянское название города было Ратибор или Рацёнж, как полагает J. Nalera (Op. cit.). В первоначальной редакции перевода – Рацисбург.
- ⁵⁷ *Травна* – р. Траве, впадает у Любека в Балтийское море.
- ⁵⁸ «Оттуда... вагров» – перефразировка из Адама, II, сх. 12. *Вагры* (wagiri) жили на крайнем северо-западе страны прибалтийских славян, от р. Травны до истоков р. Эгдоры и на о. Фембре.
- ⁵⁹ Адам, II, 21.
- ⁶⁰ *Вемере* – о. Фембре (Фемарн), находится напротив Ольденбурга (Старгарда).
- ⁶¹ Адам, IV, 18. *Раны, или руяны* (rapī, ruiānī rūnī), – населяли о. Ран (Руян) в Балтийском море. Теперь – о. Рюген.
- ⁶² Вслед за Адамом Гельмольд употребляет термин *гех*. Учитывая осторожное и обобщенное обращение хрониста с подобного рода терминами, мы перевели его не как князь или царь, как это иногда делается при переводе отрывков «Хроники», посвященных ранам, а как *король*, т. е. так, как переводится этот термин в случаях, когда он относится к германским государям.
- ⁶³ Адам, IV, 18.
- ⁶⁴ *Карл Великий*, король франков, потом император Запада (768–814).
- ⁶⁵ *Саксы, тюринги, франки* – германские племена.
- ⁶⁶ *Пипин Короткий*, король франков (741–768).
- ⁶⁷ Адам, I, 8.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ То есть в землю франков.
- ⁷⁰ Адам, I, 14.
- ⁷¹ Цитаты из Адама, I, 11. Заимствуя из разных глав Адама данные о войне франков с саксами, Гельмольд некритично объединяет факты, разные по хронологии. Война с саксами началась в 772 г., тянулась 32 года и окончилась в 804 г., т. е. действительно на 37-м году правления Карла, а восстание Видукинда, начавшееся в 782 г., было подавлено еще в 785 г.
- ⁷² Адам, I, 12.
- ⁷³ Адам, I, 10.
- ⁷⁴ «Будут... питания» – перефразировка из Адама, I, 12.
- ⁷⁵ Адам, I, 10.
- ⁷⁶ Адам, I, 11. В правление Карла в Саксонии были основаны епископства в Мюнстере (776), Падерборне (777), Миндене (780), Оснабрюкке (780), Вердене (786), Бремене (787), Хильдесгейме (806) и Хальберштадте (до 814 г.). См. *Giesebrecht W. Geschichte d. deutschen Kaiserzeit*. 2-e Aufl. Braunschweig, 1860, B. I, S. 117; *Schaumann A. Geschichte d. niedersächsischen Volks*. Göttingen, 1839. S. 341–346.
- ⁷⁷ *Фризы* – одно из германских племен.
- ⁷⁸ К этому времени верховную власть франков признали лютичи и некоторые серболоужицкие племена (гломаши, мильчане).
- ⁷⁹ *Нордальбинги* – племена саксов, жившие к северу от Лавы.
- ⁸⁰ Проект Карла о создании в Гамбурге архиепископства для христианизации соседних славянских племен относится к 810 г.
- ⁸¹ Адам, I, 14.
- ⁸² *Готфрид*, король датский (803–810).
- ⁸³ Адам, I, 14. Гемминг правил в 810–812 гг.; заключил мир с Карлом в 810 г. *Эгдора* – р. Эйдер, впадает в Северное море.
- ⁸⁴ *Константин Великий*, византийский император (324–337).
- ⁸⁵ То есть в Византии.
- ⁸⁶ *Ирина*, визант. императрица (797–802).
- ⁸⁷ Карл был коронован папой Львом III в Риме в 800 г.
- ⁸⁸ *Людвиг Благочестивый* (814–840).
- ⁸⁹ *Анскарий*, архиеп. гамбургский (831–865).
- ⁹⁰ Задуманное Карлом Великим архиепископство в Гамбурге было создано Людовиком в 831 г.
- ⁹¹ *Сергий II*, римск. папа в 844–847 гг.
- ⁹² Цитаты из Адама, I, 22. Разделы империи

- между сыновьями Людовика происходили несколько раз еще при жизни отца. Окончательный раздел был оформлен Верденским договором в 843 г. Вслед за Адамом Гельмольд допускает ошибку: в 843 г. империя была разделена уже не на четыре, а на три части; младший сын Людовика, Пипин, умер в 838 г., и его часть, Аквитания, была передана Карлу.
- ⁹³ Адам, I, 21. Датчане действительно опустошили Фризию в 836–837 гг. Об этом см. *Dahlmann F.* Op. cit. T. I. S. 42. О нападении на Колонию (Кельн) в других источниках сведений нет. Разрушение Гамбурга относится к 845 г.
- ⁹⁴ *Людовик II Немецкий* (839–876).
- ⁹⁵ Еп. бременский Людерих ум. в 847 (8?) г.
- ⁹⁶ Это объединение церквей состоялось в 848 или 849 г.
- ⁹⁷ Иоанн, 10, 16.
- ⁹⁸ Имеется в виду Гаральд I (826–852).
- ⁹⁹ *Рипа* – в то время один из важнейших городов Дании, расположенный на побережье Северного моря, напротив Шлезвиг-Гольштейна. Теперь – Рибе.
- ¹⁰⁰ *Бирка* – теперь г. Бьёркё.
- ¹⁰¹ Вероятно, у Эрика Дитяти, умершего несколькими годами позже Анскария, т. е. после 865 г.
- ¹⁰² «Тех именно... Димиана» – в этой фразе названия племен и географические названия взяты из Адама, II, 21.
- ¹⁰³ Адам, II, 21.
- ¹⁰⁴ Правильнее *Римберт*, архиеп. гамбургский (865–888). См. *Hauck A.* Kirchengeschichte Deutschlands. 8-e Aufl. Berlin–Leipzig, 1954. B. III. S. 654.
- ¹⁰⁵ *Унни* – архиеп. гамбургский (919–936).
- ¹⁰⁶ *Корвейский монастырь* был основан в 622 г. в Амьене. В 822 г., при Людовике Благочестивом (а не Людовике II, т. е. Немецком, как ошибочно указывает Гельмольд), монахи – выходцы из этого монастыря – открыли Новую Корвею, обитель на р. Везер в Саксонии. Сюда были якобы перенесены из Франции мощи св. Вита. Об основании Новой Корвеи рассказывает Титмар (кн. VII, гл. 13).
- ¹⁰⁷ Гельмольд смешивает здесь культ христианского св. Вита и языческого божества Святовита, которому поклонялись ранги, и другие прибалтийские славяне. Культ Святовита возник, разумеется, задолго до появления в Саксонии Ново-Корвейского монастыря с мощами св. Вита.
- ¹⁰⁸ Империи Карла Великого.
- ¹⁰⁹ Людовика Благочестивого.
- ¹¹⁰ У Гельмольда – *regulus*. Так он называет иногда славянских князей (и тогда этот термин переводится как «князь»). Здесь хронист применил термин «*regulus*» к сыновьям Людовика, который носил титул короля (*rex*); владельцы же отдельных частей его империи были в глазах Гельмольда *reguli* – «короли», так сказать, низшего ранга – «корольки».
- ¹¹¹ *Лигер* – р. Луара. *Секвана* – р. Сена.
- ¹¹² Адам, I, 28. Фульдские анналы, из которых Адам, а через него и Гельмольд заимствовали рассказ об этих событиях, датируют их 845 г. Однако об осаде Парижа в них ничего не сообщается. Карл – имеется в виду Карл Лысый, сын Людовика Благочестивого, король франков (843–877).
- ¹¹³ Адам, I, 28. Опустошение Лотарингии датируется 850 г.
- ¹¹⁴ Адам, I, 38. *Сусы* (*susi*) – одно из сербо-лужицких племен, живших у впадения Салы в Лабу. Шафарик называл их суслями и сусельцами (*Šafarik*. Op. cit. S. 833, 913). Посл. термин утвердился в литературе.
- ¹¹⁵ *Бруно* – герцог саксонский (866–880).
- ¹¹⁶ *Теодорик* – еп. минденский, погиб в 880 г.; *Марквард* – еп. хильдесхаймский (874–880).
- ¹¹⁷ *Траектум* – г. Маастрихт (Нидерланды).
- ¹¹⁸ *Тревер* – г. Трир.
- ¹¹⁹ *Аквисграна* – г. Аахен (ФРГ).
- ¹²⁰ *Могонтия* – г. Майнц (ФРГ).
- ¹²¹ Адам, I, 38.
- ¹²² *Моза* – р. Маас, приток Рейна.
- ¹²³ Адам, I, 38.
- ¹²⁴ Адам, I, 40. Карлу III Толстому, сыну Людовика Немецкого, пришлось продолжать начавшуюся еще до его коронации в 880 г.

войну с Данией. Бесславный исход войны послужил причиной низложения Карла в 887 г. на сейме в Требуре (ФРГ). Арнульф (887–899) – сын Карломана. Закончил войну с датчанами в 891 г., разбив их в битве под Лувеном (Бельгия).

¹²⁵ Адам, I, 47.

¹²⁶ *Адальгар* – архиеп. гамбургский (889–909).

¹²⁷ *Гогер* был архиепископом в 909–915/7 гг., *Рейнвард*, по-видимому, в 917–918 гг.

¹²⁸ Адам, I, 52. *Людвиг Дитя* – последний представитель династии Каролингов, он правил в 900–911 гг.

¹²⁹ «Низложенный... франков» – перефразировка из Адама, I, 52. Цитируя Адама, Гельмольд в его запись «anno Domini Hogeri Secundo Ludvicus Puer depositus» (т. е. «на втором году правления архиеп. Гогера Людовик Дитя умер») внес от себя «тегно», чем придал совершенно другой смысл сказанному у Адама. В переводе сохранен текст Гельмольда. *Конрад* (911–918) – представитель Франконской династии на германском престоле.

¹³⁰ Имеется в виду нашествие в 912–915 гг.

¹³¹ Адам, I, 55.

¹³² «Тогда... до наших дней» – перефразировка из Адама, I, 53.

¹³³ То есть живущих по ту сторону Лабы, к югу от нее, в то время как нордальбинги жили к северу.

¹³⁴ Игра слов. Имя правившего в это время датского короля было Горм, что соответствовало немецкому слову Worm (Wurm) и означало «червь». Речь идет о короле Горме II Старом (899–936).

¹³⁵ *Генрих I Птицелов*, первый представитель Саксонской династии на герм. престоле (919–936). Положил начало наступлению немецких феодалов на славян. Решительное поражение уграм было нанесено Генрихом I в битве 15 марта 933 г. Об этом см. *Giesebrecht W. Op. cit. T. 1. S. 230–233.*

¹³⁶ Имеется в виду битва под Ленчиным в земле глинян 4 сентября 929 г. Гельмольд повторяет ошибочное утверждение Адама об участии в этой битве чехов и сер-

бов. Участвовали в ней и понесли поражение лютитчи. Битва подробно описана Видукиндом («Widukindi Reruni Gestarum Saxonicarum libri tres», I, 36). Поход против чехов Генрих I совершил в этом же году и принудил их платить ему дань. Согласно Видукинду (I, 35), сербы, точнее, одно только их племя, гломаши, подверглись нападению еще в 928 г., в результате которого Генрих завладел их городом Ганой. В том же году Генрих, по рассказу Видукинда, напал на гаволян и взял их город Бреннабург. См. *Giesebrecht W. Op. cit. T. 1. S. 228–229; Павинский А. Указ. соч. С. 69–70; Грацианский Н. Указ. соч. С. 10; Tymieniecki K. Dzieje Niemiec do poczatku ery nowozytniej. – Poznań, 1948. S. 178.*

¹³⁷ *Хедебю* (Heidebo, Heidibo) – датское название города, находившегося на месте Шлезвига (в первоначальной ред. пер. – Гейдебо). Генрих I совершил два похода против датчан: первый в 931 г., второй в 934 г., закончившийся установлением новой границы.

¹³⁸ Правитель марки, военно-пограничного района. Такие марки, создававшиеся со времен Карла Великого на границах империи, служили плацдармами для подчинения соседних славянских племен.

¹³⁹ «[Тогда и] даны... саксами» – вольная передача текста из Адама, I, 55–57.

¹⁴⁰ Потом король Харальд I Синезубый.

¹⁴¹ «Тогда святейший... ненависть» – перефразировка текста из Адама, I, 58–59.

¹⁴² Адам, I, 59.

¹⁴³ Очевидно, Римберт, которого архиепископ Анскарий (см. гл. 4, прим. 89) поставил в 859 г. епископом в Швеции. См. об этом *Dahlmann F. Op. cit., I, 48.* См. о нем еще гл. 6, прим. 104.

¹⁴⁴ Адам, I, 60. *Готами* Гельмольд вслед за Адамом называет скандинавские народы. Если здесь речь идет о шведах, то ниже – о норвежцах. У Адама имеются опущенный Гельмольдом текст: «Sueones et Gothi vel si ita melius dicuntur, Nortmanni» – «свеоны и готы, или, лучше сказать, нортманны»

- (Адам, I, 61). А нортманнами Адам называет чаще всего норвежцев.
- ¹⁴⁵ Сембы (sembi) – имеется в виду племя, населявшее одну из прусских земель, Самбию (на территории нынешней Калининградской обл.). См. о них *Паушто В.Т.* Помезания. – М., 1955. С. 12, 21.
- ¹⁴⁶ «Его омывает... Христова» – вольная передача текста из Адама, I, 60–62.
- ¹⁴⁷ Адельдаг – архиеп. гамбургский (936–988).
- ¹⁴⁸ Оттон I Великий (936–973), с 962 г. германский император.
- ¹⁴⁹ Братья Оттона, Танкмар (побочный сын Генриха I) и Генрих, предъявили каждый свои претензии, на престол. Первый был убит в 938 г., со вторым Оттон примирился в 941 г.
- ¹⁵⁰ Харальд I Синезубый.
- ¹⁵¹ «Король же... находилась» – перефразировка из Адама, II, 3.
- ¹⁵² «Король Оттон... у Шлезвига» – перефразировка текста из Адама, II, 3.
- ¹⁵³ Очевидно, имеется в виду Каттегат.
- ¹⁵⁴ Война Оттона I с Данией завершилась, видимо, около 948 г.
- ¹⁵⁵ Адам, II, 3. Жenu датского короля Харальда I знали Гунхильда. *Свен Оттон* – будущий король датский Свен I Виллобородый (986–987).
- ¹⁵⁶ Адам, II, 3. В 948 г. были организованы 3 епископства: в Шлезвиге, Рипе и Орхусе.
- ¹⁵⁷ Адам, II, 4.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ «Доблестный король... славян» – перефразировка из Адама, II, 5.
- ¹⁶⁰ Речь идет о восстании лужицких сербов, бодричей и гаволян. Поводом к нему послужила вероломная расправа маркграфа Геро со славянской знатью. Восстание было подавлено в 939 г. Подробно о нем пишет Видукин (II, 21). См. *Павинский А.* Указ. соч. С. 75–77; *Грацианский Н.* Указ. соч. С. 11–12.
- ¹⁶¹ Адам, II, 5.
- ¹⁶² Адам, II, 8.
- ¹⁶³ Адам, II, 8. *Герман Биллунг* – саксонский герцог (961–973), он и все его преемники проводили экспансионистскую политику по отношению к славянам.
- ¹⁶⁴ Термин «манс» в средневековых памятниках обычно обозначал земельный надел крестьянина, или участок земли, находящийся в личном владении феодала (барская запашка). Иногда им обозначалась мера земли.
- ¹⁶⁵ Гельмольд, следуя Адаму, допускает здесь неточности. Придя в 961 г. в Италию, Оттон был коронован в 962 г. папой Иоанном XII Октавианом (956–964). После ухода императора из Рима папа резко изменил свою политику по отношению к нему. В 963 г. Оттон вернулся, созвал собор, о котором сообщают Адам и Гельмольд, добился низложения Иоанна XII и папой поставил вместо него протуса (начальника папской канцелярии) Льва (Лев VIII, 963–964). См. об этом *Giesebrecht W.* Op. cit., I, 454–468; *Tymieniecki K.* Op. cit. S. 192–199. Передвигая дату коронации Оттона с 962 на 963 г., Адам и Гельмольд утверждают, что коронация имела место на 28-м году правления Оттона (на самом деле на 27-м) и что со времени коронации Карла Великого в 800 г. прошло 153 года (Адам ошибся: надо было сказать – 163 года, Гельмольд повторил его ошибку).
- ¹⁶⁶ Издатель Адама, Шмейдлер, считает, что Оттон II, сын императора, не был в тот раз в Риме; впервые он побывал там в 967 г. во время третьего похода Оттона I в Италию (см. Адам. С. 68, прим. 5).
- ¹⁶⁷ Сыновей Беренгара II, захватившего итальянский престол в 950 г. На помощь в борьбе с ним призвала Оттона I вдовствующая королева Италии, Адelaide. Уже в первый поход в Италию Оттона в 951 г. ему удалось захватить верховную власть над Италией, что было скреплено женитьбой Оттона на Адelaide. Успехи Оттона, последовавшая затем его коронация дали Беренгару союзника в лице папы Иоанна XII. Только после низложения папы Оттону удалось окончательно расправиться с Беренгаром (963) и ликвидиро-

- вать еще продолжавшееся сопротивление его сыновей. О борьбе итальянских феодалов за престол и участии в ней Оттона I см. *Damberger J.F. Synchronistische Geschichte der Kirche und der Welt im Mittelalter*, B. IV. Regensburg, 1852. S. 803–825, 886–948; *Tymieniecki K.* Op. cit. S. 190–191, 194–199.
- ¹⁶⁸ Адам, II, 9–10.
- ¹⁶⁹ Магдебург был основан задолго до Оттона I (известен с 805 г.). Здесь речь может идти только об основании в Магдебурге в 968 г. архиепископства для христианизации соседних славянских народов.
- ¹⁷⁰ *Адальберт* – архиеп. магдебургский в 968–981 гг.
- ¹⁷¹ Адам, II, 15. Адам делает ошибку, а Гельмольд повторяет ее: не на 35-м году правления Оттона, а на 33-м, так как Оттон вступил на престол в 936 г.
- ¹⁷² Епископства в Мерзбурге, Цейсе и Мейсене (земля лужицких сербов) были основаны в 968 г. Епископства в Бранденбурге (в земле гаволян) и в Гавельберге (в земле стодорян) основаны: первое в 948 г., второе в 946 г. *Сала* – приток Лабы. Славянское название Бранденбурга было Бренна (см. *Nalepa J. Brenna, pierwotna nazwa Brandenburgii* // «Przegląd Zachodni». Poznań, 1952, № 7–8), Гавельбурга – Гаволин.
- ¹⁷³ Адам, II, 16. По мнению Шмейдлера, епископство в Ольденбурге (в земле вагров) основано, по-видимому, в 948 г. (см. Адам. С. 72, прим. 1), но, возможно, и раньше, в 946 г., как считает К.Тыменецкий (*Tymieniecki K.* Op. cit., 188).
- ¹⁷⁴ Марк как епископ ольденбургский, и притом первый, отмечается лишь Гельмольдом. Адам указывает на него только как на епископа в Дании (II, 26), что между прочим, известно и Гельмольду. Шмейдлер высказал предположение, что до подчинения Магдебургу Ольденбургское епископство подчинялось архиепископству Майнцскому и что в это именно время Марк и был епископом ольденбургским и посвящен был Майнцем.
- ¹⁷⁵ Теперь – *Шлей*, узкая бухта Балтийского моря, подобная реке, как ее иногда и называют (см. *Павинский А.* Указ. соч. С. 1; *Boguslawski W.* Op. cit., II, 2, 15).
- ¹⁷⁶ Священной Римской империи германской нации, как стала именоваться Германская империя после коронации Оттона I.
- ¹⁷⁷ *Лютилинбург* – г. Лютьенбург в земле Шлезвиг-Гольштейн (ФРГ).
- ¹⁷⁸ *Эквард* (Эгвард), согласно Адаму (II, 16), был первым еп. ольденбургским после подчинения епископства Магдебургу. Поставлен в 968 г., умер в 973 г. См. *Breslau H. Zur Chronologie und Geschichte der ältesten Bischöfe von Brandenburg, Havelburg und Aldenburg* // «Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte». B. I. – Leipzig, 1888. S. 402, 407.
- ¹⁷⁹ У Гельмольда – *regulus*. Так иногда он называет славянских князей, в большинстве случаев употребляя обычное *princeps*. Не считая удачным переводом словом «король», как, вероятно, следовало бы, мы передаем его словом *князь*, оговаривая это в каждом отдельном случае.
- ¹⁸⁰ Единственное описание славянского плуга как участка земли, имеющееся в средневековых источниках. См. также I, 14 и 87.
- ¹⁸¹ Второе послание к коринфянам 5, 17.
- ¹⁸² *Оттон II* (973–983).
- ¹⁸³ Король Франции *Лотарь* (954–986) и его брат Карл, претендент на престол после смерти Лотаря, соперник Гуго Капета, избранного в 987 г. Борьба Оттона II с ним из-за Лотарингии относится к 976–980 гг.
- ¹⁸⁴ В 976 г. сарацины (арабы) вторглись в Южную Италию, принадлежавшую Византии. Оттон II вмешался в войну, стремясь присвоить Южную Италию себе. Потерпел поражение 13 июля 982 г.
- ¹⁸⁵ *Оттон III* (983–1002).
- ¹⁸⁶ Адам, II, 24. Бенно – *Бернард I*, герцог саксонский (973–1011).
- ¹⁸⁷ Правильнее: *Вего* – еп. ольденбургский (973–ок. 983). См. *Breslau H.* Op. cit. 402, 407.
- ¹⁸⁸ Шафарик высказал предположение, что настоящее имя этого князя было Мстивой, а Биллугом он был назван при кре-

щении, в честь герцога саксонского Биллунга (*Šafařik*. Op. cit., 856). Мнение это нашло поддержку у Гильфердинга (Op. cit., 388) и других (ср., например, *Boguslawski W.* Op. cit., II, 325). Очевидно, это одно и то же лицо с князем бодричей, упоминаемым у Видукинда (III, 68) под 966 г., как считали Богуславский (Op. cit., II, 323) и Ваховский (Op. cit., 140). Видукинд называет его *subregulus*, а Адам Бременский и Гельмольд – *regulus*. Можно думать, что ко времени, о котором рассказывает хроника Гельмольда, Мстивой занял положение более высокое, чем рядовой *princeps*; быть может, он возглавлял бодрицкий союз. О Биллуге, его браке, его дочери Годике и т. д. см. любопытные, но спорные соображения: *Marquart J.* Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903. S. 318–321.

¹⁸⁹ *Мечислав*, *Мстислав* – см. о нем I, 16, прим. 229.

¹⁹⁰ Выражение Гельмольда – «в городах, имеющих в земле бодричей, деревни» – обратило на себя внимание еще Гильфердинга. Для него оно являлось свидетельством дробления этой земли на жупы с городами как их центрами (указ. соч., с. 105). Под жупами же он подразумевал союзы деревень и отождествлял жупу с русской вервью (там же, с. 100). Надо думать, Гильфердинг был до известной степени прав. Очевидно, в это время бодричи жили сельскими территориальными общинами, в состав которых входили города (грады, гроды) – укрепленные пункты с прилегающими к ним деревнями.

¹⁹¹ *Колоны* – феодально зависимые крестьяне.

¹⁹² В подлиннике: «villa publico».

¹⁹³ Потом Гниссау. Богуславский предполагал, что в названии деревни Гельмольд пропустил начальное «г» и что по-настоящему оно звучало Гнезенна (*Boguslawski W.* Op. cit., III, 324).

¹⁹⁴ *Ойльберг* – далее Гельмольд называет эту гору Альберг (I, 49). О Зигеберге см. далее (I, 53).

¹⁹⁵ *Эзико* стал епископом ок. 983 г., † до 988 г. См. *Breslau H.* Op. cit., 402–403, 407.

¹⁹⁶ «Эквард... веры» – перефразировка из Адама, II, 26.

¹⁹⁷ Адам, II, 26.

¹⁹⁸ Адам Бременский († ок. 1085), автор труда «Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum», продолженного Гельмольдом.

¹⁹⁹ Адам, II, 26.

²⁰⁰ Адам, II, прим. 24. В этом отрывке много неточностей. *Болеслав I Храбрый* (992–1025) действительно в 1002 г. обложил данью лужичан и милян, точнее, овладел их землями, но в союзе с Оттоном III, а уже после смерти последнего. По Будишинскому миру, заключенному с Генрихом II в 1008 г., Лужицы и Мильско вошли в состав Польского государства. Ни Руси, ни, вероятно, прусских земель польский король данью не обложил. Против первой Болеслав совершил два похода, в 1013 и в 1018 гг., единственными последствием их для Польши явился захват Червенских городов. В землю прусов Болеславом была направлена миссия с епископом Адальбертом (I, прим. 19) во главе для проповеди там христианства. Однако миссия эта, преследовавшая, конечно, и политические цели, успеха не имела.

²⁰¹ Адам, II, 26–27. *Мечислав* (или *Мстислав*) – сын Мстивоя Биллуга, упоминаемый выше. *Након* – возможно, князь Након, встречающийся у Видукинда (III, 50) в рассказе о войне лютичей с саксами в 955 г. (см. *Гильфердинг А.* Указ. соч. С. 370; *Wachowski K.* Op. cit. S. 139), или Након, князь славян, живущий на крайнем западе, известный Ибрагиму ибн Якубу («Relacja Ibraihima ibn Jakuba». Wyd. T. Kowalski. – Kraków, 1946. S. 48). Об этом писал А. Куник и В. Розен («Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах», ч. I, прил. к т. 32 «Записки АН», № 2, СПб., 1878). Зедерих не встречается ни в одном источнике. Марквард выдвинул в свое время малопримлемую гипотезу о скандинавском происхождении и имени и самого

- князя (*Marquart J. Op. cit. S. 322–329*). Судя по словам Гельмольда, как и Адама, у которого он заимствовал это сообщение, все три указанных князя правили в одно время. Поскольку этот отрывок датирован 968–988 гг., очевидно, и правление указанных князей относится к этому периоду.
- ²⁰² *Свен I* (986–987).
- ²⁰³ «Нарушилось... слабого силами» – перефразировка отрывка из Адама, II, 27.
- ²⁰⁴ «Установил... пользуются» – перефразировка из Адама, II, 28.
- ²⁰⁵ «Подстрекаемые теми... сына» – перефразировка отрывка из Адама, II, 27.
- ²⁰⁶ «В этом столкновении... Юмнета» – развернутый пересказ отсюда же.
- ²⁰⁷ Адам, II, 28.
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ Северное море.
- ²¹⁰ *Гателен* – Гадельн, территория между Везером и Лабой (ФРГ).
- ²¹¹ Имеется в виду р. Лаба. *Стадия* – теперь г. Штаде в устье Лабы (ФРГ).
- ²¹² Этот совместный поход датчан и шведов (об участии шведов говорит Адам, II, 31) и битва в Стадии имели место в 994 г.
- ²¹³ *Виррага* – р. Везер. *Лестмона* – теперь г. Лазум (ФРГ). *Глиндесмор* – болотистая равнина возле г. Люнебурга.
- ²¹⁴ «Опустили всю... славу» – пересказ из Адама, II, 31–32.
- ²¹⁵ Адам, II, 42. Оттон III умер в 1002 г.
- ²¹⁶ *Генрих II Святой* (1002–1024) основал Бамбергское епископство в 1007 г.
- ²¹⁷ *Бернард II*, герцог саксонский (1011–1059).
- ²¹⁸ Восстание саксонских феодалов против императора началось в 1018 г. и продолжалось до начала 1020 г.
- ²¹⁹ «Ибо с того самого времени... к язычеству» – пересказ отрывка из Адама, II, 48.
- ²²⁰ Адам, II, прим. 28.
- ²²¹ Там же, 42.
- ²²² «Мстивой просил... собаке» – пересказ из Адама, II, прим. 27.
- ²²³ Цитаты из Адама, II, 42, 43.
- ²²⁴ Там же, 43. У Адама этот рассказ ведется от имени датского короля.
- ²²⁵ Там же, 44. Внутри этого текста приведена цитата из Послания к римлянам, 9, 18.
- ²²⁶ *Либенций Старый* – архиеп. гамбургский (988–1013).
- ²²⁷ Адам, II, 45.
- ²²⁸ Там же, прим. 31.
- ²²⁹ Там же, прим. 30. Эта глава, как видно из настоящих примечаний, представляет собой компиляцию из нескольких глав Адама. Переделывая оригинал, соединяя отрывки из разных глав, хронист в общем сохраняет содержание Адама, внося лишь одно изменение от себя: небольшое примечание Адама, в котором тот в весьма сжатой форме передает версию о предполагавшемся браке славянского князя с племянницей саксонского герцога, Гельмольд развертывает в целый рассказ, причем претендентом на руку этой племянницы делает не сына Мстивоя, как у Адама, а самого Мстивоя.
- В литературе существует вполне обоснованное предположение, что Адам, а вслед за ним и Гельмольд, объединили события, относящиеся к разным временам: всеобщее восстание прибалтийских славян в 983 г., т. е. при императоре Оттоне II и герцоге саксонском Бернарде I, и восстание в 1018 г. при императоре Генрихе II и герцоге Бернарде II. Такого мнения придерживались Богуславский (*Boguslawski W. Op. cit., III, 325–327*), Маркварт (*Marquart J. Op. cit., 312–315*), Ваховский (*Wachowski A. Op. cit., 141*), Шмейдлер (Адам, С. 102, прим. 3) и Гильфердинг (указ. соч. С. 388–393, 412–414). Путаница, внесенная хронистами, затруднила раскрытие упоминаемых имен.
- До сих пор нет единого мнения о князе Мстивое. Все сходятся только на том, что под одним именем скрываются два разных князя. Один, вождь восстания 983 г., это – Мстивой Биллуг (I, 13, прим. 188). Так считали Гильфердинг (указ. соч. С. 388) и Маркварт, причём последний отождествлял этого первого Мстивоя с тем Mistui, Mistuwoi, который упоминает-

ся у Титмара в кн. III, гл. 17 и 18, где речь идет о восстании 983 г., и в кн. IV, гл. 2, повествующей о появлении бодрицкого князя в числе других при дворе герцога в 984 г. (См. *Marquart J. Op. cit.* 314–315). Это мнение поддержал Шмейдлер (см. Адам. С. 102, прим. 4). Богуславский же полагал, что этот Мстивой был сыном Мстивоя Биллуга, братом Мечислава (*Boguslawski W. Op. cit.*, III, 325). Что касается второго князя, выступающего под именем Мстивоя у Адама и Гельмольда, то Богуславский отождествлял его с Мстиславом (*Mistizlavus*), встречающимся у Титмара в кн. VIII, гл. 4, описывающей выступление лютичей против этого князя, отказавшего им в поддержке во время похода Оттона II в союзе с ними на Польшу (*Ibid.*, III, 441). Такое же мнение высказал и Маркварт (*Op. cit.*, 315–316 и 329), дополнив его предположением, что этот Мстивой, или Мстислав, одно и то же лицо, что и Мечислав (*Missizla*), сын Мстивоя Биллуга (см. I, 13, прим. 189 и I, 15, прим. 202). Гильфердинг считал этого второго князя не сыном Биллуга, а его внуком, сыном Мечислава (указ. соч. С. 412). Неясно, кто скрывается под именем князя Мечидрага (*Mizzidrag*). Одни связывали его имя с восстанием 983 г. и видели в нем или Мечислава, сына Мстивоя Биллуга (*Boguslawski W. Op. cit.*, III, 325) или современного Биллугу князя вагров (*Marquart J. Op. cit.*, 314–315). Другие считали его участником восстания 1018 г. князем вагров, современником внука Биллуга (*Гильфердинг А. Указ. соч.* С. 412). Нет единого мнения в литературе и относительно упоминаемого неоднократно в главе маркграфа Теодориха. Одни считают, что на протяжении всей главы речь идет о Теодорихе, маркграфе Северной (затем Старой) марки, преемнике Герона, в 983 г. отстраненном от должности. Так думали Павинский (указ. соч. С. 104), Гильфердинг (указ. соч. С. 392). Другие полагают, что в начале главы действи-

тельно упоминается этот маркграф Теодорих, умерший, по свидетельству Кведлинбургских анналов, в 985 г., а в конце главы – другой маркграф неизвестной марки, быть может, сын первого. Так думал Шмейдлер (см. Адам, с. 102, прим. 10–11; с. 104, прим. 1).

²³⁰ *Фольквард* – еп. ольденбургский (после 988, † ок. 992). См. *Breslau H. Op. cit.* S. 403–404, 407. Регинберт стал епископом около 992 г., † в 1013 или 1014 г. (*Ibid.* S. 404, 407).

²³¹ «Когда в Ольденбурге... в Бремен» – пересказ из Адама, II, 46.

²³² Либенций Старый.

²³³ *Унван* – архиеп. гамбургский (1013–1029).

²³⁴ Адам, II, 47.

²³⁵ См. I, 16, прим. 4. Развалины замка Скальцисбурга (Шальксбург, в ФРГ) существовали еще до недавнего времени.

²³⁶ Адам, II, 48–49. Бенно († 1023) был поставлен в ольденбургские епископы в 1014 г.

²³⁷ *Деричево, Морице, Куцин* (*Derithsewe, Morize, Suzin*) – города Дассау, Мурица, Кютцин.

²³⁸ *Вербен* – город в ФРГ. Сейм состоялся в 1005 г.

²³⁹ *Бернвард* – еп. хильдесхаймский (993–1022).

²⁴⁰ *Мейнхер* был поставлен епископом в Ольденбурге в период между 1029 и 1032 гг., когда архиепископство Гамбургское занимал Либентий II, посвятивший его в епископы, по свидетельству Адама (II, 64). Ум. до 1035 г. См. *Breslau H. Op. cit.* S. 406, 407.

²⁴¹ *Абелин* был поставлен епископом в период между 1035 и 1045 г., когда Гамбургским архиепископством ведал Алебранд († 1049). См. *Breslau H. Op. cit.* S. 406–407.

²⁴² Адам, II, 66.

²⁴³ *Конрад II* (1024–1039), император.

²⁴⁴ Гельмольд опустил здесь сказанное у Адама об Уто – «сын Мстивоя», – но далее (I, 20), говоря о Готшалке, сыне Уто, вспоминает деда его, Мстивоя. Сыном какого Мстивоя был Уто, трудно сказать. Ваховский считал, что Уто был сыном Мстивоя Биллуга (*Wachowski A. Op. cit.* S. 142), Шмейдлер (Адам, с. 126, прим. 1) имеет в

- виду того Мстивоя, который под именем Мстислава известен Титмару (VIII, 4). Два первых князя были, очевидно, подобно Уто, племенными князьями бодрецкого объединения.
- ²⁴⁵ *Готшалк* – потом глава созданного им Бодрецкого государства (1031–1066). См. о нем *Грацианский Н.П.* Указ. соч. С. 17–20; *Королюк В.Д.* Государство Готшалка // *Славянский сборник*. – М., 1947. С. 336–355), Люнебург (Lueneburg, Luneburg) – город в ФРГ.
- ²⁴⁶ «Князьями... к народу винитов» – пересказ отрывка из Адама, II, 66.
- ²⁴⁷ Описанные события происходили в период 1029–1032 гг. *Эзего* (Echeho) – крепость Ессефельд на р. Стыри (Штер), впадающей в Лабу у самого ее устья. Теперь – Итцегоз в ФРГ. Крепость *Бокельдебург*, или Бекельнбург, находилась в земле дитмаршей (см. «Helmoldi Chronica Slavonum»). – Hannoverae, 1868. S. 45, Anm. 2).
- ²⁴⁸ *Кнут II Великий*, король Дании, Норвегии и Англии (1018–1035).
- ²⁴⁹ «Через несколько дней... у него» – измененный отрывок из Адама, II, 66.
- ²⁵⁰ Готшалк женился на Зигрид, дочери племянника Кнута II, короля Свена Эстритсона (1047–1076).
- ²⁵¹ После 1044 г., как полагает Н.П. Грацианский (указ. соч. С. 18). О событиях, происходивших в бодрецкой земле во время отсутствия Готшалка, см. *Грацианский Н.П.* Указ. соч. С. 17–18; *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 344.
- ²⁵² «И во все края... [христианства]» – вольная передача отрывка из Адама, III, 21.
- ²⁵³ Адам, III, 20.
- ²⁵⁴ Там же.
- ²⁵⁵ Там же, 19.
- ²⁵⁶ Леонтия, или Ленчин (см. I, 22).
- ²⁵⁷ *Магнополь* (Magnopolis) – латинское название Микилинбурга. См. I, 2, прим. 24.
- ²⁵⁸ Адам, III, 20.
- ²⁵⁹ *Кнут III* – датский король (1035–1042).
- ²⁶⁰ Война между племенами, входившими в объединение лютичей, происходила в 1057 г. и закончилась отпадением черепенян и хижан от союза.
- ²⁶¹ «В те дни... не вспомнили» – пересказ из Адама, III, 22. Гельмольд внес изменения: по Адаму, ратари и доленчане содержали войска своих союзников в течение 7 недель, у Гельмольда – 6, по Адаму, мир был куплен за 15 тысяч талантов, у Гельмольда таланты заменены марками.
- ²⁶² Ольденбургское епископство распалось на епископства Микилинбургское, Рацесбургское и Ольденбургское.
- ²⁶³ *Адалберт*, архиеп. гамбургский (1043–1072).
- ²⁶⁴ *Генрих III* (1039–1056).
- ²⁶⁵ *Лев IX* – римский папа в 1049–1054 гг.
- ²⁶⁶ «Из них... Микилинбург» – перефразировка из Адама, III, 21. *Эзо* был епископом ольденбургским в 1049–1082 гг., *Иоанн* – микилинбургским в 1052–1066.
- ²⁶⁷ Адам, III, прим. 80.
- ²⁶⁸ Походы Генриха III против славян относятся к 1045, 1055 и 1056 гг. См. *Грацианский Н.П.* Указ. соч. С. 19–20.
- ²⁶⁹ *Генрих IV* (1056–1106).
- ²⁷⁰ О борьбе феодалов в начале правления Генриха IV см. *Tumieniecki K.* Op. cit., 334, 342.
- ²⁷¹ «Немного времени... Гереман» – перефразировка из Адама, III, 43. Ордульф был герцогом саксонским в 1059–1072 гг. О брате его, графе Геремане (Германе), см. Адам, III, 43–45.
- ²⁷² Князь Готшалк был убит в 1066 г. Со смерти герцога саксонского, Бернарда II, прошло не 5, как указывает Гельмольд, а 7 лет.
- ²⁷³ Бытие, 15, 16.
- ²⁷⁴ Псалтирь, 101, 14.
- ²⁷⁵ Перефразировка из Первого послания к коринфянам, 11, 19.
- ²⁷⁶ *Маккавей* – библейский персонаж. По преданию, Маттафия, по прозвищу Маккавей, восстал против господства чужеземных захватчиков его родины Иудеи. После его смерти пятеро сыновей Маккавея продолжали борьбу.
- ²⁷⁷ 7 июня.

- ²⁷⁸ 15 июля. «И вот муж...июля» – пересказ из Адама, III, 50.
- ²⁷⁹ Адам, III, прим. 79.
- ²⁸⁰ Адам, III, 51. Четвертые иды ноября – 10 ноября.
- ²⁸¹ Генрих – впоследствии глава бодрицкого государства.
- ²⁸² Бутуй (Butue). Богуславский (*Boguslawski W. Op. cit.*, II, 510), Ваховский (*Wachowski A. Op. cit.*, 145) переводили это имя как Будивой; Грацианский читал его Буту (указ. соч., с. 21).
- ²⁸³ Адам, III, 51.
- ²⁸⁴ Там же, III, прим. 81.
- ²⁸⁵ Там же, III, 51. Цитата внутри текста из Псалтири (78, 1). О восстании славян в 1066 г., роли в нем Блюссо, о причинах гибели Готшалка см. *Королюк В.Д.* Указ. соч. С. 351–355.
- ²⁸⁶ Не на 8-м, а на 11-м году. Генрих IV правил в 1056–1106 гг.
- ²⁸⁷ Крут (Cruto) – князь, происходивший из племени ран и правивший Бодрицким государством в 1066–1093 гг. См. о нем *Грацианский Н.П.* Указ. соч., с. 20–22. Шафарик (*Šafařík. Op. cit.*, 860), а вслед за ним Богуславский (*Boguslawski W. Op. cit.*, II, 511) читали, что имя как Крук; Ваховский (*Wachowski A. Op. cit.*, s. 145) – как Крут, Грацианский (указ. соч., с. 20) – как Крутой. Очевидно, правильное всего Крут, как краткая форма общеславянского прилагательного, более употребительная в эти древние времена.
- ²⁸⁸ Барды – одно из германских племен.
- ²⁸⁹ Магнус, герцог саксонский (1071–1106). Матерью его была Вульфилда, дочь Свена II Эстритсона.
- ²⁹⁰ Плуна (*Castrum Plunense*, Plune), в дальнейшем назывался Плён (Ploen.), расположен на озере того же названия (ФРГ).
- ²⁹¹ Свала – приток р. Стыри (Штер), впадающей в Лабу.
- ²⁹² Основываясь на сведениях, почерпнутых из Люнебургского некролога, Лаппенберг датой смерти Бутуя считает 8 авг. 1071 г. (см. «*Helmoldi Chronica*», S. 57, Anm. 2).
- Шмейдлер полагает, что Бутуй погиб самое раннее 8 авг. 1074 г., может быть, даже 1075 г. (Адам, с. 194, прим. 3).
- ²⁹³ Исайя, 9, 12.
- ²⁹⁴ Гарц – горный хребет в ФРГ.
- ²⁹⁵ Послание к филиппийцам, 2, 15.
- ²⁹⁶ Второзаконие I, 19.
- ²⁹⁷ Генриха IV.
- ²⁹⁸ Наставником Генриха IV в юности был архиеп. Адальберт.
- ²⁹⁹ Оттон Нордгеймский, герцог баварский до 1070 г.
- ³⁰⁰ Вельф I, герцог баварский в 1070–1077 гг.
- ³⁰¹ Гарцберг – г. Гарцбург (ФРГ). Здесь находился дворец Генриха IV.
- ³⁰² Вицело, или Вернер (1063–1078).
- ³⁰³ Букко – Бурхард (1059–1088), родственник Вицело (Вернера).
- ³⁰⁴ Магнус – герцог саксонский (1071–1106).
- ³⁰⁵ Удо – очевидно, маркграф Северной марки. Умер в 1082 г.
- ³⁰⁶ Родульф – правильное Рудольф, герцог швабский, родственник Генриха IV.
- ³⁰⁷ Унстрот – правильное Унструт, приток р. Салы. Восстание саксонских и тюрингских феодалов против Генриха IV имело место в 1073–1075 гг.; решающее сражение на указанной реке произошло 9 июня 1075 г.
- ³⁰⁸ Григорий VII – римск. папа в 1073–1085 гг.
- ³⁰⁹ Николаиты – одна из ранних христианских сект в Сирии и Малой Азии, якобы проповедовавшая общность жен.
- ³¹⁰ В действительности события происходили несколько иначе. С вступлением на папский престол Григория VII между папами и германскими императорами началась длительная борьба за инвеституру, точнее, за право инвеституры, т. е. назначения и утверждения духовных лиц в сакне. Григорий VII добивался исключительного признания этого права за папским престолом и высшим духовенством. На этой почве возник острый конфликт между ним и Генрихом IV. В ответ на распоряжение папы, запрещавшее императору и вообще светским лицам назначать епис-

- копов, Генрих IV созвал собор в Вормсе в 1076 г., на котором папа был низложен. То же было сделано в этом же году на соборе епископов Италии в Павии (об этих соборах см. *Hauck* А. Ор. cit., III, с. 799). Тогда Григорий VII отлучил императора от церкви. Создавшаяся угроза детронизации заставила Генриха IV искать примирения с папой. В январе 1077 г. он пришел в Каноссу, где находился в это время папа, и якобы в течение трех дней в одежде кающегося грешника простоял перед воротами замка, пока папа не снял отлучения.
- ³¹¹ Имеются в виду императоры германские, носившие в качестве императорской регалии украшенный крестом шар (якобы земной шар).
- ³¹² В подлиннике: «*Petra dedit Romam Petro, tibi papa coronam*». *Petra* (лат.) – «скала», «камень». Трудно переводимая игра слов.
- ³¹³ Действительно, несмотря на примирение Генриха IV с папой часть светских и духовных феодалов при поддержке папы избрала в 1077 г. антикоролем Германии Рудольфа Швабского.
- ³¹⁴ Эта глава, как и главы 30, 33, 45, 58, 76 (кн. I), 1 и 2 (кн. II), не имеет названия.
- ³¹⁵ *Епископ Вернер II* (1065–1077).
- ³¹⁶ Лангобардия – Ломбардия.
- ³¹⁷ *Готфрид Бульонский* († 1100) – герцог Нижней Лотарингии, в дальнейшем один из вождей I Крестового похода (1096).
- ³¹⁸ *Марциполис* – Мерзебург.
- ³¹⁹ Рудольф умер в 1080 г.
- ³²⁰ *Виберт* – антипапа Климент III (1080–100) был утвержден на соборе в Бриксене (Тироль) в 1080 г., когда одновременно, очевидно, был низложен Григорий VII; интронизирован только в 1084 г. после того, как Генриху IV удалось овладеть Римом (см. *Hauck* А. Ор. cit., III, с. 883). С 1080 г. начался раскол в римской церкви.
- ³²¹ Коронация Генриха IV состоялась в Риме 31 марта 1084 г.
- ³²² Перефразировка из Исая, 8, 14.
- ³²³ Аббат Дезидерий был назначен Григорием VII себе в преемники. Став папой, он принял имя Виктора III (1085–1088). После него был папа Урбан II (1088–1099), затем – Пасхалий II (1099–1118).
- ³²⁴ Герман († 1088) – граф Люксембургский, был избран саксонскими феодалами в короли в 1081 г. Происхождение его прозвища установить не удалось.
- ³²⁵ Генриха IV.
- ³²⁶ Петр – один из проповедников крестового похода, пустынный Петр Амьенский (из г. Амьена во Франции, а не из Испании, как пишет Гельмольд), или Петр Еремит (1053–1115). Результатом его проповедей явился предшествовавший походу феодалов «поход бедноты», поход крестьян Северной и Средней Франции, а также Западной Германии. Дата на полях – неверная: надо 1096 [г.].
- ³²⁷ Первый крестовый поход начался в 1096 г. Готфрид Бульонский был одним из его вождей; вместе с братом он возглавлял феодалов Лотарингии.
- ³²⁸ *Никея* – город в Малой Азии, теперь – Изник. Был осажден крестоносцами в 1097 г., но взять его им не удалось. *Антиохия* – тогда город в Сирии, теперь город Антахра в южной Турции, был взят в 1098 г.
- ³²⁹ В 1099 г. здесь крестоносцами было обрательно Иерусалимское королевство, охватывающее Палестину и южную Сирию. Во главе его стал Готфрид Бульонский.
- ³³⁰ Иоанн, 10, 16.
- ³³¹ Сын Генриха IV, будущий Генрих V, был коронован королем Германии при жизни отца в 1093 или 1094 г. в Аахене.
- ³³² Епископом в Могонтии (Майнце) был в это время Рутард (1088–1109) в Колонии (Кёльне) – Фредерик (1100–1131), в Вормсе – Адальберт (1070–1107).
- ³³³ Гельмольд называет Генриха IV здесь и иногда дальше королем («гех»). Сейм постановил отнять у Генриха корону, и он стал в глазах Гельмольда уже не императором, а лишь королем.
- ³³⁴ *Ингельсейм* – резиденция Генриха IV, теперь Нидерингельгейм на Рейне (ФРГ).
- ³³⁵ Описка. Надо: 1106 – год низложения Ген-

- риха IV.
- ³³⁶ Генрих V (1106–1125).
- ³³⁷ Линтбург – по-видимому, теперь провинция Лимбург в Нидерландах.
- ³³⁸ Очевидно, Генрих I, граф лимбургский (1081–1119).
- ³³⁹ Леодиум – Льеж (Бельгия).
- ³⁴⁰ Маз – р. Маас, приток Рейна.
- ³⁴¹ Даниил, 13, 52–53.
- ³⁴² Вторая книга царств, 16, 11.
- ³⁴³ Гебхард II, еп. спирский в 1105–1110 гг.
- ³⁴⁴ Иов, 19, 21.
- ³⁴⁵ Первое послание к коринфянам, 11, 32.
- ³⁴⁶ Давид – библейский царь, убивший, по преданию, своего сына.
- ³⁴⁷ То есть Генрих V.
- ³⁴⁸ Генрих вернулся, видимо, около 1093 г.
- ³⁴⁹ Генрих правил в 1093–1127 гг. О нем см. Грацианский Н.П. Указ. соч., с. 22–24.
- ³⁵⁰ Генрих приходился Магнусу, герцогу саксонскому, двоюродным братом. Матери их были сестрами, дочерьми датского короля Свена II Эстритсона.
- ³⁵¹ Смилово – недалеко от Ратцебурга.
- ³⁵² Старый Любек (славянское название его было, возможно, Любица) лежал у впадения Швартау в р. Травну, у самого ее устья.
- ³⁵³ Людгер – герцог саксонский (1106–1125), потом император под именем Лотарь.
- ³⁵⁴ Граф Отто фон Балленштедт († 1123).
- ³⁵⁵ Адальберт (Альберт, Альбрехт) Медведь (1100–1170), с 1134 г. – маркграф Северной (Бранденбургской) марки, один из главных организаторов агрессии немецких феодалов против славян.
- ³⁵⁶ Катулл – Генрих IX Черный, герцог баварский (1120–1126).
- ³⁵⁷ Не Генриха Льва, а отца его, Генриха Гордого, герцога баварского (1126–1138).
- ³⁵⁸ Готфрид – граф голштинский.
- ³⁵⁹ Адольф I, граф голштинский (1110–1127).
- ³⁶⁰ 1 сентября.
- ³⁶¹ Это нападение ран на Любек произошло в 1110 г.
- ³⁶² Гельмольд употребляет здесь термин король («тех») и далее называет Генриха то королем, то князем («princeps»).
- ³⁶³ Брежане (brizani) жили по соседству с глинянами, по Нижней Лаббе, возле устья р. Гавелы. Входили в группу стодорян. Термин введен в литературу Шафариком (*Šafárik*. Op. cit. S. 833). Так же называли их Гильфердинг, Богуславский и др. У Грацианского – брижане (указ. соч., с. 3, 23).
- ³⁶⁴ Н.П.Грацианский (указ. соч., с. 23) называет Мстивоя (Mistu) Мистуй.
- ³⁶⁵ Лины, или линоги, – глиняные. См. I, 2, прим. 51.
- ³⁶⁶ Об этом походе Генриха см. Грацианский Н.П. Указ. соч., с. 23.
- ³⁶⁷ Вторая книга царств, 17, 11.
- ³⁶⁸ Гельмольд спутал здесь два разных города, Волегощ и Волин. Это о последнем сложилось предание, что он якобы основан Юлием Цезарем, повод к чему дало название Юлий, под которым он выступает в некоторых источниках. Первый же в этих источниках именуется Голост. См. «Helm. Chronica», S. 79, Anm. 3; S. 74, Anm. 5; *Tymieniecki K. Podgrodzia w północno-zachodniej Słowiańszczyźnie i pierwsze lokacje miast na prawie niemieckim* // «Slavia Occidentalis», t. II. Poznań, 1922, s. 72–73.
- ³⁶⁹ Герцога саксонского.
- ³⁷⁰ Богуславский (*Boguslawski W. Dzieje*, t. 3, str. 552), а в последнее время и Грацианский (указ. соч., с. 23) относили эти походы Генриха к 1113 и 1114 гг. Едва ли это верно. В конце главы Гельмольд говорит, что «Генрих, прожив после этого еще не очень долгое время, смертью своей положил конец войне». Генрих умер в 1127 г. Едва ли бы Гельмольд мог определить промежуток в 13 лет как «не очень долгое время». Видимо: Генрих ходил на ран в 1123 и 1124 гг.
- ³⁷¹ Генрих IV.
- ³⁷² Генрих V.
- ³⁷³ Генрих V совершил этот поход в начале 1111 г.
- ³⁷⁴ Коронация Генриха V состоялась в апреле 1111 г. Начавшаяся еще при Генрихе IV борьба между папством и императорами за инвеституру продолжалась при Ген-

- рихе V. Испуганный требованием императора (чтобы церковь в случае передачи права инвеституры в ее руки отказалась от земельных владений) папа Пасхалий пошел на уступки и выдал Генриху привилегию, признававшую за императором право ставить епископов.
- ³⁷⁵ Собор состоялся в 1112 г. в Латеране (резиденция пап в Риме).
- ³⁷⁶ В подлиннике: «non privilegium, sed privilegium».
- ³⁷⁷ Альберт – канцлер Генриха V с 1106 г., архиеп. майнцский в 1111–1137 гг.
- ³⁷⁸ Имеются в виду выступления саксонских феодалов против Генриха IV.
- ³⁷⁹ Рейнгер – правильное Рейнгард (1106–1123).
- ³⁸⁰ Вельфесхольт – Вельфесгольц, лес неподалеку от Гербштедта, (ФРГ).
- ³⁸¹ Хогер фон Мансфельд. Убит в 1115 г.
- ³⁸² Брак Генриха V с Матильдой, дочерью англ. короля Генриха I, состоялся в 1114 г.
- ³⁸³ Бурдин – антипапа Григорий VIII с 1118 г. Свергнут в 1121 г., умер в 1122 г.
- ³⁸⁴ Геласий II был избран в папы в 1118 г. После назначения Генрихом V антипапы Григория VIII бежал в Бургундию, где в 1119 г. скончался.
- ³⁸⁵ Эккехард (ум. ок. 1125 г.), аббат монастыря возле Бамберга, автор всемирной хроники, охватывающей события 1106–1125 гг.
- ³⁸⁶ Оттон, еп. бавембергский (бамбергский) в 1102–1139 гг. Был в 1124 и 1128 гг. у поморян с проповедью христианства.
- ³⁸⁷ Болеслав III Кривоустый (1102–1138).
- ³⁸⁸ Вартислав I – кн. поморский (1124–1136).
- ³⁸⁹ Лотарь (1125–1137), герм. император.
- ³⁹⁰ Конрад – герцог франконский, из рода Гогенштауфенов. После восшествия Лотаря на престол объявил себя в 1127 г. королем, рассчитывая на поддержку Италии. В 1134 г. признал себя вассалом Лотаря. Впоследствии император.
- ³⁹¹ Лотарь был коронован папой Иннокентием II (1130–1143) в 1133 г.
- ³⁹² Гельмольд применяет здесь единственный раз по отношению к Генриху титул «regulus». Ср. выше гл. 36, прим. 362.
- ³⁹³ Вицелин (р. в 1086 г.) – священник, еп. ольденбургский в 1149–1154 гг.
- ³⁹⁴ Послание к филиппийцам, 2, 15.
- ³⁹⁵ Минден, на р. Везер (ФРГ).
- ³⁹⁶ Теперь – Хамельн (ФРГ), на р. Везер.
- ³⁹⁷ На территории теперешней ФРГ.
- ³⁹⁸ Стаций Публий Папиний – поэт Римской империи (ум. ок. 95 г.). Его поэмы «Фиваида» и «Ахиллеида» пользовались большой популярностью и в средневековье.
- ³⁹⁹ Екклесиаст, 12, 11.
- ⁴⁰⁰ Теперь – Падерборн (ФРГ).
- ⁴⁰¹ Часть церковной службы, когда одно лицо в хоре поет или читает стих из священного писания, а другие ему отвечают.
- ⁴⁰² Местонахождение Феуле не установлено. Лаппенберг считал, что под этим названием следует иметь в виду Фуелен, или Фулен, в графстве Шауэнбург («Helmoldi Chronica», S. 91, Anm. 1).
- ⁴⁰³ Фредерик – архиеп. гамбургский в 1104–1123 гг.
- ⁴⁰⁴ Адальберт (Адельберо) – архиеп. гамбургский в 1123–1148 гг.
- ⁴⁰⁵ Ученик Ансельма Кентерберийского, богослова и философа, Ансельм (1050–1117) и брат его Радольф основали в г. Лане (Франция) богословскую школу, пользовавшуюся широкой известностью.
- ⁴⁰⁶ Низший духовный сан.
- ⁴⁰⁷ Езекия – иудейский царь (Исаия, 38, 3).
- ⁴⁰⁸ Лаппенберг сообщает, что имя священника Тетмара встречается в 1139–1142 гг. в бременских грамотах («Helmoldi Chronica», S. 92, Anm. 2).
- ⁴⁰⁹ Нотберт – архиеп. магдебургский в 1126–1134 гг.
- ⁴¹⁰ Современный Верден (ФРГ).
- ⁴¹¹ Генрих умер в 1127 г.
- ⁴¹² См. I, 48.
- ⁴¹³ Милторп – теперь Мельдорф (ФРГ).
- ⁴¹⁴ С 1163 г. Фальдера по основанному в ней монастырю (см. I, 93) стала называться Неймюнстер. Находится в ФРГ.
- ⁴¹⁵ Маркград – старейшина вагрской земли.
- ⁴¹⁶ Послание к филиппийцам, 2, 15; Второза-

- коние, I, 19.
- ⁴¹⁷ Бытие, 15, 16; Псалтирь, 101, 14.
- ⁴¹⁸ Кнут был убит в 1127 г. Святополк княжил до 1129 г.
- ⁴¹⁹ Гильфердинг (указ. соч., с. 139) говорит, что развалины этого укрепления находились возле г. Швана на р. Варнове.
- ⁴²⁰ Богуславский считает, что это был город Хижин (*Boguslawski W. Op. cit.*, III, s. 553).
- ⁴²¹ Дазо – представитель голштинской знати. В грамоте саксонского герцога Генриха Льва от 1149 г. Лаппенберг обнаружил среди «первых» Гользати некоего Фергота, сына Дазо («Helm. Chron.», S. 100, Anm. 1).
- ⁴²² Звинике (Zwinike) был убит около 1129 г. графом Зигфридом Эртенебургским. Павинский читал это имя как Звенько (Указ. соч., с. 150); Богуславский считал его сокращением от имени Святослав (*Boguslawski W. Op. cit.*, III, s. 553); Грацианский переводил как Звенько (указ. соч., с. 24). Эртенебург – г. Артленбург на правом берегу Лабы.
- ⁴²³ Кнут Лавард, сын Эрика I Доброго (1095–1103), бодрицкий король в 1129–1137 гг.
- ⁴²⁴ Николай (Нильс) († 1131) – король датский (1104–1131).
- ⁴²⁵ Магнус – впоследствии король Швеции (1129–1131).
- ⁴²⁶ Тогда еще герцогу саксонскому Людеру.
- ⁴²⁷ Мать Генриха происходила из датского королевского дома (см. гл. 19, прим. 250), поэтому Кнут считал себя вправе предъявлять претензии на Бодрицкое королевство.
- ⁴²⁸ Поскольку Гельмольд называет Прибислава племянником короля бодричей, Генриха, постольку его можно считать сыном Бутуя, брата Генриха. Так полагал и Богуславский (*Boguslawski W. Op. cit.*, III, s. 553).
- ⁴²⁹ Относительно даты смерти Адольфа I, графа голштинского, существуют разные мнения. По одной версии, он умер в 1127 г., по другой – в 1131 г. (как отмечено и на полях «Хроники»), по третьей – в 1133 г. Упоминание наряду с этой смертью о походе Лотаря в Чехию (см. ниже) побуждает остановиться на первой дате.
- ⁴³⁰ Имеется в виду поход Лотаря в 1126 г., закончившийся поражением при Хлумце.
- ⁴³¹ Адольф II, граф голштинский (1128–1164). Год начала его правления так же неизвестен, как год смерти его отца. Одни считают, что он начал править в 1128 г., другие – в 1133 г. См. прим. 429.
- ⁴³² Маргарита, жена короля датского Нильса, вдова короля норвежского Магнуса II (1093–1103).
- ⁴³³ Ингеборг, дочь князя новгородского Мстислава Владимировича, внучка Владимира Мономаха.
- ⁴³⁴ Эрик IV Эмун – король датск. (1134–1137).
- ⁴³⁵ Действительно, король Эрик одно время носил прозвище Гарефорд, т. е. Заячья нога (см. *Dahlmann F. Op. cit.* I, s. 233).
- ⁴³⁶ Скония – Скона, область в южной части Скандинавского полуострова. В средние века принадлежала Дании.
- ⁴³⁷ Потом король датск., Свен III (1147–1157).
- ⁴³⁸ Затем король датский, Вальдемар I Великий (1157–1182).
- ⁴³⁹ Впоследствии король Дании, Кнут V, соправитель Свена III (1147–1157).
- ⁴⁴⁰ Прибислав стал князем вагров в 1125 г.; год смерти неизвестен.
- ⁴⁴¹ Никлот, князь бодричей (1125–1160).
- ⁴⁴² Ср. I, 6 и II, 12.
- ⁴⁴³ Теперь – Бардовик (ФРГ).
- ⁴⁴⁴ Адольфа I, графа голштинского.
- ⁴⁴⁵ Крепость Зигеберг (Segeberch, Sigeberch) была воздвигнута на горе Альберг. Современный г. Зеgeberг (ФРГ).
- ⁴⁴⁶ Генрих Вельф X Гордый, муж Гертруды, дочери Лотаря, герцог баварский (1126–1138), с 1137 г. и герцог саксонский.
- ⁴⁴⁷ Рожер II, король сицилийский (1130–1154), объединил в своих руках, кроме Сицилии, еще Апулию и Калабрию. Лотарь был призван в 1136 г. на помощь папой. После смерти Лотаря Рожер вновь завладел Апулией.
- ⁴⁴⁸ Лотарь был похоронен в монастыре св. Людгера возле г. Гельмштедта (ФРГ).
- ⁴⁴⁹ Маркграф Альберт – см. I, 35, прим. 355.
- ⁴⁵⁰ Конрад III, император (1138–1152).

- ⁴⁵¹ См. I, 35, прим. 355–357.
- ⁴⁵² Павинский считал имя Раце сокращением от Ратибор (указ. соч., с. 152), так же Грацианский (указ. соч., с. 25).
- ⁴⁵³ Описанные выше события происходили, видимо, в 1138 г.
- ⁴⁵⁴ Эрик IV Эмун был убит в 1137 г.
- ⁴⁵⁵ Следует – Генрихом Гордым (отцом Генриха Льва).
- ⁴⁵⁶ *Генрих фон Бадевиде*, тогда граф голштинский.
- ⁴⁵⁷ *Адольф I*, граф голштинский, отец Адольфа II.
- ⁴⁵⁸ Следует – Генрих Гордый.
- ⁴⁵⁹ Теперь – Крейтцбург.
- ⁴⁶⁰ *Генрих Лев* (Вельф XI), герцог саксонский (1142–1178), как и Альбрехт Медведь, один из активнейших организаторов и участников агрессии немецких феодалов против славян. За отказ в поддержке во время похода в Италию лишен императором Фридрихом Барбаросшей владений и изгнан из Германии. Умер в 1195 г.
- ⁴⁶¹ Гертруда, вдова Генриха Гордого, в 1142 г. вышла замуж за маркграфа австрийского Генриха II Язомиргота (с 1143 г. – герцог баварский, в 1156–1177 гг. – герцог австрийский).
- ⁴⁶² *Свентинфельд*, или *Бурнговеде*, – теперь Борнгефт (ФРГ).
- ⁴⁶³ Гильфердинг считал, что так называлось озеро, расположенное к западу от Плуньского озера (указ. соч., с. 54, прим. 158). Но Гельмольд ниже (I, 63) называет Агримесов рекой. Шмейдлер считает его холмом (горой) к востоку от Бурнговеде («Helmoldi Cronica», S. 11).
- ⁴⁶⁴ *Даргунский округ* – на западе Вагрии (ФРГ).
- ⁴⁶⁵ *Утинский округ* – центральный район Вагрии (ФРГ).
- ⁴⁶⁶ *Сусле* – земля, населенная племенем сусельцев (ныне на территории ФРГ).
- ⁴⁶⁷ *Буку* – очевидно, славянское название поселка было Буково, или Буковец.
- ⁴⁶⁸ *Вокница* – Вакениц, приток Травны.
- ⁴⁶⁹ Новый Любек был заложен в 1143 г.
- ⁴⁷⁰ *Кузалина*, или *Гагересторп*, находилась на берегу р. Травны, в округе Зегеберга. Согласно Лаппенбергу, потом она стала называться Гегерсдорф («Helmoldi Chronica», S. 117, Anm. 1). Теперь находится на территории ФРГ.
- ⁴⁷¹ *Евгений III*, римск. папа в 1145–1153 гг.
- ⁴⁷² *Бернард Клервоский* (1091–1153). С 1115 г. – аббат основанного им монастыря в Клерво, идеолог крестовых походов.
- ⁴⁷³ *Франксборд* – Франкфурт-на-Майне.
- ⁴⁷⁴ Имеется в виду II Крестовый поход (1147–1149).
- ⁴⁷⁵ *Герцог швабский Фредерик*, племянник короля Конрада III, впоследствии германский король и император Фридрих I Барбаросса.
- ⁴⁷⁶ Очевидно, имеется в виду участвовавший в походе герцог Генрих Лев.
- ⁴⁷⁷ *Людovic VII*, король французский (1137–1180).
- ⁴⁷⁸ *Мануил I Комнин*, император Византии (1143–1180).
- ⁴⁷⁹ Современный Оporto в Португалии.
- ⁴⁸⁰ *Св. Яков* – Яго ди Компостелла.
- ⁴⁸¹ *Альфонс I* (1112–1185).
- ⁴⁸² *Лацебона* – Лиссабон. Был в 1147 г. отвоен крестоносцами у арабов, владевших им с VIII в.
- ⁴⁸³ См. I, 45, прим. 404.
- ⁴⁸⁴ *Генрих Лев*.
- ⁴⁸⁵ *Конрад* – герцог фон Церинген. Умер в 1152 г.
- ⁴⁸⁶ *Сальтведеле* – Зальцведель.
- ⁴⁸⁷ *Витин* – Веттин, на р. Сале.
- ⁴⁸⁸ О местоположении крепости Дубин см. *Гильфердинг* А. Указ. соч. С. 139 и 180, прим. 559; *Грацианский* Н.П. Указ. соч. С. 36; *его же*. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты // «Вопросы истории», 1946, № 2–3, с. 92, прим. 6.
- ⁴⁸⁹ В подлиннике: «civitas», – т. е. торгово-ремесленное предместье, посад крепости Любек.
- ⁴⁹⁰ Об этом нападении Никлота на Любек см. в статье Н.П. Грацианского «Крестовый поход...», с. 72–93.
- ⁴⁹¹ *Утин* – теперь Эутин (ФРГ).

- ⁴⁹² Сыновья Сарвии (Саруи), Иоав и Авесса – библейские персонажи. II Царств, 14, 1 и 16, 9.
- ⁴⁹³ См. I, 22, прим. 276.
- ⁴⁹⁴ О крестовом походе на славян см. *Грацианский Н.П.* Крестовый поход 1147 г...
- ⁴⁹⁵ Жители пограничных военных областей – марок (см. I, 8, прим. 138).
- ⁴⁹⁶ В Библии рассказывается о подобных подвигах пророков Илии (III Царств, гл. 17) и Елисея (IV Царств, гл. 4).
- ⁴⁹⁷ См. I, 51, прим. 437–439.
- ⁴⁹⁸ *Эрик III Ягненок* (1137–1147).
- ⁴⁹⁹ Графа голштинского, Адольфа II.
- ⁵⁰⁰ К герцогу саксонскому, Генриху Льву.
- ⁵⁰¹ Поход Свена против графа голштинского Адольфа относится, видимо, к 1150–51 гг.
- ⁵⁰² *Травемонд* – предместье Любека.
- ⁵⁰³ Графы были должностными лицами, представителями судебной-административной власти на местах.
- ⁵⁰⁴ Псалтирь, 76, 11.
- ⁵⁰⁵ *Гартвиг*, архиеп. гамбургский в 1148–1168, происходил из рода Штаде, состоял в родстве с датским королевским домом, так как сестра его была замужем за Эриком III Ягненком.
- ⁵⁰⁶ См. I, 62, прим. 485.
- ⁵⁰⁷ Об этом же рассказано в кн. I, гл. 11–13, 22.
- ⁵⁰⁸ То есть папе и императору.
- ⁵⁰⁹ Вицелин был посвящен в 1148 г.
- ⁵¹⁰ Очевидно, это произошло тоже в 1148 г. В какие точно годы выполнял Эммегард обязанности микилинбургского епископа, сведений нет.
- ⁵¹¹ Борьба за инвеституру закончилась в 1122 г. при императоре Генрихе V компромиссным Вормским конкордатом, согласно которому право назначения епископов принадлежало церкви и императору вместе. Это выражалось в том, что представитель церкви вручал назначенному епископу перстень, представитель светской власти – посох.
- ⁵¹² Генрих фон Веттин.
- ⁵¹³ Генрих Язомиргот. См. I, 56, прим. 461.
- ⁵¹⁴ У архиепископа гамбургского, Гартвига.
- ⁵¹⁵ Теперь – г. Виборг в Дании. Эта битва произошла в 1151 г.
- ⁵¹⁶ Теперь – Шеллан, датский остров.
- ⁵¹⁷ Вероятно, речь идет о святилище Яровита, находившемся в земле черепнян, в г. Вологоще.
- ⁵¹⁸ *Брунsvик* – теперь г. Брауншвейг (ФРГ).
- ⁵¹⁹ Теперь – Госляр (ФРГ).
- ⁵²⁰ *Генинге* – теперь г. Гейнинген (ФРГ).
- ⁵²¹ Конрад умер в 1152 г.
- ⁵²² Генрих Язомиргот.
- ⁵²³ *Фридрих I Барбаросса* (1152–1170), первый представитель династии Гогенштауфенов. Вступление его на престол хроником датируется неверно (1151), а на полях отмечена правильная дата.
- ⁵²⁴ Мать Фридриха Барбароссы, Юдит, была сестрой Генриха Гордого и, таким образом, теткой Генриха Льва.
- ⁵²⁵ В Мерзебурге.
- ⁵²⁶ *Гартвиг*, архиеп. гамбургский.
- ⁵²⁷ Плач Иеремии 3, 27.
- ⁵²⁸ Неточная цитата из Песни песней Соломона, 8, 6–7.
- ⁵²⁹ Неизвестно, что давало Гельмольду основание говорить о Любекской республике. Может быть, тот факт, что в 1170 г. Любек получил городское право. Вольным имперским городом он стал лишь в 1226 г.
- ⁵³⁰ Перефразировка из Исаии, 35, 3.
- ⁵³¹ Иов, 5, 17.
- ⁵³² Перефразировка из Матфея, 20, 12.
- ⁵³³ Послание к филиппийцам, 1, 23.
- ⁵³⁴ *Эвермод*, еп. ратцебургский (1154–1178).
- ⁵³⁵ Генрих фон Бадевид.
- ⁵³⁶ С королем Фридрихом I Барбароссой.
- ⁵³⁷ Бытие, 28, 18.
- ⁵³⁸ *Герольд*, священник, затем еп. ольденбургский (в 1154–1163).
- ⁵³⁹ *Ридегесузен* (Ridegeshusen, Reddegeshusen) – теперь деревня Риддгесхаузен возле г. Брауншвейга (ФРГ).
- ⁵⁴⁰ *Аббат Конрад*, еп. любекский (1163–1172) был братом Герольда.
- ⁵⁴¹ Герцогиня Клементия, жена Генриха Льва.
- ⁵⁴² Точнее: архиеп. гамбургский, Гартвиг.
- ⁵⁴³ Бытие, 3, 15.

- ⁵⁴⁴ *Богемский лес* – покрытая лесом горная цепь между Чехией и Баварией.
- ⁵⁴⁵ *Тердона* – теперь Тортон (в Италии). Была осаждена Фридрихом Барбароссой в 1155 г.
- ⁵⁴⁶ Адриан, римск. папа в 1154–1159 гг.
- ⁵⁴⁷ *Эберхард II*, еп. бавембергский (бамбергский) в 1146–1172 гг.
- ⁵⁴⁸ *Вильгельм I Злой*, король сицилийск. (1154–1166), сын Рожера II (см. I, 54, прим. 447).
- ⁵⁴⁹ См. I, 28, прим. 311.
- ⁵⁵⁰ То есть архиеп. гамбургскому Гартвигу.
- ⁵⁵¹ *Латеранцы* – от «Латеран» (резиденция папы в Риме).
- ⁵⁵² *Эдеса* – теперь р. Эч, на которой стоит г. Верона.
- ⁵⁵³ *Клюза* – ущелье возле Вероны.
- ⁵⁵⁴ *Рустры* – одно из фризских племен.
- ⁵⁵⁵ Прибислав – князь вагров (см. I, 49, 52).
- ⁵⁵⁶ См. I, 28, прим. 311.
- ⁵⁵⁷ Гельмольд употребляет здесь «*reguli*».
- ⁵⁵⁸ В подлиннике «*regulus*».
- ⁵⁵⁹ Колоны – см. прим. 191.
- ⁵⁶⁰ Утин и Гамалы.
- ⁵⁶¹ Это – так называемый божий суд. Лемех – одна из железных частей плуга.
- ⁵⁶² Второзаконие, 28, 48.
- ⁵⁶³ *Ратеково* – теперь Ратекау, недалеко от Любека.
- ⁵⁶⁴ Иначе: Генриха фон Бадевид.
- ⁵⁶⁵ См. I, 51, прим. 437.
- ⁵⁶⁶ См. I, 51, прим. 439.
- ⁵⁶⁷ См. I, 51, прим. 438.
- ⁵⁶⁸ Софию.
- ⁵⁶⁹ Жена Свена, *Аделаида*, была дочерью Конрада, графа фон Веттин, маркграфа Мишны и Лужиц.
- ⁵⁷⁰ *Ратисбона* – г. Регенсбург (ФРГ).
- ⁵⁷¹ *Лаланд* – Лоллан, датский остров.
- ⁵⁷² *Феония* – Фюнен, датский остров.
- ⁵⁷³ Дальман, рассказывая о событиях, изложенных в этой главе (*Dahlmann F.* Op. cit. I, 267–276), не упоминает о еп. Гелии.
- ⁵⁷⁴ *Роскильд* – теперь Роскиле, на о-ве Шеллан (Дания).
- ⁵⁷⁵ Герцогу саксонскому, Генриху Льву.
- ⁵⁷⁶ *Медиолан* – Милан.
- ⁵⁷⁷ *Крумне* (Кремона) было взято Фридрихом Барбароссой в 1160 г.
- ⁵⁷⁸ *Рейнольд*, канцлер Фридриха Барбароссы, архиеп. кельнский (1159–1167).
- ⁵⁷⁹ Сейм был создан в Беренфорде, близ Артенбурга, в 1160 г.
- ⁵⁸⁰ Сыновья Никлота – Прибислав и Вартислав (см. I, 87, 92).
- ⁵⁸¹ *Илово* находилось на восточном берегу Зверинского озера (ФРГ). Немецкое название крепости было, видимо, Илинбург (см. далее в этой же главе).
- ⁵⁸² *Зверин* – теперь Шверин (ФРГ).
- ⁵⁸³ Никлот был убит в 1160 г.
- ⁵⁸⁴ *Гунцелин фон Гаген*, с 1160 г. граф шверинский – один из самых активных сподвижников Генриха Льва по угнетению славян. Умер в 1185 г.
- ⁵⁸⁵ *Фогт* – правитель замка. Лаппенберг сообщает, что лицо это упоминается в грамотах Генриха Льва («*Helmoldi Chronica*», S. 177, Anm. 1).
- ⁵⁸⁶ *Миликово* (Milicou, Malachou, Malachow) – теперь Малхов (ФРГ). Славянское название крепости было, видимо, Малахове.
- ⁵⁸⁷ Имя Лиудольфа из Пайна (Пейна), должностного лица при Генрихе Льве, по свидетельству Лаппенберга, встречается в им выданных грамотах («*Helmoldi Chronica*», S. 177, Anm. 1).
- ⁵⁸⁸ Лаппенберг предполагает, что это граф фон Шота, упоминаемый в двух грамотах от 1163 г. («*Helm. Chronica*», S. 177, Anm. 1).
- ⁵⁸⁹ Берно († 1191) уроженец Шверина, «апостол ободритов», еп. с 1155 г., в 1160 г. кафедра была перенесена в Шверин.
- ⁵⁹⁰ *Корец* (*curitze*) – мера сыпучих тел. Единственное славянское слово, занесенное Гельмольдом в свою хронику, не считая топонимии и имен собственных.
- ⁵⁹¹ См. описание славянского плуга в кн. I, гл. 12 и 14.
- ⁵⁹² Первольф (указ. соч., с. 35) и Богуславский (*Boguslawski W.* Op. cit. II, s. 148) под немецким названием Бальземерланд видели славянское – Белая земля. Марсци-

- нерланд представлял собой западную часть Балзимерланда, лежал на Лаббе между городами Вербен и Арнебург. Так считают Гильфердинг (указ. соч. С. 342) и Богуславский (Op. cit. II, s. 148–149). Они выводят это название из старонемецкого Marsch (современное Moor), болото.
- ⁵⁹³ Очевидно, Богемский лес.
- ⁵⁹⁴ Раньше (I, 86) имя Этело (Ethelo) Гельмольд писал – Атело (Athelo).
- ⁵⁹⁵ Папа Александр III (1159–1181), раньше кардинал Роланд Бандонелли.
- ⁵⁹⁶ Антипапа Виктор IV (1159–1161), раньше кардинал Октавий.
- ⁵⁹⁷ В Папии, т.е. в Павии.
- ⁵⁹⁸ Конрад, архиеп. майнцский (1160–1177), потом зальцбургский, с 1183 г. опять майнцский. Умер в 1200 г.
- ⁵⁹⁹ Цистерциум – современное Сито (Франция). Там был основан в 1098 г. цистерцианский орден.
- ⁶⁰⁰ Людовик VII (1137–1180).
- ⁶⁰¹ Лаона – теперь Лан (Франция).
- ⁶⁰² Арар – теперь р. Эна, приток Уазы, впадающей в Сену.
- ⁶⁰³ Вальдемару I Великому.
- ⁶⁰⁴ Владиславу II (1140–1173).
- ⁶⁰⁵ Стефану II (1161–1173).
- ⁶⁰⁶ Дивиона – Дижон (Франция).
- ⁶⁰⁷ Генрих фон Бадевиде († 1164).
- ⁶⁰⁸ Иаков, 2, 10.
- ⁶⁰⁹ Hemmete – мера веса (нем. нижне-саксонское Himpten).
- ⁶¹⁰ Кримме – Кремона.
- ⁶¹¹ В подлиннике: «rabulatores» – фуражиры.
- ⁶¹² Гельмольд употребляет здесь «regulus».
- ⁶¹³ Притчи Соломоновы, 30, 30.
- ⁶¹⁴ До 1 февраля 1164 г. Как показывает сам Гельмольд, в середине февраля этого года началось восстание бодричей против немецких феодалов-угнетателей (см. II, 1).
- ⁶¹⁵ До 1 июля.
- ⁶¹⁶ Архиепископу гамбургскому, Гартвигу.
- ⁶¹⁷ 1 мая.
- ⁶¹⁸ Псалтирь, 121.
- ⁶¹⁹ До 1 февраля.

Книга вторая

- ¹ Перефразировка из Исаяи, 5, 20.
- ² Генрих Лев владел одновременно и герцогством Саксонским и герцогством Баварским.
- ³ См. I, 79, прим. 540.
- ⁴ Вирра – р. Везер.
- ⁵ Фламинги – фламандцы.
- ⁶ Захария, 3, 2.
- ⁷ Адальберта – Альбрехта Медведя.
- ⁸ Вартислав, сын Никлота, казнен в 1164 г.
- ⁹ Вирухне – дер. Ферхен на берегу р. Пены.
- ¹⁰ Район к западу от р. Везер.
- ¹¹ Сыновья поморского князя Вартислава I (1124–1136). Старший, Богуслав, княжил с 1156 г. в западной части Поморья; младший, Казимир (1156–1180) – в восточной.
- ¹² Псалтирь, 16, 3.
- ¹³ Столле – теперь Слупск (Польша)).
- ¹⁴ Вартислав I был убит в 1136 г.
- ¹⁵ Узнам – Узедом, крепость на острове того же названия.
- ¹⁶ Императора Византии Мануила I Комнина (1143–1180).
- ¹⁷ В подлиннике: «in castris Domini».
- ¹⁸ Гереман – Герман фон Винцебург; был убит в 1152 г.
- ¹⁹ Зигфрид фон Гамбург умер в 1144 г. Его владения куплены Германом фон Винцебург, а после убийства последнего перешли к Генриху Льву (см. «Helmoldi Chronica». S. 204. Anm. 4).
- ²⁰ Граф Оттон фон Асле, или Аслебург. В 1170 г. еще упоминается (см. «Helmoldi Chronica». S. 204. Anm. 5).
- ²¹ Удоны – графы фон Штаден.
- ²² Поход в Италию состоялся в 1166 г.
- ²³ Вихман, архиеп. магдебургск. в 1152–1192 гг.
- ²⁴ Лаппенберг полагал, что Оттон из Камбурга был маркграфом Мишны («Helmoldi Chronica». S. 205. Anm. 4).

- ²⁵ Зверин (Шверин) остался за Гунцелином.
- ²⁶ Этот договор между саксонским герцогом и Прибиславом был заключен в 1166 г.
- ²⁷ Магдебургскому архиеп. Вихману.
- ²⁸ Лаппенберг полагает, что это мог быть Сирус, епископ или, по мнению других, викарий павийский (1160–1166), державший сторону папы Александра («Helmoldi Chronica». S. 209. Anm. 3).
- ²⁹ По мнению Лаппенберга, Гельмольд ошибся, говоря в этой главе об интронизации папы Каликста. На самом деле в 1167 г., к которому относятся все события, описываемые в этой главе, имп. Фридрих Барбаросса вводит в Рим избранного его сторонниками еще в 1161 г. Пасхалия III и ставит его в папы. Каликст же избирается в 1168 г. после смерти Пасхалия.
- ³⁰ Император осаждал не Геную, а Анкону (см. «Helmoldi Chronica». S. 210. Anm. 4).
- ³¹ Христиан, еп. майнцский в 1160–1183 гг.
- ³² Тускуланум – Тускулум.
- ³³ Бытие, 6, 11.
- ³⁴ Обретение вериг празднуется 16 января по юлианскому календарю.
- ³⁵ Герман, еп. верденский в 1149–1167 гг.
- ³⁶ Герцог Фридрих фон Ротенбург, муж Гертруды, не единственной, а старшей из двух дочерей Генриха Льва.
- ³⁷ В 1168 г. Генрих Лев женился во второй раз, взяв в жены Матильду, дочь английского короля Генриха II (1154–1189).
- ³⁸ Очевидно, имеется в виду образовавшийся в марте 1167 г. союз североитальянских (ломбардских) городов – Милана, Кремоны, Мантуи, Вероны и других – против Фридриха Барбароссы.
- ³⁹ По одним источникам, этот сейм состоялся до июля 1168 г., по другим – в 1169 г., после смерти архиеп. гамбургского Гартвига (см. «Helm. Chronica». S. 212. Anm. 3). Вероятно, первое более правдоподобно.
- ⁴⁰ Раммельсберг – богатая полезными ископаемыми гора в Верхнем Гарце к югу от Госляра.
- ⁴¹ Взятие датчанами главного города ран, Арконы, и разрушение святилища Святовита произошло в 1168 г. Более подробно это описано Саксоном Грамматиком в его «Хронике» (гл. XIV).
- ⁴² Абсалон, еп. roskildeysкий в 1158–1191 гг.
- ⁴³ Послание филиппийцам, 2, 15.
- ⁴⁴ По одним сведениям, Яромир крестился в 1167 г.; по другим – в 1170 г. Н.П. Грацианский считает, что вторая дата правильнее («Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией», с. 41).
- ⁴⁵ Ср. I, 6 и 52.
- ⁴⁶ Аркона находилась в северной горной части о. Рюген. До недавнего времени сохранился высокий, вышиной в 10–13 м, древний вал, единственный след, оставшийся от города и святилища ран.
- ⁴⁷ Это нападение славян на Данию произошло в 1169 г.
- ⁴⁸ Альфзе – теперь Альс, о. в Малом Бельте. Особенно пострадал во время описанного выше нападения. С 1919 г. принадлежит опять Дании.
- ⁴⁹ Христофор – Кристоф, побочный сын короля датского Вальдемара I, был наместником в Шлезвиге.
- ⁵⁰ Датчане совершили два похода против славян. По поручению отца, Кристоф в 1170 г. напал на Вагрию, а кроме того, опустошил и землю поморян; в следующем году сам Вальдемар занял Щецин. Все события из этой главы изложены у Саксона Грамматика (гл. XIV).
- ⁵¹ Имеется в виду император Оттон I.
- ⁵² Гертруда, дочь Генриха Льва, овдовевшая в 1167 г., вторично вышла замуж в 1171 г. за датского престолонаследника Кнута, впоследствии короля Кнута VI Благочестивого (1182–1202). Об этом см. *Dahlmann F.* Op. cit. I. S. 309–310.
- ⁵³ Деяния св. апостолов 9, 5 и 26, 14.
- ⁵⁴ В 1170 г. Фридрих Барбаросса утвердил договор, заключенный в 1166 г. между Генрихом Львом и Прибиславом, и этим самым было оформлено Мекленбургское славянское княжество в составе империи, с течением времени онемеченное.
- ⁵⁵ Росток – город в ФРГ.

АРНОЛЬД ЛЮБЕКСКИЙ

СЛАВЯНСКАЯ
ХРОНИКА

Начинается история аббата Любекского

ПРОЛОГ К СЛЕДУЮЩЕМУ ТРУДУ

*Господину и отцу Филиппу¹, епископу Ратцебургской церкви, и всей
тамошней братии Арнольд, нижайший из рабов Божьих,
выражает должное во Христе почтение.*

Поскольку доброй памяти священник Гельмольд² так и не довёл историю о подчинении или обращении славян, а также о деяниях епископов, благодаря упорству которых процветают ныне церкви этих земель, до положенного конца, как собирався, мы с Божьей помощью решили продолжить этот труд, чтобы стать его соратником в столь благочестивом деле и, будучи поддержаны вашими молитвами, оставить по себе добрую память. Поэтому мы просим вашу мудрость не судить нас строго за убогость нашего таланта и простоту слов, но с благочестивой осмотрительностью обратить внимание на благоговейное желание, которое не заслуживает укора. В самом деле, тот муж проницательного ума, сильный словом и знаменитый оборотами, красноречиво и со знанием дела изложил всю последовательность событий; мы же, соображая довольно туго, продолжим начатый труд путаным языком и неповоротливым пером, ибо ни словом, ни пером не можем сравниться с учителем. Итак, следуя исторической истине, мы будем всячески избегать лести, которая, как правило, сопутствует писателям, и, воздерживаясь от страха и лукавой милости, свободно изложим то, что нам известно.

Итак, поскольку в начале и конце его повествования положение этих северных стран и церквей, как сказано в книге упомянутого Гельмольда, заметно улучшилось, мы последовательно продолжим его труд. Ввиду того, что он довёл изложение событий до времён Генриха³, герцога Саксонии и Баварии, то и мы уделим этому герцогу основное внимание. Ибо он лучше всех, которые были до него, укротил свирепость славян и не только заставил их платить дань, но и смирил их гордыню, подготовив к почитанию истинного Бога и отказу от языческих суеверий. Он установил прочный мир во всей славянской земле, так что во всех северных провинциях вагров, гользатов, полабов и ободритов установились тишина и спокойствие, разбой и грабёж прекратились на суше и на море, все наслаждались торговлей и «каждый жил под своим виноградником и под своей смоковницей»⁴. Во главе Ратцебурга тогда стоял достопочтеннейший отец Эвермод⁵, во главе Любека – епископ Конрад⁶, – оба – сиятельные мужи, – а во главе Шверина – Берно⁷, благочестивый муж; они весьма упорно старались засеивать учением и орошать трудами те недавно возникшие церкви, которые учредил упомянутый герцог Генрих и которым Господь дал приращение.

КНИГА ПЕРВАЯ

1. О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ ГЕРЦОГА ГЕНРИХА

Итак, когда в земле славян, как сказано, был установлен мир, власть герцога над всеми жителями этой страны возрастала с каждым днём, а междоусобные войны, которые были между ним и восточными князьями, при посредничестве Его императорского величества¹ прекратились. Прибислав² же, брат Вратислава, видя, что все предпринятые против герцога усилия ничего не дали, и наблюдая величие этого мужа, ибо куда бы тот ни обратился, ему во всём сопутствовал успех, из врага стал герцогу лучшим другом. Итак, обретя такое спокойствие и избавление от столь грозных опасностей, герцог счёл необходимым во искупление своих грехов посетить Святой Гроб и почтить Господа в том месте, где ступали его ноги. Итак, приведя в порядок свои дела, он стал серьёзно думать о паломничестве в Иерусалим; поручив оборону своей земли Вихману³, архиепископу Магдебурга, он взял с собой в качестве спутников всю знать этой страны, а именно Конрада, архиепископа Любека, Генриха, аббата Брауншвейга, Бертольда, аббата Люнебурга, упомянутого Прибислава, царька ободритов, Гунцелина⁴, графа Шверина, Зигфрида⁵, графа Бланкенбурга, и очень многих других – как служивших ему свободных, так и министериалов. Герцог не оставил дома ни одного крупного вельможи, кроме Экберта фон Вольфенбюттеля; он поставил его над всей своей челядью, но главным образом определил в услужение госпоже герцогине Матильде⁶, благочестивой даме, дочери короля Англии, которая и в глазах Бога, и в сердцах людей оставила по себе добрую память. Свой благородный род, который она вела от длинной череды царственных предков, она прославила благочестивыми трудами и, ведя святой образ жизни, украсила блеском веры. Ибо она отличалась исключительным благочестием и удивительным сочувствием к убогим, была щедра в раздаче милостыни, предана молитвам и постоянно посещала обеды, которые велела служить очень часто. Нерушимо соблюдая супружеский долг, она сохраняла незапятнанной честь супруга. Всё то время, пока герцог был в отлучке, она находилась в Брауншвейге, ибо была беременна и вскоре родила дочь – Рихенцу⁷. После возвращения мужа она родила ему также сыновей – Генриха⁸, Лотаря⁹, Оттона¹⁰ и Вильгельма¹¹, которых, как мы читаем о св. Товите¹², она с детства учила бояться Бога. Ей служили Генрих Люнебургский¹³ и уже упомянутый Экберт, потому что его считали самым верным и славным во всём доме герцога. Впоследствии, правда, мнение о нём пришлось переменить, ибо он запятнал свою славу и совершил вероломство, за что и был жестоко наказан¹⁴. Впрочем, об этом мы пока что умолчим, ибо спешим к иному.

2. ПРОДОЛЖЕНИЕ

В отдание Богоявления¹⁵ герцог с великой славой выступил из Брауншвейга и со всей своей свитой прибыл в Регенсбург, где вместе с вельможами этой земли торжественно провёл день очищения¹⁶. Наиболее знатных среди них, а именно, маркграфа Фридриха фон Зульцбаха и маркграфа Штирийского¹⁷, он взял с собой в паломничество. Затем он прошёл в Австрию к своему отчиму, благородному герцогу Генриху¹⁸, и тот при великом ликовании духовенства и народа поспешно вышел ему навстречу в замке Нейбург¹⁹, где удостоилась памятного погребения его мать, госпожа Гертруда²⁰. Оттуда он с честью проводил герцога в столичный город – Вену. Когда там были приготовлены корабли и щедро нагружены хлебом, вином и прочими необходимыми вещами, герцог вместе со своими людьми продолжил путь по воде, то есть по Дунаю. А их слуги вместе с лошадьми продолжали путь по суше, по вечерам постоянно являясь в условленные места, где должны были причалить корабли. Нельзя умолчать также о том, что по дороге к ним присоединился господин епископ Вормсский²¹, не ради паломничества, но исполняя посольство императора к греческому царю Мануилу²², с предложением выдать его дочь замуж за сына императора. Полагали, что это послужит к выгоде герцога, ибо греческий царь, приняв столь дружественное посольство, радушно примет и самого герцога и с ещё большим радушием позволит ему пройти через свою землю. А герцог Восточной марки, или Австрии, снарядив флот, следовал за герцогом Саксонии, указывая ему путь и в изобилии снабжая его продовольствием. Итак, они с величайшим благополучием добрались до города Мезебурга²³, который расположен на границе Венгрии, где посол короля Венгрии по имени Флоренций готовился встретить герцога Саксонии вместе с герцогом Восточной марки, или Австрии, на чьей сестре был женат этот король²⁴. Продвигаясь далее с величайшим спокойствием, они пристали к одному городу²⁵, который был чрезвычайно укреплен самой природой, ибо с одной стороны его омывал Дунай, а с другой – очень глубокая река под названием Гроне, от которой своё названием получил как этот город, так и крепость, расположенная на противоположном берегу. Там герцогов поразила ужасная весть. Им сообщили, что этой ночью король умер от яда²⁶, отравленный, как говорят, своим братом²⁷, которого он изгнал из страны. Так что поражённые печалью герцог не знали, что теперь делать. Герцог Саксонии вместе со своими людьми сильно боялся, что, отправившись в паломничество, не сможет в безопасности идти дальше, ибо расстроенный смертью короля он не мог найти проводника. Другой герцог²⁸ был не менее расстроен столь внезапной смертью короля, ибо тот умер без завещания, оставив его беременную сестру вдовой, а королевство – без наследника. Проведя совещание, они отправили к архиепископу, который тогда находился в городе и был занят организацией королевских похорон, епископа Конрада и аббатов Генриха и Бертольда, чтобы добиться у него проводника для герцога Саксонии. Тот благосклонно отнёсся к их просьбе и, призвав князей, распорядился, чтобы вышеупомянутый Флоренций продолжал начатый путь вместе с герцогом.

3. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Итак, получив пропуск, герцог и его люди благополучно плыли в течение нескольких дней, но затем попали в теснину, которая зовётся в народе «скар» и где огромные валуны, возвышаясь словно горы, – на одном из них расположена крепость²⁹, – не дают водам свободно течь и сильно мешают проплывающим там путникам. Ибо воды, собираясь в этой теснине, сначала вздымаются вверх, а затем с сильным грохотом низвергаются в пропасть. Правда, обычно все корабли по Божьей воле благополучно проходят это место, и только герцог потерпел здесь кораблекрушение. Увидев это, люди, которые были в крепости, схватили лодки и вытащили герцога на сушу. А Гунцелин и стольник Иордан вместе с остальными выплыли самостоятельно. Итак, починив судно, они добрались до Браничева³⁰, города греческого короля, где из-за недостатка воды корабли сели на мель. Ибо Дунай, поглощённый подземным течением, превращается там в небольшую речку, которая через значительное расстояние, kloчоча бурными волнами, впадает в Саву. Итак, оставив корабли, они отправились дальше по суше и прошли через большой и знаменитый лес, что зовётся Болгарским³¹ и где как они сами, так и их кони сильно страдали в глубоких болотах; ибо их кони, везя в телегах и повозках большое количество продовольствия, выбивались из сил; телеги часто ломались и все изнемогали в непосильных трудах по их починке и приведению в порядок; они почти не продвигались вперёд, ибо все, как было сказано, останавливались из-за каждой сломанной телеги и, только починив её, опять шли дальше. Герцог, видя, что подобные труды сильно утомляют и задерживают их всех, велел бросить повозки и, нагрузив продовольствием вьючной скот, идти дальше. Итак, там были брошены груды отборной муки, оставлено множество сосудов для вина, – причём многие из них были с вином, – брошено огромное количество мяса, рыбы и прочих деликатесов, которые каждый старательно приготовил себе вместе с различными приправами.

Итак, двигаясь далее, они подошли к городу, что зовётся Равенель³². Он расположен посреди чащи, а его жители – сербы, сыны Велиала, – лишены страха Божьего и преданы плотским утехам и обжорству. Служа, согласно своему имени, всем мерзостям и живя, согласно расположению места, как звери, они ещё более дики, чем последние. Тем не менее они признают себя подданными греческого царя, чей посол заранее прибыл к герцогу и, находясь теперь вместе с ним, велел им с честью принять герцога в замке и самым достойным образом, как то подобает царскому величеству, служить ему во всём. Но те, презрев его увещания или распоряжения, отпустили его ни с чем и не оказали никакого уважения. Вернувшись к герцогу, посол сообщил ему то, что слышал. Тогда герцог со своими людьми подошёл к городу и разбил там лагерь. Вновь отправив посла, он вторично велел им с миром явиться к нему, просил дать ему проводника и таким образом мирно расстаться. Предприняв это несколько раз, но так ничего и не добившись, герцог сказал своим людям: «Справедливо, чтобы те, кто отправился в паломничество, шли с миром и кротостью. Поэтому и нам не следовало бы идти к городу царя, к которому мы

направляемся, с распушенными знамёнами. Но, поскольку эти сыны Велиала, не желая мира, по-видимому, добиваются с нами войны, давайте развернём знамёна и двинемся вперёд! С нами Бог наших отцов, во имя которого мы отправились в странствие и, следуя заветам которого, оставили дома, братьев, жён, сыновей и поля. Здесь нужно употребить силу. Храбро сразимся! Да случится то, что Ему угодно, ибо живём ли или умираем, мы всегда Господни!»³³. С этими словами они, развернув знамёна, двинулись дальше и, миновав город, расположились лагерем неподалёку от него, в глубокой долине, на берегу прозрачной реки, имея справа горную местность, а слева – чрезвычайно густые заросли ежевики. Итак, полагаясь на эти укрепления, они развели большие костры и, расставив по лагерю стражу, привели себя в порядок и легли спать. И вот посреди ночи сербы, собравшись со всего леса как один, образовали четыре отряда и, поочерёдно заывая с четырёх сторон, сильно шумели, надеясь тем самым напугать войско герцога, заставив его бежать, бросив своё добро, и взяв большую добычу. Герцог, вскочив со своими людьми, бросился к оружию, а маршал Генрих обошёл всех воинов, побуждая их собраться под знаменем герцога. С одной стороны слуги под охраной сторожили коней, и им было велено, в случае, если они первыми подвергнуться нападению врагов, немедленно сообщить об этом воинам, чтобы те их защитили. Число мужей, владевших оружием, составляло 1200 человек. Когда все воины, как было сказано, прибыли к герцогу, к нему поднялись также епископ Конрад и аббаты Генрих и Бертольд и расположились рядом с герцогом. В то время как герцог сидел в полном вооружении, был разведён огромный костёр; возле него стояли граф Гунцелин и наиболее крепкие воины, вдохновляя друг друга, как вдруг просвистела стрела и упала рядом с ними. Устрашённые этим они поспешно схватились за оружие. Внезапно явился гонец и сообщил, что шатёр господина епископа Вормсского захвачен врагами; при этом погибли, поражённые стрелами, один рыцарь и двое слуг; впрочем, один из них прожил до середины следующего дня и только тогда умер. Дело в том, что стрелы были отравлены и каждый, кого они поражали, не мог избежать смерти. Итак, услышав столь печальную новость, к шатру епископа тут же были отправлены 20 закованных в латы рыцарей; придя туда, они храбро порубили врагов, а один, действуя пращей, поразил по Божьей воле их командира и убил его. Когда тот пал, остальные обратились в бегство и не дерзали более нападать на лагерь герцога.

Когда настало утро, опустился очень густой туман, и герцог велел не сниматься с лагеря до тех пор, пока туман не рассеется. Когда выглянуло солнце, они отправились дальше и увидели издалека, что враги весь день просидели в засаде, надеясь захватить хоть кого-нибудь из них. Благополучно миновав этот лес, они добрались до города Ниш³⁴. Там герцог был с честью принят; и его, и его людей обеспечили всем необходимым за счёт царской казны. Оттуда герцога провели к Адрианополю³⁵, а затем – к Винополю³⁶. Продвигаясь таким образом, они в Святой Пяток³⁷ добрались до Константинополя. Проведя там Страсти Господни и Святую Субботу, они утром в день Воскресения³⁸, торжественно совершив таинства и позавтракав, поднялись ко двору царя. Герцог, согласно обычаю нашей страны, отправил перед

собой множество ценных подарков – прекраснейших коней, оседланных и покрытых попонами, доспехи, мечи, одежды из скарлака и одежды тончайшего шитья.

4. О ТОМ, КАК ЦАРЬ ПРИНЯЛ ГЕРЦОГА И ЕГО ЛЮДЕЙ

Итак, царь, облачённый в царские одежды, вместе с главными епископами, вельможами и знатью ожидал прибытия герцога. В этом месте находился очень широкий и просторный охотничий двор. Чтобы показать славу своих богатств, царь велел всем своим вельможам и знати также принять участие в этом празднестве. Итак, ты увидел бы там множество разбитых шатров, из виссона, пурпура, с золочёными главами, и украшенных в зависимости от богатства каждого. Итак, войдя туда, герцог был с честью принят, и, поскольку предстояла торжественная процессия, царь совершил её вместе с герцогом. Вся дорога была покрыта пурпуром, а также аурифригиями³⁹, и украшена золотыми лампадами и венцами. По ней шла толпа клириков и епископов, а за ними следовал царь с герцогом и иноземными воинами. Так они дошли до золотого шатра, который весь сиял золотом и драгоценными камнями. Затем они по той же дороге вернулись к церкви, где царь расположился на более высоком троне, а герцог – на другом троне, рядом с ним, и они прослушали торжественную мессу.

5. О ДИСПУТЕ ГРЕКОВ С АББАТОМ ГЕНРИХОМ

Итак, после полудня, когда царь с герцогом были в хорошем настроении, епископ Вормсский вместе с Любекским владыкой затеяли с учёными греками спор по поводу исхождения Святого Духа. Ибо греки говорят, что Святой Дух исходит только от Отца, но не от Сына, опираясь при этом на слова Господа: «Когда же придёт Утешитель, которого я пошлю вам от Отца и т. д.»⁴⁰. А наши возражают им, говоря, что Дух исходит от Сына также, как и от Отца, ибо Святой Дух принадлежит и Отцу, и Сыну; раз милость Святого Духа дана людям, то она, очевидно, даётся и Отцом, и Сыном, а значит Дух исходит и от Отца, и от Сына, ибо дарование и означает его исхождение. Поскольку греки продолжали возражать, всё ещё не убеждённые вескими доводами, аббат Генрих, муж чрезвычайно начитанный и красноречивый, почтительно начав речь, сказал: «Не заблуждайтесь, о католические и религиозные мужи, говоря, что Святой Дух исходит только от Отца, но не от Сына, ибо вполне очевидно, что от Сына он исходит точно также, как и от Отца. Отрицать это свойственно лишь еретикам. То, что он исходит от обоих, доказано многочисленными свидетельствами красноречивых пророков. Так, апостол говорит: «Бог послал Духа Сына Своего в сердца наши»⁴¹. То есть он зовётся здесь Дух Сына. А также: «Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его»⁴². То же самое о Духе говорит и Сын в Евангелии: «Его Я послал вам от Отца»⁴³. Он назван Духом Отца также там, где мы читаем: «Дух того, кто воскресил из мёртвых Иисуса, живёт

в вас»⁴⁴. Да и сам Христос говорит: «Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас»⁴⁵. И в другом месте: «Которого Отец пошлёт во имя Моё»⁴⁶. Из этих и прочих доводов видно, что Святой Дух исходит от Отца и от Сына. А на ту фразу из Евангелия, которую вы приводите в противовес нам, а именно, что «Дух исходит от Отца», мы ответим, что в ней говорит сама Истина. Да, действительно, — «Святой Дух исходит от Отца»; но здесь нет добавления, и она вовсе не отрицает того, что он исходит от Сына; просто она называет одного Отца по той причине, что к нему обычно относят и то, что касается Сына; ведь и Он сам происходит от Отца. Ваши собственные учителя, толкуя эту самую фразу, признают, что Святой Дух, как сказано, исходит от Отца и Сына, что Дух — как Сын, так и Отца, и что Святой Дух исходит и от Сына, и от Отца. Поэтому и Афанасий⁴⁷ говорит в Символе Веры: «Святой Дух не создан, не сотворён и не рождён Отцом и Сыном, но исходит [от них]». То есть по его словам Святой Дух исходит и от Отца, и от Сына. Также Иоанн Златоуст⁴⁸ в одной из гомилий⁴⁹ говорит: «Он исходит от Отца и от Сына, который наделяет своими дарами того, кого хочет». Да и епископ Кирилл⁵⁰ говорит: «Святой Дух понимается сам по себе, согласно тому, что Дух не есть Сын, но он и не чужд последнему. Ибо он зовётся Духом Истины, а значит протекает от него, как и от Бога-Отца». Вот явные свидетельства ваших же учителей, из которых следует, что Святой Дух исходит от Отца и Сына. Так что всякий язык признаёт, что Святой Дух исходит от Отца и Сына». Учёные греки ничего не могли противопоставить этим и прочим доводам, в особенности же своим собственным, и согласились с тем, что Святой Дух исходит от Отца и Сына. А аббат Генрих удостоился похвалы со стороны царя и епископов, прославивших его учение и оказавших немалое доверие его словам. А царица подарила герцогу множество дорогих одежд, так что он всех своих воинов облачил в нарядные одежды. Кроме того, царица каждому воину подарила меха и соболиные шкурки.

6. О ДАЛЬНЕЙШЕМ ПУТИ ГЕРЦОГА

Далее, царь дал ему очень крепкое судно, в достатке снабжённое всем необходимым, и герцог, сев на него со своими людьми, отправился в плавание. Но вот на море поднялась сильная буря, так что все ожидали близкой смерти от этой непогоды. Был там некий доброго образа жизни человек, который сильно переживал из-за грозившей им опасности. И вот, посреди этих переживаний и волнений на море, он внезапно уснул и увидел во сне стоявшую рядом с ним прекраснейшую деву, которая спросила у него: «Тебя страшат морские опасности?». А тот отвечал: «О светлейшая греша! Мы попали в беду, и если Бог не придёт нам с небес на помощь, то мы пропали». «Успокойся, — сказала дама, — вы не погибнете, но ради молитв того, кто не перестаёт взывать ко мне на этом судне, освободитесь от грозящей вам опасности». И хоть она и не открыла, кого именно имела в виду, всем было ясно, что речь по всей видимости шла об аббате Генрихе, который видит в Святом Духе, кое-что слышит, но ещё большее понимает. Видение оказалось истинным. Правда,

когда настал день, буря усилилась, и корабль бросало посреди моря по волнам. Они чуть было не подверглись той же опасности, что и недавно на Дунае, в той теснине, что зовётся «скаре», и моряков охватил сильный страх. И справа, и слева были острые скалы, а корабль находился прямо посредине. Когда волны усилились, моряки увидели голые камни и, словно на врага, направили на них парус. Но вот буря улеглась, и утихло её дыхание. Корабль благополучно миновал это место, и они восславили Господа, который умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и выводит оттуда⁵¹.

7. О ПРИБЫТИИ ГЕРЦОГА В ИЕРУСАЛИМ

Итак, прибыв в Аккарон, или Акко, герцог был великолепно принят жителями этого города; сев на коней и мулов, а некоторые даже на ослов, они отправились к городу Иерусалиму. Навстречу им с большой свитой вышли тамплиеры и госпитальеры и, приняв герцога самым достойным образом, провели его в святой город, где он был встречен духовенством с хвалебными гимнами и песнопениями. Герцог передал Святому Гробу много денег; базилику, в которой находилось древо Господне, он украсил мозаичной работой, а ворота этой базилики выложил чистейшим серебром. Он выделил также средства для приобретения годового запаса свечей, которые должны были постоянно гореть у Святого Гроба. Тамплиерам и госпитальерам он также передал много подарков и оружия, а также 1000 марок серебром для приобретения земель, которыми во время войны завладели вассалы. А король⁵² устроил ему и его людям трёхдневный пир в своём дворце. Итак, посетив все святые места в Иосафате, на Масличной горе, в Вифлееме и Назарете, он отправился к Иордану, куда его провели тамплиеры, а оттуда поднялся на Кварентену⁵³. Аббат Генрих также поднялся туда с большим трудом, – ибо был немощен телом, – и отслужил там мессу. Во всех этих святых местах он с величайшим благоговением проводил богослужения в память Господа нашего Иисуса Христа, который явился здесь во плоти, и Его славнейшей матери, которой он в течение всего странствия, облачённый во власяницу, в воздержании и молитвах оказывал величайшее почтение, и с первыми лучами солнца, прежде чем сняться с лагеря, после заутрени постоянно проводил в её честь торжественное богослужение, принося спасительную жертву за себя и за всё отправившееся в паломничество войско.

8. О ВОЗВРАЩЕНИИ ГЕРЦОГА ОТ ИОРДАНА

Когда герцог вернулся в Иерусалим, то его на два дня задержал у себя господин патриарх⁵⁴. Затем он возвратился в Аккарон, или Акко, и, попрощавшись со всеми, в том числе и с некоторыми своими людьми, а именно: с епископом Конрадом и аббатом Бертольдом, отправился в Антиохию. Его туда с большим отрядом сопровождали тамплиеры. А епископа Конрада поразили тяжкий недуг, от которого он и

умер. Ибо по отбытии герцога господин епископ, тяжело перенеся его отъезд и имея к нему ряд неотложных дел, вместе с аббатом Бертольдом сел на корабль и последовал за ним по морю. Однако болезнь усилилась, и, когда они прибыли уже к городу Суру, или Тиру, епископ, как говорят, испустил дух⁵⁵. Тело его было доставлено в город и с величайшей честью предано земле заботами графа Гунцелина и других друзей герцога, которые там были. А аббат Бертольд, возвратившись в Аккарон, также окончил жизнь через три дня⁵⁶. Герцог был чрезвычайно огорчён, узнав обо всём этом. А аббат Генрих вместе с герцогом продолжил начатый путь.

9. О ВОЗВРАЩЕНИИ ГЕРЦОГА НА РОДИНУ

Итак, отправив послов к Мило⁵⁷ Сарацинскому, герцог просил у него проводников для прохода через его землю. А тот, выслав к нему 20 наиболее благородных своих вельмож, заявил, что готов с честью и в полном спокойствии провести его через свою землю. Однако, узнав об этом, герцог заподозрил коварство и не решился идти через его землю. Тогда князь Антиохии⁵⁸, который принял его весьма достойно, дал ему корабли, и герцог, сев на них вместе с лошадьми и всеми своими людьми в городе, что зовётся гаванью Симеона⁵⁹, поднял паруса и за одну ночь и один день плавания миновал часть этой земли. Когда они прибыли в город, что зовётся Торсулт, а по-сарацински – Тортун⁶⁰, – позднее Мило захватил его и подчинил себе в наказание за то, что там прошли эти иноземцы, – султан⁶¹, правитель турок, выслал к нему 50 воинов, которые должны были провести герцога через землю Мило со всеми его людьми. Отправившись далее, они три дня шли по пустынной земле, лишённой дорог и воды, по земле ужаса и пустыни, которую называют пустынной Руменией. Там они сильно страдали, везя на лошадях всё необходимое, в том числе воду, которую пили и они, и их скот. Так они добрались до города, который на языке турок зовётся Ракилей, а по нашему – Гераклея⁶²; им некогда владел правитель Иерусалима Иракий⁶³, убивший Хосрова⁶⁴, который захватил Иерусалим и увёл в плен древо Господне. Когда герцог пришёл туда, турки встретили его самым блестящим образом и провели оттуда в Аксарат⁶⁵, где навстречу герцогу вышел, радуясь, сам султан. Обняв его и расцеловав, он заявил, что они – кровные родственники. Когда же герцог спросил о степени их родства, тот ответил: «Некая знатная дама из Тевтонской земли вышла замуж за короля Руси⁶⁶ и родила от него дочь; дочь последней оказалась в нашей земле; от неё-то я и происхожу». Султан благословил Бога небесного за то, что герцог не попал в руки Мило, заявляя, что тот – неверный человек и предатель, и что если бы герцог попал в его землю, то наверняка лишился бы и имущества, и самой жизни. Султан дал герцогу много подарков, в том числе плащ и тунику из превосходного шёлка, а тот благодаря исключительному мастерству сделал из них соответственно ризу и далматик. После этого были приведены 1080 коней, чтобы герцог мог выбрать себе из них каких пожелает, а тот сказал своим воинам, чтобы каждый взял себе коня по своему вкусу. Итак, были выбраны 300 самых крепких коней с серебряной уздой и

отличными сёдлами, сделанными из попон и слоновой кости, и султан вручил их герцогу. Он подарил ему также, согласно обычаю своей страны, шесть шатров, шесть верблюдов, которые должны были их везти, и рабов, обязанных вести этих животных. К ним он добавил двух леопардов, двух лошадей и рабов, ибо они были приучены сидеть на лошадях. После того как султан оказал ему самое любезное гостеприимство, герцог упрекнул его за языческое суеверие и много говорил о воплощении Христовом и католической вере. Но тот ответил лишь: «Не трудно поверить в то, что Бог, когда захотел, обрёл плоть от нечистой женщины, раз он вылепил первого человека из грязи земной». Поскольку он был из ереси николаитов⁶⁷, то, вероятно, слышал это из книг Моисея, в которых и прочитал о сотворении первого человека. Ибо многие язычники, принимая Пятикнижие Моисея, не отходят от идолопоклонства, как некогда самаритяне. Поэтому женщина самаритянка и говорит в Евангелии: «Господи, вижу, что ты пророк»⁶⁸, и прочее.

10. РАССКАЗ О КОРОЛЕ КОНРАДЕ

Итак, отпущенный султаном герцог прибыл в Исмилу⁶⁹, а оттуда – в Иконий⁷⁰, которая является столицей турок. Идя далее, он прибыл в пустынную и чрезвычайно засушливую область, где, как говорят, остановился со своим войском король Конрад⁷¹, ибо из-за чрезвычайной пустынности этой земли многие его люди обессили от голода и жажды, и он не мог идти дальше. Он был предан своим проводником, что, как говорят, вышло по совету греческого царя, поскольку этот Конрад долго находился в его земле с чересчур большим войском, но не захотел с ним увидеться. Ибо у греческого царя, который, чересчур гордясь своими богатствами, именует себя императором, – хоть и унаследовал этот титул от Константина, основателя этого города, – есть отвратительный обычай – он никого не удостоивает приветственного поцелуя, но каждый, кому позволяют видеть его лицо, должен с поклоном поцеловать его колени. Так что король Конрад ради чести Римской империи наотрез отказался от этого. Когда же греческий царь согласился даровать ему поцелуй, но только сидя на троне, королю Конраду и этого показалось мало. Наконец мудрые люди с обеих сторон пришли к такому решению: они оба должны сесть на коней и, сидя в одинаковом положении, съехаться и обменяться поцелуем. Что и было сделано. По этой ли причине или потому, что они боялись тевтонской силы, греки и предали всё это иноземное войско, подмешивая им яд в источники и заведя их в эту ужаснейшую пустыню. Из-за всего этого столь крупное предприятие имело весьма печальный конец.

Следуя далее, герцог прибыл к большому лесу, который отделяет страну турок от страны греков. С трудом пройдя его за три дня, он добрался до города греческого царя, который зовётся «Замком алеманнов», потому что им некогда владел герцог Готфрид⁷² и именно оттуда подчинил себе всю Турцию. Идя далее, он пришёл к очень крупному городу, который был окружён и украшен стенами и многочисленными башнями и сильно укреплён; зовётся он Анике⁷³, и названный Готфрид взял

его лишь с очень большим трудом. Поскольку Готфрид остался памятен в веках за свою веру, мы расскажем, каким образом Бог передал ему в руки этот весьма неприступный город.

11. РАССКАЗ О ГЕРЦОГЕ ГОТФРИДЕ

Когда осада этого города затянулась, и войско Готфрида стало сильно страдать от голода, так что почти все кони и вообще всё, что они имели, вплоть до башмачных ремней, было съедено, правитель крепости, также утомлённый долговременными трудами, велел взойти на стену одному немцу, которого он долгое время держал в заключении, и тот, обратившись к герцогу и народу Божьему, сказал: «Вот слова правителя крепости: Почему ты столько времени ведёшь эту осаду и не хочешь покинуть мои земли? Ты не в силах взять эту крепость, но, если тебе угодно, давай положим конец этому злу следующим образом. Пусть выйдут и вступят между собой в поединок двое – один из наших и один из ваших; если победит ваш человек – мы сдадим эту крепость и уйдём. Если же победу одержит наш – вы немедленно покинете нашу землю». Герцогу и всем его людям пришлось по нраву эти слова, и с обеих сторон было дано обещание – каким бы ни был исход поединка, честно сдержать данное слово. У герцога Готфрида был слуга, сильный телом, высокий и очень красивый. Звали его Илия. Согласно условиям перемирия, герцог послал его в город к князю, желая положить конец этому делу и сговориться о дне поединка. И вот правитель, видя перед собой красивого и чрезвычайно сильного мужа, решил, что ни один из его людей не сможет сравниться с ним силой. Поэтому, приняв его и выслушав данное ему поручение, он сказал: «Не желаешь ли ты остаться у меня и сразиться за меня в этом поединке?». А тот ему: «Что ты мне дашь за то, что я сделаю так, как ты говоришь?». «Я дам тебе половину моей страны и мою дочь в придану и возвышу превыше всякой меры», – отвечал правитель. «Сделай то, что ты сказал, и я сражусь за тебя», – сказал Илия. Итак, заключив соглашение, Илия отрёкся от Христа и женился на язычнице, и стали они одним сердцем и одной душой⁷⁴. А герцог удивлялся тому, что случилось, и не знал, что думать – то ли его слугу взяли в плен, то ли он не вернулся по причине этого дела. И вот в один из дней тот самый немец, стоя на стене, вновь обратился с речью к герцогу и князьям, сказав: «Вот, что поручил мне передать мой господин: Будьте готовы в такой-то день и час, ибо тогда мой господин выйдет к вам со своим представителем и исполнит то, о чём он говорил». Услышав это, все обрадовались, и каждый предлагал своё участие в этом поединке, желая сразиться во славу Божию. Герцог также приготовился перед всеми к поединку, но ему не позволили это сделать, ибо он был уже стар и немощен, да к тому же ещё и горбат⁷⁵. О своей готовности заявили даже епископы; каждый, богатый или бедный, был готов победить или умереть во славу Божию. И вот вперёд вышел некий Дрого⁷⁶, родственник герцога, сын его сестры, и сказал ему: «Я столько лет служил тебе и не просил у тебя никакой награды. Справедливо, чтобы я наконец-то получил плату за мои труды. Так вот, за всю ту службу, что я нёс тебе

столько лет, я смиреннейше прошу дать мне возможность принять участие в этом поединке». Что же далее? Герцогу пришлось по нраву преданность этого мужа, и он под всеобщие крики одобрения был препоясан оружием. Когда он вышел вперёд, герцог сказал: «Пусть Бог, который благословил отца нашего Авраама, а также Исаака и Иакова; Бог, который рукою Моисея провёл народ свой через пустыню, утопив их врагов в Красном море, и через Иисуса ввёл их в землю Ханаанскую, повергнув врагов к ногам их; Бог, который дал Гедену уверенность против врагов, Самсону – храбрость, Юдифи – победу над тираном; Бог, который освободил Даниила из пасти льва, Давида – от злого меча, Илию – от гонений Иезавели; Бог, пославший в этот мир своего сына Иисуса Христа, который спас род людской, своей победой на святом кресте победил дьявола и сокрушил сосуды его плена; который благословил своих апостолов и просветил их учением святой церкви; который, наконец, сказал нам через них: «Если чего попросите у Отца во имя Моё, Я то сделаю»⁷⁷; и ради имени которого и любви мы отправились в это странствие; пусть он благословит тебя своей высокой дланью и во славу своего имени повергнет ныне нашего врага к ногам твоим!». Все ответили на это: «Аминь», и епископы скрепили благословение, после чего воин Христов Дрого вышел навстречу своему противнику, а все заплакали и преклонили колени в молитве к Богу. И вот прегордый Голиаф, а именно отступник Илия, обречённый пасть во имя Господа от руки смиренного Давида, выступил против него, сидя на прекрасном коне, попону которого дочь правителя украсила многочисленными колокольчиками, как для красоты, так и ради того, чтобы обратить в бегство коня соперника. Но герцог Готфрид принял надлежащие меры и заткнул уши коня своего родственника шерстью и смолой. Итак, сначала они сшиблись на конях и преломили копья, а затем, вскочив на ноги, долго сражались врукопашную, нанося и отражая удары друг друга. Наконец Господь, вспомнив о своём милосердии и истине, даровал победу своему рабу Дрого, а Илию поверг на землю. Когда он был повержен и уже не думал о том, чтобы подняться, Дрого спросил его: «Кто ты, сразившийся со мной?». Ибо ни один из них не знал, кто его противник. А тот ответил: «Я – Илия». «На что же ты рассчитывал?» – продолжал Дрого. «Как мог ты выстоять, раз отверг Христа? А теперь покайся и примиришься со своим Богом, ибо Он – милостив, и возвращайся со мной в лагерь. Ибо у меня, как ты знаешь, четыре города и я дам тебе два, какие ты захочешь, и отдам в жёны мою сестру, родственницу герцога, так что ты будешь самым доверенным лицом герцога». Но тот ответил: «Никогда я не нарушу раз принятую веру и не покину своего тестя»⁷⁸. И Дрого его обезглавил. И прославился Господь в своих людях; язычники покинули крепость, а герцог Готфрид вступил туда со своими людьми, восхваляя Господа, который всё, что желал, сотворил на небе и на земле.

12. ОН ВЕРНУЛСЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ, А ОТТУДА – В БРАУНШВЕЙГ

Идя далее, герцог перешёл рукав св. Георгия и прибыл в город Галлиполи, а оттуда – в Константинополь, где его люди вернули себе коней, которых там остав-

ляли, и ушли в Манополь, где тогда находился царь. Тот сильно обрадовался его возвращению и, с величайшей честью продержав его у себя несколько дней, подарил ему 14 мулов, нагруженных золотом, серебром и шёлковыми одеждами. А герцог, горячо поблагодарив его за это, отказался их принимать, говоря: «У меня и так много всего, о господин мой. Я ищу лишь милости в твоих глазах!». Поскольку царь настаивал, а герцог наотрез отказывался брать подарки, то царь подарил ему много драгоценных мощей святых, о которых просил герцог. К этому он добавил также множество драгоценных камней, после чего герцог откланялся и, уйдя с миром, прибыл в Ниш. Перейдя через большой лес, он пришёл к королю Венгрии, который только недавно был коронован, овладев королевством брата. Тот принял его с величайшим почётом и дал проводников через свою землю. Так герцог возвратился в свои края. После этого он прибыл к императору, который тогда находился в городе Аугсбурге⁷⁹; тот очень обрадовался его приходу и особенно тому, что герцог вернулся в добром здравии. Проведя в пути целый год, герцог наконец вернулся в Брауншвейг, и возрадовались его приходу все его друзья. Герцог обогатил дом Божий мощами святых, которые он привёз с собой и облачил их в золото, серебро и драгоценные камни; среди них было также множество дланей апостолов. Из превосходных покровов он сделал ради украшения богослужения множество риз и далматиков и украсил церкви. Этот князь был чрезвычайно предан в украшении дома Божьего, как то видно по церкви св. Блазия в Брауншвейге, которую он, впрочем, так и не окончил, как хотел, из-за постигших его неудач, к которым мы вопреки воле должны будем перейти.

13. ОБ ИЗБРАНИИ ГОСПОДИНА АББАТА ГЕНРИХА НА ПРЕСТОЛ ЛЮБЕКСКОЙ ЦЕРКВИ

После того как герцог расположился в замке Люнебург, к нему пришли любекские каноники с просьбой дать их Божьему дому подходящего управителя. Они заявили, что все разом высказались за кандидатуру господина Генриха⁸⁰, аббата из Брауншвейга, и умоляли герцога поставить его во главе их церкви, если только их просьба и это назначение не противоречат его намерениям. А тот отвечал им: «Признаю, что это – весьма подходящая кандидатура. Ибо Генрих – мудрый и благочестивый муж, прекрасно умеющий сеять слово Божье. Однако именно потому, что мы знаем о верности этого мужа и о его достойном образе жизни, мы и не можем без большого сожаления отпускать его из нашего дома в Брауншвейге. Тем не менее, чтобы не казалось, будто мы противимся столь полезному делу и легкомысленно отвергаем вашу справедливую и разумную просьбу, пусть исполнится воля Божья и ваше желание! С честью ответите этого достопочтенного мужа к престолу Любекской церкви и окажите ему всяческое уважение и почтение». Итак, в Брауншвейг прибыли декан Отто и страж Арнольд; вместе с приором Генрихом⁸¹, нотарием герцога, они вошли в кафедральный собор и в присутствии аббата Сигебодо из Риддагсхаузена, а также приоров Готфрида и Ансельма⁸² вручили упомя-

нутой церкви письма следующего содержания: «Братья церкви Божьей, что расположена в Любеке, шлют священному капитулу собора св. Эгидия в Брауншвейге привет и желают милости во Христе!». Когда братья смиренно поклонились в ответ на слова приветствия, они продолжили: «Пусть знает ваша милость, что поскольку наша мать, а именно святая Любекская церковь, лишилась своего отца, и мы не можем долго жить без пастыря, нашей прямой обязанностью является позаботиться о том, чтобы иметь в доме Божьем мудрого и верного управителя. Поэтому мы приносим Богу величайшую благодарность за то, что наконец-то нашли того, кто нам угоден, а именно господина Генриха, вашего аббата, мудрого и благочестивого мужа, которого мы решили поставить во главе нас не только благодаря каноническому выбору, но и властью нашего правителя, господина герцога, который назначил его нашим господином и духовным отцом. Поэтому мы просим вас быть с нами одного мнения, согласиться с Божьей волей и вместе с нами самым преданным образом возвести его в этот сан».

Поскольку братья, с одной стороны, были очень рады такому возвышению своего отца, но с другой – огорчены скорым уходом столь благочестивого пастыря, то избранник ответил следующее: «Должность, к которой вы меня призываете, о братья мои и господа, чрезвычайно трудна и ответственна, и по моему мнению превышает мои силы. Но поскольку, очевидно, нет более достойного кандидата, то, если более никто не будет призван Богом, как Аарон, я признаю, что именно меня призывает к этой должности воля Божья, ибо вся власть – от Бога. И, поскольку тот, кто противится власти, выступает против самой воли Божьей, я повинуюсь, правда, более по необходимости, нежели по желанию». Итак, выступив вместе с ними из собора св. Эгидия, во главе которого он стоял десять лет и который обогатил множеством вещей, – в том числе, вернувшись из паломничества, украсил 12 покрывами, – Генрих прибыл к герцогу в Люнебург. Получив от него епископскую инвеституру, он был с честью отведён в Любек и с величайшим благоговением принят духовенством и всем народом. Затем на рождество св. Иоанна Крестителя он в присутствии герцога был посвящён в сан епископами Вало Гавельбергским⁸³, Эвермодом Ратцебургским и Берно Шверинским. В тексте Евангелия, что держали у него на плечах, в заглавии первой страницы было найдено: «Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям»⁸⁴, а в заглавии второй: «Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева»⁸⁵, что можно понимать, как откровение свыше по поводу его будущего образа жизни. Наконец, он был отмечен Господом многими талантами, но особенно блистал книжной мудростью и красноречием. И, хотя большинство, переменяясь в своих мыслях, пользуются ими скорее ради гордыни, нежели ради созидания, он оставался в том же смирении и всегда был предан Богу и его Преславной матери в постах, бдениях, воздержании, в молитвах и раздаче милостыни, так что мы можем сказать о нём: «Муж праведный и богобоязненный», и прочее. В проповеди же слова Божьего он отличался столь исключительным даром, что не было такого каменного сердца, которое он не подвигнул бы к раскаянию и слезам своими прочувствованными речами. Ибо всю глубину писания он излагал столь ясными словами, что, извлекая

из глубины души их скрытый смысл, он насыщал всех сладчайшим хлебом слова Божьего, так что его сладкое учение доставляло немалую радость всему народу.

Пусть не погнушается ваша милость услышать, что Бог открыл некоторым людям о его блаженстве и вероучении. Так, однажды, ввиду неотложных дел, он проходил через Тюрингию и, чтобы переночевать, завернул в одно селение под названием Ихтерсхаузен⁸⁶. Некая благочестивая дама, ведя непорочную жизнь, жила там по уставу блаженного Бенедикта. И вот, когда после полудня монахини лежали на кроватях, Ида, дама честнейшего образа жизни, позже поставленная аббатисой в Вальтингероде⁸⁷ и первая правившая тамошней женской общиной, – там же она и упокоилась, приняв блаженную кончину, – заснув, увидела в Божьем видении, что вся община её сестёр с величайшим благоговением стоит возле хора и чрезвычайно звонкими голосами поёт при встрече этого епископа: «Воистину блаженный епископ, воистину учитель веры!». Когда это было пропето с величайшей радостью, некий почтенного возраста муж, праведник, подошёл к окну хора, через которое им по воскресным дням давали причастие, и сказал: «С величайшим уважением примите этого заезжего епископа и с величайшим расположением, наидостойнейшим образом прислуживайте ему во всём! Знайте, что этот напев открыт вам свыше, ибо в нём про этого епископа говорится чистая правда. Ведь он – воистину блаженный епископ и воистину учитель веры». Когда названная монахиня проснулась, то рассказала сёстрам то, что видела. И вот в тот же миг прибыл гонец и сообщил, что какой-то епископ заехал к ним переночевать. Итак, убедившись в истинности видения и воздав Богу благодарность, они просили, чтобы епископ соизволил посетить их, надеясь, что удостоится услышать слово проповеди из его уст. Придя к ним, он, как они и хотели, сказал в начале своей речи: «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами»⁸⁸. Когда он многое сказал в этой речи о чистоте и невинности жизни, которая приличествует их заведению, они так разомлели от медоточивой сладости его слов, что, как и было открыто, сказали, что он, воистину, блаженный епископ и, воистину, учитель веры.

А герцог в это время начал строить в Любеке церковь в честь св. Иоанна Крестителя и св. Николая, исповедника Христова, и вместе с епископом Генрихом заложил в её основание первый камень. Он каждый год выдавал на её строительство 100 марок денариев; то же было и в Ратцебурге; так что герцог все свои силы уделял недавнему насаждению в северном крае. Однако он так и не довёл это до желанного конца, ибо через некоторое время настала великая смута, которая жестоко потрясла всю Саксонию; прекратив строительство церквей, он начал укреплять крепости и города, ибо против него поднялось множество врагов.

14. МУЧЕНИЧЕСТВО ФОМЫ, ЕПИСКОПА В АНГЛИИ

Около этого времени в Англии был замучен блаженный Фома⁸⁹, архиепископ Кентерберийский, муж, славный святостью и чудесами. Когда он до самой смерти сражался за закон Божий, против него начались гонения и он, спасаясь от гнева

злодеев, ушёл к папе Александру⁹⁰, который тогда находился в изгнании во Франции, и оставался у него много дней, в святости и справедливости служа Господу все дни своей жизни. Случилось, что однажды, когда папа сидел вместе с епископом, им захотелось пить, и папа сказал стоявшему рядом мальчику: «Принеси мне воды из источника, чтобы напиться». Когда вода была принесена, папа сказал епископу: «Благослови и пей». Тот благословил воду, и она превратилась в вино, после чего он, отпив, передал её папе. Когда папа понял, что это вино, он тайно подозвал к себе мальчика и спросил: «Что ты мне принёс?». А тот ответил: «Воду». Тогда папа сказал ему: «Принеси мне ещё раз оттуда же». Когда мальчик вновь принёс воду, папа вторично сказал епископу: «Брат, благослови и пей». А тот, не зная, какая в нём благодать, и думая, что ему нарочно принесли вино, смиренно благословил её, и она вновь превратилась в вино, после чего он отпил и передал вино папе. Тот, всё ещё не веря и думая, что вышла какая-то ошибка, в третий раз тайно велел принести воду, и она в третий раз превратилась в вино. Тогда папа испугался, поняв наконец, что перед ним – святой муж, в котором живёт благодать Божья. Вскоре после этого епископ сказал папе: «Господин, я вернусь в мою епархию и навещу моих овец. Я знаю, что мне угрожает гнев короля, однако Богу надлежит повиноваться более, нежели людям⁹¹. Пусть во мне исполнится воля Того, во имя которого я готов умереть, ибо как Он положил за нас душу свою, так и мы должны полагать души свои за братьев»⁹². А папа ответил ему: «Иди, я отпускаю тебя». Так Фома вернулся в свою епархию и принял там мученичество 29 декабря⁹³; с того часа и до сего дня Бог совершил через него множество чудес, как то уверяют те, которые были у его могилы, где силой его молитв всем больным и убогим оказывается множество милостей, и люди всех наций прославляют Бога, который и в наши времена достоин славиться в своих святых.

КНИГА ВТОРАЯ

1. О ССОРЕ МЕЖДУ ИМПЕРАТОРОМ И ГЕРЦОГОМ

Около этого времени император находился в Италии, увязнув в многочисленных битвах¹. Ибо ломбардцы все разом восстали против него, и положение государства в тех землях было сильно поколеблено, возможно, по причине раскола, который уже долгие годы имел место, и многие пытались войти в овчарню не через двери для овец, но как-то иначе², тревожа церковь губительным расколом. Итак, цезарь, напрасно истратив силы в ряде сражений, в сильной тревоге ушёл из этих земель и, перейдя через Альпы, прибыл в немецкие земли. Созвав князей, он рассказал им о постигших империю неудачах и призвал идти вместе с ним в итальянский поход, чтобы наказать мятежников. Он с величайшей настойчивостью пытался привлечь к этому делу и герцога Генриха; зная, что ломбардцы дрожат перед ним, он говорил, что ничего не сможет сделать против них без его участия. Но герцог, напротив, уверял, что уже состарился в многочисленных трудах и походах как итальянских, так и многих других; он заявлял, что со всей преданностью готов служить его императорскому величеству и предоставить ему золото, серебро и всё, что потребуется для сбора войска, но наотрез отказывался явиться лично. На это император ответил: «Владыка небесный возвысил тебя среди князей и более прочих наделил богатствами и почестями; на тебе держится вся сила империи, а потому справедливо, чтобы ты во имя укрепления сил всей знати принял самое деятельное участие в этом деле, дабы государство, которое начало слабеть, вновь окрепло благодаря тебе, ибо нет сомнений, что только благодаря тебе оно и держалось до сих пор. Мы хотим, чтобы ты помнил, что мы никогда и ни в чём тебе не отказывали и, будучи постоянно готовы содействовать увеличению твоих почестей, всегда были врагами твоих врагов и никому не давали им одержать над тобой верх. Опуская клятву верности, которую ты принёс императорской власти, мы желаем лишь напомнить тебе о родстве, которое связывает тебя с нами более всех прочих, чтобы ты со всей верностью пришёл нам, своему племяннику, государю и другу, на помощь в настоящей нужде и впредь располагал нашим благоволением во всём, чего бы ты ни пожелал». Но, поскольку герцог по-прежнему отказывался, заявляя, что готов ко всякой службе, но не желает являться лично, император, поднявшись со своего трона, пал ему в ноги, ибо находился в чрезвычайно стеснительных обстоятельствах. А герцог, сильно встревоженный столь неслыханным делом, а именно тем, что на земле смиренно лежит тот, перед кем склоняется весь мир, поспешно поднял его с земли, но так и не согласился с его просьбой.

2. О ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ ГЕРЦОГА

А император, на время скрыв гнев, который проистекал от глубины испытанного им унижения, вернулся в Италию с войском, какое только смог тогда собрать; его со всей энергией поддерживал Христиан³ Майнцкий, который до самого конца своей жизни разорял Ломбардию, подчиняя её империи; желая угодить скорее земному владыке, нежели небесному, он, пренебрегая вверенной ему паствой, собрал гораздо больше дани цезарю, нежели сокровищ Христу. Итак, император имел успех. Он одержал победу и по своему произволу наполнил эту землю пожарами и грабежами, разоряя всякий укрепленный город. И поник рог его противников, и замолчали они перед ним⁴. Итак, видя, что установилось спокойствие, он, пользуясь случаем, созвал князей и начал обвинять герцога Генриха во многих грехах. Так, он говорил, что тот из-за своей чрезмерной гордыни выказал такое презрение к императорской власти, что не соизволил прийти к нему на помощь в столь тяжких обстоятельствах даже тогда, когда он смиренно лежал у его ног, и, презрев государство и власть его императорского величества, наотрез отказал ему в поддержке. Услышав это, князья, которые и без того ненавидели герцога, пользуясь случаем, начали жаловаться на него и, одобрив слова императора, присудили лишить его всякой чести, провозгласив виновным в оскорблении императорского величества не только потому, что он игнорировал приказы и распоряжения императора, но и потому, что он оскорбил всех князей, отказав императору в смиренной просьбе. То одни, то другие вставали, жалуясь на те или иные обиды, причиненные им герцогом, и требовали от императора восстановления справедливости. Епископы громче всех кричали об угнетении церковью, говоря, что нет, пожалуй, ни одной церкви, которая не подверглась бы разграблению с его стороны. Итак, против герцога был составлен внушительный заговор. А император, видя, что князья желают герцогу зла, с величайшей мудростью и энергией взялся за его устранение. Сознывая, что сокрушить герцога будет нелегко, он с невероятной хитростью использовал для этого всякое средство и, не надеясь одолеть его силой, решил одолеть хитростью. При посредничестве Филиппа⁵ Кёльнского он примирился тогда с папой Александром⁶, чтобы, заключив мир с тем, с кем долго враждовал, укрепить повсюду свою власть и легко добиться всего, чего он хотел.

3. ОБ ОКОНЧАНИИ РАСКОЛА

В 1177 году от воплощения Господа нашего Иисуса Господь с вершины своего престола обратил свой взор на сынов человеческих, и настал в церкви Божьей день радости и ликования, ибо прекратился наконец раскол, который в течение 20 лет раздирал церковь. И настал мир между светской и духовной властью, и утвердилось единство на апостольском престоле; и соединилась церковь под властью Александра, и сделалось одно стадо и один пастырь⁷. Торговцы были изгнаны, а

истинные пастыри возвращены к своим овцам. Среди них апостольской властью был возвращён на свой престол Ульрих⁸ Хальберштадтский. Но и рука императора была вместе с ним, поддерживая его во всём. Итак, вскоре после прибытия Ульриха страна пришла в движение, ибо он при поддержке восточных князей начал затевать против герцога Генриха многочисленные козни. Был изгнан Геро⁹ и ликвидировано всё, что он в течение многих лет совершил в этой церкви. Так, все рукоположенные Геро священники были лишены Ульрихом сана, церкви, которые тот не освятил, но скорее проклял, закрыты, а тело блаженного епископа Бурхарда¹⁰, которое Геро перенёс, вновь предано земле.

4. О ПОХОДЕ ГЕРЦОГА В ЗЕМЛЮ СЛАВЯН

В эти же дни герцог Генрих с большим войском вступил в землю славян и осадил крепость Деммин¹¹. Узнав о прибытии Ульриха, он понял, что уже обойдён со всех сторон и сказал: «Вижу, что грозят мне войною!»¹². Призвав очень немногих из своих приближённых, он сказал, что ему без всякого промедления следует возвращаться в Саксонию. Среди прочих там находился также Фридрих, большой мастер на всякие выдумки. К нему и обратился герцог с такими словами: «Каким образом – хитростью или силой – нам лучше взять этот город?». А тот отвечал: «Если тебе угодно, то я целиком сожгу его за три дня». Однако герцог возразил: «Я не хочу, чтобы он был сожжён, ибо если он сгорит, враги будут беспокоить нас с удвоенной силой, особенно же после того, как по эту сторону Эльбы против нас начнут большую войну; и будет очень трудно сдерживать натиск врагов и с той и с другой стороны». Тогда Фридрих сказал: «Если тебе это больше по нраву, то я постараюсь, чтобы они в течение трёх дней выдали удобное тебе количество заложников и впоследствии жили с тобой в мире, уплачивая дань». Когда герцог одобрил это, так и было сделано. Приняв заложников, он, не доведя дело до конца, вернулся в Брауншвейг.

5. ОБ ОСНОВАНИИ ОБИТЕЛИ СВ. МАРИИ И СВ. ЕВАНГЕЛИСТА ИОАННА В ЛЮБЕКЕ

В том же году епископ Генрих заложил в Любеке здание новой нивы, а именно монашескую обитель, которую он построил в честь Пресвятой Матери Божьей Марии и святого евангелиста Иоанна, а также исповедников Ауктора и Эгидия, и торжественно освятил в день св. Эгидия при содействии Этело, приора кафедральной церкви, а также декана Отто, стража Арнольда и других каноников. И, хотя из-за скудости епископских доходов он не мог наделить её со всей щедростью, он всё же передал в дар этой церквушке половину селения Ренсевельд¹³, деревушку Клеве и ещё три полудесятины в Гладенбрюгге Большом, Гладенбрюгге Малом¹⁴ и Стуббендорфе¹⁵. Он также за собственные деньги приобрёл в городе дворы, которые

ежегодно платили ей по 8 марок денариев, и некоторые поля в городской округе. Так он с величайшим благоговением возделывал эту новую ниву, не без ревности со стороны некоторых лиц, которые с завистью взирали на все его усилия. Однако он так и оставил её незавершённой, ибо прожил после этого очень недолго¹⁶.

6. О ПОСТРОЙКЕ ХОПЕЛЬБЕРГА

А Ульрих Хальберштадтский занял гору под названием Хопельберг¹⁷ и построил на ней крепость; в этом деле ему оказали помощь восточные князья. Услышав об этом, герцог прибыл туда с отрядом вооружённых людей и, прогнав врагов, разрушил укрепление. Однако те, восстановив силы, упорно продолжали начатое. Когда же войско герцога вторично выступило против них, они одержали над ним победу, обратили людей герцога в бегство и, пленив очень многих, взяли богатую добычу. Многие там погибли, утонув в болотистых местах. Тогда же умер и граф Генрих¹⁸, отчим графа Адольфа, который в то время был ещё слишком молод. Однако его мать Матильда¹⁹, умная и благочестивая дама, потеряв супруга, мудро управляла его домом. Когда же Адольф²⁰ стал рыцарем, он не посрамил славы своего отца.

7. О СМЕРТИ ЭВЕРМОДА И ЕГО ПРЕЕМНИКЕ ИСФРИДЕ

В это же время умер блаженной памяти Эвермод, епископ Ратцебурга²¹; он, как то угодно благоговению верующих, продолжает жить во Христе, ибо вёл благочестивую жизнь и упорствовал в святости и праведности до самого конца, так что по уверениям некоторых Бог ещё при жизни епископа сотворил через него ряд чудесных знамений. И, поскольку выдался подходящий случай, не следует обходить молчанием то, что мы узнали из рассказов верующих.

Случилось, что однажды граф Генрих²² фон Ратцебург, во времена которого этот епископ был призван на эту должность герцогом Генрихом, взял в плен двух знатных вельмож из Фризии. Поскольку он по обыкновению тиранов сильно их истязал, епископ, сочувствуя пленным, неоднократно уговаривал графа их отпустить. Но тот, чуждый всякой жалости, по-прежнему не жалел их. Между тем настал день Пасхи, и пленным из уважения к Божьему празднику, хоть под суровой охраной и в оковах, но разрешили принять в нём участие. И вот, когда епископ, окропля присутствующих, подошёл к ним, то движимый милосердием, окропил святой водой их кандалы и сказал: «Господь восставляет согбенных, Господь разрешает узников»²³. И кандалы тут же с громким скрежетом треснули, а пленники, освободившись, восславили Бога. Всё это произошло на горе св. Георгия, где тогда находился епископский престол, ещё не получивший, как ныне, приращения благодаря Богу. Кандалы же в память об этом событии ещё долго после этого висели в церкви.

В другой раз названный епископ вместе с господином Гартвигом²⁴, архиепископом Бременским, который за своё благородство был прозван «Великим», находился

в Дитмаршене²⁵ в торжественном собрании. И вот, когда муж Божий служил в присутствии архиепископа мессу, случилось кровопролитие – некий дитмарс убил одного из вельмож этой страны. Когда об этом стало известно епископу, он постарался добиться примирения и прямо посреди мессы, согласно обычаю, стал настойчиво просить того, чей родственник был убит, простить своего ближнего, повторяя слова из молитвы Господней: «И прости нам долги наши»²⁶ и прочее. Однако тот, ожесточившись сердцем, не внял этому; тогда епископ, сойдя с амвона, подошёл к нему и вместе с мощами святых пал ему в ноги. Когда же тот связал себя страшными клятвами во имя Бога, Его матери и прочих святых, заявив, что никогда не простит убийцу, епископ вместо благословения дал послушнику внушительную пощечину. Тогда тот, протянув руки, тут же согласился с его просьбой и примирился с ближним. То, что демон был изгнан посредством пощечины, случилось, как мы верим, по воле Божьей. То же самое мы находим и в книге диалогов блаженного Григория, а именно, что некая монахиня посредством пощечины освободила от злого духа одного крестьянина. Также блаженный Бенедикт²⁷ ударом палки излечил одного монаха, которого одолевал злой дух. Дело не в том, что демоны бегут от пощёчин и палок, ибо они бесплотны, но всё дело в Божьей любви и силе молитвы. Исходя из этих и прочих знаков добродетелей, мы верим, что названный епископ живёт во Христе.

Ему наследовал господин Исфрид²⁸, бывший ранее приором в Иерихоне²⁹, муж большого благочестия, ибо он жил в этом приорстве не как каноник, но как монах. Я говорю это отнюдь не в укор регулярным каноникам, которые в большинстве своём живут свято и праведно, но лишь потому, что звание монаха – вершина святости и нет в этом имени недостатка ни в каком совершенстве; однако это – удел немногих. Миряне, не зная тонкостей устава монахов и регулярных каноников, обычно и этих каноников называют монахами. Став епископом, Исфрид не оставил путь смирения, был кроток со всеми и ко всем проявлял сочувствие. И хотя мы, очевидно, нарушаем порядок изложения, забегая немного вперёд, но всё-таки скажем, – раз уж мы начали о нём говорить, – сколько бед испытал этот муж и с каким удивительным терпением переносил их. Поскольку Господь выделяет две основные напасти, говоря: «Когда услышите о войнах и смятениях, не ужасайтесь»³⁰, что блаженный Григорий объяснял так: «Войны, – говорил он, – относятся к врагам, а смятения – к горожанам», то и мы скажем, что дома он терпел от горожан, то есть братии, а снаружи – от врагов.

Итак, с того времени, как произошла смена герцогов³¹, он, лишившись утешения со стороны герцога Генриха, который за его верность и преданность оказывал его церкви всяческую поддержку, никогда более не имел мира с приором Отто. Последний, притязая на сан епископа, беспокоил Исфрида как только мог и настраивал против него братию. Он ненавидел и самого герцога и с бранью обрушивался на того, кому не мог повредить силой. Граф Бернгард³² также причинил епископу много зла, ибо не мог отвратить его от дружбы с герцогом Генрихом. Но тяжелее всего Исфриду было переносить гнев герцога Бернгарда³³. Дело в том, что этот герцог потребовал от него оммажа, а епископ отказался, говоря, что негоже,

мол, епископу приносить оммаж двум синьорам. Однако он охотно будет служить его власти, если его церковь обретёт благодаря герцогу мир и процветание. А герцогу Генриху, – говорил епископ, – он принёс оммаж не только из-за того, что тот обладал властью, но и потому, что благодаря ему его церковь приобрела очень многое, в том числе мир и рост благочестия. Оскорблённый этим герцог Бернгард забрал у него все его десятины в области, что зовётся Задельбент³⁴, а людей его брал в плен и заставлял платить выкуп. Однако епископ по-прежнему твёрдо стоял на своём, предпочитая временно стерпеть всё это, нежели навлечь на себя и церковь какую-нибудь новую напасть.

8. О СМЕРТИ БАЛДУИНА И ЕГО ПРЕЕМНИКЕ БЕРТОЛЬДЕ

Около того времени, как умер Эвермод, умер и Балдуин³⁵, архиепископ Бременский, который не заботился о своей церкви и об образе жизни которого лучше умолчать, нежели говорить. Ему наследовал господин Бертольд³⁶, мудрый и весьма начитанный муж, ревнитель справедливости, к которому герцог Генрих поначалу относился с большой симпатией, но затем невзлюбил. Поскольку его избрание прошло с некоторым нарушением священной процедуры, избраннику показалось, что он был избран не канонически. Отправив посольство к папе, он поведал ему о процедуре избрания, целиком положившись на суд верховного понтифика – или тот признает выборы законными и утвердит, или сочтёт недействительными. А папа, зная мудрость этого мужа, а также тот факт, что он может принести церкви много пользы, одобрил его избрание и утвердил своей грамотой. Итак, Бертольд был возведён сначала в сан иподьякона, а затем вновь избран епископом, чтобы в случае, если что-то в первом избрании прошло не канонически, теперь канонически и по закону было исправлено апостольской властью.

9. О СОБОРЕ ПАПЫ АЛЕКСАНДРА

В это же время папой Александром был созван генеральный собор, который состоялся в Латеране, во дворце Константина. Туда съехалось множество прелатов, в том числе многие из тех, которые были поставлены раскольниками, в надежде обрести папскую милость и добиться от него разрешения исполнять свои должности. Особенно много монахов и клириков прибыло за милостью апостольского престола из Хальберштадтской церкви, которая сильно пострадала от деятельности Геро. Наиболее видным в этой процессии был аббат Дитрих фон Хильзенбург, ибо почти вся община его монахов «повесила на вербах свои арфы»³⁷, за исключением нескольких стариков, которые были рукоположены ещё до раскола. Поскольку они просили очень настойчиво, взывая к апостольской милости, относительно рукоположенных Геро лиц было наконец принято следующее решение: так как Геро был посвящён не раскольником, но католиком, а именно, Гартвигом, архиепископом

Бремена, то рукоположенные им лица должны быть утверждены апостольской милостью в своих должностях и благодаря милости Господней могут рассчитывать на большее. Даже Геро получил милостивое разрешение свободно отправлять должность епископа в любом другом месте, кроме Хальберштадтской епархии. Туда прибыл также господин Бертольд, Бременский избранник, чтобы получить апостольское благословение на вступление в должность. Господин папа, радушно приняв его, начал весьма настойчиво говорить с ним о его избрании и оказал ему всевозможные почести. Так, он предоставил ему в собрании прелатов свою собственную кафедру среди высших владык и велел ему в торжественном одеянии сидеть рядом с собой. Когда в ближайшую субботу его должны были возвести в священники, а в следующее затем воскресенье – в епископы, накануне в пятницу прибыл приор Генрих, посол герцога Генриха и искуснейший интриган. Поскольку верховный понтифик был с ним знаком, его тут же проводили к папе. И вот, когда наступило утро и Бременский избранник приготовился к принятию сана, а кардинал Хубальд, который стал после Александра [папой под именем] Луций³⁸ и от которого в римской курии зависело очень многое, передал ему своё облачение, – ибо более достойного там просто не было, – кубикюлярии папа объявили: «Пусть войдут бременцы». И господин избранник вошёл вместе со своими людьми. А господин папа, выйдя из своей комнаты, сказал ему: «Брат, поскольку ты избран в сан епископа с нарушением процедуры, мы объявляем твоё избрание недействительным». И, хотя некоторые из присутствовавших сказали: «О господин, пусть ваша милость вспомнит, что вы уже одобрили его избрание», папа вернулся в ту комнату, откуда вышел. А Бертольд не без стыда удалился. Позже ему наследовал Зигфрид³⁹, сын маркграфа Адальберта, которому герцог во всём оказывал самое верное содействие, как ради него самого, так и ради его брата Бернгарда, графа Ангальтского⁴⁰. Тогда они были лучшими друзьями, но впоследствии отделились друг от друга и стали злейшими врагами.

10. О ПЕРВОМ ПОХОДЕ [АРХИЕПИСКОПА] КЁЛЬНСКОГО И ВЫЗОВЕ ГЕРЦОГА НА СУД

В это время⁴¹ Филипп Кёльнский, выйдя из своих пределов с огромным войском, обошёл землю герцога, разорив её огнём и мечом и дойдя таким образом до Хамельна⁴². Дальше он не пошёл и вернулся в свою землю. Около этого времени император как раз вернулся из Италии⁴³; герцог вышел ему навстречу в Шпейере и в присутствии архиепископа Кёльнского пожаловался на обиды, которые тот ему причинил. Однако император, на время отложив рассмотрение дела, назначил им обоим хофтаг в Вормсе⁴⁴, а герцога в особенности призвал явиться туда, чтобы дать ответ на жалобы князей. Узнав об этом, герцог не счёл нужным туда идти. Тогда император назначил ему второй хофтаг в Магдебурге⁴⁵, где Дитрих⁴⁶, маркграф Ландсберга, потребовал поединка с герцогом, вменяя тому в вину ряд преступлений против империи. Следует думать, что он поступил так целиком из личной

ненависти, ибо поднятые герцогом славяне страшно разорили всю его землю, ту, что зовётся Лаузиц. Герцог, узнав об этом, отказался прийти. Будучи в Хальденслебене⁴⁷, он через посредников просил господина императора о переговорах. В результате император отправился к нему в условленное место, и герцог попытался смягчить его приветливыми словами. Тогда император потребовал от него 5000 марок, дав ему совет оказать тем самым честь его императорскому величеству и обрести через его посредничество милость князей, которых он обидел. Однако герцог счёл указанную сумму слишком большой и удалился, не вняв словам императора. Тогда император назначил ему третий хофтаг в Госларе, но тот проигнорировал его также, как и предыдущие. Итак, войдя в собрание, император потребовал вынести против него приговор и спросил, что законом предусмотрено против того, кто в законном порядке был вызван в суд, но отказался явиться и, проявив неуважение к суду, не пожелал оправдаться. По решению князей ему был дан ответ, что по закону этого человека следует лишить чести, осудить как врага государства и отобрать у него герцогство и все лены, а на его место нужно назначить другого. Итак, утвердив это решение, император заявил, что так и должно быть. Однако герцогу по просьбе князей всё-таки назначили ещё и четвёртый хофтаг. Когда же он не явился и на него, император поступил так, как было предложено ему выше по решению князей, а именно: назначил вместо него герцогом Бернгарда, графа Ангальта, епископам посоветовал вернуть себе те земли, которые герцог держал в качестве лена, а собственность его велел отобрать в казну. В итоге, пользуясь случаем, от герцога отпали некоторые из его вассалов. А герцог заявил, что осуждён незаконно, ибо родился в Швеции, а никто не может быть осуждён иначе, как только в стране своего рождения.

11. О ВТОРОМ ПОХОДЕ ФИЛИППА, АРХИЕПИСКОПА КЁЛЬНСКОГО

Итак, с этого времени умножилось зло на земле, ибо все поднялись против герцога, и руки всех были против него, и рука его против всех⁴⁸. Ибо Филипп Кёльнский, собрав войско, предпринял второй поход, имея в своей свите тех, кого называют солдатами удачи⁴⁹. Он вновь с сильным войском обошёл всю землю герцога, и все в страхе бежали перед ним. Во время этого похода было совершено множество страшных и тяжких деяний, ибо нечестивые люди, сыны Велиала, которые шли вместе с ним, были чрезвычайно свирепы и не знали меры в совершении преступлений. Так, были разграблены кладбища, сожжены церкви, разрушены многие святые места; невест Божьи, – о чём жутко и говорить, – они вводили в плен и бесчестили, оскверняя тем самым нерукотворные храмы Божьи. Кто не застонет, узнав, что они не пощадили даже священника, служившего мессу, но набросились на него и вырвали из его рук чашу, хотя тот ещё не закончил обряд? Эти злодеи совершили также множество других преступлений, которые из-за их гнусности не стоит описывать, рана тем самым уши верующих. А епископ, дойдя до Хальденслебена, которой был тогда осаждён Вихманом, архиепископом Магдебурга, и восточ-

ными князьями, усилил их войско и вернулся домой, правда, не без горького сожаления, что невольно стал причиной стольких злодеяний; впредь он решил более не брать с собой этих нечестивых мужей. А осада тем временем растянулась даже не на дни, а на месяцы, ибо Бернгард⁵⁰, граф Липпе, стоявший во главе города, был мужем чрезвычайно деятельным и боевым, а место – болотистым, и его нельзя было атаковать из-за слишком мягкой зимы. Пав духом от длительных трудов и монотонной осады, они придумали новое средство нападения – решили затопить город. Соорудив вал, они энергично взялись за выполнение задуманного. В результате вода поднялась до самых домовых балок, однако воинственные мужи по-прежнему удерживали город. Наконец, когда было заключено соглашение, Бернгард беспрятственно вышел оттуда со своими людьми, а город был разрушен до основания⁵¹.

12. ОБ ОТЛУЧЕНИИ ГЕРЦОГА

Между тем Ульрих Хальберштадтский вредил герцогу всеми доступными способами, так что даже несколько раз произнёс над ним приговор об отлучении, запретив отправлять богослужение во всей этой епархии; служить мессу можно было только в монастырях, да и то в тишине и ввиду отлучённых при закрытых дверях. Тогда герцог, устрешённый приговором об отлучении, пришёл в Хальберштадт со своими людьми и с сокрушённым сердцем смиренно пал господину епископу в ноги. В результате отлучение было торжественно снято, а герцог и его люди разрешены от уз анафемы. После этого герцог заключил мир с епископом и его церковью. Однако мир длился очень короткое время. Ибо этот епископ, беспокойный по своей натуре, при первом же случае вновь отпал от герцога и примкнул к его врагам. Он начал всячески интриговать против него, и последний обман его стал хуже первого⁵².

13. О ПОХОДЕ ГЕРЦОГА В ВЕСТФАЛИЮ

А герцог, собрав войско, направил его в Вестфалию под началом Адольфа, графа Шауэнбурга, Бернгарда, графа Ратцебурга, Бернгарда, графа Вёльпе, – он один, как стало известно в последующем, остался верен герцогу, тогда как другие его покинули, – а также Гунцелина, графа Шверина, Лиудольфа, графа Халлермунда, и его брата Вильбранда. Они получили приказ сразиться с врагами герцога в самом центре земель тех, которые захватили в тех краях его владения, то есть Симона, графа Текленбурга, Германа, графа Равенсберга, Генриха, графа Арнсберга, Видукинда, графа Шваленбурга, и очень многих других, и расположились в районе Оснабрюкка. Когда вражеское войско приблизилось, вестфальцы были уничтожены одним страшным ударом, потому что саксы, которые зовутся гользатами, были людьми чуждыми всякого милосердия и весьма склонными к пролитию человеческой крови. Их глаз не щадил ни большого, ни малого, но всех, кто стоял против них,

они безжалостно предавали смерти⁵³. Тем не менее многие из рыцарей были взяты в плен; наиболее видным среди них был Симон, граф Текленбурга; герцог велел бросить его в оковы, и он был связан до тех пор, пока не изъявил герцогу покорность. Позднее он был освобождён от оков и, принеся клятву верности, стал самым верным вассалом герцога, преданно сражаясь за него в течение всей этой смуты. Однако между герцогом, с одной стороны, и графом Адольфом и прочими вельможами, с другой, возник спор по поводу пленных. Ибо герцог говорил, что ему по праву должны быть переданы все пленные. С ним согласились граф Гунцелин, Конрад фон Роде и другие близкие герцогу люди из его дома и передали ему своих пленных. Но остальные возражали, говоря, что воевали за свой счёт, и потому справедливо, чтобы они возместили свои расходы за счёт пленных; ведь они просто не смогут нести военные расходы, если их пленники будут передаваться чужим людям. Этими возражениями граф Адольф страшно разгневал герцога, и с этого времени между ними были посеяны семена вражды. А граф вместе с остальными вернулся в свою землю с бесчисленным множеством пленных и богатой добычей.

14. О СОЖЖЕНИИ ГОРОДА ХАЛЬБЕРШТАДТА И ПЛЕНЕНИИ ЕПИСКОПА УЛЬРИХА

Тем временем Ульрих Хальберштадтский, не вынося, как было сказано выше, покоя и движимый старинной враждой, причинял герцогу одно беспокойство за другим. По этой причине его церковь понесла тяжкий и достойный вечного сожаления урон. Поскольку из города Хальберштадта и замка Хорнбург⁵⁴ делались постоянные набеги, селения герцога предавались огню, а его людей либо убивали, либо уводили в плен, последний, движимый страшным гневом, собрал толпу своих друзей и отправил их в те края, чтобы они, если смогут, должным образом отомстили его врагам. Итак, отправившись в путь, они сожгли и разграбили множество селений, а придя к Хальберштадту, вопреки врагам, но без особого риска овладели этим городом. Рассеявшись повсюду, они брали в плен горожан и захватили богатую добычу, хотя крепость, в которой укрылся господин епископ вместе с большим количеством вооружённых людей, укреплённая и закрытая со всех сторон, ещё не была взята. Благодаря предусмотрительности горожан, которые боялись опасности пожара, вышло, что во всём городе нигде нельзя было найти огня. Впрочем, враги не очень-то и старались его найти, ибо из-за святости места собирались пощадить город. Однако один из них всё-таки нашёл где-то спрятанный огонь и поджёг какую-то хижину. Взметнувшееся пламя тут же охватило весь город, и он целиком обратился в пепел⁵⁵. Кафедральная церковь св. Стефана и Пресвятой Матери Божьей Марии также сгорела со всем своим убранством и, – о чём нельзя говорить без слёз, – вместе с этими священными зданиями в огне погибло множество клириков, которые укрылись там словно в убежище. А господин епископ, обложенный огнём в собственном доме, был взят в плен вместе со своим родственником, приором Ромаром, и многими другими; мощи блаженного Стефана, которые епископ случай-

но взял с собой в крепость, едва не сгорели и полусожжённые были буквально вырваны из огня. О правда Божья, бездна великая!⁵⁶ Надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит⁵⁷. Однако кто же признается, что соблазн пришёл по его вине? В таком случае все заявляют о своей невинности и, стремясь остаться безнаказанными, всегда находят оправдание для своей ошибки. Однако из-за прошлых прегрешений часто возникают ещё более тяжкие греховные соблазны. Поэтому блаженный Григорий и говорит: «Того, кто презрел заповеди и не желает каяться, Бог подвергает соблазну, чтобы он совершил ещё более тяжкий грех, раз не покался в более лёгком». Так, одни грехи являются одновременно грехами и наказанием за грехи, другие – грехами и причиной грехов. Наконец, третьи грехи являются как причиной грехов, так и наказанием за них. Ибо грех – это как то, что не устранено скорым покаянием, так и то, что является причиной греха и наказанием за грех. Итак, из-за прошлых прегрешений, как было сказано выше, приходят соблазны, то есть ещё более тяжкие грехи. Поэтому Давид и говорит в Псалме: «Приложи беззаконие к беззаконию их»⁵⁸. И другое пророчество: «За кровопролитием следует кровопролитие»⁵⁹, то есть один грех влечёт за собой ещё один. Но неужели могут прийти соблазны по вине пастырей церкви и верховных понтификов? Ведь они, кажется, как некогда Моисей, ведут народ Божий к земле обетованной по обширной пустыне этого мира. О если бы они вели его по царской дороге, так чтобы оба не свалились сослепу в пропасть! И что же? Мы их осуждаем? Ничуть. Просто мы видим их опоясанными двумя мечами – духовным и мирским. Однако духовный меч следует применять более часто, нежели мирской, а последний – вообще только против тех, кто не боится приговора об отлучении. Нынче же, чтобы показать силу светской власти, чаще применяют мирской меч, а не духовный, и, думая, что тем самым служат Богу, часто терпят поражения. Ведь духовный меч сильнее мирского, ибо слово Божье живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого⁶⁰. И вот, пожалуйста, этот свирепейший лев⁶¹, от рыка которого трепетала земля, повержен ныне на землю, поражённый духовным мечом, тогда как мирской меч, напротив, приводил его в ярость, отчего происходили ещё большие соблазны. Поэтому как в этой битве, так и в предыдущей использовались в основном мирские средства. Но оставим это и вернёмся к нашему повествованию, чтобы не казалось, будто мы намереваемся оскорбить священников Божьих. Ибо они, как кажется, бдительно стоят на страже у Господа, чтобы дать отчёт о душах своих подданных.

15. ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ УЛЬРИХА ИЗ ПЛЕНА

Итак, когда город был разорён или, вернее, сожжён, люди герцога, утраченные этим святотатством, вернулись в Брауншвейг. А герцог, услышав о разорении города и увидев множество пленных, обрадовался. Однако, узнав, что сгорело столько знаменитых церквей, а вместе с ними множество клириков, он, глядя на взятого в плен господина епископа с его седой головой, пожилого и едва держав-

шегося на ногах от старости, а также на доставленные вместе с епископом для вящего триумфа мощи блаженного первомученика Стефана, полусгоревшие и почерневшие от гари, отвернулся и пролил много слёз, говоря, что всё это произошло вопреки его воле, и горько оплакивал случившееся. Однако он не сразу освободил пленных, но велел отвести господина епископа в Херренбург⁶² и, приказав обращаться с ним уважительно, всё же приставил к нему стражу. Благодетельнейшая герцогиня Матильда, охваченная состраданием, из уважения к священному сану одарила его самыми дорогими одеждами и преданнейшим образом доставляла ему всё необходимое, так что у него и в таком положении, казалось, ни в чём не было недостатка. А Ромар, его родственник и тоже пленник, содержался под стражей в замке Зегеберг⁶³. Между тем люди епископа из Хорнбурга, мстя за причинённые их господину обиды, часто нападали на людей герцога и, рассыпавшись по его стране, разоряли и сжигали окрестные селения. По этой причине оскорблённый герцог послал туда войско и сжёг этот замок, обратив его в пустыню. После этого, на Рождество Господне, которое он торжественно справлял в Люнебурге, он, призвав господина [епископа], заключил с ним мирный договор и, освободив из плена, отпустил домой. Однако, придя в Гуйсбург⁶⁴, епископ был поражён недугом и какое-то время лежал больной. Когда же болезнь усилилась, он, избавившись от земных тревог, окончил свои дни, приняв блаженную кончину⁶⁵.

16. О ПОХОДЕ ГЕРЦОГА В ТЮРИНГИЮ И О ТОМ, КАК ОТ ГЕРЦОГА ОТПАЛ АДОЛЬФ И ДРУГИЕ ВЕЛЬМОЖИ

Когда наступил май⁶⁶, герцог с войском вступил в Тюрингию и сжёг город под названием Нордхаузен⁶⁷. Против него с огромным войском выступил ландграф Людовик⁶⁸. Между ними произошла битва, в результате которой тюринги бежали, а ландграф вместе со своим братом, пфальцграфом Германом⁶⁹, и множеством рыцарей попал в плен. Герцог был очень рад в этот день, и были радость и ликование во всём его доме. Он возвратился в Брауншвейг с бесчисленной толпой пленных и богатой добычей. И вот однажды, когда к нему пришёл граф Адольф и, поздравив с победой, попросил у него разрешения вернуться в свою землю, граф Гунцелин стал клеветать на него в присутствии герцога. Прежде он был его лучшим другом, а теперь искал повод к разрыву с ним и стал жаловаться на него герцогу, говоря, что тот якобы причинил ему множество обид и что не только он пострадал от него, но и все, которые преданы герцогу, всегда были ненавистны Адольфу. Кроме того, он дескать нанёс оскорбление самому герцогу, когда по примеру прочих вельмож отказался передать ему своих пленных, как захваченных силой. А граф Адольф так ответил ему на это: «В вашей власти обвинять меня в присутствии моего господина, герцога, хотя я всегда и во всём был вам преданным другом. А теперь скажите перед лицом моего господина, чем я вас обидел, чтобы я мог очиститься от этих обвинений, а если не смогу это сделать – то дать вам удовлетворение в присутствии моего господина. Если же я чем-то не угодил моему господину, то готов дать ему любое

удовлетворение, какое он сочтёт нужным потребовать от меня. А то, что вы говорите, будто мне ненавистны те, кто предан моему господину, так это – всего лишь слова, и вы не можете их доказать. Однако всем прекрасно известно, что я всегда верно служил моему господину, уходя, отправляясь куда-либо и возвращаясь по его воле. Если же кто-то скажет обо мне иное, то я в присутствии моего господина назову его лжецом. Однако, если моему господину угодно, чтобы со мной в его присутствии обращались более достойно, я покажу себя ещё более верным ему». Но герцог, будто не замечая их спора, ответил следующее: «Адольф в полной мере доказал свою невиновность. Я признаю также, что он был весьма предан нам во всех делах. Только в одном он не прав – в том, что в последней битве не отдал нам своих пленных. Пусть же теперь он отдаст нам тех пленных, которые у него есть, чтобы другие по его примеру не удерживали у себя пленников». А граф Адольф вместе с графом фон Дасселем⁷⁰ и другими товарищами имел тогда в своём распоряжении 72 знатных пленников. Поэтому граф Адольф сказал герцогу: «Вы знаете, о господин, что я истратил в этом походе все мои средства, потерял множество рыцарских и крестьянских коней, так что если я отдам вам сейчас моих пленных, мне останется ровно столько, чтобы пешком вернуться домой». С этими словами он ушёл от герцога и, проливая слёзы, жаловался всем своим товарищам на то, что ему пришлось выслушать от графа Гунцелина столь дерзкие речи и что тот своей клеветой посеял в герцоге недоверие к нему. После этого, получив разрешение уйти, он покинул герцога вместе с другими знатными людьми; из-за их отпадения партия герцога существенно ослабла. Когда герцог узнал, что Адольф отпал от него, он занял всю его землю по ту сторону Эльбы, взял крепость Плён⁷¹ и, изгнав оттуда его людей, разместил там Маркрада, наместника Гольштейна. А замок Зегеберг по его поручению долгое время осаждал Бернгард, граф Ратцебурга, ибо замок был неприступен и его упорно обороняла госпожа Матильда, мать графа. Но вот водоёмы высохли и бывшие в крепости люди стали испытывать жажду. Глотки их пересохли и они, вынужденные необходимостью, на приемлемых условиях сдали замок. Герцог поставил над ними некоего Леопольда, родом баварца, мудрого и деятельного мужа. А госпожа Матильда вместе со своими людьми ушла в Шауэнбург⁷². После этого граф Адольф со своими друзьями и родственниками разрушил замок Гогенроде⁷³, который Конрад фон Роде построил по ту сторону Везера, напротив его замка.

17. О ПРИБЫТИИ В САКСОНИЮ ИМПЕРАТОРА

А император, услышав, что они терпят от герцога поражения, решил лично явиться в Саксонию; все воинственные мужи, бывшие в лагере герцога, очень боялись его прибытия. Как только он приходил, они то ли по необходимости, то ли добровольно отдавали в его власть самые укреплённые замки и сдавались сами. Так, многие его министерялы, которые воспитывались у него с самого детства и чьи отцы служили ему без всяких возражений, как то Генрих фон Вид, Леопольд фон Герцберг, Лиудольф фон Пейн и многие другие, отпали от герцога и перешли

на сторону императора. В итоге император резко усилился, после того как взял чрезвычайно укрепленные замки – Герцберг⁷⁴, Лауэнбург⁷⁵, Бланкенбург, Хеймбург, Регенштейн⁷⁶, и направил войско на завоевание Лихтенберга⁷⁷. Через несколько дней и этот замок был передан в его руки.

Около этих дней умер Казимир⁷⁸, князь поморян, лучший друг герцога, и славяне также отпали от герцога, ибо брат Казимира – Богуслав⁷⁹ – вступил в союз с императором, принёс ему оммаж и стал платить дань.

18. О ВОССТАНОВЛЕНИИ ГАРЦБУРГА

В эти же дни император занял высокую гору близ Гослара, что зовётся Гарцбург, и, построив там замок, обнёс его крепкой стеной. Эту гору некогда сильно укрепил император Генрих Старший⁸⁰, против которого восстал его собственный сын Генрих⁸¹; последний, подняв оружие против отца, изгнал его, но и сам был разбит саксами в битве при Вельфесхольце⁸². Поскольку этот замок был, словно кость в горле всей Саксонии, а император из-за своей несносной гордыни стал ненавистен не только саксам, но и апостольскому престолу, а также почти всей империи, саксонские князья вместе с епископами решили провести в Госларе собрание. Составив там заговор против императора Генриха, они попытались выдвинуть против него другого короля. Когда же между ними возник раскол по поводу выборов короля, и каждый предлагал того или другого кандидата по своему произволу, а отнюдь не по принципу пригодности, поднялся среди них некий Конрад, красноречивый муж, и сказал им: «Что вы спорите, о мужи? Разве не ради доброго мира вы здесь собрались? Если угоден вам мой совет, то я укажу вам доброго мужа, достойного звания короля и победоносного в битвах, через которого Господь дарует вам успех». Все они выразили ему своё согласие и заявили, что изберут королём того, кого он им укажет. А Конрад, взяв с собой нескольких товарищей, отправился к жилищу одного достойного мужа по имени Генрих. Однако, войдя в дом, они не застали его там. Ибо Генрих был в амбаре, занятый ловлей птиц. Его жена с честью встретила прибывших, сказав, что мужа сейчас нет, но он находится неподалёку отсюда. Когда гости спешили и им был приготовлен обед, она тайно отправила мужу коней, чтобы тот вернулся домой верхом, словно возвращаясь издалека. Когда тот вернулся, гости вышли ему навстречу и он достойно и приветливо встретил их, велел подать обед и пригласив их к столу. Но Конрад ответил ему: «Мы не сядем обедать, пока я не скажу тебе пару слов». «Говори», – сказал тот. И Конрад продолжил: «Тебя приветствуют все саксонские князья и просят, чтобы ты как можно быстрее пришёл к ним в Гослар». «На что князьям Саксонии сдался столь малый муж, как я», – удивился тот, но поднялся и отправился к ним. А Конрад, приведя его, сказал саксам: «Вот ваш король!». И все тут же единодушно избрали его королём. Из-за того, что всё это случилось в то время, как он был занят ловлей птиц, что было для него словно предсказанием будущего, он был прозван «Королём птиц», или по-немецки «Птицеловом»⁸³. Возведённый на трон он обратился к

князьям: «Поскольку вы соизволили избрать меня вашим королём, то справедливо, чтобы вы принесли мне, вашему королю, клятву верности». Когда все поклялись ему в верности, он отправил послов к тем, которые находились в Гарцбурге, велел им как можно быстрее предстать перед ним. Уйдя, послы передали им то, что слышали из уст короля. А те в негодовании избili послов палками и, обрив наголо, отослали к их господину. Тогда самый старший среди них сказал своим товарищам: «Нас, конечно, обесчестили, но будьте тверды духом, и мы обратим наше бесчестье в славу. Я видел нынче летящих лебедей, которые искупят наш позор». Ибо в баню спустилось более 20 знатных юношей, и они, дождавшись их возвращения, перебили их всех и, отомстив таким образом за своё бесчестье, вернулись к королю. А тот, услышав о том, что случилось, страшно разгневался и, осадив с большим войском замок, захватил его и разрушил до основания. Некоторые говорят, что из-за множества злодеяний, совершённых из этого замка, а также из-за упомянутого императора Генриха, который до самого конца своей жизни был отлучён от церкви римским престолом, это место было предано господином папой анафеме; здесь запрещено было селиться, и оно вместе с Вавилоном обречено было вечно оставаться пустыней. А император Фридрих начал отстраивать эту гору, ибо хоть и боялся приговора об отлучении, но не хотел терпеть ни малейшего умаления своей власти.

Восстали⁸⁴ те, которые были в замке Вальденберг⁸⁵; не имея сил сопротивляться, они разрушили этот замок и перешли в лагерь императора.

19. О ПЛЕНЕНИИ ГРАФА БЕРНГАРДА

После этого, в день Рождества Господнего, который герцог торжественно отмечал в Люнебурге, он начал обвинять Бернгарда, графа Ратцебурга, который тогда был вместе с ним, в заговоре против него, вменяя ему в вину коварство и измену и говоря, что от верных людей ему точно известно, – более того, если потребуется, он может доказать это на основании явных улик и свидетельств, – что он вошёл в сговор против него с его врагами, намереваясь пригласить его вместе с женой в Ратцебург якобы на пир, а во время пира коварно убить. Поскольку тот не смог привести в ответ достойных оправданий, герцог арестовал Бернгарда вместе с его сыном Фольрадом, прибыл с войском к Ратцебургу и осадил его, ведя Бернгарда за собой. Ему навстречу с множеством судов, с оружием и осадными машинами вышли любекские мужи, и разгорелась осада. Наконец Бернгард, вынужденный необходимостью, сдал замок, а сам вместе с женой, сыновьями и всем своим имуществом ушёл в Гадебуш⁸⁶. Позднее, поскольку герцог по-прежнему питал к нему недоверие, полагая, что тот не соблюдает обещанную верность, – ибо Бернгард продолжал поддерживать отношения с его врагами, – он вновь вступил в его землю и, разрушив замок Гадебуш, взял там богатую добычу. А тот, бежав, перешёл к герцогу Бернгарду. И вот герцог Генрих, изгнав всех своих врагов, один стал владеть всей этой землёй и принялся укреплять замки Ратцебург, Зегеберг и Плён, сильно полагаясь на эти укрепления.

20. О ПОХОДЕ ИМПЕРАТОРА

Следующим летом⁸⁷ император с сильным войском вторгся в землю герцога и, намереваясь изгнать его из этой страны, решил лично перейти через Эльбу. Боясь, как бы у него за спиной не вспыхнул мятеж, он велел Филиппу Кёльнскому вместе с другими князьями охранять Брауншвейг, а герцогу Бернгарду и его брату Отто⁸⁸, маркграфу Бранденбурга, вместе с прочими восточными князьями поручил ввиду люнебургцев Бардовик. Сам же, имея в своей свите Вихмана Магдебургского и епископа Бамбергского, аббатов Фульды, Корвеи и Херсфельда, а также Отто⁸⁹, маркграфа Мейсена, и большой отряд швабских и баварских рыцарей, переправил войско на другой берег Эльбы. При его приближении ландграфа Людовика, которого прежде держали в Люнебурге, перевели в Зегеберг и приставили к нему ещё более строгую охрану. А герцог тем временем находился в Любеке, укрепляя город и сооружая множество машин. Уладив дела, он в день апостолов Петра и Павла⁹⁰ ушёл в Ратцебург. Когда поутру он выступил оттуда, направляясь к Эльбе, все, которые были в крепости, последовали за ним, чтобы с радостью его проводить. И вот оставшиеся там сторонники графа Бернгарда, видя, что замок опустел, внезапно захватили его и, взяв крепость, закрыли её ворота, предварительно изгнав всех слуг герцога, какие там ещё оставались. А герцог, услышав о том, что произошло, в раздражении вернулся к замку, но застал его защитников готовыми к упорному сопротивлению. Он тут же послал в Зегеберг к Леопольду и в Плён к Маркграду, чтобы те как можно быстрее прибыли к нему на помощь вместе с гользатами, и сделал попытку изгнать из замка врагов, которых было немного. Тем временем прибыл гонец, сообщивший, что император уже здесь, и герцог, не завершив дела, ушёл в сильном раздражении, отбив в Артленбург⁹¹. Видя, что лагерь императора совсем рядом, он сжёг этот замок и, сев на небольшое судно, ушёл в Штаде по притоку Эльбы.

21. ОБ ОСАДЕ ГОРОДА⁹² ИМПЕРАТОРОМ

Император же, перейдя через реку, прибыл к Любеку, где навстречу ему вышло войско славян и гользатов. К устью Травены с большим флотом прибыл также Вальдемар⁹³, король Дании, и город был осаждён с суши и с моря. В городе же находились Симон, граф Текленбурга, Бернгард, граф Ольденбурга, ещё один Бернгард – фон Вельпе, а также Маркрад, наместник Гольштейна, и Эмико фон Неморе с наиболее деятельными из гользатов и несметной толпой горожан. Король Вальдемар, придя к императору с большой свитой, предстал перед ним во всём своём блеске и обручил свою дочь с его сыном⁹⁴, то есть с герцогом Швабии; брачные обязательства были скреплены клятвами епископов. Во время осады в городе находился также господин епископ Генрих. Так вот, горожане, придя к нему, сказали следующее: «Мы просим твою святость, о почтеннейший из отцов, пойти к госпо-

дину императору и передать ему наши слова: «О государь! Мы – ваши рабы и готовы служить вашему императорскому величеству; но что мы такого совершили, что вы подвергли нас такой осаде? До сих пор мы владели этим городом по щедрой милости нашего господина, герцога Генриха, построив его во славу Божию и в качестве оплота христианства в этом месте ужаса и пустыни, где ныне, как мы надеемся, расположен дом Божий, а прежде из-за языческих заблуждений находилось обиталище Сатаны. Так вот, мы не отдадим его в ваши руки, но будем упорно, насколько будет сил, защищать его свободу силой оружия. Однако мы просим ваше величество дать нам возможность связаться с нашим господином, герцогом, и узнать у него, что нам следует делать, как лучше всего позаботиться о себе и о нашем городе в настоящей нужде. Если он пообещает нам избавление, то справедливо, чтобы мы сохранили для него город; если же нет, то мы сделаем всё, что будет угодно в ваших глазах. Однако если вы откажетесь это сделать, то знайте, что мы предпочтём скорее умереть с честью, защищая наш город, чем жить бесчестно, как клевтвопреступники». Итак, епископ, придя к императору, подробно изложил ему требования горожан. Он также призвал императора вспомнить о родстве и службе, которую часто и с блеском оказывал ему герцог, и отнестись к нему, своему двоюродному брату, снисходительно. А император, радуясь приходу господина епископа, ибо ценил его за добрую репутацию и охотно слушал, сказал ему следующее: «Мы очень рады вашему прибытию, о любезнейший из епископов, и испытываем большое удовольствие от того, что видим вас и слышим. Однако то, что ваши горожане передали вам столь дерзкие слова и не открывают перед нами ворота нашего города, мы полагаем не покажется справедливым ни вам, ни кому-либо другому, находящемуся в здравом уме. Мы признаём, что этот город благодаря великодушию нашего величества какое-то время принадлежал нашему двоюродному брату. Но с тех пор, как он из-за своего упорства был по решению всех князей объявлен врагом государства, справедливо, чтобы город вновь стал нашим владением и чтобы каждый епископ вернул себе свои владения, которыми [герцог] владел в качестве постоянного лена. Наша рука ныне вполне в состоянии воздать [жителям Любека] то, что они заслужили. Но, поскольку нам при отправлении правосудия следует проявлять ко всем скорее терпение, нежели месть, мы, так и быть, соглашаемся с их просьбой и разрешаем им отправиться к их господину и переговорить с ним о своём положении; но пусть знают, что если по возвращении они не откроют перед нами город, то их за это промедление постигнет жестокая кара. А что касается вашей просьбы проявить к нашему двоюродному брату, герцогу, снисхождение, то знайте, что мы всегда проявляли к нему удивительное терпение и величайшее милосердие. Из-за этого он и вознёсся в своей гордыне, ни во что ставя обрётённую им милость и не ценя, как следовало бы, проявленную к нему неисчерпаемую милость Божию. Знайте же, что он смирен самим Богом, ибо низложение столь могущественного мужа – дело отнюдь не нашей доблести, но скорее исполнение приговора всемогущего Бога».

Вернувшись в город, епископ сообщил горожанам то, что услышал. А те, получив разрешение, не медля отбыли в Штаде, где находился герцог. Император, видя,

что епископ болен, – ибо его до самого конца жизни мучили частые приступы лихорадки, – отправил к нему своего лекаря, чтобы тот своими снадобьями вылечил его слабое тело. Через несколько дней горожане вернулись вместе с графом Гунцелином и по приказу герцога отдали город в руки императора. Однако, прежде чем открыть перед ним город, они пришли к нему с просьбой сохранить городскую свободу, дарованную им прежде герцогом, вольности, записанные в специальных грамотах, согласно праву Зоста⁹⁵, и границы, которыми они владели и владеют благодаря его милости, в лугах, лесах и реках. Император согласился с их просьбой и не только утвердил всё это, но и признал законным то, что было выделено герцогом из пошлин на содержание каноников в Любеке и Ратцебурге. Половину сборов со всего города от пошлин, мельниц и менял он передал в лен графу Адольфу как за то, что он оказал императорской власти много услуг, так и потому, что тот из-за этого жил какое-то время в изгнании. Итак, с блеском войдя в город, он был встречен с хвалебными гимнами и песнопениями, при ликовании духовенства и всего народа. А аббат монастыря Пресвятой Матери Божьей Марии и святого евангелиста Иоанна, придя к нему, получил из его рук дворы, которыми он владел в городе, и поля в городской округе при посредничестве господина епископа Генриха, который за свой счёт выкупил эти дворы и поля и передал блаженной Матери Божьей Марии и святому евангелисту Иоанну в этом монастыре.

22. О ВОЗВРАЩЕНИИ ИМПЕРАТОРА И ОБ ИЗГНАНИИ ГЕРЦОГА

Наконец уйдя оттуда, император перешёл Эльбу и расположился лагерем возле Люнебурга, с восточной стороны. А герцог, как было сказано выше, находился в Штаде, укрывшись там из-за прочности этого места и надеясь спастись оттуда по воде в случае, если город будет взят врагами. Он окружил город глубоким рвом и оснастил прочнейшими укреплениями и машинами. А граф Гунцелин, который занимался этим делом, в безрассудной дерзости разрушил башни монастыря Пресвятой Девы Марии, ибо они, казалось, находились слишком близко от укрепления. Это, конечно, не могло остаться без наказания. Ибо когда такое делается ради излишней безопасности, то благодаря Божьей каре зачастую приводит к гораздо более серьёзным потерям. А герцог, видя, что оказался в столь стеснённом положении, просил господина императора об охранной грамоте и о разрешении пройти в Люнебург, чтобы тем или иным способом снискать его милость. Когда он под охраной прибыл в район между Херренбургом и Бардовиком, к нему из лагеря императора вышла толпа рыцарей и мирно его приветствовала. А он, также поприбавив их, сказал: «Я не привык принимать в этих землях чью-либо охрану, но привык сам предоставлять её». Придя таким образом в Люнебург, он через посредников всеми способами пытался смягчить душу императора. Он даже освободил из заточения своих пленников, ландграфа Людовика и его брата, пфальцграфа Германа, надеясь этим благодеянием заслужить его милость. Но всё было напрасно. Император, уйдя оттуда, назначил ему хофтаг в Кведлинбурге, чтобы там вместе с

князьями решить, согласно справедливости, что с ним делать. Все друзья герцога обрадовались этому, надеясь, что там в его отношении будет принято благоприятное решение. Однако там так ничего и не было сказано о его деле из-за ссоры, вспыхнувшей между ним и его соперником, герцогом Бернгардом. В результате ему назначили другой хофтаг – в Эрфурте⁹⁶. В это же время Зигфрид, архиепископ Бремена, полностью вернул себе Штаде вместе со всеми другими владениями, которые герцог держал прежде в качестве ленов от Бременской церкви. Он, правда, уплатил Филиппу, архиепископу Кёльнскому, 600 марок серебра, ибо просил его прийти с войском и овладеть Штаде. Но когда тот прибыл по его просьбе, архиепископ, как было сказано, уже получил крепость благодаря императору. Тем не менее Филипп потребовал обещанные ему деньги. Графы Бернгард и Адольф также получили от императора свои замки и провинции. А герцог, придя на назначенный ему хофтаг, целиком отдался на милость императора и пал ему в ноги. Тот, подняв его с земли, расцеловал и, проливая слёзы, посетовал, что между ними так долго длилась вражда и что он стал причиной его низложения. Однако искренность этих слёз внушает большие сомнения; ему, скорее всего, вовсе не было его жаль, потому что он даже не попытался восстановить Генриха в прежней должности. Впрочем, из-за данной клятвы он и не мог теперь этого сделать. Ибо, когда все князья стали требовать его низложения, император поклялся, что никогда не восстановит его в прежней должности, если это не угодно им всем. Наконец, относительно герцога было решено, чтобы он свободно и без всякого противодействия владел всеми своими наследственными землями, где бы они ни находились. Герцог обязался на три года покинуть страну и в течение этого времени не вступать в свои земли, если только император сам не призовет его. Вместе с женой и детьми он отправился к своему тестю, королю Англии⁹⁷, и находился у него всё это время. Король Англии принял его с величайшими почестями, назначил правителем всей своей страны и одарил богатыми подарками всех, кто последовал вместе с ним в изгнание.

Всё, что есть в мире, изменится с течением времени,
То, что ныне твёрдо стоит, рассыплется в прах.
Славу, величие, силу и мирскую власть
Сменит уныние и поглотит нужда.
Бренно счастье людское, всё имеет несчастный конец,
Сила покидает владык, бренно счастье людское.
Пышность гибнет легко, поколенье господ угасает,
Смерть приходит к нему, пышность гибнет легко.
Все вершины и даже небесные светила устремятся к концу,
И только столетья будут стоять во все времена.
Пусть же слава, хвала и победа будут Всемогущему Богу,
Который знает всё и правит всем во веки веков. Аминь.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. О ПРАВЛЕНИИ ГЕРЦОГА БЕРНГАРДА

В те дни не было царя у Израиля, но каждый делал то, что казалось ему справедливым¹. Ведь после изгнания герцога Генриха, который один обладал всей властью в стране и, как мы сказали в начале, установил прочный мир, – ибо он не только соседние, но и варварские, и чужеземные края так укротил уздой своей власти, что и люди жили спокойно и без страха, и земля благодаря ощущению безопасности изобиловала всеми благами, – каждый правил в своей местности, как тиран, причиняя насилие соседям и терпя насилие от других. Герцог Бернгард, который, казалось, получил власть, действовал очень вяло. Прежде, ещё будучи графом, он был самым деятельным среди своих братьев, а теперь, став герцогом, он вёл себя не как истинный правитель, но как назначенный сверху наместник, и якобы из миролюбия был во всех отношениях вял и небрежен. Поэтому он не пользовался уважением ни со стороны императорской власти, ни со стороны князей и знати этой страны.

Около этих дней граф Адольф взял в жёны дочь² графа Отто фон Дасселя, при содействии Филиппа, архиепископа Кёльнского, чьей родственницей она была и благодаря которому Адольф приобрёл большое влияние. Вновь получив всю землю своего отца, он изгнал из этой страны всех своих врагов, которые интриговали против него во времена герцога Генриха, а именно Марккрада, наместника Гольштейна, – поставив вместо него другого, по имени Сирико, который, правда, сильно уступал Марккраду и в силе и в благородстве, – Эмику, весьма деятельного мужа, и многих других, из которых одни ушли к королю Дании и жили при его дворе, а другие проживали в изгнании у графа Ратцебурга.

А герцог Бернгард, придя в Артленбург вместе со своим братом, маркграфом Отто, проявил себя там во всём блеске и велел явиться туда всей знати этой страны, чтобы получить от него свои лены и принести ему оммаж и клятву верности. И вот к нему прибыли граф Ратцебурга и граф Данненберга³, а также граф фон Лухов⁴ и граф фон Шверин; ждали также графа Адольфа, но он так и не прибыл. Из-за этого герцог стал питать к нему недоверие; всё это стало поводом вспыхнувшей между ними вражды.

В это время герцог Бернгард начал строить Лауэнбург на берегу Эльбы к востоку от Артленбурга. Оставив последний, он разрушил стену, которая его окружала, и построил себе из её камней новый замок. Переправу через реку, которая там была, он велел перенести в Лауэнбург. Однако любекские мужи пожаловались императору на эту перемену, на то, что из-за более длинного и трудного пути они

испытывают при переправе большие неудобства. Поэтому император приказал, как и прежде, вернуть переправу к Артленбургу.

Герцог Бернгард, желая расширить свои властные полномочия, начал угнетать своих подданных неслыханными и невыносимыми нововведениями; пренебрегая советом старцев и советуясь с молодыми людьми, он сделал «мизинец свой толще чресл своего отца»⁵ и наложил на подданных иго. В итоге правление его стало им ненавистно, а слава обратилась в ничто. Его брат Зигфрид, архиепископ Бременский, попытался также отобрать у графа Адольфа графство Дитмаршен и передать его своему брату, герцогу. Однако Адольф вопреки воле епископа силой оружия овладел этим графством и заявил, что оно принадлежит ему по праву.

2. ПОСОЛЬСТВО ИМПЕРАТОРА К КОРОЛЮ КНУТУ

В это время умер датский король Вальдемар⁶, и вместе него стал править его сын Кнут⁷. Император отправил к нему достойных послов, а именно Зигфрида, архиепископа Бременского, и других знатных людей по поводу его сестры, которую отец Кнута уже ранее обручил с его сыном, и выплаты части денег, как было оговорено. Ибо, по брачному договору между императором и королём Дании, последний должен был уплатить вместе с дочерью 4000 марок, согласно норме веса, установленной Карлом Великим; во время передачи дочери король должен был уплатить лишь часть денег, по своему усмотрению, а через шесть лет после помолвки, когда его дочь достигнет брачного возраста, – ибо тогда ей было всего семь лет, – за шесть недель до [свадьбы] он обязан был уплатить всю оставшуюся сумму. Это было подтверждено обеими сторонами в особых грамотах, так чтобы в случае, если будет нарушено хотя бы одно условие, то и сам договор, и помолвка считались недействительными. Итак, послы императора прибыли к реке Эйдер на 400 конях, и граф Адольф в течение трёх дней щедро снабжал их всем необходимым. И вот король Кнут передал им свою сестру, но крайне неохотно, сказав, что ни за что не отдал бы её за сына императора, если бы не боялся нарушить клятву отца. Он передал им её с небольшой и не соответствующей королевскому величию свитой и убранством и, как было сказано, уплатил определённую часть денег. Дело в том, что между ним и императором уже тогда возникли разногласия, ибо император потребовал от него оммаж, а король отказал ему, поскольку, как полагают некоторые, старался найти повод к разрыву с императором из-за своего зятя⁸, герцога Генриха, которого тот изгнал из страны.

3. О СМЕРТИ ГОСПОДИНА ЕПИСКОПА ГЕНРИХА

Около этих дней епископ Генрих тяжело заболел и вскоре после этого умер. Сильно страдая от телесной немощи, он по-прежнему пел псалмы и молитвы, беспрерывно служил мессы во славу Пресвятой Матери Божьей Марии, за исключе-

нием трёх дней перед самой своей смертью. Некоторые особые воздержания он старался соблюдать до самого конца. Когда муж Божий лежал уже при смерти, завершив путь и сохранив веру, и не сомневался уже в уготованном ему венце праведности, то начал горевать о винограднике Господнем, который он недавно насадил в монастыре Пресвятой Девы Богородицы и святого евангелиста Иоанна. И хотя он желал уже разрешиться и быть вместе с Христом⁹, но как благочестивый пастырь по-прежнему старался уберечь своих немногочисленных и нежных овец от козней волков. Поскольку братья часто навещали его, говоря: «Почто, отче, покидаешь нас, и на кого ты оставляешь нас, бедных?», он сказал: «Я благодарен моему Богу, Иисусу Христу, и Его благочестивейшей Матери, ибо в надежде на Божью милость я не тужу о моей смерти; но я сильно беспокоюсь о Его оставшейся без пастыря недавно насаженной ниве. Ради её блага я, если угодно Господу, хотел бы ещё пожить и по мере сил укреплять во славу Его эту ниву. Но вместе с автором псалмов возложу мою заботу на Господа, который всегда и во всём выслушивал меня и поступал мне во благо»¹⁰. Он часто повторял это и настойчиво поручал это дело Господу. И вот однажды ночью, после утренней службы, он, словно наставленный свыше, доверительно сказал сидевшему рядом с ним аббату¹¹: «Сын мой, положишься на Господа, укрепись и не печалься о моей смерти, ибо то, что угодно Господу, следует исполнять. Но будь уверен, что Он во славу своего имени укрепит в этом месте свою службу. Только не сомневайся, но действуй мужественно, и да укрепится сердце твоё, и надейся на Господа»¹². Так, уверенный в Господе, он созвал братьев и сказал, что уже разрешён. Когда его соборовали, он протянул руки, вытянул ноги и, запев псалом вместе с певчими, принял предсмертное причастие, сказав: «О царь славы, приди с миром!». И, словно убеждённый в его приходе, добавил: «Если я пойду и долиною смертной тени, то не убоюсь зла, потому что Ты со мною»¹³. Когда смерть подбиралась к нему всё ближе и ближе и язык уже не повиновался ему, он внезапно открыл глаза, которые, казалось, уже закрылись навек, и, вскочив, воскликнул, протянув руки: «Смотрите, дева!». Те, которые присутствовали при этом, сочли, что сказанное относится к Пресвятой Матери Божьей Марии, которой этот епископ со всей преданностью служил при жизни. Нет ничего удивительного в том, что мать милосердия утешила его в час смерти, ибо он всегда столь преданно ей служил. Затем его подняли с постели и положили на ковёр, где он, сделав последний вздох, 29 ноября¹⁴ в мире испустил дух. Его тело было предано земле в том монастыре, который он основал, вопреки воле и возражениям тех, которые пытались похоронить его в кафедральной церкви. Ибо Бог не хотел, чтобы была нарушена его воля; ведь епископ и заболел в этом монастыре, и, желая, чтобы его там похоронили, сказал: «Это покой мой на веки вечные; здесь поселюсь, ибо я возжелал его»¹⁵.

Мы верим, что душа его пребывает в сонме святых и праведников, ибо он с самого детства следовал за Христом. В возрасте примерно 20 лет он, став уже юношей, оставил учёбу в Париже и ушёл из родных мест, то есть из Брабанта, ибо был родом из города Брюсселя. Придя в Хильдесхайм, он, будучи весьма сведущ в науках, возглавил тамошнюю школу. Пробыв там какое-то время, он по Божьей воле пришёл в Брауншвейг, где также принял на себя руководство местной школой. По

прошествии определённого времени он заболел. Когда он лежал больной, ему привиделся следующий сон. Так, он увидел очень высокого и страшного человека, который напал на него; спасаясь от этого человека, он прибежал к очень широкой реке и, не переводя духа, переплыл её из страха перед нечестивым разбойником; затем, добравшись до монастыря св. Эгидия, он вошёл туда и таким образом спасся от рук гнавшегося за ним врага. Проснувшись и чувствуя в этом волю Божьей милости в отношении его, он сразу же велел отнести себя в монастырь св. Эгидия, где принял постриг и монашеские обеты. Вскоре лихорадка прошла и он, избавившись от волнений мирской суеты, стал монахом и занялся монашескими обязанностями. Он не вернулся в родные края, – как то свойственно очень многим, – к родственникам и знакомым, но, покинув по примеру Авраама свою землю, оставил всё ради Христа и ожидал от Бога высшей награды. Поэтому после его смерти Бог соизволил открыть некоторым духовным лицам, что он после окончания своей жизни перешёл к вечной радости. Так, на восьмой день после его смерти аббату привиделось во сне, будто могила епископа раскрылась, – словно в этом памятнике что-то было сделано не так и требовало исправления, – и епископ, поднявшись оттуда, сел и с великой радостью сказал: «Превознесу тебя, Господи, что ты поднял меня и не дал моим врагам восторжествовать надо мною», и далее по порядку произнёс этот псалом¹⁶, благодаря Господа. Заняв прежнее место, он произнёс: «Ты обратил сетование моё в ликование» и, начав срывать с себя тряпки, в которые его обрядили на похоронах, продолжил: «Снял с меня вретиче и препоясал меня весельем»¹⁷. И, завершив псалом словами: «Господи, Боже мой! Буду славить тебя вечно!»¹⁸, сказал: «Больше я ничего вам не скажу». На этом видение окончилось.

Также некая монахиня в Цевене¹⁹ увидела в Божьем видении, как ей за пазуху залетел голубь, который был белее снега. Она очень обрадовалась и стала предлагать ему корм, но голубь сказал: «Я не буду есть, потому что я не голубь; но за определённую услугу я скажу тебе, кто я». Тогда монахиня в сильном страхе сказала: «Говори, что ты хочешь получить за то, что скажешь, кто ты». А тот ответил: «Если ты в течение года будешь в память обо мне читать псалом: «Когда вышел Израиль из Египта»²⁰, я скажу тебе, кто я». Когда же монахиня обещала ему это самым преданным образом, голубь сказал: «Меня звали Генрих, и я был епископом в Любеке». Монахиня спросила его: «А где вы обитаете ныне?». И тот ответил: «Среди хора ангелов». Исходя из всего сказанного, следует надеяться на то, что он заслужил сообщества праведников. Но, чтобы кому-то не показалось нелепым, что мы доказываем это на основании каких-то снов, мы отошлём его к авторитету святого Евангелия, где часто говорится о том, что ангел являлся Иосифу во сне и рассказал ему то-то и то-то о младенце Иисусе и о его матери. Кроме того, в священном писании упомянуто множество снов, как, например, святого Даниила и святого Иосифа, которые заслуживают доверия как из-за правдивости самого писания, так и ввиду авторитета тех, о которых мы читаем в писании и которые подтвердили свои свидетельства святостью жизни и заслугами. Если же автору этого произведения окажут меньше веры, нежели им, то он в знак того, что не врёт, вместе с апостолом приведёт в этой части свидетельство своей верности: «А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу»²¹.

4. О РАЗРУШЕНИИ ЛАУЭНБУРГА И ИЗГНАНИИ НИКЛОТА

А герцог Бернгард действовал неразумно и потому не слишком преуспевал в своей деятельности. Так, угнетая, как было сказано выше, своих подданных рядом нововведений, он совсем некстати принялся злоумышлять против графа Адольфа, а также против Бернгарда фон Ратцебурга и Гунцелина фон Шверина. Так, у графа Адольфа он намеревался отнять всю относившуюся к Ратекау²² область, которой прежде владел герцог Генрих, а также город Ольдесло²³; и одновременно хотел овладеть городом Любеком. Однако император удержал за собой этот город то ли ради дани, то ли потому что тот был расположен на границе его имперских владений. Вместо него он передал герцогу Бернгарду Хитцакер²⁴ и 20 прекрасных мансов. Но поскольку Адольф получил в лен от императора половину пошлин от города Любека, герцог Бернгард питал к нему тем большую ненависть. А у графа Ратцебурга и графа Гунцелина фон Шверина он пытался частично урезать принадлежавшие им лены. Возмущённые всем этим они соединились и решили захватить город Бернгарда – Лауэнбург. Организовав его планомерную осаду и установив осадные машины, они буквально через несколько дней сравняли город с землёй. А герцог, как человек кроткий, не имея сил отомстить им за это, пришёл к императору и пожаловался на случившееся.

Желая сбросить со своей шеи его иго, названные графы решили изгнать из страны тех, которые, как они знали, были друзьями герцога. Поэтому, собрав войско, они скрытно вступили в землю славян и благодаря тайному ходу захватили в ночи крепость Илово²⁵; неслышно проникнув в крепость, они изгнали оттуда мать Никлота, который был сыном Вертислава; пленив остальных, они сожгли крепость, разорили всю эту землю и с огромной добычей вернулись домой.

А Бурвин²⁶, сын Прибислава, который был женат на Матильде²⁷, дочери герцога Генриха, овладел замками Росток и Мекленбург²⁸. Никлот же, бежав, прибыл к герцогу Бернгарду, и маркграф Отто, брат герцога, приютил его в замке Гавельберг. Совершая оттуда частые набеги, Никлот непрерывно опустошал землю славян. Ему в этом помогал Геромар, князь ругиев²⁹, а Богуслав, князь поморян, напротив, усилил партию Бурвина. Так, эти родичи вступили в междоусобную борьбу друг с другом. Наконец, партия Никлота одержала верх, потому что Геромар, деятельный муж, сильно опустошил землю через пеня³⁰, живших по соседству с Трибзее³¹. Когда же Бурвин, он же Генрих, вместе с пиратами разорял, в свою очередь, его землю, Геромар взял его в плен, бросил в оковы и отослал Кнуту, королю Дании, который долгое время держал его под стражей. С другой стороны, Никлот, он же Николай, совершая грабежи в земле Богуслава, был схвачен последним и также брошен в оковы. Наконец, после долгого пребывания под стражей, они были освобождены при условии, что примут свою землю в лен от короля Дании и дадут ему заложников по его выбору. Итак, они выдали 24-х заложников, среди которых Бурвин дал своего сына и отказался от замка Росток, передав его племяннику. Однако он приобрёл во владение Илово и Мекленбург, ибо так распорядился король, который задумал уже подчинить себе землю славян и присоединить её к своему королевству.

5. О ДОСТОИНСТВАХ ДАТЧАН

Датчане, подражая немецким обычаям, которые они усвоили от долгого сожительства с немцами, и в одежде, и в вооружении сравнились уже с прочими народами. Некогда они ходили в одежде моряков, ибо обитали по берегам моря и постоянно имели дело с кораблями, а теперь носят не только скарлатт, цветные и серые ткани, но и пурпур, и виссон. Ведь они располагают ныне большими богатствами от рыболовства, которым круглый год занимаются в Сконе³². Купцы со всех окрестных народов спешат туда и приносят с собой золото, серебро и прочие драгоценности; они покупают у них сельдь, которую те благодаря щедрости Божьей имеют даром, и оставляют за этот ничемный товар лучшее, что у них есть, а порой и саму жизнь, когда терпят кораблекрушения. Земля их полна также превосходными лошадьми, благодаря своим тучным пастбищам. Поэтому из-за обилия лошадей они, упражняясь в рыцарских турнирах, славятся и в конных сражениях, и в морских битвах. Они также немало преуспели в книжной грамоте, ибо знатные люди этой страны посылают своих сыновей в Париж не только для получения священного сана, но и ради обучения светским наукам. Там, освоив литературу и язык этой страны, они весьма преуспели не только в науках, но и в богословии. Из-за присущей им от рождения быстроты языка они проявляют смыслённость не только в доводах диалектики, но и при обсуждении церковных вопросов.

Кроме того, известно, что вера у них крепка и сильна, потому что Эсхил³³, архиепископ Лунда, муж высочайшего благочестия, – оставив епископство³⁴, он, желая вести спокойную жизнь, отправился в Клервосский монастырь и жил там свято и праведно, в мире окончив свои дни³⁵, – построил в тех краях множество монастырей из всех духовных орденов как мужских, так и женских. Умножаясь, словно ливанские кедры, они, подобно винограднику Господа Саваофа, протянувшему свои лозы к морю, вернее за море, наполнили собой не только Данию, но и землю славян³⁶.

Господин Абсалон³⁷, который наследовал Эсхилу в этой должности, пылая ревностью к правде и препоясавшись оружием Божьим, также никогда не был пассивен в деле распространения веры. Хотя Господь одарил его множеством добродетелей, он наиболее славился даром чистой совести, а именно красотой целомудрия. Поэтому он, словно светящий и горящий светильник, очень многих заразил своей ревностью, согласно изречению: «Смотрите, ибо не только для себя я трудился, но и для всех, ищущих правду». Вместе с апостолом ревнуя о своих подданных ревность Божьей, он убеждением, закланием и понуканием призывал их соблюдать целомудрие, но встретил со стороны некоторых из них многочисленные и суровые возражения. И не удивительно; ибо приземлённое сознание, пока оно связано привычкой грешить, редко или почти никогда не в состоянии сбросить с себя иго дьявола, но как осёл стоит на распутье, занятое обычными делами, чтобы без возражений нести любое бремя, какое захотят на него возложить. Ибо все гнусные мысли, какие подсказывает ему нечистый дух, оно принимает с тем большей готовностью,

чем более нечестиво они возникли. Поэтому, когда правитель наказывает того или иного, тот не может этого уразуметь, ибо об этом надлежит судить духовно. Поэтому и выходит, что они идут против рожна³⁸ и собирают змеиные яйца против прелатов, когда, составляя заговоры, поднимают мятежи и называют угнетением справедливое увещание наставника, а потом ещё жалуются, что их якобы оклеветали. Так что слова исправления произносят против них вполне справедливо. Находятся там также многие семейные люди, которые в своём религиозном призвании стараются быть гостеприимными, раздавать милостыню, соблюдать супружескую верность и, усердствуя в молитвах, исполнять прочие праведные труды.

Что касается короля³⁹, который, будучи ещё молод годами, во всех своих поступках показал себя столь зрелым мужем, то о его степенности можно сказать словами самой мудрости: «Этот почтенный старец, но не от долгой жизни и не от количества прожитых им лет». Ибо он, как то водится в этом возрасте, не увлекался ни играми, ни зрелищами, не совершал прогулок и бесцельных странствий, не предавался разврату, но жил с целомудренной женой в целомудренном браке. Во время богослужений он не вёл ни бесед, ни разговоров, как то свойственно некоторым людям, но, имея перед глазами сборник псалмов или иных молитв, страстно предавался молитве. И, поскольку то присуще мудрости, которая говорит: «Мною цари царствуют»⁴⁰, Господь настолько укрепил его королевство, что если во времена его предков в Датском королевстве было три или четыре монарха, то он один правил королевством, которым его отец овладел с большим трудом и мудростью. Итак, имея в своём королевстве прочный мир, Кнут обратил внимание на то, что славяне во времена его отцов причинили его стране много зла. Видя, что они лишены помощи со стороны герцога Генриха, который укротил их уздой своей власти, он, пользуясь удобным случаем, пошёл против них войной. Пользуясь советами архиепископа Абсалона, он одолел их скорее мудростью, нежели силой.

6. ОБ ИЗБРАННОМ ЕПИСКОПЕ КОНРАДЕ

Между тем Любекская кафедра всё ещё пустовала, ибо император был далеко. Но вот, к нему прибыли любекские каноники и, подчиняясь его воле, просили, чтобы он дал им епископа. В результате он поставил над ними некоего благочестивого мужа по имени Алексей, бывшего приором в Хилебургероде⁴¹ и состоявшего в ордене премонстратов. Однако те наотрез отказались его принять, умоляя поставить кого-либо из их ордена. Тогда, проведя совещание с приближёнными, император дал им Конрада⁴², своего капеллана, мужа весьма начитанного и речистого, умевшего прекрасно доказывать свою точку зрения. Дело в том, что император услышал и обратил внимание на положение Любекской церкви, – ибо она будто вновь была поставлена на ноги, – всё ещё слабой и во многом остававшейся в небрежении. Поэтому он и решил послать туда этого мудрого мужа, чтобы не только церковь преуспевала благодаря ему, но и его дела крепили в тех краях при его содействии. Итак, получив епископскую инвеституру в Эгере⁴³, замке императора, госпо-

дин избранник, прибыв в свою епархию, начал приводить в порядок свою церковь, привлекая духовенство к религиозному благонравию, призывая их быть целомудренными, воздержанными и без ропота гостеприимными и усердствовать в прочих угодных Богу и людям добродетелях. Мирянами же, которых восхищает скорее строгость, чем учёность, он управлял с такой мудростью, что они уважали его больше, чем всех его предшественников. Он не разрешал клирикам из других епископств держать приходы в его диоцезе, говоря, что нельзя служить сразу двум господам. Он утверждал, что каждый из приходских священников должен всегда быть готов к посещению и соборованию больных и к исполнению любых других духовных обязанностей, а в день вечери Господней помогать своему епископу при введении кающихся и при освящении елея. Он получил на это разрешение от самого папы. Ибо когда он вместе с императором прибыл в Верону, то принёс по этому поводу письмо папы Луция, в котором было сказано, что если какой-нибудь клирик из другого епископства захочет держать церковь в его диоцезе, он должен или окончательно обосноваться там, или отказаться от лена. Однако он до сих пор ещё не получил епископского посвящения и откладывал его не без причины. Ибо он хотел прежде выяснить состояние церкви, которой собирался управлять, и испытать свои силы, сможет ли он выдержать возложенное на него бремя, а потому долго думал, поднимут ли плечи эту ношу или нет, чтобы в случае, если церковь сможет преуспеть благодаря ему, взять на себя этот труд, а если нет – смиренно отказаться. Ибо у него в приходах было множество церковных бенефиций и пребенд, и он боялся от них отказываться, чтобы его положение не стало от этого хуже.

Кроме того, между ним и графом Адольфом возникла вражда. Господин избранник говорил, что граф во многом несправедливо угнетает его людей, что некоторые епископские земли силой захвачены им и что его люди часто мешают ему совершать правосудие, которое полагалось отправлять ему на правах фогта, в его городе Утине⁴⁴. Поскольку из-за великодушия графа он ничего не мог с этим поделаться, то относился к этому терпеливо, но не без горечи. Когда же он рассказал об этом императору, но и тут ничего не добился, то начал постепенно отходить от начатого намерения и возвращаться к собственным выгодам. Наконец, уладив свои дела, он ушёл к Зигфриду, архиепископу Бременскому. Всё, что он мог получить в серебре, утвари и превосходных конях, которые он отбирал у некоторых даже силой, – ибо был довольно жаден, – он увёз с собой. Возвратив архиепископу должность, которую получил от него, он написал своему духовенству, что уже не вернётся, и освободил его от обещанного ему послушания. Итак, не спросив ни у кого совета, он ушёл то ли по указанным выше причинам, то ли по другим, неизвестным нам, то ли потому что стремился к большему.

7. О ПОДЧИНЕНИИ СЛАВЯН

А Кнут, король Дании, непрерывно опустошал землю славян. Те же, готовясь к сопротивлению, заняли брод, через который должны были пройти датчане,

укрепив по обеим его сторонам крепости, с которых намеревались обстреливать пиратов. Они также попытались преградить дорогу железными цепями, но так ничего и не добились. Ибо датчане, придя с большим войском, разрушили эти укрепления и, рассеявшись по их областям, подобно саранче, заполнили собой всю землю. А славяне, не в силах вынести их натиск, укрылись в своих крепостях. Те же, рассыпавшись по их провинциям, съели мёд этой земли⁴⁵ и вернулись домой. Так, в течение нескольких лет они приходили во время жатвы и урожая и пожрали их землю, и без всякого кровопролития, одним голодом, вынудили их к подчинению.

Однажды Богуслав, князь или король поморян, напал на своего родственника Геромара, князя ругиев, желая отомстить ему за деятельную помощь королю Дании в покорении славян, ибо Геромар, с тех пор как принял христианство, находился под его властью. Итак, он явился к нему с 600 пиратами, твёрдо веря в то, что уничтожит всю его землю, как огонь сжигает лес⁴⁶. А тот, выйдя ему навстречу, хоть и с неравными силами, но обратил его в бегство. Кроме того, датчане устроили ему неподалёку засаду, и славяне, думая, что это – свои, подплыли к ним, ничего не подозревая. Те же, напав на славян, гнали их вместе с ругиями, и одних из них убили, других взяли в плен, а третьи погибли в море. Ибо славяне, видя, что окружены, в замешательстве не знали, что делать, ибо бежать им было некуда; надеясь спастись вплавь, они бросились в море и утонули. Другие же, добравшись до берега, оставили корабли и, блуждая по лесам и чащам, погибли от голода и жажды в тех болотистых местах. И воздал им Господь в этот день за то, что они увели в плен по морю многих датчан, и они сами теперь были уведены в плен и на погибель. Так, в рабство датчанам были обращены те, которые всегда были враждебны их свободе. Геромар, оставив прочих, преследовал Богуслава. А тот, спасаясь, бежал так быстро, как только мог. И Геромар, крича ему вослед, говорил: «Что это значит, о князь Богуслав? Разве ты не намерен вязать этого чёрного и ужасного Геромара? Однако погоди уводить как раба того, кого ты не хотел иметь другом!». В конце концов тот всё-таки убежал и спасся. Так, силы славян были сокрушены, и они служили теперь датчанам, платя им дань и передав в руки короля крепость Вольгост вместе с 12 заложниками⁴⁷.

Всё это произошло не без недовольства со стороны императора, который говорил, что дважды оскорблён королём Кнудом, ибо тот, во-первых, не захотел принять корону из рук императора, а во-вторых, подчинил своей власти славян, подданных империи, заставив их принести оммаж и платить дань. Отпавших от герцога Бернгарда вельмож, то есть графа Адольфа, а также Бернгарда и Гунцелина, он по указанным выше причинам заставил примириться с ним на следующих условиях. Так, граф Адольф должен был уплатить ему 700 марок и тем самым заслужить его милость за разрушенный замок⁴⁸ и свободно владеть областью, относившейся к Ратекау, вместе с городом Ольдесло, на которую притязал герцог Бернгард. А граф Бернгард должен был уплатить 300 марок и столько же Гунцелин. Все они обязаны были восстановить разрушенный замок.

8. О СМЕРТИ МАНУИЛА, ГРЕЧЕСКОГО ЦАРЯ

В это же время умер благородный Мануил, греческий царь⁴⁹, и оставил править вместо себя своего малолетнего сына⁵⁰, ещё при жизни обручив его с дочерью короля Франции⁵¹. И вот в городе Константинополе и во всём этом царстве произошло удивительное смятение, ибо, после того как был поражен пастырь, овцы рассеялись⁵², и хищные волки, которые злоумышляли в тиши против их спокойствия, вышли наружу, чиня воровство, убийства и грабежи. Ибо был там некий закоренелый преступник по имени Андроник⁵³, сын брата умершего царя. Соблазненный жадой власти он объявил себя защитником малолетнего царя и начал править⁵⁴, собираясь якобы честно блюсти его интересы и сохранить трон за племянником. Укрепившись таким образом, он начал сеять смуты, преследовать и убивать тех, которые, казалось, были на стороне царя. Когда он устранил всех, кто стоял на его стороне, одних усмирив, а других предав смерти, то велел тайно увести и сбросить в море царицу, мать царя. Так, всех, которые, как он боялся, будут противиться его восшествию на престол, он или лишил жизни, или изувечил, или осудил на изгнание. У него был некий наперсник, по виду монах, а по сути настоящий дьявол, который на погибель людям принимал под маской благочестия вид ангела света. Следуя его советам, Андроник всех, к кому тот питал подозрение, тут же предавал смерти. И вот, когда мальчик однажды спросил его об отсутствии матери, он ответил: «Не беспокойся об отсутствии своей матери. Она здорова и находится в безопасном месте». Когда же мальчик стал каждый день докучать ему вопросами о матери, он сказал: «Твоя мать здорова, но чтобы ты не горевал более об её отсутствии, ты очень скоро лично отправишься к ней». И приказал тайно увести этого ребёнка и умертвить также, как и его мать. Сделав это, Андроник взял в жёны его невесту, хотя уже дважды был разведён. После этого он сказал своему наперснику: «Как ты считаешь, не остался ли кто-нибудь, кто мог бы злоумышлять против моего достоинства?». А тот отвечал: «Всё ещё жив один из твоих родственников, который вызывает у меня подозрения. Но поскольку ты не можешь лишить его жизни из-за близкого родства, то заключи его в монастырь, чтобы он таким образом перестал вредить тебе и твоему царству». Когда это было сделано, Андроник вновь спросил: «Всё ли теперь хорошо?». А тот отвечал: «Да, теперь всё хорошо, но вот о твоей невесте я не могу сказать ничего хорошего, ибо она по всей видимости затаила против тебя зло, помня о своём прежнем женихе. Впрочем, следует выслушать её исповедь и таким образом вызнать все тайны её сердца. А потому переоденься в священника и исполни его обязанности». Услышав это, Андроник сказал: «До каких же пор будут пребывать в тебе злые мысли? Я вижу в тебе злобу, но уходи и исповедуйся в своих грехах, чтобы, очистившись тем самым от неправды своего сердца, ты мог спокойно видеть моё лицо». Когда же тот ушёл, старик, переодевшись в священника, пришёл к ней и сказал: «Дочь моя, исповедуйся мне в своих грехах и не скрывай от меня своих мыслей. Ибо я представляю здесь самого Христа, и, поскольку он знает всё, ничего

не скрывай в своей исповеди». Когда та в простоте духа призналась ему в некоторых пустяках, ибо была ещё слишком юной и не знала за собой никаких преступлений, он продолжал: «Искренне ли ты любишь царя, своего супруга?». А она отвечала: «Да, я люблю царя, как моего супруга и господина, но если бы я вышла замуж за того царского сына, который умер, то любила бы его гораздо сильнее, ибо была обручена с ним. Теперь же, поскольку так вышло, я искренне люблю царя и честно блюду супружескую верность». Услышав это, Андроник недовольно поднялся и ушёл. Что же дальше? Он развёлся с ней и обрёл её на смерть вместе с другими. После этого, когда наконец исполнилась мера его нечестия, и Бог по справедливому приговору решил положить предел его злобе, старик вновь обратился к своему наперснику со словами: «Неужели теперь, когда устранены соперники, можно надеяться на то, что я смогу спокойно сидеть на своём троне, ничего не опасаясь?». А тот отвечал: «Да, ты можешь жить совершенно спокойно, но я всё-таки питаю пусть небольшое, но беспокойство относительно того монаха, твоего родственника. Вот если бы он был убит, ты впредь наслаждался бы полным спокойствием». И Андроник, послав гонца, велел призвать к себе этого монаха. А тот, услышав об этом, ужаснулся и отказался явиться. Тут же разослав гонцов, он призвал друзей и знакомых, рассказал им о царском послании и, уверенный в том, что его вызвали для того, чтобы убить, просил их тайно взять с собой оружие и пойти во дворец вместе с ним. И вот они все разом вооружились и отправились вместе с ним. Дойдя до первой стражи, он тут же убил привратника и точно так же поступил со вторым и третьим. Таким образом, с шумом ворвавшись в залу, он сказал царю: «Я здесь, ибо ты звал меня». А царь вместе с немногими людьми находился в спальне, ибо сознавал за собой множество преступлений и нигде не чувствовал себя в безопасности. «Да, я звал тебя, – отвечал он, – но уходи и возвращайся восвояси, ибо ты ворвался сюда без всякого порядка». «Я не вернусь, – заявил тот, – ибо знаю, что ты, убив очень многих, ищешь теперь и моей смерти. Так что или я лишу тебя жизни, или ты меня». И бросился на него. А тот, обратившись в бегство, миновал несколько тайных переходов и спасся, прибыв к замку некоего вельможи, которого он по несправедливой причине ослепил, лишив зрения. И сказал ему: «Мои враги ищут моей смерти. Поэтому я прошу тебя проявить милосердие и взять меня под защиту». А тот отвечал: «Хотя ты обошёл со мной крайне несправедливо, я всё-таки, если смогу, постараюсь спасти твою жизнь». И принял его в крепости. А царский родственник, узнав, где он находится, погнался за ним с сильным отрядом. Далее, когда стало известно, что царь бежал, его преследовал весь народ, старики и молодёжь, – ибо он был ненавистен всем людям; они силой вывели его из крепости, отвели в город и, протащив по улицам, подвергли разного рода надругательствам, после чего без всякого милосердия лишили жизни, поступив с ним так же дурно, как и он сам поступал со своими близкими. Кровь невинных была отомщена в этот день. Затем царство было передано его сопернику Эммануилу⁵⁵. Всё спорилось в руках последнего, ибо при благоденствии праведников веселится город, и при гибели нечестивых бывает торжество⁵⁶.

9. О КОРОНАЦИИ ГЕНРИХА

В это время император Фридрих объявил о созыве в Майнце торжественного и многолюдного хофтага, который состоялся на Троицу 1182 года от воплощения Слова, то есть в 36-й год его правления⁵⁷. Там император посвятил в рыцари своего сына, короля Генриха⁵⁸, и повязал вокруг его пояса рыцарский меч. Итак, туда явился весь цвет королевства и княжеской власти, все главные архиепископы и епископы, вся слава королей и князей, а также множество рыцарей, наперебой желавших угодить императору. Что касается изобилия, вернее избытка продовольствия, которое было свезено туда со всех земель, то его нельзя ни измерить, ни описать словами. Огромное количество вина, которое было доставлено туда с верхнего и нижнего Рейна, потреблялось там, как на пиру у Ассуэра, без всякой меры и согласно возможностям и желанию каждого. Что же касается великолепного и, как было сказано, неопишемого убранства, то я приведу здесь лишь одну малую деталь, на основании которой ты сможешь представить себе остальное. Так вот, там были возведены два больших и красивых здания, которые были снабжены изнутри жердями и сверху донизу заполнены курами и петухами, так что ничей взгляд не мог проникнуть сквозь них. Это вызвало удивление очень многих, которые с трудом верили, что во всех их областях есть столько кур. Обязанности стольника и кравчего, камерария и маршала исполняли исключительно короли, герцоги и маркграфы. Неподалёку от города, между Рейном и Майном, находилась большая равнина. Из-за городской тесноты и ради чистого воздуха император приказал построить там большую деревянную церковь и великолепный дворец, а также бесчисленное множество различных зданий, чтобы достойно провести там это торжественное собрание. И вот в самый день Троицы, когда наступил уже час процессии, император вошёл в церковь, а высшие понтифики и князья расселись перед ним, поднялся господин аббат Фульды⁵⁹ и обратился к нему с такими словами: «Государь! Мы просим ваше величество выслушать нас!». «Я слушаю», – отвечал тот. И аббат продолжал: «Государь! – сказал он, – уже много времени прошло с тех пор, как епископ Кёльнский, который присутствует здесь, лишил Фульденскую церковь, или обитель, которой мы управляем по милости Божьей и благодаря вашей щедрости, некоторых положенных ей прав». «Докажите то, что вы сказали», – сказал ему император. «Так вот, – продолжал тот, – Фульденская церковь имеет дарованную ей древними императорами привилегию, согласно которой, когда бы ни проводился в Майнце генеральный хофтаг, господин архиепископ этого престола должен сидеть по правую руку от императора, а аббат Фульды – по левую. И, поскольку Кёльнский епископ уже долгое время ущемлял нас в этом праве, мы просим, чтобы сегодня благодаря вашему вмешательству он не занимал положенное нам место». Тогда император сказал архиепископу: «Ты слышал, что сказал аббат? Согласно его прошению мы просим тебя не портить нам сегодня наш праздник и не отказывать ему в месте, которое, как он уверяет, принадлежит ему по праву». В ответ на это архиепископ

также поднялся и сказал: «Государь! Если угодно вашему величеству, то пусть будет так. Пусть господин аббат получит то место, которого он добивается, а я с вашего разрешения вернусь домой». Когда он уже собрался уходить, со стороны императора поднялся его брат, пфальцграф Рейнский⁶⁰, и сказал: «Государь! Я вассал епископа Кёльнского, а потому справедливо, чтобы я следовал за ним всюду, куда бы он ни отправлялся». Затем поднялся граф Нассау⁶¹ и также сказал: «Я также с вашего разрешения последую за моим архиепископом». То же самое сказали герцог Брабанта⁶² и многие другие могущественные мужи. В ответ на это ландграф Людовик, который был вассалом аббата, сказал графу Нассау: «Вы славно сегодня послужили за свой лен». А тот ответил: «И послужил, и послужу ещё, если потребуется, как ныне». Итак, когда архиепископ поднялся, чтобы уйти, молодой король, видя, что возникла страшная смута, встал со своего места и бросился к нему на шею, говоря: «Я прошу тебя, о любезнейший отец, не обращать нашу радость в печаль!». Император также просил его не уходить, говоря: «То, что было сказано, мы сказали в простоте нашего сердца, а вы сразу же в гневе хотите уйти? Не делайте этого зла и не тревожьте наше спокойствие жестокой смутой». А архиепископ отвечал: «Не думал я, что вы на глазах у князей захотите нанести мне такое оскорбление. Я состарился у вас на службе, а о битвах, которые я вёл ради вас, не щадя моей жизни, свидетельствуют мои седины. Более того, я – увыв! – перенёс множество тягот и душевных потрясений и никогда не жалел ни себя, ни своего имущества ради чести империи. Вы видели мою преданность в Ломбардии, испытали верность моей души при Александрии и наблюдали, что я не раз, но многократно делал при Брауншвейге. Поскольку во всех этих делах я никогда не был вторым, меня удивляет, почему сегодня вы решили предпочесть мне этого аббата, чья дерзость вызывает у меня сильное подозрение против вас самих, ибо он, если бы не чувствовал вашего желания меня унижить, никогда не поднял бы против меня своей пяты. Нынче же, если вам угодно, пусть кресла будут расставлены по старому обыкновению, и если он опрокинет моё кресло, то пусть без всяких возражений то же самое случится с ним и у Всевышнего». Надо сказать, что кёльнцы предчувствовали дерзость со стороны этого аббата и потому явились на хофтаг с 4604 вооружёнными мужами. Тогда император поднялся и сказал: «Мы заявляем о нашей полной невиновности в том, в чём нас обвиняют. Однако если вы по-прежнему сомневаетесь, то мы готовы тут же, без колебаний, очиститься от этого обвинения клятвой». И протянул руку, словно собираясь возложить её на мощи. Эти слова успокоили дух архиепископа, и он сказал: «Хватит. Вашего слова мне вполне достаточно. Однако тем, кто был причиной этой смуты, очиститься от подозрения будет не так легко». А император сказал аббату: «Вам следует воздержаться от той справедливости, которую вы требуете, и уступить архиепископу более высокое место». Итак, ссора улеглась, император был коронован и прошествовал вперёд вместе с императрицей и коронованным сыном. А аббат не без стыда занял более низкое место.

10. ОБ ОТВРАТИТЕЛЬНОЙ ГОРДЫНЕ МОНАХОВ

Горе тебе, о гордыня, рождённая на небе, но вместе с твоим родителем, дьяволом, низвергнутая на самое дно бездны! И чем выше был твой взлёт, тем глубже падение. Ты произошла от дурного побега и, благодаря зависти дьявола заразив наших прародителей, попала на землю. А ты, дьявол, приготовил себе престол в северных краях, но я думаю, что ты отнюдь не стремился к материальному престолу, но, удалившись от Божьей любви и упорствуя в холоде злобы, тем самым воздвиг себе трон над сынами гордыни, чей взгляд надменен, чей Бог – чрево⁶³, которые не помышляют вместе с апостолом о горнем⁶⁴, но лишь о земном и умышляют зло в коварстве своего сердца⁶⁵. Но на что тебе духовенство? На что тебе те, которые исповедуют веру, занимают различные церковные должности и называют себя слугами Божиими, а также те, которые исполняют обязанности священников и, по видимому, со всей святостью и праведностью служат Господу? Горе, горе твоей дерзости, которая многих из них ввергла в погибель! Не удивительно, что ты, не сумев выстоять против Всевышнего, пылал столь яростным гневом против Его членов, когда подобно молнии падал с неба. За это Бог сокрушит тебя в конец, изринет тебя и исторгнет из жилища своих избранных и корень твой из земли живых⁶⁶. Неужели тебе мало того, что ты уже наделал, раз ты дерзаешь нападать даже на стадо монахов, заставляя их жить честолюбиво? И они, не желая нести кроткое иго Христова и его лёгкое бремя, охотно принимают твоё иго и, предаваясь обжорству и пьянству, проводят жизнь в гордыне и плотских утехах, постоянно позоря себя перед Богом. Горе тебе, Левиафан! Ты поглощаешь реку и, не удивляясь, до сих пор уверен в том, что Иордан польётся тебе в рот, Иордан, говорю я, не только крещёных, но и праведников, то есть монахов, которые, как кажется, всё оставили ради Христа. Однако когда они, желающие обрести за это вечную жизнь, соглашались с твоими пагубными нащёптываниями, то, повернувшись назад, теряют всё. Ибо, с одной стороны, благочестивое одеяние, которое они носят и за которое получают почёт от людей, не позволяет им полностью посвятить себя миру, а с другой, помышляя о земном и думая о плотском, они в своих мыслях оказываются виновными перед Богом и тут же теряют земное, к которому так стремятся, и уже не находят небесного, которого также, по-видимому, домогаются. Этот Левиафан искушает их с тем большей энергией, чем больше они, по его мнению, отдаляются от него благодаря исповеданию веры и достигают духовного единства с Богом. Ибо как он прежде открыл глаза первым людям посредством страсти, так теперь стремится к ещё более желанным вещам, ибо его манит особая приманка, а именно, – о ужас! – жизнь духовенства, которая иногда начинается с невинности, но в то время как должна обрести совершенство, напротив, склоняется к разврату, и которая тем ароматнее для него, чем более славен священник своими добродетелями. О, как тяжело мне это говорить, ибо в то время как я говорю о чужой жизни, не осуждая, но сочувствуя, я порицаю самого себя, не раскаиваясь и не боясь слов апостола: «Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным»⁶⁷. Что же дальше? Молчать

мне или говорить? Совесть призывает меня молчать, но любовь, которая не может держать связанным слово Божье, побуждает говорить. Итак, я буду говорить, чтобы, осуждая чужое, краснеть за своё. Так вот, чем была некогда жизнь монахов, как не чистой невинностью, дорогой справедливости, образом жизни и райской тропой? Ибо она – союзница ангелов, спутница апостолов, радость мучеников, слава исповедников, венец дев. Ей учил Предтеча Господень Иоанн, первым ведя жизнь иеремита, её укрепил Христос, постясь в пустыне, а хор иеремитов прославил её знамениями и добродетелями и распространил по всему миру неисчислимое множество монастырей. Когда о ней узнали правители, то превознесли сверх меры и, ценя выше золота и топазов⁶⁸, с невероятной щедростью наделили монахов множеством владений. Однако владения росли, а благочестие исчезало. Ибо от обилия земных благ монахи стали жить по-мирски и даже думать по-светски. Охладела любовь⁶⁹, и на смену ей пришла тяга к миру. Там, где открылись ворота высокомерию, не было места благочестию. Смирение не могло остаться, ибо его изгнала властность. Те, кому вообще не следовало бы иметь собственности, начали зариться на чужое. Так вышло, что осталась лишь видимость благочестия, а справедливость полностью покинула их. О монах! Напрасно ты носишь своё благочестивое имя, ибо ты следуешь по пути суеверия! Ты признаёшь устав, но с какой совестью ты читаешь и понимаешь то, что там написано, когда всё делаешь наоборот? Ведь он призывает восходить вверх по ступеням смирения, а ты спускаешься вниз по ступеням высокомерия. Устав призывает приносить пользу или работой рук, или молитвой, или богослужением, а ты предаёшься праздности, обращаясь к странностям. Он учит, что спасение можно достичь прежде всего послушанием, ты же, напротив, полон возражений. О послушании любви тебе ничего не известно, зато ты послушен собственным прихотям и нужде. Ибо в первом случае послушание в трудных и суровых обстоятельствах оказывается ради самой любви, согласно сказанному: «Я пришёл не для того, чтобы творить волю мою, но волю того, кто послал меня»⁷⁰. А во втором случае, если приказание соответствует его воле, он признаёт власть отдавшего приказ; если же нет, то не повинуется, если только не вынужден к тому необходимостью. Ты слышатель слова, а не исполнитель⁷¹. На что ты уповаешь? Закона ты не соблюдаешь, но, словно иудей, отдаёшь предпочтение внешнему виду и тонзуре. Поэтому я опасаюсь, что всё, что ты делаешь, ты делаешь скорее из лицемерия, нежели из любви к правде. Ибо ты хочешь скорее казаться монахом, нежели в благочестии проповедовать, и не боишься прогневить Бога, который один судит праведных и нечестивцев. Ты забыл о том, что было им сказано в Евангелии: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её»⁷², а также: «Если кто хочет идти за мной, отвергнись самого себя»⁷³. Однако ты, отвергнув самого себя, вопреки Христу опять-таки следуешь за самим собой. Отвергнув человека, ты следуешь за человеком же, который тащит тебя, побеждённого и связанного законом греха. Но обратись наконец ко Христу и скажи ему: «Восстань, Господи, чтобы не возобладал человек!». Садись на последнее место и веди себя скромно, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал тебе: «Друг! Пересядь выше». Тогда будет тебе честь пред сидящими с тобой⁷⁴ не на пиру у земного императора, но у царя

небесного. Ибо всякий возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится⁷⁵.

И вот, когда этот хофтаг проходил в течение нескольких дней при величайшем ликовании, однажды разыгралась сильная буря и внезапно обрушила деревянное строение, под обломками которого погибло 15 человек. Неизвестно, то ли это обрушение произошло по вине мастеров, то ли, согласно мнению некоторых людей, предвещало ещё большее несчастье, – ибо спустя малое время после этого скончалась императрица⁷⁶. Итак, когда хофтаг был распущен, ландграф Людовик, боясь гнева архиепископа Филиппа, последовал за ним в Кёльн, чтобы покинуть его не раньше, чем уляжется его гнев и он вновь обретёт его милость.

11. О ГОСПОДИНЕ ПАПЕ ЛУЦИИ И ИМПЕРАТОРЕ

В следующем году⁷⁷ император отбыл в Италию, чтобы привести в порядок государственные дела. В Вероне ему навстречу вышел господин папа Луций, чтобы обсудить некоторые спорные вопросы. Император был самым любезным образом принят жителями Вероны и клириками, которые во времена папы Александра приняли посвящение от раскольников и съехались туда со всех концов земли, и со всей настойчивостью начал просить за них господина папу, чтобы тот проявил к ним милосердие. Поначалу папа благосклонно выслушал его просьбу и согласился даже, чтобы все они написали свои прошения, а он принял по их поводу решение согласно обстоятельствам дела каждого. Однако на следующий день он изменил своё решение, сказав, что на генеральном соборе, состоявшемся в Венеции, в присутствии самого императора было принято решение относительно господина Христиана Майнцского, господина Филиппа Кёльнского, господина епископа Мантуанского и многих других, оставшихся в своих должностях вместе с теми, кого они посвятили; они, заявил папа, отстранены от своих должностей и это решение нельзя изменить иначе, как только на новом генеральном собрании кардиналов и епископов. Собор по этому делу папа пообещал провести в Лионе. Подозревают, что в этой перемене были виновны господин Конрад⁷⁸ Майнцкий и господин епископ Вормсский. А те, которые надеялись на возвращение своих должностей, сильно опечалились. И если прежде, при встрече императора, они радостно пели: «Приди, желанный!», то теперь, исполнившись грусти, запели: «Мы ждали мира, но он так и не пришёл, Господи! Мы искали добра, но видим лишь грусть». Всё это пришлось сильно не по нраву кардиналам, которые говорили: «Сколько велика дерзость алеманнов, которые угрозами добиваются милости». Ничего не решив по этому делу, господин папа и император провели между собой переговоры по поводу наследства госпожи Матильды⁷⁹, благороднейшей дамы, которым владел император. Последний говорил, что оно после её смерти по праву перешло к империи, а господин папа, напротив, утверждал, что оно принадлежит апостольскому престолу. Поскольку обе стороны предъявили в подтверждение своих притязаний соответствующие грамоты, это дело также осталось нерешённым.

Им предстояло обсудить ещё одно важное и особенное дело – трирские выборы. Дело в том, что Трирская митрополия была вакантна⁸⁰, и в ней были избраны двое – Фолькмар и Рудольф⁸¹. Фолькмар был избран раньше и здоровой частью клира, а Рудольф – позже и худшей частью. Когда между ними произошёл раскол, Фолькмар апеллировал к апостольскому престолу, а Рудольф обратился за поддержкой к императору. Император, узнав, что произошло, из-за спорности избрания передал инвеституру Рудольфу. Так что папа занял сторону Фолькмара, ибо тот был избран канонически, а император поддержал Рудольфа ввиду спорности выборов. Итак, они разошлись в разные стороны, и каждый говорил, что именно его дело правое. А через время, когда Фолькмар прибыл в римскую курию и изложил папе обстоятельства своего дела, папа, отправив письмо, тут же вызвал к себе Рудольфа, который находился тогда вместе с императором. Император, узнав об этом, сильно рассердился, но, чтобы не казаться упрямым, уговорил Рудольфа явиться на слушание дела и послал вместе с ним двух декретистов и двух легистов: декретисты должны были защищать Рудольфа на основании канонов, а легисты – на основании законов. Когда дело дошло до суда и с обеих сторон было выдвинуто множество обвинений, так что процессу не видно было конца, Рудольф вернулся к императору, а Фолькмар остался с папой. Так, с обеих сторон возникла заметная напряжённость и, поскольку отношения между папой и императором из-за этого дела с каждым днём становились всё хуже и хуже, верующие, которые пережили ужас раскола, опасались, что церковь вновь постигнут тяжкие беды. Между тем король, молодой и высокомерный, действуя в интересах Рудольфа, осудил декана и некоторых каноников из Кобленца, которые, казалось, стояли на стороне Фолькмара, и, лишив их доходов, приказал разрушить их дома и разорить их владения. Папа, раздражённый всем этим, решил возвести Фолькмара в сан епископа. А император, узнав про это, передал ему через своих людей, что если он вопреки его воле решит возвести Фолькмара в священнический сан, то пусть твёрдо знает, что это приведёт к окончательному разрыву между ними. Он присовокупил к этому ещё ряд страшных угроз, которые, впрочем, благодаря рассудительности послов так и не были произнесены. Так папа и император расстались друг с другом, и всё, что они собирались решить, так и не было решено, ибо провести собор в этой тревожной обстановке было невозможно. Среди многих других дел император переговорил с папой и о своём сыне, короле, и просил его возложить на голову сына императорскую корону. Но, поскольку папа не согласился с этим, он отложил его посвящение до более подходящего случая. Впрочем, папа отказался от этого не без основания, говоря, что нельзя одновременно править двум императорам; поэтому, мол, нельзя короновать сына, предварительно не отстранив от власти отца.

12. О РАЗДОРЕ МЕЖДУ КОРОЛЁМ И АРХИЕПИСКОПОМ КЁЛЬНСКИМ

Между тем случилось, что Филипп, архиепископ Кёльнский, задержал нескольких купцов из Дуйсбурга⁸², проходивших через его земли, и оставил у себя их

товары якобы в качестве компенсации за некую обиду, которую те ему причинили. Те отправились к королю, ибо названный город принадлежал империи, и пожаловались ему на случившееся. Король, отправив гонцов, велел архиепископу вернуть купцам их товары. Однако тот отказался, говоря, что не сделает это, пока те не дадут ему должного удовлетворения. Так что гонцы вернулись к своему господину с пустыми руками. Тогда король вторично послал к архиепископу, но опять ничего не добился. Наконец, он в третий раз отправил к нему гонцов, велел ему во имя своей милости вернуть купцам отнятые товары. Архиепископ воспринял это с большим неудовольствием, говоря, что никто не может служить двум господам, а потому нельзя, чтобы страной правили сразу два правителя. Когда эти слова дошли до короля, он страшно рассердился и, объявив о созыве хофтага, велел архиепископу явиться на слушание его дела. Когда же тот не явился, он назначил ему второй хофтаг. Тот вновь не пришёл, и король назначил ему третий хофтаг – в Майнце⁸³. Следуя совету своих друзей, архиепископ пришёл туда вместе со многими благородными людьми. Однако с теми было заключено тайное соглашение, и они, придя ночью по одному, принесли королю клятву верности. А епископ, видя себя обманутым, сделал то, что требовала необходимость, и дал королю ответ по всем пунктам, как тот и хотел. Он клятвенно очистился от сказанных выше слов, а когда его уличили в неправде, поклялся, что эти слова были сказаны отнюдь не в пику королю. Он принёс также ещё одну клятву, ибо король подозревал, что он ездил к королю Англии. Это подозрение возникло из-за герцога Генриха, который в это время находился в изгнании в Англии. Кроме того, архиепископ уплатил королю 300 марок и только тогда смог удалиться. С этого времени он отдалился от императора и его сына, горько рассказывая в том, что прежде с такой преданностью служил империи. Он начал укреплять Кёльн глубоким рвом и башнями, тем самым вызвав у императора подозрения, что он якобы замышляет что-то новое.

13. О СМЕРТИ ЗИГФРИДА И ЕГО ПРЕЕМНИКЕ ГАРТВИГЕ

Вскоре после этого умер Зигфрид⁸⁴, архиепископ Бременский. Ему наследовал господин Гартвиг, каноник этой церкви⁸⁵. Поначалу он действовал весьма энергично и не без труда вернул множество поместий, которые необдуманно были розданы в лен некоторыми его предшественниками. Он также неотступно требовал назад графство Дитмаршен, которым силой завладел граф Адольф. Последний, видя, что не совсем прав в этом деле, вернул ему это графство, но получил от епископа в постоянный лен 200 модиев в районе Штаде.

В это же время герцог Генрих, когда окончился срок его изгнания, вернулся в землю своих отцов⁸⁶ и расположился в Брауншвейге, довольствуясь своими наследственными владениями, большая часть которых, правда, была захвачена очень многими. А император в добрых и утешительных словах часто подавал ему в своих письмах добрую надежду, но различные обстоятельства мешали ему воплотить её в жизнь. Впрочем, поскольку во всех неприятностях, которые постигли его в это

время, как со стороны папы, так и со стороны Филиппа, архиепископа Кёльнского, и Кнута, короля Дании, женатого на дочери герцога, он видел руку герцога Генриха, и потому не очень спешил заниматься его делами. Возвратившись домой, герцог узнал о том, что во главе Бременской церкви поставлен господин Гартвиг, и очень этому обрадовался. Поскольку прежде он был с ним в весьма добрых отношениях, – в благополучные для него времена тот был нотарием при его дворе; кроме того герцог помог ему стать каноником в Бремене, – он просил его прийти для частной беседы с ним в удобное ему место. Но тот отказался и не соизволил ни увидеться с ним, ни поприветствовать, будучи другом в радости, но не в беде, и понимая дружбу не с точки зрения отдельного человека, но с точки зрения толпы, ибо: «Толпа дружбу ценит по пользе»⁸⁷.

14. ОБ ИЗБРАНИИ ГОСПОДИНА ЕПИСКОПА ДИТРИХА

Между тем престол Любекской церкви по-прежнему пустовал, ибо император, как было сказано, находился в Италии. Однако архиепископ, видя, что каноники этого престола не слишком торопятся с выборами епископа, взял это дело в свои руки. На Богоявление⁸⁸ он письменно вызвал всех каноников в Гамбург, чтобы переговорить с ними об этом деле. Поскольку он находился в Штаде, то из-за зимнего льда не смог вовремя перейти через реку, так что каноники, прервав путь, возвратились по домам. Позднее, перед очищением Пресвятой Марии⁸⁹, архиепископ прибыл в Любек и застал их расколовшимися при избрании на две партии. Ибо большая часть стояла за аббата Гарзефельдского⁹⁰, брата названного архиепископа, а другая часть – за приора этой церкви, которого звали Давид. Поскольку ни та, ни другая партия так и не смогли одержать верх, они с равным желанием и при общем согласии сошлись на кандидатуре господина Дитриха⁹¹, который был приором в Зеgeberге и Цевене и слыл справедливым, кротким и благочестивым мужем. Когда каноники сообщили ему об избрании, – ибо он в это время отсутствовал, – он начал всячески отказываться от этого, говоря, что совершенно недостоин занять столь высокую должность и что на него скорее возлагают бремя, нежели оказывают честь. Он говорил это не без слёз и в истинном смирении, согласно сказанному: «Я не пророк и не сын пророка»⁹². Наконец, вняв уговорам названного архиепископа и графа Адольфа, он всё-таки согласился, но, чтобы не казалось, будто он взялся за это дело безрассудно, он целый год оставался в своём приорстве Цевене, пока около зимы вернувшийся из Италии император не вышел к нему в Гельнхаузене⁹³ вместе с архиепископом. Там, получив из его рук епископскую инвеституру, Дитрих вместе с архиепископом вернулся в Бремен, где в воскресенье «Помни о нас, Господи»⁹⁴, был помазан им елеем посвящения и, посвящённый его рукой, украшен епископской митрой. Затем граф Адольф с честью увёл его оттуда, и он за два дня до Рождества Господнего⁹⁵ прибыл в Любек. Там он с величайшим ликованием был принят духовенством и всем народом под пение гимнов и хвалебных песен Богу и, смирясь, подобно Господу, который смирил самого себя, выехал навстречу встре-

чавшим его людям не на украшенном коне, а на осле. Затем, спешившись, он босиком вышел к торжественной процессии. Итак, утвердившись на епископском престоле, он не оставил пути смирения, но был кроток и любезен со всеми. Он был полон милосердия и предан делам благочестия, целомудрен, воздержан, скромнен и являлся таким почитателем религии, что был угоден и Богу, и людям.

15. О СВАДЬБЕ КОРОЛЯ

Когда всё это происходило, король, сын императора, женился в Италии на тётке Вильгельма Сицилийского⁹⁶ и справил свадьбу на границе между Павией и Мантуей. Желая отпраздновать её как можно торжественнее, согласно королевскому великолепию, он пригласил на неё всю знать не только из Италии, но и из немецких земель. Среди прочих он особенно просил приехать, забыв все прошлые обиды, Филиппа, архиепископа Кёльнского, и уговаривал его, как только мог. Однако, когда архиепископ с большой свитой отправился в путь, за ним вдогонку спешно выехал посол господина Конрада, архиепископа Майнцского, всячески отговаривая его от пути и говоря, что с этого пира он никогда уже не вернётся в Кёльн. Устрашённый его словами, тот отговорился болезнью и так и не поехал на свадьбу. Это вызвало ещё большие подозрения против него у короля и его слуг.

16. О ЛАНДГРАФЕ И О МАТЕРИ КОРОЛЯ

Около этих дней Людовик, ландграф Тюрингии, сын сестры⁹⁷ императора, разведясь под предлогом близкого родства со своей женой⁹⁸, вновь женился на матери Кнута, короля Дании⁹⁹. Когда она вышла из своей страны с большими богатствами и утварью, ландграф выехал ей навстречу к реке Эйдер и, приняв её из рук короля и его епископов, радуясь, отправился по своему пути. А граф Адольф с величайшим почётом проводил его через свою землю, доставляя ему припасы и всё необходимое в большом количестве как из уважения к королю, так и по причине близкого родства с ландграфом.

17. О РАЗДОРЕ МЕЖДУ ГОСПОДИНОМ ПАПОЙ УРБАНОМ И ИМПЕРАТОРОМ

Между тем, когда умер папа Луций¹⁰⁰, на апостольский престол был возведён господин Урбан¹⁰¹. Когда между ним и господином императором шли переговоры по поводу упомянутых выше дел, которые до сих пор не были решены, господин папа, как ревнитель справедливости, твёрдо действовал в защиту святой римской церкви и, не боясь власти земного императора, неустрашимо требовал того, что принадлежало ему по праву. Он упрекал императора за наследство госпожи Ма-

тильды, о котором упоминалось выше, говоря, что тот занял его незаконно. Он утверждал также, что император незаконно пользуется посмертными доходами епископов, ибо, когда те умирают, их церкви подвергаются разграблению, и пришедшие им на смену епископы находят церкви ограбленными и опустошенными, так что им поневоле приходится становиться разбойниками, ибо, потеряв доходы, они вынуждены как-то возмещать потери. Третье обвинение, которое он выдвинул против императора, касалось того, что тот довёл до разорения множество святых общин аббатис, ибо под предлогом исправления, – ввиду их беззаконий, – лишил их доходов и сместил некоторых настоятелей, но других, лучшего образа жизни, к чести Бога и выгоде церкви так и не назначил. Император же, пусть неохотно, но терпеливо выслушал всё это, ибо хотел добиться посвящения сына. Но господин папа заявил о множестве трудностей в этом деле. Так, он говорил, будто получил от своего прещественника наставление – ни в коем случае не возлагать на сына императора императорскую корону, если только отец прежде не сложит её с себя. Между тем Фолькмар, избранный Трирский, о котором было сказано выше, вопреки воле императора был возведён рукой господина папы в сан епископа. Император, услышав об этом, страшно разгневался, и с этого дня между ним и господином папой возникла уже открытая вражда. И возникло в церкви Божьей немалое замешательство, ибо, когда между собой ссорятся владыки мира, происходит смешение элементов, то есть прелатов, желающих угодить то тем, то этим.

Сын императора также был не последней причиной этой смуты. Ибо, находясь в это время в Ломбардии, он велел призвать к себе некоего епископа и сказал ему: «Скажи, клирик, от кого ты получил епископскую инвеституру?». А тот отвечал: «От господина папы». Тогда король вновь спросил его: «Скажи, от кого ты получил епископскую инвеституру?». А тот снова ответил: «От господина папы». Когда же король и в третий раз обратился к нему с этими словами, епископ сказал: «Государь! Я не владею никакими регалиями. Нет у меня ни министерялов, ни королевских поместий. Поэтому я получил епархию из рук господина папы, которому и подчиняюсь». Тогда король в гневе велел своим слугам бить его кулаками и топтать ногами в уличной грязи. Этот поступок вызвал всеобщее осуждение, ибо после Деция¹⁰² никто не слышал о королях ничего подобного.

А папа продолжал неустанно упрекать императора по всем трём пунктам, а именно: за наследство госпожи Матильды, за посмертные доходы епископов и за доходы аббатис, так что уже открыто вызывал его на суд и угрожал отлучением от церкви. Особую помощь ему оказывал Филипп, архиепископ Кёльнский, сокрушаясь о том, что после смерти епископов всё их движимое имущество отходит в казну. О том же самом заявляли и Конрад Майнцский, и Фолькмар, архиепископ Трирский. Своё согласие с ними выразили ещё 12 епископов, среди которых наиболее влиятельным был Бертольд Мецский¹⁰³. Причём он не только с величайшим почётом принял в своём диоцезе Фолькмара, когда тот возвращался после своего посвящения от папы, но даже вышел ему навстречу за пределы своих владений. Этим он жестоко уязвил душу императора, ибо показал, что не помнит того, кто сделал ему столько добра. Ведь, когда этот Бертольд был избран на Бременский

престол, но низложен папой Александром, как то было сказано в предыдущей книге¹⁰⁴, он явился к господину императору бедным скитальцем. А император пожалел его и радушно принял. Он даже вышел ему навстречу, встав со своего трона, за руку провёл его и усадил рядом с собой, и обходился с ним щедро и любезно, не разрешая уходить от себя и обещая в подходящее время предоставить ему достойную кафедру. Что и было сделано. Ибо впоследствии, когда кафедра в Меце стала вакантной, он с величайшим почётом поставил во главе её Бертольда. Итак, когда император увидел его неблагодарность, что он забыл о стольких оказанных ему благодеяниях и тут же переметнулся к его врагам, то через своих людей согнал его с этой кафедры. А Бертольд, бежав, прибыл к Филиппу Кёльнскому, который предоставил ему пребенду в Кёльне, у Святых Апостолов. Так, в течение многих дней эта кафедра пустовала, не принадлежа ни ему, ни кому-либо другому. Трирская митрополия также была потрясена безграничным заблуждением, ибо Рудольф, которого назначил император, пользовался благодаря ему её доходами, а Фолькмар, которого согласно каноническому избранию посвятил папа, не имел успеха ни в духовных, ни в светских делах.

18. ОБ ИМПЕРАТОРЕ И АРХИЕПИСКОПЕ КЁЛЬНСКОМ

Итак, император, вернувшись из Ломбардии¹⁰⁵ и видя враждебное к себе отношение со стороны господина папы, закрыл все пути через Альпы и прочие окрестные страны, чтобы никто и ни по какому делу не мог добраться до апостольского престола. Затем, вызвав Филиппа Кёльнского, он заговорил с ним о враждебной позиции господина папы, зная, что тот исполняет обязанности папы при решении некоторых вопросов. Кроме того, он хотел выяснить его позицию и узнать, как ему следует вести себя в отношениях с ним. Ведь когда император, как было сказано, закрыл альпийские проходы, папа передал ему должность легата римской церкви, а также примат над зависимыми от него епископами, чтобы он исполнял обязанности папы при решении тех или иных вопросов и чтобы церковь не лишилась правосудия. Итак, когда император рассказал ему о враждебной позиции господина папы и спросил у архиепископа, может ли он на него рассчитывать, тот ответил: «Государь! Вам не нужно во мне сомневаться, ибо я всегда предпочитал стоять на стороне справедливости. Вы часто испытывали моё сердце, и потому вам прекрасно известно, что на меня всегда можно положиться. Однако, говоря от имени всех епископов, я скажу, что если бы вы обращались с нами более мягко и, проявив императорскую щедрость, облегчили возложенное на нас бремя, то мы во всём и всегда были бы вам и более преданы, и более полезны. Ныне же нам кажется, что мы, хоть и не противозаконно, но досадно обременены рядом поборов. Поэтому господину папе также кажется, что он вполне справедливо обвиняет вас в том, что вы после смерти епископов вторгаетесь в их церкви, забирая всё их движимое имущество и доходы текущего года, так что вступающий в должность епископ

находит всё разорённым и запустевшим. Если вы во имя справедливости и нашей службы проявите к нам вашу императорскую милость и пожалеете нас в этом вопросе, мы выступим смиренными посредниками между вами и господином папой; если же нет, то мы никогда не свернём с пути правды». На это император ответил следующее: «Нам и в правду известно, что наши предшественники, древние императоры, имели право после смерти епископов свободно жаловать епископскую инвеституру достойным людям, ни у кого не спрашивая на это согласия. Но, поскольку мы находим этот порядок изменённым по их воле, мы признаём эти изменения. Однако мы никогда не согласимся изменить ни малую толику тех прав, которые мы застали. Хватит вам и того, что вы добились права выборов епископов, которые, как вы говорите, происходят согласно канонам. Но знайте, что когда это происходило по воле императоров, было гораздо больше честных епископов, чем в наше время, когда они вступают в должность благодаря избранию. Ибо императоры инвестировали священников согласно их заслугам, а теперь епископов избирают в ходе выборов не согласно Богу, но согласно собственному предпочтению». Сказав это, император понял, что архиепископ стоит на стороне папы, и сказал ему: «Поскольку я вижу, что вы со мной не согласны, я не желаю видеть вас на хофтаге, который будет проведён в Гельнхаузене и на котором состоится собрание епископов». А архиепископ ответил ему: «Да будет так, как вам угодно».

19. О ПИСЬМЕ, ПОДПИСАННОМ ЕПИСКОПАМИ

Затем император объявил о созыве генерального хофтага в Гельнхаузене¹⁰⁶, на который явилось множество епископов и князей. Войдя в собрание, он обратился ко всем со следующей речью: «Мы просим высших священников, епископов и князей, в чьих сердцах живёт справедливость, обратить внимание на то, что я сейчас скажу. Вам, вероятно, известно, какие претензии предъявляет ко мне господин папа. Не знаю, чем уж я заслужил его немилость. Но твёрдо знаю одно – я никогда не старался намеренно раздражать его, никогда не делал ничего против его воли и приказа. Я не требовал от него ничего противного праву. О том, в чём он меня обвиняет, я почтительно дал ответ, не проявив ни гнева, ни возражений, но оказав послушание и дав отчёт по всем пунктам. Поскольку во всём этом нет моей вины, я не отчаиваюсь, и если господину папе будет угодно считать меня возлюбленным и послушным сыном, то я из уважения и почтения к святому апостольскому престолу также буду считать его возлюбленным и достопочтенным отцом. Если же он не только незаконно, но и безрассудно будет замышлять моё низложение, то я при содействии Божьей милости, а также при вашей поддержке и помощи надеюсь дать ему бесстрашный ответ по всем пунктам. Со своей стороны я сказал всё. А теперь вы, с вашей стороны, тщательно это обдумайте и решите, что следует делать. Ибо господин папа говорит, что незаконно, чтобы какое-либо светское лицо владело десятинами, которые Господь специально пожаловал тем, которые служат ему у

алтаря. При этом он ссылается на Писание и пытается устранить это явление на основании его авторитета. Мы, конечно, знаем, что и десятины, и пожертвования изначально были переданы Богом священникам и левитам. Но во времена христианства, когда церкви подвергались нападениям врагов, эти десятины были переданы церквями в постоянный лен могущественным и благородным мужам, чтобы сделать их своими защитниками, ибо сами церкви не в состоянии были владеть своим имуществом. Он утверждает также, будто несправедливо, чтобы кто-либо присваивал себе фогтство над церковными поместьями или людьми, ибо как церкви были основаны благодаря свободной воле или пожалованию императоров и князей, так и церковным имуществом должны свободно распоряжаться исключительно прелаты. И, хотя это, по-видимому, выгодно для прелатов, я всё-таки не верю, что можно легко изменить то, что было в обычае с глубокой древности; более того, переходя из поколения в поколение, этот обычай стал уже доброй традицией. Относительно вашей стороны сказано достаточно. А теперь я спрашиваю вас, правители церквей, чего мне следует ожидать от вас в подобных обстоятельствах, чего опасаться и насколько я могу полагаться на вашу верность? Но поскольку Господь велел вам воздавать Богу Богово, а кесарю кесарево¹⁰⁷, то я прошу, чтобы вы, оказав господину папе должное послушание как наместнику Христа, не отказали в установленной Богом справедливости и другой стороне».

После этих слов поднялся господин Конрад Майнцский и, пользуясь случаем, сказал: «Государь! Мы просим ваше величество обратить внимание на наши слова. Ибо положение, в котором мы оказались, весьма трудное, и «не нам меж вас разрешать состязанье»¹⁰⁸. Ведь, с одной стороны, как вы только что сказали, мы обязаны воздавать Богу Богово, а с другой – кесарю кесарево. Господину папе как духовному отцу, который стоит над всем, мы обязаны во всём оказывать послушание по первому его слову. А вам, кого Бог поставил правителем и императором Римской империи, кому мы приносили оммаж и от кого держим наши владения, мы по праву обязаны помогать во всех ваших начинаниях. Ныне же, предвосхищая лучший совет, я, если угодно, предлагаю написать господину папе от лица епископов письмо, в котором просить его жить с вами в мире и оказать вам справедливость во всех ваших справедливых требованиях».

То, что он сказал, пришлось по нраву императору и всем епископам. Итак, по желанию императора письмо было написано, скреплено печатями всех епископов и отправлено господину папе. Когда тот прочитал письмо, то изумился перемене настроения епископов, ибо он, казалось, действовал в их же интересах, а они оставили его в этом деле. Тем не менее, упорствуя в своём начинании, он, придя в Верону, всё-таки решил отлучить законно вызванного в суд императора от церкви по вышеуказанным пунктам. Но жители Вероны, придя к нему, сказали: «О отец! Мы – слуги и друзья господина императора, и потому просим вашу святость не отлучать его в нашем городе и у нас на глазах, но ввиду нашей службы отложить вынесение этого приговора». Удовлетворяя их просьбу, папа удалился, но, когда он вновь собирался отлучить императора, то этому помешала его внезапная смерть¹⁰⁹. Так оглашение приговора не состоялось, и император избежал отлучения.

20. О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КРЕПОСТИ И О ГРАМОТЕ ГОРОЖАНАМ

В эти же дни граф Адольф начал восстанавливать крепость¹¹⁰ в устье Травены, которая была сожжена славянами в то время, когда император осаждал Любек. Он, правда, изменил при строительстве её местоположение. Ведь прежде крепость была расположена прямо в воде, а теперь он основал её на берегу моря, в самом устье Травены, чтобы тем легче было отражать оттуда вторжения пиратов. Однако горожане были сильно недовольны этим строением, ибо граф потребовал от них уплаты пошлины, в которой они ему дружно отказали. Из-за этого между ними возник серьёзный конфликт. Так, граф говорил, что он вправе требовать эту пошлину, ибо уже во времена герцога Генриха они не проходили здесь без пошлины. А те утверждали, что платили её отнюдь не по праву, но лишь временно, по просьбе герцога, для поддержания этой крепости. Итак, из-за этого конфликта граф отказал горожанам во всех выгодах, которые те, казалось, имели в его владениях от рек, лугов и лесов. Кроме того, он задержал в своих городах Ольдесло и Гамбурге некоторых из их купцов и в виде компенсации за пошлину присвоил себе их товары. Хотя горожане часто жаловались на это императору, а тот неоднократно присылал туда своих людей для восстановления между ними мира, дело не двигалось с мёртвой точки. Наконец, при посредничестве императора горожане были освобождены от уплаты пошлины при условии, что дадут графу 300 марок серебра, и тогда граф откажется от своего права взимать пошлину. Они также обязались уплатить 200 марок серебра за луга, после чего получили право свободно пользоваться реками, лугами и лесами от моря до Ольдесло, за исключением тех мест, которые с согласия императора были уступлены герцогом Бернгардом для содержания монахов в Рейнфельдене. По этому поводу, дабы в течение времени эти условия не были безрассудно нарушены никем из людей, они получили от императора специальную грамоту.

21. О ВОЗВРАЩЕНИИ СЕСТРЫ КОРОЛЯ КНУТА, А ЗАТЕМ И ЕГО МАТЕРИ

В это же время император отправил к королю Кнуту достойных послов по поводу денег, которые Вальдемар, его отец, обещал вместе со своей дочерью, помолвленной с сыном императора, и часть которых названный Кнут уже уплатил. Однако из-за указанных выше разногласий, которые возникли между ним и императором, он не решался платить эти деньги. Тогда император вернул королю его сестру нетронутую и с тем же приданым, с каким принял её, не потому что искал повода для развода, а из-за нарушения договора. Кнут воспринял это с большим неудовольствием и начал с этого дня питать к императору открытую вражду, так что заявил притязания на всю страну вагров, гользатов, штурмаров и полабов вплоть до Эльбы и часто опустошал её силами подчинённых ему славян. Кроме того, ланд-

граф Людовик дал развод его матери¹¹¹, и она без всякого почёта вернулась на родину, где жаловалась на многие обиды, причинённые ей мужем. Ещё более раздражённый этим Кнут полагал, что имеет теперь против немцев справедливую причину.

22. О ПОХОДЕ АРХИЕПИСКОПА

В эти же дни Гартвиг, архиепископ Бременский, собрав или наняв войско, с сильной армией вторгся в Дитмаршен и принудил к подчинению тех, кто противился его власти. Однако те обещали ему большие деньги за свою свободу, и епископ с большим триумфом вернулся домой, думая, что добился успеха во всём. Тем не менее из-за этого дела возник повод, не говоря к посрамлению, но к смирению его церкви. Ибо, когда граф Адольф фон Шауэнбург, а также граф Ольденбурга и другие знатные мужи потребовали плату за свою службу, которую архиепископ им обещал, тот, не имея возможности ни уплатить им то, что обещал, ни возместить прочие, бесполезно сделанные им расходы, по необходимости был вынужден на три года отказаться от епископских доходов с министерялов, чтобы в течение этого времени полностью всё уплатить. Самому епископу при этом пришлось жить за счёт кафедральных сборов и того, что он мог получить от освящения церквей. Дитмарсы же, не имея возможности уплатить обещанные деньги, перешли к Вальдемару¹¹², епископу Шлезвига, который был сыном короля Кнута. Последний вместе с Вальдемаром был приглашён неким Свеном на пир и коварно убит посреди пира¹¹³. Вальдемар был очень богатым человеком, причём не только благодаря епископским доходам, но и благодаря огромному наследству, которое досталось ему от отца. Итак, дав заложников, дитмарсы с этого дня вошли в состав Датского королевства и служили теперь св. Петру в Шлезвиге, как раньше служили ему в Бремене. Так Бременская церковь пострадала от нерасторопности Гартвига, который из-за своей вялости не смог возвратить заблудших овец.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. СЕТОВАНИЯ ПО ПОВОДУ РАЗРУШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ОСОБЕННО ПО ПОВОДУ ПАДЕНИЯ ИЕРУСАЛИМА

Между тем льются слёзы, раздаются стоны и горестный вопль подымается до небес. Охваченные сильным страхом сжимаются внутренности, сердца трепещут, цветок таланта увядает, а рука пишущего немеет. Ибо из-за посеянных врагом терний жатва Христова заглохла, а сорные травы так умножились, что поля святой церкви целиком покрыты ныне мякиной, и лишь кое-где видна пшеница. Где мудрость и понимание? Где законы, право, справедливость? Где благочестие, мир, правда, верность супругов и безбрачие духовенства? Разве не распространились, по словам пророка¹, клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодеяние ещё больше, чем в древние времена? Разве кровопролитие не следует за кровопролитием? Разве не превозносится, согласно Исайе², юноша над старцем, а простолудин над вельможей? Так что недаром сжимаются внутренности и трепещут сердца. Потому-то и грядёт суд Божий, которого никто не сможет избежать. Но и здесь Бог как отец милосердия действует скорее предупреждая, нежели осуждая. Он всё ещё карает щадящей рукой, ибо, воздавая справедливую кару, одновременно, терпеливо ожидает покаяния. «Или не разумеешь, – говорит апостол, – что благость Божья ведёт тебя к покаянию?»³. Но поскольку ты презираешь богатства Его доброты, то по заслугам навлекаешь на себя несчастье. Так, Иеремия говорит: «Что возлюбленному моему в доме моём, когда в нём совершаются многие непотребства?»⁴. Кто, спрашиваю я, этот возлюбленный, если не служители Божьи в целом? Но, как человек не умудрённый, я спрашиваю также, кто может описать и сосчитать их пороки? Разве нет у них глаз, и они не видят? Они слушают закон Божий, понимают смысл таинств, но не делают того, о чём сами же и говорят. Ведь ты говоришь – не прелюбодействуй, а сам прелюбодействуешь, говоришь – не кради, а сам крадёшь. Ты с блеском сидишь в церкви на кафедре уже не Моисея и не апостолов, а самого Господа, и судишь своего ближнего. Но на каком основании, спрашиваю я, и с какой совестью? Ибо в то время как ты судишь другого, ты осуждаешь самого себя. Если же ты случайно удержал руку от грабежа бедняка, то ворчишь на меня за то, что я назвал тебя вором. Но разве не истинно сказано: «Кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник»⁵. Ты возразишь мне: «Я вошёл через дверь», если церковь случайно согласна с твоим избранием. Но Господь говорит на это: «Я – дверь: кто войдёт мною, тот спасётся, и войдёт, и выйдет, и пажить найдёт»⁶. Если ты вошёл через

дверь и пребываешь в пажити Божьей, то почему же тогда овцы не слушают тебя, но бегут от тебя? А потому, что они не слушают голоса чужеземцев. Ибо вор приходит не иначе, как для того, чтобы красть, убивать и вредить. Если же овцы тебя не слушают, то это значит, что ты вошёл не через дверь, ибо ты не стоишь за правду, а только это и значит – входить через дверь. А потому знай, что всякий прелат, который словом и делом губит овец Господних, есть вор, который убивает и душит их. Ибо худые разговоры развращают добрые нравы⁷, причём не только худые разговоры, но и худые дела, коварство, хитрость, ложь и вероломство. Ведь они обманывают и обманываются и, обманывая, думают, что служат Богу. Обманутые они восклицают: «Нынче настал конец света, ибо нет более уважения к духовенству». Ибо о священниках Христовых сказано: «Вы будете называться священниками Господа; служителями Бога нашего будут именовать вас»⁸. А также: «Не прикасайтесь к помазанникам моим»⁹. Это сказано про них весьма справедливо, если только они не противоречат этому самой своей жизнью. Ибо нынче все хотят быть клириками по закону, но не по благочестию. Поскольку они клирики не по призванию и не по благочестию, то по справедливости не считаются таковыми ни Богом, ни людьми. Ведь если жизнь их не пользуется уважением, то и проповедь их не имеет успеха. Господь уличает их также устами псалмопевца, говоря: «Что ты проповедуешь уставы мои и берёшь завет мой в уста твои? Ведь ты ненавидишь наставление моё и слова мои бросаешь за себя. Когда ты видишь вора, то сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься»¹⁰, и прочее, что там сказано о дурных священниках. Негодность прелатов по тайному промыслу Божьему иногда имеет обыкновение зависеть от грехов подданных, согласно сказанному: «Каков народ, таковы и священники»¹¹, а также: «Из-за грехов народа Бог велит править лицемеру»¹². Господь говорит: «Кто от Бога, тот слушает слова Божьи; а вы потому не слушаете, что вы не от Бога»¹³. А вот слова Иеремии: «Пути твои и деяния твои причинили тебе это»¹⁴, а также: «Пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ мой любит это»¹⁵. Так что прелаты не порицаются безрассудно подданными, а подданные не осуждаются безвозвратно прелатами, зная, что такое пророки и священники, которых Господь изгнал некогда их Храма и которые разрушили стены Иерусалима, ибо если бы они не осквернили его своими дурными нравами, то Иерусалим никогда не был бы отдан на поругание язычникам. Некогда Господь оплакал его гибель. Однако он, разрушенный тогда Титом Веспасианом, убил пророков и забросал камнями тех, которые были посланы к нему, и не побоялся поднять руку на самого Господа. Основанный кровью Господа и укреплённый Его смертью и воскресением он из-за недостаточного почитания животворящего причастия и равнодушия к святым местам претерпел величайшую катастрофу, так что может сказать теперь вместе с Иеремией: «Мы лежим в стыде своём, и срам наш покрывает нас, потому что мы грешили пред Господом, Богом нашим, – и мы, и отцы наши, от юности нашей и до сего дня, – и не слушались голоса Господа, Бога нашего»¹⁶. А теперь положим всему этому предел и обратим наше перо к разрушению святого града.

2. О ПАДЕНИИ ИЕРУСАЛИМА

Когда Балдуин¹⁷, сын короля Амори, король Иерусалимский, славный родом и добродетелями, укротив повсюду врагов христианской веры, со всей справедливостью управлял своим королевством, его поразила рука Господа, который наказывает того, кого любит¹⁸; он заболел проказой и стал думать о преемнике на троне. Сына-наследника у него не было, ибо Балдуин вёл целомудренную жизнь и, упорствуя в чистоте, остался девственником. Зато у него была сестра¹⁹, которую он выдал замуж за некоего Вильгельма²⁰, благородного и деятельного мужа, брата Конрада, маркграфа Монферрато. Она родила мальчика²¹, которому Балдуин дал своё имя. Когда ребёнку исполнилось пять лет, король, надеясь, что он будет не менее удачлив, чем его отец, велел по совету господина патриарха, а также с согласия князей и вельмож, тамплиеров и госпитальеров, при одобрении духовенства и благоговении народа помазать его на царство²². Он также назначил ему в опекуны своего родственника Раймунда²³, графа Триполи, чтобы тот правил вместо этого мальчика до его 15-летия, будет ли мальчик жив или уйдёт из жизни. Уладив таким образом это дело, король, тяжело страдая от болезни, принял блаженную кончину и отошёл к предкам²⁴. Вскоре, на девятом году жизни, за ним последовал и царственный мальчик²⁵. Его с честью похоронили в склепе его отцов в Иерусалиме, а на восьмой день после похорон его мать пришла к господину патриарху²⁶ и обратилась к нему с такой речью: «Господин! Ты знаешь, что умер мой брат, а вслед за ним и мой сын, который был помазан на царство, и не осталось никого, кто мог бы по праву претендовать на трон, кроме меня, ибо я – дочь, сестра и мать королей. А теперь я прошу тебя проявить ко мне милосердие и не отказать в положенной мне по закону короне». Господин патриарх ответил ей: «Да, я знаю, что ты королевская дочь, как ты и говоришь, а также сестра короля и мать умершего царственного ребёнка. Но я не понимаю, как ты можешь претендовать на корону. Ведь ты – женщина; а тем более ныне, когда страна со всех сторон окружена злейшими и многочисленными врагами, не пристало царю носить женское имя. Ты могла бы, правда, получить трон через супруга, если признают, что его род и добродетели позволяют ему быть царём». А та и говорит ему: «У меня есть супруг благородного рода, сильный телом и славный добродетелями, который вполне достоин править со славой и почётом. Если вы желаете оказать мне справедливость и правду, то я приведу его к вам, чтобы он принял из ваших рук корону и благословение». Ибо после смерти Вильгельма она вопреки воле брата Балдуина вторично вышла замуж за некоего Видо²⁷, которого теперь расположила неподалёку и по слову патриарха привела к нему. Что же далее? Тут же по воле господина патриарха и других, бывших на его стороне вельмож, Видо был помазан, в то время как ворота Иерусалима весь день были закрыты. Это произошло в то воскресенье²⁸, когда поют: «Все народы, ликуйте!», и прочее. Клирики, которые старались угодить королю, называли эти слова пророческими. И все радостные ушли, говоря: «Да здравствует король в вечности!», не

зная, что ему скорее грозят проклятия Седекии, чем слова пророка. Это посвящение потому состоялось столь внезапно, что они не доверяли графу Раймунду, ибо тот, притязая на трон, по-видимому, вошёл в союзные отношения с Саладином. Этот слух, правда, казался нелепым в глазах братьев из Госпиталя святого Иоанна. Ибо по воле короля Балдуина королевство вот уже четырнадцать лет находилось в руках графа, причём со всеобщего согласия и с ведома многих благочестивых людей.

3. О КОНФЛИКТЕ МЕЖДУ КОРОЛЁМ И ГРАФОМ

Итак, утвердившись на троне, Видо послал к вельможам королевства, чтобы те, придя, принесли ему оммаж и приняли из его рук королевские лены. Среди прочих он отправил послов также и к графу Триполи, чтобы он, как первый среди всех, первым же оказал своё почтение королю. Однако тот, услышав, что произошло, сначала остолбенел, а затем с удивлением ответил следующее: «Малыш Балдуин, который был помазан на царство, недавно умер, и я не слышал, есть ли сейчас король. Ты же советуешь мне поспешить к королю. Что означают твои слова? Кто и когда правил без избрания знати и без согласия народа? Ведь никто не может самолично провозгласить себя королём, если только не хочет править как тиран. Думаю, всем известно, что король Балдуин назначил меня опекуном малолетнего короля Балдуина до его 14-летия, и я могу подтвердить этот факт свидетельством многих благочестивых людей, которые, как я надеюсь, не захотят менять своё мнение. Но, если, – не дай Бог! – они это сделают, знайте, что я всё равно не приду к этому королю, ибо мне нет дела до вашего короля. И то, чем я владею, я управляю как свободный правитель, а не как чей-то вассал». Сказав это, он ушёл от послов, а те вернулись к своему господину. Итак, по этой причине король и граф вступили между собой в конфликт и в течение полутора лет²⁹ вели друг против друга открытую борьбу. Однако партия короля всё-таки одержала верх, так что вельможи пришли к нему и, получив от короля лены, принесли ему оммаж. Жители Акко, которые стояли на стороне графа, изменив мнение, также перешли к королю. А граф, спасаясь бегством, ушёл в Тивериаду. Саладин, царь Дамаска, узнав о конфликте между королём и графом, очень этому обрадовался и, поскольку всегда злоумышлял против святой земли, решил, что нашёл удобный повод для вторжения. Так и случилось. Ибо он передал графу через своих людей следующее: «Мужайся! Я знаю, что с тобой обошлись несправедливо, ибо, согласно воле короля Балдуина, именно тебе по праву должен принадлежать трон. Так вот, я дам тебе много денег для сбора войска, чтобы ты мог силой отнять трон у Видо. Если же и таким образом ты ничего не сможешь добиться, то я лично приду с огромной армией и, изгнав из страны твоих недругов, поставлю тебя королём над всеми. Ты только поклянись мне именем твоего Бога, что разрешишь свободный проход через твои земли, и тогда ты будешь спасён вместе с твоими людьми». Итак, граф принёс Саладину необходимую клятву и с его помощью пред-

принял против короля очень многое. А Саладин, собрав войска со всех концов своего царства, а также набрав вспомогательные отряды в соседних странах, постепенно готовился к разорению святой земли. Между тем нашлись люди, которые сказали братьям из дома святого Иоанна: «Вы поступаете нечестиво по отношению к народу Божьему, вступив в соглашение с графом. Ибо он, если бы не полагался на вас, никогда не осмелился бы на подобные действия против короля». Услышав это, магистр этого дома, Ратгер³⁰, мудрый и благочестивый муж, пришёл к графу и обратился к нему с такой речью: «Что ты хвалишься во злобе, став сильным благодаря нечестию? Зачем ты злоумышляешь против народа Божьего? Ты сравнился уже с предателем Иудой, когда, ослеплённый жаждой властвовать, вопреки праву и вере небесного Бога принёс клятву Саладину. Но последуй теперь моему совету! Примирись с Богом, от которого ты отрёкся! Примирись с королём, которого ты оскорбил, дабы последние твои прегрешения не стали хуже предыдущих!». Устрашённый этими словами граф ответил ему следующее: «Почему ты так говоришь со мной, раб Божий? Разве ты не знаешь, что со мной обошлись несправедливо? Ведь я силой был изгнан из земель, которые принадлежат мне по праву. Вспомни, что я по мудрому распоряжению короля Балдуина, с явного желания господина патриарха и с согласия всех князей, баронов, тамплиеров и госпитальеров принял опеку над малолетним королём до его 14-летия, – всё равно, будет ли малыш жив, или умрёт, – если только король Англии не сочтёт нужным прийти на помощь этому королевству то ли лично, то ли через своего сына. И, хотя ясно, как день, что всё сказанное мною правда, я, чтобы не казаться причиной стольких бед и не погубить в конец народ Божий, последую твоему совету и заключу с королём соглашение, если он пообещает возместить мне понесённые в делах королевства расходы». Услышав это, Ратгер, возвратившись, пришёл к королю и по порядку изложил ему всё это. Король счёл эти условия вполне подходящими и обещал вернуть графу не только то, что тот потерял и что может доказать правдивым свидетельством, но и добавить к его лену ещё больше богатств и почестей. Когда Ратгер собирался вернуться к графу, чтобы привести его к королю, то граф передал ему через своих людей следующее: «Смотри, не возвращайся по тому пути, по какому приходил ко мне, ибо там – засада». Дело в том, что сын³¹ Саладина тайно, но с ведома графа вошёл в эту землю и вместе с 10 000 воинов расположился в долине Ханаана. Из Назарета также спешно прибыло несколько каноников, заявив, что возле их города расположились враги, и умоляли о защите. Услышав это, Ратгер обратился к магистру Ордена Храма³², который находился неподалёку в замке Фоба³³ с 50 рыцарями. Проведя совещание, они выслали вперёд разведчиков и те, вернувшись, сообщили, что врагов 2000 человек. Однако те расположились в засаде в горах, с той и другой стороны, и так обманули разведчиков. А воины Христовы обрадовались, говоря: «Предал их Господь в руки наши»³⁴. Когда они приблизились к ним, те обратились в притворное бегство и бежали до тех пор, пока из засады не выскочили те, которые там скрывались. Тогда, окружив наших, они всех их перебили³⁵.

4. О ПЛЕНЕНИИ ДРЕВА ГОСПОДНЕГО И ИСТРЕБЛЕНИИ НАРОДА БОЖЬЕГО

Итак, после того как воины Христовы погибли в исповедании Господа, враги с радостью возвратились к своим. А Саладин, узнав, что Ратгер погиб, обрадовался и сказал: «Теперь они в наших руках, ибо мудрость ушла от них, после того как умер их предводитель». Итак, двинув вперёд войско, он с огромной армией вступил в эту землю через мост у Тивериады и расположился лагерем возле Сафрета³⁶. А король вместе со всеми князьями этой страны, среди которых были также епископы с древом Господним, вышел ему навстречу и разбил лагерь напротив вражеского, так что между ними лежала горная местность. После того как они в течение нескольких дней держались настороже, боясь приближаться друг к другу, Саладин со всем своим войском вернулся к Тивериаде. А народ Божий, думая, что он обратился в бегство, взобрался на плато. Саладин же взял Тивериаду и предал её огню. Граф Триполи убеждал воинов Христовых не подыматься на плато, говоря: «Не подымайтесь на плато, ибо вы не сможете выдержать натиск Саладина. Большой победой для вас будет уже то, если он решит уйти из этой страны. Замок, который, как вы видите, горит, принадлежит мне. Так что не заботьтесь о нём, я охотно переживу эту потерю». Он говорил, хоть и коварно, но мудро. Однако нет мудрости против Господа, который задумал совершить над этой землёй суровый суд из-за людской злобы. И вот, когда было окончательно решено вступить в битву с Саладином, Раймунд покинул их и вместе со своими людьми ушёл в Тир, чрезвычайно укреплённую крепость. А Саладин, узнав, что народ Божий поднялся на плато и что уже два дня как люди, так и животные страдают от жажды, сказал своим воинам: «Эти люди – сыны смерти, ибо они не только сейчас страдают от жажды, но и потом, будучи немногочисленны, не смогут бежать отсюда из-за узости места». Итак, когда противник приблизился, войско христиан построилось в боевом порядке. Король стоял во главе его вместе с епископами и победоносным древом Креста Господнего, а за ними следовали тамплиеры и госпитальеры с баронами, рыцарями и простым народом этой страны. Так верующие вступили в желанную битву с неверными. Наши, не страшась смерти, отважно бросились на них и, силой прорвав вражеские ряды, посвятили свои руки Господу, и противники падали справа и слева. Но поскольку они страдали от жажды, то вскоре изнемогли, и противная сторона одержала верх. Король был взят в плен, епископы перебиты, а Крест Господень захвачен врагами. Почти все или были убиты, или попали в руки врагов, так что бегством спаслись лишь очень немногие³⁷. Итак, к небу поднялся победный вопль язычников, поносивших имя живого Бога и издававших над народом Божиим. А сын нечестия, добившись на своём пути успеха, погрузившись в свои думы, говорил в сердце своём: «Бога нет». На следующий день он воздвиг посреди этих трупов трон своей славы и, поставив перед собой Крест Господень, в окружении множества своих вельмож велел привести к себе толпу пленников. Подняв лицо к небу, он обратился к ним с такой речью: «О несчастные почитатели Иисуса из Назарета,

который был некогда распят в этой стране иудеями и которого вы, обманутые пустым суеверием, считаете Богом и, нарушив обычай жертвоприношений, установленный древними отцами в законе Божьем, вместо плоти и крови тысячи жертвенных животных используете для причащения кусочек хлеба и глоток вина в качестве плоти и крови этого распятого! С какой дерзостью вы давно уже завладели этой землёй моих отцов и моей собственной! Однако теперь вы видите, что может ваш Бог, вернее, благодаря силе моего Бога, Магомета, чувствуете на себе мою высокую руку. Так изберите же ныне одно из двух – или признайте, согласившись со мной, моего Бога, или примите смертный приговор перед вашим Крестом». И воины Христовы ответили ему следующее: «Воистину, мы почитатели Иисуса Христа из Назарета, который есть Бог и сын Бога, который был зачат посредством Святого Духа и рождён от непорочной девы, а затем распят в этой земле за грехи всех уверовавших в Него, но воскрес и вознёсся на небо. Во имя Него и из любви к Нему мы славно сражались до сих пор и намерены довести до конца это благое дело. Мы почитаем Его, славим и признаём Богом и Господом всего сущего. Мы смеемся над Магометом, сыном погибели, которого ты зовёшь Богом и который после доброго семени апостолов насадил в вашей земле тернии, совратив своими пророчествами сердца людей. Так вот, мы отвергаем его, проклинаем и презираем вместе с тобой и твоими людьми». После этих слов их всех увели от него, и на следующий день тамплиеры и госпитальеры были обезглавлены, потому что Саладин ненавидел их больше всех остальных.

Пусть душа моя умрёт смертью праведников, и да будут мои последние дни подобны этим! Слава тебе, Христос, ибо и в наши дни ты имеешь хоть и грешных, но преданных тебе исповедников! Насколько величественны те, которые со своей юности часто выходили победителями из подобных схваток и с готовностью отказались при таком выборе от жизни и всех её соблазнов ради Господа нашего, Иисуса Христа, который живёт и правит во веки вечные. Аминь.

5. О ТОМ, КАК САЛАДИН ОВЛАДЕЛ ЭТОЙ СТРАНОЙ

Итак, перебив народ Божий, Саладин овладел всей этой страной, разоряя всё вокруг и силой захватывая каждый укрепленный город. Все святые места были разрушены, а лица духовного звания, как мужчины, так и женщины, были или перебиты, или уведены в плен. Посвятившие себя Богу девы также подверглись насилию. Сначала Саладин овладел Акко, а затем, придя к Суру, который иначе зовётся Тиром, в течение нескольких месяцев осаждал его. Так и не сумев его взять, Саладин ушёл к Сидону и захватил этот город. Затем он взял Библ и Берит. Овладев последним, Саладин принял новый титул, ибо там он был коронован и провозглашён царём Вавилонии. Возвращаясь оттуда по той же дороге, по какой и пришёл, он прибыл к Аскалону, который был превосходно укреплен братьями из Госпиталья, и осадил его. Не сумев его взять, он сказал пленному королю: «Уговори свой народ передать мне этот город, а также другие, которыми владеют тамплиеры,

и я отпущу тебя из плена, а заодно и 300 наиболее знатных вельмож». Тот обрадовался и, послав к аскалонитам, сказал им следующее: «Я прошу вас проявить ко мне милосердие и освободить из плена меня и находящихся вместе со мной мужей, ибо Саладин сказал то-то и то-то». А те отвечали: «Ты был нашим королём, но теперь ты не можешь спасти ни себя, ни других. А потому знай, что мы никогда не отдадим язычникам город Господень. Знай также, что все наиболее укрепленные крепости находятся в руках тамплиеров, а потому мы мало что можем сделать для твоего освобождения». Услышав это, Саладин с ещё большей энергией принялся атаковать город и, установив против него множество осадных машин, ломал укрепления и сокрушал башни. Видя это, те, которые были внутри, наконец передали ему город ради освобождения короля. Однако Саладин не захотел принимать город на прежних условиях. Тем не менее король был освобождён³⁸ вместе с немногими спутниками, а те, которые находились в городе, ушли невредимые, после чего Саладин вступил в город³⁹.

После этого он направил войско на штурм святого града и осадил его. Один из вельмож, которые находились внутри, воодушевлял прочих, говоря: «Давайте мужественно сразимся и умрём вместе с нашими братьями. Разве это не место страданий нашего Господа, в котором Христос умер ради нас? Так давайте же пойдем и с радостью умрём вместе с ним, чтобы вместе с ним воскреснуть». Но другие, которые не желали разрешиться и быть вместе со Христом⁴⁰, не вняли этим речам, а отправили к Саладину посольство ради своего освобождения. А тот, думая, что из-за частых пожертвований со стороны пилигримов этот город чрезвычайно богат, потребовал от них огромное количество золота, а именно, чтобы каждый дал за своё освобождение по 1000 византиев. Но, поскольку столько золота просто не было в наличии, он согласился на 100 византиев. Однако и этого количества было не достать. Наконец было установлено, что, не считая знатных и богатых людей, мужчины должны будут дать по 10 золотых, а женщины – по пять, и уйти в целости и сохранности. Тем же, у кого нет столько денег, сохраняют жизнь, но они станут рабами и рабынями. И вот, когда враги Христовы овладели святым градом⁴¹, то их глаз не пощадил святилище Божье. Так, Храм они превратили в конюшню и, ободрав в поношение христианской вере украшения, совершили там множество преступлений. А Гроб Господень они передали святым девам при условии, что те будут платить Саладину дань из пожертвований пилигримов, которые будут посещать этот Гроб в мирное время. Ибо Саладин, поддавшись алчности, постановил, чтобы в случае, если кто-либо из христиан захочет посетить Гроб Господень, он платил за себя один византий и получал право свободно приходить сюда и уходить, но не должен был иметь при себе оружие. Так, когда святой град был подобным образом унижен, возобновился плач Иеремии: «Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! Он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником!»⁴². Саладин велел также отобрать у его почитателей Крест Господень, говоря: «Пусть этот захваченный мною Крест, к которому вы питаете такое доверие, почитают ваши пленённые братья, пока я не испытаю силу вашего Бога и не выясню, действительно ли Он может вырвать вас из моих рук».

6. О ПИСЬМЕ ГОСПОДИНА ПАПЫ

В 1187 году от воплощения Слова, в четвёртый день месяца июля, разорена была земля обетованная, а 28 сентября святой град был захвачен Саладином, царём сарацинским. В это время во главе Рима стоял папа Григорий⁴³, который наследовал господину Урбану, а империей правил римский император Фридрих. После кончины Григория, который пребывал в должности всего несколько дней, на апостольский престол был возведён господин Климент⁴⁴. Скорбя по поводу гибели иерусалимской церкви, он разослал по всему римскому миру письма, в которых писал всем церквям о столь безбожной сдаче и гибели рабов Божьих, а также о прочих гнусностях, совершённых сарацинами в святой земле, и призывал всех выступить против нечестивцев и отомстить за святую кровь. За освобождение древа Господнего и святого града он апостольской властью обещал отпущение всех грехов. Он убеждал каждого сойти со своего дурного пути, воздержаться от излишества азартных игр и избавиться от бранных и порочных одежд, в которые, как известно, рядится гордыня жизни и страсть плоти и глаз, и словно говорил всем: «Как прежде вы заставляли ваши члены служить нечестию и пороку ради порока, так теперь во имя славы Святого Креста, который вы почитаете, заставьте их служить справедливости ради святости». Он объявил также всеобщий пост и велел провести во всех церквях, монастырях и приходах общественные моления, а именно пропеть псалом: «Боже, язычники пришли в наследие твоё»⁴⁵, в котором пророчески упоминается обо всех несчастьях, совершённых в святой земле, а также о грехах, из-за которых мы навлекли на себя гнев Божий.

7. ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОДА

Итак, все сыны церкви, рассеянные по всему свету, прочитав папские письма, преисполнились страха и пришли в смущение и тревогу по поводу сказанного в них. Всех охватило одно общее горе, и все рыдали в один голос: «Ах, неужели мы родились только для того, чтобы увидеть погибель народа Божьего и святой земли, по которой ступали ноги Господа, повелителя войск, пришедшего в этот мир ради всеобщего спасения? Ныне упал венец с головы нашей, и хороводы наши обратились в сетование»⁴⁶. Наши святилища повержены, храм Божий осквернён и загажен язычниками. Святой город полон нечистот, древо Господне находится в руках чужеземцев, и мы, его почитатели, не успокоимся, пока не вернём его. Каждый теперь должен препоясаться мечом, и все мы, сочувствуя нашим братьям, должны умереть вместе с тем, кто умер ради нас, ибо как Он положил за нас свою душу, так и мы должны положить наши души за братьев⁴⁷. Так вот, чтобы со всей ревностью отомстить за дом Божий и кровь праведников, пусть выйдет жених из чертога своего и невеста из своей горницы⁴⁸. Пусть прекратятся дни радости, и не слышны будут пение и музыка на улицах! И да не украшается любящий хороводы народ, как обычно!

Возбуждённые такого рода наставлениями все славные люди земли, знатные и незнатные, богатые и бедные, – ибо всех одинаково поразили страх и негодование, – все разом засобирались в поход на Иерусалим. Нашив на свои одежды знак святого креста во искупление своих грехов, они отправились в путь. Наиболее видным среди них, можно сказать их знаменосцем, был господин Фридрих, римский император. Желая поднять статус империи, он всю силу своего рыцарства направил на одоление врагов Креста Христова, считая блистательным завершением своего жизненного пути сразиться как во имя Бога, так и ради земной славы и, возможно, встретить в этом славном походе свой конец. Он, как мудрый военачальник, разумно организовал это предприятие, велел всем паломникам своего королевства, как конным, так и тем, которые намеревались отправиться морем, собраться всем вместе через год, к началу мая. А сам, вняв в Майнце⁴⁹ проповеди Готфрида⁵⁰, епископа Вюрцбурга, и других проповедников, вместе со многими благородными людьми принял символ Господних страданий и объявил о созыве в Госларе генерального хофтага по поводу различных государственных дел. Там он примирил тех, кто был в ссоре, и велел ради прекращения грабежей разрушить некоторые замки, чтобы, уладив все эти дела, с тем большим благоговением и спокойствием довести до конца начатый поход. Он велел также явиться туда герцогу Генриху, чтобы, согласно решению князей, на тех или иных условиях восстановить мир между ним и герцогом Бернгардом, ибо между ними была немалая вражда из-за герцогства. Император предложил герцогу Генриху на выбор три возможных решения: или согласиться с частичным восстановлением прежних полномочий, или отправиться вместе с ним в поход за императорский счёт, или как ему самому, так и его одноимённому сыну на три года уйти из этой страны. Герцог предпочёл лучше покинуть страну, чем идти туда, куда не хотел, или отказаться от восстановления прежних полномочий в полном объёме.

8. О ПОХОДЕ ИМПЕРАТОРА

Итак, когда наступила весна, господин император отправился в путь. После того как он прибыл в Регенсбург⁵¹, то увидел большой недостаток своего войска и начал сомневаться в успешном завершении начатого предприятия. Причиной этого было большое количество разноплемённого люда, который следовал впереди войска, ибо из любви к странствию в поход собрались чуть ли не все. Проведя совещание, император, зная, что из-за трудности пути он не сможет пройти мимо него, отправился по намеченному пути. Следуя далее, он прибыл в Австрию, где ему навстречу с большой свитой вышел герцог⁵² этой провинции и, с блеском приняв его и его людей, раздал щедрые подарки всем, кто хотел их принять. Когда император находился в столице этой страны – Вене, в войске начались такие беспорядки и такой разврат, что по совету, или вернее приказу, императора 500 развратников, воров и прочих беспутных людей были вынуждены вернуться назад. Затем, продолжив путь, император около Троицы⁵³ прибыл к «воротам Венгрии»⁵⁴ и провёл там

все дни этого праздника. Король Венгрии⁵⁵ радушно приветствовал его через своих послов и, любезно позволив войти в свою землю, разрешил свободно покупать все местные товары. Чтобы открыть доступ в эту страну, он велел также всюду, где не было дорог, навести мосты через реки, ручьи и болота. А когда император прибыл в город под названием Гроне⁵⁶, который является столицей Венгрии, король торжественно вышел ему навстречу собственной персоной в окружении тысячи рыцарей и со всей преданностью оказал ему не только долг гостеприимства, но и долг службы. Когда император находился там в течение четырёх дней, то из-за чрезмерной дерзости буйного войска между воинами по совету князей был заключён под присягой прочный и надёжный мир. Королева⁵⁷ подарила господину императору превосходный шатёр и, сверх того, палатку из scarlatта, ковёр, соответствующий длине и ширине этой палатки, постель с превосходной подушкой и великолепным одеялом, а также стоящее у постели кресло из слоновьей кости. Всё было отделано настолько изящно, что я просто не в силах описать это великолепие. А чтобы не было недостатка в изысканных удовольствиях, по коврику бегал охотничий пёсик белого цвета. После этого королева, сделавшая такие подарки, обратилась к господину императору с просьбой – посодействовать освобождению из плена брата короля, которого этот король держал в плену уже 15 лет. А король, который принял господина императора с такой преданностью и не желал ему ни в чём отказывать, не только освободил брата из плена по его просьбе, но и предоставил ему 2000 венгров, которые должны были идти впереди императора и указывать или подготавливать ему путь. Затем король принял императора в замке под названием Гране, куда тот прибыл, перейдя через реку того же названия, – по ней, кстати, были названы как город, в котором он только что находился, так и сам этот замок. Там король подарил императору две палатки, полные чистейшей муки. А император, не имея потребности в муке, отдал её бедному люду. Однако из-за чрезвычайной жадности буйного народа там из-за муки было убито трое человек. Затем господин император был проведён королём в город Этцильбург, где в течение четырёх дней занимался охотой. Оттуда он прибыл в город Скланкемунт, где в течение трёх дней и трёх ночей длилась переправа через реку Эйзу; при этом утонуло трое рыцарей. Там, как известно, король передал всему войску огромное количество продовольствия. Вслед за тем они прибыли к реке, что зовётся Сава, где войску был произведён смотр. В результате насчитали 50 000 рыцарей и 100 000 вооружённых и пригодных к бою людей. От избытка радости, которую господин император испытал по поводу столь огромного количества войска, он, ликуя, лично провёл рыцарский турнир и посвящал в рыцарское звание 60 благородных юношей, которых называют оруженосцами. Сидя на возвышении, он провёл там также суд и расправу⁵⁸. В итоге двое купцов было казнено, а четырём слугам отрубили руки за то, что они нарушили клятвенно заключённый мир. В тот же день люди этого края, которые зовутся сербами, используя отравленные стрелы, убили 500 слуг, вышедших за фуражом. Но уже на следующий день прибыл герцог⁵⁹ этого народа и, принеся господину императору оммаж, получил от него свою землю на правах лена. Идя далее, крестоносцы пришли к реке, что зовётся Морава, и король прислал здесь господину

императору множество телег, нагруженных мукой, – каждую телегу тащило двое быков. В этом месте король, попрощавшись с императором, удалился⁶⁰, подарив ему четырёх верблюдов, нагруженных драгоценными подарками, так что в целом они стоили примерно 5000 марок. А господин император, сердечно поблагодарив короля, передал ему все суда, которые следовали за ним из Регенсбурга. В этот же день к императору прибыл греческий герцог⁶¹, подарив ему золотую вазу, которую следовало поднимать за две ручки, и столько припасов, что их хватило войску на восемь дней.

9. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Итак, на рождество св. Иоанна Крестителя⁶² крестоносцы покинули Венгрию и вступили в Болгарию. Не находя воду в течение трёх дней, они оказались в довольно опасном положении. Греческий герцог велел расширить перед их приходом все узкие дороги, так что в день св. Иакова⁶³ они заняли крепость Равенель, которая располагалась посреди лесов. После утомительного перехода через лес они на Вознесение Пресвятой Девы⁶⁴ расположились в городе Листриц⁶⁵, что расположен на границе Болгарии и Греции, словно в раю Божьем. Затем, идя далее, они прибыли в Винополь, большой, но опустевший город, так что даже когда всё войско расположилось там на квартиры, то и тогда каждый второй дом пустовал. Они пробыли там 18 недель. Однако среди стольких успехов не было всё же недостатка и в неудачах, ибо нет такого Авеля, которого не преследовала бы злоба Каина. Дело в том, что герцог Брандица, который расположен на границе Венгрии и Болгарии, завидуя рабам Христовым, поспешил к константинопольскому царю и сказал ему следующее: «Как ты мог разрешить столь нечестивым людям переход через твою землю? Ведь их глаз не щадит ни города, ни крепости, но всё это они, разоряя, подчиняют своей власти. Поэтому знай, что если они вступят в твою землю, то сбросят тебя с престола и овладеют твоей империей». Поверив этим словам, константинопольский царь в страхе велел схватить послов императора, а именно: епископа Мюнстерского⁶⁶, Роберта, графа Нассау, и камерария Маркварда вместе с 500 рыцарями. Так что все жители этой страны были сильно напуганы и при приближении пилигримов покидали опустевшие города и крепости, ища более надёжных убежищ.

10. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Итак, когда император находился в названном городе, то удивлялся, что до сих пор не вернулись те, кого он послал к царю ради мира, чтобы напомнить ему о договоре и обещании во имя наказания ненавидящих Бога и ради мести за святую землю и пролитие праведной крови рабов Божьих во всём содействовать войску пилигримов, а именно: обеспечить им надёжный мир в его царстве, сделать проходными все пути и разрешить свободно покупать продукты питания и прочие

необходимые товары. Ибо сам император так верно соблюдал все свои обещания, что, как было сказано выше, никому из войска не позволял захватывать что-либо ни силой, ни грабежом, ни воровством. Однако, когда он прождал довольно долгое время, а его люди так и не вернулись, он в гневе начал разорять весь этот край и даже приказал распахивать землю, что было сделано с намерением внушить местным жителям ещё больший страх. Итак, войско собрало в этой стране в виде добычи огромные богатства в золоте и серебре, в дорогих одеждах и скоте, так что каждый из стремления к более изысканной пище отдавал восемь быков за одну курицу. Вскоре, однако, вместо изобилия настала такая нужда, что после того как были истрачены, или вернее уничтожены, все припасы, прошлое изобилие было, казалось, предано полному забвению. Итак, проведя таким образом 17 недель, они покинули это место и прибыли в Адрианополи⁶⁷. Задержавшись там на семь недель, они вели себя точно также. Наконец возвратились послы императора, привезя с собой 50 заложников, а также мирный договор и согласие на все требования императора. Итак, приняв заложников, крестоносцы в середине 40-дневного поста покинули Адрианополи⁶⁸ и, благополучно идя дальше, на Пасху⁶⁹, которая пришлась в этом году на Благовещение, прибыли к рукаву св. Георгия. Там они расположились лагерем и с радостью отпраздновали святую Пасху Господню. На следующий за ней день они сели на суда и переправились через залив. Царь предоставил им столько судов, что всё войско со всем своим добром смогло совершить эту переправу за три дня⁶⁹.

11. О БЕДСТВИЯХ ПИЛИГРИМОВ

Итак, после переправы через море народ Божий, словно после избавления от фараонова плена, запел во славу веры Христовой хвалебную песню. Из-за заложников, которых они вели с собой, они надеялись на мир. Но вот – беспорядки и невозможность купить продовольствие, но вот – голод и истощение. Дело в том, что буквально через несколько дней, когда они находились ещё в стране греческого царя, им навстречу стали выходить турки и устраивать нашим засады. Поначалу они не обращали на них внимания, ибо турок было мало, и они, казалось, не затевали против наших ничего дурного. Однако их численность возрастала с каждым днём. Вскоре их стало столько, сколько песка в море, который невозможно сосчитать из-за его количества. Турки постоянно, и днём, и ночью, вились вокруг пилигримов. И народ Божий запел псалом: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня; многие говорят душе моей: «Нет спасения ему в Боге. Но ты, Господи, щит предо мною»⁷⁰. Когда они оказались в окружении вражеского войска, словно овцы посреди волков, то всё равно не отказались от начатого пути, и когда они снимались с лагеря, то и враги снимались с лагеря вслед за ними. Они уже вступили в Румению, пустынную, непроходимую и безводную землю, когда в их сумках закончился хлеб, ибо им негде было пополнять запасы продовольствия. Были среди них, правда, и такие, которые во время изобилия запаслись медовыми хлебами и теперь держались за счёт них. Те же, кто этого не сделал, питались кониной, водой и

кореньями или страдали от голода до самой смерти. Не имея сил идти дальше, они падали на землю лицом вниз, чтобы принять мученическую смерть во имя Господа. А враги, набрасываясь на них, без всякого милосердия убивали страдальцев прямо на глазах у всех остальных. Скота уже почти совсем не осталось, как из-за отсутствия травы, так и потому, что его забивали на мясо, и многие благородные и изысканные мужи страдали, идя пешком целый день, и воздавали хвалу Богу. Они выстроили своё войско таким образом, что пешие и больные шли в середине, а рыцари прикрывали их от вражеских нападений с правого и левого флангов. Часто они сами нападали на турок и некоторых из них убивали. Так, однажды они перебили до 5000 врагов. Однако те по-прежнему следовали за ними. Но, поскольку «много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь»⁷¹, то рука Господа не ослабевала над ними, укрепляя их во всех испытаниях. Они страдали как соблюдающие воздержание, а не как обречённые на смерть, и, выглядя печальными, всегда были веселы. А император, хоть и не сомневался в том, что был обманут, отпустил заложников, которых держал при себе, согласно сказанному: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь»⁷². После этого они вступили в чрезвычайно засушливую местность и в течение двух дней страдали от жажды. Наконец на Троицу⁷³ они подошли к Иконию, который является столицей турок, и расположились лагерем в охотничьих садах вблизи города. Они отдыхали на траве этих расположенных вокруг города садов, и их душам казалось, будто они испытывают райское блаженство.

12. О БИТВЕ МЕЖДУ ИМПЕРАТОРОМ И СУЛТАНОМ

Итак, пока народ Божий отдыхал там после долгих мук голода, надеясь обрести покой после стольких трудов и мир после бурь войны, сын нечестия, а именно сын Саладина и зять султана⁷⁴ поручил передать императору следующие слова: «Если ты хочешь безопасно пройти через мою землю, то дай мне с каждого из твоих людей по одному золотому византию. Если же ты этого не сделаешь, то знай, что завтра я нападу на тебя и либо предам мечу тебя и твоих людей, либо уведу в плен». А император дал ему такой ответ: «Неслыханно, чтобы римский император платил дань кому-либо из смертных, с которых он скорее сам привык требовать дань, нежели платить её, привык скорее брать, нежели давать. Однако поскольку мы сильно устали, то, чтобы мирно продолжить наш путь, я, так и быть, готов уплатить ему по денарию, что зовётся манлатом⁷⁵, с человека. Если же он откажется это принять и предпочтёт беспокоить нас войной, то пусть знает, что мы с величайшей охотой вступим с ним в битву во имя Христа, желая из любви к Нему или победить, или потерпеть поражение». Манлат – это одна из мелких монет, ни целиком золотая, ни целиком медная, но состоящая из смешанного и дешёвого металла. Итак, посол, вернувшись, передал это своему господину. А император, создав лучшую часть войска, рассказал им о том, что произошло, и спросил совета, что теперь делать. И они в один голос ответили ему следующее: «Вы дали тирану прекрасный и соответствующий императорскому величию ответ. А в отношении нас знайте, что мы не

ищем никакого мирного соглашения, ибо нам не остаётся ничего иного, как только или умереть, или жить, или победить, или потерпеть поражение». Такая твёрдость мужей Божьих пришлась по нраву императору. А на рассвете, когда войско было выстроено в боевом порядке, впереди вместе с сильнейшими воинами расположился его сын⁷⁶, герцог Швабии, а сам император вместе с остальными собрался отражать врагов с тыла. Итак, воины Христовы вступили в битву, будучи более сильны духом, нежели численностью⁷⁷. Но тот, кто некогда дал мученикам силы терпеть, укрепил ныне их твёрдость. Враги падали справа и слева, и не было числа погибшим, как то было видно по горам трупов. Огромная масса тел преградила доступ в сам город, но одни убивали, а другие уносили убитых. Так что силой ворвавшись в ворота, наши предали мечу всех, кто был в этом городе. А остальные укрылись в примыкавшей к городу крепости. Так, усмирив врагов внутри и снаружи, они пребывали в этом городе в течение трёх дней. Наконец султан отправил к императору достойных послов с подарками и сказал: «Хорошо, господин император, что ты пришёл в мою землю. Но то, что ты не был принят согласно твоему желанию и сообразно твоему рангу, принесло тебе славу, а нам – позор. Ибо от столь славной победы тебе будет вечная слава, а нам – стыд и позор. Но знай, что всё это произошло вопреки моей воле, ибо я в это время лежал больной и не был властен ни над собственным телом, ни над другими людьми. Теперь же я прошу тебя проявить ко мне милосердие и, приняв во имя мира заложников и всё, что ты хочешь, покинуть город и вновь расположиться лагерем в садах». Что же далее? Император покинул город⁷⁸ вместе со своими людьми как потому, что ему дали всё, о чём он просил, так и потому, что сильно испортившийся из-за трупов воздух всё равно вынуждал их уйти. Итак, заключив мир, воины Христовы, радуясь, продолжали свой путь, и враги больше не преследовали их. Таким образом, пройдя через землю армян, они добрались до реки Салеф, где находилась одноимённая крепость⁷⁹.

13. О СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА

Когда они пришли туда, то из-за сильной жары и густой пыли господин император решил искупаться в этой реке и заодно освежиться. Надо сказать, что река эта была не слишком широка, но из-за окружавших её гор обладала очень быстрым течением. И вот, когда другие переходили её по известному броду, он вопреки желанию многих вошёл в воду, надеясь пересечь её вплавь, но был подхвачен течением и унесён туда, куда не хотел, и, прежде чем его спутники успели прийти ему на помощь, погиб, захлебнувшись водой⁸⁰. Все страшно опечалились и завопили в один голос: «Кто теперь утешит нас в нашем странствии? Ведь погиб наш предводитель. Мы будем теперь, как овцы, блуждающие посреди волков, и не будет никого, кто спас бы нас от их зубов». Так горевал и печалился весь народ. Но сын императора утешил их, говоря: «Отец мой умер, но будьте тверды и не падайте духом в вашей горе! И вы увидите над вами помощь Божью». И поскольку он во всех отношениях вёл себя очень разумно, то они все подчинились после смерти отца его власти.

Собрав тех, которые остались, – ибо большинство крестоносцев рассеялось, – он добрался до Антиохии⁸¹. Князь Антиохии, с честью его приняв, передал ему этот город, чтобы он распоряжался им по своему усмотрению. Дело в том, что сарацины сильно досаждали этому городу, так что из-за их набегов князь уже отчаялся его удержать. Итак, когда герцог сделал там небольшую остановку⁸² и изголодавшийся народ без всякой меры набросился на вино и прочие яства, среди них началась такая смертность, что от переедания умерло гораздо больше людей, чем от прежнего истощения. Однако кроме того, что многие люди из простонародья умерли там от своей неводержанности, благородные и добрые мужи погибали там от страшной жары. Среди прочих из этого мира к небесной родине отошёл господин Готфрид, епископ Вюрцбурга, мудрый и красноречивый муж, который согласно данной ему милости по большей части руководил этим походом⁸³. А сам герцог, разместив там 300 рыцарей, вместе с остальными добрался до Акко и застал там сильное войско христиан, которые осаждали этот город. При его приходе немецкая сторона сильно ободрилась, хотя он привёл к ним всего тысячу человек. Он решил там остаться и вступить в битву с врагами, но был застигнут преждевременной смертью и окончил там свои дни⁸⁴. Так окончился этот поход, то есть почти без всякого успеха.

Поэтому некоторые обрушились на него с резкой критикой, говоря, что он несправедливо начался, а потому и закончился неудачно. Но если и ты так считаешь, то видишь не свет, что есть в тебе, но мрак, ибо Господь говорит: «Светильник для тела есть око»⁸⁵, очевидно, с помощью глаз желая объяснить внутренние устремления, а с помощью тела – внешние действия. Ибо мудрость говорит: «Человек смотрит на лицо, а Бог – на сердце»⁸⁶. Так вот, если светильник твоего тела в сердце, которое видит один только Бог, а на лице – видимость, которую видит человек, то как смеешь ты судить подобно Богу, который только и знает тайное, когда должен был бы скорее объяснять лучшими мотивами то, что происходит в душе и о чём ты не знаешь? Ведь налицо явные признаки, на которые в первую очередь следует обратить внимание, а именно тот факт, что евангельские мужи ради любви Христовой оставили свои дома, братьев и сестёр, отца и мать, жён, сыновей и поля и, что особенно важно, обрекли тела свои на труды и лишения. Ведь большинство их отправилось в поход с таким благоговением, что, насколько то зависело от них самих, они предпочли скорее погибнуть в исповедании Господа, чем вернуться домой. А потому, хоть этот поход или странствие так и не достиг поставленных целей, всё же не следует думать, будто они не обрели желанный венец, ибо драгоценна в глазах Господа смерть его святых, а то, как и когда она наступит, знает один Бог, который только и может судить каждого по его заслугам. Ибо праведник, даже если его застигнет преждевременная смерть, непременно обретёт покой.

14. ОБ ОСАДЕ АККО

Между тем город Акко осаждался воинами Христовыми, которые собрались здесь со всех племён, народов, колен и языков. Король Видо, освобождённый, как

было сказано выше, из плена, придя из Тира с 200 рыцарями, первым осадил его⁸⁷. Позднее, при содействии Господа, осада приняла самый широкий размах. Сам Тир был тогда чуть ли не единственным убежищем для христиан благодаря маркграфу Конраду⁸⁸, который упорно удерживал его. Ибо Бог во усиление христианского войска направил этого Конрада для защиты своих верных, и тот отправился ради молитвы в Иерусалим в самое время разорения святой земли. Когда он приплыл из Греции и хотел пристать в Акко, то узнал, что Саладин овладел всей этой землёй и этот город также передан ему. Бежав оттуда, он направился в Тир. В это время там как раз были люди Саладина, чтобы принять от Тира заложников. Лучшие люди города, узнав о прибытии Конрада, тайно ввели его в город и, заключив с ним дружбу, передали ему власть над городом. Изгнав оттуда людей Саладина, он ободрил души горожан, восстановил стены и укрепил гарнизоны башен. А Саладин, находившийся в Акко, услышав о том, что произошло, в гневе тут же осадил город, установив против него семь осадных машин, и разрушал его стены, так что его людям уже открылся проход. А маркграф Конрад, ободряя своих и полагаясь на помощь Христа, который никогда не оставляет уповающих на него, открыл ворота и храбро вышел им навстречу. Обратив Саладина в бегство, он преследовал его вплоть до горного плато, так что из его людей пало 5000 человек⁸⁹. Вернувшись назад, Конрад обогатил горожан за счёт взятой добычи и наполнил город продовольствием, так что насытились наконец души тех, которые пришли уже в совершенное отчаяние от голода. А Саладин не решился дальше осаждать город. За большие деньги он купил у маркграфа мир, ибо тот тревожил его лагерь постоянными набегами. Из-за этого некоторые пытались обвинить его в неверности, говоря, что он принял подарки от неверных. Но он, ограбив египтян, обогатил евреев⁹⁰, ибо всё, что Конрад таким образом захватил у неверных, он честно раздал верующим.

15. О ПРИБЫТИИ НЕМЦЕВ

Итак, с тех пор как король Видо, как было сказано, осадил город Акко вместе с немецкими рыцарями и теми, которые собрались из Ломбардии и Тосканы в районе Тира, – наиболее знатными среди них были: граф Гельдерн⁹¹, Генрих, граф Ольденбурга, Видукинд, фогт Реды, Адальберт, граф Поппенбурга, и очень многие другие епископы и вельможи, – Саладин непрерывно беспокоил их, так что они уже не рассчитывали продержаться там слишком долго. Однако тот, кто некогда услышал стон сынов Израилевых в Египте, когда они терпели притеснения со стороны фараона, вспомнил теперь о своём милосердии и, обратив на них внимание со своего высокого престола, послал им помощь. Так, на третий день осады, 1 сентября, на горизонте показалась большая эскадра судов, прибывших из различных немецких земель. Господь провёл их мимо опаснейших берегов и через обширные морские пространства настолько благополучно, что у них никогда не было недостатка в попутном ветре, и они не понесли потерь ни в людях, ни в багаже. Всего насчитывалось 55 немецких корабля, прибывших сюда, распустив паруса. К ним

с пятью большими кораблями, нагруженными людьми, оружием и продовольствием, присоединился также князь Иаков д'Авен. А Саладин, который как раз на следующий день собирался напасть на воинов Христовых с несметным войском, узнав о прибытии такого большого флота, сначала очень удивился, а затем с болью в сердце совершенно пал духом, печалась, что не смог помешать их высадке, ибо не сомневался, что они прибыли ему на погибель. Итак, когда крестоносцы заняли гавань и высадились в составе сильного отряда, то взяли город в кольцо; но они так и не смогли помешать людям Саладина входить в город с верблюдами, когда тем вздумается, и выходить из него через восточные ворота. Так они с большим трудом и риском вели осаду почти целый месяц, сильно устав от постоянного бодрствования и необходимости быть на чеку и днём, и ночью, ибо сарацины непрерывно беспокоили их стрелами и набегами. Они рассчитывали вступить с ними в битву, если им благодаря милости Божьей выпадет случай их одолеть. Они также отправили послов в Тир к маркграфу Конраду и Людовику, ландграфу Тюрингии, который совсем недавно прибыл из своей страны с большим количеством рыцарей и продовольствия, с просьбой прийти им на помощь. Маркграф действительно прибыл, но только после долгих уговоров и крайне неохотно, ибо был настроен по отношению к королю крайне враждебно. Так, он обвинял короля в том, что тот только за свою свободу отдал Саладину множество укрепленных городов. Тем не менее они прибыли с сильным войском, и возрадовались все их приходу, особенно же приходу ландграфа, который только недавно прибыл и был командиром их войска. Господин патриарх также прибыл в их лагерь и укрепил дух большинства людей. Итак, когда войско было выстроено в боевом порядке, вся масса всадников, лучников и тяжеловооруженных рыцарей вышла на равнину, а остальные остались охранять лагерь против вылазок тех, которые были в городе. И вот, когда те, которые были снаружи, вступили в бой, горожане напали на тех, которые охраняли лагерь, и сильно их утеснили. Однако ряды Саладина обратились в бегство, и те, которые охраняли корабли, увидев это, закричали, что Саладин бежит. Так были спасены те, которые были в лагере. Далее пехота преследовала бежавшего Саладина до горного плато, но затем вернулась, опасаясь засады. Однако в то время, как пехота грабила лагерь, между пехотинцами возникла ссора из-за какого-то мула, которого каждый считал своей добычей и тянул в свою сторону, так что люди уже готовы были вступить в схватку друг с другом. Узнав об этом, сарацины коварно набросились на них и перебили более 1000 человек, а остальные бежали в лагерь⁹². И случилась в народе Божьем большая печаль. С этого времени они решили огородить себя рвом, чтобы не сделаться легкой добычей врагов. Итак, они вырыли два больших рва: один – напротив города, а второй – в направлении равнины. Прикрытые этим укреплением они предались отдыху, запретив тех, которые были в городе, и лишив их возможности уходить и приходить из него. Усилиями ландграфа и прочих благородных людей с большим трудом и огромными расходами напротив города были установлены три деревянные башни. Но, когда наши думали овладеть городом с помощью этого средства, те, которые были в городе, сожгли все эти постройки огнём, который называют греческим. Когда это случилось, воинов Христовых охватили горе

и отчаяние, а также стыд из-за насмешек врагов. Кроме того, через несколько дней после этого умер ландграф⁹³, так что они, казалось, остались без предводителя.

16. ПРИБЫТИЕ КОРОЛЕЙ ФРАНЦИИ И АНГЛИИ

Но вдруг явился король Франции⁹⁴ и с сильным войском принялся окружать город, установив против него осадные машины. А король Англии⁹⁵ в это время был занят завоеванием Кипра. Кипр – это край, со всех сторон окружённый морем. Он подчинён константинопольскому царю и ежегодно уплачивает ему семь золотых фунтов, которые зовутся центенариями. Царь⁹⁶ этой страны был крайне богат. Чрезвычайно возгордясь от этого, он отпал и от константинопольского царя, и от католической веры. По этой причине на него и напал англичанин. Он овладел его страной, а самого царя схватил и заключил в оковы в городе Маргате. Поскольку он поклялся не заковывать его в железо, то использовал в качестве оков серебряную цепь; там он и умер. А король захватил в его стране огромные сокровища. Саму же страну он под предлогом христианизации передал в руки Видо, короля Иерусалимского, который был уже лишён трона после смерти жены. А трон его вместе с рукой сестры⁹⁷ жены Видо получил маркграф Конрад. Итак, опустошив Кипр, король Англии высадился в Акко⁹⁸ и, соединившись с королём Франции, также принялся осаждать город. Ибо воины Христовы, подвергая себя опасности, непрерывно, днём и ночью, подрывали его стены и обрушивали башни. Так что те, которые были внутри, вынужденные необходимостью, начали говорить о сдаче города. Часто они тайно отправляли к Саладину послов с просьбой освободить их, как он обещал. Когда же тот не смог этого сделать, они сдали город⁹⁹. После того как защитники города были взяты в плен, они обещали за свою свободу большие деньги и, сверх того, возвращение древа Господнего. Дав заложников и получив месячное перемирие, они отбыли к Саладину, но так и не смогли добиться ни возвращения древа Господнего, ни выплаты денег. Итак, когда они вернулись в город, то 4000 язычников были казнены на виду у Саладина. Только Кархас, Местус и другие наиболее знатные пленники были освобождены за деньги. Когда город был взят, король Франции, сев на суда, отправился домой, при условии, что он получит половину всей взятой в городе добычи. Король Англии тут же ему это обещал, но так и не уплатил обещанного. После ухода короля Франции английский король направился к Аскалону, чтобы овладеть им. Жители Аскалона, видя это, подожгли город и бежали. А король, войдя в оставленный город¹⁰⁰, укрепил его самым тщательным образом, отстроив его стены и башни.

Через несколько дней после этого Конрад, король Иерусалимский, был убит¹⁰¹, как говорят, благодаря проискам короля Англии и некоторых тамплиеров. Ибо правитель нагорья, который за свою исключительную власть зовётся Старцем, будучи подкуплен деньгами, послал убить его двух своих людей. Я хотел бы дать об этом Старце некоторые любопытные сведения, которые стали мне известны из рассказов верующих. Так, этот Старец настолько опутал своим чародейством лю-

дей этой страны, что они ни во что не верят и никому не поклоняются, кроме него. Он также столь убедительно внушил им надежду на радость вечного блаженства, что они предпочитают скорее умереть, нежели жить. Ибо часто многие из них, стоя на вершине стены, бросались вниз по его воле или приказу, так что ломали себе шеи и умирали жалкой смертью. Но наибольшее блаженство, по его словам, обретут те, которые, пролив человеческую кровь, в наказание за это будут казнены. Когда некоторые из них избирают такую смерть и соглашаются кого-нибудь коварно убить, чтобы в наказание за это обрести наивысшее блаженство на том свете, он вручает им специально освящённые для этого дела ножи, даёт выпить некое зелье, которое приводит их в состояние экстаза или одурения, показывает благодаря своему чародейству некие фантастические сны, полные радости и блаженства, а вернее всякого вздора, и уверяет, что благодаря такому делу они будут видеть их вечно. Он, как было сказано, был подкуплен подарками и отправил для убийства маркграфа двух человек из этой секты, которые и сговорились его убить. И они убили его и сами были убиты, но только вряд ли попали в рай.

Итак, когда умер маркграф, – ибо он был больше известен именно под этим титулом, – или король, в народе Божьем возникло немалое смятение, ибо погиб добрый и мудрый муж, через которого Господь часто посылал спасение Израилю. После этого король Англии, желая вернуться в свои земли, заключил с Саладином прочный мир на три года и 40 дней¹⁰², который, однако, так и не состоялся бы, если бы король не согласился разрушить Аскалон. Вынужденный необходимостью он разрушил этот город, ибо в нём всё равно не было жителей, которые жили бы в нём после его ухода. Итак, сев на корабль¹⁰³, он высадился в Болгарии, а его люди добрались до Бриндизи. Сам король вместе с немногими спутниками, сев на галеру, отправился в Венгрию, возвращаясь домой иным путём, нежели тот, которым пришёл. Ибо он опасался короля Франции, которого оскорбил тем, что отказался жениться на его сестре¹⁰⁴, с которой был обручён и которую этот король привёл к нему, но взял в жёны дочь короля Наварры¹⁰⁵, которую с большим блеском привела его мать¹⁰⁶. Однако, стараясь избежать одной западни, он попал в другую. Так, когда он по обыкновению пилигрима, – ибо он и его люди были одеты, как тамплиеры, – перешёл через Венгрию, то был плёнён герцогом Восточной марки, или Австрии, и передан императору¹⁰⁷. Так что земля обетованная из-за наших грехов так и не была освобождена. Ибо не наполнилась ещё мера беззаконий аморреев¹⁰⁸, и рука Господа всё ещё была простёрта¹⁰⁹.

КНИГА ПЯТАЯ

1. О ВОЗВРАЩЕНИИ ГЕРЦОГА ИЗ АНГЛИИ

Между тем, пока продолжался этот поход, или странствие, в Саксонии также не было недостатка в новостях. Так, в том году, когда император около мая отправился в этот поход, а с ним из любви к Богу отбыли и многие другие, – среди них также граф Адольф, – господин Гартвиг, архиепископ Бременский, радушно встретил господина герцога Генриха с его одноимённым сыном, вернувшихся из Англии около дня св. Михаила¹. Надеясь вернуть с его помощью свой прежний статус, – ибо из-за дитмарсов, которых он не смог забрать у Вальдемара Шлезвигского, его презирали чуть ли не все, – он вступил в дружбу с герцогом и, задержав его в Штаде, передал в его руки это графство. Услышав про это, лучшие из гользатов и штурмаров вышли ему навстречу и, мирно приветствовав герцога, открыли ему доступ в свою землю. Тот обрадовался и обещал их возвысить, раз благодаря им он смог проникнуть в эту землю. Они тут же заняли земли графа – Гамбург, Плён и Итце-хо² – и изгнали из страны его людей. Видя это, Адольф фон Дассель, который был тогда в этом крае наместником своего племянника, а также госпожа Матильда, мать графа Шауэнбурга, и его жена, госпожа Адельгейда³, дочь господина Бурхарда фон Кверфурта, укрылись в городе Любеке.

2. О РАЗОРЕНИИ БАРДОВИКА

А герцог, собрав войско в Штаде, а также в землях гользатов, штурмаров и полабов, окружил Бардовик и при содействии Бернгарда, графа Ратцебурга, Бернгарда, графа Вёльпе, Гельмольда⁴, графа Шверина, и других своих друзей начал его осаждать. Те, которые были внутри, восстав, не желали сдавать город. Однако герцог всё же одержал над ними верх и разорил этот богатейший город, причём его воины не жалели ни церквей, ни кладбищ, но, разграбив всё, предали город огню. Все бывшие внутри были взяты в плен, в том числе Герман фон Штёртенбюттель, а также другие рыцари и горожане; женщины и дети едва избежали плена. Итак, добившись успеха в этом деле, герцог около дня св. Мартина⁵ предпринял второй поход и отправился осаждать Любек. Когда он уже приблизился к городу, горожане в страхе из-за разорения упомянутого выше города отправили к нему послов и мирно его приветствовали, но при условии, что граф Адольф фон Дассель и мать графа Шауэнбурга, который тогда был в походе, вместе с его женой и людьми, а также со

всем их имуществом свободно покинут эту землю. Когда герцог овладел этим городом и всей землёй графа Адольфа, который тогда был в походе, то сразу же осадил Лауэнбург, замок герцога Бернгарда, который через месяц был передан в его руки, но при условии, что те, кто был в замке, смогут беспрепятственно уйти. Итак, после того как успех следовал за успехом, герцог решил осадить замок Зегеберг, единственный, который ещё удерживали люди графа. Его осаду было поручено вести Вальтеру фон Бальдензелю, которому помогали в этом гользаты и штурмары, но, как оказалось, притворно. Дело в том, что они, движимые раскаянием за свои прежние действия, поменяв свои планы, отделились от герцога, так что с помощью Эгго фон Стуре и его друзей замок был спасён. А Вальтер был взят в плен и брошен в оковы, став пленником в замке, который только что осаждал. Так, партия герцога в этих краях вновь ослабла. Ибо Адольф фон Дассель вернулся вместе с матерью и женой графа-пилигрима и сильно беспокоил город Любек. Позднее, когда наступил май⁶, герцог, желая отомстить своим противникам, направил в Гольштейн войско под началом Бернгарда, графа Ратцебурга, Гельмольда фон Шверина и стольника Иордана. Однако, выйдя из города Любека, они были обращены в бегство неподалёку оттуда, причём Гельмольд, стольник Иордан и многие другие попали в плен. Кроме того, многие утонули в реке Травене. А граф Ратцебург вместе с другими спасся бегством. Гельмольд и Иордан были закованы в кандалы в замке Зегеберг, но позднее освобождены из плена за выкуп: Гельмольд уплатил 300 марок денариев, а Иордан, поскольку был очень богат, – 600 марок серебра.

3. О ПРИБЫТИИ КОРОЛЯ

А молодой король, услышав о возвращении герцога Генриха и его сына, разгневался, ибо, с одной стороны, герцог, презрев его молодость, вернулся вопреки своей клятве, а с другой – захватил землю графа Адольфа, который, как было сказано, отбыл на чужбину вместе с его отцом. Итак, он быстрым маршем прибыл к Брауншвейгу, желая его разорить⁷. Не сумев захватить его из-за суровой зимы, он ушёл в Лиммер⁸ к замку Конрада фон Роде, желая овладеть хотя бы им. Но и тут король ничего не добился и в дурном расположении духа вернулся домой. Зато, вняв жалобе бременцев, он согнал с престола архиепископа Бременского Гартвига, который и был причиной этой смуты. Тот, не имея сил вынести гнев короля, отправился в Англию и находился там целый год. А герцог при посредничестве Конрада, архиепископа Майнцского, и Филиппа Кёльнского начал добиваться милости короля. Назначив ему хофта в Фульде, король вернул герцогу свою милость при условии, что тот снесёт стены Брауншвейга в четырёх местах, разрушит Лауэнбург и согласится с разделением города Любека на две части: одной из них на правах королевского дара будет распоряжаться герцог, а другой, вместе со всей своей землёй будет спокойно владеть граф Адольф⁹. Чтобы скрепить этот мир, герцог отдал в заложники своего сына Лотаря, который позднее умер в Аугсбурге¹⁰. А Генрих, его старший сын, вместе с королём отправился в Рим и Апулию с 50 рыцарями. Однако гер-

цог так и не разрушил Лауэнбург, не вернул графу Адольфу, который всё ещё был в походе, половину города, как обещал, и не перестал беспокоить его землю.

4. О ПОСВЯЩЕНИИ ИМПЕРАТОРА

Уладив таким образом эти дела, король с сильным войском вступил в Италию¹¹ вместе с Филиппом Кёльнским, Отто¹², князем Чехии, и многими другими. Когда он приблизился к Риму, чтобы получить апостольское благословение, господин папа Климент умер¹³. Вместо него на престол был возведён господин Целестин¹⁴. Видя, что король прибыл с такой пышностью, он решил не спешить с его коронацией. Однако римляне, выйдя к королю, обратились к нему с такой речью: «Заключи с нами дружбу и окажи честь нам и нашему городу, как то делали короли, бывшие до тебя. Кроме того, защити нас от твоих людей из замка Тускула, ибо они непрерывно нас беспокоят, и мы попросим за тебя господина папу, чтобы он возложил на твою голову императорскую корону». И король с готовностью сделал всё, о чём те просили. Он велел также разрушить тот замок или город, на который они жаловались. А римляне пришли к господину папе и, всё ещё скрывая свои намерения, сказали ему: «Господин! Мы – твои овцы, а ты – пастырь твоих овец и отец твоих сыновей. Поэтому мы просим твою милость пожалеть нас, ибо мы терпим немалые убытки. А ведь ты, как тебе и самому прекрасно известно, вместе с учителем язычников призываешь плакать вместе с плачущими и радоваться вместе с радующимися¹⁵. Этот король с огромным войском захватил нашу землю и разоряет наши посевы, виноградники и оливковые сады. Поэтому мы просим тебя помочь нам и не тянуть больше с его посвящением, чтобы наша земля не погибла вконец от нужды. Тем более что он, по его словам, пришёл с миром, во всех отношениях почтил наш город и желает оказать послушание твоей милости». Папа согласился с их просьбами, и король с величайшим ликованием вступил в город. Господин папа торжественно посвятил его в день Пасхи¹⁶, а в следующий за ней понедельник¹⁷ господин император вместе с императрицей получил от него благословение и был коронован в мире и спокойствии.

5. О ПОХОДЕ ИМПЕРАТОРА В АПУЛИЮ

Итак, господин император, получив благословение, отправился в Апулию, чтобы завладеть всей землёй Вильгельма Сицилийского¹⁸, ибо она принадлежала ему на правах его супруги, императрицы¹⁹. Этот поход вызвал у господина папы сильное беспокойство, ибо апостольский престол уже поставил там другого короля – Танкреда²⁰. Последний готовился к сопротивлению, но не смог выдержать натиск императора. Ибо при приближении императора жители этой страны в страхе передали в его руки все укрепленные города и наиболее укрепленные крепости. Придя к Монтекассино, где покоился блаженный Бенедикт, он был там с величайшим бла-

говолением принят. А когда он был близ Сан-Джермано, у подножия горы, то сын герцога Генрих, не попрощавшись, ушёл от него и вернулся в Рим. Там, взяв у некоторых римлян корабли, он отбыл морским путём. Император же, скрыв неудовольствие, продолжал начатый путь и благополучно добрался до Неаполя, где застал сильное войско и решимость горожан сопротивляться до конца. Так что император, разорив всю эту страну и вырубив их виноградники и оливковые сады, подверг город длительной осаде²¹. Однако жители города не слишком от этого страдали, ибо имели возможность входа и выхода по морю. Тогда император решил набрать множество кораблей у Пизы и других городов и запретить город с суши и с моря. Однако тем временем наступили постные дни, и войско начали преследовать постоянные неудачи.

6. О СМЕРТИ КЁЛЬНСКОГО АРХИЕПИСКОПА И ВОЗВРАЩЕНИИ ИМПЕРАТОРА

В это же время там умерли Филипп Кёльнский²², чьё тело было доставлено в Кёльн и погребено там с достойными его почестями, и Отто²³, князь Чехии, на которых держалась вся сила войска, а также многие другие люди из знати и просто-народья. Из-за сильной жары император также тяжело заболел, так что враги, думая, что он уже умер, взяли в плен императрицу, когда та отошла от войска. Таким образом осада была снята. А император, ещё не выздоровев до конца, возвратился домой²⁴. Позднее императрица была с почётом возвращена ему. Таким образом земли, которыми завладел император, были возвращены врагами.

7. О ВОЗВРАЩЕНИИ ГРАФА АДОЛЬФА

Между тем граф Адольф, бывший в это время в походе, придя в Тир, узнал, что его землю захватил герцог Генрих. Следуя совету многих благочестивых людей, он оставил поход и вернулся в Шауэнбург. По возвращении он пришёл к императору, который находился тогда в Швабии. Последний тут же дал ему надежду на возвращение его земли, обещав всестороннюю поддержку и обогатив сверх меры. Итак, когда граф прибыл в Шауэнбург, то увидел, что пройти в Гольштейн решительно невозможно, ибо герцог занял все места в районе Эльбы, то есть Штаде, Лауэнбург, Бойценбург²⁵ и Шверин. Не мог он пробраться туда и через землю славян, ибо Бурвин, зять герцога, устроил ему там засаду. Итак, Адольф отправился к герцогу Бернгарду и Отто²⁶, маркграфу Бранденбурга, которые в сопровождении сильного войска довели его до Артленебурга. Там ему навстречу вышел его племянник, Адольф фон Дассель, вместе с большим войском гользатов и штурмаров, а также с его матерью и женой и радостно встретил графа. Бернгард Младший²⁷, сын графа Бернгарда фон Ратцебурга, которого герцог с разрешения господина папы перевёл из духовного звания в рыцарское, ибо он был единственным сыном

своего отца, боясь потерять свою землю, также явился к герцогу Бернгарду и во имя императора перешёл на их сторону. Покинув ряды герцога, он стал во всём помогать графу Адольфу. Его отец, однако, по-прежнему держал сторону герцога Генриха и оставался у него долгое время. Позднее, когда он заболел, его привезли в Ратцебург – в монастырь, а не в замок. Там о нём заботились сын и супруга, и он, проболев какое-то время, умер, окончив свои дни²⁸. Пусть не смущает читателя, если здесь вновь будет сказано то, о чём уже говорилось ранее, ибо в природе порядок один, а в искусстве – другой. Поэтому и поэт убеждает доктора:

«Чтобы он знал, что где именно должно сказать, а всё прочее – после,
Где что идёт; чтобы он знал, что взять, что откинуть»²⁹.

Не следует забывать, или, вернее, следует вспомнить, что у этого Бернгарда был отец – благородный и сиятельный муж, граф Генрих фон Бодвид³⁰, который пришёл в эту землю во времена короля Конрада, когда ещё жив был Генрих, герцог Саксонии и Баварии, а его сын, герцог Генрих, был ещё ребёнком³¹. Так вот, когда умер Генрих, отец нынешнего герцога Генриха, этот граф и получил от его малолетнего сына эту землю. Между графом Генрихом и Адольфом Старшим фон Шауэнбургом, который тогда был в этой земле, была вражда. Ибо граф Генрих энергично боролся с ним за обладание землёй вагров. Однако Адольф одержал над ним верх и сам завладел этой землёй. А Генрих получил от герцога в качестве постоянного лена Ратцебург и землю полабов. Когда герцог стал взрослым и вступил в силу, то принялся основывать церкви по ту сторону Эльбы и постарался добиться в Магдебурге, чтобы приор Эвермод властью архиепископа этого места был поставлен во главе Ратцебургского прихода. Названный граф всячески содействовал ему в этом деле, и при содействии милости Божьей эта ещё очень молодая церковь стала славиться и средствами, и людьми. У этого графа был сын – Бернгард, который после смерти отца действовал столь же энергично и часто не без большого труда отражал нападения славян. Изгнав славян, он изо дня в день всё больше преуспевал в этой стране. Этот Бернгард женился на благородной славянке – Маргарите, которая была дочерью Ратибора, князя поморян. Объединённая этим браком страна пребывала теперь в мире. Маргарита родила ему сыновей – Фольрада, Генриха и Бернгарда, которые, повзрослев, были не менее деятельны и удачливы, чем их отец. Фольрад и Генрих избрали себе рыцарское поприще, а Бернгард был возведён в духовное звание и получил в Магдебурге пребенду в кафедральной церкви. И вот, начав однажды войну против славян, Фольрад погиб, и тело его было доставлено в Ратцебург и погребено рядом с его родственниками, заслужив такую эпитафию:

«Когда ты поражал вражеские ряды, о храбрейший рыцарь,
Ты пал, о Фольрад, и твоя гибель вызывает слёзы у твоих людей.
Ты был мстителем и защитником отечества
И получил теперь достойную награду».

А его брат Генрих окончил жизнь в мире. Так что, когда умер их отец Бернгард, то Бернгард Младший, его сын, сложив с себя духовное звание, – с разрешения па-

пы, – стал рыцарем и женился на Адельгейде³², благородной дочери графини фон Халлермунд. Адельгейда родила ему сына, которому он дал своё имя. Позже, тяжело заболев, он окончил свои дни в Ратцебурге. А через несколько лет после этого последовала преждевременная смерть его малолетнего сына³³. Адельгейда же, мать и вдова, вышла замуж за Адольфа, графа фон Дасселя. Так окончился этот род.

8. О ВТОРОЙ ОСАДЕ ГОРОДА

Итак, когда герцог Бернгард восстановил Адольфа в его должности, то вместе со своим племянником, маркграфом, вернулся домой. А продовольствие, которое он привёз с собой, он передал графу Адольфу и Бернгарду. Итак, граф Адольф и Бернгард тут же окружили со всех сторон город Любек, начав его энергичную осаду, – при этом каждый опирался на свою землю. Однако люди герцога упорно удерживали город. Герцог поставил во главе Любека некоего Лотаря, сына Вальтера фон Берга, весьма деятельного мужа, который прекрасно проявил себя во время этой осады и ценой своей жизни удержал город до сего дня. Итак, видя, что город не слишком страдает от осады, ибо горожане имели возможность выходить и приходить по Травене, Адольф велел перегородить эту реку большими кольями и брёвнами; это с большим трудом было выполнено, и город таким образом был наконец заперт. Во время этой осады он отправился к Кнуту, королю Дании, и, поприветствовав его, сердечно поблагодарил его за то, что во время его паломничества его страна наслаждалась благодаря ему прочным миром. Это, правда, произошло не без причины, ибо после ухода графа брат короля, герцог Вальдемар³⁴, вместе с другим Вальдемаром, епископом Шлезвига, вторглись в его пределы с сильным войском. Поскольку племянник графа, Адольф фон Дассель, не смог оказать им сопротивление, они взяли у него заложников, но с условием, что дитмарсы, которые тогда находились под их властью, не будут нападать и тревожить государство короля Кнута. Итак, засвидетельствовав королю своё почтение, граф возвратился домой.

9. О ПЛЕНЕНИИ РЫЦАРЕЙ ГЕРЦОГА

Между тем герцог Генрих, сочувствуя осаждённым горожанам, собрал войско и, поручив его Конраду фон Роде, который тогда держал от его имени Штаде, и вышеназванному Бернгарду, отправил его к Любеку. Они тайно переправились через Эльбу напротив Лауэнбурга и, приблизившись к Ратцебургу, сильно напугали людей графа Бернгарда, которые несли сторожевую службу возле города, в месте под названием Херренбург. Бежав, те укрылись в Ратцебурге. Так, осада в этих краях была снята, а горожане, выйдя из города, захватили добычу и припасы, которые там нашли, после чего с великой радостью вернулись в город. На рассвете следующего дня они, взяв в руки оружие, вновь вышли из города во главе с графом Бернгардом и Конрадом фон Роде, чтобы сразиться с врагами в самом центре их владений. А те,

хоть и неравные им числом, вышли им навстречу недалеко от города и, заняв брод, по которому тем предстояло пройти, на реке Швартау, храбро сразились и обратили их в бегство. Так что людям герцога вновь пришлось укрыться в городе. А Бернгард Младший, вернувшись из Ратцебурга со всеми, кого имел при себе, в том числе вместе с гользатами, этим же вечером расположился лагерем к югу от Любека, чтобы утром вступить в битву с горожанами, если те выйдут из города. Однако бывшие в Любеке люди герцога, предчувствуя это, покинули город ночью в его северной части, решив возвращаться домой по другой дороге. Между ними и противником была река Вокнице, так что они не могли сблизиться друг с другом. Бернгард, собрав войско, энергично преследовал их, тогда как граф Адольф находился в замке Зегеберг из-за постигшей его болезни. И вот, когда они оказались возле Бойценбурга, на берегу Эльбы, между ними произошла битва, в которой люди герцога были разбиты, очень многие из них уведены в плен, а остальные – бежали. Адольф, получив столь радостную весть, сразу же оправился от болезни и стал размышлять, как бы ему с Божьей помощью овладеть Штаде. Ибо множество воинов из Штаденского графства попало в плен, и он держал их в своей власти. Пользуясь мудрым советом, он выкупил их у рыцарей, которые взяли их в плен, и отпустил на свободу. А те дали ему добрую надежду, сказав, что если бы они увидели его к ним расположение, то предпочли бы служить скорее ему, чем герцогу. Кроме того, они во всём обещали ему помогать, чтобы он смог с их помощью и при их содействии овладеть Штаде.

10. КАКИМ ОБРАЗОМ ГРАФ ВЗЯЛ ШТАДЕ

Итак, граф, воодушевлённый, или вернее наученный, их словами, собрал в Гамбурге войско и вступил на соседний с городом остров под названием Горисвертер³⁵. Местные жители, боясь его прихода, сами вышли к нему и заключили с графом договор о дружбе. Собрав корабли, которые те смогли там найти, граф вместе со всем своим войском приплыл к Штаде и начал жечь некоторые деревни на том берегу реки. И «поднялся в высоком дворце ропот»³⁶, что граф прибыл с большим войском, и сильный страх охватил местных жителей. Ибо они всё ещё не оправились от скорби по убитым и пленным, которых потеряли. И говорили они один другому: «Уж лучше служить графу, который вернул нам наших пленников, чем герцогу, из-за которого нас постигло это бедствие». А Конрад, видя, к чему идёт дело, и боясь народного мятежа, – ибо народ был сильно возбуждён, – оседлал коня, будто собираясь отправиться по какому-то делу, и, ободрив людей, поблагодарил их за то, что они славно сражались за своего господина герцога, а сам, оставив там жену и всё своё имущество, поспешно ускакал, чтобы более уже не возвращаться. Тогда те, которые были в крепости, с миром пришли к графу и передали ему и крепость, и самих себя. Когда граф овладел крепостью, он велел запрячь телеги и увезти жену Конрада со всем, что ему принадлежало. Однако, проявив такое великодушие, он, как говорят, был жестоко обманут, ибо вместо доспехов своих мужей

женщины увезли на телегах в мешках большие сокровища. А жители Люнебурга оказали графу жестокое сопротивление; совершая частые набеги, они постоянно совершали в Штаденском графстве грабёж и разбой.

11. ОБ ЕПИСКОПЕ ЛЮБЕКСКОМ

Между тем они доставляли также немалое беспокойство господину Дитриху, епископу Любека, и постоянно тревожили приорство в Цевене. Дело в том, что Гартвиг, архиепископ Бременский, который был тогда изгнан бременцами и стоял на стороне герцога, злоумышлял против епископа. Ибо этот епископ был очень дорог бременцам за его верность империи. К тому же он был родом из Бремена и имел в этом городе братьев и множество родственников; да и сам архиепископ был в родстве с ним³⁷. Однако архиепископ, забыв о родстве, не пожалел его, но решил низложить в соответствии с каноническим правом; однако сделать это ему не удалось. Так, находясь в Люнебурге, он неоднократно письменно вызывал его на слушание. Когда же тот не отважился покинуть пределы своей епархии и пройти через вражеские земли, то архиепископ вызвал его в последний раз, что, впрочем, противоречило порядку судопроизводства, ибо тот, будучи вызван ранее, получил от Гартвига отсрочку до определённого дня, а вызов архиепископа был сделан до истечения указанного срока. И вот, когда Дитрих так и не явился, архиепископ на переговорах в Миндене, которые проходили между ним и бременцами, в бешенстве отлучил его от церкви. Бременцы заявили, что этот приговор не имеет ни силы, ни значения, ибо, во-первых, епископ не заслужил указанного отлучения, а во-вторых, Гартвиг пришёл сюда не для того, чтобы судить, а для того, чтобы самому выслушать решение относительно своей жалобы. Позднее, благодаря господину кардиналу Цинтию³⁸, который был направлен в Данию и на обратном пути оттуда прибыл в Бремен, этот приговор был отменён. После этого герцог Генрих Младший, сын герцога Генриха, вступил с войском в Штаденское графство. В его свите находился архиепископ. Придя к этому городу, он надеялся, – уж не знаю, на каком основании, – что его туда впустят. Когда же штаденцы его не приняли, он сначала приказал разорить Хорст³⁹, – поместье епископа, расположенное рядом с городом, – а затем, придя в Цевен, велел властью архиепископа унести оттуда всё движимое имущество, а также скот, который местные жители согнали туда словно в надёжное убежище, так что служанкам Христовым, которые жили там и день и ночь, пели своему небесному жениху хвалебные песни, пришлось потом долгое время страдать от голода. В другое время, когда крепостью ещё владел Конрад фон Роде, бременцы сделали на графство грабительский набег и среди прочих бесчинств ограбили людей епископа. Тот в это время как раз служил мессу. Когда же ему сообщили, что его людей ограбили бременцы, то грабители вместе с добычей были уже далеко. Что было делать мужу Божьему, куда податься? Он этого не знал. Ибо, кроме забот о внешнем, ему приходилось также ежедневно заботиться обо всех угнетённых и в первую очередь о своих собственных людях, согласно сказан-

ному: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?»⁴⁰. Поэтому, сняв рясу, он вышел из церкви и отправился в путь вслед за разбойниками. Спешно пройдя почти целую милю, он их настиг, отнял добычу и возвратился назад не раньше, чем вернул своим людям их добро. Ибо разбойники испугались его прихода, зная, что согрешили; видя сострадание и упорное великодушие этого мужа, питая уважение к его покрытым дорожной пылью сединам, они с ужасом взирали на его святые руки, уводившие за рога быков, и не оказали ему никакого сопротивления, настолько устрасило их величие этого епископа. Этот муж настолько был полон милосердия и доступен порывам сострадания, что любовь к ближнему не дала ему даже сесть на коня, заставив пешком преследовать похитителей. Он был также деятелен в посредничестве и улаживании споров и настолько скромнен, что иногда в полном епископском облачении бросался в ноги тем, которые не желали мириться. Он считал, что лучше давать, нежели принимать⁴¹. Поэтому при освящении церквей он старался скорее сам возмещать все расходы, чем к своей выгоде обременять поборами других. При возведении в сан клириков он испытывал тем большую радость, чем больше посвящённых лиц видел в своём доме. Дома он был гостеприимнейший хозяин, а вне его – почтительнейший гость. Он ревностно заботился о бедных и часто угощал их за собственным столом. Короче говоря, у него не было недостатка ни в одной добродетели, так что мы с полным правом можем сказать о нём:

«Он был благочестивым, мудрым, смиренным, скромным,
Воздержанным, целомудренным и кротким,
Пока жизнь теплилась в его теле».

Ибо вышеназванные напасти он побеждал с таким терпением, что никто и никогда не видел его в гневе, не слышал, чтобы он ругался или воздавал злом за зло, но, возлагая свои заботы на Господа⁴², он говорил вместе с апостолом: «Если Бог за нас, то кто против нас?»⁴³. Но довольно об этом.

12. О СДАЧЕ ГОРОДА ЛЮБЕКА

Поскольку мы сильно отклонились от темы, давайте вновь вернёмся к осаде города. Наши горожане, страдая тем временем от долгой осады, слышали о перемене, которая произошла в Штаде. Сильно обеспокоенные всем этим они начали думать о сдаче города, но разошлись во мнениях. Так, одни говорили: «Давайте передадим город королю Дании, чтобы обрести его милость! Он защитит нас от любого врага и, кроме того, разрешит нам торговать в его стране. Кто сможет нас потревожить, если у нас будет такой покровитель?». Но другие говорили: «Вы не правы! Ведь наш город находится под властью Римской империи, так что если мы отпадём от неё, то будем наказаны господином императором и станем всем ненавистны. Но, если вам угодно, давайте передадим город маркграфу Отто, чтобы он принял его от имени императора. Таким образом мы освободимся от тирании этого графа, и он

не будем нами править». Адольф же, узнав об этом, ещё больше утеснил город. Устрашённые этим горожане наконец сдали ему город, но при условии, что люди герцога уйдут невредимыми. Когда город был взят, Адольф отправился к императору, и тот великодушно уступил ему за его труды все доходы с этого города. А графа Бернгарда он неоднократно отмечал своими подарками.

13. ИСПОВЕДЬ АВТОРА

Воспомяну милости Господни⁴⁴. Ибо почему среди того, что я пишу в память потомкам, я не вспоминаю о трудах милосердия нашего Бога, которые были сделаны в наши дни? Память о нём я предпочитаю всему прочему, ибо Он вспомнил обо мне и стал мне спасением⁴⁵. Ибо отец мой и мать моя оставили меня, а Господь принял меня⁴⁶. Во всех моих бедах и несчастьях я взывал о помощи, но её не было. А Он, благосердный и милостивый, стал мне помощником⁴⁷. Ни один князь, ни один вельможа не оказали мне покровительства, разве что говорили мне посреди невзгод: «Возложи на Господа заботы твои⁴⁸, ибо довольно для тебя милости Его⁴⁹; не надейся на князей, на сынов человеческих, в которых нет спасения»⁵⁰. Да и что мне до князей? Скорее следует сказать Ему: «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе»⁵¹. Находясь среди людей, я могу хвалиться разве что моей немощью⁵². Ничего, вызывающего у людей восхищение, во мне не найти, ибо не надмевалось сердце моё, не возносились очи мои, и не входил я в великое и для меня недостижимое⁵³. Люди предпочитают сильное, а слабое и немощное этого мира презирают, но ты, мой Бог, избрал последнее, чтобы посрамить сильных⁵⁴. Ты не нуждаешься в сильных, ибо ты, о Боже, сам сильный, и избираешь скорее слабых, чтобы сделать их сильными и чтобы они, поняв, что ничего не могут без Тебя сделать, осознали, что имя Твоё – победа⁵⁵. А тому, кто хвалится, что и без тебя силен и могуч, я скажу: «Что хвалишься злодейством, сильный?»⁵⁶. То, что люди порицают во мне, ты скорее одобришь. Они презирают меня, грешника, но, поскольку Ты милостив, то я, обращаясь к тебе, говорю: «Боже! Будь милостив ко мне грешнику»⁵⁷, и Ты снял с меня вину греха моего⁵⁸. Люди ищут у меня мудрости, но Ты знаешь безумие моё⁵⁹. Люди гнушаются меня, ибо я гнушаюсь светских развлечений, а мне благо приближаться к тебе Господу, Богу моему⁶⁰. Они избегают меня, ибо я ничего не значу в этом мире, но ты, мой Бог, нелицеприятен⁶¹. Итак, я охотно хвалюсь своей слабостью, чтобы поселилась во мне Твоя сила. Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но тот, кого похвалишь Ты, мой Бог⁶². Так что я по праву воспомяну милости Твои, чтобы обрести Твою милость, – в чём я не сомневаюсь, – и оказаться в благословенных чертогах Твоей сладости, о мой Бог, где пируют праведники у Тебя на виду. О благостный, милосердный, любезнейший и драгоценнейший! Как мне отблагодарить тебя за Твои милости? Чем воздать Тебе за всё, что Ты мне дал? Какие похвалы будут достаточны, если и небо, и земля, и море – ничто для Тебя? Но, поскольку песнь моя всегда о Тебе, вернее, Ты сам – моя похвала, то достаточно Тебе моей похвалы, которая и есть Ты сам, ибо Ты поддерживаешь нас в наших желаниях, которые Ты

и никто другой сам же нам и внушаешь. Что говорить о перемене, которую произвела во мне Десница Всевышнего?⁶³ Она обращает безбожного, чтобы он таковым более не был. Ведь я жил некогда вроде бы и по закону, но вопреки ему, был слушателем закона, а не его исполнителем⁶⁴. С виду я был монах, а по сути – чуть ли не безбожник. Живя по уставу, я охотно грешил вопреки этому уставу. Одевание, которое я носил якобы из благочестия, я употреблял скорее во зло, нежели ко благу. Поскольку я не занимался в положенное время ни чтением, ни работой, ни молитвой, то постоянно слонялся без дела, постоянно был в сомнении и никогда не оставался в нормальном состоянии. Я не соблюдал ни воздержания, ни поста, как то предписывал устав. Поскольку всё это сходило мне с рук, то из этого выросли большие излишества, так что я уже думал не о том, что можно, а о том, что нельзя. Праздность я почитал за порядок, излишество за воздержание, пьянство за трезвость, ворчание за тишину, а от болтовни я воздерживался лишь по ночам. Тем самым я заслужил немалое наказание. Что же далее? Я укоряю и порицаю устав? Нет! Не устав, но излишние дополнения к уставу, которые начали появляться с того времени, как произошло изменение устава, и не потому, что те отцы не были святы и праведны, а, говоря словами поэта, «потому что свобода перешла в своеволие, и хор постыдно умолк, и она по закону вредить перестала»⁶⁵. Ибо то, что им кажется улучшением, нам представляется ликвидацией самого устава. Ибо из-за многочисленных изменений, которые принимаются не по уставу, но вопреки уставу, устав изо дня в день всё больше клонится к упадку, так что в наше время почти никто уже и не знает подлинного устава, но знаком лишь с его искажением. Когда я был ребёнком, то говорил, как ребёнок, думал, как ребёнок, рассуждал, как ребёнок. Когда же я благодаря Твоей милости, о мой Бог, стал мужем, то оставил младенческое⁶⁶. Когда я услышал устав, которому не следовал, то понял, что заблуждался. Благодаря кому я это понял? Благодаря духу страха перед Тобой. Он пробудил меня и посредством своей правды научил всей истине. И я понял, что те обряды, которые я прежде многократно исполнял, требуют слишком большого труда и угнетают дух, и не может в них заключаться устав. Ибо устав прост. Он был внушён святым отцам Тобой, о всемогущий Бог, а от них его принял и записал на бумаге наш блаженнейший отец Бенедикт. Его заповеди мне слаще мёда и капель сота⁶⁷. Ибо там есть то, чего желают сильные и не должны избегать слабые. Поэтому, о мой Бог, я и воспеваю Твою справедливость, так что я пою на путях Господних, ибо велика слава Господня. За эти благодеяния я и воспомяну милости Твои, так что, восхваляя тебя, я всех призываю хвалить Тебя и упоминаю труды милосердия Твоего, которые были совершены в наши дни, чтобы их знали и ныне живущие, и будущие поколения и славили имя Твоё, которое благословенно в веках. Аминь.

14. О ЧУДЕ С КРОВЬЮ ГОСПОДНЕЙ

В пределах Тюрингии, близ города Эрфурта, заболела некая девочка. Её по обыкновению посетил священник. Давая ей предсмертное причастие, он омыл

пальцы в чистом бокале и передал ей выпить этой воды, а сам ушёл. А она, придя в сознание, сказала собравшимся: «Закройте эту воду самым тщательным образом, ибо я видела, как с пальцев священника в неё упал кусочек евхаристии». Так и сделали. Позже, когда ей вновь дали выпить этой воды, оказалось, что та полностью превратилась в кровь, а тот кусочек, приняв форму небольшого пальца, превратился в кровавое мясо. Увидев это, все ужаснулись. Среди сбежавшихся женщин поднялся крик; они шумели, удивлялись и в изумлении говорили, что ни о чём подобном никогда не слышали. Послали за священником, но он удивился ещё больше, чем они, и испугался, что это произошло из-за его небрежности. Боясь также потерять должность, он хотел скрыть это дело и призвал людей сжечь это причастие. Однако ему не удалось скрыть то, что Бог пожелал открыть столь чудесным образом. Это событие обсуждалось очень многими. Было созвано собрание священников, которые, не зная, что делать, обратились к архидьякону. А тот, также боясь принимать какое-либо решение по этому поводу, в письменной форме сообщил о случившемся архиепископу Майнцскому. Между тем этот бокал с животворящей кровью поставили на алтарь. И вот на глазах у всех, кто туда пришёл, прилетела голубка и села на край бокала, причём к немалому удивлению собравшихся сосуд не опрокинулся от её веса. Ибо в тех землях бокалы уже в своей нижней части и значительно шире в верхней. Поэтому те, которые всё это видели, решили, что это была не настоящая голубка, а чья-то душа. И поскольку это случилось около дня святого мученика Винцентия⁶⁸, то на праздник Благовещенья⁶⁹ в эти края прибыл сам господин архиепископ. Дело в том, что он велел всем своим прелатам, а также всему духовенству и народу собраться в этот день всем вместе, чтобы он, пользуясь их общим советом, мог принять относительно этого дела то или иное решение. Итак, когда все собрались в той деревне, где находилось это причастие, была организована процессия, в которой под пение литаний и благоговейнейшие молитвы народа прелаты несли кровь Господню. И вот все они босиком отправились в вышеназванный город и первую остановку сделали на горе блаженного Кириака. Там им навстречу с чрезвычайным смирением вышли местные монахини и, преклонив колени, проникновенно запели: «Иисус – наше избавление», и т. д. После того как там отслужили соответствующую торжеству момента мессу, они проследовали к горе святого Петра, где издавна была основана большая и благочестивая монашеская обитель. После того как там также была отслужена месса, они пришли в церковь Пресвятой Матери Божьей Марии. Там господин архиепископ в торжественном облачении прямо посреди службы призвал народ к слезам и молитвам, чтобы Божья милость, всегда расположенная к человеческому роду, ради устранения заблуждения неверных и для укрепления веры верных своих, посредством очевиднейших доказательств дала знать, является ли Его плотью и кровью то причастие, что было освящено, благословлено и принято под видом хлеба и вина. Он призвал нас также во славу и в похвалу Его имени, а равно для торжества и ликования Его святой церкви исповедаться Его святому имени и прославиться в Его славе, чтобы Он соизволил вновь превратить хлеб и вино в их прежнее состояние. И если это действительно хлеб жизни, а вино в самом деле

наполняет духовной радостью сердца людей, то причастие, которое он собирался дать в церкви под видом хлеба и вина, примет известную форму. После того как люди долго молились, а кровь и плоть не обращались в прежнюю форму, владыка велел сложить из новых камней новый алтарь, чтобы почтительно вложить в него эту кровь вместе с плотью Господней. И вот, когда он часто посылал посреди этих молитв и призывов, а превращения всё не происходило, внезапно явился вестник и сказал, что Господь услышал молитвы и рыдания сынов Израилевых, и причастие полностью приняло свою прежнюю форму. Услышав это, господин архиепископ, пролив много слёз, стал призывать всех воздать благодарность за это чудо, а сам, начав увещательную речь во славу Господа нашего, Иисуса Христа, обратился ко всем с такими словами: «Господь совершил это чудо на наших глазах. О испупитель, кто из смертных может выразить достойную тебя хвалу за деяния твоей любви? Ты всегда думаешь о мире, а не о смуте. И поскольку тебе, чьей природой является доброта, волей – сила, а трудом – милосердие, свойственно всегда милловать и жалеть, ты и делаешь то, что свойственно тебе, а мы – то, что свойственно нам. Ибо ты был готов пожалеть нас ещё до того, как мы призывали тебя. Мы же склонны ко злу со дней нашей молодости. Мы неблагодарны за щедрость столь великой любви, но даже неблагодарных ты не лишаешь своих благодеяний, повелевая солнцу твоему восходить над злыми и добрыми и посылая дождь на праведных и неправедных⁷⁰. Тот, кто родом с земли, и говорит о земле; ты же, который спустился с неба, царишь над всем, ибо только ты сам знаешь, откуда ты приходишь и куда уходишь, ты, который для укрепления веры твоего народа обратил это причастие в кровавую плоть. Ибо ты, спустившись с неба, дал человеку, – дабы он не пропал на пути своего странствия, – вкусить этот живой хлеб, который постоянно без отвращения вкушает ангел на небе. Однако тот вкушает его ради удовольствия, а этот – ради спасения. Оба в действительности, но не оба в полной мере. Ибо апостол говорит: «Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего!»⁷¹. Ибо одно дело принимать причастие, а другое – причащаться. Ведь в первом случае речь идёт о видимой форме, а во втором – о невидимой милости. В этих двух случаях просматриваются два способа вкушения: первый – материальный, второй – духовный. Согласно первому способу вкушают все, согласно второму – только добрые люди. Ибо много званых, но мало избранных⁷². Я потому и сказал, что «оба в действительности, но не оба в полной мере», ибо один только принимает причастие, а второй – и принимает причастие и причащается. Ведь один предан и достоин вместе с видимым причастием получить и невидимую благодать, а второй, принимая причастие недостойно, становится виновен против тела и крови Господней⁷³, ибо он ест и пьёт осуждение себе, не рассуждая о теле Господнем⁷⁴. Так вот, о дражайшие мои, чтобы воздать нам достойную благодарность Господу Иисусу Христу, который хотел одновременно и утешить, и утешить нас в этом деянии, давайте призовём, предпишем и постановим, чтобы все находящиеся под нашей властью люди от мала до велика, и стар, и млад, мальчики и девочки, преклонив колени, почтили, восславили и возблагодарили Господа нашего Иисуса Христа, пред которым преклоняется всякое колено небесных, земных и преиспод-

них⁷⁵; чтобы мы таким образом почтили его благодатное причастие и чтобы не только принимали его, но и верно причащались по милости того, кто есть священник по чину Мельхиседека⁷⁶ и кто дал себя за нас, чтобы очистить себе народ особенный, ревностный к добрым делам»⁷⁷. Когда все ответили: «Аминь», господин архиепископ в память потомству почтительно поставил эту превращённую воду в драгоценном сосуде в указанной церкви, а бокал забрал с собой в Майнц, где его с величайшим благоговением почитают до сих пор. А все люди, которые были во всём его диоцезе, так преданно молились на коленях во славу Христа, что даже младенцы, лежавшие в колыбелях, на коленях благодарили Его, согласно сказанному: «Из уст младенцев и грудных детей ты устроил хвалу»⁷⁸.

15. О ДРУГОМ ЧУДЕ

Я расскажу здесь также и о другом благодеянии нашего Спасителя, которое произошло во времена Филиппа, архиепископа Кёльнского. Так, в субботу Святой Пасхи, когда в церкви по обыкновению крестили младенцев, некий еврей из этого же города, движимый любопытством, вошёл туда вместе с другими прихожанами. И вот, когда епископ в процессе обряда мазал голову младенца священным елеем, открылись глаза его и увидел он Святого Духа, сошедшего в виде голубя на этого младенца. Устрашённый этим видением он удалился в подавленном настроении, и, положив начало просветлению своего духа, хоть и не уверовал окончательно в это божественное таинство, но уже и не отрицал его. Ибо он часто слышал, насколько велико значение христианского причастия, но из-за еврейского нечестия всё, что мог постичь разумом, подвергал сомнению. Однако он сохранил всё это и носил в своём сердце. Так прошёл целый год, когда в Святой Пятък, что предшествует субботе, этот еврей, находясь в синагоге, вновь ощутил присутствие благочестивейшего Спасителя. Ибо у евреев есть отвратительный обычай: дополняя меру своих отцов⁷⁹, они в поношение Спасителю распинают Его восковый образ. И вот, когда они по своему обыкновению подвергали его поношению и прочему, что мы читаем о его муках, то есть бичевали его, ударяли по ланитам, плевали на него, пронзали ему гвоздями руки и ноги и наконец проткнули копьём его бок, то оттуда внезапно потекла кровь вместе с водой. Об этом свидетельствовал сам видевший это чудо еврей, и мы знаем, что его свидетельство – истинная правда. Ибо этот еврей, просвещённый свыше, увидел это и уверовал. Оставив синагогу, он тут же побежал к архиепископу и рассказал ему о случившемся. Он отрёкся от еврейского нечестия и в Святую Субботу принял крещение, доставив своим обращением радость не только ангелам Божиим, но и простым людям. Возрадуемся же и мы, о дражайшие, любезнейшей милости Искупителя, так что даже зло употребив во благо, обратим враждебное нам еврейское нечестие в орудие спасения и, словно прозрев благодаря их ослеплению, возбудим в себе ещё большую преданность Иисусу. Посмотрим, к чему приведёт евреев их злоба, и уверуем, что сделает наша преданность Иисусу. Дополняя меру своих отцов⁷⁹, которые, проклиная себя и своих, говорили: «Кровь

Его на нас и на детях наших»⁸⁰, и, распиная Его подвергнутый поношению образ, они воистину распинают Его, причём не просто, как их отцы, касаясь слова жизни нечестивыми руками, но дотрагиваясь до него ненавистью, проклятиями и руками злобы. Ибо Христос, воскреснув из мёртвых, уже не умрёт; смерть более не властна над ним. Однако он может быть распят образно, ибо ещё до Его мученичества во времена Закона Он мог быть приносим в жертву в образе агнца. Но это, скажешь ты, происходило фигурально. Согласен с этим. Тех же, которые этому не верят, мы отсылаем к авторитету самого Писания, где сказано, что то же самое было совершено евреями против образа Господнего, что из бока Его текла кровь и вода, отчего многие слепые прозрели, больные исцелились, прокажённые очистились, а демоны бежали прочь. Так что мы воистину уверуем в то, что им сделает их злоба, нам делает наша вера. Ибо разве тот, кто с благоговением вспоминает о муках Господних, так что доводит себя до слёз, не сочувствует Христу, членом которого является? Разве не испивает он чашу страданий Господних вместе с Его Преславной Матерью Марией, чью душу поразил меч скорби, и Его скромнейшим сыном и слугой Иоанном, хотя тот не видел смерти, пока после посещения Господа не получил угодное ему освобождение от плоти? Разве не плачет он вместе с женщинами, которые рыдают, сидя у могилы и оплакивая Господа? Разве, вспоминая обо всём этом, они не проявляют себя преданными и соболезными? Разве не умащают они Его благовониями и не обряжают в чистый хитон вместе с Никодимом и Иосифом? Воистину так, ибо они плачут с плачущими и радуются с радующимися⁸¹; так же и мы, страдая вместе с умирающим Христом, прославимся вместе с ним, когда он воскреснет⁸².

16. ОБ ОСАДЕ И ОСВОБОЖДЕНИИ ЛЮБЕКА

А герцог Бернгард, видя, что граф Адольф, преуспевая на своём пути, овладел Любеком и Штаде, возымел надежду усилить с его помощью своё влияние в этой стране и поднять престиж своего имени. Придя с сильным войском, а также с женой и большим обозом около кафедры св. Петра⁸³, он начал осаду Лауэнбурга. Граф Адольф и Бернгард упорно помогали ему в этом. Когда он в процессе длительной осады так стеснил замок, что те, кто в нём был, начали уже страдать от голода, а герцог, фактически распустив войско, оставил только сторожевые посты, прибыли друзья герцога Генриха, а именно: Бернгард, граф Вельпе, и Гельмольд фон Шверин с теми, кого они набрали, чтобы или доставить голодающим продовольствие, если удастся, или, если не удастся, по крайней мере освободить их от осады. Когда они перешли реку, герцог поначалу не обратил на них внимания, а затем, когда их численность возросла, попытался их удержать, но не смог. Те же, объединив силы и оружие с теми, кто был в замке, вышли в поле, чтобы сразиться с врагами. Однако герцог на это не пошёл. Войско, как сказано, было распущено, Адольф ушёл, а граф Бернгард со своими людьми взял замок Барсит⁸⁴. Тем не менее герцог, упорно действуя оружием, совершил нападение и мужественно сра-

жался, но так и не одержал победы. Все его люди были пленены, а сам он едва избежал плена. Его жена, бросив весь обоз, ушла в Ратцебург. Так, вопреки надеждам Лауэнбург был освобождён, то ли потому что слепая фортуна отвернулась от герцога Бернгарда, то ли потому что Бог пожелал сохранить за герцогом Генрихом некоторые оставшиеся по ту сторону Эльбы земли. Желая отомстить врагам, герцог искал помощи то у славян, то у датчан, но так и не получил её.

17. О ПОХОДЕ КОРОЛЯ ДАНИИ В ГОЛЬШТЕЙН И ПЛЕНЕНИИ ЕПИСКОПА ВАЛЬДЕМАРА

А король Дании Кнут, разгневанный действиями графа Адольфа, с сильным войском вторгся в его пределы, чтобы огнём и мечом разорить его землю. Ибо Вальдемар, епископ Шлезвига, сын короля Кнута, начал против этого короля борьбу за трон⁸⁵ и получил помощь у королей Норвегии и Швеции; с другой стороны ему помогали друзья императора – маркграф Отто, граф Адольф и Бернгард, граф Ратцебурга. Итак, в то время как Вальдемар двинул войско против Кнута, граф Адольф, перейдя с огромной армией реку Эйдер, опустошил всю землю короля до самого Шлезвига, но, получив там дурную весть, с большой добычей вернулся домой. Ибо некоторые из друзей коварно убедили Вальдемара вспомнить о родстве и прежней дружбе и примириться с королём, который вне всякого сомнения дружески его примет, да ещё и щедро одарит. Вняв такого рода советам, он познал превратность судьбы, ибо был не просто связан, но и закован в железные кандалы.

Из-за упомянутой выше смуты или, по мнению некоторых, ради оказания помощи герцогу Генриху король и вторгся в земли графа с вооружёнными людьми. А граф, хоть и с неравными силами, вышел ему навстречу. Ибо граф давно уже предчувствовал прибытие короля, а потому призвал себе на помощь маркграфа и набрал сильный отряд рыцарей. Однако король задержался, и маркграф вместе со многими другими удалился. Но тут внезапно прибыл король, и граф вышел ему навстречу. Понимая, что он не сможет оказать ему достойного сопротивления, граф, выслав посольство, просил короля о мире. В итоге, уплатив 1400 марок денариев, он снискал милость короля, и тот вернулся домой.

18. О СМЕРТИ АБСАЛОНА, АРХИЕПИСКОПА ЛУНДСКОГО

В те же дни из этой жизни ушёл господин Абсалон, архиепископ Лунда, благочестивый и мудрый муж величайшей рассудительности и выдающегося благородства⁸⁶. Благодаря его трудолюбию все церкви в Дании, ранее отличные друг от друга в отправлении богослужения, стали едины в этом плане. Над кафедральным престолом он велел установить распятие, чтобы входящие и уходящие большее уважение оказывали распятию, а не ему лично. Кроме того, делая щедрые пожертвования церквям и монастырям, он особенно старался обогатить и украсить драгоценными

коронами, а также огромными колоколами и, как теперь можно видеть, различными украшениями кафедральную церковь блаженного мученика Лаврентия в Лунде. И поскольку он, как было сказано, был большим любителем благочестия, то велел построить в Соре⁸⁷ монастырь монахов-цистерцианцев и наделить его многими богатствами; именно там он и лежал больной в последние дни своей жизни. Приведя в порядок дела своей церкви, он в день блаженного аббата Бенедикта окончил свои дни. Вся Дания немало скорбела по поводу его смерти. Поскольку он в своей жизни многих из тех, кто был в ссоре, побудил к миру, то и поручил свой дух Иисусу Христу, источнику всякого мира. Ему наследовал господин Андреас⁸⁸, канцлер королевского дворца, весьма начитанный и не менее милосердный муж. Со времени своей молодости он был предан наукам и украшен строгостью нравов. Будучи постоянно занят государственными делами, он соблюдал строгое воздержание. Он не уклонялся от этого, даже занятый делами в римской курии, так что все пятницы ничего не ел и показал, что несёт на себе Крест Господень. Приняв рукоположение, он не оставил этой строгости нравов и по-прежнему был смиренным, кротким, целомудренным и воздержанным. Этой своей ревностью он раздражал очень многих. Он также настолько упорствовал в учении, что в некоторых клириках и мирянах зажёл огонь божественной любви и, сам пылая божественным рвением, повсюду сеял искры слова Божьего. Всячески осуждая жадность, которая есть идолослужительница⁸⁹, он ничего не стремился захватить силой, но довольствовался своим и учил, что блаженнее давать, нежели принимать⁹⁰.

19. ПИСЬМО КАНЦЛЕРА КОНРАДА

Нам представляется нелишним привести здесь для наставления прочих письмо канцлера Конрада⁹¹, которое он написал нам о положении Апулии и о трудах, или искусстве, Вергилия.

«Конрад, Божьей милостью избранный епископ Хильдесхайма, посол императорского дворца и Сицилийского королевства, своему возлюбленному Хартберту⁹², приору Хильдесхаймской церкви, шлёт привет и искреннее расположение.

Поскольку могущественная десница Господня настолько расширила на лезвии меча власть нашего дражайшего государя Генриха, славнейшего римского императора, вечно августа и короля Сицилии, что то, о чём мы некогда, будучи у вас в школе, слышали ухом, воспринимая как бы сквозь тусклое стекло, ныне мы видим собственными глазами лицом к лицу⁹³ и потому считаем нелишним написать вам об этом, чтобы вы, удалив из вашего сердца всякое сомнение о том, что вам могло показаться вздорным и нелепым, увидели то, о чём прежде лишь слышали; мы намерены также пробудить в вас желание удостовериться и собственными глазами увидеть то, что прежде доходило до вас лишь через слух и потому казалось сомнительным. Пусть это не покажется вам слишком трудным, ибо вам не придётся покидать пределы империи и пересекать круг немецкого господства, чтобы увидеть то, на описание чего поэт потратил так много времени.

После того как мы совершили тяжёлый переход через альпийские снега, то сперва попали в «Мантую, которая слишком – увы! – близка к бедной Кремоне»⁹⁴. Ускоренным маршем пройдя через эти города, а также через «несчастья Модены»⁹⁵, мы не без удивления «очутились у волн мелководного Рубикона»⁹⁵. С удивлением глядя на его малую величину, мы изумились таланту того красноречивейшего поэта Лукана, который в столь величественном стиле поведал о столь ничтожном предмете. Мы были бы не менее удивлены также тому факту, что столь малый ручей, – ибо его трудно назвать рекой, – смог внушить такой страх такому великому полководцу, как Юлий Цезарь, или создать ему какие-то трудности при переходе, если бы не узнали из сообщений местных жителей, что этот Рубикон из-за дождей и горных потоков часто выходит из берегов подобно полноводной реке. Император без труда перешёл через него, чего не скажешь о Юлии. Миновав Пезавр, который ещё в древности был назван так из-за отвешивания золота, – ибо там взвешивали и выдавали золото, а именно солиды римским воинам, отправлявшимся для завоевания чужеземных народов, – мы прибыли к городу Фано, где уходившие воины молились у языческого святилища, следы которого имеются до сих пор, и давали богам обеты за своё благополучное возвращение, а на обратном пути, после победы над врагами, с величайшей благодарностью выполняли их. Затем, не без труда перевалив через гору Апеннин, мы добрались до Сульмона⁹⁶, родины Овидия, который более известен, как родина этого знаменитого поэта, нежели славен своим плодородием, ибо кроме студёной воды мы не нашли там никаких иных богатств. Поэтому и говорит Овидий: «Город родной мой Сульмон, водой студёной обильный»⁹⁷. Честно говоря, мы нашли в нём не меньшее количества льда и снега. В окрестностях Сульмона нам попались также удивительные деревья; говорят, что если кто-нибудь сорвёт с них ветку, то или в том же году умрёт, или не избежит приступа длительной и жесткой лихорадки. Говорят, – если только этому можно верить, – что в них милостью богов были превращены сёстры Фазтона после достойной слёз гибели их брата. Затем мы прошли мимо города Теате⁹⁸, где обитала Фетида, мать Ахиллеса, и оставили справа от себя город Нимфей, который из-за своих прекрасных источников считался обиталищем нимф и местом, где их почитали. Мы видели также Канны, где Ганнибал перебил столько тысяч знатных римлян⁹⁹, что перстни убитых наполнили два модия, а перстни в то время носили только знатные люди. Мы прошли через город Иовиан¹⁰⁰, который назван так по рождению Юпитера, ибо там родился Юпитер. Мы не хотим также умалчивать о том, что прошли мимо источника Пегаса, обиталища муз, из которого вы теперь, если вам будет угодно, сможете бесплатно пить и черпать, тогда как поэтам для того, чтобы испить из него, приходилось добираться туда лишь с большим трудом и усилиями. Так что теперь для того, чтобы испить из этого источника, не нужно отправляться за пределы сарматов или идти к далёким индам, ибо этот источник находится в нашей империи. Неподальёку отсюда нам встретилась гора Парнас, на которой после потопа Девкалион со своей женой, бросая камни, восстановил человеческий род¹⁰¹. Там же находится и гора Олимп, такой высоты, что почти в два раза превосходит прочие высокие горы. Там же мы про-

шли через Кайянус¹⁰², где находилась хижина Януса, из-за чего он и был назван Кайянусом, и через место, что зовётся «Головой Минервы»¹⁰³, потому что там почитали Минерву. Мы прошли также по скалистому берегу моря, что зовётся Палинуром¹⁰⁴, потому что там «нагой на чужом песке лежал Палинур»¹⁰⁵, до сих пор напоминая о гнусном поступке Энея, утопившего в чужих водах Палинура. Мы видели также великолепное творение Вергилия – Неаполь, в отношении которого нам по решению мойр пришлось сделать следующее: мы должны были по приказу императора разрушить стены этого города, которые основал и воздвиг этот знаменитый философ. Жителям этого города ничем не помогло его изображение, которое Вергилий посредством магического искусства заключил в стеклянный сосуд с очень узким горлышком, хотя они возлагали на его целостность большие надежды, веря, что пока этот сосуд цел, их город не сможет претерпеть никакого ущерба. Однако и этот сосуд, и сам город оказались в нашей власти, и мы разрушили его стены¹⁰⁶, хотя сосуд остался цел. Возможно, впрочем, городу повредило то обстоятельство, что сосуд был слегка надтреснут. В этом городе находится бронзовый конь¹⁰⁷, который с помощью магических заклинаний был изготовлен Вергилием таким образом, что пока он цел, ни один конь не может сломать себе позвоночник, хотя этой стране присущ тот недостаток, что до изготовления этого коня и в случае какого-либо его повреждения ни один конь не может провезти всадника в течение какого-либо времени, не сломав себе позвоночник. Там есть также чрезвычайно крепкие ворота, сделанные наподобие крепости и имеющие бронзовые створки, которые ныне держат императорские вассалы. Вергилий вложил в них бронзовую муху, и, пока она цела, ни одна муха не может проникнуть в город. В соседнем замке, в верхней части этого города, со всех сторон окружённой морем, покоятся кости самого Вергилия. Если они увидят свет, то небо потемнеет, море взволнуется до самых глубин, поднимутся высокие волны и разыграется страшная буря, что мы сами видели и испытали на себе.

По соседству расположены Байи, о которых упоминают авторы и где находятся бани Вергилия, помогающие от всех телесных недугов. Среди этих бань есть одна наиболее крупная и значительная, где находятся сильно пострадавшие от времени картины, на которых изображены различные телесные недуги. В каждой из бань имеются гипсовые скульптуры, показывающие, против какого недуга помогает данная баня. Есть там и дворец Сивиллы, состоящий из нескольких прекрасных строений. В нём находится баня, которая в наши дни зовётся баней Сивиллы. Есть там также дворец, из которого Парис похитил Елену. Мы прошли также мимо острова Хирос, на котором Фетида прятала своего сына Ахиллеса, когда опасалась угроз судьбы и коварства греков. С трудом пройдя через непроходимую Калабрию, мы, собираясь прибыть в Сицилию, не без сильного страха миновали Сциллу и Харибду, место, которое ни один здоровый телом человек не может пройти без содрогания.

Итак, в начале Сицилии мы увидели дом Дедала, построенный на вершине горы, в котором был заключён Минотавр, искупавший жизнью во мраке позор своей матери. Поэтому и место до сих пор зовётся Тавромением¹⁰⁸, то ли от имени

Минотавра, то ли означая в переводе «стены быка», от семени которого Пасифайя родила этого Минотавра. Фундамент и остатки стен этого дома оставили там, как мы видели, многочисленные следы. Тамошнее море зовётся Икарыйским¹⁰⁹, потому что Икар, сделав крылья, вопреки человеческой природе шагнул ввысь по воздушной тропе, но пренебрёг повелением отца и достойным сожаления образом окончил там свои дни. Затем мы подошли к горе Этне, в которой кузнец Юпитера Вулкан вместе со своими соневольтниками, гигантами, ковал Юпитеру молнии. В ней находится чудовищная печь, в которой горит ужасающее пламя, а вместо искр оттуда вылетают огромные камни, обожжённые подобно железному шлаку. Они до сих пор на расстоянии дня пути покрывают всю эту землю, так что вся эта провинция не пригодна для земледелия; более того, названные камни из-за своей многочисленности практически перекрывают туда доступ путника. Вот в каких углях нуждается этот суровый кузнец молний, в углях, которые не так-то легко раздуть даже сильным ветрам. На склоне названной Этны есть укрепленное и прелестное место, которому богиня Церера, заботясь о своём единственном чаде, не без слёз поручила единственную дочь – Прозерпину. Там же в земле зияет чудовищная пропасть, покрытая непроглядным мраком. В ней прятался Плутон, когда собирался похитить Прозерпину. Названная печь в Этне пылала вплоть до времён деви Агафьи. И вот, в то время, как она пылала сильнее обычного, так что покрыла всю землю и многие тысячи людей погибли от её нестерпимого жара, сарацины, видевшие множество чудес, которые Господь соизволил сотворить через блаженную Агафью, накрыли названное пламя покровом этой деви. И пламя, словно спасаясь от порыва ветра, спряталось в недрах земли и больше не показывалось в Сицилии. Однако этот огонь переместился в некую расположенную посреди моря скалу, где и в нынешние времена горит пламя и вырываются груды пепла. Поэтому и скала эта называется в народе Вулканом, ибо простые люди верят, что Вулкан, кузнец Юпитера, из Этны перешёл в эту скалу. Около этого места расположен город Сирагия¹¹⁰, о котором Вергилий говорит: «Первой соизволила петь стихом сиракузским эта муза»¹¹¹ и т. д. Возле этого города, на берегу моря находится источник Аретузы, который первым по порядку поведал обеспокоенной матери о похищении Прозерпины. По соседству с источником Аретузой протекает Алфей, который, беря начало в Аравии, протекает посреди моря до самой Сицилии, а там пытается смешаться с водами Аретузы, сохраняя прежнюю любовь и даже после своего превращения пытаясь смешаться с водами той, которую любил при жизни. Мы видели там термы, о которых часто упоминают авторы, видели Пелор, Пахин и Лилибей, три сицилийских мыса.

Мы видели там сарацин, которые одним плевком убивают ядовитых животных, и коротко расскажем, каким образом они получили этот дар. Апостол Павел, потерпев кораблекрушение, пристал к острову Капри, который в Деяниях апостолов называется Митиленой¹¹², и, спасшись вместе со многими другими, был радушно принят местными жителями. И вот, когда потерпевшие кораблекрушение собрали хворост и разожгли огонь, из хвороста, спасаясь от огня, выползла прятавшаяся там змея и ужалила Павла за руку. Местные жители, увидев это, сказали:

«Воистину, этот человек – грешник и преступник, недостойный жизни, если, после того как он едва спасся от смерти, Бог приговорил его к ещё более тяжкой смерти». Но Павел спокойно взмахнул рукой, и рука тут же выздоровела. Удивлённые этим сарацины стали очень уважать Павла. Поэтому заслугами Павла им, а также их детям и внукам вплоть до наших дней был в награду за их человечность в отношении гостя Павла пожалован дар: одним плевком убивать ядовитых животных. И, какое бы место они ни обошли кругом, туда более не вступает ни одна ядовитая тварь, не осмеливается заползть ни одна змея. Поэтому, когда у них рождается сын, они кладут его в лодку вместе со змеей и оставляют какое-то время качаться на волнах. А затем, если отец находит ребёнка невредимым, то признаёт его своим сыном и обнимает с отцовской любовью. Если же он находит его раненым, то тут же разрубает на куски и наказывает свою жену, как виновную в супружеской измене.

Нам вспомнилось также, что в Неаполе есть ворота, которые называются «Железными». Вергилий заключил в них всех змей этого края, которых там из-за многочисленных подземных строений было видимо-невидимо. Среди прочих тамошних ворот только эти внушали нам сильный страх, ибо мы боялись, как бы заключённые там змеи не выползли из своей тюрьмы и не повредили стране и местным жителям. В этом городе есть также мясной рынок, устроенный Вергилием таким образом, что мясо убитых животных сохраняется там свежим и не пропадает в течение шести недель; если же его вынести оттуда, оно быстро протухает и портится.

Прямо перед городом расположена гора Везувий, из которой обычно все десять лет пылает огонь, выбрасывая тучи пепла. Напротив неё Вергилий поставил бронзового человека, державшего натянутый лук с лежавшей на тетиве стрелой. Однажды какой-то крестьянин, удивляясь тому, что тот постоянно грозит своим луком, но никогда не стреляет, спустил тетиву. И вот спущенная стрела попала в устье горы, и из устья тут же вырвалось пламя; оно до сих пор временами вырывается наружу.

Перед этим городом находится остров, который в народе зовётся Искла¹¹³. Оттуда также постоянно вырывается огонь вместе с серным дымом, так что он постепенно разрушил лежавший неподалёку замок, да и саму скалу. Ныне там не осталось даже и следов этого замка. Там, как уверяют, находится вход в царство мёртвых и расположен ад. Именно там Эней якобы и спускался в преисподнюю. Возле этого места каждую субботу, около девятого часа видят чёрных и окутанных серным дымом птиц, которые отдыхают там весь воскресный день, а вечером с величайшей скорбью и криком улетают, чтобы никогда, – кроме следующей субботы, – уже не вернуться, и погружаются в кипящее озеро. Полагают, что это – пропадающие души демоны.

Есть там также гора Барбаро¹¹⁴, к которой мы вышли по мрачному подземному ходу, прорубленному в самой середине огромной горы, так что казалось, будто мы спускаемся в ад. В этой горе, в самой её середине, находятся большие дворцы и подземные здания, словно в крупном городе, а также текут реки с горячей водой. Некоторые из наших видели их и шли под землёй на протяжении двух миль. Там,

как уверяют, находятся сокровища семи королей, которые охраняют демоны, заключённые в бронзовых статуях, одна ужаснее другой. Так, одна статуя угрожает натянутым луком, другая – мечом, а третья – чем-либо ещё. Мы видели там это и многое другое, о чём не можем вспомнить более подробно».

20. О СВАДЬБЕ ГЕРЦОГА ГЕНРИХА И ВТОРОМ ПОХОДЕ ИМПЕРАТОРА В АПУЛИЮ

А герцог Генрих, всё ещё добиваясь у короля¹¹⁵ помощи, отправил к нему из Брауншвейга своего одноимённого сына, с просьбой не оставлять его до тех пор, пока он с его помощью не овладеет всей страной по ту сторону Эльбы. Однако король, хоть и подарил ему надежду, но чётких обязательств не дал. Да и эта надежда таяла с каждым днём, пока наконец ввиду занятости короля вообще не сошла на нет. Поэтому сын герцога, придя в отчаяние, удалился и пошёл другим путём, а именно: обратился к милости императора, отказавшись от восстановления отцовской чести. Происходя из знатного рода и отличаясь благородством, красивой наружностью, крепким телосложением и доброй славой, он женился на дочери пфальцграфа Рейнского¹¹⁶. Поскольку последний приходился императору дядей, император сильно разгневался на него за этот брак. А тот, заявляя, что всё произошло без его ведома, постарался смягчить душу императора хитрой лестью. И вот, поскольку император не мог расторгнуть законно заключённый брак, юноша при посредничестве своего тестя, пфальцграфа, добился-таки милости императора. Последний в это время как раз предпринял второй поход в Апулию, и так как во время этого предприятия сын герцога во всём поступал по его воле, то он не только заслужил милость императора, но и получил из его рук на правах лена все владения своего тестя. Тогда в Саксонии воссиял новый свет¹¹⁷, а именно: возникла радость мира, ибо с этого времени герцог стал настолько близок императору, что никогда более не выступал против него. Так, во всех частях моря и суши прекратились грабежи, воровство и разбой, и закручинились разбойники и убийцы, ибо пропал их гнусный промысел. Да благословенна будет эта свадьба, благословенна эта дама среди прочих женщин, и да благословен будет плод её чрева, ибо благодаря этому браку на землю вернулись мир и радость, долго запертые ворота городов и крепостей отворились, заставы ликвидированы, те, которые до сих пор были врагами, стали ходить друг к другу в гости, а купцы и земледельцы получили возможность свободно ходить из места в место. А старый герцог, занятый разными делами, а именно теми, что касались украшения дома Божьего и его собственного дворца в Брауншвейге, остаток своей жизни провёл в покое.

А император, отправившись в Апулию, преуспел на этом пути, ибо его противник Танкред умер¹¹⁸, и он, согласно своей воле, овладел всем королевством Вильгельма. Вступив во дворец, он нашёл там постели, кресла и столы из серебра, а также сосуды из чистейшего золота. Он нашёл там также спрятанные сокровища и весь блеск драгоценных камней и изумрудов, так что, навьючив 150 мулов золотом

и серебром, драгоценными камнями и шёлковыми одеждами, со славой вернулся в свою землю. Когда он достигнул Германии, вдогонку за ним спешно отправился гонец императрицы, которая осталась в Апулии, и сообщил, что найдены все сокровища короля Рожера. Дело в том, что у императрицы была одна старуха, которая состояла у Рожера в услужении. Она была одной из немногих, кто знал, где скрыты сокровища короля, – они были спрятаны в очень старой стене, которая была самым тщательным образом покрыта известью и расписана сверху фресками, так что казалась всем совершенно нетронутой. Итак, когда императору стало известно о выданном ею сокровище, он поручил передать императрице следующее: «Делай с этими сокровищами всё, что хочешь. Но знай, что я в настоящее время в Апулию не вернусь». Император был чрезвычайно щедр. Бог, желая увеличить его состояние, дал ему спрятанные сокровища, и он неустанно, но с толком раздавал их всем людям, причём как лучшим и благородным, так и рыцарям и простонародью. Не менее усердно заботился он и о бедняках, и во всём вёл себя не только мудро, но и благочестиво.

21. О ВОЗВРАЩЕНИИ ГАРТВИГА БРЕМЕНСКОГО НА ЕГО ПРЕСТОЛ

В это же время господин Гартвиг, архиепископ Бременский, изгнанный бременцами, вновь вернулся на свой престол с согласия духовенства и при содействии некоторых министерялов. Ибо по указанным выше причинам против этого епископа много интриговали как в римской курии, так и при дворе императора, пытаясь лишить его должности и ленов. Когда же враги поняли, что ничего не добьются, потому что господин папа Целестин лично поддержал его, смута улеглась и Гартвиг примирился со своей церковью. В своё время против него поднялось такое недовольство, что вся церковь с согласия императора сошлась на кандидатуре господина Вальдемара, епископа Шлезвига. Бременцы с такой готовностью согласились с его избранием, что от его имени решали многие дела и даже на монетах изображали его портрет и подпись. Однако из-за этого избрания Вальдемар стал весьма подозрителен королю Кнуту и его друзьям. Находясь в напряжённых отношениях с императором, Кнут решил, что епископ стремится стать имперским архиепископом исключительно из вражды к нему. Поскольку всякое разделённое в себе царство пустеет¹¹⁹, то и королевство Вальдемара не смогло устоять, ибо он не хотел жить с королём в мире. Тем не менее горожане неохотно приняли господина Гартвига, ибо он, как говорили, возвращён отнюдь не императором, которого оскорбил. Поэтому они отказали ему в городских доходах, которые император передал в их руки. Однако тот заявил, что вернулся не по собственному почину, а именно по воле императора, и полностью возвратил себе его милость. В доказательство своих слов он привлёк в посредники господина Адольфа¹²⁰, архиепископа Кёльнского, который, держа его сторону, письменно и через послов заявил, что так оно и есть. Но горожане, которые имели поручение цезаря, утверждали, что это нельзя изменить без подлинных писем и специальных послов императора.

22. ОБ ОТЛУЧЕНИИ, СДЕЛАННОМ АРХИЕПИСКОПОМ ИЗ-ЗА УКАЗАННЫХ ДОХОДОВ

Итак, граф Адольф, услышав о возвращении господина Гартвига, пришёл в Бремен и, поздравив его с прибытием, пожелал узнать, действительно ли он вернулся по воле императора или как-либо иначе. Ибо, когда Гартвиг находился в изгнании, он всеми способами добивался у императора и у самой Бременской церкви возвращения ему прежнего статуса. Поэтому он тем более радовался ныне и ввиду счастливого поворота событий ожидал от архиепископа благодарности. Итак, когда он пришёл в Бремен и выслушал обе стороны, то ему пришлось не по нраву, что тот «вошёл не через дверь»¹²¹. Поэтому как им, так и горожанами и другими друзьями господина императора было решено, что если господин архиепископ захочет принять в городе какое-либо решение только по церковным делам, то его следует терпеть один или от силы два дня. Однако доходами, которые находились под запретом, он пользоваться не должен, пока они не сообщат обо всём этом цезарю и не узнают его волю.

Это решение пришлось сильно не по нраву господину Гартвику и его людям, ибо он рассчитывал на то, что сможет свободно распоряжаться епископскими доходами. Он начал жестоко укорять графа Адольфа, который по поручению императора держал не только Штаденское графство, но и большую часть остальных владений епископа, и назвал графа грабителем церкви. А Адольф, видя, что подвергся незаконному церковному взысканию, обратился с апелляцией к апостольскому престолу. Затем господин архиепископ, созвав церковный собор, просил дать совет – что ему следует делать в подобных обстоятельствах. И вот, получив ответ, он отлучил от церкви всех своих противников и запретил богослужение не только в столице своего прихода, но и во всём своём диоцезе, чем не только обременил церковь, но и вызвал против себя ещё больший гнев своих противников. Но, поскольку сыны века сего догадливей сынов света в своём роде¹²², те попытались поразить этого Гартвига собственным приговором. Ибо Адольф, придя в Бремен в отсутствие архиепископа, после соответствующим образом сделанной апелляции заявил, что отлучён от церкви незаконно и что он не откажется от церковных доходов, которыми, пока он был в крестовом походе, господин император запретил пользоваться и которые после его возвращения передал ему в руки, если только господин император не изменит это своей властью. Он заявил также, что заслужил скорее милость, нежели гнев, ибо всегда был верным и преданным сыном не только господина архиепископа, но и всей церкви, и что именно благодаря ему святой Пётр вернул себе не только Штаде, но и дитмарсов, которые перешли к Датскому королевству¹²³.

В ходе этих раздоров позиции церкви были сильно ослаблены, особенно же из-за действия лстецов, желавших угодить и тем и другим. Ибо те, кто стоял на стороне графа, говорили, что это отлучение не имеет силы из-за своевременно сделанной апелляции. А те, которые были на стороне архиепископа, ничего не могли

на это возразить и потому говорили, что граф отлучён по другим причинам. Но тот утверждал, что отлучён исключительно по указанным в апелляции основаниям. Итак, когда город Бремен долгое время страдал от этой напасти и смрад от трупов, которые лежали на кладбищах без погребения, стал сильно вредить людям, приговор наконец был смягчён. В кафедральной церкви должно было состояться богослужение, и там должен был собраться весь город; но граф вместе с городским фогтом и некоторыми видными горожанами, которые собирали указанные доходы, должны были остаться под отлучением, и никто не мог служить мессу в их присутствии. Это, конечно, не могло остаться без конфликта. Ибо те, упорствуя в своём мнении, отказывались признавать себя отлучёнными, так что люди графа вступали с ним в общение не только в Гамбурге, но и во всех приходах и крепостях. А другие в Бремене, удерживая народ в церкви на рынке, ибо их карман был пуст, служили мессу прямо на виду у архиепископа и каноников, «и было новое их заблуждение хуже прежнего»¹²⁴. Что мне сказать об этих канониках? Они были изгнаны из собственных домов и могли жить разве что в церквях и хозяйственных постройках, ибо люди говорили им: «Вы против императора и хотите сдать город, а потому мы не потерпим вас в этом городе». Всё это произошло из-за отсутствия императора, который тогда был в Апулии. Когда же он вернулся, то господин архиепископ за 600 марок заслужил его милость, а граф получил графство Штаденское в лен вместе с третьей частью доходов. И отлучение было полностью снято.

23. О ПЕРЕНЕСЕНИИ БЕРНВАРДА, ЕПИСКОПА ХИЛЬДЕСХАЙМА

В эти же дни господин Дитрих, аббат блаженного архангела Михаила в Хильдесхайме, отправился в Рим к могилам святых апостолов Петра и Павла. С величайшим благоговением почтив их память, он обратился к ним со смиреннейшей просьбой, чтобы через их наместника, господина папу Целестина, и властью святой римской церкви Бернвард¹²⁵, некогда епископ Хильдесхайма, сперва основатель, а затем заступник перед Богом монастыря блаженного архангела Михаила, был причислен к лику святых. Поскольку о святости этого уже давно лежавшего в могиле мужа свидетельствуют изгнанные бесы, прозревшие слепые и исцелённые паралитики, то вся церковь должна оказать уважение его святому телу и почитать его, подняв его из праха. Идя навстречу его благоговению, то есть его справедливой просьбе, святая римская церковь, дающая благочестивое согласие на все разумные просьбы, как ввиду благоговейной просьбе аббата, так и благодаря вмешательству господина кардинала Цинтия, велела канонизировать этого епископа и, подняв из могилы его тело, почитать его среди мощей прочих святых. Было заявлено, что церковь должна высоко чтить его и не сомневаться в том, что его заслуги защищают её перед Богом. Дело в том, что этот кардинал, направленный по каким-то срочным делам в Данию, окончив свою миссию, завернул на обратном пути в указанную церковь блаженного архангела Михаила. Он встретил там самое человеческое отношение со стороны упомянутого аббата и местной братии и скоро узнал

об их страстном желании произвести перенесение тела святого. Так, при его совете и поддержке те и добились исполнения своего давнего желания. Итак, поскольку кардинал усердно хлопотал перед господином папой за этого аббата и его церковь, тот не только добился желанного им решения о перенесении владыки, но и был удостоен господином папой особой чести. Так, он получил от папы митру и епископский перстень, которые должен был носить в особо торжественных случаях, и добился особой привилегии для своей церкви, согласно которой та получала всё, чего он хотел. Награждённый таким образом аббат, получив письмо о перенесении упомянутого святого, после многих тягот в пути наконец с радостью вернулся домой. Итак, придя к господину епископу Берно и всему капитулу, он представил им письмо господина папы. Когда письмо было зачитано, все одобрили его содержание; аббат также встретил всеобщее одобрение не только за открытие такого богатства, но и за свою преданность, и за прославление города Пресвятой Матери Божьей Марии. Итак, когда было собрано церковное собрание, они обсудили процесс перенесения мощей и назначили для этого мероприятия определённый день. Однако завистник всех добрых дел, не желая во усугубление своей вины пройти мимо этого дела, попытался им помешать. Так, сначала господин епископ вместе с наиболее влиятельными из братьев решил поутру открыть склеп и, упреждая стечение народа, бережно собрать святые останки и без задержки пройти во время процессии. Однако затем он изменил своё намерение и ещё до рассвета вместе с аббатом и несколькими монахами тайно спустился в склеп, открыл гроб, собрал чудотворные кости в чистую тряпицу и, оставив их под охраной, вернулся к себе. А утром, когда стало известно о случившемся, братья главного капитула, возмущённые этим, сказали: «Нам нет дела до этих останков, ибо их подменили в ночной тишине костями мертвецов». И говорили они друг другу: «Кто даст нам гарантию, что вместо подлинных мощей мы не получим голову, лопатку или голень какого-нибудь злодея или обычного грешника? Нам нет дела до этого торжества, а потому вернёмся по домам». А епископу они сказали: «Поскольку ты не дал нам участвовать в этом деле, то нас не будет и на сегодняшней церемонии». Из-за такого рода пререканий перенесение было отложено, и народ, который прибыл издалека, томился в ожидании, так что одни, отчаявшись, ушли, а другие, полные раздражения, остались. Эта прелюдия, как мне кажется, возникла по следующей причине. Некогда в этом монастыре жило несколько простоватых братьев. Так вот, зная о добродетелях блаженного владыки, которыми тот славился как при жизни, так и после смерти, они испытывали большое уважение к его памяти, а потому решили перенести его самым достойным образом и облечь его мощи в золото и топазы. Проведя совещание с церковными стражами, они тайно открыли гробницу, вынесли мощи и, поместив их у себя в кельях, стали почитать, служа над ними мессы и совершая песнопения и молитвы. Когда о подобном почитании стало известно очень многим, это вызвало сильное недовольство, ибо монахи сочли это отнюдь не благоговением, но величайшей дерзостью. Те, которые почитали мощи, испугались и, желая скрыть свой поступок, тайно и самым тщательным образом вновь захоронили то сокровище, которым в тайне владели. Зная это, монахи боялись торжест-

венно приближаться к останкам, решив сделать это только вместе с епископом. А тот, не зная об этом, по простоте сделал то, что сделал, желая оградить от давки тех, кто будет осуществлять перенесение. Подобным ухищрением, как было сказано, отец всякого коварства едва не сорвал перенесение святых останков, – несколько дней назад он устами одного одержимого уже похвалялся это сделать. Однако благодаря посредничеству благочестивых людей, которых собралось там огромное количество, согласие, мать добродетелей, наконец восторжествовало в своих чадах, ибо епископ под присягой заверил, что всё это сделал исключительно ради спокойствия церкви, а монахи поклялись, что вынесли подлинные мощи. Итак, когда было вынесено сокровище блаженного тела, поднялось всеобщее ликование и раздалось пение людей, которые наперебой преподносили дары и умоляли о покровительстве столь видного заступника. Мощи епископа были доставлены в святую церковь Пресвятой Девы Марии, в которой этот святой во времена своего епископства превозносил эту царицу славы божественными песнопениями. И, поскольку он славил её, как подобало, она возвеличила его в этой церкви Божьей. Итак, после того как была воздана похвала Богу, голову и правую руку епископа со славой положили в скринии этой церкви, – причём голова была с удивительным мастерством украшена драгоценными камнями и золотом, – а остальное тело доставили в церковь блаженного архангела Михаила. Это перенесение, – оно не обошлось без чудесных знамений, – было проведено епископом Берно в 6-й год его пребывания в должности, в 1194 году от воплощения Слова, в 4-й год понтификата римского папы Целестина, в 7-й год правления благочестивого императора Генриха, считая со дня смерти его отца, который со славой погиб во время похода в Иерусалим, и в 4-й год его императорской власти, то есть через 188 лет¹²⁶ после погребения упомянутого святого. Всеми народами славится и превозносится имя Господа нашего Иисуса Христа, который пожелал таким образом возвыситься в своих святых в наши времена. Да пребудут без конца и края Его царство и власть во веки веков. Аминь.

24. О СМЕРТИ ЕПИСКОПА БЕРНО И ГЕРЦОГА ГЕНРИХА

В эти же дни умер господин Берно, епископ Шверина, первым из епископов носивший этот титул¹²⁷. Ибо это теперь его приход зовётся Шверинским, а раньше, во времена Оттонов, его называли Магнопольским. Из Магнополя престол был перенесён из-за страха перед славянами, от которых этот епископ часто терпел оскорбления. Он был поставлен над ними герцогом Генрихом и был у них первым учителем веры в наши времена. Он получал от славян удары и оплеухи, так что часто терпел насмешки и был вынужден даже приносить жертвы демонам. Однако, окрепнув с помощью Христовой, он искоренил идолопоклонство, вырубил священные рощи и вместо Гутдракко велел почитать епископа Годехарда. Поэтому он в доброй кончине окончил свой жизненный путь, будучи угоден верующим. После его смерти в сан владыки был возведён господин Брунвард¹²⁸, декан этой церкви.

Около этих дней в Брауншвейге скончался знаменитый герцог Генрих¹²⁹ и за всем трудом его, которым трудился он под солнцем¹³⁰, как и у Соломона, не последовало ничего, кроме памятного погребения рядом с его супругой, госпожой Матильдой, в церкви блаженного епископа и мученика Власия. Ибо, как свидетельствует Соломон, одна участь постигает всех; один конец у мудрости и у глупости, и мудрый умирает наравне с глупым¹³¹. Во всём и над всем будет благословен всемогущий Бог, и, доколе пребывает солнце, будет передаваться имя Его¹³².

О достохвальный князь, ты, радуясь, уже поднялся на небо!
Ты был почитателем мира, а ныне царь царей,
Который один правит в вечности, даровал тебе истинное богатство.
Доблесть твоя и благочестие сияют повсюду,
А равно благородство нравов и цвет красоты.
Ради почитания Христа ты укротил славян,
Которые благодаря наставникам презирают ныне ярость Сатаны
И стремятся обращать своё лицо к почитанию Бога.
Ты основал множество церквей.
Нет такого народа, который не восхищался бы тобою,
Вспоминая сделанное тобою добро. Тебя знает даже далёкая Туле¹³³
И дарит тебе своё добро. Тебя превозносит Греция;
Иерусалим, видя все твои благочестивые обеты,
Почитает тебя вместе со своим королём и патриархом.
Правда, помимо этих достоинств не было недостатка и в угрюмой зависти,
Но за мирские невзгоды ты получил награду на том свете.
Так пусть же богатая награда достанется тебе и твоей супруге,
Которая столь усердно служила Христу.
Пусть благословение Всевышнего не покидает твоих потомков,
И пусть по воле Христовой правят те, кого ты родил!

25. О ВТОРОМ ПОХОДЕ

При всём этом гнев Его не отвратился, и рука Его ещё была простёрта¹³⁴. Ибо из-за наших грехов, которые ежедневно возрастали и переросли уже самих нас, ещё не пришло время миловать. Так что Сион до сих пор был в плену и попирался ногами язычников. Но ты, Господи, восстанешь и помилуешь Сион! О если бы наконец настало время, когда ты его помилуешь! Тем не менее следует полагаться на твоё милосердие, о благочестивейший отец, на то, что скоро придёт время миловать. Ведь сколько сынов твоих, Господи, приняло преданное участие в первом походе ради освобождения Сиона, сколько славных и великих королей и князей претерпели смерть и изгнание ради тебя! И пусть не все упорствовали с равной преданностью, ты всё-таки нашёл в твоих, которых избрал, угодную тебе жертву. Что мне сказать о ряде славных епископов? Они со всей преданностью участвовали

в этом походе и, став примером для многих, воодушевляли их как проповедью, так и делами. Также священники посредством своих служб и увещаний приносили Господу спасительную жертву и вместе с большим количеством каноников сильно укрепляли народ Божий. Да будет угодна тебе, о Христос, преданность твоей невесты, святой церкви, да будут угодны тебе твои верующие, в которых, – хоть их труды и не исполнились, – ты всё-таки нашёл веру в Израиле. Ибо мы не знаем иного Бога, кроме тебя, Господи, и уповаем на тебя, ибо хотя ты порой справедливо гневаешься на нас, но по сути своей ты скорее склонен к добру, и даже в гневе не оставляешь твоего милосердия. Так соберитесь же воедино, дети земли и сыны человеческие, богатые и бедные, и угодите Господу! Возьмите оружие Божье, то есть знак победоноснейшего Креста, для одоления Его врагов, как видимых, так и невидимых! Услыште призыв певца псалмов: «Если сегодня услышите глас Господа, не ожесточайте сердца ваши»¹³⁵. Этот глас, как мы надеемся, услышал прежде император Генрих. И, хоть фактически он так и не успел принять крест, мы не сомневаемся, что он, движимый милосердием, принял его духовно. Ибо, также как отец его организовал первый крестовый поход, так он ревностно предпринял второй. Получив на хофтаге в Страсбурге письма господина папы Целестина, переданные ему кардиналом Григорием, он со всей преданностью заявил, что отправится в крестовый поход. Он также отправил достойных послов в Апулию к господину канцлеру Конраду, который тогда занимался там делами императора, велел ему со всей энергией приготовить для похода, который должен был состояться в следующем году, всё необходимое, а именно: золото, хлеб, вино и многочисленный флот. Воспылав тем же рвением, знак Господних страданий во искупление своих грехов приняли в это время очень многие магнаты и рыцари, а именно, Генрих, пфальцграф Рейнский, Отто, маркграф Бранденбурга, – который, впрочем, так и не отправился в поход, получив специальное разрешение от господина папы, – Генрих¹³⁶, герцог Брабанта, Герман, ландграф Тюрингии, Вальрам¹³⁷, граф Лимбурга, Адольф, граф Шауэнбурга, а также герцог Австрии¹³⁸, Гартвиг, архиепископ Бременский, Рудольф¹³⁹, епископ Вердена, и многие другие. Многие, получив от упомянутого кардинала увещательные письма господина папы, распространили их по городам и многочисленным приходам. Так что некоторые люди, прочитав эти письма, тут же воспылали желанием защитить Святую землю и также приняли победный знак Господних страданий. В том числе в Любеке из зажиточных горожан крест приняло около 400 мужей. Итак, пылая ревностью христианского благоговения, все они как один, богатые и бедные, решили отправиться в поход будущим летом. Сам император поспешил в Апулию¹⁴⁰, чтобы лично организовать этот поход, с тем большим рвением, чем более он хотел быть готовым к моменту прибытия остальных пилигримов. Но Левиафан, чьи жилы на бёдрах переплетены¹⁴¹, попытался этому помешать. В результате там началась страшная война¹⁴². Дело в том, что супруга императора разошлась с ним во мнении, и знать этой страны составила против него крупный заговор, в котором приняли участие также родственники императрицы. Мы не можем рассказать обо всём этом подробно, ибо преследуем иные цели, а потому оставим это другим историкам.

26. О ПУТИ ПИЛИГРИМОВ

Итак, когда настало время, когда короли обычно отправляются на войну¹⁴³, святой народ, то есть народ христиан, королевский род и высшие священнослужители смиренно отправились в крестовый поход, или странствие, против легиона Сатаны, одни, передвигаясь по морю, а другие – по суше. Тем, которые шли по морю, благодаря Божьей милости дул попутный ветер, а те, которые двигались по суше, успешно шли по царскому пути. Придя в Италию, в область Беневента, они встретили со стороны жителей этого края некоторое расположение, ибо те продавали им продовольствие и щедро оказывали прочие услуги, но втайне не переставали им вредить. А некоторые оскорбляли их прямо в лицо, говоря: «Тот путь, которым вы идёте, полон суеверий и ненавистен Богу, ибо вы только с виду кажетесь пилигримами и ревнителями благочестия, а по сути являетесь хищными волками. Ведь вы сражаетесь не ради небесного императора, но ради земного, и вместе с ним хотите ограбить всю Апулию и Сицилию». И воины Христовы не знали теперь, что им делать – то ли продолжать путь, то ли вернуться назад. Ибо от таких слов сердца многих растаяли, как тает воск от огня¹⁴⁴. Они боялись измены и опасались лишиться жизни и имущества, если пойдут дальше. «Но хитрость искусителя не смогла помешать им». Ибо Господь не оставляет своих, но укрепляет их твёрдость в их намерении. В это же время в Апулии, как было сказано, находился император, удержанный там различными неприятностями и битвами. Ибо ему стало известно о предательстве императрицы и прочей знати этой страны. Поэтому, расходуя на содержание войска груды золота, он привлекал к себе всякого храброго и крепкого мужа. И вышло, что он схватил-таки всех своих противников и учинил над ними достойную расправу. Так, тому, кого они выдвинули королём вместо него¹⁴⁵, он надел на голову корону и прибил её к его голове острейшими гвоздями. Других же он велел или повесить, или сжечь, или подвергнуть каким-либо иным карам. После этого он созвал в Палермо, королевской столице, генеральный хoftаг и, войдя в собрание, обратился ко всем с такой речью: «Мы знаем, что всем вам было известно о направленной против нас нечестивой измене. Но поскольку мы с Божьей помощью схватили, одолели и наказали, как виновных в оскорблении величества, главарей этого безумия, обманувших нашу милость, то наша императорская кротость побуждает нас ограничиться этим и никому более не мстить. Итак, мы искренне прощаем за участие в этом гнусном заговоре всё королевство, прощаем тот факт, что вы избрали вместо нас другого короля и покушались на нашу жизнь. Так будьте же впредь сынами мира, и Бог мира да пребудет с вами». Подобными речами он снискал искреннее расположение этого королевства, так что с тех пор эта страна успокоилась. Однако он тяжело заболел, и эта болезнь терзала его до самой смерти.

Между тем приблизилось войско пилигримов, и граф Адольф прибыл, чтобы приветствовать императора с наиболее влиятельными из вельмож. А тот, сильно радуясь их приходу, весьма торжественно их принял и оказал самое человеческое отношение. Как раз в это время флот пилигримов, который Господь сохранил

невредимым во время очень трудного пути по бескрайнему морю, подгоняемый попутным ветром, в составе 44 кораблей радостно прибыл в Мессину, город на Сицилии. Их приход доставил несказанную радость как императору, так и всем немцам, которые съехались туда ради предстоящей войны. А император собрал для наказания своих врагов огромное войско из Швабии, Баварии, Франконии и других народов в составе примерно 60 000 человек. Все лучшие среди них, в том числе все люди императора¹⁴⁶ вместе с господином канцлером Конрадом, приняли самое деятельное участие в этом походе. Поскольку император уже давно находился в Апулии, то он лучше всех подготовился к этому походу. Так, помимо обычной утвари и огромных богатств, которые он впоследствии щедро раздал, только золотые и серебряные сосуды, в которых ему каждый день подавали на стол еду и питьё, стоили до 1000 марок. Сам канцлер, назначенный в этом походе священником и епископом¹⁴⁷, отправился в путь в радостном настроении, неся с собой огромные богатства, предназначенные императором для воинов, которые будут мужественно сражаться в битвах за Господа. Итак, отправившись из города Мессины около дня св. Эгидия¹⁴⁸, они с величайшим спокойствием, и не потеряв ни одного корабля, в день св. Маврикия¹⁴⁹ прибыли в гавань Акко. Правда, перед этим канцлер вместе с графом Адольфом и другими друзьями заехал на Кипр, чтобы короновать короля¹⁵⁰ этого острова короной, которую ему послал господин император. Дело в том, что этот король, находясь прежде под властью константинопольского императора, страстно просил славнейшего римского августа короновать его для увеличения своей славы. Итак, с блеском придя туда, Конрад с блеском был принят и, встретив самое доброе отношение, исполнил то дело, ради которого и прибыл. Затем, после того как его, а также всех его людей одарили ценнейшими подарками, как то и подобало королевскому величию, он благополучно прибыл в Акко.

Ещё находясь на Кипре, он был поражён печальной вестью о смерти Генриха¹⁵¹, графа Шампани и короля Иерусалима, который за несколько дней до этого скончался внезапной и неожиданной смертью. Ибо сарацины, сделав набег, осадили город Яффу. А названный король, услышав об этом, тут же схватился за оружие, чтобы оказать городу помощь. Христиане же, полагаясь на свою храбрость больше, чем на Господа, открыли ворота и начали рубить врагов. Но те, оказав яростное сопротивление, обратили их в бегство. Когда же христиане хотели укрыться в городе, те, которые оставались внутри, боясь вражеского вторжения, закрыли створки ворот, чем обрекли своих братьев на страшную резню. Когда те были убиты, сарацины, атаковав город, взяли его и всех немцев, которые были внутри, перебили. Так вышло, что и внутри, и снаружи погибли одни только немцы. Это, как говорят, произошло из-за измены бывших там итальянцев и англичан. Впрочем, Бог по заслугам наказал их, ибо эти грешники, хоть и сохранили свои жизни, но были лишены владений и собственности, а немцы считались в своей смерти победителями. Король, видя, что уже ничем не может помочь этим людям, вернулся в Акко, вошёл в свой дворец и, в то время как в одиночестве стоял у окна, наслаждаясь свежим воздухом, вдруг упал и, сломав шею, испустил дух. Говорят, что он был наказан Богом за то, что не был рад прибытию немцев и не хотел, чтобы они

освободили Святую землю, если бы так было угодно Богу. Итак, прибыв в это самое время в Акко, пилигримы, услышав о гибели братьев, взялись за оружие, рассчитывая, что им при посредничестве Христа, возможно, удастся разбить врагов и отобрать добычу. Но те, разрушив город, вернулись домой с пленниками и богатой добычей, так что наши ни с чем возвратились в Акко.

27. ОБ УСПЕХАХ ПИЛИГРИМОВ

Итак, когда флот и прибывшие сыны Божьи собрались воедино, возникла немалая радость по поводу соединения и благоговения такой великой церкви, собравшейся там во Христе. Ибо услышал Сион и возрадовался, и возликовали сыны Иуды¹⁵². Но не земной Сион, который до сих пор находился в плену у несчастной дочери Вавилона, а жители Акко и Тира, которые прежде не были народом Божиим, а теперь стали сонаследниками Христа и сынами Божиими. В гимнах и молитвах они благословляли Господа, умоляя Его внять их благоговению и достойно отмстить врагам Креста. Враги же, напротив, были поражены немалым страхом, боясь, как бы не последовало их изгнание и освобождение Святой земли. Поэтому, услышав о приходе наших, они покинули многие укрепленные места, которые населяли прежде, уверенные в своей безопасности, и перешли в более укрепленные селения. Итак, когда войско, как было сказано, соединилось, они все разом направились к Тиру. Там, сделав смотр своим силам и оружию, они направили полки против Сидона. Всадники отправились по суше, а остальные – по морю. Итак, придя в Сидон, они застали его лишенным жителей и имущества. Там можно было видеть дома из камня и кедра, имевшие различные украшения, которые были со славы заселены, а теперь лежали в руинах. Сколько было там тех, которые стояла для коней делали из кедра и употребляли его в пищу? Итак, разрушив Сидон, они направились к сидонской Сарепте¹⁵³. Поступив с ней точно также, они прибыли к Фонту Орторуму, а затем обратили лицо к Бериту. Местные жители оставили этот город, но в примыкавшей к городу великолепной крепости разместили храбрейших мужей и свезли туда множество продовольствия и оружия. Итак, увидев, что против них прибыло сухопутное войско, – флот ещё не был виден, – защитники замка, отворив ворота, все как один высыпали против него. Заметив это, наши, призвав помощь с неба, храбро бросились на врагов. И вот произошла битва, в которой счастье было то на одной стороне, то на другой. А граф Адольф вместе с одним благородным мужем, Бернгардом фон Хорстмаром, тайно укрылся в засаде, ожидая исхода событий. И вот он увидел, как вдали показался правитель¹⁵⁴ этого замка на горячем коне, из тех, что называют «декстрарии», и стал хвастливо грозиться перебить очень многих. Итак, улучив подходящий момент, когда враг подобрался поближе, граф внезапно выскочил из засады, бросился на него и поверг на землю и коня, и всадника. А тот, упав, едва не лишился чувств и, оглушённый внезапным падением, озираясь в поисках помощи, но не находил её. Наконец придя в себя, он попытался собраться с силами и подняться, но вновь был повален

на землю ногами своего коня. В третий раз вышло так: собравшись с силами, он попытался руками сдержать своего коня. Но и в третий раз он упал, причём кольчуга его обнажилась в районе пупа, так что стоявший рядом враг тут же пронзил его своим копьем, – второго удара не потребовалось. Между тем среди врагов поднялось смятение, и они бросились на помощь своему вождю. Но в то время, когда граф со своими людьми оказывал им мужественное сопротивление, в плен были взяты два знатных противника, после чего остальные оставили их в покое¹⁵⁵. Граф Адольф, которому Господь оказал помощь и который сам едва избежал опасности, очень прославился после этого случая. Пока всё это происходило таким образом, флот, подгоняемый попутным ветром, благополучно прибыл в оставленный город, в котором оставались только пленные христиане. Увидев четырёхугольные паруса, те поняли, что это – христианское войско. Один из них, подойдя к башне, которая была выше и прочнее остальных, тайно открыл ворота каким-то приспособлением, а затем лёгкими шагами, и затаив дыхание, поднялся наверх, где застал тюремных стражей спящими. Напав на них, он убил стражей, так что их крепкий сон превратился в смертный. Схватив знамя, он, как мог, знаками призвал моряков занять город. Увидев в этом перст Божий, наши тут же высадились и заняли берег. А канцлер, который был вместе с ними, как можно быстрее захватил названный замок. Враги, уstraшённые дурным знаком, – ибо после гибели предводителя и падения башни рухнули все их надежды, и храбрость покинула их, – разбежались по пустынным и непроходимым местам, полагая, что ничто уже не спасёт их, кроме гор, пещер и каменных россыпей. А слуги Христовы радостно вступили в город и замок. Они нашли там вино, пшеницу и прочие продукты питания в таком изобилии, что всего этого могло хватить местным жителям на три года. А дротиков, пращей и луков там было столько, что ими можно было нагрузить два больших корабля. Ибо Берит был крупнейшим и наиболее укрепленным городом этого края. Поскольку он располагал отличной морской гаванью, то являлся для всех входом и выходом, и ни один корабль или галера не могли пройти мимо, не зайдя в его гавань добровольно или по принуждению. Потому и вышло, что со дня падения Сирии¹⁵⁶ и до этого времени Саладин вывел из этой крепости 19 000 пленных христиан. Этот город имеет также то преимущество, что там коронуются все цари этой страны. Поэтому и Саладин, когда захватил его, короновался там и был провозглашён царём Иерусалима, или Вавилона.

Когда войско находилось там и восстанавливало стены разрушенного города, до него дошла грустная весть о смерти императора¹⁵⁷. Она сильно опечалила народ Божий. Руки храбрых мужей опустились, ибо, как то обычно бывает в подобных обстоятельствах, один боялся потерять свою должность, другой – лен, третий – наследство, так что об этом были мысли почти всех. Одному приходило в голову, что если бы он был дома, то ему непременно досталась бы императорская корона. Другой боялся враждебного ему правительства, и чем большим было расстройство, тем сильнее он надеялся на войну, а не на мирное разрешение конфликта, чтобы, примкнув к той или иной партии, любым способом обеспечить свою выгоду. Но посреди этих шатаний не было недостатка и в здравом смысле, который рассеял зачатки

нечестия и укрепил пилигримов в их начинании. Ибо князья, проведя совещание, постановили, что все присутствовавшие там первые лица королевства должны принести клятву верности сыну императора. В результате волнение улеглось.

Там же состоялось и ещё одно собрание – по поводу того, кто станет следующим королём Иерусалима, ибо прежний король, как было сказано, скончался. Наиболее подходящим для этого все сочли короля Тира¹⁵⁸. Будучи призван, он с достоинством пришёл к ним и, женившись на королеве-вдове¹⁵⁹, был провозглашён всеми королём Иерусалимским. Во всём этом активное участие принял князь Антиохии¹⁶⁰, который прибыл туда с большим войском из своих земель и, одержав ряд успехов, собирался уже вернуться домой. Желая заранее сообщить своим людям о том, что было сделано, он послал к ним голубя.

Здесь я отнюдь не ради смеха хочу добавить кое-что об обычае, забавным образом заимствованном у язычников, которые, будучи умнее в этом поколении сынов света¹⁶¹, выдумывают много такого, чего наши не знают, если только случайно не научатся этому от них. Так, уходя по какому-либо делу, они обычно берут с собой голубей, чьи яйца или недавно вылупившихся птенцов держат дома, и если вдруг захотят в пути спешно послать ту или иную весть, то просто привязывают письмо под грудку голубя и выпускают его. А тот спешно летит к своим и быстро приносит друзьям желанную весть. Так что упомянутый князь, воспользовавшись этой хитростью, через голубя очень быстро сообщил своим людям обо всём, что случилось. А те, узнав, что Сидон разрушен, а Берит взят, сделав набег, решили испытать, не удастся ли и им одержать верх над врагами. Итак, когда князья попрощались, князь Антиохии отправился домой и, распустив паруса, устремился к Лаодикее¹⁶²; жители этого города, поражённые страхом небесным, обратились в бегство, устремившись в горы и поля. А князь вошёл в Лаодикею и, разместив там воинов, сделал её христианской крепостью. Жители Габалы¹⁶³, узнав о приходе антиохийцев, были поражены тем же страхом и, бросив свои жилища, также обратились в бегство. А князь, придя туда, и этот город присоединил к владениям христиан.

28. ОБ ОСАДЕ ТОРОНА

Итак, когда Господь укрепил свой народ и подтвердил слова, сказанные им своим людям через пророка: «Как утешает мать своих сыновей, так утешу я вас»¹⁶⁴, рабов Божьих охватило великое ликование и духовная радость. Ведь это пророчество действительно исполнилось в них, ибо всё содействовало им ко благу¹⁶⁵, и потому вся земля наслаждалась свободой. Поскольку они владели всем побережьем, то во всей Сирии не было места, куда не могло бы добраться их войско, так что все были окрылены надеждой в самое ближайшее время стать жителями святого града. Однако всё вышло совсем не так, и опять-таки из-за наших грехов. Тяжело вспоминать об этом, и только порядок изложения побуждает нас это сделать. Итак, когда был восстановлен город Берит, или, как предпочитают другие, Барут, и вновь заселён жителями, войско Господне вернулось в Тир¹⁶⁶ по той же дороге, по какой

и пришло. Проведя там какое-то время, вся армия по решению и повелению князей направилась к замку под названием Торон¹⁶⁷, который был расположен неподалёку и отстоял от Тира на расстояние примерно одного дня пути. Итак, придя туда, они подвергли замок тяжёлой осаде. Поскольку это место было чрезвычайно обрывистым и практически неприступным, они попытались применить здесь новый вид осады, совершенно неизвестный врагам. Ибо там было несколько мужей из Саксонии, которым был известен способ, каким выдалбливают богатую серебром гору в районе Гослара, известную очень многим¹⁶⁸. Итак, с большим трудом и чрезвычайными расходами они приступили к этому делу, причём руководители работ вели себя чрезвычайно бдительно, а рабочие по всему лагерю работали в несколько смен. Когда они долбили таким образом гору, применяя для этого дела огонь, стены начали падать, и враги в страхе не знали, что делать, ибо видели, что замок рушится и без всякого разрушения стен. В итоге они тем же способом начали рыть траншеи, но их усилия ни к чему не привели. Когда работы продолжались уже целый месяц, а враги так и не нашли способа им помешать, они, придя в отчаяние, стали говорить друг другу: «О мужи, о братья! Что нам делать? Как избежать смерти? Точно также погибли наши братья и родственники в Акко, когда однажды 4000 мужам на наших глазах вынесли смертный приговор¹⁶⁹. Так позаботимся же о нас и наших детях. Ведь эти люди чрезвычайно упорны, гневливы и жадны до нашей крови. Так вот, нам кажется разумным просить их о мире, если только мы сможем на тех или иных условиях сохранить наши жизни». Они часто в тревоге повторяли это на своих собраниях, и вот наконец однажды стоявшие на стене враги обратились к нашим, которые несли стражу напротив них, с такими словами: «Мы просим вас дать нам возможность переговорить с вами». Когда это было сделано, они сказали: «Сделайте милость и ответьте нам на некоторые вопросы, которые сильно нас интересуют. Кто ваш господин и кому принадлежит тот лагерь, что расположен напротив нас?». А те отвечали: «Лагерь, что вы видите, принадлежит Генриху, пфальцграфу Рейнскому, сыну герцога Генриха, знаменитого князя, а мы – его слуги». Тогда враги продолжали: «Мы хотели бы, если это возможно, переговорить с вашим господином». Наши возразили на это: «О чём вы хотите говорить с нашим господином, когда вы нарушители мира и враги правды». А те отвечали: «Мы как раз и хотим говорить о правде и о мире». Что же далее? По их просьбе к ним вышел пфальцграф и обменялся с ними рукопожатием. Тогда послы сказали: «Мы сильно страдаем от этой осады, а потому просим тебя, о славный князь, проводить нас в собрание князей, где мы могли бы договориться с ними о сдаче замка и о нашем спасении». Им, в кратких словах, герой отвечивал так¹⁷⁰: «Следует полагаться на милость князей, а потому вы и без нашего сопровождения можете предстать перед ними, но поскольку мудрый человек всё должен делать разумно, то я сначала сообщу им ваши слова, а затем как можно быстрее вернусь к вам». С этими словами он ушёл и открыл их желание своему тёзке, герцогу Брананта, который был назначен всеми предводителем войска. Когда наши узнали об их намерении и им стало известно, что речь пойдёт о сдаче замка, они, дав слово, привели в лагерь семерых вождей этого замка. Когда были созваны князья, послам дали

возможность говорить о своём деле: «Мы, – сказали они, – просим вашу милость проявить к нам терпение и, помня о христианской религии, которая, как вы говорите, призывает ко всеобщей любви, применить её к нам, как то подобает благочестивым мужам. Ибо мы, хоть и не являемся христианами, но не живём без религии. Ведь мы, как полагаем, происходим от Авраама и называемся сарацинами по имени его жены Сары. Если следует верить, что ваш Христос – воистину Бог и человек, который освободил вас на кресте, из-за чего вы и почитаете изображение креста, то его можно применить также и к нам. Действительно, хоть наши религии и различны, но у нас – один создатель и один отец, а потому мы с вами братья, пусть не по исповеданию, но по принадлежности к роду людскому. Так вспомните же об отце, пощадите братьев, и пусть всё наше будет вашим, если только у нас будет возможность жить вместе с вами. Нам нечего больше добавить о себе, разве что поведать вам о нашем нынешнем положении. В замке, что вы видите, мы располагаем властью, ибо происходим среди наших из знатного рода. Так сделайте нас вашими пленниками, ибо за наше освобождение вы сможете получить не только огромные богатства, но и возратить большое количество пленных христиан. Относительно же тех, которые находятся в замке, если вам угодно, примите такое решение: пусть они уйдут, оставив там всё своё добро, и унесут с собой лишь простую и ничего не стоящую одежду. Если же выяснится, что кто-то несёт с собой золото, драгоценные камни, дорогие одежды или что-то ещё помимо разрешённого, то пусть ему тут же отрубят голову. Вот что мы вам предлагаем, ибо не просим для себя ничего, кроме жизни. Замок будет ваш, если только вы разрешите нам уйти». Подобное предложение пришлось по вкусу князьям, которые говорили между собой, что в случае сдачи этого замка им легко удастся овладеть также двумя другими соседними крепостями, из которых одна называлась по-французски Бельфор¹⁷¹, что означает «прекрасная крепость», а другая – ...¹⁷² Итак, между ними был заключён мир, а замок [на время оставлен в покое], чтобы начатое дело имело лучший исход. Тем не менее послали к господину канцлеру, чтобы он подтвердил принятое решение. Но тот просил его извинить по причине физической слабости, и мирный договор остался неутверждённым. Были, правда, и такие, которые возражали против этого решения и предлагали силой одолеть врагов. «Если бы, – говорили они, – мы одолели их силой, то никто более не смог бы противостоять нам, ибо падение столь укреплённого замка внушило бы прочим величайший ужас, так что это отозвалось бы в ушах всех, желающих оказать нам сопротивление». Так они говорили. Но большинство радовалось миру. Тем не менее единства в отношении мира не было, ибо не во всех царила любовь. Между тем граф Адольф, желая устроить души противников, отвёл тех, которые говорили с князьями, ко рвам, чтобы они яснее увидели ту опасность, которая им угрожала. Когда это произошло и наши не были едины во мнении, некоторые из них взяли за оружие и стали посредством луков и осадных машин тревожить защитников замка. Те, видя, что их атакуют, сами стали метать камни и стрелы, и одних ранили, а других убили. Так одни сражались, а другие пребывали в мире, одни плакали с плачущими, а другие радовались с радующимися¹⁷³. Однако мир в конце концов возобладал, и жестокая смута улег-

лась. После того как в течение нескольких дней шли переговоры, был заключён мирный договор; канцлер распорядился, чтобы были даны заложники и, только после того как они выполняют обещанное, им разрешат вернуться домой.

29. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Итак, когда дело было улажено, они по порядку рассказали обо всём своим землякам. Однако тем подобные условия пришлось не по душе, и между ними возник яростный спор. Так, одни говорили, что эти условия нельзя исполнять, а другие, воодушевляя друг друга, говорили: «Разве не удержим мы сильно укреплённый замок, снабжённый храбрыми мужами и оружием? Давайте держаться вместе, чтобы иметь возможность силу отражать силой». Далее, зная о раздоре, возникшем среди князей, они решили не соблюдать обещанное и разорвать заключённый договор. Итак, мир был расторгнут, и они вновь взялись за оружие, поднявшись не для исполнения договора, а для борьбы с нашими. Наши, в свою очередь, также приготовились к сопротивлению и вновь взялись за осадную технику и прочие военные приспособления. А защитники замка, не обращая внимания на заложников, с этого дня пытались защищаться изо всех сил. Причём наши действовали не слишком успешно, тогда как враги всё больше и больше брали над ними верх. Так, употребив дьявольскую хитрость, они разрушили тот ров, на который наши возлагали все свои надежды, так что его защитники либо сгорели в нём, либо погибли от меча. Некоторые были взяты в плен, после чего им отрубили головы и сбросили со стен. «Вот до чего сограждан распри их довели»¹⁷⁴. Ибо те действовали единодушно, а эти, не будучи едины во мнении, отчасти сражались, отчасти занимались другими делами. Поскольку охладела любовь их¹⁷⁵, и они духовно возвратились в Египет, то ощутили теперь, что египтяне, то есть сыны мрака, поднялись против них. Ибо большинство из них оставили то намерение, согласно которому их называли святыми, и бессильно лежали теперь, опутанные грехами. Ведь сколько было таких, которые оставили ради Христа своих законных жён, а теперь пользовались услугами блудниц? Ибо они взяли их с собой для услужения якобы по необходимости и под видом благочестия, но позднее, когда Господь разгневался и они пали перед врагами, признали в них моавитянок, из-за которых некогда погрешил Израиль¹⁷⁶. А сколько было таких, которые пришли туда словно праведники, а сами, обогатившись за счёт своих кораблей, служили скорее жадности, нежели воинству Христову? А что мне сказать о преданных высокомерию людях, которые в пустом тщеславии возносились над своими соратниками и не желали равняться в походе с теми, кого считали товарищами дома? Когда Господь говорит: «Научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем»¹⁷⁷, то как можно было победить с помощью таких людей, которые, не имея страха Божьего и преисполненные духом гордыни, показывают себя скорее врагами Христа, нежели его учениками? Но я прошу прощения, ибо пишу это не для того, чтобы кого-нибудь оскорбить, но лишь взываю к возлюбленным [братьям] во Христе. А теперь вернёмся к теме.

Среди народа Божьего закончилось продовольствие, и им пришлось послать в Тир за продуктами питания. Из-за страха перед врагами это посольство состояло не из нескольких человек, но было весьма внушительным. Итак, войско разделилось, ибо одна его часть – под названием «караван» – ушла, а другая осталась охранять лагерь. После того как одни ушли, оставшиеся ждали их возвращения с величайшим нетерпением, ибо одни из них страдали от недостатка пищи, а другие опасались за собственную безопасность. Вскоре в лагере распространился слух, будто против них идёт Саффадин¹⁷⁸ с несметным войском из Персии, Мидии и Дамаска, грозясь истребить их и освободить замок. Посреди этих волнений в лагере канцлера протрубили трубы, сообщив о прибытии каравана. Все чрезвычайно воодушевились и с радостью встретили своих товарищей. Итак, узнав, что им угрожают враги, князья в канун Очищения Пресвятой Девы¹⁷⁹ провели совещание и велели объявить по лагерю, чтобы поутру все были готовы вступить в битву с врагами. Итак, всех охватила сильная радость и ликование. Все ободряли друг друга, говоря, что хотят или победить или умереть во имя Христа. Когда все, надеясь на завтрашнее спасение, смиренно приготавились к битве, среди братьев вдруг пошли разговоры, что все люди канцлера и других князей, нагрузив на вьючной скот всё своё добро, отправились в Тир. Все были очень напуганы этой новостью и также начали спешно собирать свои вещи, грузить их на верблюдов и друг за другом, кто верхом, а кто пешком, бежать вслед за ними. Итак, среди беглецов поднялась суматоха, ибо они вполне заслужили подобную перемену, боясь потерять своё добро. А сколько там осталось больных? Сколько раненых? Оставленные на милость врага они почти все приняли смерть мучеников. Впрочем, некоторые из них, напуганные всеобщим бегством, также бежали. Повсюду царили страх и малодушие: одних покинуло мужество, а других собственная слепота вела по бездорожью. Одних беглецов Господь решил пощадить, а других преследовал Его гнев. Между тем не было недостатка и в непогоде, ибо разыгралась буря, которая преследовала беглецов громом и молниями, проливным дождём и градом с неба. Итак, когда осада была снята, они вернулись в Тир и Акко. Затем испуганные слухами о смерти императора они начали поговаривать о возвращении домой и решили распорядиться относительно положения тех, которые оставались, выдав нуждавшимся продовольствие и оружие, которых было в достатке. Итак, когда настал март, почти все князья вместе с лучшими представителями народа подняли паруса и, пользуясь попутным ветром, вернулись домой. Однако епископы Майнца и Вердена¹⁸⁰, а также некоторые из вельмож остались вместе с народом Божиим, ожидая от Господа милосердия и утешения. Майнского владыки там, правда, в ту пору не было, ибо он находился в Армении ради коронации царя этой страны¹⁸¹. Впрочем, это дело было поручено канцлеру, который, как было сказано, то же самое совершил на Кипре. Но, когда он был в Берите, князья решили, чтобы канцлер остался, а эту обязанность исполнил вместо него архиепископ Майнцкий и, возложив корону, короновал этого царя в качестве вассала Римской империи. Ибо этот царь стремился к этому всеми способами. Так, услышав о доблести народа Божьего, – ибо Господь ещё до его прибытия устранил всех его врагов, после чего пилигримы со славой

овладели многими укрепленными местами, – он, отправив достойных послов с немалыми дарами, смиренно поздравил этих князей и, письменно и на словах поведав о том, с каким нетерпением ожидает их прибытия, заявил, что готов подчиниться Римской империи, если примет от посла императора долгожданную корону. Да будет прославлена римская церковь, которая по милости Христовой расширяется не только в духовном смысле, но и в земном, так что даже заморские короли стремятся быть отмеченными этим титулом. Пусть обратят на это внимание те, которые, пренебрегая названным достоинством, думают скорее об уменьшении римского мира, нежели о его расширении. Итак, когда архиепископ Майнцский, как было сказано, со славой исполнил это дело, то восстановил также мир и согласие между названным царём Армении и князем Антиохии, ибо из-за раздоров между ними церковь Божья в тех землях долгое время терпела немалые лишения.

30. ОБ ОБРАЩЕНИИ ЛИВОНИИ

Думаю, что сейчас самое время предать памяти верующих и не обойти молчанием благоговение и усилия многих благочестивых мужей, которые немало потрудились среди язычников, что зовутся ливонцами, и, сея семена слова Божьего, всё сделали для того, чтобы отвратить этот народ от идолопоклонства. Мы видели, что благодаря их упорству у них оказалось немало помощников, поскольку одни желали отправиться в странствие, а другие стремились принять участие в этом деле, чтобы взрастить богатый урожай на ниве Христовой и искоренить многочисленные тернии, посеянные дьяволом. Главным зачинщиком этого дела был господин Мейнхард¹⁸², каноник из Зеgeberга, ибо слова Господа побудили его сообщить этому неверному народу о мире Господнем и постепенно зажечь в нём пламя веры. Когда этот добрый муж в течение нескольких лет ездил туда вместе с купцами и усердно занимался своими делами, то ощутил, как сильна десница Господня и как велико благоговение его слушателей. Итак, придя к Бременской церкви, во главе которой тогда стоял господин архиепископ Гартвиг, он рассказал архиепископу и главному капитулу о своём намерении и о благоговении своих слушателей, чтобы не вести начатое дело без их санкции и совета. А те, надеясь, что он, насаждая и орошая, добьётся для Господа приращения, послали его с проповедью к язычникам и, возведя в сан епископа, наделили немалой властью. Итак, сея среди своих слушателей семена Слова, этот смиренный и преданный муж, обличая и убеждая, – больше всё-таки убеждая, – сломил упорство язычников и постепенно, с Божьей помощью, привлёк их сердца к тому, чего хотел, причём в не меньшей степени с помощью подарков, нежели увещаний.

Итак, в 1186 году от воплощения Слова достопочтенный муж Мейнхард основал в Ливонии, в месте под названием Рига¹⁸³, епископскую кафедру, отданную под покровительство Пресвятой Матери Божьей Марии. Поскольку это место благодаря прекрасному положению самой страны изобиловало многими благами, там никогда не было недостатка ни в почитателях Христа, ни в прихожанах новой церкви.

Ибо эта страна пригодна для земледелия, изобилует лугами и реками, богата рыбой и лесами. Господин Бертольд¹⁸⁴, аббат в Локкуме, оставил своё место и, стремясь сеять семена Слова среди язычников, занялся этим делом с не меньшей энергией. Поэтому, при содействии милости Божьей, он стал весьма угоден некоторым язычникам. Ибо те видели в этом муже милость обращения, воздержание трезвости, умеренность терпения, добродетель воздержания, упорство проповеди и радость человечности.

Поскольку всем, и духовенству, и народу, был известен образ жизни господина Бертольда, то после смерти господина Мейнхарда, который, как было сказано, «подвизался добрым подвигом и совершил славное течение»¹⁸⁵, все единодушно решили поставить его на место умершего. Придя в Бремен, он был посвящён в сан епископа. Кроме того, для поддержания его трудов ему предоставили в этой церкви ежегодный доход в размере 20 марок. Некоторые знатные и благородные мужи, вдохновлённые его проповедью, осенили себя знаком Святого Креста и отправились в крестовый поход для уничтожения сил язычников, или вернее для привлечения их к почитанию Христа. Не было недостатка ни в священниках, ни в начитанных людях, которые ободряли их своими увещаниями и обещали, что они благодаря своему упорству счастливо доберутся до земли обетованной. Но, поскольку для похода, или странствия в Иерусалим, тогда, казалось, не было повода, то господин папа Климент для поддержания этого дела распорядился, чтобы те, которые дали обет отправиться в Иерусалим, получили от Бога не меньшее отпущение грехов, если они согласятся принять участие в этом предприятии. Итак, собралось огромное количество прелатов, клириков, рыцарей, купцов, бедных и богатых со всей Саксонии, Вестфалии и Фризии. Приобретя в Любеке корабли, оружие и продовольствие, они отправились в Ливонию. Но когда блаженный епископ вывел это войско против неверных, устроивших почитателям Христовым засаду, то вместе с немногими, – всего с двумя рыцарями, – попал в руки безбожников, был ими убит¹⁸⁶ и, как мы надеемся, увенчан славой и почестями. Ибо он всегда желал себе мученической кончины.

«Как он добился первой и высшей из наград,
Так получил и возможность одним из первых умереть».

Когда на следующий день разыскивали тела убитых, тело епископа было найдено целым и невредимым, тогда как тела остальных – из-за сильной жары – были покрыты мухами и кишели червями. Его с величайшей скорбью торжественно похоронили в городе Риге¹⁸⁷.

После этого на место умершего был поставлен господин Альберт¹⁸⁸, каноник из Бремена. Будучи ещё довольно молод, он тем не менее отличался большой зрелостью нравов. Поскольку он происходил из знатного рода и имел много братьев и друзей, то у него никогда не было недостатка в помощниках в винограднике Господнем. Нелегко выразить словами, какую милость он нашёл у королей и магнатов, которые оказали ему помощь деньгами, оружием, кораблями и продовольствием. Среди них свои руки Господу посвятили Андреас, архиепископ Лунда, Бернгард¹⁸⁹,

епископ Падерборна, и Исо¹⁹⁰, епископ Вердена. Альберт также получил от апостольского престола разрешение брать себе помощниками в этом деле всех благочестивых и проповедующих слово Божье мужей, то ли из монашеского сословия, то ли из регулярных каноников, то ли из иных духовных лиц, кого он сочтёт нужным. Поэтому за ним и последовало огромное количество людей, в том числе большой отряд рыцарей. Поскольку он часто водил в летнее время войско против врагов Креста Христова, то подчинил себе не только ливонцев, но и другие варварские народы, так что взял у них заложников и заключил мирный договор¹⁹¹. Итак, усилиями достопочтенного мужа Альберта церковь Божья в Ливонии росла, пополняясь священниками, приходами и монастырями. Многие также, дав обет воздержания и желая лишь сражаться во имя Бога, по примеру тамплиеров отказались от всего земного и, объявив себя Христовым воинством, нашили на своих одеждах знак своего исповедания в форме меча, которым они сражались за Бога¹⁹². Окрепнув духовно и численно, они стали внушать сильный страх врагам Божиим. Не было недостатка и в Божьей милости, которая укрепила их веру и доказала это рядом правдивых знамений. Так, когда некоторые из неопитов были захвачены врагами своего рода, последние подарками и лъстивыми уговорами попытались вновь привлечь их к прежнему заблуждению. Однако те наотрез отказались и решили твёрдо и нерушимо держаться догматов принятой ими веры. В итоге враги замучили их, предав невыносимым пыткам. Однако их исповедание придало сил очень многим, ибо большинство восславilo Бога благодаря именно им. Тем не менее посреди этих успехов не было недостатка и в неудачах. Ибо король Руси из Полоцка¹⁹³ обычно собирал с этих ливонцев дань, а епископ отказался её платить. По этой причине король часто совершал жестокие нападения на эту страну и на часто называемый город. Но милосердный Бог всегда при случае защищал своих людей. Тем временем между господином епископом и вышеназванными братьями, которые звались Божьими рыцарями, возникла ссора и междоусобная распря. Так, братья говорили, что им по праву принадлежит третья часть всех языческих земель, которыми епископ сможет овладеть посредством проповеди или вооружённым путём. Но епископ категорически отказал им в этом. В итоге между ними началась жестокая распря, так что они много интриговали против него в римской курии, а господин епископ не меньше утвердил своим приговором.

КНИГА ШЕСТАЯ

1. ОБ ИЗБРАНИИ КОРОЛЯ ОТТОНА

При всём этом гнев Его не отвратился, и рука Его ещё была простёрта¹. Итак, когда князья вернулись из похода, а Сион в наказание за наши грехи остался в плену, церковь в западных землях в не меньшей степени страдала из-за междоусобных войн. Ибо, когда умер славный император Генрих, через которого Бог, как было сказано, существенно расширил пределы империи, то из-за того, что верность была нарушена, а выбор пал отнюдь не на сына императора, возошли два солнца, то есть два короля, чьи лучи сияли друг против друга, чем нанесли немалый вред Римской империи. Дело в том, что Кёльн, славный имперский город, проведя переговоры с имперскими князьями, завёл речь об избрании нового короля. В этих переговорах активное участие принял Адольф, архиепископ Кёльнский. Зато Конрад Майнцский, занятый, как было сказано, заморскими делами, отсутствовал, и его обязанности во всех важнейших делах исполнял названный Кёльнский владыка. В этом деле участвовал также господин епископ Трирский². Был там и Генрих³, пфальцграф Рейнский, вместе со многими благородными мужами. Все они единодушно избрали королём и правителем Римской империи Оттона, сына благороднейшего князя и герцога Генриха, который всё ещё находился в Пуатье, и, отправив туда послов, с величайшими почестями привели его в Кёльн⁴. Не было здесь недостатка и в содействии со стороны его дяди Ричарда, короля Англии, который потратил на его избрание огромные средства. Итак, после того как состоялось избрание короля Оттона, последний, собрав большое войско, при содействии своих избирателей осадил Ахен, который не признал его избрание, сохраняя верность умершему императору и его брату Филиппу. Не без труда и с большими расходами, а именно, потратив 70 000 марок, он наконец взял его штурмом, после чего был помазан в короли упомянутым архиепископом Адольфом, возведён на императорский престол и провозглашён римским императором⁵. Полномочные послы от архиепископа Кёльнского, а также от других архиепископов, князей и первых лиц государства сообщили об этом избрании, или назначении короля, господину Иннокентию⁶, верховному понтифику римского престола, причём все настойчиво просили, чтобы он одобрил избрание или назначение короля Оттона и утвердил его своей властью. Папа чрезвычайно этому обрадовался и не только утвердил это избрание, но и провозгласил Оттона достойным императорского сана, назвал его своим возлюбленным сыном и, разослав письма всем прелатам, архиепископам, епископам и аббатам, державшим королевские регалии, велел им служить избранному королю⁷.

2. ОБ ИЗБРАНИИ КОРОЛЯ ФИЛИППА

Между тем Филипп, который держал у себя императорские регалии, также стремился наследовать своему брату. Его поддержало огромное множество саксов, франков, швабов и баварцев, ибо он держал в своих руках все укреплённые места, города и замки, и в то время, когда на сторону Оттона встали лишь Кёльн и часть Вестфалии, весь цвет империи примкнул к Филиппу. Итак, собрав в Майнце большое количество прелатов и князей из Франконии, Саксонии, Швабии, Баварии и Тюрингии, он с согласия и при содействии их всех был избран королём и с одобрения духовенства и главного капитула, – хоть и без предварительного уведомления господина Конрада, архиепископа Майнцкого, который, как уже не раз говорилось, тогда отсутствовал, – торжественно помазан архиепископом Тарентинским в короли и провозглашён римским императором⁸. Там же присутствовала и королева⁹, увенчанная, правда, не королевской короной, а всего лишь золотым обручем. Будучи родом из Греции, она вышла замуж за Филиппа, немало подняв его престиж в тех землях. Чех¹⁰ также был возведён там в более высокий сан. Так, будучи ранее герцогом, он получил от Филиппа титул короля и, выступая в короне, нёс королевский меч. Поскольку эти короли не были соправителями, но враждовали друг с другом, то церковь была потрясена, возникли раздоры и раскол, ибо одни желали угодить одной стороне, а другие – другой. Однако папа твёрдо поддерживал кандидатуру Оттона, своей властью подчинив ему прелатов и никому из архиепископов не давая епископского паллия, если тот со всей преданностью не принимал сторону Оттона. Так вышло, что большинство духовенства, боясь пастырского приговора, встало на сторону Оттона, а Филипп, поддержанный светской гордыней, преобладал скорее среди мирян; хотя некоторые из епископов, презрев повеление папы, всего лишь делали вид, что служат Оттону, а другие вообще открыто выступали против него и до конца жизни упорствовали в непослушании. Итак, приняв посвящение, Филипп вместе с этими силами, а также в сопровождении Чеха, начал приближаться к Кёльну вдоль берегов Рейна и Мозеля¹¹. А Оттон храбро выступил против него со своими людьми. Поскольку он был силен и храбр, то рыча, словно молодой лев в предвкушении добычи, приготовился к битве, желая или победить, или умереть. А Филипп, у которого было гораздо больше сил, старался победить скорее хитростью, нежели в битве. Итак, когда войско Филиппа приготовилось перейти через Мозель, те, которые были на стороне Оттона, оказали ему отчаянное сопротивление. В итоге произошла битва, в которой обе стороны понесли немалые потери. Так что Филипп отступил, а Чех вернулся домой.

3. О СМЕРТИ КОНРАДА МАЙНЦКОГО

Около этих дней из жизни ушёл Конрад Майнцкий¹², и на столь знаменитом престоле тут же возник раскол. Ибо сторонники Филиппа поставили во главе

Майнцской церкви Леопольда¹³, а церковные мужи, боясь апостольского приговора, избрали на эту должность Зигфрида¹⁴. Первый, получив от Филиппа регалии, с помощью вооружённой силы преобладал повсюду в городах и замках, а второй, обретя поддержку духовенства, спокойно правил своими подданными.

4. О СМЕРТИ ЛИУДОЛЬФА, АРХИЕПИСКОПА МАГДЕБУРГА

В это же время из жизни ушёл Лиудольф, архиепископ Магдебурга¹⁵, и на престол был возведён господин Альберт¹⁶, старший приор этой церкви. Поскольку у него при избрании было несколько соперников, то он лично прибыл к господину папе и, получив от него утверждение как в должности приора, так и в должности епископа, вернулся домой. Он стоял на стороне короля Оттона и не возражал против его правления.

Затем Филипп, полагаясь на многочисленность своих сил, вновь напал на Оттона; придя с вновь набранным войском, он начал осаждать город Брауншвейг¹⁷. Король Оттон в это время отсутствовал, но его брат, пфальцграф Генрих, твёрдо удерживал город. Тем не менее противники ворвались в город возле монастыря св. Эгидия и, заняв мост, захватили почти весь город. Узнав про это, горожане, занятые в другой части города, – где, казалось, с большими силами находился король Филипп, – внезапно оказав сопротивление, обратили врагов в бегство; бросая камни, они удерживали их далеко от себя. Между тем какие-то разбойники ворвались в дом св. Эгидия, расположенный совсем рядом. Они с варварской жестокостью напали на монахов, сорвали с них одежды, разграбили монастырские мастерские, спальню и кухонные принадлежности, так что не пощадили даже часовни и, взломав топорами ворота, попытались похитить церковные украшения. Но при покровительстве Божьем они всё же были сохранены усилиями некоторых монахов, которые так хитро замаскировали вход в святилище, что тот казался цельной стеной. И, как и в дни Рахили, старания ищущего были посрамлены¹⁸. Но вот, услышав о разграблении церкви, с большим отрядом прибыл канцлер Конрад и, укротив возмущение, прогнал безбожных разбойников. Не обошлось и без Божьей кары. Ибо на следующий день один из них, который свирепствовал более прочих, впал в безумие и на глазах у всех жалким образом окончил свою жизнь. И не удивительно. Ибо сколько чудес с древних времён было благодаря милосердию Божьему совершено в этом доме молитвами св. Эгидия? Сколько демонов было изгнано из тел одержимых, сколько слепых прозрело, сколько больных и паралитиков выздоровело, и сколько заключённых в различных местах освобождено от уз, оков и из тюрьм? Все они, стекаясь в дом св. Эгидия с гимнами и восхвалениями Бога, с радостью оставляли здесь память о своём освобождении, как то можно видеть и ныне. Но не следует приходить в возмущение из-за того, что этот дом стольких добродетелей был благодаря попущению Божьему за какие-то тайные грехи временно потревожен сынами Велиала, когда Господь доблестей и царь славы во имя нашего спасения позволил безбожникам связать и распять самого себя. В течение нескольких дней осада города продолжа-

лась ударными темпами, однако горожане при этом усиливались, а осаждавшие терпели лишения. У тех, что были внутри, продовольствия было в достатке, а те, что снаружи, страдали от голода и нужды. Ибо люди Оттона, которые несли сторожевую службу вне города, скрываясь в скалах, долинах и лесах, внезапно нападали на телеги с продовольствием, прибывавшие туда из различных мест и городов, убивали людей, некоторых брали в плен, имущество и коней отнимали, а продовольствие выбрасывали. Там можно было видеть реки, текущие пивом и вином, ибо эти напитки в изобилии вытекали на землю из разбитых сосудов. Таким образом, павшие духом враги желали теперь скорее уйти, нежели остаться. Наконец мирное соглашение было заключено¹⁹, и осада снята, так что они бесславно удалились, заявив, что больше не будут нападать на этот город. Надо сказать, что город немалые надежды возлагал на заступничество блаженного Антония, архиепископа Трирского, чьё тело покоилось здесь. Дело в том, что маркграфиня Гертруда²⁰, жена маркграфа Экберта, когда основала во время своего вдовства этот монастырь, то благодаря многочисленным просьбам получила у трирцев его тело и, как стало ныне известно, с честью похоронила его в этом монастыре в саркофаге вместе с другими телами фиванских мучеников. Поскольку этот владыка, в то время как его землю опустошали гунны, убившие святых дев в Кёльне, спас своими молитвами город Трир, которым он тогда правил, то люди верят, что он обладает у Бога даром оберегать своими молитвами и защищать от врагов тот город, в котором ныне покоится его тело. Поэтому, когда жители Брауншвейга поражены страхом осады, у них вошёл в силу обычай смиренно, с литаниями, хвалебными гимнами Богу и раздачей милостыни обходить с этими мощами вокруг своего города, – тогда им дескать не грозит никакое вражеское вторжение внутрь городских стен. Это было доказано и часто испытано на практике.

5. О ПОХОДЕ КОРОЛЯ ОТТОНА В ТЮРИНГИЮ

В следующем году Оттокар Чешский, прогнав свою законную супругу, взял в жёны другую – из Венгрии²¹. Оскорблённый этим брат отвергнутой жены Дитрих²², маркграф Мейсена, вместе с герцогом Бернгардом, – оба были сторонниками короля Филиппа, – добились у последнего согласия на то, чтобы Чешское королевство, или герцогство, было отобрано у прелюбодея Оттокара и передано малолетнему Теобальду²³, сыну Теобальда, который тогда учился в Магдебурге. Что и было сделано. Возмущённый этим Чех, отпав от Филиппа, вступил в союз с Германом²⁴, ландграфом Тюрингии. Сговорившись против Филиппа, они стали злоумышлять против него. Итак, Герман, который был сыном сестры императора Фридриха, забыв о родстве и клятве верности, перешёл на сторону короля Оттона, так что получил от него в лен Нордхаузен и Мюльхаузен²⁵ и вместе с ним и примкнувшим к нему Чехом вывел войско против Филиппа, – при этом была жестоко опустошена его собственная страна. Ибо Филипп с большим войском, – ему оказал помощь Леопольд Майнцский, – и другими вспомогательными силами вступил в Тюрингию и, остановившись возле Эрфурта, опустошил всю окрестную область²⁶. Не менее сильно опустошили

эту провинцию те, кто был снаружи. Ибо чехи по своей природе порочны, склонны к преступлениям и никогда не соглашаются принять участие в походе, если не получат полного права разорять святое и не святое. Не было там также недостатка и в гнуснейшем сорте людей, которые зовутся «вальвенами»²⁷ и совершают свои жестокости и беззакония, о которых говорить не только жутко, но и прискорбно. Итак, когда противники побоялись сразиться с Филиппом, то они, как было сказано, рассеялись повсюду и дотла разорили всю Тюрингию. Так, чехами были разорены 16 мужских и женских монастырей, а также 350 приходов, причём наряду с прочим движимым имуществом преступниками были осквернены также церковные украшения. Там можно было видеть, – хоть о таком гнусно и говорить, – как одни злодеи вместо рубашек облачались в белые одежды и подпоясывались столами, другие вместо туник надевали далматики, а третьи вместо хламид использовали ризы. Кони то одного, то другого преступника гарцевали, покрытые покровами с алтарей. Они, – о чём едва ли можно говорить без слёз и рыданий, – привязав к стременам коней благочестивых и благородных девиц, посвящённых Богу, увели их в плен и своим сладострастием осквернили нерукотворные храмы Божьи. Некоторые из этих девиц умерли, не выдержав такого рода истязаний. Кем ещё, как не мученицами, мы можем считать их? Пусть не думают верующие во Христа, будто они сами хотели принять это бесчестие от столь гнусных, – иначе не скажешь, – собак! Так что мы желаем и ни мало не сомневаемся в том, что даже если тело претерпело насилие, то душа, посвятившая себя Богу, всё равно останется незапятнанной, ибо сопротивляется её дух. Разве в первоначальной церкви, когда начались гонения на мучеников, святым и именитым девам, как то мы читаем в их «Страданиях», не было суждено принять от нечестивых судей и палачей именно такой вид смерти? Но если те милосердно и удивительным образом были спасены от всего этого своим женихом, Иисусом Христом, который не хотел, чтобы идолопоклонники восторжествовали над ними, то и эти, по нашему мнению, претерпев такое во времена церкви от исповедующих, но не почитающих Христа людей, также должны быть приняты в их сообщество, ибо упорствовали в исповедании чистоты. Разве не то же самое мы находим о святой деве и мученице Ирине? Известно, что нечестивому судье, угрожавшему ей бесчестием, она дала такой ответ: «Мне всё равно, сколь жестокую и постыдную смерть примет тело, лишь бы дух, не поддавшись пыткам и плотским соблазнам, остался нетронутым и верным Богу. Разве святые мученики повинны в служении идолам, если ты приказал влить в их силой открытые рты принесённую в жертву демонам кровь? Нет, неповинны, более того, за эти и другие причинённые им муки и оскорбления они обрели венец в вечности». Наученные этим и прочими примерами мы верим, что и они были увенчаны мученичеством, ибо воистину исповедовали чистоту, не желая случившегося и не сочувствуя телу, принявшему подобный вид смерти.

А Чех, дойдя до самого Галле, творил в пути всяческие беззакония и, желая отомстить маркграфу²⁸, вернулся домой через его землю, впрочем не без тяжёлых потерь среди своих людей, ибо Бог наказал их за нечестивые деяния, и они потерпели ряд поражений в разных местах. А король Оттон, вернувшись домой и ещё не распустив войско, построил сильно укреплённый замок Харлингсберг²⁹. Это создало большие

затруднения жителям Гослара, так что многие из них покинули город и тот, казалось, по большей части опустел. Дело в том, что этот город, имея на востоке только что построенный замок, а на западе – крепость Лихтенберг, стал сильно страдать от голода и нужды. Ибо телегам и повозкам, везущим осаждённым горожанам необходимые им припасы, был теперь закрыт доступ в город. Правда, через какое-то время Лихтенберг был хитростью захвачен Германом, графом Гарцбурга, и город отчасти освободился от этой осады. Но позднее из-за этого замка Гослар всё равно опустел.

6. ОБ ОТПАДЕНИИ ПФАЛЬЦГРАФА ОТ БРАТА

Прошло какое-то время, и Филипп вновь вступил в земли Оттона с отрядом рыцарей³⁰. Последний, находясь в Брауншвейге, собрал большое количество рыцарей и горожан, которые из-за постоянных воинских упражнений хорошо владели и мечом, и стрелами, и копьями, и, выступив навстречу Филиппу, расположился лагерем возле Гослара. В его свите находился его брат, пфальцграф, с немалыми силами, которые он набрал в Ольденбурге и Штаде, а также из числа своих министерялов. И вот, когда братья, окружённые столькими войсками, остановились возле селения под названием Бургдорф³¹, между ними внезапно возникла распря, которая всегда делает несчастными сограждан, согласно словам поэта: «Вот до чего злополучных сограждан распри их довели»³². В результате это собрание охватило разочарование и печаль и оно, не окончив дела, было распущено. Дело в том, что пфальцграф, твёрдо стоявший на стороне брата, слышал от Филиппа постоянные угрозы лишиться его должности пфальцграфа, которой он владел в районе Рейна, если он не покинет брата. Так, Филипп говорил, что не потерпит, чтобы он пользовался средствами Пфальца, которыми имеет право распоряжаться только он и никто другой. Пфальцграфу показалось весьма невыгодным терпеть убытки с обеих сторон – тратить свои средства на службе у брата и, презрев Филиппа, лишиться должности пфальцграфа. В итоге в ходе этого собрания он потихоньку обратился к своему брату-королю с такой речью: «О брат! Я вдвойне обязан служить тебе – и по праву родства, и в соответствии с клятвой верности королевскому величеству. Но, чтобы я мог помогать тебе в полной мере, справедливо, чтобы я получил от тебя какую-либо выгоду. Передай мне, если тебе угодно, город Брауншвейг и замок Лихтенберг, чтобы я, опираясь на эти укрепления, был готов оказать сопротивление всем твоим противникам». Услышав это, брат-король не без раздражения ответил: «Ты не прав, о мой брат! Лучше будет, если я сначала силой установлю свою власть в королевстве, и тогда всем, что ты хочешь, мы будем владеть с тобой сообща. Я не хочу, чтобы казалось, будто я из страха сделал что-то такое, что в последующем, раскаявшись, буду вынужден изменить». Что же далее? То ли по зрелому размышлению, то ли по необходимости пфальцграф оставил брата и к удивлению и огорчению очень многих перешёл на сторону Филиппа, а Оттон вернулся в Брауншвейг. Между тем жители Гослара терпели от брауншвейгцев постоянные обиды и лишения, ибо те часто брали их в плен, когда они торговали вне города, или наносили немалый ущерб, разрушая их серебряные прииски.

7. О ПАДЕНИИ ГОСЛАРА

После этого Гунцелин³³, стольник короля Оттона, в то время как сам король находился в Кёльне, решил отвоевать замок Лихтенберг, ибо брауншвейгцы терпели от этого замка множество лишений. Созвав друзей, он начал осаду замка. Однако, поскольку тот был сильно укреплен, они лишь напрасно тратили силы в этой осаде. Итак, проведя совещание, они направились к Гослару и начали атаковать его всеми силами. И поскольку он, как сказано, был по большей части оставлен жителями и не располагал достаточным гарнизоном, то был внезапно захвачен врагами и подвергся страшному разграблению. В его гарнизоне, правда, находился Герман с немногими людьми из Гарцбурга. Однако, не будучи в силах оказать сопротивление, он при вторжении врагов бежал вместе со своими людьми и таким образом спасся. Итак, этот весьма богатый город был разграблен, так что его жители были взяты в плен, а захваченную в городе добычу на огромном количестве телег, взятых из различных мест, вывозили отсюда в течение восьми дней. Среди прочего там было такое количество перца и специй, что их делили на модии и очень большие доли. Поскольку этот город сопротивлялся Оттону очень долгое время, то одни предлагали его сжечь, а другие намеревались разрушить церкви. Некоторые даже, в полном вооружении вступив в церковь св. Матфея, готовились уже вынести оттуда золотые венцы и прочие многочисленные украшения, щедро пожалованные ей королями. Но Господь изменил их намерение, и они, взяв у горожан заложников, оставили город нетронутым до прихода короля. Король одобрил это их решение и, желая владеть городом с большей безопасностью, вернул горожанам кое-что из добычи, так что впредь спокойно владел им³⁴.

8. О ВТОРОМ ПОХОДЕ КОРОЛЯ ФИЛИППА

После этого³⁵ король Филипп предпринял второй поход в Тюрингию и начал энергичную осаду города Вейсензее³⁶, который был расположен в самой середине земель ландграфа. После того как осада продолжалась какое-то время, ландграф Герман стал от неё сильно страдать и не мог более сопротивляться королю. Тут, правда, прибыл его союзник Чех, желая оказать другу помощь. Но когда он находился возле Орламюнде³⁷, то, узнав о силе Филиппа, испугался и стал думать, как бы ему уйти. Он завёл переговоры с Конрадом³⁸, маркграфом Ландсберга, коварно интересуясь, нельзя ли ему через его посредничество обрести королевскую милость. Когда же маркграф обещал ему в этом свою помощь, Чех сказал: «Поскольку настало время завтракать, возвращайтесь к себе в лагерь. Но знайте, что я твердо намерен перейти на сторону короля Филиппа и ни в коем случае не уйду, пока благодаря вам не увижусь с ним». Итак, как только маркграф вернулся в лагерь, Чех бросил всё своё добро, в том числе и сам лагерь, и, взяв с собой лишь хлыст, которым обычно пользуются чехи, вскочил на коня и бежал. Пфальцграф Отто фон

Виттельсбах³⁹ преследовал его с 400 мужами до самого Чешского леса. Узнав об этом, ландграф испугался ещё больше и, не видя иного выхода, без всяких условий смиренно пал Филиппу в ноги⁴⁰. Он долго лежал на земле, а король жестоко бранил его за вероломство и глупость, но затем внял уговорам стоявших вокруг вельмож, поднял его с земли и расцеловал. А Оттокар был так смирен Филиппом, что едва сохранил половину своего герцогства, – остальной частью овладел вышеназванный Теобальд. А теперь оставим всё это и вернёмся к нашим делам.

9. О ПОХОДЕ КОРОЛЯ КНУТА ПРОТИВ МАРКГРАФА

Между тем в Дании и Нордальбингии также не было недостатка в новостях. Так, Отто, маркграф Бранденбурга, нанёс оскорбление королю Кнуту, подчинив себе некоторых славян⁴¹, которые, по словам короля, относились к его власти. Возмущённый этим король организовал против него поход и с флотом вступил в его землю по реке, что зовётся Одер и впадает в море. Против него вышли ругии, или раны, вместе с полабами и ободритами. Король остановился на острове Моне, а войско повёл его канцлер Пётр⁴². Когда маркграф вышел против них с большим рыцарским войском и славянами, то с обеих сторон было много раненых. Среди прочих пал также брат епископа Дурберн, а сам канцлер был ранен и уведён в плен. Так окончился этот поход⁴³. Отто держал епископа в большой строгости, ибо надеялся через него вернуть многих пленных или овладеть значительной частью славянской земли. Прошло какое-то время, а епископ по-прежнему находился под стражей. Поскольку он заболел от полученной раны, то прибег к хитрости и сделал вид, что болезнь приняла опасную форму, и он уже не надеется выжить. Тогда маркграф, движимый некоторой человечностью и боясь, чтобы потом не говорили, что епископ умер у него в плену из-за чрезмерной суровости содержания, начал обращаться с ним более милосердно и поручил его охрану некоему Лиудольфу. Итак, пользуясь случаем, епископ начал вести со своим стражем разговоры о своём освобождении. Что же далее? Страж согласился с ним, и епископ при его содействии бежал из-под стражи и вернулся домой, а Лиудольф получил немалую награду.

10. О ПОХОДЕ МАРКГРАФА

В следующую зиму, когда реки и болота были скованы льдом, маркграф Отто, собрав войско, – граф Адольф также пришёл ему на помощь, – опустошил всю землю славян, не пощадив и страны Геромара, той, что зовётся Трибзее; он разорил бы и Ругию, если бы лёд не сошёл в той части моря, что отделяет её от материка. Этим Адольф вызвал сильное недовольство короля и впредь окончательно лишился его милости. Ибо он часто раздражал его как тем, что неоднократно нападал на славян, так и тем, что некогда сговаривался против него с епископом Вальдемаром⁴⁴.

11. О ПОХОДЕ КНУТА К ЭЙДЕРУ

Итак, когда настало лето⁴⁵, король Кнут двинул войско против Адольфа к Эйдеру, в место под названием Рендсбург⁴⁶. Граф вышел против него с огромным рыцарским войском, – ему также пришёл на помощь маркграф Отто с множеством вооружённых людей. Там были также Симон, граф Текленбурга, Бернгард фон Вельпе, Морис фон Ольденбург и многие другие. Господин Гартвиг, архиепископ Бременский, также принял участие в этом походе. Граф любезно содержал их всех за свой счёт в течение многих дней, хотя многие удивлялись тому, что граф может позволить себе такие расходы. Итак, когда вода разделила оба войска, то ни король не хотел переходить к ним, ни они не отваживались напасть на него. Наконец король снялся с лагеря и вернулся к себе. Так, без заключения мира, окончился этот поход.

12. О СТРОИТЕЛЬСТВЕ РЕНДСБУРГА

Сразу же по прошествии зимы граф Адольф начал восстанавливать старинный замок Рендсбург, надеясь с помощью этого укрепления избежать вторжения короля. Но король, не забыв о нанесённых ему обидах, с наступлением мая собрал войско и в огромном числе пришёл к Эйдеру, где находился граф со своими людьми. Не имея сил выдержать натиск короля, он заключил мирный договор, тем самым вернув себе королевскую милость, при условии, что он уступит королю этот замок и будет спокойно владеть своими землями. А король расширил и укрепил названный замок, разместил там гарнизон и очень много оружия и велел перекинуть через Эйдер очень широкий мост, обеспечив тем самым свободный въезд и выезд в землю графа. Постепенно из-за этого возникли новые претензии к графу и раздоры. А граф тем временем вместе со своим тёзкой Адольфом, графом фон Дассель, начал осаду Лауэнбурга⁴⁷ и построил замок Хадденберг, который сильно мешал этой крепости, ибо из-за него её жители не могли теперь ни войти, ни выйти. Итак, осада шла очень энергично, ибо граф привёл из Гамбурга большое количество кораблей, в должной мере снабжённых людьми, оружием и осадными машинами. Итак, когда крепость была обложена с суши и с моря и герцог Генрих, он же пфальцграф, не мог её освободить, горожане начали вести разговоры о сдаче крепости, ибо продовольствия у них уже не было. Тайно отправив послов к королю Кнуту, они обещали передать ему эту крепость. Тот очень обрадовался и, выражая горожанам свою признательность, отправил к ним некоего Радульфа, сиятельного мужа из Гольштейна, чтобы они передали ему эту крепость и водрузили над ней королевское знамя. Он обещал также в скором времени явиться лично и освободить крепость от врагов. Узнав об этом, родичи⁴⁸ стали атаковать крепость с ещё большей яростью. И, поскольку продовольствие там закончилось, они вскоре силой подчинили её себе. Король, услышав об этом, сделал вид, будто ничего не случилось, но ещё сильнее стал ненавидеть этих графов. Позднее при посредни-

честве друзей граф Адольф примирился с пфальцграфом, и они стали такими друзьями, что герцог передал ему в лен своё наследственное владение, которым он владел в районе реки Гамме, а граф обязался уплатить ему за это 700 марок.

13. О ПОХОДЕ СЛАВЯН В ЗЕМЛЮ РАТЦЕБУРГ

Между тем Генрих, он же Бурвин, и его племянник Николай, он же Никлот, по воле короля Кнута предприняли поход в землю графа Адольфа фон Дасселя⁴⁹. Граф со своими людьми вышел им навстречу в месте, что зовётся Вашов⁵⁰. После того как войска выстроились в боевом порядке, Николай первым пошёл в атаку и погиб⁵¹. Он был добрым и мудрым мужем; его гибель повергла в скорбь всю землю славян, так что многие погибли, мстя за него. Ибо враги, узнав о смерти столь славного мужа, ещё яростнее атаковали наших и перебили несметное множество немцев, так что едва спасся лишь сам граф и ещё несколько рыцарей, а остальные 700 мужей, не считая пленных, были преданы мечу. Увы! Увы! Сколько вдов рыдало после этого и проливалось слёзы! Из-за гибели стольких мужей плодородная земля осталась невозделанной и заросла терниями и осотом, не чувствуя на себе ни плуга, ни упряжки быков. В итоге названный граф стал чрезвычайно непопулярен в своей стране, ибо считался виновником стольких бедствий. Ведь это он вместе со своим племянником Адольфом вступил в Дитмаршен, который был, казалось, подчинён королю, и, ограбив его, учинил немалое кровопролитие. Граф Адольф также терпел со стороны своих людей не меньшие козни, ибо некоторых из них он наказал денежными штрафами, как например, Генриха по прозвищу Буше, которого он взял в плен и бросил в оковы, а также Эгго фон Стуре и Бруно фон Тралау. С ними были солидарны те, которых граф изгнал из страны и которые жили в изгнании у герцога Вальдемара в Ютландии, а именно: Скакко и его братья Видаг и Радульф, Уббо и Тиммо с братом Маркрадом, все – родственники префекта Маркрада, который был изгнан названным графом из страны и умер там в изгнании вместе со своей женой Идой. Они ежедневно лично и через посланников не переставали сеять в земле названного графа семена раздора, так что, когда возникла угроза войны, они попытались привлечь на свою сторону некоторых вельмож, а именно: Эмико фон Фиссау и Вергота фон Зибберсторфа. Последние, перейдя к соперникам графа, уже тогда получили приказ занять по отношению к графу открыто враждебную позицию. Одни были привлечены на сторону короля и его брата, герцога Вальдемара, обещаниями будущих благодеяний, а другие – денежными подарками. Итак, когда все лучшие мужи перешли на сторону короля и его брата, герцога, то около времени рыбалки, которой обычно занимаются в Сконе, – наши сограждане часто отправляются туда, и их как раз в это время задержали там вместе с их кораблями и имуществом, так что некоторые из них попали в плен, – около Воздвижения Святого Креста⁵² герцог Вальдемар с большим войском вторгся в землю графа. Граф со своими людьми вышел ему навстречу к месту под названием Стеллау⁵³. В начавшейся битве войско графа было разбито, так что многие были изрублены мечами, а остальные попали в плен. Сам граф спасся бегством и

укрылся в Гамбурге. В это время герцог захватил Итцехо и велел осадить Зеgeberг и Травемюнде. Плён, который казался неприступным замком, также был захвачен его людьми. Видя, что удача улыбнулась ему и путь в землю графа открыт, герцог пополнил войско и около дня Симона и Иуды⁵⁴ вместе с Петром, епископом Роскилле, мудрым и очень рассудительным мужем, вступил в эту страну. Поскольку названный граф уже ушёл оттуда, герцог прибыл в Гамбург. Там ему навстречу вышли местные жители, и он с почётом был принят духовенством и всем народом. На следующий день, снявшись с лагеря, он прибыл в Бергсдорф, а ещё через день добрался до Лауэнбурга. А граф фон Дассель, узнав о силе герцога и по вышеуказанным причинам боясь предательства, также покинул эту страну. Те же, кто остался, опасаясь нападения герцога, посоветовались меж собой и, выйдя к герцогу в районе Лауэнбурга, передали ему замок Ратцебург и проход в свою землю. А герцог, видя, что не в состоянии овладеть Лауэнбургом, восстановил Хадденберг и, оставив там рыцарей, оружие и большое количество продовольствия, направился к Ратцебургу. После того как он овладел замком, ему присягнули на верность люди из Виттенбурга⁵⁵ и Гадебуша. Итак, одерживая победу за победой, герцог прибыл к славному городу Любеку, зная, что его имя станет широко известно, если он установит над этим городом свою власть. А его жители, помня о согражданах, взятых, как было сказано выше, в плен и кораблях, задержанных в Сконе, а также учитывая тот факт, что вся страна со всех сторон готова служить герцогу, так что им не удастся ни войти, ни выйти из города ни по морю, ни по суше, провели совещание и в силу этих обстоятельств, направили к герцогу, который тогда был возле Брейтенфельде⁵⁶, наиболее именитых горожан, и те передали ему город. В результате горожане вернули своих пленников вместе с кораблями и всем отнятым у них добром. А герцог, приняв заложников как от города Любека, так и от других городов и крепостей, с радостью вернулся домой. Фогтом над замком Зеgeberг он назначил Тиммо, хотя тот всё ещё вёл осаду этого замка, а его брату поручил Травемюнде, которым также ещё владели люди графа. Скакко он провозгласил графом Дитмаршена, а его брата Видага поставил во главе Плёна. Радульфа герцог посадил в Гамбурге, чтобы те, которые были изгнаны по его вине, получили теперь от него больше, чем потеряли.

14. О ПЛЕНЕНИИ ГРАФА АДОЛЬФА

После этого граф Адольф фон Шауэнбург, горюя о потере своей страны, около дня св. Андрея⁵⁷ собрал флот и отряды из Штаде, которым всё ещё владел, и захватил Гамбург. Напуганные этим люди короля и герцога вместе с фогтом Радульфом обратились в бегство. А граф, надеясь на успех как ввиду тех замков, которые всё ещё признавали его власть, как то Лауэнбург, Зеgeberг и Травемюнде, так и ввиду позиции некоторых местных жителей, которые давали ему добрую надежду, – как оказалось, с коварным умыслом, – пробыл в этом городе до самого Рождества Господнего, но под дурными знаменами. Ибо герцог Вальдемар, узнав о вторжении графа Адольфа, стал энергично готовиться к походу и, вызвав всех своих друзей из

Нордальбингии, земли славян и Дитмаршена, поспешил на осаду этого города. Был здесь и граф Гунцелин⁵⁸ вместе с Генрихом Бурвином, который оказал ему самую преданную помощь. А граф, сбитый с толку теми, кто коварно уверял его в том, что герцог не прибудет из-за празднования Рождества, которое датчане обычно отмечают торжественными возлияниями, был обманут в этой уверенности, когда накануне Рождества Господнего⁵⁹ внезапно узнал, что герцог-таки пришёл с огромным войском. Бежать было невозможно, ибо вся Эльба и Альстер были скованы льдом. Итак, оказавшись в чрезвычайно трудном положении, граф не знал, что делать и куда податься, так как со всех сторон ему угрожала ярость врагов. Он переговорил со своими людьми, не смогут ли они в ночное время, пока враги спят, взяться за оружие и силой вырваться отсюда. Однако и это было невозможно из-за сильных постов, которые были повсюду расставлены вокруг города. Когда наступил день св. Стефана⁶⁰, было принято следующее решение: граф отдаёт герцогу Лауэнбург и получает возможность уйти вместе со своими людьми. Для этого дела был отряжён Гунцелин, граф Шверина, который должен был отвести графа к Лауэнбургу, чтобы тот честно исполнил обещанное. Но, когда дитмарсы узнали, что граф покинул город и находится в лагере у Гунцелина, то либо по собственной инициативе, либо по наущению каких-то людей собрались воедино и, нарушив перемирие, попытались убить графа. Итак, когда возникло смятение, Гунцелин вместе со своими людьми оказал им храброе сопротивление. Вскоре явились полководцы герцога и спасли графа Адольфа от смерти, но поместили его под стражу. Итак, снявшись с лагеря, герцог вместе с Адольфом прибыл к Лауэнбургу, чтобы тот исполнил обещанное. Адольф обратился к защитникам замка с довольно смиренной речью, просив пожалеть его и сдать замок ради его освобождения, но те наотрез отказались от этого. После этого граф был закован в цепи и кандалы. Так, не без позора он был проведён по всем местам, которыми прежде повелевал, и пленником вступил на территорию Дании. А датчане, узнав о пленении своего врага, с радостью и ликованием сообщали всем о случившемся по всем городам и сёлам, как во времена Саула делали филистимляне. А защитники Лауэнбурга тем временем совершали частые вылазки и сильно беспокоили эту землю.

15. О СВАДЬБЕ ГОСПОДИНА ВИЛЬГЕЛЬМА

Не следует предавать забвению тот факт, что господин король Кнут в угоду своему брату Вальдемару с большой торжественностью сочел свою сестру, госпожу Елену⁶¹, узами брака с господином Вильгельмом, сыном герцога Генриха. Этому были рады все друзья герцога, а также вся страна гользатов и штурмаров, надеясь, что вместе с сестрой господина короля он получит и всю эту землю. Но ошиблись в своих ожиданиях, хотя король и его брат, герцог, часто оказывали ему как королевскому зятю многочисленные почести, и он существенно поднял престиж своего имени. Следующим летом господин король Кнут прибыл в Любек и с блеском был принят там духовенством и всем народом. Сельские жители также вышли

навстречу королю и выразили свою готовность служить ему. Итак, король дошёл до Мольна и, приняв заложников, – чего раньше не делал, – вернулся домой, а его брат, герцог, направился к Лауэнбургу. Не сумев его взять, он вновь отстроил замок Хадденберг, который был разрушен жителями Лауэнбурга, и, укрепив его гарнизоном, вернулся домой.

16. О ЗАМКЕ ЗЕГЕБЕРГЕ

Сделав это, герцог увидел, что его люди при осаде Зегеберга лишь напрасно тратят свои силы, потому что защитники замка ввиду укреплённости этого места часто силой отбирают у крестьян быков и прочих пригодных в пищу животных и часто наносят серьёзные раны тем, кто оказывает им сопротивление. В итоге он, как человек, нетерпящий праздности, лично окружил этот замок и, лишив его защитников возможности делать вылазки, жестоко стеснил. Когда из-за длительной осады продовольствие у защитников замка подошло к концу, то они, сильно страдая и терпя муки голода, тем не менее били железными инструментами по жерновам, чтобы противники думали, что и муки, и хлеба у них предостаточно. Наконец утомлённые столькими трудами во время осады и голода горожане сдали замок при условии, что они будут беспрепятственно и в мире владеть своим наследственным имуществом, а также ленами, которыми владели прежде, и вообще всем, что у них было в этом замке. Когда герцог разместил в замке своих людей и радостный возвращался домой, то внезапно получил дурную весть о смерти своего брата короля⁶². Устрашённый этим он поспешил домой как можно быстрее, чтобы принять бразды правления королевством. Когда он при всеобщем согласии был избран на престол, то на Рождество Господне принял из рук достопочтенного Андреаса, архиепископа Лунда, королевское помазание и был торжественно возведён на королевский трон в этом городе.

17. ОБ ОСАДЕ ЛАУЭНБУРГА И ОСВОБОЖДЕНИИ ГРАФА АДОЛЬФА

Уладив все эти дела, король Вальдемар около августа⁶³ с великой славой и несметным войском прибыл в Любек, где его приветствовали как короля датчан и славян и правителя Нордальбингии. После этого сопровождаемый архиепископом Лунденским и братом последнего, Петром Роскильским, он вместе с прочими епископами, приорами и вельможами из нордальбингов, дитмарсов, славян и ругиев с великой силой осадил замок Лауэнбург. Когда он расположился там лагерем, то соорудил множество осадных машин и прочей военной техники. Пращники и лучники постоянно тревожили защитников замка, попеременно нанося и получая раны, и не было недостатка в убитых ни с той, ни с другой стороны. Поскольку всё это продолжалось очень долго, и король никак не мог овладеть замком, – ибо защитники последнего были храбрыми и воинственными людьми, а сам замок был хорошо укреплён, – было заключено перемирие, и горожане потребовали перегово-

воров с королём, в ходе которых завели речь об освобождении графа. Так, при посредничестве архиепископа, его брата, канцлера, и прочих епископов и вельмож было решено, что жители сдадут замок, а граф, предоставив заложников, будет отпущен на свободу. Итак, граф дал вместо себя двух своих сыновей, сына своего родственника, Лиудольфа фон Дасселя⁶⁴, и сына графа Генриха фон Данненберга, а также восемь сыновей своих министерялов. Было клятвенно оговорено, что заложники обретут свободу через 10 лет. Если король в течение этого срока умрёт, то заложники тут же будут возвращены. То же самое следует сделать в случае, если умрёт граф. Так, замок был сдан, а граф, радуясь, вернулся в Шауэнбург.

18. ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЕПИСКОПА ВАЛЬДЕМАРА

Между тем епископ Вальдемар, находившийся в плену вместе с графом, по-прежнему сидел в заключении. Но благодаря милости архиепископа Андреаса и прочих, которые ходатайствовали за него, он наконец был освобождён из плена следующим образом. Поскольку этот Вальдемар был благородным мужем, сыном короля Кнута, наследником огромного состояния и в своё время интриговал против короля Кнута и его брата Вальдемара, тогда герцога, а ныне короля, то очень многие были против его освобождения. Поэтому был созван совет, на котором было постановлено передать решение этого дела на усмотрение господина папы. А тот сообщил через своих послов, что господина Вальдемара следует освободить на следующих условиях: он должен жить как можно дальше от короля Вальдемара, своего родственника и тёзки, чтобы не быть тому в тягость. Это было клятвенно обещано епископом Вальдемаром. Итак, король за свой счёт отправил его к господину папе, чтобы Вальдемар находился у него до тех пор, пока папа не предоставит ему какой-либо крупной епархии. Однако Вальдемар лишь отчасти исполнил свою клятву, ибо в скором времени соединился с королём Филиппом и жаловался ему на то, что король Вальдемар грубо с ним обошёлся. Поэтому некоторые и утверждают, что он нарушил своё слово.

19. О ПОДЧИНЕНИИ ГРЕЦИИ

А теперь, оставив всё это, мы вынуждены обратиться к Греции, чтобы рассказать и современникам, и потомкам о тех недавних и удивительных событиях, которые, как нам стало известно из достоверных источников, произошли там при содействии или попущении Господа. Ибо латиняне совершили там множество славных и достойных упоминания подвигов. Но вот по Божьей ли воле они произошли или по воле людей, пока ещё не вполне ясно. Это, как было сказано, потому произошло с Божьего дозволения, что часто всё, что происходит в церкви, случается именно с Божьего дозволения, а не в результате прямого творения Божьего, хотя и Божье дозволение по праву можно рассматривать как Божье творение. Так, Господь, уступив Сатане, позволил ему поразить Иова, но невзгоды Иова привели к поражению

самого Сатаны и прославлению святого мужа. Ибо Бог, в то время как Иов с Его разрешения подвергался испытанию, пожелал, чтобы сила его терпения, известная только Богу, помогла избранным в учении нравов. Прекрасно это понимая, святой муж после потери своего добра и гибели детей сказал так: «Господь дал, Господь и взял»⁶⁵ и т. д. Ибо у дьявола, с тех пор как он покинул правду и удалился от Бога и сообщества ангелов, первым среди которых он был, как нет никакой собственности, кроме его злобы, так нет и никакой власти. И когда он получает позволение что-то сделать, то действует как разрушитель. Но Бог милосерден и, в то время как что-то совершается, исходя из злой воли дьявола, в итоге получается не то, чего хочет он, но то, что угодно Богу. Но оставим это и перейдём к обещанному.

Около этого времени господину королю Оттону из пределов Греции было прислано следующее письмо:

«Глубокоуважаемому господину Оттону, Божьей милостью римскому королю и вечно августу, Балдуин⁶⁶, граф Фландрии и Геннегау, Людовик⁶⁷, граф Блуа и Клермона, граф Гуго де Сен-Поль и прочие бароны и рыцари войска крестоносцев в венецианском флоте выражают свою любовь и заявляют о своей готовности служить.

О том, какую милость послал нам Господь, вернее не нам, но своему имени, какую славу оказал в эти дни, мы намерены рассказать вам со всей возможной краткостью, предварительно заметив, что с тех пор как мы покинули исходный пункт нашего странствия, – мы называем так Зару⁶⁸, – чью гибель мы наблюдали с болью и вынужденные необходимостью, мы не можем вспомнить ни об одном из сделанных нами распоряжений, касающихся благополучия войска, которое не было бы изменено Божьим провидением к лучшему, так что провидение, приписав себе всё, обратило в глупость всю нашу мудрость. Поэтому все совершённые нами подвиги, всю славу мы по праву отвергаем от себя, проявив слишком мало энергии и почти никакой мудрости. Так что если кто-нибудь из нас захочет похвалиться, то пусть хвалится в Господе, но не в самом себе и не в ком-либо ещё.

Итак, заключив в Заре союз с сиятельным константинопольцем Алексеем⁶⁹, сыном бывшего императора Исаака, мы, испытывая нехватку продовольствия и всего необходимого, решили, что станем скорее обузой для святой земли, как и другие наши предшественники, нежели принесём ей облегчение. Мы верили также, что не сможем при такой нужде добраться до сарацинской земли. Поэтому, узнав на основании правдоподобных слухов и фактов, что большая часть царственного града и весь цвет империи с нетерпением ждут прибытия названного Алексея, – ибо он был избран на императорский трон при всеобщем согласии и с должной торжественностью, – мы, подгоняемые попутным ветром вопреки обычной в это время непогоде, – ибо Господу послушны ветры и моря⁷⁰, – против всякого ожидания благополучно и в короткое время добрались до царственного града⁷¹. Однако наше прибытие не стало неожиданным, ибо мы нашли в городе до 60 000 всадников, не считая пехоты. Без всяких потерь миновав наиболее укреплённые места, мосты, башни и реки, мы одновременно с суши и с моря осадили этот город и тирана⁷², который, совершив преступление против брата, своим долговременным присутствием пятнал трон империи. И вот, вопреки всем ожиданиям мы застали всех его жителей, на-

строенными против нас, а город, ошестинившимся против своего государя стенами и противоосадной техникой так, словно пришёл неверный народ, который намерен осквернить святые места и до конца искоренить христианскую веру. Ибо кровожадный узурпатор императорской власти, предавший и ослепивший своего брата и господина, который безвинно осудил его на вечное заточение и точно также поступил бы и с его сыном, если бы тому не посчастливилось вырваться из его рук и уйти в изгнание, провёл в народе нечестивое собрание, на котором отравил ядовитыми речами и вельмож, и простых людей, уверяя, что латиняне прибыли для того, чтобы уничтожить старинную свободу; это место и этот народ они спешат возвратить римскому владыке, а империю подчинить латинским законам. Это, действительно, настолько восстановило и вооружило их против нас, что они, казалось, все как один поднялись против нас и нашего изгнанника. Часто через послов, то есть через нашего изгнанника и через наших баронов, а также лично мы просили горожан выслушать нас, но так и не смогли сообщить им ни о цели нашего прихода, ни о том, чего мы хотим от них, и сколько бы раз мы на суше или на море ни обращались с речью к стоявшим на стене людям, столько же раз мы вместо слов получали в ответ стрелы. Итак, мы увидели, что всё вышло вопреки нашим ожиданиям, и мы оказались в такой нужде, что нам осталось теперь только или умереть, или победить. Ведь мы не могли затянуть эту осаду более чем на 15 дней, ибо испытывали острую нехватку продовольствия. Поэтому не от отчаяния, но обретя свыше нечаянное спокойствие духа, мы начали стремиться к битве, готовые храбро встретить опасность и почти невероятным образом одолеть всех врагов. Часто выстраивая для битвы в поле войска, мы обратили в постыдное бегство и загнали в город огромное множество врагов. Итак, приведя в боевую готовность осадную технику на суше и на море, мы на восьмой день осады силой ворвались в город⁷³. Начался пожар, и император вывел против нас в поле своё войско. Однако мы были готовы к встрече с прибывшими, и он, удивлённый нашей твёрдостью, – ибо нас было не очень много, – постыдно повернул назад. Вернувшись в горящий город, он той же ночью бежал вместе с немногими людьми, оставив в городе жену и малолетнего сына. Узнав об этом, – в то время как мы ещё ничего этого не знали, – греческие вельможи собрались во дворце и провели торжественное избрание нашего изгнанника, или, вернее, объявили о его восстановлении на троне. Многочисленные огни во дворце возвестили о нечаянной радости. На следующее утро в лагерь явилась безоружная толпа греческих вельмож и с радостью просила дать им их избранника; затем они объявили о возвращении городу свободы и с несказанной радостью представили восстановленному на императорском троне сыну голову его освобождённого из тюрьмы отца Исаака⁷⁴. Итак, заранее уладив все казавшиеся необходимыми формальности, новый император с торжественной процессией был введён в церковь св. Софии, где нашему изгнаннику без всяких возражений была возвращена императорская корона и вся полнота власти.

После всего этого император приступил к исполнению обещанного и сделал даже больше, чем обещал. Так, ради предстоящей службы Господней он выдал всем нам годовой запас продовольствия, велел уплатить нам и венецианцам 200 000 марок и на год взял на себя содержание нашего флота. Далее он клятвенно обязался поднять

вместе с нами королевское знамя и в марте с первым пассатом отправиться с нами на службу Господу с таким количеством вооружённых воинов, какое только сможет собрать. А в заключение он обещал оказывать римскому понтифику такое же уважение, какое, как известно, его предшественники, католические императоры, некогда оказывали предыдущим папам, и по возможности склонить к этому восточную церковь. Итак, соблазнённые такими выгодами мы, дабы не казалось, будто мы презрели то благо, которое Господь дал нам в руки, и обратили в несмыаемый позор то, что Он, казалось, уступил нам к ни с чем не сравнимой чести, охотно согласились со всем этим. Мы также с готовностью обязались, если даст Бог, провести там зиму, а с ближайшим пассатом, насколько то будет от нас зависеть, отправиться в пределы Египта, и заявили, что таково наше твёрдое и неизменное желание.

А теперь, если от того, что уже совершено или ещё только будет сделано, мы ожидаем какой-то выгоды, милости или славы, то мы желаем в Господе, чтобы вы, ваше величество, приняли в этом участие или, вернее, возглавили это. Тем временем мы направили к султану Вавилонии, нечестивому захватчику Святой земли, наших послов, чтобы они от имени высшего царя, Иисуса Христа из Назарета, и его рабов, то есть названного императора и нас самих, по порядку сообщили, что мы, если даст Бог, намерены в самое ближайшее время показать его неверному роду благоговение христианского народа и ожидаем лишь небесной силы для сокрушения его неверия. Мы сделали это, полагаясь более на вашу силу, а также силу прочих ревнителей христианского имени, нежели на свою собственную, и желаем, чтобы наши сотоварищи в служении Господу присоединились к нам тем более преданно и страстно, чем большее количество лучших слуг нашего короля сражается, как мы видим, вместе с нами, дабы тот, кто был некогда предан евреями, а ныне вознесён во славе, не был более оставлен язычникам на поругание».

20. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Вот, что мы узнали о первоначальном вступлении латинян в Грецию из отправленного королю письма, которое вы только что слышали. А теперь, на основании ещё одного, приведённого ниже письма, вы можете узнать также о завоевании этой страны и установлении там власти Балдуина, императора Константинопольского, а также о том, с какой силой он подчинил себе эту землю и с какой щедростью раздал спрятанные сокровища и сундуки с добром, которыми наделил его Бог.

«Балдуин, Божьей милостью вернейший император Константинопольский, коронованный Богом римский правитель и вечно август, граф Фландрии и Геннегау, всем верующим во Христа, архиепископам, епископам и аббатам, приорам, настоятелям, деканам и прочим церковным прелатам и духовным лицам, а также баронам, рыцарям, сержантам и всему христианскому люду, до кого дойдут эти страницы, шлёт в спасительной правде милость и свой привет.

Услышьте те, кто далеко, и те, кто близко, удивитесь и восславьте Господа, ибо Он сделал великое, когда соизволил повторить в наши времена древнее чудо и

даровал достойную во все века удивления славу не нам, а своему имени. За его чудесами, которые Он уже явил нам, всегда следуют ещё более удивительные явления, чтобы даже у неверных не осталось сомнения в том, что всё это сотворено рукой Господа, ибо ничто из того, на что мы ранее надеялись и к чему стремились, не сбылось, но Господь только тогда оказал нам новую помощь, когда человеческой мудрости было уже недостаточно. Если нам не изменяет память, то в отправленном вашему вселенскому [святейшеству] письме мы довели рассказ о наших успехах и о нашем положении до того момента, как после взятия штурмом многолюдного города, осуществленного немногими людьми, после изгнания тирана и коронации Алексея нам были обещаны и подготовлены квартиры, чтобы мы остались там на зиму и силой подавили тех, кто захочет оказать Алексею сопротивление. Тем не менее, не желая, чтобы враждебное нашим нравам варварство стало причиной вражды между нами и греками, мы ушли из города и по просьбе императора расположились лагерем напротив Константинополя, на той стороне моря⁷⁵.

Однако как то, что мы совершили для греков, было делом рук не людей, а Бога, так и то, чем Греция вместе с новым императором отплатила нам с обычным для себя вероломством, также было делом рук не людей, а дьявола. Ибо император, которому мы оказали такое благодеяние, поддавшись вероломству греков, внезапно отдалился от нас и во всём, что обещал нам вместе с отцом, патриархом и толпой вельмож, показал себя лжецом и клятвопреступником, ибо совершил клятвопреступление столько раз, сколько дал нам клятв. Поэтому лишённый в конце концов нашей помощи он безрассудно вздумал сразиться с нами и попытался сжечь флот, который доставил его сюда и возвёл на престол. Но Господь уберёт нас, разрушив его гнусные планы. Его позиции везде становились всё слабее, а людей его повсюду ждали смерть, пожары и разбой. Ему угрожала битва снаружи, и терзали страхи внутри города. А греки, пользуясь случаем, – поскольку он не мог более обратиться к нашей помощи через какого-либо кровного родственника, – избрали другого императора⁷⁶. И вот, когда у него осталась только одна надежда на спасение – опереться на нас, он послал к нашему войску одного из своих присяжных – Мурзуфла⁷⁷, на которого из-за оказанных ему благодеяний полагался более всех прочих, и тот от имени императора и от себя лично клятвенно обещал передать нам в залог дворец, называемый Влахерны, пока император не уплатит всё, что обещал. Для принятия этого дворца прибыл благородный маркграф Монферато⁷⁸ с нашими рыцарями. Но греки опять обманули наших и, хотя нам согласно обещанному уже были переданы заложники, не обошлось без обычного для них вероломства. Следующей ночью Мурзуфл, изменив своему господину и нам, открыл [грекам] тайну передачи нам дворца и заявил, что они из-за этого навсегда лишатся свободы, если не будут бороться против этого всеми способами и не свергнут Алексея. В награду за это предательство он был провозглашён греками императором. Итак, он поднял безбожную руку на своего спавшего и ничего не ведавшего господина и бросил его, жертву измены, в темницу вместе с неким Николоае, которого народ без его ведома возвёл в императоры в Святой Софии, а сам захватил императорскую корону. Вскоре после этого окончил свои дни господин

Исаак, отец Алексея, который, как говорили, был первым из тех, кто отвратил от нас душу его сына.

Греки жаждали только нашей крови, так что когда весь народ и, особенно, духовенство стали кричать, что нас следует тут же стереть с лица земли, названный уже предатель возобновил против нас войну и укрепил город на бастионах машинами, подобных которым никто и нигде не видел. Стена удивительной ширины и не менее значительной высоты имела довольно внушительные башни, которые отстояли друг от друга примерно на 50 футов. Между двумя башнями со стороны моря, откуда опасались нашего нападения, построили ещё и деревянную башню, возвышавшуюся над стеной на три или четыре этажа, где расположилось огромное количество вооружённых людей. Кроме того, везде между двумя башнями были установлены петрарии и магнеллы⁷⁹. Над башнями были надстроены очень высокие деревянные башни в шесть этажей, и с последнего этажа в нашу сторону направлены лестницы, снабжённые с обеих сторон опорами и укреплениями, так что концы этих лестниц опускались несколько ниже того расстояния, до которого можно достать, стреляя с земли из лука. И, наконец, стену обнесли ещё одной, более низкой стеной и двойным рвом, чтобы к стене нельзя было приставить осадные машины, под которыми могли бы прятаться те, кто должен был подрывать стены. Между тем коварный император беспокоил нас на суше и на море, однако Господь всегда оберегал нас и сводил на нет все попытки врагов. Так, когда от нас, вопреки нашему распоряжению, ушло в поисках продовольствия около 1000 наших воинов, против них с большим отрядом выступил император, но в первом же столкновении был наголову разбит⁸⁰, понеся большие потери убитыми и ранеными, тогда как наши при этом практически не пострадали. Сам он, обратившись в постыдное бегство, потерял щит, бросил оружие и оставил как императорское знамя, так и драгоценную икону, которую велел нести впереди себя; наши, одержав победу, подарили её ордену цистерцианцев. После этого он вторично попытался сжечь наши суда. Так, в ночной тиши, при сильном южном ветре, он направил в сторону наших кораблей 16 своих брандеров с высоко поставленными и привязанными к носовой части парусами. Но при помощи Господа и с большим напряжением наших сил мы сохранили их в целости и сохранности. Наши вбили в горящие суда гвозди с приделанными к ним цепями и на вёслах вывели суда в открытое море. Так мы были спасены Господом от угрожавшей нам смертельной опасности. Мы вызвали также противника на сухопутную битву и, перейдя мост через реку, которая отделяла наше войско от греков, долгое время стройными рядами стояли перед воротами царственного града с животворящим крестом во главе, готовые во имя Господа полков Израиля вступить с греками в битву, если им будет угодно выйти из города. Но для рыцарских упражнений вышел только один благородный воин, и наши пехотинцы разорвали его на куски, после чего вернулись в лагерь. Мы и потом часто вызывали их на суше и на море и с Божьей помощью всегда одерживали победу.

Итак, коварный захватчик императорского престола якобы ради мира отправляет к нам послов, просит и добивается переговоров с венецианским дожем⁸¹. Но дож возразил ему, сказав, что не может заключить прочный мир с тем, кто, презрев

святость присяги, верности и договора, свято соблюдаемого между всеми, в том числе между неверными, заключил в темницу своего господина и отнял у него власть. Он также дал ему добрый совет – восстановить на троне своего господина и смиренно просить у него прощения, и обещал в этом случае наше заступничество. Мы, говорил он, милостиво обойдёмся с его господином, если он того захочет, и всё, что он сделал против нас дурного, спишем на его возраст и заблуждения, если он образумится. Но тот произнёс в ответ лишь пустые слова, ибо ответить по существу ему было нечего. От послушания римскому понтифику и поддержки Святой земли, клятвенно обещанных Алексеем и подтверждённых его императорской грамотой, он наотрез отказался, заявив, что предпочтёт скорее расстаться с жизнью и погубить Грецию, чем допустить, чтобы восточная церковь подчинялась латинским владыкам. Итак, следующей ночью он тайно задушил в тюрьме своего господина, с которым ещё днем делил трапезу. Затем железной палицей, которая была у него в руках, он с неслыханной жестокостью разбил бока и рёбра убитого и распространил слух, будто тот сам случайно лишился жизни, хотя именно он удавил его верёвкой. Устроив ему императорские похороны, он посредством последних почестей скрыл это всем известное преступление.

Так прошла вся зима до того дня, как мы, приготовив на наших кораблях лестницы и установив боевые машины, погрузились на суда и 9 апреля, то есть в пятницу перед днём Страстей Господних, все разом, во имя чести святой римской церкви и ради поддержки Святой земли, с моря атаковали город. В этот день, хоть и без большой крови со стороны наших, мы встретили такой отпор, что стали посмешищем в глазах наших врагов, чьи позиции в этот день во всех отношениях были более слабы, так что мы были вынуждены оставить грекам вытщенные на сушу боевые машины и, не окончив дела, отступить на противоположный берег. В итоге мы в этот день, очевидно, лишь напрасно тратили силы. Итак, сильно смущённые и объятые страхом мы тем не менее укрепились в Господе и, приняв решение, вновь приготовились к битве. На четвёртый день, 12 апреля, то есть в понедельник после Страстей Господних, мы, воспользовавшись северным ветром, опять причалили к стенам и с большим трудом и при ожесточённом сопротивлении греков соединили корабельные лестницы с лестницами башен. Но, как только они, вступив в рукопашную, ощутили на себе мечи наших воинов, исход битвы не долго оставался сомнительным. Ибо два связанных друг с другом корабля, которые везли наших епископов – Суассонского и Труасского – и назывались «Рай» и «Пилигрим», первыми достигли своими лестницами лестниц на башнях и дали пилигримам счастливую возможность сразиться с врагами во имя рая. Знамена епископов первыми взвились на стенах, и служителям небесных таинств небом была дарована первая победа. Итак, как только наши ворвались в город, то несметная толпа отступила по воле Господа перед немногими; греки бросили укрепления, и наши храбро открыли ворота рыцарям. Когда император, который в полном вооружении стоял в шатре неподалёку от стен, увидел их вторжение, то сейчас же покинул лагерь и бежал. Наши занялись резнёй, многолюдный город был взят, а те, кто спасся от наших мечей, укрылись в императорских дворцах. Наконец наши вновь

собрались уже после того, как устроили грекам страшную резню. Когда наступил вечер, они, изнурённые, сложили оружие, чтобы обсудить завтрашний штурм. Император также собрал своих людей и призвал их к завтрашнему сражению, уверяя, что теперь они в силах одолеть наших, которые заперты внутри городских стен. Однако ночью он тайно бежал, тем самым признав своё поражение.

Поражённый этим известием греческий народ приступил к избранию нового императора. Но с наступлением утра, когда они собирались провозгласить некоего Константина⁸², наши пехотинцы, не дожидаясь решения вождей, бросились к оружию, и греки, обратив тыл, оставили прочнейшие и чрезвычайно укреплённые дворцы, так что весь город в одно мгновение был взят. Было захвачено огромное количество лошадей, а золота, серебра, шелков, дорогих одежд и драгоценных камней, то есть всего того, что считается у людей богатством, нашли в таком изобилии, что столько богатств, казалось, не было во всём латинском мире. Те, кто прежде отказал нам в малом, теперь по Божьей воле оставили нам всё, и мы по праву можем сказать, что ни одна история не рассказывает о более удивительных событиях во время военных походов, чем эта, и что в нас, очевидно, исполнилось пророчество, которое гласит: «Один из вас прогоняет сотню»⁸³; ведь если разделить победу на всех, то каждый из наших осадил и победил не меньше сотни врагов. Однако мы отнюдь не приписываем себе эту победу, ибо над всем чудесным простёрта длань Всевышнего и десница силы Его открылась в нас⁸⁴. Это сотворено Господом и удивительно в очах наших⁸⁵.

Итак, тщательно приведя в порядок всё, что было необходимо, мы все разом смиренно приступили к избранию императора. Отложив всякое честолюбие, мы, во имя Господа, наряду с шестью венецианскими баронами назначили выборщиками нашего императора достопочтенных мужей, а именно: наших епископов – Суассонского, Хальберштадтского⁸⁶ – и Вифлеемского, который был прислан к нам из заморских земель апостольской властью, а также избранного епископа Акко и аббата Луцедия⁸⁷. Совершив, как подобало, молитву, они в воскресенье «Милосердия Господнего» единодушно и торжественно избрали нашу особу, – хоть это и не соответствовало нашим заслугам, – а духовенство и народ воздали хвалу Господу. И, поскольку Пётр велит почитать царя и оказывать ему повиновение⁸⁸, а Евангелие обещает, что никто не отнимет у вас вашей радости⁸⁹, то в следующее воскресенье, когда поют «Воскликните Богу», *угодные Господу* и людям отцы, названные владыки, с величайшей честью и радостью, при одобрении и благочестивых слезах всех присутствующих, к чести Бога и святой римской церкви, торжественно возвели нас на императорский трон и короновали, и даже греки рукоплескали нам по своему обычаю. Были там и жители Святой земли, лица духовного и рыцарского звания, чья радость и поздравления превосходили все прочие. Они утверждали, что если царственный град ради окончательного поражения врагов Креста посвятит себя святой римской церкви и святой земле Иерусалимской, – ибо он так долго и так сильно сопротивлялся им, противореча во всём, – то это будет гораздо более угодно Богу, чем даже возвращение христианскому культу святого града. Ведь он – тот, кто по отвратительному обычаю язычников прибегал ко взаимному распитию кро-

ви во имя братского с ними союза, часто дерзал заключать гибельную дружбу с неверными, долго питал их богатой молоком грудью и возвысил до мировой гордыни, поставляя им оружие, корабли и продукты питания, которые они использовали против пилигримов, как то хорошо известно всему латинскому народу даже не со слов, а по собственному опыту. Он – тот, кто из ненависти к верховному понтифику едва мог слышать имя князя апостолов и среди стольких греческих церквей ни одной не уступил тому, кто получил власть над всеми церквями от самого Господа. Он, как вспоминают недавние очевидцы, тот, кто приговорил папского легата к такой постыдной смерти, что подобной ей не найти среди прочих смертей мучеников, хотя звериная жестокость придумывала для них невероятные муки⁹⁰. Он – тот, кто учил почитать Христа только через иконы и посреди отвратительных обычаев, которые они выдумали себе, презрев авторитет Писания, и часто дерзал оскорблять спасительное крещение повторением этого обряда. Он – тот, кто всех латинян считал недостойными имени людей, – но лишь имени собак, чью кровь пролить считалось чуть ли не заслугой, – по крайней мере, обмирщённые монахи, у которых по вытеснении священников была вся власть вязать и разрешать, не налагали за это никакого наказания. Когда исполнилась мера нечестия тех, которые довели Господа Христа до отвращения, то по Божьему приговору и благодаря нашей службе Он поразил эти и другие подобного рода сумасбродства, о которых из-за краткости письма нет возможности рассказать, достойной карой и, изгнав тех, которые ненавидели Бога и любили самих себя, передал нам эту землю, в избытке наделённую всеми благами, хлебом, вином и маслом, богатую плодами, украшенную лесами, водами и пастбищами, удобную для проживания и лежащую в умеренном климате. Другой такой страны нет в мире.

Но на этом не остановятся наши желания, ибо мы не допустим, чтобы королевское знамя упало с наших плеч, пока мы не сохраним за собой эту страну путём заселения её нашими людьми, после чего посетим заморские земли и с Божьей помощью исполним цель нашего странствия. Мы уповаем на Господа Иисуса, ибо тот, кто начал в нас доброе дело, доведёт его до конца в похвалу и славу своего имени и ради окончательного уничтожения врагов Креста укрепит и ободрит нас. Итак, мы настоятельно умоляем в Господе ваше вселенское [величество] соизволить разделить с нами эту славу, победу и страстную надежду, врата которой широко открыты для нас, ибо вам вне всякого сомнения удастся обрести и земные, и небесные блага, если знатные и незнатные люди всякого звания и обоего пола загорятся этим желанием и все разом устремятся к поистине несметным богатствам. Поскольку у нас, благодарение Богу, всего, что дало нам рвение к христианской религии, в избытке, то мы хотим и в то же время можем осыпать богатствами и почестями всех, согласно их статусу и происхождению. Мы также настойчиво просим в Господе боголюбивых церковных мужей нашей веры и обряда, чтобы они убедительными словами призывали к этому свою паству, воодушевили её собственным примером и сами наперёбой устремились сюда, чтобы уже не в крови, но с великой свободой и миром, а также изобилием всех благ обустроить в этих прелестных и плодороднейших местах церковь, как и положено, вечно сохранив послушание прелатам».

КНИГА СЕДЬМАЯ

1. О ТОМ, КАК АДОЛЬФ КЁЛЬНСКИЙ ОТПАЛ ОТ КОРОЛЯ ОТТОНА

Вот то, что нам стало известно о положении латинян и о подчинении Греции и что мы сообщаем читателям. Но поскольку о конце этой истории мы пока ещё не в состоянии сказать ничего определённого, то вернёмся к продолжению истории королей.

Итак, когда король Оттон, как было сказано, утвердился в Кёльне и удача, казалось, продолжала улыбаться ему, против него внезапно возникла неожиданная вражда. Ибо граф фон Гулик¹ начал интриговать против него, так что, тайно отправив к королю Филиппу письма и послов, поручил передать, что если тот осыплет его богатствами и почестями, он привлечёт на его сторону не только всех князей, сторонников короля Оттона, но даже архиепископа Кёльнского. Тот обрадовался и велел графу встретиться с ним по поводу этого дела в условленном месте. Так и было сделано. Итак, Филипп крепко привязал его к себе присягой, пожаловал некий двор, приносящий 600 марок дохода, и, одарив золотом и серебром, дорогими одеждами и конями, отпустил домой. Ко всем, кто ему служил, он также отнёсся с большим вниманием. Итак, граф Вильгельм настолько опутал своими речами этого архиепископа и всех вельмож, что все они отреклись от Оттона и перешли на сторону Филиппа. Что же далее? Когда заговор вступил в силу, Филипп был силой введён в Ахен, посвящён в короли архиепископом Адольфом и возведён на императорский трон². Однако это пришлось не по нраву жителям Кёльна, которые сохранили верность Оттону и упрекали архиепископа за то, что он отважился на такое новшество, не посоветовавшись с ними. Они весьма настойчиво уговаривали его отказаться от того, что он совершил, приводя ему на память действия господина папы, который по его же просьбе утвердил короля Оттона и решил не возлагать рук ни на кого более, кроме него. Когда же архиепископ не пожелал менять ни намерений, ни действий, то к господину папе были отправлены письма от короля, а также от главного капитула и жителей города, в которых они слёзно сообщали ему обо всём, что произошло. Папа, возмущённый этим, апостольской грамотой велел архиепископу в течение шести недель явиться к апостольскому престолу и очиститься от этих обвинений.

2. ОБ УВЕЧЬЕ ДЕКАНА И ГИБЕЛИ КАНЦЛЕРА

Между тем нельзя также забыть о том, что когда доброй памяти Генрих³, старший декан Магдебурга, хотел прийти к королю Филиппу по каким-то своим делам,

то Герхард, брат бургграфа⁴, подозревая его в том, что он якобы хочет что-то предпринять против его брата, канцлера Конрада, погнался за ним со своими людьми и, дерзостно подняв на него руку, повалил на землю и ослепил этого доброго и благочестивого мужа, призванного стать украшением своей церкви⁵. Эта дерзость была наказана следующим образом: Герхард должен был уплатить пострадавшему 1000 марок серебра, передать кафедральной церкви до 100 марок со своего феода и вместе со многими дворянами принести ему также оммаж. Кроме того, ему вместе с 500 рыцарями пришлось уплатить ему также так называемый рыцарский штраф, то есть каждый рыцарь должен был принести от места, где было совершено преступление, до ворот кафедральной церкви по одному шенку.

К этому следует также добавить, что названный канцлер Конрад, отказавшись от Хильдесхаймской церкви, был возведён в епископы Вюрцбурга. Будучи ревнителем справедливости, он, защищая свою церковь, вступил в конфликт со своими министрами, которые дерзнули захватить церковную собственность. Предложив им решить это дело миром, посредством правосудия, он был коварно убит своими противниками в городе Вюрцбурге⁶. На месте его убийства верующими был воздвигнут искусно выполненный крест, на котором была изображена следующая эпитафия:

«Здесь пал я, не желавший мириться с преступлением,
Здесь мне коварно нанесли раны и я переселился на небо».

Это – глас убиенного, вместе с кровью праведного Авеля взывающий к Богу. Некоторые говорят также, что убитого нашли во власянице, что при жизни он заботился о бедных и каждую неделю жертвовал им в виде милостыни по слитку золота. Господь знает о нём всё. Но кто поверит, что столь изысканный муж, ходивший в шелках, был одет во власяницу? Под светской оболочкой никогда не бывает духовной сущности, но под духовной оболочкой – увь! – зачастую таится мирская душа.

3. О НИЗЛОЖЕНИИ АРХИЕПИСКОПА КЁЛЬНСКОГО И ВОЗВЕДЕНИИ НА ЕГО МЕСТО БРУНО

Архиепископ же, презрев повеление папы, так и не явился к нему. Поэтому были назначены судьи – Генрих, каноник из св. Гереона, и прихожане Ансельм и Христиан, которые, формально вызвав архиепископа, убеждали его отказаться от своего заблуждения, говоря, что в противном случае они подвергнут его отлучению, низложат и поставят во главе святой церкви другое, более подходящее лицо. Так и было сделано. Ибо, когда Адольф не захотел внимать их спасительным увещаниям, он был отлучён⁷, а вместо него поставлен Бруно⁸, приор Бонна. Для более торжественного исполнения этого дела господин папа направил, правда, более влиятельных лиц, как то следует из приведённого ниже послания:

«Епископ Иннокентий, раб рабов Божьих, достопочтенным братьям, архиепископу Майнца и епископу Камбре, а также возлюбленному сыну, схоластику из св. Гереона, шлёт привет и апостольское благословение.

Упорное непослушание Адольфа, архиепископа Кёльнского, его двойное клятвopепреступление и всем известная измена требуют, чтобы он упал в яму, которую вырыл, и чтобы безбожный меч поразил его сердце. Ибо он, не боясь ни Бога, ни людей и не думая о достоинстве Кёльнской церкви, в пику Богу, святой римской церкви и к ущербу своего собственного престола сбросил иго послушания, нарушил дважды принесённую клятву и предал того, кого сам же и создал. Ведь именно он некогда короновал нашего возлюбленного во Христе сына, сиятельного Оттона, избранного римским императором, принёс ему клятву верности и настойчиво просил нас оказать этому королю апостольскую милость и утвердить то, что он сделал. И вот, когда он посредством многочисленных просьб добился от нас того, что мы, оказав милость этому королю, подняли значение Кёльнской церкви, то начал охлаждать в этом рвении и, отняв свою руку от пахаря, стал искать у нас пустых поводов не для того, чтобы полить то, что насадил, но чтобы побыстрее засохли его насаждения, лишившись заботливой руки земледельца. Но поскольку и насаждающий, и поливающий есть ничто, а Бог возвращающий – всё⁹, то новая пальма благодаря милости Божьей всё-таки выросла и протянула уже ветви и разрослась; и увидел это завистливый земледелец, и вознегодовал, и не смог долго скрывать свой яд, ибо дурные дела выдали его дурные мысли, и о дереве стало известно по его плодам. Итак, вняв увещаниям, он вновь дал клятву, что никогда не покинет этого короля и не перейдёт на сторону его противника. Но дух его не смог сдержать эту клятву, ибо страдал врождённым легкомыслием. Мы же, хоть и с трудом поверив, что муж, наделённый таким достоинством, является врагом самому себе и стремится ликвидировать то, что сам же и сделал, не оставили это без нашего внимания и, желая призвать его к постоянству, угрозами и угрозами, так строго, как только могли, велели ему помогать названному королю и деятельно способствовать его преуспеванию, остерегаясь заслужить проклятие вместо благословения, если выяснится, что он так постыдно нас обманул. Но он, забыв о том, что как послушание ценят более жертвенных даров, так непослушание приравнивают к идолопоклонству, разорвал узду и впал в грех непослушания. Как говорят, подкупленный деньгами он вопреки нашему повелению и собственной клятве безрассудно предал своего господина и, обратившись в кривой лук, вопреки ему неразумно примкнул к благородному мужу Филиппу, герцогу Швабии. Чтобы ещё более усугубить эту дерзость и чтобы уже нечем было прикрыть его вину, он в Ахене, где торжественно короновал названного короля, недавно публично возложил корону на упомянутого герцога, хотя тем самым принял на себя приговор об отлучении, который наш брат Гвидо, архиепископ Реймский, а тогда епископ Пренесте и легат апостольского престола, произнёс перед огромной толпой в Кёльне, в церкви св. Петра, против тех, которые отпадут от названного короля и перейдут на сторону его противника; а ведь он сам там был со священнической столой на шее и с зажжённой свечой в руке. Итак, пусть жители Кёльна, которые не захотели следовать во зле за дурной головой, но твёрдо упорствовали и упорствуют в верности этому королю, удалив старую закваску, которая угрожала испортить всё тесто, станут новой закваской, ибо они – чисты и неподкупны. Поскольку, согласно каноническим нормам, это дело не нуж-

дается в открытом обвинении, то и мы, следуя примеру того, кто, отсутствуя телом, но присутствуя духом, осудил отсутствовавшего коринфянина, смогли огласить против него приговор; но во имя большей осторожности мы, по совету наших братьев, как епископов, так и многих других прелатов, апостольской грамотой поручаем вашей рассудительности и сурово повелеваем, чтобы вы, поскольку всё это нам уже ясно как день, каждое воскресенье и в каждый праздничный день под звон колоколов и при зажжённых свечах публично объявляли об отлучении названного архиепископа, и с такой же торжественностью велели объявить по всем кёльнским церквям и соседним диоцезам, что все зависимые люди и все вассалы Кёльнской церкви, как клирики, так и миряне, освобождаются от повиновения ему. Поскольку, если такое преступление останется не отмщённым, то впредь каждый сможет безнаказанно совершать грех непослушания, а также клятвопреступление и измену, мы строжайше повелеваем вам, чтобы вы, поддержанные нашей властью, невидя на какие бы то ни было возражения и отговорки, отстранили его от должности епископа. Если в течение месяца после сделанного вами объявления он не явится на суд к апостольскому престолу, вы должны обязать апостольской властью тех, кому, как вы знаете, принадлежит право выбора, избрать в пастыри подходящее лицо, соответствующее столь высокой чести и обязанностям. Если же избрание – упаси Бог! – по какой-то причине придётся отложить, то чтобы имущество Кёльнской церкви не пострадало, поручите управление ею какому-либо достойному, предусмотрительному и могущественному лицу. Поскольку мы тем более ревнуем о чести этой церкви, чем более преданности и упорства видим в её духовенстве и народе, то дабы её единство не было нарушено из-за какого-либо раздора, если вдруг те, к кому относится выбор, не смогут прийти к единому решению, велите им остановить свой выбор на каких-либо подходящих мужах. Последним следует прийти к апостольскому престолу, после чего мы с нашей мудростью при содействии Господа приложим все силы к их согласию, чтобы они избрали в прелаты подходящее лицо».

Так Адольф, как того и заслуживал, был отстранён от своей должности, а упомянутый Бруно поставлен на его место. Получив от господина папы знаки архиепископского достоинства, он, поддерживая мирные отношения с Оттоном, правил своими подданными в городе, а Адольф как родовитый муж не прекращал силой тревожить тех, кто находился за его пределами.

4. О ПОСТОЯНСТВЕ ГОСПОДИНА ПАПЫ

Во всех этих делах папа, словно неподвижная колонна, не отступал от своего намерения, продолжая ослаблять ослушника церковной карой и твёрдо поддерживая сторону Оттона. Не было недостатка и в тех, которые уговорами, подарками и обещаниями старались изменить его планы. Но ни просьбами, ни посулами, ни даже угрозами его нельзя было отвратить от того, что он делал; напротив, он всегда и во всём старался поддержать и укрепить своего избранника. Убедиться в

истинности этого ясного как день утверждения мы можем на основании следующего письма:

«Епископ Иннокентий, раб рабов Божьих, дражайшему во Христе сыну, сиятельному королю Оттону, избранному римскому императору, шлёт привет и апостольское благословение.

Об истинных намерениях, которые мы до сих пор имели и имеем в отношении твоего возведения на престол, нам не нужно говорить в письме, ибо об этом полнее скажет результат, а дела вернее, нежели слова, разъяснят наши мысли. Ибо мы вопреки мнению и советам очень многих с самого начала приняли твоё дело, хотя почти никто не надеялся на его успех, и деятельно старались тебя поддержать. Мы не оставили тебя в трудных обстоятельствах, когда после смерти славной памяти Ричарда, короля Англии, твоего дяди, тебя, казалось, покинули чуть ли не все. Ибо, хоть и не было недостатка в тех, кто многократно и подарками, и обещаниями пытались отвратить нас от поддержки тебя, но ни просьбами, ни деньгами, ни угрозами, ни уговорами не смогли тронуть нашу душу; напротив, наше расположение к тебе росло изо дня в день, и мы были всё более склонны тебя поддерживать. И, хотя насаждающий и поливающий есть ничто, а Бог возвращающий – всё⁹, мы всё-таки радуемся в том, кто даёт всем просто и без упрёков¹⁰, ибо он милостиво даёт рост тому, что мы насадили и полили, так что из нашего насаждения, подобно горчичному зерну, которое, как мы читаем, женщина посадила в своём саду, уже выросло большое дерево, и на ветвях его в скором времени, даст Бог, будут сидеть птицы¹¹, а под его кроной отдыхать звери. Итак, поскольку Господь направляет твои пути и всё больше укрепляет изо дня в день твоё царство, мы просим твою царскую милость и увещеваем в Господе, чтобы теперь, когда ты уже получил удобное время, ты деятельно и непрерывно, в благоприятных и неблагоприятных обстоятельствах, стремился к тому, чтобы за добрым началом последовал ещё лучший конец, а наше общее желание достигло заветной цели. Поддерживай в любви и смирении князей, которые поддерживают тебя, чтобы и других привлечь к поддержке твоей милости, и, пока ты пользуешься расположением князей, стремись к завершению твоих начинаний. Не отступай от своего дела ни на шаг, но со всей энергией старайся преуспеть в нём. Мы надеемся на того, кто является опорой уповающих на него, что если ты вновь добьёшься успеха, как, судя по твоим словам, добился его в этом году, то некому уже будет противостоять тебе и сопротивляться Божьей воле.

Дано в Ананьи, 16 декабря, в шестой год нашего понтификата».

Думаю, что о постоянстве господина папы в отношении короля Оттона сказано достаточно.

5. О ПОРАЖЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ КЁЛЬНА И ПЛЕНЕНИИ АРХИЕПИСКОПА БРУНО

А Филипп не переставал беспокоить Кёльн. Щедро раздавая подарки, он, как было сказано, так привязал к себе всех, что даже герцога Лимбурга¹² привлёк на

свою сторону. Ибо после устранения архиепископа Адольфа тот принял заботу об этом городе, так что всё и вся делалось там по его воле. И вот однажды, когда Филипп атаковал Кёльн¹³, он коварно вывел его жителей и спас их от нападения врагов; но враги внезапно обрушились на ничего не подозревавших горожан и, перебив до 400 человек, всех остальных увели в плен, – лишь очень немногим удалось уйти. Король¹⁴ тем не менее спасся вместе с епископом Бруно и сыном герцога по имени Вальрам¹⁵ и прибыл к замку Вассенберг¹⁶, надеясь найти там убежище. Но, опасаясь измены, он вместе с Вальрамом бежал оттуда ночью через подземный ход. Преследовавшие его враги надеялись, что король попал в западню, и очень расстроились, не найдя его там. Но скрывавшегося там епископа они схватили и передали королю Филиппу. А тот, надеясь обрести от пленника большие выгоды, бросил епископа в оковы и какое-то время держал в плену. Его довольно постыдным образом перевозили из одного места в другое, пока не привели наконец в Вюрцбург, где он содержался в плену долго, но уже не так строго.

6. ПРОДОЛЖЕНИЕ

После этого¹⁷ господин папа отправил для установления соглашения двух кардиналов, – одного звали епископ Гуго, а второго – Лев¹⁸, – чтобы они сняли с Филиппа отлучение, если вдруг по усмотрению добрых и благочестивых отцов и по совету князей между ними удастся восстановить мир и согласие, но при обязательном условии, что взятый в плен Бруно будет освобождён из плена. Итак, придя к Филиппу, легаты господина папы по порядку изложили ему свою миссию. Тот был вполне доволен тем, что услышал, но наотрез отказался от освобождения архиепископа. Ибо освобождением архиепископа, говорил он, нанесёт немалую обиду Адольфу и всем тем, чьей милостью он посредством вторичного посвящения был возведён на императорский престол. Итак, поражённые слепотой и забыв наставления господина папы, легаты из-за подарков Филиппа, который осыпал их золотом и серебром и обрядил в дорогие одежды, сняли с него отлучение¹⁹, но оставили архиепископа в оковах. Король Оттону они сказали: «Мы сняли отлучение с твоего соперника, чтобы по приказанию папы, если возможно, прийти с ним к мирному согласию». А король им в ответ: «Если, – говорит, – вы сделали это по велению папы, то зачитайте вот эти письма». Ибо папа тайно отправил королю Оттону письма, в которых говорилось о снятии отлучения с Филиппа и об освобождении архиепископа Бруно. Когда те, раскрыв письма, прочитали их содержание, то сильно испугались. Оттон угрожал им страшными карами, но так и не привёл их в исполнение из уважения к верховному пастырю. А легаты, возвратившись к Филиппу, заявили, что ошиблись и что без освобождения архиепископа Бруно снятие с него отлучения недействительно. Тогда, в силу этих обстоятельств, он освободил таки Бруно из плена, обойдясь с ним очень любезно, а сам отправился на переговоры с королём Оттоном. После того как Филипп прибыл в Кведлинбург, а Оттон – в Харлингсберг, оба короля вместе с кардиналами и немногочисленной свитой

съехались для переговоров²⁰. Но очень скоро они разъехались, так ни о чём и не договорившись.

7. ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ АРХИЕПИСКОПА БРУНО

Желая угодить архиепископу Адольфу и прочим друзьям, Филипп всё ещё не отказался от мысли удержать Бруно в плену, а потому, схватив, отослал его в чрезвычайно укрепленный замок Ротенбург²¹ и там держал его в заточении. Когда об этом стало известно господину папе²², он вновь отправил ему письмо, строго приказав освободить архиепископа Бруно из плена и с почётом переправить к нему; если же он этого не сделает, то пусть знает, что его постигнет отлучение, как преступившего слово. Итак, боясь приговора об отлучении, король Филипп с почётом переправил архиепископа к господину папе. Он находился там до тех пор, пока не был усмирён Адольф, после чего получил обратно всё своё достоинство вместе с полной властью. А относительно Адольфа было принято следующее решение: он должен получить 200 марок от пошлин в Деуце²³, столько же – с Кёльна и восемь пребенд в этом городе, и, довольствуясь этим, не беспокоить более архиепископа Бруно.

8. О ПОЛОЖЕНИИ ЕГИПТА И ВАВИЛОНИИ

Поскольку «или полезными быть, иль пленять желают поэты»²⁴, мы ненадолго оставим историю королей и перейдём к другим известным нам темам, представляющим интерес для читателей, а именно к Египту и пределам Ливии.

В 1175 году от воплощения Господня господин Фридрих, римский император и август, отправил в Египет к Саладину, царю Вавилонии, господина Герхарда, викария Страсбурга. А теперь дадим слово самому Герхарду:

«Всё, что я видел или узнал из достоверных источников при исполнении порученной мне миссии на суше и на море и что казалось редким и необычным для населённой нами страны, я записал на бумаге.

Я сел на корабль 6 сентября в Генуе. Отплыв оттуда, я проехал между двумя островами, а именно между Корсикой и Сардинией. Эти острова отстоят друг от друга на четыре мили; оба они довольно красивы, покрыты горами и равнинами и изобилуют всеми дарами земли. На Корсике жители обоего пола добродушны, обходительны, проворны и гостеприимны, а мужчины отважны и воинственны. На Сардинии же, напротив, люди грубы, невежественны, дики и скупы, а мужчины женоподобны и некрасивы. На Сардинии совершенно нет волков. Море в районе Сардинии самое бурное и опасное среди прочих морей. Сардиния тянется на шесть дней пути в длину и ширину и отличается весьма нездоровым климатом. Корсика же тянется всего на три дня пути и является весьма здоровой страной, за исключением местности, где протекает некая чрезвычайно опасная река, от воды которой умирает всякий, кто её выпьет, и даже птицы, пролетающие над ней, погибают.

Миновав эти два острова, я прибыл на Сицилию. Этот остров отличается чрезвычайно здоровым климатом, изобилует всеми дарами природы, богат горами и равнинами, виноградниками, лугами и рощами, живыми источниками и прекраснейшими реками, украшен разного рода фруктами и цветами и, имея благодаря омывающему его морю форму креста, очень удобен для торговли. Однако он слабо заселён. Этот остров тянется на шесть дней пути в длину и ширину и располагает большим количеством городов. Возле этого острова, напротив него, лежит ещё один остров – Мальта. Он расположен в 20 милях от Сицилии, населён сарацинами, но пребывает под властью короля Сицилии. Неподалёку от Мальты есть и другой остров – Пантелеон²⁵, который также населяют сарацины. Он не признаёт над собой ничьей власти, ибо люди там грубые и дикие и живут в пещерах. Если там вдруг появляется сильное войско, то они со всем своим скарбом удаляются в пещеры, чтобы спастись по крайней мере бегством, раз не могут защитить себя, сражаясь. Этот род людей живёт более скотоводством, нежели за счёт плодов земли, ибо не сеет хлеба, а если и сеет, то очень мало.

Уйдя оттуда, я через шесть дней прибыл в какую-то варварскую страну, населённую арабами. Этот народ живёт, не имея жилищ, под открытым небом, где найдётся какое-нибудь пристанище. Они говорят, что для временного пребывания человека на земле, весьма короткого по сравнению с временем Божественного воздаяния, не стоит строить домов и жить в них. Землю они обрабатывают мало и живут одним скотоводством. Мужчины и женщины у них ходят почти голыми, и только срамные органы прикрывают куском плохого сукна. Этот народ представляет собой весьма жалкое зрелище; он лишён какой бы то ни было собственности, безоружен и гол, чёрен, безобразен и слабосилен. Затем я 47 дней плыл по морю и видел по пути различного рода рыб. Так, я видел огромную рыбу, бывшую, как мне показалось, длиной в 340 локтей. Я видел также рыб, которые летают над морем на расстоянии полёта стрелы или пращи.

Наконец я вошёл в Александрийскую гавань; в этой гавани воздвигнута очень высокая каменная башня, указывающая морякам вход в неё. Поскольку Египет – плоская страна, то на башне всю ночь горит огонь, обозначая для мореплавателей место гавани и спасая их от верной гибели. Александрия – великолепный город, украшенный зданиями и садами и чрезвычайно многолюдный. Он населён сарацинами, иудеями и христианами и находится во власти царя Вавилонии. В первые века своего существования город был очень велик, как то видно по его руинам. Он достигал тогда четырёх миль в длину и одной мили в ширину. С одной стороны его омывал рукав реки, проведённый из Евфрата, а с другой – защищало огромное море. Ныне же город теснится к морю, а от рукава Нила его отделяет обширное поле. Ибо следует знать, что Евфрат и Нил – это одно и то же. В Александрии все категории людей свободно исповедуют свой закон²⁶. Климат там очень здоров, и я часто встречал там столетних старцев. Город укреплён плохой стеной, без рвов. Следует знать также, что названная гавань платит с пошлин 50 000 золотых в год, что больше нежели 8 000 марок чистого серебра. Этот город посещают со своими товарами люди самых различных наций. Пресной воды в городе нет, кроме той,

которую они в определённое время года собирают в своих цистернах из Нила посредством водопровода. В этом городе находится множество христианских церквей. Среди них – церковь святого евангелиста Марка, расположенная за чертой стен нового города, на берегу моря. Я видел в ней 17 гробниц, наполненных костями и кровью мучеников, имена которых, однако, неизвестны. Я видел также часовню, в которой этот евангелист писал своё Евангелие и где принял мученическую смерть, и место его погребения, откуда венецианцы вывезли его мощи. В этой церкви избирают патриарха, посвящают его в сан и после смерти хоронят. Ибо местная христианская община имеет своего патриарха, подчинённого Греческой церкви. В этом городе некогда находился огромный дворец фараона, окружённый колоссальными мраморными статуями; его следы видны и по сей день. Я видел неподалёку от Александрии, как Нил, вытекая из русла, разливается на небольшом пространстве по долине, затем без всякого труда и искусства со стороны людей продолжает некоторое время стоять на месте, а потом сам собой превращается в самую лучшую и чистейшую соль. Нил обычно ежегодно выходит из берегов, орошает и оплодотворяет весь Египет, ибо дожди там очень редки. Начало разлива происходит в середине июня, и в таком положении вода остается до праздника Святого Креста²⁷, а затем убывает до Богоявления²⁸. Замечательна та быстрота, с которой вода возвращается в своё русло. Как только земля показывается вновь, крестьянин тут же вспахивает её плугом и засеивает зерном. В марте жнут хлеб. Эта земля не рождает иного хлеба, кроме пшеницы и превосходнейшего ячменя. Овощи всякого рода, фрукты и корни имеются свежими со дня св. Мартина до марта. Овцы и козы в этой стране приносят приплод два раза в год, причём, как правило, по два детёныша. Я слышал также, что ослицы там зачинают от жеребцов. По всему Египту христиане живут и в городах, и в сёлах, уплачивая царю Вавилонии определённый налог. Почти каждая деревня имеет христианскую церковь. Но эта категория людей крайне бедна и ведёт жалкую жизнь.

Замечу, что от Александрии до Нового Вавилона три дня пути по суше и семь дней пути по воде. Следует знать, что на свете есть три Вавилона: один на р. Хобар²⁹, где правил Навуходоносор³⁰ и где находилась башня Вавель. Этот ныне покинутый город называется Старым Вавилоном и отстоит от нового на 30 дней пути. Второй Вавилон был расположен в Египте, на берегу Нила, у подножия горы и близ пустыни; в нём правил Фараон. Он отстоит от Нового на шесть миль и ныне также разрушен. Наконец, Новый Вавилон расположен на берегу Нила, на равнине. Некогда это был очень крупный город. Впрочем, он до сих пор весьма значителен и многолюден, богат всеми земными благами и посещается только купцами. К нему, спускаясь по Нилу, часто приходят из Индии нагруженные приношениями корабли и направляются оттуда в Александрию. Хлеб и овощи хранятся там на улицах и площадях. В одной миле от Нового Вавилона, в пустыне, расположены две горы³¹, искусно сложенные из огромных мраморных камней и плит, – изумительная работа! Они отстоят друг от друга на полёт стрелы и имеют четырёхугольную форму и одинаковый объём как в ширину, так и в длину; ширина их равняется одному сильному полёту стрелы, а высота – двум полётам. Вблизи Нового Вавилона, на одну

треть мили, находится ещё один знаменитый город – Каир, где ныне расположен царский престол, а также дворцы царя и вельмож и солдатские казармы. Этот военный город расположен на берегу Нила. Здания его восхитительны и поражают своей роскошью. Он окружён стеной и прекраснейшими садами. В нём живут сарацины, иудеи и христиане. Каждая народность соблюдает свой закон. В городе очень много христианских церквей.

В миле от этого города расположен бальзамовый сад, размером почти в половину манса. Бальзамовое дерево выглядит как трёхлетняя виноградная лоза, а листья у него такие же, как у трилистника. В пору созревания, около конца мая, кору дерева надрезают способом, известным тем, которые ухаживают за ним. В результате из дерева начинает сочиться каплями клейкое вещество, которое собирают в стеклянные сосуды и держат так в течение шести месяцев, прикрыв сверху голубиным помётом; потом его варят и очищают, после чего жидкость отделяется от густой массы. Этот сад орошает источник; никакой другой водой его орошать нельзя. Замечу, что бальзам, кроме этого места, не растёт больше нигде в мире. К этому источнику бежала некогда Пресвятая Дева с нашим Спасителем, спасаясь от преследований Ирода, и долгое время скрывалась там, стирая в водах этого источника пелёнки ребёнка, как того требовало человеческое естество. Поэтому вплоть до сего дня этот источник пользуется у сарацин особым почётом, и всякий раз, когда они купаются в нём, они приносят с собой восковые свечи и курения. На Богоявление туда стекаются толпы народа со всех окрестностей и омываются в названной воде. Сарацины верят в то, что Пресвятая Дева зачала Иисуса Христа от ангела, родила и после родов осталась девой. Но, говорят они, этот святой сын Девы был только пророком, и Бог чудесным образом взял его на небо с душой и телом. Они празднуют и его рождество, но отрицают то, что он сын Божий, что он был крещён, распят, умер и погребён. Они уверяют, что именно они, а не мы, в большей степени следуют учению Христа и апостолов, ибо обрезаны. Они также верят в апостолов и пророков и с почтением относятся ко многим мученикам и исповедникам.

В Каире находится очень древняя и высокая пальма, которая поклонилась Пресвятой Деве, когда она проходила мимо неё вместе с нашим Спасителем, и, когда та сорвала с неё плод, вновь выпрямилась. Сарацины, увидев это, позавидовали Пресвятой Деве и надрезали дерево в двух местах; но в ту же ночь дерево исцелилось и стояло по-прежнему; до сих пор на нём видны следы от тех надрезов. Эту пальму сарацины весьма почитают и каждую ночь освещают её лампадами. Есть много и других мест в Египте, где проживала Пресвятая Дева и которые чтятся и сарацинами, и христианами.

Нил, или Евфрат – гораздо больше Рейна; он вытекает из Рая, и никто не знает его истоков; мы знаем лишь на основании письменных источников, что он протекает по равнине и что вода в нём мутная и изобилует рыбой, которая, впрочем, не слишком хороша. В Ниле водятся гиппопотамы; они скрываются под водой и часто выходят на сушу. Крокодилов там – бесчисленное множество; этот вид животных сложен наподобие ящериц, имеет четыре ноги с короткими и толстыми лапами. Голова крокодила имеет сходство с головой кабана. Это животное растёт в длину и

ширину, имеет огромные зубы. Крокодил любит выходить на солнце, и если встретит зверя или ребенка, то убивает их.

Есть в Египте одна христианская церковь, вблизи которой находится колодец; в течение всего года он остаётся сухим, за исключением ежегодного праздника этой церкви. Тогда вода в нём в течение трёх дней поднимается так высоко, что её хватает на всех христиан, собирающихся к торжеству. Но как только заканчивается праздник, вода, как и прежде, исчезает.

В шести днях пути от Нового Вавилона, в пустыни, из неких гор добывают квасцы, которые валяльщики используют для окрашивания; доход с этого идёт в царскую казну. В Египте изготавливают также индийские краски. Кроме того, эта страна богата всякого рода птицами. Хотя нигде во всём Египте не добывают ни золота, ни серебра, ни каких-либо иных металлов, страна тем не менее изобилует золотом. Там водятся также довольно хорошие кони.

В Египте – множество попугаев, которые прилетают из Нубии. Нубия расположена в 20 днях пути от Вавилона. Это – христианская страна; там есть царь, но народ в ней не образован, а сама страна покрыта лесами. В Египте выводят от одной до двух тысяч цыплят в специальной печке, при помощи огня и без курицы; доход с этого идёт в царскую казну. Климат в Египте очень жаркий, и дожди выпадают весьма редко. Гора Синай расположена посреди пустыни в семи днях пути от Вавилона.

Сарацины верят, что обретут рай на земле, в который попадут после земной жизни. В нём, по их представлениям, протекают четыре реки: одна из вина, вторая – из молока, третья – из мёда, а четвёртая – из воды. Там, говорят они, растут всякого рода плоды и можно есть и пить всё, что угодно; каждый ежедневно получает для удовлетворения страсти по новой девушке; а если кто пал в сражении с христианами, то он ежедневно пользуется в раю услугами девяти девушек. Когда же я спросил, что происходит с теми женщинами, которые живут ныне, и куда деваются те девушки, которых они ежедневно лишают невинности, они не знали, что мне ответить.

Египет богат всякого рода птицами и плодами, но вследствие религиозного запрещения беден вином; впрочем, если этим заниматься, страна вполне в состоянии произвести очень много вина.

Из Вавилона я отправился в Дамаск через пустыню и находился в пустыни двадцать дней, так и не встретив нигде возделанной земли. Пустыня представляет собой то плоскую, то гористую песчаную почву; там растёт только чахлый кустарник, да и то местами. Климат там чрезвычайно неровный: зимой очень холодно, а летом слишком жарко. Проезд по этой стране сопряжён с величайшими трудностями, и дорога весьма неверная: ибо при ветре песок настолько заметает дорогу, что едва ли кто-нибудь сможет её найти, кроме бедуинов, которые часто проезжают по ней и служат проводниками для других странников, как лоцманы – для плывущих по морю. Замечу, что в пустыне водятся львы, страусы, кабаны, буйволы, онагры, то есть лесные ослы, и зайцы. Вода встречается очень редко, через каждые четыре, а то и пять дней пути. С одной стороны пустыня примыкает к Индийскому морю, а с другой – граничит с Красным морем, на берегу которого я провёл две ночи. Я видел также те 17 пальм, где Моисей, пробив скалу, добыл воду. От горы Синая я шёл

ещё два дня. Замечу, что ещё никому на свете неизвестны размеры и границы этой пустыни, ибо она непроходима, подобно морю. Оставив пустыню позади, я увидел равнину, некогда населённую христианами, а теперь заброшенную и слабо обработанную, ибо она лежит на границе христианских и сарацинских владений. В этой стране я встретил древний город Буссерентин³², некогда населённый христианами, большой, высеченный из мрамора, всячески украшенный и, как то видно по его развалинам, когда-то очень красивый и привлекательный. Теперь же он населён сарацинами, размеры его сильно сократились, так что от него по сути остался только замок, впрочем, сильно укреплённый. Оттуда я прибыл в Дамаск, после трёх дней пути через страну, населённую по большей части христианами, которые платят дань правителю Дамаска.

Дамаск – очень крупный город, отлично укреплённый двойной стеной и многочисленными башнями; он имеет проточную воду, источники и водопроводы извне, а внутри водой снабжены различные места и отдельные дома; он весьма многолюден и со всех сторон окружён и украшен садами и огородами. Таким образом, его жители и вне, и внутри города имеют воды сколько угодно, словно в земном раю. В нём – очень много христианских церквей; там живут христиане и множество евреев. В окрестностях Дамаска производят отличное вино. Замечу, что климат там очень здоровый, а потому живёт много старцев. Дамаск расположен в пяти небольших днях пути от Иерусалима и в четырёх днях пути от Акко.

В трёх милях от Дамаска, в горах, расположено селение под названием Сайда-нея, которое населяют христиане. Там находится церковь, расположенная в поле и посвящённая в честь Преславной Девы, в которой Богу и Пресвятой Деве усердно служат 12 монахинь и 8 монахов. В этой церкви я видел деревянную дощечку, в локоть длины и пол-локтя ширины, за алтарем, в стене у окошка, за железной решёткой. На этой доске был изображён некогда лик Пресвятой Девы, ныне же изображение на дереве удивительным образом обратилось в плоть, и из него непрерывно течёт благовонное масло, которое лучше всякого бальзама. При помощи этого масла христиане, сарадины и иудеи часто освобождаются от различных болезней. Замечательно, что это масло никогда не убывает, сколько бы его оттуда ни брали. До этой дощечки никто не смеет дотрагиваться, но смотреть на неё может всякий. Это масло благочестиво сохраняется христианами, приумножается, с благоговением и искренней верой берётся оттуда ради того или иного дела и используется во время мессы или праздника в честь Пресвятой Девы, после чего происходит исцеление. В день Успения Богородицы и её рождества все сарадины этой провинции вместе с христианами стекаются к этому месту для молитвы, и сарадины с величайшим благоговением исполняют там свои обряды. Замечу, что первоначально эту дощечку изготовили в Константинополе в честь Пресвятой Девы, а затем её привёз оттуда в Иерусалим некий патриарх. Около того времени аббатиса вышеназванного места прибыла ради молитвы в Иерусалим и, выпросив у Иерусалимского патриарха этот образ, увезла его с собой для вверенной ей церкви. Это произошло в 870 году от воплощения Господня. Но священное масло начало течь из образа гораздо позднее.

Замечу, что в землях Дамаска, Антиохии и Алеппо живёт в горах некий сарацинский народ, который на своём языке называется ассасины, а у романских народов зовётся людьми Горного Старца. Эти люди живут без всякого закона, вопреки сарацинскому обычаю едят свиное мясо и живут со всеми женщинами без разбору, в том числе с матерями и сёстрами. Они обитают в горах и считаются непобедимыми, ибо укрываются в чрезвычайно укреплённых замках. Земля их не слишком плодородна, и они живут в основном за счёт скотоводства. Они имеют меж собой повелителя, который внушает сильный страх всем сарацинским князьям, и ближним, и дальним, а также соседним христианским правителям, ибо имеет обыкновение убивать их удивительным образом. Вот как это происходит. Этот правитель имеет в горах многочисленные и прекраснейшие дворцы, окружённые очень высокими стенами, так что проникнуть туда можно только через небольшую и тщательно охраняемую дверь. В этих дворцах он велит с малолетства воспитывать многих сыновей своих крестьян и обучать их различным языкам, а именно: латинскому, греческому, романскому, сарацинскому и многим другим. Их учителя внушают им с раннего детства и до совершеннолетия, что они должны повиноваться своему повелителю во всех его словах и приказах; если они будут это делать, то он, имея власть над живущими богами, подарит им все радости рая. Их учат также, что они не смогут спастись, если вздумают в чём-либо противиться воле правителя. Замечу, что они с самого детства живут в этих дворцах как в заключении, не видя никого из людей, кроме своих учителей и воспитателей, и не слыша ничего иного, пока их не вызовут к князю для совершения очередного убийства. Когда они оказываются перед князем, тот спрашивает у них – намерены ли они повиноваться его приказам, чтобы он помог им попасть в рай. А они, как их учили, отбросив все возражения и сомнения, бросаются ему в ноги и с величайшей ревностью отвечают, что готовы исполнить всё, что он им прикажет. Тогда правитель даёт им золотой кинжал и посылает, чтобы убить какого-нибудь князя по его указанию.

Из Дамаска я через Тивериаду добрался до Акко, оттуда прибыл в Иерусалим, а из Иерусалима добрался до Аскалона. Это – небольшой город на берегу моря, сильно укреплённый стенами и рвами и весьма здоровый. Оттуда, идя через пустыню, я на восьмой день вернулся в Вавилонию. При этом я видел одно место на дороге, на расстоянии целой мили покрытое каменной солью, и встретил множество диких ослов и буйволов. Замечу, что в Агире³³ находится публичный дом. Женщины у сарацин ходят под густым покрывалом и никогда не бывают в храмах. За ними строго присматривают евнухи, так что знатные женщины никогда не выходят из дома без разрешения своих мужей. Замечу, что ни брат, ни другой родственник мужа или жены не смеет войти к женщине без согласия её мужа. Мужчины пять раз в течение дня и ночи ходят молиться в храм и вместо колоколов пользуются услугами глашатая³⁴, по зову которого торжественно собираются. Замечу, что благочестивые сарацины моются каждый час; они начинают с головы и лица, потом моют руки, пальцы, ноги, ступни и, наконец, спереди и сзади; после этого они идут на молитву и молятся не иначе как с коленопреклонением. Они верят в Бога, как творца мира, и говорят, что Магомет – святейший пророк и создатель их

закона. Сарацины, живущие далеко и близко, часто и с величайшим почтением посещают в своих странствиях его могилу. Они оказывают почтение также и другим основателям своего закона. Каждому сарацину разрешено иметь до семи законных жён, и каждая жена на основании брачного договора получает известное содержание. Сверх того, сколько ни есть у него рабынь и служанок, он имеет право грешить с ними, и это не считается грехом. Если рабыня забеременеет, то её тут же отпускают на волю. Любого из своих сыновей, то ли от рабыни, то ли от законной жены, сарацин может по своей воле назначить наследником. Впрочем, многие сарацины настолько благочестивы, что имеют только одну жену. Меньше семи жен иметь можно, а больше – нельзя, кроме, как было сказано, наложниц.

При этом следует подумать о неизмеримой милости Спасителя, который не оставляет своей любовью ни праведника, ни безбожника. Праведному, кроткому, благочестивому, боящемуся его заповедей, он дарит награду вечной жизни и надеждает его высшим благом, которое есть Он сам, и созерцанием своего величия; а безбожнику, осуждённому на вечные муки, Он позволяет наслаждаться временными благами в этой земной жизни. Поэтому-то эти отверженные люди и владеют лучшими землями, имеют в изобилии хлеб, вино и масло, наслаждаются золотом, серебром, драгоценными камнями и шелками, утопают в благоуханиях и сладостях и не отказывают себе ни в чём, что приятно глазу. Ибо в них исполняется пророчество Исаака, который, благословив Иакова особым даром, сказал Исаву: «От тука земли и от росы небесной свыше будет благословение твоё»³⁵. То же самое мы можем сказать словами самого Господа, говорившего: «Любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас; да будете сынами Отца вашего небесного, ибо Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»³⁶. И словами Давида: «И вот эти нечестивые благоденствуют в веке сём, умножают богатства»³⁷. Когда в одном месте мы посредством земли и росы обретаем земные богатства, то в другом посредством той же росы становится понятна милость Духа Святого, как говорит Давид: «Он сойдёт, как дождь на скошенный луг»³⁸, и как ясно видно из деяния Гедонеа³⁹, когда посредством росы стала понятна милость Святого Духа и посредством скошенного луга непорочная дева Мария поняла, что, зачав и родив сына Божьего, она останется матерью и девой. Ибо как земля дала свой плод, так и эта благословенная дева родила благословенный плод своего чрева, Христа, спасителя мира».

Думаю, что этого о положении язычников и церкви, которую Бог соизволил удивительным образом сохранить среди них, сказано достаточно. А теперь вновь вернёмся к нашей истории.

9. О СМЕРТИ ИСФРИДА И ВОЗВЕДЕНИИ В САН ФИЛИППА

В это время умер блаженной памяти Исфрид, епископ Ратцебурга, муж большого терпения и величайшего воздержания, полностью преданный религиозному

культу⁴⁰. И вот, когда епископ ещё не был погребён, среди каноников возникло разногласие по поводу выборов преемника. Ибо одна сторона поддержала кандидатуру господина Генриха, приора этого места, рассудительного и достойнейшего всяческой чести мужа. Известно, что он существенно обогатил своё приорство имуществом, людьми и постройками, а также, что самое главное, религиозным благочестием. А другая сторона требовала избрать прелатом господина Филиппа, капеллана умершего епископа. Возникшая по этому поводу смута была в конце концов улажена следующим образом: обе стороны согласились подчиниться решению графа Адальберта⁴¹. А тот, поразмыслив, поставил во главе церкви Филиппа⁴². Всё это вышло так потому, что господин король Вальдемар был занят войной в Швеции. Что же далее? Получив инвеституру, Филипп отправился в Бремен и принял от господина архиепископа Гартвига посвящение в епископы. Так, освятив церкви и уладив некоторые дела в своём диоцезе, он отправился к епископу Утрехта⁴³ и оставался у него в течение года, не показываясь на глаза господину королю Вальдемару. Этим он вызвал неудовольствие последнего и только при посредничестве графа наконец с трудом добился его милости.

10. О СМЕРТИ ГАРТВИГА И ИЗБРАНИИ ВАЛЬДЕМАРА

Через несколько лет скончался господин Гартвиг, вышеупомянутый архиепископ Бремена⁴⁴. И, хотя церковь испытала немалые потрясения ещё при его жизни, теперь возникли ещё большие и худшие смуты. Ибо эта церковь, проведя переговоры, при единодушном согласии и общем одобрении духовенства и народа постановила ввести в должность епископа господина Вальдемара, епископа Шлезвига, который был освобождён из плена⁴⁵ и находился тогда в Болонье. Некоторые, правда, не захотели участвовать в этом избрании, не препятствуя ему, но и не участвуя лично, а именно Бурхард⁴⁶, старший приор, и некоторые его сторонники. В свою очередь, гамбургские каноники вызывали подозрения из-за того, что король Вальдемар владел их городом, так что избрание было проведено без их участия. Увидев подобное к себе неуважение, гамбургцы резко осудили этот выбор, говоря, что их церковь была некогда матерью этих церквей и потому при избрании им должно принадлежать право первого голоса. Но бременцы, отправив к находившемуся в Болонье господину Вальдемару достойных послов как от духовенства, так и от министерялов, убедили его в том, что выборы прошли вполне канонично. Итак, взяв с собой товарищей, а также свидетельство Бременской церкви, он вместе со своими выборщиками предстал перед господином папой. Тот обрадовался и, радушно приняв бременского избранника, поздравил его с тем, что после стольких несчастий Господь соизволил наконец возвести его на этот престол. Однако папа не сразу приступил к возведению его в сан, ожидая об этом избрании более достоверных сведений. И вот, когда Вальдемар находился в курии, прибыли гамбургские послы, заявив, что избрание Вальдемара – недей-

ствительно и прошло вопреки канонам. Затем прибыл посол короля Вальдемара, а именно Пётр, епископ Роскилле, но без верительных грамот, которые, судя по его словам, у него силой отобрали в пути. Он также заявил, что этот выбор не имеет силы, и напомнил господину папе о данной Вальдемаром клятве никогда не задерживаться в таком месте, где он мог бы быть в тягость королю Вальдемару. Услышав это, господин папа задержал Вальдемара на несколько дней, в течение которых собирался провести совещание с кардиналами и решить, как с ним поступить. А Вальдемар, видя, что оказался в столь трудном положении, не попрощавшись, отбыл к королю Филиппу, а тот с почётом отправил его в Бремен. Бременцы же с радостью и ликованием приняли его самым торжественным образом. В результате папа, разослав письма по всем церквям Германии и Галлии, отлучил Вальдемара от церкви за его непослушание. Однако бременцы какое-то время пребывали об этом в неведении, ибо никто не осмеливался доставить им эти папские письма, пока во время мессы кто-то, смешавшись с толпой, не положил их на алтарь.

11. О ПОХОДЕ КОРОЛЯ ВАЛЬДЕМАРА

А король Вальдемар, услышав о вступлении в должность своего родственника, епископа Вальдемара, вторгся в эту землю с огромным войском, то есть с конницей и флотом, желая помешать ему и, если удастся, поставить вместо него кого-нибудь другого. Питая также вражду к Гунцелину, графу Шверина, и его брату Генриху⁴⁷, – ибо они оскорбили его, изгнав из страны Иоанна по прозвищу Ганс и силой отняв у него замок Грабове, – король отправил против них войско во главе с Адальбертом, графом Нордальбингии, которого он поставил во главе этой страны, и велел сначала разрушить их замок Бойценбург, а затем жестоко разорил всю Шверинскую землю. А епископ Вальдемар решил напасть на владения короля. Но, когда между ними вот-вот должна была начаться война, различные обстоятельства помешали его намерению. Так, старший приор Бурхард, притязая на звание архиепископа и располагая поддержкой некоторых выборщиков из Гамбурга, а также из Бремена, пришёл к королю и получил от него епископскую инвеституру. Когда он утвердился в Гамбурге, то через друзей короля захватил Штаде. Вальдемар Бременский, придя туда и ничего не зная о случившемся перевороте, пожелал войти в город, но противная сторона, закрыв ворота, непустила его. Тогда он, созвав друзей из Бременского епископства, осадил город и, силой овладев им, отдал своим полкам всё, что было внутри. Взяв там богатую добычу, они оставили город совершенно опустевшим⁴⁸. Однако партия избранного Бурхарда вновь взяла верх и, овладев Штаде, стала ещё более свободно владеть им. Затем король Вальдемар велел построить через Эльбу мост, чтобы телегам и всадникам было удобнее переходить через неё. После того как его люди рассеялись по бременским землям, он построил в поддержку своего избранника сильно укреплённый замок Хорнебург.

12. О ПОХОДЕ И СМЕРТИ ФИЛИППА

Между тем король Филипп решил выступить против короля Оттона, а заодно и против короля Вальдемара. Собрав несметное войско со всей империи – в нём было множество воинов из пределов Венгрии – и, взяв себе в помощь гнуснейших людей, которых зовут «вальвы»⁴⁹, он с неисчислимой силой пращников и всякого рода вооружённых людей остановился в Бамберге, ожидая прибытия подкреплений. Узнав об этом, король Оттон, от которого не укрылись все эти приготовления, принялся снабжать города и замки продовольствием и оружием и неустрашимо готовиться к отражению столь крупных сил. Король Вальдемар также не отказал ему ни в военной, ни в финансовой помощи, зная, что если будет разбит правый фланг, то поражение вне всякого сомнения потерпит и левый. Но кроткий и милосердный Бог, тронутый долговременным ослаблением церкви, которым Он поразил её в наказание за грехи, внял стонам и мольбам своих верных и соизволил наконец положить предел этой смуте следующим образом.

Когда Филипп, как было сказано, спокойно стоял в Бамберге, ожидая прибытия подкреплений, внезапно между ним и пфальцграфом Отто фон Виттельсбахом возникла неожиданная и достойная сожаления ссора, которую мы не считаем нужным обойти молчанием. Ибо король Филипп решил выдать свою дочь⁵⁰ замуж за Отто, как за благородного мужа. Но, поскольку этот Отто был чрезвычайно жесток и кровожаден, он изменил своё намерение и отказался от этого брака. Узнав об этом, пфальцграф Отто стал добиваться руки дочери⁵¹ Генриха, князя Польши, и сказал королю Филиппу: «Государь, я прошу вашу милость вспомнить, как я всегда был вам предан, какие расходы понёс у вас на службе в настоящей войне и с каким отрядом решил ныне выступить вместе с вами против ваших врагов. Поэтому я прошу вас оказать мне небольшую услугу и послать господину князю Польши рекомендательные письма, чтобы дело, которое так хорошо началось, а именно брачный контракт, завершилось благодаря вашему величеству ещё лучше». Король ответил: «Я охотно сделаю это». Обрадованный тот вручил королю письма, в которых говорилось об этом деле, и король сказал: «Можешь идти. Через малое время вернёшься и найдёшь эти письма запечатанными». Но, когда тот ушёл, текст писем был изменён, после чего они были запечатаны королевской печатью. Получив письма, пфальцграф увидел через бумагу какую-то постороннюю кляксу, что показалось ему подозрительным, и он, придя к одному своему приближённому, сказал: «Вскрой эти письма, чтобы я мог узнать их содержание». А тот, прочитав письма, ужаснулся, говоря: «Именем Бога прошу вас не заставлять меня читать вам эти письма, ибо я не вижу ничего, кроме грозящей мне смерти, если я их прочитаю». Итак, забрав у него эти письма, пфальцграф довольно грубо заставил прочитать их ему другого человека и таким образом узнал их содержание. Страшно разозлившись, он не думал теперь ни о чём, кроме как о смерти короля. Тем не менее, скрыв свой гнев, он будто бы с радостью и благодарностью пришёл к королю. И вот однажды, когда Филипп уединился в спальне, ибо порезал себе вены на обеих

руках, пфальцграф с обнажённым мечом, словно играя, вошёл в королевские покои. Подойдя к королевской спальне, он тихонько постучался в дверь и, войдя, продолжал вести себя в присутствии короля точно также. Тогда король сказал ему: «Положи меч, ибо здесь не место для таких игр». А тот в ответ: «Зато место, чтобы ты заплатил за своё вероломство». И тут же одним ударом поразил его в шею; второго удара не потребовалось. Когда ворвавшиеся на шум придворные хотели его задержать, он, открыв дверь, силой вырвался из их рук и бежал. Однако Филипп не без основания изменил текст писем, ибо та девушка, на которой хотел жениться Отто, приходилась Филиппу родственницей со стороны его матери. Вот почему король не хотел, чтобы на столь благородной девушке женился столь жестокий, нечестивый и бесстыдный человек. Кроме того, этот пфальцграф с невероятной жестокостью убил одного из вельмож этой страны по имени Вульф и тем самым жестоко оскорбил Филиппа.

Это событие положило конец его правлению. О его кончине Бог соизволил сообщить в видении некоему духовному лицу в Ратцебурге в таких словах: «В 1208 году наступит конец». Но какой конец наступит, было неясно, пока около дня св. Иоанна Крестителя⁵² в этом году это пророчество не исполнилось подобным образом. Впрочем, некоторые именитые мужи также были заподозрены в этом деле, а именно: епископ этого города вместе со многими другими, которых обвиняли в измене королю⁵³.

Пал благородный и могущественный муж, украшенный многими добродетелями. Так, он был скромным, кротким и любезным в общении. Он был весьма начитан и часто посещал церковь. Когда он среди прочих читал в церкви молитвы или псалмы, то не отстранял от себя клириков и бедных школяров, но относился к ним как к товарищам. Его смерть потрясла всю страну; поднялся всеобщий плач и все в один голос кричали: «Увы! Погиб наш князь, прекратилась наша слава; хоро- воды наши обратились в сетование; царство отнято у нас и передано другому народу!»⁵⁴. Когда съехались князья и знатные люди, тело короля было торжественно и с величайшим почётом погребено в городе Бамберге. Королева⁵⁵, получив столь дурную весть, совсем зачахла и, будучи беременной, вскоре скончалась, подавленная двойной скорбью.

Поражённая смертью мужа и жестоко страдая от бремени,
она умерла; так, двое лишились жизни в одной.

Но, пока я говорил об этом, мне вдруг пришли на память слова поэта о непостоянстве этой жизни:

Всё, что людям дано, как на тонкой подвешено нити,
Случай нежданный, глядишь, мощную силу сломил⁵⁶.
Ведь тот, кто управляет в веках, судит
Нравы людские, какие из них хороши, а какие дурны;
Он возносит смиренных и низлагает сильных с престолов⁵⁷,
Чтобы они не злоупотребляли данной им властью.

Или не слышишь, что говорит мудрость Христова?
Ты, который правишь кругом земным, правь справедливо.
Вот муж, владевший столькими богатствами,
Внезапно пал, поражённый одним лишь ударом,
И вот, уже нет ни величия, ни знатного рода, ни власти,
Нет ни руки, внушающей ужас, ни силы.
Об этом прекрасно говорит автор псалмов, предупреждая:
Суетна защита человеческая⁵⁸; да не будет тебе цели
И надежды в богатстве, ибо мало в нём проку.
Стремись лишь к небесной награде,
Которую Христос безвозмездно раздаёт в своей милости.

13. О ПОЛНОВЕСНОМ ИЗБРАНИИ КОРОЛЯ ОТТОНА

Итак, когда умер король Филипп, все, которые, казалось, имели благодаря ему какой-то вес, лишились силы. Поэтому и Вальдемар, избранный епископ Бременский, был теперь мало полезен своим людям. Ибо они боялись оскорбить будущего правителя, а равно и подвергнуться папскому отлучению, о котором им только что стало известно. А король Оттон, видя открывшуюся возможность, вздумал пойти войной на некоторых из своих соперников. Но архиепископ Магдебурга, придя к нему вместе с герцогом Бернгардом, обратился к Оттону с такой речью: «Мы не советуем вам нападать сейчас на кого бы то ни было, дабы не случилось против вас какого-либо возмущения. Давайте лучше проведём по воле князей имперское собрание, чтобы всем вместе переговорить там об избрании короля. Если Господу будет угодна ваша кандидатура, мы охотно согласимся с ней; если же нет, выслушаем другие предложения». Когда Оттон согласился с этим, в Хальберштадте был созван довольно внушительный хофтаг⁵⁹, в котором приняла участие большая часть прелатов и князей Саксонии и Тюрингии, в том числе Отто⁶⁰, избранный епископ Вюрцбурга. Итак, все собравшиеся князья, словно вдохновлённые свыше, при одинаковом желании и единодушном согласии, во имя Отца и Сына и Святого Духа избрали Оттона римским императором и вечно августом; начало положил архиепископ⁶¹, который, казалось, имел право первого голоса; вслед за ним голос подал герцог Бернгард вместе с маркграфом Мейсена, ландграфом Тюрингии и другими, кому, казалось, принадлежало право выбора короля. Когда же очередь дошла до упомянутого избранника, он начал жаловаться перед князьями на то, что король Филипп и его предшественник, император Генрих, ежегодно выкачивали из его церкви до 1000 марок; из-за этой, мол, несправедливости был коварно убит Конрад, его предшественник; так что если эта несправедливость не будет устранена и его церковь не оставят в покое, он не даст своего согласия на это избрание. Когда было приведено много доводов за и против, он покинул это собрание. Но, будучи вызван на следующий день, он согласился-таки с выбором князей, и по решению их и короля его церковь получила гарантии безопасности.

14. О ХОФТАГЕ ВО ФРАНКФУРТЕ

Затем в день св. Мартина был созван другой хофтаг, ещё более внушительный. Там навстречу господину королю с великой торжественностью и в большом числе вышли князья Франконии, Баварии и Швабии. Туда прибыла также Беатриса, дочь короля Филиппа, и вместе со своими людьми подчинилась милости господина короля. Её сопровождал господин епископ Шпейерский⁶². Слабым голосом, со многими вздохами, стонами и слезами она пожаловалась господину королю, присутствующим князьям и всему римскому миру в целом на жестокое убийство своего отца и безбожный заговор пфальцграфа Отто, который коварно убил его, ничего не подозревавшего, в его собственном доме. После этих слов вокруг короля собралась большая толпа сочувствующих жалобам королевы; все они горючими слезами оплакивали такое великое несчастье и требовали оказать королеве справедливость. Они кричали, что если совершённое преступление останется безнаказанным, то ни короли, ни кто-либо из князей не сможет спать спокойно. Итак, по всеобщему желанию господин король осудил названного убийцу и объявил его вне закона. Позже Генрих Каладин вместе с сыном упомянутого выше Вульфа, который также был убит Отто, убили злодея⁶³ и, отрезав ему голову, бросили её в Дунай. Итак, король взял юную королеву под свою защиту и по просьбе князей во имя доброго мира обещал взять её в жёны, если это можно будет сделать ввиду их родства. Итак, он принял её вместе с наследственными владениями, многочисленными богатствами и 350 замками. Там же господину королю были предоставлены все императорские регалии вместе с полнотой власти, чести и достоинства и всеобщим благоволением.

15. ПРОДОЛЖЕНИЕ

И воссиял в римском мире новый свет, и возникла радость мира и спокойствие⁶⁴, и прекратились издевательства и насмешки очень многих, которые утверждали, что Оттон никогда не будет править. Что можно сказать о благородном короле Франции, который вместе со многими другими не удержался от насмешек? Ведь когда Оттон был призван князьями из Пуатье на королевский трон и под охраной упомянутого короля проходил через Францию, тот, увидев его, поздравил и среди приветствий, которыми они обменялись, обратился к нему с такими словами: «Мы слышали, что вас избрали на трон Римской империи». А тот в ответ: «То, что вы слышали, правда, но мой путь – в Боге». Тогда король продолжал: «Вы и сами не верите в то, что вам выпала такая честь. Давайте так: если вашу кандидатуру подержала только Саксония, то вы дадите мне сейчас лучшего коня, какого я попрошу, а когда вас выберут, я дам вам три лучших города моего королевства – Париж, Этамп и Орлеан». А у короля Оттона было с собой много подарков от короля Англии Ричарда, его дяди, в том числе 150 000 марок, которые везли в мешках 50 коней.

Среди них был и тот статный конь, о котором просил его король. Итак, дав ему этого коня, господин Оттон пошёл по намеченному пути. А теперь, как господин император, он вправе потребовать своего.

16. О ПРАЗДНИКЕ КОРОЛЯ В БРАУНШВЕЙГЕ

В следующем году в Альтенбурге, который иначе называется Плейссен, был проведён хофтаг⁶⁵. Император владел там крупным наследственным владением графа Рабодо с замками Лейсниц и Кольдиц, которые император Фридрих приобрёл у названного графа за 500 марок. Туда прибыли вельможи из Мейсена и Цейца, а также поляки, чехи и венгры. Уладив многие вопросы и подтвердив мир, который был заключён на всех предыдущих хофтагах, господин король обратил свой взор к Брауншвейгу, где торжественно провёл праздник Троицы⁶⁶. Король пожелал, чтобы туда прибыли только его близкие друзья, архиепископ Магдебурга, избранный епископ Хальберштадта⁶⁷, а также епископы Хильдесхайма⁶⁸, Мерзебурга⁶⁹ и Гавельберга и аббаты Корвеи и Вердена. В праздничном настроении туда явились также герцог Бернгард, ландграф⁷⁰, пфальцграф Рейнский, маркграф Мейсенский⁷¹, маркграф Конрад⁷², Вильгельм, герцог Лüneбурга, который был братом короля Оттона, и маркграф Бранденбурга. Графов же было не счесть, а рыцарей – огромное количество. Все они с чрезвычайным почётом и щедростью жили там за счёт короля. В самый день праздника господин архиепископ Магдебургский, начав мессу, не захотел допустить к участию в богослужении маркграфа Мейсенского из-за того, что тот был отлучён от церкви. Когда господин король так и не смог отговорить его от этого намерения, то, желая, чтобы маркграф сохранил лицо, вместе с ним вышел из церкви. А на следующий день маркграф по совету князей обещал архиепископу удовлетворение, и эта ссора была таким образом улажена. «Стыдно не прежних забав, а того, что забав я не бросил»⁷³, ибо «не довольно стихам красоты, но чтоб дух улаждали»⁷⁴. Итак, в то время как царила всеобщая радость, герцог Бернгард, посмотрев на отлитого из бронзы льва, который был установлен там герцогом Генрихом⁷⁵, сказал: «До каких пор твоя пасть будет обращена к востоку? Довольно! Ты уже получил всё, что хотел. Так повернись теперь к северу». Эти слова вызвали всеобщий смех, но не без удивления со стороны многих, прекрасно понявших, что он хотел этим сказать.

17. О ВЫДАЧЕ ЗАМУЖ ИЛИ ПОМОЛВКЕ ДОЧЕРИ КОРОЛЯ ФИЛИППА

По окончании празднества король отбыл в Гослар и, уладив там кое-какие дела, отправился в Валькенриде⁷⁶. Там он застал аббата из Моримунде и 50 других аббатов этого ордена; все они сделали его товарищем своего братства и своих молитв и следовали за королём, который о них щедро заботился, до самого Вюрцбурга, где он был принят в воскресенье «Милосердия»⁷⁷ с величайшей торжественностью, а

также с гимнами и похвалами Богу. Все пели: «Ты явился, желанный». Туда же прибыли легаты господина папы – Гуго, кардинал и епископ Остии, и Лев, кардинал и епископ Сабинский, вместе с огромным множеством прелатов и князей, священников и клириков. Среди них были: архиепископы Зигфрид Майнцский, Дитрих⁷⁸ Кёльнский, Иоанн Трирский и Эберхард⁷⁹ Зальцбургский; епископы Генрих⁸⁰ Страсбургский и Зигфрид⁸¹ Аугсбургский, епископ Констанцкий⁸², Отто⁸³, епископ Фрейзинга, Манагольд⁸⁴ из Пассау, Генрих⁸⁵ из Регенсбурга, Лиудольф⁸⁶ из Базеля, Хартберт из Хильдесхайма, Исо из Вердена, а также епископы Хальберштадта и Гавельберга; Коно, аббат Эльвангена, а также аббаты из Фульды, Херсфельда, Корвеи, Прюма и Вейсенбурга. За ними следуют имена королей и князей: Оттокар, король Чехии; маркграф Моравии⁸⁷; Леопольд⁸⁸, герцог Австрии; Бернгард, герцог Саксонии; Людовик⁸⁹, герцог Баварии; Бертольд, герцог Церингенский; герцог Лотарингии⁹⁰ и герцог Бранта⁹¹, маркграф Мейсена, а также Конрад, маркграф Ландсберга, Адальберт⁹², маркграф Бранденбурга, и очень многие другие. Итак, уладив там многие дела и подтвердив мир, как и на всех предыдущих хoftагах, господин король, оставив для особого дела только кардиналов, прелатов, князей и священников, чтобы вместе с образованными и знающими законы людьми обсудить свой брак с дочерью короля Филиппа, обратился к ним с такой речью: «Мы просим в Господе всех вас, в первую очередь кардиналов, которые присутствуют здесь по приказу или совету господина папы, далее высших архиепископов, епископов, аббатов и прочих, которые занимают различные чины в церковной иерархии, и, наконец, королей, герцогов и князей обратить внимание на наши слова. Бог небесный вместе со всеобщим расположением даровал нам после многих мытарств этот трон, так что мы вместе с изъявлениями благодарности по праву можем сказать ему: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла»⁹³. Это сотворено Господом и удивительно в очах наших⁹⁴. Всем это ясно, как день, но, хотя мы свободны в выборе сиятельнейших дам, которыми богата Римская империя, и можем выбрать из них невесту или супругу, мы подчинимся вашему совету и приговору, раз уж столь внушительное собрание так обеспокоено судьбой дочери⁹⁵ Филиппа, герцога Швабии, которая, как всем известно, является нашей родственницей. Поэтому, отбросив в сторону все ваши страхи и пристрастия, честно, согласно спасения ваших душ, подумайте, как нам лучше поступить в этом деле. Ведь если бы даже мы жили 6000 лет, то и тогда предпочли бы скорее провести жизнь в целомудрии, чем жениться с опасностью для души. Пусть никто не смотрит на славу, благородство рода, богатства и замки этой девушки, ибо всё это не стоит спасения души, тем более что всё это и так в наших руках. Если же эти 350 замков разделить между сёстрами, которым также полагается часть наследства, то мало что останется. А теперь, как сказано, подумайте обо всём этом и дайте нам подходящий совет». Итак, когда все собрались идти на совещание, король сказал своему брату, пфальцграфу Генриху, который сидел справа от него: «Мы хотим, чтобы ты остался и не смущал своим присутствием остальных». Итак, после долгого совещания они наконец вернулись к господину королю. От имени всех было поручено выступить Леопольду, герцогу Австрии,

человеку весьма красноречивому и начитанному, и он сказал королю следующее: «Господин король, не угодно ли вам выслушать ответ кардиналов, прелатов и князей?». А король в ответ: «Я слушаю». И тот продолжил: «Да будет известно вашему величеству, что это столь внушительное собрание кардиналов, представляющих власть господина папы, высших прелатов, князей и всех образованных людей решило, что вам во имя доброго мира и блага Римской империи следует взять в жёны ту девушку, о которой шла речь. Кроме того, дабы устранить всякие сомнения, вы должны будете основать две крупные монашеские обители. А мы, со своей стороны, не откажем вам ни в средствах, ни в раздаче щедрой милостыни; поддержим священников и других лиц низшего чина во время мессы и в молитвах». Король ответил на это следующее: «Мы не отвергаем этот здравый и добрый совет стольких видных мужей и принимаем ваши слова. Пусть введут эту девушку». Когда она с блеском была введена епископами и князьями, король, поднявшись со своего трона, встретил её поклоном. После того как она поклонилась ему в ответ, он подарил ей кольцо, обнял на глазах у всех и поцеловал. Велев ей сесть посреди кардиналов, чья кафедра стояла прямо напротив короля, он сказал, обращаясь ко всем: «Вот ваша королева. Почитайте её, как следует». Отрядив также достойных послов, он велел самым почётным образом доставить её в Брауншвейг вместе с сестрой. А сам остался в этой земле и, обойдя её пределы, начал вести переговоры о своём посвящении в императоры.

18. О ПОХОДЕ ГОСПОДИНА КОРОЛЯ

Итак, после дня святого Иоанна Крестителя он объявил о торжественном открытии хофтага в городе Аугсбурге⁹⁶. Там собрались все князья этой земли, и он провёл с ними тайные переговоры, надеясь при их содействии добиться к славе и чести немцев своего посвящения в императоры. В этом предприятии приняли участие очень многие как прелаты, так и князья, то есть все те, которые держали регалии, а именно: архиепископы Трира и Магдебурга, епископы Вюрцбурга, Страсбурга, Шпейера, – он же канцлер, – Вормса, Базеля, Констанца, Пассау, епископы Кура, Аугсбурга, Эйхштетта, Праги и Ольмюца, аббаты Рейхенау, Санкт-Галлена, Кемптена, Вейсенбурга, Зельца, Прюма и Эхтернаха. К ним присоединились также князья: герцоги Баварии, Лотарингии, Церингена, Каринтии и Моравии и очень многие маркграфы и графы. Прочие, которые остались дома, оказали королю в этом походе финансовую помощь. Итак, около Вознесения Пресвятой Девы⁹⁷ он начал восхождение в Альпы и, оставив город, который по названию реки естественным образом зовётся Иннсбрук, благополучно добрался до Бриксена, где протекает река Афасис, а затем, спустившись по её течению, прибыл в Триент⁹⁸. Уйдя оттуда, он прибыл к узкому горному перевалу, что зовётся Веронским Клузом и где находится чрезвычайно укрепленный замок, который с глубокой древности зовётся городом Гильдебранда. Из-за своей прочности этот замок стал оплотом храбрых мужей, которые уже давно вели против веронцев войну и сильно их

беспокоили. Итак, когда король пришёл туда, ему сдали этот замок, и он благодаря этому стал полновластным господином всей этой области. Правда, веронцы по-прежнему не боялись нападать на жителей этого замка, чем нанесли королю оскорбление. Но позднее, дав не одну тысячу марок, они вернули себе его милость. Итак, отправившись дальше, король был с блеском принят жителями Мантуи и Кремоны, о которых поэт говорил: «Мантуя, слишком, увы, к Кремоне близкая бедной»⁹⁹. А после перехода через По короля с радостью приняли жители Пармы и Понтремоли¹⁰⁰. То же было и с жителями Милана, Генуи, Лукки и других городов; они, ликуя, сдавали свои города и осыпали его несметными сокровищами и дарами. После того как он пробыл там какое-то время и сделал в этих городах многочисленные распоряжения, Оттон миновал крупный город, который на их языке зовётся Синис¹⁰¹ и где он оставался в течение нескольких дней, и прибыл в другой город, где приняла мученическую смерть блаженная Кристина, отчего и сам город зовётся по её имени «Озером св. Кристины»¹⁰². Идя далее, Оттон со всей своей свитой прибыл в Витербо, где навстречу ему с великой торжественностью и в окружении многочисленного духовенства и народа вышел господин папа Иннокентий. О том, с какой радостью и ликованием они встретились друг с другом, как горячо обнимались и целовались, и сколько там было пролито слёз радости, моё перо не в силах изобразить.

19. О ПОСВЯЩЕНИИ ИМПЕРАТОРА

Итак, в следующую за днём св. Михаила пятницу¹⁰³, – день св. Михаила пришёлся тогда на вторник, – господин король прибыл к могиле св. Петра, чтобы с великим благоговением помолиться святым апостолам Божьим и всеми способами почтить царственный град. У него в свите было 6000 закованных в латы рыцарей, не считая лучников и несметное воинство прелатов и князей. Итак, в следующее, как было сказано, за днём св. Михаила воскресенье¹⁰⁴, когда к церкви св. Петра направилась торжественная процессия, то из-за прибывающих и идущих им навстречу к ступеням монастыря св. Петра людей произошла страшная давка, так что процессия не могла идти дальше. Но император щедрой рукой начал в огромном количестве разбрасывать серебряные монеты, и им наконец, хоть и с трудом, но удалось совершить восхождение. Не было там недостатка и в слугах с копьями и дубинками, которые подавили волнение. Так, в воскресенье «Дай мир, Господи» господин император в великом мире и спокойствии был посвящён и коронован. При этом все радовались и кричали: «Да будет мир в силе твоей!». Поскольку он всегда с величайшим рвением стремился к миру, то мы надеемся, что и мир, и единство церкви Божьей, которая была потрясена столь долго, теперь надёжно защищены Богом. По окончании церемонии господин папа смиренно пригласил императора на пир, и господин император смиреннейшими просьбами добился у него чести отправиться туда вместе с ним. И вот, когда они подошли к коням, то император, не забыв об апостольском уважении, которое он должен оказывать их

наместнику, верному и уважаемому папе Иннокентию, смиренно держал его стремя. Так они прибыли к месту пира, где и богатый, и бедный всего имели вдоволь благодаря императорской щедрости.

Нельзя обойти молчанием также тот факт, что Вальдемар, избранный епископ Бремена, оказавшись в бедности и изгнании, со всем беспокойством и благоговением не переставал как через посредников, каких смог найти, так и лично обивать пороги апостольской милости, которая закрывает и никто не может открыть, открывает и никто не может закрыть и обычно «до седмижды семидесяти раз прощает заблуждения»¹⁰⁵. Он каялся в непослушании и обещал исправиться, дав какое угодно удовлетворение. Но, поскольку его дело было слишком запутано, то относительно него не было принято никакого решения. Ему разрешили только служить мессу в епископском облачении, да и то не в Бременской церкви.

20. ИЗВИНЕНИЕ АВТОРА

Я прошу у читателей снисхождения, чтобы никто не упрекнул меня в дерзости или безрассудстве за то, что я написал. Зная, что многие писали о деяниях королей и епископов, я, однако, как было сказано в самом начале, взялся за это не из безрассудства, но из любви, желая продолжить историю священника Гельмольда, который многое предпослал о положении нашего края и о королях и князьях, и рассказать верующим об обращении или подчинении славян, которое было произведено благородным герцогом Генрихом. Ибо, по моему мнению, нельзя предавать забвению то, что все видели собственными глазами, а именно: славу церковей, преданность верующих, приращение веры и религии в этих северных землях, где находился престол Сатаны, а ныне дует тёплый ветерок, то есть милость Святого Духа, который по удалении северного ветра овеивает сад верующих, способствуя произрастанию несметных ароматов добродетелей. Пусть никого не возмущает то, что я, согласно порядку истории, излагал то радости и успехи, то поражения, ибо о первых следует знать, а о вторых нельзя умалчивать. Ибо Бог ради пользы своих верующих, которым всё содействует ко благу¹⁰⁶, часто посылает то успехи, то неудачи. Если же попадётся что-либо, что не совсем соответствует истине, то это следует приписать информатору, а не автору. Всё это я смиренно оставляю исправлению верующих, сильно радуясь, что вслед за добрым началом я добился ещё лучшего конца.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Пролог

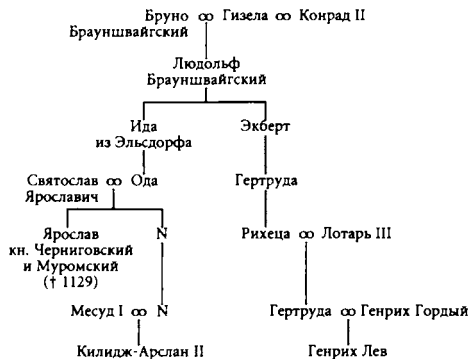
- ¹ *Филипп* († 1215, 18 дек.) – еп. Ратцебурга в 1204–1215 гг.
- ² *Гельмольд* (Helmold) – один из наиболее известных немецких историков XII в. Его «Славянская хроника» доходит до 1170 г.
- ³ *Генрих XII Лев* (р. 1129, † 1195, 6 авг.) – герцог Саксонии (1142–1180) и Баварии (1156–1180) из династии Вельфов. Сын Генриха X Гордого и Гертруды, дочери императора Лотаря III фон Супплинбурга.
- ⁴ 3 Цар., 4, 25.
- ⁵ *Эвермод* († 1178, 17 февр.) – первый еп. Ратцебурга (1154–1178). В 1278 г. канонизирован папой Бенедиктом XIII. За свои успехи в христианизации западных славян был назван «апостолом вендов».
- ⁶ *Конрад I фон Риддагсхаузен* († 1172, 17 июля) – еп. Любека в 1164–1172 гг.
- ⁷ *Берно* († 1191, 27 янв.) – еп. Шверина в 1155–1191 гг.

Книга первая

- ¹ То есть имп. Фридриха I Барбароссы, который первоначально поддерживал добрые отношения с Генрихом Львом и даже встал на его сторону в споре с представителями рода Асканиев.
- ² *Прибислав* († 1178, 30 дек.) – сын Никлота. Князь Мекленбурга (ободритов) в 1160–1178 гг. Основатель династии герцогов Мекленбургских.
- ³ *Вихман фон Зеебург* († 1192, 25 авг.) – архиеп. Магдебурга в 1152–1192 гг.
- ⁴ *Гунцелин I фон Хаген* – граф Шверина в 1167–1185 гг. Основатель династии графов Шверинских.
- ⁵ *Зигфрид I* – граф Бланкенбурга в 1164–1173 гг.
- ⁶ *Матильда* (р. 1156; † 1189, 28 июня) – дочь Генриха II, короля Англии, жена (с 1168 г.) Генриха Льва.
- ⁷ *Рихенца* (р. 1172; † 1204 г.) – в 1202 г. вышла замуж за Вальдемара II, короля Дании.
- ⁸ *Генрих I* (р. 1173; † 1227, 28 апр.) – пфальцграф Рейнский в 1195–1212 гг.; граф Брауншвейга.
- ⁹ *Лотарь* (р. 1174; † 1190, 15 окт.). – О его смерти в Аугсбурге см. V, 3.
- ¹⁰ *Оттон IV Вельф* (р. 1182; † 1218, 19 мая) – король Германии (1198–1218); император с 4 окт. 1209 г. См. о нём далее, кн. VI и VII.
- ¹¹ *Вильгельм* (р. 1184; † 1213 г. 12 дек.) – граф Люнебурга в 1202–1213 гг.
- ¹² Товит, 1, 12.
- ¹³ Упоминается среди министериалов Генриха Льва в его грамоте от 1162 г. Был фогтом Люнебурга и, возможно, происходил из славного рода Гроде.
- ¹⁴ См. Штетербургские анн., 1188 и 1191 гг.
- ¹⁵ 13 января 1172 г.
- ¹⁶ Пресвятой Марии. 2 февраля 1172 г. По другим данным – 22 февраля.
- ¹⁷ Здесь, по-видимому, имеются в виду не маркграфы Зульцбаха и Штирии, а пфальцграфы Фридрих († 1198) и Отто († 1183) фон Виттельсбах.
- ¹⁸ *Генрих XI Язомирготт* (р. 1114; † 1177, 13 янв.) – маркграф Австрии (1141–1156), герцог (1156–1177). В 1142 г. женился на Гертруде фон Супплинбург, вдове Генриха Гордого и матери Генриха Льва.
- ¹⁹ *Клостернейбург* – городок к северо-западу от Вены.
- ²⁰ То есть мать Генриха Льва. Гертруда скончалась 20 апреля 1143 г. Но следов её

- погребения нет ни в Нейбурге, ни в Кёнигслюттере (согласно Большим Кёльнским анналам).
- ²¹ *Конрад II фон Штернберг* († 1192, 18 янв.) – еп. Вормса в 1171–1192 гг.
- ²² *Мануил I Комнин* – император Византии в 1142–1180 гг.
- ²³ *Мезебург* или *Мизенбург* – совр. г. Нишбор в Чехии. По другим данным – Мошон-мадьяровар, расположенный неподалёку от впадения р. Лейты в Дунай.
- ²⁴ *Стефан III* – король Венгрии в 1162–1172; сын Гезы II и Евфросиньи, дочери Мстислава I, великого князя Киевского. Был женат на Агнесе Бабенберг († 1182) – дочери (а не сестре) герцога Генриха II Язомирготта.
- ²⁵ Эстергому, столице Венгрии.
- ²⁶ 4 марта 1172 г.
- ²⁷ Белый, который стал после этого королём Белой III (правил в 1172–1196 гг.).
- ²⁸ То есть герцог Австрии.
- ²⁹ Кампсес, в одной миле от города Пореч.
- ³⁰ *Браничев* – местечко, расположенное неподалёку от устья Моравы, близ г. Пожаревац.
- ³¹ *Болгарский лес* – территория между Белградом и Нишем, где расположен Брандиц.
- ³² Замок, расположенный близ монастыря Раваница, в месте, где р. Равана впадает в Мораву.
- ³³ Рим., 14, 8.
- ³⁴ У Арнольда – Никея.
- ³⁵ Совр. Эдирне.
- ³⁶ Ниже (IV, 9) Арнольд явно понимает под Винополем Филиппополь (совр. Пловдив). Здесь же речь идёт о какой-то крепости между Адрианополем и Константинополем (возможно, Харинополь?).
- ³⁷ 14 апреля 1172 г.
- ³⁸ 16 апреля 1172 г.
- ³⁹ Имеются в виду шёлковые покрывала, изготовленные по фригийскому способу и отделанные золотом.
- ⁴⁰ Иоанн, 15, 26.
- ⁴¹ Галат., 4, 6.
- ⁴⁰ Рим., 8, 9.
- ⁴³ Иоанн, 1, 1.
- ⁴⁴ Рим., 8, 11.
- ⁴⁵ Матфей, 10, 20.
- ⁴⁶ Иоанн, 14, 26.
- ⁴⁷ *Афанасий Великий* (р. ок. 298; † 373) – еп. Александрии в 328–373 гг. Один из наиболее стойких и последовательных борцов за Никейский символ веры и против ариан, за что и был удостоен почетного звания *Великий*. Пять раз изгонялся императорами и треть времени своего епископства провёл вдали от своей епархии.
- ⁴⁰ *Иоанн Златоуст* (р. 347; † 407) – архиеп. Константинопольский в 398–404; величайший из отцов Восточной церкви, один из трёх её «вселенских учителей».
- ⁴⁹ То есть проповедей. Слово «гомилия» в переводе с греческого означает «слово» или «беседа».
- ⁵⁰ Кирилл (р. 376; † 444, 27 июня) – еп. Александрии в 412–444 гг. Один из отцов церкви, богослов и толкователь Св. Писания, создатель ортодоксального учения о *Богочеловеке*.
- ⁵¹ 1 Цар., 2, 6.
- ⁵² *Амори* – король Иерусалима в 1163–1174.
- ⁵³ Пустыня, в которой Христос постился 40 дней.
- ⁵⁴ *Амори де Нель* – патриарх Иерусалима в 1157–1180 гг.
- ⁵⁵ 17 июля 1172 г.
- ⁵⁶ 24 июля 1172 г.
- ⁵⁷ *Млех*, царь Киликии (1170–75), который исповедовал христианство, но вступил в союз с сарацинами против христиан.
- ⁵⁸ *Бозмунд III* – князь Антиохии в 1163–1201.
- ⁵⁹ *Селевкия* (совр. Самандагы). Порт к юго-западу от Антакии (Антиохии).
- ⁶⁰ Тарс.
- ⁶¹ *Кылыч-Арслан II* – султан в 1156–1188/92.
- ⁶² *Гераклея* – совр. Эрегли в Турции между Коньей и Тарсом.
- ⁶³ *Ираклий* – император Византии в 610–641.
- ⁶⁴ *Хосров II Парвиз* – царь Персии из династии Сасанидов в 591–628 гг.
- ⁶⁵ Ныне Акшехир (в древн. – Филомелий).

- ⁶⁶ Согласно Назаренко А.В. их родственные связи выглядели так:

- ⁶⁷ *Николаиты* – ересь, приверженцы которой практиковали общность жен и прелюбодеяние не считали за грех.
- ⁶⁸ Иоанн, 4, 19.
- ⁶⁹ *Исми* – местечко между Акшехиром и Коньей.
- ⁷⁰ Ныне – Конья, город в Турции, центр одноимённого вилайета.
- ⁷¹ *Конрад III* (р. 1093; † 1152 г. 15 февр.) – король Германии в 1138–1152 гг.; дядя имп. Фридриха I Барбароссы. Один из организаторов II Крестового похода. – В указанную местность (между Никеей и Иконием) он прибыл в октябре 1147 г.
- ⁷² *Готфрид Бульонский*, один из вождей Первого крестового похода.
- ⁷³ Анико в районе Геллеспонта.
- ⁷⁴ Деяния, 4, 32.

- ⁷⁵ Здесь Готфрид Бульонский явно спутан со своим дядей Готфридом Горбатым, герцогом Лотарингии в 1070–1076 гг.
- ⁷⁶ Среди крестоносцев, принявших участие в I Крестовом походе, упоминаются два Дрого – де Нель и де Монси. О ком из них идёт речь – неясно.
- ⁷⁷ Иоанн, 14, 13.
- ⁷⁸ В оригинале ошибочно «зятя».
- ⁷⁹ На Рождество Господне 1172 г. императора проводил там хофтаг.
- ⁸⁰ *Генрих I Брюссельский* († 1182, 29 нояб.) – еп. Любека в 1173–1182 гг.
- ⁸¹ Он был приором св. Стефана в Бремене.
- ⁸² Первый был приором Эймбека, а второй – св. Кириака в Брауншвейге.
- ⁸³ *Вало* – еп. Гавельберга в 1155–1176 гг.
- ⁸⁴ Лука, 2, 10.
- ⁸⁵ Лука, 2, 25.
- ⁸⁶ *Ихтерсхаузен* – цистерцианский женский монастырь между Эрфуртом и Арнштадтом, основ. королём Конрадом III в 1147 г.
- ⁸⁷ Цистерцианский женский монастырь близ Гослара, основанный в 1174 г. братьями Лиудольфом, Хогером и Бурхардом фон Вальтингероде.
- ⁸⁸ Песнь песней, 2, 2.
- ⁸⁹ *Фома (Томас) Бекет* (р. 1118; † 1170 г.) – архиеп. Кентерберийский в 1162–1170 гг.
- ⁹⁰ *Александр III* – римский папа с 7 сент. 1159 г. по 30 авг. 1181 г.
- ⁹¹ Деяния, 5, 29.
- ⁹² I Иоанн, 3, 16.
- ⁹³ 1170 г.

Книга вторая

- ¹ В 1174 и 1175 гг.
- ² Иоанн, 10, 1 и сл.
- ³ *Христиан I фон Бух* († 1183, 23 авг.) – архиеп. Майнца в 1165–1183 гг.
- ⁴ Ср. I Цар., 2, 1.
- ⁵ *Филипп I фон Хейнсберг* († 1191, 13 авг.) – архиеп. Кёльна в 1167–1191 гг.
- ⁶ Мир был заключён 24 июля 1177 г.
- ⁷ Иоанн, 10, 16.
- ⁸ *Ульрих* († 1180, 30 июля) – еп. Хальбер-

- штадта в 1150–1180 гг.
- ⁹ Антиепископ, которого Генрих Лев поставил в 1160 г. после изгнания Ульриха.
- ¹⁰ То есть Бурхарда II, еп. Хальберштадта, который был убит в Госларе в 1088 г. Его тело было погребено в Ильзенбурге.
- ¹¹ Город на р. Пене (Мекленбург – Передняя Померания).
- ¹² Овидий, Лекарство от любви, 2.
- ¹³ Поместье неподалёку от Любека.

- ¹⁴ *Гладенбрюгге* (Большое и Малое) – деревни к югу от Зегеберга.
- ¹⁵ *Стуббендорф* – деревня близ Ренсевельда.
- ¹⁶ Он умер 29 ноября 1182 г.
- ¹⁷ Ныне Лангенштейн к югу от Хальберштадта.
- ¹⁸ В 1178 г.
- ¹⁹ *Матильда* († 1193) – дочь Сиццо III фон Шварцбург-Кефернбурга и Гизелы фон Берг.
- ²⁰ *Адольф III фон Шауэнбург* († 1225, 3 янв.) – сын Адольфа II. Граф Гольштейна в 1164–1225 гг.
- ²¹ 16 февраля 1178 г.
- ²² *Генрих I фон Бодвид* († после 1163) – первый граф Ратцебурга (с 1156) основатель рода графов Ратцебургских.
- ²³ Псал., 145, 8.
- ²⁴ *Гартвиг II* († 1207, 3 нояб.) – архиеп. Бремена и Гамбурга в 1184–1207 гг.
- ²⁵ *Дитмаршен* – западная часть Гольштейна (гг. Мельдорф, Итцехо и др.).
- ²⁶ Матфей, 6, 12.
- ²⁷ Нурсийский. Основатель монастыря в Монтекасино (526 г.). Святой.
- ²⁸ *Исфрид* – еп. Ратцебурга в 1180–1204 гг.
- ²⁹ Имеется в виду приорство в Магдебурге, а не город в Палестине.
- ³⁰ Матфей, 24, 6.
- ³¹ В 1180 г.
- ³² Граф Ратцебурга. Сын Генриха I (см. выше, прим. 22).
- ³³ *Бернгард III* (р. 1140; † 1212, 9 февр.) – сын Альбрехта I Медведя; граф Ангальта (с 1170); герцог Саксонии (1180–1212).
- ³⁴ В герцогстве Саксен-Лауэнбург.
- ³⁵ *Балдуин I* – архиеп. Бремена и Гамбурга в 1168–1178 гг.
- ³⁶ *Бертольд (Бертрам)* († 1212, 6 апр.) – архиеп. Бремена и Гамбурга в 1178–1179 гг. (не утверждённый папой); еп. Меца в 1180–1212 гг.
- ³⁷ Псал., 136, 2.
- ³⁸ *Луций III* – римский папа с 1 сент. 1181 г. по 25 нояб. 1185 г.
- ³⁹ *Зигфрид I фон Ангальт* († 1184, 24 окт.) – 3-й сын Альбрехта I Медведя; архиеп. Бремена и Гамбурга в 1179–1184 гг.
- ⁴⁰ То есть будущего герцога Бернгарда III. См. выше, прим. 33.
- ⁴¹ То есть в 1178 г.
- ⁴² *Хамельн* – город на р. Везер между Детмольдом и Хильдесхаймом.
- ⁴³ В октябре 1178 г.
- ⁴⁴ 13 янв. 1179 г.
- ⁴⁵ 24 июня 1179 г.
- ⁴⁶ *Дитрих II* († 1185, 9 февр.) – 2-й сын Конрада Великого; маркграф Ландсберга (Ниж. Лаузица) в 1156–1185 гг.
- ⁴⁷ *Хальденслебен* – город на р. Оре к северо-западу от Магдебурга.
- ⁴⁸ Бытие, 16, 12.
- ⁴⁹ То есть наёмников.
- ⁵⁰ *Бернгард II* – граф Липпе в 1167–1203 гг.
- ⁵¹ Арнольд не делает здесь различия между первой осадой города в 1179 г., в которой как раз и принял участие архиепископ Филипп, и второй в 1181 г., когда Вихман, архиеп. Магдебурга, наконец взял город.
- ⁵² Матфей, 27, 64.
- ⁵³ Это сражение произошло 1 августа 1179 г.
- ⁵⁴ *Хорнбург* – город к северу от Гарцбурга.
- ⁵⁵ 23 сент. 1179 г.
- ⁵⁶ Псал., 35, 7.
- ⁵⁷ Матфей, 18, 7.
- ⁵⁸ Псал., 68, 28.
- ⁵⁹ Осия, 4, 2.
- ⁶⁰ Евр., 4, 12.
- ⁶¹ То есть герцог.
- ⁶² *Херренбург* – городок между Любеком и Ратцебургом.
- ⁶³ *Зегеберг* – город в 22 км к западу от Любека.
- ⁶⁴ *Гуйсбург* – городок к северо-западу от Хальберштадта.
- ⁶⁵ 30 июля 1180 г.
- ⁶⁶ 1180 г.
- ⁶⁷ *Нордхаузен* – город на р. Хельме, к северу от Зондерсхаузена.
- ⁶⁸ *Людвик III* († 1190) – сын Людовика II и Юдифи фон Штауфен, сестры имп. Фридриха I Барбароссы; ландграф Тюрингии в 1172–1190 гг.
- ⁶⁹ *Герман I* († 1217) – пфальцграф Саксонии; ландграф Тюрингии в 1190–1217 гг.

- ⁷⁰ *Адольф I фон Дассель* († 1224), который ок. 1200 г. стал также графом Ратцебурга.
- ⁷¹ *Плён* – город в 23 км к северу от Зегеберга.
- ⁷² Ныне Шаумбург в районе Ринтельна.
- ⁷³ Возле Ринтельна.
- ⁷⁴ *Герцберг* – город к юго-востоку от Остероде и северо-западу от Пёльде.
- ⁷⁵ Близ Штекленберга.
- ⁷⁶ Оба – к северо-западу от Бланкенбурга.
- ⁷⁷ В районе Брауншвейгского Зальдерна.
- ⁷⁸ *Казимир I* – сын Варτισлава I; князь Померании в 1153–1180 гг.
- ⁷⁹ *Богуслав I* – князь Померании (1153–1187). В 1180 г. унаследовал удел брата Казимира.
- ⁸⁰ *Генрих IV* – король Германии (1056–1106); император (с 31 марта 1084 г.).
- ⁸⁰ *Генрих V* (р. 1086, 8 янв. † 1125, 23 мая) – сын Генриха IV; король в 1106–1125 гг., император (с 13 апр. 1111 г.). В 1105 г. поднял восстание против отца.
- ⁸² *Вельфесхольц* – селение между Хеттштедтом и Гербштедтом, где Генрих V потерпел поражение в 1115 г.
- ⁸³ Здесь у Арнольда переплетены легенды о двух Генрихах – Генрихе IV и Генрихе I Птицелове.
- ⁸⁴ Против герцога.
- ⁸⁵ Между гг. Хильдесхайм и Бокенем.
- ⁸⁶ *Гадебуш* – город между Ратцебургом и Шверинном.
- ⁸⁰ 1181 г.
- ⁸⁸ *Отто I* († 1184, 8 июля) – старший сын Альбрехта I Медведя; маркграф Бранденбурга в 1170–1184 гг.
- ⁸⁹ *Отто II Богатый* († 1190, 18 февр.) – сын Конрада Великого; маркграф Мейсена в 1156–1190 гг.
- ⁹⁰ 29 июня 1181 г.
- ⁹¹ Городок на р. Эльбе, к северу от Люнебурга.
- ⁹² Любека.
- ⁹³ *Вальдемар I Великий* (р. 1131, 14 янв.; † 1182, 12 мая) – сын Кнута IV Лаварда и Ингеборги Русской; король Дании в 1157–1182.
- ⁹⁴ Фридрихом. До брака дело так и не дошло.
- ⁹⁵ *Зост* – город в Вестфалии, к северу от Арнсберга.
- ⁹⁶ В ноябре 1181 г.
- ⁹⁷ Генриху II Плантагенету. Герцог отправился в Англию в июле 1182 г.

Книга третья

- ¹ Судьи, 21, 25.
- ² *Адельгейда* († 1185, 25 дек.) – дочь Отто фон Ассельбурга (а не Дасселя) и Саломеи фон Хейнсберг, сестра Филиппа, архиеп. Кёльнского, т. е. племянница последнего.
- ³ *Данненберг* – город на р. Етце, недалеко от её впадения в Эльбу.
- ⁴ *Лухов* – город на р. Етце, между Данненбергом и Зальцведем.
- ⁵ 3 Цар., 12, 10.
- ⁶ 12 мая 1182 г.
- ⁷ *Кнут VI* (р. 1163; † 1202 г. 12 нояб.) – сын Вальдемара I и Софии Новгородской; король Дании в 1182–1202 гг.
- ⁸ Вернее, тестя.
- ⁹ Фил., 1, 23.
- ¹⁰ Псал., 54, 23; 144, 19.
- ¹¹ То есть самому Арнольду.
- ¹² Псал., 26, 14.
- ¹³ Псал., 23, 4.
- ¹⁴ 1182 г.
- ¹⁵ Псал., 131, 14.
- ¹⁶ Псал., 29, 2.
- ¹⁷ Псал., 29, 12.
- ¹⁸ Псал., 29, 13.
- ¹⁹ *Цевен* – городок в 42 км к северо-востоку от Бремена.
- ²⁰ Псал., 113.
- ²¹ Галат., 1, 20.
- ²² *Ратекау* – селение к северо-востоку от Любека.
- ²³ *Ольдесло* – город на р. Траве, к западу от Любека, между гг. Зегеберг и Арнсбург.
- ²⁴ *Хитцакер* – городок на р. Эльбе, к северо-западу от Данненберга.
- ²⁵ На восточном берегу оз. Шверинер-зее.
- ²⁶ *Генрих I Бурвин* († 1227, 28 янв.) – сын Прибислава; князь Мекленбурга (обод-

- ритов) в 1178–1227 гг.
- 27 Незаконнорожденной дочери Генриха Льва.
- 28 Ныне – деревня к югу от Висмара.
- 29 Руги – слав. племя, населявшее о. Рюген.
- 30 Цирципаны – славянское племя между Рекницем, Небелем, Требелем и восточным течением р. Пены.
- 31 Трибзее – городок на р. Требель, на самой границе Померании и Мекленбурга.
- 32 Сcone – область на юге Швеции (главный город – Мальмё). До XVII в. входила в состав Дании.
- 33 Эссил – архиеп. Лунда в 1137–1177 гг.
- 34 В 1177 г.
- 35 Он умер 6 сент. 1182 г.
- 36 Ср. Псал., 92, 13.
- 37 Абсалон – архиеп. Лунда в 1177–1201 гг. По его поручению Саксон Грамматик написал между 1185 и 1208 гг. свои 16 книг «Деяний данов».
- 38 Деяния, 9, 5.
- 39 То есть Кнута.
- 40 Притчи, 8, 15.
- 41 В районе Мансфельда.
- 42 Конрад II, еп. Любека в 1183–1184 гг., дальнейшая его судьба не известна.
- 43 Замок в Чехии, где император находился в мае 1185 г.
- 44 Ныне – Ойтин в 12 км к востоку от Плёна.
- 45 Бытие, 45, 18.
- 46 Псал., 84, 15.
- 47 Указанное сражение произошло 21 мая 1184 г., а подчинение славян – в 1185 г.
- 48 То есть Лауэнбург.
- 49 Он умер 24 сент. 1180 г.
- 50 Алексея II.
- 51 С Агнесой, дочерью Людовика VII, короля Франции.
- 52 Матфей, 26, 31.
- 53 Андроник I Комнин – император Византии в 1183–1185 гг.
- 54 В сент. 1183 г.
- 55 Вернее, Исааку II Ангелу (правил в 1185–1190 гг.).
- 56 Притчи, 11, 10.
- 57 Арнольд ошибается. Этот хофтаг был проведён 20 мая 1184 г., в 33-й год правления Фридриха I Барбароссы (в 31-й год его императорской власти).
- 57 Генрих VI (р. 1165; † 1197, 28 сент.) – король Германии (1190–1197); король Сицилии (1194–1197); император с 15 апр. 1191.
- 59 Конрад II.
- 60 Конрад († 1195, 26 июля) – сводный брат имп. Фридриха I Барбароссы; пфальцграф Рейнский в 1156–1195 гг.
- 61 Рупрехт III.
- 62 Готфрид III – герцог Брабанта в 1142–1190.
- 63 Фил., 3, 10.
- 64 Колосс., 3, 2.
- 65 Притчи, 6, 14.
- 66 Псал., 51, 7.
- 67 1 Кор., 9, 27.
- 68 Псал., 118, 127.
- 69 Матфей, 24, 12.
- 70 Иоанн, 6, 38.
- 71 Иаков, 1, 22.
- 72 Матфей, 16, 25.
- 73 Матфей, 16, 24.
- 74 Лука, 14, 10.
- 75 Лука, 14, 11.
- 76 Беатриса Бургундская († 1184, 15 нояб.), дочь Рено III, графа Бургундии (Франшконте).
- 77 Вернее, в том же 1184 г.
- 78 Конрад I фон Виттельсбах († 1200, 25 окт.) – архиеп. Майнца в 1161–1165 и 1183–1200 гг. Сторонник папы.
- 79 Маркграфини Тосканской († 1115).
- 80 После смерти архиепископа Арнольда 25 мая 1183 г.
- 81 Рудольф фон Вид был приором кафедральной церкви, а Фолькмар († 1189) – старшим деканом.
- 82 Дуйсбург – город на левом берегу Рейна, к северу от Дюссельдорфа.
- 83 В начале 1185 г.
- 84 24 окт. 1184 г.
- 85 Он был избран 25 января 1186 г., а регалии получил 22 февраля.
- 86 В октябре 1185 г.
- 87 Овидий, Письма с Понта, II, 3, 8.
- 88 6 янв. 1186 г.

- ⁸⁹ 2 февр. 1186 г.
⁹⁰ *Гарзефельд* – город на р. Люэ, к югу от Штаде.
⁹¹ *Дитрих I* – еп. Любека в 1186–1210 гг.
⁹² Амос, 7, 14.
⁹³ *Гельнхаузен* – замок на р. Кинциг, к северо-востоку от Ханау.
⁹⁴ 21 дек. 1186 г.
⁹⁵ 23 дек. 1186 г.
⁹⁶ На Констанции (р. 1154; † 1198, 27 нояб.) – дочери Рожера II. Свадьба состоялась 27 января 1186 г. в Милане.
⁹⁷ *Юдифи фон Штауфен*. См. прим. 68 к кн. II.
⁹⁸ С Маргаритой, дочерью Дитриха III, графа Клеве.
⁹⁹ На Софье (р. 1143; † 1198, 5 мая) – дочери Владимира Всеволодовича, князя Новгородского, вдове Вальдемара I.
¹⁰⁰ 25 ноября 1185 г.
¹⁰¹ *Урбан III* – римский папа с 25 нояб. 1185 г. по 20 окт. 1187 г.
¹⁰² Император в 249–251 гг. Известен своими гонениями против христиан.
¹⁰³ См. прим. 36 к кн. II.
¹⁰⁴ См. II, 9.
¹⁰⁵ В августе 1186 г.
¹⁰⁶ В ноябре 1186 г.
¹⁰⁷ Марк, 12, 17.
¹⁰⁸ Вергилий, *Эклоги*, III, 108.
¹⁰⁹ 20 окт. 1187 г.
¹¹⁰ Травемюнде.
¹¹¹ Очевидно, в 1187 г.
¹¹² *Вальдемар* (р. 1157; † 1236) – сын Кнута V, короля Дании, и дочери Сверкера I, короля Швеции; еп. Шлезвига (1182–1208); архиеп. Бремена и Гамбурга в 1192 и 1206–1208 гг.
¹¹³ См. Гельмольд, I, 84.

Книга четвертая

- ¹ Осия, 4, 2.
² Исая, 3, 5.
³ Рим., 2, 4.
⁴ Иеремия, 11, 15.
⁵ Иоанн, 10, 1.
⁶ Иоанн, 10, 7; 9.
⁷ 1 Кор., 15, 33.
⁸ Исая, 61, 6.
⁹ Псал., 104, 5.
¹⁰ Псал., 50, 16–18.
¹¹ Исая, 24, 2.
¹² Иов, 34, 30.
¹³ Иоанн, 8, 47.
¹⁴ Иеремия, 4, 18.
¹⁵ Там же, 5, 31.
¹⁶ Там же, 3, 25.
¹⁷ *Балдуин IV* – сын Амори; король Иерусалима в 1174–1185 гг.
¹⁸ Евр., 12, 6.
¹⁹ *Сибилла* († 1190).
²⁰ Вильгельм Длинный Меч. Он прибыл в Сидон в окт. 1176 г. и умер в июне 1177 г.
²¹ Балдуина V.
²² 20 ноября 1183 г.
²³ *Раймунд III* (р. 1139; † 1187, сент.) – граф Триполи в 1152–1187 гг.
²⁴ 16 марта 1185 г.
²⁵ В 1186 г.
²⁶ Ираклию.
²⁷ *Гвидо де Лузиньян* († 1194) – сын Гуго VIII Бруна; король Иерусалима в 1186–1192 гг.; король Кипра в 1192–1194 гг.
²⁸ 20 июля 1186 г.
²⁹ Вернее, 9 месяцев, ибо уже в начале 1187 г. они примирились.
³⁰ *Рожер де Молин* – магистр госпитальеров в 1177–1187 гг.
³¹ Малик аль-Афдал.
³² Герхарду де Бедфорду.
³³ Замок Ле Фев между Севастой и Назаретом.
³⁴ Судьи, 3, 28.
³⁵ Сражение на р. Кишон 1 мая 1187 г.
³⁶ Возле источника Сефории расположились христиане, а не Саладин.
³⁷ Битва при Хаттине 4–5 июля 1187 г.
³⁸ В мае 1188 г.
³⁹ Осаду Аскалона Саладин начал в авг. 1187 г., а взял город 5 сент.
⁴⁰ Фил., 1, 23.

- 41 3 окт. 1187 г. (а не 28 сент., как сказано ниже).
- 42 Плач Иеремии, 1, 1.
- 43 Григорий VIII – римский папа с 21 окт. по 17 дек. 1187 г.
- 44 Климент III – римский папа с 19 дек. 1187 г. по март 1191 г.
- 45 Псал., 78.
- 46 Плач Иеремии, 5, 15; 16.
- 47 1 Иоанн, 3, 16.
- 48 Иоиль, 2, 16.
- 49 Хофтаг в Майнце состоялся 27 марта 1188.
- 50 Готфрид I († 1190, 8 июля) – еп. Вюрцбурга в 1186–1190 гг.
- 51 23 апреля 1189 г. он провёл там хофтаг.
- 52 Леопольд V.
- 53 28 мая 1189 г.
- 54 То есть к Пресбургу (совр. Братиславе).
- 55 Бела III, с чьей дочерью (Констанцией) в 1189 г. был помолвлен сын императора Фридрих VI, герцог Швабии (в 1170–91).
- 56 То есть в Эстергом.
- 57 Маргарита, сестра короля Франции.
- 58 Это происходило в Белграде, где император провёл день апостолов Петра и Павла (24 июня).
- 59 Стефан Неманя, великий жупан Сербии.
- 60 Король Венгрии расстался с императором 2 июля 1189 г. в районе Браничева.
- 61 Алексей, двоюродный брат императора Исаака II Ангела. Он вышел навстречу императору в Нише.
- 62 24 июня.
- 63 25 июля.
- 64 15 авг. 1189 г.
- 65 Стралиция – ныне София (столица Болгарии).
- 66 Германа II – еп. Мюнстера в 1174–1203 гг.
- 67 Крестоносцы прибыли в Адрианополь 22 ноября и, проведя там 14 недель, только 2 марта 1190 г. отправились дальше.
- 68 25 марта 1190 г.
- 69 За шесть дней (23–28 марта).
- 70 Псал., 3, 1 и сл.
- 71 Псал., 33, 20.
- 72 Рим., 12, 19.
- 73 13 мая 1190 г. Однако, согласно Ансберту, они подошли к Иконию только 17 мая.
- 74 Скорее, наоборот, сын султана и зять Саладина.
- 75 Византийский денарий, на котором было отчеканено изображение императора Мануила I.
- 76 Фридрих.
- 77 Сражение у Икония произошло 18 мая.
- 78 23 мая.
- 79 Более известна как Селевкия. Другие её названия – Селефкие, Салеф, Сафет.
- 80 10 июня 1190 г.
- 81 21 июня.
- 82 Они находились там в течение 8 недель.
- 83 Он умер 8 июля 1190 г.
- 84 20 января 1191 г.
- 85 Матфей, 6, 22.
- 86 1 Цар., 16, 7.
- 87 В авг. 1189 г.
- 88 Маркграфу Монферрато, брату Вильгельма Длинный Меч (см. прим. 20). В 1192 г. он был избран королём Иерусалима, но 28 апреля 1192 г. убит в Тире двумя ассасинами.
- 89 В начале января 1188 г.
- 90 Исход, 12, 35.
- 91 Отто.
- 92 Эта битва произошла 4 окт. 1189 г.
- 93 Заболев, ландграф отплыл на Кипр и там умер в окт. 1190 г.
- 94 Филипп II Август. Он прибыл 13 апр. 1191.
- 95 Ричард I Львиное Сердце.
- 96 Исаак Комнин.
- 97 Изабеллы, сестры Сибиллы.
- 98 8 июня 1191 г.
- 99 12 июля 1191 г.
- 100 20 янв. 1192 г.
- 101 См. выше, прим. 88.
- 102 Мир был заключён 1 сент. 1192 г.
- 103 Ричард отплыл из Святой земли 9 октября.
- 104 Алисе.
- 105 Беренгарию.
- 106 Алиенора Аквитанская.
- 107 Ричард был взят в плен 21 дек. 1192 г., а имп. Генриху VI передан 23 марта 1193 г.
- 108 Бытие, 15, 16.
- 109 Исайя, 5, 25.

Книга пятая

- 1 29 сент. 1189 г.
- 2 *Итцехо* – город на р. Брамау (Дитмаршен), к северо-западу от Гамбурга.
- 3 *Адельгейда* († ок. 1210) – 2-я жена Адольфа III; дочь Бурхарда II фон Кверфурта, бургграфа Магдебурга.
- 4 *Гельмольд I* († 1206) – сын Гунцелина I; граф Шверина в 1185–1206 гг.
- 5 11 ноября 1189 г.
- 6 1190 г.
- 7 В ноябре 1189 г.
- 8 *Лиммер* – селение на р. Лайне, к северу от Ганновера.
- 9 Мир был заключён в июле 1190 г.
- 10 15 окт. 1190 г.
- 11 В конце 1190 г.
- 12 *Конрад I Отто* († 1191) – сын Конрада II Моравского; маркграф Моравии в 1182–1187 гг.; князь Чехии в 1189–1191 гг.
- 13 20 марта 1191 г.
- 14 *Целестин III* – римский папа с 30 марта 1191 г. по 8 янв. 1198 г.
- 15 Рим., 12, 15.
- 16 14 апреля 1191 г.
- 17 15 апреля.
- 18 Вильгельм II Доброго († 1189, 17 ноября).
- 19 См. III, 15.
- 20 *Танкред де Лечче* († 1194, 20 февр.) – сын Рожера Сицилийского, незаконнорожденного сына короля Рожера II. Король Сицилии в 1190–1194 гг.
- 21 Осада длилась с мая по август 1191 г.
- 22 Он умер 13 авг. 1191 г.
- 23 Отто скончался 9 сент. 1191 г.
- 24 Генрих VI отправился домой в сентябре, а в Германию прибыл в декабре 1191 г.
- 25 *Бойценбург* – город на р. Эльбе, к востоку от Лауэнбурга.
- 26 *Отто II* – сын Отто I; маркграф Бранденбурга в 1184–1205 гг.
- 27 *Бернгард II* – сын Бернгарда I; граф Ратцебурга в 1190–1198 гг.
- 28 В 1195 г.
- 29 Гораций, Наука поэзии, 43–44.
- 30 См. прим. 22 к кн. II.
- 31 См. Гельмольд, I, 54; 56.
- 32 Адельгейда фон Вассель († 1244).
- 33 Бернгард II умер в 1198 г., а его сын Бернгард III – в 1200 г.
- 34 *Вальдемар II Победитель* (р. 1170; † 1241, 28 марта) – сын Вальдемара I; герцог Шлезвига в 1182–1241 гг.; король Дании в 1202–1241 гг.
- 35 *Гризенвердер* – между Финкенвердером и Оксенвердером.
- 36 Стаций, Ахиллеиды, II, 76.
- 37 Дитрих был сыном сестры Гартвига Матильды.
- 38 Кардинал-пресвитер церкви св. Лаврентия в Луцине.
- 39 *Хорст* – деревня в районе Химмельпфортена, к западу от Штаде.
- 40 2 Кор., 11, 29.
- 41 Деяния, 20, 35.
- 42 Псал., 54, 23.
- 43 Рим., 8, 31.
- 44 Исая, 63, 7.
- 45 Исход, 15, 2.
- 46 Псал., 27, 10.
- 47 Псал., 86, 15.
- 48 Псал., 55, 23.
- 49 2 Кор., 12, 9.
- 50 Псал., 145, 3.
- 51 Псал., 21, 7.
- 52 2 Кор., 11, 30.
- 53 Псал., 130, 1.
- 54 1 Кор., 1, 27; 28.
- 55 2 Цар., 12, 28.
- 56 Псал., 52, 3.
- 57 Лука, 18, 13.
- 58 Псал., 31, 5.
- 59 Псал., 68, 6.
- 60 Псал., 72, 28.
- 61 Деяния, 10, 34.
- 62 2 Кор., 10, 18.
- 63 Псал., 76, 11.
- 64 Иаков, 1, 22.
- 65 Гораций, Наука поэзии, 282–284.
- 66 1 Кор., 13, 11.
- 67 Псал., 18, 11.

- 68 22 января.
 69 25 марта.
 70 Матфей, 5, 45.
 71 1 Кор., 11, 28.
 72 Матфей, 20, 16.
 73 1 Кор., 11, 27.
 74 1 Кор., 11, 29.
 75 Фил., 2, 10.
 76 Псал., 109, 4.
 77 Тит., 2, 14.
 78 Псал., 8, 3; Матфей, 21, 16.
 79 Матфей, 23, 32.
 80 Матфей, 27, 25.
 81 Рим., 12, 15.
 82 Рим., 8, 17.
 83 22 февраля 1193 г.
 84 Местоположение неизвестно.
 85 Он выступил против Кнута в нач. 1193 г., был схвачен в июле или декабре 1193 г.
 86 Он умер 20 марта 1201 г.
 87 Город в западной части о. Зеландия.
 88 *Андреас* – архиеп. Лунда в 1201–1222 гг.
 89 Эфес., 5, 5.
 90 Деяния, 20, 35.
 91 О нём см. ниже, V, 25; 26; VII, 2. Письмо, очевидно, было написано в 1195 г., когда Конрад находился в Апулии.
 92 *Хартберт фон Далем* – первый певчий, затем – приор кафедральной церкви, еп. Хильдесхайма (после Конрада) (1199–1216).
 93 1 Кор., 13, 12.
 94 Вергилий, Эклоги, IX, 28.
 95 Лукан, Фарсалия, I, 41 и 213.
 96 *Сулмон* – город на р. Пескара, в обл. Абруццы.
 97 Овидий, Скорбные элегии, IV, 10, 3.
 98 Ныне – Кьети.
 99 В 216 г. до н. э.
 100 Джовинаццо, к северу от г. Бари.
 101 Ср. Вергилий, Георгики, I, 62; 63.
 102 Ныне – Гайета.
 103 Ныне – Пунта ди Кампанелла, близ Сорренто и напротив о. Капри.
 104 Ныне – Капо Палинуро в Лукании.
 105 Вергилий, Энеида, V, 871.
 106 Неаполь сдался Генриху VI в 1194 г., а его стены были разрушены в 1195 г.
 107 Вергилий, конь стоял в Неаполе до 1322 г.
 108 Ныне – Таормина.
 109 Икарыйским называли Эгейское море, а не Сицилийское.
 110 Сиракузы.
 111 Вергилий, Эклоги, VI, 1; 2.
 112 Деяния, 28, 1 и сл. Но там имеется в виду Мальта (Мелит), а не Капри. – Митилена – город на о. Лесбос.
 113 Искья.
 114 Монте-Барбаро возле Пуццуоли.
 115 Дании.
 116 Конрада фон Штауфена. См. прим. 60 к кн. III.
 117 Ср. Гельмольд, I, 41.
 118 20 февраля 1194 г.
 119 Лука, 11, 17.
 120 *Адольф I фон Альтена* († 1220, 15 апр.) – архиеп. Кельна в 1193–1205 гг.
 121 Иоанн, 10, 1.
 122 Лука, 16, 8.
 123 То, что Адольф вернул империи дитмарсов, известно только из этих слов.
 124 Матфей, 27, 64.
 125 *Бернвард* – еп. Хильдесхайма в 993–1022 гг.
 126 Вернее, через 172 года.
 127 27 января 1190 или 1191 г.
 128 *Брунвард* – еп. Шверина в 1191–1238 гг.
 129 6 авг. 1195 г.
 130 Экклез., 2, 18.
 131 Экклез., 2, 14; 16.
 132 Псал., 72, 17.
 133 Остров на краю земли. Очевидно, имеется в виду Исландия.
 134 Исайя, 5, 25.
 135 Псал., 94, 8.
 136 *Генрих I* – герцог Брандэнба в 1190–1235 гг.
 137 *Вальрам IV* – граф Лимбурга в 1221–1226. Принял участие в III Крестовом походе, ещё не будучи графом.
 138 *Леопольд V* (р. 1157; † 1194, 31 дек.) – герцог Австрии в 1177–1194 гг.
 139 *Рудольф* – еп. Вердена в 1189–1205 гг.
 140 В июне 1196 г.
 141 Иов, 40, 12.
 142 В 1197 г.
 143 То есть весна (1197 г.).

- 144 Псал., 67, 3.
 145 Иордану Сицилийскому. См. Штаденские анналы, 1196 г.
 146 То есть министерялы.
 147 Вюрцбурга.
 148 1 сент. 1197 г.
 149 22 сент. 1197 г.
 150 Амори де Лузиньяна, брата короля Гвидо.
 151 *Генрих II* (р. 1166; † 1197, 10 сент.) – сын Генриха I и Марии, дочери Людовика VII, короля Франции; граф Шампани в 1181–1197; король Иерусалима в 1192–1197 гг.
 152 Псал., 96, 8.
 153 Между Сидоном и Тиром.
 154 Эмир Усама.
 155 Данное сражение произошло 23 окт. 1197.
 156 Т. е. со взятия Иерусалима в 1187 г.
 157 Он умер 28 сент. 1197 г.
 158 Вернее, короля Кипра Амори.
 159 Изабелле, которая уже в четвёртый раз вышла замуж.
 160 Бозмунд III.
 161 Лука, 10, 8.
 162 Ныне – Латтакья.
 163 Ныне – Джебла, город в 20 км к югу от Латтакии.
 164 Исая, 66, 13.
 165 Рим., 8, 28.
 166 Потому что против Тира выступил Малик аль-Адил, брат Саладина, султан Египта.
 167 Ныне – Тибнин, замок в 5 милях к востоку от Тира. Осада его началась 11 дек. 1197.
 168 Раммесберг.
 169 См. выше, IV, 16.
 170 Вергилий, Энеида, VI, 672.
 171 Ныне – Калаат эш-Шакиф, замок к северо-востоку от Торона.
 172 В тексте лакуна.
 173 Рим., 12, 15.
 174 Вергилий, Буколики, I, 71; 72; VI, 6.
 175 Матфей, 24, 12.
 176 Числа, 25, 1.
 177 Матфей, 11, 29.
 178 Сайфеддин Абу-Бекр Мухаммед Малик аль-Адаль, брат Саладина.
 179 1 февраля 1198 г.
 180 Конрад и Рудольф.
 181 Левона.
 182 *Мейнхард* – еп. Риги в 1186–1196 гг.
 183 Первоначально епископский престол находился в Икскуле. Только епископ Альберт перенёс его в построенную им Ригу.
 184 *Бертольд* – еп. Риги в 1196–1198 гг.
 185 2 Тим., 4, 7.
 186 24 июля 1198 г.
 187 Вернее, в церкви Икскуля.
 188 *Альберт фон Буксгевден* († 1229, 17 янв.) – еп. Риги в 1198–1229 гг.
 189 *Бернгард II* – еп. Падерборна в 1188–1204.
 190 *Исо фон Вельпе* († 1231) – еп. Вердена в 1205–1231 гг.
 191 В 1201 г. с куршами и леттами, а в 1203 г. – с земгалами.
 192 Орден меченосцев. Возник в 1201 г.
 193 Полоцком тогда правил князь Владимир Всеславич († 1216).

Книга шестая

- 1 Те же слова см. выше, IV, 25.
 2 *Иоанн I* – архиеп. Трира в 1189–1212 гг.
 3 Генрих тогда находился в Святой земле.
 4 Оттон IV был избран в апреле 1198 г., а в Кёльн приведен в мае месяце.
 5 12 июля 1198 г.
 6 *Иннокентий III* – римский папа с 8 янв. 1198 г. по 16 июля 1216 г.
 7 В 1201 г.
 8 Филипп был избран 6 марта в Арнштадте, а коронован 8 сентября в Майнце.
 9 *Ирина* (р. 1178; † 1208, 27 авг.) – дочь имп. Исаака II Ангела.
 10 То есть Оттокар I († 1230, 15 дек.) – князь Чехии в 1192–1193 и 1197–1198 гг.; король Чехии в 1198–1230 гг.
 11 В начале окт. 1198 г.
 12 27 окт. 1200 г.
 13 Леопольда II фон Шёнфельда (архиеп. Майнца в 1200–1208 гг.).
 14 Зигфрида II фон Эпштейна (архиеп. Майнца в 1200–1230 гг.).

- 15 16 авг. 1205 г. – Был архиепископом Магдебурга в 1192–1205 гг.
- 16 *Альберт I фон Кефернбург* († 1232, 15 окт.), архиеп. Магдебурга в 1205–1232 гг.
- 17 В 1200 г.
- 18 Бытие, 31, 35.
- 19 Перемирие было заключено в замке Хорнебург всего на семь недель.
- 20 Вернее, сестра Экберта, маркграфа Мейсенского, и жена Генриха Толстого, графа Нортхейма. Перенесение мощей св. Ауктора (а не св. Антония) в монастырь св. Эгидия состоялось в 1115 г.
- 21 Оттокар I развёлся с Адельгейдой, дочерью маркграфа Отто II, и женился на Констанции († 1240), дочери Белы III, короля Венгрии.
- 22 *Дитрих III* (р. 1162; † 1221, 17 февр.) – сын Отто II Богатого; маркграф Мейсена в 1195–1221 гг.
- 23 Наоборот. Сначала Оттокар отпал от Филиппа, а затем уже Филипп лишил его Чешского королевства (1202).
- 24 Герман сначала примкнул к партии Оттона, а затем перешёл на сторону Филиппа. Но в 1203 г. он вновь перешёл к Оттону.
- 25 *Мюльхаузен* – город между гг. Айзенах и Зондерсхаузен.
- 26 В 1203 г.
- 27 Очевидно, имеются в виду подданные короля Венгрии – поселившиеся в этой стране половцы и печенег.
- 28 Мейсена.
- 29 Близ монастыря Вальтингероде.
- 30 В начале 1204 г.
- 31 Между Госларом и Вольфенбюттелем.
- 32 Вергилий, *Эклоги*, I, 71, 72.
- 33 Фон Вольфенбюттель.
- 34 Гослар был взят 9 июня 1206 г.
- 35 То есть после событий, описанных в гл. 6. Речь идёт о походе 1204 г.
- 36 *Вейсензее* – городок к северо-западу от г. Зёммерда.
- 37 *Орламюнде* – город на р. Заале, между Йеной и Рудольштадтом.
- 38 *Конрад II* († 1210, 6 мая) – маркграф Ландсберга в 1190–1207 гг.
- 39 *Отто IV фон Виттельсбах*, будущий убийца короля Филиппа (21 июня 1208 г.).
- 40 В монастыре Ихтерсхаузен, близ Эрфурта, 17 сент. 1204 г.
- 41 Поморян.
- 42 Епископ Роскилле.
- 43 Поход состоялся летом 1198 г.
- 44 См. выше, V, 17.
- 45 1199 г.
- 46 *Рендсбург* – город на р. Эйдер, между Шлезвигом и Неймюнстером.
- 47 Единственный из замков, взятых в 1190 г., который ещё оставался в руках сыновей Генриха Льва.
- 48 То есть графы Адольф фон Шауэнбург и Адольф фон Дассель.
- 49 То есть в графство Ратцебургское, которым он овладел ок. 1200 г. благодаря женитьбе на Адельгейде, вдове Бернгарда II.
- 50 *Вашов* – селение в 4 км к западу от Виттенбурга.
- 51 25 мая 1200 г.
- 52 14 сент. 1201 г.
- 53 Селение в округе Брейтенбург, неподалёку от Келлингхузена.
- 54 28 окт. 1201 г.
- 55 *Виттенбург* – город между Бойценбургом и Шверино.
- 56 *Брейтенфельде* – селение в 3 км к юго-западу от Мёльна.
- 57 30 ноября.
- 58 Гунцелин II – граф Шверина (Виттенбурга) в 1185–1221 гг.
- 59 24 декабря.
- 60 26 декабря.
- 61 В 1202 г. – Елена Датская († 1233, 22 нояб.) – наследница Гардинга.
- 62 Кнут VI умер 12 ноября 1202 г.
- 63 1203 г.
- 64 То есть брата Адольфа фон Дасселя.
- 65 Иов, I, 21.
- 66 *Балдуин I* (р. 1171; † 1205, 11 июля) – граф Фландрии (IX) (1194–1205) и Геннегау (VI) (1195–1205); император Константинопольский в 1204–1205 гг.
- 67 *Людвиг I* († 1205, 15 апр.) – сын графа Тибо V и Алисы, дочери Людовика VII, коро-

- ля Франции; граф Блуа и Шартра в 1191–1205 гг.
- 68 Задар в Далмации. – Войско крестоносцев выступило из Зары в апреле 1203 г.
- 69 С будущим Алексеем IV Ангелом (император с 18 июля 1203 г. по 28 янв. 1204 г.).
- 70 Марк, 4, 41.
- 71 Т. е. Константинополя. Крестоносцы прибыли в гавань Скутарию 26 июня 1203 г.
- 72 Алексея III, который свергнул (1195) и ослепил своего брата Исаака II Ангела.
- 73 17 июля 1203 г.
- 74 Так, довольно неясно, Арнольд сообщает об освобождении из тюрьмы Исаака II.
- 75 Часть войска вместе с Алексеем IV отправилась против бежавшего императора, а часть расположилась лагерем в Пере.
- 76 Николая Канаба, был избран 27 янв. 1204 г.
- 77 Алексея Дуку по прозвищу Мурзуфл (или Мурчуфл). – С 28 янв. по 13 апр. 1204 г. был императором под именем Алексей V. Бонифаций († 1207) – маркграф Монферрато (1191–1207); король Фессалоники (1204–1207).
- 79 Метательные орудия.
- 80 Сражение произошло 2 февраля 1204 г.
- 81 Энрико Дандоло.
- 82 Вернее, Феодора I Ласкаря.
- 83 Навин, 23, 10.
- 84 Псал., 97, 1.
- 85 Псал., 117, 23.
- 86 Конрада.
- 87 Огьера. – Луцедия – город в маркграфстве Монферрато.
- 88 1 Петр., 2, 17.
- 89 Иоанн, 16, 22.
- 90 В 1183 г. во время избиения латинян при воцарении Андроника I Комнина.

Книга седьмая

- 1 Вильгельм.
- 2 6 января 1205 г.
- 3 Генрих фон Глинден, который отправился к королю, чтобы добиться у него должности канцлера.
- 4 То есть брат Бурхарда фон Кверфурта, бурграф Магдебурга.
- 5 Это произошло 14 авг. 1202 г.
- 6 Он был убит рыцарями Бото и Генрихом фон Равенсбургами.
- 7 Адольф был низложен 19 июня 1205 г.
- 8 Бруно IV фон Зайн († 1208, 2 нояб.) – архиеп. Кёльна в 1205–1208 гг.
- 9 1 Кор., 3, 7.
- 10 Иаков, 1, 5.
- 11 Лука, 13, 19. – Правда, там говорится о мужчине, а не о женщине.
- 12 Генрих III, герцог Лимбурга (1167–1221).
- 13 В сент. 1206 г.
- 14 Отгон.
- 15 Будущий Вальрам IV. О нём см. выше, прим. 137 к кн. V.
- 16 К северу от Хайнсберга, на правом берегу р. Рур, близ границы с Нидерландами.
- 17 В 1207 г.
- 18 Гуго, епископ Остии и Веллитр, и Лев, кардинал-пресвитер церкви св. Креста в Иерусалиме.
- 19 В августе 1207 г.
- 20 В августе–сентябре 1207 г.
- 21 На р. Таубер.
- 22 В конце ноября 1207 г.
- 23 Деуц – город на правом берегу Рейна. Ныне – пригород Кёльна.
- 24 Гораций, Наука поэзии, 333.
- 25 Пантеллерия.
- 26 То есть религию.
- 27 14 сентября.
- 28 6 января.
- 29 Ныне р. Хабур.
- 30 Навуходоносор II – царь Вавилона в 605–562 гг. до н. э.
- 31 Имеются в виду пирамиды.
- 32 Бостра.
- 33 Эль-Арише.
- 34 Муэдзина.
- 35 Бытие, 27, 39–40.
- 36 Матфей, 5, 44–45.
- 37 Псал., 73, 12.
- 38 Псал., 72, 6.

- 39 Судьи, 6, 36.
 40 14 или 15 янв. 1204 г.
 41 Графа Гольштейна (под властью Дании). Он был сыном Зигфрида, гр. Орламюнде.
 42 См. выше, прим. 1 к Прологу.
 43 Дитриху II.
 44 Он умер 5 ноября 1207 г.
 45 См. выше, VI, 18.
 46 *Бурхард I* – архиеп. Бремена и Гамбурга в 1207–1210 гг.
 47 *Генрих I Чёрный* – граф Шверина (Бойценбурга) в 1185–1228 гг.
 48 3 авг. 1208 г.
 49 См. выше, VI, 5.
 50 *Беатриса* (р. 1198; † 1212, 11 авг.) – старшая из 4-х его дочерей. Позднее (1212 г.) Беатриса вышла замуж за Оттона IV Вельфа. Об их помолвке см. ниже, VII, 14 и 17.
 51 *Гертруда* (р. 1200; † 1268) – дочь Генриха I Бородатого, герцога Силезии, и Гедвиги Меранской. Арнольд – единственный из немецких летописцев, который упоминает об этом деле.
 52 Филипп был убит 21 июня 1208 г. (день св. Иоанна Крестителя – 24 июня).
 53 Т. е. епископ Экберт и граф Генрих фон Андекс, братья Отто, герцога Меранского, за которого король в этот день выдавал замуж свою племянницу.
 54 Плач Иеремии, 5, 15–16.
 55 Ирина. См. выше, прим. 9 к кн. VI.
 56 Овидий, Письма с Понта, IV, 3, 35.
 57 Лука, 1, 52.
 58 Псал., 60, 13; 108, 13.
 59 22 сент. 1208 г.
 60 *Отто фон Лобдебург* – еп. Вюрцбурга в 1207–1223 гг.
 61 Магдебурга.
 62 *Конрад III* – еп. Шпейера в 1200–1224 гг.
 63 В феврале 1209 г.
 64 Те же слова см. выше, V, 20.
 65 В мае 1209 г.
 66 17 мая 1209 г.
 67 *Фридрих II* – еп. Хальберштадта в 1209–1236 гг.
 68 Хартберт. См. выше, прим. 92 к кн. V.
 69 *Дитрих фон Веттин* – еп. Мерзебурга в 1201–1215 гг.
 70 То есть Герман, ландграф Тюрингии.
 71 Дитрих III.
 72 Маркграф Ландсберга.
 73 Гораций, Послания, I, 14, 36.
 74 Гораций, Наука поэзии, 99.
 75 В 1166 г. См. Штаденские анналы.
 76 Селение между Герцбергом и Нордхаузен.
 77 24 мая 1209 г.
 78 *Дитрих I* († 1224) – архиеп. Кёльна в 1208–1215 гг.
 79 *Эберхард II* – архиеп. Зальцбурга в 1200–1246 гг.
 80 *Генрих II фон Веринген* – еп. Страсбурга в 1202–1223 гг.
 81 *Зигфрид III фон Рехберг* – еп. Аугсбурга в 1208–1227 гг.
 82 *Конрад II* – еп. Констанца в 1209–1233 гг.
 83 *Отто II фон Берг* – еп. Фрейзинга в 1184–1220 гг.
 84 *Манасальд фон Берг* – еп. Пассау в 1206–1215 гг.
 85 Вернее, *Конрад IV* – еп. Регенсбурга в 1204–1226 гг.
 86 *Лиудольф* – еп. Базеля в 1191–1213 гг.
 87 Владислав Генрих.
 88 Леопольд VI.
 89 *Людвиг I* – герцог Баварии в 1183–1231 гг.
 90 Фридрих II.
 91 Генрих I.
 92 *Адальберт II* – сын Отто I; маркграф Бранденбурга в 1205–1220 гг.
 93 Матфей, 21, 42.
 94 Псал., 117, 23.
 95 То есть Беатрисы.
 96 В июле 1209 г.
 97 15 августа 1209 г.
 98 Тренто.
 99 Вергилий, Эклоги, IX, 28.
 100 Город в Луниджане, на р. Магра.
 101 Сиена.
 102 Больсена.
 103 2 октября.
 104 4 октября.
 105 Матфей, 18, 21–22.
 106 Рим., 8, 28.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Вернер Трильмих

«Деяния епископов Гамбургской церкви» Адама Бременского

(перевод с немецкого и дополнения И.В. Дьяконова)

Личность Адама

Имя Адама известно нам из «Славянской хроники» Гельмольда из Босау (I, 14). Сам он в введении своего труда называет себя лишь как «Адам, нижайший каноник св. Бременской церкви». Современники считали его «уроженцем Верхней Германии» (сх. 151). Чуждый диалект «прозелита и пришельца» (Введение) вызывал у саксов раздражение. Были попытки перевести форму его имени на нижненемецкий (*Ug-C, см. с. 154). Эдуард Шрёдер (Hans. Geschichtsbll. 1917) считает язык Адама рейн-франкским, ост-франкским или тюрингским. В своём сочинении хронист упоминает Франконское герцогство во главе с епископом Вюрцбурга (III, 46). Наряду с Бонифацием и Виллехадом он называет миссионеров Галла, Эммерама и Килиана (I, 10), мученичество которых было ему хорошо известно. Явно заметно его созвучие с так наз. «Швабской всемирной хроникой» (I, 52; II, 24). Адам знает о соседнем происхождении Верры и Заале в Тюрингенском лесу (I, 2) и ошибочно называет «Веррой» Нижний Везер. – Известно, что в канцелярии архиепископа Адальберта в Бремене был ещё один франконский каноник. Он составил подложную грамоту об основании Бременского епископства (Адам, I, 12). Он также говорит о «Виррахе». Название «Квистина» указывает на «Кёстенбах» в округе Лихтенфельс на Майне. Архиепископ Адальберт поддерживал постоянные сношения с Бамбергским епископством. Он охотно принимал к себе на службу воспитанников знаменитой Бамбергской соборной школы, которые наряду с теологией и дипломатией обладали также основательными познаниями в классической литературе. Епископ Свитгер (папа Климент II) был другом его юности (II, 68). В 1065 г. епископ Бамбергский мог сослаться на долговременные с ним отношения (Кодекс Ульриха, M 28.38). Посольства, очевидно, часто следовали из одного города в другой.

При подобном положении дел в 24-й год своего пребывания в должности (с мая 1066 г. по апрель 1067 г.) Адальберт познакомился с клириком Адамом и пригласил его в Бремен (III, 4). В то время он, вероятно, был ещё слишком молод, потому что даже в 1076 г. говорит в посвящении своего труда о «дерзаниях юноши» (Эпилог, 20). Архиепископ, который старался окружать себя способными людьми, желая сделать Бремен родиной наук и искусств, сделал прекрасный выбор, поручив Адаму руководство соборной школой (May Reg. 325). Новый руководитель школы чувствовал себя отныне обязанным все свои силы поставить на службу Бременской

миссии. Он принёс с собой основательные знания, неустанное рвение и желание побыстрее вжиться в чуждый мир Северной Германии. Он целиком разделял церковно-политические воззрения своего архиепископа, хотя ни в коей мере не одобрял его образа действий. Церковь и императорская власть были неразрывно связаны между собой в североевропейской миссионерской деятельности и северогерманской политике. Идеи реформы не могли пустить здесь глубокие корни, ибо представляли смертельную угрозу самим основам архиепископства. Однако эта твёрдая позиция не означала враждебности в отношении папства, на полномочия которого опиралось поручение проповедовать христианскую веру. Адам, правда, не видел всех тонкостей и реалий большой политики. В противоречивых интересах, политических и юридических тонкостях и формулировках, которыми столь блестяще владел его архиепископ, он, как видно из приведённых им цитат, разбирался довольно слабо. Серьёзных дипломатических поручений ему, по-видимому, не давали. В подробности планов и намерений Адальберта он не был посвящён. Адам, по всей видимости, работал в церковном архиве Бремена, но грамоты и политическая корреспонденция Адальберта были ему недоступны. Некоторые подложные грамоты из канцелярии его архиепископа он доверчиво включил в своё сочинение (Schmeidler. Hamburg-Bremen. S. 125 ff.). Лишь случайно ему было поручено составление дарственной грамоты (11 июня, May Reg. 325). Её текст свидетельствует о малом опыте в канцелярской работе (Schmeidler. Op. cit. S. 255 ff.).

В то же время он снискал полное доверие Адальберта (III, 65), чей властный нрав требовал от его подчинённых полной самоотдачи. Эта требовательность и резкость вызвали явную враждебность к архиепископу даже среди его собственного духовенства. Как раз милость Адальберта и стала причиной того, что Адам так и не стал в Бремене полностью своим человеком. Саксонская грубость, старинные и полужызыческие обычаи были ему совершенно чужды. Он постоянно чувствовал себя здесь чужаком (III, 56). По-видимому, вскоре после своего призвания он и решил подготовить для своей церкви историческое обоснование её миссионерских притязаний. Этой цели служило не только основательное изучение всех доступных ему сочинений, но и обстоятельные расспросы современников. Миссионеры, князья, моряки и купцы рассказывали ему о положении дел на Севере. Поездку в Данию, которую он предпринял вскоре после своего призвания около 1067/68 г. (III, 54), Адам также благоразумно использовал для реализации своей цели. Король Свен Эстридсен проявил по отношению к нему явную любезность. Так, дело дошло до подробных бесед о Дании, её истории и состоянии миссионерской деятельности на Севере, но без обсуждения актуальных политических вопросов. Завязавшееся тогда знакомство продолжалось, очевидно, долгое время. В последующем при случае король всегда был готов дать Адаму необходимые разъяснения.

Так было собрано множество сведений. Когда в 1073 г. архиепископ Адальберт скончался в Госларе, Адам, который тогда, по-видимому, находился в Бремене, ещё не приступил к их переработке. Возведение в сан нового архиепископа Лиемара не означало каких-либо перемен. Он также целиком разделял консервативные, имперско-церковные идеи и оказался верным сторонником Генриха IV. Ему Адам и по-

святил своё сочинение. В 1074 г., работая над второй книгой, он получил весть о смерти Свена Эстридсена (ум. 28 апр. 1074 г.; см. II, 28; 43; IV, 25). Третья книга была написана до того, как был убит славянский князь Бутуй (8 авг. 1075 г.; III, 51). В Эпиллоге говорится о посреднической роли архиепископа Лиемара в Саксонской войне 1075 г. Очевидно, работа Адама была завершена около 1076 г. Но результат не удовлетворил Адама. Он продолжал собирать сведения, постоянно делая в своей рукописи всё новые и новые заметки. Последние указанные им сведения относятся к шведским событиям 1080 года (схолии 84–86; 140). К повторной переделке текста он так и не приступил. Согласно Бременскому диптиху Адам умер 12 октября. Год его смерти неизвестен. Настоятель Бременского собора, который помнил ещё времена умершего в 1043 году архиепископа Алебранда Бецелина, вскоре после этого приступил к переработке трудночитаемой рукописи.

Миссионерская деятельность Гамбургско-Бременского архиепископства на Севере во времена Адама

У архиепископа Гамбургского не было зависимых от него немецких епархий. Экономическая основа и объём его светской власти были довольно слабы. Чтобы иметь возможность осуществлять миссионерскую деятельность у «шведов, датчан и славян», Анскарию в 845 г. было передано Бременское епископство, ранее зависевшее от Кёльна. Это пожалование, правда, было подвергнуто сомнению, да и в последующем, несмотря на все заявления Кёльна об отказе от Бремена, его принадлежность Гамбургу оставалась сомнительной с точки зрения церковного права. Саксонские герцоги также пытались использовать свои права фогтов этой церкви для упрочения собственных позиций. Когда архиепископ захотел расширить свои владения, это вызвало конфликт со светской и церковной знатью, но он всё равно основал монастырь Рамельсло в Верденском диоцезе. Единственную поддержку против грозящей со стороны соседей опасности ему оказывал император, заинтересованный в том, чтобы саксонская знать не усилилась сверх меры. Архиепископство рассматривалось им как основное средство для защиты давних целей имперской политики на Севере. Архиепископы Гамбурга как раз и были носителями имперской политики на севере Саксонии. Этим союзом особенно основательно сумел воспользоваться Адальберт, когда в 1062 г. взял в свои руки опеку над Генрихом IV и руководство имперской политикой. Теперь он смог сделать попытку приобрести графства своего епископства, овладеть имперскими аббатствами и думать о подчинении соседних епархий. Его властные манеры, непреклонность и беспощадная суровость, а также беззащитное использование любых возможностей вызвали ожесточённое сопротивление многих представителей знати, направленное не только против него самого, но и против королевской власти. Общие невзгоды на всю жизнь связали Генриха IV и его наставника узами Нерушимой верности. Преемник Адальберта – Лиемар – занял точно такое же положение. Вступить на этот опасный путь архиепископов заставила главным образом воля к самоутверждению и миссионерские обязанности.

Миссионерская деятельность Гамбурга простиралась на Швецию, Данию и земли славян. Из слабых племён и протокоролевств викингов Севера в X веке образовались сплочённые государства. Поощряемая Данией немецкая миссионерская деятельность распространилась на Норвегию и вновь занялась шведами. За обращением последовало учреждение датских епархий во главе с немецкими священниками, чьё политическое влияние не было безусловным. Однако теперь новообращённые сами обучали христианской вере других. Датчане и норвежцы боролись в Англии, а шведы находились в тесных связях с Польшей. Однако немецкие миссионеры из Польши и англосаксы из Кентерберии не имели властных полномочий. Правители могли давать им задания по собственному усмотрению. Крещённые в Англии короли Норвегии чувствовали себя обязанными проводить миссионерскую деятельность, и Кнут Великий, который объединил Англию, Данию и Норвегию в одно крупное государство, думал точно так же. Он, правда, избегал разрыва с уполномоченным папой немецким архиепископством, но предпочтение всё равно отдавал отечественным и англосаксонским священнослужителям. Король Свен Эстридсен совершенно открыто взялся около середины XI века за создание независимого датского архиепископства. Так, весь северный ареал миссионерской деятельности грозил стать самостоятельным.

Архиепископ Адалберт не принимал никаких мер против чужих миссионеров, если те признавали его верховную власть, что было ему довольно тяжело ввиду его церковных полномочий. Он распространил активную миссионерскую деятельность немцев вплоть до Фарерских островов, Исландии, Гренландии и Лапландии. Но установление там окончательной церковной иерархии требовало ещё значительного времени. С помощью подложных грамот он успешно добивался неоспоримого подтверждения за ним со стороны папы этого обширного ареала миссионерской деятельности. Поскольку он смог указать на необходимость дальнейшей деятельности в этих странах, то ему ввиду несамостоятельности северных церквей не могли отказать в возможностях последующей миссии. Другие его мероприятия были ещё необычнее. В прошлые времена папство при случае соединяло архиепископства под властью одного примаса, или патриарха. Власть Кентерберийского архиепископа над архиепископством Йоркским в Англии служит тому наглядным примером. Возведение Гамбурга в ранг северного патриархата позволило бы посредством основания архиепископств постепенно, сообразно с состоянием христианизации, перевести датскую, норвежскую и шведскую церкви из непосредственной зависимости в опосредованную. Патриарх должен был занять влиятельное положение посредника между империей и северными государствами. Подобное решение вопроса предусматривало, правда, создание собственно немецких зависимых епархий. Эту задачу планировалось решить путём расчленения двойного диоцеза, включения в его состав славянских диоцезов и подчинения Верденской епархии. Так, дело дошло до «плана 12 епископств» Адалберта.

Однако для проведения подобной церковной реорганизации ему требовалось папское согласие. Дружественные ему римские папы Климент II и Лев IX заняли уклончивую позицию. Рим был полон клюнийских идей церковной реформы,

которые требовали папской централизации и отвергали устаревшие формы имперской церкви. Так что планы Адальберта, вполне реальные для немецких отношений, должны были разбиться об это поразительно сильное и опасное для имперской власти изменение в настроениях курии.

Дворец архиепископа в Бремене отличался в те годы блестящей и увлекательной атмосферой. Архиепископ, пока был жив, играл свою роль с величайшим напряжением всех своих сил. Он уже вёл себя как патриарх, расточал свои владения, чтобы приобрести сторонников, и угощал правителей Севера со светской роскошью. Как регент империи он чувствовал себя равным королям. Миссионерская деятельность, политика и торговля постоянно приводили в его дом блестящие посольства от всех светских правителей. Строительство, науки и искусство также находили у него благоприятный приём. Однако Адальберт недооценил упорство своих противников и переоценил свои собственные силы. В материальном отношении он жил в надежде на будущие успехи. В итоге в 1066 г. произошла катастрофа. Трагическая судьба демонического, одержимого своими планами человека произвела сильное впечатление на Адама.

«Деяния епископов Гамбургской церкви» Адама Бременского

Среди летописцев средневековья Адам занимает видное место. В процессе большой и многолетней работы с источниками и тщательного сбора материала он собрал множество отдалённой по времени информации по истории архиепископов Гамбурга-Бремена и критически её осмыслил. Благодаря этому он сумел набросать вполне понятную картину немецкой миссионерской деятельности в Северной Европе. С живым участием он отслеживал успехи и неудачи, деятельность многочисленных церковных князей, а также их противников-королей на Севере и саксонских герцогов – в самой империи. Он искусно сумел заполнить неизбежные пропуски предания при изображении скандинавских и английских событий и для более углублённого понимания этого, столь чуждого христианству мира присоединил к своему сообщению первое научное описание неизвестных стран и народов Севера. Этот богатый материал был преподнесён в трезвой, деловой манере благодаря умелой композиции, которая достигает своей вершины в мастерском исполнении третьей книги. Здесь Адаму удалось с глубоко проникновенным психологическим пониманием передать неподражаемую характеристику его главного благодетеля Адальберта, к которому он относился с глубокой любовью и почтением. Миссионерские задачи Гамбурга-Бремена он рассматривает как высочайшую милость и в то же время тяжкую обязанность. Он чувствует свою сопричастность и ответственность за решение этих задач и все свои силы посвящает служению им. Его благочестие имеет под собой отнюдь не учёно-теологические основания. Обязанность духовенства подавать пример и смиренное служение христианству казались ему самоочевидными вещами. Однако он ничуть не сомневается в том, что духовенство должно заниматься внутри христианского распорядка также и светскими делами. Неслыханной дерзостью кажется ему допущение, будто император и папа

ввиду новых задач не смогут более со всей силой поддерживать миссионерскую деятельность. Так, упрощая, он рассматривает развитие чересчур прямолинейно. Следствием этого являются некоторые ошибочные указания. Тем не менее стремление к правде у него одерживает верх над всеми прочими соображениями, даже если это приводит к неприятным для него выводам. Только узкий кругозор порой скрывает от него истину. Три вещи призван изобразить его труд: во-первых, достойные подражания деяния великих людей, во-вторых, обязательное изображение миссионерских задач и, наконец, в-третьих, описание особенностей стран и людей, которым посланники Христовы должны доставить благовест. Пример прошлых великих деяний должен поощрить к тому же современников и потомков. Он в удобной форме представляет архиепископу данные об объёме его задач. А в отношении ставшего бездеятельным христианства его обширный отчёт доказывает безусловную необходимость поддержания северной миссии.

Для довольно утомительного описания почти 300-летней истории Гамбургско-Бременского архиепископства в его распоряжении практически не было подходящих предшествующих работ. «Жизни Анскария» Римберта было недостаточно даже для чисто хронологического выстраивания в правильном порядке событий имперской и церковной истории. Но и обширное изучение архивов не могло устранить всех противоречий. Только привлечение сторонних анналов, хроник и «Жизней» помогло внести большую ясность. Адам поддерживал обширную корреспонденцию со многими монастырями, прежде всего с тесно связанной со времён Анскария с северной миссией Корвеей, которой он обязан знакомством с рядом важнейших трудов. Ещё тяжелее было получать информацию об огромном ареале деятельности его церкви в странах вокруг Балтийского и Северного морей. Только об Англии можно было добыть письменные источники. Зато для описания почти неизвестных христианам северных и славянских стран Адаму пришлось ограничиться лишь устными сообщениями, достоверность которых лишь иногда удавалось проверить на основании высказываний древних географов. Для исторического описания языческих народов он должен был пытаться создать более менее надёжную основу из генеalogий и списков королей и епископов. Однако, несмотря на все его усилия, «Жизни» епископов оставались неравномерны и полны лакун. Поэтому хронологическое описание приходилось увязывать с фактической группировкой материала внутри отдельных жизнеописаний. Наконец, решающее значение при этом имели грамоты и выписки из делового материала. Для систематического разъяснения юридических оснований и прав миссионерской деятельности их, правда, было явно недостаточно. Но Адам об этом совершенно не думал. Далее следовало включить известия о политическом развитии районов миссионерской деятельности. Такие экскурсы оживляют изложение и дают возможность сделать наглядными образы противников и лиц, активно проповедовавших христианство. Развитие епархий, имперская политика, миссионерская деятельность, северная история были теми важнейшими сведениями, которые последовательно, в хронологическом порядке приводились друг за другом между назначением и смертью отдельных епископов, чтобы сделать возможным живое изложение опи-

сываемых процессов. Только чисто географический материал подавался отдельно для большей наглядности.

В первой книге речь идёт о предыстории северной миссии во времена Каролингов. Она начинается с географического и этнографического описания Саксонии (гл. 1–7). Затем следует отрывок о Саксонской войне и миссионерской деятельности Карла Великого вплоть до основания Бременского епископства и франкских мероприятий к северу от Эльбы (гл. 8–14). От политических столкновений с датчанами Адам переходит к церковной политике Людовика Благодетельного. Затем следует рассказ об основании северной миссии и первом путешествии Анскария. Основание, подъём и закат Гамбургского архиепископства (845 г.) составляют следующий раздел (гл. 15–23). Объединение Бремена с Гамбургом сделало возможным возобновление деятельности по обращению язычников ещё при Анскарии (гл. 24–34). Для «тёмного» столетия последующего периода скудная традиция была в значительной мере заполнена событиями имперской истории, а также событиями на Севере (гл. 35–53). Архиепископ Унни, который во времена короля Генриха I вновь взялся за миссионерскую деятельность в духе Анскария, находится равным образом в конце раннего времени и в начале новой эпохи (гл. 54–62). Заключительная глава ещё раз обращает внимание на связанное с миссией высокое призвание (гл. 63). Хронологическая неопределённость позволила Адаму активно использовать богатый материал общеимперской истории. Несмотря на это, его высказывания часто не слишком точны, а оценки правового положения ошибочны. О позднейших фальсификациях он ничего не знал. С другой стороны, ему пришлось особенно сильно сократить достоверные сообщения из «Жизни Анскария», чтобы не нарушить равновесие всей композиции. Обилие материала зачастую приводило к расширению скромных задач проекта. То, что прекращение миссии в конце IX в. он не хотел связывать с её правовыми следствиями, не следует ставить ему в вину в качестве злого умысла. Исследование предыдущего столетия можно было осуществить только путём кропотливого, вдумчивого сопоставления всего этого огромного материала. Наши методы научной критики были чужды XI веку.

Вторая книга также представляет собой составленную из различных смысловых частей мозаику. Её содержание образуют этапы успешной миссии среди язычников при поддержке оттоновской имперской и церковной политики в 937–1043 гг. и возникновение северных государств. Описание обширных мероприятий архиепископа Адальдага (гл. 1–26) прерывается ввиду отсутствия достаточного материала экскурсами из истории Саксонского герцогства, сведениями об итальянском походе, земле славян, Харальде, короле Дании, и многом другом. Как раз благодаря их широте скудные данные по истории епископов приобретают жизнь и силу. Гораздо менее ясно обрисована Адамом картина о периоде неудач после смерти Оттона II (гл. 27–46). О походах викингов и событиях в земле славян он информирован в недостаточной степени. Враждебная бременская традиция о Свене Вилобородом не слишком хорошо согласуется с данными короля Свена Эстридсена; отрицательное отношение немцев к самостоятельной миссионерской деятельности крещённого в Англии норвежского короля Олафа Трюгвасона также не способ-

ствуется достижению им истины. Более убедительно описание архиепископа Унвана (гл. 47–62), который сумел добиться успеха в отношениях с Кнутом Великим (гл. 51–59). Сведения об Олафе Святом, короле Норвегии (гл. 61–62), страдают из-за односторонних сообщений его врагов. О следующем архиепископе Адаме смог сказать лишь очень немногое (гл. 63–82). Особенное значение имеет отрывок о политических изменениях после смерти короля Кнута (гл. 77–79). Несмотря на все трудности, Адаму всё-таки удалось обратить наш взор на всю широту ареала немецкой миссии и позволить нам увидеть успехи и потенциальные конфликты.

Вершину и заключение исторического описания образует третья книга, описывающая время архиепископа Адальберта, то есть современную историю. Адам полностью отказался здесь от хронологической схемы в пользу психологического способа изложения, который пытается понять исторические события из особенностей выдающейся личности Адальберта. При этом Адаму на основании собственных наблюдений удалось характеристики необыкновенной правдивости и тёплого участия, что было в общем-то чуждо средневековой историографии. Однако в центре его внимания больше всё-таки стоят задачи миссионерской деятельности. Имперская политика, итальянский поход и движения войск были всего лишь упомянуты. Для правильной оценки усилий Адальберта добиться таким обходным путём реализации церковно-политических задач Адаму не доставало ни достаточного опыта, ни политического кругозора.

Три большие характеристики Адальберта в начале, в середине и в заключении образуют сюжет произведения. Сначала нам представлен архиепископ с его блестящими талантами и способностями; при этом не были опущены также опасные недостатки его нрава (гл. 1–2). Затем следует описание успешных лет от 1043 г. до смерти папы Льва IX (1054 г.) и императора Генриха III (1056 г.): внутреннее развитие Гамбургско-Бременского архиепископства, его отношения с саксонскими герцогами, с императором и князьями (гл. 3–10), а также миссионерская деятельность и политические изменения в зоне её ответственности (гл. 11–23). Обязанности пастыря (гл. 24–27) и отношения с императором и папой (гл. 28–32) дали Адальберту основания для его знаменитого плана учреждения патриархата (гл. 33). Но преждевременная смерть высоких покровителей и злосчастное регентство при Генрихе IV привели к неудаче (гл. 34–35). Здесь Адам приводит вторую характеристику Адальберта (гл. 36–40). Она подчёркивает его отрицательные черты, в частности высокомерие, которое не могло не привести его к неудаче. Этим подготавливается вторая часть: ошибки, падение и крах архиепископа (гл. 41–54). Регентство и имперская политика отвлекали Адальберта от миссионерской деятельности, увеличивали трудности и привели в 1066 г. к краху (гл. 47). Следствием этого были бесчисленные неудачи во всех ареалах миссии (гл. 48–54). При рассмотрении трудностей, постигших Адальберта в его собственном архиепископстве (гл. 55–58) Адам опять использует богатые психологические наблюдения. Возвращение Адальбертом своего прежнего положения при дворе, неутомимые попытки реванша и планы уже отмеченного смертью человека, а также его одинокий конец завершают описание (гл. 69–71). Необработанное дополнение (гл. 72–78) при стилистической обработке материала,

очевидно, осталось без внимания. Чересчур большое упрощение политической роли Адальберта и слишком широкие хронологические рамки оставляют открытыми ряд важнейших вопросов. Однако, искусная завершённость и жизненность его личностной характеристики в какой-то мере компенсируют этот недостаток.

Четвёртая книга, описание островов Севера, также посвящена миссионерской деятельности среди язычников. К систематическому географическому изображению неизвестных в христианской Европе стран добавлены данные о создании там Гамбургско-Бременским епископством церквей. Адам начинает с Дании (гл. 1–9). Затем следует описание Балтийского моря и живущих на его берегах и островах народов и племён (гл. 10–20). После этого он обращается к Швеции и Норвегии (гл. 21–34) и, наконец, переходит к островам в дальнем океане (гл. 35–42). Работа завершается изъявлением благодарности Богу и Гамбургско-Бременской церкви (гл. 43–44).

Около 140 позднейших дополнений Адама представляют собой сырой материал. Для раннего времени их не так уж и много. Но для X века, для стран Севера и о собственно Адальберте количество их весьма внушительно. Дополнения эти весьма ценны и отнюдь не нарушают единство уже оформленного описания.

Источники и язык Адама

Описание столь чуждого Западной Европе материала требовало во имя убедительности привлечения как можно большего количества источников. Поэтому Адам придаёт очень большое значение тому, чтобы точно указать источник своих данных. Он хочет убедить не только своего архиепископа, но и противников миссии, заранее опровергнув их возражения. Тщательная критика предания и как можно менее противоречивая подборка материала были для этого просто необходимы. Его оценки поэтому всегда осторожны и взвешены. Ясная позиция Адама посреди драматичных дискуссий о будущем миссии, а именно принятие ошибочного тезиса о непрерывности миссионерской деятельности со времён основания епископства, включает, конечно, определённую тенденцию и объясняет некоторые замечки. Переоценки, преувеличенные сообщения об успехах и некоторая небрежность не могут быть поставлены ему в вину как грубые недостатки. Зато односторонняя датская информация часто вредит объективности при рассмотрении политической ситуации на Севере.

Некоторые приводимые источники Адам ценил особенно высоко. Это прежде всего «Жизнь Анскария» Римберта, а также «Жизнь» самого Римберта, «Жизни» Виллеброрда и Виллехада и «Чудеса» св. Виллехада, написанные Анскарием. Он часто отдаёт им предпочтение по сравнению с прочими источниками. Наряду с ними он знал и использовал множество церковно-исторических трудов, которые имели лишь косвенное отношение к его теме. Они служили ему для пояснения хронологии и для заполнения лакун. Сюда относятся: «Жизнь» Бонифация (очевидно, первая и третья), «Жизнь» Лиутгера и «Жизнь» Ратбода, епископа Утрехта. Адам знал также «Перенесение св. Вита» и «Перенесение св. Александра», которое он

ошибочно приписал Эйнхарду и обозначает как «Деяния» или «Войны с саксами». Это использованное им, а ныне утерянное произведение должно было содержать во второй своей части сведения о чудесах св. Александра и о соревновании его с Виллехадом. Адам черпал информацию также из утерянного сочинения корвейского аббата Бово (I – в 879–890 гг. или II – в 900–916 гг.) об архиепископе Римберте. Наряду с краткой Бременской хроникой Адам, очевидно, располагал также каталогом императоров и пап. Кроме того, он знал «Историю франков» Григория Турского, «Жизнь Карла» Эйнхарда и Фульденские анналы («История франков») в подробном, доведённом до 911 г. изложении. Из Корвеи он велел доставить себе более подробные, чем те, что дошли до нас, анналы («доставленный из Корвеи кодекс»). Он, кроме того, располагал утерянными «Деяниями франков», «Анналами цезарей» и, очевидно, «Деяниями англов» из Нортумбрии (для X в.). Он, видимо, пользовался также так называемой «Швабской всемирной хроникой», Павлом Дьяконом и, наверно, Регино Прюмским.

Для времени предшественников архиепископа Адальберта в распоряжении Адама были многочисленные гамбургско-бременские грамоты и собрания грамот, в том числе и некоторые фальшивки из его собственной канцелярии. Всё это он доверчиво принимал за чистую монету и не испытывал к ним ни малейшего сомнения. Смысл и цели мероприятий X века и Адальберта были ему не ясны. Благодаря своей очевидной наивности он передаёт тексты, которые весьма важны для критики сохранившихся бременских грамот. Более грубые искажения относятся к более позднему времени, ввиду безнадёжной борьбы против притязаний основанного в 1101 г. Лунденского архиепископства. Адаму известны многочисленные папские и императорские грамоты, а также книга дарений Бременской церкви, которая по всей видимости была составлена Анскарием по примеру Корвейской книги пожалований. Он использует также акты соборов, грамоты Бременских и Кёльнских архиепископов, грамоты об основании монастырей и различные, в настоящее время утерянные материалы. Сюда же относятся письма Анскария, Рабана Мавра, Адальберта и папы Александра II, описание славянской границы X века, а также братская и посмертная книги Бременской церкви.

Церковное право и сборники канонов были, напротив, использованы им в недостаточной мере. Это тем более прискорбно, что задачи миссионерской деятельности, папский викариат и планы патриархата составляют ядро этого сочинения, и правовое положение в отношении пап, соседних епископов и немецких и северных князей вызывают постоянные дискуссии. Он не умеет чётко различать полномочия, функции и притязания. Даже для его собственного времени он не в состоянии недвусмысленно охарактеризовать планы и намерения сторон. Лишь изредка встречаются ссылки на Псевдо-Исидора, на декрет Бурхарда, епископа Вормского, и на Бенедикта Левита.

В сравнении с этим удивляет знание Адамом древней и средневековой географии. То, что он черпал информацию также из античных произведений и данных поэзии, соответствовало практике его времени. Так, у него встречаются цитаты из Саллюстия, Горация, Вергилия, Лукана и из комментария Сервия к Вергилию. Он

тщательно использовал также научные описания Солина, Марциана Капеллы, Макробия, Орозия и Беды.

Все эти литературные познания были искусно переплетены с собственным опытом и наблюдениями. Так, исходя из собственного опыта, Адам как важнейший свидетель приводит об Адальберте очень ценные и критические данные, даже если и не всегда был способен докопаться до сути тех или иных явлений. То, что он не упускает из виду устную традицию Бременского духовенства, разумеется само собой. Однако Адам, судя по всему, не всегда считал её достоверной. Его оценка архиепископа Алебранда встретила в бременском духовенстве резкое неприятие (II, 82 и сх. 58). Высказывания современников он по возможности добросовестно сравнивал друг с другом, оценивал и постоянно дополнял. Наиболее значительным его информатором является датский король Свен Эстридсен, которого Адам неоднократно обстоятельно выспрашивал о его предках, стране, людях и политических отношениях. Из этого неизбежно следовало, что при случае тенденциозные данные излагались в благоприятной для датчан версии. Там, где это имело место, Адам, несмотря ни на что, пытался занять независимую позицию и никогда не скрывал противоположных данных. Он также внимательно расспрашивал многочисленных гостей при бременском дворе: соотечественников и иностранцев, епископов, миссионеров и их спутников, северных и немецких князей и послов. Так, можно с уверенностью говорить о его беседах с епископом Адальвардом Младшим о Дании, Сконе и Швеции. Бременские моряки и купцы, а также жившие к северу от Эльбы саксы тоже были его информаторами.

Язык Адама прост и безыскусен. Он сознательно избегает риторических изысков, сложных оборотов и блистательных цитат. Стилистически и грамматически он не всегда корректен, иногда груб и угловат, часто своенравен в выборе слов. Определённая неловкость присуща ему также при образовании новых слов. Выражения Адама не всегда точны и однозначны. Тем не менее он постоянно стремится к ясности. Ударения на те или иные слова зачастую использовались им ради большей ясности даже вопреки стилистическим правилам. Его усилия, однако, направлены не столько на языковые особенности, сколько на создание общей композиции своего труда.

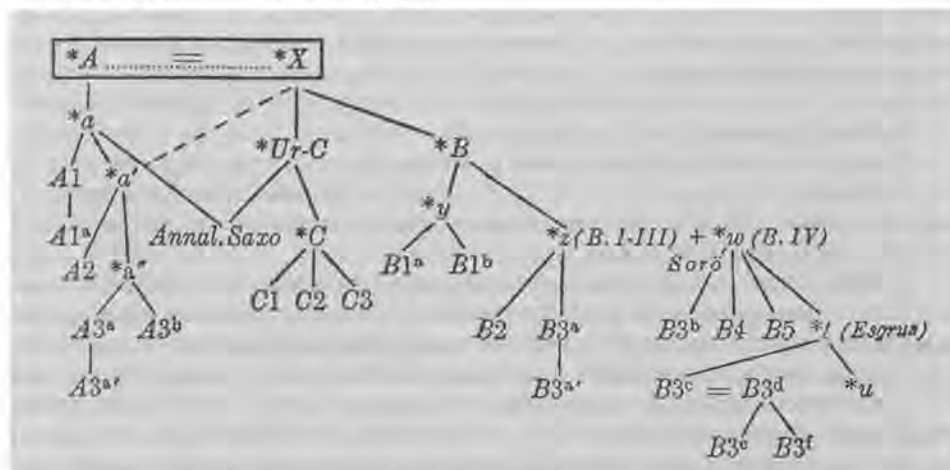
Несмотря на всё это, Адам более или менее сознательно использовал в своих примерах богатство речевых оборотов или делал цитаты благодаря своему исключительному знанию литературы. В этом деле он прежде всего обращался к Священному писанию. У него часто встречаются цитаты и ссылки на Библию, особенно на Псалтырь. Но Адам едва ли использовал их для духовного наставления. Далее он использует Римский breviarium, Амвросия («О долге министров»), Псевдо-Августина (Речи, 220. 257), Григория Великого (Моралии, Диалоги, Гомилии), Иеронима (Письма, 6; 18; 60), Орозия, Кассиодора (Церковная история в 3-х частях) и Сульпиция Севера (Жизнь св. Мартина).

Сюда же относится исключительное знание Адамом античной литературы. Стихотворения, речевые обороты и прямые ссылки на неё встречаются у него довольно часто. Из историков он особенно предпочитает Саллюстия (Катилина,

Югуртинская война) с его краткими сентенциями. Из поэтов же мы можем указать на его знакомство с Горацием (Оды, Послания, Сатиры), Вергилием (Георгики, Энеида, комментарий Сервия), Луканом (Фарсалия), Персием и Ювеналом (Сатиры). Драмы Теренция (Евнух, Девушка с Андроса) также неоднократно цитировались автором. Ссылки на Овидия, Стация и письма Цицерона, возможно, покоятся на не вполне надёжном предании.

Традиция «Деяний»

Схема рукописей по Шмайндлеру:

Первоначальный текст Адама и дарственный экземпляр

Адам оставил свой труд незавершённым. Возможно, впрочем, что текст его дарственного экземпляра имел вполне завершённый вид. Но первоначальный текст, в который он постоянно вносил всё новые заметки, содержал на момент его смерти столько существенных сообщений и дополнений, что оставить их без внимания было уже нельзя. Его дополнения и указания были, очевидно, не слишком чётки и понятны. Ошибочного прочтения, непонимания и ложных выводов едва ли можно было избежать. Часто текст не был стилистически выверен, из-за чего нарушалась логическая связь. Противоречивые данные затрудняли решение, какой из вариантов текста был в конце концов избран самим автором. Нельзя также исключить, что многочисленные ошибки возникли из-за небрежности переписчиков, и только поэтому наше предание приняло такой противоречивый и искажённый вид. Только Бернгарду Шмайндлеру посредством критики текста и сравнения рукописей удалось выяснить стиль работы Адама и историю самого текста. Тем не менее чёткое восстановление первоначального текста всё равно было невозможно вследствие многочисленных стилистических переработок средневековья.

В рукописи Адама наряду с собственноручными разделами должны были находиться места, которые были выполнены рукой писца по наброскам автора. Кое-что он диктовал. Из-за этого дело дошло до ошибок, которые так и не были исправлены. Чистовик, который по его представлению был приготовлен около 1076 г. для архиепископа Лиेमара (*а), был, однако, тщательно откорректирован, а местами и стилистически усовершенствован. Далее Адам дополнил свои сообщения рядом более или менее длинных вставок (например, в III, 7, 8, 33; IV, 3, 10, 25, 31), которые отсутствовали в первоначальном тексте (*А). Только немного он отметил там задним числом на полях или между строк (например, в III, 67; IV, 19, 30, 32). В то время как первоначально он, очевидно, непрерывно перечислял главы, дарственный экземпляр (*а) получил деление на четыре книги. По языку, стилю и содержанию он представляет собой цельный, разделённый на смысловые части текст без противоречий и досадных помех.

Группа рукописей А

Только одна единственная полная рукопись передаёт утерянный вариант *а: А1, пергаментный список № 521 (ок. 1200 г., Венская Национальная библиотека ранее – Зальцбург). В нём отсутствуют позднейшие вставки на полях (схолии). Копия от 1451 г. находится в Ватикане (А1а).

Особенный успех в средневековье имела географическая часть труда. Уже около 1100 г. её выписали отдельно (*а'), причём текст был дополнен вставками из расширенной рукописи Адама (*Х) и многочисленными схолиями (см. IV, 36; 39; 42). К этому раннему варианту текста со схолиями, к которым переписчик добавил ещё несколько собственных заметок, восходят: А2, список № 123 (ок. 1100 г., библиотека Лейденского университета (ранее – в собственности Исаака Восса)). Он содержит отрывки из «Деяний епископов Гамбургской или Бременской церкви» на 10 пергаментных листах: кн. II, 16–22 (л. 1–2) и кн. IV (л. 3–10). Из-за обрезки схолии на полях IV книги отчасти нарушены. – Позднейшие переписчики ограничились IV книгой, ещё раз сделали дополнения, убрали ссылки на Адама и его время и расширили в XIV в. текст глав 19 и 39. К этому варианту (*а'') можно отнести: А3^а, бумажный список № 718 (ок. 1434 г., Копенгаген, Старое королевское собрание, 8 л.). Текст разделён на 10 больших глав. – А3^в, рукописный список XVI в. на 22 листах, Государственная библиотека Гамбурга; лл. 1–18 – копия Генриха Линденброга с А3^а. – А3^б, копия Генриха Линденброга в одном экземпляре с издания Адама, выполненного его отцом Эрпольдом Линденброгом (см. С2), Государственная библиотека Гамбурга, изд. Н. Штапхорст, История грамот Гамбургской церкви (1723 г.), I, 363–370.

Собрание материала Адама

Первоначальный текст Адама (*А) из-за многочисленных собственноручных вставок и дополнений за 1076–1080 гг., сделанных на полях и между строк, из-за указаний, вставок, стилистических правок, вычёркиваний и переписываний постепенно стал очень плохо читаемым. Не всё было стёрто достаточно умело. Объёмное сообщение об архиепископе Адальберте (III, 72–78), которое некоторые рукописи

включают только после введения IV книги, очевидно, располагалось на чистых листах. Тем состоянием утерянного собрания материала (*X), в котором чужой мог разобраться только с большим трудом, объясняются многие странности нашего предания. Позднейшие переписчики внесли путаницу из-за попыток стилистического сглаживания и ещё больше усугубили её внесением собственных сообщений (см. группу C). Очевидно, что из *X легко можно было получить более обширный текст. Какие отрывки и отдельные формулировки следовало выбрать, какое расположение материала счесть наиболее целесообразным, оставалось целиком на совести того или иного переписчика. Так дошло до многочисленных ошибок, пропусков и перестановок. Непонятные места вели к существенным изменениям, после дополнений возникали пропуски. Зачастую менялась даже разбивка на главы. Только B1 и C2 сохранили правильный порядок первоначального варианта. Наши копии содержат все верные моменты наряду с ошибками, первоначальный текст наряду с нововведениями. Но, несмотря на эту неупорядоченность, возможно, что все сделанные из *X копии образуют две указанные ниже группы.

Группа рукописей B

Очевидно, около 1100 г. в Бремене возникла менее тщательная обработанная версия *B (см. II, 82, сх. 46). Она ограничилась тем, что попыталась как можно точнее передать вид *X со всеми заметками на полях и двойными записями. Непонимания привели к бессмысленным добавлениям без всякой языковой и существенной связи. Нередки были ошибки, неточности и пропуски. Местами неясности побудили к существенным изменениям текста. Переписчик добавил лишь очень немногие, по большей части не имеющие никакой ценности добавления.

С этой рукописи (*B), по-видимому, ок. 1400 г. в Дании была изготовлена копия (*у) с новым индексом и новой разбивкой на главы. Из неё были удалены неблагоприятные высказывания Адама о Дании, а осторожные предположения превращены в выгодные утверждения (например, в II, 56). От *у происходят: B1^a, список Гудианус № 83, Вольфенбюттель, сборная бумажная рукопись (ок. 1440/50 г.), которая на лл. 282–320 содержит текст Адама, но на IV, 25 обрывается. – B1^b, бумажный список № 1175, Копенгаген, Старое кор. собрание; судя по водяным знакам (Briquet 11365), относится примерно к 1557 г. Здесь особенно много разночтений, следующих одно за другим.

Независимой от *у была сводная рукопись основанного в 1161/62 г. цистерцианского монастыря Сорё на острове Зеландия, содержание которой позволяет отнести её возникновение предположительно к периоду между 1162 и 1250 гг. Она содержит книги I–III Адама с эпилогом (*z) и только после этого, без указания автора, описание островов Севера, книгу IV (*w). Она также изобилует многочисленными разночтениями и ошибками. Книга IV разделена на четыре больших раздела, которые начинались с наших глав 1, 10, 21 и 31. Она служила Андреасу Сёренсену Веделю (Веллею) образцом для его вышедшего в 1579 г. в Копенгагене издания книг I–III (= B 2). Однако Ведель предпринял её стилистическую переработку, расставил схолии слишком свободно и существенно изменил их в датском и про-

тестантском духе (например, в II, 56; III, 66; сх. 24, 61, 63, 74 – отсутствуют). Наши знания об этой сгоревшей в 1728 г. в Копенгагене рукописи покоятся на Кильской диссертации А.Х.Лакмана (1746 г.). – В3а, список № 1115, Копенгаген, Старое королевское собрание, и снятая с него частичная копия начала XVIII в. – В 3^а – список № 180, Копенгаген, Новое королевское собрание, которые содержат только схолии из рукописи в Сорё к книгам I–III.

О книге IV рукописи из Сорё Лакман представляет составленную Арни Магнусоном копию (= В3^b) в Копенгагенском экземпляре издания Адама Эрпольда Линденброга (С2). – Изобилующая ошибками копия «Описания островов Севера» находилась, согласно заметке из следующей рукописи 1685 г., в деревне Эсгрус в Ангельне (*t). К ней восходят: изданные Лакманом отрывки (В3^c), которые взяты из рукописи В3^d, списка № 523 (ок. 1700 г.), Копенгаген, Новое кор. собрание. К неизвестному и ещё более изобилующему ошибками промежуточному звену (*u) восходят две копии IV книги, сделанные одним и тем же писцом на одинаковой бумаге: В3^e, земская библиотека в Ганновере, XXI, 1688, и В3^f, Копенгаген, собрание Тотта, 1387. – Текст IV книги из В4, бумажного списка № 719 (XVI в.), Копенгаген, Старое кор. собрание, происходит непосредственно от рукописи из Сорё. Для схолий были оставлены пропуски и широкие поля, но записаны только сх. 97, 139, 141, 142, 144. – В5, бумажный список № 1386, Копенгаген, собрание Тотта (XVI–XVII вв.), содержит позднюю, более тщательно обработанную версию.

Группа рукописей С

Вскоре после смерти Адама и ещё до *В пожилой настоятель Бременского собора, который знал автора «Деяний» и помнил ещё времена архиепископа Алебранда, взялся за тщательную обработку *Х. Он улучшил его и стилистически, и грамматически, устранил большинство повторений и благодаря этому создал вполне читаемый текст, к которому тем не менее по-прежнему были добавлены многочисленные схолии (*Ur-C). Однако кое-что он пропустил и не всегда принимал правильные решения. Он был тем, кто попытался переделать форму имени Адама на нижненемецкий язык. Большинство ценных дополнений, очевидно, восходят именно к нему (например, в II, 80, сх. 10; 57; 58; 65; 151). Из этого Бременского издания ок. 1150 г. мог черпать информацию Анналист Саксонский.

Новая грамматико-стилистическая переработка, вероятно, последовала ок. 1200 г. (*С). В ней были удалены многие личные высказывания Адама и современные ему указания и в то же время внесены некоторые изменения по содержанию. От этого варианта до нас дошли три копии: С1, Копенгаген, Старое королевское собрание, № 2296, пергамент, начало XIII в. (её факсимиле издано К.А. Кристенсеном в Копенгагене в 1948 г.). Рукопись обрывается на листе 65 посредине гл. 21 кн. IV. Она, как доказано, с XVI в. находилась во владении одной из семей Гамбургского совета и в XVIII в. оказалась в Копенгагене. Она содержит превосходный текст, который неоднократно позволяет узнать особенности Адама, как это наблюдается только в А1. Здесь дана новая разбивка на большие главы. – С2 представляет собой Льежское печатное издание Эрпольда Линденброга от 1595 г., выполненное

по утерянной ныне рукописи Генриха Ранцау из Брейтенбурга близ Итцехо. Разбивка на главы соответствует В1 и таким образом, очевидно, восходит к *X. Издание явно испытало на себе влияние со стороны печатного издания В2. – Фрагмент С3, Копенгаген, Новое королевское собрание, том № 1463, пергаментный лист начала XIV в., содержит главы 57–62 кн. I.

О схолиях

Все составные части, которые имеются только в каком-то одном варианте предания, почти со стопроцентной уверенностью можно назвать не принадлежащими автору. Согласно Шмайdlеру, схолии имеют следующее значение:

1. К Адаму со всей определённости восходят дополнения, которые благодаря общему тексту в В, С, А2 и А3 могут быть отнесены к *X. Это: 3 (= 118); 11–14; 16–17; 96; 118 (= 3); 121–123; 125–127; 129–148; 150; 155–156; 158–159.

То же можно сказать и о сохранившихся только в В и С схолиях: 1; 4–9; 22–25; 27–31; 33–42; 44; 47–49; 52–56; 59–64; 66–92; 94–95; 124.

2. Сохранившиеся только в В, но по содержанию и стилю предположительно восходящие к Адаму и лишь случайно попавшие в С. Это схолии 43; 45; 50.

3. Ок. 1100 г. внесённые интересующимися географией переписчиками дополнения, которые имеются в А 2 и А 3: 108; 110; 111; 117; 120; 157. – Только в А 2: 15; 18–19; 100; 102–104; 107; 113–115; 119; 149; 152–154.

4. Внесённые только в В, но не принадлежавшие Адаму: 46; 51; 93; 97–98; 101; 105–106; 109; 112; 116; 128.

5. Внесённые только в С, но не принадлежавшие Адаму: 2; 10; 20–21; 26; 32; 57–58; 65; 99; 151. Они происходят отчасти от создателя *Ur-C, отчасти созданы позже.

6. Некоторые поздние, по содержанию более значительные дополнения, которые Шмайdlер не считает схолиями. Это дополнения при II, 13; 43; 44; 61; 80; IV, 19; 39.

Дальнейшая судьба сочинения Адама. Издания

Использование работы Адама после смешанных рукописей групп В и С было в эпоху средневековья ограничено практически исключительно архиепископством Гамбургско-Бременским и Данией. Её определённо знали и при случае использовали следующие сочинения: в XII в. – «Жизнь Генриха IV»; Анналист Саксонский; «Славянская хроника» Гельмольда – только из неё мы и знаем полное имя Адама; «История данов» Роскильльского Анонима; Магдебургские анналы; утерянные ныне Анналы Ниенбурга (Schmeidler, Sachsen u. Anhalt 14. 15 (1938. 1939)); «Деяния архиепископов Магдебурга»; в XIII в. – Лунденские анналы; Альберт Штаденский и прежде всего «Деяния данов» Саксона Грамматика; в XIV в. – не имеющая особой ценности «История архиепископов Бременских».

Издания:

Andreas Severinus (Sörensen) *Velleus* (Vedel). – Kopenhagen, 1579 (B2).

Erpold Lindenbrog. – Leiden, 1595 (C2); по нему же Ders. in: SS. rer. Germ. septentrionalium. – Frankfurt, 1609; ²1630; ³Hamburg, 1706 (*Fabricius J.A.*).

Mader J.J. – Helmstedt, 1670.

Messenius J. – Stockholm, 1615 (только кн. IV).

Stephanius St.J. Sylloge scriptorum de regno Daniae. – Leiden, 1629 (только кн. IV).

Критические издания:

Lappenberg J.M. MGH. SS. VII. 1846 (A1); по нему же *Migne J.P.* P. L. Bd. 146 (1853);

MGH in usum scholarum. – 1846 (Lappenberg); 1876 (Waitz, Weiland);

основополагающее новое издание: *Schmeidler B.* MGH in usum scholarum. – Hannover, Leipzig, 1917.

Факсимиле:

Christensen C.A. Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Codex Havniensis. – Kopenhagen, 1948. (Hs. Kopenhagen, alte kgl. Sammlung 2296).

Немецкие переводы:

Miesegeas C. – Bremen, 1825; *Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit: J.C.M.Laurent.* – Berlin, 1850; *Wattenbach W.* – Leipzig, 1888, 1893; *Steinberg S.* – Leipzig, 1926.

Датские переводы:

Christensen P.W. – Kopenhagen, 1862; *Henrichsen C.L.* – Kopenhagen, 1930.

Важнейшие монографии:

Jahrbücher des Deutschen Reiches, vor allem: *E. Steindorff* (Heinrich III.). – Leipzig, 1874 ff.; *G.Meyer v. Knopau* (Heinrich IV.). – Leipzig, 1890 ff.

См. фундаментальную литературу по «Жизни Анскария» Римберта, прежде всего Дехно.

May O.H. Regesten der Erzbischofe von Bremen. Band I. – Bremen, 1928.

Schröder E. Zur Heimat des Adam von Bremen. Hansische Geschichtsblätter, 1917.

Manitius M. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters Bd. II. – München, 1923.

Wattenbach W., Holtzmann B. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Deutsche Kaiserzeit Bd. I, 3. – Berlin, 1940.

Erdmann C. Studien zur Briefliteratur Deutschlands im 11. Jh. – Leipzig, 1938.

Neue Deutsche Biographie I. – Berlin, 1953 (Leuschner J.).

Die deutsche Literatur des Mittelalters, Verfasserlexikon, hgb. von K. Langosch. Bd. V. – Berlin, 1955 (Bulst M.L.).

Schmeidler B. Hamburg-Bremen und Nordosteuropa vom 9. bis 11. Jh. – Leipzig, 1918;

Ders. Heinrich IV. und seine Helfer im Investiturstreit. – Leipzig, 1927; *Ders.* Kleine Forschungen in literarischen Quellen des 11. Jh. Hist. Vierteljahrsschrift 20. – Dresden, 1921; *Ders.* Einleitung zur Übersetzung von S. Steinberg. – Leipzig, 1926; *Ders.*

Zur Entstehung und zum Plan der Hamburger Kirchengeschichte Adams von Bremen. Neues Archiv f. alt. deutsche Geschichtskunde 50. – Hannover, 1933; *Ders.*

Adam von Bremen und das Chronicon breve Bremense. Deutsches Archiv f. Geschichte des Mittelalters 3. (1939).

Legowski J. Slaw. Worte in Adam von Bremens Geschichte (Polnisch!). Slavia occidentalis 7 (1928).

Steenstrup J. Nogle Undersogelser til Belysning af Teksten i Adam af Bremens Vaerk.

- Dansk Hist. Tidsskrift. – Kopenhagen, 1929.
- Bolin S.* C-Varianterna av mäster Adams text. Vetenskapssocieteten i Lund arsbok. Lund 1930; *Ders.*, När avslutade Adam Gesta Hammab. eccl. pont. – Ebenda, 1931; *Ders.* Kring mäster Adams text. Scandia 5. – Stockholm, 1932.
- Otto A.* Beiträge zur Testgeschichte des Adam von Bremen. Neues Archiv d. Gesellschaft f.ält. deutsche Geschichtskunde 49. – Hannover, 1932.
- Wieselgren P.* Adam af Bremens Hiring. Studier tillegnade A. Kock. 1930.
- Roefler L.* Von Snorri Sturlusons Heimskringla zu Adam von Bremens Hamburger Kirchengeschichte. Diss. – Bonn, 1942.
- Danstrup J.* Esgruserhaandskriftet, en Adam af Bremen-Afskrift af Otto Sperling den Yngre. – Kopenhagen, 1943.
- Bolin S.* Zum Codex Havniensis. Classica et Mediaevalia 10. – Kopenhagen, 1949.
- Trommer A.* Komposition und Tendenzen in der Hamburgischen Kirchengeschichte Adams von Bremen. Classica et Mediaevalia 18. – Kopenhagen, 1957.
- Ljungberg H.* Die nordische Religion und das Christentum. – Gütersloh, 1940.
- Bergmann T.* Der Patriarchatsplan Erzbischof Adalberts von Bremen. Diss. – Hamburg, 1946.
- Ludat H.* Der Patriarchatsplan Adalberts von Bremen und Byzanz. Archiv f. Kulturgesch. 34. – Köln, 1952.
- Fuhrmann H.* Studien z. Gesch. mittelalterl. Patriarchate III: Der Patriarchatsplan Adalberts v. Bremen. Zs. d. Savigny-Ges. f. Rechtsgesch. 41 (1955).
- Beinlich J.* Die Persönlichkeit Adalberts von Bremen. Diss. – Greifswald, 1918.
- Misch G.* Studien zur Geschichte der Autobiographie, Bd. 3: Das Bild des Erzbischofs Adalbert in der Hamburger Kirchengeschichte des Domscholasters Adam von Bremen. Nachr. d. Ak. d. Wiss. – Göttingen, phil. hist. Kl., 1956.
- Lönborg S.E.* Adam af Bremen och hans skildring af Nordeuropas länder och folk. – Uppsala, 1897.
- Schlüter M.* Die Ostsee und die Ostseeländer in der Hamburger Kirchengeschichte des Adam von Bremen. Hans. Geschichtsblätter. – Leipzig 1910.
- Björnbo A.A.* Adam af Bremens Nordensopfattelse. Aarboger f. nord. Oldkyndighed og Hist. – Kopenhagen, 1909.
- Weibull L.* Geo-etnografiska inskott och tankelinjer hos Adam von Bremen. Scandia 1931 (= Geo-ethnograph. Interpolationen und Gedankengänge bei A. v. B. Hans. Geschichtsblätter 58. Leipzig 1933).

Л.В.Разумовская

Гельмольд и его «Славянская хроника»

(предисловие к изданию 1963 г.)

«Славянская хроника»¹ Гельмольда – один из немногих средневековых памятников, содержащих сведения по истории прибалтийских славян. Она является как бы продолжением известного труда Адама Бременского «Деяния гамбургских архиепископов». Описав в ней события за период, освещенный и у Адама, Гельмольд продолжил свое изложение, закончив его 1171 г. Подобно Адаму Бременскому, он касается в своей «Хронике» истории лишь некоторых прибалтийских славянских племен, а именно: вагров, бодричей, полабов, ран и в меньшей степени черепнян и хижан.

Название труда Гельмольда не совсем соответствует содержанию. В «Славянской хронике» славяне занимают хотя и значительное, но не самое большое место (из 108 глав 31 главу целиком и некоторые части из 23 глав). Большая часть «Хроники» отведена истории Германии, Дании, истории церкви, жизнеописанию отдельных ее представителей, поэтому «Хроника» представляет интерес и для историков-специалистов в этих областях, а не только для историков-славистов.

Сведения об авторе «Хроники» можно почерпнуть в сущности лишь из его собственного труда. Родился Гельмольд, как можно приблизительно вычислить, около 1110, может быть, 1117 г. Гельмольд – немец по происхождению, но место его рождения установить трудно. Едва ли это была Голштиния, или, применяя его терминологию, земля гользатов, и едва ли был он саксом. Из «Хроники» не видно, чтобы гользаты или саксы были его соотечественниками. Детские и юношеские годы Гельмольда прошли в селении Незенне, в земле вагров (кн. I, гл. 14)². Таким образом, он со сравнительно раннего возраста жил среди славян или в непосредственной близости от них, был свидетелем их жизни, слышал и, вероятно, знал их язык. Где Гельмольд получил образование, неизвестно. Едва ли можно присоединиться к мнению одного из переводчиков его «Хроники», Я. Паплоньского, и его издателей, И. Лаппенберга и Б. Шмейдлера³, считавших, что он получил духовное образование в Брунsvике (Брауншвейге), потому что он называет епископа Герольда своим наставником (Предисловие к книге I) и сообщает вместе с тем, что Герольд был наставником школы в Брунsvике (I, 79). Но ведь Гельмольд мог называть так Герольда и независимо от того, был ли тот его учителем по школе. Во всяком случае Гельмольд получил, видимо, неплохое для того времени образование. Он хорошо знал Библию, о чем свидетельствуют многочисленные цитаты из нее в «Хронике», и, вероятно, классических авторов, на что указывает, например, упоминание им «Ахиллеиды» Стация (I, 42).

Куда по окончании учения был определен Гельмольд, тоже неизвестно. Единственное, что засвидетельствовано им самим, — это то, что он был пресвитером в Босау на Плуньском озере (Вагрия) и являлся одним из ближайших сподвижников епископа Герольда, но с каких пор находился он там и где был до этого, неясно.

Существует предположение, что сразу по окончании школы Гельмольд удалился в Фальдерский монастырь, о котором он часто упоминает в «Хронике»⁴. Едва ли это верно. В Фальдере он, безусловно, находился в то время, когда приехавшего в этот монастырь епископа Вицелина разбил паралич, т. е. в 1152 г. Недаром он так подробно описывает его страдания и ходившие среди духовенства слухи о его болезни (I, 75). Но в каком качестве находился он там, — был ли он членом конгрегации в Фальдере или прибыл сюда в свите Вицелина, — это трудно сказать. Скорее, пожалуй, второе, так как он неодобрительно отзываясь о фальдерцах (I, 79). Едва ли бы это было возможно, если бы Гельмольд сам входил в их число. В пользу предположения, что он стоял близко к Вицелину, говорит грамота Вицелина от 1150 г., в которой среди свидетелей упомянут дьякон Гельмольд⁵.

Правильнее было бы считать, что и до назначения в Босау Гельмольд находился в Вагрии и был связан с одним из пунктов христианизации этой земли. Основанием для этого является глава 79 книги I, в которой рассказывается, как жена Генриха Льва, герцогиня саксонская, направляет Герольда в Вагрию для избрания его в епископы вместо скончавшегося Вицелина и как желание государя было единодушно поддержано духовенством и народом вагрской земли. В состав вагрского духовенства входил, очевидно, и Гельмольд, потому что, повествуя дальше о Герольде в той же главе, он называет его «наш избранник».

Тесно связанный раньше с Вицелином, после его смерти, в 1154 г., Гельмольд, видимо, становится ближайшим сподвижником Герольда. Из «Хроники» видно, что с первых же шагов деятельности Герольда он всюду его сопровождает: помогает ему при совершении богослужения в Старграде, присутствует вместе с ним на приеме у князя Прибислава, совместно с епископом разрушает языческую святыню вагров и т. д. (I, 82, 83). Очевидно, в 1156 г. Герольд же ставит его пресвитером в Босау, куда до него был назначен Вицелином Бруно (I, 75).

После смерти Вицелина Бруно ушел из Босау и вообще из Славии (I, 83). Ушел он, очевидно, в Фальдерский монастырь, находившийся на территории Голштинии. Именно из этого монастыря вызывает Бруно Герольд и ставит его в Ольденбург (I, 83). А одновременно или раньше назначает Гельмольда в Босау на покинутое Бруно место. Во всяком случае в 1163 г., когда епископ Герольд умирает в Босау, Гельмольд находится там и принимает, так сказать, последний вздох своего покровителя (I, 94). Сам Гельмольд скончался после 1177 г. Об этом свидетельствует грамота епископа любекского Генриха, преемника Конрада, от 1177 г., в которой упоминается пресвитер Гельмольд⁶.

Д. Н. Егоров в свое время охарактеризовал Гельмольда как скромного, немудрящего, окраинного клирика⁷. Однако это было не совсем так. Конечно, по сравнению с Гамбургом или Мерзебургом, где протекала деятельность таких хронистов, как Адам Бременский и Титмар, резиденция Гельмольда была глухой окраиной, а сам

Гельмольд занимал очень скромное положение. Но захолустная деревушка была в то время одним из важных пунктов христианизации славянской страны, своего рода филиалом штаба, который находился в Гамбурге. И руководство таким пунктом едва ли могло быть доверено «немудрящему» человеку. Кроме того, на то, что Гельмольд был незаурядным и даже одаренным человеком, выделявшимся из массы духовенства, насаждавшего христианство в вагрской земле, указывает то обстоятельство, что именно его, а не кого-нибудь другого убеждал епископ Герольд взяться за написание «Хроники». Об этом сам Гельмольд сообщает в конце Предисловия к книге I «Хроники». Большой интерес для характеристики Гельмольда представляет Предисловие к книге II. Изложенные в нем рассуждения хрониста на тему о том, как пишутся исторические труды, просто делают ему честь.

О побуждениях, руководивших автором при составлении «Хроники», мы узнаем из Предисловия к книге I. Гельмольд посвящает свою «Хронику» Любекскому, в недавнем прошлом Ольденбургскому (Старградскому), епископству, с которым он был связан всю свою жизнь и в ведомство которого входил его приход в Босау. Задача его – описать во славу епископства историю обращения славянского населения в христианство, «а именно усердием каких государей и пастырей была сначала насаждена, а позднее восстановлена в этих странах христианская религия». Цель Гельмольда – прославить тех, «кто в разные времена делом, словом, а многие и пролитием своей собственной крови просвещали славянскую страну».

Действительно, тема «просвещения», обращения в христианство, занимает большое место в «Хронике». Но всего ее содержания она не исчерпывает. Очевидно, приступив к работе или в процессе ее, Гельмольд несколько изменил свое первоначальное намерение и расширил рамки своего труда. Славяне остались в центре его внимания, но, повествуя об их обращении в христианство, он рассказывает об обращении и других народов – саксов (I, 3, 47), датчан (I, 8, 9, 15), шведов (I, 5), и в дополнение к этому вводит вторую тему – описание военных действий, походов немецких и отчасти датских феодалов против славян (I, 4, 9, 39, 56, 57, 65, 68, 71, 87, 88, 92; II, 4, 12). И, таким образом, из задуманного труда по истории христианизации славянских племен – вагров, бодричей, полабов и других – «Хроника» Гельмольда превратилась в историю вообще наступления немецких феодалов на эти племена, наступления, осуществлявшегося и путем вооруженных нападений на них с последующим захватом их земель, и путем насильственного обращения их в христианство.

Помимо этого Гельмольд, хотя и не очень много, и в очень скупых словах, рассказывает и о самих славянах – об их князьях (I, 14, 15, 19, 25, 26, 34, 37, 48, 71, 83), об их языческих верованиях, обрядах и обычаях (I, 52, 69, 83), описывает некоторые свойственные им качества (I, 52), некоторые черты их быта (I, 82). А самое ценное – Гельмольд много места отводит описанию борьбы славянских племен за свою независимость, выступлений их против своих угнетателей (I, 35, 55, 56, 62–64), выступлений, выливавшихся зачастую в грандиозные восстания (I, 16, 22–24; II, 2–4).

Экспуры в историю Германии и Дании иногда увязываются в «Хронике» с историей славян, и тогда их наличие вполне обосновано. Таковы, например, гла-

ва 49 книги I, рассказывающая о Кнуде Лаварде, датском королевиче, получившем от германского императора Лотаря после смерти Генриха и гибели его сыновей Бодрицкое королевство; или глава 54, в которой описываются поход императора Лотаря в Италию, неожиданная смерть его, распри между Генрихом Гордым и Альбрехтом Медведем из-за Саксонского герцогства. Хронист поясняет при этом, что «тогда пошатнулись дела церковные в славянской земле». Тем более оправданны разделы «Хроники», излагающие по существу историю церкви, т. е. историю христианской церкви на землях прибалтийских славян. Это касается глав, посвященных отдельным ольденбургским епископам, начиная с первых (I, 12, 13, 17, 18) и кончая Герольдом и Конрадом, с которыми Гельмольд непосредственно соприкасался (I, 79, 80, 82, 83, 93, 94; II, 1, 9, 11). Это относится и к таким главам книги I, как, например, 11, где рассказывается об основании Магдебургского архиепископства и его суфраганах; или 22, в которой сообщается о разделении Ольденбургского епископства на три; или 69, повествующей о восстановлении этих трех, разрушенных в 1066 г., епископств.

Все эти разделы теснейшим образом связаны с основной задачей Гельмольда прославить тех пастырей, усердием которых была насаждена, а впоследствии, после падения язычества, восстановлена христианская вера среди славян.

Но в «Хронике» имеется и ряд глав, излагающих историю Германии или Дании, стоящих вне всякой связи с ее задачей и основным содержанием. Сюда надо отнести главы (I, 27–33), дающие фактически историю Генриха IV: начало его правления, отмеченное заговором саксонских феодалов против юного короля, далее известный конфликт между императором и папой Григорием VII, низложение Генриха, борьбу его с сыном и, наконец, смерть его. Правда, заканчивая этот цикл глав, Гельмольд пытается оправдать свое столь долгое удаление от истории славян тем, что все описанные здесь события послужили якобы главной причиной отпадения славян от церкви, но это его заявление не находит себе подтверждения в им же излагаемых событиях из истории славян.

Так же трудно объяснить, почему Гельмольд излагает историю датского королевского дома (I, 50, 51), описывает борьбу Генриха Льва за Баварское герцогство (I, 72), а тем более посвящает специальную главу такому эпизоду, как «повешение веронцев» Фридрихом Барбароссой (I, 81).

Но, несмотря на все эти экскурсы, уводящие иногда очень надолго в сторону, главная тема – история наступления немецких феодалов на славян – не затмевается и красной нитью проходит через всю «Хронику».

«Хроника» разделяется на две книги, каждая из них на главы. Большая часть глав имеет заглавия, правда, не всегда полностью отвечающие их содержанию. Книга I заканчивается смертью епископа Герольда (1163), книга II начинается с возведения в сан епископа ольденбургского Конрада и заканчивается событиями 1171 г.

Может быть, в первоначальном виде «Хроника» представляла собой одну только книгу. Но события, последовавшие за смертью покровителя нашего хрониста, епископа Герольда, заставили Гельмольда написать впоследствии вторую книгу. Возможно, что ему пришлось испытать на себе то отношение к духовенству со

стороны нового епископа Конрада, которое он обрисовывает в главе I книги II в таких словах: «...Он вначале с большой суровостью обращался с духовенством,.. начиная от самых главных лиц, которые пребывали в церкви в Любеке, и кончая последними, которые жили в деревне... и тех, кого ему хотелось притеснить, он или отстранял от службы, или отлучал от церкви».

Можно предположить, что Гельмольд тоже подвергся притеснению со стороны Конрада и ему угрожало отстранение. Однако опала, постигшая самого епископа (II, 9), спасла Гельмольда. Вернув себе милость герцога, Конрад «стал совсем другим человеком» (II, 11). Переводчик «Хроники» на польский язык Я. Паплоньский, исходя из того, что Конрада Гельмольд изображает и невыгодном свете, считал, что он закончил свою «Хронику» после смерти епископа, т. е. после 1172 г.⁸ Это предположение, по-видимому, правильно, но в него следует внести некоторое уточнение: после 1172 г. Гельмольд не закончил свою «Хронику», а написал вторую ее книгу. Очевидно, избежав грозивших ему неприятностей, но чувствуя себя при Конраде и после его смерти неуверенно, он пишет небольшое (всего 14 глав) продолжение своего труда и преподносит его епископству как новый дар в надежде, что за это и для него «какая-нибудь выгода произойдет от молитв великих мужей» (Предисловие к книге II). Отсюда понятными становятся рассуждения Гельмольда о том, как следует писать исторические труды – беспристрастно, не отклоняясь от истины в стремлении угодить сильным мира сего (Предисловие к книге II). Хронист как бы оправдывает ими книгу I своей «Хроники», очевидно, кому-то не пришедшую по вкусу, и заверяет, что и в книге II он будет непоколебимо стоять на страже истины.

«Хроника» Гельмольда имеет один большой недостаток, затрудняющий пользование ею. В отличие от Адама Бременского, тщательно датирующего описываемые события, Гельмольд даты проставляет чрезвычайно редко. Из громадного количества крупных и мелких событий, совершавшихся на протяжении от VIII (эпоха Карла Великого) почти до XIII в., датировано не более 50–60. В подавляющем большинстве случаев Гельмольд датирует такие события, как кончины германских королей и императоров, датских королей, вступления на престол их преемников, смерти крупных феодалов, кончины или вступления в должность пап, гамбургских архиепископов, ольденбургских епископов. Очень редко датируются битвы, взятия городов, сеймы. События славянской истории, за исключением нескольких единичных случаев, дат не имеют.

Как сказано выше, «Хроника» охватывает период от VIII в. до 1172 г. Совершенно ясно, что если при изложении событий, начиная с 1137 или 1140 г. (I, 55 и дальше), Гельмольд мог писать как очевидец или прибегать к рассказам своих современников, то для освещения более раннего периода он вынужден был пользоваться какими-то иными источниками. Сам Гельмольд о них не упоминает. Но в результате анализа текста было установлено, что из первых 24 глав «Хроники», излагающих события, кончая 1066 г., 22 главы заимствованы из «Деяний гамбургских архиепископов» Адама Бременского. Это не означает, что Гельмольд просто переписал нужные ему главы. Кроме одного случая, когда полностью использована глава из

«Хроники» Адама, причем она не переписана, а пересказана своими словами, все другие заимствованные главы представляют собой каждая как бы сложную мозаику, объединение больших или меньших отрывков, взятых из разных глав Адама, с добавлением временами собственного текста. Читатель может легко убедиться в этом из примечаний к тексту перевода⁹.

Кроме того, надо заметить, что Гельмольд никогда не заимствует буквально – он перефразирует текст, делает вставки от себя¹⁰.

Цитаты, полностью соответствующие оригиналу или незначительно измененные, при переводе выделены кавычками. Отрывки, заимствованные из Адама, но значительно измененные Гельмольдом, оговорены в примечаниях.

Издатель «Хроники» Гельмольда И. Лаппенберг, а вслед за ним Д. Н. Егоров называют, помимо Адама, и другие источники, которыми Гельмольд мог пользоваться и, по-видимому, действительно пользовался, не упоминая об этом. Они имеют в виду жития епископов бременского Виллехада; гамбургско-бременского Анскария, Вицелина и др., а для разделов, излагающих историю Генриха IV, – ряд аналогов, как «*Annales Disibodii*», «*Annales Rosenfeklenses*», «*Annales Palidenses*»¹¹.

Документального материала, грамот, как единодушно признается в литературе, Гельмольд для своей «Хроники» не использовал. Однако из «Хроники» его следует, что о существовании некоторых, имевших для него несомненное значение, документов он знал. В главе 89 книги I он отмечает, что привилегии, полученные Любекским епископством, хранятся в Любекской церкви. В одном только случае Гельмольд все-таки привлекает и целиком приводит документ. Мы имеем в виду главу «О десятине гользатов» (I, 91), в которую вставлено послание епископа Герольда гользатам, увещающее их платить ему десятины¹².

Несомненно, что Гельмольд в оригинальной части своей «Хроники» широко использовал устную информацию. Ссылки на нее часто встречаются в его труде. Описание битвы между герцогом саксонским Магнусом и славянами в 1093 г. (I, 34) он дает по рассказу тех, «отцы которых принимали участие в этой битве». «От вернувшихся я слышал», – пишет он (II, 13), повествуя о продаже пленных датчан на рынке в Мекленбурге. Иногда он ссылается на заслуживающих доверия лиц (I, 69), на «многих, кто дожил до наших дней» (I, 41) и т. д.

Очевидно, многие сведения Гельмольд почерпнул из рассказов и воспоминаний епископа Вицелина, братии монастырей в Фальдере и Кузалине, епископа Герольда и др.

Однако все вышесказанное не отвечает до конца на основной вопрос, волнующий специалистов по истории славян, обращающихся к «Хронике» Гельмольда: откуда Гельмольд взял данные по истории славян, сравнительно подробно изложенной им в оригинальной части его «Хроники»? Если о крестовом походе против славян в 1147 г. (I, 62–65), о смерти Никлота (I, 87), о нападении в 1168 г. датчан на Аркону и уничтожении идола Святовита (II, 12) Гельмольд мог писать, потому что всему этому он был современником, то на основе чего и вполне ли достоверно он написал столь пространно о сыне Готшалка, Буте, о борьбе его с Крутом, о княжении Крута, о Бодрицком государстве Генриха, походах Генриха против ран (руян)?

К сожалению, этот вопрос остается пока без ответа, а перед исследователями открывается широкое поле для более или менее обоснованных догадок.

Гельмольд, аттестуя себя в Предисловии к книге II как ревнителя истины, не поддающегося под влияние сильных мира сего и беспристрастно описывающего все, что он видел и слышал, в действительности таким не был. «Хроника» его была и не могла не быть тенденциозной.

Представитель рядового духовенства, человек, по всей видимости, далеко не знатного происхождения, Гельмольд еще более зависел от высших представителей власти как духовной, так и светской, чем его непосредственные покровители – епископы ольденбургские. А насколько те зависели, легко убедиться, заглянув в главы, рассказывающие о мытарствах сначала Вицелина, потом Герольда (I, 69, 70, 79, 82). Естественно, что Гельмольд, дорожа своим положением, вынужден был изображать события так, как это было угодно и приятно вышестоящим лицам и в первую очередь герцогу саксонскому, Генриху Льву, графу Голштинии, Адольфу, а также своим непосредственным начальникам, епископам любекским (ольденбургским). В силу такой зависимости хрониста победы над славянами, описываемые в «Хронике», даются немецким феодалам по преимуществу легко. Генрих фон Бодвид, напав на славян, нанес им сильное поражение и в результате одного лишь нападения опустошил всю их землю грабежами и пожарами (I, 56). Генрих Лев «когда бы ни простер руки своей на славян», они немедленно отдают ему все, чего он только ни потребует (I, 68). В угоду герцогу и для вящего его возвышения датский король Вальдемар, совершивший нападение на ран и не поделившийся взятой добычей с герцогом, изображается Гельмольдом в неблагоприятном свете: «...Короли данские, ленивые и распущенные, всегда нетрезвые среди постоянных пиршеств...», и славяне нападение данов... «ни во что не ставят». Одного только герцога они боятся, ибо это он «подавил силу славянскую с большим успехом, чем все герцоги, до него бывшие..., надел узду на челюсти их» и управляет ими, как хочет, объявляет мир, и они повинуются; объявляет войну, и они говорят: «мы готовы» (II, 13). Голштинский граф Адольф возводится чуть ли не в сан святых (II, 5). В «Хронике» часто говорится о «ярости» славян, о мучениях, которые они причиняют христианам (см., например, I, 83).

Походы же немецких феодалов против славян часто рисуются так, словно это было возмездие за славянскую неверность. Показательны результаты походов в представлении Гельмольда: «уничтожили все огнем и мечом», «опустошили всю землю», «обратили в пустыню». Зачастую успехи немецкого оружия явно преувеличены. Еще более, чем светские феодалы, идеализируются епископы, священники и прочие представители духовенства, насаждавшие христианство среди язычников – славян, савсов и северных народов. Жизнеописания Вицелина и Титмара превращаются в подлинные жития святых со всеми свойственными им признаками – пророческими снами, прижизненными подвигами, чудесами и явлениями после смерти (I, 42, 44–47, 58, 66, 73, 74, 78).

Немецкий историк К. Ширрен в свое время выдвинул мнение, что Гельмольд, сознавая якобы непрочность положения молодой Любекской церкви в связи с по-

шатнувшимся положением ее покровителя, Генриха Льва, написал свою «Хронику» с целью доказать древность прав Любекского—Ольденбургского епископства на его владения и доходы и обрисовать в самом выгодном свете заслуги его при обращении в христианство язычников. Это, конечно, придало тенденциозный характер его «Хронике». Для осуществления своей задачи Гельмольду пришлось искажать факты, прибегать к выдумкам. Так, например, чтобы доказать первенство Ольденбургского епископства перед другими по времени образования, ему пришлось даже изменить в нужном ему направлении заимствованный у Адама Бременского рассказ об основании епископства. Если у Адама первым епископом ольденбургским назван Эквард, то наш хронист делает его вторым, изобретая не существовавшего в действительности первого епископа Марка и тем самым передвигая основание епископства на более раннее время¹³.

Принять гипотезу Ширрена мешает то обстоятельство, что нам придется тогда отодвинуть написание Гельмольдом всей его «Хроники» на годы 1177—1178, когда положение Генриха Льва действительно пошатнулось. Между тем есть основание предполагать, что Гельмольд начал писать книгу I еще при жизни Герольда, уговаривавшего его этим заняться, т. е. до 1163 г., или вскоре после его смерти; тогда он кончил ее, трудно, конечно, сказать, но, по-видимому, около 1168 или 1170 г. Лет пять ему, вероятно, потребовалось для написания такого труда. А к книге II он приступил после некоторого перерыва и написал ее после смерти епископа Конрада, т. е. в 1173—1175 гг. Года полтора—два — срок достаточный для написания 14 глав, содержащих описание событий, современных хронисту. Если бы мы приняли гипотезу Ширрена, то поставили бы себя в необходимость считать, что весь объемистый труд Гельмольда, состоящий из 108 глав и охватывающий события почти за четыре столетия, был написан им в течение очень короткого срока, в годы 1178—1179, т. е. годы, относительно которых мы даже не уверены, был ли Гельмольд тогда еще жив. Едва ли мы имеем на это право.

Тенденциозность повествования Гельмольда о заслугах Ольденбургской церкви и ее представителей в насаждении христианства среди славянских и других племен сомнений, конечно, не вызывает, и это следует учитывать.

Особенно ярко проявилась тенденциозность «Хроники» в изображении блестящих результатов наступления немецких светских и духовных феодалов на славян.

Воодушевление, с которым Гельмольд рассказывает о деятельности миссионеров среди язычников-славян, создает впечатление, словно проповедь их имела большой успех, и славяне массами обращались в христианство, а страна их покрывалась церквами и монастырями (см., например, I, 83).

Победоносные походы немецких феодалов и их политика в отношении славян, если судить по «Хронике», привели к полному исчезновению последних. Вагры сначала «постепенно убывали» (I, 83), а в 1159 г. герцог саксонский в наказание за то, что они нарушили его приказ не нападать на Данию, приговорил их к изгнанию (I, 86 и 87). Их земля опустела, «славяне частью перебиты, частью изгнаны, а сюда пришли... народы сильные и бесчисленные и получили славянские земли» (I, 88). Та же участь постигла и бодричей. После разгрома восстания 1164 г.

они бегут в землю поморян, «не имея смелости где-нибудь остановиться из страха перед герцогом» (II, 4), – «вся земля бодричей и соседние области... были целиком обращены в пустыню. И если еще оставались какие-нибудь последние обломки от народа славянского, то... они вынуждены были толпами уходить к поморянам или в Данию» (II, 5).

Изображая события в таком свете, особенно рисуя последствия агрессии немецких феодалов против славян-язычников и успехи насаждения у них христианства, Гельмольд был искренен. Несмотря на разницу в социальном положении между ним и его покровителями, он принадлежал к их лагерю. Немец и христианин, как и они, воспитанный с детства в пренебрежении к славянам, в презрении к язычникам-варварам, он их глазами смотрел на коренное население захваченных немецкими феодалами земель.

Поэтому искренним и подлинным ликованием звучит последняя глава «Хроники», подводящая итоги многолетней борьбы немецких феодалов со славянами.

Однако было бы несправедливым обвинять Гельмольда в полном отсутствии объективности. Не только одни достоинства видит он у героев своего повествования – светских феодалов и отцов церкви, – но отмечает их недостатки и неудачи. Когда, вслед за Адамом Бременским, он упрекает герцогов саксонских в том, что они мучили свой народ грабежами (I, 13) или тяжко угнетали славянский народ (I, 16, 18, 21, 25), или не скрывает, что герцог Ордульф во все время своего правления никогда не мог одержать над славянами победы (I, 24), то это еще не так показательно, – все это для Гельмольда дела давно минувших дней. Гораздо больше говорят о его объективности те страницы «Хроники», где он решается писать правду о своем современнике, герцоге Генрихе Льве, подчеркивает его жадность, стяжательство (I, 68, 73), честолюбие (I, 69, 70), рисует ненависть и зависть, разделяющие герцога и хитрого, чванного архиепископа Гартвига: «Оба спорили о том, кому принадлежит страна, кому – право ставить епископов, и оба неусыпно следили за тем, чтобы ни один из них не уступал ни в чем другому» (I, 75).

Вместе с тем Гельмольд не умалчивает о сопротивлении, которое оказывали славяне своим угнетателям, об их мужестве и отваге, описывает их упорную борьбу за независимость, поражения, которые они наносили своим врагам. Выступления славян против немцев-агрессоров описываются едва ли не с большей подробностью, чем походы последних против славян (ср., например, I, 63, 64, 87 и I, 68, 88).

Гельмольд не скрывает, что зачастую славяне оказывались очень серьезным и опасным противником, с которым трудно было совладать даже такому прославленному военачальнику, как Генрих Лев, а сподвижники его просто становились в тупик (I, 92; II, 4). В подлинном свете, без всяких прикрас описал Гельмольд крестовый поход против славян в 1147 г. (I, 65), принесший лишь «умеренный успех» крестоносному войску.

Стремление угодить своим светским и духовным начальникам, с одной стороны, и невозможность (или нежелание) скрывать истинное положение дел, с другой стороны, часто приводят Гельмольда к противоречию. Так, например, граф Адольф рисуется им как человек, относящийся всегда благосклонно к духовенству,

не допускающий, чтобы его кто-нибудь обидел (I, 62). А дальше рассказывается, как этот же граф, обидевшись на Вицелина за то, что тот принял назначение в епископы от архиепископа гамбургского Гартвига, не попросив на то согласия его и герцога, отнимает у него все десятины (I, 69).

Таких противоречий можно привести очень много¹⁴, но, пожалуй, ярче всего они выступают в изображении Гельмольдом результатов немецкой агрессии против славян. Выше отмечено, что результаты эти изображены как весьма успешные: славяне якобы совершенно искоренены, уничтожены или изгнаны, но в то же время мы узнаем, что герцог велит «славянам, которые продолжали оставаться в земле вагров, полабов, бодричей и хижан», платить десятину епископу Герольду (I, 87) или что полабы и бодричи (все еще, оказывается, живущие здесь) аккуратно платят не в пример голызатам десятины (I, 91). И вообще, можно ли говорить об искоренении, изгнании славян, когда живут и существуют сыновья Никлота (I, 92) и вместе со своими соотечественниками ведут упорную борьбу за свою независимость (I, 92; II, 2, 3, 4), когда в 1164 г. славяне организуют грандиозное восстание против угнетателей (II, 5, 6)¹⁵. То же надо сказать и о картине обращения славян христианство, нарисованной в «Хронике». Успехи христианизации оказываются совсем незначительными, и вообще сомнительно, можно ли говорить об успехах. Проповедь Вицелина среди вагров имеет лишь тот результат, что «немногие из славян обратились к вере» (I, 69). Во время богослужения, совершавшегося Герольдом в Старграде, в церкви, кроме князя и еще нескольких человек, никого из славян не было (I, 82). Опорой христианской церкви в славянских землях являются вообще не столько сами славяне, сколько колонисты (I, 87, 88, 91).

О языке «Хроники» существуют разноречивые мнения. Первый издатель ее С.Шоркелиус (1556 г.) считал язык Гельмольда грубым, неотесанным, кое-где даже «недостаточно латинским». Позднейшие исследователи (Лаппенберг, Онезорге и др.), напротив, отзывались о нем весьма положительно. Самой удачной представляется нам характеристика языка «Хроники», данная Д.Н.Егоровым. Он определяет его как церковнолатинский язык, типичный для образованных людей средневековья, язык, выработавшийся на основе длительного изучения и освоения Библии, своеобразный литературный язык¹⁶. И, действительно, достаточно сопоставить несколько глав «Хроники» с любыми главами из Библии, чтобы убедиться, насколько близок язык Гельмольда языку последней. Гельмольд почти все предложения, подобно тому как это делается в Библии, начинает с *et*, *itaque*; его текст изобилует многочисленными библейскими изречениями и оборотами типа *enim*, *tune*, *igitur*, *inquam*, *in ore gladii*, *locutus est dicens*, *cum manu forti*, *ad sedes suas*. Кроме того, в «Хронике» выдержан ритм, свойственный тексту Библии. Эту особенность языка и стиля «Хроники» мы постарались, по возможности, сохранить при переводе.

Библия, несомненно, оказала громадное влияние на стиль и язык «Хроники». Да и понятно, — человек, получавший духовное образование, привыкал мыслить библейскими штампами и на каждый случай жизни находил в Библии нужную цитату. В «Хронике» много таких цитат. Они отмечены в примечаниях. Указания эти сделаны по изданию «Хроники» Лаппенбергом (изд. 1868 г.)¹⁷.

Подобно другим немецким хронистам, Гельмольд неумело справляется с транскрипцией трудных для него славянских названий. Если названия славянских племен за очень небольшими исключениями даются им единообразно, то в написаниях топонимических названий, особенно названий городов, наблюдается разнობой; такой же разнობой – и в написании немецких названий, не говоря уже о датских. В этих случаях все употребляющиеся Гельмольдом транскрипции указываются в примечаниях при первом упоминании того или иного названия. В квадратных скобках даны редакционные добавления, необходимые для облегчения чтения текста.

Оригинал «Хроники» не сохранился. Самый ранний из дошедших до нас списков относится к концу XIII в. Он принадлежал синдику Любека, Мартину Бекелию. Список написан на пергаменте и, кроме «Хроники» Гельмольда, содержит еще труд его продолжателя, Арнольда¹⁸. Этот список хранится в библиотеке университета в Копенгагене. Второй список, XV в., тоже содержит обе «Хроники» и хранится в Любекской библиотеке; третий, XVII в., – находился в Щецине. Наиболее полным был список, принадлежавший Х. Дистельмейеру. Он содержал предисловие к книге I, в других списках отсутствующее. Эта рукопись была утеряна, текст ее сохранился благодаря тому, что был использован одним из издателей «Хроники». Кроме перечисленных, существовало еще несколько списков, впоследствии утерянных¹⁹.

Впервые «Хроника» Гельмольда была издана Шоркелиусом и напечатана во Франкфурте в 1556 г. В основу издания положен список Бекелия. Это издание было без изменений повторено в 1573 г. В 1581 г. вышло второе издание. Оно принадлежало Р. Рейнециусу и называлось «*Chronica Slavorum seu Annales Helmoldi presbyteri Buzoviensis in agro Lubecensi*», напечатано оно было тоже во Франкфурте. Издатель использовал для него рукопись Любекской библиотеки и рукопись, принадлежавшую Дистельмейеру. Издание снабжено большим предисловием. В книге I, начиная с гл. 35, которая ошибочно названа 36, нумерация глав не соответствует подлиннику.

Третье издание было осуществлено в 1659 г. в Любеке Г. Бангертом и носило название: «*Chronica Slavorum Helmoldi presbyteri Bosouiensis et Arnold abbatis Lubicensis in quibus res Slavicae et Saxonicae fere a tempore Caroli Magni usque ad Ottomem IV exponuntur*». Для него были использованы рукописи Бекелия, Любекская, Щецинская и предшествовавшие издания. Кроме предисловия, издание было снабжено подстрочными, часто весьма пространными примечаниями. В конце книги приведены разночтения в рукописях и различных изданиях, имеется указатель имен и географических названий.

Первое научное издание «Хроники», основанное на критическом изучении существующих рукописей и всех предыдущих изданий, было подготовлено И. Лаппенбергом²⁰. В его предисловии сообщаются биографические данные о Гельмольде, указываются существующие списки «Хроники» и даются сведения о ее изданиях; главы в «Хронике» впервые получили названия. В подстрочных примечаниях указаны установленные Лаппенбергом источники, использованные Гельмольдом, в частности, все заимствования из Адама Бременского. Тут же отмечены издателем цитаты из Библии и приведены объяснения многих имен и географических названий, указаны часто отсутствующие у Гельмольда даты событий.

Последнее издание «Хроники» вышло в 1909 г. и принадлежит Б.Шмейдлеру²¹. В предисловии к нему Шмейдлер уделил много места биографии Гельмольда. Текст снабжен подстрочными примечаниями двоякого содержания: в одних, как и у Лаппенберга, даются сведения об источниках, отмечены цитаты из Библии, раскрыты некоторые даты, географические названия и имена, в других приводятся разночтения по рукописям и предшествующим изданиям. Нумерация глав до главы 78 совпадает с нумерацией в издании Лаппенберга, глава 78 разделена на две части, из которых вторая идет под самостоятельным номером 79, почему вместо 94 глав в книге I у Шмейдлера их 95. Книга II не имеет своей отдельной нумерации глав, и главам 1–14 издания Лаппенберга в издании Шмейдлера соответствуют 96–110. Кроме того, имеются указатель имен и названий и словарь редко употребляемых терминов.

В 1852 г. появился перевод «Хроники» на немецкий язык, сделанный Лаурентом и Ваттенбахом по тексту, подготовленному И. Лаппенбергом для «*Monumenta Germaniae historica*» (см. выше)²². Второе издание этого перевода вышло в Лейпциге в 1894 г., а в 1910 г. – третье, в переработке Б. Шмейдлера²³ подготовленное по его изданию «Хроники» (см. выше). В 1880 и 1881 гг. были опубликованы в Копенгагене переводы на датский язык²⁴.

«Хроника» переведена также на польский язык. Перевод был сделан Я.Папоньским в 1862 г., очевидно, по тому же изданию Лаппенберга, которое легло в основу перевода на немецкий язык. Переводу предпослано обширное предисловие, первая часть которого представляет собой своего рода историческое введение к переводу, дальше излагаются сведения о Гельмольде, об источниках и языке «Хроники», об изданиях ее и переводе на немецкий язык. Сам перевод выполнен весьма добросовестно, хорошим языком, читается очень легко. В приложениях даются две большие статьи автора. Одна из них посвящена проблеме Винеты (Волина), вторая – названиям Святовит и Аркона²⁵.

На русский язык «Хроника» Гельмольда до сих пор не переводилась. Точнее, она была переведена накануне войны С.А.Аннинским, но со смертью его в 1942 г. рукопись перевода утеряна. Таким образом, предлагаемый перевод оказывается первым. Сделан он по изданию Лаппенберга²⁶ с учетом издания Шмейдлера.

«Хроника» Гельмольда давно привлекала внимание исследователей. Первоначально положительное отношение к ней как к историческому источнику вскоре сменилось резко критическим. Уже в работах О.Фелькеля и К.Гирзекорна²⁷ отмечалась некоторая тенденциозность «Хроники». К.Ширрен, как мы уже говорили выше, указал источник этой тенденциозности, выдвинув предположение, что «Хроника» написана со специальной целью укрепить пошатнувшееся положение Любекского (Ольденбургского) епископства. Он подверг анализу ряд разделов «Хроники» (история Вицелина, о первых ольденбургских епископах, об обращении славян, о Готшалке и др.) и показал приемы, к которым якобы прибегал Гельмольд при составлении «Хроники», чтобы только прославить свое епископство, доказать его заслуги и принизить его конкурентов²⁸. Таким образом, под пером Ширрена, по словам Шмейдлера, до тех пор с доверием читавшийся пастырь церкви в Босау превратился в хитрого плута²⁹. Книга Ширрена не встретила широкой поддержки.

Последователей его оказалось немного, зато появился ряд работ против Ширрена, в защиту достоверности «Хроники» Гельмольда³⁰.

В 1915 г. вышла в свет новая работа, стремящаяся снизить историческую ценность «Хроники». Мы имеем в виду исследование Д. Н. Егорова³¹. Автор его считает, что основным источником «Хроники» Гельмольда, повлиявшим на весь этот труд, была Библия. В этом убедила Егорова та текстуальная близость, которую путем сличения «Хроники» с Библией удалось ему установить. Оказалось, что при описании крупных и мелких событий (битвы, победы, встречи князей, смерти разных лиц и т. д.) Гельмольд очень часто принимал за образец Библию и излагал свои описания почти в тех же выражениях. А поэтому одинаковые, хотя и относящиеся к разным временам, события описываются у Гельмольда установленными штампами (например, битвы в I, 26, 85, II, 2, или пленение князя в I, 49, 93 и т. п.). И даже для своих излюбленных героев, Генриха Льва и графа Адольфа, Гельмольд не находит собственных слов и для характеристики их прибегает тоже к помощи Библии. В результате исследования текста «Хроники» Д. Н. Егоров пришел к выводу, что она не может рассматриваться как исторический источник.

Едва ли можно согласиться с таким выводом. Нам представляется, что как заимствования из Библии отдельных слов, оборотов и целых цитат, так и установленная Д. Н. Егоровым текстуальная близость (между прочим, не такая большая, как кажется Д. Н. Егорову) целых глав или отрывков являются следствием «недуга», который сам же он характеризует, как «отсутствие сдерживающего центра, препятствующего бесконечному напору словесных комплексов, сохраненных памятью»³². Сами по себе они еще не подрывают доверия к автору «Хроники», хотя и заставляют весьма осторожно относиться к его штампованным образам, внимательно следить за манерой его речи. К сожалению, следует отметить, что после работ К. Ширрена и Д. Н. Егорова, ставивших задачу развенчать «Хронику» как исторический источник, до сих пор не появилось ни одного исследования, которое подвергло бы достаточно полному пересмотру вопрос о характере труда Гельмольда. Эта задача стоит перед славистами-историками, и «Хроника» Гельмольда вполне этого заслуживает.

При всей своей тенденциозности и внутренних противоречиях «Хроника» Гельмольда является для славистов-историков важным и ценным источником, особенно в своей оригинальной части, освещающей период, по которому другие источники отсутствуют. Она сохранила для нас уникальные сведения не только по политической истории прибалтийских славян и истории их мужественной борьбы накануне потери ими независимости, но также важные сведения об устройстве их городов, жилищ, их военной организации, религии, нравах и быте.

Примечания:

¹ Далее всюду сокращенно: «Хроника».

² Далее при ссылках на хроники Гельмольда, Адама и др. подобные обозначения даются сокращенно, например, I, 14, где римская цифра обозначает книгу, араб-

ская – главу.

³ «Helmolda Kronika slawiańska z XII wieku» / Przełożył J. Papłoński. – Warszawa, 1862. S. XII; «Helmoldi Chronica Slavorum». – Hannoverae, 1868. P. I; «Helmoldi Cronika Sla-

- vorum». Hannowrae el Lipsiae, 1909. P. VI.
- ⁴ «Helmoldi Chronica». P. I; «Helmoldi Cronica». P. VIII.
 - ⁵ «Urkundensammlung d. Schleswig-Holstein Lauenburgischen Gesellschaft für vaterländische Geschichte», B. I. – 1839, № 89. Эта грамота, между прочим, дала Шмейдлеру основание отнести год рождения Гельмольда к 1125 г., так как, по каноническому праву, дьяконом можно было стать в возрасте 25 лет («Helmoldi Cronica». P. VI). Но нам ведь неизвестно, когда именно Гельмольд стал дьяконом.
 - ⁶ «Urkundensammlung...». B. I. 1839, № 136.
 - ⁷ Егоров Д.Н. Колонизация Мекленбурга в XIII веке. – М., 1915. Т. I. С. 8.
 - ⁸ «Helmolda Kronika slawiańska...». S. XII.
 - ⁹ При указании на труд Адама использовано последнее издание Б.Шмейдлера: «Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum». Ed. 3. – Hannoverae et Lipsiae, 1917 (далее: Адам).
 - ¹⁰ О способе использования Гельмольдом «Хроники» Адама см. Егоров Д.Н. Указ. соч. С. 21–22, 25–28.
 - ¹¹ «Helmoldi Chronica». P. 4; Егоров Д.Н. Указ. соч. С. 7.
 - ¹² Об использовании Гельмольдом грамот см. Егоров Д.Н. Указ. соч. С. 15–21.
 - ¹³ Schirren C. Beiträge zur Kritik älterer holsteinischer Geschichtsquellen. – Leipzig, 1876, S. 78–81. Другое объяснение появления епископа Марка см. в кн.: Егоров Д.Н. Указ. соч. С. 30–32. См. также наст. изд., кн. I, гл. 12, прим. 1.
 - ¹⁴ См. Егоров Д.Н. Указ. соч. С. 69–81.
 - ¹⁵ О несостоятельности версии в «Хронике» о так называемом искоренении славян см. Егоров Д.Н. Указ. соч. С. 75–78; Грацианский Н.П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. – М., 1943. С. 42.
 - ¹⁶ Егоров Д.Н. Указ. соч. С. 116.
 - ¹⁷ «Helmoldi presbyteri Chronica Slavorum». – Hannoverae, 1868.
 - ¹⁸ Аббат Любекской церкви Арнольд продолжил труд Гельмольда, доведя описание событий до 1209 г.
 - ¹⁹ Сведения о рукописях взяты из предисловий Лаппенберга и Шмейдлера к их изданиям.
 - ²⁰ «Helmoldi presbyteri Chronica Slavorum». – «Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum». – Hannoverae, 1868. См. также в MGH. T. 21. – Hannoverae, 1869.
 - ²¹ «Helmoldi presbyteri Bozoviensis Cronica Slavorum». Editio secunda. Post Y.M.Lap-penberg recognovit B.Schmeidler. – Hannoverae et Lipsiae, 1909. – «Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum», № 41.
 - ²² «Helmolds Chronik der Slaven». Übersetzt von Dr. J.C.M.Laurent. – Berlin, 1852. – «Die Geschichtschreiber d. deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung». XIII Jhrh. B. 7. Lief. 10.
 - ²³ «Helmolds Chronik der Slaven». Dritte neu-bearb. Aufl. von B.Schmeidler. Nach der Aus-gabe der MGH übersetzt von J.C.M.Laurent u. W.Wattenbach. – Leipzig, 1910.
 - ²⁴ Об этих переводах сообщает Шмейдлер («Helmoldi Cronica...». P. XXX).
 - ²⁵ «Helmolda Kronika slawiańska z XII wicku». Przełożył z języka łacińskiego na język polski J.Papłowski. – Warszawa, 1862.
 - ²⁶ Именно это издание положено в основу перевода потому, что сохраненная в нем нумерация глав «Хроники» более привычна для специалистов, чем нумерация, введенная Шмейдлером.
 - ²⁷ Voelkel O. Die Slavenchronik Helmoldi. – Göttingen, 1873; Hirsekorn C. Die Slaven-chronik des Presbyters Helmold. – Halle, 1874.
 - ²⁸ Schirren C. Op. cit.
 - ²⁹ «Helmolds Chronik der Slaven...». – Leipzig, 1910. S. VIII.
 - ³⁰ Breska H. Untersuchungen über die Nach-richten Helmolds vom Beginn seiner Wen-denchronik bis zum Aussterben des lübschen Fürstenhauses. – Lübeck, 1880, и др.
 - ³¹ Егоров Д.Н. Указ. соч. Т. I–II.
 - ³² Там же. Т. I. С. 199.

И. М. Лаппенберг

«Славянская хроника» аббата Арнольда Любекского

(перевод с немецкого и дополнения И.В. Дьяконова)

Из предпосланного хронике авторского послания к Филиппу, епископу Ратцебурга, мы знаем, что автором этой знаменитой хроники, продолжившей труд Гельмольда, «не завершённый должным образом»¹, и повествующей о событиях в Северной Германии и, особенно, в Германской империи периода правления Генриха VI, Филиппа и Оттона IV, а также о событиях в Дании, прочих землях и о походах крестоносцев в святую землю и в Ливонию в период с 1171 по 1209 гг., был некий Арнольд. О происхождении и детстве этого Арнольда нам не известно ничего определённого, кроме того, что он сам говорит в своей хронике, а именно, что «он был оставлен отцом и матерью, и никто ни из князей, ни из магнатов не оказывал ему покровительства, но только милосердный Господь проявил к нему милосердие и оказал помощь»². То, что он провёл свою жизнь или, по крайней мере, часть жизни в Любеке, опять-таки следует из его хроники, где он демонстрирует исключительное знание любекских событий³, а также из его слов, когда он называет жителей Любека своими согражданами⁴. Устав церковного ордена, к которому он принадлежал, Арнольд поначалу соблюдал не слишком строго, в чём признаётся с большим смущением⁵. Он, правда, так и не сказал чётко, что это был за орден, но есть основания полагать, что это был орден св. Бенедикта. Ибо из хроники видно, что автор отличался исключительной эрудицией, а потому не преминул упомянуть о том, что император Генрих VI, будучи в Апулии, посетил Монтекассино, где «покойлся блаженный Бенедикт»⁶.

Если просмотреть список любекских клириков конца XII в., то среди свидетелей, которые присутствовали при дарении, сделанном епископом Конрадом каноникам кафедральной церкви в Любеке 21 ноября 1170 г., встретится некий Арнольд, страж или дарохранитель Любекского капитула⁷. В самой хронике рассказывается, что в 1172 г., когда на место епископа Конрада, умершего в Тире во время похода в Святую землю, был избран Генрих, аббат монастыря св. Эгидия в Брауншвейге, некий Арнольд вместе с деканом Любекского капитула был отправлен в Люнебург к герцогу Генриху, а оттуда – в Брауншвейг, чтобы сообщить аббату Генриху о его избрании⁸. В 1177 г., когда епископ Генрих передал монастырю св. евангелиста Иоанна, – только что построенному и принадлежавшему ордену св. Бенедикта, – несколько мансов, расположенных в соседних селениях, и некоторые доходы⁹, он также присутствовал там вместе с другими клириками и мирянами. После 1177 г.

среди свидетелей грамот, относящихся к церковным делам Любекского диоцеза, страж Арнольд более не встречается, зато почти всегда встречается аббат Арнольд, настоятель этого монастыря. Это даёт нам основания полагать, что именно стражу Арнольду была пожалована должность «первого аббата монастыря св. Иоанна в Любеке». Нам могут возразить, что, мол, нигде не сказано, будто страж Арнольд соблюдал устав св. Бенедикта. Однако известно, что Любекский капитул был подчинён именно этому ордену. Некоторые также считают, что аббат Арнольд был монахом монастыря святых Эгидия и Ауктора в Брауншвейге и был призван оттуда Генрихом, епископом Любекским, в монастырь св. Иоанна в Любеке. К этому мнению, по-видимому, следует отнестись с большим вниманием на том основании, что Арнольд действительно довольно подробно описал события осады города Брауншвейга 1200 г.¹⁰ Однако он ни одним словом не намекает на то, что принадлежал к разрушенному монастырю св. Эгидия. Мнение это взято из не вызывающей особого доверия хроники о герцоге Генрихе в тех хрониках Гельмольда и Арнольда, которые она дополняет и из которых брали материал историки XIV века. Так или иначе, но известно, что некоторые монахи этого монастыря в Брауншвейге были призваны в Любек.

Из грамот конца XII – начала XIII вв., а также из самого текста хроники следует, что аббат Арнольд пользовался немалым влиянием среди любекских клириков. Так, он находился рядом с епископом Генрихом, когда тот заболел в монастыре св. Иоанна и умер там 29 ноября 1182 г.¹¹, а 18 июня 1195 г. был одним из посредников, призванных для улаживания спора при избрании епископа Шверинского¹². То, что он присутствовал в качестве свидетеля при дарениях и подтверждении дарений Любекскому капитулу и часовне св. Иоанна, преобразованной в каноникат, сделанных Адольфом III, графом Гольштейна (в 1197 г.)¹³, Дитрихом, епископом Любека (9 июня 1200 г.)¹⁴, вновь графом Адольфом (11 июля 1201 г.)¹⁵ и Альбертом, графом Ратцебурга (в 1211, 1212 или 1213 гг., – в грамоте отсутствует год)¹⁶, свидетельствуют соответствующие грамоты. Не забывал он и о вверенном его заботам монастыре. Так, когда в 1181 г. император Фридрих находился в Любеке, он получил из его рук дворы и поля, которыми в последующем владел монастырь в городе и городской округе¹⁷. Когда он спустя малое время продал некоторые из этих дворов, то согласно объявленным условиям сохранил за монастырём их доходы¹⁸. То, что эти владения монастыря были расширены аббатом Арнольдом, также известно из грамот. Так, 3 февраля 1197 г. он за 200 марок серебра купил у Адольфа III, графа Гольштейна, селение Люгендорф и лес Грунсведиге¹⁹, а затем приобрёл Папенхольт и, – в начале 1201 г. за 162 марки серебром, – селение Хузересдорф²⁰. Кроме того, 4 декабря 1210 г. граф пожаловал монастырю селение Кукулуне «со всеми правами и всем, что к нему принадлежит, кроме трёх мансов, выделенных Новой церкви, но с прибавлением 4-х фунтов пшеницы на верхней мельнице, одного ластва ухи и одного модия животного масла на своей мытнице в Любеке»²¹. То, что папы также покровительствовали аббату Арнольду, правившему «нежнейшим насаждением епископа Генриха», следует из их грамот. Так, папа Целестин III 23 мая 1191 г. принял по просьбе Арнольда этот монастырь «под покровительство своё и св. Петра»

и снабдил множеством привилегий²². Иннокентий III также взял монастырь под своё покровительство в 1207 г.²³ А в 1208 г., когда между монастырём и городом возникла тяжба из-за рыбного ставка, он назначил третейскими судьями епископов Шверина и Ратцебурга вместе с аббатом Люнебургским²⁴. В каком году аббат Арнольд ушёл из жизни, в точности неизвестно; однако, известно, что его имя в последний раз встречается среди свидетелей в грамоте Альберта, графа Ратцебурга, данной после 1211 г., но до 1213 г.²⁵, а имя Герхарда, второго аббата, впервые значится в грамоте, данной уже в 1214 г.²⁶ Отсюда следует, что он умер по всей видимости или в 1213 г., или в самом начале 1214 года.

Реальных свидетельств того, что автором хроники был именно тот Арнольд, который, как мы попытались доказать выше, из стража Любекского капитула стал аббатом монастыря св. евангелиста Иоанна, у нас нет, но то, что это так, ни у кого не вызывает сомнения, – то, что так считали переписчики XV в., доказывают их надписи в рукописных книгах, а ныне это вообще стало всеобщим мнением. Дело в том, что, во-первых, в хронике излагается история века, когда жил аббат Арнольд; во-вторых, в ней рассказывается о достойных упоминания событиях из жизни монастыря, во главе которого он стоял²⁷; и, в-третьих, тот факт, что автор почему-то умалчивает об имени аббата там, где о нём идёт речь²⁸, нельзя объяснить иначе, как тем, что он как раз и был этим аббатом. Никто не станет также отрицать, что рассказ о посольстве к аббату Генриху любекских каноников, среди которых был и страж Арнольд, не мог быть составлен никем иным, как только участником этого события.

То, что Арнольд был уже в преклонном возрасте, когда взялся за продолжение работы Гельмольда, свидетельствует его послание, обращённое к Филиппу, епископу Ратцебурга, который был избран в 1204 г. А тот факт, что ему была не известна булла папы Иннокентия III, улаживающая спор между епископом Ливонским и воинами Христовыми, говорит о том, что он завершил свою хронику до 1210 г.

В целом Арнольда можно признать одним из наиболее заслуживающих доверия историков его века: лишь некоторые из передаваемых им фактов явно недостоверны, как, например, поединок между Дрого и Ильёй, случившийся при осаде Анике²⁹, или перенесение известнейшего рассказа о короле Генрихе I Птицелове ко временам Генриха IV и отнесение его к какому-то сопернику этого императора³⁰. Сравним также то, что он говорит о Фоме, епископе Кентерберийском (I, 14), и прочие передаваемые им чудеса и сказки³¹. Не следует также слишком полагаться на то, что он рассказывает об отдалённых странах и о деяниях императоров. Говоря об этом, он совершает немалые, а порой и очень грубые ошибки, как, например, сообщая о деяниях императора Фридриха в 1176 г., о Майнцском хофтаге 1184 г.³² и о других событиях, которые он изложил кратко и небрежно³³. Зато в других местах его сведения следует предпочесть всем остальным. При этом наибольшее значение имеют те факты, которые он узнал от своих друзей и близких лиц о событиях, непосредственными участниками которых они были, и включил в свою хронику. Так, очевидно, что очень многое из того, что он сообщил о Генрихе Льве, он узнал от Генриха, епископа Любекского, который одно время возглавлял монастырь св. Эгидия в Брауншвейге и сопровождал герцога в походах³⁴, а многое – от Конра-

да, следующего епископа Любека, а впоследствии канцлера императора Фридриха и епископа Хильдесхайма³⁵. Однако другие сведения о Генрихе Льве и его людях, а также о событиях в северных странах, приведённые им с явными ошибками, явно взяты им из других источников. Так, сравни сообщения об осаде Хальденслебена (II, 11) и о войне между датчанами и славянами (III, 7). Что же касается походов в Святую землю, предпринятых Фридрихом I и Генрихом VI, в которых принял участие Адольф, граф Гольштейна³⁶, и того похода Генриха VI, в котором участвовали 400 любекских мужей³⁷, то у аббата, конечно, не было недостатка в тех, кто сообщил ему о совершённых там подвигах или дал возможность ознакомиться со своими дневниками и заметками. Особенно в том, что он аккуратнейшим образом записал о деяниях графа Адольфа в 1196 г., он явно пользовался свидетельствами очевидцев³⁸. Тем не менее в отдельных случаях, которые слишком долго перечислять, он из-за незнания и невнятности изложения совершил ряд ошибок, из которых нас в особенности удивляет то, что он рассказал о коронации Саладина³⁹.

Кроме того, он вставил в хронику некоторые письма, бросающие свет на историю его века и совершённые тогда деяния. Так, в кн. I он вставил письмо любекского капитула к Генриху, избранному епископу Любека⁴⁰; в кн. IV – письмо папы Климента III с призывом к походу в Святую землю⁴¹; в кн. VI – два письма Балдуина о подвигах, совершённых крестоносцами в Константинополе в 1203 и 1204 гг.⁴², а в кн. VII – два письма папы Иннокентия III к королю Оттону IV⁴³. С грамотами, – кроме грамоты об основании его монастыря, слова которой он включил в свою хронику⁴⁴, – Арнольд, по-видимому, был незнаком. Зато были включены два отчёта: первый – канцлера Конрада, избранного епископа Хильдесхайма, «О положении Апулии и о трудах или искусствах Вергилия», адресованный Херборду, приора Хильдесхайма, полный сказок и ошибок⁴⁵; а второй – «О положении Египта или Вавилонии, а также о положении Святой земли», написанный Бурхардом, – а не Герхардом, как неверно указано в книгах Арнольда, – викарием Страсбурга, отправленным в 1175 г. к султану Саладину⁴⁶. Черпал ли Арнольд также и из письменных источников – не ясно; во всяком случае он не ссылается на авторитет того или иного автора. Однако в некоторых местах заметно его сходство с современными ему авторами, прежде всего с «Большими Кёльнскими анналами», которые с 1176 по 1218 гг. были написаны рукой его современника (т. XVII, стр. 726)⁴⁷. В ряде мест он, очевидно, пользовался также «Саксонской хроникой», а кое-где весьма близок к «Брауншвейгской рифмованной хронике» и так называемой «Хронике из Репгау». Что касается общей композиции всего труда, то он, как правило, довольно последовательно излагал материал и делал отступления только для лучшего понимания того или иного события. Тем более удивительно, что последовательность в некоторых местах явно нарушена, как, например, в V, 18 и VI, 4, где он рассказывает о смерти Абсалона, архиепископа Лунда, и Лиудольфа, архиепископа Магдебурга, нарушая тем самым хронологическую последовательность.

Никого не удивит то, что автор, ближайший друг Генриха, епископа Любекского, который, по-видимому, воспитал его в руководимой им школе Хильдесхайма или Брауншвейга⁴⁸, был привержен скорее партии Гвельфов, нежели Гибеллинов.

Если всмотреться в его историю, то в глаза явно бросается тот факт, что он, движимый партийными интересами, не писал историю королей Генриха VI и Филиппа. Так, он резко отзывался о молодом короле, безрассудно, как кажется, передавшему для наказания своим слугам некоего клирика, говоря, что «после Деция ничего подобного никогда не слышали о королях»⁴⁹. Это могло быть сказано только клириком, стоявшим на стороне Гвельфов. Однако Арнольд желал скорее примирения между князьями, нежели усиления противостояния, о чём свидетельствует его великая радость по поводу заключения брака между пфальцграфом Генрихом и Агнесой, дочерью Конрада, пфальцграфа Рейнского, благодаря которому в Саксонии наконец установился мир⁵⁰.

Стиль речи Арнольда в нашем издании может показаться читателю не столь безукоризненным, как то казалось ему до сих пор. Ведь в предыдущих изданиях многое было изменено ради улучшения текста и по своему обыкновению исправлено издателями. Уже нельзя отрицать, что в последовательности времён, в речевых оборотах и роде слов он очень часто ошибался, вводимый в заблуждение правилами родной речи. Перечислять здесь все его ошибки было бы слишком долго. Никого не удивит тот факт, что очень многие места были вставлены им из повседневной монашеской речи, какова была присуща Арнольду, но, возможно, удивит исключительное знание этим клириком римских поэтов. Вот те из них, кого нам удалось отыскать в настоящем труде:

Пять цитат из Вергилия:

V, 28: «им в кратких словах герой отвечал так» из Энеиды, VI, 672;

V, 29 и VI, 6: «вот до чего сограждан распри их довели» из Буколик, I, 71–72;

III, 19: «не нам меж вас решать состязанье» из Буколик, III, 108;

VII, 18: «Мантуя, слишком, увы, к Кремоне близкая бедной» из Буколик, IX, 28;

Пролог: «ни словом, ни пером не можем сравниться с учителем». Слова явно взяты из Буколик, V, 48: «Ты не свирелью одной, но и пеньем наставнику равен», но с изменением смысла.

Пять цитат из «Науки поэзии» Горация:

III, 6: «долго думал, поднимут ли плечи эту ношу или нет»;

ср.: «долго рассматривай, пробуй, как ношу, поднимут ли плечи» (39);

V, 7: «чтобы он знал, что где именно должно сказать, а всё прочее после, Где что идёт; чтобы он знал, что взять, что откинуть» (43–44);

VII, 16: «не довольно стихам красоты, но чтоб дух улаждали» (99);

V, 13: «потому что свобода перешла в своеволие, и хор постыдно умолк, И она по закону вредить перестала» (282–284).

VII, 8: «или полезными быть, иль пленять желают поэты» (333).

Пять цитат из Овидия:

II, 14: «всегда находят оправдание для своей ошибки» (Фасты, I, 32);

III, 13: «толпа дружбу ценит по пользе» (Письма с Понта, II, 3, 8);

VII, 12: «всё, что людям дано, как на тонкой подвешено нити, Случай неожиданный, глядишь, мощную силу сломил»

(Письма с Понта, IV, 3, 35).

IV, 2: «не пристало царю носить женское имя» (Героиды, II, 112).

II, 4: «вижу, что грозят мне войною» (Лекарство от любви, 2).

Одна цитата из Стация:

V, 10: «поднялся в высоком дворце ропот» (Ахилл., II, 76).

Одна цитата из Фортуната:

I, 10: «остался памятен в веках» (Песни, IV, 20).

К ним следует добавить семь стихотворных отрывков из Вергилия, Овидия, Лукана, которые встречаются в письме канцлера Конрада (V, 19):

1. «Нагой на чужом песке лежал Палинур» (Вергилий, Энеида, V, 871).

2. «Первой соизволила петь стихом сиракузским эта муза»
(Вергилий, Эклоги, VI, 1; 2).

3. «Мантуя, слишком, увы, к Кремоне близкая бедной»
(Буколики, IX, 28).

4. «Город родной мой Сульмон, водой студёной обильный»
(Овидий, Скорбные элегии, IV, 10, 3).

5. «Море зовётся Икарийским, потому что Икар,
сделав крылья, вопреки человеческой природе
шагнул ввысь по воздушной тропе, но...
окончил там свои дни» (Овидий, Искусство любви, II, 44–45).

6. «Ускоренным маршем пройдя через эти города,
а также через несчастья Модены» (Лукан, Фарсалия, I, 41).

7. «Очутились у волн мелководного Рубикона» (Лукан, Фарсалия, I, 213).

Сюда же мы относим довольно большое количество стихов и отрывков, которые мы не смогли отнести к тому или иному поэту:

I, 11: «они долго сражались врукопашную, нанося и отражая удары друг друга» (эти слова, по-видимому, взяты из какой-то песни);

II, 2: «он с невероятной хитростью использовал для этого всякое средство»;

II, 18: «подняв оружие против отца, изгнал его»;

II, 22: «надеясь спастись оттуда по воде»;

III, 2: «когда она достигнет брачного возраста»;

III, 3: «ибо он с самого детства следовал за Христом», и пр.;

III, 3: «стал монахом и занялся монашескими обязанностями»;

III, 5: «жил с целомудренной женой в целомудренном браке»;

III, 7: «но так ничего и не добились»;

IV, 1: «он всё ещё карает шадящей рукой»;

IV, 1: «служат Богу»;

IV, 1: «нынче настал конец света, ибо нет более уважения к духовенству»;

IV, 7: «да не украшается любящий хороводы народ, как обычно!»;

IV, 13: «был подхвачен течением реки и унесён туда, куда не хотел»;

V, 15: «так прошёл целый год»;

V, 16: «тем не менее, упорно действуя оружием».

V, 23: «когда об этом стало известно очень многим,
это вызвало сильное недовольство»;

- V, 26: «но хитрость искусителя не смогла помешать им»;
V, 28: «тяжело вспоминать об этом»;
VI, 13: «Увы! Увы! Сколько вдов рыдало после этого и проливало слёзы!»;
VI, 19: «на год взял на себя содержание нашего флота»;
VII, 3: «если такое преступление останется безнаказанным»;
VII, 12: «Поражённая смертью мужа и жестоко страдая от бремени,
Она умерла; так двое лишились жизни в одной».

Если ко всему этому добавить строчку из Сафо (V, 11) и стихотворения, сочинённые самим Арнольдом, то окажется, что среди людей XII и XIII веков Арнольд был одним из самых образованных. – Он воспользовался манерой древних писателей также в том, что часто приводил довольно длинные речи, как и Гельмольд: ср. V, 28; VII, 17.

Хроника Арнольда в первые века после его смерти была по всей видимости мало известна. Удивительно, что Альберт Штаденский, живший по соседству и писавший свои анналы в том же веке, явно не пользовался ею. Её не знали ни Пресвитер Бременский, ни автор «Хроники северозельбских саксов», ни авторы написанных отечественным языком Любекских хроник. Из этого, очевидно, следует, что рукописный оригинал хроники долгое время хранился в монастыре св. Иоанна, и это наше мнение подтверждается исключительной редкостью древних пергаментных списков.

Первым, кто, как кажется, расширил свой труд рассказами из Арнольда, был автор латинской версии хроники Репкова, который отчасти дословно выписал некоторые места из гл. 1, 2, 8 кн. I; см. у Массмана, стр. 423.

Далее, фрагменты некоей хроники из епископства Бранденбург, которые упоминают о странствии Генриха Льва, также, очевидно, черпали материал из Арнольда (I, 1); см. у Риделя, *nov. cod. dipl. Brandenburg*, IV, 1, p. 273.

Затем автор XIV в., написавший историю о герцоге Генрихе, дословно выписал некоторые данные из Арнольда. Его текст, там, где он явно пользовался отличным списком, мы сочли необходимым снабдить в некоторых местах критическими замечаниями.

Очень многое из неё, лишь слегка изменив некоторые слова, заимствовал Герман Корнер, чья хроника была написана около 1435 г. Однако он, по-видимому, не знал самого имени Арнольда. Но не следует считать, будто он пользовался книгой Арнольда хорошего качества и более содержательной, чем наш экземпляр.

Альберт фон Круммендик, который рассказывает о епископах Генрихе, Конраде II, Дитрихе в «Хронике епископов Любекских», также многим обязан Арнольду, но не упоминает его имени.

Очень многое из Хроники Арнольда почерпнул Альберт Кранций в книге «Метрополь. Вандалия. Саксония».

Павел Лангий очень хвалил эту Хронику в «Хронике Цейца» под 1189 и 1198 гг.

Существуют следующие рукописные книги Хроники Арнольда:

1.1*. Среди рукописей старинной королевской коллекции в Копенгагене хранится бумажный список под № 2288. Он озаглавлен следующим образом:

«Хроника аббата Арнольда, к которой примыкает хроника Гельмольда, пастыря в Бузо Любекского диоцеза.

Хранится в замке Шауэнбург.

Эту хронику выписали из старинной рукописи по поручению благороднейшего и сиятельнейшего мужа Арнольда Хвитфельда схоластики из Риббе, умоляя его извинить их, если они где-нибудь сохранили обычную для монахов древнюю орфографию или не в полной мере разобрались в сплетении слов и сокращениях текста. 1579 г.»

Этот квадратной формы апограф был написан на 18 состоящих из 12, а некоторые – из 10 или 14 листов тетрадах, отмеченных на первой странице 18 первыми буквами алфавита, которые выполнены красной краской. Выяснено, – и это доказано самим заглавием рукописи, – что почерки разных людей, следуя друг за другом, настолько расходятся между собой, что мнение, будто большинство тетрадей были написаны одним схоластиком, следует отвергнуть. При написании названий глав использовалась главным образом киноварь, а кое-где и зелёная краска; на последней странице переписчик добавил киноварью слово «Конец» вместе с фигурой, которая очень часто встречается в конце печатных книг XVI в., и надписал: P.G. mp. Этот апограф уже много лет назад был передан фон Вайтцем из Копенгагена в наше пользование, а недавно вместе с прочими сокровищами Копенгагенской библиотеки весьма любезно отправлен к нам в Гамбург. Он, судя по всему, восходит к списку, имеющему огромное значение в выстраивании слов Арнольда. Однако по поводу этой книги до сих пор идут споры. Так, полагают, что это не утерянный ранее список Ранцау, а другая, также по большей части утерянная старинная книга, два фрагменты которой хранятся в Праге и Брюнне и которая является его архетипом.

Фрагмент рукописного Пражского списка, ныне хранящийся в Национальном музее, содержит всего 8 листов. Несколько лет назад он был отправлен к нам в Гамбург. Он начинается с главы 5-й кн. III словами: «умножаясь, словно ливанские кедры», и заканчивается главой 10-й той же книги словами: «ты слышатель слова». Текст записан по 31 строке на страницу; названия глав, также как и их начальные буквы, выполнены киноварью и не имеют нумерации. Переписчик не избежал ошибок, некоторые из которых были исправлены ещё в древности.

Брюннский фрагмент, отмеченный Керронием, чьи рукописные книги приобрела коллекция провинциальных чинов, под № 27, Ваттенбах предоставил в наше пользование в 1848 г., когда мы ездили в Австрию, а в 1859 г. попечители этой коллекции весьма любезно переслали его к нам в Гамбург. Фрагмент, к которому ныне примыкает список посланий Горация, написан в XIII в. и состоит в настоящее время из шести тетрадей по восемь листов в каждой, кроме первой и третьей, которые состоят из шести листов; причём легко установить, что первая тетрадь, в которой ныне отсутствует в конце целый лист, раньше также состояла из восьми листов. Внизу на первой странице каждая тетрадь отмечена более поздней рукой той или иной буквой: вторая отмечена буквой Н, третья – I, четвёртая – К, пятая – L, а шестая – М; отсюда следует, что первая тетрадь Брюннского фрагмента была седьмой тетрадью всего списка; той же рукой на последних страницах тетрадей записаны стражи, которых называют типографами. Этот фрагмент, который содержит почти

третью часть Арнольда, – от слов: *«мужа, брата маркграфа Конрада»* (IV, 2) до слов: *«оглушённый внезапным падением, озирался в поисках помощи»* (V, 27), – не пощадило жестокое время. Так, из первой тетради уцелело всего четыре листа, во второй внизу с внутренней стороны обгорели первый и второй листы, а в шестой – восьмой лист. Тем не менее исключительно толстый пергамент списка оказал огню яростное сопротивление, так что в этих местах утеряны лишь немногие буквы. Но поскольку жир пергамента от высокой температуры расплавился и окрасился в тёмный цвет, а сам пергамент сильно обгорел в разных местах, то, несмотря на все усилия, разобрать там что-либо невозможно.

Текст записан по 31 строке на страницу; строки проведены чёрной краской, причём первая и третья из них, а также последняя и третья с конца проведены через весь пергамент; текст с левого и правого края ограничен двумя линиями, также проведёнными через всю страницу. Сам текст выполнен красиво и аккуратно, замечателен краткостью и изяществом отделки; эта тщательность заметна также в цифрах, добавленных ради нумерации, в почти всегда чётко прописанных буквах, а также в некоторых вписанных между строк и полезных для читателя заметках. При написании названий глав, которые не имеют нумерации, и их начальных букв, украшенных сверх того синими линиями, проведёнными кистью и не выходявшими за пределы букв, использовалась киноварь. Их более древняя форма резко отличается от той, которую использовали в более позднюю эпоху. Буквы, как то видно по приведённому нами в качестве образца тексту, имеют округлую, не заострённую и не изломанную форму; в нескольких первых строках страниц встречается также продолговатая форма букв, как в грамотах XIII в. Заглавные буквы, особенно E, M, R, V, можно найти как в первых словах предложений и в именах собственных, так и в обычных словах; и тут, и там все слова записаны заглавными буквами, как AMEN, MARIA, SURS. Кроме того, следует обратить внимание на то, что сложно различать «d» и «cl», несколько раз вместо дифтонгов «ae» и «oe» используется вокальное «e» с прибавленным снизу крючком (e); в середине слов буква «d» редко когда соединена с другими буквами (d); текст почти всегда записан кратко; буква «i» тут и там обозначается с точкой и, чтобы уберечь читателя от ошибки, в конце слов часто удлинена (l); буквы «v» и «u» встречаются попеременно в начале и в середине слов. Некоторые особенности этого списка, по-видимому, не были характерны для того века, когда он был написан. Так, писец почти всегда писал «ti» вместо «ci», «ci» вместо «ti» (amiticias, faties и пр.) и очень часто «np» вместо «mp». Здесь следует также упомянуть, что список писался неравномерно, что часто встречается в старинных книгах. Численность строк всегда одинакова, но, хотя в целом буквы записаны разреженно и форма их более толстая, ты найдёшь места, где буквы уже и мельче. Это произошло потому, что писец пользовался разными перьями и пергамент не всегда был одинаково выбелен. Несколько раз он, по-видимому, списывал текст не подряд, слово за словом, а оставлял пропуски, чтобы сделать потом вставки. Поэтому, если места не хватало, он писал буквы более узко или вставлял их между строк. Порядок слов в последующем часто менялся, и к тем словам, которые нужно было поменять местами, сверху добавлялись две чёрточки. На полях от того

места, где был написан текст, то тут, то там добавлялось впоследствии пропущенное по порядку слово. Хотя это и вызывает немалое удивление, но ввиду согласия фрагмента с прочими списками, приходится отказаться от мнения, будто эти поправки были сделаны в списке, в целом написанном столь тщательно и аккуратно, корректором, по своему усмотрению изменившим слова Арнольда.

То, что эти два фрагмента относятся к той древней рукописной книге, которая был выписана схоластиками из Риббе, доказываем аргументом, следуемым из самого их внешнего вида и весьма очевидным: все пять тетрадей Брюннского и одна тетрадь Пражского фрагментов начинаются и заканчиваются теми же словами, что и тетради Копенгагенского апографа, отмеченные буквами Н, I, К, L, М и Е. Совпадение могло иметь место только в том случае, если предположить, что тетради Шаумбургского списка ради быстрейшего завершения апографа были разрезаны и переданы для переписки отдельным схоластикам. Сила этого единственного в своём роде аргумента отнюдь не умалается для обоих фрагментов сравнением их с Копенгагенским апографом; ибо все несовпадения почти целиком сводятся к легко изменяемой тут и там орфографии и к некоторым ошибкам, совершённым при расшифровке сокращений древнего текста, в которых схоластики из Риббе, по их собственному признанию, не слишком хорошо разобрались. Если сравнить между собой Брюннский и Пражский фрагменты, то сразу же бросаются в глаза явные признаки их связи – то же количество строк и тот же способ написания (напр. Sclaiam, Sclaiu, Sclauorum, uelud, illut, set, eciam, Frithericus, Wldensis и т. д.). Возраст списка, разрозненные листы которого хранятся в Праге и Брюнне, по-видимому, довольно верно определил Добровский, когда позаботился добавить к прикреплённому спереди Брюннского фрагмента бумажному листу фразу: *«Итак, эта едва третья часть всей хроники Арнольда, этот фрагмент XIII в. имеет величайшую ценность благодаря своему возрасту»*. И приписал внизу своё имя. Весь список некогда хранился в библиотеке замка Шаумбург, как это следует из заглавия Копенгагенского апографа. Поэтому мы считаем, что автор посвятил его одному из графов Шаумбургских, который позаботился сделать множество копий этого произведения и, очевидно, один экземпляр отправил Филиппу, епископу Ратцебурга, чьё имя вписано в начале книги, как то доказывает обращённое к нему послание.

Если дело обстоит именно так, то никто не станет отрицать, что Копенгагенский апограф, как копия Шаумбургского списка, там, где позволяет вернуться к этому исходному тексту, просто не имеет цены, особенно там, где заканчивается. Впрочем, он не может считаться апографом, выполненным тщательно и по правилам. Ибо схоластики из Риббе, хоть и понимали в целом текст старинной книги, но не избежали по их собственному признанию ошибок в расшифровке текстовых сокращений, часто путали формы относительных местоимений *per, pro, prae*, а также слов *Dei* и *Domini*, *ergo* и *igitur*, *nec* и *vero*, *nec* и *nunc*, *nisi* и *non*, *noster* и *vester*, *omnino* и *communio*, *quare* и *quia*, *quasi* и *quia*, *quoque* и *que*, *tamen* и *tantum*. Некоторые места, из-за небрежности и невежества этих схоластиков выписанные с наибольшими ошибками, мы упомянули в критических замечаниях. Впрочем, не все они грешили столь часто, и следует отдельно различать того или иного схоластика.

Поэтому мы отмечали в критических замечаниях начало и конец каждой тетради. Наибольшее доверие они вызывают в отдельных словах и в порядке слов, но в орфографии слов, по-видимому, по приказу Хвитфельда, несколько отступают от оригинала. Следует также добавить, что Пражский и Брюннский фрагменты отмечены в критических замечаниях № 1, а Копенгагенский апограф – № 1*.

2. Список Арнольда отличного качества хранился некогда по свидетельству Бангерта в библиотеке Ранцау. То, что помимо Арнольда он содержал также всего Гельмольда или какую-то его часть, маловероятно; ибо разночтения этого списка, относящиеся к одному месту Гельмольда, по-видимому, возникли из-за ошибки перепутанных между собой типографом списков Бекелия (В) и Ранцау (R). В этой книге слова Арнольда почти не были искажены из-за ошибок писцов, а оставшиеся огрехи полностью устранены, что Бангерт отметил при исправлении огрехов прочих книг и изданий. Поэтому очень жаль, что этот список пропал; ибо теперь уже нельзя проверить, был ли он архетипом Копенгагенской рукописи. Кроме Бангерта этим утерянным списком пользовался также Мейбомий.

3. В 1837 г. Риделий обнаружил в кафедральном архиве Гавельберга рукописную книгу Арнольда, позже перенесённую в Берлинскую королевскую библиотеку. Сравнив её с изданием Бангерта и тщательно переписав, Зигфрид Хиршио тут же передал её в наше пользование; позднее, когда она по распоряжению Пертца, занятого завершением её издания, была отправлена в Гамбург, мы вторично и не без пользы просмотрели её.

Небольшой по размеру список из 126 пергаментных листов квадратной формы состоял, по-видимому, из 18 тетрадей; внизу последней страницы каждой из них стоял их порядковый номер, – кроме 16-й тетради, которую писец по ошибке обозначил номером 6. Однако первая тетрадь; первый и второй листы второй тетради; второй и третий листы шестой тетради; второй, третий, четвёртый и восьмой листы семнадцатой и первый и последний листы восемнадцатой тетради, – ибо в этих двух тетрадях количество утраченных листов считается по объёму лакун, – ныне отсутствуют. Кроме того, поскольку некоторые сохранившиеся в начале и конце списка листы подпорчены грязью и водой, возникло очень много лакун меньшего объёма, которые также, как и большие, возникшие из-за потери листов, мы аккуратно выписали в критических замечаниях; здесь же мы упомянем лишь то, что первые слова Берлинского списка: «обратившись к герцогу» (I, 11), а последние, – в гл. 30 книги V, которая разделена в этом списке на две главы и помещена после VII, 19, – «держаться догматов принятой им веры». Листы списка пронумерованы рукой XV в.; до сих пор заметны цифры 39, 40, 41, 42 (в списке, сохранившемся ныне, это листы 30, 31, 32, 33); когда лист списка, который ныне считается 30-м и является последним листом пятой тетради, был помечен этой рукой как 39-й, первый лист всего списка, очевидно, или уже был утерян, или ещё пустовал.

Примечательно, что в способе написания список весьма близок к Гамбургскому списку Рийенских анналов (1); в целом он был сделан тщательно и по правилам (это доказывают также музыкальные ноты, добавленные в VI, 20 к названиям воскресных дней), хотя в ошибках, огрехах и пропусках и тут нет недостатка. Стра-

ницы содержат по 26 или 29 строк, проведённых чёрной краской; начальные буквы глав аккуратно выведены красной или синей краской и украшены синими или красными линиями, резко выходящими за пределы букв. При написании киноварью названий глав писец, мало заботясь о ценности сочинения, не считал нужным писать их полное содержание, но очень часто в качестве обозначения новой главы писал лишь: *item de eodem* или *de eodem* («о том же самом»). Названия глав не имеют нумерации, а в книгах VI и VII обозначены только их начала. Судя по всему, список был создан в конце XIII в.

4. 5. О списке Бекелия, ныне хранящемся среди рукописных книг библиотеки Копенгагенского университета, мы довольно подробно рассказали выше, во вступлении к Гельмольду. Писец первого списка, который, как мы решили выше, написал эту книгу в конце XIII в., к последним словам Гельмольда на том же листе приписал первые слова Арнольда, однако не так, как это делали писцы более позднего века, сводившие воедино труды различных авторов, но тщательно их различавшие. Надписав над историей Арнольда: *«Пролог следующего труда»*, писец, о котором мы сказали, приписал к этому: *«Здесь же конец Славянской хроники»*. Нумерацию глав, проведённую через обе книги Гельмольда, он продолжал также и здесь, обозначив послание аббата Арнольда к Филиппу, епископу Ратцебурга, как главу 111 и т. д. Весьма прискорбно, что писец первого тома списка Бекелия так и не завершил намерения записать истории Гельмольда и Арнольда в одном томе. Но и то, что он успел, дошло до нас не в полной мере, ибо первый, второй, третий, восьмой, девятый и десятый листы той тетради, на оборотной странице шестого листа которой начинается история Арнольда, ныне отсутствуют. Так получилось, что первый том списка Бекелия, некогда доведённый до конца гл. 9 кн. I Арнольда, теперь заканчивается гл. 3-й этой книги словами: «пройдя значительное расстояние, бурля пенными волнами». Этот фрагмент отмечен в критических заметках номером 4.

Второй том списка Бекелия, который содержит всю историю Арнольда, начиная с гл. 10 кн. I, состоит из семи тетрадей по 10 листов в каждой, кроме шестой, которая состоит из 12 листов. Четвёртый лист последней тетради ныне обрезан, что случилось ещё до того, как его потребовал Бангерт; перед этим его требовал Харенбергий. Так в гл. 10 книги VII возникла лакуна, начиная со слов: «протянулся в ширину». В нижнем углу последней страницы тетради записаны стражи, которых называют типографами. Кроме того, в верхнем правом углу первой страницы писец обозначил семь тетрадей списка выведенными киноварью буквами, из которых до сих пор сохранились «а» и «g». Отсюда понятно, что за незавершённый первым писцом труд в последующем взялся другой писец (с гл. 10 кн. I). Его почерк нельзя назвать ни округлым, ни изломанным, но скорее угловатым. Число строк на каждой странице не постоянно; неровные линии букв небрежно выведены на пергаменте. В текстовых сокращениях отсутствуют чёткие правила, так что о смысле часто легче догадаться по сокращениям, нежели понять написанное.

Эти сокращения часто используются в различных текстах (как, например, знак 3, который обозначает буквы m, n, z в конце слов и союз et); очень трудно различать буквы e и o, c и t, u и n, хотя буква «i», чтобы не сбить с толку читателя, обозначена

одной точкой сверху, а буква «и» двумя точками (ü). При разделении почти всегда используется точка, а в начале предложений ставятся заглавные буквы. В начальных буквах глав, выполненных не слишком тщательно, при написании названий глав и украшении отдельных заглавных букв в обычном порядке слов писец, как и в первом томе свитка Бекелия, использовал киноварь. Однако номера глав представлены не были; вместо нумерации было сделано лишь разделение книг. Многочисленные ошибки, отдельные неправильно вписанные слова, а кое-где даже целые предложения показывают, что писец действовал крайне небрежно; более поздняя рука, как кажется, XV в., исправила очень многие из ошибок. Очевидно, что писец этого списка по возрасту несколько моложе писца предыдущей рукописи и должен быть отнесён к тем, чей способ письма ещё более небрежен, хотя позже, с конца XIV в., появляются тексты, выполненные старательно и по правилам. Пользовался ли писец той же книгой, что и писец предыдущего списка, нам неизвестно; ясно лишь, что мастерством он явно уступал ему.

6. Второй Копенгагенский список Арны Магнуса под № 30 помимо всего Гельмольда содержит также девять глав I книги Арнольда до слова: «шесть верблюдов, которые должны были их везти». О нём было сказано выше (Гельмольд, 1*).

7. 7*. Пергаментный список Арнольда Любекского, написанный в конце XIV или в начале XV вв., а ныне значащийся в королевской библиотеке Копенгагена под № 646. Он написан красивым почерком; листы разделены на две колонки по 39 строк в каждой. Названия глав в этом порядке слов, пронумерованные с правого и левого края, номера книг, записанные на верхнем поле, выполнены киноварью, также как и начальные буквы глав и некоторые линии прочих книг. Список состоит из восьми тетрадей по 10 листов в каждой. Второй лист девятой тетради, состоящей всего из шести листов, на котором были записан текст от слов: «Кроме того, этот пфальцграф с невероятной жестокостью» (VII, 12) до слов: «о благородном короле Франции» (VII, 15), ныне отсутствует, «отрезанный преступной рукой», как значится на третьем листе этой же тетради. Спереди к списку приложены четыре листа, из которых первый был оставлен переписчиком чистым. Однако более поздней рукой на нём было записано: *«Вторая часть, или продолжение Славянской хроники, составленная Арнольдом, тогдашним аббатом монастыря св. евангелиста Иоанна в Любеке ордена св. Бенедикта, позднее перенесённого в Цисмер Любекского диоцеза, в коем месте города Любека ныне пребывают монахи цистерцианского ордена».*

Затем следует тщательно выписанный на трёх листах и украшенный киноварью перечень глав, к которому более поздней рукой добавлено: *«Если хочешь знать, откуда саксы получили своё имя и каким образом пришли в Саксонию, то взгляни в конец 23-й главы VII книги. Оригинал хроники находится в Борнхольме, некогда Новом монастыре».*

Эти слова следует отнести к рассказу о приходе саксов в Саксонию, изложенному на листах 84 и 85 кодекса и взятому из Штаденских анналов (под 917 г.), список которых находился некогда в библиотеке Борнхольма, как нам известно из каталога последней. Список Арнольда, о котором идёт речь, был впоследствии доставлен в Готторпскую библиотеку, как то доказывает собрание новой королевской коллек-

ции в Копенгагене (№ 523), куда он был передан; соответствующий рассказ был добавлен в его конце: *«Эта глава, добавленная в конце списка Арнольда Любекского, который хранится в Готторпской библиотеке, аккуратно выписана. Она была приписана к списку Арнольда Любекского, из которого взяты различные варианты этого текста, более поздней рукой».*

Когда мы сравнили апограф из этого собрания (7*), а также Копенгагенский апограф Шаумбургского списка Арнольда (1*), к которому тот примыкает, с тем списком, о котором идёт речь, то от нас не укрылось, что, несмотря на некоторые расхождения, различия не столь велики, чтобы можно было отрицать тот факт, что список был тщательно и поспешно создан разными людьми. Не вызывает сомнения, что это тот список, который Моллер видел некогда в Готторпской библиотеке. О ценности этого списка, известного своими разночтениями, отмеченного в 1740 г. Олафом Генрихом Моллером и хранившемся вместе с бумагами Колера Готтинга, было вынесено решение, подтверждённое и одобренное в 1858 г., когда список был отправлен в Гамбург. Мы не сочли необходимым отмечать все его разночтения, как книги низкого качества, ибо орфография его очень часто нарушена и он прямо-таки изобилует многочисленными ошибками и пропусками. Его, по-видимому, следует признать близким к списку Бекелия, хотя есть места, в которых их тексты не совпадают. То, что архетип этой книги содержал Гельмольда и Арнольда, ясно следует из первых слов вышеупомянутой надписи: *«Вторая часть, или продолжение Славянской хроники»*, и из тех слов, что предпосланы в этом списке посланию автора: *«Начинается история аббата Любекского о герцоге Генрихе, книга вторая».*

8. О Любекском списке, написанном в XV в. и содержавшем Гельмольда и Арнольда, уже было подробно и обстоятельно сказано в предпосланном Гельмольду введении, а потому добавим здесь лишь очень немного. Автор списка вставил перед первыми словами Арнольда, записанными на листе 93, фразу: *«Начинается история аббата Любекского о герцоге Генрихе»*; более поздняя рука, которая, как мы полагаем, часто восполняла пропущенное автором этого списка, приписала к последним словам Гельмольда: *«заканчивается история»*, и прибавила в верхнем углу этой страницы: *«Закончил говорить священник Гельмольд»*, а на полях следующей страницы: *«Начал говорить Арнольд, аббат Любекский»*. Список, 18-я тетрадь которого, судя по первому листу, обрезана, заканчивается на гл. 16 книги VII словами: *«Туда прибыли епископы Мейсена и Цейца, а также поляки и чехи»*. Названия глав, которых не было в Гельмольде, здесь выделены переписчиком киноварью; нумерация глав не проставлена.

9. О списке, некогда хранившемся в библиотеке Штеттинской гимназии, а ныне утерянном, содержавшем и Гельмольда, и Арнольда, уже было сказано выше (Гельмольд, № 3).

10. О списке Арнольда Любекского, написанном в XVII в. и хранящемся в Ватиканской библиотеке (№ 956), нам почти ничего не известно; знаем лишь, что он был доставлен в Рим из Палатинской библиотеки.

11. «Хроника Арнольда, продолжающая Славянскую хронику Гельмольда», которая некогда находилась в Борнхольмской библиотеке, судя по каталогу послед-

ней, то ли утеряна ныне, то ли является одной из дошедших до нас рукописных книг.

12. Апограф последних пяти глав VII книги, созданный Линденброгом, хранится в общественной библиотеке Гамбурга.

Следует сказать также несколько слов о сделанных до сих пор изданиях Арнольда и об особенностях нашего издания.

1. В первом издании Гельмольда, которое стараниями Зигмунда Схоркелия вышло в свет в 1556 г. во Франкфурте, было, как мы уже говорили выше, включено начало истории Арнольда до слов гл. 9 книги I: «шесть верблюдов, которые должны были их нести», которыми оно и заканчивалось. Издатель пользовался списком, аналогичным Копенгагенскому, который был отмечен нами под № 6, или его архетипом. Схоркелий также, как и в Гельмольде, дал главам названия, причём более аккуратные, чем в самом списке; послание Арнольда он не отделял от глав I книги.

2. После этого всю историю Арнольда вместе с хроникой Гельмольда впервые издал в 1581 г. во Франкфурте Рейнер Рейнеций (у Андрея Вегелия). Однако, поскольку при издании он воспользовался тем списком Арнольда Любекского, который был повреждён в конце, то в его издании не хватает последних пяти глав VII книги. То, что Рейнеций действовал без обычной для него тщательности, доказывают огрехи и пропуски этого издания, а также допущенные ошибки в нумерации книг и глав.

3. Последние пять глав Арнольда, которые отсутствовали в этом издании, первым издал Эрпольд Линденброг в числе «Историков северогерманских дел», вышедших в свет во Франкфурте в 1609 г., на основании сильно повреждённой рукописной книги; они были включены и в последующие издания этого сочинения. Эти же главы малое время спустя, а именно в 1624 г., вновь издал на основании списка Ранцау (2) Генрих Мейбомий в апологии «За Оттона IV»; они же были переизданы в его «Синтагмате исторических трудов», изданной в 1660 г. Мейбомием Младшим.

4. Об изданиях Арнольда, осуществлённых Генрихом Бангертом и Лейбницем, мы уже говорили в [нашем] введении к Гельмольду.

Версию хроники на отечественном языке издал в числе версий древних германских историков (XIII в., 3 тетр.) И.К.М. Лаврент. Одна версия была сделана для нашего издания, но задолго до этого (1853 г.) мы, не имея тщательно составленных собраний лучших книг, использовали для издания истории Арнольда главным образом Любекский список.

Нынче, при изготовлении нашего издания, нам представляется необходимым различать два варианта списков, не равных по возрасту и значению: первый, содержащий только Арнольда, – к нему относятся Шаумбургский список и его Копенгагенский апограф (1 и 1*), список Ранцау (2) и Берлинский кодекс (3), а также пергаментный список из Копенгагена (7 и 7*); второй, в котором продолжение Арнольда добавлено к истории Гельмольда и остатками которого являются все тома списка Бекелия (H1 = A4 и 5), Копенгагенский список, оканчивающийся на гл. 9 кн. I (H1* = A6), Любекский (H2 = A8), Штеттинский (H3 = A9) и Копенгагенский

бумажный, хранившийся некогда в Готторпской библиотеке, как то следует из его заглавия. Следует отметить, что этот вариант был создан гораздо позже первого, ибо во времена Альберта Штаденского, чьи анналы были написаны в период между 1240 и 1256 гг., списков, содержавших и того, и другого авторов, ещё не существовало. Это следует из того, что Альберт очень многое взял из истории Гельмольда, но ничего не взял из хроники Арнольда, то есть, очевидно, просто не знал о ней. Однако по значению первый вариант Арнольда сильно уступает тем спискам, которые содержат в себе и того, и другого автора. Так, о списке Ранцау (2) нам мало что известно; Берлинский список (3) не вызывает большого доверия; а Шаумбургский список (1), хоть и имеет определённую ценность, но содержит только третью часть Арнольда. Остальное пришлось брать из Копенгагенского апографа (1*), которым мы занимались столь усердно, что сделали подробный анализ тех ошибок, которые сделали схоластики из Риббе, все до единого, и проведя тщательный сбор сведений о переписчике каждой тетради, мы перешли к Шаумбургскому тексту, хоть и не всегда соблюдали его орфографию. Если, следуя этим путём, нам кое-где всё-таки не удавалось докопаться до истины, мы справлялись с прочими списками того и другого вида, прежде всего с Берлинским, по возрасту самым старым среди прочих и по большей части согласным с Шаумбургским, а также с Любекским и списком Бекелия.

Следует сказать также несколько слов о расположении книг в этом издании. Впрочем, забегая вперёд, скажем, что в VI и VII книгах нет никаких изменений. Зато книгу V мы, следуя Шаумбургскому списку, начали с гл. 1 кн. IV издания Бангерта и довели до V книги, которая является там последней, и, следуя апографу Копенгагенского списка, добавили главу «Об обращении Ливонии», занимавшую различное место в прочих рукописных книгах. Первой главой IV книги мы, согласно апографу, сделали ту часть гл. 22 кн. III в издании Бангерта, – последней главы кн. III в этом издании, – что начинается словами: «Сетования по поводу разрушения церкви и, особенно, по поводу падения Иерусалима». Делая подобное разделение IV и V книг, мы руководствовались главным образом необходимостью иметь таким образом довольно удобные границы IV книги; ибо в ней идёт речь о статусе Иерусалимского королевства после смерти короля Балдуина, о победах Саладина над христианами и о походах императора Фридриха I, а затем королей Англии и Франции для освобождения святой земли. Нельзя отрицать тот факт, что пятая книга в прочих списках и в издании Бангерта чересчур мала по объёму и состоит всего из пяти глав, повествующих о походе в святую землю, предпринятом в 1195 г. Она, по-видимому, потому была отделена переписчиками от предыдущей книги, что скорее, как полагали, должна находиться в главе «О смерти епископа Берно и герцога Генриха», ибо заканчивается стихами. Однако это мнение ошибочно, ибо в конце гл. 12 кн. VII точно также приведены стихи. Не сложно догадаться, почему глава «Об обращении Ливонии» не получила своего места в прочих книгах: первые слова гл. 8 кн. VII: «ненадолго оставим историю королей (то есть Филиппа и Оттона) и перейдём к другим известным нам темам» были ошибочно поставлены сразу после этой главы, в которой речь идёт отнюдь не об истории королей.

Однако при разметке первых книг пришлось отступить от Шаумбургского списка и его апографа. Ибо только перед той главой, что называется «об изгнании герцога Генриха», записано: «книга вторая»; а в тех 10 главах, которые предшествуют IV книге, вообще нельзя найти никаких признаков начала новой книги ни в Копенгагенском апографе, ни в прочих рукописных книгах. Поэтому здесь мы следовали прочим спискам, полагая, что этому отнюдь не мешает то, что говорит гл. 17 кн. III, отсылая читателя к предыдущему материалу: «как было сказано в предыдущей книге»; ибо едва ли следует убеждать кого-то в том, что сказавший это мог думать в то время только о двух книгах.

Порядок глав, если не считать книгу V, о которой мы говорили, оставлен без изменений; но нумерацию глав я рассчитал исходя из новой разбивки книг, согласно названиям глав, записанных в списках.

Мы добавили к словам Арнольда некоторые заметки, взятые из других исторических источников, полагая не лишним проверить с их помощью верность и ценность того, о чём сообщил автор. Если хронологическая последовательность событий была им где-либо не соблюдена, то мы, приписав соответствующие годы, обратили на это внимание читателя.

Примечания:

- ¹ См. предпосланное хронике послание, а также VII, 20.
- ² См. V, 13.
- ³ См. V, 25, где автор знает о численности любекских мужей, принявших в 1195 г. крест.
- ⁴ См. V, 12 и VI, 13: «около времени рыбалки, которой обычно занимаются в Сcone, наши сограждане часто отправляются туда».
- ⁵ См. V, 13.
- ⁶ См. V, 5.
- ⁷ См. *Leverkus. Urkundenbuch der Bistums Lübeck*, I, 9.
- ⁸ См. I, 13.
- ⁹ См. *Urkundenbuch der Stadt Lübeck*, I, 5 и II, 5.
- ¹⁰ См. VI, 4.
- ¹¹ См. III, 3.
- ¹² См. *Meklenb. Urkundenbuch*, I, 158.
- ¹³ См. *Leverkus. Op. cit.*, I, 18.
- ¹⁴ *Ibid.*, I, 20.
- ¹⁵ *Ibid.*, I, 21.
- ¹⁶ *Ibid.*, I, 26.
- ¹⁷ См. II, 21.
- ¹⁸ См. *Urkundenbuch der Stadt Lübeck*, I, 6.
- ¹⁹ *Ibid.*, II, 1.
- ²⁰ *Ibid.*, I, 9 и 10.
- ²¹ *Ibid.*, II, 4.
- ²² *Ibid.*, I, 8.
- ²³ *Ibid.*, II, 2.
- ²⁴ *Ibid.*, II, 3.
- ²⁵ *Ibid.*, I, 15.
- ²⁶ См. *Leverkus. Op. cit.*, I, 28.
- ²⁷ См. II, 5; 21.
- ²⁸ См. II, 21.
- ²⁹ См. I, 11.
- ³⁰ См. II, 18.
- ³¹ См. V, 14; 15.
- ³² См. II, 2; III, 9.
- ³³ См. VI, 2; 4; 5; 8; VII, 1; 5.
- ³⁴ См. I, 1.
- ³⁵ См. III, 6.
- ³⁶ См. V, 1.
- ³⁷ См. V, 25.
- ³⁸ См. V, 26–28.
- ³⁹ См. IV, 5; V, 27.
- ⁴⁰ См. I, 13.
- ⁴¹ См. IV, 6.
- ⁴² См. VI, 19 и 20.
- ⁴³ См. VII, 3 и 4.
- ⁴⁴ См. II, 5. В особенности нас удивляет тот факт, что он обошёл молчанием важнейшую грамоту от 19 сентября 1188 г., пожалованную императором жителям Любека (*Urkundenbuch der Stadt Lübeck*, I, 9; 7).
- ⁴⁵ См. V, 19.
- ⁴⁶ См. VII, 8.
- ⁴⁷ См. III, 9; 11; 13; 17; VI, 1.
- ⁴⁸ См. III, 3.
- ⁴⁹ См. III, 17.
- ⁵⁰ См. V, 20.

СПИСКИ ЕПИСКОПОВ католических епархий на территориях, заселенных южнобалтийскими славянами в IX – нач. XIII вв.*

БРЕМЕНСКО-ГАМБУРГСКИЙ ДИОЦЕЗ:

787	789	св. Виллехад (Willehad), 1-й епископ Бремена
789	805	<i>кафедра оставалась вакантной</i>
805	838	св. Виллерик (Willerich, Wilrich)
838	845	Леудерик (Leuderich, Leutrich)
845	848	<i>кафедра оставалась вакантной</i>
848	865	св. Анскарий (Ансгарий) (Anskarius, Ansgar), «апостол Севера». С 831 архиепископ Гамбурга, с 848 одновременно епископом Бремена. В 858 папской грамотой Бременская епархия объединена с Гамбургским архиепископством
865	888	св. Римберт (Rembert), архиепископ Гамбурга и Бремена, автор «Жития св. Анскария»
888	909	Адальгар (Adalgar)
909	915	Хогер (Hoger, Huggar)
916	916	Регинвард (Reginwart)
916	936	св. Унни (Unni)
936	988	Адальдаг (Adaldag) (управлял митрополией 52 года!)
988	1013	Либенций I (Лиавицо Старший) (Libentius, Libizo, Liawizo)
1013	1029	Унван (Unwan)
1029	1032	Либенций II (Libentius, Liawizo)
1032	1035	Герман (Hermann)
1035	1043	Алебранд (Бецелин) (Alebrand, Bezelin, Adalbrand)
1043	1072	Адальберт I фон Гозек (Adalbert I)
1072	1101	Лиemar (Liemar)
1101	1104	Гумберт (Humbert)
1104	1123	Фридрих I (Friedrich)
1123	1148	Адальберо (Adalbero, Adalbert II)
1148	1168	Гартвиг I фон Штаде (Hartwig I von Stade)
1168	1178	Балдуин I (Balduin I, Baldwin). Император Фридрих I колебался между назначением Зигфрида I и декана Бременской церкви Отберта
1178	1179	Бертольд (Bertold, Bertram). Не подтвержден папой, в 1180–1211 – еп. Меца
1179 (1168)	1184	Зигфрид I (Siegfried I Fürst von Anhalt). После назначения Балдуина именовался «Выбором Бремена», а после смерти Балдуина назначен императором Фридрихом I

* Мы прерываем списки глав диоцезов с епископов, служение которых начиналось после смерти аббата любекского Арнольда, автора последней из публикуемых «Хроник».

- 1184 1207 Гартвиг II фон Утледе (Hartwig II, Wilrich)
 1207 (1192) 1212 Вальдемар, принц Дании (до 1192 еп. Шлезвига). Избран в 1192 в Бремене, не утвержден папой. В 1207 вновь избран в Бремене. Занял кафедру в 1211/12. В 1217 был окончательно изгнан, ум. монахом в 1236
 1207 1210 Бурхард I (Burghard I von Stumpfenhausen). Признан только в Гамбурге. В 1210 подал в отставку
 1210 1219 Герхард I фон Ольденбург-Вильдесхаузен (Gerhard I). С 1191/92 по 1216 был еп. Оснабрюка. В 1217 занял кафедру в Бремене, 1219 умер
 1219 1258 Герхард II фон Липпе (Gerhard II zur Lippe). Называл себя также епископом Гамбурга, но перенес кафедру в Бремен. Папа Гонорий III подтвердил в 1224 двойную епархию в Бремене и особый статус Гамбурга при отсутствии в нем епископа и соборного капитула. Все последующие лица, возглавлявшие митрополию, именовались архиепископами бременскими

.....
 С 1566 в связи с Реформацией начала действовать лютеранская администрация соборного капитула Бремена. В 1648 архиепископство секуляризировано и перенесено в Швецию

ЕПИСКОПЫ ОЛЬДЕНБУРГА (с 1160 г. – ЛЮБЕКА):

- 952 968 Марк (Mareus, Marko, Marcus), еп. Шлезвига (упом. только Гельмольдом)
 968 974 Эквард (Эврак) (Ekward), 1-й епископ Ольденбурга
 974 983 Ваго (Wago)
 983 988 Эзико (Eziko)
 988 990 Фольхард (Фольквард) (Folchard, Volkward), в 990 изгнан
 991/2 1013/4 Регинберт (Рейнберт) (Reginbert, Reinbert)
 1013/4 1023 Бенно (Benno, Bernhard)
 1023 1030 Рейнхольд (Reinhold) (у Гельмольда после Бенно назван Мейнхер)
 1029/32 1035/43 Мейнхер (Meinher)
 1035/43 1048 Абелин (Abelin)
 1049 1082 Эзо (Эццо) (Ezo, Ezzo, в др. ист. Ehrenfried), в 1066 бежал во время славянского восстания (умер в 1082)
 до 1148 кафедра оставалась вакантной. В 1148 епископство восстанавливают, при этом разделяя его на три епископства: Ольденбургское, Ратцебургское и Микилинбургское
 1148 1154 Вицелин (Vizelin). В связи с разрушением Ольденбурга в 1149 датчанами кафедра переносится в 1151 в Босау в церковь Св. Петра
 1155 1163 Герольд (Gerold), еп. Ольденбурга. В 1156 начинается строительство храма Св. Иоанна Крестителя в Ольденбурге. В 1160 решением папы кафедра переносится из Ольденбурга в Любек, и Герольд именуется уже еп. любекским
 1164 1172 Конрад I фон Риддагсхаузен (Konrad I von Riddagshausen), еп. любекский
 1172 1182 Генрих I Брюссельский (Heinrich I von Brussel). На его хиротонии герцог саксонский Генрих Лев заложил Любекский собор
 1183 1184 Конрад II (Konrad II)
 1186 1210 Дитрих I (Dietrich I)

.....
 С 1586 в связи с Реформацией епископство управлялась лютеранской администрацией. В 1803 секуляризировано в светское княжество

ЕПИСКОПЫ РАТЦЕБУРГА:

ок.	1051	Аристо (Aristo), 1-й епископ Ратцебурга
до	1148	<i>епископство не существовало</i>
1154	1178	Эвермод (Evermod), еп. Ратцебурга
1178	1180	<i>кафедра оставалась вакантной</i>
1180	1204	Исфрид (Isfried)
1204	1215	Филипп (Philipp)

.....

С 1554 епископство управлялось лютеранской администрацией. В 1648 секуляризовано

ЕПИСКОПЫ МИКИЛИНБУРГА (с 1160 г. ШВЕРИНА):

1053	1066	Иоанн I Скотт (Johann I Scotus), еп. Микилинбурга (до того – еп. Глазго)
1066	1148	<i>епископство не существовало</i>
1148	1155	Эммергард (Эберхард) (Emmergard, Eberhard), еп. Микилинбурга
1155	1191	Берно (Berno), «апостол ободритов». В 1160 кафедра перенесена из Микилинбурга в Шверин, и с 1160 Берно именовался уже епископом Шверина
1191	1238	Брунвард (Brunward), еп. Шверина
1191	1195	Герман фон Хаген (Hermann von Hagen), антиепископ

.....

С 1553 епископство управлялось лютеранской администрацией. В 1648 секуляризовано

АРХИЕПИСКОПЫ МАГДЕБУРГА:

968	981	Адальберт (Adalbert), 1-й епископ Магдебурга (в 961–962 был направлен для миссионерской деятельности на Русь в качестве «епископа ругов»)
981	1004	Гизелер (Giselher)
1004	1012	Тагаино (Tagino)
1012	1012	Вальтард (Waltard, Dodico)
1012	1023	Геро (Gero)
1023	1051	Хунфрид (Hunfried, Humfried)
1052	1063	Энгельхард (Engelhard)
1064	1078	Вернер (Werner von Steusslingen)
1079	1102	Гартвиг (Hartwig, Graf von Spanheim)
1085	1088	Гартвиг (Hartwig, Abt von Hersfeld), антиепископ
1102	1107	Генрих (Heinrich I, Graf von Assel)
1107	1119	Адальгод (Adalgod von Osterburg)
1119	1125	Рудгар (Rudgar, Graf von Veltheim)
1126	1134	Норберт (Norbert von Xanten, Hl.)
1134	1142	Конрад (Konrad I von Querfurt)
1142	1152	Фридрих (Friedrich I, Graf von Wettin)
1152	1192	Вихманн (Wichmann von Seeburg (Verweser von 1152–1154))
1192	1205	Лиудольф (Ludolf von Koppenstedt)
1205	1232	Альбрехт I (Albrecht I, Graf von Kafernburg)

.....

С 1566 митрополия управлялась лютеранской администрацией. В 1680 секуляризована

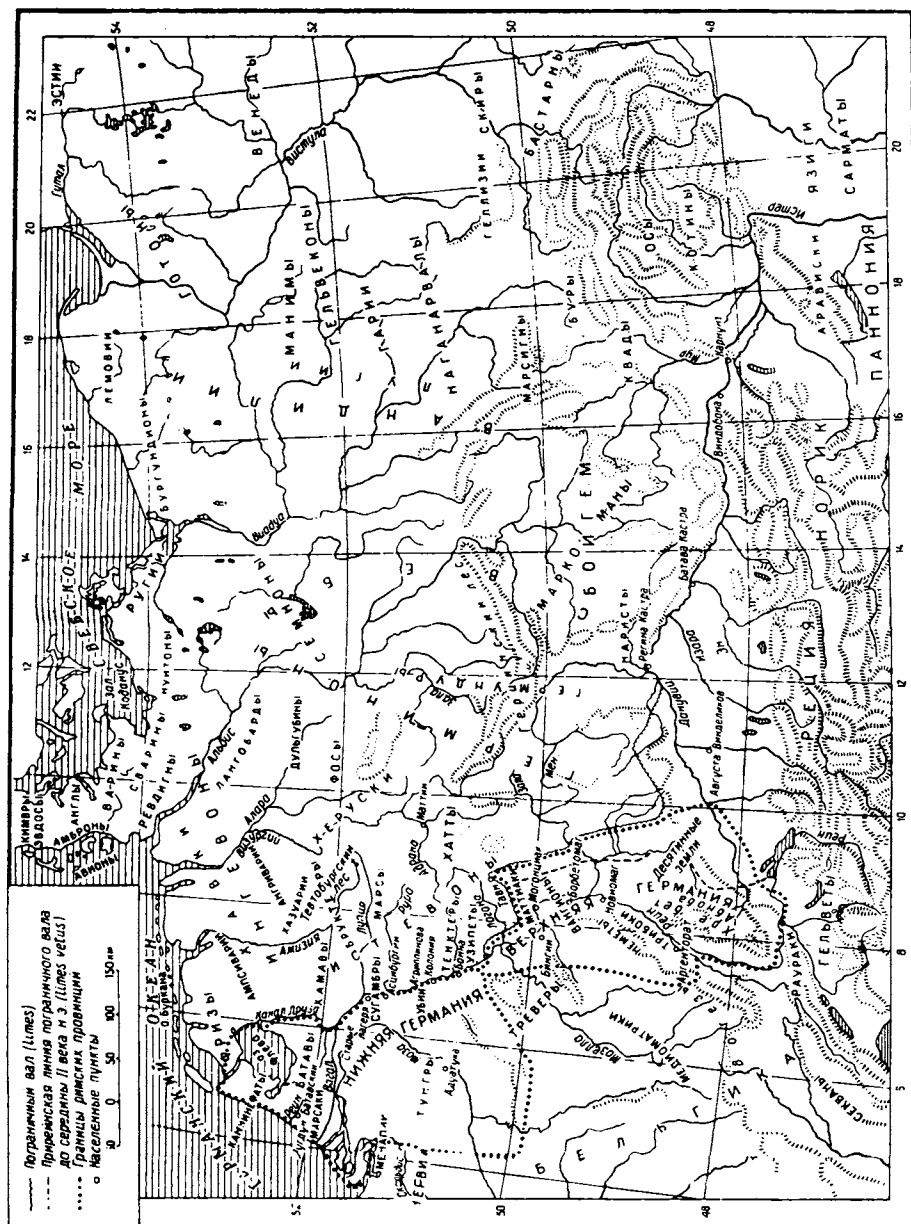
КАРТЫ

Славянские топонимы полабско-поморского региона

Южнее Берлина (на карте дано лужицкое название Барлин) многие названия указаны в своих неонемецких серболужицких вариантах. Например, Будишин (Баутцен), Житава (Циттау), Липск (Лейпциг), Торгава (Торгау), Бутын (Беттен), Яроброд (Эрфурт), Глухов (Глаухау) Бодрецы, Добруша, Концы, Мышин и т.д. Кроме того, многие названия в немецкой части лужицко-восприняты в том виде, в котором они сохранились до сих пор, и это очень многие топонимы типа Волков, Туров, Раков, Тетерин, Любков, Зубков, Тресков, Клоков, Медов, Клинков и т.д. которые присутствуют в таком виде в Полабье повсеместно, но большинство из них находятся в Мекленбурге, Бранденбурге, Гольштейне и Нижней Саксонии, единственное отличие в том, что здесь они записаны кириллицей. При этом некоторые названия даны в слегка русифицированном виде, например, кашубское Стжелово указано как Стрелово, Колобег, как Колобег, Карсбург, как Карсбург, А Бжеины (на севере) и Бреины (в землях лужицких сербов) указаны как Береины. Это сделано для облегчения понимания значения указанных названий.

Славянские топонимы
на территориях, в VI–XIII вв. заселенных полабскими
и южнобалтийскими славянами

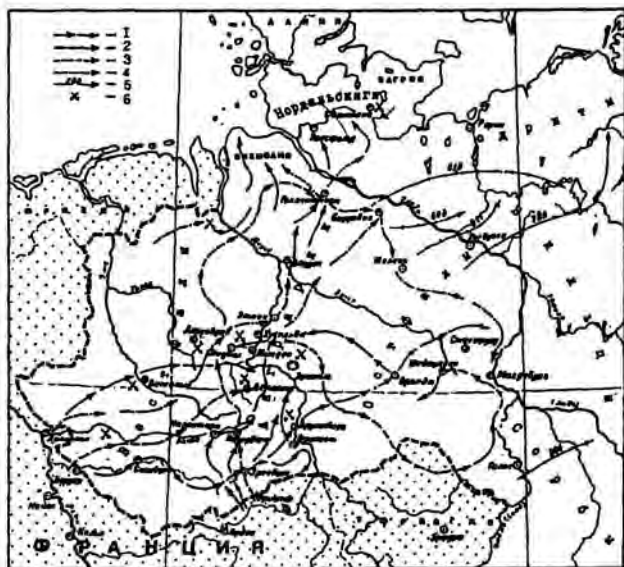
Карта к «Германии» Тацита

(по кн.: Корнелий Тацит. Сочинения в 2-х томах. – Л., 1969)

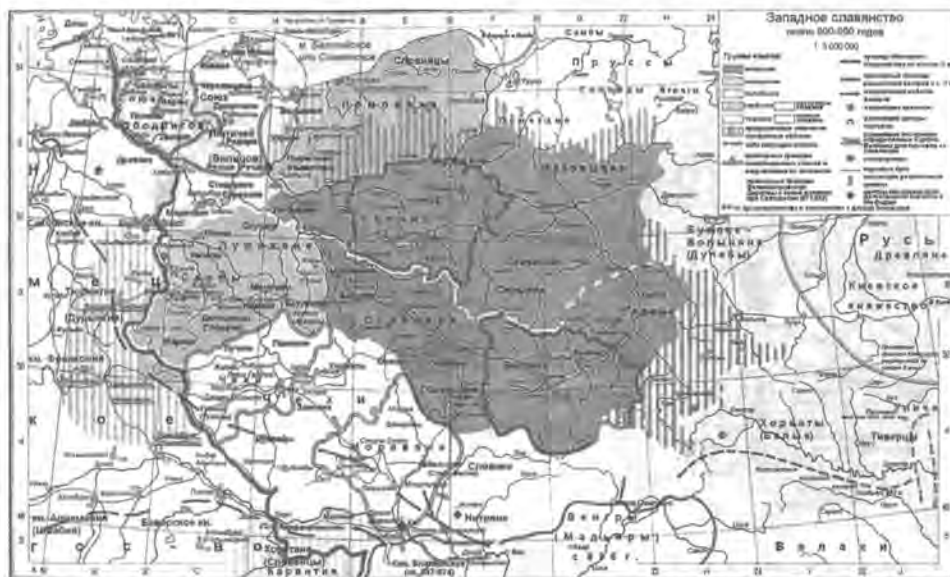
Расселение славян в начале средневековья (V–VII вв.)

(по: Седов В.В. Этногенез ранних славян // «Вестник РАН», 2003, т. 73, № 7)

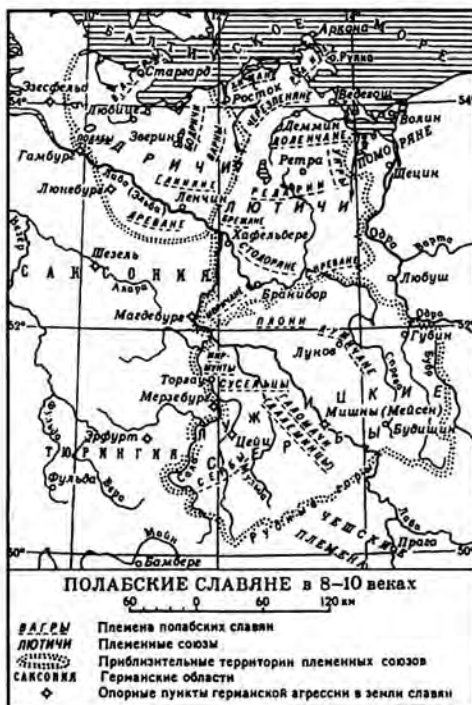

Походы Карла Великого в земли саксов и полабских славян

1 – 772–780 гг.; 2 – 783–785 гг.; 3 – 792–799 гг.; 4 – 802–804 гг.; 5 – в земли славян; 6 – места сражений (по кн: Левандовский А.П. Карл Великий. – М., 1999)

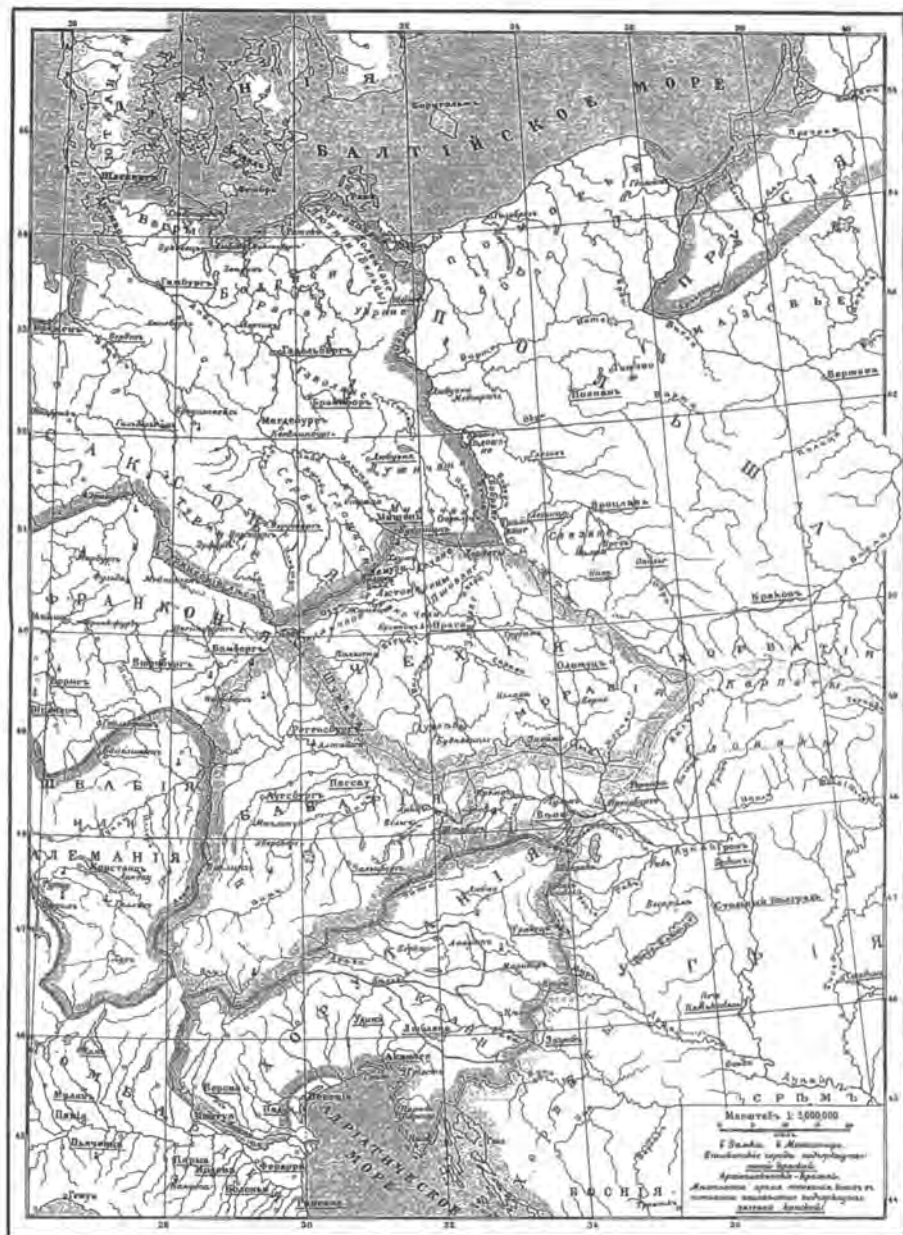

Западные славяне в 800–950 гг.
(Перевод польской карты, источник:
<http://lujicajazz.narod.ru/>)

Языческий идол с южно-балтийского побережья (земля Мекленбург). Деревянная фигурка из дуба была обнаружена при раскопках 1968 г. в местности близ Толенского оз. Находка датирована XIII в. (источник: www.mrubenv.ru)

Полабские славяне в VI–X вв.
(Карта из БСЭ)

Полабские славяне, словаки и словенцы в конце X века
 (из «Энциклопедического словаря» В.А.Брокгауза, И.А.Ефрона)

Световид

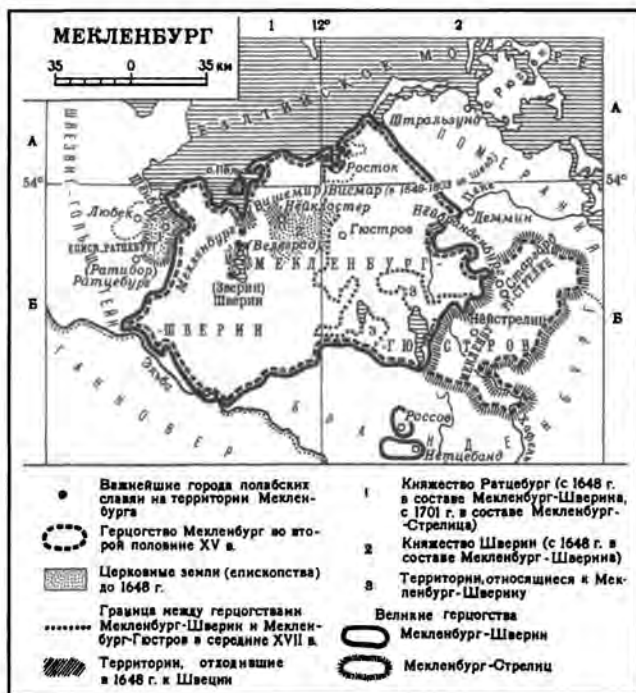

Вверху: Славянская ритуальная чаша с Коловратом, найденная в Арконе; слева: изображение многоликого Световида в святилище Арконы; справа: мыс Аркона, древнее и современное очертания побережья, сохранившиеся валы, места археологических находок и привязка его к карте острова Рюген (внизу)

Zeichn. Karl Lohr.
Der Lübbische Salten von Rügen und Pommer von 900 bis 1200.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарон, библи. – *Арн.*: I, 13
Абелин, еп. ольденбургский – *Адам*: II, 72; III, 21; *Гельм.*: I, 18, 22, 69
Абсалон, архиеп. Лунда – *Арн.*: III, 5; V, 18
Абсалон, библи. – *Адам*: II, 27
Абсалон, еп. роскильдский – *Гельм.*: II, 12
Авель, библи. – *Арн.*: IV, 9; VII, 2
Авоко, еп. Зеландии – *Адам*: II, 64; IV, 8; Сх. 109
Авраам, библи. – *Гельм.*: I, 91; *Арн.*: I, 11; III, 3; V, 28
Агапит II, римск. папа – *Адам*: II, 3
Агафья, св. – *Арн.*: V, 19
Агнеса де Пуатье, жена имп. Генриха III – *Адам*: III, 34, 45
[Агнеса], дочь Людовика VII, короля Франции, жена Алексея II – *Арн.*: III, 8
[Агнеса], жена Стефана II, короля Венгрии – *Арн.*: I, 2
Адальберт [I], архиеп. Гамбурга и Бремена – *Адам*: II, 33, 68; III, 1–12, 15–18, 21, 24–34, 36–49, 51, 54–70, 72–78, IV, 2, 3, 9, 20, 23, 24, 28–30, 34–36, 40, 43; Сх. 5, 68, 69, 74, 76, 77, 80, 87, 89, 115, 136, 148; *Гельм.*: I, 22, 69
Адальберт [II] (Адельберо), архиеп. гамбургский – *Гельм.*: I, 45, 46, 47, 62
Адальберт, архиеп. магдебургский – *Адам*: II, 15, 24; *Гельм.*: I, 11
Адальберт (Альберт, Альбрехт) I Медведь, маркграф бранденбургский, герцог саксонский – *Гельм.*: I, 35, 54, 56, 65, 72, 73, 88; II, 4; *Арн.*: II, 9
Адальберт II, маркграф Бранденбурга – *Арн.*: VII, 16, 17
Адальберт, граф Поппенбурга – *Арн.*: IV, 15
[Адальберт], еп. в Дании – *Адам*: II, 26
Адальберт, еп. Оркадских островов – *Адам*: III, 77
Адельберт (Войцех) Пражский, еп. богемский, св. – *Адам*: IV, 18; Сх. 24; *Гельм.*: I, 1, 15
Адельберт, маркграф из Сальтвиделе – *Гельм.*: I, 62; II, 7
Адальберт, наместник Гольштейна (Нордальбингии) – *Арн.*: VII, 9, 11
Адальберт, пфальцграф из Зомересбурга – *Гельм.*: II, 7
Адальвард, еп. Вердена – *Адам*: II, 1
Адальвард Младший, еп. Сигтуны – *Адам*: III, 76, 77; IV, 29, 30; Сх. 123, 136, 142
Адальвард Старший, еп. шведов – *Адам*: II, 33; III, 15, 16, 77; IV, 23; Сх. 65, 67, 135, 136
Адальгар, еп. Гамбурга – *Адам*: I, 35, 44–46, 49, 50, 68; Сх. 10; *Гельм.*: I, 7
Адальгар, аббат Корвеи – *Адам*: I, 35
Адальгар [II], аббат Корвеи – *Адам*: I, 35
Адельдаг (Адельдаг), архиеп. Гамбурга и Бремена – *Адам*: I, 50; II, 1–3, 6, 7, 10–14, 16, 20, 24, 26–29, 36, 46; III, 5; IV, 10; *Гельм.*: I, 8, 9, 11, 12, 14, 17
Адам Бременский, автор «Деяний...» – *Адам*: I, Пр.; III, 4, 54; Сх. 151; *Гельм.*: I, 14
Аделин, каноник – *Адам*: I, 49
Адельберо, см. Адальберт [II], архиеп. гамбургский
Адельбургис, прихожанка в Фальдере – *Гельм.*: I, 78
Адельгейда, дочь Бурхарда фон Кверфурта, вторая жена Адольфа III фон Шауэнбурга – *Арн.*: V, 1
Адельгейда, дочь графини фон Хеллермунд, жена: 1) Бернгарда II, графа Ратцебурга; 2) Адольфа фон Дасселя – *Арн.*: V, 7
[Адельгейда], дочь Отто II Богатого, маркграфа Мейсена, жена (1-я) Оттокара I, короля Чехии – *Арн.*: VI, 5
Адельгейда, дочь Отто фон Ассельбурга (Дасселя), первая жена Адольфа III фон Шауэнбурга – *Арн.*: III, 1
Адельдаг, архиеп. гамбургский, см. Адельдаг Адольф, архиеп. Кёльна – *Арн.*: V, 21; VI, 1; VII, 1, 3, 5–7

- Адольф [I] Старший из Шауэнбурга, граф Гольштейна – *Гельм.*: I, 36, 41, 48, 49, 53, 56
 Адольф [II] фон Шауэнбург, сын Адольфа I, граф Гольштейна – *Гельм.*: I, 49, 51, 54, 56, 57, 59, 62, 67, 69–71, 73, 75–77, 83–86, 89–93; II, 4, 5; *Арн.*: V, 7
 Адольф III фон Шауэнбург, граф Гольштейна – *Арн.*: II, 6, 13, 16, 21, 22; III, 1, 2, 4, 6, 7, 13, 14, 16, 20, 22; V, 1–3, 7–10, 12, 16, 17, 22, 25–28; VI, 10–14, 17
 Адольф фон Дассель, граф – *Арн.*: II, 16; V, 1, 2, 7, 8; VI, 12, 13
 Адриан I, римск. папа – *Адам*: I, 11, 12
 Адриан IV, римск. папа – *Гельм.*: I, 80, 90
 Аза, сестра еп. Одинокара – *Адам*: Сх. 45
 Алебранд (Бецелин), архиеп. Гамбурга и Бремена – *Адам*: II, 69–72, 75, 76, 79, 81, 82; III, 3, 30, 69; IV, 41; Сх. 52–55, 57–59; *Гельм.*: I, 18
 Александр, св. – *Адам*: I, 32
 Александр II, римск. папа – *Адам*: III, 17, 67, 75; Сх. 69
 Александр [III] (Роландо Бандинелли), римск. папа – *Гельм.*: I, 90; II, 9, 10; *Арн.*: I, 14; II, 2, 3, 9; III, 11, 17
 [Алексей II Комнин], император Византии – *Арн.*: III, 8
 [Алексей III Ангел], император Византии – *Арн.*: VI, 19, 20
 Алексей IV Ангел, император Византии – *Арн.*: VI, 19, 20
 [Алексей V] Мурзуфл, император Византии – *Арн.*: VI, 20
 [Алексей], греческий герцог – *Арн.*: IV, 8, 9
 Алексей, приор в Хилебургероде – *Арн.*: III, 6
 [Алиса], дочь Людовика VII, короля Франции, невеста короля Ричарда I Львиное Сердце – *Арн.*: IV, 16
 Альберик, еп. Вендилы – *Адам*: III, 77; IV, 2; Сх. 105, 148
 Альберт, см. Адалберт I Медведь
 Альберт, архиеп. Магдебурга – *Арн.*: VI, 4; VII, 13, 16, 18
 Альберт, архиеп. могонтский – *Гельм.*: I, 40
 Альберт фон Буксгевден, епископ Рижский – *Арн.*: V, 30
 Альдрик, клирик – *Адам*: I, 24
 Альфвард, мученик – *Адам*: III, 54
 [Альффонс I], король Галатии – *Гельм.*: I, 61
 Амвросий, св., еп. Милана – *Адам*: I, 39
 Амори, король Иерусалима – *Арн.*: I, 7; IV, 2
 [Амори], патриарх Иерусалима – *Арн.*: I, 8
 Аналаф, сын Гудреда – *Адам*: II, 25
 Анатрог (Анадраг), кн. винулов – *Адам*: II, 66, 71; *Гельм.*: I, 19
 Андреас, архиеп. Лунда – *Арн.*: V, 18, 30; VI, 16–18
 Андрей, св. апостол – *Адам*: III, 4; *Арн.*: VI, 14
 Андрей I, король Венгрии – *Адам*: Сх. 62
 Андроник I Комнин, император Византии – *Арн.*: III, 8
 Анно II, архиеп. Кёльна – *Адам*: III, 34, 35, 43, 55, 59
 Ансвер, монах-мученик – *Адам*: III, 50; Сх. 79; *Гельм.*: I, 22
 Ансельм, богослов – *Гельм.*: I, 45
 Ансельм, приор – *Арн.*: I, 13
 Ансельм, прихожанин – *Арн.*: VII, 3
 Анскарий, архиеп. Гамбурга и Бремена, св. – *Адам*: I, 13–18, 20–34, 42, 44, 50, 52, 60, 61; II, 15, 50; III, 57, 72; IV, 1, 16, 26, 43; Сх. 4, 127, 133; *Гельм.*: I, 4, 5, 7, 8, 11
 Антоний, св. – *Арн.*: VI, 4
 Ануло, король данов – *Адам*: I, 15
 Анунд, легенд. король Швеции (IX в.) – *Адам*: I, 21, 61
 Анунд (возм. Инге I, сын Стенкиля), король Швеции, призыв. с Руси – *Адам*: Сх. 84, 140
 Анунд, сын шведского кор. Эдмунда III Негодного («погиб в Краю женщин») – *Адам*: III, 16; Сх. 123
 Анунд, сын Эдгара, брат Эдуарда Мученика, см. Этельред II
 Анунд (Яков), сын Олафа Шетконунга, король Швеции, см. Яков (Анунд)
 Аристо, еп. Ратцебурга – *Адам*: III, 21; *Гельм.*: I, 22, 69
 Арнольд, аббат в Любеке (автор «Хроники») – *Арн.*: Пр.; III, 3; V, 13; VII, 20
 Арнольд, вассал – *Адам*: III, 8
 Арнольд, страж церкви – *Арн.*: I, 13; II, 5
 Арнульф, сын Карломана, герц. Каринтии, король Германии, имп. Запада – *Адам*: I, 40, 46, 47, 49, 50; Сх. 9; *Гельм.*: I, 7

- Асгот, еп. – *Адам*: III, 77; IV, 34; *Сх*. 68
 Ассуэр, библи. – *Арн*: III, 9
 Атело, см. Этело
 Ауктор, св. – *Арн*: II, 5
 Аутберт, св. – *Адам*: I, 15
 Афанасий Великий, св., один из «отцов церкви» – *Арн*: I, 5
 Афильтруда, жена короля Эдгара, мать Этельреда II – *Адам*: *Сх*. 38
 Ахиллес, миф. – *Арн*: V, 19
 Ацилин, еп. в Швеции – *Адам*: III, 77; IV, 23
- Балдуин I, архиеп. Гамбурга и Бремена – *Арн*: II, 8
 Балдуин (V Благочестивый), граф Фландрии – *Адам*: III, 31
 Балдуин I, граф Фландрии (IX) и Геннегау (VI), император Константинопольский – *Арн*: VI, 19, 20
 Балдуин IV (Прокаженный), кор. Иерусалима – *Арн*: IV, 2, 3
 Балдуин V, кор. Иерусалима – *Арн*: IV, 2, 3
 Бардо, архиеп. Майнца – *Адам*: III, 30
 Беатриса, дочь Филиппа Штауфена, короля Германии – *Арн*: VII, 12, 14, 17
 [Беатриса Бургундская], жена имп. Фридриха I Барбароссы – *Арн*: III, 10
 Беда Достопочтенный, англ. историк церкви, автор «Церковной истории англов» – *Адам*: IV, 36, 42; *Сх*. 19
 Бела I, король Венгрии – *Адам*: III, 43
 [Бела III], король Венгрии – *Арн*: I, 2, 12; IV, 8
 Бенедикт Нурсийский, св. – *Адам*: I, 11; *Арн*: I, 13; II, 7; V, 5, 18
 Бенедикт V, римск. папа – *Адам*: II, 12
 Бенедикт VIII, римск. папа – *Адам*: II, 47
 Бенедикт IX, римск. папа – *Адам*: II, 68, 69; III, 1, 7; *Сх*. 34
 Бенно, еп. ольденбургский – *Адам*: II, 49; *Гельм*: I, 17, 18, 69
 Бенно (Бернгард I) Биллунг, сын Германа I, герцог Саксонии – *Адам*: II, 24, 32, 45, 46; *Сх*. 27; *Гельм*: I, 13, 14, 16
 Беренгар II, король Италии – *Адам*: II, 11; *Гельм*: I, 10
 [Беренгария Наваррская], жена Ричарда I Львиное Сердце – *Арн*: IV, 16
- Бернвард, еп. хильдесхаймский, св. – *Гельм*: I, 18; *Арн*: V, 23
 Бернард, аббат клервоский, св. – *Гельм*: I, 59, 78
 Бернгард I Биллунг, герцог саксонский, см. Бенно
 Бернгард II Биллунг, сын Бенно, герцог Саксонии – *Адам*: II, 45, 48, 60, 66, 67, 70, 71, 76, 79; III, 5, 8, 9, 22, 26, 27, 41–43; *Гельм*: I, 16, 17, 18, 21, 22
 Бернгард III, граф Ангальта, герцог Саксонии – *Арн*: II, 7–10, 19, 20, 22; III, 1, 4, 7, 20; IV, 7; V, 2, 7, 8, 16; VI, 5; VII, 13, 16, 17
 Бернгард, граф Вельпе – *Арн*: II, 13, 21; V, 2, 16; VI, 11
 Бернгард, сын Генриха фон Бадевиде, граф Гольштейна – *Гельм*: I, 91; II, 5, 6
 Бернгард, граф Липпе – *Арн*: II, 11
 Бернгард, граф Ольденбурга – *Арн*: II, 21
 Бернгард I, граф Ратцебург – *Арн*: II, 7, 13, 16, 19, 20, 22; III, 1, 4, 7; V, 2, 7, 9
 Бернгард II, граф Ратцебург – *Арн*: V, 7–9, 12, 16, 17
 Бернгард I, еп. Миндена – *Адам*: I, 50
 Бернгард, еп. норманнов – *Адам*: II, 57; III, 77; IV, 34; *Сх*. 113
 Бернгард I, еп. Оснабрюкка – *Адам*: I, 50
 Бернгард, еп. Падерборна – *Арн*: V, 30
 Бернгард, еп. Сcone – *Адам*: II, 55; *Сх*. 112
 Бернгард фон Верл, граф – *Адам*: III, 28, 46, 49
 Бернгард фон Хорстмар – *Арн*: V, 27
 Берно, еп. микилибургский – *Гельм*: I, 87; II, 3, 9, 12
 Берно, еп. хильдесхаймский – *Арн*: V, 23
 Берно, еп. шверинский – *Арн*: Пр.; I, 13; V, 24
 Бернхар, еп. Вердена – *Адам*: II, 45, 46
 Бертольд, аббат в Люнебурге – *Арн*: I, 1–3, 8
 Бертольд, архиеп. Гамбурга Бремена, затем еп. Меца – *Арн*: II, 8, 9; III, 17.
 Бертольд, герцог Церингена – *Арн*: VII, 18, 19
 Бертольд, епископ Рижский – *Арн*: V, 30
 Бецелин, см. Алебранд, архиеп. Гамбургский
 Бизо, еп. Падерборна – *Адам*: I, 50
 Биллуг, кн. ободритов – *Гельм*: I, 13, 14
 Блазий, св. – *Арн*: I, 12
 Блуссо (Блюссо, Плуссо), славянский кн., женат на сестре Готшалка – *Адам*: III, 51;

- Гельм.: I, 24
 Бово, аббат Новой Корвеи – Адам: I, 39
 Бово, еп. – Адам: III, 77
 Богуслав I, сын Вратислава, кн. поморян – Гельм.: II, 4, 6, 12; Арн.: II, 17; III, 4; 7
 Болеслав I, кн. Чехии – Адам: Сх. 21
 Болеслав I Храбрый, кн. польский – Адам: Сх. 24; – Гельм.: I, 15
 Болеслав (III Кривоустый), кн. польский – Гельм.: I, 40
 Болеслав, муж Годики – Гельм.: I, 15
 Бонифаций (Винифред), «апостол Германии», св. – Адам: I, 10, 11, 13
 [Бонифаций], маркграф Монферрато, король Фессалоники – Арн.: VI, 20
 Бонифаций, маркграф Тосканы – Адам: III, 31
 [Бозмунд III], князь Антиохии – Арн.: I, 9; IV, 13; V, 27, 29
 Бригита, св. – Гельм.: I, 42
 Брунварт, еп. Шверина – Арн.: V, 24
 Бруно, архиеп. Кёльна – Адам: II, 6
 Бруно IV фон Зайн, архиеп. Кёльна – Арн.: VII, 3, 5–7
 Бруно, герцог Саксонии – Адам: I, 38; Гельм.: I, 7
 Бруно, еп. Вердена – Адам: Сх. 58
 Бруно, священник в Любеке – Гельм.: I, 54
 Бруно, священник в Фальдере, потом в Ольденбурге – Гельм.: I, 73, 75, 83, 93; II, 13
 Бруно фон Тралау – Арн.: VI, 13
 Букко, см. Бурхард II, еп. Хальберштадта
 Бурвидо – Адам: II, 18
 Бурдин, антипапа Григорий VIII – Гельм.: I, 40
 Бурхард, архиеп. Бремена и Гамбурга – Арн.: VII, 10, 11
 Бурхард II (Букко), еп. Хальберштадта – Адам: III, 35; Гельм.: I, 27; Бурхард II, еп. Хальберштадта – Арн.: II, 3
 Бурхард фон Кверфурт, бургграф Магдебурга – Арн.: V, 1; VII, 2
 Бутуй, сын Готшалка, славянск. кн. – Адам: III, 51; Гельм.: I, 24, 25, 26
 Бьорн, король Швеции – Адам: I, 15, 61
 Бьорн, сын ярла Вольфа и Маргариты Датской, ярл – Адам: II, 54; III, 14; Сх. 64
 Ваго, еп. Ольденбурга – Адам: II, 26; Гельм.: I, 13, 14, 69
 Вал, еп. Риббе – Адам: II, 72; III, 25; IV, 2; Сх. 98
 Валентиниан III, римск. имп. – Адам: I, 3
 Вало, еп. Гавельберга – Арн.: I, 13
 Вальдемар [I Великий], сын Кнута Лаварда, король Дании – Гельм.: I, 51, 67, 84, 86, [90]; II, 4, 6, 12–14; Арн.: II, 21; III, 2, 21
 Вальдемар II, сын Вальдемара I, герцог Шлезвиг, затем король Дании – Арн.: V, 8; VI, 13–18; VII, 9–12
 Вальдемар, сын короля ободритов Генриха – Гельм.: I, 38
 Вальдемар, сын Кнута V, еп. Шлезвиг – Арн.: III, 22; V, 1, 8, 17, 21; VI, 10, 18; VII, 10, 11, 13, 19
 Вальрам IV, сын Генриха III, граф Лимбурга – Арн.: V, 25; VII, 5
 Вальтард, архиеп. Магдебурга – Адам: II, 46, 62
 Вальтер фон Бальдензель – Арн.: V, 2
 Вальтер фон Берг – Арн.: V, 8
 Вартислав [I], князь поморян – Гельм.: I, 40
 Вартислав, сын Никлота, кн. ободритов – Гельм.: I, 87, 92; II, 2, 4
 Варфоломей, св. – Адам: II, 67
 Ведекинд из Дазенберга – Гельм.: II, 7, 11
 Велиал, библи. – Арн.: I, 3; II, 11; VI, 4
 Вельф [I], герцог Баварии – Адам: III, 60; Гельм.: I, 27
 Вельф, см. Генрих Лев
 Вендельгарда – Адам: II, 13
 Вендила – Адам: II, 13
 Венцеслав I (Вацлав I) Святой, кн. Чехии – Адам: Сх. 21
 Вергилий Марон, Публий, древнеримский поэт – Адам: I, Пр.; Сх. 134; Арн.: V, 19
 Вергот фон Зибберсторф – Арн.: VI, 13
 Вецило, архиеп. Магдебурга – Адам: III, 35, 64
 Виберт, еп. Равенны – Гельм.: I, 30, 32. См. также Клеменс
 Видаг, фогт Плёна – Арн.: VI, 13
 Видо (Гвидо) де Лузиньян, король Иерусалима – Арн.: IV, 2–5, 14–16
 Видекинд, вождь славян – Гельм.: I, 3
 Видукинд, граф Шваленбург – Арн.: II, 13
 Видукинд, фогт Реды – Арн.: IV, 15

- Видукинд, руководитель восстания саксов – *Адам*: I, 11
- Викберт, еп. Вердена – *Адам*: I, 50
- Виктор [IV] (Октавиан), антипапа – *Гельм.*: I, 90
- Виллерик (Виллехар), еп. Бремена – *Адам*: I, 14–16, 18, 19, 31
- Виллехад, еп. Бремена, св. – *Адам*: I, Пр., 11–14, 18, 31, 62; II, 48, 67, 81, 82; III, 9; IV, 40, 41.
- Виллиброрд, св. – *Адам*: I, 10, 11, 15; IV, 3
- Вильбранд, сын Лиудольфа фон Хеллермунда – *Арн.*: II, 13
- Вильгельм, граф Гулике – *Арн.*: VII, 1
- Вильгельм, еп. Зеландии – *Адам*: III, 77; IV, 3; Сх. 109
- Вильгельм, еп. Утрехта – *Адам*: III, 35
- Вильгельм I Завоеватель (Бастард), герцог Нормандии, король Англии – *Адам*: II, 54; III, 52; 54; Сх. 83
- Вильгельм [I Злой], король Сицилии – *Гельм.*: I, 80
- Вильгельм II Добрый, король Сицилии – *Арн.*: III, 15; V, 5; 20
- Вильгельм Длинный Меч, сын маркграфа Монферрато – *Арн.*: IV, 2
- Вильгельм, сын Генриха Льва, герцог Люнебурга – *Арн.*: I, 1; VI, 15; VII, 16
- Винтер, священник – *Адам*: II, 82
- Винcentий, св. – *Арн.*: V, 14
- Вит, св. – *Адам*: II, 13, 48
- Виталий, еп. Торчелли – *Адам*: III, 67
- Витгер – *Адам*: I, 49
- Витмар – *Адам*: I, 15
- Вихман, архиеп. Магдебурга – *Гельм.*: II, 7, [9]; *Арн.*: I, 1; II, 11, 20
- Вицелин, еп. Ольденбурга – *Гельм.*: I, 41–49, 53–58, 66, 69, 71, 73, 75, 78, 79, 82, 83, 93
- Вицело, еп. Магдебурга – *Гельм.*: I, 27
- Вит, св. – *Гельм.*: I, 6; II, 12
- Витмар, монах – *Адам*: I, 15
- [Владислав II], король Богемии – *Гельм.*: I, 90
- [Владислав-Генрих], маркграф Моравии – *Арн.*: VII, 17, 18
- Власий, св. – *Арн.*: V, 24
- Водан, бог – *Адам*: IV, 26, 27
- Вольф, ярл в Англии – *Адам*: II, 54, 73; Сх. 64
- Вольфред, священник – *Адам*: II, 62
- Вольфред, фогт – *Адам*: Сх. 58
- Ворм (Горм), король данов – *Гельм.*: I, 8
- Вулкан, миф. – *Арн.*: V, 19
- Вульф, баварский вельможа – *Арн.*: VII, 12, 14
- Вульфилда, дочь герцога саксонского Магнуса – *Гельм.*: I, 35
- [Вульфилда], сестра короля Магнуса, жена Ордульфа, герцога Саксонии – *Адам*: II, 79.
- Вурм, см. Хардекнут Вурм
- Галл, св. – *Адам*: I, 10
- Ганнибал, карфагенский полководец – *Арн.*: V, 19
- Гануз Вольф – *Адам*: IV, 11
- Гарольд I Синезубый, см. Харальд I Синезубый
- Гарольд, сын ярла Годвина, король Англии – *Адам*: II, 54; III, 52; Сх. 64
- Гартвиг [I], архиеп. Бремена и Гамбурга из рода Штаденов – *Гельм.*: I, 67, 69, [79], [80], 82, 90, 93; II, 1, 6, 8, 9
- Гартвиг [II], архиеп. Бремена и Гамбурга – *Арн.*: II, 7, 9; III, 13, 22; V, 1, 3, 11, 21, 22, 25, 30; VI, 11; VII, 9, 10
- Гартманн – *Гельм.*: I, 42
- Гартунг, сын графа голштинского Адольфа I – *Гельм.*: I, 49
- Гаутберт (Симеон), еп., племянник Эбо Реймского – *Адам*: I, 17, 21, 26
- Гвидо, архиеп. Реймса, легат – *Арн.*: VII, 3
- Гвидо, музыкант – *Адам*: II, 68
- Гедеон, библи. – *Арн.*: I, 11; VII, 8
- Гелазий [II], римск. папа – *Гельм.*: I, 40
- Гелий, еп. рипский – *Гельм.*: I, 84
- Гельмольд, автор «Славянской хроники» – *Гельм.*: I, Пр., II, Пр.; *Арн.*: Пр.
- Гельмольд I, граф Шверина – *Арн.*: V, 2, 16.
- Гемминг, король данов – *Гельм.*: I, 3.
- Генрих XI Лев Вельф (на самом деле: Генрих X (Гордый) Вельф, муж Гертруды, дочери Лотаря II, герцога баварский, а затем и саксонский) – *Гельм.*: I, 35, 54, 56
- Генрих [X] Гордый, герцог Саксонии и Баварии, отец Генриха Льва – *Арн.*: V, 7
- Генрих [XI Язომиргот], герцог баварский и австрийский, отчим Генриха Льва – *Гельм.*: I, 56, 70, 72; *Арн.*: I, 2

- Генрих [XII] Лев (Вельф), герцог баварский и саксонский – *Гельм.*: I, 56, 59, 62, 68, [69], [72], [73], [75], [80], [83], 84, [86], 87, 90, 93, [94]; II, 1, 4, 6, 10, [13], [14]; *Арн.*: Пр.: I, 1–4, 6–10, 12, 13; II, 1–4, 6–17, 19–22; III, 1, 2, 4, 5, 12, 13, 20; IV, 7; V, 1–3, 7–11, 16, 17, 20, 24, 28; VI, 1, 15; VII, 16
- Генрих, сын Генриха Льва, пфальцграф Рейнский [I], герцог Брауншвейг-Люнебург – *Арн.*: I, 1; V, 2, 3, 5, 11, 20, 25, 28; VI, 1, 4, 12; VII, 16
- Генрих I, герцог Брабанта – *Арн.*: V, 25, 28; VII, 17
- [Генрих III], герцог Лимбурга – *Арн.*: VII, 5
- Генрих, граф Арнсберг – *Арн.*: II, 13
- Генрих I фон Бодвид, граф Гольштейна, граф Ратцебурга, отчим графа Адольфа III фон Шауэнбурга – *Гельм.*: I, 54, 56, 77, 83, 91; *Арн.*: II, 6, 7; V, 7
- Генрих I Старший, граф лимбургский – *Гельм.*: I, 40
- Генрих, граф Ольденбурга – *Арн.*: IV, 15
- Генрих, граф Тюрингии – *Гельм.*: II, 7, 11
- Генрих, граф Шампани, король Иерусалима – *Арн.*: V, 26
- Генрих I Чёрный, граф Шверина (Бойценбурга) – *Арн.*: VII, 11
- Генрих I, еп. Любека, до этого аббат в Брауншвейге – *Арн.*: I, 1–3, 5–8, 13; II, 5, 21; III, 3
- Генрих, еп. Регенсбурга – *Арн.*: VII, 17
- Генрих, еп. Страсбурга – *Арн.*: VII, 17, 18
- Генрих, каноник из св. Гереона – *Арн.*: VII, 3
- Генрих, сын Готшалка, король ободритов – *Адам*: III, 51; *Гельм.*: I, 24, 25, 34, 36, 37, 38, 41, 46, 48, 49, 55
- Герман I Бурвин, сын Прибислава, князь Мекленбурга (ободритов) – *Арн.*: III, 4; V, 7; VI, 13, 14
- Генрих I, князь Польши (Силезии) – *Арн.*: VII, 12
- [Генрих II Плантагенет], король Англии – *Арн.*: I, 14; II, 22
- Генрих I Птицелов, король Германии – *Адам*: I, 54, 56, 57; *Гельм.*: I, 8, 9; *Арн.*: II, 18
- Генрих II Святой, король Германии, имп. – *Адам*: II, 47, 48, 56; *Гельм.*: I, 16, 17, 18
- Генрих III, король Германии, имп. – *Адам*: II, 56, 65, 73, 74; III, 1, 5–8, 28, 30–32, 34, 56; *Гельм.*: I, 22
- Генрих IV, король Германии, имп. – *Адам*: III, 34, 43, 45–47, 60, 61, 64, 67; *Гельм.*: I, 22, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 39; *Арн.*: II, 18
- Генрих V, король Германии, имп. – *Арн.*: II, 18
- Генрих VI, сын Фридриха I Барбароссы, король Германии и Сицилии, имп. – *Арн.*: III, 9, 12, 15, 17; V, 3–7, 12, 19–23, 25–27; VI, 1; VII, 13
- Генрих I, король Франции – *Адам*: III, 32; *Сх.* 62
- Генрих, маршал Генриха Льва – *Арн.*: I, 3
- Генрих, нотариус, приор св. Стефана в Бремене – *Арн.*: I, 13; II, 9
- Генрих, приор Ратцебурга – *Арн.*: VII, 9
- Генрих, старший декан Магдебурга – *Арн.*: VII, 2
- Генрих, сын Бернгарда I, графа Ратцебурга – *Арн.*: V, 7
- Генрих Толстый, еп. Лунда – *Адам*: IV, 8, 9; *Сх.* 112
- Генрих из Вита – *Гельм.*: I, 69
- Генрих фон Вид – *Арн.*: II, 17
- Генрих из Люнебурга, вассал Генриха Льва – *Арн.*: I, 1
- Генрих фон Данненберг – *Арн.*: VI, 17
- Генрих из Скатен, фогт Микилинбурга – *Гельм.*: I, 87; II, 2
- Генрих Буше – *Арн.*: VI, 13
- Генрих Каладин – *Арн.*: VII, 14
- Генрих Старый, см. Генрих IV
- Гербранд, еп. Зеландии – *Адам*: II, 55, 64; IV, 8; *Сх.* 109
- Герман, граф из Винцебурга – *Гельм.*: I, 73; II, 6
- Герман, еп. верденский – *Гельм.*: II, 10
- Герман, еп. хильдесгеймский – *Гельм.*: II, 7
- Герман, настоятель Фальдеры, затем Нового монастыря – *Гельм.*: I, 93
- Герзлеф = Ярослав Мудрый, великий кн. Киевский – *Адам*: II, 39; *Сх.* 62
- Геривард, рыцарь-герой – *Гельм.*: I, 15
- Геридаг, еп. Гамбургской церкви – *Гельм.*: I, 3
- Гериман, фогт Зигеберга, вассал Лотаря – *Гельм.*: I, 53, 54

- Герлав, пресвитер – *Гельм.*: I, 64
 Герман, архиеп. Гамбурга и Бремена – *Адам*: II, 68, 69; *Сх.* 48, 50, 51
 Герман I, архиеп. Кёльна – *Адам*: I, 49; *Сх.* 10.
 Герман II, архиеп. Кёльна – *Адам*: III, 30; *Сх.* 55
 Герман I Биллунг, герцог Саксонии – *Адам*: II, 8–10, 24; *Гельм.*: I, 10, 13
 Герман, сын Бернгарда II Биллунга, граф в Саксонии – *Адам*: III, 43–45; *Гельм.*: I, 22
 Герман, граф Гарцбурга – *Арн.*: VI, 5, 6
 Герман, граф Равенсберг – *Арн.*: II, 13
 [Герман II], еп. Мюнстера – *Арн.*: IV, 9
 Герман Клюфлех, король саксов – *Гельм.*: I, 30
 Герман, пфальцграф Саксонии, затем ландграф Тюрингии – *Арн.*: II, 16, 22; V, 25; VI, 5, 6, 8; VII, 13, 16, 17
 Герман, священник в Любеке – *Гельм.*: I, 54
 Герман фон Штёртенбюттель – *Арн.*: V, 2
 Геро, архиеп. Магдебурга – *Адам*: II, 62
 Геро, еп. Хальберштадта – *Арн.*: II, 3, 9
 Герольд, еп. ольденбургский, затем любекский – *Гельм.*: I, Пр., 79, [80], 82, 83, 86, 87, 89, 90, 91, 93, 94
 Геромар, князь ругиев – *Арн.*: III, 4, 7; VI, 10
 Гертруда, дочь имп. Лотаря II, жена Генриха X Гордого, мать Генриха Льва – *Гельм.*: I, 56; *Арн.*: I, 2
 Гертруда, дочь Генриха Льва, жена Фредерика фон Ротенбург – *Гельм.*: II, 10, 14
 [Гертруда], дочь Генриха I, князя Польши (Силезии) – *Арн.*: VII, 12
 Гертруда, маркграфиня – *Арн.*: VI, 4
 [Герхард де Бедфорд], магистр тамплиеров – *Арн.*: IV, 3
 Герхард фон Кверфурт, брат Бурхарда, бургграфа Магдебурга – *Арн.*: VII, 2
 Герхард, викарий Страсбурга – *Арн.*: VII, 8
 Гизела, мать имп. Конрада II – *Адам*: II, 63, 80
 Гизела, сестра имп. Генриха II, жена Стефана I Святого, короля Венгрии – *Адам*: *Сх.* 32
 Гизилер, архиеп. Магдебурга – *Адам*: II, 24, 46
 Гислемар – *Адам*: I, 15.
 Гнев (Гнеус), кн. винулов – *Адам*: II, 66, 71; *Гельм.*: I, 19
 Гниф, шведский наместник – *Адам*: III, 53
 Гог и Магог, библ. – *Адам*: I, 26
 Годвин, ярл в Англии – *Адам*: II, 54; III, 14; *Сх.* 64
 Годехард, еп. Хильдесхайма – *Арн.*: V, 24
 Годика, дочь Биллуга, сестра Мечислава – *Гельм.*: I, 13, 15
 Голиаф, библ. – *Арн.*: I, 11
 Гораций, древнеримск. поэт – *Адам*: *Сх.* 122
 Горн, старейшина вагрский – *Гельм.*: I, 86
 Готебальд, еп. Сcone – *Адам*: II, 41; *Сх.* 26, 113
 [Готфрид III], герцог Брабанта – *Арн.*: III, 9
 Готфрид [II Бородатый], герцог Верхней Лотарингии – *Адам*: III, 8, 31, 46
 Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, один из вождей I Крестового похода – *Гельм.*: I, 29, 31; *Арн.*: I, 10, 11
 Готфрид [фон Гамбург], граф голштинский – *Гельм.*: I, 35
 Готфрид, еп. Вюрцбурга – *Арн.*: IV, 7, 13
 Готфрид, король данов – *Адам*: I, 14, 15; *Сх.* 8
 Готфрид, король норманнов – *Адам*: I, 37, 39; *Гельм.*: I, 3
 Готфрид, приор – *Арн.*: I, 13
 Готшалк, сын Уто, славянский кн. – *Адам*: II, 66, 79; III, 19–22, 50, 51, 77; *Сх.* 80, 82; *Гельм.*: I, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 83
 Готшалк, еп. Скары – *Адам*: II, 64; 66; IV, 23
 Готшалк, священник – *Адам*: III, 46
 Готшалк, священник из Бардевика – *Гельм.*: II, 12
 Грациано (Григорий VI), римск. папа – *Адам*: III, 7
 Григорий, кардинал – *Арн.*: V, 25
 Григорий I, римск. папа, св. – *Адам*: I, 44; IV, 44; *Арн.*: II, 7, 14
 Григорий IV, римск. папа – *Адам*: I, 16, 22, 27, 50; II, 3
 Григорий [VII], римск. папа – *Гельм.*: I, 28, 30, 33
 Григорий VIII, римск. папа – *Арн.*: IV, 6
 Григорий Турский, автор «Истории франков» – *Адам*: I, 3
 Гримкиль, еп. норманнов – *Адам*: II, 57; IV, 34
 Грин, отец Крута – *Гельм.*: I, 25
 Гриф, король Ирландии – *Адам*: *Сх.* 64
 Гуго де Сен-Поль, граф – *Арн.*: VI, 19
 Гуго, кардинал, еп. Остии – *Арн.*: VII, 6, 17

- Гудред, король норманнов – *Адам*: I, 39; II, 25
 Гудурм, правитель норманнов – *Адам*: I, 28
 Гунтер, архиеп. Кёльна – *Адам*: I, 27
 Гунхильда, жена Харальда I Синезубого – *Адам*: II, 3, 28; *Гельм.*: I, 9
 Гунхильда, дочь Кнута I Великого, жена имп. Генриха III – *Адам*: II, 56, 65, 74, 79
 Гунхильда, жена Анунда – *Адам*: Сх. 66
 Гунхильда, жена (?) Свена III Эстридсена – *Адам*: III, 15, 18; Сх. 66
 Гунцелин I [фон Гаген], граф Шверина, правитель ободритов – *Гельм.*: I, 87, 91, 92; II, 2–6, 14; *Арн.*: I, 1, 3, 8; II, 13, 16, 21, 22; III, 1, 4, 7
 Гунцелин II, граф Шверина (Виттенбурга) – *Арн.*: VI, 14; VII, 11
 Гунцелин фон Вольфенбюттель, стольник Оттона IV – *Арн.*: VI, 7
 Гурд, король данов – *Адам*: I, 48
 Гута, дочь ярла Годвина, жена Эдуарда III Исповедника – *Адам*: Сх. 64
 Гута, жена Свена II Эстридсена – *Адам*: Сх. 66, 72
- Давид, библи. – *Адам*: I, 52; II, 27; *Гельм.*: I, 33; *Арн.*: I, 11; II, 14; VII, 8
 Давид, приор – *Арн.*: III, 14
 Дазо, богач из Гользати – *Гельм.*: I, 48
 Даниил, пророк, библи. – *Арн.*: I, 11; III, 3
 Девкалион, миф. – *Арн.*: V, 19
 Дедал, миф. – *Арн.*: V, 19
 Деди, пфальцграф Саксонии, брат архиеп. Адальберта – *Адам*: III, 56
 Дезидерий (Виктор III), римск. папа – *Гельм.*: I, 30
 Деяла, священник из Фальдеры – *Гельм.*: I, 83
 Деций, римский император – *Арн.*: III, 17
 Диана, миф. – *Адам*: IV, 44
 Дитрих, аббат из Хильзенбурга – *Арн.*: II, 9
 Дитрих, аббат св. Михаила – *Арн.*: V, 23
 Дитрих I, архиеп. Кёльна – *Арн.*: VII, 17
 Дитрих, граф – *Адам*: II, 31
 Дитрих I, еп. Любека – *Арн.*: III, 14; V, 11
 Дитрих, еп. Миндена – *Адам*: I, 35, 38
 Дитрих, капеллан – *Адам*: II, 68
 Дитрих, маркграф Нордмарка – *Адам*: Сх. 27, 28, 31
- Дитрих II, маркграф Ландсберга – *Арн.*: II, 10
 Дитрих III, маркграф Мейсена – *Арн.*: VI, 5; VII, 13, 16, 17
 [Дитрих фон Веттин], еп. Мерзебурга – *Арн.*: VII, 16
 Дрого, еп. Меца – *Адам*: I, 16
 Дрого, рыцарь – *Арн.*: I, 11
 Дурберн, брат Петра, еп. Роскилле – *Арн.*: VI, 9
- Евгений [III], римск. папа – *Гельм.*: I, 59
 Езекия, библи. – *Адам*: III, 63; *Гельм.*: I, 45
 Елена, дочь короля Дании Вальдемара I, жена Вильгельма Люнебургского – *Арн.*: VI, 15
 Елена, миф. – *Арн.*: V, 19
 Елисей, библи. – *Адам*: I, 20; *Гельм.*: I, 66
- Жива, богиня полабов – *Гельм.*: I, 52
- Звинике, сын Святополка, кн. славян – *Гельм.*: I, 49
 Зедерих, кн. славян – *Гельм.*: I, 15
 Зигфрид, архиеп. Бремена и Гамбурга – *Арн.*: II, 9, 22; III, 1, 2, 6, 13, 14
 Зигфрид II, архиеп. Майнца – *Арн.*: VI, 3; VII, 17
 Зигфрид, граф – *Гельм.*: I, 15
 Зигфрид, граф Бланкенбурга – *Арн.*: I, 1
 Зигфрид III, еп. Аугсбурга – *Арн.*: VII, 17, 18
 Зигфрид, еп. норманнов – *Адам*: II, 57, 64; III, 15; IV, 34
 Зигфрид, король данов – *Адам*: I, 15; Сх. 8
 Зигфрид, король норманнов – *Адам*: I, 37, 39
 Зигфрид из Гамбурга – *Гельм.*: II, 6
 Зигфрид фон Штаде, маркграф – *Адам*: II, 31, 32; Сх. 23
- Иаков, св. – *Адам*: III, 67; Сх. 57, 99
 Иаков (Израиль), библи. – *Гельм.*: I, 91; *Арн.*: I, 11; III, 1, 9; V, 14; VII, 8
 Иаков д'Авен – *Арн.*: IV, 15
 Ида, жена Маркрада, наместника Гольштейна – *Арн.*: VI, 13
 Иезавель, библи. – *Арн.*: I, 11
 Иезекииль, библи. – *Адам*: I, 26
 Иеремия, библи. – *Гельм.*: I, 73; *Арн.*: IV, 1, 4

- Иероним, св. – Адам: I, 61
 [Изабелла], дочь Амори, короля Иерусалима, жена: 2) Конрада, маркграфа Монферрато; 3) Генриха, графа Шампани; 4) Амори де Лузиньяна – Арн.: IV, 16; V, 27
- Израиль, см. Иаков
- Иисус Навин, библи. – Арн.: I, 11
- Икар, миф. – Арн.: V, 19
- Икиа – Адам: I, 23
- Илия, библи. – Адам: I, 20; II, 68; III, 41; Гельм.: I, 66; Арн.: I, 11
- Илия, слуга Готфрида Бульонского, отступник – Арн.: I, 11
- Имма – Гельм.: I, 55
- Иммедингеры, род – Адам: II, 47
- Ингвар, сын Лодпарха, король данов – Адам: I, 37; II, 25
- [Ингигерда], дочь Свена II Эстридсена, жена Олафа III Кирра – Адам: Сх. 85
- Инград (Ингигерда), дочь Олафа Шётконунга, жена Ярослава Мудрого – Адам: II, 39
- Иннокентий [II], римск. папа – Гельм.: I, 41
- Иннокентий III, римск. папа – Арн.: VI, 1, 2; VII, 1, 3, 4–7, 10, 18, 19
- Иоанн I, архиеп. Трира – Арн.: VI, 1; VII, 17, 18
- Иоанн, евангелист, св. – Адам: I, 34, 52; II, 11, Гельм.: I, 63; Арн.: II, 5, 21; III, 3; IV, 2, 3
- Иоанн, еп. – Адам: II, 37
- Иоанн, еп. норманнов – Адам: III, 77; IV, 34
- Иоанн, еп. микилинбургский, св. – Гельм.: I, 22, 23, 69
- Иоанн (Хильтин), еп. Оркадских островов – Адам: III, 77; IV, 20
- Иоанн X, римск. папа – Адам: I, 54
- Иоанн XII (Октавиан), римск. папа – Адам: II, 10; Гельм.: I, 10
- Иоанн XV, римск. папа – Адам: II, 29
- Иоанн XIX, римск. папа – Адам: II, 63
- Иоанн Ганс, владелец замка Грабове – Арн.: VII, 11
- Иоанн Златоуст, один из «отцов церкви» – Арн.: I, 5
- Иоанн Креститель, св. – Гельм.: I, 12, 83, 90; II, 14; Арн.: I, 13; III, 10; IV, 9; V, 15; VII, 12, 18
- Иоанн Скотт, еп. Магнополя – Адам: III, 21, 51, 77; Сх. 80
- Иов, библи. – Арн.: VI, 19
- Иордан фон Бланкенбург, стольник – Арн.: I, 3; V, 2
- Иосиф, библи. – Арн.: III, 3; V, 15
- Иппо, священник – Адам: III, 50
- Ирина, св. – Арн.: VI, 5
- Ираклий I, император Византии – Арн.: I, 9 [Ираклий], патриарх Иерусалима – Арн.: IV, 2
- [Ирина], жена Филиппа Штауфена, короля Германии – Арн.: VI, 2; VII, 12
- Ирминфрид, король тюрингов – Адам: I, 4
- Ирод, царь Иудеи – Арн.: VII, 8
- Исаак, библи. – Арн.: I, 11; VII, 8; Гельм.: I, 91
- Исаак II Ангел, император Византии – Арн.: III, 8; IV, 9, 10; VI, 19, 20
- [Исаак], царь Кипра – Арн.: IV, 16
- Исав, библи. – Арн.: VII, 8
- Исайя, пророк, библи. – Арн.: IV, 1
- Ислайф, еп. Исландии – Адам: III, 77; IV, 36
- Исо, еп. Вердена – Арн.: V, 30; VII, 17, 18
- Исфрид, еп. Ратцебурга – Арн.: II, 7; VII, 9
- Иуда, библи. – Арн.: V, 27
- Иуда, св. – Арн.: VI, 13
- Казимир, сын Вартислава, кн. поморян – Гельм.: II, 4, 6, 12
- Казимир I, князь Померании – Арн.: II, 17.
- Каин, библи. – Арн.: IV, 9
- Каликст, римск. папа – Гельм.: II, 10
- Карл [I Лотарингский], герцог Нижней Лотарингии, брат Лотаря, короля Франции – Адам: II, 24; Гельм.: I, 13
- Карл I Великий, король франков, имп. Запада – Адам: I, 8, 11, 12, 14, 18, 52; II, 3, 8, 10, 18, 19; Сх. 1, 82, 107, 119; Гельм.: I, 3, 4, 9, 10; II, 12; Арн.: III, 2
- Карл II Лысый, король западных франков, имп. Запада – Адам: I, 22; Гельм.: I, 4
- Карл III Толстый, король немецкий, имп. Запада – Адам: I, 28, 39, 40; Гельм.: I, 7
- Кархас – Арн.: IV, 16
- Катулл (Генрих IX Черный), отец Генриха X Гордого, герцог баварский – Гельм.: I, 35
- Килиан, св. – Адам: I, 10
- Кириак, св. – Арн.: V, 14
- Кирилл, еп. Александрии, один из «отцов

- церкви» – *Арн.*: I, 5
- Клементия, дочь Конрада фон Церинген, жена герцога Генриха Льва – *Гельм.*: I, 68, 70, 71, [79]; II, 10
- Клеменс (Виберт), антипапа Клемент III – *Гельм.*: I, 32. См. также Виберт
- Климент II (Свитгер), римск. папа – *Адам*: II, 68; III, 7; *Сх.* 49, 60
- Климент III, римск. папа – *Арн.*: IV, 6; V, 4; 30
- Кнуба, король данов – *Адам*: I, 48
- Кнут II Великий, король Дании – *Адам*: II, 39, 49, 51–57, 60, 61, 64–66, 73, 74, 77, 79; IV, 8; *Сх.* 25, 37, 39, 40, 64, 111; *Гельм.*: I, 19, 20
- Кнут V, сын Магнуса, король Дании – *Гельм.*: I, 51, 67, 70, 73, 84; *Арн.*: III, 22; V, 17
- Кнут VI, сын Вальдемара I, король Дании – *Арн.*: III, 2, 4, 5, 7, 13, 16, 21; V, 8, 17, 20, 21; VI, 9–13, 15, 16, 18
- Кнут Лавард, сын Эрика I Доброго, король ободритов, герцог Голштиния, а потом и Шлезвига – *Гельм.*: I, 49, 50, 51, 52, 53
- Кнут, сын кор. ободритов Генриха – *Гельм.*: I, 46, 48
- Коно, аббат Эльвангена – *Арн.*: VII, 17
- [Конрад], аббат Фульды – *Арн.*: III, 9
- Конрад I фон Виттельсбах, архиеп. Майнца – *Арн.*: III, 11, 15, 17, 19; V, 3, 14, 29; VI, 1–3
- Конрад, брат еп. Герольда, аббат в Ридегесгузене, потом еп. любекский – *Гельм.*: I, 79, II, 1
- Конрад, герцог франконский, потом король франков – *Гельм.*: I, 7, 8
- Конрад, граф эверштейнский – *Гельм.*: I, 42
- [Конрад II], еп. Вормса – *Арн.*: I, 2, 3, 5
- [Конрад II], еп. Констанца – *Арн.*: VII, 17, 18
- Конрад I, еп. Любека – *Гельм.*: II, 9, 11; *Арн.*: Пр.; I, 1, 3, 5, 7
- Конрад II, еп. Любека – *Арн.*: III, 6
- Конрад, еп. могонтский – *Гельм.*: I, 90
- Конрад, канцлер, еп. Хильдесхайма, Вюрцбурга – *Арн.*: V, 19, 25–29; VI, 4; VII, 2, 13
- Конрад I, король Германии – *Адам*: I, 52–54
- Конрад II, король Германии, имп. – *Адам*: II, 56, 63, 65, 68, 69, 73, 80; III, 1; *Сх.* 46, 48; *Гельм.*: I, 19, 22
- Конрад III (Гогенштауфен), король Германии – *Гельм.*: I, 41, 54, 56, 59, 60, 70, 73; II, 10; *Арн.*: I, 10; V, 7
- [Конрад Штауфен], пфальцграф Рейнский – *Арн.*: III, 9; V, 20
- [Конрад III], еп. Шпейра, канцлер – *Арн.*: VII, 14, 18
- Конрад, маркграф из Витина – *Гельм.*: I, 62, 84
- Конрад, маркграф Ландсберга – *Арн.*: VI, 8; VII, 16, 17
- Конрад, маркграф Монферрато и Тира, избранный король Иерусалима – *Арн.*: IV, 2, 14–16
- Конрад, вельможа – *Арн.*: II, 18
- Конрад фон Роде – *Арн.*: II, 13, 16; V, 3, 9–11
- Конрад фон Церинген – *Гельм.*: I, 62, 68
- Конрад I Отто, князь Чехии – *Арн.*: V, 4; 6
- Константин I Великий, римск. император – *Арн.*: I, 10; *Гельм.*: I, 3
- Константин IX Мономах, имп. Византии – *Адам*: III, 32
- Константин (Феодор I Ласкарь) – *Арн.*: VI, 20
- [Констанция], дочь Белы III, короля Венгрии, жена (2-я) Оттокара I, короля Чехии – *Арн.*: VI, 5
- [Констанция], дочь Рожера II, жена имп. Генриха VI – *Арн.*: III, 15; V, 5, 6, 20, 25, 26
- Кристина, св. – *Арн.*: VII, 18
- Крут, кн. славян – *Гельм.*: I, 25, 26, 34, 55, 57
- Ксеркс I, царь Персии – *Адам*: III, 28
- [Куниберт], еп. Турина – *Адам*: *Сх.* 74
- Куно, еп. Трира – *Адам*: III, 35
- [Кылыч-Арслан II], турецкий султан – *Арн.*: I, 9; IV, 12
- Лаврентий, св. – *Арн.*: V, 18
- Ландрик, священник – *Адам*: *Сх.* 107
- Ланфранк, архиеп. Кентерберийский – *Адам*: III, 52
- Лев VII, римск. папа – *Адам*: II, 1
- Лев VIII, римск. папа – *Адам*: II, 10; *Гельм.*: I, 10
- Лев IX, римск. папа – *Адам*: III, 29, 30, 34; *Сх.* 75; *Гельм.*: I, 22
- Лев, кардинал, еп. Сабинский – *Арн.*: VII, 6, 17
- Левифан, библи. – *Арн.*: III, 10; V, 25
- [Левон], царь Киликии – *Арн.*: V, 29
- Лейдрад, приор Бременского капитула –

- Адам: I, 54
 Леопольд II, архиеп. Майнца – *Арн.*: VI, 3, 5
 [Леопольд V], герцог Австрии – *Арн.*: IV, 8, 16; V, 25
 Леопольд VI, герцог Австрии – *Арн.*: VII, 17
 Леопольд фон Герцберг – *Арн.*: II, 17
 Леопольд, наместник Зегеберга – *Арн.*: II, 16, 20
 Леудерик, еп. Бремена – *Адам*: I, 19, 22, 23; II, 28
 Лиавицо (Либенций) I Старый, архиеп. Гамбурга и Бремена – *Адам*: II, 14, 29, 33, 36, 45, 46, 63, 69; III, 30, 43; *Сх.* 47, 67; *Гельм.*: I, 16, 17
 Лиавицо (Либенций) II, архиеп. Гамбурга и Бремена – *Адам*: II, 29, 47, 63, 64, 66, 67; *Сх.* 42, 53; *Гельм.*: I, 18
 Лиафдаг, еп. Риббе – *Адам*: II, 4, 26; *Сх.* 98, 113, 147
 Лиemar, архиеп. Гамбурга и Бремена – *Адам*: I, Пр.; III, 1
 Лиудольф, архиеп. Магдебурга – *Арн.*: VI, 4
 Лиудольф, еп. Базеля – *Арн.*: VII, 17, 18
 Лиудольф, настоятель верденский – *Гельм.*: I, 46
 Лиудольф, настоятель в Зигеберге – *Гельм.*: I, 93, 94
 Лиудольф, священник в Фальдере, потом в Любеке, потом в Кузалине – *Гельм.*: I, 47, 48, 49, 54, 55, 74, 75, 77, 79, 82, 83
 Лиудольф, священник в Феуле – *Гельм.*: I, 43
 Лиудольф, стражник – *Арн.*: VI, 9
 Лиудольф, фогт в Куцине – *Гельм.*: I, 87
 Лиудольф фон Дассель – *Арн.*: VI, 17
 Лиудольф фон Пейн – *Гельм.*: I, 87; *Арн.*: II, 17
 Лиудольф фон Хеллермунд, граф – *Арн.*: II, 13
 Лиутберт, архиеп. Майнца – *Адам*: I, 35
 Лиутберт, монах – *Гельм.*: I, 74
 Лиутгарда – *Адам*: I, 30
 Лиутгер, св., еп. Мюнстера – *Адам*: I, 11; *Сх.* 107, 119
 Лиутгер, сын Германа I Биллунга, граф – *Адам*: II, 46
 Лотарь I, король Италии, имп. Запада – *Адам*: I, 22; *Гельм.*: I, 4
 Лотарь [II], имп. СРИ – *Гельм.*: I, 41, 49, 50, 53, 54, 56, 57; II, 6. См. также Людер
 Лотарь, король Франции – *Адам*: II, 24; *Гельм.*: I, 13
 Лотарь, сын Вальтера фон Берга – *Арн.*: V, 8
 Лотарь, сын Генриха Льва – *Арн.*: I, 1; V, 3
 Лукан, римск. историк, автор «Фарсалии» – *Адам*: IV, 21, 42; *Сх.* 132; *Арн.*: V, 19
 Лулл, архиеп. Майнца – *Адам*: I, 12
 Луций III (кардинал Хубальд), римск. папа – *Арн.*: II, 9; III, 6, 11, 17
 Любомир, брат Никлота – *Гельм.*: I, 92
 Людер, герцог саксонский, впоследствии имп. – *Гельм.*: I, 35, 36, 38, 39, 40, 41. См. также Лотарь, имп.
 Людовик I, герцог Баварии – *Арн.*: VII, 17
 Людовик I Благочестивый, король франков, имп. – *Адам*: I, 14–16, 18, 21, 22; *Гельм.*: I, 4, 7; II, 12
 Людовик III, король западных франков – *Адам*: I, 38
 Людовик IV Дитя, король франков – *Гельм.*: I, 7
 Людовик [VII], кор. французский – *Гельм.*: I, 59, 60, 90
 Людовик II Немецкий, король восточных франков – *Адам*: I, 19, 22, 24, 27, 34, 35, 37, 38, 40, 45; *Гельм.*: I, 4, 5, 6, 7
 Людовик III, король восточных франков – *Адам*: I, 38
 Людовик IV, король Германии – *Адам*: I, 51, 52
 Людовик, граф Блуа и Клермона – *Арн.*: VI, 19
 Людовик, ландграф Тюрингии – *Гельм.*: II, 7
 Людовик III, ландграф Тюрингии – *Арн.*: II, 16, 20, 22; III, 9, 10, 16, 21; IV, 15
 Лютмунд, священник в Зигеберге – *Гельм.*: I, 47, 54
 Маврикий, св. – *Адам*: II, 13; *Арн.*: V, 26.
 Магнус, сын Николая, короля данов – *Гельм.*: I, 49, 50, 51
 Магнус, сын Олафа Святого, король Дании и Норвегии – *Адам*: II, 77–79; III, 12, 54; *Сх.* 56, 61, 63, 146
 Магнус, сын Ордальфа, герцог Саксонии –

- Адам: III, 48, 49, 60, 70; *Гельм.*: I, 25, 27, 34, 35
 Магнус, сын Свена II Эстридсена – Адам: Сх. 72
 Магнус, еп. Вендилы – Адам: III, 77; IV, 2; Сх. 105
 Магомет, основатель ислама – Арн.: IV, 4; VII, 8
 Маккавей, библ. – Адам: III, 50; *Гельм.*: I, 22, 64
 Макко, викарий Бремена – Адам: II, 68
 Макробий, римск. писатель – Адам: IV, 42
 [Малик аль-Афдал], сын Саладина – Арн.: IV, 3
 Манагольд, еп. Пассау – Арн.: VII, 17, 18
 Мануил I Комнин, виз. имп. – *Гельм.*: II, 5; Арн.: I, 2, 4–6, 10, 12; III, 8
 Маргарита, дочь Ратибора, князя поморян, жена Бернгарда I, графа Ратцебурга – Арн.: V, 7
 Маргарита (Эстрид), сестра Кнута I Велико-го, жена: 1) Ричарда, графа Нормандии; 2) Вольфа, ярла в Англии – Адам: II, 54; Сх. 40, 64
 Мария, св., мать Иисуса Христа – Адам: I, 34; II, 67, 70; III, 4, 27, 30; IV, 28; Арн.: I, 6, 7; II, 5, 14, 21, 22; III, 3, 14; IV, 9; V, 14, 15, 23, 29, 30; VII, 8, 18
 [Маргарита фон Клеве], 1-я жена Людовика III, ландграфа Тюрингии – Арн.: III, 16
 Марк, св. – Арн.: VII, 8
 Марк, еп. ольденбургский – *Гельм.*: I, 12, 14, 69
 Марквард, еп. в Саксонии – Адам: I, 38
 Марквард, еп. хильдесхаймский – *Гельм.*: I, 7
 Марквард, камерарий – Арн.: IV, 9
 Маркрад, старейшина в Гользати – *Гельм.*: I, 91; II, 4
 Маркрад, наместник Гольштейна – Арн.: II, 16, 20, 21; III, 1; VI, 13
 Маркрад, фогт Травемюнде – Арн.: VI, 13
 Маркрад из Фальдеры – *Гельм.*: I, 47
 Марс, миф. – Адам: IV, 26; *Гельм.*: I, 68
 Мартин, св. – Арн.: V, 2; VII, 8, 14
 Марциан Капелла, римск. автор – Адам: IV, 12, 20, 35, 39; Сх. 116, 130, 153
 Матерниан, св. – Адам: I, 18
 Матильда, дочь англ. короля Генриха I, жена Генриха V – *Гельм.*: I, 40
 Матильда, жена Генриха I Бурвина – Арн.: III, 4
 Матильда, жена Генриха Льва – Арн.: I, 1; II, 15; V, 24
 Матильда, маркграфиня Тосканы – Арн.: III, 11, 17
 Матильда, мать графа Адольфа III фон Шау-энбурга – Арн.: II, 6, 16; V, 1, 2
 Матфей, св. – Адам: Сх. 99; Арн.: VI, 7
 Мейнверк, еп. Падерборна – Адам: II, 80
 Мейнхард, еп. – Адам: III, 77; Сх. 148
 Мейнхард, первый епископ Рижский – Арн.: V, 30
 Мейнхер, еп. Ольденбурга – Адам: II, 64; *Гельм.*: I, 18, 69
 Мельхиседек, библ. – Арн.: V, 14
 Мерка, еп. – Адам: II, 26
 Меркурий, миф. – Адам: I, 7
 Местус – Арн.: IV, 16
 Мехтильда, жена графа Адольфа II – *Гельм.*: I, 83; II, 5, 7
 Мечидраг, кн. винулов – *Гельм.*: I, 16, 20
 Мечислав, сын Биллуга, кн. ободритов – *Гельм.*: I, 13, 14, 15
 Мешко II, кн. Польши – Адам: II, 56
 Миззидрог, кн. винулов – Адам: II, 42
 Мике, славянский жрец – *Гельм.*: I, 69
 Мило (Млех), царь Киликии – Арн.: I, 9
 Минерва, миф. – Арн.: V, 19
 Минотавр, миф. – Арн.: V, 19
 Мистуи, кн. винулов – Адам: II, 42; Сх. 30
 Михаил, св. – Адам: I, 50, 52, 53; II, 68; *Гельм.*: I, 18; Арн.: V, 1, 23; VII, 19
 Моисей, библ. – Адам: I, 41; Арн.: I, 9, 11; II, 14; IV, 1; VII, 8
 Морис, граф Ольденбурга – Арн.: VI, 11
 Мстивой, славянский кн. – Адам: III, 19; *Гельм.*: I, 16, 37
 Мстислав, славянский кн. – Адам: II, 26
 Мурзуфл, см. Алексей V
 Навуходоносор II, царь Вавилона – Арн.: VII, 8
 Накко (Након), славянский кн. – Адам: II, 26; *Гельм.*: I, 15
 Нептун, миф. – Адам: II, 22
 Никлот, князь ободритов – *Гельм.*: I, 49, 52,

- 57, 62, 63, 66, 71, 83, 84, 86, 87, 92; II, 2
 Никлот, сын Вертислава – *Арн.*: III, 4
 Никлот (Николай), князь – *Арн.*: VI, 13
 Никодим, библ. – *Арн.*: V, 15
 Николай, св. – *Арн.*: I, 13
 Николай I, римск. папа – *Адам*: I, 24, 27, 35, 50; II, 3
 Николай, архиеп. Мир Ликийский, св. – *Гельм.*: I, 42
 Николай (Нильс), брат Эрика I, дядя Кнута, король данов – *Гельм.*: I, 49–51
 Николай Канаб, виз. имп. – *Арн.*: VI, 20
 Нитхард, капеллан, мученик – *Адам*: I, 21
 Нотбарт, архиеп. магдебургский – *Гельм.*: I, 46
 Нотебальд, доверенное лицо архиеп. Адальберта – *Адам*: III, 63–65; *Сх.* 88
- Овидий, древнеримский поэт – *Арн.*: V, 19
 Оддар, приор Ольденбурга – *Адам*: II, 43
 Оддар, священник-мученик из Ольденбурга – *Гельм.*: I, 16
 Одинкар Старший, еп. Риббе – *Адам*: II, 26, 36, 64; *Сх.* 25, 35, 43, 45, 59, 113, 147
 Одинкар Младший, еп. Риббе – *Адам*: II, 36, 46, 49, 64; *Сх.* 98
 Одо, декан любекской церкви – *Гельм.*: I, 94
 Олаф I (Трюгвасон), король Норвегии – *Адам*: II, 36, 37, 40, 41, 48, 51, 52; *Сх.* 26
 Олаф II Святой, сын Олафа Трюгвасона, король Норвегии – *Адам*: II, 51, 52, 57, 60, 61, 77; III, 13, 17; IV, 33, 34; *Сх.* 41, 145, 146
 Олаф III Тихий, король Норвегии – *Адам*: III, 54; *Сх.* 84, 85
 Олаф I, король Швеции – *Адам*: I, 26, 61
 Олаф II Шётконунг, сын Эрика VI, король Швеции – *Адам*: II, 39, 52, 58, 59, 73; III, 15
 Орвиг, король данов – *Адам*: I, 37; *Сх.* 7
 Ордульф, сын Бернгарда II, герцог Саксонии – *Адам*: II, 79; III, 43, 45, 48, 51; *Гельм.*: I, 22, 24, 25
 Орест, миф. – *Адам*: III, 62
 Орозий, Павел, автор «Истории против язычников» – *Адам*: I, 3; IV, 21
 Осборн, сын ярла Вольфа и Маргариты Датской, ярл – *Адам*: III, 14
 Осмунд, еп. – *Адам*: III, 15, 77; IV, 34
- Отгар, архиеп. Майнца – *Адам*: I, 16
 Отельрик, еп. гальберштадтский – *Гельм.*: I, 82
 Отрик из Магдебурга – *Адам*: II, 12
 Отто, см. Конрад I Отто
 Отто, викарый, племянник архиеп. Адальдага – *Адам*: II, 29; *Сх.* 22
 Отто, декан – *Арн.*: I, 13; II, 5
 Отто, еп. Вюрцбурга – *Арн.*: VII, 13, 18
 Отто, еп. Риббе – *Адам*: III, 77; IV, 2; *Сх.* 98
 Отто II, еп. Фрейзинга – *Арн.*: VII, 17
 [Отто], граф Гельдерна – *Арн.*: IV, 15
 Отто I, маркграф Бранденбурга – *Арн.*: II, 20; III, 1, 4
 Отто II, маркграф Бранденбурга – *Арн.*: V, 7, 8, 12, 17, 25; VI, 9–11
 Отто II Богатый, маркграф Мейсена – *Арн.*: II, 20
 Отто, посол к римскому папе – *Адам*: *Сх.* 33
 Отто, приор – *Арн.*: II, 7
 Отто фон Ассельбург (Дассель) – *Арн.*: III, 1
 Отто фон Виттельсбах, пфальцграф Баварии – *Арн.*: VI, 8; VII, 12, 14
 Отто фон Нортхейм, граф – *Адам*: III, 31, 60
 Оттокар I, князь, затем король Чехии – *Арн.*: VI, 2, 5, 8; VII, 17
 Оттон [Нордгеймский], герцог баварский – *Гельм.*: I, 27
 Оттон I Великий, король Германии, имп. СРИ – *Адам*: I, 62; II, 1–3, 5, 6, 8–12, 15, 16, 23, 24, 44; III, 32; IV, 1; *Сх.* 7, 82; *Гельм.*: I, 8–14, 18, 69; II, 13
 Оттон II, король Германии, имп. СРИ – *Адам*: II, 11, 24, 44; *Гельм.*: I, 13, 14
 Оттон III, король Германии, имп. СРИ – *Адам*: II, 24, 29, 38, 42, 44; *Сх.* 24; *Гельм.*: I, 13–16
 Оттон IV Вельф, король Германии, император, сын Генриха Льва – *Арн.*: I, 1; VI, 1, 2, 4–7, 19; VII, 1, 4–6, 12–19
 Оттоны, императоры – *Гельм.*: I, 12, 16, 88
 Оттон, граф (Отто фон Балленштедт) – *Гельм.*: I, 35
 Оттон, еп. бавембергский (бамбергский) – *Гельм.*: I, 40; II, 4
 Оттон, маркграф из Камбурга – *Гельм.*: II, 7
 Оттон из Асле – *Гельм.*: II, 6, 7

- Павел, св. – Адам: I, 10; III, 9; Сх. 69; Гельм.: I, 63; II, 12; Арн.: II, 20; V, 19; 23
- Павел, крещёный еврей – Адам: Сх. 77
- Павел I, римск. папа – Адам: Сх. 2
- Павел Дьякон, автор «Истории лангобардов» – Адам: Сх. 129; 145
- Палинур, миф. – Арн.: V, 19
- Парис, миф. – Арн.: V, 19
- Пасифайя, миф. – Арн.: V, 19
- Пасхалий I, римск. папа – Адам: I, 15
- Пасхалий [II], римск. папа – Гельм.: I, 30, 39, 40
- Пасхалий III, антипапа – Гельм.: II, 10
- Пётр, св. – Адам: I, 12, 13, 18, 23, 31, 34, 44, 62; II, 64, 81; III, 4; Сх. 69; Гельм.: I, 12, 28, 39, 71, 80; II, 10; Арн.: II, 20; III, 22; V, 14, 16, 22, 23; VI, 20; VII, 3; 19
- Петр (Амьенский), монах-проповедник – Гельм.: I, 31
- Пётр, еп. Роскилле, канцлер Дании – Арн.: VI, 9; 13; 17; VII, 10
- Пипин I, король Аквитании – Адам: I, 22; Гельм.: I, 4
- Пипин Короткий, король франков, отец Карла Великого – Адам: I, 8, 10; Гельм.: I, 3
- Питей Марсельский – Адам: IV, 36
- Плиний Старший – Адам: Сх. 149
- Плутон, миф. – Арн.: V, 19
- Подига, слав. божество – Гельм.: I, 83
- Поппо, еп. Шлезвига – Адам: II, 35, 46, 49, 64; Сх. 20, 44, 113, 147
- Прибислав, князь вагров – Гельм.: I, 49, 52, 53, 55, 82, 83
- Прибислав, сын Никлота, князь ободритов – Гельм.: I, 87, 92; II, 2–5, 7, 12
- Прибислав, брат Вратислава, князь ободритов (Мекленбурга) – Арн.: I, 1; III, 4
- Прове, бог славян – Гельм.: I, 52, 69, 83
- Прозерпина, миф. – Арн.: V, 19
- Рабан Мавр, архиеп. Майнца – Адам: I, 22
- Рабодо, граф – Арн.: VII, 16
- Радольф, богослов – Гельм.: I, 45
- Радульф, вельможа – Арн.: VI, 11
- Радульф, фогт Гамбурга – Арн.: VI, 13, 14
- Раймунд III, граф Триполи – Арн.: IV, 2–4
- Ратбод, еп. Утрехта, св. – Адам: I, 38
- Ратгер (Рожер) де Молин, магистр госпитальеров – Арн.: IV, 3, 4
- Ратибор, славянский князь – Адам: II, 71, 79; Арн.: V, 7
- Ратольф, еп. Шлезвига – Адам: III, 77; IV, 3
- Рахиль, библи. – Арн.: VI, 4
- Раце, из рода Крута – Гельм.: I, 55
- Регинбальд, граф – Адам: I, 24
- Регинберт (Рейнберт), еп. ольденбургский – Гельм.: I, 17, 69
- Регинберт, еп. Фюне – Адам: II, 46, 49, 55; Сх. 106
- Регинбранд, еп. Орхуса – Адам: II, 4, 26; Сх. 101
- Регинвард, архиеп. Гамбурга и Бремена – Адам: I, 53, 54; II, 68; Гельм.: I, 7, 8
- Регинольд, сын Гудреда – Адам: II, 25
- Регинфрид, король данов – Адам: I, 15
- Редегаст (Редегост), бог ободритов – Адам: II, 21; III, 51; Гельм.: I, 2, 21, 23, 52
- Рейнберт, см. Регинберт
- Рейнгер, еп. гальберштадтский – Гельм.: I, 40
- Рейнгерда – Адам: II, 13
- Рейнольд, архиеп. кёльнский – Гельм.: I, 86, 90; II, 7, [8], 10
- Рейнольд, граф дитмаршей – Гельм.: II, 4
- Рейхард из Сальтвиделе – Гельм.: II, 3
- Ремигий, св. – Адам: I, 18
- Рикенца, супруга имп. Лотаря II – Гельм.: I, 50, 53, 54, 56; II, 6
- Римберт, св., архиеп. Гамбурга и Бремена – Адам: I, 20, 34–36, 38–45, 50, 60; III, 72; Гельм.: I, 6, 7, 8
- Римберт, еп. Рибе – Адам: I, 29
- Ринг, легенд. король Швеции (IX–X вв.) – Адам: I, 61
- Рихенца, дочь Генриха Льва – Арн.: I, 1
- Ричард, граф Нормандии – Адам: II, 54; Сх. 40; 64
- Ричард I Львиное Сердце, король Англии – Арн.: IV, 16; VI, 1; VII, 4, 15
- Роберт (Рупрехт), граф Нассау – Арн.: III, 9; IV, 9
- Роберт, граф Нормандии – Адам: II, 54
- Родольф, монах из Любека – Гельм.: I, 63.
- Родольф, пресвитер хильдесгеймский – Гельм.: I, 43, 46

- Родульф (Рудольф), герцог швабский – *Гельм.*: I, 27–29
- Ромар, приор – *Арн.*: II, 14, 15
- Рожер II, король Сицилии – *Арн.*: V, 20; *Гельм.*: I, 54
- Рохель, слав. кн. из рода Крута – *Гельм.*: I, 69
- Рудольф, архиеп. Трира – *Арн.*: III, 11, 17
- Рудольф, еп. Вердена – *Арн.*: V, 25, 29
- Рудольф, еп. норманнов – *Адам*: II, 57, 64
- Рудольф, еп. Шлезвига – *Адам*: II, 72, 79
- Рудольф, король данов – *Адам*: I, 37
- Саваоф, библ. – *Арн.*: III, 5
- Саладин, султан Египта и Дамаска – *Арн.*: IV, 2–6, 12, 14–16; V, 27; VII, 8
- Саллюстий, римск. историк – *Адам*: III, 56; Сх. 132
- Самсон, библ. – *Арн.*: I, 11
- Сара, жена Авраама, библ. – *Арн.*: V, 27
- Сарвия, библ. – *Гельм.*: I, 64
- Саул, библ. – *Адам*: I, Пр.; *Арн.*: VI, 14
- Сафадин, брат Саладина, султан Египта – *Арн.*: V, 28
- Свен, датский вельможа – *Арн.*: III, 22
- Свен I Вилобородый (Свен Отто), король Дании – *Адам*: II, 3, 27, 29, 30, 34, 39, 40, 41, 51; Сх. 37; *Гельм.*: I, 9, 15
- Свен II Эстридсен, король Дании – *Адам*: I, 48, 52, 61; II, 26, 28, 30, 34, 38, 43, 54, 73, 75, 77, 78; III, 12–14, 18, 19, 21–23, 25, 33, 54, 60, 72, 74; IV, 2, 8, 16, 21, 25, 38, 39; Сх. 61, 63, 64, 72, 85
- Свен [III], сын Эрика Эмуна II, король Дании – *Гельм.*: I, 67, 70, 73, 84
- Свен, сын Кнута I Великого, король Норвегии – *Адам*: II, 74, 77
- Свен, сын ярла Годвина – *Адам*: II, 54; Сх. 64
- Свен Оттон. См. Свен I Вилобородый
- Свитгер, см. Климент II
- Свитгер, приор – *Адам*: III, 57
- Святовит, слав. бог – *Гельм.*: I, 52; II, 12
- Святополк, сын кор. ободритов Генриха – *Гельм.*: I, 46, 48
- Севард, еп. – *Адам*: III, 77; IV, 34
- Седекия, царь, библ. – *Арн.*: IV, 2
- Седерих, славянский кн. – *Адам*: II, 26, 60
- Секунд, св. – *Адам*: Сх. 74
- Сергий II, римск. папа – *Адам*: I, 22; *Гельм.*: I, 4
- Сергий III, римск. папа – *Адам*: I, 50, 51; II, 3
- Сергий IV, римск. папа – *Адам*: II, 45
- Сиагрий, римск. полководец – *Адам*: I, 3
- Сибико, еп. Шпейера – *Адам*: III, 30
- [Сибилла], дочь Амори, короля Иерусалима, жена: 1) Вильгельма Длинный Меч; 2) Видо де Лузиньяна – *Арн.*: IV, 2, 16
- Сивилла, миф. – *Арн.*: V, 19
- Сигебодо, аббат из Риддагсхаузена – *Арн.*: I, 13
- Сигерих, король данов – *Адам*: I, 52
- Сигерих, сын Гудреда – *Адам*: II, 25
- Сигизмунд, еп. Хальберштадта – *Адам*: I, 50
- [Сигрид], дочь (?) Мешко I, князя Польши, жена: 1) Эрика VIII, короля Швеции; 2) Свена I Вилобородого – *Адам*: II, 39; Сх. 24
- Сикст, св. – *Адам*: I, 18; 23
- Сильвестр III, римск. папа – *Адам*: III, 7
- Симеон (Стенфи), еп. в Швеции – *Адам*: III, 77; IV, 24
- Симон, св. – *Арн.*: VI, 13
- Симон, граф Текленбурга – *Арн.*: II, 13, 21; VI, 11
- Синнеций, св. – *Адам*: I, 18, 23
- Сирико, наместник Гольштейна – *Арн.*: III, 1
- Скакко, граф Дитмаршена – *Арн.*: VI, 13
- Славина, жена Крута – *Гельм.*: I, 34
- Солин, историк – *Адам*: II, 22; IV, 19, 21, 25, 35; Сх. 152, 153
- Соломон, царь, библ. – *Адам*: III, 12; *Гельм.*: I, 73; *Арн.*: V, 24
- Соломон, король Венгрии – *Адам*: III, 43; Сх. 62
- София, св. – *Арн.*: VI, 20
- [София], сестра Кнута V – *Гельм.*: I, 84
- [Софья], жена: 1) Вальдемара I, короля Дании; 2) Людовика III, ландграфа Тюрингии – *Арн.*: III, 16, 21
- Стаций Публий Папиний, древнеримск. поэт – *Гельм.*: I, 42
- Стенкиль, король Швеции – *Адам*: III, 15, 16, 53; IV, 29, 30; Сх. 84
- Стеркольф, еп. – *Адам*: II, 26
- Стефан, св. – *Адам*: III, 9; Сх. 79; *Арн.*: II, 14; VI, 14

- Стефан I Святой, король Венгрии – Адам: Сх. 32
 [Стефан II], король Венгрии – Гельм.: I, 90
 [Стефан III], король Венгрии – Арн.: I, 2
 Стефан V, римск. папа – Адам: I, 46; Сх. 10
 Стефан, монах-мученик – Гельм.: I, 22
 [Стефан Неманя], великий жупан Сербии – Арн.: IV, 8
 Сулла, древнеримск. диктатор – Адам: III, 58
 Сундерольд (Сунцо), архиеп. Майнца – Адам: I, 46
 Сцилла, миф. – Арн.: V, 19
 Сципион, римск. полководец – Адам: I, Пр.
- Тагино, архиеп. Магдебурга – Адам: II, 46
 Тадиго, еп. Сигтуны – Адам: III, 77; IV, 30
 Тангвард, еп. Бранденбурга – Адам: III, 77
 Танкред де Лечче, король Сицилии – Арн.: V, 5, 20
 Тацит, древнеримск. историк – Адам: Сх. 128
 Теобальд, сын Теобальда, князь Чехии – Арн.: VI, 5, 8
 Теодор, монах – Гельм.: I, 74
 Теодорик, граф – Гельм.: I, 15
 Теодорик, еп. минденский – Гельм.: I, 7
 Теодорик, маркграф Славянской марки – Гельм.: I, 16
 Теодорик, каноник – Гельм.: I, 43
 Теодорих, король франков – Адам: I, 4
 Теотим – Адам: II, 50
 Тетмар, настоятель церкви в Бремене – Гельм.: I, 44, 45, 58, 66, 73–75
 Тешемир, слав. вельможа – Гельм.: I, 83
 Тиадхельм – Адам: II, 12
 Тиммо, фогт Зеgeberга – Арн.: VI, 13
 Тит Веспасиан, римск. имп. – Арн.: IV, 1
 Титмар, брат герцога Бернгарда II, граф – Адам: II, 67, 76; III, 8
 Титмар, сын графа Титмара – Адам: III, 8
 Титмар (Тиммо), еп. Хильдесхайма – Адам: II, 79
 Товит, св. – Арн.: I, 1
 Токи, ярл Винландии – Адам: Сх. 35
 Тольф, еп. – Адам: III, 77; IV, 34
 Тор, бог – Адам: II, 62; IV, 26, 27
 Тора, жена Олафа Трюгвасона – Адам: II, 36
 Тора, наложница Свена II Эстридсена – Адам: Сх. 66, 72
 Тости, сын ярла Годвина – Адам: II, 54; III, 52; Сх. 64
 Трукко, сын Хакона, король Норвегии – Адам: II, 34
 Тунна, наложница Эрика II, мать Свена III, короля Дании – Гельм.: I, 51
 Тургот, еп. Скары – Адам: II, 58, 64; IV, 23; Сх. 43; 135
 Турольф, еп. Оркадских островов – Адам: III, 77; IV, 35
 Туф, ярл – Адам: III, 12
- Уббо, вельможа – Арн.: VI, 13
 Удо, граф Штаде, маркграф Нордмарка – Адам: II, 76; III, 46, 49; Гельм.: I, 27
 Удоны, графы фон Штаде – Гельм.: II, 6
 Ульрих, еп. Хальберштадта – Арн.: II, 3, 4, 6, 12, 14, 15
 Унван, архиеп. Гамбурга и Бремена – Адам: II, 47–50, 55–58, 60, 62, 70; IV, 34; Сх. 36; Гельм.: I, 17
 Унни, архиеп. Гамбурга и Бремена – Адам: I, 54, 58–63; II, 1; III, 72; Сх. 127, 142; Гельм.: I, 6, 8, 15
 Урбан [II], римск. папа – Гельм.: I, 30
 Урбан III, римск. папа – Арн.: III, 17, 19; IV, 6
 Уто (Удо), сын Мстивоя, кн. ободритов – Адам: II, 60; 66; Гельм.: I, 19
- Фазтон, миф. – Арн.: V, 19
 Феофано, жена имп. Оттона II – Адам: III, 32
 Фетида, миф. – Арн.: V, 19
 Филипп, архиеп. Кёльна – Арн.: II, 2, 10, 11, 20, 22; III, 1, 9–13, 15, 17, 18; V, 3, 4, 6, 15
 Филипп, еп. Ратцебурга – Арн.: Пр.; VII, 9
 Филипп I, король Франции – Адам: Сх. 62
 [Филипп II Август], король Франции – Арн.: IV, 16; VII, [15]
 Филипп Штауфен, сын имп. Фридриха I Барбароссы, король Германии – Арн.: VI, 1–6, 8, 18; VII, 1–3, 5–7, 10, 12–14, 17
 Флоренций, посол короля Венгрии – Арн.: I, 2
 Фолькбрахт, еп. – Адам: II, 26
 Фольквард, еп. – Адам: II, 46, 64
 Фольквард (Фольхард), еп. ольденбургский – Гельм.: I, 17, 69

- Фольквард, священник – *Гельм.*: I, 47, 48, 58
 Фолькер, каноник – *Гельм.*: I, 55
 Фолькмар, архиеп. Трира – *Арн.*: III, 11, 17
 Фольрад, сын Бернгарда I, графа Ратцебурга – *Арн.*: II, 19; V, 7
 Фольхард, священник в Кузалине – *Гельм.*: I, 78
 Фома (Томас) Беккет, архиеп. Кентербери – *Арн.*: I, 14
 Формоз, римск. папа – *Адам*: I, 49, 50; *Сх.* 9
 Фредерик, архиеп. Гамбурга – *Гельм.*: I, 44
 Фредерик, герцог свевский, потом король и имп. Фредерик I Барбаросса – *Гельм.*: I, 59, 72, [80], [81], 84, 86, [87], [90]; II, 10
 Фредерик (Фридрих фон Штауфен), герцог свевский (Швабии), отец Фредерика I Барбароссы – *Гельм.*: I, 72
 Фредерик, граф арнесбергский – *Гельм.*: I, 40 [Фредерих фон Ротенбург], сын короля Конрада, муж Гертруды, дочери Генриха Льва – *Гельм.*: II, 10, 14
 Фридрих, сын Фридриха I Барбароссы, герцог Швабии – *Арн.*: II, 21; IV, 12, 13
 Фридрих I Барбаросса, король Германии, император – *Арн.*: I, 12; II, 1, 2, 10, 17, 18, 20–22; III, 1, 2, 6, 7, 9, 11, 14, 17–21; IV, 6–8, 10–13; V, 1, 25; VI, 5; VII, 8, 16
 [Фридрих II], герцог Лотарингии – *Арн.*: VII, 17, 18
 [Фридрих II], еп. Хальберштадта – *Арн.*: VII, 16, 17
 Фридрих, рыцарь Генриха Льва – *Арн.*: II, 4
 Фридрих, пфальцграф Саксонии, брат архиеп. Адальберта – *Адам*: III, 63
 Фридрих фон Зульцбах – *Арн.*: I, 2
 Фрикко, бог – *Адам*: IV, 26, 27
 Фульк, архиеп. Реймский – *Адам*: *Сх.* 10

 Хадугато, герцог саксов – *Адам*: I, 4
 Хакон, король Норвегии – *Адам*: II, 25
 Хакон, король Швеции – *Адам*: *Сх.* 84
 Халитгар, еп. – *Адам*: I, 15
 Хальдо – *Адам*: II, 13
 Хальфдан, король норманнов – *Адам*: I, 37, 39
 Хальцштейн, король Швеции – *Адам*: *Сх.* 84
 Харальд, легенд. король данов – *Адам*: I, 15
 Харальд I Синезубый, сын Ворма, король данов – *Адам*: I, 59; II, 3; 25; 27; 28; *Сх.* 20; *Гельм.*: I, 8, 9, 15
 Харальд II, сын Кнута I Великого, король Англии – *Адам*: II, 74
 Харальд III Гардрад, король Норвегии – *Адам*: III, 13, 17, 52; IV, 11, 39; *Сх.* 62, 63, 67–69, 83, 86, 135, 146
 Харальд, датский вельможа – *Адам*: II, 79
 Хардегон, сын Свена, король данов – *Адам*: I, 52
 Хардекнут Вурм, король данов – *Адам*: I, 55, 57, 59
 Хардекнут, сын Кнута I Великого, король Дании и Англии – *Адам*: II, 74, 77, 78; *Сх.* 37
 Харибда, миф. – *Арн.*: V, 19
 Хариг, еп. – *Адам*: II, 26, 64
 Хартберт, приор, затем еп. Хильдесхайма – *Арн.*: V, 19; VII, 16, 17
 Хартгарий, иеремит – *Адам*: I, 23
 Хартильд, король Норвегии – *Адам*: II, 25
 Хатто, архиеп. Майнца – *Адам*: I, 49
 Хелги, король данов – *Адам*: I, 48
 Хельмгауд, еп. Вердена – *Адам*: I, 16
 Хемминг, король данов – *Адам*: I, 14; 15
 Хериберт, еп. Виборга – *Адам*: III, 77; IV, 2
 Херивард, сакс-проводник – *Адам*: II, 32
 Херигарий, префект Бирки – *Адам*: I, 15; 21
 Херидаг, еп. Гамбурга – *Адам*: I, 14
 Хетти, еп. Трира – *Адам*: I, 16
 Хильдибальд, архиеп. Кёльна – *Адам*: I, 12
 Хиринг – *Адам*: II, 25
 Хогер, еп. Гамбурга – *Адам*: I, 49–53; II, 68; *Гельм.*: I, 7
 Хогер фон Мансфельд – *Гельм.*: I, 40
 Хорик, брат Харальда, граф Фризии – *Адам*: I, 15
 Хорик I, король данов – *Адам*: I, 25, 26, 28
 Хорик II Младший, король данов – *Адам*: I, 28, 29, 37
 Хорит (Хоред), еп. Шлезвига – *Адам*: II, 4, 26
 Хосров II, царь Персии – *Арн.*: I, 9
 Христиан, архиеп. Майнца – *Арн.*: II, 2; III, 11.
 Христиан, граф Ольденбурга – *Гельм.*: II, 4, 7, 8
 Христиан, еп. могонтский – *Гельм.*: II, 10
 Христиан, еп. Орхуса – *Адам*: III, 77; IV, 2; *Сх.*

101

Христиан, прихожанин – *Арн.*: VII, 3

Христос, Иисус – *Адам*: I, Пр., 10, 12, 15, 16, 18, 26, 30, 33, 42, 44, 58, 59, 63; II, 13, 27, 28, 36, 37, 44, 48, 57, 58, 67, 82; III, 11, 15, 16, 21, 42, 50, 51, 63, 67, 70, 77; IV, 8, 9, 18, 21–23, 28, 30, 31, 36, 41, 44, Сх. 71, 140; *Гельм.*: I, 5, 6, 8, 14–16, 18, 22, 24, 32, 41, 53, 66, 72, 75, 78, 82; II, 12, 13; *Арн.*: Пр.: I, 5, 7, 9, 11, 13; II, 2, 3, 7; III, 3, 8, 10; IV, 1, 3–5, 7, 9, 11–16; V, 11, 14, 15, 18, 23–30; VI, 5, 19, 20; VII, 3, 4, 8, 12

Христофор, побочный сын Вальдемара I Великого, герцог Шлезвига – *Гельм.*: II, 13

Хунфрид, архиеп. Магдебурга – *Адам*: II, 62, 82

Цезарь Август – *Адам*: III, 1

Целестин III, римск. папа – *Арн.*: V, 4, 21, 23, 25

Церера, миф. – *Арн.*: V, 19

Цингий, кардинал – *Арн.*: V, 11, 23

Цицерон, Марк Туллий – *Адам*: I, Пр.

Чернобог, славянский бог – *Гельм.*: I, 52

Эберхард II, архиеп. Зальцбурга – *Арн.*: VII, 17

Эберхард, граф – *Адам*: III, 49

[Эберхард II], еп. бавембергский (бамбергский) – *Гельм.*: I, 80

Эберхард, еп. Трира – *Адам*: III, 30

Эбо, архиеп. Реймса – *Адам*: I, 15–18, 22, 33

Эвермод, еп. Ратцебурга – *Гельм.*: I, 77, 83, 87; *Арн.*: Пр.: I, 13; II, 7, 8; V, 7

Эврак (Эгвард, Эварг, Евагрий), еп. Ольденбурга – *Адам*: II, 16, 26

Эго фон Стуре – *Арн.*: V, 2; VI, 13

Эгидий, св. – *Арн.*: I, 13; II, 5; III, 3; V, 26; VI, 4

Эгино, еп. Сcone (Дальби и Лунда) – *Адам*: III, 77; IV, 8, 9, 30; Сх. 112

Эдгар, король Англии – *Адам*: Сх. 38

Эдмунд I, сын Ринга, король Швеции (X в.) – *Адам*: I, 61

Эдмунд II, сын Эрика V, король Швеции – *Адам*: II, 25

Эдмунд III Негодный (Гамулан), сын Олафа Шётконунга, король Швеции – *Адам*: II, 59;

III, 15, 16; Сх. 123

Эдмунд, брат Этельреда II – *Адам*: II, 53

Эдо Младший – *Адам*: Сх. 57

Эдо Старший, приор – *Адам*: Сх. 57

Эдуард II Мученик, сын Эдгара, король Англии – *Адам*: Сх. 38

Эдуард III Исповедник, король Англии – *Адам*: II, 53, 78; III, 12, 14, 52; Сх. 64

Эзико, еп. Ольденбурга – *Адам*: II, 26, 49; *Гельм.*: I, 14, 17, 69

Эзико, еп. Шлезвига – *Адам*: II, 46; Сх. 44, 51

Эзо (Эццо), еп. ольденбургский – *Адам*: III, 21; *Гельм.*: I, 22, 69

Эйлике, дочь герцога саксонского Магнуса – *Гельм.*: I, 35

Эйльберт, еп. Миндена – *Адам*: III, 35

Эйльберт, еп. Фюна и Фаррии – *Адам*: III, 75, 77; IV, 3; Сх. 106, 115

Эйльхард, приор Бременский – *Адам*: II, 12

Эйнхард, историк, автор «Жизни Карла Великого» – *Адам*: I, 1, 3, 4, 7, 8, 32; II, 18–20; IV, 10–12, 20; Сх. 1

Экберт из Вольфенбюттеля, вассал Генриха Льва – *Арн.*: I, 1

Экберт, маркграф – *Адам*: III, 28, 49, 46

Экберт, маркграф Мейсена – *Арн.*: VI, 4

Эквард, еп. ольденбургский – *Гельм.*: I, 12, 13, 14, 69

Эккехард, аббат из Ауры – *Гельм.*: I, 40

Эльнод, архиеп. Кентерберийский – *Адам*: II, 55

Эмико фон Неморе, граф – *Арн.*: II, 21; III, 1

Эмико фон Фиссау – *Арн.*: VI, 13

Эмма, жена графа Лиутгера Биллунга – *Адам*: II, 46, 67, 80; III, 46; Сх. 47

Эмма Нормандская, жена: 1) Этельреда II; 2) Кнута I Великого – *Адам*: II, 53, 54, 74, 78; Сх. 37

Эммануил, см. Исаак II Ангел

Эммегард, еп. микилибургский – *Гельм.*: I, 69, 87

Эммерамм, св. – *Адам*: I, 10

Энгельхард, архиеп. Магдебурга – *Адам*: II, 82; III, 30

Эней, миф. – *Арн.*: V, 19

Эппо, священник в Фальдере, затем настоятель Нового монастыря – *Гельм.*: I, 22, 47,

- 73, 75, 78, 79, 83, 93
- Эрик [I Добрый], король данов – *Гельм.*: I, 49
- Эрик [II] (Газенвот, затем Эмун), брат Кнута Лаварда, король данов – *Гельм.*: I, 51, 55, 67
- Эрик [III] Спак (Ягненок), король Дании, опекун – *Гельм.*: I, 67
- Эрик V, сын Ринга, король Швеции – *Адам*: I, 61
- Эрик VI, король Швеции и правит. Дании – *Адам*: II, 30, 34, 35, 38, 39; IV, 26; Сх. 24
- Эрик (VII), сын Стенкиля (?), король Швеции (упоминается только Адамом Бременским) – *Адам*: III, 53; Сх. 84
- Эрик (VIII, Язычник), претендент на королевский престол Швеции (упоминается только Адамом Б.) – *Адам*: III, 53; Сх. 84
- Эрик, мученик – *Адам*: III, 54
- Эримберт, еп. Швеции – *Адам*: I, 26
- Эрп, еп. Вердена – *Адам*: II, 6
- Эстрид, дочь Свена I Вилобородого, жена сына короля Руси – *Адам*: Сх. 39
- Эстрид, жена Олафа Шётконунга – *Адам*: II, 39; Сх. 38
- Эстрид, см. Маргарита, сестра Кнута I Великого
- Эсхил, архиеп. лундский – *Арн.*: III, 5
- Этелерий, военачальник – *Гельм.*: I, 67
- Этело (Атело), пресв. любекский – *Гельм.*: I, 86, 89; *Арн.*: II, 5
- Этельред II (Анунд), сын Эдгара, король Англии – *Адам*: II, 34, 51, 53, 54; Сх. 38
- Эццо, еп. ольденбургский, см. Эзо
- Юдифь, библ. – *Арн.*: I, 11
- Юлий Цезарь, Гай, римск. диктатор – *Гельм.*: I, 38; *Арн.*: V, 19
- Юпитер, миф. – *Адам*: IV, 26; *Арн.*: V, 19
- Яков, св. – *Гельм.*: I, 61
- Яков (Анунд), сын Олафа Шётконунга, король Швеции – *Адам*: II, 39, 59, 73, 78; III, 12, 15; IV, 21; Сх. 61
- Янус, миф. – *Арн.*: V, 19
- Яромир, кн. руян – II, 12

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австрия – *Арн.*: I, 2; IV, 8, 16; V, 25; VII, 17
Агафирсы – *Адам*: Сх. 125
Агира, г. – *Арн.*: VII, 8
Агримесвидил – *Адам*: II, 18
Агримесов, р. – *Гельм.*: I, 57, 63
Агримесхоу – *Адам*: II, 18
Адрианополь, г. – *Арн.*: I, 3; IV, 10
Аквилея, г. – *Адам*: III, 35
Аквисгрانا (Аахен), г. – *Гельм.*: I, 7
Аквитания – *Адам*: I, 22; *Гельм.*: I, 4
Акко (Аккарон), г. – *Адам*: Сх. 99; *Арн.*: I, 7, 8; IV, 3, 5, 13–16; V, 26–29; VI, 20; VII, 8
Аксарат, г. – *Арн.*: I, 9
Аланы (альбаны) – *Адам*: IV, 19, 20
Александрия, г. – *Арн.*: III, 9
Александрия Египетская, г. – *Арн.*: VII, 8
Алеманния – *Адам*: I, 10
Алеппо, г. – *Арн.*: VII, 8
Алфей, р. – *Арн.*: V, 19
Альберг, гора – *Адам*: Сх. 12; *Гельм.*: I, 14; см. также Ойльберг
Альдеслеф – *Гельм.*: II, 7
Альпе, р. – *Адам*: I, 12
Альпы, горы – *Гельм.*: I, 39; Альпы – *Арн.*: II, 1; III, 18; V, 19; VII, 18
Альстер, р. – *Адам*: III, 27; *Арн.*: VI, 14
Альтенбург (Плейссен), г. – *Арн.*: VII, 16
Алтхейм, г. – *Адам*: I, 53
Альфзе – *Гельм.*: II, 13
Амазонки – *Адам*: III, 16; IV, 19, 25
Амазобии – *Адам*: Сх. 125
Амерланд – *Гельм.*: II, 4, 7
Аморреи – *Адам*: I, 50; III, 50; *Гельм.*: I, 47; *Арн.*: IV, 16
Амрин (Вильденлох) – *Адам*: I, 12
Ананьи, г. – *Арн.*: VII, 4
Ангальт – *Арн.*: II, 9, 10
Англия – *Адам*: I, 39; II, 25, 34, 36, 37, 41, 49, 51, 52, 54, 55, 57, 61, 62, 65, 66, 73–75, 77, 79; III, 12, 14, 15, 17, 52, 54; IV, 1, 8, 10, 34; Сх. 25, 26, 64, 68, 69, 99, 100, 117; *Гельм.*: I, 19, 40, 90; II, 10; *Арн.*: I, 1, 14; II, 22; III, 12; IV, 3, 16; V, 1, 3, 26; VI, 1; VII, 4, 15
Англы – *Адам*: I, 3, 4, 10, 11, 39; II, 25, 51–54, 56, 73, 74, 78; III, 14, 52; IV, 35; Сх. 38, 64, 135, 147; *Гельм.*: I, 61
Анике, г. – *Арн.*: I, 10, 11
Антиохийская церковь – *Гельм.*: I, 90
Антиохия, г. – *Гельм.*: I, 31; *Арн.*: I, 8, 9; IV, 13; V, 27, 29; VII, 8
Антропофаги – *Адам*: IV, 19, 20
Апеннин, гора – *Арн.*: V, 19
Апулия – *Адам*: Сх. 40, 143; *Гельм.*: I, 54, 80; *Арн.*: V, 3, 5, 19, 20, 22, 25, 26
Арабы – *Адам*: IV, 31; *Арн.*: VII, 8
Аравия – *Арн.*: V, 19
Арара, р. – *Гельм.*: I, 90
Аркона – *Гельм.*: II, 12
Аретуза, источник – *Арн.*: V, 19
Аримаспы – *Адам*: Сх. 125
Армения – *Арн.*: V, 29
Арнсберг, г. – *Арн.*: II, 13
Артленбург, г. – *Арн.*: II, 20; III, 1; V, 7
Аскалон, г. – *Арн.*: IV, 5, 16; VII, 8
Асле – *Гельм.*: II, 6, 7
Ассасины – *Арн.*: VII, 8
Аугсбург, г. – *Арн.*: I, 12; V, 3; VII, 17, 18
Аумунд, с. – *Адам*: II, 77
Ауэ, р. – *Адам*: I, 12
Афасис, р. – *Арн.*: VII, 18
Африка – *Адам*: I, 3
Ахен, г. – *Адам*: I, 38; III, 1; Сх. 7; *Арн.*: VI, 1; VII, 1, 3
Ашбрух – *Адам*: I, 12
Бабель, башня – *Арн.*: VII, 8
Бавария, баварцы – *Адам*: I, 10; II, 21; III, 60; *Гельм.*: I, 1, 70, 79, 86, 90, 93; II, 1, 6, 7; *Арн.*: Пр.; V, 7, 26; VI, 2; VII, 14, 17, 18
Баварское герцогство – *Гельм.*: I, 27, 54, 70, 72,

- 84
 Баден, с. – Адам: II, 47
 Бадвид, г. – Гельм.: I, 54
 Базель, г. – Арн.: VII, 17, 18
 Байи, г. – Арн.: V, 19
 Балга, с. – Адам: III, 8
 Балтийское (Варварское, Восточное) море – Адам: I, 60; II, 17–19, 40; IV, 5, 10, 11, 14, 19, 20, 23, 25, 31; Сх. 12, 15, 29, 104, 116; Гельм.: I, 1, 2, 8, 12, 36, 56; II, 14
 Бальзамерланд – Гельм.: I, 88
 Бальзамов земля – Гельм.: I, 88
 Бамберг (Бавемберг), г. – Адам: Сх. 49; Гельм.: II, 11; Арн.: II, 20; VII, 12
 Бамбергское епископство – Гельм.: I, 16
 Бант, о. – Адам: Сх. 119
 Барбаро, горы – Арн.: V, 19
 Барденгау, округ – Адам: Сх. 30
 Бардовик (Бардевик), г. – Адам: Сх. 33; Гельм.: I, 53, 54, 69, 76; II, 12; Арн.: II, 20; 22; V, 2
 Барды – Адам: I, 3; Гельм.: I, 16, 25, 26, 34
 Баркенбуш – Адам: I, 12
 Барниц – Адам: II, 18
 Барселона, г. – Адам: Сх. 99
 Барсит, с. – Арн.: V, 16
 Бассум, с. – Адам: I, 30
 Бевер – Адам: I, 12
 Бельфор, замок – Арн.: V, 28
 Бенеент, г. – Адам: III, 3; Арн.: V, 26
 Бергсдорф, с. – Арн.: VI, 13
 Беренфорде – Гельм.: I, 86
 Берит, г. – Арн.: IV, 5; V, 27, 28, 29
 Биберлахо – Адам: I, 12
 Библ, г. – Арн.: IV, 5
 Билена, р. – Адам: Сх. 11
 Билинспринг – Адам: II, 18
 Бирка, г. – Адам: I, 15, 21, 26, 60–62; IV, 14, 17, 20, 23, 26, 29; Сх. 126, 142; Гельм.: I, 5, 8
 Бицина – Адам: I, 12
 Бланкенбург, г. – Арн.: I, 1; II, 17
 Бласкона, г. – Адам: IV, 35
 Блексен, с. – Адам: I, 13
 Блуа, графство – Арн.: VI, 19
 Богемия – Гельм.: I, 1, 49, 90
 Богемский – Гельм.: I, 1
 Богемские горы – Гельм.: I, 88
 Богемский лес – Гельм.: I, 79
 Богемцы – Гельм.: I, 1, 7, 8, 22; II, 5
 Бодрицкая земля – Гельм.: I, 91, 92; II, 2, 5, 7
 Бодрицкое государство, королевство – Гельм.: I, 49, 50; II, 5
 Бодричи – Гельм.: I, 2, 3, 6, 12–15, 18, 20, 21, 24, 36, 38, 41, 48, 49, 52, 53, 62, 69, 71, 84, 87, 91; II, 2, 5, 12. См. также ободриты
 Бойценбург, г. – Арн.: V, 7, 9; VII, 11
 Бокельдебург, замок – Гельм.: I, 19
 Болгария – Арн.: IV, 9, 16
 Болгарский лес – Арн.: I, 3
 Болонья, г. – Арн.: VII, 10
 Бонн, г. – Арн.: VII, 3
 Борнговеде – Гельм.: I, 69, 91
 Босау (Бузу) – Гельм.: I, Пр., 14, 18, 70, 71, 75, 82, 83, 94; II, Пр.
 Брабант – Арн.: III, 3, 9; V, 25, 28; VII, 17
 Брамштедт, г. – Адам: III, 69
 Бранденбург, г. – Адам: II, 16; III, 77; Гельм.: I, 11, 37; Арн.: II, 20; V, 7, 25; VI, 9; VII, 16, 17
 Бранденбургское епископство – Гельм.: I, 11, 88
 Бранденхуз – Гельм.: II, 13. См. также Ольденбург
 Брандиц – Арн.: IV, 9
 Браничев, г. – Арн.: I, 3
 Брауншвейг, г. – Арн.: I, 1, 2, 12, 13; II, 4, 15, 16, 20; III, 3, 9, 13; V, 3, 20, 24; VI, 4, 6, 7; VII, 16, 17
 Брежане – Гельм.: I, 37, 88
 Брейтенфельде, с. – Арн.: VI, 13
 Бремен, г. – Адам: I, Пр., 11–16, 18, 19, 22–25, 27, 30, 34, 44, 49, 50, 52–54, 58, 62; II, 2, 3, 6, 8, 9, 11, 12, 14, 22, 28, 33, 36, 46, 48, 64, 67, 68, 70, 72, 75, 80–82; III, 1, 3, 4, 8, 9, 15, 24, 33, 34, 37, 42–46, 48–50, 54, 55, 57–59, 64, 68, 73, 78; IV, 41; Сх. 3, 10, 37, 43, 45, 47, 55, 65, 118, 136; Гельм.: I, 2, 5, 17, 44–46, 54, 58, 69, 73, 79, 82; II, 7, 8; Арн.: II, 7–9, 22; III, 1, 2, 6, 13, 17, 22; V, 1, 3, 11, 21, 22, 25, 30; VI, 11; VII, 9–11, 13, 19
 Бриксен, г. – Арн.: VII, 18
 Бриндизи, г. – Арн.: IV, 16
 Британия (Альбион) – Адам: I, 3, 4; II, 34, 53; IV, 10, 35, 36, 40; Сх. 19, 99, 111, 154; Гельм.: I, 61

- Британский (Фризский) океан – Адам: I, 2; II, 17, 22, 52; IV, 1; Сх. 150; Гельм.: I, 1, 2
 Британское море – Гельм.: I, 15
 Бритты – Гельм.: I, 61
 Брунsvик – Гельм.: I, 72, 79, 82, 83, 87, 92; II, 2, 5
 Брустлахо – Адам: I, 12
 Брюккен, с. – Адам: II, 33
 Брюссель, г. – Арн.: III, 3
 Буку – Гельм.: I, 57
 Булилукин – Адам: II, 18
 Бургдорф, с. – Арн.: VI, 6
 Бургундия – Адам: I, 22; Гельм.: I, 4
 Бургундцы – Адам: II, 56; Гельм.: I, 90
 Буссерентин, г. – Арн.: VII, 8
 Бюкен, с. – Адам: I, 43; II, 82
- Вавилон (Вавилония), г. – Адам: III, 77; Арн.: II, 18; IV, 5; V, 27; VI, 19; VII, 8
 Вагрия – Гельм.: I, 2, 53, 79, 82, 83
 Вагская земля, область – Гельм.: I, 12, 36, 56, 57, 62–64, 67, 76, 79, 83, 86, 91; II, 12
 Вагское графство – Гельм.: II, 7
 Вагры – Адам: II, 21; III, 20; IV, 18; Сх. 12, 15, 29; Гельм.: I, 2, 12, 14, 18, 20, 25, 36, 41, 52, 64, 71, 87; Арн.: Пр.; III, 21; V, 7
 Вайзебиркен – Адам: II, 18
 Вальде, с. – Адам: III, 45
 Вальденберг, с. – Арн.: II, 18
 Вальдмоор – Адам: I, 12
 Валькенриде, с. – Арн.: VII, 17
 Вальтингероде, г. – Арн.: I, 13
 Вангеланд, округ – Адам: Сх. 3, 118
 Вандалы – Адам: I, 3; Гельм.: I, 2
 Вапельгау, округ – Адам: Сх. 3, 118
 Варварское море – Гельм.: I, 1
 Варвары – Гельм.: I, 2
 Варна, р. – Гельм.: I, 87
 Варны – Адам: II, 21; III, 20; Гельм.: I, 2
 Вассенберг, г. – Арн.: VII, 5
 Вашов, г. – Арн.: VI, 13
 Везер (Вирра, Виррага), р. – Адам: I, 2, 12; II, 32, 77, 82; IV, 40; Сх. 3; 117, 118; Гельм.: I, 15, 42, 61; II, 1; Арн.: II, 16
 Везувий, гора – Арн.: V, 19
 Вейсенбург, г. – Арн.: VII, 17, 18
 Вейсензее, г. – Арн.: VI, 8
- Велеты [Велатабы], см. вильцы
 Вельфесхольт, лес – Гельм.: I, 40
 Вельфесхольц, с. – Арн.: II, 18
 Вемере, о. – Гельм.: I, 2
 Вена, г. – Арн.: I, 2; IV, 8
 Венгрия, венгры – Адам: I, 21, 50, 52, 53, 55, 56; II, 73; III, 6, 7, 32, 43; Сх. 17, 32, 62; Гельм.: I, 90; Арн.: I, 2, 12; IV, 8, 9, 16; VII, 12, 16
 Вендила, о. – Адам: III, 77; IV, 1, 2, 4, 5, 11, 16, 33; Сх. 35, 102–105
 Венды – Гельм.: I, 19
 Венеция, г. – Адам: III, 67; Арн.: III, 11
 Венецианцы – Арн.: VI, 19; VII, 8
 Вербен, замок – Гельм.: I, 18
 Верден, г. – Адам: I, 15, 16, 23, 50; II, 1, 6, 45, 46; III, 33, 59; Сх. 33, 58; Арн.: V, 25, 29, 30; VII, 16, 17
 Вермиланы – Адам: IV, 24, 25
 Верона, г. – Гельм.: I, 81; Арн.: III, 6, 11, 19; VII, 18
 Веронский Клуз, перевал – Арн.: VII, 18
 Веронцы, г. – Гельм.: I, 81
 Верра (Виссула), р. – Адам: I, 2
 Вестраготия – Адам: IV, 23
 Вестфалы, вестфальцы – Адам: I, 2; Гельм.: I, 57, 63; II, 2
 Вестфалия – Гельм.: I, 57, 65, 91; Арн.: II, 13; V, 30; VI, 2
 Вельпе, г. – Арн.: II, 13, 21; V, 2, 16; VI, 11
 Вибберг (Виборг), г. – Адам: III, 77; IV, 2; Сх. 102; Гельм.: I, 70, 84
 Виг, г. – Адам: IV, 33
 Виemark – Адам: I, 12
 Вилины – Адам: II, 21; Гельм.: I, 2
 Вильдесхаузен, с. – Адам: II, 24; III, 33, 59
 Вильцы (Велеты) – Адам: II, 19, 22; III, 22; IV, 11–13, 18; Сх. 16; 124; Гельм.: I, 2, 14, 21
 Винланд, о. – Адам: IV, 39
 Винополь, г. – Арн.: I, 3; IV, 9, 10
 Виниты – Гельм.: I, 6, 15, 19
 Винулы – Адам: II, 21, 22, 24, 42, 48, 66, 71, 79; III, 22; IV, 13; Сх. 27; Гельм.: I, 2, 6, 15, 16, 18
 Винцебург, замок – Гельм.: I, 73; II, 6
 Виппенторп, см. Фальдера
 Вирмиланы – Адам: III, 16
 Вирра, Виррага, см. Везер, р.
 Вирухне – Гельм.: II, 4

- Виссебрух – Адам: I, 12
 Виссы (весь) – Адам: IV, 14, 19
 Вит – Гельм.: I, 69
 Витин (Веттин), г. – Гельм.: I, 62
 Витербо, г. – Арн.: VII, 18
 Витгенбург, г. – Арн.: VI, 13
 Вифлеем, г. – Арн.: I, 7; VI, 20
 Вихмодия, округ – Адам: I, 12
 Влахерны, дворец – Арн.: VI, 20
 Вобицы – Гельм.: I, 83
 Вокница, р. – Гельм.: I, 57, 85, 86; Арн.: V, 9
 Волигост (Юлия Августа), г. – Гельм.: I, 38
 Вольгост, г. – Арн.: III, 7
 Вольфенбюттель, г. – Арн.: I, 1
 Ворден, замок – Гельм.: I, 79
 Вормс, г. – Адам: Сх. 6, 10; Арн.: I, 2, 3, 5; II, 10; III, 11; VII, 18
 Восточная Саксония – Гельм.: I, 79; II, 7, 8
 Восточные славяне – Гельм.: I, 1, 34, 66
 Вурле, г. – Гельм.: I, 48, 87, 92
 Вюмме, р. – Адам: I, 12
 Вюрцбург, г. – Адам: III, 46; Арн.: IV, 7, 13; VII, 2, 5, 13, 17, 18

 Габала, г. – Арн.: V, 27
 Гавель, р. – Адам: II, 21, см. также Гавола
 Гавельберг, г. – Адам: II, 16; Арн.: I, 13; III, 4; VII, 16, 17
 Гавельбург, г. – Гельм.: I, 11, 37
 Гавельбургское епископство – Гельм.: I, 5, 11, 88
 Гавола (Гавель), р. – Гельм.: I, 2, 88
 Гаволяне – Адам: II, 21; Гельм.: I, 2
 Гагересторп, см. Кузалина
 Гадебуш, г. – Арн.: II, 19; VI, 13
 Галатия – Гельм.: I, 61
 Галле, г. – Арн.: VI, 5
 Галлиполи, г. – Арн.: I, 12
 Галлия – Адам: I, 3, 11, 14, 16, 20, 22, 37, 39; III, 17, 52; IV, 44; Сх. 19, 25, 68, 69; Гельм.: I, 4; Арн.: VII, 10
 Галлия Бельгийская – Адам: Сх. 19
 Гамаля – Гельм.: I, 83
 Гамбург, г. – Адам: I, Пр., 1, 2, 14, 16, 18, 20, 21, 23–25, 27, 29, 30, 34, 38, 43, 51, 52; II, 1, 3, 6, 9, 12, 16, 17, 21, 22, 26, 29, 35, 37, 43, 48, 49, 55, 60, 66, 68–71; III, 1, 12, 19–21, 26, 27, 33, 39, 45, 51, 59, 64, 68, 71, 72, 75, 76; IV, 10, 13, 35, 43; Сх. 10, 15, 29, 43, 60, 69, 70, 77; Гельм.: I, 3–5, 16, 17, 24, 35, 47, 56; II, 6–8; Арн.: III, 14, 20; V, 10, 22; VI, 12–14; VII, 11
 Гамбургская епархия, митрополия, церковь, Гамбургское архиепископство – Гельм.: I, 2–6, 9, 11, 14, 17, 69
 Гамбургский диоцез – Гельм.: I, 91
 Гамме, р. – Арн.: VI, 12
 Гарзефельд, г. – Арн.: III, 14
 Гарц, гора – Гельм.: I, 26, 27
 Гарцберг, крепость – Гельм.: I, 27
 Гарцбург, г. – Арн.: II, 18; VI, 5, 7
 Гателен (Гадельн), г. – Гельм.: I, 15; II, 1
 Гелоны – Адам: IV, 20; Сх. 124, 134
 Гельдерн – Арн.: IV, 15
 Гельнхаузен, г. – Арн.: III, 14, 18, 19
 Генинге (Генинген), г. – Гельм.: I, 72
 Геннегау – Арн.: VI, 19, 20
 Генуя, г. – Гельм.: II, 10; Арн.: VII, 8, 18
 Георгия св. рука, залив – Гельм.: I, 60
 Гераклея, г. – Арн.: I, 9
 Германия – Адам: I, 1, 4, 7, 9, 10, 22; II, 21; III, 29; IV, 1, 21, 44; Сх. 19; Гельм.: I, 4, 5, 28; Арн.: I, 9; II, 1; V, 20; VII, 10
 Германия Верхняя – Адам: Сх. 151
 Герулы – Адам: I, 3; Гельм.: I, 2
 Герцберг, г. – Арн.: II, 17
 Гессы – Адам: I, 10
 Геты – Адам: IV, 20; Сх. 122, 134
 Гиберния, см. Ирландия
 Гильдебранда город, замок – Арн.: VII, 18
 Гипербореи – Адам: Сх. 130, 137, 149
 Гладенбрюгге (Большое и Малое), с. – Арн.: II, 5
 Глиндесмор, болото – Адам: II, 32; Гельм.: I, 15
 Глиняне – Адам: II, 21; III, 20; Гельм.: I, 2
 Гогенроде, с. – Арн.: II, 16
 Гозек, г. – Адам: III, 9
 Голландия – Гельм.: I, 57, 88
 Голландцы – Гельм.: I, 63, 88; II, 2
 Гользатия – Гельм.: I, 19, 38, 48, 67, 69, 70; II, 4; см. также Гольштейн
 Гользатская земля – Гельм.: I, 49; II, 4; см. также Гольштейн
 Гользатское графство – Гельм.: II, 7
 Гользаты – Адам: II, 17; Гельм.: I, 6, 19, 24, 25,

- 26, 34, 36, 47, 48, 56, 57, 63, 67, 69, 71, 91, 92;
II, 4; *Арн.*: Пр.; II, 13, 20, 21; III, 21; V, 1, 2; VI, 15
- Гольштейн – *Арн.*: II, 16, 21; III, 1; V, 2, 7, 17; VI, 12
- Горгене – *Гельм.*: I, 78
- Гореборг, замок – *Гельм.*: I, 79; II, 1, 8, 9
- Горнбек – *Адам*: II, 18
- Гориесвертер, о. – *Арн.*: V, 10
- Гослар, г. – *Адам*: III, 28, 49, 64, 68; *Арн.*: II, 10, 18; IV, 7; V, 28; VI, 5–7; VII, 17
- Гослярия – *Гельм.*: I, 72; II, 9
- Готия – *Адам*: II, 57, 58; IV, 7, 16, 23; *Сх.* 131, 135, 136
- Готы – *Адам*: I, 3, 26, 60, 61; II, 61, 66; III, 53; IV, 8, 11, 14, 21, 23–25, 29, 30; *Сх.* 111, 134; *Гельм.*: I, 8
- Готтесвельде – *Гельм.*: I, 83
- Готэльба, р. – *Адам*: IV, 21; *Сх.* 131
- Грабове, замок – *Арн.*: VII, 11
- Гренландия, о. – *Адам*: IV, 10, 37
- Гренландцы – *Адам*: III, 24, 73; IV, 36
- Греция, греки – *Адам*: II, 21, 22, 24; III, 17, 27, 32; IV, 1, 10, 15, 16; *Сх.* 62, 77, 83; *Гельм.*: I, 1, 2, 3, 13, 60; *Арн.*: I, 2, 3, 5, 10; III, 8; IV, 8, 9, 11, 14; V, 24; VI, 2, 19, 20; VII, 1, 8
- Гроне (Эстергом), г. – *Арн.*: I, 2; IV, 8
- Гроне, р. – *Арн.*: I, 2
- Гронинген, г. – *Адам*: III, 28, 59
- Гузы – *Адам*: IV, 19
- Гуйсбург, г. – *Арн.*: II, 15
- Гунны – *Адам*: I, 3; *Сх.* 120; *Гельм.*: I, 1
- Дазенберг, гора – *Гельм.*: II, 11
- Дазенберг, замок – *Гельм.*: II, 7, 11
- Даки – *Адам*: I, 3; IV, 20
- Дальби, г. – *Адам*: III, 76; IV, 8, 9; *Сх.* 114
- Дамаск, г. – *Арн.*: IV, 3; V, 29; VII, 8
- Дания – *Адам*: I, 14, 15, 23, 25, 28, 29, 48, 52, 55, 57, 59; II, 3, 4, 25–30, 35, 36, 38, 39, 43, 49, 52, 55, 56, 61, 64, 74, 77–79; III, 11–15, 17, 18, 33, 51, 60, 72–75, 77, 78; IV, 1, 3, 7–12, 40; *Сх.* 37, 81, 116, 143, 150; *Гельм.*: I, 3, 5, 8, 9, 15, 22, 34, 49, 50, 51, 55, 56, 65, 67, 69, 70, 73, 83–86, 90; II, 5, 12–14; *Арн.*: II, 21; III, 1, 2, 4, 5, 7, 13, 16; V, 8, 11, 12, 16–18, 22, 23; VI, 9, 14, 16, 17
- Данненберг, г. – *Арн.*: III, 1
- Данская земля (острова) – *Гельм.*: II, 13
- Данское королевство – *Гельм.*: I, 8, 24, 67; II, 6, 14
- Даны – *Адам*: I, 14–17, 26–28, 33, 37, 38, 41, 42, 47, 48, 52, 55, 59–61; II, 3, 4, 6, 17, 19, 25, 27–31, 36, 38, 40, 42, 43, 51, 54–58, 61, 64, 65, 73, 77, 79; III, 8, 14, 22, 23, 32, 33, 52, 72; IV, 1, 3, 6, 10–13, 16, 20, 21, 25, 31, 38, 39, 44; *Сх.* 20, 24, 40, 61, 64, 72, 85, 120, 130, 135, 146; *Гельм.*: I, 1–5, 7–10, 12, 15, 19, 21, 25, 34, 49–51, 65, 67, 68, 70, 71, 83, 84, 86, 92; II, 13, 14
- Даргунский округ – *Гельм.*: I, 57, 63
- Девентер, г. – *Адам*: I, 38
- Дельвунда, р. – *Адам*: II, 18
- Дельвундерский лес – *Адам*: II, 18
- Деммин, г. – *Адам*: II, 21, 22; *Сх.* 70; *Арн.*: II, 4
- Деричево (Дассау), г. – *Гельм.*: I, 18
- Деуц, г. – *Арн.*: VII, 7
- Дивiona (Дижон), г. – *Гельм.*: I, 90
- Димин, г. – *Гельм.*: I, 2, 6, 12, 20, 65, 69; II, 4, 6
- Диневек, замок – *Гельм.*: I, 50
- Дисмери, округ – *Адам*: *Сх.* 3; 118
- Дитмарши (дитмарсы) – *Адам*: II, 17; *Гельм.*: I, 6, 19, 25, 26, 34, 47, 67; II, 4; *Арн.*: II, 7; III, 1, 13; 22; V, 1, 8, 22; VI, 13, 14, 17
- Дитмаршен (Дитмаршское графство) – *Гельм.*: II, 6; *Арн.*: II, 7; II, 1, 13, 22; VI, 13, 14
- Добин – *Гельм.*: I, 87
- Доксаны – *Адам*: II, 21
- Доленчане – *Адам*: II, 21; III, 22; *Сх.* 16; *Гельм.*: I, 2, 21
- Дошане – *Гельм.*: I, 2
- Дриады – *Адам*: I, 3
- Дубин, замок – *Гельм.*: I, 62, 65, 87
- Дуйсбург, г. – *Адам*: III, 28, 59; *Арн.*: III, 12
- Дулзаница – *Гельм.*: I, 70
- Дунай, р. – *Адам*: III, 61; *Арн.*: I, 2, 3, 6; VII, 14
- Евреи – *Адам*: *Сх.* 77; *Арн.*: IV, 14; V, 15
- Европа – *Адам*: I, 3, 14; II, 22; *Сх.* 19; *Гельм.*: I, 2, 3
- Евфрат, р. – *Арн.*: VII, 8
- Египет, египтяне – *Арн.*: III, 3; IV, 14; V, 29; VI, 19; VII, 8
- Заале, р. – *Адам*: I, 1; 2; II, 16; III, 9; *Сх.* 18
- Задельбент – *Арн.*: II, 7

- Зальцбург, г. – *Арн.*: VII, 17
 «Замок алеманнов» – *Арн.*: I, 10
 Западная Саксония – *Гельм.*: I, 54
 Западный океан – *Адам*: II, 19; IV, 10; *Сх.* 116;
Гельм.: I, 1
 Зара, г. – *Арн.*: VI, 19
 Зверин, г. – *Гельм.*: I, 87, 92; II, 2–7, 14, см. так-
 же Шверин
 Зегеберг, см. Зигеберг
 Зеландия, о. – *Адам*: II, 4, 36, 40, 55, 64; III, 77;
 IV, 1, 3–5, 7, 8, 16; *Сх.* 108, 109; *Гельм.*: I, 70,
 84
 Зеландцы – *Гельм.*: I, 88
 Зельц, абб. – *Арн.*: VII, 18
 Земландия – *Адам*: II, 22; IV, 1, 18
 Зигеберг (Зегеберт), замок, г. – *Гельм.*: I, 53–
 57, 63, 67, 74, 78, 83, 93; *Арн.*: II, 15, 16, 19, 20;
 III, 14; V, 2, 9, 30; VI, 13, 14, 16
 Зигфридсмоор, болото – *Адам*: I, 12
 Зинциг, с. – *Адам*: III, 28, 59
 Зомересбург – *Гельм.*: II, 7
 Зост, г. – *Арн.*: II, 21
 Зюльберг – *Адам*: III, 9, 26
- Иерихон, с. – *Арн.*: II, 7
 Иерусалим, г. – *Адам*: II, 54; III, 21, 51, 77; *Сх.*
 40, 57; *Гельм.*: I, 22, 29, 31, 49, 59, 60; *Арн.*: I,
 1, 7–9; IV, 1, 2, 5–7, 14, 16; V, 23, 24, 26, 27, 30;
 VI, 20; VII, 8
 Иерусалимская церковь – *Гельм.*: I, 90
 Изарнхо, лес – *Адам*: IV, 1; *Сх.* 13
 Израиль – *Адам*: II, 44; III, 70; *Арн.*: III, 3; IV,
 16; V, 25, 29; VI, 20
 Икарыйское море – *Арн.*: V, 19
 Иконий, г. – *Арн.*: I, 10; IV, 11, 12
 Илово (Илинбург) – *Гельм.*: I, 87, 92; II, 2–4,
 14; *Арн.*: III, 4
 Имантоподы – *Адам*: IV, 25
 Имбра, о. – *Адам*: IV, 16
 Ингельсгейм, дворец – *Гельм.*: I, 32
 Индийское море – *Арн.*: VII, 8
 Индийцы – *Адам*: *Сх.* 144
 Индия – *Арн.*: VII, 8
 Инды – *Арн.*: V, 19
 Иннсбрук, г. – *Арн.*: VII, 18
 Иовиан, г. – *Арн.*: V, 19
 Иордан, р. – *Арн.*: I, 7; III, 10
- Иосафат – *Арн.*: I, 7
 Ирландия (Гибберния) – *Адам*: III, 52; IV, 10,
 35; *Сх.* 19, 64
 Ирминсул – *Адам*: I, 7
 Искла, о. – *Арн.*: V, 19
 Исландия – *Адам*: III, 17, 70, 72, 77; IV, 10, 36,
 37, 40; *Сх.* 146, 155, 158
 Исландцы – *Адам*: II, 61; III, 24, 73; IV, 37
 Исмила, г. – *Арн.*: I, 10
 Испания – *Адам*: IV, 16, 36; *Сх.* 19; *Гельм.*: I,
 30, 59, 61, 90
 Испанцы – *Гельм.*: I, 31
 Италия, итальянцы (италийцы) – *Адам*: I, 22;
 II, 8, 10, 11, 14, 29, 42, 56, 65; III, 6, 8, 35, 67;
Сх. 27, 74; *Гельм.*: I, 4, 10, 14, 16, 29, 30, 39, 54,
 78, 79, 81, 83; II, 7, 10; *Арн.*: II, 1, 2, 10; III, 11,
 14, 15; V, 4, 26
 Итцехо, г. – *Арн.*: V, 1; VI, 13
 Ихтерсхаузен, мон. – *Арн.*: I, 13
- Каир, г. – *Арн.*: VII, 8
 Кайянус, г. – *Арн.*: V, 19
 Калабрия – *Адам*: II, 24; *Гельм.*: I, 13; *Арн.*: V,
 19
 Камбре, г. – *Арн.*: VII, 3
 Камбург – *Гельм.*: II, 7
 [Кампсес], г. – *Арн.*: I, 3
 Канны, с. – *Арн.*: V, 19
 Капитолий – *Адам*: III, 47
 Капри, о. – *Арн.*: V, 19
 Каринтийцы – *Гельм.*: I, 1
 Каринтия – *Арн.*: VII, 18
 Кварентена – *Арн.*: I, 7
 Кведлинбург, г. – *Арн.*: II, 22; VII, 6
 Квернгамеле – *Гельм.*: I, 42
 Кверфурт, г. – *Арн.*: V, 1
 Кемптен, г. – *Арн.*: VII, 18
 Кентербери, г. – *Арн.*: I, 14
 Кёльн, г. – *Адам*: I, 11, 12, 21, 27, 38, 49, 51; II,
 6, 69, 82; III, 3, 30, 34, 35, 43, 46, 55, 59; IV, 23;
Сх. 10, 55; *Гельм.*: I, 5, 7, 33, 61; *Арн.*: II, 2, 10,
 11, 20, 22; III, 1, 9–13, 15, 17, 18; V, 3, 4, 6, 15,
 21; VI, 1, 2, 7; VII, 1, 3, 5, 7, 17
 Киев, г. – *Адам*: II, 22
 Киклады, острова – *Адам*: IV, 35
 Киноскефалы – *Адам*: IV, 19, 25
 Кипр, о. – *Арн.*: IV, 16; V, 26, 29

- Клеве, с. – *Арн.*: II, 5
 Клерво, мон. – *Гельм.*: I, 59; II, 9; *Арн.*: III, 5
 Клермон, г. – *Арн.*: VI, 19
 Клюза, ущелье – *Гельм.*: I, 81
 Кобленц, г. – *Арн.*: III, 11
 Кольдиц, замок – *Арн.*: VII, 16
 Кользе, оз. – *Адам*: II, 18
 Константинополь, г. – *Адам*: II, 22; III, 13, 32; *Гельм.*: I, 3, 60; *Арн.*: I, 3, 12; IV, 9; VI, 19, 20; VII, 8
 Констанц, г. – *Арн.*: VII, 17, 18
 Корвейя, мон. – *Гельм.*: I, 6; II, 12
 Корвея Новая, мон. – *Адам*: I, 15, 34, 35, 39, 45, 50; III, 28, 45, 61; *Арн.*: II, 20; VII, 16, 17; см. также Фальдера
 Корсика, о. – *Арн.*: VII, 8
 Край женщин – *Адам*: III, 16; IV, 14, 17, 19; Сх. 123
 Красное море – *Арн.*: I, 11; VII, 8
 Кремона, г. – *Арн.*: V, 19; VII, 18
 Кремпина, р. – *Гельм.*: I, 83
 Крумне (Кримме), крепость – *Гельм.*: I, 86, 92.
 Круцбург – *Гельм.*: I, 56
 Кузалина (Гагересторп), монастырь – *Гельм.*: I, 58, 63, 66, 69, 71, 73, 75, 77, 78, 82, 83
 Кунигсисхо – *Гельм.*: I, 67
 Кур, г. – *Арн.*: VII, 18
 Курланд – *Адам*: IV, 16
 Кудин (Кютцин), г. – *Гельм.*: I, 18, 87, 92; II, 3
- Лаланд – *Гельм.*: I, 84
 Ламы – *Адам*: IV, 14
 Лангеланн, о. – *Адам*: IV, 16
 Лангобардия – *Гельм.*: I, 29, 40, 79, 81, 86, 90; II, 10, 11
 Лангобарды – *Адам*: I, 3; Сх. 111, 129, 145; *Гельм.*: II, 10, 11
 Ландсберг, г. – *Арн.*: II, 10; VI, 8; VII, 17
 Лаона (Лан), г. – *Гельм.*: I, 90
 Лаодикея, г. – *Арн.*: V, 27
 Ларгау, округ – *Адам*: I, 12
 Латеран – *Арн.*: II, 9
 Латиняне (латеранцы) – *Гельм.*: I, 1, 80; II, 10; *Арн.*: VI, 19; 20; VII, 1
 Лаузиц (Лужица) – *Арн.*: II, 10
 Лауэнбург, г. – *Арн.*: II, 17; III, 1, 4; V, 2, 3, 7, 9, 16; VI, 12–15, 17
- Лацебона (Лиссабон) – *Гельм.*: I, 61
 Левенштадт – *Гельм.*: I, 85
 Ледяное море – *Адам*: Сх. 154
 Ленчин (Леонтия), г. – *Гельм.*: I, 20, 22
 Лезум, с. – *Адам*: II, 32, 77, 80; III, 8, 9, 28, 33, 45, 63
 Лейсниц, замок – *Арн.*: VII, 16
 Ленцен, г. – *Адам*: III, 20, 50
 Леодиум (Льеж), г. – *Гельм.*: I, 33
 Леонтия, см. Ленчин
 Лестмона – *Гельм.*: I, 15
 Ливия – *Арн.*: VII, 8
 Ливония – *Арн.*: V, 30
 Лигер – *Гельм.*: I, 7
 Лилибей, мыс – *Арн.*: V, 19
 Лимбург, герцогство – *Арн.*: V, 25; VII, 5
 Лиммер, с. – *Арн.*: V, 3
 Линтбург (Линбург), г. – *Гельм.*: I, 33
 Лины, линоги – *Гельм.*: I, 37
 Лион, г. – *Арн.*: III, 11
 Липпе, графство – *Арн.*: II, 11
 Лиссабон, г. – *Адам*: Сх. 99
 Листриц (Стралиция, Средец, София), г. – *Арн.*: IV, 9
 Лиудвинештейн – *Адам*: II, 18
 Лихтенберг, г. – *Арн.*: II, 17; VI, 5–7
 Локкум, г. – *Арн.*: V, 30
 Лолланн, о. – *Адам*: IV, 16, 18
 Ломбардия, ломбардцы – *Арн.*: II, 1, 2; III, 9, 17, 18; IV, 15
 Лондон, г. – *Адам*: II, 53; Сх. 111
 Лорш, мон. – *Адам*: III, 28, 45, 61
 Лотарингия – *Адам*: I, 22, 28, 55; *Гельм.*: I, 4, 7, 8; *Арн.*: VII, 17, 18
 Лохиум, с. – *Адам*: III, 49
 Луара, р. – *Адам*: I, 28
 Лукка, г. – *Арн.*: VII, 18
 Лунд, г. – *Адам*: IV, 5, 8, 9; Сх. 111, 114; *Арн.*: III, 5; V, 18, 30; VI, 16, 17
 Лухов, г. – *Арн.*: III, 1
 Луцедий, г. – *Арн.*: VI, 20
 Любек, г. – *Адам*: III, 20; Сх. 12; *Гельм.*: I, Пр., 20, 34, 36, 41, 46, 48, 49, 53–55, 57, 63, 69, 71, 75, 76, 83–86, 89, 93, 94; II, 1, 6; *Арн.*: Пр.; I, 1, 5, 13; II, 5, 20, 21; III, 1, 3, 4, 6, 14, 20; V, 1–3, 8, 9, 11, 12, 16, 26, 30; VI, 13, 15, 17
 Любекская кафедра, Любекская церковь –

- Гельм.: I, Пр., 78, 89, 93, 94; II, 9
 Любекская республика – Гельм.: I, 74
 Любушане – Адам: II, 21
 Любушане – Гельм.: I, 2
 Люнебург, г. – Адам: II, 66; III, 60; Гельм.: I, 19, 25, 54, 70, 71, 76; II, 2; Арн.: I, 1, 13; II, 15, 19, 20, 22; V, 10, 11; VII, 16
 Лютилинбург (Лютьенбург), г. – Гельм.: I, 12, 48, 56, 57, 83, 94
 Лютилинбургская земля – Гельм.: I, 56
 Люэ, р. – Адам: I, 12
 Лютчи – Гельм.: I, 2, 15, 16, 21, 36, 41, 62. См. также вильцы
 Люттур – Гельм.: I, 54
 Мавры – Адам: Сх. 132
 Магдебург, г. – Адам: I, 2; II, 15, 16, 24, 46, 62, 82; III, 30, 35, 64; Сх. 22, 31; Гельм.: I, 11, 13, 77; II, 8, 9; Арн.: I, 1; II, 10, 11, 20; V, 7; VI, 4, 5; VII, 2, 13, 16, 18
 Магдебургское архиепископство – Гельм.: I, 11
 Магнополь (Магнополис), г. – Адам: II, 21; III, 20, 21, 51; Арн.: V, 24. См. также Микилинбург (Мекленбург)
 Маз (Мааз), р. – Гельм.: I, 33
 Майн, р. – Арн.: III, 9
 Майнц, г. – Адам: I, 11, 12, 15, 16, 35, 38, 46, 49; II, 1; III, 30, 46; Арн.: II, 2; III, 9, 11, 12, 15, 17, 19; IV, 7; V, 3, 14, 29; VI, 1–3, 5; VII, 3, 17. См. также Могонтия
 Мальта, о. – Арн.: VII, 8
 Манополь, г. – Арн.: I, 12
 Мантуя, г. – Арн.: III, 11, 15; V, 19; VII, 18
 Маргат, г. – Арн.: IV, 16
 Маркоманны – Адам: I, 3
 Марсель, г. – Адам: Сх. 99
 Марсцинерланд – Гельм.: I, 88
 Марциполис, см. Мерзебург
 Масличная гора – Арн.: I, 7
 Меде – Адам: I, 12
 Медиолан (Милан), г. – Гельм.: I, 86, 90, 92. См. также Милан
 Мезебург, г. – Арн.: I, 2
 Мейсен, г. – Адам: II, 16; Арн.: II, 20; VI, 5; VII, 13, 16, 17
 Мельдорф, г. – Адам: I, 14; II, 17
 Меотийские болота – Адам: IV, 20
 Мерзебург (Марциполис), г. – Адам: II, 16; Гельм.: I, 11, 29, 73, 79, 82; Арн.: VII, 16
 Мессина, г. – Адам: Сх. 99; Арн.: V, 26
 Месценрейца, р. – Адам: II, 18
 Мещ, г. – Адам: I, 16; Арн.: III, 17
 Мидия – Арн.: V, 29
 Микилинбург (Мекленбург), г. – Адам: III, 33, 51; Гельм.: I, 2, 13–15, 20, 22–24, 69, 86, 87, 92; II, 2, 3, 12–14; Арн.: III, 4
 Микилинбургская церковь – Гельм.: I, 87
 Микилинбургское епископство – Гельм.: I, 12, 69
 Милан (Медиолан), г. – Арн.: VII, 18
 Милеторп – Гельм.: I, 47
 Милицово, замок – Гельм.: I, 87, 92; II, 3, 4
 Минден, г. – Адам: I, 35, 50; III, 9, 35; Гельм.: I, 42; II, 5; Арн.: V, 11
 Минервы голова – Арн.: V, 19
 Мирры (меря) – Адам: IV, 14
 Мисна, г. – Гельм.: I, 11
 Митилена, г. – Арн.: V, 19
 Моавитяне – Арн.: V, 29
 Могонтия (Майнц), г. – Гельм.: I, 7, 32, 40
 Модена, г. – Арн.: V, 19
 Мойланд, о. – Адам: IV, 16
 Мозель (Моза), р. – Адам: I, 39; Гельм.: I, 7; Арн.: VI, 2
 Мольн, г. – Арн.: VI, 15
 Моне, о. – Арн.: VI, 9
 Монтекассино, мон. – Адам: I, 11; Арн.: V, 5
 Монферрато, маркграфство – Арн.: IV, 2; VI, 20
 Морава, р. – Арн.: IV, 8
 Моравия – Арн.: VII, 17, 18
 Моравский лес – Адам: II, 22
 Моравы – Адам: Сх. 17; Гельм.: I, 1
 Моримунде, абб. – Арн.: VII, 17
 Морице (Мурица), г. – Гельм.: I, 18
 Морс, о. – Адам: IV, 16
 Морсети, округ – Адам: Сх. 3; 118
 Мюленбах, р. – Адам: I, 12
 Мюльхаузен, г. – Арн.: VI, 5
 Мюнстер, г. – Адам: Сх. 119; Арн.: IV, 9
 Наварра – Арн.: IV, 16
 Назарет, г. – Арн.: I, 7; IV, 3, 4; VI, 19

- Нарвес (Гибралтар) – Адам: Сх. 99
 Нассау, графство – Арн.: III, 9; IV, 9
 Неаполь, г. – Арн.: V, 5, 19
 Невтры – Адам: IV, 20
 Незенна – Гельм.: I, 14, 18
 Нейбург, г. – Арн.: I, 2
 Немцы – Арн.: III, 5, 21; IV, 15; V, 26; VI, 13
 Никея, г. – Гельм.: I, 31
 Нил, р. – Арн.: VII, 8
 Нимфей, г. – Арн.: V, 19
 Ниш, г. – Арн.: I, 3, 12
 Новый (Корвейский) монастырь, см. Фаль-
 дера
 Норвеги – Гельм.: I, 7, 8
 Норвегия (Норманния) – Адам: II, 25, 26, 33,
 36, 41, 46, 49, 52, 57, 61, 64, 74, 77, 79; III, 11,
 12, 17, 18, 25, 52, 54, 72, 73, 77; IV, 1, 10, 11,
 21, 24, 31–35, 37, 38, 40; Сх. 26, 67; 116, 135,
 148, 150, 159; Гельм.: I, 17, 19, 22, 69, 85; Арн.:
 V, 17
 Нордальбинги – Адам: I, 1, 14, 23, 29, 42, 48;
 III, 26, 43, 64; IV, 1; Гельм.: I, 3, 5, 8, 34, 37, 47,
 48, 51, 53, 54; II, 4
 Нордальбингия – Гельм.: I, 6, 16, 17, 41, 48;
 Арн.: VI, 9, 14, 17; VII, 11
 Нордальбингская земля, Нордальбингская
 провинция – Гельм.: I, 5, 19, 25, 26, 36, 47,
 49, 50, 70
 Норденгау, округ – Адам: I, 39; Сх. 3, 118
 Нордхаузен, г. – Арн.: II, 16; VI, 5
 Нормандия – Адам: II, 54
 Норманния, см. Норвегия
 Норманны – Адам: I, 3, 5, 14, 21, 28, 37–39, 42,
 47, 48, 52, 55, 60, 61; II, 3, 19, 25, 34, 36, 40, 51,
 52, 54, 57, 58, 61, 65, 73, 77; III, 13, 15, 32, 52,
 54; IV, 10–12, 14, 20, 31, 33–35, 39; 44; Сх. 40,
 64, 69, 83, 85, 130, 131, 143, 146
 Нортмандия (Нормандия) – Гельм.: I, 7
 Нортманны – Гельм.: I, 1, 3, 4, 7, 9
 Нортумбрия – Адам: I, 39; II, 25
 Нубия – Арн.: VII, 8
 Ободриты (рароги, ререги) – Адам: I, 5, 14; II,
 21, 39; III, 20, 51; Арн.: Пр.: I, 1; VI, 8
 Оденсе, г. – Адам: IV, 4
 Одер (Одра), р. – Адам: II, 21, 22, 44; IV, 13; Сх.
 14; Гельм.: I, 2, 15, 16, 40; Арн.: VI, 9
 Олимп, гора – Арн.: V, 19
 Ойльберг (Альберг), гора – Гельм.: I, 14, 49
 Оломоуцкое епископство – Гельм.: I, 1
 Ольборг, г. – Адам: IV, 1, 5, 11, 33; Сх. 155
 Ольденбург (Старгард), г. – Адам: II, 16, 21,
 22, 26, 43, 64; III, 20, 21, 33; IV, 18; Сх. 15, 29;
 Гельм.: I, 2, 12, 13, 16–18, 20, 22, 34, 53, 56, 57,
 67, 69, 82–84, 86, 89; II, 4, 7, 13; Арн.: II, 21;
 III, 22; IV, 15; VI, 6, 11
 Ольденбург в земле фризов – Гельм.: II, 4
 Ольденбургская епархия, кафедра, церковь,
 епископство – Гельм.: I, Пр., 11, 12, 14, 18,
 20, 22, 24, 69, 77, 79, 80, 87
 Ольдесло, г. – Арн.: III, 4, 7, 20
 Ольмюц, г. – Арн.: VII, 18
 Ора, р. – Адам: Сх. 18
 Оркадские острова – Адам: II, 52; III, 17, 72, 77;
 IV, 8, 10, 35, 40; Сх. 146, 150
 Оркнейцы – Адам: III, 24, 73
 Орламюнде, г. – Арн.: VI, 8
 Орлеан, г. – Арн.: VII, 15
 Орхус, г. – Адам: II, 4, 46; III, 13, 77; IV, 1, 2, 4,
 5, 16; Сх. 101, 102
 Оснабрюкк, г. – Адам: I, 50; Арн.: II, 13
 Осте, р. – Адам: I, 12
 Остия, г. – Арн.: VII, 17
 Остергау, округ – Адам: I, 12; Сх. 3; 118
 Острогард – Адам: II, 22; IV, 11; Сх. 120;
 Гельм.: I, 1
 Остроготия – Адам: IV, 23
 Оттензунд (Каттегат), пролив – Гельм.: I, 9
 Оттер – Адам: I, 12
 Оттинсанд – Адам: II, 3; IV, 1
 Павия, г. – Арн.: III, 15
 Падерборн, г. – Адам: I, 2, 50; II, 47, 80; Арн.: V,
 30
 Пален, г. – Адам: III, 33
 Палермо, г. – Арн.: V, 26
 Палинур, мыс – Арн.: V, 19
 Пантелеон, о. – Арн.: VII, 8
 Папия – Гельм.: I, 90
 Париж, г. – Адам: I, 28; Гельм.: I, 7; Арн.: III, 3,
 5; VII, 15
 Парма, г. – Адам: III, 35; Арн.: VII, 18
 Парнас, гора – Арн.: V, 19
 Парфяне – Адам: Сх. 132

- Пассау, г. – *Арн.*: VII, 17, 18
 Патербурн (Падерборн) – *Гельм.*: I, 42, 44
 Пахин, мыс – *Арн.*: V, 19
 Пегаса источник – *Арн.*: V, 19
 Пезавр, г. – *Арн.*: V, 19
 Пелор, мыс – *Арн.*: V, 19
 Пена (Пана), р. – *Адам*: II, 16, 17, 21, 22; III, 20, 22; IV, 13; *Сх.* 16, 70; *Гельм.*: I, 2, 6, 11, 12, 20, 21, 38, 69, 83
 Персия – *Гельм.*: I, 60; *Арн.*: V, 29
 Печенеги – *Адам*: *Сх.* 17
 Плейканы – *Адам*: IV, 8
 Плессе, с. – *Адам*: III, 28, 59
 Плён (Плуня), г. – *Адам*: *Сх.* 13; *Арн.*: II, 16, 19, 20; VI, 13
 Плуньская земля – *Гельм.*: I, 56, 57
 Плуньское озеро – *Гельм.*: I, 57, 63
 Плуня, крепость – *Гельм.*: I, 25, 26, 48, 53, 56, 75, 83, 94. См. также Плён
 Полабская земля – *Гельм.*: I, 53, 56, 77, 83, 91
 Полабы – *Адам*: II, 21; III, 20; *Гельм.*: I, 2, 18, 20, 34, 36, 52, 69, 77, 87, 91; *Арн.*: Пр.; III, 21; V, 2, 7; VI, 8
 Полоцк, г. – *Арн.*: V, 30
 Полония – *Гельм.*: I, 1, 2, 15, 40. См. также Польша
 Полоны – *Гельм.*: I, 1, 36, 40, 87; II, 5. См. также поляки
 Польша – *Адам*: III, 15; *Сх.* 24; *Арн.*: VII, 12
 Поляки – *Адам*: II, 21, 56; IV, 13, 18; *Сх.* 14, 17; *Арн.*: VII, 16
 Поморяне – *Адам*: II, 22; IV, 13; *Сх.* 14, 17; *Гельм.*: I, 2, 36, 40, 87; II, 4, 5, 12; *Арн.*: II, 17; III, 4, 7; V, 7
 Понтремоли, г. – *Арн.*: VII, 18
 Поппенбург, г. – *Арн.*: IV, 15
 Порт рутубиев, г. – *Адам*: *Сх.* 19
 Прага, г. – *Адам*: *Сх.* 21; *Арн.*: VII, 18
 Пражское епископство – *Гельм.*: I, 1
 Пренесте, г. – *Арн.*: VII, 3
 Прол – *Адам*: *Сх.* 99
 Пруссy – *Адам*: II, 22; IV, 18; *Сх.* 14, 24; *Гельм.*: I, 1, 15
 Прюм, г. – *Арн.*: VII, 17, 18
 Пуатье, г. – *Арн.*: VI, 1; VII, 15
 Пфальц – *Арн.*: VI, 6
 Равенель, г. – *Арн.*: I, 3; IV, 9
 Равенна, г. – *Гельм.*: I, 30
 Равенсберг, г. – *Арн.*: II, 13
 Рамельсло, с. – *Адам*: I, 23, 30, 51, 45; II, 64; III, 33; IV, 30; *Сх.* 23, 33
 Раммельсберг – *Гельм.*: II, 11
 Раниберг, курган – *Гельм.*: I, 36
 Раны (руны, руюне, ругии) – *Адам*: II, 22; IV, 18; *Сх.* 121; *Гельм.*: I, 2, 6, 14, 15, 36, 38, 48; II, 12–14; *Арн.*: III, 4, 7; VI, 8, 17
 Рароги (ререги), см. ободриты (бодричи)
 Ратары – *Адам*: II, 21; III, 22; *Сх.* 16; *Гельм.*: I, 2, 21
 Ратеково (Ратекау), г. – *Гельм.*: I, 83; *Арн.*: III, 4, 7
 Ратисбона – *Гельм.*: I, 84
 Ратцебург (Рацисбург), г. – *Адам*: II, 21; III, 20, 21, 33, 50; *Гельм.*: I, 2, 20, 22, 53, 77, 83, 85, 91; II, 5, 6; *Арн.*: Пр.; I, 13; II, 7, 13, 16, 19–21; III, 1, 4; V, 2, 7, 9, 16, 17; VI, 13; VII, 9, 12
 Ратцебургское епископство, церковь – *Гельм.*: I, 69, 87
 Регенсбург, г. – *Арн.*: I, 2; IV, 8; VII, 17
 Регенштейн, г. – *Арн.*: II, 17
 Реда, г. – *Арн.*: IV, 15
 Реепсхольт, с. – *Адам*: II, 13
 Реймс, г. – *Адам*: I, 15–17; *Сх.* 10; *Арн.*: VII, 3
 Рейн, р. – *Адам*: I, 1, 3, 8, 10, 11, 21, 22, 39, 55; II, 80; III, 61; *Гельм.*: I, 3–5, 8, 28, 88; *Арн.*: III, 9; V, 20, 25, 28; VI, 1, 2, 6; VII, 8, 17
 Рейнфельден, г. – *Арн.*: III, 20
 Рейхенау, абб. – *Арн.*: VII, 18
 Рендсбург, г. – *Арн.*: VI, 11, 12
 Ренсевельд, с. – *Арн.*: II, 5
 Ререги, см. ободриты (бодричи)
 Ретра, г. – *Адам*: II, 21; III, 51; *Сх.* 71; *Гельм.*: I, 2, 16, 23
 Рибе, г. – *Адам*: I, 29; II, 4, 26, 35, 36, 46, 72, 79; III, 77; IV, 1, 2; *Сх.* 35, 58, 98, 99
 Рига, г. – *Арн.*: V, 30
 Риддагсхаузен (Ридегесгузен), г. – *Арн.*: I, 13; *Гельм.*: I, 79, 82
 Рим – *Адам*: I, 11, 22, 26, 27; II, 11, 13, 24, 42, 79; III, 7, 15, 24, 33, 73, 78; IV, 9; *Сх.* 60, 68, 72, 115; *Гельм.*: I, 3, 4, 7, 10, 13, 16, 28–30, 39–41, 54, 79, 80, 82; II, 10; *Арн.*: IV, 6; V, 3–5, 23; VII, 19

- Римляне – Адам: I, 2, 3; II, 10, 12; III, 27; IV, 1, 12, 20, 32, 35, 36; Сх. 4, 69, 111, 116, 130, 134, 144; Гельм.: I, 39, 79, 80, 81; II, 10; Арн.: V, 4, 5, 19
- Римская империя – Адам: I, 10; Гельм.: I, 1, 3, 7, 12, 31; Арн.: I, 10; III, 19; IV, 6; V, 12, 19, 29; VI, 1; VII, 15, 17
- Римская церковь – Гельм.: I, 80
- Рипа, г. – Гельм.: I, 5, 84
- Рифейские горы – Адам: IV, 21, 25, 31, 32, 37; Сх. 137, 146
- Роднах, мон. – Адам: I, 14
- Родопа – Адам: Сх. 134
- Розенфельд – Адам: III, 59
- Роскилле (Роскильд), г. – Адам: II, 28; III, 76; IV, 5; Гельм.: I, 84; II, 12; Роскилле, г. – Арн.: VI, 13, 17; VII, 10
- Россевельде – Гельм.: I, 69
- Росток, г. – Гельм.: II, 14; Арн.: III, 4
- Ротенбург, г. – Арн.: VII, 7
- Ротест – Гельм.: I, 55
- Рубикон, р. – Арн.: V, 19
- Ругии, см. также раны
- Ругия, см. Рюген, о.
- Рука св. Георгия, см. Георгия св. рука
- Румения – Арн.: I, 9; IV, 11
- Руны, см. раны
- Русское море – Гельм.: I, 1
- Русстры – Гельм.: I, 82
- Русы – Адам: IV, 18; Сх. 14, 122; Гельм.: I, 1
- Русь – Адам: II, 22, 39, 53; IV, 11, 13, 14, 19, 32; Сх. 24, 39, 62, 84, 120, 126; Гельм.: I, 1, 15, 85; Арн.: I, 9; V, 30
- Руяне, см. раны
- Руянская земля – Гельм.: II, 12, 13
- Рюген (Ругия), о. – Адам: IV, 18; Сх. 121; Арн.: VI, 10
- Рюстринген, округ – Адам: I, 13; Сх. 3, 118
- Сава, р. – Арн.: I, 3; IV, 8
- Сайданея, с. – Арн.: VII, 8
- Сала, р. – Гельм.: I, 11
- Сальтвиделе – Гельм.: I, 62
- Саксония – Адам: I, Пр., 1–3, 11, 15, 32, 38, 52, 55; II, 8, 9, 18, 21, 24, 31, 46, 48, 69; III, 18, 28, 36, 60, 61; IV, 1, 10; Сх. 3, 80, 118; Гельм.: I, 1, 3, 5–8, 10, 16, 17, 22, 27, 40, 41, 46, 54–56, 65, 67, 70, 72, 73, 79, 82, 84, 86, 90, 93; II, 1, 4, 6, 7, 9, 10, 11; Арн.: Пр.: I, 2, 13; II, 4, 17, 18; V, 1, 7, 20, 28, 30; VI, 2; VII, 13, 15, 17
- Саксонское герцогство – Гельм.: I, 10, 21, 35, 40, 54, 56, 72
- Саксы – Адам: I, 1–15, 32, 55, 57; II, 3, 17, 22, 31, 32, 33, 56, 66; III, 23, 60; Сх. 1, 18, 81; Гельм.: I, 2, 3, 9, 12, 13, 15, 16, 19, 21, 25–30, 33–35, 37–41, 54–56, 83, 86, 88, 94; II, 2, 4; Арн.: II, 13; VI, 2
- Салеф, р. – Арн.: IV, 12, 13
- Сальтведеле – Гельм.: I, 62, 88; II, 3, 7
- Сан-Джермано, г. – Арн.: V, 5
- Санкт-Галлен, абб. – Арн.: VII, 18
- Самсё, о. – Адам: IV, 16
- Сарацины – Адам: II, 24; III, 13, 77; Гельм.: I, 13; Арн.: IV, 6; 15; V, 19, 26, 28; VI, 19; VII, 8
- Сардиния, о. – Арн.: VII, 8
- Сарепта, г. – Арн.: V, 27
- Сарматы – Адам: I, 3; IV, 20; Арн.: V, 19
- Сафрет – Арн.: IV, 4
- Св. Георгия рукав – Арн.: I, 12; IV, 10
- Св. Кристины озеро, г. – Арн.: VII, 18
- Св. Матфея мыс – Адам: Сх. 99
- Св. Симеона гавань, г. – Арн.: I, 9
- Свала, р. – Гельм.: I, 25, 56, 57, 63
- Свевия – Гельм.: I, 1, 72, 79, 82
- Свевы – Адам: I, 3; IV, 21; Сх. 128; Гельм.: I, 28, 29
- Свеоны – Гельм.: I, 1, 5, 7, 8, см. также шведы
- Свентинсфельд – Гельм.: I, 57, 91, см. также Борнговеде
- Сембы – Адам: I, 60; II, 61; IV, 18; Сх. 134; Гельм.: I, 8
- Сербы, см. Сорбы
- Сена (Секвана), р. – Адам: I, 28; Гельм.: I, 7
- Сигтуна, г. – Адам: III, 76; IV, 25, 26, 29, 30; Сх. 136, 142
- Сидон, г. – Арн.: IV, 5; V, 27
- Сикамбры – Адам: I, 3
- Синайская гора – Адам: III, 27; Арн.: VII, 8
- Синис (Сиена), г. – Арн.: VII, 18
- Синкфал – Адам: Сх. 99
- Сион – Арн.: V, 25, 27; VI, 1
- Сирагия (Сиракузы), г. – Арн.: V, 19
- Сирия – Арн.: V, 27, 28
- Сицилия – Адам: Сх. 99; Гельм.: I, 30; Арн.: III,

- 15; V, 5, 19, 26; VII, 8
 Скаген, мыс – Адам: Сх. 103
 Скалахольт – Адам: Сх. 157
 Скальцисбург – Гельм.: I, 17
 Скандинавия (Скандия, Гангавия) – Адам: Сх. 111
 Скара, г. – Адам: II, 58; III, 76; IV, 9, 23, 25, 29; Сх. 135, 136
 Скатен – Гельм.: I, 87
 Скифия – Адам: I, 60; 62; III, 17; Сх. 122, 123, 130
 Скифское море – Адам: II, 18, 21, 22; IV, 20; Сх. 13; Гельм.: I, 1
 Скифы – Адам: II, 1; III, 13; IV, 10; Сх. 122; Гельм.: I, 1, 8
 Скланкемунт, г. – Арн.: IV, 8
 Сконе (Скония), обл. – Адам: II, 4, 36, 40, 41, 55; III, 53, 77; IV, 1, 5, 7–9, 14, 16, 23, 29, 30, 33; Сх. 26, 112, 114, 126; Гельм.: I, 51, 84; Арн.: III, 5, 7; VI, 13
 Скотты – Адам: IV, 10, 35
 Скуллеби – Гельм.: I, 67
 Скритефинны – Адам: IV, 24, 25, 32; Сх. 129, 137, 145, 159
 Скуты – Адам: IV, 14
 Славия – Гельм.: I, 5, 12, 15–19, 21, 22, 46, 49, 68, 69, 75, 79, 83, 88, 89, 91; II, 3, 4
 Славяне, славянские народы – Адам: I, 2, 3, 7, 14, 16, 27, 38, 52, 55, 56, 60; II, 1, 5, 6, 15, 16, 18–23, 26, 27, 29, 42, 43–46, 48, 49, 56, 60, 61, 70–72, 79; III, 6, 17, 19, 20, 22, 23, 26, 32, 43, 50, 51, 68, 70, 77; IV, 1, 5, 12, 13, 14, 16, 18, 20, 30, 32; Сх. 15, 17, 18, 24, 27–29, 46, 56, 80, 82, 131, 132; Гельм.: I, 1–25, 33–38, 40, 41, 46, 48, 49, 52–57, 59, 62–65, 67–70, 72, 73, 82–84, 86–88, 91, 92, 94; II, 2–6, 12–14; Арн.: Пр.; I, 1; II, 4, 10, 17, 21; III, 4, 21; V, 7, 16, 24; VI, 9, 10, 13, 14, 17
 Славяния – Гельм.: I, 1, 9, 11, 14
 Смилово поле – Гельм.: I, 34
 Сорбы (сербы) – Адам: I, 1, 38, 56; II, 22; Сх. 18; Гельм.: I, 1, 7, 8; II, 5; Арн.: I, 3.
 Соре, г. – Арн.: V, 18
 Спир, г. – Гельм.: I, 33
 Спрога, о. – Адам: Сх. 108
 Стадия, г. – Гельм.: I, 15, см. также Штаде, г.
 Старгард, см. Ольденбург
 Старый Любек (Любеца), г. – Гельм.: I, 34
 Стеллау, с. – Арн.: VI, 13
 Стикс, р., миф. – Адам: II, 21
 Стодоряне – Адам: II, 21; Гельм.: I, 2, 37, 88
 Столпе, г. – Гельм.: II, 4
 Страны Востока – Гельм.: I, 59
 Страсбург, г. – Арн.: V, 25; VII, 8, 17, 18
 Стуббендорф, с. – Арн.: II, 5
 Стурия, р. – Адам: II, 17
 Суассон, г. – Арн.: VI, 20
 Сузы – Адам: I, 38
 Сульмон, г. – Арн.: V, 19
 Сумрачный океан – Адам: IV, 10; Сх. 149
 Сур, см. Тир
 Сусле – Гельм.: I, 57, 64, 83
 Сусы – Гельм.: I, 7
 Тавромений, г. – Арн.: V, 19
 Таррагона, г. – Адам: Сх. 99
 Твисте – Адам: I, 12
 Твистермоор – Адам: I, 12
 Теате, г. – Арн.: V, 19
 Тевтонская земля – Гельм.: I, 29, 40, 59; II, 2, 11
 Тевтонцы – Адам: I, 10; Гельм.: I, 13, 25, 86, 87; II, 14
 Тердона – Гельм.: I, 79
 Текленбург, графство – Арн.: II, 13, 21; VI, 11
 Телгас, г. – Адам: IV, 29
 Тибр, р. – Гельм.: I, 39
 Тивериада, г. – Арн.: IV, 3, 4; VII, 8
 Тиевель, лес – Гельм.: I, 51
 Тир (Сур), г. – Арн.: I, 8; IV, 4, 5, 14, 15; V, 7, 27, 28, 29
 Тодесло – Гельм.: I, 76
 Торон, замок – Арн.: V, 28, 29
 Торсульт (Тортун, Тарс), г. – Арн.: I, 9
 Тоскана – Арн.: IV, 15
 Травемюнде (Травенемунде) – Гельм.: I, 71; Арн.: III, 20; VI, 13, 14
 Травена (Травна, Траве), р. – Адам: Сх. 12; Гельм.: I, 2, 14, 36, 38, 53, 56, 57, 63, 83; Арн.: II, 21; III, 20; V, 2
 Травенский лес – Адам: II, 18
 Траектум, г. – Гельм.: I, 41, 57
 Трансальбианы (трансальбинги) – Адам: I, 11, 14–17; II, 21, 28; 60; III, 22; Сх. 81; Гельм.: I, 8, 48, 56

- Трибзее, с. – *Арн.*: III, 4; VI, 10
Трибур, г. – *Адам*: I, 49; III, 47
Триент, г. – *Арн.*: VII, 18
Триполи, графство – *Арн.*: IV, 2, 3, 4
Трир (Тревер), г. – *Адам*: I, 16, 38; III, 30, 35;
Гельм.: I, 7; *Арн.*: III, 11, 17; VI, 1; VII, 17, 18
Троглодиты – *Адам*: IV, 20
Тронхейм, г. – *Адам*: II, 61; III, 17; IV, 33–35
Труа, г. – *Арн.*: VI, 20
Туд, о. – *Адам*: IV, 16
Туле, о. – *Адам*: IV, 36, 39; *Сх.* 152, 154; *Арн.*: V, 24
Тур, г. – *Адам*: I, 28; *Гельм.*: I, 7
Турин, г. – *Адам*: *Сх.* 74
Турки – *Адам*: IV, 14; *Сх.* 122; *Арн.*: I, 9, 10; IV, 11
Тускуланум – *Гельм.*: II, 10
Турхольц, мон. – *Адам*: I, 16, 17, 20, 22; *Сх.* 5
Турция – *Арн.*: I, 10
Тускул, г. – *Арн.*: V, 4
Тюринги – *Адам*: I, 4, 5, 8, 10; *Сх.* 18; *Гельм.*: I, 3
Тюрингия – *Адам*: I, 1–3; *Гельм.*: I, 56; II, 7, 11;
Арн.: I, 13; II, 16; III, 16; IV, 15; V, 14, 25; VI, 2, 5, 8; VII, 13
Угрия – *Гельм.*: I, 60. См. также Венгрия
Угры – *Гельм.*: I, 1, 8, 22. См. также венгры
Узнам – *Гельм.*: II, 4
Унстрот, р. – *Гельм.*: I, 27
Унштрут, р. – *Адам*: I, 5
Упсала, г. – *Адам*: I, 60; II, 58; IV, 26–30
Утин (Эутин), г. – *Гельм.*: I, 63, 83; *Арн.*: III, 6
Утинский округ – *Гельм.*: I, 57
Утрехт, г. – *Адам*: I, 38; III, 35, 61; *Арн.*: VII, 9
Фальдера, порт – *Гельм.*: I, 48, 55
Фальдера (Новый монастырь, Виппен-торп) – *Гельм.*: I, 55, 58, 66, 69, 71, 73, 74, 75, 78, 79, 82, 83, 93
Фальдерская область – *Гельм.*: I, 47, 49, 56
Фальдерская церковь – *Гельм.*: I, 69, 78, 93
Фальстер, о. – *Адам*: IV, 16
Фано, г. – *Арн.*: V, 19
Фар – *Адам*: *Сх.* 99
Фаристина – *Адам*: I, 12
Фаррия (Гельголанд), о. – *Адам*: III, 75, 77; IV, 3; *Сх.* 117
Федеритгау, округ – *Адам*: *Сх.* 119
Фембре, о. – *Адам*: IV, 18
Фене – *Адам*: I, 12
Феония – *Гельм.*: I, 84
Феуле – *Гельм.*: I, 43
Фиванский легион – *Адам*: *Сх.* 74
Фивельго, округ – *Адам*: III, 46; *Сх.* 119
Филистимляне – *Арн.*: VI, 14
Финнеды – *Адам*: IV, 24
Фламинги – *Гельм.*: II, 2
Фландрийцы – *Гельм.*: I, 88
Фландрия – *Адам*: II, 74; III, 6; *Сх.* 5, 99; *Гельм.*: I, 57, 87; *Арн.*: VI, 19, 20
Фоб (Ла Фев), замок – *Арн.*: IV, 3
Фольквег, общ. дорога – *Адам*: I, 12
Фонт Орторум – *Арн.*: V, 27
Франки – *Адам*: I, Пр., 1, 4, 5, 8–11, 14, 15, 21, 22, 27, 28, 37–40, 42, 47, 52; II, 42, 54; IV, 12; *Сх.* 62; *Гельм.*: I, 3, 4, 7, 13, 28, 90; *Арн.*: VI, 2
Франкония – *Адам*: I, 10; *Арн.*: V, 26; VI, 2; VII, 14
Франксворд (Франкфурт) – *Гельм.*: I, 59
Франкфурт, г. – *Адам*: I, 40; *Арн.*: VII, 14
Франкское королевство – *Гельм.*: I, 3
Франция – *Адам*: I, 14, 15, 38, 55; II, 24; III, 32; *Сх.* 143; *Гельм.*: I, 3, 7, 8, 30, 45, 46, 58, 60, 73, 90; II, 9; *Арн.*: I, 14; III, 8; IV, 16; VII, 15
Фрейзинг, г. – *Арн.*: VII, 17
Фриборг, замок – *Гельм.*: I, 79; II, 8, 9
Фризия – *Адам*: I, 1, 10–13, 15, 28, 38, 39; II, 13, 31, 52, 82; III, 8, 33, 42, 43, 46, 49; IV, 1, 3, 40; *Сх.* 3; 118; *Гельм.*: I, 7, 57; II, 1, 6, 8, 9; *Арн.*: II, 7; V, 30
Фризы – *Адам*: I, 2, 5, 10, 12–14, 21, 29, 39; II, 28; III, 42; IV, 3, 10, 41; *Сх.* 117; *Гельм.*: I, 3, 5, 57, 64, 70, 82; II, 4
Фульда, г. – *Арн.*: II, 20; III, 9; V, 3; VII, 17
Фюн, о. – *Адам*: II, 4, 36, 55, 77; IV, 1, 3–5, 7, 9, 16; *Сх.* 106, 108, 115
Хадденберг, замок – *Арн.*: VI, 12, 13, 15
Хадельн, округ – *Адам*: I, 1, 4; II, 31, 32, 75; III, 45; IV, 3
Хайлигенштедтен, г. – *Адам*: I, 18; III, 33
Халагланд, о. – *Адам*: IV, 38; *Сх.* 159
Хальберштадт, г. – *Адам*: I, 50; II, 68; III, 2, 35; *Гельм.*: I, 27, 40, 82; *Арн.*: II, 3, 9, 12, 14, 15;

- VI, 20; VII, 13, 16, 17
 Хальденслебен, г. – *Арн.*: II, 10, 11
 Хамберген, с. – *Адам*: III, 45
 Хамельн, г. – *Арн.*: II, 10
 Ханаан – *Адам*: II, 44; *Арн.*: I, 11, IV, 3
 Харзела, лес – *Адам*: I, 12
 Харлинггерланд, округ – *Адам*: Сх. 3, 118
 Харлингсберг, г. – *Арн.*: VI, 5; VII, 6
 Хедебю (Гейдебо), г. – *Адам*: I, 57; II, 3, 35, 79; IV, 1; Сх. 51; *Гельм.*: I, 8, 9, 12, 24, см. также Шлезвиг
 Хееслинген, г. – *Адам*: II, 13
 Хеймбург, г. – *Арн.*: II, 17
 Хеллермунд, с. – *Арн.*: II, 13; V, 7
 Хельсингборг, г. – *Адам*: II, 40; IV, 7
 Хельсингланд – *Адам*: IV, 24, 25; Сх. 137
 Херренбург, с. – *Арн.*: II, 15, 22; V, 9
 Херсфельд, г. – *Арн.*: II, 20; VII, 17
 Хессевег, общ. дорога – *Адам*: I, 12
 Хижане – *Адам*: II, 21; III, 20, 22; Сх. 16; *Гельм.*: I, 2, 6, 12, 18, 20, 21, 36, 48, 71, 87, 92
 Хилебургероде – *Арн.*: III, 6
 Хильдесхайм, г. – *Адам*: II, 1, 79; *Гельм.*: I, 18, 43, 46; II, 7; *Арн.*: III, 3; V, 19; 23; VII, 2, 16, 17
 Хильзенбург, г. – *Арн.*: II, 9
 Хирос, о. – *Арн.*: V, 19
 Хитцакер, с. – *Арн.*: III, 4
 Хобар, р. – *Арн.*: VII, 8
 Холм (Борнхольм), о. – *Адам*: IV, 8, 16; Сх. 117
 Хопельберг – *Арн.*: II, 6
 Хорбистенон – *Адам*: II, 18
 Хорнбург, г. – *Арн.*: II, 14, 15
 Хорнебург, г. – *Арн.*: VII, 11
 Хорст, с. – *Арн.*: V, 11
 Хоры, о. – *Адам*: IV, 16
 Хугмерки, округ – *Адам*: Сх. 119
 Хунигард – *Адам*: Сх. 120; *Гельм.*: I, 1
 Хунесго, округ – *Адам*: Сх. 119
 Хунте, р. – *Адам*: I, 12
 Хуэ – *Гельм.*: I, 1
 Хюттенроде, с. – *Адам*: II, 68
 Цвентина, р. – *Адам*: II, 18; Сх. 13
 Цвентифельд – *Адам*: II, 18
 Цевен, г. – *Арн.*: III, 3, 14; V, 11
 Цейц, г. – *Адам*: II, 16; *Арн.*: VII, 16
 Церинге(н), герцогство – *Гельм.*: I, 62, 68; *Арн.*: VII, 17, 18
 Циклопы – *Адам*: IV, 25
 Цистерциум – *Гельм.*: I, 90; II, 9
 Цицен – *Гельм.*: I, 11
 Черезпеняне – *Адам*: III, 21; III, 20, 22; Сх. 16; *Гельм.*: I, 2, 6, 20, 21, 36, 71, 92; II, 13; *Арн.*: III, 4
 Чехия, чехи – *Адам*: I, 2, 38, 52, 56; II, 21, 22, 56; IV, 18; Сх. 14, 17, 21, 71; *Арн.*: V, 4, 6; VI, 2, 5, 8; VII, 16, 17
 Чешский лес – *Арн.*: VI, 8
 Шальксбург, г. – *Адам*: II, 48
 Шальтенбах, болото – *Адам*: I, 12
 Шампань – *Арн.*: V, 26
 Шармбек, с. – *Адам*: II, 82
 Шауэнбург, г. – *Арн.*: II, 13, 16; III, 22; V, 1, 2, 7, 25; VI, 14, 17; *Гельм.*: I, 36
 Швабия, швабы – *Арн.*: II, 21; IV, 12; V, 7, 26; VI, 2; VII, 3, 14, 17
 Шваленбург, г. – *Арн.*: II, 13
 Швартау – *Арн.*: V, 9
 Шведы – *Адам*: I, 7, 16, 26, 27, 33, 52, 60, 61; II, 19, 30, 31, 39, 59, 61; III, 15, 16; IV, 12, 14, 16, 20–22, 25–27, 31, 34, 44; Сх. 24, 84, 123, 128, 130; *Гельм.*: I, 4
 Шверин, г. – *Арн.*: Пр.; I, 1, 13; II, 13; III, 1, 4; V, 2, 7, 16, 24; VI, 14; VII, 11, см. также Зверин
 Швеция – *Адам*: I, 15, 17, 21, 23, 26, 40, 48, 60, 61; II, 4, 25, 26, 35, 36, 38, 41, 46, 49, 52, 57, 58, 61, 62, 64, 73, 78; III, 11, 12, 15, 16, 25, 53, 54, 70, 72, 73, 77; IV, 1, 7, 9, 15, 20, 23–25, 30–32, 34, 38; Сх. 26, 135, 140; *Гельм.*: I, 5, 8, 22, 69, 85; *Арн.*: II, 10; V, 17; VII, 9
 Шельда, р. – *Адам*: I, 39
 Шлезвиг, г. – *Адам*: I, 25, 41, 57; II, 3, 4, 22, 35, 46, 56, 72, 79; III, 13, 18, 76, 77; IV, 1–3; Сх. 81; *Гельм.*: I, 5, 8, 9, 12, 24, 49–51, 67, 84; *Арн.*: III, 22; V, 1, 8, 17, 21; VII, 10
 Шлия, оз. – *Адам*: IV, 1, 13; *Гельм.*: I, 12, 49
 Шипсеграбен – *Адам*: I, 12
 Шнейдбах, р. – *Адам*: I, 12
 Шонфельд, г. – *Адам*: II, 17
 Шотландия – *Адам*: II, 34; III, 52, 77; IV, 35; Сх. 80; *Гельм.*: I, 22

- Шпейер, г. – Адам: I, 12; III, 30; Арн.: II, 10; VII, 14, 18
- Штаде, замок, г. – Адам: II, 31, 32; III, 9, 33; Гельм.: I, 79, 82, 93; II, 6–9; Арн.: II, 20–22; III, 13, 14; V, 1, 2, 7, 9–12, 16, 22; VI, 6; 14; VII, 11
- Штаденское графство – Гельм.: II, 11
- Штейнбах, р. – Адам: I, 12
- Штипель, с. – Адам: II, 80
- Штирия – Арн.: I, 2
- Штурмария – Гельм.: I, 38
- Штурмарское графство – Гельм.: II, 7
- Штурмары – Адам: II, 17; III, 26; 51; Сх. 11; Гельм.: I, 6, 19, 24–26, 34, 35, 47, 48, 56, 57, 67; II, 4; Арн.: III, 21; V, 1, 2; VI, 15
- Штурмигау, округ – Адам: I, 12
- Эверштейн, замок – Гельм.: I, 42
- Эгер, г. – Арн.: III, 6
- Эгдора, р. – Гельм.: I, 3, 12, 49, 51, 67; II, 6, 14. См. также Эйдер
- Эдеса, р. – Гельм.: I, 81
- Эзего, замок – Гельм.: I, 19
- Эйдер (Эгдора), р. – Адам: I, 14, 37; II, 17, 56; III, 21, 33; IV, 1; Сх. 44, 117; Арн.: III, 2; 16; V, 17; VI, 11, 12
- Эйза, р. – Арн.: IV, 8
- Эйхштетт, г. – Арн.: VII, 18
- Электриды, острова – Адам: IV, 35
- Эльба (Альбия), р. – Адам: I, 1–3, 11, 12, 14, 15, 18, 21, 55; II, 15–18, 21, 22, 31, 42, 44, 66, 71, 79; III, 9, 19, 26, 27, 46, 50; IV, 2, 3; Сх. 11, 18, 46, 131; Гельм.: I, 2, 3, 5, 6, 11, 15, 16, 18, 24, 25, 36, 47, 53, 82, 88; II, 1, 3, 4, 6, 14
- Эльванген, абб. – Арн.: VII, 17
- Эмс, р. – Адам: I, 2
- Эмсау, округ – Адам: I, 12; III, 46; Сх. 3, 118, 119
- Эндириад, болото – Адам: I, 12
- Энтеригау, округ – Адам: I, 12
- Эртенбург, г. – Гельм.: I, 48, 83, 86; II, 7, 9
- Эрфурт, г. – Арн.: II, 22; V, 14; VI, 5
- Эсбек, с. – Адам: III, 9, 10
- Эстланд – Адам: IV, 17
- Эсты – Адам: IV, 12
- Этамп, г. – Арн.: VII, 15
- Этна, гора – Арн.: V, 19
- Этеринброх, болото – Адам: Сх. 48
- Этцильбург, г. – Арн.: IV, 8
- Эхтернах, абб. – Арн.: VII, 18
- Юлия Августа, см. Волигост
- Юмна (Юмнета), г. – Адам: II, 22, 27; IV, 20; Сх. 56, 121; Гельм.: I, 2
- Ютландия – Адам: II, 3, 46, 49; IV, 1, 2, 4, 5; Гельм.: I, 70, 84; Арн.: VI, 13
- Юты – Адам: IV, 13
- Яффа, г. – Арн.: V, 26

Научное издание

Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский

СЛАВЯНСКИЕ ХРОНИКИ

Утверждено к печати:
президент НП ИД «Русская панорама»
Ю. В. Яшнев

ISBN 978-5-93165-201-6

Отв. редактор
И. А. Настенко

Корректор *О. Е. Пугачева*
Макет, верстка ооо «СПСЛ»

Подписано к печати 16.12.2010.
Формат 70 x 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура Миньон-S. 36,5 п./л.
Тираж 2000 экз. Зак. Р-774.

НП ИД «Русская панорама», ООО «СПСЛ»:
109028, г. Москва, Серебряническая наб., 27, оф. 103.
Тел.: (495) 917 5983; (495) 917 7094.
E-mail: in@rus-pan.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru